

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

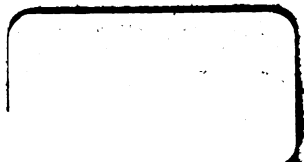
О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 07920045 1

INDEXED

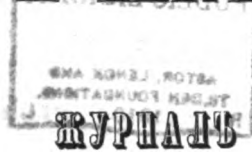

ВРЕМЯ

1124

ВРЕМЯ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІИ М. ДОСТОВСКАГО

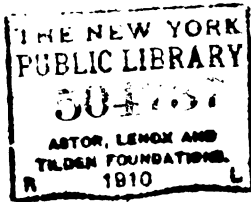
ТОМЪ VI

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВАУАРДА ПРАЦА

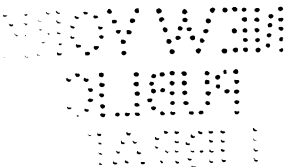
1861

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
законенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 7 ноября 1861 года

Ценсоръ *Ф. Веселов*

ГОРОДЪ И ДЕРЕВНЯ

ПОВѢСТЬ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

ПЕРЕСЕЛЕНЕЦЪ

Въ большой казенной деревнѣ Стобрюховѣ жили два брата холостяка — Прохоръ да Борисъ, по прозванью Костоломовы, а съ ними сестра Василиса. Все бы хорошо у братановъ Костоломовыхъ: домъ ихъ былъ изъ зажиточныхъ въ деревнѣ, запашки и сѣнокоса вдоволь, хлѣба родились знатно, скота развелось много — каждый годъ по жеребенку-выбережку продавали, рублей по семидесяти, по восьмидесяти брали, — и деньжонкамъ водъ былъ; подати и всѣ повинности правили какъ слѣдуетъ; домашній обиходъ Василиса хоронила на отчетѣ, потому что выросла хоть безъ материнскаго призору, а на всякое дѣло мастерица, коньдѣвка... Одно только несподручно подоспѣло: домъ попалъ на рекрутскую очередь; которому-нибудь изъ братановъ надо было въ солдатки ити. Мысль объ этомъ не давала нашимъ мужикамъ покою ни днемъ, ни ночью, грызла сердце какъ ржа желѣзо, тревожила ихъ сонъ, отравляла обѣдъ и ужинъ; всякая работа изъ рукъ валилась, свѣтъ божій немилъ казался. Братаны были погодки: Прохору двадцать пять, Борису двадцать четыре; сестра только-что невѣститься стала: на вешняго Николау шестнадцать стукнуло.

Часто шептались между собою братаны, что вотъ-молъ на-гранеть рекрутчина, и придется которому-нибудь подставлять

лобъ подъ бритву... которому-жь? — вотъ вопросъ: оба гожи, оба изъ себя молодцы — кровь съ молокомъ, оба холосты, оба къ дому привыкли и нрава были тихаго, неззорнаго, — головы золотыя, руки серебряныя, ни того ни другого никто въ деревнѣ ничѣмъ не похаетъ, — не обидѣлъ Господь одного супротивъ другого! Правда, у меньшака-то была зазноба, — она еще крѣпче привязывала его къ Стобрюхову, тѣмъ болѣе что послѣ госпожинокъ думалъ онъ и обабиться на сосѣдкѣ, которая осталась сироткой послѣ богатаго торговаго мужичка, но только сироткой съ капиталомъ; Борисъ ловко увивался около Надѣжи, и дѣло на ладъ пошло: сироткѣ полюбился молодой парень, каріе глазки ея ласково останавливались на меньшакѣ-Костоломовѣ, хотя ни о чемъ такомъ и рѣчи промежь нихъ не было. Но пока все это дѣло было буки, на водѣ писано, и не давало Борису никакого преимущества передъ большакомъ.

Стали братаны жеребій бросать. Бросили разъ, другой, третій: выходитъ жеребій на Бориса. Закручинился Борисъ, повѣсивъ голову; рекрутчина стала привидѣніемъ ходить за нимъ по пятамъ, всякое помышленіе безслѣдно пролетало надъ этой мыслью, — идти въ солдаты, гвоздемъ застѣвшей въ голову. Вся деревня замѣтила изъ несть переѣзду; котъ и Прохоръ сокрушались о братѣ, да его кручины не замѣчали: онъ и всегда держался сурово, балясничать не любилъ, каждымъ словомъ своимъ дорожилъ какъ рублемъ серебрянымъ; а Борисъ вѣлъ «колоколѣмъ» назывался, слылъ за перваго сказочника и балясника въ Стобрюховѣ; тутъ же вдругъ осорѣлъ, языкъ прикусилъ, сентябрь смотрять, словно переродился. И немудрено: одолѣла его крѣпкая дума: какъ бы освободиться отъ рекрутчины? Думалъ-думалъ нашъ варень, ломалъ-ломалъ голову, что бы ему такое сдѣлать, наконецъ рѣшился обратиться за совѣтомъ къ сельскому писарю. Да не удивится читатель, что нашъ смѣтливый мужикъ избралъ для совѣта такое повидимому незнающее лицо, помимо старинныя и другихъ почетныхъ лицъ міра сего: Борисъ хорошо зналъ что такое писарь вообще, а Иванъ Гаврилычъ, писарь Стобрюховской сельской расправы, въ особенности.

Иванъ Гаврилычъ обучался въ сельскомъ училищѣ, вѣдомства государственныхъ имуществъ, откуда вынесъ достаточныя познанія по части грамоты, скорописи и калѣбры. Тогда онъ былъ просто-напросто Ванька или Иванъ-болванъ, деревенскій

жбанъ». Но «деревенскому жбану» посчастливилось попасть на голову за переписку циркуляровъ въ бржжнское окруженіе правленіе, по благослышавъ окружнаго начальника, крѣпко долоблававшего его сестру, про которую были и пѣсня сложена, когда мужа ее окружный безъ очереди въ рекруты поставилъ :

— Охъ ты солдатка молодая!
 Про-тя славушка дурная!
 Для чего ты, солдатка молодая,
 На улицу часто ходишь,
 На окружнаго дичко наводишь?..

Достигнувъ восемнадцатилѣтняго возраста и обратившись, по важности занимаемаго поста, въ Ивана Гаврилыча, послѣ годичнаго переписыванія вышеупомянутыхъ велемудрыхъ циркуляровъ, «деревенскій жбанъ» перенесся въ сельскіе писаря и поднялъ носъ. И было отчего: неграмотный старшина къ нему съ почтеніемъ, за совѣтомъ то и дѣло; мужички съ поклонами, съ жалобами, за судомъ и разбирательствомъ, «милоствивцемъ» зовуть, виномъ поятъ, по батюшкѣ величаютъ, священникъ въ церкви просвиру ему высылаеть.

Смекнулъ Иванъ Гаврилычъ, чѣмъ тутъ пахнетъ, смекнулъ, что важная онъ птица въ колесницѣ; скоро печать отъ старшины перешла въ его руки, а за печатью слѣдомъ и вся стобрюховская сельская расправа. Смекнулъ онъ потомъ, что и смѣнить его трудненько: грамотныхъ-то «первой, другой — обчелся», а посему и зажилъ на широкую руку.

Слѣдственно Борисъ зналъ къ кому за совѣтомъ идти.

— Я къ тебѣ, Иванъ Гаврилычъ! заговорилъ онъ, низко кланяясь и останавливаясь у дверей расправы.

— Чтѣ-моль тебѣ до меня? аль бѣда какая стряслась? Держись у меня, крѣпко держись! отвѣчаетъ писарь, неподнимая глазъ на просителя.

— Нѣтъ, не то, милостивецъ... Какая бѣда, оборони-господин!.. Оно пожалуй—что и бѣда, да не того разбору.

— То-то не бѣда, да бѣда!.. Держись у меня, держись, голова!

— Это знамое дѣло, Иванъ Гаврилычъ, что ужь держаться надо, знамое... Я за совѣтомъ къ тебѣ, совѣтъ нужень. Дѣло такое выходитъ совсѣмъ несподручное, почитай съ полгода нѣтъ

ума нейдетъ, а самъ выдумать ни рожна не могъ; вотъ къ тебѣ и дрвшоль... Совѣтъ твой умный нуженъ. Вы люди ученые, ну тоже и къ законамъ и къ дѣлу всякому привычные, такъ ужъ я къ тебѣ, Иванъ Гаврилычъ.

— Да кой прахъ у тебя!.. То-то совѣтъ, много васъ есть, дураковъ сиволапыхъ: всякому не насовѣтуешься.

— Коли ваша милость не побрезгуешь, за совѣтъ и благодарность съ моей стороны будетъ: на томъ не постоимъ, начальство умѣемъ уважать, не учиться нашему брату! Вотъ это для почи... (онъ досталъ изъ-за полы штофъ) а тамъ сколько душенька приметъ, на здоровье!

— Что дѣло, то дѣло! люблю молодца за обычай! отвѣчалъ писарь, принимая штофъ. Онъ всталъ съ лавки, досталъ съ полки зеленый стаканъ, и наливая вина, продолжалъ: — ну кой тамъ прахъ у тебя?

— Во какое дѣло, Иванъ Гаврилычъ, заговорилъ Борисъ, подходя поближе къ писарю и понижая голосъ: — двое брата-новъ насъ въ домъ, оба холостяки, да на грѣхъ и попали въ очередь; вотъ дѣло какое! Больно намъ неохота въ рекруты-то идти, ни мнѣ, ни брату, обоимъ неохота; нанять за себя — денегъ мало... А какъ ослобониться? про то Богъ да разѣ твоя милость вѣдаетъ!

— Ослободиться... Трудненько, голова, трудненько. Нешто изувѣчиться? такъ вѣдь опасно, — это дѣло плетью пахнетъ... Трудненько, голова.

Писарь задумался.

— Экой грѣхъ какой! такъ значить идти ужъ которому-нибудь, и надежи нѣтъ?

— Плохая надежда...

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Борисъ увыло опустилъ голову, а писарь потягивалъ изъ стакана и наконецъ, скинувъ плутоватыми, нѣсколько посоловѣвшими глазами на Бориса, сказалъ, отчеканивая каждое слово, словно за каждое ему по рублю серебромъ платили:

— Слушай же голова, вотъ тебѣ сказъ: коли ты ведроставишь, дамъ я тебѣ совѣтъ; а коли еще на ведро леньжатамъ отсыплешь, такъ и помогу, потому безъ моей подсобки ты тутъ ничево не подѣлаешь, будь ты хоть семи пядень во лбу, и всѣ твои затѣи прахомъ пройдутъ... Слышишь?

— Ужь гдѣ безъ твоей милости! отвѣчалъ Борисъ, но однако робкимъ, нерѣшительнымъ голосомъ замѣтилъ: — не много ли только, батюшка Иванъ Гаврилычъ, будетъ? Хотя въ душѣ онъ радъ былъ и вдвое дать, да по привычкѣ подумалъ: почему же не поторговаться? спрось не бѣда, а можетъ и спустить; сомнительно оно, но опять-таки — на грѣхъ мастера нѣтъ!

— Говорю тебѣ — ведро, да на ведро деньги... не хошь, такъ какъ хошь: вотъ тебѣ Богъ, а вотъ порогъ!

— Эхъ, батюшка Иванъ Гаврилычъ! небогатые мы люди; кабы въ моготу, рады хотъ бы на два выложить... на полведерка не спустишь?

— Ни-ни... слово сказалъ, не отступлюсь; слово — законъ. Всѣ законы я знаю, и все по-своему сдѣлать могу... Я у окружнаго правая рука. А ты что? — мужикъ-деревня, голова тетеря, и больше ничего... продолжалъ писарь, замѣтно хмѣля.

— Ну ужъ быть по-твоему! сказалъ Борисъ, вздыхая и отвѣшивая поклонъ: — не прогибайся на мою простоту; спроста вѣдь я такъ молвилъ... Быть по-твоему!

— Такъ слушай же: который нинаестъ изъ васъ, это какъ ужъ вы промежь себя положитесь — перепешись въ мѣщана; слышь, — въ Брякинъ, въ мѣщана; вотъ-те и штука!..

— Въ мѣщана? протяжно выговорилъ Борисъ, вытаращивъ глаза: — да вѣдь не выпустятъ, обчество не выпуститъ, голубчикъ Иванъ Гаврилычъ!

— Молчи ужъ, да слушай... Знаю что говорю. Пустятъ! Поклонись мироѣдамъ, чтобъ горло шире драли, да ведра два на сходку выставь... Пустятъ! А тамъ ужъ мое дѣло — и не такіа обдѣлывали... Вотъ-те и штука вся!

Задумчиво возвратился домой Борисъ. Мысль писаря приходилась ему несовсѣмъ по душѣ: вопервыхъ, расхоловъ на деньги и на поклоны много; вовторыхъ, выписываться въ мѣщане, переѣзжать въ городъ, разставаться съ деревней — не хотѣлось бы, а жить въ Стобрюховѣ, увернувшись отъ рекрутчины и лишавшись надѣла, — не стать, да и житья отъ своихъ не будетъ.

Потоковали, полумали братаны, опять жребій бросили, — опять жребій на Бориса палъ. Какъ ни думали, лучшаго ничего въ голову не приходило; надо было рѣшиться, тѣмъ болѣе, что забора давненько не было. Борисъ такъ и ждетъ: нѣтъ-нѣтъ,

да вдругъ... ахъ, страхъ какой! Скорѣй къ міроѣдамъ! Спасайте, братцы, спасайте! хоть пять ведеръ, такъ выставлю вафъ; пейте, сколько душенька приметъ!..

Міроѣдовъ въ Стобрѣховѣ было-таки пять-шесть горлановь на всю ивановскую, особенно когда носы ихъ чуяли душокъ зелена-вина.

Извѣстно что такое *міроѣды*, откуда они на бѣломъ свѣтѣ происходятъ и какую силу на сельскихъ сходкахъ имѣютъ, — извѣстно всякому, кто жила въ казенныхъ деревняхъ, толковалъ съ мужиками и сколько-нибудь знакомъ съ ихъ общественнымъ бытомъ.

Сперва Борисъ поклонился дядѣ Сидору, а дядя Сидоръ бурчитъ густымъ басомъ: «ладно! чѣмъ богать, тѣмъ и радъ! да вотъ подь-ка ты, голова, къ дядѣ Пахому!» Поклонился Борисъ и дядѣ Пахому; а дядя Пахомъ, подмигивая правымъ глазомъ, заливымъ теноромъ отвѣчаетъ: «ухъ! вынесемъ! не робѣй, да вина не жалѣй! вывеземъ! да поклонись-ка ты дядѣ Флегонту!» Поклонился Борисъ и дядѣ Флегонту; а дядя Флегонтъ, ужъ на третьемъ взводѣ, шепчетъ, обхватывая нашего парня около шеи: «Матюшкѣ, Матюшкѣ молви, — онъ всякому дѣлу зачнѣ-голова!» Поклонился Борисъ и Матюшкѣ, и еще двумъ-тремъ тузамъ, и пошла работа. Міроѣдъ знаетъ ужъ кому шепнуть о лаковыхъ общаціяхъ, кто на даровое вино падохъ, кому и черезъ кого словечко замолвить. Дѣло подготавливается; вотъ наконецъ Борисъ чувствуетъ, что мечта его, хоть и несоветъ по желанному, принимаетъ нѣкоторую существенную форму, такъ-сказать оперяется, приходитъ въ нѣчто стройное, дѣйствительное, фактическое.

Правда, не дешево обошлось братьямъ это дѣло: они и счетъ потеряли, сколько поклоновъ отвѣсили, сколько денегъ, кровныхъ и потовыхъ денегъ, расовали туда да сюда, тутъ да индѣ. Но зато Борисъ чувствовалъ, что спасенъ отъ рекрутчины, и мало-помалу примиряясь съ новымъ своимъ положеніемъ, отбрасывая старыя мечты, прежніе планы, сталъ думать о томъ, какъ бы получше пристроиться: напрямки къ работѣ, къ яслямъ и пойлу пристать. И тутъ удача.

II

ПРОЩАНЬЕ СЪ ДЕРЕВНЕЙ

Близъ Стобрюхова протекаетъ судоходная рѣка, — одна изъ тѣхъ, около которыхъ группируется все торговое движеніе сѣверо-восточнаго края. На ближайшемъ пунктѣ ея, около одинокаго чернаго постоялаго двора, гдѣ между прочимъ производилась и вѣроятно до сихъ поръ производится продажа «нитей», пристають всѣ суда, малыя и большія, тянущіяся въ ту и другую сторону, а между ними и брякинскія крытыя лодки (о которыхъ мы скажемъ потомъ подробнѣе), для отдыха судорабочимъ и лошадямъ. Въ числѣ брякинскихъ лодочниковъ былъ у братьевъ знакомецъ — Червячковъ, мѣщанинъ, лодманъ знатный, какъ-говорится въ своемъ дѣлѣ собаку съѣлъ, москвою закусилъ. У Кестоломовыхъ были съ нимъ кое-какія дѣляшки по продовольственной части его экипажа, а потому, когда вешнія воды вскрылись, а дѣле о перепискѣ Бориса въ брякинскіе мѣщане пошло на ладъ, нашъ мужикъ при первомъ же свиданіи закинулъ словечко, что молъ такъ и такъ, не возьмешь ли ты, другъ сердешный, меня къ себѣ на лодку работникомъ? У Червячкова въ работникахъ былъ недочетъ, потомучто одинъ изъ нихъ шибко загулялъ, да больно ужъ и шустръ былъ: надо было гудѣну съ рукъ сбить, да замѣнить надежнѣе парнемъ.

— Ладно, другъ любезный, отчего тебя не взять. Вотъ-те сказъ: двоегривенный въ сутки, харчи хозяйскіе, — такое значить у насъ положеніе для всѣхъ и про всѣхъ...

— Такъ, хозяинъ, такъ. Вѣдь это ряда, коли лошади въ работѣ, а коли въ ляжку?..

— Все едино-единственно! ряда одна и тажъ. Коли по нраву, такъ и по рукамъ! Эдакъ около петровокъ мы придемъ сюда, а ты на ту пору снарядись...

Ударили по рукамъ. Участь Бориса рѣшилась: изъ крестьянина-землепашца сдѣлался онъ мѣщаниномъ-судорабочимъ. Было и еще кое-что у него въ виду: въ Брякинѣ имѣлся у братьевъ родственникъ, торговый человѣкъ Расторгуевъ, человѣкъ съ вѣсомъ и съ капиталомъ. Они рассчитывали на его покрови-

тельство, хотя давно не имѣли съ нимъ никакихъ сношеній: братьяны кланяться безъ нужды не хотѣли, а родственникъ-горожанинъ плохо помнилъ ихъ, деревенскую родню свою.

Несмотря на то, что дѣло удалось и обработалось такъ удачно, Костоломовы возбуждали сильную злобу противъ себя между жителями Стобрюхова, а особенно Борисъ: мужички и знать не хотѣли, что виноваты оба одинаково, что очередь падала одинаково на обоихъ и отъ нея увернулся и тотъ и другой, — они видѣли только, что Борисъ сдѣлался мѣщаниномъ, перевисался въ другое общество, и большая часть злобы обратилась противъ него. Взгрустнулось парню при видѣ общаго недоброжелательства всей родной деревни, которую ему приходилось покинуть можетъ-быть навсегда, въ которой онъ взросъ, приучался къ труду и терпѣнью, съ которой разставался неохотно, только по необходимости. Взгрустнулось тѣмъ болѣе, что онъ чувствовалъ нѣкоторую кривизну, мошенническую уловку въ своемъ переселеніи изъ стобрюховскаго общества въ Брякинъ: «вѣдь за меня — думалъ онъ — теперь должонъ значить другой идти, можетъ одинъ сынъ у отца, али женивъ мужъ. Неладно сдѣлано, больно не по совѣсти...» Да и царень онъ былъ усидчивый: гдѣ сжился, тамъ бы до смерти жилъ; перемѣнъ, новизны не любилъ, съ отцовскаго гнѣзда вѣкъ бы не сошолъ, за дѣдовскіе завѣты да уставы крѣпко держался. А тутъ—работа новая, незнакомая, для него хлѣбопашца несподручная; новые люди, новое мѣсто, новые обычаи... просто голова кругомъ идетъ! А Надежа-то, Надежа-то!.. Борисъ боялся и встрѣтиться съ ней, а встрѣчался, такъ и глазъ не поднималъ, чтобы сердце не разорвалось, чтобы еще горче на душѣ не сдѣлалось... Одинъ разъ дѣвки окружили его: «скажи, Борисъ, сказку! бывальщинуку разскажи!» а она и говорить: «полноте, дѣвахи, бросьте его! станетъ ли онъ намъ сказки говорить: вишь онъ мѣщанинъ, горожанинъ, ностъ-то вздернулъ — багромъ не достанешь. Ну его къ лекарю (т. е. къ лѣшму)!» При этомъ такая тоска подступила Борису подъ сердце, что онъ свѣта божьяго не взвидѣлъ и со всѣхъ ногъ побѣжалъ прочь. Дѣвки сопровождали его громкимъ смѣхомъ, а у Надежи сердце такъ и екнуло: ей было не до смѣху...

Между тѣмъ время шло своимъ чередомъ. Пришолъ вешній Никола, — пашня началась. Стобрюховскіе крестьяне приглад-

сила пова со крестомъ — освятить, окропить святой водой поля, чтобы господь уродилъ получше да побольше хлѣбушка, чтобы каждая капля трудового пота смѣшалась съ влагой святой воды и принесла обильный плодъ... Вся деревня двинулась за крестомъ отъ мала до велика, всякій вырядился побогаче, покраснѣе, пощеголеватѣе; всѣ лица сіяли праздничнымъ, торжественнымъ выраженіемъ. Лошадки были заложены въ косули, и помахиная хвостами, бодро выступали по дорогѣ, еще необсохшей послѣ апрѣльскихъ дождей. Весело горѣло въ небѣ вешнее солнышко, весело разговаривалъ попъ съ крестьянами, весело ржали сытыя лошадки, весело пѣли въ деревнѣ голосистые пѣтухи, весело чирикали и щебетали стада налетѣвшихъ изъ далека чижиговъ: «здравствуй, батюшка вешній Никола!» И Борисъ побрелъ встрѣчать вешняго Николу... День былъ полусвѣтлый, полуоблачный: съ одной стороны пригрѣвало солнце, небо было голубое, съ другой скучились пепельно-бѣлыя облака и пробрызгивали крупныя капли теплаго дождя, сіяя отъ солнечныхъ лучей, какъ золотыя нитки, прoderнутыя отъ неба до земли... Около поля кустарники ивы и ольхи опушились молодымъ листомъ, среди котораго порхали и голосили сотни крошечныхъ пташекъ; издали слышался нескладный, пронзительный говоръ журавлей... Машинально шолъ Борисъ за своей пѣгой кобылкой, которая спокойной и ровной поступью везла крѣпкую косулю. Какъ бы хотѣлось ему остаться обрабатывать свою полосу... вотъ она, много поглотившая его трудового пота! Пѣганка твердо знаетъ ее... Для чего еще онъ пріѣхалъ сюда? Что ему надо отъ этой земли? Для чего будетъ онъ взрѣзывать первый пластъ, когда плодъ ея не ему достанется?.. Однако Борисъ взрѣзалъ первый пластъ, старательно взрѣзалъ его...

— Ты что, мѣщанское рыло, лѣзешь? окликнулъ его ближній мужикъ:—чтобъ тебѣ пусто было! проваливалъ бы съ глазъ долой, не показывался бы люду православному, безстыжіе твои глаза!

— Не ругайся, дядя Трофимъ, отозвался Борисъ: — вишь крестъ-отъ, послѣ маругаешься, коли горло широко!

— То-то крестъ! есть ли онъ у тебя на вороту-то, мошеникъ, шишъ московскій, шельма мерѣзаная!

Но Борисъ погналъ пѣганку, и брань Трофима потерялась въ воздухъ, какъ теряется въ немъ и раскатистая трель жаворонка;

только на сердцѣ нашего мѣщанина еще тяжелѣе стало: дядя Трофимъ прииодился дальшимъ родственникомъ Надеждѣ и все дразнилъ ее Борисомъ, называя «заморученой».

Но едва перѣхалъ Костомоновъ на другой конецъ загонъ, сѣдой-сѣдой канъ лунъ старикъ, прикрывая глаза ладонью и прищуриваясь, окликалъ его:

— Борисна, — ты? Когда отъ насъ на навоселье-то переберешься? У нашихъ ужъ глаза на тебя не смотреть, тошно имъ видѣть-то тебя, тошно... Перебирался бы чтоли, а тутъ еще въ каней день тоже на пашню выѣхалъ. Ой голова, голова!

— Богъ на помощь, дѣдушка Ипатычъ!.. Скоро, скоро переберусь, не поминайте лихою!

— А добромъ-толь незачто! Ой Борисна, Бориска! не будетъ тебѣ добра, помани ты мое слово: отъ очереди ушолъ, такъ не въ очередь уйдешь! Уйдешь, голова, помани ты мое стариковское слово!

Съ этимъ стариковскимъ словомъ онъ хлеснулъ свѣжей черемуховой вѣткой по своей лошади и медленно, крадя, побрѣлъ за косулей.

Борисъ тяжело вздохнулъ и крѣпко задумался...

Тяжело достался ему этотъ день, жутко отозвался онъ на сердцѣ: больше Борисъ не выходилъ въ поле, а всячески старался увернуться отъ всевозможныхъ столкновѣній, ожидая съ боязливымъ нетерпѣніемъ петровокъ и прѣзда Червячкова. Почтенный лодочникъ сдержалъ свое слово: за нѣсколько дней до петровокъ лодка его пристала близъ Стобрюхова, у одинокаго чернаго постоялаго двора, а самъ онъ явился въ избу нашихъ братьевъ.

— Здорово, Иванъ Васильчъ, милости просимъ, мы ужъ ждемъ-ждемся твоей милости! сказалъ Прохоръ, встрѣчая желаннаго гостя.

— Замѣкался, Прохорушко, въ гореду (т. е. въ губернской городѣ)... а что парень-то, готовъ чтоли? Завтра надо въ походъ...

— Какже не готовъ!.. Эй, Борисъ, Борисъ! за тобой, слышь, пришолъ Иванъ Васильчъ! Василуса! сгаркай его, подь: отъ тамъ у лошадей!..

Здоровая и свѣжая какъ молодая берега, Василуса вышатаивъ избу и воротилась въ сопровожденіи Бориса, который задумчиво понурить голову.

— Здравствуй, Иванъ Васильичъ!

— Здравствуй, дружище. Собраться надо, время свѣсное, мѣшкать некогда!

— Я готовъ хоть сейчасъ, у нашего брата сборы невелики: обложусь, мѣшонъ за плечо, да и здорово живешь!

— А поужинать, Иванъ Васильичъ? коли не побрезгуешь, найдемъ кое-что; готовленье не большое: щи да каша, да третья простокваша, и вина отыщемъ; кабы знать, приготовили бы побольше!

— Чего еще надо! давай-ка, молодая хозяйшка... Вить она какая красавица у васъ — козь-дѣвка! Есть кому похозяйничать!

Послѣ плотнаго ужина, Иванъ Васильичъ медлить не хотѣлъ и собрался въ путь, торопя Бориса. Василиса усердно хлопотала, собирая брата; Прохоръ помогалъ ей. Прощанье было весьма не трогательное, даже пошлывому холоднее; но по уходѣ Бориса, и Прохоръ и Василиса почувствовали какую-то пустоту въ избѣ и глуую, безмолвную скорбь въ сердцахъ; молча посидѣли они на лавкѣ, молча Прохоръ скинулъ свой свѣрый запунъ и легъ на вѣдѣть, молча и Василиса прибрала все въ избѣ, потомъ усердно похозяйлась и тоже легла спать: видно было, что оба кручинились, да подѣлиться кручиной неумѣли, а можетъ и нехотѣли.

Между тѣмъ Борисъ и Червяковъ прошли неторопливымъ шагомъ по длинной стобрюховской улицѣ; ледочинить сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ своему работнику, но получая только односложные отвѣты, приваляясь и оба они, неговоря ни слова, прибавляя шагъ. Въ крайней избѣ изъ окошка выставлялась ефдя какъ лувъ голова дѣдушки Ипатыча, который, несмотря на старость, тотчасъ узналъ и Червякова, и Бориса:

— Эй, Бориска, помни же ты мое слово: отъ очереди уходи, такъ и безъ очереди попадешь!

— Тихушь тебя на языкъ, старый хрѣнь! отвѣчалъ Червяковъ за Бориса; который упорно молчалъ.

Проселочная дорога, какъ сназочное «криво-лукаво», вилась то влево, то вправо. Ночь наступила свѣжая, безъ вѣтру. Кусты березняка и олеки стояли неподвижно, словно окончѣла на нихъ каждая вѣтка, замеръ каждый листь. Шаги нашихъ вутниковъ звучно раздавались среди окрестнаго затишья,

которое нарушалось только однообразнымъ стономъ кукушки, да далекимъ токомъ тетеревей. Сперва Борисъ шолъ бѣжко, бодро, ни о чемъ не думая, но мало-помалу мысль о рѣзкомъ переломѣ жизни все выяснялась въ его головѣ, — и вдругъ нахлынулъ цѣлый рой воспоминаній, цѣлый рой сомнѣній въ ясность и прочность будущаго...

Тропинка круто повернула, и вотъ изъ-за кустовъ нахлуло дымомъ: на берегу спокойной, спящей неподвижно рѣки показался догорающій пожаръ, и въ полумракѣ рисовалось нѣсколько человѣческихъ фигуръ, а на рѣкѣ видѣлась причаленная къ берегу лодка. Борисъ вздохнулъ и перекрестился.

III

БРЯНИНСКАЯ ЛОДКА И ЕЯ ЭКИПАЖЪ

Это была большая крытая лодка, поднимающая до трехъ сотъ пудовъ груза, какія обыкновенно ходятъ по нашимъ рѣкамъ изъ уѣздныхъ городовъ въ губернской, составляя дешовое и удобное сообщеніе между ними; средоточіемъ лодочнаго промысла можно назвать Брянскъ, куда мы скоро прѣдемъ вмѣстѣ съ нашимъ молодымъ переселенцемъ. Устройство лодки не представляетъ ничего особеннаго: осьмерикъ по числу *устоевъ* или *упругъ*, т. е. поперечныхъ брусевъ, служащихъ основаніемъ, она не длиннѣе десяти и не шире трехъ аршинъ; посрединѣ покрыта тесомъ, такъ что въ ней образовалась домольно помѣстительная каюта, которая съ краевъ также забрана тесомъ; съ лѣвой стороны въ ней оставлено окно, которое называется *маломъ* или *льломъ* и служитъ для сообщенія каюты съ палубой. Корма и носъ оставлены непокрытыми: на носу обыкновенно судорабочіе дѣйствуютъ *веслами-ребками*, а на кормѣ стоятъ зоркій лоцманъ и правитъ большимъ *поноснымъ* весломъ, давая должное направленіе лодкѣ. На передней части палубы поставлена мачта, къ которой прикрѣплены парусъ и *бичевалъ*.

Выгода подобныѣхъ лодокъ заключается въ легкости и скорости хода, сравнительно съ неуклюжими, тяжелыми барками и каюнами; онѣ разъ въ недѣлю совершенно легко успѣваютъ сдѣлать конецъ изъ Брянска въ губернской городъ и обратно, т. е.

около пятисотъ верстъ , если противный вѣтеръ или продолжительное ненастье не задержатъ ихъ плаванья. На нихъ возятъ тяжелую кладь, преимущественно произведенія мѣстной уѣздной промышленности: щетину, ленъ, соль, смолу, скипидаръ, деготь и проч. и легкую, большую частью губернскую заваль — для распродажи въ маленькихъ городкахъ, мѣстечкахъ и селахъ, немѣющихъ прямыхъ сношеній со столицами; возятъ и пассажировъ, которые платятъ полтинникъ, рубль, много два за рейсъ, смотря по большей или меньшей состоятельности и сановитости ихъ; конечно, является всегда множество желающихъ замѣнить ѣзду на лошадахъ или *горами*, какъ говорится у насъ, — такимъ дешевымъ и болѣе покойнымъ, хотя и болѣе медленнымъ способомъ путешествія, — и лодки всегда полнымъ-полны пассажирами. Такимъ образомъ лодочный промыселъ весьма выгоденъ для судохозяина, но отнюдь не для судорабочихъ, получающихъ неболѣе двухъ рублей за рейсъ, при хозяйскихъ харчахъ, обзываясь, смотря по надобности, и грести веслами — по теченію, а противъ теченія тянуть лодку бичевой; облекаться въ *лямку* — кожаную петлю, надѣваемую черезъ плечо, къ которой прикрѣплена *бичевая*, и замѣнять хозяина-лоцмана въ управленіи лодкой, потому что хотя лодочникъ болшею частью мужикъ работающій, не залѣживающійся, но тоже человѣкъ и хочетъ отдохнуть. Когда лодка идетъ противъ теченія бичевой, да подуетъ рѣзкій противень, по осеямъ сопровождаемый колючей крупной, бьющей въ лицо, — у работниковъ бывають слишкомъ невеселыя минуты: поневолѣ тутъ имъ грезится полустофъ! Обыкновенно на лодкѣ ихъ бываетъ двое, много трое, работающихъ поочередно на разстояніи десяти верстъ; слѣдовательно весь расходъ судохозяина ограничивается восемью-девятью рублями, считая въ томъ числѣ и содержаніе судорабочихъ, а между тѣмъ, нагрузивъ лодку кладью пудовъ въ триста, копѣекъ по семи съ пуда, да помѣстивъ человѣкъ десять пассажировъ, онъ получить съ одного рейса до тридцати рублей, тогда какъ весь капиталъ, затраченный имъ на покупку лодки, едва ли равняется ста рублямъ.

Въ это время, пока мы знакомили читателя съ брякинскимъ лодочнымъ промысломъ, нашъ переселенецъ уже нѣсколько снюхался съ обществомъ, въ которое забросило его новое положеніе, и хотя онъ здѣсь вовсе не походилъ на «колоколо», какъ

Т. VI. — Отд. I. 2

кимъ слылъ у себя въ Стобрюховѣ, потому что тутъ были свои колокола, — но уже смѣло и развязно помѣстился у пожога, дожидаясь кашицы, кипѣвшей въ походномъ котелкѣ. Червячковъ расположился на корточкахъ у самаго огня, подкладывая сухихъ прутьевъ и раздувая пламя, причемъ сухошавое, мускулистое лицо его ярко освѣщалось; одинъ изъ работниковъ, молодой, неуклюжій парень съ глуповатой рожей, запѣлъ было какую-то пѣсню, начинающуюся словами «стукота-брякота», но заблагоразсудилъ лучше растянуться на землю, да обратиться къ краюшкѣ хлѣба и зачавкать, убирая ее за обѣ щеки; а другой, высокій, плотный старикъ, расшарашивъ атлетическія ноги, стоялъ предъ огнемъ въ дрожавшемъ полусвѣтѣ и какъ-то солидно, неторопясь, набивалъ нѣжинскими корешками коротенькую трубочку.

— Покурить захотѣлъ, Бѣлоусовъ? спросилъ его высокій молодой человекъ изъ пассажировъ, стоя на доскѣ, положенной изъ льна на берегъ и называемой *сходней*.

— А какъ же вы думали?.. полноувѣснымъ тономъ, хотя нѣсколько прищамкивая, отвѣчалъ старикъ, не глядя на молодого человека.

— Смотри, дядюшка, послѣдки прокуришь! вымолвилъ его товарищъ, продолжая жевать и чавкать.

— Молчи, Курицынъ! смотри языкъ не проглоти, вѣдь у тебя ротъ-то на барщину! Прокурю, такъ свое — не твое!

— Вишь грѣховодникъ, старый хрѣнъ! отозвалась старуха съ краснымъ носомъ, таща изъ лодки къ огню мѣдный чайникъ.

— Грѣховодникъ! Эку штуку вывезла! Охъ Тарелкишна, Тарелкишна! старая ты, а глупая; право глупая! Слыхала ли ты это, что табашники будутъ на томъ свѣтѣ *прикашишки*? Слыхала?

— Слыхала? отвѣчала старуха, передразнивая Бѣлоусова: — пошолъ ты къ лекарю (т. е. къ лѣшему), приказчикъ! Еще старикъ, до собачьей старости дожилъ, право!.. Молодымъ-то соблазнь! поучись хоть у Курицына: золотой парень, воды не замутишь...

— Что про Курицына и говорить: въ немъ вѣдь ползолотника дворянской крови! Гдѣ нашему брату да за нимъ тягаться... Онъ какъ занесетъ «стукоту-брякоту», такъ баринъ баринъ!

— Ха-ха-ха! подхватилъ Червячковъ: — слышь, Курицынъ, что старикъ-то подпускаетъ? дай-ка ему хорошую зуботычину! Что трусышь-то? али робость одолѣваетъ? Ха-ха-ха!

— Что его трусить-то, расхрабрился Курицынъ: — я тя ужо-тка, сѣдая борода!

— Ай да Курицынъ, молодець! Смѣлѣй его, съѣди по саламъ-то!

— Подступи, подступи! сказалъ Бѣлоусовъ, выпрямляясь во весь ростъ и показывая свой огромный кулакъ: — что, голова, тутъ не маку настѣяно?

Курицынъ притихъ.

— Что, братъ, струсилъ? Ой Курицынъ, прямая ты курица! продолжалъ Червячковъ.

— Зубоскалы вы, безпутые! зашипѣла старуха, поправляя чайникъ, повѣшенный надъ огнемъ: — и ты-то, Иванъ Васильичъ, туда же! Добро Бѣлоусовъ — весь вѣкъ-вѣченскій такъ изжилъ, такъ-то и наслѣдство-то братниво прокурилъ все, а ты-то... ой-ой-ой!

— Ну ты, яга-баба! проваливай, проваливай отколева пришла! я те дамъ прокурилъ... убирайся подобру да поздорову, торгова перечница! разгорячился Бѣлоусовъ.

— Вишь разлютовался, сердитъ да несиленъ! правда-то небось глазъ колетъ... у, лѣшій!

— За живое старика задѣла! сказалъ Червячковъ, подмигивая Борису.

Но Бѣлоусовъ уже стихъ и спокойно покуривая трубочку, подошелъ къ Борису:

— Слушай ты, молодець, да чуръ ухомъ, а не брюхомъ: — дамъ я тебѣ *огурецъ соленой*, — съѣшь его, такъ на косушку получишь!

— Давай, дѣдушка, для-ча не съѣсть! отвѣчалъ Борисъ смѣясь.

— А коли не съѣшь, что съ тебя? гривенникъ дамъ?

— Для-ча не съѣсть, дѣдушка, — съѣмъ!

— Вотъ заадылъ, какой я тебѣ дѣдушка! Дашь гривенникъ чтоли, коли не съѣшь?

— Пожалуй дамъ, только давать не придется: почему не съѣсть огурецъ соленой!

— То-то! не промахнись, парень! Гривенникъ мнѣ шибко нуженъ, есть ли онъ у тебя?

— Найдется!

— Ну такъ вотъ Олена (онъ указаль на Тарелкишну), а огурецъ принесемъ... Полно съѣшь ли *огурецъ-то съ Оленой?* не подавишься ли?

Борись и вся компанія расхохоталась, а старуха зашипѣла:

— Вишь старый плутъ, мазурикъ, чтобъ те глаза лопнули, лупоглазый!

— Подавай же гривенникъ-то, Костоломъ, или я тебя колѣмъ! Подавай: косушку возьмешь, такъ сдачи дадутъ, не шутка денегъ-то!

— Костоломъ, Костоломъ, вотъ я тебя колѣмъ! подхватилъ сынишка Червячкова, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, но отецъ далъ ему хорошаго толчка: «Ну тебя къ яду! пащенокъ, щенокъ бѣлогубый!» и мальчикъ живо убрался, потерявшись между кустами.

Борись принужденъ былъ отдать гривенникъ.

— Пойдемъ же, Костоломъ, выпьемъ за канпанью!

— Не пью, дѣдушка!

— Опять дѣдушка! на кой прахъ ты мнѣ въ родню навязываешься! Коли не пьешь, такъ значить ты не нашего поля ягода. Не пьешь — такъ, голова, и въ Выползово къ намъ не милости просимъ! Вонъ Курицынъ: такъ глаза-то и пляить, чтобъ его позвали, слюючки текутъ. Ну ужъ иди, иди, — такъ и быть поднесу, только прежде языкомъ поработай, выговори: «поставлю я кринку молока передъ бѣлобородаго мужика», да чуръ говорить скорѣе!

— Хе-хе-хе! ослабился Курицынъ: — поставлю я кринку молока передъ бѣлобородол...

— Стой, стой, братъ! неладно: сызновъ начинай!

Курицынъ началъ снова: но увы! чѣмъ больше онъ горячился, тѣмъ больше путался къ общему смѣху...

— Какъ же быть-то, головушка! Не пить знать тебѣ водки, не пить! сказалъ Бѣлоусовъ.

— Наплююти, молодецъ, на него, стараго озыря! прїѣдемъ въ городъ — поднесу! подхватила Тарелкишна, таща чайникъ въ каюту.

— Милости просимъ, Антонъ Иванычъ, накушаться чайку

со старухой, коли не побрезгуете! Поди вамъ ужъ напрокучили мужицкія-то рѣчи! продолжала она, обращаясь къ молодому человѣку, все еще стоящему на сходнѣ, облокотясь на бортъ лодки.

— Благодарствуй, тетка; пожалуй, можно напиться!

Они ушли въ каюту.

— Вишь какъ, тетка-лупетка, лебезить передъ Сущовымъ, точно передъ бариномъ какимъ! Шельма старая! И онъ тоже кобенится: небось тотъ же нашъ братъ-мѣщанинъ, помнимъ, какъ голоштаннѣй по чужимъ огородамъ бѣгалъ, рѣпу воровалъ! не велика птица! проговорилъ Бѣлоусовъ, выколачивая трубку, и побрелъ къ одинокому постоялому двору, держа въ зубахъ нечаянно нажитой гривенникъ. Едва зашелъ онъ за кустъ, какъ къ нему подскочилъ юный Червячковъ:

— Дядя Бѣлоусовъ! хошь я те еще гривенникъ дамъ, дашь ли мнѣ водочки хлѣбнуть?

— Давай. Поди у отца стациэль. Давай же сюда, или сейчасъ къ отцу сволоку!

— А дашь ли выпить?

— Ахъ ты пашенокъ, соплюнъ эдакой!.. Ну дамъ, дамъ!

Мальчикъ отдалъ ему гривенникъ, украденный у отца, и оба они вступили въ харчевню.

Изъ этого читатель видитъ, что сынъ Червяčkова, хотя получалъ отъ отца крупныя толчки и подзатыльники, не отличался благонаравіемъ. Правда, почтенный лодочникъ не принадлежалъ къ числу нѣжныхъ, сердобольныхъ отцовъ, несмотря на то, что вся семья его ограничивалась дочерью и двумя сыновьями, изъ которыхъ мы видѣли младшаго; но отеческая суровость его вытекала не изъ желанія, чтобы сынъ не баловался: нѣтъ! пока сыновья не подросли настолько, чтобы сдѣлаться хозяйственной силой, онъ смотрѣлъ на нихъ какъ на дармоѣдовъ, вичего не заслуживающихъ кромѣ пинковъ и побоевъ, нетолько не заботился о воспитаніи и ученіи ихъ, но даже плохо одѣвалъ и кормилъ: «не умрутъ-моль съ голоду! ѣсть захочется, такъ найдуть — голодь-то не тетка!» говорилъ онъ и нисколько не возмущался духомъ, если до него доходили слухи о разныхъ мошенническихъ штукахъ его чады. Зато и выходили изъ этихъ несчастныхъ преудивительные субъекты: загнанные сдѣтства, они рано присматривались и приучались къ плутнямъ и всякому

разврату, дожидаясь удобнаго случая развернуться себѣ въ удовольствіе, хотя бы пришлось такъ напакостить отцу, что памятно будетъ ему до смерти. Старшій сынъ ужь угостилъ своего родителя: Червячковъ, почуявъ въ своемъ первенцѣ экономическую силу, помошника, вдругъ почтилъ его полнымъ довѣріемъ и отправилъ на баркѣ съ товаромъ, заключающимъ въ себѣ все его состояніе, а Червенецъ, почуявъ въ своемъ распоряженіи порядочный кушъ, развернулся да и ожогъ отца, вернувшись домой съ пустыми руками. Правда, отецъ обошелся сурово, сдаль старшаго сына въ рекруты, но и не подумалъ озаботиться воспитаніемъ младшаго: ему и въ голову не приходило, гдѣ корень зла...

Между тѣмъ въ каютѣ шло чаеваніе. Тарелкишна хозяйничала. Эта почтенная дама была не иная кто, какъ брякинская *въкошница*, то-есть мелочная торговка, въ торговые дни выходящая на рынокъ съ многоразличными товарами, начиная съ стеклянныхъ бусъ и прочей губернской дряни и копчая овощами, произведеніями своего собственнаго огорода: подобныя торговки обыкновенно раскладываютъ свои товары на лубяныхъ *въкахъ* (то-есть крышкахъ отъ корзины и пестѣрокъ), отчего имъ и усвоено наименованіе *въкошницъ*. Тарелкишна, природная брякинская мѣщанка, была торговка по формѣ: беззубая, красноносая, тараторка, перемѣшивающая свою рѣчь то ругательствами, то неумѣренной лестью, смотря потому, къ кому относилась, она жила что-называется въ брюхо, и всѣ копѣйки, наживаемыя въ потѣ лица, убивала въ эту собственную помойную яму...

Въ лодкѣ горѣла сальная свѣча и тускло озаряла низенькую заваленную разными разностями каюту. Нѣкоторые изъ пассажировъ уже храпѣли, несмотря на огромное количество комаровъ, осаждавшихъ ихъ. Около Тарелкишны, помѣстившейся на сундукъ, въ которомъ заключалось ея имущество, сидѣла какая-то уѣздная мелкая чиновница (приказничиха, какъ говорятъ у насъ), среднихъ лѣтъ, весьма скромная и почтительная къ старшимъ, называющая почтенную торговку не иначе какъ Аленой Петровной; на порогѣ ляла помѣщался Суцовъ, молодой человекъ, приглашенный Тарелкишной.

Суцову на лицо можно было дать лѣтъ тридцать, хотя въ самомъ дѣлѣ ему едвали минуло двадцать пять: загорѣлое лицо его со впалыми глазами и совершенно голымъ лбомъ, съ отпу-

щенною черной бородой, — хотя было довольно красиво, дышало и энергіей и умомъ, но хранило слѣды трудовыхъ, тяжелыхъ годовъ. Онъ по костюму и манерѣ казался бариномъ, но по рожденію былъ брякинскій мѣщанинъ; по окончаніи курса уѣзднаго училища и гимназіи, ему удалось попасть въ петербургскій университетъ, благодаря протекціи господъ, у которыхъ онъ обучалъ тупоумныхъ баричей. Въ университетѣ онъ работалъ какъ волъ, но ему приходилось еще работать для жизни, для прокормленія своей головы, а времени нехватало: при энергическомъ характерѣ, способномъ на всякое самопожертвованіе, при горячей любви къ труду, къ истинѣ, къ наукѣ, онъ принадлежалъ къ толпѣ тѣхъ забытыхъ слѣдства, загнанныхъ особей, которыя никогда не обнаруживаютъ блестящихъ, быстрыхъ способностей и талантовъ, которыя хотя основательно, прочно, но туго и медленно развиваются, которыя никогда никого не дивятъ своими успѣхами, но всегда оказываются плодотворнѣе, какъ дѣятели, нежели всѣ удивительные фениксы школьнаго міра. Къ сожалѣнію такія натуры, по своей замкнутости и застѣнчивости, остаются безпомощными: благо, если хватить у нихъ собственныхъ силъ! У Суцова нехватило ихъ: онъ вышелъ изъ третьяго курса, и утомленный, поѣхалъ въ родной городъ, отчасти съ благородными, хотя можетъ-быть вѣскольکو идеальными планами, отчасти просто взглянуть на родину: онъ не принадлежалъ къ категоріи выскочекъ, бѣгающихъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они терпѣли низкую, гризную долю и раскуютъ встрѣтиться съ неумытой родней...

— Кушайте, батюшка Антонъ Ивановичъ, прошу покормо! угощала Тарелкишна.

— Вѣдь вотъ какимъ помню ребенкомъ махонькимъ, продолжала она, обращаясь къ чиновницѣ: — на рукахъ частенько нашивала!.. шалунъ былъ, боець, бѣдовѣй, я такъ и думала, что молъ далеко пойдетъ эфтотъ мальчикъ! Такъ оно и вышло, чувало мое сердце... Какъ и не узнать было: сейчасъ по глазамъ видно, что не нашимъ братомъ тутъ, не мѣщаниномъ пахнетъ!..

— Ну полно, Петровна, помню я какъ ты меня пинками да шлепками угощала... такъ же, какъ и другихъ... разницы не дѣлала... Расскажи-ка лучше, что въ Брякинѣ-то дѣлается, кто

какъ живеть, что новаго, кто обѣднѣлъ, кто разбогатѣлъ? Вѣдь ты всезнайка, газета брякинская...

— Экой насмѣшникъ, балагуръ право! газета! Да что тебѣ до брякинскихъ — вѣдь сиротка ты, ни отца ни матери, и никто съ отцовою стороны у тебя тамъ, обойди весь городъ, ни единого существа не найдешь; только и родни, что съ материною стороны, Колобиха съ сыномъ, и тѣ голы, что голѣ нѣтъ... А до чужихъ что тебѣ за дѣло?

— Развѣ они мнѣ чужіе! Брякинскіе все мнѣ родня, все своя братья: съ тѣми росъ, игралъ, съ тѣми учился вмѣстѣ... Все свои люди; такъ и хочется знать, кто какъ живеть.

— Охъ ты родной, родной! Что тебѣ сказать-то? Бѣднѣтегъ у насъ народъ, обѣднѣли да опустились многіе, богатымъ у насъ не воль... Ужъ на кого и указать-то ему, Анна Яковлевна? не знаю право.

— Да нешто на Пуда Петровича, на кого больше! скромно сказала чибовница, прикусывая сахаръ и принимаясь за чай.

— Это что за Пудъ такой? не Расторгуевъ ли? Неужели разбогатѣлъ? Плутъ, помнится?..

— Ну да, да, Расторгуевъ. Разжился, мой родной, шибко разжился, капиталъ большой имѣеть. А ужъ тутъ, сказать тебѣ по секрету, такія у него темныя дѣла, вотъ съ Ванькой Червячковымъ, что только чортъ-дьяволъ ихъ и разбереть. Только вотъ этому все невпрокъ, не ко двору богатство-то... Этотъ не разжился, только и нажилъ что лодку, и та, сказываютъ, въ долгъ взята у того же Расторгуева, а то все ухнуло... Курило, что и говорить! недаромъ ужъ съ Бѣлоусовымъ сошолся...

— А что Бѣлоусовъ, вѣрно пьяница?

— Него чтобы пьяница, а такъ, пустышный мужикъ... Не люблю вѣдь я только сплѣтки-то сплетать... Какже, сударь ты мой, самъ посуди: давалось ему богатство по наслѣдству отъ брата, домъ каменный да двѣ лавки съ товаромъ, — краснорядецъ былъ покойникъ, жома-мужикъ. Какъ бы ты думалъ? — все передалъ вдовѣ; а она послѣ брата-то его бездѣтная осталась: значить по закону всего-навсего слѣдовала седьмая часть. Нѣтъ, сударь мой, все отдала, и зачто-прочно — невѣдомо, взялъ съ нее только триста рублей, и тѣ въ годъ одинъ просадила... Я такъ смѣкаю, Анна Яковлевна: не съякшался ли онъ съ ней, а то на кой прахъ ему отъ добра отказываться?..

— Не знаю, Алена Петровна; я такъ слыхала, что эти лавки и домъ теперь — покойный купилъ на женины деньги: вѣдь она была богатая взята, а у него за душой—то ничего не было; только крѣпости-то совершилъ на свое имя. Потому будто бы Бѣлоусовъ отъ нихъ и отказался...

— Слыхала я сама, мать моя, эти сказки, да вѣры-то мало имъ даю! Согласитесь вы сами, Антонъ Ивановичъ: по закону слѣдовало ему эдакое богатство, на чьи бы тамъ оно ни было деньги куплено, — кто отъ него откажется, до кого бы ни доведись? Вѣдь не воровское, по закону пришло. Нѣтъ ужъ, Анна Яковлевна, какъ ты себѣ хочешь, а они того...

— Ты, Петровна, какъ наладила свое, такъ и конецъ, скажь Сущовъ: — чтоже, если онъ такой честный, что себѣ отказалъ, да не захотѣлъ чужимъ воспользоваться, хоть оно и по закону ему доставалось? Тѣмъ лучше, коли въ Брякинѣ такіе честные люди водятся; дай—богъ побольше!

— Охъ ты мнѣ! плохая ужъ честь, когда нечего ѣсть! Нашолъ ты честнаго, — зубоскала эдакаго! Да отъ него доброму человѣку проходу нѣтъ: того и гляди на зубы подниметь, искастить... Вонъ бѣдному Курицыну достается отъ него...

— Зачто же ему достается?

— Да вотъ зато что здорово живешь! Курицынъ — такъ прямой ужъ Курицынъ: смиренъ... А тоже не ему чета: изъ барскаго дома парень, на барской воспитальницѣ и женатъ... Барыня какая—то ихъ, слышь, вмѣстѣ воспитывала, какъ брата съ сестрой, а они — ну извѣстно, молодое дѣло — и согрѣшили... Она ихъ обвинчала, да въ мѣщана къ намъ. Ужъ какіе они мѣщана! Житишко пошло плохое: бабенка — бой, загуляла, а онъ и живетъ такъ на смѣху у людей, какъ дурачекъ какой... А все Бѣлоусова дѣло: «ползолотника дворянской крови» затвердилъ да затвердилъ, совѣмъ на-смѣхъ парня поднялъ. Кабы этого да парня въ руки, — вышелъ бы изъ него человѣкъ: вѣдь грамотный и цифирь знаетъ...

— Развѣ у васъ мало грамотныхъ? Неужели мѣщане все еще обѣгаютъ училища?

— Пожалуй не больше прежняго учатся... Вонъ у Червякова—то парнишка: походилъ въ училище съ полгода, да и шабашъ! Шиллободивчаетъ, слоны продаетъ, — костей понаберетъ, да на рынокъ бѣгаетъ; что выручить или у отца ста-

щитъ — и пропеть пожалуй : вѣдь съ тринадцати лѣтъ пить-то началъ.

Между тѣмъ на берегу разговоры уже кончились ; огонь догорѣлъ, и только уголья дотлѣвали среди пепла, изрѣдка вспыхивая яркимъ полымемъ. Съ востока потянуло холоднымъ вѣтромъ...

— Пора спать, Тарелкишна! сказали Червячковъ, подымаясь на палубу и заглядывая въ каюту : — вишь она какъ около молодыхъ-то увивается!

— Жива душа — колачика просить! подхватила Бѣлоусовъ, сопровождая хозяйна.

— Ахъ ты подлая твоя рожа, губошлепъ проклятый, рыло эдакое суковное! саналъ безсовѣстный! зашипѣла Тарелкишна.

У огня остались только Борисъ, завернувшійся въ армякъ, но тщетно зажимуривающей глаза, Курицынъ и юный Червячковъ : послѣдніе оба издавали звучный гортанный храпъ.

У Бориса не было сна : неопредѣленные впечатлѣнія новой среды какъ-то хаотически, неуспокоительно бродили въ его головѣ. Ему казалось, что онъ уничтоженъ, стертъ съ лица земли, и снова брошенъ на нее для новой жизни, неимѣющей ничего общаго съ прежней... Недовѣрчиво смотрѣлъ онъ на эту новую жизнь...

IV

ГОРОДСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ И ВСТРѢЧИ

Задождило. Сперва посыпался, словно черезъ сито, мелкій теплый дождь, потомъ закапали крупныя частыя капли, со стукомъ ударяясь въ крышу; рѣка забурлила, вспѣвилась, говорливый вѣтеръ пробѣжалъ по ней... блѣдносѣрая облака затаили сводъ неба; бичевая однообразно застучала о мачту... Пассажиры, передъ тѣмъ выползли на палубу встрѣчать утро, попрятались по своимъ мѣстамъ, какъ тараканы по щелямъ. Курицынъ и Бѣлоусовъ работали въ лямкѣ; для ради облегченія этого труда, усиленного противнымъ вѣтромъ, Курицынъ затянулъ «стукота-брякота», Червячковъ неутомимо бодрство-

валъ на кормѣ, управляя лодкой, и такъ же неутомимо нето что-бы пѣлъ, а тянулъ длинную пѣсню:

• Не отдай меня, батюшка, на Ихалицу.
 Не отдай ты меня на Уваровицу,
 А отдай меня на Устьице на Толшменское.
 Тамъ хоть ѣсть-то нечего, да жить-то весело!..» и проч.

А Борисъ отдыхалъ, окончивъ свои урочныя десять верстъ: какъ напряженно и бойко работалъ онъ, съ досадой останавливаясь на голосъ хозяина, когда тотъ съ кормы кричалъ протяжно: «за-со-риль би-че-вѣ!» Это значило, что бичевая задержавъ, запуталась въ кустахъ... Зато какъ онъ и усталъ, какъ намялъ бока, какъ грустно встрѣчалъ второй день своего мѣщанства! Не лежало его сердце къ новымъ товарищамъ: дураковатый Курицынъ казался слишкомъ ничтоженъ, а атлетическій Бѣлоусовъ черезчуръ неприступенъ, — и того и другого Борисъ чуждался. Сѣренькая погода еще болѣе увеличивала его грусть: «что-то будетъ тамъ, въ городѣ», думалъ онъ, а теперь пока невесело!

Вотъ въ заворотѣ мелькнула церковь. Суцовъ, сидя на палубѣ, тотчасъ же узналъ брякинскій соборъ; сердце его забилося...

Чѣмъ дальше шла лодка, тѣмъ рѣзче выслышалась картина города, и солнечные лучи, пробрызнувшіе сквозь облака, ударили прямо въ нее. Можетъ-быть никого не занимала она въ такой степени, какъ Суцова и Бориса: одинъ изъ нихъ видѣлъ свою родину, давно брошеную, но часто грезившуюся на чужбинѣ, другой — новую, вторую родину, невидѣнную, но самимъ избранную родину, для которой бросилъ родимую деревню.

Оба сидѣли на палубѣ и нечаянно взглянувъ другъ на друга, разгадали взаимное волненіе.

— Что ты такъ пристально смотришь, Борисъ? спросилъ Суцовъ.

— Какъ не смотрѣть, баринъ: жить вѣдь тамъ буду!

— Развѣ ты не брякинскій?

— Ни-ни! впервой туда...

— Зачѣмъ тебя Богъ туда несетъ?

Борисъ радъ былъ высказаться, и въ первомъ человѣкѣ встрѣтитъ полное участіе къ своему положенію.

— А ваша милость зачѣмъ туда, не во гнѣвъ будь сказано? спросилъ онъ, рассказавъ свою исторію.

— На родину ѣду: больше десяти лѣтъ ся не видалъ, все въ другихъ городахъ выжилъ, учился, — такъ заглянуть захотѣлось, что тамъ дѣлается. Да думаю, не поможетъ ли Богъ устроить что-нибудь хорошенькое для нашего брата мѣщанина: народъ все бѣдный, а бѣдный оттого что не ученый, не предприимчивый, лѣнивый; думаю — нельзя ли, при помощи богатыхъ людей, училище какое открыть, чтобы ремесламъ учить, торговое общество какое-нибудь устроить, или другое что сдѣлать, чтобы сдѣлать мѣщане къ труду приучались, да и работу постоянную имѣли...

Сущовъ, встрѣтивъ въ Борисѣ внимательнаго слушателя, тоже радъ былъ высказаться. Они разговорились, а между тѣмъ Брякинъ совершенно выяснился передъ ними. Наружность его съ рѣки представляетъ довольно красивый видъ, нисколько не напоминая ту пошленькую наружность уѣздныхъ городовъ, надъ которой нерѣдко трунили наши бельетристы. Брякинъ — одно изъ древнѣйшихъ новгородскихъ поселеній въ сѣверовосточной Россіи; вѣкогда довольно важный торговый пунктъ, населенный предприимчивымъ, промышленнымъ людомъ, онъ, хотя съ паденіемъ Архангельска, то-есть ужь очень давно, потерялъ свое торговое значеніе, обѣднѣлъ, опустился, но сохранилъ яркіе слѣды старины и бывалаго богатства. Патріархально, нецеремонясь и нестѣсняясь, раскинулся онъ по берегу рѣки очень широко, такъ что соборные часы, время Ивана-грознаго, едва только обхватываютъ своимъ звукомъ его окружность. На берегу стоитъ мрачно возвышающійся надъ рѣкой соборъ, стѣны котораго поросли мохомъ, покрылись плѣсенью; по всей набережной разставлены старинные купеческіе дома, строители которыхъ большею частью вымерли, или перенесли свою торговлю въ Сибирь, или впади въ бѣдность; одинъ изъ нихъ, обнесенный стѣной, съ домашней церковью, обозначенной шпиремъ и крестомъ, украшенъ надписью: «Брякинскія присутственныя мѣста», которая какъ-то странно торчитъ на облинявшей, неподновленной стѣнѣ. Между домами, тамъ и сямъ поднимается, кромѣ собора, еще нѣсколько церквей: все старинныя, нѣсколько столѣтій пережившія церкви, сотворенныя благостыней добротныхъ дателей — торговыхъ людей. На рѣкѣ видны барки, каюки, шитики, лодки; около суетится народъ, нагружая ихъ товарами. Другіе, вынесенные

на берегъ вешними водами, разбираются, отслуживъ свой вѣкъ, а нѣкоторые уже разобраны, — только скелеть ихъ, съ отдраннымъ тесомъ и обрубленной мачтой, бокомъ лежить и догниваетъ на берегу... «Табань (то есть остановись)!» закричалъ Червячковъ. Лодка причалила. «Бро-сай сходню!» Въ лодкѣ ужъ давно поднялась суета: пассажиры крестясь забирали свое имущество и готовились выйти. Скоро въ ней остались только работники да хозяинъ, и тѣ спѣшили покопчить свои дѣла, да поскорѣе отправиться домой, восвосяи; только Борису некуда было торопиться, и онъ машинально исполнялъ распоряженія хозяина.

— А ты, Костоломъ, куда? покровительственно спросилъ его Бѣлоусовъ, собираясь идти.

— Да куда, Богъ вѣ-помочь, — и самъ не знаю!

— Приходи къ намъ въ Выползово, найдемъ гдѣ помѣстить; спроси Бѣлоусова, тамъ укажутъ.

— Спасибо, дѣдушка...

— Опять дѣдушка! Ой Костоломъ, вотъ я тебя коломъ! Приходи же, коли надумаешь... у насъ хорошо: дружно, душа въ душу живемъ.

— Бѣлоусовъ, постой-ка, опиши на минутку! вотъ кладъ есть къ Пуду Петровичу: занеси, голова! закричалъ въ это время Червячковъ.

— Къ Расторгуеву? Ну его къ псу! Поспѣеть!.. Да вотъ Костоломъ снесетъ, онъ помоложе будетъ! отвѣчалъ Бѣлоусовъ.

— Вѣдь не знаетъ онъ, вновѣ человекъ... да одному и не снести пожалуй.

— Найдеть! Не снести, такъ и два раза сбѣгаетъ, — не далеко. Вонъ, Костоломъ, въ крайнемъ-то домѣ... еще лавочка въ немъ; внизу спросишь Расторгуева...

Бѣлоусовъ пошелъ своей дорогой, а Червячковъ отдалъ Борису кладъ, которую надо было отнести къ Расторгуеву. Это порученіе Борису пришлось по нраву: онъ былъ радъ случаю поскорѣе увидѣть богатаго дядю, хотя мало надѣялся на него, какъ на покровителя въ устройствѣ своей новой карьеры. Кладъ оказалась дѣйствительно тяжела, но молодой парень безъ особенныхъ усилій навьючилъ всю ее на свои плеча и потащилъ къ показанному дому. На дворѣ онъ встрѣтилъ сгорбившуюся отъ

старости женщину, съ птичьей физиономіей и непреминуль спросить, дома ли Пудъ Петровичъ и гдѣ его обрѣсти.

— Пойдемъ со мной, молодець, я тебя сведу къ нему! загнула старуха и ввела его сперва въ темныя сѣни, потомъ въ коридоръ, уставленный сундуками.

— Кто тамъ? спросилъ кто-то изъ боковой комнаты.

— Тебя спрашиваютъ, Пудъ Петровичъ: молодець какой-то пришолъ, отвѣчала старуха, входя въ комнату.

— Войди сюда, другъ любезный, войди.

Борисъ вошелъ. Въ комнатѣ пыхѣлъ самоваръ, чисто-на-чисто вычищенный; старуха съ птичьей физиономіей разливала по чашкамъ густой, крѣпкій чай и угощала другую женщину, повидимому гостью, которая сжавъ губы, вязала чулокъ и безпрестанно выдергивала нитку изъ ситцеваго затасканаго ридикюля. Хозяинъ, коренастый, невысокій, жидковолосый, обстриженный въ кружокъ мужчина, съ клинообразной бородкой, былъ облеченъ въ полосатый халатъ, подвязанный ремнемъ, и сражался въ шашки. Партнеръ его былъ совершенно-лысый старичекъ, съ римскимъ носомъ и сѣдыми начесами на вискахъ, въ истертомъ, темнозеленомъ вицмундирѣ со стоячимъ воротникомъ и нѣсколькими солдатскими медалями.

— Бросьте вы, Пудъ Петровичъ, вашу меледу! сказала жеманно гостья: — лучше въ московскіе сыграемъ! Полно-ка ты, Авдотьюшка, чаемъ-то угощать: неси намъ карты скорѣе!

— Вотъ сейчасъ, Анна Савишна, дайте только вашего благовѣрнаго въ доброе мѣсто упрятать да молодца отпустить... Ты съ чѣмъ пришолъ, добрый человѣкъ?

— Иванъ Васильичъ послалъ, Червячковъ, — кладъ съ лодки твоей милости.

— Это ладно, спасибо Ивану Васильичу; я ужъ жду-нежду, что молъ запропастился мой Васильичъ... Вся тутъ?

— Вся.

— Полно! Ужели одинъ привнесъ! Поди пуда три, больше будетъ...

— Можетъ и будетъ.

— Экой молодець-парень! Расторгуетъ съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на Бориса: онъ особенно уважалъ физическую силу. — Ты работникомъ у Червякова чтоли?

— Работникъ.

— Нездѣшній стало-быть. Что-то знакомое лицо, а не припомню.

— Нездѣшній, Пудъ Петровичъ, издалека. А не въ-диво, что лицо знакомо: сказываютъ — въ матку вышелъ, съ ней на одно обличье.

— Развѣ мать твоя знакомая чтоли?

— Какже не знакомая! твоей-то милости еще сродни будетъ, — Костоломова Федосья: я чай помнишь, али запомнятъ?

— Полно! такъ ты Костоломовъ! Вотъ оно что! выходитъ — свой человекъ, не чужакъ.

— Вотъ, Пудъ Петровичъ, Богъ далъ роденьку! сказала гостья.

— Есть ее у меня, Анна Максимовна. Кой прахъ тебя сюда привнесъ?

— Въ мѣщана переписался, отъ очереди: очередь на насъ съ братомъ пала, ну я и переписался.

— Вотъ что! ладно. Такъ ты у Червячкова и работаешь?

— Топеря у него пока, коли твоя милость куда индѣ не пристроить. На тебя, родной, крѣпко надѣялся; помоги, коли милость будетъ. Вѣкъ-вѣченскій не забуду.

— Куда жъ я тебя дѣну! Къ нашему торговому дѣлу ты поди-ка не гождь, жилъ въ крестьянахъ, — значитъ окромѣ мужицкой работы, что тебѣ на руку? Грамоты не знаешь, считаешь по пальцамъ.

— Какъ не знать грамоты! маркуемъ маненько, Пудъ Петровичъ. Почитать-пописать могимъ, не такъ чтобы шибко гораздо, а тоже въ школѣ обучался. Счетъ тоже малую толмку смыслю, дома съ братомъ поторговывали кое-чѣмъ, мѣсто у насъ юркое: сызмалѣтства привастриваютъ нарнишекъ.

— Полно! эки гуси! Поди-ка у насъ, у мѣщанъ, изъ десятка пяти грамотѣвъ не выберешь, ребятишки только шобалы обиваютъ!.. Гм, это ладно. Авдотья, поднеситка ему! Водочки выпьешь?

— На томъ благодаримъ: не пью, въ ротъ не беру, Пудъ Петровичъ!

— Гм, не пьешь... Пудъ Петровичъ пытливо посмотрѣлъ на него: — ладно, а чайку чубырышечку можно?

— Насчетъ эфтого можно. Достатки небольшіе, а къ эфтому привычны, тоже испиваемъ малую толику.

— Налей ему, Авдотья, налей. Присядь-ка, дружище, выпей на здоровье... какъ тебя звать-то?

Борись внутренно чувствовалъ себя весьма хорошо отъ ласковаго пріема богатаго родственника, однако свиданіе ихъ кончилось совершенно ничѣмъ для будущности нашего переселенца: правда, Пулъ Петровичъ весьма любезно предлагалъ Борису остаться у него, но только изъ хлѣба, безъ всякаго жалованья, въ должности приказчика и дворника, вачто Борись согласиться не хотѣлъ. А потому свиданіе заключилось такими словами со стороны Расторгуева: «не хошь, такъ-какъ хошь, твое дѣло; а надумашь, такъ приходи!»

Задумчиво вышелъ Костоломовъ отъ богатаго родственника: куда дѣваться? что дѣлать? думалъ онъ, и медленно, какъ досужій и безпріютный, побрелъ по городу.

Внутренность Брякина мало соотвѣтствовала лицевой сторонѣ, показанной читателю при вѣздѣ въ него червячковской лодки. Улицы, неправильно растянутыя вкривь и вкосъ, были бѣдно обстроены и отличались безлюдностью.

Деревянные дома, большею частью маленькіе, наскоро выстроенные, безъ всякихъ затѣй, — потомучто Брякинъ, преслѣдуемый злымъ рокомъ, нѣсколько разъ выгоралъ, — какъ-то недружелюбно разошлись подальше другъ отъ друга, и почти ни одинъ изъ нихъ не окутался веселой, кудреватой зеленью. Коегдѣ попадались старинныя церкви, непремѣнно среди площади, и съ оградой, которая обвалилась, полуразрушилась. Къ довершенію своеобразности города служили два-три обгорѣвшіе огромные каменные дома: между ихъ стѣнами уже выросли высокія, тощія березы и неугомонно голосили крикливые грачи.

Обошедши весь городъ кругомъ, Борись скоро попалъ и въ центръ его: открылась площадь неправильнаго очертанія; справа соборъ и «привилегированная аптека», слѣва какая-то пятиглавая церковь и уѣздное училище, а посрединѣ большое каменное зданіе съ надписью «ратуша», отъ которой въ обѣ стороны тянулись ряды лавокъ. Борись обошелъ ряды и направился къ торговкамъ-вѣкошницамъ, расположившимся невдалекѣ отъ нихъ. Къ совершенному удивленію своему, онъ встрѣтилъ между ними Тарелкишну, которая уже успѣла побывать въ своемъ

углу, разобрать свои губернскія рѣдкости и вынести ихъ на продажу: день былъ торговый, время еще не ушло, и почтенная торговка не хотѣла терять его попусту.

— А, знакомый! вотъ ужь радымъ-то радешенька, что навернулся! Искать хотѣла. Не фатеры ли ищешь? Чужая сторопушка, — не знаешь куда сунуться, сиротское твоё дѣло!

Борись, какъ извѣстно читателю, вовсе не искалъ фатеры, но, совсѣмъ растерявшись, отвѣчалъ: — Да, надѣтъ бы хватеру найтить, тетушка...

— А я тебѣ, племянничекъ, найду фатеру, право слово найду. Ужь вспоминала я тебя... Иду это на рынокъ, да и думаю: куда-моль парень-отъ сунется? дѣло его сиротское, въ городѣ онъ чужакъ, а парень такой хорошій, скромный, — право слово, такъ и думаю: ты по идраву мнѣ пришлось, больно по идраву... Попадетъ онъ, думаю, къ санапаламъ эфтимъ — гиблое дѣло! не житье ему съ ними... нѣтъ, не житье. Дай, думаю, помогу ему, выручу голубчика... право слово, Маринушка, такъ и думаю! Послѣднія слова относились къ сосѣдкѣ-вѣкошницѣ, которая непреминула отвѣтить:

— Ой ты, шебала Петровна! эки юни распускаетъ! Не слушай ты ее, хорошій парень, сорвать она съ тебя хочеть. Найдешь фатеру и безъ нея!

— Вотъ вѣдьма-то! скромно сказала Тарелкишна, хотя не совсѣмъ скромно посмотрѣла на сосѣдку: — вотъ искинулась! по себѣ судить, извѣстно и вѣдомо! Грязь, такъ грязью и брызжетъ!

— То-то грязь я, а ты и грязи-то грязѣе! Сводить да разводить — твоё дѣло, хриstopродавица окаянная, отребье поганое!

— Вотъ ругательница-то! продолжала Тарелкишна: — постыдилась бы чужого-то человѣка, что онъ подумаетъ-то! Поди сродясь, Борисушко, эдакихъ сатанихъ не видывалъ... Да тѣфу ее! А фатеру я тебѣ найду.

— А я дешевле ему найду, не дамъ тебѣ его оплести, шлюхѣ эдакой, не дамъ!

— Ну, ну, ладно, отваливай, не въ свое дѣло не суй рыла, пока я въ него пятерней не заѣхала.

— Жирно будетъ! руки не доросли! отвѣчала Маринушка, и незадумываясь много, пустила въ сосѣдку башмакомъ. Взбѣ-

ленилась Тарелкишна — и грянул бой! Сперва канонада продолжалась одинаково дѣятельно съ обѣихъ сторонъ : все что помѣшалось на вѣсѣхъ — башмаки, банки помады, вѣники, щетки, бусы, бутылки, старья книги, все полетѣло на врага... Но Тарелкишна первая спохватилась, что такого рода бой невыгоденъ, а посему вдругъ неожиданно-негаданно бросилась въ рукопашную... Неизвѣстно чѣмъ бы окончилась баталія, еслибы Борисъ не принялъ мѣръ къ пресѣченію ея.

— Приходи голубчикъ, ко мнѣ... заговорила запыхавшаяся и едва выговаривавшая слова Тарелкишна — у, шельма! я тебѣ задамъ баню... приходи на Выползово, дружокъ... нѣбу жарко будетъ, шельма ты эдакая, шкура барабанная... у меня, слышь, комнаты есть, рубль въ мѣсяць — вся цѣна, я для тебя, дружокъ, трехрублевый возьму... дѣточкѣ жилъ, да прогнала : пьяница да санпалъ такой, ну его къ яду... постой ты, безстыжая рожа, я съ тобой не такъ еще раздѣляюсь... Приходи правое, соколякъ...

— Ладно, тетушка, ладно... отвѣчалъ Борисъ.

— Куда торопишься-то, покалякалъ бы съ нами.

— Некогда, тетушка, идти надо... совралъ Борисъ и пошелъ дальше.

Пройдя улицу, онъ спросилъ, гдѣ Выползово и пошелъ по указанному пути. Улица, узенькая и грязная, видѣлась по берегу рѣки. Борисъ приостановился, глядя на широкую, спокойную полосу воды, такъ солидно катящей свои крупныя волны. Подгоняемая попутнымъ вѣтромъ, бойко плыла по ней на парусахъ неуклюжая барка; весело смотрѣлъ въ даль лоцманъ, шевеля огромное поносное весло, а на палубѣ отдыхали, дѣнясь на солнушкѣ, судорабочіе... Вдругъ Борисъ услышалъ невдалекѣ отъ себя, на самомъ берегу, странное, крикливое пѣніе; толпа оборваныхъ мальчишекъ, увидя плывущее судно, выстроилась и затлила :

« Дай вамъ господи
Тихова погодыца,
Доброва здоровыца;
До городу доплыгъ,
Да на мѣсто стать,
Товаръ дорого пролатъ,
Дешоваго закупить
И назадъ парусить!... »

Звучно неслась пѣсня по окрестной тишинѣ, эхомъ отдаваясь въ лѣсу, который тянулся по противоположному берегу, и ласкала свѣтлыя надежды веселаго, счастливаго лодмана: онъ что-то сказалъ судорабочимъ, и скоро отъ барки отдѣлилась лодочка... Посланный работникъ передалъ пѣвцамъ послѣднее подаваніе.

— Гдѣ приваливать будете? спросилъ Борисъ.

— У Стобрюхова, добрый человѣкъ, у Стобрюхова.

— Запасъ дѣлать будете?

— Да надо бы, коли найдемъ.

— Какъ не найти! спросите Костоломова, Прохора Костоломова: онъ вамъ всего доставить. Да поклобѣзь ему сзези, дружище: братъ-моль Борисъ кланяется.

— Ладно, ладно, добрый человѣкъ.

Между тѣмъ у мальчишекъ поднялся споръ: «Червячкову не давать! кричало нѣсколько голосовъ: — не давать!» Эти крики удивили Бориса, который былъ убѣжденъ, что видитъ толпу нищихъ и между ними никакъ не воображалъ встрѣтить сына своего хозяина. Юный Червячковъ также скоро замѣтилъ его и закричалъ: «робята, нашъ новый работникъ — Костоломъ, Костоломъ, вотъ я тебя колѣмъ!» Всѣ мальчишки кинулись за нимъ, крича: «Костоломъ, Костоломъ, вотъ я тебя колѣмъ!»

— Эки чертенята! крикнулъ имъ Борисъ, и ускоривъ шаги, скоро вышелъ въ Выползово: такъ именуется предмѣстье Брянкина, населенное судорабочими, рыбаками, огородниками, отчасти мошенниками и другимъ людомъ, бѣдно и горемычно тянувшимъ канитель своей жизни.

V

ВЫПОЛЗОВО И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

Крайнія городскія мѣста заняты огородами. Огородничество здѣсь является промышленностью, мелочной въ сущности, но весьма значительной въ хозяйственномъ быту мѣщанъ, и сосредоточивается преимущественно на женскихъ рукахъ: мужчины только обязаны вскопать гряды, остальное до нихъ не касается. Въ то время какъ мужья заняты мелочной торговлей да бары-

шничествомъ или извозомъ, да бурлачествомъ, — мѣщанки, обитательницы Выползова, садятъ и холятъ капусту, брюкву, рѣпу и морковь, которыя потомъ сбываются частью на мѣстѣ, частью по сосѣднимъ деревнямъ.

Къ этимъ-то окраинамъ Брякина указали дорогу Борису на вопросъ, гдѣ пойти Бѣлоусова: старый зубоскаль, какъ оказалось, обиталъ на хлѣбахъ у Курицына, получившаго въ награжденіе отъ своей воспитательницы домишко почти на самомъ краю Выползова. Передъ Борисомъ раскинулись большіе огороды, грядъ по двѣсти каждыи, разгороженные незатѣйливымъ плетнемъ: мы забѣжимъ впередъ и посмотримъ что тамъ творится, прежде нашего молодого переселенца.

Двѣ сосѣдки-огородницы усердно пололи капусту и не менѣе усердно перебранивались между собою, какъ истыя гражданки брякинскаго предмѣстья. Слава-богу, мы попали не на зубастыхъ (несмотря на недочетъ въ зубахъ) старухъ. Слава-богу, сосѣдки-огородницы довольно молоды и довольно ведурны собою. Авось, имѣя въ виду ихъ молодость и смазливенькія личики, читатель не слишкомъ испугается, если авторъ вздумаетъ прислушаться къ ихъ перебранкѣ... Но названіе «истыхъ гражданокъ брякинскаго предмѣстья», данное нами перебранивающимся сосѣдкамъ, требуетъ нѣкотораго объясненія. Зависть, сказываютъ, чадо скудости, недостаточности: этотъ сказъ для автора весьма важенъ. Въ царствѣ бѣдности люди не могутъ спокойно допустить существованія достаточности, а если что-нибудь вродѣ ея вдругъ да выростетъ, какъ грибокъ подъ дождемъ, — одна тѣнь, одно подобіе ея, — то остервеняетъ всю жалкую, несчастную голь, торчащую кругомъ всюду, куда ни поглядишь, готовую заѣсть всякаго, кто задумалъ или имѣлъ случайную возможность выбраться изъ ея среды, отложиться отъ нея и — чего боже-сохрани! — стать виѣ ея... Теперъ читатель не долженъ недоумѣвать, если мы бранящихся сосѣдокъ назвали «истыми гражданками Выползова»: мѣщане, избравшіе это благословенное мѣсто для своего жительства, такъ подозрительно, такъ зорко слѣдятъ другъ за другомъ, не разжился ли, не поднялся ли который-нибудь изъ нихъ, такъ привыкли постоянно «ершиться» другъ съ другомъ, что перебранки, «ершеѣдство» (по мѣстному выраженію) составляетъ здѣсь этнографическую особенность.

А сосѣдки полютъ и перебраниваются... Изъ-за плетня, пе-

ресѣкающаго ихъ огороды, видна фигура старика Бѣлоусова, одѣтаго подомашнему, то-есть только въ порты и рубашку: облокотясь на плетень обѣими руками и положивъ на нихъ огромную голову, онъ совершенно равнодушно устремилъ глубокіе глаза куда-то въ даль и безучастно слушалъ перебранку сосѣдокъ.

— Ехидна ты эдакая, и впрямь каторжница! говорила одна изъ нихъ, круглая, апетитная баба, нарядно одѣтая въ розовое ситцевое платье: — что я тебѣ сдѣлала? Зачемъ ты строишь меня? Какъ ты сама-то живешь? Какъ замужь-то вышла? Вѣдь всѣ обѣгали тебя, потаскушку, какъ паршивую какую, прости-господи... Вѣдь и каторжника-то вашего вы съ матушкой разѣ честнымъ манеромъ подтяпурили?..

— Вы съ матушкой-то!.. передразнила другая огородница, очень поблекшая, сухопарая, съ желтизной въ лицѣ и сверкающими какъ уголье глазами, сильно подсиненными: — не тебѣ чета матушка-то моя! Ее господа знаютъ, а ты что? шлюха, сволочь! — и больше ничего!

— Знаемъ, за что господа ее знаютъ, знаемъ! Какъ имъ Тарелкишну не знать! такими дѣлами занимается. Какъ не знать!.. Отъ вы, барскія прихвостни!.. А меня ты не трожь, не замай, непочто тебѣ до меня касаться... не твое дѣло... отваливай.

— Фу ты пропасть, эка барыня! ша-ка ты, какъ расхайдалася! Ишь змѣя какая лютая!.. что и говорить, красавица-раскрасавица писавая: рожа-то какъ жаръ горить, расфуфырилась да и шеперится. Плевать я на тебя хотѣла, дьявольское обличье! Первая я чтоли говорю! — всѣ знаютъ, откуда эти платица-то летятъ... Подлипаешь-таки, подлипаешь ко всякому встрѣчному и поперечному, гулена! Благо мужа-лурака Курицына, простофилю эндакаго Богъ далъ!

— Да вотъ еще какъ! Небось тебѣ, кошкѣ ободраной, видно, что у тебя ни кожи, ни рожи: и погуляла бы, да всякій плюетъ, какъ на дермо, на тряпку изношеную... Зависть-то тебя разбираетъ, кошка ободраная, шлюнда, такъ и плюешь горло-то!

— Ладно, пусть плюютъ! отвѣчала дочь Тарелкишны: — только твой же муженекъ, Курицынъ-отъ, даромъ-что тихоня, балясы намъ точилъ, да фигу съѣлъ! Даромъ-что разлѣзлась, поперегъ шире — вѣрно не такъ-то скусна! Какъ около

тебя, ступы гороховой, ни покружатся, все къ памъ да къ памъ лѣзуть!

— Чтò и говорить! Съ пьяныхъ глазъ иной дуракъ и втемяшится, чтобъ хворобу нажить! На, пожалуй я тебѣ Курицынато, коли любь больно, съ рукамъ, съ ногамъ отдашь: прогони съ глазъ долой, такъ поневолѣ ко всякой сволочи полѣзеть!

При этомъ Курицина звонно расхохоталась.

— Тыфу мнѣ на него, — для тебя только онъ и гождь... уродина такой же, какъ и ты!.. совсѣмъ разбѣсилась дочь Тарелкишвы, и нечаянно обративъ вниманіе на Бѣлоусова, вдругъ накинулась на него: — ты что буркалы-то вылупись, старая собака!

— А коли я старая собака, такъ хочу обѣяхъ васъ верелаять!.. отвѣчалъ этотъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ: — потаскушки вы, погань эдакая! Валъ бы я плеть, трехвѣстку хорошую, разложилъ бы васъ, да поролъ бы, поролъ, какъ сидоровыхъ козь!

Но потокъ дая, грозящаго излиться изъ медоточивыхъ устъ Бѣлоусова, былъ нежданно задержанъ появленіемъ Бориса. Увидѣвъ его, старый бурлакъ торжественно плюнулъ и пошелъ прочь.

— Здорово живешь, Костоломша! Гдѣ шлался по ею пору? поди брякинскихъ дѣвокъ высматривалъ, испостался на лодкѣ-то... Этого добра у насъ въ Выползовѣ поболѣ: вошь двѣ молодки — любую бери...

— Не до нихъ еще мнѣ, дѣдушка! отвѣчалъ Борисъ: — надо къ мѣсту пристроиться.

Сосѣдки-огородницы тоже призамолкли, любопытно всматриваясь въ новую личность.

— Отколева эдакой, не знаешь, Аннушка? спросила Курицына, уже совершенно дружелюбно обратившись къ дочери Тарелкишвы.

— Прахъ его знаетъ... Матушка говорила, — какой-то изъ деревни въ мѣщана переписался, на лодкѣ у Червячкова работаетъ: онъ надо-быть... отвѣчала Аннушка.

Между тѣмъ Бѣлоусовъ ввелъ Бориса въ свое помѣщеніе, обрѣтавшееся въ общей избѣ, составлявшей родъ кухни, отъ которой отдѣлялась свѣтлая горенка, занятая хозяйками, и имѣвшая въѣзды хозяйкой, знакомой читателю госпожой Курицыной. Читатель уже имѣлъ случай видѣть разнохарактерность этой пре-

лестней пары: дураковатый и мѣшковатый Курницынъ обрѣтался въ загонѣ у своей разбитной на всѣ руки половины, которая въ силу своей власти сама себѣ предоставляла пожить повозможности весело, принарядиться, къ зависти всѣхъ вынолзовскихъ дамъ, погулять, покутить, чайкомъ и орѣшками побаловаться, а мужа держала въ черномъ тѣлѣ.

Бѣлоусовъ и Борисъ застали хозяина валяющимся на лавкѣ и судорожно прихрапывающимъ.

Изба уже видимо достигла преклонныхъ лѣтъ, да и содержалась не въ надлежащей чистотѣ: поэтому въ ней было кѣпотно, грязно, сыро, а потолокъ и стѣны унизались тараканами.

— Вишь, Курца, какъ расхрапѣлся! сказалъ Бѣлоусовъ и поволокъ хозяина за ноги: — эй ты, Фирюль, пробуждайся-ка!

Фирюль совершенно покорно, безъ малѣйшаго сопротивленія; отпустился съ лавки и тупо посматривалъ передъ собой.

— Хошь бы винцомъ чтоли угостилъ? Что зеньки-то уставишь! Гдѣ у хозяйки графинчишко-то стоитъ, найди-ка: вѣдь выпить же голубчикамъ!

— Хм... заухмылялся Курицынъ; — заругается вѣдь она, нельзя!

— Эка бѣда! поругается да отстанеть: браць не побои, на вороту не виснетъ! Скажи-моль гость пришелъ, новый чело-вѣкъ: нельзя-моль...

— Хм... берите сами-тка, и я съ вами выпью... тамъ въ гор-ницѣ, подъ кринкой стоитъ...

Давно бы сказалъ, голова!

Бѣлоусовъ непреминулъ воспользоваться указаніемъ, и скоро зеленеватый графинчикъ очутился на столѣ.

— Это Котолумушкѣ, выпить на чужой сторонущкѣ: повеселѣе будетъ!

— Да вѣдь не пью я... лѣниво отиѣкивался Борисъ, дѣйствительно еще не постигшій сладости хмѣльнаго питія, но въ головѣ его блуждала неопредѣленная мысль: а можетъ-быть и точно повеселѣе будетъ? всѣ пьютъ, отчего и инѣ не выпить!

— Эхъ ты, голова-головушка! — не пью! Хлебии, небось не околѣешь, за языкъ не укусить!

На этотъ разъ нашъ переселенецъ не могъ одолѣть невольнаго стремленія и разомъ осушилъ «чубурышечку»: ничего, горьковато, першить въ гортань, а въ головѣ такъ пріятно забудара-

жилося что-то, и по тѣлу словно возбуждательная сила какая-то пробѣжала, такъ что плечи и руки сами собой передернулись.

— Эхъ! первая рюмка колѣмъ, вторая соколѣмъ! подхватилъ Бѣлоусовъ, называя другую чубурышечку, которую Борисъ выпилъ уже неотпѣкиваясь и примолвивъ: «знатно!» причемъ крикнулъ и щелкнулъ языкомъ.

— Молодца-кусокъ! похвалилъ его Бѣлоусовъ.

Затѣмъ онъ почувствовалъ нѣкоторую развязность, утраченную вмѣстѣ съ переселеніемъ изъ Стобрюхова.

— Чтоже ты, Курицынъ, хоть бы «стукоту-брякоту» затащилъ! сказалъ онъ: — сидить какъ тетеря и носъ повѣсилъ!»

— Можно... отвѣчалъ Курицынъ, ухмыляясь, и затащилъ: «сту-ко-тѣ, бря-ко-тѣ...»

Но въ это время вошла сама хозяйка.

— Заоралъ, дѣраково поле! сказала она: — ты бы, Бѣлоусовъ, хоть билъ его, право. Это откуда у васъ? (она указала на графинчикъ) какъ ты смѣлъ вытащить, свиное рыло? для тебя это нешто приготовлено!

— Хм... дура — гость, видишь... новый человекъ... не для себя вѣдь...

— Слышишь, Дунюшка, дѣло вѣдь онъ говорить-то! сказалъ Бѣлоусовъ: — онъ вѣдь умница у тебя!

— Умница, умница, хвалить пѣтухъ да курица; кумъ Ермошка — красная ложка, да я немвожко! замолвилъ и Ворисъ, смѣясь пьянымъ смѣхомъ.

— Экой шутникъ ты, Костоломъ! отозвался Бѣлоусовъ.

— То-то гость, — гостя милости просимъ, а самъ-то почто назюзюкался? продолжала хозяйка: — вы въ наши мѣста переселились? Милости просимъ любить да жаловать! Полюбился ли вамъ нашъ городъ?

— Знатное мѣсто! Городъ — одно слово. Церквей-то, кабаковъ-то — фу ты къ лѣшему!

— Холостой вы, или женаты?

— Хо-ло-стой! Куда намъ жениться!..

— Да и непочто: такая пожалуй вѣдьма навяжется, что хоть матушку рѣпку пой, хоть въ петлю ползѣть такъ впору!

— Это правду, дѣдушка, вымолвилъ: у насъ въ деревнѣ немало бывальщинъ про эвакіе случаи рассказываютъ...

— Ой-ли, парень! путка, ну — Расскажи!

— Дя-ча не разсказать хорошему человѣку!

Борись прокашлялся...

— Жила-была дѣвка — красатуня изъ себя, вотъ примѣрно — какъ хозяйшка; а у дѣвки, какъ быть слѣдуетъ, завелся голубчикъ: статья извѣстная, что нѣтъ такой дѣвки, у которой бы голубчика не было... Вотъ и выдали дѣвку замужъ, только не за голубчика-то, — за другого парня, эдакого знаешь увальня, къ примѣру вотъ хоть бы за Курицына...

— Хм... отозвался Курицынъ, а жена его ласково посмотрѣла на рассказчика...

— Ладно. Вотъ она и говоритъ голубчику-то: какими бы побытомъ винаестъ, а ужъ я тебя пушу въ первую ночь къ себѣ почевать. Ну ладно. Обвѣнчали ихъ, значить — и на подклѣтъ положили. Ладно. Лежать себѣ они на постели, какъ вдругъ коровы замычали. «Охъ, тошнехонько! — заголосила молодая-то: первую ночь да и уснуть-то не дадутъ, надо идти коровъ загнать!» А мужъ-то ей: постой, Авдотья, — лежи! Я ужъ схожу, загоню... Онъ былъ значить того, простовать... Ну, ладно. Пошолъ, а она голубчика-то впустила, да и двери на крючекъ. Побѣжалъ мой Павелъ (это мужъ-то) босикомъ, въ одной рубахѣ, — а вѣдь дѣло-то зимой было, морозъ страшнѣющій прихватилъ; загналъ коровъ, воротился и стучитъ тихохонько у подклѣта... «Кто тамъ?» — Это я, Авдотья, мужъ твой Павелъ,пусти! — «Какой тамъ Павелъ, — разѣ окалнный дьяволъ! у меня Павлушко-голубчикъ на ручкѣ спить! (За жену Борись, уже совсѣмъ развернувшійся, по-стобрюховски, говорилъ тоненькимъ, пискливымъ голоскомъ, что значительно усиливало эффектъ его разсказа). — Какъ же это, задумался мой Павелъ: полно я ли это? постой же, пойду я къ вороному жеребцу, онъ никому, окромѣ меня, поглядить не дастся; коли дастся — такъ я, а не дастся — не я. — Во какъ она его отурила! Ладно. Пошолъ къ жеребцу, погладилъ его: я! Опять стучится къ своей бабѣ: «Кто тамъ? — Это я, Павелъ! Отопри, Авдотья! — «Какой тамъ Павелъ, разѣ окалнный дьяволъ! у меня Павлушко-голубчикъ на ручкѣ спить! — Что за грѣхъ такой, думаетъ Павелъ: вѣрно это не я! Постой, отъ лѣта на полосѣ борона осталась: коли борону найду — я, коли нѣтъ — не я... Пошолъ въ поле, рылся-рылся въ снѣгу, нашолъ борону: я! И опять стучится: «Кто тамъ?» — Это я, мужъ твой Павелъ, отопри, Авдотья. — «Какой тамъ

Павелъ, разѣ окаянный дьяволъ! у меня Павлушко-голубчикъ на ручкѣ спитъ!» — Какъ же быть-то? вѣдь не я! Пойду къ пономарю: онъ вчера при вѣщаньи былъ, такъ знаетъ меня, спрошу его. Побѣжалъ къ пономарю, разбудилъ и разсказалъ все. Тотъ посадилъ его на закукорки и потащилъ. Опять стучится, — все также пѣсня. «Какъ тамъ Павелъ! Разѣ окаянный дьяволъ! У меня Павлушко-голубчикъ на ручкѣ спитъ!» Какъ услышалъ это пономарь, подумалъ, что онъ и на самомъ дѣлѣ дьявола принесъ, да какъ бросилъ Павла, и драмо... Всталъ мой Павелъ, нечего дѣлать, взомолъ тихонечко въ избу, да завалился на печь. Утромъ молодая выпустила голубчика, вошла изъ подклѣта въ избу, здоровается со свекромъ, со свекровью: «охъ батюшка съ матушкой! какого вы дурака женили, первую-то ночку да всю пробѣгали, одну меня одинешеньку опокинулъ!» А тотъ услышалъ, да съ печи-то лишь захопалъ въ ладоши: «свотъ такъ, говорить, дурь-то и все обмацываютъ!..» Такъ вишь какія жовы-то попадаютъ!..»

Слушатели были въ восторгѣ и хохотали, а Бѣлоусовъ хлопнулъ Бориса по плечу: «эге, братъ! да ты, я вижу, молодца кусокъ, а чушкой прикинулся, экой прѣхирь какой!

— Вотъ оно какво жениться-то! молвилъ Борисъ.

— Такъ, Костоломушко, такъ... Толи дѣло по нашему: рюмку красной, да бѣлой двѣ; разчюмокъ Палашку, да Таньку два!»

— Ой ужъ ты-то, сѣдой чортъ: сѣдина-то въ бороду, а бѣсъ въ ребро! заговорила хозяйка. — Ай да баба! да и муженекъ — ужъ дураково поле, ни дать, ни взять мой Курцынъ!

— Не диковинка, хозяйка, что баба хитрѣ мужика: эфто совѣмъ не въ диво! отвѣчалъ Борисъ. — Знаешь ли ты: мужикъ-то ухалъ по дрова въ лѣсъ, влѣзъ на сучекъ да и подрубаеть его; идетъ мимо солдатъ: «мужикъ, мужикъ, что ты дѣлаешь! вѣдь ты упадешь!» — Какъ-ста упаду, отчего упасть! Рубить себя, какъ подрубилъ, виѣсть съ сучкомъ и бухъ наземь... «Акъ ты, лѣшій! взаправду упалъ, вѣрно солдатъ дока, все знаетъ! Постою же, догоню его, спрошу, сколько у меня коровъ: скажетъ, такъ обѣихъ ему отдамъ! Догналъ. — Эй солдатъ! угадай, сколько у меня коровъ, обѣ твои! — Двѣ!» — Неча дѣлать, пойдемъ, бери коровъ! — Пришли въ избу: «эй жена! отдавай солдату коровъ; я ему сказалъ: узнай, сколько у меня коровъ, обѣ

твой, онъ и угадалъ! «Ахъ ты дуракъ, дуракъ! говорить жена: самъ же ты сказалъ — обѣ твой, вѣтрудно было угадать,» — прогнала солдата и коровъ не дала .. Да баба-то въ ину пору гораздо поумнѣе да педогадливѣе мужика бываетъ. Такъ ли, Курицынъ?

— Хм... отвѣчалъ Курицынъ: — ну ты къ лѣшему съ баба-ми-то!

— Молодчина, Костоломушка, молодчина! продолжалъ подхваивать Бѣлоусовъ: — только вотъ вина-то у насъ не того! Пойти развѣ къ Тарелкишиѣ, въ займы попросить.

— Къ Тарелкишиѣ! сказалъ Борисъ: — и взаправду пойдешь! Она мнѣ еще фатеру сулила...

— Ну и ладна! за постояльца съ нею лѣтки содрать надо!

Отправились къ Тарелкишиѣ, которую и встрѣтили на крыльцѣ низменнаго домика въ три окошка.

— Ну, Тарелкишна, вотъ такъ я тебѣ постояльца привелъ...

— Ты привелъ! не самъ ли онъ пришолъ, полно?.. Здорово, Борисушко, входи въ избу-то, входи добро...

Домикъ ея раздѣлялся на двѣ совершенно отдѣльныя половинны: въ передней, довольно опрятной, съ красными занавѣсками, помѣщалась она сама, а въ задней жили постояльцы; одна коморка оставалась пуста, и она-то предоставлялась въ жилище нашему переселенцу.

— Ну что стоите-то? — въ ногахъ правды нѣтъ! садитесь, такъ гости будете.

— Спасибо, тетка! отвѣчалъ Борисъ и пошатываясь, направился къ лавкѣ.

— Да ты никакъ подгулялъ ровно, что тебя пошатываетъ!

— Ничего это, тетушка, знаешь, молодо-зелено, погулять велѣно! — Пьянъ да уменъ, два угодыя въ немъ! подхватила Бѣлоусовъ.

— Пожалуй что и такъ, Бѣлоусушко. Нонѣ, братъ, и цвѣсты ужъ не спрашиваютъ, пьютъ ли, а смиренъ ли во хмѣлю-то!.. Пожалуй что и такъ. Сама я, грѣшница, подчасъ непрочь отъ выпивки-то...

— Да ужъ что я сказалъ, такъ правда, продолжалъ Бѣлоусовъ. — Ахъ, кто бы намъ поднесъ, да мы бы выпили!

— То-то, то-то, старый! вижу я, куда ты гнешь-то...

— А какъ же ты думала! Я того и жду, что ты литки ради новаго постояльца выставишь, да пирожковъ поволожишь...

Скоро ударили по рукамъ, и Бѣлоусовъ едернулъ-таки съ хозяйки полуштофъ и до того развеселился, что даже запылъ:

«Ты, старушка безъ зубовъ» и проч.

Когда Борисъ остался одинъ въ новомъ своемъ жилищѣ, — въ головѣ его, отъ непривычной выпивки, былъ совершенный туманъ; встрѣтившись въ снѣгахъ съ Аннушкой, онъ какъ-то безсознательно началъ заигрывать съ ней; Аннушка оказалась очень податливой: «экой лакомка какой, только переѣхалъ, да ко вдовѣ и нарохтится! Экой сахаръ медовичъ!» говорила она, несдѣлишкомъ заботясь избавиться отъ любезностей молодого парня. Черезъ нѣсколько дней они были уже совершенные друзья, а все Выползово толковало, что Аннушка въ Костоломихи лѣзеть. Въ этомъ слухѣ была доля правды. Аннушка оставалась вдовой по тому случаю, что мужъ ея за разбой былъ сосланъ въ каторжную работу, хотя два раза прибѣгалъ оттуда на родину, да обѣщался быть и въ третій, чтобы умереть дома; приобрести такого работающаго и смиреннаго мужа, какъ Борисъ, казалось выгоднымъ и самой Аннушкѣ, и почтенной вѣковницѣ. Поэтому старуха видимо поощряла интимныя отношенія своей дочери съ Борисомъ. Чтоже касается до Бориса, ему такая мысль и въ голову не забѣгала: не успѣвши осмотрѣться и устоявиться въ новой жизни, онъ попалъ въ такой кружокъ, гдѣ его совсѣмъ «съ пахвѣй сбили» что-называется: съ утра его подпивали, а вечеромъ, съ совершенно отяжелѣвшей головой, укладывали въ темную каморку, куда немедленно приходила и Аннушка. Въ какомъ-то туманѣ, который не разбѣвался отъ безсознательной тоски, проходили дни его, пока Червячковъ не потребовалъ своихъ работниковъ на лодку.

Это путешествіе отрезвило нашего парня, и онъ съ горькимъ чувствомъ неудовольствія возвращался въ свое жилище. Дѣло было поздно вечеромъ, и никѣмъ незамѣченный, онъ вошелъ и улегся въ темной каморкѣ, какъ вдругъ услышалъ у дверей стукъ и потомъ разговоръ такого сорта:

— Кто тамъ? спрашивала Тарелкишна.

— Я! отвѣчалъ басистый голосъ: — отпирай, отпирай, Петровна!

— Ой баринъ, позднеенько! я вчера ждала-ждала тебя: у меня и гости были — ахъ какія ужь раскрасавицы, любо-дорого взглянуть. А теперь цикаго не найдешь!

— Ну, врешь ты, старая хрычевка, отъ меня вѣдь не отлыняешь!.. Аннушка твоя дома?

Затѣмъ послышались шаги въ коридоръ, господинъ съ басистымъ голосомъ и, какъ было замѣтно, «съ мухой въ головѣ», прошолъ въ переднюю половину, а почтенная вѣкошница въ заднюю, и черезъ перегородку Борисъ услышалъ внятный шопоть: «подъ, Анютка... когда еще твой Костоломъ вернется!»

— Чтобъ не пронюхалъ онъ, мама!

— Гдѣ ему, Фифану, пронюхать! Да экая бѣда, вѣдь еще не жена ему, — вотъ ужь вернется, такъ со свидѣтелями накроетъ его, да и женимъ...

Голоса смолкли. Борисомъ овладѣло полное отвращеніе; онъ тихонько выбрался изъ дому въ злобномъ волненіи и побрелъ по улицѣ.

— Кто идетъ? окликнулъ его голосъ, по которому нетрудно было узнать Курицына.

— Я, — Курицынъ, я...

— Хм... Костоломша... свой значить, свой... возьмемъ и его братъ, свой онъ! Мы, голова, того хотимъ, денегъ заработать: пойдемъ съ намъ!

— Пойдемъ.

— Да ты, какъ тебя, Костоломъ чтоли, чуръ нишкни! Не выдай! сказалъ товарищъ Курицына, плотный, высокій парень: — иначе берегись! я, братъ, съ каторги трою вотъ сбѣжалъ, миѣ все выпочемъ; выдашь — такъ и еще разъ сбѣгу, только ужь и тебѣ жутко придется, не слобровать!

— Полно, Блоха, сукинъ котъ, энъ расхайдакался! Дурова голова, это вѣдь нашъ парень-отъ, да еще какой!

Борисъ чувствовалъ что-то недоброе, но не сказалъ ни слова.

— Выпить надо для куражу! сказалъ Блоха. — Стой, ребята, я до кабачка сбѣгаю!

Скоро явился штофъ, котораго хватило не надолго. Головы товарищей зашумѣли, и они отправились странствовать черезъ огороды... куда? Борисъ рѣшительно не постигалъ, какъ и всего что дѣлалось потомъ. Видѣлъ онъ только, что они пришли на

какой-то дугъ, гдѣ бродили стреноженные лошади, что выбрали изъ нихъ трехъ покрасивѣе, повели куда-то въ лѣсъ, въ трущебу, гдѣ Блоха, смуглый, худощавый мужикъ, съ клеймами на лбу и на щекахъ, закололъ несчастныхъ животныхъ; видѣлъ какъ бились и стонали въ предсмертныхъ мукахъ бѣдныя животныя; какъ тотъ же Блоха, при помощи Курицына, содралъ шкуры, а трупы оставилъ тутъ, въ трущебѣ, гдѣ цѣлыя груды скелетовъ свидѣтельствовали, что здѣсь непервое производится подобная операція... На возвратномъ пути Борисъ вспомнилъ о слухахъ, которые неразъ доходили до него, — что въ Бряжинѣ и сосѣднихъ деревняхъ часто пропадаютъ лошади, да изъ разговора товарищей своихъ понялъ, что Блоха — никто другой какъ мужъ Аннушки, въ третій разъ вернувшійся съ каторги... Въ ужасѣ, преисполненный тоски и отвращенія, приползъ онъ за товарищами въ какой-то сѣновалъ для ночлега; онъ не спалъ всю ночь, по уйти не смѣлъ. Рано утромъ Блоха усѣлъ куда-то сбить шкуры и возвратился съ деньгами.

— Ну, ребята, подемъ, покутимъ! Къ тебѣ въ избу можно? сказалъ онъ: — эхъ мы, каторжные, лихой народецъ: изъ камня деньги добудемъ!

Курицыной дома не оказалось, и поднялся пиръ горой, къ которому присоединился и Бѣлоусовъ. Но Борису вино не шло въ горло, его пронимала лихорадочная дрожь. Напрасно угощалъ его Блоха, напрасно Бѣлоусовъ вызывалъ его рассказать побывальщину, называя «молодца-кускомъ»...

— Ну его къ лѣшему, коли ломается! сказалъ Блоха: — я вамъ, ребята, каторжную пѣсню спою. Онъ крикнулъ, подперъ кулакомъ подбородокъ и басомъ, словно дячекъ, затянулъ:

• Запоемъ мы на гласъ шестой...

Сидѣлъ Антошъ-мельникъ подъ горой,

Приходили съ Дому къ Антону

Двѣ женщины молодья:

Антоше, Антоше! скуй намъ желѣзные заслоны:

У насъ кошки повытаскали лепешки,

Борзыя собаки повыгнѣбали молоко,

Не оставили сѣрому волку,

Косолапому медвѣдю,

Длинноухому зайцу,

Лѣвному учителю хѣ-мя-бу!

Курицынъ былъ въ восторгѣ, но Бѣлоусовъ нахмурился:

— Отстань, отстань! эти пѣсни не намъ слушать; да и не тебѣ бы пѣть: вѣдь самъ говоришь — умереть приполъ на родину.

— Стой, стой, Бѣлоусушко: толи еще будетъ! сказалъ Блоха и вдругъ заярилъ звонкимъ тепоромъ:

«Летѣли, летѣли
Четыре тетери,
Пятая утица,
Седьмой селезень,
Восьмая во-ро-на...»

— Знато, знато! отозвался Курицынь.

— Ну, братъ, съ этими пѣснями я тебя за дверь выкину. Убирайся къ Тарелкишиѣ, да и распѣвай тамъ, коли пустять! сказалъ Бѣлоусовъ.

— Ты меня выкинешь! Ахъ ты, старый хрычъ! не справлюсь я съ тобой чтоли? береги бороду-то; и не такія выщипывали! отвѣчалъ Блоха, безъ церемоніи хватая Бѣлоусова за бороду.

Старикъ, весь блѣдный, всталъ съ лавки, скрежеща зубами,

Что происходило потомъ — Борисъ не видалъ: имъ овладѣлъ паническій страхъ; дрожа всѣмъ тѣломъ, выбѣжалъ онъ сперва изъ курицынской избы, потомъ изъ Выползова, и очутился на крыльцѣ у Расторгуева съ рѣшительнымъ намѣреніемъ принять невыгодное предложеніе богатаго родственника, лишь бы не возвращаться въ Выползово. Пудъ Петровичъ недаромъ сказалъ: «надумаешь, такъ приходи» и не безъ удовольствія принялъ Бориса къ себѣ на службу.

VI

СКОПИДОМЪ

Пудъ Петровичъ Расторгуевъ, хотя писался уже не купцомъ третьей гильдіи, а мѣщаниномъ уѣзднаго города Брякина, былъ почтеннымъ лицомъ у всѣхъ сословій: дворянъ, чиновниковъ и мѣщанъ. Лѣта его были, какъ уже извѣстно читателю, преклонныя, хотя по наружности онъ выглядывалъ крѣпшомъ и, при небольшомъ ростѣ, отличался, какъ всѣ костоватые, сухощавые люди, очень прочнымъ тѣлосложеніемъ; даже волосы его, под-

стриженные въ кружокъ, правда не были изобильны, особенно напередѣ, но сохранили свой природный русый цвѣтъ, а въ клиновидной бородкѣ едва начинала серебриться сѣдина. На этомъ основаніи ни ключница Пуда Петровича, уже знакомая читателю, довольно ветхая Авдотья, съ птичьей физиономіей, ни приказчикъ, который долженъ былъ замѣниться Борисомъ, ни постоялецъ — сѣдовласый острожный смотритель, ни длинная шадровитая супруга этого послѣдняго, попивая у нашего скопидома чаекъ съ угрызеньицемъ, или играя въ пашки да московскіе дурачки и бесѣдуя о житейской суетѣ, никакъ не соглашались признать его старикомъ.

— Какой еще ты старикъ! говаривалъ смотритель, лукаво подмигивая: — выбережекъ! я тебя лѣтъ съ двадцать все такимъ помню!

— Ужъ нечего сказать, Пудъ Петровичъ, прибавляла смотрительша: — хоть сейчасъ подь вънецъ!

— Да вотъ еще какъ у насъ! поддакивала самодовольно Авдотья, обтирая постороннюю каплю, выступившую изъ птичьего носа и наполняя чашки крѣпкимъ и чернымъ, какъ деготь, чаемъ.

Но самодовольно и лукаво улыбающійся Пудъ Петровичъ указывалъ на свой голый лобъ:

— А это-то что?

— Это вамъ за правду лица прибавилось! любезно возражала смотрительша. И еще шире раздвигался ротъ Пуда Петровича отъ самодовольной улыбки.

Говоря о волосахъ, обстриженныхъ въ кружокъ и клиновидной бородкѣ, мы намекнули уже, что почтениѣйшій скопидомъ нашъ ходилъ порусски, а именно: въ штанахъ, запритываемыхъ за сапоги, и въ синей суконной или панковой чуйкѣ; зимой же просто въ дубленкѣ, украшенной котиковой выпушкой; на торжественныхъ случаяхъ — въ черномъ длиннополомъ сюртукѣ, а на торжественнѣйшихъ — въ шитомъ мундирномъ кафтанѣ, въ которомъ изображонъ и на портретѣ. Это поясное изображеніе нашего скопидома въ натуральную величину — работа мѣстнаго художника и горькаго пьяницы, какъ подобаеть всякому истому мѣстному художнику, — красовалось въ гостиной на самомъ видномъ мѣстѣ, рядомъ съ таковымъ же подобіемъ покойной супруги Пуда Петровича.

— Эки славные у тебя портреты, Пудъ Петровичъ! говори-
валъ всякій новопріѣзжіи, впервые посѣщавшіи нашего героя: —
только-что не говорятъ! Знатные портреты!

Пудъ Петровичъ самодовольно поглаживалъ бороду.

— Двадцать рублей въ асгнаціямъ мастеру платилъ!

Упомянувъ о мундирномъ кафтанѣ, мы опять-таки совер-
шенно справедливо намекнули, что Пудъ Петровичъ былъ не
только частнымъ дѣятелемъ, наживая деньги въ свою кубышку,
но посвящалъ себя и общественной дѣятельности, которая и
доставила ему на всю жизнь мундирный кафтанъ. Дѣйстви-
тельно, онъ три трехлѣтія служилъ градскимъ главой, въ како-
вой должности и заслужилъ вышеписанное, весьма красивое
и на портретѣ, и въ натурѣ почетное одѣяніе.

Прошедшее достопочтеннаго Нуда Петровича не изобило-
вало происшествіями: онъ разжился мелочной торговлей, на-
чавъ съ пятидесяти рублей (асгнаціями, по старому счету),
благодаря строгой, почти монашеской жизни, совершенному
безстрастію и желѣзнымъ свойствамъ характера, и болѣе двад-
цати лѣтъ числился брякинскимъ купцомъ третьей гильдіи.
Сперва онъ завелъ крытыя лодки, которыя возили и разнокали-
берные товары, и пассажировъ, а потомъ отправлялъ и цѣлыя
барки въ Питеръ и въ Архангельскъ: къ этому-то послѣднему
времени относится и тѣ, по выраженію Тарелкишны, «темныя
дѣла», которыя имѣлъ Расторгуевъ съ Червячковымъ. Дѣла
были дѣйствительно «темныя», но результаты ихъ въ отношеніи
Пуда Петровича были совершенно ясные для всѣхъ: онъ по-
шелъ въ гору съ года на годъ. Считаемою своею обязанностью
прояснить темныя дѣла нашего героя. Дѣло въ томъ, что мелоч-
ная торговля и мелочные барыши неудовлетворяли его; хотѣ-
лось развернуться пошире, а развернуться неначто; надо было
на штуки подняться. И выдумалъ Пудъ Петровичъ штуку,
сущность которой состояла вотъ въ чемъ: дать кому-нибудь
безденежный вексель, тысячи въ двѣ-три, конечно обезпечив-
шись чѣмъ-нибудь на случай измѣны, и воображаемаго заимо-
давца отправить въ Питеръ, чтобы онъ представилъ вексель для
учета; соберутъ справки изъ Брякина о благонадежности вексе-
ледателя, выдадутъ денежки, — и будетъ на что развернуться,
даже подѣлившись съ товарищемъ; года достаточно, чтобы
саѣлатъ оборотъ: останется только получить барыши, да въ

срокъ денежки внести, и дѣло въ шляпѣ; а тамъ, если понравится, можно и повторить штуку, да еще въ большемъ размѣрѣ.

Вотъ сущность выдумки почтеннѣйшаго Расторгуева. Не долго колеблясь, онъ убѣдилъ себя, что такая штука можетъ быть названа невинной, и рѣшился привести ее въ исполненіе. Прежде всего надо было выбрать надежнаго, подходящаго человѣка. Выборъ нашего прозорливаго скопидома весьма удачно палъ на знакомаго читателю Червячкова, который удивился величію мысли Расторгуева и принялъ его предложеніе безъ всякаго противорѣчія. Дѣло пошло на ладъ. Повторяя штуку въ продолженіе семи лѣтъ и играя въ ней главную роль, Пудъ Петровичъ богатѣлъ съ году на годъ: онъ умѣлъ то быть осторожнымъ, прижимистымъ, то рисковать повидимому очертя голову, но въ сущности на основаніи очень тонкихъ соображеній. Но Червячковъ, которому доставалась лишь незначительная доля денегъ, не обладалъ ни смѣлкой, ни характеромъ своего товарища, и дѣла его туго подвигались впередъ. Въ одинъ годъ Расторгуевъ объявилъ, что намѣренъ прекратить сдѣлки, и только послѣ усиленныхъ упросовъ со стороны Червячкова, согласился еще на годъ, предоставивъ на этотъ разъ весь капиталъ отъ векселя своему товарищу: «разживайся-молъ разомъ, сколько ума хватить, да и квиты дѣло!» Обрадовался Червячковъ, принялся хлопотать, нагрузилъ барку овсомъ, сварядилъ на нее старшаго сына и отправилъ въ Архангельскъ... Но увы! — неудача преслѣдовала его даже во образѣ сына: загнанный, забытый мальчикъ, почувствовавъ себя впервые на волѣ, вдругъ развернулся: продалъ товаръ, получилъ денежки и всѣ до копѣйки прокутилъ; его дальнѣйшая судьба извѣстна читателю. Это несчастье дорого стоило Червячкову: домъ, земля, все имѣніе пошло въ продажу для уплаты долга по векселю, да въ придачу всѣ крупницы, падавшія на его долю отъ сдѣлокъ съ Расторгуевымъ, — онъ остался съ одной лодкой, да десятью рублями, пожертвованными несчастливцу отъ щедротъ Пуда Петровича.

Между тѣмъ нашъ скопидомъ достигъ полнаго величія. По случаю купилъ онъ задешево самый большой въ городѣ двухъ-этажный каменный домъ на берегу, обстроилъ его деревянными флигелями, населилъ постояльцами и такимъ образомъ создалъ

около себя свой собственный мірокъ... Да! мы упустили изъ виду очень важную сторону жизни почтеннаго скопидома, — его семейныя обстоятельства. Женился онъ въ очень молодыхъ лѣтахъ, но жена его перешла въ такъ-называемый лучшій міръ еще въ цѣлѣ лѣтъ, наградивъ своего сожителя, въ десять лѣтъ супружескаго сожитія, одною только дочерью. Дочь свою Пудъ Петровичъ, безъ сомнѣнія, какъ единственное чадо, очень любилъ, но едва ли больше вышесказаннаго каменнаго дома, такъ что при первомъ удобномъ случаѣ, когда одна изъ родственницъ покойной сожительницы изъявила желаніе взять къ себѣ восьмилѣтнюю Машу, онъ непреминулъ сбыть съ рукъ это единственное чадо, отправилъ ее въ губернской городъ, къ добродѣтельной родственницѣ, а самъ, оставшись одинъ какъ перстъ, обзавелся ключницей Авдотьей, которая однако состарѣлась гораздо ранѣе его.

Восьмилѣтняя Маша конечно ничего не потеряла, перейдя на попеченіе родственницы, которая сумѣла дать ей не блестящее, но основательное воспитаніе, неиспорченное ни безпутнымъ купеческимъ баловствомъ, ни тупоумной деспотической строгостью.

Прослуживъ три трехлѣтія градскимъ главою, Пудъ Петровичъ, дабы понапрасну не платить гильдейской повинности, потому что торговые обороты онъ, съ округленіемъ состоянія, все суживалъ да суживалъ, опять переписался въ свое первобытное состояніе, то-есть въ мѣщане, а въ видахъ удовлетворенія своему честолюбію и жаждѣ дѣятельности, опредѣлился церковнымъ старостою въ городской соборъ и радѣль-себѣ о благолѣпнѣй церковномъ, делѣя одну завѣтнѣю, упорно преслѣдующую его мысль: отлить для собора тысяча-пудовой колоколъ, такъ чтобы за пятьдесятъ верстъ въ окружности звонъ былъ слышенъ, а на колоколѣ отчеканить свое имя въ наслѣдіе будущимъ поколѣніямъ.

Мы уже въ началѣ этой главы говорили, что Пудъ Петровичъ былъ лицомъ уважаемымъ во всемъ городѣ, у всѣхъ сословій, и это совершенная правда. На всѣхъ закускахъ или кормленьяхъ, большихъ и малыхъ, именинныхъ и похоронныхъ, вечерахъ и вечеринкахъ онъ былъ непремѣннымъ гостемъ, и самъ изрѣдка дѣлалъ вечера и кормленья для уѣзднаго общества, которое не пренебрегало ими.

Новопріїзжимъ сначала казалось страннымъ вмѣшательство простаго мѣщанина въ *благородное* общество, но всякій обжился съ этой странностью и привыкалъ видѣть въ нашемъ героеѣ необходимое что-то. Многие съ упрекомъ говаривали Пуду Петровичу: «какъ-моль не стыдно тебѣ, съ твоимъ состояніемъ-то, мѣщаниномъ писаться, и въ такія почтенныя мѣта!»

Но Пудъ Петровичъ лукаво и самодовольно ухмылялся, насколько не смущаясь:

— А зачѣмъ-ста мнѣ лишнія деньги платить? Для коего праха я купцомъ буду писаться? Дѣти у меня чтоли? Дочь одна, какъ снѣжь-порохъ въ глазу, и та при мѣстѣ! Слава те Господи, добрые господа и мѣщаниномъ не брезгаютъ!

Торговлю нашъ скопидомъ суживалъ съ каждымъ годомъ и велъ ужь такъ, для ради препровожденія времени, продавая разный красный товаръ, большею частью для крестьянъ, въ лавочкѣ при домѣ, а болѣе по сельскимъ ярманкамъ и торжкамъ: для разѣздовъ командировался приказчикъ-старикъ, уже выжившій изъ ума, на смѣну котораго поступилъ Борисъ; продажа шла и на деньги, и на хлѣбъ, и на всякую всячину: популярность Пуда Петровича въ уѣздѣ была истинно изумительна. Но не меньшею популярностью пользовался онъ и между мѣщанами: денегъ ли надо признантъ, хлѣба ли, всякъ къ нему; городъ бѣдный, зажиточнаго да запасливаго люда мало.

Когда герой нашъ, въ воскресенье, облекшись въ форменный кафтанъ, примасливъ жидкіе волоса, самъ обходилъ, во время обѣдни, церковь съ блюдомъ и кружкой,—всякій, положивъ свою лепту туда и сюда, кланялся почтенному скопидому, называя его по имени, а высшія лица совали свою руку подъ блюдо и говорили какую-нибудь любезность. Еслиже иной скряга клалъ на блюдо мало или вовсе ничего, то Пудъ Петровичъ осклабившись замѣчалъ: — такъ ужь за вами, сударь, останется!

На кормленьяхъ для Пуда Петровича, яко великаго постника, соблюдающаго даже среды и пятницы, приготавливались нарочно постныя блюда. На вечерахъ для него устраивался бостонъ. У него даже была особая постоянная партія: изъ уѣздашаго политика — неслужащаго помѣщика, сѣденькаго старичка, который половиной общества именовался «дяденькой», вѣроятно потому, что у него было девяносто незаложенныхъ душъ; виннаго

пристава, тоже преклоннаго старца, надъ которымъ тяготѣла тиранія чахоточной жены, и учителя уѣзднаго училища, весьма скромнаго господина, особенно чтимаго старческимъ населеніемъ города. Тутъ-то иногда доставалось Пуду Петровичу отъ старцевъ-патріарховъ бостона, тѣмъ болѣе, что онъ игралъ какъ-говорится прижимисто, не вистовалъ съ хорошими картами, съ шестью взятками на рукахъ игралъ простую одиночку: старичекъ-политикъ, протирая глаза, первый начиналъ атаку, выпивъ приставъ поддерживалъ его густымъ басомъ, и восходя до пафоса, старики оба, съ разныхъ сторонъ, обращались за судомъ къ скромному наставнику брякинскаго юношества. Но хладнокровіе нашего героя было истинно изумительно. Однимъ только было возможно взбѣсить его, — туза по первой козыремъ убить. — «Ахъ ты пакость! восклицалъ онъ, застигнутый такимъ казусомъ: — чтобъ его розорвало, точно босой ногой на плевокъ ступилъ!»

Но кромѣ этой такъ-сказать публичной жизни, у Пуда Петровича была иная жизнь, имъ самимъ созданая, свой кружокъ, гдѣ онъ чувствовалъ себя развязнѣе и покойнѣе: это кругъ его постояльцевъ, куда впрочемъ никакъ не относился постоялецъ бель-этажа каменнаго дома, исправникъ, сколько потому, что онъ былъ человѣкъ высокаго полета, столько и потому, что дома пребывалъ весьма рѣдко. Кружокъ собирался ежедневно у Пуда Петровича, а иногда у кого-нибудь изъ постояльцевъ, часовъ въ пять, около пузатаго самовара.

Пудъ Петровичъ занималъ нижній ярусъ каменнаго дома; въ помѣщеніи его комнатъ было много, и всѣ онѣ были обставлены старенькой, но приличной желтой мебелью, хотя пружинъ тутъ и впомяну не было; а въ залѣ между прочимъ безцеремонно помѣщался огромный сундукъ, съ чѣмъ — неизвѣстно; на стѣнахъ, кромѣ знаменитыхъ, уже извѣстныхъ читателю портретовъ, висѣли картинки, изображающія исторію Іосифа, и разныя произведенія мѣстнаго художника, который нашолъ въ Расторгуевѣ истиннаго, хотя не щедрого, мецената: когда паставали именины Пуда Петровича, онъ являлся съ посильнымъ даромъ и получалъ рубликъ, а иногда и болѣе. — «Благодарствую, благодарствую! говорилъ именинникъ, — что опять намазюкалъ? чѣмъ позабавишь-то?» Пудъ Петровичъ любилъ картинки забавныя, замысловатыя, и по-своему третировалъ ихъ. Разъ откры-

ваетъ онъ именитное приношеніе своего кліента, и вдругъ оказывается изображеніе совы. — «Экъ чѣмъ угостилъ! воскликнулъ онъ: — ну сова, живая сова; да что въ ней! Хоть бы богатырь какой-нибудь, а то выдумалъ же — сова! Она и живая-то три копейки стоитъ! Разодолжилъ!» Зато другое произведеніе того же художника навсегда сохранило за собой честь любимой картины нашего скопидома: «вотъ въ прошедшемъ году онъ уважилъ меня, нечего сказать!» любилъ онъ обращаться къ кому-нибудь изъ гостей: — «вотъ я вамъ покажу, коли не видѣли.» И онъ подводилъ гостя къ аляповатой картинѣ, на которой изображалась драка: два господина, фантастически одѣтые, немилосердо таскали другъ друга за волосы, а подъ картиной красовалась крупная надпись: «два дурака дерутся, а третій смотритъ.» Пудъ Петровичъ плутовато улыбался, глядя на гостя: «что-моль, отурило? Смѣкнулъ ли, гдѣ третій-то?»

— Выдумалъ же, говорилъ онъ, — ужъ позабылъ насъ, нечего сказать! Я читаю это, смотрю — да гдѣ же третій-то? Миѣ наперво-то и невдомѣкъ... А онъ, подлець, только смѣется, да кланяется... Ахъ ты, подлець! ты меня же въ дураки втюрилъ! Такъ вѣдь я и покатился, животики надорвалъ, смѣючись. Три рубля ему сунулъ. — Разодолжилъ, такъ разодолжилъ!

Но обратимся къ маленькому кружку Пуда Петровича. Постояльцы собирались обыкновенно въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ, а зала и гостиная оставались большею частью пустынями, какъ внутренности Африки. Приходилъ осторожный смотритель, въ истертомъ форменномъ сертукѣ, съ супругой; приходила толстая и необычайно-прожорливая помѣщица пяти душъ, вдова Михайлова; приходилъ лѣсной кондукторъ, атлетъ молчаливаго свойства; приходилъ кто-нибудь изъ исправническихъ людей со сплетнями про своихъ баръ, а въ дополненіе частенько заглядывалъ отецъ протопопъ или отецъ дьяконъ, которые хотя не принадлежали къ числу постояльцевъ, но по своему сану имѣли въ этомъ кружкѣ честь и мѣсто. Пудъ Петровичъ облакался въ полосатый халатъ, повязываясь кожанымъ поясомъ, а Авдотья разливала чай и угощала гостей; съ особеннымъ уваженіемъ относилась она къ помѣщицѣ Михайловой, а къ смотрителю обращалась попріятельски, безъ чиновъ. Выпивъ стаканчика три-четыре, смотритель говорилъ:

— А ну-ка, Пудъ Петровичъ, я тебя въ доброе мѣсто запрячу! и киваль съдой головой на шашки.

— Ладно! отвѣчалъ хозяинъ, плутовато улыбаясь, — и начинался бой.

Но въ шашкахъ Пудъ Петровичъ являлся истиннымъ героемъ, и смотритель, лѣтъ двадцать играя съ нимъ, изъ десяти игоръ рѣдко выигрывалъ болѣе одной. Игра обыкновенно сопровождалась шутливымъ и полнымъ ироніи, хотя лаконическимъ разговоромъ, въ такомъ родѣ:

— Беритка, ваше благородіе, говорилъ хозяинъ: — авось воздухъ почище будетъ! и отдавая одну шашку, самъ бралъ двѣ.

— Это намъ нипочемъ! отвѣчалъ смотритель: — а вотъ ужъ эта аминь выходитъ, пиши письма къ родителямъ!

— То-то, другъ любезный, вижу я, что ты больно скоръ да не споръ, продолжалъ хозяинъ: — хрѣну не хочешь ли? Что не берешь-то? А вотъ тебѣ фукъ!

— Ахъ ты прорва! отчаянно восклицалъ смотритель: — ну проигралъ, проигралъ, — знай хоть въ доброе мѣсто не попалъ.

— Пстой, пстой, дружище! прежде отца въ петлю не суйся! что ты два-то хода дѣлаешь? вотъ бери-ка да и замивься! подтрунивалъ Пудъ Петровичъ, блистательно заканчивая игру что-называется «дамскимъ» или «полудамскимъ», и обращаясь къ смотрительшѣ, съ плутоватой и самовольной улыбкой продолжалъ:

— Анна Савишна, спросите-ка Ивана Петровича, въ какое онъ мѣсто угодилъ?

— Да полно вамъ въ вашу меледу-то играть! давайте-ка лучше въ московскіе! отвѣчаетъ смотрительша.

Начинаются московскіе, но и тутъ Пудъ Петровичъ оказывался смышленѣе всѣхъ и оставался въ дуракахъ рѣдко: онъ умѣлъ и козырьми запасться, и сплутовать незамѣтно, такъ что изъ воды сухъ выходилъ, оставляя поочередно своихъ гостей, что побуждало его широко раздвигать свой ротъ улыбкой и подтрунивать надъ московскими дураками и дурами:

— Какъ же теперъ васъ назвать-то, Анна Савишна: умницей чтоли? али какъ-будто совѣсть зазреть? Развѣ иначе какъ-ци-будь? — такъ вѣдь оно неловко какъ-будто, къ лѣтамъ вашимъ названіе совѣтъ неподходящее!

— Ничего, отвѣчала неконфузливая дама: — оно мнѣ дурѣ и къ лицу!

Такъ вотъ лицо, у котораго поселился нашъ Борисъ въ качествѣ приказчика и дворника. Какъ ни жутко приходилось Костоломову на новомъ мѣстѣ, онъ ниразу не пожалѣлъ о Выползовѣ и усердно работалъ съ утра до вечера, поощряемый хозяйскимъ расположеніемъ, которое становилось замѣтнѣе со дня на день, такъ что наконецъ Борисъ сдѣлался членомъ маленькаго кружка, занимая мѣсто у дверей и забавляя честную компанію стобрюховскими бывальщинами.

Одинъ разъ Костоломовъ былъ несказанно обрадованъ, увидѣвъ входящаго на хозяйскій дворъ Суцова.

Молодой человѣкъ тоже узналъ его и весело сказалъ: «ба! Костоломовъ! ну какъ ты устроился въ Брякинѣ?»

Борисъ рассказалъ ему свои городскія похождения.

— Ну и ладно, что ты бросилъ это Выползово! сказалъ Суцовъ: — только вотъ худо, что хозяинъ жалованья тебѣ не даетъ: видно онъ денежки самъ очень любитъ?

— Хм! отвѣчалъ Борисъ: — ужъ такъ любить, что и сказать нельзя, а вѣдь одишь, какъ персть... все на колоколь бережотъ...

— Это плохо... а что, дома онъ?

Пудъ Петровичъ оказался дома. Суцовъ былъ принять въ гостинной, съ поклонами и улыбками: оказалось, что Расторгуевъ зналъ его еще маленькаго. Разговоръ зашелъ о старинѣ, о бытѣ мѣщанъ, и Суцовъ, недолго думая, прямо подошелъ къ цѣли своего посѣщенія: подбить скопидома пожертвовать капиталецъ на устройство въ Брякинѣ ремесленнаго училища.

— Въ жалкомъ положеніи — говорилъ онъ — наше мѣщанство: руки и рты, а ни дѣла, ни хлѣба... ни торговли, ни промысловъ... мѣсто бѣдное... Между тѣмъ спросишь — ни сапожника, ни портного, ни столяра, никакого порядочнаго ремесленника нѣтъ! просто срамъ! Вотъ кабы ремесленное училище открыть, благое бы дѣло было, съ пользой бы деньги были потрачены!

— Это точно что правда-съ, отвѣчалъ Пудъ Петровичъ: — но мое дѣло-съ тутъ сторона... Мнѣ что: одинъ одинешенекъ, дѣтей нѣтъ; на кой прахъ мнѣ училище открывать! Пусть другіе объ эфтомъ попеченіе имѣютъ, а я вотъ колоколь отлить

обѣтъ далъ — и отолю : это дѣло-съ святое , и мнѣ , одинокому старику , самое что ниваестъ подходящее !

— Эхъ , милѣйшій Пудъ Петровичъ , какая польза будетъ въ вашемъ колоколѣ ? развѣ нѣтъ тутъ колокола ? Положимъ вы отолюете больше и лучше , да не все ли равно для брякинскихъ жителей и для самихъ васъ , по какому бы колоколу ни идти въ божій храмъ ? И богомольцевъ отъ этого ничуть не прибудеть , а вы на себя только нарѣканіе накликаете : вотъ , скажутъ , на что денежки ухлопалъ , а могъ бы сколько бѣдныхъ облагодѣтельствовать !.. Посмотрѣли бы вы , какаа это бѣдность , а отъ бѣдности какіе нравы , какой развратъ !.. Вотъ ужъ не одну недѣлю толкаюсь я нарочно въ здѣшнемъ мѣщанствѣ : ужасъ !

— Это такъ , сударь... Только изъ чего вы-то хлопочете ? вы теперь не нашъ братъ , вашимъ дѣтямъ въ здѣшнихъ мѣстахъ не учиться... Вамъ бы и смотрѣть на здѣшнее мѣщанство нѣпочто .

— Вѣрите ли , Пудъ Петровичъ , и вчужѣ сердце разрывается ; а я вѣдь все-таки здѣсь не чужой человѣкъ , не хочу считать себя чужимъ человѣкомъ : будь я богатъ , — все бы состояніе положилъ... Впрочемъ что тутъ говорить : вы пожалуй и не повѣрите этому...

— Полноте-съ , какъ не вѣрить ! отвѣчалъ Расторгуевъ , видимо тронутый ; онъ въ первый разъ встрѣчалъ безкорыстное стремленіе человѣка на пользу ближнихъ : — Богъ васъ награди за это ! — Сущовъ замѣтилъ волненіе своего собесѣдника и рѣшилсѣ воспользоваться доброй минутой .

— Вотъ случай-то доброму человѣку , сказалъ онъ : — увѣковѣчить свое имя . Не безпокойтесь , народъ никогда не забудетъ своего благодѣтеля , изъ рода въ родъ передастъ его имя , благословенія цѣлаго города посыплются на него... Право , ничего лучшаго придумать нельзя... Рѣшитесь-ка , Пудъ Петровичъ !

— Надо подумать-съ : это дѣло серьезное... Разкажите теперь , какъ же это сдѣлать ? что будетъ въ этомъ училищѣ ?

Сущовъ разсказалъ ему цѣлый планъ , основательно и умно обдуманнй , вполне удовлетворительный для нуждъ и потребностей массы , которыя онъ изучилъ на самомъ дѣлѣ . Пудъ Петровичъ рѣшительно поколебался и только просилъ педѣлю времени на размышленіе . Трудно выразить радость , которую ощущалъ Сущовъ , выходя отъ нашего скопидама ; свѣтло и ра-

достойно смотрѣлъ онъ вокругъ, а въ головѣ созидались весьма возможные прекрасные планы, а сердце такъ и билось въ груди, исполненное сладкихъ надеждъ...

Между тѣмъ, когда Пудъ Петровичъ остался одинъ, имъ овладѣло сильное смущенье. «Что я надѣлалъ! что я обѣщалъ! шепталъ онъ самъ съ собою: — обошелъ онъ меня, совѣтъ обошолъ. Навожденіе дьявольское, чистое навожденіе! Тьфу! отойди отъ меня, сатана! Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже мой, и духъ правъ обнови во утробѣ моей!» А честолюбіе рисовало въ его воображеніи самыя заманчивыя картины, и онъ снова колебался... «Боже, помилуй меня!» шепталъ онъ въ недоумѣніи, стараясь сгладить, стереть красивыя мечты: «развѣ идти посоветоваться къ отцу протопопу? авось наставитъ меня на путь истинный!»

Результатъ совѣщанія съ отцомъ протопопомъ былъ весьма нерадостенъ для Суцова: волненіе Расторгуева совершенно кончилось, и молодой человѣкъ получилъ сперва сухой отказъ, а потомъ весьма любезное приглашеніе — сыграть партію въ шашки. Но Суцову было не до шашекъ: всѣ мечты, всѣ надежды его разбивались одна за другой, такъ что ему не удалось ничего сдѣлать для брякинскаго мѣщанства... «Дѣлать нечего, сказалъ онъ самъ себѣ: надо отложить, подождать, не придутъ ли лучшія времена... Надо сперва самому для себя чего-нибудь добиться, получить силу, да и употребить ее въ дѣло, если у самого голова не закружится...»

Скоро онъ находился въ числѣ пассажировъ на червячковой лодкѣ, которая соединенными силами Бѣлоусова и Курицына двигалась въ губернской городъ: туда поѣхалъ и Суцовъ искать счастья...

А намъ, читатель, не отправиться ли въ Стобрюхово? Что оно подѣлываетъ, какъ живетъ-поживаетъ Прохоръ, что дѣлаетъ Надѣжа, что тамъ новенькаго да хорошенькаго?

И. ЕДИНЦОВЪ

ОТЪ БОСФОРА ДО ПЕРСИДСКАГО ЗАЛИВА

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ, ВЕДЕННЫХЪ ВО ВРЕМЯ ЧЕТЫРЕХЛѢТНЯГО ПУТЕШЕСТВІЯ ДЕМАРКАЦІОННОЙ КОМИССІИ ПО ТУРЦІИ И ПЕРСІИ

МАЛАЯ АЗІЯ

ГЛАВА VII

Хасанъ Бадрикъ. — Видна Малатія. — Равнина, покрытая зеленью. — Воспоминаніе о Хафизъ Пашъ и объ его арміи. — Старая Малатія. — Аспусъ. — Конакъ. — Странное свойство его камина. — Итальянцы въ земномъ раю. — Османъ Бей — Лебаль или юродивый въ костюмъ орангутанга. — Армянскіе монастыри. — Ораузы. — Достопримѣчательности Малатіи. — Выступленіе.

Переходъ нашъ 2 марта былъ хоть куда и могъ считаться пріятнѣйшею прогулкою. Погода была восхитительная. Зима пряталась за горами и только съ отлогостей ихъ и вершинъ украдкой глядѣла, тамъ и здѣсь, на оживившееся вдругъ движеніе нашего каравана. До половины перехода мы шли ущельемъ, мимо Бозгыръ-тепесі, по берегу рѣчки Куру-чай (сухая рѣка), и мѣстность по дорогѣ нашей становилась часъ отъ часу живописнѣе и привлекательнѣе. Перейдя мостъ о двухъ параболическихъ аркахъ, изъ которыхъ одна обвалилась, мы сдѣлали привалъ въ прелестномъ мѣстѣ и весело закусили.

Отсюда дорога наша пошла въ гору, по каменистому грунту, по огромнымъ плитамъ известняка, и чѣмъ выше подымались мы, тѣмъ ущелье подъ ногами нашими развивалось величественнѣе, тѣмъ раструбъ въ горахъ становился живописнѣе, причудливѣе, громаднѣе. По сторонамъ проводники называли намъ горы Кара-Юкушъ-Дагы, Сакаль-Тутанъ, Кызылт-Кая. И высоко-высоко по-

дымались мы глубокимъ коридоромъ съ отвѣсными по сторонамъ громадными утесами, гдѣ снова пошли по глубокому снѣгу, но недалеко. За часъ разстоянія до ночлега снѣгъ пропалъ, дорога гладилась, и — о роскошѣ! мы пошли наконецъ по сухой, гладкой, прелестной равнинѣ, покрытой свѣжею зеленью. Станція наша на этотъ разъ была въ д. *Хасанъ-Бадрикъ*, расположенной подъ сопкою Байрамъ-тепесі и состоящей домовъ изъ восьмидесяти.

Съ вершины этой горки передъ нами открылась вдали, на страшной глубинѣ, необозримая равнина, въ концѣ которой проводники указали намъ на два пятна, въ нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи, и назвали одно изъ нихъ Старою, а другое Новою Малатією; а до нихъ оставалось намъ еще по крайней мѣрѣ восемь часовъ пути.

Эта равнина, составляющая часть Киликіи, представилась намъ пустыннымъ и мирнымъ оазисомъ, заснувшимъ въ котловинѣ высокихъ горъ, тогда какъ нѣкогда кипѣла она судорожною, тревожною жизнью и не менѣе сивасской ознаменована грозными кровавыми событіями. Войска Арменіи, Персіи, Рима, отряды франковъ и наконецъ орды монгольскія спшбались на пространствѣ этомъ, отнимали его другъ отъ друга, уносили отсюда несмѣтныя сокровища, уводили въ плѣнъ или терзали жителей великолѣпной столицы, и оставляли здѣсь груды тѣлъ своихъ воиновъ.

Тутъ, на берегахъ одного изъ притоковъ Ефрата Меласъ, называемаго турками также Черною рѣкою (Карасу), процвѣтала знаменитая Мелитена, построенная Траянѣмъ, бывшая столицею Арменіи и Малой, и Третьей, и наконецъ Первой, и добычею сарациновъ, грековъ, туркменовъ. Во время сельджукскаго владычества Малатія занимала высокую степень между малоазійскими городами. Остатки великолѣпныхъ зданій, воздвигнутыхъ въ ней этою династією, пощажонные временемъ, свидѣлствуютъ объ ея процвѣтаніи въ сравнительно позднѣйшія времена.

Но какими событіями ознаменовались мѣста эти въ наше время? Чья рука нанесла послѣдній ударъ Старому городу? Какіе варвары обратили его въ груду развалинъ, истребили его до основанія? Чума или землетрясеніе? — Малатія погибла отъ руки своихъ оттоманскихъ господъ.

Въ 1837 году на этой равнинѣ, послѣ своего пораженія при Низибѣ, зимовалъ съ *побѣдоноснымъ* оттоманскимъ воинствомъ Хафизъ-паша. Зима была холодная, войны турецкіе дрогли, а топлива взять было негдѣ, потомучто лѣсу нѣтъ въ странѣ этой. Но что было долго думать! Солдатики, расположенные по квартирамъ

въ Старой Малатіи, конечно газимавшей самую мѣстность Мелитены, стали разбирать дома, ихъ пріютившіе, и предавая ихъ безпощадно огню, отогрѣвали на немъ окоченѣвшіе члены свои, варили жирный пилавъ и наконецъ довели до того бѣдныхъ жителей, что они побросали свои пепелища, и перенеся пенаты на два часа далѣе, основали въ Аспусѣ *Новую Малатию*. Ея-то сады червялись передъ нами въ недосигаемой дали, также какъ и развалины Старой Малатіи.

Хафызъ-паша, родомъ черкесь, живъ и теперь. Онъ занимается въ настоящее время, по порученію Порты, построеніемъ новыхъ селеній и городовъ, для водворяющихся въ Турціи соотечественниковъ своихъ и крымскихъ татаръ. Не все же ему, въ самомъ дѣлѣ, разрушать города! Старый генералъ этотъ рассказывалъ мнѣ самъ въ Константинополѣ обстоятельства своего пораженія.—«Египтяне, говорилъ онъ между прочимъ, шли на насъ всегда съ поднятыми саблями. Напрасно мы осыпали ихъ ядрами и картечью. Напрасно думали мы разстроить ряды ихъ, обратить въ бѣгство. Послѣ каждаго выстрѣла мы съ этою надеждою смотрѣли на египетскіе полки; но дымъ одинъ разступался, а строй ихъ оставался сплошнымъ попрежнему, пустыя мѣста пополнялись незамѣтно, и они все шли впередъ неопуская рукъ. Наши, видя это, приходили въ уныніе; кавалеристы падали отъ страха съ лошадей, а пѣхотинцы прятались подъ лафетами. Такимъ-то образомъ насъ всегда будутъ бить хорошо образованная войска, пока у насъ не будетъ хорошихъ офицеровъ со стыдомъ и совѣстью. Какъ намъ имѣть хорошее войско, когда офицерскія званія даются у насъ всякому сброду, безъ рода и племени! Могутъ ли они понимать свои обязанности и заставить солдатъ повиноваться себѣ!

Простоявъ съ полчаса на вершинѣ сопки, мы спустились къ станціи. Ночевка наша въ *Хасанъ Бадрикъ* была замѣчательна только однимъ забавнымъ эпизодомъ, ознаменовавшимъ наше выступленіе изъ деревни.

Я. С. искалъ чего-то въ хурджинѣ (1) своемъ, и выложилъ изъ него половину вещей. Вдругъ онъ замѣтилъ, что бусоль, оставленная имъ въ сторонкѣ, съ открытымъ футляромъ, исчезла. Кто взялъ? Нѣсколько человекъ жителей деревни, зѣвавшіе на его работу, храбро выдержали залпъ его строгихъ вопросительныхъ взглядовъ, упрековъ и угрозъ, и только переглянулись между собой. Все пришло въ движеніе; все заходило, забѣгало, затарантило. Ставри хлопоталъ изо всѣхъ силъ; но никто не признавался. Е. И.

(1) Кожаый турецкій чемоданъ.

объявить наконецъ старшинамъ, что если вора и пропажи не отыщутъ, онъ возьметъ двоихъ изъ нихъ съ собою въ Малатию, гдѣ высшее начальство распорядится съ ними по своему усмотрѣнію. Угроза эта заключала въ себѣ магическую силу, напоминая о *чрезвычайныхъ расходахъ*. Видя, что увѣренія и клятвы не помогаютъ и не желая попасться въ руки голодной и жадной челяди губернаторскаго порога, старшины предстали передъ нами держа за уши мальчика лѣтъ трехъ, и подавая намъ украденую вещь, просили позволенія наказать преступнаго ребенка передъ глазами нашими. Въ это время мальчикъ, поднимая голову, смотрѣлъ съ любопытствомъ на замѣтившія отъ трусости лица старшинъ. Этимъ послѣднимъ было отвѣчено, чтобъ они, коли хотятъ, надували другихъ, что насъ они не проведутъ этимъ подлогомъ. Впрочемъ, такъ какъ вещь была найдена, то мы и отказались отъ преслѣдованія виновнаго, плѣнившагося конечно обдѣлкою инструмента, принятаго имъ за золото.

Но эта сцена исправлена была, въ глазахъ моихъ, однимъ пріятнымъ явленіемъ. Въ числѣ любопытныхъ, привлеченныхъ сумятицею, было одно женское лицо, въ первый еще разъ, съ находенія нашего въ Анатолию, повашеся мнѣ на глаза безъ покрововъ. И не грѣшно ли бы было, въ самомъ дѣлѣ, завѣшивать такую прелесть какою-нибудь онучкою!

Это была дѣвушка лѣтъ семнадцати, бѣленькая, съ густыми русыми волосами, падавшими ей до колѣнъ. Голову она заумчиво склонила къ плечу; въ одной рукѣ у нея былъ кувшинъ, другая висѣла праздно. Рѣдкое и потому тѣмъ болѣе пріятное явленіе на мусульманщинѣ!

Какъ ни прекрасна природа, какъ ни любопытны мѣстности Малой Азии, но затворничество женщинъ отнимаетъ отъ путешествій по этой части свѣта весь букетъ, все очарованіе.

Это все одни грубыя, мохнатыя лица, жесткіе голоса, дѣтскія сужденія объ избитыхъ предметахъ, пошлые вопросы, уклончивые отвѣты, недобрычвые взгляды, двуличныя дѣйствія... невѣжество, хвастливость, изувѣрство и часто даже умысленная ложь и предательство... Неправда ли, весело! Зная все это, я бы никакъ не согласился одинъ путешествовать въ Азію. Но при нашемъ многолюдномъ обществѣ было по крайней мѣрѣ гдѣ отвести душу.

Пройдя около трети перехода, мы миновали одинъ развалившійся ханъ, оставивъ тутъ же въ сторонѣ, далеко отъ дороги, почти на горизонтѣ, высокую скалу со строеніемъ на вершинѣ. То были остатки обширнаго монастыря во имя св. Аарона.

У большого каменнаго моста чрезъ Токма-сую мы отдохнули и

затѣмъ пошли на Старую Малатію. Чрезъ два часа мы были на мѣстѣ.

Старая Малатія представляетъ собою груду разваливъ, окруженную почти совершенно распавшимися стѣнами. Рвы ея завалены землею и мусоромъ, и даже сады, тамъ и здѣсь въ нихъ разведенныя, мы нашли заглохшими, запущенными.

Пройдя еще часовъ около двухъ по неровной мѣстности, къ югу отъ этихъ разваливъ, мы дошли до окраины садовъ, все время улыбавшихся намъ издали отъ подошвы высокой горы Мурсуръ. Это и былъ Аспусъ. Новый городъ такъ зарылся въ чашу растительности, что мы совершенно его не замѣчали, пока не очутились на его улицахъ.

Молодая, яркая травка, веселое чириканье птицъ, журчанье воды, бѣжавшей по всѣмъ направленіямъ вдоль свѣжихъ стробей города, благотворная теплота воздуха, тонкія струи аромата, по немъ бѣжавшія, все говорило намъ, что пора истязаній кончилась и что новая, желанная эра путешествія для насъ наступала. Долой тяжелыя кукулеты, войлочные капоты, шерстяные шарфы, ботфорты и все остальное вооруженіе противъ суровой зимы! Тучи таютъ, сквозятся, разступаются, воздухъ рѣдѣетъ и зоветъ въ синюю высоту крылатые легіоны засуетившихся птицъ; земля ткеть великодушный коверъ свой и уже начинаетъ выводить на немъ яркіе узоры, прихотливые арабески...

Мы точно выходили изъ тяжкаго заточенія на свѣтъ божій. Сердце прыгало отъ удовольствія; дышалось легче, жилось привольнѣе. Деревья правда еще не одѣлись зеленью, но почка уже завязалась, шевелилась какъ живая, и общала скорый пріютъ соловью. «Что бы придти вамъ сюда дней черезъ десять? то-то бы вы увидѣли рай!.. Въдѣ здѣсь же и было обиталище нашихъ праотцевъ», говорилъ намъ молодой армянскій монахъ, выѣхавшій къ намъ навстрѣчу: — «не забудьте, что вы здѣсь именно между истоками Тигра и Евфрата! Поживите здѣсь недѣльки двѣ, — и убѣдитесь сами, что это есть въ самомъ дѣлѣ избранный край, и что первые люди не могли бы имѣть во всемъ этомъ промежуткѣ, о которомъ говорить библія, лучшаго, благодатнѣйшаго обиталища».

— Поживите, поживите у насъ, говорили намъ и жители. — Вы не раскаетесь. Это пріятнѣйшее мѣсто во всей Анатолиі.

— Чего тутъ нѣтъ! напѣвали они: — цѣлые сады, цѣлые лѣса шельсиновыхъ, лимонныхъ и кедровыхъ деревьевъ окружаютъ и наполняютъ собою нашъ городъ. Всевозможные фрукты и овощи у насъ въ необыкновенномъ изобиліи и отличаются удивительнымъ вкусомъ. Безчисленные луга наши щеголяютъ пышною зеленью,

испещренною самыми разнообразными и благоуханными цвѣтами и обставлены съ одной стороны тѣнистыми алеями съ другой, красивыми рощами, оглашаемыми пѣньемъ соловьевъ... А прозрачныя и холодныя воды наши, обильными ручьями и потоками выбѣгающія изъ полошвы Мурсура!.. Надо видѣть все это черезъ двѣ недѣли!

Но намъ грѣшнымъ не суждено было бросать своего якоря въ этой благословенной странѣ и быть свидѣтелями ея облаченія въ весеннія разноцвѣтныя ризы, услаждать свой слухъ гармоническимъ пѣніемъ ея пернатого клира, свое обоняніе фиміамомъ ея благоуханій. Пусть Ренучи за насъ поблаженствуетъ съ своими дамами! Но мы увидимъ, какого рода рай нашли въ Малатіи наши горемыки.

Мы прошли почти черезъ весь городъ.

Аспусть расположенъ на берегахъ рѣчки Дейри-Месихъ, вытекающей изъ одного ущелья въ трехъ часахъ отъ города; онъ служилъ слугителямъ Старой Малатіи лѣтнимъ убѣжищемъ. Въ немъ считалось въ наше время двѣ тысячи восемьсотъ мусульманскихъ и около семисотъ армянскихъ домовъ. Дома эти выстроены по прямой линіи, широко разставлены и обнесены землянымъ валомъ и потому болѣе походятъ на дачи, чѣмъ на дома многолюднаго города. Улицы до половины ширины своей заняты проточною водою. Замиѣчательныхъ строеній нѣтъ. Армянская церковь докончена была всего четыре года тому назадъ, а именно въ 1846 году, и зависитъ отъ сисскаго или киликійскаго патріарха. Это большое каменное зданіе очень пріятнаго стиля. Карабашъ (черноголовый), какъ называютъ турки монаха, о которомъ я говорилъ, хотя онъ и носилъ красную феску на улицѣ и даже въ церкви послѣ службы, — былъ еще молодой человекъ лѣтъ не болѣе двадцати пяти. Въ два года своего здѣсь пребыванія онъ успѣлъ завести при церкви школу. Онъ говорилъ намъ, что въ окрестностяхъ Малатіи было множество армянскихъ монастырей, но что теперь они всѣ въ развалинахъ. Въ воскресенье шестого марта мы ходили въ церковь. Насъ ожидали всѣмъ причетомъ, съ хоругвями, желая сдѣлать намъ пріятную встрѣчу; но мы къ обѣднѣ опоздали и удовольствовались молебномъ. Пѣніе здѣсь однакоже намъ не очень понравилось. Оно было гораздо ниже сивасскаго. При въѣздѣ въ городъ насъ встрѣтилъ мудиръ Османъ-бей, важный турокъ, управлявшій городомъ за отсутствіемъ каймакана. Онъ тоже съ восторгомъ говорилъ намъ о прелестяхъ Малатіи, роднаго его города, и объ ея разореніи арміею Хафыз-паши.

Домъ, въ который насъ привели, былъ и хорошъ, да неудобенъ для помѣщенія; но мы остановились въ немъ потому, что устали

отъ длиннаго перехода; а на другой день, послѣ тщетныхъ поисковъ въ городѣ, въ томъ же домѣ наконецъ нашли одинъ покой, обширный и уютный, который былъ очищенъ для насъ хозяевами-армянами.

Остатокъ перваго дня, проведеннаго нами въ Малатіи, былъ посвященъ отдохновенію отъ дорожныхъ трудовъ. Но къ ночи ожидала насъ тревога. Когда мы разлеглись по постелямъ и подогрѣваемые жаркимъ огнемъ, пылавшимъ въ огромномъ каминѣ, уже засыпали... вдругъ дымъ и смядъ! въ одно мгновеніе, какъ по призыву набата, мы были на ногахъ. Кликнули людей, и смотримъ— въ каминѣ загорѣлась верхняя балка. Подошолъ въ это время и хозяинъ съ своимъ сыномъ и успокоилъ насъ, говоря, что эти шутки въ обычаяхъ его каминна и не грозили пожаромъ; тѣмъ не менѣе огонь былъ потушенъ и мы заснули спокойно, закутавшись потуже въ свои олбала.

На другой день мы съ утра командовали лошадой и отпавились крестить по городу и окрестностямъ.

Но прежде всего поѣхали мы посмотреть, какъ устроилось счастливое итальянское семейство, достигшее наконецъ своей пристани. Да еще у какого берега! Но печальное зрѣлище ожидало насъ.

Бѣдвые спутники наши нашли здѣсь скорѣе какое-то чистилище, если не самый адъ кромѣшный, а уже никакъ не обитель элемскую. Времена перемѣнчивы, и тамъ, гдѣ блаженствовали наши прародители, карантинному медяку Ренучи пришлось съ своимъ семействомъ, съ перваго же шагу, испытывать всевозможныя лишенія и муки.

Представьте себѣ домишко, далеко не плотно сколоченный изъ досокъ и состоящій изъ двухъ крошечныхъ комнатъ, окна которыхъ блстали своимъ отсутствіемъ! Это былъ просто темный ящикъ съ двумя отдѣленіями и съ крышкой. Пожитки новопривывшихъ, заключавшіеся въ двухъ небольшихъ выюкахъ, съ трудомъ помѣщались въ этомъ зданіи и въ безпорядкѣ наполняли собою оба кося.

На порогѣ встрѣтила насъ сивьора Ренучи съ раскраснѣвшимися отъ волненія лицомъ и слезами на глазахъ. Въ этой обстановкѣ она чуть не показала намъ красавицей.

— Взгляните пожалуйста, господа, заговорила она, принимая насъ: — взгляните на помѣщеніе намъ отведенное: не только хозяйничать, но повернуться негдѣ; о кухнѣ цѣтъ и помину! А какъ безъ кухни, я васъ спрашиваю? Неужели и на мѣстѣ, какъ и въ дорогѣ, осуждены мы кормиться сухимъ хлѣбомъ да сыркомъ? А я-то собиралась угостить васъ макаронами своего приготовленія! Che

disgrazia (1)! Прошу покорно! безъ кухни мы, а? вообразите, что и обратиться не къ кому съ жалобою: каймаканъ въ отсутствіи, а исправляющій должность его ничего не беретъ на себя. Стоило право тащиться изъ Болоньи въ такую даль и по такимъ ужаснымъ дорогамъ, чтобы понасть въ этотъ острогъ! И за какія преступленія? За желаніе быть полезнымъ? Хороши же господа турки! Пусть не говорятъ мнѣ болѣе про ихъ гостепримство и благодушіе. Зазывать людей въ свои азійскія захолустья и тамъ хоронить ихъ живо! Да это западня! Ловушка! Но это, что вы видите, еще кое-какъ можно бы было перенести, особенно есlibъ Ренучи былъ одинъ; но войдите въ положеніе насъ, женщинъ: мы здѣсь, при этомъ-то, безъ языка и безъ всякой надежды добиться когда-нибудь общенія съ здѣшнимъ женскимъ міромъ. А если мужчины Малатин будутъ все тамъ же любезны какъ намѣстникъ каймакана и такъ же пріятны какъ карантинный писарь, который насъ здѣсь встрѣтилъ, — это будетъ такое мученіе, котораго мы не перенесемъ. Вы увидите сейчасъ этого maledetto seccatore (2): онъ не отходитъ отъ насъ и преслѣдуетъ своимъ виннымъ дыханіемъ и своею постоянною жаждою; теперь онъ ушелъ съ докторомъ къ Османъ-бею. Увидите его и поймете наше положеніе! — повторяла докторша, ломая руки и съ выраженіемъ отчаянія.

Дочь ея уныло и молча сидѣла поодаль. Лицо ея не выражало ровно ничего.

Не успѣли мы сказать злополучной сньюоръ Ренучи два-три слова утѣшенія, какъ показался самъ докторъ, а изъ-за него выглядывала какая-то мизерная фигурка въ грязной фескѣ и съ мутными глазами.

Разговора нашего съ этими господами приводитъ нечего; онъ заключался весь въ горькихъ жалобахъ и энергическихъ выраженіяхъ досады съ одной стороны, а съ другой — въ пьяной шкотѣ, необъщавшей ничего утѣшительнаго въ будущемъ для новыхъ карантинныхъ гостей.

Такъ-то рыцарямъ промысла и политическимъ выходцамъ Италіи и Германіи приходится иногда бѣдовать въ мусульманскихъ странахъ, на службу которымъ приносятъ они свои познанія и таланты, иногда правда и дѣйствительные, но болышою частью поддѣльные и вымышленые. Умѣнье обдѣлывать свои дѣлшки, настойчивость, терпѣніе и отсутствіе застѣвчивости помогаютъ многимъ европейскимъ охотникамъ до приключеній добиваться, на востокъ, относи-

(1) Какое бѣдствіе.

(2) Проклятый мучитель.

тельнаго благосостоянія и даже почестей; но сколько этихъ бѣднѣе-ковъ тонетъ ежегодно въ болотахъ несбывшихся надеждъ и расче-товъ! Тамъ не выдаютъ имъ въ сроки ихъ бѣднаго жалованья или не платятъ долговъ; тутъ по капризу перемищаютъ ихъ въ отдаленныя провинціи; здѣсь преслѣдуютъ фанатическими выходками, и такъ далѣе; и не одинъ изъ нихъ

«Jura, mais un peu tard, qu'on ne l'y prendra plus»,

и между тѣмъ добиваетъ свой вѣкъ посреди постоянно неудающихся предпріятій, посреди лишеній и нужды. А что терпятъ ихъ семей-ства, если они по неосторожности или по неопытности заведутся шъ на востокъ, того и рассказать нельзя!

Отблагодаривъ доктора за его дорожныя услуги и пожелавъ его женѣ и дочери лучшихъ дней, мы оставили эти жертвы оттоман-ской человѣчности и поѣхали съ визитомъ къ Османъ-бею.

Бѣдность, нечистота и беспорядокъ, царствовавшіе въ присут-ствіи этого чалмоноснаго сановника, выше всякаго описанія.

Наше холатайство въ пользу итальянцевъ не привело ни къ чему.

— Безъ каймакама я ничего не могу сдѣлать, отвѣчалъ намъ бей: — но будьте увѣрены, что начальникъ мой сдѣлаетъ для нихъ все отъ него зависящее. Вѣдь они любезные гости нашего августѣй-шаго государя и мы должны о нихъ заботиться болѣе чѣмъ о себѣ самихъ.

Но что всего непріятнѣе похѣйствовало на наши нервы, это сцена, ожидавшая насъ по выходѣ изъ присутствія. На улицѣ, у самыхъ дверей палаты градоначальника, толпилась небольшая груп-па людей около какого-то чудовища, которое мы было сначала при-няли за жирную свинью огромныхъ размѣровъ. Но это былъ аб-далъ или юродивый дервишъ, совершенно нагой, жирный и гряз-ный-прегрязный, съ исклоченными длинными и черными какъ смоль волосами, съ отропченными когтями какъ у птицы, съ темно-бронзовымъ цвѣтомъ кожи. Онъ сидѣлъ или скорѣе полулежалъ, бессмысленно улыбаясь толпѣ, которая съ почтеніемъ и подобо-страстіемъ смотрѣла на него; а кафедши, съ лѣвою рукою на груди, въ знакъ почтенія, правою подавалъ ему кофей.

Я видывалъ такихъ господъ и прежде, въ Каирѣ, Розеттѣ и другихъ мѣстахъ востока; но товарищей моихъ особенно поразила эта новая для нихъ картина.

Нало видѣть священный трепетъ, поселяемый въ мусульманкахъ появленіемъ на улицѣ этихъ орангутанговъ; онѣ бросаются цѣло-вать ихъ руки... и вообще нѣтъ приказанія, котораго бы мусуль-

мяно-мужчины и женщины въ особенности; но поспѣшили исполнить съ радостью тутъ же, *sogeth ropuli*.

Хлѣбникъ или кухмистеръ принимаетъ за благословеніе небесное посѣщеніе такого господина и предоставляетъ ему право выбрать лучшей кусокъ въ его открытой лавкѣ. Такія подаванія входятъ въ составъ *zakata*, — милостыни, предписанной пророкомъ, и служатъ къ искупленію грѣховъ жертвователя. Другіе торговцы съ завистью смотрятъ на счастливцевъ, посѣщаемыхъ юрливвыми. Товаръ ихъ неспособенъ заманить въ ихъ лавки этихъ господъ, очень слабо, какъ вы вилѣли, занимающихся туалетомъ и вообще суетами міра сего.

Пріѣхавъ домой, мы велѣли привести къ бассейну ковры наши и подушки и предались усладительному кейфу, посреди котораго мы успѣли отправить и почту нашу. Хозяинъ дома готовился наутро выѣхать въ Константинополь и вызвался быть нашимъ курьеромъ. А сами мы, между прочимъ, оставались безъ вѣстей изъ Европы. До Мосула еще было такъ далеко! Страшная тоска ложилась на душу отъ этого лишенія.

Вотъ еще одна темная сторона путешествій по Азій. Въ этомъ отношеніи онѣ не уступаютъ кругосвѣтному.

8 марта оставили мы и земной рай, в бѣдовавшихъ въ немъ итальянцевъ.

ГЛАВА IX

Из-оглу — Переправа черезъ Ефратъ. — Кемюрджу-Ханъ. — Хапъ-Кюй. — Мезре. — Г. Харпутъ. — Синабадъ. — Нашъ конакъ. — Визиты. — Нѣчто о съѣстномъ. — Сабри Паша. — Турецкія бани. — Два посланца отъ Ахмедъ-паши. — Выступленіе изъ Харпута.

Много, твердили намъ, есть замѣчательностей въ окрестностяхъ Малатіи. Такъ напримѣръ въ восьми часахъ пути, на сѣверъ отъ города, находятся любопытныя развалины Дженевизскаго (генуезскаго) замка. Комнатъ двадцать, говорили, продѣланы въ скалѣ, а на ней огромныхъ размѣровъ башня, и крестъ на вершинѣ противоположнаго утеса. Но никого изъ жителей къ этимъ диковинкамъ не подпускаетъ суевѣріе, которое, въ образѣ непроходимыхъ снѣговъ, помѣшало и намъ посѣтить ихъ. Да и прогулка эта могла бы отнять у насъ по крайней мѣрѣ двое сутокъ, а мы должны были дожить своимъ временемъ.

Переходъ 9 марта былъ сравнительно хорошъ. Погода правда была тоскливая, сѣрое небо, мутная даль, неумолчный вой вѣ-

тра ; по дороге, вьшшаяся по волнистой мѣстности, не представляла ни тѣхъ трудностей ; ни того однообразія, съ которыми до того времени мы постоянно являлись ; она была суха и гладка, хотя нѣсколько длинновата. Отъ д. Ордузы, гдѣ мы и въ тотъ день подкрѣпили себя закускою у прелестной полуразвалившейся церкви и навсегда простившись съ провожавшимъ насъ докторомъ Ренучи, мы шли восемь часовъ до Мурадъ-Чая или *рѣки желаній*, какъ наивно перевелъ Пужулъ названіе этого главнаго рукава Еврата. Тутъ кормчіе наши пригласили насъ бросить якорь до утра.

Прекрасно ! Мы таки и вуждались въ отдохновеніи, и непрочь были сползти съ коней своихъ. Но гдѣ же пріютъ ? Неужели на открытомъ воздухѣ ? Мы не были къ этому приготовлены. Мы вовсе не рассчитывали на такія равнія лагерныя удовольствія. Тепла всего было полтора градуса !

Какъ мы ни оглядывали мѣстность, подходя къ берегамъ библейской рѣки, глаза наши нигдѣ не встрѣчали ничего похожаго на селеніе ; выбѣжало правда навстрѣчу къ каравану нѣсколько собакъ, лаявшихъ намъ о присутствіи жилья. Но гдѣ оно ? У самого берега мы различали неглубокій, извилистый ровъ и по сторонамъ его ряды какихъ-то низенькихъ земляныхъ терасъ... Но вѣдь это конечно тумулусы, могилки, или холмы образовавшіеся надъ развалинами какихъ-нибудь древнихъ зданій ? — Ничуть не бывало. Это курдская деревня *Из-оглу*, наша станція на эту ночь. Милости просимъ ! И въ самомъ дѣлѣ вотъ двери... одна, другая, третья... объ окошкахъ не спрашивайте : такая роскошь здѣсь неизвѣстна. Это ничто иное какъ сплошные ряды землянокъ, подведенныхъ подъ одну общую плоскую крышу, выложенную дерномъ и представляющую собою такимъ образомъ гладкую терасу, зигзагами подступающую къ рѣкѣ. Три такихъ терасы составляли три группы землянокъ и всю деревню.

Насъ пригласили войти въ самую высокую изъ дверей, гостепріимно разѣвавшую на насъ черную пасть свою. Но прежде чѣмъ мы, нагнувшись, вступимъ въ эту мрачную обитель, не пометать ли надъ знаменитою рѣкою, по случаю первой нашей встрѣчи съ нею ? Не расчувствоваться ли при воспоминаніи о столькихъ событіяхъ, ознаменовавшихъ берега эта отъ перваго человека и до эпохи нашего появленія ? Не броситься ли, не припасть ли, въ порывѣ поэгическаго восторга, къ священнымъ водамъ ея, чтобы омыть ими наши умиленныя лица ? Но шутки въ сторону ; едва ли самый холодный, самый положительный изъ смертныхъ въ состояніи защититься отъ нѣкотораго волненія при видѣ вѣковыхъ знаменностей, въ числѣ которыхъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ

Ефратъ. Это я знаю по себѣ; а себя я не причисляю къ самымъ восторженнымъ. Чувство, съ которымъ я въ первый разъ встрѣтился глазами съ Ниломъ, съ пирамидами, сфинксами, съ Босфоромъ и Троей, съ Партенономъ и Пниксомъ, съ марафонскимъ полемъ, съ Аргосомъ и Микеной, съ Идой и Олимпомъ, съ Араратомъ и Эльбрусомъ, съ Ефратомъ и Тигромъ, съ развалинами Ницеви, Вавилона, Персеполиса, Сузы, — чувство это до сихъ поръ во мнѣ не остыло: это... тоже что встрѣча съ личностями, каковы напримѣръ Мухаммедъ-Али-Паша и сынъ его Ибрахимъ египетскіе, Абдель-Кадыръ, Шамиль и другіе, съ которыми судьба сводила меня. Оставаться равнодушнымъ при подобныхъ встрѣчахъ неестественно; онѣ должны васъ затронуть за живое, гальванпическимъ ударомъ отозваться на сердцѣ вашимъ, мгновенно распахнувъ передъ нашею мыслью цѣлыя амфилады колоссальныхъ воспоминаній. Вы какъ бы вступаете сами на ту самую арену, на которой прославились имена этихъ знаменитостей. Вы какъ бы чувствуете на себѣ отраженіе ихъ ореола.

При входѣ въ землянку, освѣщенную круглымъ отверстіемъ въ крышѣ, мы поднялись по лѣсенкѣ, лѣпнившейся около стѣны, на возвышеніе, съ котораго въ сомнительномъ свѣтѣ можно было по-немножку разглядѣть остальную часть этого любопытнаго помещенія. Это былъ обширный скотный дворъ съ землянымъ поломъ, гдѣ двѣ лошади, пофыркивая, чавкали рубленую солому и ячмень; на сплвѣ у одной пресерьозно стоялъ пѣтухъ и пѣлъ намъ пріятную пѣсню; у лошадиныхъ ногъ бродили куры, поклевывая остатки конской трапезы. Затѣмъ задняя стѣна, съ своими двумя углами, толнула въ непроницаемомъ мракѣ. Внутренняя открытая тераса, на которой расположились мы довольно комфортабельно, на коврахъ, освѣщалась ярко пылавшимъ каминномъ. Хозяинъ-курдъ со сложенными руками стоялъ на верхней ступенькѣ въ ожиданіи нашихъ приказаній. Послѣ обычныхъ распросовъ о состояніи предстоявшей намъ дороги, мы его отпустили и занялись своимъ дѣломъ.

Но главное дѣло—то наше было испорчено. Сонъ не сходилъ на насъ. Пѣтухъ хотя и не переставалъ драть горло, но былъ по крайней мѣрѣ отъ насъ въ почтительномъ отдаленіи, а наконецъ и совсѣмъ былъ выпровоженъ, mit Scandal, за порогъ; но въ землянкѣ кочевали цѣлыя племена болѣе интимныхъ и неотвязчивыхъ мучителей, и мы извѣдали здѣсь собственнымъ опытомъ, что курдскія блохи обычаемъ своимъ и характеромъ ничѣмъ не отличаются отъ русскихъ. Лихорадочная ночь тянулась безъ конца, какъ все гадкое въ жизни; сонъ носился надъ моими закрытыми глазами, но не могъ спуститься на нихъ, какъ на звали его усталые члены... Я вы-

шелъ изъ землянки чтобъ освѣжиться. На дворѣ было влохо; шолъ частый дождь, обѣщавый на завтрашній день изъ дурной дороги приготовить намъ скверную. Это было изъ огня да въ полымя; зоть стой до утра на порогѣ! Но къ утру сонъ взялъ свое и все было исправлено.

10 марта, въ четвергъ, мы стали переправляться черезъ Ефратъ. Огромное судно, полунаромъ и полулодка, низкою стороною пристающая къ берегу, служила намъ средствомъ переправы. Никогда, ни прежде ни послѣ не случалось мнѣ видѣть судна подобнаго устройства. Это была плоскодонная барка въ родѣ нашихъ дровяныхъ, только стѣны ея отъ кормы, бывшей почти въ уровень съ водою, постепенно возвышались къ носовой части, составлявшей такимъ образомъ глубокое и очень удобное помѣщеніе для выюковъ и скота. Два гребца, одинъ на кормѣ, забравшейся послѣ нагрузки доскою, а другой на носу, огромными веслами, прикрѣпленными на подобіе барочнаго руля, управляли этимъ оригинальнымъ экипажемъ и шли не болѣе пяти минутъ отъ одного берега до другого. Сносимые далеко теченіемъ, они приставали къ противоположному берегу, и потомъ бичевой тянулись обратно до деревни. Это самое узкое мѣсто Ефрата; съ версту внизъ по теченью, ширина рѣки доходитъ до двухъ съ половиною верстъ; здѣсь же не болѣе ста сажень. Полая вода бываетъ, по замѣчанію жителей, постоянно 25 апрѣля.

Послѣ двухъ часовъ полудня мы всѣ собрались въ Искеле, и посреди густого тумана и снѣжной выюги, двинулись къ *Кемюрджю Хану*, находящемуся верстахъ въ восьми отъ Ефрата. Далѣе пройти мы не успѣли бы до ночи.

Въ нѣсколькихъ верстахъ до этой станціи Ефратъ повернулъ направо и побѣжалъ, уже въ глубокомъ ложѣ, посреди живописнаго ущелья Ичь Дагы-Богазы, обращеннаго къ нему обрывистыми скалами.

Около *Кемюрджю Хана*, прилегшаго въ одномъ углу глубокой котловины, множество ручьевъ сбѣгаютъ съ окружающихъ высотъ и оживляютъ это предельное ущелье. Надъ каравансараемъ высоко поднялась скала; а на вершинѣ ея картинная развалина стараго замка, прозваннаго мусульманами казенною кличкою *Глуръ-Калясы* (крѣпость невѣрныхъ).

12-го мы прошли болѣе тридцати пяти верстъ по гористой и грязной дорогѣ, вдоль рѣки Ханъ-Чай. По сторонамъ много было деревень; но недолго мы любовались окрестностями. Погода, сначала тихая и свѣтлая, вдругъ взбѣсилась; подулъ холодный вѣтеръ и нагвалъ страшныя тучи. Худо ли, хорошо ли, но мы добрались до

Ханъ Кіюл, гдѣ расположились въ отличномъ помѣщеніи. Хозяинъ дома, какой-то важный чалмоносный евфедя, не соглашался было пустить насъ въ домъ свой; но принужденный вполѣмствіи уступить, надулся какъ индѣйскій шѣтухъ, немеленно исчезъ и болѣе не показывался, несмотря на приглашенія наши.

Ханъ-кіюйская ночь прошла какъ и всѣ ея старшія сестры, не смотря на то, что за стѣною дома до утра лаяла какая-то неотвязчивая собаченка.

13 марта намъ предстояло не болѣе четырехъ часовъ перехода и мы прошли все разстояніе по довольно хорошей дорогѣ. Погода была ясная, но уже въ температурѣ послѣдовала опять непріятная переменъ. Послѣ Малатіи термометръ постоянно опускался, и въ этотъ день показывалъ уже 5° ниже нуля.

Версть за шесть до Харпута мы пришли въ Мезре, обширную и цвѣтущую равнину, въ которой расположены зимнія квартиры войскъ здѣшняго корпуса. Равнина вся засѣяна множествомъ деревьевъ, въ одной изъ которыхъ намъ совѣтовали остановиться, потому что въ городѣ хорошихъ помѣщеній нѣтъ. Но мы узнали, что военное начальство довольно невѣжливо отказало въ подобномъ же домогательствѣ англійскому комисару, который и обратился въ Константинополь съ жалобою на эгихъ грубьяновъ. Ктому же намъ было сказано, что Гѣзлюкю-Решидъ-Паша, бывшій въ то время харпутскимъ сераскиромъ, въ отсутствіи; что онъ ушелъ въ крѣпость Башкалâ, откуда дѣйствовалъ противъ непокорныхъ хеккарійскихъ курдовъ, оставивъ на здѣшнихъ квартирахъ батальонъ шѣхоты, эскадронъ конницы, да до семидесяти человекъ баши-бозуковъ, — и потому не желая изъ-за такихъ пустяковъ заводить бесполезные и непріятные переговоры съ нечесаною командою, Е. И. рѣшилъ идти въ городъ.

Харпуть или *Харпрутъ* чрезвычайно живописно расположенъ близъ озера того же имени, на хребтѣ высокой каменистой горы, почти отвѣсно подымающейся надъ равниною. Онъ былъ вѣкогда однимъ изъ главныхъ городовъ четвертой Арменіи въ провинціи Софенъ, и названіе его конечно *Карпертъ*, значитъ поармянски каменная крѣпость, что какъ нельзя лучше идетъ къ его характеру даже и въ настоящее время. Арабы называютъ его Хисни Зейадъ (крѣпость Зейада). Въ 1123 г. онъ былъ вырванъ крестоносцами изъ рукъ господствовавшего въ немъ ортокидскаго князька Баракъ-ибнъ-Бехрама. Теперь онъ принадлежитъ къ діарбекирскому пашалыку.

Лѣтомъ въ равнинѣ, говорятъ, невыносимо жарко, а воды мало,

и то дурная; и потому все народонаселеніе гнѣздится въ городѣ и на окрестныхъ высотахъ.

Дорога, по которой поднялись мы къ городу, очень крутая, но широкая и ровная.

Взобравшись на вершину, мы вступили въ узкія улицы, обставленыя высокими каменными строениями, несовсѣмъ еще очищенными отъ снѣга; въ вѣкоторыхъ улицахъ мы нашли цѣлыя горы его, вершинками касавшіяся крышъ. Намъ сказали, что за нѣскольکو дней до нашего прихода, и именно въ пребываніе здѣсь англійской комиссіи, всѣ улицы города были наполнены снѣгомъ и сообщенія между домами производились посредствомъ плоскихъ крышъ. Да и теперь еще городъ представлялся намъ какимъ-то Геркуланумомъ, только что откопаннымъ.

Огромный домъ, въ который насъ привели, мы застали занятымъ двумя проѣзжими турками. Мы учтиво попросили ихъ уступить намъ мѣсто; они поспѣшили исполнить наше желаніе, по хозяйинъ дома, курдъ, отставной погонщикъ каравановъ, взбунтовался и какъ-будто стакнувшись съ ханкійскимъ хозяиномъ нашимъ, также какъ и онъ не хотѣлъ ничто оставлять насъ въ своемъ домѣ, говоря, что отдать его внаймы. Городской кехайя (1), вѣроятно воображая этимъ угодить намъ, схватилъ какую-то колотушку и ну тузить неговорчиваго курда; тотъ бѣжать; кехайя за нимъ; колотушка не переставала работать; улица огласилась брашью слишкомъ усерднаго начальника и криками погонщика. Но въ уваженія къ мѣстнымъ обычаямъ и характеру незнакомыхъ намъ личностей, мы не рѣшились вмѣшиваться въ эту расправу, имѣя въ виду уврачевать въ свое время раны нашего хозяина приличнымъ вознагражденіемъ. Ставри правла былъ посланъ въ погоню за ними, но не догнавъ ихъ, воротился къ своему дѣлу, и мы преспокойно водворились въ новомъ дворцѣ нашемъ.

Главный покой его былъ громаднхъ размѣровъ. Но огромныя азійскаго вкуса окна, во всю наружную стѣну, во многихъ мѣстахъ покрыты были продольными трещинами и показывали кирпичную кладку; тяжелыя подѣмныя рамы съ трельяжемъ для тысячи мелкихъ стеклышекъ, были наполовину лишены этой роскоши; деревянные потолки, размалеванные красною краскою съ желтыми цвѣточками, были подернуты печальными тѣнями копоти и густою драпировкою паутины; глубокія ниши были набиты богатымъ запасомъ многолѣтней пыли и грязи; богатые ковры на деревянныхъ низкихъ настилахъ, тянувшихся вдоль стѣнъ по каменному полу,

(1) Управляющій, полицмейстеръ.

послали на себѣ дырявую печать глубокой древности и громко говорили о богатствѣ своего кровожаднаго населенія. Разбирать однако было нечего и уже никакъ не приходилось, намъ особенно, брезгать жилищемъ, взятымъ такъ-сказать съ боя. Походныя кровати наши, столъ, стулья разставлены; кипящій самоваръ на столѣ! И уже Ставри на весь домъ развелъ свое хозяйство; все въ порядкѣ, хоть гостей принимай. Но вотъ и они.

То были полковой докторъ, молодой грекъ, и еще другой медикъ, тоже грекъ, Лимонидесъ, посланный правительствомъ ревизовать по провинціямъ практикующіхъ туземныхъ лекарей и аптечныя лавки; они занимали насъ около часу своею незанятельною бесѣдою, изъ которой мы не почерпнули ни особенныхъ свѣдѣній, ни особеннаго удовольствія. Они рассказывали намъ о глубокихъ снѣгахъ, о страшныхъ дорогахъ, встрѣченныхъ ими въ пути; мы конечно не остались у нихъ въ долгу, и для поддержанія разговора перелали имъ; въ свою очередь, нѣкоторыя изъ дорожныхъ впечатлѣній нашихъ.

Но вотъ являются и англичане; это ужъ люди поинтереснѣе, положительнѣе; особенно одинъ изъ нихъ, нашъ будущій спутникъ, очень ученый молодой натуралистъ Лостусъ и прекрасный товарищъ (?). Онъ на двѣнадцатый день прискакалъ сюда изъ Самсуна на перемѣнныхъ почтовыхъ лошадяхъ и спѣшилъ на соединеніе съ англійскою комиссіею, при которой долженъ былъ состоять до конца ея занятій на границѣ. Спутникъ его Додсонъ, очень пріятный молодой человѣкъ, путешествовалъ по этимъ кромѣшнымъ дорогамъ, по этой ужасной зимѣ и съ такою быстротою... для своего удовольствія!!

Раздѣлавшись съ пріемомъ носѣтителей, мы пошли побродить по городу и ужасно устали, съ трудомъ пробираясь по крутымъ спускамъ и подъемамъ харпутскихъ улицъ между грудъ камней и

(?) Лостусъ умеръ въ 1858 г. 36-ти лѣтъ отъ роду въ Индіи, къ крайней скорби многочисленныхъ его друзей. Наука же потеряла въ немъ одного изъ полезныхъ своихъ дѣятелей. Къ сожалѣнію, онъ кромѣ англійскаго языка зналъ только одинъ латинскій, что конечно мѣшало ему принести наукѣ ту пользу, которую обѣщали его способности и свѣдѣнія. По возвращеніи своемъ въ Лондонъ въ 1854 г., издалъ онъ чрезвычайно любопытную и дѣльную книгу съ своими археологическими изысканіями въ Халдее и Сузіанѣ: «Travels and researches in Chaldaea and Susiana with an account of excavations in Warka the «Erech» of Nimrod and Shush «Shushan the palace of Esther» in 1849—52, under the order of major-general sir W. Williams of Kars Bart. K. C. B. M. P. and also of the Assyrian Excavation fund in 1853—4 by William Kennett F. Loftus. G. S.

обломковъ, между глыбъ мерзлаго снѣгу и безпрестанно попадавшихъ нищихъ. Но зато увидѣли много любопытнаго.

И вонервыхъ, долго любовались величественными развалинами замка, занимающими огромное пространство на самомъ возвышенномъ мѣстѣ горы. Несовсѣмъ разборчивыя надписи, пестряція стѣны его, очевидно принадлежали когда-то какому-нибудь другому зданію, потомучто плиты, на которыхъ онѣ начертаны, по большей части вставлены или бокомъ, или навзничъ. Замѣчательнѣ всего показались намъ армянскій кварталъ Синабадъ, прижавшійся къ самой скалѣ. Дома, числомъ около двухъ тысячъ, лѣнятся крутыми уступами подъ далеко выдвинувшимися и надтреснувшими краями скалы, которыя ежеминутно грозятся завалить ихъ своими обломками; и потомъ якобитская церковь. Какая почтенная, какаа грандіозная древность! Тесаный камень, изъ котораго она построена, совершенно почернѣлъ и лоснится. Мы нагнувшись вошли въ ея низкую и узенькую дверь... Таково условіе постройки всѣхъ христіанскихъ храмовъ въ Азій; оно наблюдается съ тою мыслью, чтобы легче было защитити церкви отъ вторженія изуверовъ-говнителей или простыхъ хищниковъ. Внутренность храма мрачна и полна священнаго обаянія. Храмъ содержится превосходно и съ благолѣпіемъ. Образа около царскихъ дверей въ серебряныхъ ризахъ, обложенныхъ цвѣтными лентами и даже драгоценными украшениями; передъ каждымъ теплится лампадка. По всей церкви тянутся, съ отвѣсомъ, укрѣпленные къ стѣнамъ шнуры, а къ нимъ привѣшены лампадки. По сторонамъ царскихъ дверей нижняя часть стѣны выложена прелестными изразцами съ цвѣтами и арабесками; между дверьми и алтаремъ опущенъ занавѣсъ на кольцахъ. На клиросахъ прекрасныя этажерки съ священными книгами. Посреди церкви намъ показали надгробный камень, съ надписью на халдейскомъ языкѣ, прикрывающій, какъ сказали намъ, могилу строительницы храма.

Здѣсь якобитскіе христіане или ассурі, какъ они себя называютъ, говорятъ между собою поармянски, пишутъ потурецки, но сиріакскими буквами, служатъ по книгамъ древняго своего языка, не понимая его, и наконецъ проповѣди свои говорятъ потурецки; во объ этихъ господахъ мнѣ представится случай распространити въ послѣдствіи, когда дойдемъ до Мердина, мѣстопробыванія ихъ патріарха.

Мечеть Селятинъ-Джамисі недавно еще была отстроена и не представляетъ въ себѣ ничего особенно замѣчательнаго.

Нѣкоторыя мѣста Харпута такъ и просятся въ рамку. Въ величавскихъ бокахъ горы, обломанныхъ, осыпавшихся, тамъ и здѣсь

вдавлены, одни надъ другими, красивыя домики, цѣлыя кварталы, цѣлыя деревни, — и посреди этого хаоса валуновъ, разнообразныхъ построекъ и развалинъ, клубятся шумныя потоки, стремительно низвергающіяся съ отвѣсной высоты.

Возвратясь домой, мы за ужиномъ полакомились вкусными ефратскими сазанами, — родъ большого карпа, — привезенными намъ изъ деревни Ахуръ, на Ефратъ, въ шести часахъ отъ Харпута, и пили туземное молодое вино довольно пріятнаго вкуса.

Какъ часто отъ суда читающей публики достается путешественникамъ зато, что они въ своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ безпреставно подносятъ читателямъ *le menu* съѣденныхъ ими завтраковъ и обѣдовъ! И достается подъяомъ!.. Но какже, скажутъ мнѣ нѣкоторые: — да вы хромаете на ту же ногу! Вы сами... Позвольте, господа. Смѣшно и нелѣпо по-моему рассказывать о своихъ гастрономическихъ подвигахъ, когда передаешь впечатлѣнія путешествій по благоустроеннымъ странамъ, по Рейну, по Средиземному морю, на пароходахъ, по желѣзнымъ дорогамъ. Смѣшно порицать кухню одного трактира, восторгаться котлетами и комфортомъ другого, когда на другой же день по отъѣздѣ туриста все это могло измѣниться; съ переменною вѣдѣнія или повара, дурное могло замѣниться хорошимъ и наоборотъ: и потому кчему ведутъ всѣ эти отчеты! Но что касается востока, странъ мало или вовсе неизвѣданныхъ, рѣдко посѣщаемыхъ европейскими туристами, особенно въ условіяхъ описываемаго мною путешествія, — не интересно ли, не полезно ли знать, какая страна что производитъ особеннаго, чѣмъ изобилуетъ въ съѣдномъ отношеніи, какими блюдами отличается, что, гдѣ и какъ дѣлается? Напримеръ еслибъ насъ судьба завела въ Анатолію и вы, проѣхавъ Харпуть и быть-можетъ поголодавъ въ немъ, узнали впоследствии, что тамъ можно достать отличную рыбу, вкуснѣйшія груши, даже недурное вино, — не досадно ли бы вамъ было? Въ азіатскихъ городахъ нѣтъ ни трактировъ, ни постоялыхъ домовъ, ни факторовъ, ни чичерони, ни особенной угодливости и гостепримства въ городскихъ жителяхъ, а *guides de voyageurs en Asie* еще вѣроятно не скоро появятся, и потому мнѣ кажется, свѣдѣнія, приводимыя мною по этому предмету, могутъ когда-нибудь и кому-нибудь пригодиться.

Совершивъ вашу трапезу, мы разошлись по кроватямъ и на этотъ разъ добились-таки спокойной во всѣхъ отношеніяхъ ночи. Жители ковровъ немного насъ тревожили на нашихъ койкахъ и никакой подкопный шаривари не коснулся ушей нашихъ; только на разсвѣтъ меня осторожно и пріятно разбудили пивныя угренищаго

эманна, раздавнутаго съ вершинны сосѣдней мечети; а черезъ минуту онѣ же снова меня и убаюкали.

14-го мы посѣтили военнаго начальника города Сабри-пашу.

На первомъ дворѣ губернаторскаго дома, очень обширномъ, застали мы джигитовку. Нѣсколько всадниковъ изъ отряда бани-бозуковъ предавались отъ нечего дѣлать гиппическимъ упражненіямъ: они носились другъ за другомъ во весь оиортъ или по одиночкѣ, и вдругъ осаживая лошадей, исчезали съ ними на мгновеніе въ клубахъ пыли; или на всемъ скаку, съ силою бросали далеко впередъ собою короткія палки въ землю, припадали къ лукъ и въ этомъ положеніи старались, на скаку же, поднять брошенную игрушку. Фантастическій боевой костюмъ, шитыл золотомъ куртки яркихъ цвѣтовъ, огромные кушаки, съ заткнутымъ за него холоднымъ оружіемъ, красныя фески, обвитыя цвѣтными платками, загорѣлыя, усатыя, выразительныя лица, и наконецъ лихая посадка на конѣ, увѣшаномъ красными шпурками, кистами и подвѣсками, изъ каждаго отдѣльно взятаго турецкаго милиціонера дѣлаютъ картинку; а когда цѣлая ватага ихъ разыграется въ открытомъ полѣ, особенно на неровной мѣстности, они представляютъ собою чрезвычайно оригинальное и пріятное зрѣлище.

На второмъ дворѣ толпилось и валялось около стѣнъ много народу; то были просители, нищіе, бродящіе дервиши, служители, рассыльные, прислуга разныхъ чиновъ, засѣдавшихъ въ диванѣ; одинъ изъ этихъ послѣднихъ держали въ рукахъ длинныя чубуки въ суконныхъ чахлахъ, другіе водили господскихъ лошадей съ богатою сбруей; около самыхъ воротъ, на небольшомъ возвышеніи, случился тѣсный кружокъ около деллала, аукціонера, высоко подымавшаго надъ головою предметы продажи, состоявшіе изъ одежды и оружія и гнусившаго набавляемья цѣны.

Выѣхавъ изъ губернаторскаго дома, который турки обыкновенно называютъ паша-капусы, т. е. дверь или порта наши, — мы отправились покрестить по равнинѣ, гдѣ между прочимъ видѣли арсеналъ и казарму, едва державшуюся на своемъ основаніи, грлзную, закоптѣлую, хотя ей было не болѣе девятнадцати лѣтъ, и черезъ Сивабадъ воротились домой.

А потомъ въ первый разъ послѣ Константинополя сходили въ баню. Чиста она была достаточно, но куда противъ истамбульскихъ, этихъ роскошныхъ, единственныхъ въ мірѣ бань!

Недаромъ въ нынѣшнемъ году затѣяли постройку турецкихъ бань и въ Лондонѣ, и даже въ Вѣнѣ. Посыланы были въ Константинополь архитекторы съ спеціальною цѣлью изучить эти постройки, и работы уже производятся въ обѣихъ упомянутыхъ мною столи-

цахъ запада. Удивляюсь только одному, что до сихъ поръ никому не пришло въ голову основать подобныя заведенія въ Европѣ, гдѣ до сихъ поръ полощутся въ теплыхъ ваннахъ, неподвергая тѣла своего испаринѣ, полезной для здоровья, необходимой для чисто плотности. Русскія бани хороши, несмотря на примитивность своихъ условій; но онѣ хороши только съ точки зрѣнія чистоплотности, тогда какъ турецкія бани оказываютъ человѣку другую, и еще гораздо важнѣйшую услугу — благотѣльно дѣйствуя на весь организмъ человѣка. Le massage, растираніе и расправление членовъ, введенное теперь во Франціи, какъ одно изъ дѣйствительнѣйшихъ цѣлебныхъ средствъ для разслабленныхъ и страждущихъ, споконвѣка существуетъ на востокѣ. Непытавшій не можетъ себѣ представить той степени благосостоянія, которое чувствуется по выходѣ изъ турецкой бани.

Но для тѣхъ изъ моихъ читателей, которымъ не случилось въ книгахъ встрѣчаться съ описаніемъ процесса банной операціи въ Турціи, я считаю излишнимъ описать его подробнѣе.

Вы входите въ обширный и высокій покой, служащій передбанникомъ. На мраморномъ или каменномъ полу, посрединѣ покоя мраморный бассейнъ, очень часто съ фонтаномъ посрединѣ; около стѣнъ нары, и большею частью въ два этажа; верхнее отдѣленіе съ перилами. Вездѣ на нарахъ тюфяки, съ чистыми простынями. Въ одномъ углу огромная жаровня съ постоянно горячими угольями; надъ нею плетеная изъ дражки клѣтка, сдѣланная куполомъ; на нее навѣшивается чистое бѣлье для его нагрѣванья или просушиванья. Въ другомъ углу устроена ниша съ очагомъ для варенья кофе; огромный мѣдный чайникъ, блестящій и чистенькій, стоитъ надъ огнемъ на конфоркѣ. Около ниши на стѣнѣ гайки для укладыванья чубуковъ, съ ихъ янтарями, въ горизонтальномъ положеніи. У самаго входа ставка, на ней запертая шкатулка съ пролольною скважиною на крышѣ, въ родѣ конилки: въ нее при выходѣ посетителя летятъ пары и пастры.

Вы подходите къ одному изъ тюфяковъ. Одинъ изъ прислужниковъ или самъ бородатый хозяинъ бани слѣдуетъ за вами съ чистыми брусскими полотенцами разныхъ размѣровъ, принадлежащими заведенію. Онъ складываетъ ихъ на скамейку и прежде всего раскрываетъ передъ вами большое мохнатое полотенце, которымъ, раздѣвшись донага, вы обматываете себѣ середину тѣла; потомъ бросаетъ вамъ на голову сложенное вчетверо полотенце и обматываетъ ее другимъ побольше, въ видѣ чалмы; наконецъ четвертое полотенце, еще больше первыхъ двухъ, накидываетъ вамъ на плечи; и въ этомъ костюмѣ шутовскаго привидѣнія, надѣвъ высо-

изъ деревянныхъ сандалѣи и постукивая ими по каменному полу, бредете вы въ сопровожденіи банщика въ теплый передбанникъ, гдѣ ждете васъ новый тюфякъ съ подушкою и чистою простынею. Вы располагаетесь на этомъ ложѣ. Банщикъ, обмотанный какъ и вы посрединѣ тѣла, предлагаетъ вамъ трубку и кофе, и сѣвъ возлѣ васъ на колѣни, начинаетъ разминать ваши члены, мягко, осторожно, ловко. Поразмякнувъ и отяжелѣвъ отъ этой манипуляціи, вы подымаетесь и совершаете торжественно вступленіе подъ высокіе своды самой бани, утыкаемые на вершинѣ круглыми стеклышками. Подъ сводомъ круглое или многоугольное мраморное возвышеніе въ поларшина высоты. На немъ-то васъ и приглашаютъ растаяться, опять-таки на простынѣ, и банщикъ приступаетъ къ совершенію надъ тѣломъ вашимъ высшихъ гимнастическихъ упражненій. И воервыхъ, закинувъ вамъ на спину и потомъ сложивъ вамъ на грудь обѣ руки ваши, онъ охватываетъ васъ своими, съ силою шавираетъ грудь на кисти рукъ вашихъ, сложенные вмѣстѣ, до тѣхъ поръ пока они не хрустнутъ. Потомъ закинетъ къ спинѣ одну вашу ногу, потомъ другую, и опять, надавливая ихъ грудью своею, заставляетъ хрустѣть; затѣмъ большими пальцами лавитъ около крестца, проводя ихъ отъ шен до поясницы, и ладонью разминаетъ послѣднюю; потомъ добирается и до головы вашей и ищетъ ее на всѣ корки; потомъ станетъ вамъ на спину, упрется руками въ ваши плечи и примется съ силою скользнуть ногами своими по спинѣ и по ногамъ вашимъ, и когда, утомленные, вы потомъ ляжете на своемъ мѣстѣ, онъ повторяетъ надъ вами урокъ, пройденный имъ въ передбанникѣ, и между прочимъ, схвативъ ваши двадцать пальцевъ, каждый поочередно, заставляетъ ихъ щелкнуть. Возгавъ васъ наконецъ въ лошадиную испарину, ведетъ къ одному изъ деревянныхъ сидѣвій, устроенныхъ около стѣны подъ двумя краями. У каждой стѣны залы, обыкновенно восьмиугольной, устроено по два сидѣвья, отдѣленные мраморною ванною. Сверхъ-того, въ четырехъ или шести выступающихъ углахъ залы, небольшія лерцы, завѣшенные простынею. Это отдѣльные маленькіе кабинеты съ такими же деревянными настилками по мраморному полу и краями. Тула удаляются, *большею частью*, для крашенья бороды и ногтевъ хивною, что впрочемъ нынѣ вывелось въ Турціи между мужичками, — и для бритвенныхъ операцій. Мусульманы имѣютъ обыкновеніе скоблить все тѣло бритвою.

Когда вы сѣли на настилку, банщикъ садится возлѣ васъ, на колѣни. Вымывъ вамъ мыломъ голову, онъ надѣваетъ на правую руку волосяную рукавицу и помочивъ ее, начинаетъ гладить васъ отъ шен до пятокъ, нажимая ее иногда довольно сильно и уносить

на ней все что послѣ испарины могло еще остаться въ вѣрахъ вашихъ. Затѣмъ онъ беретъ коленкоровый мѣшокъ, въ которомъ положенъ кусокъ мыла; опускаетъ его въ воду, раздуваетъ какъ музырь и горячая благовонная пѣна волнами ложится на васъ. Наконецъ обливъ васъ, какъ вопиетъ, чистою водою нѣсколько разъ, онъ захлопаетъ въ ладоши и крикнетъ *футà* (1), пробуждая эхо банныхъ сводовъ. Въ дверяхъ показывается банщикъ съ чистою перемѣною согрѣтаго бѣлья, и окутанъ васъ съ большимъ вниманіемъ, ведетъ въ холодный передбанникъ, гдѣ вы ложитесь на свѣжее, только-что приготовленное ложе; васъ покрываютъ большою простыней, и банщикъ, сказавъ вамъ *афителеръ олсунъ*, желаю здоровья, удаляется. Каведжи несутъ вамъ трубку или кальянъ, кофе или горячую воду съ леденцомъ и лимонадъ, по желанію; тотъ же банщикъ, замѣнивъ сухимъ и свою мокрую драпировку, опять возлѣ васъ и сверхъ бѣлья разыгрываетъ надъ вами разные фантазіи, какъ легкія напоминанія только-что оконченныхъ растираній. Въ мое время за все это, взятое вмѣстѣ, платилось шесть пиастровъ, или тридцать коп. серебромъ, и васъ провожали и *эй валли*, спасибо! и *хатъ гельдинъ, капитанъ, сефа гельдинъ!* добро пожаловали, прощайте, капитанъ!— какъ они называютъ европейскихъ агентъ-меновъ.

— Выйдя изъ бани, вы чувствуете себя какъ бы перерожденнымъ; вамъ кажется, что у васъ выросли въ банѣ крылья, и васъ такъ и подымаетъ на воздухъ. Этой легкости нельзя ни вообразить, ни описать. Я увѣренъ, что превосходство турецкой бани, особенно съ гигиенической точки зрѣнія, оцѣнена неполно. А нехудо бы было и въ климатъ нашего геморoidalнаго Петербурга пообзавестись подобными банями!

Вечеромъ къ намъ прискакалъ нарочный отъ Ахмеда-паши, отряднаго командира, бывшаго въ то время въ горахъ въ экспедиціи противъ курдскихъ племенъ, и привезъ къ Е. И. отъ своего генерала съ трѣхъ короба комплиментовъ и письмо наполненное привѣтствіями.

При этомъ случаѣ посланный счелъ за долгъ продекларировать, съ необыкновенною словоохотливостью, цѣлый панегирикъ о достоинствахъ и подвигахъ своего начальника. Онъ рассказывалъ намъ со всѣми подробностями, довольно впрочемъ сбивчивыми, о дѣйствіяхъ его противъ непокорныхъ племенъ въ сосѣднихъ горахъ. Музырь и Дюджукъ, о взятіи имъ какой-то Дейсимъ-Дагы, несмотря на недоступность этой горы, о томъ какъ пришелъ къ нему

(1) Полотенце.

съ повинною головою строптивыя и непокорныя племена, кочующія въ этихъ трупобахъ, и какъ наконецъ теперь онъ старается ввести между ними человѣческіе нравы и общежительность, и ласкою и поларками склонить ихъ къ окончательному подчиненію Порту.

Всѣ эти рассказы напомнили намъ исторіи кавказскихъ экспедицій нашихъ. Дѣйствія оттоманскихъ военныхъ начальствъ и войскъ въ странахъ этихъ имѣютъ совершенно тотъ же характеръ какъ и наша, только здѣсь войну вести гораздо легче, потому между прочимъ, что всѣ безъ исключенія низовья, безъ которыхъ дѣшнія племена со скотомъ своимъ обойтись не могутъ, — въ рукахъ турецкаго правительства или лицъ, неимѣющихъ средствъ ему противиться. Промежуточные пространства между горъ, служащія для пастбища, гораздо просторнѣе чѣмъ въ Дагестанѣ, и нѣтъ здѣсь, какъ въ Чечнѣ, непроходимыхъ, да даже и проходимыхъ лѣсовъ, служащихъ для горцевъ кавказскихъ однимъ изъ надежнѣйшихъ средствъ къ оборонительнымъ и наступательнымъ дѣйствіямъ. Ну да и горы эти все же уступаютъ кавказскимъ въ недоступности.

Ктому же курды наступательной войны не ведутъ, и не выхлѣвать противъ турокъ въ большихъ силахъ. Они ограничиваются воровскими продѣлками и разбоями. Убить или ограбить турка ли, христіанина ли, напасть въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ на караванъ, на деревню, разгромить ихъ, угнать скотъ, плѣнныхъ — вотъ ихъ занятія. Такъ незадолго до нашего прихода очистили они въ Мезре армянскую церковь совершенно... и концы въ воду.

Впрочемъ христіане терпятъ не отъ однихъ курдовъ. Самые турки вносятъ нерѣдко въ общину райевъ соблазнъ и горе. Тоже недавно до нашего прибытія въ Харпуть, у одного армянина пропала изъ дому молодая жена. Нѣсколько дней не зналъ бѣднякъ ничего о судьбѣ ея. Искаль, распрашиваль — все напрасно! Но вотъ онъ узнаетъ, черезъ какую-то женщину, что его Марьямъ въ харемѣ у дефтердара, директора сборовъ и податей и счетныхъ дѣлъ. Все равно было бы для него узнать, что она въ могилѣ! Жалобы его, издержки не послужили ни къ чему. Ему было отвѣчено, что она добровольно приняла исламизмъ и не хочетъ болѣе его видѣть. Бѣдный человѣкъ и въ самомъ дѣлѣ не добился свиданія съ нею и выпьчится теперь, повѣся голову, съ двумя малютками.

На другой день, другой посланный отъ того же паши и опять съ письмомъ! Но въ этотъ разъ паша не удовольствовался отправленіемъ сухихъ комплиментовъ, и присоединилъ къ нимъ нѣсколько штукъ ефратскихъ сазановъ и два рекомендательныя письма къ начальнику въ Маденъ и діарбекирскому губернатору.

Вчерашній посланный не отказался отъ подарка нашего, хотя угощеніе его состояло изъ одной болтовни; но этотъ, обогатившій насъ такими полезными приношеніями, низачто не соглашался прятать ни копѣйки.

Какъ же тутъ характеръ народный подвести подъ одного знаменателя! Оба посланные были турки, оба слуги одного и того же господина; но одинъ изъ нихъ былъ болтунъ и охотникъ до бахшищей, другой показался намъ и скромнымъ, и безкорыстнымъ. Впрочемъ это послѣднее достоинство такая рѣкость въ этой средѣ турецкаго общества, что я не помню другого подобнаго случая посреди моихъ долготѣнныхъ столкновеній съ этимъ народомъ. Надо и то сказать: второй посланный объявилъ намъ, что принявъ подарокъ, онъ не исполнилъ бы положительнаго на этотъ счетъ приказанія своего генерала.

18 марта мы двинулись изъ Харпута.

ГЛАВА X

МЕСОПОТАМІЯ

Первый переходъ отъ Харпута. — Кюнкъ. — Опять снѣга. — Курды. — Гыджанъ-Хавъ. — Ночь. — Подъемъ на Михрабъ. — Обходная тропинка. — Аргана-Мадень. — Рудники. — Дорога надъ Евфратомъ. — Г. Аргана. — Франтъ Зульфикаръ. — Тераса. — Виды. — Караджа-Дагъ. — Армянскій монастырь. — Воровская попытка. — Славка изъ тысячи и одной ночи. — Шербетли-Хавъ. — Вступленіе въ Дарбекиръ.

То ли дѣло теплое-то время! Зелень, блескъ ласковаго солнца, пѣнье и порханье птицъ, рѣянье бабочекъ... Какъ весело смотрѣть на землю, освободившуюся отъ снѣговъ и тумановъ, а вмѣстѣ съ ними и отъ этихъ холодныхъ, однообразныхъ, одуряющихъ тоновъ! Какъ весело смотрѣть на небеса, стяхнувшія вдругъ своей подбой свинцовыхъ облаковъ и сверкающія синевою. А эта теплота и благостарвореніе воздуха!..

Но на первомъ переходѣ нашемъ отъ Харпута воздухъ разогрѣлся ненашутку и наполнился сильными отрядами мухъ. Нечего дѣлать, видно надо приготовляться къ изязаніямъ иного рода! Но пока еще горе небольшое, и мы весело понукали коней своихъ, какъ-то иначе противъ прежняго переступавшихъ по чудесной сухой и ровной дорогѣ. Кругомъ, по равнинѣ, одна деревня высту-

нала за другой; цѣлые ряды ихъ какъ бы насыпали изъ-за далекихъ горъ къ намъ павстрѣчу. Молодое жито сверкало на солнышкѣ своею зеленою; всѣ жители въ полѣ, на работѣ; тамъ возятся около хлопчатника, здѣсь копошатся въ виноградныхъ садахъ, кто копается въ землѣ, прорывая канавки для орошенія полей... Эта работа производится у нихъ съ большою смышленностью. Ниодинъ источникъ не пропадаетъ даромъ; они не дадутъ ему бесполезно расилиться или уйти въ землю. Каждую весною они проводятъ отъ него мелкія канавки и даютъ имъ необходимый для непрерывнаго теченія, уклонъ, ловко направляя ихъ по спиральной линіи вокругъ встрѣчающихся на равнинѣ бугорковъ и холмиковъ. Само собою разумѣется, что при этой операціи нѣтъ и помину о пивеларѣ. Призывные глаза и рука съ успѣхомъ зашнляютъ работникамъ искусственныя пособія.

Пройдя около двадцати пяти верстъ по одной и той же равнинѣ, мы остановились въ небольшой деревнѣ *Кюнкъ*.

Солнце сильно пекло, когда мы слѣзли съ коней своихъ; реоміръ показывалъ $11\frac{1}{2}^{\circ}$ въ тѣни; въ комнатѣ отъ духоты оставаться было невозможно, и мы, расположивъ на премиленькой террасѣ, предались полному кейфу.

Подъ вечеръ, когда остылъ воздухъ, а мы отдохнули отъ дождныхъ трудовъ нашихъ, мы пошли взглянуть на деревню. Хозяинъ дома провожалъ насъ и рассказывалъ разныя разности о замѣчательностяхъ края и между прочимъ о томъ, что въ окрестныхъ горахъ есть безчисленное множество развалинъ, и указалъ между прочимъ на одну скалу, возвышавшуюся на небольшомъ разстояніи отъ деревни; на вершинѣ мы простымъ глазомъ могли различить зубцы и обломки разваливашагося зданія; онъ называлъ эту развалину *Каладжукъ*, крѣпостца. Съ другой стороны горизонта онъ обратилъ вниманіе наше на очень оригинальный холмикъ бѣлаго цвѣта на вершинѣ одного возвышенія; его называлъ онъ *Какъ-Телекъ*, кровавою горкою или вершиною; но не могъ объяснить намъ происхожденія этого замечательнаго названія; нѣтъ сомнѣнія, что горка приняла его вслѣдствіе какого-нибудь драматическаго событія, которыми такъ богаты эти дикія захолустья Анатоліи. На востокъ, въ трехъ часахъ отъ деревни, въ одномъ изъ ущелій, чернѣвшихъ на горизонтѣ,—говорилъ намъ нашъ чичероне,—есть армянскій монастырь *Абуль-Месихъ*, въ которомъ пребываетъ архіерей, завѣдующій харпутскою епархією.

Посрединѣ деревни, на площадкѣ, увидѣли мы огромную гранитную плиту съ вымолированной поверхностью и круглую на подобіе жорнова. Намъ объяснили, что она служитъ для растиранія

кунжута, изъ котораго жители выдѣлываютъ масло для своего потребленія. Изъ разсказовъ проводника мы тоже узнали, что хлѣба здѣсь родится много, но что все-таки его недостаетъ жителямъ для ихъ прокормленія, потому что три четверти сбора отъ нихъ отбираетъ казна: половину для содержанія войска, а четверть раздаетъ чиновникамъ и пансіонерамъ.

Но пора и къ Михрабу. Что-то, думали мы, онъ готовитъ намъ!

Въ субботу 19-го, мы на одинъ сутки возобновили знакомство съ тираномъ, такъ долго угнетавшимъ насъ и съ которымъ такъ недавно еще прощались мы навсегда. Явился снѣгъ, правда талый, но тѣмъ болѣе опасный, тѣмъ болѣе непріятный; такъ что во весь переходъ мы шли топями, подернутыми бѣлою пеленою снѣга, разступавшагося подъ конскими копытами; а потомъ глубокая грязь; а потомъ опять на нѣсколько верстъ бѣлая отвратительная хлѣбъ, и такимъ образомъ тащились мы не менѣе шести часовъ. Верстъ десять недоходя до станціи, незабвеннаго *Гыджанъ-Хана*, выбѣжало къ намъ два караульные курды и отвѣсивъ низкій поклонъ и неговоря ни слова, пошли бодрымъ шагомъ въ головѣ каравана, указывая путь посреди этихъ до безобразія безотрадныхъ пространствъ. Въ это время мы пошли надъ обрывомъ и лошадь моего Санхи оборвалась въ пропасть; Петро успѣлъ соскочить. Мы остановились, крикнули курдамъ, и эти дикари какъ серны бросились съ обрыва, съ камия на камень и къ лошади, безъ вреда ставшей на ноги, схватили ее за устцы и вывели на дорогу. Вся эта операція продолжалась минуту или двѣ. Молодцы! Но то ли мы еще увидимъ отъ нихъ впереди!

Между прочимъ мы прошли и мимо ущелья абдуль-месихскаго, о которомъ я говорилъ выше, и мимо разоренной курдами большой армянской деревни изъ восьмидесяти дворовъ, все время по равнинѣ Деве-Боюну (верблюжья шея). У рѣки Хошрегъ, главнаго притока Тигра, соединяющагося съ Гыджавъ-Су, мы вступали въ Месопотамію.

По мѣрѣ приближенія нашего къ станціи, курды одинъ за другимъ, Богъ ихъ уже знаетъ откуда, подбѣгали къ каравану и присоединялись къ проводникамъ нашимъ, такъ что подконецъ ихъ набралось до двадцати пяти человекъ.

Мы узнали тутъ, что эти господа, принадлежавшіе къ племени Заза, здѣсь постоянно живущему, были по просьбѣ нашей повѣщены съ нарочнымъ изъ Харпута о нашемъ приближеніи. Половина изъ нихъ были взрослые, половина мальчишки, и этой-то командѣ предоставлено было управлять переправою нашею черезъ грозный Михрабъ. Курды объявили намъ, что до *Сердаръ Хана*, гдѣ

мы хотѣли провести ночь поближе къ Михрабу, нельзя было дойти намъ по множеству снѣга, таившаго и осѣдшаго немилосердно, такъ что дорога сдѣлалась совершенно непроходимой для лошадей. Дѣлать было нечего, и мы осуждены были провести ночь эту въ постыломъ Гыджанъ Ханѣ, у котораго мы нашли ожидавшаго насъ бой-бей или старшину племени Заза съ новою толпою оборваныхъ, страшнаго вида курдовъ и съ нашимъ конакчи, квартиргеромъ. Они оба повторили намъ, что дороги нѣтъ и что мы должны были оставаться здѣсь до разсвѣта, и по холодку уже, по окрѣпшему снѣгу, взбираться на гору.

Одна мысль впрочемъ утѣшала насъ: намъ предстояло провести здѣсь нѣсколько часовъ, тогда какъ горемычная англійская комиссія пробѣдовала въ Гыджанъ пять дней, да въ Сердаръ Ханъ шесть, удержанная непроходимостью снѣговъ.

Я провелъ почти всю эту ночь безъ сна. Въ смрадномъ каравансераѣ оставаться не хотѣлось, тѣмъ болѣе что очаровательная ночь, тихая и лунная, вызывала подъ открытое небо; невдалекѣ журчалъ ручей, сверкая въ мѣсячномъ сіяньи, а на берегу его курды, разложивъ огромный огонь, сидѣли около него на корточкахъ фантастическими группами, освѣщаемые съ одной стороны краснымъ пламенемъ костра, а съ другой серебристыми лучами мѣсяца.

Мы выступили въ походъ въ три часа утра. Снѣгъ былъ крѣпокъ; скоро по выступленіи начались крути; трудно было, но лошади выступали бодро. Я однако пошелъ пѣшкомъ, потому что дорога становилась все круче и опаснѣе; два курда сопровождали меня и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вели подъ руки, третій курдъ велъ лошадь, мальчишка несъ пальто.

Небо стало безоблачное и солнце принялось печь; но снѣгъ все еще держался. Черезъ нѣсколько времени мы миновали печальный Сердаръ Ханъ, а нѣсколько далѣе, у Михрабъ Хана, остановились, чтобы отдохнуть, развьючить скотъ и приготовиться къ переправѣ черезъ вершину по такой крути, что голова кружилась. Направо пропасть, на лѣвѣ ея кипѣлъ потокъ. Все остальное, вокругъ, и на необозримое пространство, тонуло въ глубочайшихъ снѣгахъ, а зловѣщій подъемъ висѣлъ надъ нами покосившеюся стѣною. Налѣво указали мнѣ обходъ, но предупреждали, что онъ очень великъ, висѣлъ надъ страшною бездною и былъ такъ узокъ, что только одному человѣку, и то съ трудомъ, можно было пробраться по нему. Понадѣявшись на помощь опытныхъ и смѣлыхъ курдовъ, я одинъ изъ нашей компаніи, для избѣжанія подъема, рѣшился идти этимъ путемъ.

Нѣсколько времени любовались мы силою и ловкостью дикарей, ввалившихъ на плеча тяжелые вьюки и лустившихся съ этою тяжестью вверхъ по скользяму ледяному пути ; при этомъ нѣсколько лициковъ повалились таки въ потокъ , попились о скалы , но были выловлены нашими проводниками , и опять лошадь Петра покати-лась съ обрыва , но такъ же счастливо , какъ и въ первый разъ , была возвращена ея ротозѣю-хозяину . Наконецъ и отправился , конечно не безъ замиранія сердца , въ мою опасную экспедицію , и когда , пройдя съ полверсты отъ поворота , увидѣлъ себя висѣвшимъ надъ кромѣшною , снѣговою бездною , — закрылъ глаза и повисъ на рукахъ моихъ проводниковъ , изъ которыхъ тотъ , который стоялъ ближе къ крути , видимо для меня , дѣлалъ чрезвычайныя усилія , чтобы не скатиться въ пропасть .

Страшной тропинкѣ , казалось мнѣ , не будетъ конца ; я считалъ минуты и время длилось немилосердно... я изнемогалъ , но курды остановились . Я поднялъ голову : тропинка исчезла подо мною . Я стоялъ на просторномъ мѣстѣ . Передъ глазами не снѣгъ , а много-видное селеніе , картинно разбросанное по крутизнамъ... Слава Богу !

Случалось мнѣ въ жизни взбираться на страшныя высоты , и на вершину Дарьеля во время большого завала , гдѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ плелся я по глубокому снѣгу , и нѣсколько разъ на Крестовую и Гуть горы — и нигдѣ далеко не набирался подобныхъ страховъ .

Весь караванъ и все общество наше и всѣ шесть человекъ кур-довъ , съ бой-беємъ своимъ и съ ношами , являнулись почти въ одно время со мною около половины одиннадцатаго , и никогда не помню , чтобы станція улыбалась мнѣ такъ пріятно , какъ *Аргана-Маденъ* , гдѣ ждало насъ пріятное помѣщеніе въ европейскомъ домикѣ , построенномъ нѣсколько лѣтъ назадъ нѣмецкими горными офицерами , управлявшими здѣшними минами .

Первымъ дѣломъ было конечно наградить благодѣтельныхъ За-зъ , безъ помощи которыхъ не совладать бы намъ было съ этимъ чудовищемъ , разлегшимся поперекъ дороги нашей . Бой-бей получилъ сорокъ піастровъ — два рубля ; люди его , переносившіе вещи , по полтинѣ , а тѣ , которые состояли при особахъ нашихъ , по семилети копѣекъ ; всего-то роздано было тридцать рублей ; и конечно бахшишъ этотъ никакимъ образомъ не могъ служить выраженіемъ той оцѣнки , которою въ душахъ нашихъ мы взимъляли ихъ услугу . Они же были очень довольны подачкою . Какую бы вапримѣръ цѣну запросилъ нашъ мужичекъ , изъ самыхъ сильныхъ разумѣется , чтобы перенести на себѣ легчайшій изъ нашихъ вьюковъ отъ Ми-храбъ-Хана на вершину горы , т. е. на разстояніи какихъ-нибудь

полверсты? Пусть читатель самъ рѣшитъ этотъ вопросъ. Англійская комиссія правда не такъ дешево отдѣлалась, но она попала сюда въ самое свѣжное время и заплатила за это удовольствіе бездѣлку — въ двѣ тысячи пятьсотъ рублей ассигнаціями.

Разница съ нами выходитъ неимоверная.

Бьюки наши были сложены въ одной половинѣ отведенной намъ квартиры. Пострадавшіе ящики были разобраны; сахаръ и сараевское пшено, въ нихъ заключавшееся, промокли насквозь и почти никуда не годились. Ставри однакожъ не унывали и разостлавъ на терасѣ ревендукъ, высыпалъ на него все это добро и оставилъ его сушиться на солнцѣ.

Когда мы наконецъ очутились на мѣстѣ, къ намъ явился начальникъ Мадена, и разговоръ нашъ съ нимъ разумѣется завертѣлся около подробностей нашей переправы и о бѣдствіяхъ, испытанныхъ здѣсь нашими предшественниками, англичанами. Мы сидѣли на терасѣ, господствовавшей надъ живописною котловиною, въ глубинѣ которой неся Хошрегъ, и надъ противоположными высотами, стоявшими стѣною, отъ насъ саженьяхъ въ трехстахъ, не болѣе.

Направо и налево, прямо отъ терасы, подымались мѣдоносныя возвышенія, по направленію къ вершинѣ Михраба, къ которой онѣ прилежали. Возвышенія эти имѣли для непривычнаго глаза нашего странный видъ; они всѣ, съ конца въ конецъ, имѣли поверхность взерошенную *шурфами*, *ортами*, *разрѣзалии*... Кажется такъ. Мы все это разумѣется обошли, осмотрѣли со вниманіемъ, но не слѣзались отъ этого опытиче въ горномъ искусствѣ.

Мѣстечко Маденъ (руда) или рудникъ состоитъ изъ восьмисотъ пятидесяти дворовъ; изъ нихъ большая часть мусульманскихъ, пятнадцать домовъ заняты армянами, а до трехсотъ греками, исключительно занимающимися разработываніемъ рудниковъ, получая въ день отъ двухъ до пяти піастровъ, т. е. отъ десяти до тридцати коп. сер. Подъ предводительствомъ своего уста-башп, мастера, вышла ихъ цѣлая толпа къ намъ навстрѣчу, на вершину Михраба.

Въ рудникахъ добывается, какъ намъ сказали, отъ семидесяти до ста-пятидесяти батмановъ мѣди, изъ которой выдѣлывается только одна четвертая часть.

Прощайте же наконецъ и прощайте оковчательно свѣжныя дороги, бѣшенныя мятели, свинцовые туманы, помертвѣлые, унылые горизонты, и всѣ холодныя тоны картинъ нацутныхъ! Передъ нами открывалась природа во всемъ соку, во всемъ разгарѣ молодой, игривой жизни. Мы наконецъ вступали въ новую, желанную

фазу нашего путешествія. Но долго ли предстояло ликовать намъ? Объ этомъ послѣдуютъ пункты.

Отдохнувъ со всею возможною роскошью въ уютномъ гнѣздышкѣ, насладившись швейцарскими видами, открывавшимися съ его терасы и оживленные пріятною перспективою предстоявшихъ переходовъ, мы 22 марта выступили изъ Аргана-Мадена и потянулись по направленію къ г. Аргана.

Дорога была красива до чрезвычайности, но несуждено было мнѣ наслаждаться ея красотою... по милости вертижа. Каменная тропинка, по которой мы пошли отъ самаго Мадена, была ничто иное какъ въ сухомъ видѣ продолженіе михрабскаго обхода. Она висѣла высоко надъ вертикальною стремниною, надъ далеко подъ нею ревѣвшимъ Хошрегомъ, и то опускалась, то карабкалась въ высоту, то висѣла лентою, то вдругъ круто поворачивала и тоже казалось не имѣла конца. Всего разказать нельзя... Толпа рудокоповъ провожала насъ съ волюнкою, но въ ушахъ моихъ звенѣла другая музыка; они поднесли намъ кусокъ мѣдной руды, но цѣлый Маденъ лежалъ у меня что-называется на плечахъ. Вотъ и снѣгу нѣтъ, а что толку! Тѣ же призраки, только безъ савана!.. Но вотъ-вотъ кажется конецъ показался, мы скатились съ милой дорожки на мостъ, длиною въ восемнадцать саженъ надъ Ефратомъ... и неоглядываясь пустились по немъ ускореннымъ шагомъ.

А до города уже было недалеко. Вотъ онъ и открылся намъ на высокомъ каменистомъ утесѣ, господствовавшемъ надъ необозримою равниною. Мы пробирались къ нему между обломками скалъ и валунами огромной величины, верстъ около трехъ сряду, и наконецъ поднялись къ городскимъ строеніямъ по такой крутизнѣ, что еслибъ не было на дорогѣ камней, служившихъ какъ бы ступенями для лошадиныхъ ногъ, мы бы скатились къ подошвѣ утеса.

Хозяинъ дома, самъ мудиръ Аргана, старикъ почтенной наружности и пріятнаго обращенія, привелъ насъ на каменный балконъ. Видъ съ него былъ чудесный. Балконъ висѣлъ надъ городомъ, крутою лѣстницею спускавшимся до подошвы утеса. Отъ подошвы шли уступы высокой и тоже крутой горы, покрытые обломками скалъ и крупнымъ каменникомъ, къ самой равнинѣ, которая какъ море разстилалась до далекаго туманнаго горизонта, и только одна гора, верстахъ въ пятидесяти отъ Аргана, возвышалась отдѣльною массою посреди пространствъ этихъ. То былъ Караджи-Дагъ — Масіусъ древнихъ. На равнину эту весною высыпаютъ курды и разбиваютъ на ней безчисленные черные шатры свои, но на шалости не пускаются. Заходятъ съ Синджара и тигры, но съ этими гостями жителямъ равнины приходится держать ухо востро. Направо волно-

валя, за сизою дымкою дали, оставшіяся у насъ за плечами Тавръ, съ его Мухрабомъ. Налѣво, верстахъ въ восьмидесяти, Діарбекиръ, котораго семь минаретовъ и купола мечетей, — увѣрялъ насъ хозяинъ, — можно видѣть въ ясную погоду какъ на ладони. Еще лѣвѣе, на тѣхъ же высотахъ, на которыхъ мы находились, и еще выше насъ, однимъ словомъ — на вершинѣ арганаской скалы, виднѣлся уголокъ армянскаго монастыря Марьямъ-Анà (пресвятой Дѣвы). Еще неостывъ порядочно отъ совершеннаго нами въ то утро подвига, мы собрались посѣтить эту обитель. Дорога оказалась хотя довольно широкая, но нисколько не лучше, если еще не круче и не каменистѣе той, по которой мы подходили къ самому городу.... Не люблю я такихъ дорогъ. Богъ съ ними! Усталость бы и ничего; но главное, одолѣваетъ головокруженіе.

Тутъ въ первый разъ мы видѣли на камняхъ странные узорчатые отпечатки или пожалуй фоссилиферные наросты въ видѣ житныхъ зеренъ, крошечныхъ раковинъ, спиралей, кружковъ... цѣлый конхитный музей. У самаго входа въ монастырь мы наткнулись на стараго пріятеля: громадные холмы снѣга поднялись передъ нами и казалось не хотѣли подпустить насъ къ обители; но пройдя нѣсколько шаговъ, мы подошли къ глубокой траншеѣ, въ нихъ проведенной, и предводимые вышедшими къ намъ навстрѣчу двумя явками въ старенькихъ и грубыхъ рясахъ, дошли по ней до паперти превосходно сохранившагося монастырскаго храма. Тяжелыя двери церкви отворились. Внутренняя архитектура ея прекрасна. Всѣ стѣны ея выложены превосходными индѣйскими изразцами съ изображеніями угодниковъ, Спасителя, Богоматери, цвѣтовъ, арабесковъ, и съ гирляндами надписей церковнаго шрифта. Кромѣ того множество иконъ древнихъ, закоптѣлыхъ, и между прочимъ намъ указали на престольную икону Богоматери, утверждая, что она писана св. евангелистомъ Лукою и привезена сюда изъ Индіи. Богатыя ризы и потиры; полновѣсные серебряные паникадилы, кресты, лампады; всѣ отличной работы. Монастырь, какъ намъ сказали, основанъ св. Фаддеемъ; и при этомъ одинъ изъ старцевъ, сопровождавшихъ насъ, повліявшему уже одурѣвшій отъ лѣтъ и уединенія, прибавилъ, съ выраженіемъ суетной гордости: «о! монастырь нашъ очень древній! Древнѣе его нѣтъ монастыря! Онъ построенъ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ!»

Около трехъ сотъ армянскихъ домовъ толпятся на утесахъ, окружающихъ обитель. Кромѣ того и въ самомъ городѣ есть кварталы армянскій и греческій. Выйдя изъ монастыря, мы обошли ихъ и во многихъ домахъ видѣли огромные глиняные кувшины — кюфѣ, врытые въ землю, по увѣренію жителей, во времена давнопрошед-

шія и служащіе для сохраненія вина. Нѣкоторые изъ нихъ вмѣщаютъ до ста шестидесяти батмановъ или около шестидесяти берковцевъ. Попробовали вино; оно было пріятно и напоминало харпутское. Жители Арганы хвастались намъ своимъ виноградомъ и вообще всѣми фруктами.

По дорогѣ отъ монастыря зультфикарь, сынъ мудира, служившій намъ проводникомъ и щеголавшій какъ своими вычурными одеждами, такъ и замѣчательною тупостью, рассказывая про разные достопримѣчательности страны, указалъ на одинъ утесъ, говоря, что тамъ на вершинѣ есть колодець полный воды, а возлѣ него дверь, на которой написано поарабски: *«и откроешь дверь, расскажешь ся, и не откроешь ея, расскаешься»*. Но никто, добавивъ онъ, не доходилъ до этой двери, потомучто дорога, къ ней ведущая, едва проходима и то только для однихъ козъ.

Молодое воображеніе младшаго члена нашего общества разыгралось, и онъ объявилъ непремѣнное свое желаніе добратся до этой аладиновой двери и уже приготовился было исполнить свое смѣлое предпріятіе, но хозяинъ нашъ объяснилъ ему, когда мы возвратились домой, что дверь, какъ гласитъ преданіе, находится не возлѣ колодца, а на днѣ его; а такъ какъ выкачка изъ него воды представляла бы нѣкоторое затрудненіе, то путешествіе было отложено, и я успокоился за нашего смѣльчака.

Эта легенда о колодцѣ напоминаетъ объ одной восточной исторіи, какъ отважлы отрядъ ковницы, уходящій въ темную ночь отъ погони, пробѣгалъ по равнинѣ, на которой конскія копыта ударяли обо что-то твердое и звонкое. Бѣглецовъ чрезвычайно интриговали эти звуки и они обратились къ старику-проводнику своему, скакавшему въ головѣ отряда, съ вопросамя. Но отвѣтъ его еще болѣе ихъ озадачилъ: *«Если не подымете, сказалъ онъ имъ, расскажетесь, и если подымете расскаетесь»*. Напрасно они упрашивали его объяснить тайну эту; старикъ повторялъ имъ ту же фразу, не прибавляя болѣе ни слова. Это была іероглифическая надпись на могильномъ камнѣ. Наконецъ, когда они миновали звонкую, таинственную равнину и прибыли въ вѣрное убѣжище, старый проводникъ, сойдя съ коня, обратился къ воинамъ и объявилъ, что равнина, издававшая звуки, была вся покрыта золотой рудою. — «Вотъ, прибавилъ онъ, — вы теперь рассказываете, что не сошли съ коней своихъ для обогащенія; но не рассказывались ли бы вы еще болѣе, еслибъ, употребивъ нѣкоторое время на собираніе золота, вы были накрыты погонею!»

Арганаская загадка объясняется еще проще. Любопытные жители, напримѣръ, всю жизнь свою тянутъ мыслями къ таинствен-

ному колодцу и досаждаютъ на невозможность до него добратся; но такъ какъ конечно онъ не заключаетъ въ себѣ ничего кромѣ воды, а можетъ—быть и совершенно пустъ, то горькое разочарованіе ожидало бы того, который достигнувъ цѣли увидѣлъ бы, что понапрасну употребилъ на это и время, и труды, и упорную борьбу съ опасностями.

Разсказывая сказку свою, ротозѣй Зульфикаръ наткнулся какъ-то на крутомъ спускѣ, на Петра моего и такъ сильно, что тотъ полетѣлъ и больно ушибъ себѣ плечо.

Этого человѣка преслѣдовали происшествія. Вотъ на примѣръ что случилось съ нимъ въ Аргавѣ. Ложась спать онъ, вѣроятно чтобъ похвастать, раскрылъ передъ хозяйскими людьми мой замшевый мѣшокъ съ турецкими золотыми монетами, висѣвшій у него на шнуркѣ черезъ плечо. Одинъ изъ людей, негръ, сталъ приставать: продай ему нѣсколько иргимилковъ (1)! Разумѣется Петро отказалъ въ его просьбѣ. На утро, проснувшись, схватился онъ за мѣшокъ, на которомъ лежалъ, и увидѣлъ, что мѣдный замокъ весь расковырненъ острымъ орудіемъ — или гвоздемъ, или кияжаломъ. Къ счастью замокъ не подался, а мѣшка не посмѣли вытащить, изъ страха разбудить моего оруженосца—казнохранителя. Я не захотѣлъ заводить изъ этого исторію, довольный тѣмъ, что сокровища мои остались цѣлыми. Тутъ кстати сказать, что негры вообще нечесты на руку.

Жители говорили намъ, что на скалахъ этихъ водятся множество огромныхъ ядовитыхъ змѣй и скорпионовъ.

22 марта мы скатились, съ караваномъ нашимъ, изъ этого орлянаго гнѣзда на равнину и потянулись по ней, по направленію къ Діарбекиру; но до него, какъ я сказывалъ выше, было еще четырнадцать часовъ и намъ приходилось ночевать на дорогѣ.

Восемь битыхъ часовъ шли мы по довольно ровной, хотя и каменистой дорогѣ; и дождь до того мочилъ насъ, что испортилъ намъ это, еще въ первый разъ испытываемое удовольствіе. Грязь развело страшную между каменника; лошади подконецъ елва передвигали ноги; у насъ тосковала поясница и мы съ особеннымъ удовольствіемъ спѣшили у новой нашей станціи *Шербетли-ханъ*.

Это былъ камонный полуразрушенный сарай посреди пустыни, и мы подъ сводами его принуждены были пріютиться отъ непогоды со всѣми людьми нашими, скотомъ и выюками.

Разложенъ былъ костеръ, но грѣться не было возможности:

(1) Иргимилкъ имѣетъ 20 піастръ; рубль серебромъ.

дымъ расходился невыносимый. Сердивы не было: или мерзны или задыхайся; но мы предпочли помириться съ холодомъ.

Это была одна изъ самыхъ печальныхъ станцій; но на большую часть ихъ мы не могли пожаловаться. Мы находили во многихъ достаточный просторъ и чистоту, а въ нѣкоторыхъ даже и роскошь, и между прочимъ ковры и новенькіе шолковые тюфяки и полушки.

Въ Арганѣ реомюръ показывалъ 10° тепла; здѣсь днемъ было всего 7°, а къ ночи дошолъ до 4°.

23 марта мы прошли шесть часовъ по ровной дорогѣ; только часа за два недоходя до города, разразилась надъ нами еще въ первый разъ гроза, но одна изъ тѣхъ весеннихъ, легкихъ грозъ съ красивыми, подвижными тучками, съ мелькающими между нихъ синими небесами, которыя веселятъ человѣка. При самомъ началѣ грозы мы подвинулись на какую-то мостовую, развороченную, разбитую, до половины тонувшую или въ грязи, или въ мутной хляби дождевой воды, цѣлыми озерами стоявшей на пути нашемъ. Идти было очень тяжело и непріятно. Верстъ за пять до города выѣхали къ намъ навстрѣчу четыре улана съ офицеромъ. Шюкрю-паша, начальникъ войскъ здѣсь расположенныхъ, къ которому съ нарочнымъ послали впередъ письмо Ахмеда-паши, счелъ долгомъ сдѣлать намъ эту учтивость.

Предшествуемые почетнымъ ковбосомъ этимъ, мы вступили въ Діарбекиръ.

ГЛАВА XI

Г. ДІАРБЕКІРЬ. — Конакъ. — Мубаширъ Хаджи-Али. — Турецкій анекдотъ о взяткахъ. — Греческая церковь. — Деспотъ и драгоманъ — католикъ. — Армянскія церкви. — Вербное воскресенье. — Два итальянца. — Разказы ихъ. — Алепскій чирей. — Слухи въ народѣ о смѣшанной комиссіи. — Выступление изъ Діарбекира. — Перемена сценъ.

Это названіе города новѣйшее. Въ прежнее время онъ назывался Амидъ; турки величаютъ его Кара-Амидъ — черный Амидъ, отъ чернаго камня, изъ котораго сложены его толстыя стѣны и башни.

Этотъ городъ былъ основанъ, какъ повѣствуетъ исторія, армянскимъ царемъ Диграномъ, и подъ названіемъ Дигранокерда служилъ столицею Четвертой Арменіи.

Лѣтописцы армянскіе разсказываютъ между прочимъ, что царь Дигранъ, убивъ Ажтахака (дракона), или по греческому произношенію, Астіага, царя мидійскаго, увезъ жену его, прозванную имъ,

по своему имени, Дигранухи, и построивъ городъ Дигранокердъ, отдалъ его ей, вмѣстѣ со всѣми землями, находящимися между Тигромъ и Араксомъ.

О величинѣ древняго Дигранокерда можно судить по тому, что, согласно свидѣтельству этихъ лѣтописцевъ, персидскій царь Сапоръ или Шахпуръ, взявъ его послѣ продолжительной осады, разрушилъ въ немъ до сорока тысячъ домовъ. Валенцій или Валентиньянъ былъ послѣдній возстановитель этого города. Турки владѣютъ имъ съ половины шестнадцатаго столѣтїя.

По свидѣнїямъ, почерпнутымъ 'богъ-знаетъ гдѣ нѣкоторыми путешественниками, жителей въ Дїарбекирѣ отъ сорока до восьмидесяти тысячъ; но и меньшая изъ этихъ цифръ должна быть преувеличенная: всѣ начальствующїя и почетныя лица города единогласно говорили намъ, что въ городѣ всего до четырехъ тысячъ мусульманскихъ и тысяча шестьсотъ армянскихъ домовъ, да около тысячи принадлежатъ христїанамъ другихъ націй.

Дїарбекирскїй нашалыкъ — одинъ изъ четырехъ нашалыковъ Джезира (острова), какъ называютъ турки Месопотамїю. Онъ орошается множествомъ рѣкъ, вытекающихъ изъ окрестныхъ горъ, и лѣтъ большія, Хабуръ и Эрзенъ, впадаютъ въ Тигръ близь Дїарбекира. Прекрасный каменный мостъ, о шести аркахъ, на Тигрѣ, составляетъ одно изъ украшенїй города. Армянскїй соборъ, мечети, базары, каравансарай, фонтаны, дома дїарбекирскїе хорошо выстроены. Внутренность этихъ послѣднихъ отличается величавою вычурностью арабскаго стиля; все это галереи, большею частью во второмъ этажѣ, съ стрѣльчатыми арками между колонъ, нерѣдко мраморныхъ, и вездѣ обшивка изъ разноцвѣтныхъ плитъ, или стѣны покрыты широкими горизонтальными полосами, красныя съ бѣлыми. На базарахъ выдѣлывается отличный сафьянъ, отличная глиняная посуда. Дїарбекиръ ведетъ дѣятельную торговлю со всѣми главными городами Турціи. Вообще онъ имѣетъ видъ почтеннаго, серьезнаго города.

Конакъ, отведенный намъ, принадлежалъ какому-то Омеръ-бею, бывшему въ то время каймакомъ (губернаторомъ) города Муша. Это было огромное зданїе съ обширнымъ дворомъ, обнесеннымъ высокою стѣною. Дворъ высланъ былъ весь каменными плитами. До сихъ поръ кажется все хорошо. Но онъ былъ запущенъ, поломанъ и грязенъ, также какъ и харпутскїй конакъ нашъ. Принявъ насъ въ немъ турокъ, котораго узналъ я съ перваго взгляда. Это былъ мой старый знакомецъ изъ прихожихъ блестящей Порты, одинъ изъ главныхъ агентовъ, мубашировъ турецкаго министерства иностранныхъ дѣлъ.

Мубаширъ — это очень оригинальная должность, о которой лишнее будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ. Турецкія присутственныя мѣста имѣютъ каждое этихъ особаго рода агентовъ, людей или вовсе безграмотныхъ, или выучившихся грамотѣ, какъ говорятъ у насъ, на мѣдный грошъ. Обязанность ихъ — быть на посылкахъ. Ихъ рассылаютъ по городу или по провинціямъ, для препровожденія въ Портъ отвѣтчиковъ, преступниковъ, или для полученія, вслѣдствіе судейскаго приговора, разныхъ претензій. Это, какъ можно судить, очень прибыльная должность. Мубаширъ, вооруженный предписаніемъ или сентенціей дивана, какъ гроза ударяетъ на несчастнаго и требуетъ немедленнаго повинненія... и бѣдный молча повинуется; но если это человекъ со средствами и желаетъ притомъ избѣгнуть исполненія высшихъ распоряженій, то начинается торгъ съ мубаширомъ, который иногда ломается и живетъ цѣлыя недѣли въ домѣ отвѣтника, ѣстъ, пьетъ и взявъ наконецъ выговоренную сумму, возвращается одинъ въ Константинополь, тушить, хоть на время, дѣло ему порученное, а самъ что называется выходитъ сухъ изъ воды. Иногда, если онъ долго заживется въ провинціи, шаютъ на мѣсто, по настоянію истца, другого, бывасть и третьяго мубашира, и каждый изъ нихъ въ свою очередь ловко обдѣлываетъ свои дѣлшки, затирая предметъ своего порученія какой-нибудь уверткой: отвѣтникъ или боленъ, умираетъ, или выѣхалъ въ дальнюю дорогу, или разорился и проситъ отсрочки; или наконецъ привозятъ они отъ должника, въ счетъ долга, какую-нибудь часть суммы и новое обязательство; въ случаѣ же, если они и привезутъ съ собою отвѣтника, то по обыкновенію служатъ ему въ Портѣ, разумется за условленную плату, или адвокатомъ, или тайнымъ защитникомъ, покровителемъ, и тогда, съ помощью ли краснорѣчія, ловкости, или подарковъ, сказать полпросту — взяткомъ, отстаиваютъ своего кліента съ полною удачею. По окончаніи же дѣла получаютъ все-таки съ просителя два казенныхъ процента съ суммы, составляющей его претензію. Наирасно громить падишахъ противъ *ришветовъ*, лихоимства! Они текутъ своимъ чередомъ въ Турціи, и вѣтъ той силы, которая бы искоренила ихъ. Не забуду я анекдота, слышаннаго мною отъ одного райи въ сороковыхъ годахъ. Христіанинъ этотъ имѣлъ дѣло въ Портѣ и общалъ директору того департамента, въ которомъ оно производилось, *два мѣшка* или пятьсотъ піастровъ, то-есть тридцать рублей, если онъ рѣшитъ дѣло въ его пользу. Но въ это время разразилось одно изъ тысячи подтвержденій гюльханейскаго хатти-шерифа: *ришветъ* былъ снова осужденъ на повсемѣстное преслѣдованіе. Райя мой, зная хорошо своихъ турокъ, является въ назначен-

ное время къ пашѣ, становится по обыкновенію въ уголь комнаты у самаго входа и молча показываетъ ему, изъ-за полъ своего баниша, кончикъ бѣлаго мѣшка, наполненнаго піастрами. Паша останивается удивленнымъ глаза на безмолвномъ просителѣ.

— Что ты, Антонъ-ага?

Тотъ жметъ плечами, молчитъ и только позволяетъ себѣ легкую улыбку и бѣглый, едва уловимый взглядъ на бѣлый мѣшокъ свой, на мгновеніе выглянувшій до половины изъ-подъ одеждъ его.

— Это что у тебя?

— Это такъ, эфендимъ! Это вы сами знаете! — и большія черныя брови просителя высоко поднялись надъ его прищуренными глазами.

— Какъ? что? говори.

— Это, эфендимъ, тѣ вотъ два мѣшка, которые... по моему лѣму... Да вѣдь вы, эфендимъ, помните; да пошлетъ вамъ Богъ здоровья!

— Что-о-о! грозно кричитъ паша: — ты принесть мнѣ *ришветъ*? А не слышалъ ты хатти-шерифа нашего эфендія? Вонъ отсюда! Провались! Ахъ ты такой-сякой! И тотъ кто даетъ — *глуръ* (1), и тотъ кто беретъ — *глуръ*. Вонъ! И не смѣй являться мнѣ на глаза! — И паша безкорыстной рукой показалъ ему на дверь.

Понуривъ голову и припрятывая подалше роковой мѣшокъ подъ складки широкаго баниша своего, озадаченный бѣдняжка вышелъ задомъ изъ присутствія директора, и отправился отвести душу къ пріятелю своему, мюхюрдару (2) паша, занимавшему ближайшую комнату.

— Милости просимъ, Антонъ-ага! сказалъ эфенди вошедшему. — Здоровъ ли? Что ты такъ насупился?

— Да, эфендимъ, поневолѣ насупишься! — и райя рассказалъ своему пріятелю о пріемѣ, сдѣланномъ ему пашою.

Эфенди погладилъ свою коротенькую бородку, потянулъ изъ чубука и пальцемъ подозвалъ поближе къ себѣ горемыку.

— И ты не понималъ, — шепнулъ онъ ему на ухо, — и ты не понималъ въ чемъ штука!

— Нѣтъ, эфендимъ, ради-бога объясните. Я просто въ отчаяньи.

(1) Глуръ — невѣрный; здѣсь слово это употреблено въ бранномъ смыслѣ въ родѣ негодяя, бездѣльника.

(2) Всѣ должностные паша имѣютъ своего мюхюрдара или секретаря, котораго обязанность состоитъ въ прикладываньи печати (мюхюръ) своего начальни-ка къ бумагамъ, выходящимъ изъ его присутствія.

— Паша сказалъ тебѣ: и дающій — *ялуръ*, и берущій — *тоже ялуръ*?

— Да, да, эфендимъ. Охъ!

— Ну ты и ступай къ саррифу (1) паши Ованнесь-агъ и отдай ему твои два мѣшка. *Видь вы оба ялуръ!* Дѣло твое выиграно!

Райя обѣими руками хлопнулъ себя по лбу, поцѣловалъ бахраму у дивана, подъ самымъ сидѣньемъ своего пріятеля и шмыгнулъ за дверь. Дѣло его точно было выиграно.

Вотъ какъ ловко обходятъ турки султанскіе хатти-шерифы.

И потому можно заключить, какъ быстро и удобно обогащаются иногда мубаширы, покупающіе себѣ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ подобныхъ упражненій, тепленькое управленіе какимъ-нибудь участкомъ или цѣлымъ округомъ, въ провинціи.

Хаджи-Али, такъ назывался нашъ интродукторъ, принадлежалъ къ числу такихъ господъ; онъ былъ начальникомъ двухъ діарбекирскихъ уѣздовъ (казá). Волворивъ насъ, по приказанію губернатора, въ новомъ жилищѣ нашемъ, которое онъ по разсѣянности по забылъ велѣть выместя, и поважничавъ малую-толику, откланялся, говоря, что дѣла призываютъ его въ одинъ изъ его уѣздовъ.

Дождь между прочимъ усилился такъ, что мы рѣшились въ этотъ день не выходить изъ нашего очаровательнаго обиталища. Мы посвятили остальную часть дня на распросы о предметахъ, которые бы заслуживали нашего посѣщенія, и на составленіе плана нашихъ поѣздокъ. Мы имѣли письма къ нѣкоторымъ христіянамъ, и одинъ изъ нихъ вскорѣ явился къ услугамъ нашимъ. Личность эта, сравнительно, была довольно удачно выбрана случаемъ для дѣла, насъ занимавшаго. Вслѣдъ затѣмъ посѣтилъ насъ греческій деспотъ, архимандритъ здѣшней церкви, и другіе христіане.

Всѣ они горько жаловались намъ на притѣсненіе властей, на фанатизмъ мусульманъ, на постоянныя ихъ старанія обращать дѣтей и женщинъ къ исламу; вообще, чѣмъ далѣе отодвигались мы отъ столицы, тѣмъ болѣе подобныхъ сѣтованій слышали мы отъ христіанскаго населенія.

— Танзымать іокъ бурда! Нѣтъ здѣсь танзымата! или: законы здѣсь не исполняются! — говорили они со вздохомъ.

---

(1) У каждого паши, даже при дворѣ, есть свой банкиръ или саррифъ, всегда изъ христіянъ. Саррифы эти распоряжаются счетными дѣлами паши какъ совершенные хозяева, дѣлаютъ по большей части расходы изъ своего капитала и потомъ потраченную сумму получаютъ, изъ его доходовъ, постоянно съ огромными процентами. Въ прежнія времена саррифы составляли себѣ этимъ средствомъ колоссальныя состоянія. Но это время прошло.

Они приводили разные недавніе случаи, и между прочимъ мы отъ нихъ услышали одно обстоятельство, уже рассказанное намъ въ Малатіи и о которомъ я позабылъ передать въ своемъ мѣстѣ. Но такъ какъ дѣло касалось Діарбекира, то настоящее мѣсто ему здѣсь.

Въ 1838 году, то-есть за годъ до нашего сюда прибытія, мусульманы, по базарамъ и площадямъ Діарбекира стали во всеуслышаніе говорить о своемъ намѣреніи перерѣзать все христіанское народонаселеніе и даже назначили первый день мусульманскаго поста, рамазана, для исполненія своего прекраснаго плана. Старшины христіанскихъ общинъ отправились, полнымъ соборомъ, къ сильному и почетнѣйшему изъ діарбекирскихъ *вуджуховъ* — приматовъ, Мехмедъ-бею и умоляли его взять ихъ подъ защиту свою и спасти отъ предстоящей грозы. Бей успокоилъ ихъ, говоря, что прежде дасть умертвить себя съ четырьмя дѣтьми своими, чѣмъ допустить мусульманъ до подобнаго злодѣйства. Очень немудрено, что это были не одни слова: чувство человѣколюбія нечуждо многимъ мусульманамъ. Съ той же минуты бей принялся увѣщевать своихъ согражданъ, старался открыть имъ глаза, отвратить ихъ отъ кроваваго намѣренія; но напрасно! Дикари стояли на своемъ и только и говорили, что ждуть определенной эпохи. Вотъ наконецъ вырѣзалась на небѣ новая луна, возвѣщавшая наступленіе дня кровавой расправы. Но въ ту же самую ночь, говорили намъ христіане, явилась въ Діарбекиръ нежданная спасительница — въ лицѣ холеры, и навела суевѣрный ужасъ на страшныхъ заговорщиковъ, которые увидѣли въ ней бичъ, ниспосланный небомъ за ихъ преступное покушеніе. Страшная гостя поглощала жертву за жертвой съ какимъ-то ожесточеніемъ и въ продолженіе первыхъ сутокъ до трехъ сотъ покойниковъ отнесены были на діарбекирскія кладбища. Она пробыла у насъ всего восемьдесятъ дней и унесла шесть тысячъ турокъ, да до тысячи человѣкъ христіанъ. То были глухіе предвѣстники кровавой бури, которая черезъ десять лѣтъ послѣ этого должна была подняться на христіанъ въ турецкихъ владѣніяхъ.

Дождь не переставалъ лить всю ночь; къ утру я былъ пробужденъ каплями, капавшими съ потолка прямо мнѣ на носъ. Смотрю на спутниковъ — не спятъ, и одинъ изъ нихъ занятъ перекочевкою на сухое мѣсто... Я послѣдовалъ его примѣру, но недолго укрывался отъ дождя и совершилъ порядочное путешествіе по комнатамъ, спасаясь отъ мокроты. Сонъ не возвращался. Дождь продолжалъ лить, когда утромъ начались обычные визиты. Турки и христіане говорили намъ, что наша нога счастлива, что это мы принесли

имъ благодать небесную, что до нашего прихода дождя не было, и прочее.

Слушая эти фразы я глядѣлъ на потолокъ нашей комнаты и на лужи, окружающія кровати и съ гордостью помышлялъ о благодѣтельномъ вліяніи нашей звѣзды на благосостояніе діарбекрицевъ. Но несмотря на непогоду, мы выѣхали посмотрѣть на городъ.

Обширные базары могучей постройки были богато снабжены товарами, азійскими и европейскими издѣліями и наполнены народомъ, половину котораго составляли нищіе, бродящіе дервиши, цыганы, водоносы, подвижные торговцы, делялы, продававшіе съ аукціона разное тряпье и старое оружіе, которыми они были обвѣшаны; погонщики съ навьюченными ослами, мулами, верблюдами; жепщаны въ черныхъ волосяныхъ маскахъ и темноспинныхъ покрывалахъ. Около кофейнъ, разсѣяныхъ по базарамъ и площадямъ, на деревянныхъ четверугольныхъ терасахъ и на низенькихъ скамеечкахъ съ важностью возсѣдалъ всякій сбродъ: и баша-бозуки, и забтійе, и строевые солдаты, и офицеры, и угольщики, и носильщики, и муллы, и съ достоинствомъ и суровою неподвижностью раскуривали трубки свои, кальяны, и прилебывали кофейку изъ крошечныхъ финджановъ; тамъ и здѣсь, сложивъ калачикомъ на скамейкахъ ноги свои, сидѣли другъ противъ друга пара пріятелей и склонившись къ доскѣ дулись въ тритракъ. И все это безъ жестовъ, безъ шума, безъ суматохи; все какъ-будто дѣлали весьма важное и серьезное.

Улу-Джами, большая мечеть, болѣе всего остального въ Діарбекирѣ бросилась намъ въ глаза оригинальностью своей архитектуры. Внутренность незамѣчательна ничѣмъ, зато безъ восхищенія нельзя было смотрѣть на длинный узорчатый фасадъ строенія подъ красной крышей и съ вышкой посрединѣ. Что за карнизы! что за надписи! И эти стѣны по сторонамъ ея, высоко поднявшіяся и слегка обгрызенныя временемъ, съ пилястрами и колонами коринтскаго ордена, господствующими надъ крышей мечети. На одной стѣнѣ колоны мраморныя, и между ними сквозныя стрѣльчатыя арки; на другой онѣ сложены изъ кирпича и отдѣлены другъ отъ друга прямоугольными пустыми мѣстами. Посреди обширнаго двора мечети, противу входа въ нее, великолѣпный мраморный фонтанъ громаднхъ размѣровъ, съ вычурнымъ куполомъ, съ красавыми желѣзными рѣшетками, съ безчисленными надписями, съ узорчатыми украшеніями, вырѣзанными на мраморѣ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ фонтановъ, которыми не налюбуеться досыта въ Истамбулѣ и другихъ большихъ городахъ Турціи.

Улу-Джами, судя по внутренней архитектурѣ зданія и по вели-

колѣнныиъ развалинамъ, о которыхъ я только-что сказалъ, была вѣкогда христіанскимъ храмомъ; это не подлежитъ сомнѣнію.

Выѣхавъ за городъ, увидѣли мы водопроводъ, по которому бѣжитъ въ Діарбекиръ единственная въ немъ годная къ употребленію вода. Она принадлежитъ источнику *Хамрвадъ*, находящемуся отъ городскихъ стѣнъ верстахъ въ десяти. Но лѣтомъ, говорятъ, источникъ скудеетъ и діарбекирцы ощущаютъ недостатокъ въ хорошей водѣ.

Тутъ же неподалеку показали намъ искусственные ледники. Это глубокія ямы, въ которыя наливаютъ зимою воду на нѣсколько вершковъ глубины; утромъ, если вода замерзла, швыряютъ ледъ плотныиъ слоеиъ соломы и сверху ее опять наливаютъ столько же воды, которая за-ночь замерзаетъ въ свою очередь; и такъ продолжаютъ до самыхъ краевъ, пока яма не наполнится. Закрывъ ее соломой, оставляютъ до теплаго времени.

Городскія стѣны толсты, хорошо поддержаны, также какъ и массивныя ихъ башни. По нимъ мы обошли кругомъ весь городъ. Въ стѣнахъ было вѣкогда шесть воротъ, но двое уже давно задыланы; остальные четыре имѣютъ красивый и величественный видъ. На стѣнахъ и воротахъ множество куфическихъ и другихъ надписей, и тутъ и тамъ римскіе двуглавыя орлы — гдѣ на вставленной въ стѣны бѣлой плитѣ, гдѣ прямо на штукатуркѣ, окаменѣвшей отъ времени.

На пространствахъ между стѣнами и Тигромъ—загородныя сады и красивыя домики, и пашни, начинавшія подергиваться зеленыиъ отливомъ на необозримое пространство. Но берега Еврата во многихъ мѣстахъ покрыты довольно далеко грудами глыбы, нанесеннаго разливами рѣки. Вдали синѣлъ Караджадагъ и туманныя вершины Таврскаго хребта.

Общій видъ города съ сѣверо-западной стороны очень картиненъ: изъ-за черныхъ стѣнъ, кругомъ опоясывающихъ городъ, расположенный на гладкой возвышенности въ двѣ тысячи футовъ надъ уровнемъ моря, поднимаются высокія минареты, круглыя или четырехугольныя, красивые купола мечетей, бань, каравансараевъ, граничныя конусы памятниковъ, съ аистовымъ гнѣздомъ на вершинѣ, терасы высокыхъ домовъ, съ своими вентиляторами въ родѣ будочекъ, для пропусканія воздуха во внутренность дома, вершины деревьевъ, еще не распустившихся...

Наканунѣ нашего выступленія изъ Діарбекира посѣтили насъ два кочевые итальянца, оба доктора медицины, не знаю только съ дипломомъ или безъ диплома,—одинъ по имени Поуласси, ѣхавшій изъ Дамаска въ Индію, а другой вѣкто *Мерло* де Барони ди Шульве-

ренти... право я не сочиняю! Этотъ послѣдній переселялся изъ Багдада въ Дамаскъ.

Бесѣда доктора Пульверепти имѣла для насъ особенный интересъ, потому что онъ рассказывалъ намъ про совершенный имъ только-что походъ до Діарбекира, а потому и про дорогу, намъ предстоявшую, и про Багдадъ, который простиралъ къ намъ изъ далекихъ пустынь свои томительныя объятія. Немного радостнаго почерпнули мы для нашей будущности изъ словъ этого сына Италіи! По его словамъ, насъ ожидали и раскаленный воздухъ, и лихорадка, и самумъ, и ядовитыя гады, и мошки и комары, и уединеніе и тоска, и знаменитый алепскій волдырь. Въ Россіи немногіе слышали о немъ, и потому онъ требуетъ нѣсколькихъ словъ описанія. Годовикъ, какъ называютъ его народы востока, потому что онъ ровно годъ разъѣдаетъ тѣло и не уступаетъ никакому цѣлебному средству, которыя напротивъ растрavляютъ его еще болѣе, не щадить ни туземца, ни гостя, и къ первому садится на щеку, на кончикъ носа и скрывшись черезъ годъ, оставляетъ на мѣстѣ своего пребыванія бѣлое круглое клеймо, а кончикъ носа отъѣдаетъ иногда совершенно; къ заѣзжему же человѣку бросается обыкновенно на руки и на ноги, иногда въ огромномъ числѣ, какъ мнѣ самому случалось видѣть впоследствии; и многіе умираютъ отъ его посященія. Язва эта господствуетъ въ Египтѣ, но болѣе и положительнѣе въ Сиріи, у окраинъ великой пустыни въ Месопотаміи, Персіи; а далѣе не знаю.

И въ Діарбекирѣ, говорили, вѣны попадаютъ ей въ кости.

Не отрадная будущность! Но дѣлать нечего. Отъ судьбы не убѣжишь.

Докторъ еще говорилъ намъ, что по дорогѣ и въ городѣ распрашивали его о цѣли нашего похода, и правда ли, что русскіе идутъ занимать Багдадъ, а англичане должны овладѣть Басрой! Этотъ рассказъ вовсе не показался мнѣ сочиненіемъ снѣвора Мерло: отъ турокъ можно было ожидать такихъ вопросовъ; впоследствии съ подобными же вопросами обращались ко мнѣ и турки, и персіане, и курды, и арабы.

О дорогѣ до Мосула онъ отзывался не съ особеннымъ восторгомъ.

ГЛАВА XII

Первый переходъ отъ Дяръбекира. — Намъ открывается новый миръ. — Древня Акпунаръ. — Курды. — Открытыя женскія лица. — Ханъ Шейхъ-Муса. — Курдскій языкъ. — Дорога до города Мардина. — Мардинъ. — Легенды о Мардинъ. — Турецкій анекдотъ. — Яковитская церковь и патриархъ Миръ-Якубъ. — Заутреня. — Светлое христово воскресенье. — Достопримѣчательности Мардина. — Комендантъ цитадели и его рассказы о пароходѣ остивдской компаніи. — Турецкій святой не пропускаетъ его къ Мосулу.

30 марта мы покинули Кара-Амидъ. Новый миръ открывался передъ нами. Уже въ Дяръбекирѣ языкъ турецкій очень замѣтно подернуть арабскимъ акцентомъ и въ физиономіи жителей пробѣгаютъ отблески арабскаго и курдскаго типовъ: цвѣтъ лица становится темнѣе, черты рѣзче, попадается болѣе черныхъ глазъ, чаще встрѣчается нестрава чама курдинца; и вообще изъ сосѣднихъ горъ и пустыни вѣетъ какимъ-то торжественнымъ привольемъ, какимъ-то воинственнымъ, удалымъ разгуломъ. А при этомъ и въ христіанскомъ населеніи замѣтно еще менѣе увѣренности во взглядахъ и въ голосѣ, еще болѣе робости въ приѣмахъ.

Этотъ переходъ мы совершили довольно хорошо; грязь было менѣе чѣмъ я ожидалъ вслѣдствіе благодѣтельныхъ дождей; только въ началѣ было довольно топко. Черезъ шесть часовъ мы остановились на ночлегъ въ д. *Акпунаръ* (бѣлый ключъ), состоящей изъ двадцати пяти курдскихъ домовъ. Жители потурецки ни слова; но мы нашли переводчиковъ въ числѣ погонщиковъ и прислуги нашей.

Въ первый еще разъ мы увидѣли женщинъ безъ покрывалъ: курдинки не закрываютъ лицъ. Право умницы! Но акпунарскія дамы не поразили насъ особенными прелестями. Квартира наша гораздо болѣе пришлась намъ по вкусу и мы провели пріятную ночь.

Переходъ перваго апрѣля былъ нѣсколько утомительнѣе; хотя дорога была ровная и сухая, но солнце пекло довольно сильно; а пятьдесятъ съ чѣмъ-то верстъ пройти подъ припекомъ не бездѣлица. Но зелень! Зелень кругомъ! И съ половины дороги замелькали вдали черныя палатки курдинцевъ, езилскія деревеньки, а около дороги все гуще и гуще дубки и фруктовыя деревья.

Каравансарай Шейхъ-Муса, въ которомъ мы остановились, пріятно намъ улыбнулся изъ-подъ древесной сѣни, Рядомъ съ нимъ хоро-

шая мечеть, въ которую собираются по пятницамъ жители пятио-
кружныхъ деревень, и при немъ небольшая курдискія деревушка. Тутъ
наконцѣ намъ пришлось увидѣть два прекрасныя женскія лица ;
одно принадлежало дѣвущкѣ лѣтъ восемнадцати, другое ребен-
ку лѣтъ семи. И мы отвели хоть сколько-нибудь душу послѣ такого
долгаго лишенія !

Коротко сказать, мы провели на этой станціи прекрасный вечеръ
и пріятную ночь.

Тутъ въ первый разъ я сталъ прислушиваться къ курдскому язы-
ку ; я узналъ въ немъ много словъ персидскихъ ; разница была
только въ произношеніи ; остальное было для ушей моихъ дико, не-
понятно : повидному это остальное состоитъ изъ смѣшенія араб-
скихъ и турецкихъ словъ , болѣе чѣмъ персидскія обезображенныхъ
мѣстнымъ акцентомъ. А акцентъ этотъ заключается въ какой-то
терпкости звуковъ и выговора, которая поражаетъ слухъ нашъ въ
произношеніи напримѣръ русской рѣчи цыганами.

Потомки древнихъ кардуковъ, надѣлавшихъ своею строптиво-
стью столько хлопотъ Ксенофону во время его молодецкаго от-
ступленія, курды сохранили до нашего времени нравы, обычаи, по-
чти полную независимость, отважность, и вѣроятно и самый ко-
стюмъ своихъ предковъ. Нынѣшніе кырду, какъ себя называютъ
курды, недалеко отъ ксенофоновыхъ кардуковъ. Неизвѣстно только,
жилъ ли этотъ народъ большими селеніями и городами, какъ въ
настоящее время, потому что курды теперь далеко не всѣ кочевье,
и у нихъ есть между прочимъ четыре большіе города: въ турецкомъ
Курдистанѣ — Джезирси-Ибии-Омаръ, Эрбилъ, на знаменитомъ ара-
бельскомъ полѣ, и Шехризуръ; въ персидскомъ: Сенне или Сенен-
лиджъ, въ которыхъ мы сойдемся съ ними поближе. Пародонасе-
ленія ихъ невозможно подвести подъ статистическій итогъ. Ихъ
считаютъ, конечно приблизительно, до трехъ миліоновъ. Въ это
число входятъ до ста тысячъ несторьянъ.

По наружности и по одеждѣ они отличаются отъ всѣхъ наро-
довъ ихъ окружающихъ. Они рослѣе и смуглѣе всѣхъ, и имѣютъ
еще болѣе фізіономіи чѣмъ самые арабы.

Одежда ихъ состоитъ изъ такъ называемой *шалъ-у-шапикъ*, то-
есть изъ шали и рубахи, такъ какъ простой курдъ носитъ одну ру-
баху и опоясывается шалью. Но въ это одѣяніе входитъ на границѣ
Турціи съ Персіей балахонъ, надѣваемый на рубаху; а широкій
кушакъ повязывается поверхъ балахона. Курды Джезире балахо-
новъ не носятъ; у нихъ двѣ куртки, — нижняя идетъ подъ кушакъ, а
верхняя надъ нимъ; полосатые шальвары, суживающіеся книзу,
такъ что у щиколки они охватываютъ ногу почти плотно; и всѣ

вообще курды сверхъ нижней одежды носятъ полосатый широкій плащъ, сшитый какъ у арабовъ, слѣдующимъ образомъ: передніе два полотнища прямо пришиваются къ двумъ заднимъ, сшитымъ вмѣстѣ; у плечъ только остается скважина для пролѣванія рукъ. Кройка, какъ видите, нехитрая. Курды Джебзире носятъ на головѣ высокій остроконечный колпакъ, обмотанный небольшою круглою чалмою; тѣже, которые живутъ по границѣ, и турецкіе и персидскіе курды носятъ огромнѣйшую чалму.

И у тѣхъ и у другихъ воляся иногда кольчуги и шишаки съ страусовыми перьями и чалмою; щиты и луки со стрѣлами, неговоря уже про мечи и огнестрѣльное оружіе. Въ этомъ вооруженіи, и на коняхъ, и съ ихъ чудесными боевыми лицами и высокимъ ростомъ, они представляются глазу въ такомъ величинѣ, въ такомъ живописномъ свѣтѣ, что, какъ говорится, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Каждый изъ нихъ смотритъ Саладиномъ, который, какъ извѣстно, былъ курдъ по происхожденію.

Женщины ихъ побытомъ своимъ и своею одеждою немногимъ отличаются отъ мужчинъ и въ бояхъ верѣдко слѣдуютъ за ними, а бываетъ и предводительствуютъ отрядомъ. Слово кюрдъ-оглу, то есть курдовъ сынъ или курдскій уроженецъ, у турокъ служитъ синонимомъ удалого налета и отчасти разбойника.

Халдеи, исповѣдующіе ученіе Несторія и составляющіе часть населенія Курдистана, въ числѣ, какъ я сказала, около ста тысячъ, еще воинственнѣе, и несмотря на свою сравнительную малочисленность, сильнѣе остальныхъ курдовъ. Ядро ихъ гнѣздится въ хеккярійскихъ тущобахъ, около персидской границы, въ мѣстахъ суровыхъ, страшныхъ по своей естественной недоступности. Вся страна хеккярійскихъ курдовъ состоитъ изъ чудовищныхъ каменистыхъ крутей и потоковъ, клубящихся въ черныхъ безднахъ. Селенія, окруженныя тамъ и здѣсь клочками покосовъ и скудныхъ пашень, висятъ надъ пропастями. Городъ Джуламеркъ или Джуламерикъ, занимающій одну изъ такихъ же мѣстностей, служитъ мѣстопребываніемъ несторьянскому патриарху маръ-Шимону (св. Симеонъ); имя это сдѣлалось нарицательнымъ для несторьянскихъ патриарховъ. Аширеты или независимыя племена несторьянцевъ, населяющія Хеккяри, держатъ остальныхъ курдовъ въ страхѣ и почтеніи и могутъ назваться главными хозяевами страны своей.

Но въ Месопотаміи разсыпано еще одно воинственное племя, не уступающее курдамъ въ воинственномъ духѣ и конечно переменяющее ихъ грабительскими наклонностями: это езиды, чтущіе духа тьмы, попросту чорта, *шейтана*, въ той мысли, что падшій ангелъ кончитъ же тѣмъ, что будетъ когда-нибудь прощенъ

всевышнимъ существомъ. Они дотога благоговѣютъ передъ его именемъ, что не только считаютъ за преступленіе помянуть его, но даже избѣгаютъ произносить какое-нибудь слово, сочетаніемъ буквъ своихъ напоминающее слово *шейтанъ*, или *проклятый*, или только начинающееся на *ша*. Духа тьмы они называютъ почти-точно — *челеби*, господинъ, или *шейхъ муазземъ*, великій шейхъ. Но объ этомъ любопытномъ народѣ мы будемъ имѣть случай говорить поподробнѣе впоследствии.

Скоро также мы встрѣтимся и съ кочевьями блудливыхъ арабскихъ племенъ, которыя еще не выходили сюда изъ глубины пустынь, зимнихъ квартиръ своихъ. Скоро уже и по городамъ будемъ встрѣчаться съ ними.

Вотъ между какими народами предстояло отнынѣ толкаться намъ! Быть постоянно насторожѣ, чутко спать, держать ухо востро... Вотъ постоянный нашъ лозунгъ на будущее время.

И такъ на Мардинъ!

2 апрѣля первую половину дороги мы сдѣлали по ровной мѣстности, покрытой зеленью и множествомъ цвѣтовъ. Жаръ уже былъ очень чувствителенъ; остальные пятнадцать верстъ неслись мы по жестокому каменнику и все въ гору, и потому перѣходъ порядочно утомилъ насъ. Безконечный подъемъ каменистой мардинской горы весь развороченъ, какъ-было какимъ-нибудь катаклизмомъ; огромныя каменные глыбы громоздятся на дорогѣ и бѣднымъ лошадямъ нашимъ пришлось-таки поработать.

Мы уже были въ нѣсколькихъ шагахъ отъ города, но онъ не показывался; вдругъ изъ-за каменника выглянули зубчатые верхи мардинскихъ стѣнъ, и вслѣдъ затѣмъ мы уже входили въ ворота и... остановились какъ вкопанные: мы стояли надъ крышами верхнихъ домовъ города, который какъ Аргана, но гораздо въ большихъ размѣрахъ, съ своими причудливыми зданіями, бѣжалъ внизъ по крутымъ уступамъ до первой терасы этой громадной возвышенности. Опять необъятная для глаза равнина, тонувшая въ туманной дали, но уже вся съ конца въ конецъ покрытая густою зеленью, усѣянная то красными пятнами благовоннаго клевера, то черными полосами кочевій. А вдали Синджаръ, гнѣздо езидовъ... Ближайшія части горизонта бѣжали волнистою лентою.

Мы потянулись по улицѣ и я не спускалъ глазъ съ удивительной панорамы. Пройдя по узкимъ изворотамъ лабиринта улицъ, мы остановились у огромныхъ воротъ большого дома, господствовавшего, вмѣстѣ съ своимъ основаніемъ, надъ высокой стѣной, окружавшей подошву скалы, на которой онъ возвышался. Онъ весело и

ласково глядѣлъ на гостей своихъ изъ-за этой ограды, общая обширное, удобное помѣщеніе и — не обмануль насъ.

Домъ этотъ положеніемъ своимъ, размѣрами и условіями постройки, напоминалъ феодалыные замки, отъ которыхъ онъ отличался только отсутствіемъ рва и подъемнаго моста. Абдуль-Калыръ-бей, хозяинъ дома, принялъ насъ очень вѣжливо и ввелъ въ прекрасный покой, съ широкимъ каменнымъ балкономъ, съ котораго открывался тотъ очаровательный видъ, которымъ мы только что любовались изъ городскихъ воротъ; кромѣ того отсюда можно было видѣть часть города, часть полуразрушенной цитадели, висѣвшей на вершинѣ мардинской горы надъ городомъ, и часть стѣны, прелестнѣйшей изъ Медресе, какія только мы до сихъ поръ видѣли по городамъ Азіи.

Хозяинъ нашъ былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, недурной собою, носилъ одну феску безъ чалмы, одни усы безъ бороды; длиннополый антери, перепопсанный шалью, и сверху красную куртку, шитую золотомъ. Впослѣдствіи узнали мы отъ другихъ, что онъ былъ теперь главою одной изъ почетнѣйшихъ древнихъ фамилій Мардина; что братъ его Мехмедъ-бей имѣлъ тоже неподалеку отсюда домъ, построенный еще крѣпче этого; что онъ занимался разбоями, и въ прошломъ голу заперся въ своей крѣпости, избѣгая преслѣдованій военнаго начальника, старавшагося схватить его, но что паша провелъ подъ ворота его дома мину, взорвалъ его, бросился въ домъ и схватилъ бея; и что еще при этомъ обломки воротъ разрушили мечеть, только что возведенную на сосѣднемъ уступѣ скалы.

Мардинъ, древній Мардъ, обязанъ, какъ говорятъ греческіе историки, основаніемъ своимъ и именемъ Мардамъ, народу заселявшему въ былыя времена нынѣшній Мазандеранъ, персидскую провинцію на юго-восточномъ берегу Каспійскаго моря. А такъ какъ марды были, по выраженію Плинія, Страбона и другихъ, народъ воинственный и неукротимый, и принадлежали къ персидской сектѣ, боготворившей *Аримана*, злого духа, то и заключаютъ, что они были родоначальниками езидовъ, живущихъ въ Месопотаміи.

Но вотъ легенда, существующая у турокъ о строителькѣ этого города:

Жилъ-былъ въ древности, рассказываютъ они, какой-то царь; у него былъ сынъ, тщедушный и хилой, по имени Мардинъ. Неприятны были всѣ усилія врачей и маговъ того времени, чтобы возстановить здоровье молодого принца; онъ чахъ не по днямъ, а по часамъ и видимо близился къ могилѣ. Царю посоветовали искать исцѣленія для сына въ другомъ климатѣ, и онъ отправился съ нимъ

отыскивать благораствореннаго воздуха. Наконецъ онъ разбилъ лагерь свой на равнинѣ этой, и мѣстность такъ ему понравилась и такъ замѣтно сталъ поправляться его больной, что онъ долго недумая, приступилъ къ постройкѣ мардинской крѣпости, чтобъ защитить себя отъ нападенія сыновъ пустыни. Дочь этого царя была замужемъ за какимъ-то сосѣднимъ князькомъ и жила неподалеку отсюда въ укрѣпленномъ замкѣ. Когда Мардинъ, или по турецкому произношенію Мердинъ, былъ отстроенъ, она задумала овладѣть имъ. Но такъ какъ крѣпость была недоступна, она прибѣгла къ средству, напоминающему троянскую деревянную лошадь. Увѣривъ отца своего, что боится въ гнѣздѣ своемъ нападенія непріятеля, она просила у него позволенія перенести свои сокровища въ его недоступную крѣпость. Отецъ далъ свое согласіе и принцесса отправилась къ нему цѣлыя караваны сундуковъ, въ которыхъ скрыты были воины. Избравъ минуту, когда жители Мардина молились въ храмахъ, она выпустила изъ сундуковъ свое войско и съ помощію ихъ овладѣла замкомъ.

Сказка эта придумана вѣроятно для выраженія естественныхъ преградъ, которыми богата эта крѣпость. И въ самомъ дѣлѣ доступъ къ ней возможенъ только съ одного пункта, а именно съ той стороны, съ которой мы подошли къ ней. И турки считаютъ ее, вмѣстѣ съ Ванскою крѣпостью, двумя недоступнѣйшими укрѣпленными мѣстами Анатолиіи. Это непомѣшало однакожъ татарамъ нѣсколько разъ разгромить Мардинъ въ тринадцатомъ столѣтіи.

Въ цитадели, какъ она ни пострадала отъ времени и оттоманскаго нерадѣнія, мы застали небольшой гарнизонъ, состоявшій изъ артиллерійской команды подъ начальствомъ наши, коменданта крѣпости.

Огромные резервуары съ водою, въ ней находящіеся, неисчерпаемы.

Въ ожиданіи тульского самовара, мы любовались съ балкона на Мардинъ и его окрестности. Но вотъ прелесть картины какъ бы удесятерилась въ одно мгновеніе. Черныя тучи, уже давно кочевавшія надъ нами, стали вдругъ стучаться все болѣе и болѣе и страшная гроза разразилась. Полилъ проливной дождь, замигала молнія по разнымъ направленіямъ, по Синджару, по городкамъ горизонта; по ставкамъ на равнинѣ забѣгали бѣлыя блески... Но что досказывать! самому читателю нетрудно вообразить эти эффекты.

Дождь пересталъ скоро. Надъ Мардиномъ небо очистилось. Въ то время какъ гроза гуляла еще надъ равниною, довольно быстро двигаясь къ далекому горизонту, я пошелъ посѣтить почтеннаго маръ-Якуба, патріарха Ассуря или якобитскихъ христіанъ, съ ко-

торымъ я довольно часто видался въ Константинополѣ. Престоль его въ Мардинѣ, и онъ по дѣламъ своей церкви провелъ около году въ столицѣ Турціи.

Добрый прелать обрадовался мнѣ какъ сыну, и отпуская прислалъ насъ всѣхъ къ заутрени.

Это была страстная суббота. Онъ прислалъ за нами въ третьемъ часу утра; мы пришли во время крестнаго хода. Въ церковь, ничѣмъ неотличавшуюся снаружи отъ сосѣднихъ домовъ, съ которыми она была въ связи, мы вошли какъ въ какой-нибудь подвалъ, черезъ узенькія дверцы. Храмъ былъ биткомъ набитъ народомъ, стоявшимъ со свѣчами. Жаръ отъ огней былъ нестерпимъ. Насъ провели къ главному алтарю, гдѣ служилъ самъ патріархъ въ длинной парчевой ризѣ съ круглымъ капишономъ изъ той же матеріи; но намъ видны были три другіе придѣла, у которыхъ въ такомъ же облаченіи служили епископы; священники имѣли на головахъ маленькія узорчатые темныхъ цвѣтовъ скуфейки. Митръ якобиты не носятъ. Лица большей части духовенства были прекрасны и полны характера; строгія черты, бѣлизна кожи, глаза и волосы черные какъ смоль, были замѣчательны. Христіане сплошною массою подступали къ самому мѣсту священнодѣйствія и оглашали низкіе своды храма изступленнымъ пѣніемъ, похожимъ на крики отчаянія; лица ихъ были красны и покрыты потомъ; глаза сверкали; головы закинута къ спящъ.

Послѣ заутрени патріархъ принялъ насъ въ покоѣ своемъ и угостилъ чаемъ. Мы возвратились домой когда уже взошло солнце, и нашли у себя столъ съ закускою, приготовленною Ставри. Нашлись и красныя яйца.

Хозяинъ дома съ этой минуты не отставалъ отъ насъ и измучилъ совершенно непріятельнымъ своимъ присутствіемъ. Онъ назвался къ намъ обѣдать; но за столомъ не коснулся къ купаньямъ, сосредоточивъ всю свою заботливость на бутылкахъ. Къ концу стола онъ опьянѣлъ и скрылся.

Командантъ цитадели долго не хотѣлъ пустить насъ осмотрѣть ее и уступилъ только по прочтеніи фирмана, бывшаго у насъ въ рукахъ. Мы видѣли въ ней одни камни, одно разрушеніе, резервуары — и опять любовались видомъ на равнину.

Мардинскій муиръ, котораго также мы посѣтили, между прочю чепухою говорилъ намъ про пароходъ остъ-индской резиденціи въ Багдадѣ, напрасно пытающійся подняться по Тигру до Мосула, потому что какой-то святой ихъ, султанъ Абдулла, котораго мавзолей возвышается до самой рѣки, верстахъ въ пятидесяти отъ Мосула, не позволяетъ пароходу пройти мимо себя! — «Напрасно, го-

ворилъ идіотъ, англичане приносили жертвы зіарету святого и употребляли немовѣрныя усилія: святой не пропускаетъ *чортова судна* до Мосула». Пороги, находящіеся на Тигрѣ противъ этого зіарета, въ самомъ дѣлѣ мѣшаютъ пароходу совершить этотъ желанный рейсъ.

Обѣзжать города было нечего: онъ весь былъ видѣнъ съ нѣкоторыхъ точекъ. Базары его незамѣчательны, хотя въ нихъ выдѣляется лучшій въ Анатолиі сафьянъ. Изъ городскихъ построекъ всего болѣе интересна великолѣпная Медресе той сельджукской архитектуры, на которую мы и прежде заглядывались; архитектуры, имѣющей весь характеръ стіля мавританскихъ построекъ. Медресе, по милости крутизны, на которой она нарисовалась вся, какъ картина, висящая на стѣнѣ, удивительно эффектна съ своими двумя огромными куполами, минаретомъ и отдѣляющеюся отъ корпуса зданія высокою дверью, чудо вкуса и изящныхъ украшеній.

Въ одеждѣ мардинцевъ есть одна особенность велишонная эффекта: это лѣтній бѣлый плащикъ изъ шерстяной сквозистой матеріи съ коленкоровымъ узоромъ, подшитымъ подъ него сзади, такъ что у всѣхъ мужчинъ на спинахъ рисуются бѣлые букеты, арабески и другіе узоры.

На другой день патріархъ долженъ былъ ѣхать въ Шафранный монастырь, — Дейръ Эль-Зафаранъ, отстоящій отъ города верстъ на шесть. Онъ заѣхалъ за нами со святою епископовъ и монаховъ, и мы отправились въ настоящее мѣсто его пребыванія.

Шествіе открывалъ каввасъ нашъ Османъ съ огромнымъ ружьемъ за плечами; за нимъ шли послушники монастырскіе съ костьюлами и посохами патріарха и епископовъ. Потомъ патріархъ, Е. И—чъ и мы всѣ. Шествіе это было исполнено торжественности.

Дорога была пріятная, посреди садовъ. Скоро мы доѣхали до д. Зафаранъ, мѣста родины почтеннаго Маръ-Якуба. Жители, въ числѣ которыхъ были и родственники патріарха, толпами выходили навстрѣчу и цѣловали ему руки. Дорогой онъ разсказалъ намъ, что въ вѣдѣніи у него до двухсотъ пятидесяти церквей только на землѣ оттоманской, да до семидесяти церквей въ Инліи, гдѣ считается пятьдесятъ тысячъ якобитскихъ домовъ. Онъ каждые два-три года посылаетъ къ нимъ новаго епископа съ грамотою, скрѣпленною англійскими консулами Мосула и Багдада.

У самаго монастыря вышли къ намъ навстрѣчу монахи во всемъ облаченіи, съ хоругвями, пѣніемъ и при колокольномъ звонѣ.

Патріархъ разсказывалъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ монастырь былъ занятъ хищными курдами, разорившими его вконецъ и патріархи скитались между Діарбекиромъ и Мардиномъ; что

только года два тому назадъ удалось ему возстановить обитель и церковь, и въ самомъ дѣлѣ онѣ казались только что выбѣленными; были бѣдны и голы. Намъ указали на склепы, въ которыхъ, по словамъ монаховъ, похоронены *дѣвѣнадцать тысячъ* святыхъ патріарховъ и епископовъ ихъ церкви. У входа два саркофага съ тѣлами послѣднихъ патріарховъ, и два возлѣ нихъ, съ тѣлами епископовъ. Одинъ изъ нихъ былъ открытъ и мы увидѣли въ немъ, во всемъ облаченіи, изсохшіе остатки епископа, скончавшагося девять лѣтъ тому назадъ. Здѣсь постоянно теплятся лампы и ежедневно служатъ обѣдню. Въ небольшомъ придѣлѣ, рядомъ, алтарь съ мраморною доскою и на немъ выгравированы изображенія изъ апокалипсиса и надписи на сиріакскомъ языкѣ съ притчею о томъ, какъ апостоль Петръ, котораго ассури считаютъ первымъ своимъ патріархомъ въ Антиохіи, отвѣчалъ Спасителю на вопросъ Его за кого онъ Его принимаетъ: «я принимаю тебя за Сына Божіе», и какъ Спаситель сказалъ на это: «ты счастливъ! Въ тебѣ не кровь и не кости, а Духъ божій, ты кифе (камень), на которомъ созижду я церковь». Этотъ камень принесенъ былъ изъ Антиохіи патріархомъ Караетомъ, когда мусульмане, овладѣвъ этимъ городомъ, стали гнать его христіанскихъ жителей. Съ тѣхъ поръ престолъ ассурійскаго патріарха — въ Мардинѣ. Церковь эта поминаетъ эчміадзинскаго католикоса всѣхъ армянъ, признаваемого сю верховнымъ своимъ главою.

Угощеніямъ патріарха не было конца. Изъ всѣхъ кушаньевъ одно привлекло наше особенное вниманіе: это были тумбаланы, мѣстный бѣлый трюфель, но невкусно приготовленный, въ маслѣ.

ГЛАВА XIII

Выступление изъ Мардина. — Первая лагерная стоянка. — Развалины Дары. — Послѣдняя перекочевка арабскаго племени тай. — Деревни Шехри-Муръ и Бауръ. — Хюсенъ Ага. — Разказы его о арабахъ племенъ тай, шамаръ и анисе. — Ихъ драки. — Кючюкъ-Байрактаръ — Курганъ Авнауръ. — Халефъ-Оглу. — Д. Деруне — Д. Бабиль. — Г. Джезирей-Иени Омаръ. — Декорация мѣстности. — Шаммасъ, кровой халай. — Джулей — мусульманскій Араратъ. — Потопъ. — Выступление изъ Джезире. — Мехмедъ-Ага. — Разказы его о курдахъ и езидлахъ. — Р. Перишауръ. — Бунтъ погонщиковъ. — Переправа. — Д. Хараврешъ. — Д. Берберъ. — Д. Семиль. — Езиды. — Свалка. — Миръ. — Предложеніе шейха. — Д. Фильфиль. — Опять Тигръ и надолго. — Передъ нами развалины Ниневии.

Наконецъ 6 апрѣля мы спустились въ равнину Месопотаміи, кото-

рую не должны были оставлять болѣе до самого Персидскаго залива, за исключеніемъ одного небольшого поворота къ городу Джезире.

Дорожка привольная, богатая! Сухая, ровная, будто накапанная, тянулась она между зелени и цвѣтовъ, посреди которыхъ красный клеверъ въ особенности наполнялъ воздухъ упоительнымъ благоуханіемъ.

Караванъ нашъ ушелъ заранѣе, чтобъ приготовить для насъ новый родъ помѣщенія. Пройдя часовъ шесть, увидѣли мы впереди, около курганчика, бѣлые шатры... конечно это были не арабы и не курды! Изъ лагеря выбѣжало нѣсколько человекъ къ намъ навстрѣчу и въ головѣ ихъ Ставри. Эти палатки были наши. Въ домахъ уже помѣщаться было нельзя: духота и блохи выгнали изъ нихъ самихъ жителей, которые, выйдя въ поле, раскинули свои червыя, рогатыя ставки.

Не могу выразить прелести первой лагерной стоянки нашей посреди привольной, безграничной степи, при благораствореніи воздуха; ни пыли, ни грязи, ни несносныхъ глупыхъ или пьяныхъ хозяевъ. Каждый въ своемъ уголкѣ, съ своими вещами, съ своею прислугой.

Реомюръ уже поднялся до 24° въ тѣни. Но ночь зато была такая богатая!

Когда мы вышли поутру, намъ проводники указали на какія-то груды, чернѣвшіяся вдали, у подошвы послѣднихъ отроговъ горъ. Мы туда отправились. То были развалины знаменитаго нѣкогда города Дара. Великолѣпныя резервуары, какіе-то глубокіе подземные ходы, терема, колодцы съ могучими сводами!..

Отъ Мардина шли мы уже подъ прикрытіемъ конвоя. Отъ пятнадцати до двадцати башни-бозуковъ провожали насъ отъ одного изъ своихъ постовъ до другого и держали намъ неуспокоительныя рѣчи насчетъ смѣлости и хищническихъ привычекъ кочевыхъ народовъ, въ виду которыхъ мы проходили.

Открытыя мѣста эти, но еще болѣе далекія горы Коукербъ (звѣзда), хребетъ Синджарскій и въ двухъ часахъ отъ дороги нашей Мидьятъ и наконецъ Умерьянъ, — кишатъ враждующими между собою кочевьями шамаровъ ашзе, тай, сандовъ, курдовъ, изъ коихъ каждое отдѣльно служитъ грозой для мирныхъ селеній и каравановъ. Особенно опасенъ былъ, говорили намъ, путь отъ Низибина до Джезире-Ибни-Омаръ. Въ прежнія времена бывало караваны ходили прямо отъ Низибина до Мосула цѣликомъ черезъ пустыню; но теперь хищники сдѣлались смѣлѣе, и путешественники принуждены на этомъ пространствѣ жаться ближе къ горамъ и дѣлать кругъ на Джезире.

По пути отъ Идзлбана мы между прочимъ были свидѣтелями одной оригинальной сцены.

Въ глазахъ нашихъ огромное кочевье арабовъ племени тай, въ числѣ около тысячь палатокъ, подымались съ мѣсть своихъ съ какою-то лихорадочною поспѣшностью; гнали стада, ловили блуждавшихъ на свободѣ лошадей, верблюдовъ, ословъ; шатры летѣли съ колесъ, свертывались, выучились и семейства уходили однѣ за другими, отдѣльными группами и исчезали въ отдаленіи. Не подступаетъ ли враждебное и болѣе сильное племя?.. Намъ объяснили, что тайцы утекаютъ просто отъ турецкихъ сборщиковъ податей. Палатка Шейха или старшвыи, стоявшая на возвышеніи, послѣдовала тому же примѣру, и прежде чѣмъ успѣли мы миновать ихъ лагерное мѣсто, оно совершенно опустѣло и только вдали мелькали черныя кучки, шаромъ катившіяся вдалъ по равнинѣ. Быть-можетъ это обстоятельство и избавило насъ отъ непріятнаго и опаснаго содѣяства на послѣдней стоянкѣ нашей передъ Джезире, въ совершенно открытомъ мѣстѣ у ручейка, раздѣлявшаго двѣ крошечныя деревушки *Шехри-Муръ* и *Бауръ*.

— Да! говорилъ намъ юзбаша (1) Хюсейнъ Ага, бывшій въ головѣ конвоя: да! много намъ возни съ этимъ вражьиимъ народомъ, презирающимъ городскихъ арабовъ, которыхъ они называютъ рабами, потому что, по ихъ мнѣнію, благородные и свободные люди бѣгутъ городовъ и живутъ въ пустынѣ. Напримѣръ вотъ хоть эти тай: они въ это время года постоянно уходятъ сюда отъ многочисленнаго и сильнаго племени шамаровъ, выдвигающихся по веснѣ изъ глубины пустынь своихъ, и съ которыми они въ постоянной враждѣ. Недалѣе какъ мѣсяцъ тому назадъ имѣли они стычку съ племенами шамаровъ и джубуровъ и несмотря на то, что отрядъ баша-бозуковъ помогалъ имъ въ дѣлѣ этомъ, они были разбиты на-голову, и потерявъ нѣсколько человекъ убитыми, разбѣжались. А въ прошломъ году баша-бозуки помогали шамарамъ противъ ихъ заклятыхъ враговъ анize, также одного изъ самыхъ многочисленнѣйшихъ и сильнѣйшихъ племенъ великой пустыни. Эти послѣдніе кочуютъ зимою еще далѣе, въ содѣяствѣ съ Сирією, и подходят съ наступленіемъ теплаго времени къ горѣ Коукебъ, которая влдѣлась намъ на далекомъ западѣ, по той ея сторонѣ, и оттуда направляютъ свои нападенія или на враговъ своихъ шамаровъ, или на посѣвы и селенія курдовъ и езидовъ, или наконецъ на караваны. И такъ въ прошломъ году они, въ числѣ семи тысячь всадниковъ, повели атаку противъ шамаровъ, зато что эти не хотѣли имъ

(1) Сотникъ или капитанъ.

уступить часть своего хлѣба. Шамаровъ было тоже не менѣ шести тысячъ ; но анIZE разбили ихъ , отняли ихъ палатки и множество скота. Съ обѣихъ сторонъ легло тогда до двухсотъ человѣкъ.

Потому-то Юзъ Баши и не остановилъ насъ на ночь въ Азнаурѣ , мимо котораго мы прошли. На этомъ курганѣ , на вершинѣ котораго замѣтили мы полуразвалившуюся стѣну укрѣпленнаго селенія , говорилъ онъ намъ , жилъ еще недавно знаменитый здѣсь курдскій налетъ Халефъ-оглу , господствовавшій самовластно между Мардиномъ и Джезире. Ни одинъ караванъ не смѣлъ проходить черезъ его землю , незаплативъ ему довольно большой дани , хотябы то былъ капуджи-баши султанскій (нѣчто въ родѣ генералъ-адъютанта или камергера). Получивъ отъ проезжаго иногда до двадцати тысячъ піастровъ (тысячу рублей сереб.) , онъ давалъ ему своихъ людей для сопровожденія до границъ его владѣній. Но ему крѣпко доставалось отъ Кючюкъ-Байрактара ; такъ назывался отважнѣйшій и умнѣйшій изъ военныхъ начальниковъ , управлявшихъ когда-либо этою страной. Кючюкъ-Байрактаръ держалъ въ рукахъ всѣ эти племена и билъ неоднократно Халефа-оглу , который наконецъ присмирѣлъ , а вскорѣ и умеръ , оставивъ двухъ сыновей. Старшій изъ нихъ пошелъ было по слѣдамъ отца , но былъ схваченъ Байрактаромъ и въ цѣпяхъ отправленъ въ Константинополь. Братъ его Мюнисъ и теперь живетъ въ степи , на вершинѣ одного холма поблизости Азнаура.

Нынѣшній шейхъ племени тай ведетъ родъ свой отъ прославляемаго на востокѣ своею щедростью , и конечно баснословнаго , Хатемъ-Тай. Байрактаръ угощалъ племя его по-своему. Привлеченное имъ наконецъ въ повиновеніе , оно жило тихо , пока не умеръ этотъ начальникъ. Когда же шейхъ узналъ о смерти своего грознаго противника , тотъ же часъ велѣлъ рѣзать барановъ въ жертву Богу и... съѣлъ ихъ съ своими людьми , любуя свое освобожденіе. «Ну теперь я , восклицалъ онъ , буду здѣсь самъ полновластнымъ царемъ!» и принялся за прежніе грабежи. Караваны съ тѣхъ поръ свернули съ дороги и нѣтъ возможности проходить здѣсь безъ спяльнаго конвоя. Намъ бы и трехсотъ человѣкъ было мало , чтобъ провести насъ прямо. — «Охъ Байрактаръ , Байрактаръ ! То былъ настоящій паша , сказалъ Хюсейнъ въ заключеніе :—прочіе же не паши , а злюфеджи!»—Злюфеджи потурецки значитъ человѣкъ , который *получаетъ жалованье* , но пользы не приноситъ ; другими словами , даромъ у Бога хлѣбъ ѣсть.

И въ самомъ дѣлѣ всѣ жаловались по дорогѣ на нынѣшнее положеніе дѣлъ. Въ д. *Деруне* , возлѣ которой 10 апрѣля мы стояли лагеремъ , начальникъ баши-бозукскихъ постовъ говорилъ намъ съ

горечью о верадѣніи начальства къ краю и о невозможности ему наблюдать за безопасностью дорогъ между Мардиномъ и Деруне, на протяженіи почти ста двадцати верстъ, такъ какъ онъ имѣлъ всего двѣсти двадцать человекъ команды... «Тамъ караванъ, говорилъ онъ, — тутъ почта, и вездѣ мирныя племена! Какъ присмотрѣть за всѣмъ, какъ все это защитить безъ достаточной силы!»

Разнообразіе и множество цвѣтовъ восхищало насъ на каждомъ шагу. Земля здѣсь чудесная и почти все пространство вдоль дороги обработано. Въ иныхъ мѣстахъ пшеница поднялась уже четверти на двѣ. Но вотъ показались и сороконожки, которыхъ жало такъ же страшно какъ и у скорпіона. Черный камень уже здѣсь попадается во множествѣ по дорогѣ; а это настоящее гнѣздилище всѣхъ ядовитыхъ гадъ, скорпіоновъ, сороконожекъ и змѣй.

Жаръ усилился и дошолъ уже въ тѣни до 32°. Мухи не давали спать днемъ; а послѣ заката солнца поднимались комары и мошки и разыгрывали увертюру страшной оперы, насъ ожидавшей вскорѣ.

Деревень по дорогѣ множество; жители, курды, всѣ въ степи занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ; лошади здѣсь уже большею частью арабскія. Курды и баши-бозуки гарцовали на нихъ съ своими длинными копьями; часто попадались и арабы съ своими саблями, иногда безъ ноженъ; нѣкоторые только съ ружьями, съ маленькими круглыми щитами у сѣла. Эти послѣдніе иногда развѣзжаютъ совѣмъ нагіе, только съ дырявымъ плащемъ на плечахъ, и босая нога въ веревочномъ стремени, а порою и вовсе безъ него. Управляютъ же своими кобылами поводомъ или просто лошадиной гривой. Дорога наша такимъ образомъ кипѣла жизнью и разнообразными картинами.

Послѣ Деруне мы ночевали въ пустынѣ неподалеку отъ деревушки *Бабиль*. Жаръ, мухи днемъ, прохлада и комары ночью, были здѣсь нашими собесѣдниками; а 12-го, также какъ и наканунѣ, пройдя около шести часовъ, вошли мы въ ущелье и остановились подъ черными стѣнами *Джезирен-Ибни-Омаръ*, на зеленомъ очаровательномъ дугу.

Караванъ въ этотъ день что-то запоздалъ, и мы на страшиномъ припекѣ должны были ждать его два часа сряду. Воткнувъ въ землю сабли наши, намъ удалось изъ развѣшаннаго на нихъ плаща устроить для себя пріютъ отъ солнца.

Мы было сначала думали, хотъ для опыта, остановиться въ самомъ городѣ, но насъ отговорили. Въ домахъ, сказали намъ, кромѣ духоты и блохъ, гнѣздятся очень опасные здѣсь скорпіоны и всякіе гады.

Лагерь нашъ разбитъ и мы поселились.

Декорация, развивавшаяся передъ нами, была прелестна. На первомъ планѣ городъ, опоясанный своею черною стѣною, во многихъ мѣстахъ пострадавшею отъ времени и отъ турецкихъ ядеръ; изъза нея видны плоскокрышіе дома и мазанки, покрытые соломой, похожіе болѣе на развалины; надъ этимъ хаосомъ пыльных и неприкѣтныхъ стросній господствуютъ высокія черныя стѣны замка бывшаго послѣдственнаго владѣтеля. Лужокъ нашъ опоясывался съ другой стороны рукавомъ Тигра, бѣжавшаго въ живописное ущелье, образовавъ по пути два холмистые островка, въ это время усыпанные зелеными палатками регулярнаго турецкаго лагеря. Горизонтъ нашъ сжатъ былъ съ трехъ сторонъ близко подступившими горами и прямо противъ насъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Тигръ теряется въ лабиринтѣ этихъ высотъ, надъ нимъ высилась вершина знаменитой въ мусульманскомъ мірѣ горы Джудей, на которой, по вѣрованіямъ мухамеданъ, остановился носъ ковчега. И на томъ мѣстѣ, говорили намъ, есть деревня и церковь.

Не успѣли мы водвориться на нашемъ новомъ кочевьѣ, видимъ — отъ города скачетъ въ нашу сторону всадникъ. Это былъ нѣкто Шаммасъ, халдеецъ, житель Джезире, маленькій человекъ съ бѣлымъ на глазу и весьма некрасивой наружности. Предувѣдомленный проходившими здѣсь англичанами о нашемъ приближеніи, онъ за долгъ поставилъ явиться къ услугамъ нашимъ и упрашивалъ Е. И.—ча поселиться со всею свитою у него въ домѣ. Но иресьбы его непоколебали нашей рѣшимости оставаться въ лагерѣ. Рѣшимость эта вполне оправдана была, тою картиною, которая представилась намъ, когда мы вечеромъ посѣтили его жилище. Это была руина въ полномъ смыслѣ слова, печально лежавшая посреди грудъ матерьяловъ, лабиринта возводившихся построекъ, пыли, хама, мусора. Нѣчто въ родѣ открытаго покая безъ четвертой стѣны, въ которомъ разостланы были тюфяки и подушки, приняло посѣтителей; угощенье состояло изъ кофею, шербета и блокъ. Мы не успѣли въ воздушной гостиной Шаммаса и четверти часа: иглы безчисленныхъ насѣкомыхъ, населявшихъ ее, были до того жгучи, что мы поснѣшили проститься съ гостеприимнымъ халдеемъ, вскочили на коней и поѣхали по городу.

Это былъ жалкій городъ. Ряды лавокъ, какъ побитые градомъ, припекли подъ низкими навѣсами изъ дырчавыхъ роговъ или изъ древесныхъ вѣтвей съ высохшими листьями. Двѣ церкви, одна яковитская, другая халдее-католическая, какой-то странной постройки; продолговатыя, высокія, но до половины вросшія въ землю, онѣ носили печать бѣдности какъ снаружы, такъ и внутри. Впе-

чатлѣвіе, оставленное въ насъ осмотромъ города, далеко уступало тому, которымъ потѣшила насъ самая мѣстность.

Хаджи-Дарбазъ-Ага, нашъ черноморскій знакомецъ, былъ въ то время въ экспедиціи, въ шести часахъ отъ Джезире, въ Дергюль, гдѣ находится замокъ знаменитаго владѣтеля Джезире Бедерханъ-бея, этой грозы христіянъ и самыхъ турокъ, которые наконецъ схватили его и послали въ Константинополь, вмѣстѣ съ другимъ князькомъ этихъ мѣстъ Махмудъ-беємъ. Оба они живутъ теперь въ изгнаніи, одинъ въ Капдіи, другой не помню гдѣ, но оба впоследствии получили въ изгнаніи своемъ титулъ паши.

Знакомецъ нашъ, узнавъ о нашемъ прибытіи, прислалъ къ намъ приставомъ своего каввасъ-баши Мехмедъ-Агу, для сопровожденія нашего до Мосула. Это былъ хорошій выборъ. Мехмедъ-Ага былъ смѣшленный, обходительный турокъ и некупной на слова. Онъ многое объяснилъ намъ о положеніи края и наскзалъ любопытныхъ подробностей о жителяхъ. А намъ такъ достаточно было времени послушать его. Къ вечеру перваго же дня разразилась гроза и полилъ дождь, какіе льютъ только подъ трониками: настоящій потопъ! Хотъ бы было суднышко, думалъ я, чтобы спастись на вершинѣ Джудей!

Лагерь весь былъ затопленъ, и несмотря на канавки, прорытыя около палатокъ, вода стояла въ нашихъ жилищахъ, тѣмъ болѣе что дождь сыпался сквозь наруспну. Всѣ спасались на желѣзныхъ кроватяхъ, скоро промокшихъ въ свою очередь. Даже нѣкоторыя книги наши обратились въ кашу. Только одна моя турецкая зеленая палатка хорошо выдерживала, и потому обратилась на дневное время въ какоть-компанію комиссіи. Въ ней мы и обѣдали, и принимали гостей, и бесѣдовали.

Скажу коротко: восемь дней сряду мы жили подъ приборомъ почти постоянно лившаго дождя, и всѣ вещи наши долгого размокли, что надо было на просушку употребить по крайней мѣрѣ цѣлый день. А тутъ, едва только солнышко выглянетъ, подсушить лугъ, обрадуетъ насъ, и люди наши уже начнутъ развѣшивать вещи, расправлять стѣнки палатокъ, — съ Джудея опять надвигнутся тучи, и опять дождь, и опять тоска...

Карантинъ былъ продолжительный, но зато какъ свѣжа и пріятна была зелень, когда въ промежутки ненастья лугъ всасывалъ въ себя, въ одно мгновеніе, всю дождевую воду, на ней лежавшую и сверкалъ на солнышкѣ!

20 апрѣля мы тронулись изъ Джезире. Но прежде чѣмъ я буду рассказывать о дальнѣйшихъ нашихъ походахъ, я считаю да-

леко не лишнимъ передать читателю нѣкоторую часть разсказовъ нашего конакчі.

«Вся эта страна — говорилъ мнѣ Мехмедъ-Ага — вправо отсюда, до горъ хеккярійскихъ, называется Бехтанъ и принадлежала безраздѣльно Бедерханъ-бею, какъ наследственное достояніе. Этотъ бей въ сущности былъ недурной человѣкъ, *только...* жестоко притѣснялъ христіанъ, подстрекаемый къ этому шейхомъ своимъ Абдуль-Азизомъ, жившимъ въ Гюренъ-Дештѣ, въ горахъ бѣхтанскихъ. Шейхъ этотъ былъ тоже, вмѣстѣ съ Бедерханомъ, отосланъ въ Истамбуль. Послѣ ихъ поимки и отправленія, Дергюль продавался съ публичнаго торга за пятнадцать тысячъ піастровъ и съ тѣхъ поръ турецкое начальство одно распоряжается въ Бѣхтанѣ самовластно. Такимъ образомъ отдохнули христіане в край успокоился, благодаря отважности и распорядительности сераскера Решида-паша, при которомъ служилъ и я.

«Решид-паша между прочимъ посылалъ меня въ Синджаръ, для переговоровъ съ езидами. Вотъ-то чудесь я насмотрѣлся! Это богатый, живописный край, какихъ мало на земномъ шарѣ. Гора тянется въ длину часовъ на двѣнадцать; изъ четырехъ ея рѣкъ, съ южной ея стороны вытекаетъ Солакъ или Синджаръ-Суя. На ней большое село Беледъ или Синджаръ. Здѣсь жилъ нѣкогда главный ихъ шейхъ; но въ экспедиціи Хафыза-паша онъ былъ убитъ. Отъ города, кругомъ горъ, около подошвы ея, тянутся тринадцать езидскихъ деревень. Всѣ онѣ окружены садами, которые производятъ вкуснѣйшій виноградъ, граваты и въ особенности фиги. Езиды сѣютъ пшеницу и овесъ, родящіеся превосходно. Въ деревнѣ Баадре живетъ ихъ старшина Хюсейнъ-бей. Езиды носятъ мусульманскія имена, но ни въ какомъ случаѣ не такіа, которыя исключительно принадлежать шіитамъ, которыхъ они сердечно ненавидятъ и считаютъ богоугоднымъ дѣломъ убивать ихъ при каждомъ случаѣ. Шіиты платятъ имъ тою монетою. И такъ езиды, живя на оттоманской землѣ, носятъ личину сунны, также точно какъ другая любопытная секта курдовъ *Али-Иляхи*, живущая въ персидскихъ владѣніяхъ, около границы, выдаетъ себя передъ персіянами за шіитовъ. Но когда езида спрашиваютъ: «ты мусульманъ?» — онъ, какъ и всѣ мусульманы, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: «слава-богу я мусульманъ». — Ну такъ скажи: *ля иля иль алла Мухаммедъ Ресуль-алла* (¹) (пѣтъ Бога кромѣ Бога, а Мухаммедъ пророкъ его). Онъ скажетъ: нѣтъ Бога кромѣ Бога, я мусульманъ! — а о пророкѣ ни слова. Обрядъ богопоклоненія ихъ состоитъ въ томъ, что они цѣлуютъ

(¹) Эта краткая фраза составляетъ символъ мухамеданской вѣры.

первое мѣсто, освѣщенное лучемъ солнца, при его восхожденіи, и потомъ, сложивъ вѣсть два большіе пальца, подносятъ почти ихъ къ губамъ своимъ и ко лбу.

«У нихъ есть въ году эпоха, въ которую они собираются на вершинѣ одной высокой горы, гдѣ, по ихъ вѣрованіямъ, похороненъ патронъ ихъ какой-то Шахъ-Аадъ, и впродолженіи трехъ дней сряду совершаютъ какія-то таинства и празднуютъ что-то. Но ни одинъ посторонній глазъ никогда не проникалъ за эту завѣсу и только издали можно слышать неистовые крики этого шабаша.

При этомъ я вспомнилъ рассказы нѣкоторыхъ путешественниковъ, напрасно приписывающихъ *езидамъ*, въ эти трое сутокъ, ночныя безчинства, которыя въ сущности и теперь совершаются извѣстною на востокъ сектою *Мумъ-сендюренъ* (гасильщики свѣтильниковъ).

«Брачные обряды, продолжалъ Мехмедъ-Ага, — состоятъ у нихъ въ слѣдующемъ. Езидъ беретъ дѣвушку, призываетъ родственниковъ и жреца и въ присутствіи ихъ откушаетъ фигу или другого фрукта и... дѣлу конецъ. Другихъ церемоній нѣтъ. Женщины же ихъ сохраняютъ до глубокой старости способность рожать дѣтей, и я иногда съ удивленіемъ видѣлъ у беззубой старухи на рукахъ грудное дитя, котораго она кормила своимъ молокомъ. Отъ этого домъ ихъ всѣ наполнены мелюзгою. Такое плодородіе конечно происходитъ отъ вліянія благораствореннаго воздуха и превосходной воды.

«Жрецы езидовъ называются *кавалами*. У каждаго изъ нихъ за пазухой слѣланный изъ мѣли, серебра или даже изъ золота, какъ ирежле бывало, пѣтухъ, котораго они называютъ *тавусомъ* (павлиномъ), кривой на правый глазъ и хромою на правую ногу; на шеѣ у тавуса надѣтъ кусокъ зеленой матеріи, въ видѣ кольца, что у нихъ изображаетъ благодать божію или печать ангела, какъ залогъ того, что всевышній когда-нибудь помилуеъ надшаго ангела, нехотѣвшаго преклониться предъ Адамомъ. (Привѣтъ ему!)

«И потому тавусъ служить у нихъ изображеніемъ демона, прощенного господомъ. И каваль ходитъ, съ тавусомъ своимъ, по селамъ и деревнямъ ездскимъ и собираетъ съ нихъ подаваніе. Къ концу года три четверти сбора отдають они Хюсейнъ-бею, а четверть оставляютъ себѣ. Отъ этого тавуса или давуса и происходитъ другое названіе езидовъ *дауасинъ*.

«Кавалы одѣваются въ черное, но не носятъ рубахъ; черную феску свою обертываютъ краснымъ платкомъ. Прочіе езиды носятъ рубаху съ круглымъ воротомъ, изображающимъ кольцо благодати божіей; и вообще въ одеждахъ своихъ они предпочитаютъ бѣлый

и черный цвѣта и ни подь какимъ видомъ ни надѣнуть ни зеленой, ни синей матеріи. И вообще чрезвычайно чистоплотны.»

Въ истинѣ этого послѣдняго показанія я самъ убѣдился впоследствии. Каввасъ-баши продолжалъ :

«Езиды всегда платили подати свои исправно; онѣ состояли въ одной десятой сбора. Но наши требуютъ отъ нихъ въ настоящее время подать деньгами и приводятъ ихъ въ озлобленіе, потому что безъ торговли у нихъ и денегъ водится немного.

«Вообще езиды гнушаются общенія, особенно съ мусульманами. Однажды, — говорилъ мой собесѣдникъ, — я былъ тоже посланъ въ Синджаръ на рубку лѣса; вижу на лугу бѣлую палатку, изъ которой валилъ клубами дымъ. Что это? спрашиваю я. Мнѣ объяснили, что въ палаткѣ находилась женщина, попавшаяся въ руки турокъ во время погрома Хафыза-паши. Мужъ ея недавно ходилъ въ Мосуль, выкупилъ ее за четыре кошелька или за пятьдесятъ рублей серебромъ и привезъ сюда. Въ палаткѣ этой она стоитъ въ мѣдномъ тазу, и ее скребутъ кирпичемъ, парютъ и окуриваютъ благовоніями для очищенія отъ скверны мусульманскаго общества. — Точно такой же обрядъ совершали турки въ алтайской ордѣ своей надъ византійскими посланниками.

«Не лестно мнѣ было слышать подобныя вещи; сказалъ въ заключеніе Каввасъ-баши, но таковы эти варвары! *Да пошлетъ имъ Богъ заслуженное имъ!*»

Окончивъ этимъ обычнымъ у турокъ выраженіемъ досады, Каввасъ-баши старался насъ успокоить насчетъ предстоявшей намъ дороги. Веѣ прочіе, а въ томъ числѣ и хазнадаръ Хаджи-Дарбазъ-Аги, уговаривали насъ идти на Захо; особенно начальникъ отряда баши-бозуковъ, которому поручено было насъ конвоировать, изъ опасенія арабовъ, никакъ не соглашался вести насъ на Башъ-Кавуръ или Перишауръ. Мехмедъ-Ага говорилъ намъ, что это все вздоръ, что онъ за все отвѣчаетъ, что по дорогѣ на Захо намъ бы пришлось переходить два широкіе и уже разбухшіе рукава Тигра Хейземъ и Захо, тогда какъ въ Перишаурѣ рукава эти слились съ Тигромъ и намъ оставалось бы переправиться только черезъ него. И въ самомъ дѣлѣ все обошлось благополучно.

Дорога была тонкая и пересѣченная множествомъ потоковъ, такъ что мы взяли и чуть-чуть не захлебнулись при переправахъ; каждый изъ насъ переправлялся гдѣ кто.

Переправившись съ опасностью жизни черезъ развалившійся мостъ на Тигрѣ, мы пустились въ походъ.

Дѣло наше чуть-чуть не захромало на самомъ берегѣ великой рѣки. Погонщики наши взбунтовались; испуганные полою водою,

они отказывались перегонять скотъ свой на ту сторону, говоря, что не хотятъ топить единственнаго своего достоянiя. Долго мы возились съ этимъ народомъ, стараясь уговорить его исполнить обязательство свое довести караванъ до Мосула. Наконецъ, когда мы увѣрили ихъ, что отвѣчаемъ за каждую лошадь, которая бы погибла, они погнади весь табунъ въ воду; многiе изъ нихъ раздѣлись, легли на вздутую мѣхъ и бросились вслѣдъ за скотомъ, чтобъ направлять и погонять его. Это была презанимательная картина. Лошади, выставя морды свои изъ воды и фыркая изо всеѣ мочи, лавою плыли, сносимыя теченьемъ. Погонщики плыли за ними, крича хо! хо! и махая руками, а нѣкоторые изъ нихъ держась за лошадиные хвосты.

Конюхи, усѣвшись на выюки, держали за поводъ верховыхъ коней нашихъ, которые въ этомъ положенiи бились, визжали и напоромъ груди своей клонили келекъ въ свою сторону, съ опасностью его перевернуть. Но такое дѣло здѣсь привычное, и никто изъ людей не боялся катастрофы.

Но вотъ готово и наше судно. Связавъ вмѣстѣ нѣсколько раздутыхъ бараньихъ шкуръ, на бросили на нихъ наломанныхъ вѣтвей и поставили на воду; на нихъ взгромоздились мы вмѣстѣ съ кладью своею. Подъ ногами нашими изъ-подъ вѣтвей глядѣли на насъ быстрыя воды Тигра. Гулькая около краевъ нашего келека, теченье весло насъ съ быстротою неимовѣрною; черезъ девять минутъ мы были у берега. Точно такимъ способомъ переплывали Тигръ народы древности и воины Ксенофонта и Александра великаго.

Лагерь нашъ былъ разбитъ на высокомъ берегѣ Тигра у халдейской деревни *Хараврешкъ*.

И такъ мы совершили очень длинный, очень тяжелый и опасный переходъ, подъ прикрытiемъ двадцати пяти конныхъ и пятнадцати пѣшихъ проводниковъ. Арабы не показывались.

Оставалось отсюда всего три перехода до Мосула. Скорѣй, скорѣй! Уже и безъ того я утомилъ читателя.

Слѣдующiе переходъ и станція *Берверъ*, гдѣ мы разбили лагерь нашъ у бѣдныхъ курдскихъ шалашей, ничѣмъ незамѣчательны.

Затѣмъ другая почъ проведена была у довольно богатой езилской деревни *Семиль*.

Мѣсто было прекрасное; стоянка прiятная. Но тутъ мы чуть было не сдѣлались свидѣтелями кровопролитной свалки между жителями, стоявшими неподалеку отъ деревни въ шатрахъ своихъ, и кочующими курдами, снявшими у нихъ съ поля нѣсколько четвертей ячменя. Е. И. послалъ посредниковъ изъ людей своихъ, и тѣ потушили ссору.

Затѣмъ явился къ нему съ визитомъ старшина деревни съ большою свитою. Всѣ они были очень приличной наружности, почти всѣ красавцы, въ особенности самъ шейхъ; но что-то дикое сверкало въ ихъ черныхъ глазахъ. Одежда ихъ была опрятна замѣчательно; сверхъ черныхъ кафтановъ наброшенъ былъ на нихъ шерстяной бѣлый прозрачный плащъ, драпировавшійся чрезвычайно картинно.

Шейхъ просилъ у Е. И. позволенія побить воровъ; но когда ему перевели, что на это нѣтъ согласія эльчи-бея или господина посланника, — какъ народъ вообще называлъ комисаровъ, — чудакъ сдѣлалъ другое предложеніе, состоявшее въ томъ, чтобы ему позволено было хоть украсть у курдовъ нѣсколько барановъ и принести ихъ въ нашъ лагерь.

Удивленный, а можетъ-быть и огорченный несговорчивостью эльчи-бея, онъ удалился.

Намъ сказали, что племя это, называемое даббакіе, состоитъ деревень изъ двадцати и вмѣстѣ съ шейхомъ своимъ извѣстно было своими разбоями; но что только Кючюкь-Байрактаръ могъ унять ихъ.

А мы таки на другой день не могли дойти до Мосула; дороги было слишкомъ много, и ночлегъ былъ у деревни *Фильфиль*.

Наконецъ 23 апрѣля, въ субботу, сдѣлавъ еще верстъ сорокъ, очутились мы опять на берегъ Тигра; на другой сторонѣ Мосула и высокій мавзолей пророка Іоны.

Передъ нами были курганы, скрывающіе будто бы остатки великой Ниневіи

М. Г.

ХОЗЯИНЪ

(ПОСМЕРТНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ И. НИКИТИНА)

Впряжонъ въ телѣгу конь косматый,
Откормленъ ва-ливо овсомъ,
И бляхи мѣдныя на немъ
Блестятъ при заревѣ заката.
Купцу дай-господи пожить :
Широкоплечъ, какъ клюква красенъ,
Казной отъ бѣды обезопасенъ,
Здоровъ, — о чемъ ему тужить ?
Да мой купецъ и не горюеть.
Съ какой-то бабой за столомъ
Въ особой горенкѣ, вивосемъ,
Сидитъ, на мельницѣ пируеть.
Вода реветъ, вода шумитъ,
Отъ грома мельница дрожитъ,
Идетъ работа толкачами,
Идетъ работа рѣшетомъ,
Колесами и жерновами —
И стукотня и пыль кругомъ...
Купецъ мой рюмку поднимаетъ
И кулакомъ объ столъ стучитъ.
«И выпью!.. кто мнѣ помѣшаетъ ?
«И пью... самъ чортъ не запретить !
«Пей, Марья !..»
— То-то, ненаглядный,
Ты мнѣ на платьѣ общалъ... —
«И кончено ! Сказалъ — и ладно ;
«И будетъ такъ, какъ я сказалъ.
«Мнѣ что жена ? Сыта, одѣта —
«И все... вотъ выпрягу коня

«И прогуляю до разсвѣта,
«И баста! Обними меня...»

Вода шумить — не умолкаетъ,
При свѣтѣ мѣсяца кипить,
Алмазной радугой сверкаетъ,
Огнями синими горить.
Но даль темна и молчалива,
Огонь веселый рыбака
Краснѣетъ въ зеркалѣ залива,
Скользить по листьямъ лозняка.

Купецъ гуляетъ. Мы не станемъ
Ему мѣшать. Въ тиши ночной
Мы лучше въ домъ его заглянемъ,
Войдемъ неслышною стопой.

Ужъ поздно. Свѣчка нагорѣла.
Больной лежитъ и смерти ждетъ.
Его лицо какъ мраморъ бѣло
И руки холодны какъ ледъ ;
На лобъ открытый кудри пали.
Остатокъ прежней красоты,
Печать раздумья и печали
Еще хранятъ его черты.
Такъ, освѣщенные зарею,
Въ замолкшемъ вѣдолго лѣсу
Листы осеннею порою
Еще хранятъ свою красу.
Пора на отдыхъ. Грудь разбита,
На сердцѣ заеклася кровь —
И радость нѣвѣкъ позабыта...
А ты, горячая любовь,
Явилась поздно. Доля, доля!
И еслибъ раньше ты пришла, —
Какой бы здѣсь пріютъ нашла?
Здѣсь трудъ и бѣдность, здѣсь неволя,
Здѣсь горе гнѣзда вѣтъ свои,
И вѣтъ холодъ отъ порога,
И стѣны дома смотрятъ строго...
Здѣсь нѣтъ пріюта для любви!
Лежитъ больной, лицо печально

И будто тѣнью лобъ покрыть.
 Такъ лѣтомъ, только догорать
 Румяной зорьки лучъ прощальной, —
 Подъ сводомъ сумрачныхъ небесъ
 Стоитъ угрюмъ и темень лѣсъ.

Родная мать роняетъ слезы,
 Облокотясь на столъ рукой.
 Надежды, молодости грезы,
 Миръ сердца — этотъ рай земной —
 Все унесло, умчало горе,
 Какъ буйный вихрь уноситъ пыль,
 Когда въ степи шумитъ ковыль,
 Шумитъ, взволнованный какъ море,
 И догараетъ вся до тла
 Грозой зажженная ветла.

Плачь больше, бѣдное созданье!
 И не слезами, — кровью плачь!
 Безвыходно твое страданье
 И безопаденъ твой палацъ.
 Невесела, невыносима,
 Горька какъ ледъ твоя судьба:
 Ты жизнь убила какъ раба,
 И не была никѣмъ любима...
 Твой мужъ... но виноватъ ли онъ,
 Что пьянъ и грубъ и неуменъ?
 Когдабъ онъ могъ подумать строго
 Какъ зла надѣлано имъ много,
 Какъ много ранъ нанесено, —
 Себя онъ проклялъ бы давно.
 Въ борьбѣ тяжелой ты устала,
 Изнемогла, и въ грязь упала,
 И въ грязь затоптана толпой.
 Увы! сгубилъ тебя запой!...
 Твоя слеза на кровь походить...
 Плачь больше!.. Въ воздухѣ чума!
 Любимый сынъ въ могилу сходитъ,
 Другой давно сошелъ съ ума.

Вотъ онъ, сидитъ на лежанкѣ просторной,
 Голо остриженъ, и бѣдепъ и хмль;

Палку, какъ скрипку, къ плечу прислонилъ,
 Бровью и глазомъ мигаетъ проворно,
 Правой рукою и взадъ и впередъ
 Водить по палкѣ — и пѣсню поетъ :
 « На старомъ курганѣ, въ широкой степи,
 Прикованый соколъ сидитъ на цѣпи,
 Сидитъ онъ ужь тысячу лѣтъ,
 Все нѣтъ ему воли, все нѣтъ !
 И грудь онъ когтями съ досады терзаетъ,
 И каплями кровь изъ груди вытекаетъ ;
 Летать въ синевѣ облака,
 А степь широка, широка... »

Вдругъ палку кинулъ онъ, закрылъ лицо руками
 И плачетъ горькими слезами :
 « Больно мнѣ, больно мнѣ ! мозгъ мой горитъ.
 Счастье тому, кто въ могилѣ лежитъ !
 Мать моя, матушка ! полно рыдать !
 Долго ли намъ эту жизнь коротать ?
 Знаешь ли ? Спальню запри изнутри,
 Сторожемъ стану я подлѣ двери.
 Прочь ! закричу я : здѣсь мать моя спитъ !
 Больно мнѣ, больно мнѣ ! мозгъ мой горитъ !.. »

Больной все слушалъ эти звуки,
 Горѣлъ на медленномъ огнѣ ;
 Сказать хотѣлъ онъ : дайте мнѣ
 Хоть умереть безъ слезъ и муки !
 Ужель не могъ я отъ судьбы
 Дождаться мира въ часъ кончины,
 За годы думы и кручины,
 За годы пытки и борьбы ?
 Иль эти пытки шуткой были ?
 Иль мало среди стѣнъ родныхъ
 Отравой зла меня поили ?
 Иль виѣсто слезъ изъ глазъ моихъ
 Текла вода на изголовье,
 Когда, губя свое здоровье,
 Я думалъ ночи безо сна —
 Зачѣмъ мнѣ эта жизнь дана ?
 И догорающій въ постели,
 Всю жизнь припомянувъ съ колыбели,

Хотѣлъ онъ на свосмъ пути
Хоть точку свѣтлаю найти —
И не сыскалъ.

Такъ въ полдень жгучій,
Спустившись съ каменистой кручи,
Томимый жаждой пѣшеходъ
Искать ключа въ оврагъ идетъ.
И долго тамъ, усталый, бродить
И влаги капли не находить
И падаеть, едва живой,
На землю, съ болью головной...

«Ну, отпирай! заснули скоро!...»
Ударивъ въ ставень кулакомъ,
Хозяинъ крикнулъ подь окномъ...
Печальный домъ, пріютъ раздора!
Нѣтъ, тяжело срывать покровъ
Съ твоихъ таинственныхъ угловъ,
Срывать покровъ, какъ уголь черный!
Угрюмъ твой видъ, какъ гроба видъ,
Какъ мѣсто казни, гдѣ стоитъ
Съ желѣзной цѣпью столбъ позорный
И плаха съ топоромъ лежитъ!..
Зато, что здѣсь такъ мало свѣта,
Что воздухъ солнцемъ несогрѣтъ,
Зато что нѣтъ на мысль отвѣта,
Зато что радости здѣсь нѣтъ,
Ни ласкъ, ни милаго объятія,
Зато что гибнетъ человекъ —
Я шлю тебѣ мой проклятъ,
Чужой оплакивая вѣкъ!...

ЖИТЕЙСКІЯ СЦЕНЫ

(посвящается П. М. Садовскому)

I. КРЕСТНИЦА

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА

- ОНУФРІЙ ВАСИЛЬИЧЪ ПЫЖОВЪ, помѣщикъ (50 лѣтъ).
ВАРВАРА АНДРЕВНА, жена его (лѣтъ подъ 40).
АІНА АНДРЕВНА РАЗМАЗОВА, сестра ея, дѣвица (также почтенныхъ лѣтъ).
ВАНИЧКА, сынъ Пыжовыхъ, некончившій курса гимназистъ (17 лѣтъ).
САША, дочь вольноотпущеннаго, крестница и воспитанница Размазовой (16 лѣтъ).
НИКОЛАЙ НИКОЛАИЧЪ САМУРСКІЙ, домашній учитель у Пыжовыхъ (очень молодой человекъ).
НАХРАПОВЪ, сосѣдъ Пыжовыхъ, помѣщикъ (46 лѣтъ).
ГОРНИЧНАЯ.

Дѣйствіе въ деревнѣ, принадлежащей Пыжовой и Размазовой.

(Садъ. Въ глубинѣ калитка. Направо большое дерево: подъ нимъ деревянная скамья.)

ВАНИЧКА (одинъ)

Ваничка (лежитъ на скамейкѣ задравъ вверхъ ноги и куритъ папироску. На немъ что-то вродѣ венгерки, со шнурками; фуражка съ краснымъ околышемъ). Экая скука какая, господи! Ку-

ришь—куришь, инда стошнить тебя. Скоро ли это въ полкъ меня опредѣлятъ! Кабы не скупость ихъ, ужь давно бы поступилъ. Экзаменъ, говорятъ, надо выдержать; безъ экзамена нельзя нынче. Все это вздоръ одинъ. Знаемъ мы эти экзамены. Вонъ Гришка Курятниковъ: ни аза въ глаза не смыслить, изъ таблицы умноженія вразбивку не отвѣтитъ, а поступилъ. Щеголяетъ теперь въ мундирѣ, да саблей побрякиваетъ. А почему? потому что родители для него ничего не жалѣютъ. А это что — какіе это родители! скареды — одно слово. Трясутся надъ каждой копѣйкой, точно жида. Еще отецъ ничего бы. Онъ самъ изъ военныхъ; говорятъ продувной былъ. На цыганкахъ на однихъ денегъ что просадила. Ну, а ужь родительница — мое почтеніе! И держитъ же она благовѣрнаго-то своего въ рукахъ. Плюнуть безъ ея позволенія не смѣетъ. Ну! дайте мнѣ только мундиръ надѣть, я вашимъ денежкамъ глаза-то протру. Ужь тутъ отговариваться-то вамъ нельзя. Гдѣ хотите возьмите, а подавайте, потому реверсъ сначала дать должны, что имѣете средства меня въ кавалеріи содержать. Эхъ! и не дожидишься кажется этого времени! *(потягивается и злваетъ)* Скука, скука, скука! *(помолчавъ)* А славная дѣвченка эта крестница теткина, чортъ ее подери. Кабы еще съ ней пожуировать можно, ну ничего, туда-сюда; время бы по крайности незамѣтно прошло. Да нѣтъ, неподатлива, каналья. Ужь я къ ней и такъ и сякъ подѣзжалъ, ничто не беретъ. Еще теткѣ пожаловаться намереніи грозила. Вотъ, думаетъ, испугала-то! Очень я боюсь моею почтеннѣйшей танти... А что-то эта танта больно на учителя умильно поглядываетъ. Ужь не вторилась ли въ него? чего добраго!.. Вотъ умора-то будетъ. Да неужели же онъ на эдакую физиономію позарится... Вѣдь у ней на лицѣ точно черти горохъ молотили. Ахъ! никакъ Александра Петровна сюда шествовать изволить? Въ задумчивости... и съ книжкой. Скажите пожалуйста какія нѣжности—посаду съ книжкой прогуливается; точно барышня какая-нибудь, институтка. Вѣдь что досадно, что холопка, лакейская дочь, а туда же ролю разыгрываетъ; носъ кверху деретъ: неприступная! Никакъ стихи вслухъ читаетъ. Вотъ прелести-то! Послушаю-ка, спрячусь. *(становится за кустами)*

(Входятъ Саша, въ розовомъ холстинковомъ платьѣ; на рукахъ митены. Она нѣсколько полна, но въ движеніяхъ есть природная грація.)

САША

Саша (читаетъ)

Я къ вамъ пишу — чего же болѣ? ·
 Что я могу еще сказать?
 Теперь я знаю, въ вашей волѣ —
 Меня презрѣньемъ наказать.
 Но вы, къ моей несчастной долѣ
 Хоть каплю жалости храня,
 Вы не оставите меня!

(останавливается, закрываетъ книгу и садится на скамью) Вотъ еще еслибы я такъ умѣла писать... тогда можетъ-быть. А то, что я такое нацарапала? Онъ только смѣяться надо мной станетъ. Господи! и взглянуть-то на него страшно послѣ этого будетъ. Миѣ все будетъ казаться, что онъ надо мной насмѣхается... Нѣтъ, это я вздоръ говорю. Онъ добрый... Я такъ думаю: коли не любить — изорветъ только записку, а не покажетъ виду. Ахъ кабы онъ полюбилъ!.. Я бы кажется не знаю что. Да нѣтъ — не моему счастью! (вздыхаетъ) Ужъ отдавать ли? Страшно. Э! была не была. Я видѣла, онъ давеча что-то въ это дерево сунулъ... (подходитъ къ дереву) Тетради! Положу въ нихъ. Вотъ удивится-то, какъ найдетъ тутъ записку. (просовываетъ руку въ большое отверстие, образовавшееся въ древесномъ стволѣ и опускаетъ туда записку) Что я только дѣлаю, господи! (отскакиваетъ быстро) Уйти поскорѣй. Неравно придетъ — сторишь со стыда. (носпышно уходитъ)

ВАНИЧКА

Ваничка (выходя изъ засады). Вотъ такъ штука! Писульку какую-то спрятала. Къ учителю вѣрцо, больше не къ кому. Не ко мнѣ же. Отъ меня она рыло воротить. Ну теперь посмотримъ, какъ-то ты отъ меня отбояришься, голубушка. Полагать надо, что со страху на все готова будешь. Теперь еще я самъ надъ тобой полагаюсь. Перемѣна декораціи значитъ! (вынимаетъ изъ дерева записку) Однако здѣсь читать не мѣсто. Того гляди застанутъ. Надо гдѣ-нибудь на свободѣ. Пойти развѣ на гумно? Туда пожалуй родитель явится. Вѣдь у него, у моего голубчика, только и удовольствія, что посмотрѣть какъ бабы на гумнѣ молотятъ. Всего лучше на пчель-

някъ отпраляюсь. Тамъ въ евдокимкинъ шалашъ забьюсь и буду чтеніемъ заниматься. (*уходитъ*)

(Входитъ Самурскій. Черный сертукъ, отложные воротнички, длинныя волосы, наружность пріятная.)

САМУРСКІЙ

Самурскій. Вѣдь эдакая память глупая, точно рѣшето. Бѣгаю-бѣгаю, ищю-ищю свои тетради, а совсѣмъ забылъ, что давеча, какъ купаться пошли съ Онуфриемъ Васильичемъ, я второпихъ—то ихъ въ это дерево сунулъ. (*вынимаетъ тетради*) А славное это мѣсто, коли что спрятать секретное случится. Не найдуть никакъ. И въ голову никому не придетъ. Ужъ я давеча это подумалъ, какъ тетради пряталъ. Вотъ куда бы любовныя записочки опускать отлично! Къ кому ихъ только писать—то здѣсь? Сашенька—правда хорошенькая, и добрая должно-быть дѣвочка, любезная, да никакой возможности нѣтъ съ ней словомъ перекинуться. Эти старухи совсѣмъ одолѣли. То одна тащить къ себѣ, то другая. Обѣ кажется ко мнѣ равнодушны. Нечего сказать, убилъ бровей! Потомъ этотъ Ванчикъ-балбесъ — тоже времени поглощаетъ гибель: что иному въ десять минутъ растолкуешь, этому цѣлый часъ вбивать приходится въ его деревянную башку. Хорошъ и паненка, надо честь отдать. Ушныя просто наводитъ. Скука его беретъ; ничего цѣлый день не дѣлаетъ, ну и вяжется ко мнѣ: «пойдемте, Николай Николаичъ, купаться; пойдемте, Николай Николаичъ, на мельницу; почитайте мнѣ, Николай Николаичъ, что про войну пишутъ». Фу ты чортъ! Признаться, кабы не нужда заставила, бросилъ бы весь этотъ кагалъ. Охъ нужда! научить терпѣнью. (*помолчавъ*) Любопытно бы было однакожъ знать, какая судьба ждетъ эту бѣдную Сашеньку. Воспитали ее, наряжали ее, и вѣрно отдадутъ за какого-нибудь приказнаго или дьячка. Вѣдь это все только одна барская забава — воспитаницъ держать. Воспитаница, собаченка—для нихъ это все одно. Какіе кроткіе, ясныя глаза у Сашеньки. Иногда она ими взглянетъ такъ грустно, такъ грустно, что сердце защеमितъ. Не больно завидное знать житье. Я думаю и тычковъ и побранокъ разъ сто на дню—то приметъ. Ужасно бы хотѣлось когда-нибудь съ ней поговорить эдакъ, задушевно... на откровенность ее вызвать. Робокъ я за это... Чуть что, и языкъ прикусишь. Батюшки! оиять старуха щадится. Хоть бы удрать какъ...

ПЫЖОВА и САМУРСКІЙ

Пыжова (*въ кисейномъ пенюарѣ, съ голубыми лентами. Очень полная госпожа, съ крупными малиновыми губами и маслянистымъ взоромъ*). Ахъ, мсье Nicolas. Вы одни!.. Мечтаете, бесѣдуете съ природой, прислушиваетесь къ шептанью листьевъ. Я кажется слишкомъ неосторожно прервала ваши мечтанія.

Самурскій. Нѣтъ-съ, помиуйте, какія мечтанія! Я вотъ только за тетрадами... хочу пойти кое-что для Ивана Ануфрича приготовить... (*хочетъ уйти*)

Пыжова (*беретъ его за руку*). Успѣете, успѣете. Положите ваши тетради. Завтра праздникъ, и урока не будетъ.

Самурскій. Все равно, для понедѣльника нужно составить.

Пыжова. До понедѣльника еще долго. Это право совсѣмъ не любезно съ вашей стороны, что вы не хотите пожертвовать ни минутой. Вы ужасный нелюдимъ, мсье Nicolas! Бѣгаете дамскаго общества. Это нехорошо. Дамское общество формируетъ молодого человѣка. Садитесь подлѣ меня.

(Самурскій нехотя садится. Пыжова во время разговора незамѣтно придвигается къ нему все ближе и ближе).

Пыжова. Скажите мнѣ, мсье Nicolas, отчего вы всегда такой угрюмый, задумчивый? Вы много страдали въ жизни? да?

Самурскій (*про себя*). Вотъ каторга-то. (*Вслушь*) Нѣтъ-съ, помиуйте... какія же страданія. Я еще очень мало жилъ.

Пыжова. Но развѣ иногда въ одинъ годъ, въ одинъ день даже, нельзя почувствовать гораздо больше, чѣмъ въ десять лѣтъ?.. Я это по себѣ испытала... Ахъ, еслибы вы знали, м-г Nicolas, какъ много я выстрадала въ жизни, и какъ мало я находила въ людяхъ сочувствія... Люди — ужасные эгоисты, мсье Nicolas! Я когда-нибудь расскажу вамъ всю свою жизнь... Это цѣлый романъ, вы можете воспользоваться имъ, вѣдь вы поэтъ.

Самурскій. Какой же я поэтъ, помиуйте! я сроду ни одной строки не написалъ.

Пыжова. Это вы все скрытничаете... Я увѣрена, что вы поэтъ...

Самурскій. Ейбогу нѣтъ-съ. Да вы почему это такъ думаете?

Пыжова. Да уж потому... Вы все мечтаете, любите природу, цветы, музыку...

Самурскій. Этого еще не довольно кажется ..

Пыжова. Послушайте, мсье Nicolas, отчего вы со мной такъ недобѣрчивы? Можетъ вы думаете, что я не въ состояніи понять, оцѣнить васъ?

Самурскій. Вовсе я этого не думаю-съ; чтожь меня понимать? Во мнѣ нѣтъ ничего такого, особеннаго...

Пыжова. Нѣтъ, нѣтъ, не говорите. Я очень хорошо вижу, что вы одна изъ тѣхъ избранныхъ натуръ...

Самурскій. Э, полноте Варвара Андревна. Избранныя натуры въ домашніе учителя не поступаютъ; да и какія это избранныя натуры... всѣ мы люди, всѣ человѣки. (*про себя*) Господи! за что караешь?

(Входитъ Размазова; въ локовахъ, набѣлена).

ТѢЖЕ ■ РАЗМАЗОВА

Размазова. Ахъ, ма сѣръ, ты здѣсь, а я тебя ищу: тебя ключница зачѣмъ-то спрашиваетъ.

Пыжова (*про себя*). Когда бы я только съ нимъ ни заговорила, она какъ грибокъ изъ земли выростетъ.

Размазова. А-а! и Николай Николаичъ тоже здѣсь. Я кажется разстроила вашъ тетъ-а-тетъ. Не уйти ли мнѣ?

Самурскій. Нѣтъ-съ, зачѣмъ же. Я уйду, потому что мнѣ заиматься надо.

Размазова. Вы идете въ свою комнату, Николай Николаичъ? такъ позвольте мнѣ заодно взять у васъ книгу, которую вы мнѣ рекомендовали, — исторію крестовыхъ походовъ кажется... Я пойду съ вами.

Пыжова. Я думаю Николай Николаичъ, какъ вѣжливый кавалеръ, самъ можетъ ее принести сюда; зачѣмъ же вамъ, сестрица, беспокоиться, идти къ нему въ комнату? Или еще лучше, онъ вамъ пришлетъ ее съ мальчикомъ.

Самурскій. Разумѣется! зачѣмъ же вамъ, Анна Андревна, утруждать себя? Я сейчасъ пришлю-съ? (*уходитъ*)

ПЫЖОВА и РАЗМАЗОВА

Размазова. Я васъ рѣшительно не понимаю, ма сѣрь.

Пыжова. Что такое еще?

Размазова. Вы себя компрометируете какъ молоденькая дѣвочка.

Пыжова. Это чѣмъ, нельзя ли узнать?

Размазова. Чтоже, вы думаете, что Николай Николаичъ не замѣчаетъ какъ вы его ревнуете ко всѣмъ?

Пыжова (*принужденно смѣясь*). Ха-ха-ха! Это прелестно! Я — ревную!.. Ужь не къ вамъ ли? Постыдились бы говорить-то такія глупости. Вспомните сколько вамъ лѣтъ.

Размазова. Чтоже мои лѣта? Кажется вы не много меня моложе, а какъ видно, не потеряли желанія нравиться.

Пыжова. Желая ли я нравиться или нѣтъ, это не ваше дѣло. А ужь если на то пошло, такъ вы сами себя выставляете съ смѣшной стороны: вы не выпускаете изъ виду нинашагъ этого бѣднаго мальчика. Ну неужели вы будете увѣрять, что вы вошли нечаянно? И что это за ученость такая на васъ напала? Крестовыми походами занимаетесь! Сорокъ лѣтъ прожили, ничего кромѣ романовъ не читали, а тутъ вдругъ (*смѣется*) крестовые походы! Ужь не развиваетъ ли васъ Николай Николаичъ? Пора! Это же нынче въ модѣ.

Размазова. Это вы все со злости выдумываете. Посмотрите на себя въ зеркало. На что вы похожи? Посинѣли даже. Срамъ просто.

Пыжова. Сами-то посмотритесь. Можете ли вы кому нравиться!

Размазова. Ну разумѣется, гдѣ-жъ мнѣ за вами гоняться! Я за своимъ туалетомъ по четыре часа не сижу.

Пыжова. И хорошо дѣлаете. Сколько бы ни сидѣли, а морщинъ не скроете.

Размазова. Есть ли у меня морщины, или нѣтъ, это до васъ не касается; а я думаю всякій скажетъ, что еслибъ даже я и увлеклась кѣмъ-нибудь, такъ мнѣ простительно, потому что я свободна. А у васъ есть обязанности; вы этого не должны забывать. Мужъ есть. И сынъ — головой выше васъ.

Пыжова. Вы мнѣ моими обязанностями не попрекайте. Я ихъ и безъ васъ знаю. Двадцать лѣтъ жила съ мужемъ и репутаціи своей не марала; а вы такъ на своемъ вѣку чортъ знаетъ кому на шею вѣшались.

Размазова. Кому, кому .. я на шею вѣшалась?

Пыжова. Что мнѣ вашихъ обожателей пересчитывать! Вы ихъ и безъ меня знаете. Ужь и выбирали-то какихъ, нечего сказать. Въ нашего дьякона влюблены были! Это весь городъ зналъ.

Размазова. Врете вы, врете — вотъ что! клеветница вы. А про васъ не кричалъ цѣлый городъ, когда вы больной прикидывались, чтобы лекаря полкового къ себѣ заманить? Всѣмъ извѣстно, какъ вы плѣнять его старались. Въ дезабилье, на постелѣ его принимали! Ужь вы такъ ему съ нѣжностями своими опротивѣли, что онъ не зналъ куда и бѣжать отъ васъ.

Пыжова. Это вы отъ салопницъ какихъ-нибудь слышали, отъ свахъ, которыхъ вы къ офицерамъ въ казармы засылали.

Размазова. Еще это никѣмъ не доказано, чтобы я свахъ-засылала; а что Онуфрїя Васильича подъ пьяную руку на васъ женили — такъ про это всякій мальчишка въ городѣ знаетъ.

(Пыжовъ входитъ, съ коротенькой трубочкой. На немъ ермолка, широкіе шаровары и нанковый сертукъ. Жилета нѣтъ вовсе. На груди видны подтяжки. Онъ обстриженъ подъ гребенку и носить усы).

ТѢЖЕ и ПЫЖОВЪ

Пыжовъ. Что тутъ имя мое всеу произносится? О чемъ у васъ идетъ споръ?

Пыжова. Уймите хоть вы сестрицу. Она богъ-знаетъ какія нѣ дерзости говоритъ.

Размазова. Вы сами на нихъ спрашиваетесь. Ужь въ чемъ другомъ, а въ этомъ перецеголять васъ трудно.

Пыжова. Пойдемте отсюда (*беретъ мужа подъ руку*). Тутъ нужно ангельское терпѣнье.

Пыжовъ. Все это чушь, бабы дрязги. И вѣдь что дѣлать между собой, ейбогу? (*уходятъ*)

РАЗМАЗОВА (одна)

Размазова. Не сестра, а змѣя. На стѣну лѣзетъ отъ ревности. Дать бы ей волю, такъ она бы глаза выцарапала. Не можетъ сносить равнодушно, что онъ больше обращаетъ вниманія на меня, чѣмъ на нее. Мнѣ кажется, еслибъ я могла продать свою часть и уѣхать отсюда, я была бы совершенно счастлива. Думаетъ я не вижу, какъ она къ нему лѣзетъ. Вотъ столичная-то жизнь, до какой она безнравственности доводитъ! Замужняя женщина, сынъ взрослый, а она амурами занимается. Гадко даже, тьфу! (*плюетъ*) А какъ онъ хорошъ! какое интересное лицо. Въ немъ есть что-то такое, что-такое... чего я еще ни въ комъ не встрѣчала. Душонокъ! И что мнѣ особенно въ немъ нравится, — это застѣнчивость, скромность... Невиненъ какъ дѣвочка. Что ни скажетъ — и покраснѣетъ. И на подбородкѣ — пушокъ... точно какъ вотъ бываетъ на персикѣ. Прелесть! (*вздыхаетъ*) Съ эдакимъ человѣкомъ кажется не жизнь бы была, а рай. Поглядѣть хоть въ окошко, какъ онъ тамъ занимается... (*хочетъ идти*)

(Въ калитку входитъ Нахраповъ. Коренастый, краснощекій человѣкъ, въ широкомъ пальто и фуражкѣ. Говоритъ отрывисто; смотритъ на всѣхъ исподлобья.)

НАХРАПОВЪ и РАЗМАЗОВА

Нахраповъ (*снимаетъ фуражку*). Мое почтеніе-съ! Я къ вамъ собственно; потому и пришолъ сюда. Вижу — прогуливаетесь.

Размазова. Милости просимъ, Ардальонъ Васильичъ. Милости просимъ. Неудобно ли вамъ садиться, вотъ здѣсь на скамеечку. А нето въ комнаты пойдете.

Нахраповъ. Нѣтъ, тамъ душно. Я и то прѣлъ, прѣлъ дорогой. Мочи нѣтъ.

Размазова. Да! очень жаркіе дни стоятъ.

Нахраповъ. Жаркіе-съ. Но однако, погоду въ сторону. Я не затѣмъ къ вамъ: дѣло сурьозное — свататься пріѣхалъ. Что удивляетесь?

Размазова. Признаюсь...

Нахраповъ. Да вы не тревожьтесь. Не къ вамъ , а къ воспитанницѣ къ вашей. Пойдетъ она за меня, а?

Размазова. Ахъ боже-мой, я никакъ не могла ожидать...

Нахраповъ. Это все равно, могли или не могли. Вы мнѣ отвѣчайте : пойдетъ?

Размазова. Какъ не пойти, Ардальонъ Васильичъ! да это ей такая честь, можно сказать.

Нахраповъ. Какая тутъ честь ; не о чести дѣло. Я такъ смотрю : у меня состояніе , у ней ничего. У нея молодость , рожица смазливая, — у меня пятый десятокъ за плечами , и физиономія не изъ самыхъ лучшихъ. Значить чести тутъ никто другъ другу не дѣлаетъ. А коли она согласна, такъ и по рукамъ. Мнѣ , видите, жена нужна, хозяйка то-есть. Дѣлъ у меня съ три короба, и вездѣ я самъ. Ну, а дома-то ужъ и некогда присмотрѣть. Экономокъ держалъ , да все дрянъ такая попадается. Воровки, и распутничаютъ ктому же. Вотъ недавно еще одна, мерзавка, съ поваромъ у меня связалась. Обворовали кругомъ. Повару конечно я лобъ забрилъ, ну а ее въ три шеи. У меня вѣдь это все живо! А жена... все-таки хоть воровать не будетъ. Ну опять тоже — дѣтей захотѣлось, Иногда, знаете, мыкаешься-мыкаешься день-деньской, домой-то воротиться — одурь возьметъ. Изъ чего, думаю, хлопочу, наживаю? Все прахъ и тлѣнъ, кому оставляю? Растащутъ все родственники разные. У меня ихъ гибель; да все подлецы. Я ихъ и въ глаза не видывалъ. Ну что же, по рукамъ?

Размазова. Я очень , рчень рада , Ардальонъ Васильичъ , что Богъ посылаетъ моей крестницѣ такого жениха. Я только и желала ее при жизни своей пристроить. Она вѣчно должна за васъ Богу молиться.

Нахраповъ. Вѣдь она у васъ неизбалованая , не бѣлоручка?

Размазова. Чтой-то вы, помилуйте! какъ это можно.

Нахраповъ. Ну и съ правилами разумѣется? Никакихъ эдакихъ за ней штукъ не водится?

Размазова. Сохрани-богъ, Ардальонъ Васильичъ. Да я ее пуще глаза берегла. Вѣдь она мнѣ крестница; я за нее на страшномъ судѣ отвѣтъ дать должна.

Нахраповъ. Да чтобъ къ книжкамъ этимъ поганымъ она пристрастія не имѣла. Отъ нихъ все зло. Нынче всякую дребедень пишутъ. Долго ли до грѣха? У дѣвченоекъ мозгъ птичій. Какъ-разъ съ толку собьютъ. А впрочемъ ей и читать-то у меня некогда будетъ.

Ну-съ, вотъ я и объяснился. Вы теперича ее самое спросите; а я покамѣсть съ Онуфриемъ Васильичемъ потолкую: хочется мнѣ у него пустошь карякинскую сторговать. Заодно ужъ.. (*уходитъ*)

РАЗМАЗОВА (*одна*)

Размазова. Эй, Надька! Прощка! кто тамъ? (*входитъ горничная*) Позвать сюда Александру Петровну (*горничная уходитъ*). Вотъ, подумаешь, счастье дѣвченокъ. Только-что шестнадцать лѣтъ минуло — и мужа сейчасъ нашла: что значить лицо-то! А вѣдь глупа какъ пень. Безчувственная какая-то: ужъ начто мною облагодѣтельствована, а никакой благодарности отъ нея не вижу. Другая бы угодить старалась, въ глаза смотрѣла, а эта что? И къ ручкѣ-то подходить точно по приказанію.

РАЗМАЗОВА и САША

Саша (*входит*). Чего изволите-съ?

Размазова (*глядитъ на нее нѣсколько минутъ молча, потомъ говоритъ*). Что ты точно въ воду опущенная ходишь? жить чтоли тебѣ здѣсь дурно? Недовольна ты чѣмъ-нибудь, а?

Саша. Помилуйте, чѣмъ же мнѣ быть недовольной. Я ужъ отъ природы такая...

Размазова. Отъ природы! Скажите! Тоже слова какія употребляетъ. Ну слушай, принцесса. Будетъ тебѣ книжки читать да глупостями заниматься. Женихъ къ тебѣ сватается.

Саша (*измѣняясь въ лицѣ, про себя*). Неужели онъ! Господи!

Размазова. Еще какой женихъ-то! Ты вѣчно должна за меня Богу молить, что я изъ тебя человекъ сдѣлала. Нестоила бы ты этого. Такъ ужъ видно родилась въ сорочкѣ. Ардальонъ Васильичъ тебѣ честь оказываетъ, въ жоны тебя беретъ.

(Саша стоитъ, опустивши книзу глаза).

Размазова. Ну, чегожъ ты стоишь какъ пришибенная? Хоть бы поблагодарила свою благодѣтельницу.

(Саша не двигается).

Размазова. Да что съ тобой, дѣвка? Ты и откликнуться не хо-

чешь. Оглохла чтоли? *(помолчавъ)* ты ужь шуры-муры не завела ли съ кѣмъ? Ужь не съ Ваничкой ли, помилуй-богъ, связалась?

Саша. Ничего я не заводила.

Размазова. Ничего? Такъ чтожь ты не радуешься? Или женихъ не посердцу, а? Да ты въ своемъ ли умѣ? Ты кто такое, нельзя ли узнать? Какого знатнаго роду? Графиня чтоли, или дворянка столбовая? Забыла ты, кто отецъ-то твой былъ? Забыла чтоли, какъ папенька-покойникъ, царство ему небесное, на конюшинѣ его пары-вагъ? Ну слушай же, принцесса шемаханская: радуйся ты или не радуйся — мнѣ все равно; а съ Нахраповымъ чтобъ ты была ласкова. Слышишь? Чуть я замѣчу, что ты при немъ волкомъ смотришь — берегись! Еще ты ли меня не знаешь какова я, когда на кого прогнѣваюсь. Скажите на милость! Голь, нищую, дѣвченку необразованную — беретъ за себя помѣщикъ, дворянинъ столбовой, а она подите-ка! Ну, признаюсь. Подлинно, что никакихъ благородныхъ чувствъ отъ этого хамскаго племени ждать нельзя. Съ Ардальонъ Васильичемъ я покончила. Значить мнѣ разсуждать съ тобой больше нечего. *(возвышая голосъ и грозя ей пальцемъ)* Не выводи меня изъ терпѣнья! Худо будетъ. *(уходитъ)*

САША (одна)

Саша *(бросается на скамейку и плачетъ.)* Въ сорочкѣ родилась! это и видно. Добраго слова ни отъ кого въ жизнь свою не слыжала. Только брань да щипки, да попреки! А теперь еще и замужь-то идти за немилаго человѣка приходится. А я-то дура сначала обрадовалась! Думала, что это онъ ко мнѣ сватается. Какъ же! Дождайся. Полюбить насъ хорошій человѣкъ. Мы только для Нахрапова и годимся; только затѣмъ и на свѣтъ родились, чтобы всѣ помыкали нами. Какая ужь тутъ любовь. Ну чтожь, пойду за Нахрапова. Мнѣ все равно. Долго мнѣ съ нимъ не прожить. Онъ меня скоро въ гробъ вгонить. Онъ звѣрь. Отъ него каждый годъ люди бѣгаютъ. *(быстро вскакиваетъ съ мѣста)* А что, если онъ еще моей записки не нашолъ? *(бросается къ дереву)* Нѣтъ! пусто! И я умна! развѣ я давеча не видала, какъ онъ съ этой самой тетрадью, что здѣсь была, въ свою комнату шолъ. Даже и не взглянулъ на меня. Можетъ нарочно еще глаза въ землю опустилъ. Дай-деската покажу ей, что она и вниманія-то не стоитъ. Горькая моя доля!

(*плагаетъ*) Кто-то идетъ. Должно-быть господа съ Нахраповымъ. (*вытираетъ глаза*) Хоть бы сквозь землю провалиться, такъ въ ту же пору. Нѣтъ! Ваничка. Вотъ еще золото-то навязалось.

(*Вбѣгаетъ Ваничка*).

ВАНИЧКА и САША

Ваничка. А! одна пташка. Ну посмотримъ, какъ-то ты у меня теперь изъ рукъ выпорхнешь. (*вслухъ*) Какъ это кстати, Александра Петровна, что я васъ однѣхъ застаю. Мнѣ васъ-то и нужно было.

Саша. Зачѣмъ я вамъ понадобилась?

Ваничка. Не бойтесь, не въ любви объясняться.

Саша. Чего мнѣ бояться! Я вашихъ объясненій и слушать не стану.

Ваничка. Въ самомъ дѣлѣ? А я такъ думаю, станете.

Саша (*хочетъ уйти*).

Ваничка (*удерживая ее за руку*). Позвольте на минуточку-съ.

Саша (*выдергивая руку*). Это еще что? Пожалуйста не трогайте.

Ваничка. Извините-съ! Я скажу вамъ кой-что, весьма интересное.

Саша. Можетъ-быть для другихъ, а не для меня.

Ваничка. То-то и есть что для васъ. Вы писали записочку любовную къ учителю.

Саша (*блѣднѣетъ и глядитъ на него въ испугъ*).

Ваничка. Эта цидулка у меня въ рукахъ. Вотъ она. (*подымаетъ лѣвую руку вверхъ и показываетъ издали записку*)

Саша (*про себя*). Господи! чтоже это такое... неужели онъ отдалъ этому мальчишкѣ?

Ваничка. Вы думали, что спрячете въ дерево, такъ ужь никто не найдетъ?

Саша. Такъ вы украли ее? Низкій вы человекъ послѣ этого!

Ваничка. Низкій ли, высокій ли — ужь это мое дѣло. А записочка-то у меня. Ну что, вѣдь теперь будете слушать и мои объясненія?

Саша. Напрасно вы такъ думаете. Послѣ вашихъ поступковъ я съ вами и знаться-то не хочу.

Ваничка. Вотъ какъ! А какъ я записочку-то теткѣ покажу?

Саша (*дрожащимъ голосомъ*). Отъ васъ всего ждать можно.

Ваничка. Разумѣется. И покажу непременно. Вотъ тогда будете знать, какъ передо мной чуфырится да носъ кверху драть.

Саша (*рѣшительно*). Показывайте кому хотите. Мнѣ все равно. (*хочетъ идти*)

Ваничка (*преграждаетъ ей дорогу*). Экая вѣдь упрямая. Пойдите, пойдите. Ну я не покажу. Тогда вечеромъ въ роцу придете?

Саша (*смотритъ на него съ отвращеніемъ*). Эхъ вы! Не хочу я и словъ-то съ вами тратить.

Ваничка. Да вы словъ-то не тратьте, а только придите.

Саша. Низкій, низкій, низкій человѣкъ! Больше ничего. (*поспѣшно уходитъ*)

ВАНИЧКА (одинъ)

Ваничка. Ну такъ постой же ты у меня, красавица написаная. Я тебя ошельму публично, ужъ если на то пошло. (*подумавъ*) А можетъ еще одумается, да придетъ вечеромъ. Это она теперь сгоряча... Да нѣтъ! не таковская; кремень-дѣвка. И думать нечего, чтобы пришла. Непременно выведу ее на свѣжую воду! Зазналась; проучить нужно. Покорись она, попроси меня хорошенько, — я бы еще можетъ-быть сжалился. А то нагадила: низкій, низкій. Вотъ я тебѣ покажу... И вѣдь что обидно главное: передо мной носъ дереть, добродѣтельную корчить, а учителю сама на шею вѣшается. Чѣмъ же онъ лучше, я спрашиваю? Семинаристъ какой-нибудь, кутейникъ, мямля... Чай и приударить-то хорошенько за дѣвченками не умѣетъ... Эхъ кабы эту рожу противную вытурили отсюда, да поскорѣй меня въ полкъ...

(*Входятъ Пыжовы, Размазова и Нахраповъ*).

ВАНИЧКА, ПЫЖОВЫ, РАЗМАЗОВА и НАХРАПОВЪ

Пыжовъ (*Нахрапову*). Нѣтъ братъ, ты того... ты дешево цѣнишь.

Нахраповъ. Ну какъ знаешь. Твое дѣло. (*увидѣвъ Ваничку*) А! господинъ юнкеръ. Ну что, какъ живете? чѣмъ пробавляетесь?

Ваничка. Ничего, понемножку живемъ. Вотъ сейчасъ на какую штуку наткнулся. Кто бы могъ думать, мамаша, что у насъ въ Ворошиловкѣ романъ въ лицахъ происходитъ.

Пыжова. Какой романъ? Что ты говоришь, мой дружокъ?

Ваничка. Тетинькина крестница завела романъ, мамаша, — съ учителемъ съ моимъ. *(Пыжова и Размазова, какъ ужаленныя змѣй, вскрикиваютъ)* Что такое? что такое?

Ваничка. Александра Петровна, изволите видѣть, цыдулки любовныя къ Николай Николаичу пишетъ. Страсть ему свою объясняетъ. *(Пыжова и Размазова бросается на записку и рвутъ ее изъ рукъ Ванички).*

Размазова. Пустите, ма-сѣрь! что вы вѣпились?

Пыжова. Вы сами тянете. Даже оторвали кусокъ.

Нахраповъ *(подходя къ нимъ сзади)*. Позвольте взглянуть. Это крайне любопытно. *(читаетъ)* Гм! Весьма нѣжно! Это все изъ книжекъ почерпнуто.

Размазова. Какая безстыжая!

Пыжова. Орѣрь! Вотъ ваше воспитаніе, сестрица.

Размазова. Чтожъ по-вашему, я что ли ей такими пакостями голову набивада?

Нахраповъ. Худо! *(Размазовой)* Какъ же, сударыня, вы меня завѣряли, что она съ правилами? Нѣтъ ужъ эдакихъ мнѣ не нужно. Эдакими—то я сытъ по горло. Слуга покорный. Послѣ этого мнѣ и дѣлать здѣсь нечего. *(смотритъ на часы)* Только даромъ два часа потерялъ. Мое почтеніе—съ. Прощай братъ, Онуфрій Васильичъ... Цутошь значитъ не уступаешь?

Пыжовъ. Да нѣтъ братъ, нельзя, сотняжку накинь.

Нахраповъ. У тебя ихъ много видно. Прощай. *(уходитъ)*

ТѢЖЕ, БЕЗЪ НАХРАПОВА

Пыжова. Ну что вы теперь, сестрица, намѣрены дѣлать съ вашей прелестницей?

Размазова. Со двора ее долой, негодную; сейчасъ же.

Пыжова. Ну этого нельзя сдѣлать. Вспомните, что про васъ говорить будутъ.

Пыжовъ. Да, въ самомъ дѣлѣ, что говорить будутъ?

Размазова. А мнѣ наплевать, что бы ни говорили. Не держать

же мнѣ въ своемъ домѣ такую тварь. Развѣ ждате, чтобъ еще больше опозорила? ребенка принесла?

Пыжова (*злобно*). Ну чтожъ, вы опять его на воспитаніе возьмете.

Размазова. Ужъ это я вамъ предоставляю.

Пыжова. Подумайте однакожъ, если васъ спросятъ, зачѣмъ вы ее на улицу выгнали, — что вы отвѣтите?

Размазова. Все какъ было и расскажу разумѣется. Распишу ее какъ ненадо быть лучше.

Пыжова. На кого же это все падетъ? Скажутъ, что вы ей нравственныхъ правилъ внушить не умѣли.

Размазова. Ахъ, батюшки! Мало ли у кого и родные дѣти негодяями выходятъ, такъ матерямъ и отвѣчать за нихъ? Да Нахраповъ и безъ того разблаговѣститъ: стало тутъ скрывать нечего.

Пыжовъ. Ну нѣтъ, онъ не болтливъ, я его знаю. Его попросить можно.

Размазова. Ну вотъ еще выдумали! Просить за дрянъ эдакую, за распутницу. Стану я унижать-то себя. А Ванчикъ ненужно было болтать при Нахраповѣ: отдалъ бы просто записку мнѣ, или матери.

Пыжовъ. Или мнѣ.

Размазова. Ну на васъ-то надежда плоха. Вы и скроете пожалуй.

Пыжовъ. Зачѣмъ же, нѣтъ... Я бы тоже... я бы что-нибудь сдѣлалъ такое.

Ванчика. Да я почему же зналъ, тетенька, что Нахраповъ сватается?

Пыжова. Мое мнѣніе—не выгонять ее, а имѣть за ней покаместъ строгой надзоръ, а между тѣмъ жениха подыскать ей. Въ городѣ нетрудно найти. Сказать только Арефьевнѣ, она постарается. Мастероваго какого-нибудь или писаря. Можетъ даже и чиновникъ зыщется: этотъ народъ любитъ жениться. Еще иной за честь почитать изъ нашего дому взять. Протекцію посулить можно... Я къ губернаторшѣ напишу. Она со мной чрезвычайно привѣтлива. Въ послѣдній разъ какъ я въ городѣ была, — запросто къ себѣ приглашала, посидѣть, съ работой.

Пыжовъ. Да, да, губернаторша очень милая дама... И меня тоже просила. И самъ меня сигарой отличной подчивалъ.

Пыжова. Сбыть ее съ рукъ — да и кончено.

Размазова. Еще хлопотать, жениховъ ей прискивать. Стоять она того! Сейчасъ ее долой. Нѣтъ, какова же? Сама къ мужьямъ лѣзеть. Холопская-то кровь тотчасъ видна!

Пыжовъ. Нѣтъ, это вы не говорите, сестрица. Это и между благородными бываетъ. Вотъ къ нашему полковому командиру — одна барышня такъ даже на квартиру ходила... а дочь благороднаго отца была. Это случается.

Пыжова. Полно пожалуйста, при Ваничкѣ богъ-знаетъ какія сальности рассказываешь.

Пыжовъ. Чтожъ, машерь, Ваничка кажется ужъ не ребенокъ, долженъ понимать.

Пыжова. Ну-ну, хорошо. Перестань только, я тебя прошу. Теперь не объ этомъ рѣчь. Какъ вы себѣ хотите, сестрица, а я думаю, что лучше всего эту прелестницу замужъ отдать. Любопытно знать однакожъ, догадывается ли Николай Николаичъ, что она влюблена въ него?..

Размазова. Конечно нѣтъ. Станетъ онъ обращать вниманіе на дѣвченку, которая двухъ словъ сказать не умѣетъ. Это только Нахрапову такая жена годится; потомучто ему работница нужна, которая бы у него помыла да дѣтей рожала.

Пыжова. Однакоже изъ письма невидно, чтобы она такъ глупа была; напротивъ.

Размазова. Ну ужъ не знаю, что вы тутъ умнаго нашли, ма сѣрь.

Пыжова. Ненужно, чтобы объ этомъ письмѣ зналъ Николай Николаичъ. Эти мужчины такъ созданы, что какая бы потаскушка ни призналась имъ въ любви, они сейчасъ обрадуются, и сами влюбятся. Пожалуй еще онъ у насъ жить не захочетъ, коли ее прогонять. А онъ такъ необходимъ для Ванички...

Ваничка. Учителей много, мамаша; только свисни.

Пыжова (живо). Много дряни всякой, конечно; семинаристовъ, пьянчугъ; а такого достойнаго молодого человека очень трудно сыскать. Вонъ пожалуй Кобылкины взяли какого-то съ улицы: такъ онъ у нихъ ложку серебряную заложилъ, и съ прачками въ интимныя отношенія вошелъ. Покуда Ваничка не опредѣлится въ полкъ, Николай Николаича нельзя отпускать. Я даже думала и потомъ его здѣсь оставить. (*мужу*) Ты самъ ничего въ хозяйствѣ не понимаешь, онъ могъ бы тебѣ быть очень полезенъ.

Пыжовъ. И очень бы могъ. Я бы лучшаго помощника себѣ не желалъ.

Размазова. Это конечно. Вы и людей всѣхъ, Онуфрій Васильичъ избаловали.

Пыжовъ. Чѣмъ же я ихъ избаловалъ, сестрица?

Размазова. Да всѣмъ. Вотъ вы и съ Сашкой этой всегда какъ съ ровней обходились. Она и зазналась.

Ваничка. Еще какъ зазналась-то!

Пыжовъ. Ну-ну, ты!.. Туда же! Щенокъ!

Пыжова. Что это за слова, Онуфрій Васильичъ! Вы кажется съ сыномъ говорите, а не съ козачкомъ.

Размазова. Вотъ я пойду ей посбавлю спѣси. Научу какъ быть благодарной за господскія милости. Эдакого жениха не умѣла беречь. Въ затрапезу ее одѣну мерзавку! (*уходитъ*)

ПЫЖОВЫ и ВАНИЧКА

Пыжова. Я всегда говорила, что это преглупая манера—воспитаницъ у себя разводить. Такъ нѣтъ: у всѣхъ старыхъ дѣвъ страсть къ воспитаницамъ. (*про себя*) Пока сестрица изволить расправляться съ своей прелестницей, постараюсь вывѣдать отъ него, знаетъ ли онъ что-нибудь обо всемъ этомъ. (*вслухъ*) Ты бы, Ваничка, папенькѣ хоть газеты прочелъ. (*уходитъ*)

ПЫЖОВЪ и ВАНИЧКА

Пыжовъ. Въ самомъ дѣлѣ, почитай-ка, что про войну пишутъ. (*оглядывается и увидѣвъ, что жена скрылась изъ виду*) Ну на кой чортъ ты эту записку показалъ? На кой чортъ, я тебя спрашиваю? Ну разорвалъ бы ее, или мнѣ бы отдалъ. Дуракъ, право дуракъ. Эка бѣда, что пошалила дѣвченка! Тебѣ знать досадно, что не съ тобой, а?

Ваничка. Ну ужь папенька, очень нужно! Я и почище видалъ.

Пыжовъ. Видалъ!.. что ты видалъ? Вотъ я такъ видалъ, могу сказать. Всякія черезъ мои руки проходили. И жидовочки, и полячки, и цыганки...

Ваничка. Какія же лучше всѣхъ, папенька?

Пыжовъ. Какія лучше! Не твое дѣло. Молодъ еще ты знать про это, вотъ что.

Ваничка. Я знаю, папенька: цыганки всѣхъ лучше.

Пыжовъ. Разумѣется цыганки. Читай.

(Ваничка читаетъ)

Пыжовъ. Да ты что тутъ бормочешь о прусакахъ? Ты про войну мнѣ читай.

Ваничка. Да про войну ничего нѣтъ, папенька.

Пыжовъ. Ну а нѣтъ, такъ и баста. Пойду лучше просто-кваша поѣмъ. А ты что, пострѣль, уроковъ совѣмъ не твердишь, все только баклуши бьешь? Ты тверди, умнѣ будешь.

Ваничка. Я, папенька, вытвердилъ.

Пыжовъ. То-то вытвердилъ. Тебѣ бы все глазѣть какъ бабы да дѣвки траву полютъ. (*про себя*) Въ отца будетъ весь, шельмецъ! (*уходитъ*)

ВАНИЧКА (одинъ)

Ваничка. Какъ бы и въ самомъ дѣлѣ учитель изъ этой проклятой географіи спрашивать не вздумалъ Я съ запиской то провозился — совѣмъ позабылъ урокъ вытвердить. Уйти развѣ на мельницу? пускай ищетъ. А какая чай у тетки теперича ката-васія происходитъ! Любо-дорого посмотреть. Будете меня помнить, Александра Петровна! И подѣломъ! не вороти отъ благороднаго человѣка рыла! (*убѣгаетъ оглядываясь*)

(Входитъ Самурскій, съ книгой).

САМУРСКІЙ (одинъ)

Самурскій. Куда его чортъ унесъ? Какой это мерзкій мальчишка! Отъ ученья какъ отъ чумы бѣгаетъ; ничего съ нимъ не подѣлаешь. Даромъ только деньги беру. Даже совѣстно, право. Кажется долго не наживешь здѣсь. Старухи эти ни на минуту въ покоѣ не оставляютъ. Только захочешь заняться, глядь—а ужъ которая-нибудь катить. Вотъ и теперь: спасибо, что въ окно увидалъ, успѣлъ тягу дать. Скоро бы не отдѣлался. Что это Саши нынѣче цѣлый день не видно? Изъ головы она у меня нейдетъ. Такъ вотъ и тянетъ

въ ней. А вѣдь какъ встрѣчу ее — и языкъ отнимется, и колѣна трясутся. Забѣла робость проклятая. Неужелижъ это со мной всегда такъ будетъ? Вѣдь эдакъ меня ни одна женщина не полюбитъ; безъ любви и проживешь вѣкъ. А это куда невесело; нечѣмъ и молодости помянуть будетъ. Нынче отъ Теплова письмо получилъ. Такъ пѣда взгрустнулось даже. Говорятъ, грѣшно ближнимъ завидовать. А какъ тутъ не позавидуешь? Ну не счастливецъ ли этотъ Тепловъ? Женился на прехорошенькой, добренькой дѣвушкѣ, небогатой правда, да чтожъ? вѣдь не съ деньгами жить. И блаженствуетъ тешеръ. Зоветъ меня переѣхать въ городъ. Вакансія, говоритъ, въ гимназіи откроется. И жить даже у него предлагаетъ. Надо подумать. Не вѣкъ же здѣсь въ самомъ дѣлѣ, въ этой компаніи оставаться. Одичаешь совсѣмъ. Ни одного журнала не выписываютъ! Ни одного дѣльнаго, живого слова не услышишь. (*ходитъ въ раздумь*) Ейбогу поѣду. Буду хлопотать о мѣстѣ.

(Входитъ Саша, въ поношеномъ, короткомъ салопчикѣ, встревоженная)

САМУРСКІЙ и САША

Самурскій (*про себя*). Сашенька! И въ салопъ... Ну да это...

Саша (*которая шла къ калиткѣ, увидѣвъ Самурскаго, останавливается*). Прощайте, Николай Николаичъ! я ухожу отсюда.

Самурскій. Какъ, уходите?

Саша. Ухожу; совсѣмъ.

Самурскій. Совсѣмъ? Куда же?

Саша. Сама не знаю. У меня нѣтъ пристанища. Переночую у Агафы-солдатки въ избѣ; она меня приметъ. Я ей помогала, какъ она больна была. А поутру въ городъ пойду пѣшкомъ. Пятнадцать-то верстъ сдѣлаю засвѣтло.

Самурскій. Да чтоже это значить, скажите пожалуйста?

Саша (*сквозь слезы*). Выгнали меня, и прибили вдобавокъ.

Самурскій. Чтѣ вы это говорите, Александра Петровна? Разъ-бога объясните мнѣ: кто...

Саша. Анна Андревна.

Самурскій (*горячася*). Эта старая дѣвка подняла на васъ руку!.. Но чтоже могло привести ее въ такую ярость?

Саша. Не спрашивайте, Николай Николаичъ, я не могу ска-

зать вамъ. Можетъ-быть я въ ихъ глазахъ очень виновата... но передъ Богомъ и совѣстью я ничего не сдѣлала. Богъ меня не оставитъ.

Самурскій. Послѣ этого я ни минуты здѣсь не останусь, въ этой труппѣ... Еслибъ вы знали, Александра Петровна, какъ я сочувствую вашему положенію... Умоляю васъ, скажите мнѣ — не могу ли я чѣмъ-нибудь вамъ помочь... сдѣлать для васъ что-нибудь... Я на все, на все готовъ.

Саша. Благодарю васъ, Николай Николаичъ; но чтоже для меня дѣлать? Вотъ если будете въ городѣ, постарайтесь поискать мнѣ работы. Я шить умѣю, кроить. Авось добуду себѣ кусокъ хлѣба. А нето въ няньки пойду... Я очень дѣтей люблю.

Самурскій. Полноте, Александра Петровна! оиать наткнетесь пожалуй богъ-знаетъ на какихъ людей...

Саша. Хуже чѣмъ здѣсь, не будетъ. Здѣсь десять лѣтъ меня поѣдомъ-ѣли.

Самурскій. Послушайте... У меня есть другъ въ городѣ, Тепловъ. Я дамъ вамъ къ нему письмо. Онъ женатый. Жена у него добрая-предобрая; онъ васъ какъ сестру приметъ. Вы у нее и жить можете — покуда до мѣста. Она вамъ мѣсто приищетъ, ручаюсь вамъ, непременно приищетъ, хорошее. Подождите тамъ за калиткой, я сейчасъ напишу.

Саша. Я вамъ очень-очень благодарна, Николай Николаичъ, что вы берете во мнѣ участіе; только я боюсь... не быть бы имъ въ тягость.

Самурскій. Не будете, не будете. Ужь въ этомъ повѣрьте мнѣ.

Саша. Ну хорошо, Николай Николаичъ. Такъ вы лучше завтра письмо мнѣ къ Агафѣ пришлите.

Самурскій. Я принесу самъ. Да не нужно ли вамъ на дорогу денегъ? Сочтемся потомъ...

Саша. Нѣтъ, нѣтъ. Я заняла три цѣлковыхъ у Нади, у горничной. Она ко мнѣ привязана была; и очень плакала какъ прощалась. Но вотъ что, Николай Николаичъ... Я хотѣла еще спросить васъ...

Самурскій. Что такое? Пожалуста будьте со мной вполне довѣрчивы — какъ съ роднымъ...

Саша. Вы обо мнѣ не думайте дурно...

Самурскій. Промилуйте, да какой же я могу имѣть поводъ!

Саша. Нѣтъ, видите ли... Я не такъ сказала... то-есть вы не

думаете, чтобъ я сдѣлала что-нибудь очень дурное, за что бы меня стоило выгнать?

Самурскій. Полноте, полноте ради-бога. Я вполне убѣжденъ, что вы неспособны ни на что дурное.

Саша. Можетъ вамъ богъ-знаетъ что будутъ на меня наговаривать. Вотъ вы и перемѣнитесь ко мнѣ, и раскаетесь, что написали обо мнѣ вашему другу.

Самурскій. Повѣрить этимъ людямъ — больше чѣмъ вамъ? Да за когото вы меня считаете? Развѣ я ихъ насквозь не вижу? Они на всякую ложь готовы.

Саша. Николай Николаичъ! Я клянусь вамъ какъ передъ Богомъ: я ничего дурного не сдѣлала. Я была глупа, безразсудна... вообразила о себѣ, что... Но совѣсть у меня чиста. Говорю это по-ложу руку на сердце, Николай Николаичъ. Прощайте... Завтра зайдете проститься?

Самурскій. Чѣмъ свѣтъ приду.

(Саша уходитъ)

САМУРСКИЙ (одинъ)

Господи, какая она миленькая! Славная. Но какова же эта вѣдьма?.. Прибить, а? Вотъ гнусность-то. И за что, за что — ума не приложу. Что могла сдѣлать эта кроткая, тихая шестнадцатилѣтняя дѣвочка? Никогда я не повѣрю, чтобъ она была виновата. Ужь не питомецъ ли мой Ванюшка чего-нибудь настряпалъ! Отъ этого прощальги всего ждать можно. Э! махнуть надо рукой на все это гнѣздо. Завтра же уѣду отсюда. Можно ли оставаться въ такомъ вертепѣ, гдѣ — дерутся! Да и безъ нея мнѣ тоска будетъ. Хоть я до сихъ поръ съ ней никогда почти не говорилъ, но съ нынѣшняго дня я чувствую, что просто люблю ее. (подумавъ) Вотъ бы жена-то славная была! Не прихотница, не бархатница. А ужъ хорошенькая-то какая! Что она образована-то мало? такъ чтожъ! Ужь это мое дѣло будетъ докончить ея воспитаніе. Всѣ мы мастера толковать о развитіи, объ эмансипаціи женщины, а какъ до дѣла дойдетъ, такъ неужели жъ на попятный дворъ? И зажили бы мы съ ней вдвоемъ припѣваючи. Квартиру бы маленькую, уютную, подлѣ Тепловыхъ навяди... Да что я дуракъ размечтался — еще полюбить ли она меня?.. А вѣдь я нынче не такъ робокъ былъ. Я даже и о чувствахъ

своихъ кажется намекнулъ... далъ понять... Хотѣлось бы, чортъ возьми, узнать, зачто они на нее взѣлись!

(Входитъ Пыжова)

САМУРСКІЙ и ПЫЖОВА

Пыжова. Такъ-то вы занимаетесь, а? убѣжалъ отъ насъ давеча. Я думала, что найду его за книгой, а онъ здѣсь опять философствуетъ.

Самурскій. Вы пришли кстати, Варвара Андревна. Мнѣ нужно объясниться съ вами...

Пыжова (*обрадовавшись*). Чтò такое, чтò такое? пойдете лучше въ аллею. Тамъ насъ никто не услышитъ...

Самурскій. Зачѣмъ же, и здѣсь хорошо-съ.

Пыжова. Ну такъ сядемте на скамейку. (*про себя*) Какъ замерло сердце... Ужели предчувствіе меня не обманываетъ?..

Самурскій. Вотъ видите ли, Варвара Андревна: я получилъ сегодня письмо.

Пыжова. Да, отъ вашего друга... я знаю.

(Размазова подь руку съ Пыжовымъ)

ПЫЖОВЫ, РАЗМАЗОВА и САМУРСКІЙ

Пыжова (*внѣ себя*). Опять! Вѣдь ужъ это наконецъ изъ рукъ вонъ. Она за мной просто шпионитъ.

Размазова (*къ Пыжову*). Я вамъ говорила, что мы найдемъ ихъ здѣсь. Это любимое мѣстечко сестрицы и Николая Николаича.

Пыжовъ. Да, и мое тоже. Тѣнь, главное... тѣнь большая.

Самурскій. То чтò я хотѣлъ сказать Варварѣ Андревнѣ, касается равно и васъ, и Ануфрія Васильича.

Пыжовъ. Меня касается? чтò такое?

Самурскій. Мнѣ предлагаютъ мѣсто въ губернскомъ городѣ. Я его принимаю, и потому завтра же долженъ проститься съ вами.

Пыжова и Размазова (*въ ужасъ*). Вы уѣзжаете? Какъ, вы насъ хотите оставить?

Пыжовъ. Я никакъ не ожидала, Николай Николаичъ... Какъ же Ваничка-то? Онъ совсѣмъ избалуется.

Самурскій. Я долженъ къ сожалѣнію сказать, что онъ ничего ровно не дѣлаетъ, — какъ я ни старался его приохотить къ ученью, я считаю недобросовѣтнымъ брать съ васъ даромъ деньги.

Пыжова. Но я позволяю вамъ употребить строгія мѣры...

Самурскій. Ну, на это я не мастеръ.

Размазова. Какъ это ты, ма сѣръ, не догадываешься? Тутъ со-всѣмъ не Ваничка виновать, и не мѣсто: Николай Николаичъ просто бѣжить за этой развратной дѣвченкой. Она ужь ему вѣрно объ насъ напѣла.

Самурскій. Вы не имѣете никакого права отзываться такъ о дѣвушкѣ, съ которой сами поступили безчеловѣчно. Она ничего мнѣ про васъ не говорила. Но если вы хотите, такъ я пожалуй при-бавлю, что я не желаю оставаться въ домѣ, гдѣ дерутся.

Размазова. Такъ по-вашему нужно бы ее оставить, дѣлать всякія мерзости?

Пыжовъ. Ну вы ужь слишкомъ, сестрица! Какія же мерзости она дѣлала. Только что письмо-то къ Николай Николаичу напи-сала?

Пыжова (про себя). Дуракъ старый!

Самурскій. Письмо? Какое письмо, гдѣ оно?

Пыжова. Гдѣ оно, сестрица? Я право не знаю.

Размазова. Я его уничтожила. Я хочу, чтобы никакихъ слѣ-довъ этой негодяйки неоставалось въ моемъ домѣ.

Самурскій. Но въ чемъ же оно состояло, и какъ очутилось у васъ?

Пыжова. Очень просто. Его нашолъ Ваничка.

Самурскій. Нашолъ? Видно стащилъ гдѣ-нибудь. Надо при-знаться, вашъ сынъ много общается.

Пыжова. Я не оуждаю его за это. Его долгъ — предупредить родителей: самъ онъ видитъ, что въ домѣ ихъ дѣлаются непозво-лительныя вещи.

Самурскій. Да чтожь тутъ непозволительнаго такого?

Пыжова. Развѣ дѣвушкѣ прилично писать къ мужчинѣ, и еще первой?

Пыжовъ. Увлеченіе, любовь!

Самурскій (живо). Увлеченіе? любовь? Господи-боже мой, не вѣрится даже такому счастью! Такъ она любила меня и сама рѣшилась высказать мнѣ это!.. Побѣгу скорѣй!.. скажу ей, что я весь ея, весь — на всю жизнь! (*уходитъ*)

ПЫЖОВА, РАЗМАЗОВА, потомъ ВАНИЧКА

Пыжовъ. Вона, вона! закипятился, закипятился! Любовь то что значить! И прыть явилась. Куда же это онъ бросился?

Пыжова (*со сдержанной злобой*). Ужь вѣроятно она назначила ему рандеву. А все вы, сестрица. И чтѣ за дикости драться? Въ какомъ вѣкѣ вы живете? Еслибы вы послушались меня, онъ не ушелъ бы, и никогда не узналъ бы объ этомъ письмѣ. Нѣтъ! нужно было скандалъ сдѣлать. Теперь Ваничка безъ учителя. Обрадовались, напустились на дѣвченку! А все изъ ревности.

Размазова. Ужь не вамъ бы говорить, не мнѣ бы слушать.

Пыжова. Чтожъ, вы скажете, что и давеча вы вошли нечаянно?..

Пыжовъ. Пошли писать! (*увидѣвъ входящаго Ваничку*) Ну братъ, твой учитель — тю-тю! (*свещеть*)

Ваничка. Что?

Пыжовъ. Отказался. Говорить — ты лѣнтяй.

Ваничка (*про себя*). Слава тебѣ Господи! теперь и вояный казакъ.

Пыжовъ. На Санѣ женится.

Ваничка. Что вы? Вотъ такъ славно!

Пыжовъ. Теперь я самъ за тебя примусь, разбойникъ. Я тебя заставлю твердить уроки. Пойдемте въ комнаты. Съ этими амурами и про чай забыли.

(*Уходить*)

II. СВИДАНЬЕ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА

ТАТЬЯНА ИЛЬМИНИШНА ОМУТОВА, вдова-чиновница.

ГРУШЕНЬКА, дочь ея.

БУБНОВЪ }
СТРУЧКОВЪ } офицеры.

НАСТЕНЬКА ПѢТУШКОВА, подруга Грушеньки.

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ ПЯТКИНЪ, служащій по литейной части.

ПАРАША, горничная Омутовой.

ГРУЗДЕВЪ, деньщикъ.

Дѣйствіе въ уѣздномъ городѣ.

(Садъ, принадлежащій Омутовой. Онъ отдѣленъ заборомъ отъ небольшого двора, на который выходитъ крыльцо офицерской квартиры. Въ саду скамейка. Въ глубинѣ сцены кусты. На заборѣ натканы гвозди, остриею кверху, отъ воровъ.)

СТРУЧКОВЪ (въ поношеномъ военномъ сертукѣ, сидитъ на крыльцѣ и куритъ трубку. У него на пуговицѣ виситъ кисетъ съ табакомъ. На зубкѣ бисерный чахолъ, а вмѣсто ягара вставлено перышко. Ему лѣтъ подл-сорокъ. Волосы съ просѣдью, длинные усы; угрюмый; говорить басомъ.) БУБНОВЪ (возвращается изъ конюшни, съ папирской въ зубахъ и хлыстомъ въ рукѣ. За нимъ слѣдуетъ ГРУЗДЕВЪ, безъ шапки, лысый и съ бакенбардами. Бубновъ въ халатѣ съ кистями и бархатными отворотами. Недурень собой; щеголь.)

Бубновъ (*Груздеву*). Буравъ купилъ?

Груздевъ. Купилъ, ваше благородіе. (*лъзетъ въ карманъ и достаетъ буравъ*) Тридцать копѣекъ, меньше не берутъ; ужъ я двадцать пять давалъ, да нѣтъ.

Бубновъ. Ну-ну, хорошо. (*беретъ буравъ и подходитъ къ забору*)

Стручковъ. Ты это что сверлить хочешь?

Бубновъ. А вотъ дыру въ заборъ.

Стручковъ. На кой чортъ?

Бубновъ. Дѣвченка тутъ славная по сосѣдству. Можно переговариваться.

Стручковъ (*смѣется*). А шельма ты, какъ я на тебя посмотрю. Продувная бестія!

Бубновъ (*сверлит*). Да что брать, безъ этого для меня жисть не въ жисть.

Стручковъ. А ты бы женился. Всегда подъ рукой будетъ.

Бубновъ. Ну нѣтъ, ваше благородіе, шалишь! не такой у меня характеръ. Я перемѣну люблю. Всякій день щи да щи, — надоѣсть; захочется и ботвиньи.

Стручковъ. Ужь сдѣлаютъ изъ тебя самого когда-нибудь за эти дѣла окрошку; нарвешься!

Бубновъ. Неужели? скажите!

Стручковъ. Нечего скажите. Отдуютъ! ужь это какъ есть.

Бубновъ. Нѣтъ, еще руки не доросли у того, кто бы меня отдулъ. Да ты-то что уму-разуму меня учить вздумалъ? На себя оглянись — небось ты монахъ?

Стручковъ. Ктѣ говоритъ, что монахъ! да я покрайности постояниѣ. А у тебя что ни день, то новая. Опять же — я болѣе насчетъ горничныхъ. Тутъ никакой опасности быть не можетъ. А ты все къ барышнямъ лѣзешь.

Бубновъ. А къ купчихѣ замужней ктѣ въ прошломъ году лазилъ?

Стручковъ. Такъ все же къ купчихѣ. Купецъ, еслибы и провѣдалъ что, такъ на меня руку поднять не осмѣлится. Онъ за это отвѣтитъ.

Бубновъ. Безъ свидѣтелей такъ отлупятъ, что мое почтеніе.

Стручковъ. Все же со мной не такъ скоро справится. А ты щедушный, щенка!

Бубновъ. Ну да, говори. Ты вѣдь не пробовалъ!

Груздевъ (*стоявшій все время въ почтительномъ отдаленіи, а только посмѣивавшійся иногда, закрывъ ротъ рукой, подходитъ къ Бубнову*). Устали чай, ваше благородіе? пожалуйста помогю.

Бубновъ. Ну на, сверли. Да какъ бы это съ забора гвозди выломать? Можетъ случится надобность черезъ заборъ махнуть. Эта старая жидовка-чиновница все воровъ боится.

Груздевъ. Яблоки, ваше благородіе, слышь больно воруютъ.

Стручковъ. Яблоки! Нѣтъ, тутъ не яблоками пахнетъ. Дочку знать бережотъ.

Груздевъ (*сверля*). А може что и такъ. Въ порѣ — барышня.

Бубновъ (*садится на крыльцо, рядомъ со Стручковымъ*).

Славная дѣвочка. Преапетитная; совсѣмъ въ моемъ вкусѣ. Гладенькая, кругленькая, глазенки такъ и бѣгають. Очень, очень не дурна, и мнѣ кажется я ей нравлюсь. Я нѣсколько разъ замѣчалъ: какъ только пройду мимо, она улыбается.

Стручковъ. Вотъ женять тебя, такъ и будешь знать.

Груздевъ. Не женять, ваше благородіе, просватана.

Бубновъ. Врешь! за кого?

Груздевъ. Да вонъ, за того стрікулятника, что водку отпущать.

Бубновъ (*свиститъ*) фю! Чтожъ впрочемъ. Это отлично. Онъ уродъ: значить она идетъ за него такъ только, чтобы въ дѣвкахъ не оставаться, либо денегъ у него много. Тутъ-то нашему брату и лафа. Что, готово?

Груздевъ (*смотритъ въ отверстіе*). Маловато будетъ казись, ваше благородіе.

Бубновъ. Постой-ка я взгляну. Да, немѣшаетъ побольше. Смерть люблю слушать, что эти дѣвченки промежъ себя разговариваютъ. Иная смотришь такая невинная, тише воды, ниже травы при людяхъ, и глазки все книзу опускаетъ; а какъ останется съ подружкой или съ дѣвкой горничной, — такія штуки начнетъ откалывать, что только держись. Всего мужчину по ниточкѣ разбереть.

Стручковъ (*смѣется*). Это бываетъ. (*потягивается*) Эхъ-эхъ-эхъ! Не пора ли тово... рюмочку пропустить?

Бубновъ. Чтожъ, можно. Что-то Грушенька давеча и въ садъ не выходила. Все за пальцами видно сидитъ, ждетъ не пройду ли я мимо. Пройтись развѣ? Надо сперва водочки хватить. Это куражу придаетъ. Маршъ, Стручковъ! (*уходятъ*)

ГРУЗДЕВЪ (одинъ)

Груздевъ. Ну ужъ только баринъ! Много лѣтъ я въ деньщикахъ состою, а такого не видывалъ. Больно ужъ до женскаго пола охочъ. И все по дворянству больше. Ни одной барышни какъ

есть не пропустить. Сколько теперича въ разныхъ городахъ объ насъ плачуть. Вотъ хоть бы въ Моршанскъ, у хозяина сводченца; или тоже въ Ветлугъ аптекарша... Мужняя жена еще, а какъ ему на шею вѣшалась! Или опять въ Сапожкѣ, въ Каширѣ... а ужъ про Польшу и говорить нечего. Славная сторона эта Польша! И кушанья у нихъ все хорошія. Зразы теперича, хлѣдникъ. Ну а водка у хохловъ лучше. Вотъ тоже насчетъ женскаго пола: сунротивъ хохлячки, на мой вкусъ, ни одной не будетъ. И поютъ онѣ лихо; то-есть такъ тебя распотѣшить, анафема, что на мѣстѣ не удержишь. Много у нихъ пѣсенъ выучишь... Вонъ у сосѣдей Параша тоже пѣтъ мастерица, и изъ себя знатная, сдобная, а все не то что хохлячки; какъ можно! Удали той нѣтъ. *(поетъ)*

Якъ я была молода,
То-то была ризва...

Ну, надо полагать, теперича ладно будетъ. Хотѣ обоими глазами смотри. То-то у нихъ амуры черезъ сиважину пойдутъ. *(Идетъ къ дому. На крыльцѣ ему встрѣчается Бубливъ, въ сертукѣ съ маленькими эполетами и въ фуражкѣ набекрень. Въ рукавѣ у него хлыстикъ. Онъ проходитъ насвистывая что-то. Груздевъ смотритъ ему вслѣдъ.)* Ишь какимъ соколомъ! На добычу значить. *(входитъ въ домъ)*

(Въ саду ОмUTOва и за ней Параша съ большой деревянной чашкой. ОмUTOва въ сѣренькомъ холстинковомъ платьѣ и въ старушечьемъ чепцѣ съ большими оборками. Параша одѣта порусски, на шеѣ янтари, сзади виситъ коса. Она глядитъ разбитной дѣвкой.)

ПАРАША и ОМУТОВА

ОмUTOва *(подходитъ къ кустамъ)*. Крыжовникъ-то еще не спѣлъ. Смородину оберни. Да смотри у меня, не налопайся сама. Я тебя знаю: одну ягоду въ чашку, а десять въ ротъ.

Параша. Помилуйте, сударыня, какъ это можно, чтобъ я на господское доброе позѣрилась... Кажется еще ни въ чемъ не замѣчена.

ОмUTOва. Ну, ну... не замѣчена! Разговаривай... Кто вчера молоко изъ крынки отпилъ?

Параша. Ейбогу кошка, сударыня... Она такая жадная; вотъ и кухарка тоже говорить, — ничего на кухнѣ оставить нельзя, все стащить. Намедни цыпленка у попадьи задушила-съ.

Омутова. Врете вы, мерзавки. Сами любовниковъ водите, да чаемъ господскимъ подчуετε... какая тутъ кошка!

Параша (*обиженная*). Можетъ-быть кухарка водить... а я...

Омутова (*перебивая ее*). Молчать!.. Не забывай, что съ тобой госпожа разговариваетъ.

Параша. Да помилуйте, сударыня, коли напраслину взводятъ.

Омутова. Хотя бы и напраслину, да когда госпожа тебѣ говорить, ты должна смолчать. Какой народъ своебышный! Ты ей слово, а она тебѣ десять. Зазналась... Гдѣ барышня?

Параша. Должно-быть въ гостиной-съ, въ пяльцахъ вышиваютъ...

Омутова. Позови ее...

Параша. Да вотъ онѣ сами идутъ-съ. (*начинаетъ обирать люди*)

(*Аграфена Степановна входитъ. Она въ розовомъ платьѣ, леволъче.*)

ТѢЖЕ и ГРУШЕНЬКА

Омутова. Гдѣ ты была?

Грушенька. Въ пяльцахъ вышивала, да ужъ очень жарко стало. Дай, думаю, въ садикъ пойду, прохладиться.

Омутова. То-то въ пяльцахъ... Что это за офицеръ все подѣ окнами шляется? Вчера какъ чай пили, три раза прошолъ; третьяго дни тоже...

Грушенька. Я не знаю маменька-съ. Должно-быть на ученье ходить... тутъ недалеко у нихъ ученье бываетъ.

Параша. Кажинный день какъ есть, сударыня, солдатиковъ учать. Мы было съ Матрeной съ Кирдяпинской вышли вчера по-смотреть, да скорѣй назадъ...

Омутова. А ты молчи, когда тебя не спрашиваютъ. Что за вольница!.. господа разговариваютъ, такъ и ей надо. (*дочери*) Коли бы онѣ ученье въ головѣ своей держалъ, не заглядывалъ бы къ намъ въ окно. Я понимаю къ чему все это клонится.

Параша (*про себя*). Какъ тебѣ не понимать, — ученая! Трехъ мужей за нось водила.

Омутова. Смотри у меня, Аграфена Степановна. Держи ухо востро. Эти офицеришки все голь. Я всё ихъ виды насквозь вижу... Ты ужь слава-богу не маленькая, должна понимать. Тутъ надѣяться нечего... Сегодня онъ здѣсь, завтра его угонять съ солдатами. Дѣвка и осталась на бобахъ. А сохрани-богъ, Прохоръ Семенычъ замѣтитъ, что ты съ офицерами перемигиваешься, да откажется отъ тебя. Ты мнѣ тогда и на глаза не показывайся. Эдакаго жениха упустить... да это начто похоже будетъ! Человѣкъ денежный, нескупой. Ты это въ толкъ возьми, что мать у тебя изъ послѣдняго бьется, чтобы ты отъ людей не отставала, чтобы одѣта была прилично... А ты амурами пробавляться вздумала.

Грушенька. Да развѣ я, маменька, перемигивалась?..

Омутова. Ужь ты меня не увѣрай. Все знаю. Говорю тебѣ: подержись до замужества... Не упускай Прохора Семеныча. Будешь каяться, да поздно. Ну когда выйдешь замужъ, тамъ мнѣ до тебя дѣла нѣтъ. Съ кѣмъ хочешь перемигивайся. На то у тебя мужъ будетъ, чтобы за тобой смотрѣть... охъ-охъ-охъ! Молодо, зелено!.. умъ-то у васъ у дѣвченочъ ребячій. Своей выгоды вы не понимаете. Ну пристроилась, и слава-богу. Тогда сама себя госпожа. Никто ничего сказать не смѣетъ, а пока въ дѣвкахъ — ни-ни! Я повѣсничать не дозволю. Помни это. Нето запрю на ключъ и до самага до вѣнца ни ногой изъ дому не пуцую. Слышишь?

Грушенька. Слышу, маменька.

Омутова. Ну то-тоже!.. Я къ матушкѣ-попадѣ схожу: присылала дѣвку, зоветъ кофей пить. Ты у окна-то не изволь сидѣть. Принесла бы сюда пяльцы, да и работала. Здѣсь тѣнь, прохлада... *(уходитъ)*

ГРУШЕНЬКА и ПАРАША

Грушенька *(садится на скамью)*. Чтѣ это за мука-мучинская, право! Ни у окна посидѣть, ни взглянуть ни на кого нельзя. Все только Прохоръ Семенычъ, да Прохоръ Семенычъ... Глаза бы мои на него не смотрѣли. Ужь скоро ли свадьба въ самомъ дѣлѣ? Тогда по крайней мѣрѣ маменька бы по цѣлымъ днямъ пилить не стала и запрету бы не было въ окошко смотрѣть... *(помолчавъ)* А какой онакоже милашка этотъ офицеришкѣ, прелесть!.. Усики кольцомъ и все что-то посвистываетъ... Зачѣмъ онъ всегда хлыстикъ носить?

должно-быть мода. Мнѣ показалось, что онъ со мной въ окошко заговорить хочетъ... Такъ я и обомлѣла... не помню какъ сюда добѣжала! А что, еслибы онъ въ самомъ дѣлѣ заговорилъ со мной? Ухъ, страшно! кажется сгорѣла бы со стыда. Ужась я какая на это стыдливая. А онъ бы подумалъ чай: «вотъ дура! и отвѣчать-то не умѣть; какъ должно, невоспитанная!» Онъ вѣдь чай какихъ видагъ! не чета мнѣ. Ну только и влюблялись же, я думаю, въ него столичные барышни! Въ такого душку! (*задумывается*)

Параша (*обирая ягоды*). Славная ягода эта смородина! не то что какъ вишня, али черника: той и поѣсть хорошенько нельзя, сейчасъ увидать, что губы черныя. Ужь коли меня облаяли, такъ пускай не даромъ. Попользуюсь... Да еще припрячу; ужо деньщика поподчую, коли придетъ; больно ужъ онъ хорошо на торбанѣ играетъ...

На дворѣ. Входитъ Бубновъ.

БУБНОВЪ и потомъ ГРУШЕНЬКА

Бубновъ. Эхъ, чортъ возьми! не удалось. Только-что хотѣлъ было подойти, а она какъ прыгнетъ отъ окошка... И чего испугалась? сама не знаетъ. Нѣтъ ли ее въ саду? (*подходитъ къ забору и смотритъ въ скважину*) Тутъ, тутъ!.. Заговорить развѣ, а?.. Еще пуще испугается, обидится пожалуй, зачѣмъ дыру въ заборѣ просверлилъ. А ну! была не была. Эдакъ-то все мимо оконъ прохаживаться, да въ молчанку играть — нескоро толку добьешься. (*закрывающимъ голосомъ*) Аграфена Степановна!

Грушенька (*вздрагиваетъ и оборачивается*). Кто? кто меня звалъ? Не за кусты ли кто спрятался?

Бубновъ. Аграфена Степановна!

Грушенька (*вертится*). Ахъ Господи, что это... Ужь не смерть ли меня зоветь!

Бубновъ. Аграфена Степановна, я здѣсь.. подойдите къ забору.

Грушенька. Ахъ! (*закрывается руками*)

Бубновъ. Не стыдитесь, Аграфена Степановна, подойдите... я васъ умоляю... Осчастливьте меня... позвольте вамъ два словечка сказать.

Грушенька. Что это вы!.. какъ можно.

Бубновъ. Отчего же нельзя?..

Грушенька. Конечно нельзя... развѣ это хорошо...

Бубновъ. Какія вы гордыя, Аграфена Степановна...

Грушенька. Вовсе не гордая...

Бубновъ. Нѣтъ, гордыя... У васъ должно-быть жестокое сердце...

Грушенька (*незамѣтно приближаясь къ забору*). Почему вы такъ заключаете?

Бубновъ. Потому что вы не хотите замѣтить, что человѣкъ страдаетъ по васъ, томится...

Грушенька. Можно этому повѣрить!

Бубновъ. Вотъ видите, вы не вѣрите даже! Это ужасно, Аграфена Степановна. Вы меня доводите я не знаю до чего.

Грушенька. Ахъ полноте! Ну кто услышитъ, что я разговариваю съ мужчиной черезъ заборъ?..

Бубновъ. Вы жениха своего боитесь?..

Грушенька. Вовсе не жениха. А у меня маменька есть, она очень строгая.

Бубновъ. Маменьки вашей нѣтъ. Я видѣлъ какъ она черезъ лицу переходила.

Грушенька. А вдругъ воротится?

Бубновъ. Да не воротится! Подойдите поближе, Аграфена Степановна.

Грушенька. Ну что вамъ нужно?

Бубновъ. Я васъ люблю, Аграфена Степановна; ужасно люблю. Просто ночи не сплю, все только о вашей ангельской красотѣ думаю. Полюбите меня, Аграфена Степановна. Я для васъ на все готовъ. Скажите мнѣ, чтобъ я въ воду бросился для васъ, — брошусь! Ейбогу.

Грушенька (*смыется*). Ну да, броситесь, какже! Это всѣ мужчины такъ нашу сестру обманываютъ.

Бубновъ. Можетъ-быть всѣ, да не я. А вы почему знаете, что обманываютъ? развѣ вы тоже влюблены были?

Грушенька (*покраснѣвъ*). Хотя не была, а все же отъ другихъ слыхала.

Бубновъ. Вы другимъ не вѣрете. Другія врутъ. Женскій полъ еще пуще насъ обманываетъ.

Грушенька. Говорите!

Бубновъ. Право такъ. Только вы не такія: я по глазамъ вашимъ вижу, что вы обманывать не умѣете. Умоляю васъ, Грушенька, полюбите. А ужь я—то какъ бы васъ любить сталъ!..

Грушенька. Значитъ теперь не любите?

Бубновъ. И теперь люблю, очень люблю, а тогда бы еще больше.

Грушенька. Да что любить—то васъ? только мученье себя навязывать. Васъ угонять куда—нибудь отсюда съ солдатами, тогда и убивайся да плачь.

Бубновъ. Не угонять, Грушенька, ейбогу не угонять. А если бы захотѣли угнать, — я въ отставку выйду и навсегда здѣсь останусь.

Грушенька. Это вы теперь только такъ говорите.

Бубновъ. Вы вотъ все мнѣ не вѣрите, Грушенька; грѣшно вамъ. Человѣкъ по васъ называетъ просто, куска въ ротъ не беретъ, а вы еще за обманщика считаете. Пущу себѣ пулю въ лобъ да и конецъ... или на Кавказъ уѣду... сражаться. Пушиай меня тамъ черкесы изрубятъ.

Грушенька. Ахъ, что это вы какіе ужаси говорите!

Бубновъ. Вотъ увидите, что сдѣлаю это. Тогда будете плакать, да поздно. Богъ вамъ никогда не проститъ, что вы душу человѣческую загубили... Грушецка!.. ангелъ! душечка!.. ну скажите хоть одно ласковое словечко.

Грушенька. Чтоже я вамъ скажу?

Бубновъ. Скажите: люблю.

Грушенька (*смыется*).

Бубновъ. Послушайте, Грушенька... Вы не сердитесь, что я васъ Грушенькой называю?

Грушенька. Мнѣ все равно.

Бубновъ. Послушайте, мой дружочекъ: выходите ужо вечеромъ попозже въ садикъ, и я приду. Мнѣ бы хотѣлось съ вами подольше поговорить... а здѣсь того и гляди, застанутъ.

Грушенька. Я не знаю право... какъ можно будетъ. Маменька пожалуй увидитъ...

Бубновъ. Когда маменька спать ляжетъ, — выйдете, Грушенька, а?

Грушенька. Да вѣдь это нехорошо — съ мужчиной въ ночное время гулять...

Бубновъ. Да отчего же нехорошо? Это вамъ все такъ пред-

ставляется... потомучто вы не любите. А любили бы, такъ бы вышли... слова бы не сказали...

Грушенька. Вамъ хорошо говорить... а меня маменька просто со свѣту сживетъ, если узнаетъ.

Бубновъ. А какъ она узнаетъ?

Грушенька. Пожалуй увидитъ кто изъ сосѣдей... да перескажетъ.

Бубновъ. Ночью-то?

Грушенька. Нынче мѣсяцъ свѣтитъ.

Бубновъ. Мы въ бѣседку уйдемъ.

Грушенька (*молчитъ*).

Бубновъ. Ну чтоже, Грушенька? скажите... согласны? выйдете, а? хоть на минуточку...

Грушенька. Ну... можетъ-быть.

Бубновъ. Нѣтъ, вы навѣрно скажите. А то я просто всю ночь промучаюсь.

Грушенька. Кто-то идетъ кажется.

Бубновъ. Да... или нѣтъ...

Грушенька. Ну хорошо, хорошо...

Бубновъ. Смотрите же... Не обманете? Честное слово, а?

Грушенька. Ну честное слово.

Бубновъ. Милочка-Грушенька! Ахъ какъ бы мнѣ хотѣлось васъ поцѣловать... Зачѣмъ тутъ этотъ заборъ проклятый? (*посылаетъ ей поцѣлуй въ отверстіе*)

(Груша смѣется и отходитъ прочь.)

Бубновъ (*тоже отходя отъ забора*). Попалась птичка! Теперь надо пропустить рюмочку за труды. Вѣдь какая неподатливая дѣвочка. Маменька да маменька! Насилу уломалъ. А самой смерть хочется побаловать... Глазенки такіе масляные сдѣлались. Уфъ! усталъ даже. (*уходитъ*)

НАСТЕНЬКА и ГРУШЕНЬКА

Грушенька (*бѣжитъ къ ней навстрѣчу*). Ахъ Настенька-душечка! что я тебѣ скажу!..

Настенька. Что, что такое?.. (*цалуются*) Секретъ? да?

Грушенька. Секретъ — да еще какой! ты никому не рассказешь?

Настенька. Развѣ ты не знаешь меня, Грушенька!..

Грушенька. Ты вѣдь мнѣ другъ, Настенька?

Настенька. По гробъ жизни! (*цѣлуются*) Чтоже такое? про любовь что-нибудь?.. (*грозитъ ей пальцемъ, прищуривъ одинъ глазъ*)

Грушенька. Про любовь, душечка—Настя. Ахъ, еслибъ ты знала... (*вздыхаетъ и прикладываетъ руку къ сердцу*)

Настенька. Чтѣ? вѣрно плѣнилъ кто-нибудь?.. ужь надѣюсь не Прохоръ Семенычъ.

Грушенька (*надувшись*): Не говори ужь мнѣ объ этомъ Прохоръ Семенычъ. Противенъ онъ мнѣ. Видѣть я его не могу. Какъ подумала, что мнѣ за него замужъ идти надо, да цаловаться съ нимъ придется, — просто не знаю чтѣ со мной дѣлается...

Настенька (*вздыхая*). Да, это ужасно, Грушенька — противъ сердца своего поступать... Впрочемъ чтожъ? Я бы на твоёмъ мѣстѣ не огорчалась такъ... Тогда тебѣ свободнѣе будетъ. Ты его хорошенько въ руки заberi... Все же лучше хоть и за Прохоромъ Семенычемъ быть, чѣмъ въ дѣвцахъ; потому намъ воли никакой нѣтъ. Родители эти такіе варвары. Они нашихъ чувствъ никогда понять не могутъ; но власти надъ ними тоже взять нельзя... а съ мужемъ легко справиться. Нѣтъ, ты Прохора Семеныча не опускай, Грушенька. Ну, а кто предметъ твой?

Грушенька. Ахъ Настя! просто душка! картинка писаная... и влюбленъ въ меня, просто до безумія. Даже застрѣлиться хочетъ, если я не сжалюсь надъ нимъ.

Настенька. Ну этому ты, Грушенька, не вѣрь... Ты на этотъ счетъ неопытна... Это они такъ всегда стращаютъ. Чтоже онъ, военный?

Грушенька. Военный, Грушенька! усики колечкомъ... просто прелесть. Я такихъ красавцевъ никогда еще не видала.

Настенька. Гдѣ онъ квартиру нанимаетъ?

Грушенька. Да вотъ рядомъ. Онъ недавно переѣхалъ сюда: *жылъ* прежде у дьяконицы.

Настенька. Бубновъ?

Грушенька. Ну да! ты развѣ знаешь его?

Настенька. Нѣтъ, гдѣ мнѣ знать! къ намъ офицеры не ходятъ; а такъ, видала... красавецъ — одно слово.

Грушенька. Да вѣдь и къ намъ не ходятъ.

Настенька. Гдѣжъ ты его видѣла?

Т. VI. — Отд. I.

Грушенька. Ахъ Настя, стыдно сказать... онъ все черезъ заборъ со мной разговариваетъ.

Настенька. А!.. ну чтожъ онъ тебѣ говорилъ?

Грушенька. Да много... все про любовь свою. Я знаешь боялась, что пожалуй его угонять; а онъ говоритъ, что навсегда здѣсь останется, если я его люблю.

Настенька. Вотъ какія нѣжности!..

Грушенька. Чтожъ ты думаешь, Настя — онъ неправду говорить?

Настенька. Разумѣется вретъ.

Грушенька. Это ты такъ думаешь, потомучто ты не слыхала какъ онъ говорилъ. Ужъ это вѣдь сейчасъ видно, коли человѣкъ не отъ сердца говоритъ. Вотъ Прохоръ Семенычъ все мнѣ о любви о своей толкуетъ; да вѣдь я вижу, что это чурбанъ безчувственный... Нѣтъ, Настенька-душечка, я знаю что онъ меня любить. Это ты мнѣ и не говори, чтобы онъ обманывалъ. А вотъ я что хотѣла тебя спросить... только смотри, Настя: никому!..

Настенька. Ахъ господи! никому да никому! Да что я, сплетница развѣ какая?

Грушенька. Ну-ну, не сердись. Я знаю, что ты мнѣ другъ. Вотъ видишь ли, Настя... Онъ просилъ меня вечеромъ въ садикъ выйти...

Настенька. А ты небось и общала?

Грушенька (*сконфузясь*). Общала, Настя. Онъ такъ просилъ, такъ просилъ... еслибъ ты была на моемъ мѣстѣ — и ты бы согласилась.

Настенька. Ну, это еще бабушка надвое сказала. Такъ чтожъ ты у меня спросить то хотѣла?

Грушенька. Да мнѣ какъ-то страшно, Настя... Я не знаю, ужъ выходить ли... Ты умнѣ меня, ты мнѣ посовѣтуй: можно или нѣтъ? Вѣдь это нехорошо, Настя — съ мужчиной гулять вечеромъ?..

Настенька. Это когда онъ тебя выйти-то просилъ?

Грушенька. Нынче, какъ маменька спать ляжетъ.

Настенька. Чтожъ, прогуляться по саду еще бѣды нѣтъ... Отчего же не провести время!

Грушенька. Конечно бѣды нѣтъ. Я и сама тоже думала. А все какъ-то страшно: одной съ мужчиной, въ саду...

Настенька. Чего страшнаго? не укусить!.. ха-ха-ха!

Грушенька. Тебѣ случилось, Настя?

Настенька. Разумѣется случилось.

Грушенька. Настя! а Настя!

Настенька. Ну?

Грушенька. А цѣловалась ты когда съ своимъ предметомъ?

Настенька. Ишь какая любопытная, видно и тебѣ самой хочется!..

Грушенька (*смѣется*). Нѣтъ, не хочется, Настя, а... я боюсь — ну какъ онъ меня цѣловать станетъ!.. Чтѣ мнѣ тогда дѣлать?

Настенька. Ничего не дѣлать. Пускай его цѣлуешь — вѣдь отъ этого ничего на лицѣ не вскочить. А коли онъ ловкій кавалеръ, — онъ такъ пригонитъ, что ты и сама его чмокнешь.

Грушенька. Ахъ Настя! чтѣ ты это...

Настенька. Чтѣ, — ничего! Чмокнешь да и только. И сама не замѣтишь какъ чмокнешь... въ самыя губы.

Грушенька. А вѣдь это должно-быть очень пріятно, какъ тебя цѣлуешь такой хорошенькій, Настя?..

Настенька. Пока вновь, то такъ пріятно; а потомъ ужъ прѣется.

Грушенька. Тебя видно цѣловали много.

Настенька (*смѣется*). Случалось-таки...

Грушенька. Ахъ батюшки! Прохоръ Семенычъ кажется сюда лѣзетъ. Настенька-душечка, займи ты его... Мнѣ съ нимъ и говорить-то неохота. Скажи, что у меня голова разболѣлась, такъ я прилегла-молъ, а тамъ маменька подойдетъ, пускай съ ней любезничаешь. (*уходитъ*)

Настенька. Ну, хорошо.

НАСТЕНЬКА (одна)

Настенька. Вѣдь вотъ подумаешь, счастье въ ротъ лѣзетъ дѣвчнкѣ: и женихъ сватается, да еще и предметъ нашолся... и какой красавчикъ. А я вотъ тутъ сиди у моря да жди погоды. Съ тѣхъ поръ какъ моего Колю изъ уѣздныхъ учителей отставили, — не съ кѣмъ время провести... такая право скука! Въ этомъ городишкѣ замужъ кажется никогда не выйдешь. Хоть бы какого-нибудь жениха, все-таки лучше чѣмъ въ дѣвкахъ... А эта еще Прохоромъ Семенычемъ брезгаетъ! У него деньжищевъ-то

куры не клюютъ... Кабы ко мнѣ посватался — я бы кажется сейчасъ готова... А вѣдь чуть-чуть не посватался!.. Да я сама дура маху дала: Колей тогда занята была, на него и смотрѣть не хотѣла. А Коля вотъ какимъ неблагодарнымъ оказался! Даже ни одного письма не написалъ изъ губерніи. Какіе только эти мужчины коварные, ужаси! Ужь онъ ли не завѣрялъ меня! И чего ему кажется еще надо было? Все я для него дѣлала... а вотъ обмануль, мерзавецъ! А все еще я къ нему не могу любви своей преодолѣть... Какъ вспомню объ немъ, — точно въ сердце мнѣ булавку кто воткнетъ. (*подумавъ*) А вѣдь я думаю, Прохоръ Семенычъ и теперь бы на мнѣ женился, кабы Грушенька ему отказала. Его охота страшная забираетъ жениться. Сколько разъ сватался — все съ носомъ уходилъ. Подстрекнуть развѣ Грушеньку, чтобы не шла за него? Да гдѣ ей! она передъ матерью какъ листъ трясется. Что та захочетъ, то и будетъ. Офицера развѣ отбить попробоватъ? Да что проку-то? надоѣло конфекничать... Вѣдь не женится. Я офицеровъ этихъ знаю: пролудные! Только и смотрятъ, какъ бы... А вотъ развѣ что? посорить Прохора съ невѣстой то?.. Ейбогу! да что въ самомъ дѣлѣ? Зачто ей дуръ такое счастье?.. Одною съ нее довольно будетъ. А то видишь и замужь-то хочется, и предмета-то жаль упустить... Нѣтъ ужъ я покрайности — коли полюбила, такъ ни за кого другого не пойду. Значить у меня характеръ крѣпкій... А она что? Вѣдь она у меня теперь въ рукахъ... могу все разстроить, коли захочу... И разстрою; потому противно смотрѣть, что другимъ все, а тебѣ ничего. Чѣмъ я хуже ея въ самомъ дѣлѣ? Да она и сама мнѣ благодарна будетъ, — такъ какъ она терпѣть не можетъ жениха. Значить я передъ ней не виновата нисколько буду. Да и не узнаетъ она, что это я сдѣлала. А еслибы и узнала — такъ наплевать... очень мнѣ нужно. Мнѣ своя судьба дороже. Не отказываться мнѣ отъ своего счастья... Ейбогу попробую. Ну ужъ только женись на мнѣ Прохоръ... я изъ него денежки выжму!.. Повеселюсь! Ужь тогда эти ситцевыя-то платья долой, адье! Надоѣло за рѣшоткой какъ монахиня сидѣть, да брань-то родительскую слушать. Ужь всѣ уши прожужжали мнѣ ихъ попреки. Только и слышишь каждый день: «вотъ не умѣла жениха поймать!.. вотъ Грушенька: даромъ что проста, а какого себѣ подцѣпила!» Ужь отъ этого-то одного уйти — такъ молебень отслужить можно. Съ утра до ночи Грушенькой тычуть. И вдругъ въ самомъ дѣлѣ, куклу эдакую въ шолкъ да въ бархатъ одѣнуть... а ты въ отрепьяхъ какихъ-то щеголяй! Вѣдь

она и прибрать—то къ рукамъ мужа не сумѣетъ, будетъ довольна всякой подачкой отъ него. Вотъ будь я не я, если не разстрою. Эхъ кабы выйти замужъ! Просто бы кажется всему городу пыль въ глаза пустила...

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ и НАСТЕНЬКА

(Прохоръ Семенычъ, съ двойнымъ подбородкомъ, съ толстой пѣшью на жилетѣ; височки прилизаны и имѣютъ форму гусиныхъ лапокъ.)

Пяткинъ (*любезно расшаркиваясь*). Наше вамъ глубочайшее! Сколько лѣтъ, сколько зимъ!

Настенька. Да, давно не видѣлись, Прохоръ Семенычъ.

Пяткинъ. Давненько—съ васъ все невидно было—съ. Должно-быть вы въ пустыню удалялись отъ прелестныхъ евтихъ мѣстъ?

Настенька. Ни въ какія я пустыни не удалялась, а только дома все по большей части время проводила; потомучто больна была. А вотъ вы такъ ужъ къ намъ нынче никогда не заглянете!..

Пяткинъ. Дѣла, дѣла—съ, Настасья Мионовна: ревизоръ пріѣзжалъ—съ... некогда, совсѣмъ некогда. А-впрочемъ я съ моимъ удовольствіемъ, когда прикажете—съ... потому я съ молодыми барышнями очень люблю бесѣдовать.

Настенька. Не со всѣми только... вотъ сюда, такъ вы что-то часто повадились.

Пяткинъ. По дорогѣ, знаете—съ. Мимо часто хожу; нѣтъ-нѣтъ да и завернешь: дай, думаю, отдохну зайду.

Настенька. Полноте прикидываться—то, лазаря пѣтъ! Знаю я, какъ вы по дорогѣ заходите... въ Грушеньку влюбились. Не жениться ли собираетесь? (*смѣется*)

Пяткинъ (*нѣсколько обиженнымъ тономъ и поправляя височки*). Хотя я конечно еще до сихъ поръ не имѣлъ этого въ своихъ мысляхъ, но... чтоже за бѣда, еслибы даже и такъ было? Мои лѣта еще не такіе слава-богу, кажется я могу жениться. И не знаю что вы тутъ смѣшного находите.

Настенька. Ктó говоритъ! не надъ тѣмъ я и смѣюсь, что вы жениться хотите.

Пяткинъ. Впервыхъ это еще вамъ неизвѣстно, хочу ли я

жениться или нѣтъ; и вовторыхъ, надъ чѣмъ же вы изволили смѣяться, позвольте спросить?

Настенька. Да мнѣ смѣшно, что вы за Грушенькой ухаживаете... таете тутъ по цѣлымъ днямъ, нѣжничаете, а того и не видите, что мѣсто давно занято.

Пяткинъ. То-есть, какъ же это понимать должно-съ — мѣсто занято?

Настенька. Да такъ, просто занято, да и все тутъ. Да впрочемъ напрасно я вамъ это и говорю-то. Какое мнѣ дѣло!

Пяткинъ. Нѣтъ-съ, позвольте, Настасья Мионовна, ужь коли вы начали, такъ извольте продолжать-съ.

Настенька. А если я не хочу продолжать? Вотъ кабы вы мнѣ по откровенности сказали, что вы жениться на ней хотите, — ну тогда другое дѣло. Я бы можетъ-быть вамъ что-нибудь и открыла, потому какъ я къ вамъ расположена и понимаю васъ за хорошаго человѣка; добра вамъ значить желаю. А теперь что? Вы вѣдь сами сказали, что не имѣете въ мысляхъ жениться. Значитъ вамъ все единственно, занято ли мѣсто или незанято.

Пяткинъ. Оно конечно-съ, но все же для меня любопытно было бы... потому знаете, все можетъ случиться: я человѣкъ молодой, Аграфена Степановна барышня хорошенькая... Неровень часть, — кровь иногда эдакъ знаете заиграетъ, вскипятится... Ну и брякнешь пожалуй: осласливьте-моль. А я человѣкъ съ амбиціей, мнѣ отказа получить нежелательно.

Настенька. Да отказа тутъ и быть не можетъ.

Пяткинъ. Но какъ же однако?.. если, какъ вы изволите говорить, мѣсто занято...

Настенька. Такъ чтожъ-что занято? У Грушеньки можетъ быть свой предметъ, а маменька, Татьяна Ильинишна, свои виды имѣетъ. Она такого жениха какъ вы, небось не упуститъ. Грушенька передъ ней пикнуть не смѣетъ. Прикажутъ — и выйдетъ, а предметъ про запасъ останется.

Пяткинъ. Гм! Ну нѣтъ, ужь это атанде-съ! Ужь коли бы я женился, такъ всѣхъ этихъ предметовъ по-боку. Я шутить не люблю.

Настенька. Ну да, усмотрите вы за нашей сестрой, какъ же!

Пяткинъ. Однако кто же этотъ предметъ, Настасья Мионовна, позвольте полюбопытствовать?

Настенька. Послушайте, Прохоръ Семенычъ. Грушенька меня

другомъ своимъ считаетъ, и мнѣ этого говорить бы не слѣдовало, потому это коварство выйдетъ; но я такъ объ этомъ дѣлѣ разсуждаю: она за васъ только изъ-подъ неволи пойдетъ, чтобы маменьки не ослушаться. Значитъ она еще рада будетъ, коли вы сами откажетесь. А сказать вамъ сама, — не сватайтесь дескать за меня, — она этого никогда не осмѣлится, потому что она Татьяна Ильинишна нуще огня боится; это змѣя подколотная. Ехидна, одно слово. Она затѣстъ дочь. А для васъ какая же пріятность выйдетъ, коли жена ваша другимъ занята будетъ? Ужь она своего предмета не броситъ. Вы человекъ служащій, по должности своей часто въ отъѣздахъ бываете: значитъ тутъ ужь ей лафа будетъ. На кого вы ее оставить можете? На маменьку чтоли? Да вотъ же она у маменьки подъ носомъ шуры-муры строить. Да маменька еще и сама пожалуй не прочь помогать ей, лишь бы стянуть что-нибудь за труды съ предмета: я такъ ее понимаю. Все это я только изъ расположенія къ вамъ, Прохоръ Семенычъ, говорю, — такъ какъ мы давно съ вами знакомы... и вы даже ко мнѣ неравнодушны когда-то были... *(грустно)* Я передъ вами себя виноватой чувствую... Я тогда надъ вашей любовью смѣялась... не умѣла хорошаго человека оцѣнить... Меня Богъ за это покаралъ конечно, потому что женихъ мой уѣхалъ. Но все же я хочу хоть чѣмъ-нибудь передъ вами свою вину заглавить. Я давно собиралась предостеречь васъ, да все какъ-то не случилось.

Пяткинъ. Я очень вами благодаренъ, Настасья Мироновна. Но осмѣлюсь замѣтить, можетъ-быть это только одно предположеніе съ вашей стороны?

Настенька. Видно вы сильно въ Грушеньку-то влюбившись, что и вѣрить ничему не хотите. Не безпокойтесь, я вамъ все доказать могу... я на вѣтеръ говорить не люблю. Нынче ночью, какъ Татьяна Ильинишна спать ляжетъ, здѣсь у Грушеньки свиданье съ своимъ предметомъ назначено.

Пяткинъ. Чтó вы?

Настенька. Только вы смотрите, не подавайте и виду, что знаете, а ужь сами сюда придите — и увидите.

Пяткинъ. Скажите! А вѣдь съ виду скромная барышня такая. Вотъ ужь не ожидалъ такого конфуза! И кто же этотъ предметъ? изъ военныхъ, полагать надо?

Настенька. Вотъ тутъ по сосѣдству живетъ, офицеръ одинъ.

Пяткинъ. Ну такъ и есть. Эти офицерики всюду затешутся, нигдѣ отъ нихъ спокойствія нѣтъ.

Настинька. Послушали бы вы что въ городѣ-то говорятъ насчетъ вашей свадьбы съ Грушенькой. Вчера я Капитолину Ефремовну встрѣтила; она меня и спрашиваетъ: правда ли молъ, что Прохоръ Семенычъ къ Татьянѣ Ильинишной дочкѣ сватается? Вотъ, говоритъ, человекъ хорошаго обошли! И что говоритъ, онъ нашолъ въ ней?.. Ему нужна жена-хозяйка, и чтобы съ правилами была; а эта — бѣлоручка, только все у окошка сидитъ да глазки офицерамъ строить...

Пяткинъ. Ну, Ефремовнѣ-то очень вѣрить нельзя. У ней, видите, у самой дочь старая дѣвка на шеѣ сидитъ, — такъ ей завидно, что другія-то своихъ выдаютъ замужъ.

Настинька. Это вы напрасно про нее. Она ужъ знаетъ, что ея дочери замужъ не выйти — не тѣ лѣта; и опять же она изъ дому бѣгала. Эдакъ вы пожалуй и обо мнѣ подумаете, что я желаю васъ отбить у Грушеньки. Напрасно же я вамъ это все рассказала.

Пяткинъ. Что вы! помилуйте, Настасья Мионовна! какъ же это возможно... Вы, при вашей красотѣ, слава-богу жениховъ всегда найдете. А Ефремовна ко мнѣ свахъ засылала... повѣрите совѣсти моей. Да я сказалъ начисто свахъ: нѣтъ, шалишь молъ!.. Больно толста невѣста: ни въ какія двери не пролѣзетъ, словно отъ водяной разбухла.

Настинька. Какой вы надсмѣшникъ!.. Скажите! Вотъ, я думаю, и меня тоже такъ съ Грушенькой канифолили!

Пяткинъ (*не безъ самодовольствія*). Что вы, что вы! госпождь съ вами, милая барышня! Я всегда вашей красотой налюбоваться не могъ. Надо знать надъ кѣмъ смѣяться. Я напротивъ того всегда вамъ хорошаго женишка желалъ. Вотъ какъ.

Настинька. Нѣтъ, я ужъ положила замужъ не выходить... никогда, Прохоръ Семенычъ.

Пяткинъ. Что это вы такое говорите, побойтесь Бога! Такой прелестной барышнѣ, да замужъ не выходить! Да почему же это вы на себя такой обѣтъ наложили?

Настинька. Потому что я въ постоянство мужчинъ не вѣрю. Они вѣчно не могутъ любить.

Пяткинъ. Почему же не могутъ? Есть которые и могутъ.

Настинька (*грустно*). Нѣтъ ужъ вы мнѣ и не говорите; я знаю!..

Пока маменькѣ Богъ вѣку продлитъ — поживу съ ней, а тамъ въ монастырь пойду.

Пяткинъ. Полноте, милая барышня, полноте! Это такъ на васъ меланхолія нашла.

Настинька. Нѣтъ не меланхолія, Прохоръ Семенычъ... Ахъ! Татьяна Ильинишна идетъ... прощайте, я ее терпѣть не могу и съ ней не хочу встрѣчаться...

Пяткинъ. Такъ ужъ и я васъ провожу.

Настинька. Нѣтъ, нѣтъ... Я вѣдь васъ просила, чтобы вы и виду не показывали что знаете что-нибудь... Оставайтесь, полюбезничайте со старой вѣдьмой... *(ублываетъ)*

ОМУТОВА и ПЯТКИНЪ

Омутова. А! Прохоръ Семенычъ. А гдѣ же Грушенька?

Пяткинъ. Не могу знать-съ... вѣроятно у себя въ комнатѣ-съ. Я только сейчасъ пришолъ...

Омутова. Милости просимъ въ домъ, пожалуйста.

Пяткинъ. Покорнѣйше благодарю-съ. Я вѣдь на минуточку-съ, по дѣламъ спѣшу...

Омутова. Ну хоть на минуточку. Водочки выпейте...

Пяткинъ. Водочки пожалуй... выпью-съ. *(уходитъ въ домъ)*

Таже декорация. Наступаетъ ночь. Бубновъ выходитъ изъ своего дома.

Бубновъ. У старухи все-еще огонь. Не улеглась чертовка. Видно деньги считаетъ. А должно-быть у ней есть таки кое-что... отвалить за дочкой... Лакомый кусочикъ эта дочка! Сколько черезъ мои руки этого народу ни прошло, а такой еще не попадалось. Даже мурашки по спинѣ бѣгаютъ, какъ подумаю, что она выйдетъ ко мнѣ... И вѣдь чтó хорошо: ни братцевъ этихъ никакихъ нѣтъ, — никого! Значитъ на исторію наткнуться нельзя... Развѣ старуха проснется. У старухъ сонъ чуткой. Ну чтожъ, если и застанетъ насъ! Свидѣтелей нѣтъ, значитъ и взять ей съ меня нечего... Да притомъ же я мигомъ черезъ заборъ махну... Эй, Груздевъ!

БУБНОВЪ и ГРУЗДЕВЪ

Груздевъ. Чего изволите, ваше благородіе?

Бубновъ. Гвозди изъ забора повытаскалъ?

Груздевъ. Повытаскалъ, ваше благородіе.

Бубновъ. Ну ладно, ступай. *(Груздевъ уходитъ)*

(Въ саду. Прохоръ Семенычъ входитъ озираясь),

ПЯТКИНЪ (одинъ)

Пяткинъ. Какъ бы не увидали... Не до засаду найти. Вотъ чортъ возьми оказія! Ну если эта дѣвченка мнѣ наврала? Задамъ же я ей. А впрочемъ, какъ кажется наврать? «приходите, говоритъ, сами увидите—свиданье у нихъ назначено». Экая пакость, подумашь. Вѣдь вотъ чуть не влопался! Такая ужь неудача мнѣ на роду написана. Какъ задумаю жениться — все что-нибудь помѣшаетъ. Третій разъ ужь это со мной. Въ первый разъ отказали, — пронюхали, что у меня на сторонѣ Матрена Ивановна есть. Во второй — совсѣмъ ужь улажено было дѣло, — невѣста наканунѣ свадьбы съ французомъ изъ конной комедіи сбѣжала. Теперь вотъ офицеришка какой-то подвернулся. И что это за гадкій народъ эти дѣвченки!.. Всякому встрѣчному рады на шею кинутся. Плюнулъ бы на нихъ совсѣмъ, да нельзя: человекъ молодой, кровь играетъ... Ну, да и жить веселѣй въ супружествѣ. То ли дѣло, когда подлѣ тебя эдакъ бабешка сидитъ, чай наливаетъ — или что-нибудь такое... И гостей есть кому принять, и все это. Наложницу имѣть конечно можно бы, да это все не то. Денегъ онѣ поѣдаютъ гибель — это разъ; ну да и потомъ образованія, деликатности — ничего этого у нихъ нѣтъ... Таковую, чтобы пофранцузски говорила или на фортопьянѣ играла — и не найдешь... Развѣ въ Питерѣ гдѣ-нибудь. Эти камеліи чтоли, — какъ ихъ тамъ прозвали. Ну, да чего же онѣ и стоятъ! Къ нашему брату онѣ и идги-то не захотятъ. Имъ графовъ, да князей, да генераловъ всякихъ подавай. Вотъ что. А жаль!.. Грушенька и на фортопьянѣ играетъ, и книжками занимается. Ну и насчетъ красоты тоже взяла. Шейка бѣленькая, нѣжная, и родинка сидитъ на ней. Очень ужь я эти родинки люблю. Какъ увижу родинку, такъ и подмываетъ

чмокнуть... хе-хе-хе! Кровь, кровь играетъ. Человѣкъ молодой! А чтожь, развѣ за Настенькой опять пристукнуть, коли здѣсь не выпалить? Она тоже — ничего дѣвченка. Правда, деликатности этой у ней въ тѣлѣ нѣтъ какъ у той, ну и на фортопьянѣ не играетъ, да это все ничего, и безъ этого обойдемся. А то и научить ее можно. Въ губернской городъ перейду служить; тамъ учительница есть — всему учить: и танцовать, и пѣть, и музыканить. Только деньги плати. А что она говоритъ, что въ монастырь-то пойдетъ — это вздоръ! Ей замужъ хочется. Учитель-то ея тягу далъ, — всенепременно выйдетъ за меня, только посватайся; съ руками и съ ногами. Да что въ самомъ дѣлѣ? женюсь-ка на ней, ейбогу! — Вонъ огонь потушили: значить легла старушенца. Пойду-ка спрячусь; какъ бы кустикъ побольше выбрать, чтобы не разглядѣли меня: мѣсяць-то хоть и не больно свѣтитъ; а все же видно... *(прячется)*

ПАРАША *(входитъ)*

Параша. Уфъ! Насилу улеглась, хрычевка старая. Только и вздохнешь-то ночью. Бѣгаешь-бѣгаешь день-деньской, умаешься. И на рынокъ сходи, и посуду вымой, и полы вымети, и печки всѣ истопи, и ужъ чего-чего только я не дѣлаю! А благодарности никакой не вижу. Только пилить съ утра до ночи. Низачто рада человѣка обляять. Ухъ! кабы моя власть — заставила бы я тебя дрова таскать! Покрахтѣла бы ты у меня, сердечная. Вѣдь и мужа-то своего въ гробъ вогнала — до послѣдняго самаго дни лаялась съ нимъ. Ну ужъ, прости-господи, зелье! А тоже барыней прозывается! Не все ли эдакія-то барыни бываютъ? И на кухню-то, и повсюду-то носъ свой табачный суѣтъ. Эхъ, посмотрѣть хотя маленечко на улицу! Что это право, хоть бы деньщикъ офицерскій вышелъ: не съ кѣмъ покаявать. Бравый мужчина этотъ Груздевъ: видный такой, да и балагуръ же... нелегкая его подери! Какъ начнетъ онъ про разныя города рассказывать, гдѣ они съ бариномъ живали — просто заслушаешься. Особенно какъ про жидовъ про этихъ — умора! животики надорвешь хохотамши. Ейбогу! *(напѣваетъ пѣсню)*

(Въ эту минуту Бубновъ перелѣзаетъ черезъ заборъ, и принявъ ее за Грушеньку, бросается къ ней, обнимаетъ и громко цѣлуетъ)

ПАРАША, ПЯТКИНЪ и БУБНОВЪ

Параша (*вскрикивая*). Ай-ай!.. батюшки! Чтó это! съ нами крестная сила!

Пяткинъ (*въ кустахъ*). Ишь каналья, какъ чмокаетъ... а я дуракъ, только все къ ручкѣ прикладывался, да и то еще изрѣдка.

Бубновъ (*обнимая Парашу*). Тс! тс! чего же вы испугались?.. это я... не кричите, пожалуй услышутъ...

Параша (*глядываясь въ его лицо*). Ахъ!.. да никакъ это баринъ сосѣднй!

Бубновъ (*тоже глядявшись въ нее, про себя*). Да это, не она!.. а дѣвка горничная... А тоже недурна, ейбогу! Очень-очень даже аппетитная. (*жметъ ее*) Ее тоже нужно принять къ свѣдѣнiю.

Бубновъ (*вполголоса*). Чтó барышня дѣлаетъ, Параша?

Параша. Барышня? А вамъ начто? Ишь какой любопытный!

Пяткинъ (*изъ-за куста*). Чортъ побери, ничего не слышу, чтó они тамъ шепчутся. Можетъ-быть надъ нашимъ братомъ издѣваются... (*высовывается*)

Бубновъ (*опять цѣлуетъ Парашу*). Какая ты хорошенькая! Просто прелесть.

Параша (*слегка обороняясь*). Полноте... экой проказникъ право... Ну увидятъ?

Бубновъ (*опять цѣлуетъ*). Ну, пусть ихъ увидятъ, чортъ съ ними!

Пяткинъ (*невыдержавъ, выскакиваетъ изъ-за куста, становится между ними и вцѣпляется въ рукавъ Парашы*). Отлично-съ! Превосходно-съ! извольте продолжать-съ. (*Бубновъ мгновенно бросается черезъ заборъ*)

Параша. Господи! Кто это еще?

Пяткинъ (*продолжая кричать*). Я-съ... я шутить собой не позволю... Я это по всему городу раззвоню... вотъ чтó, да-съ.

Параша (*старается отъ него вырваться*). Да вы въ умѣ ли?

(На крикъ показывается Татьяна Ильинишна, въ капкейкѣ и со свѣчей въ рукѣ).

ТЪЖЕ и ОМУТОВА

Омутова. Что́ это здѣсь такое происходитъ?.. кто тутъ оретъ?
Пяткинъ (*увидѣвъ при свѣчкѣ лицо Парашки*). Батюшки... это дѣвка!

Омутова. Что́ я вижу? Прохоръ Семенычъ! съ Парашкой!
Ну, признаюсь! Этого я никакъ не могла ожидать... Такая безнравственность! Сдѣлавши предложеніе моей дочери... (*Парашъ*) Погоди же ты у меня, голубушка!

Пяткинъ. Позвольте, Татьяна Ильинишна. Вы совсѣмъ не то думаете... я... вовсе не...

Омутова. Чего же тутъ позволять-то, батюшка? Развѣ я не своими глазами видѣла, какъ вы ее за платье тащили?

Пяткинъ. Тутъ совсѣмъ не то-съ. Не такъ дѣло было. Тутъ мужчина посторонній былъ... и на вашу горничную напалъ... Я защитить ее хотѣлъ. Вы это поймите. Онъ сейчасъ черезъ заборъ шмыгнулъ.

Омутова. Вотъ какъ-съ! Мужчина былъ. А вы, позвольте спросить, какимъ случаемъ здѣсь въ такое позднее время очутиться изволили?

Пяткинъ. А мимо шолъ-съ, домой возвращался изъ гостей. Вижу — калитка у васъ отворена, и мужчина какой-то въ саду... я и зашолъ; думаю, воры можетъ-быть. А вѣдь у васъ въ домѣ, я знаю, все однѣ женщины: долго ли до грѣха...

Омутова. Такъ-съ, такъ-съ. Такъ вы ее за вора приняли?

Пяткинъ. Не ее-съ, вы поймите это, а мужчина на нее напалъ; я отбивать сталъ.

(Въ глубинѣ сцены показывается Грушенька и слушаетъ).

Омутова (*Парашъ*). Такъ это къ тебѣ, голубушка, черезъ заборъ мужчины лазятъ? а?

Параша. Помилуйте, сударыня, я даже и не знала кто такой...

Омутова. Хорошо, хорошо. Я съ тобой раздѣляюсь... Если это такъ точно было, то я вамъ чувствительно благодарна, Прохоръ Семенычъ. Я ужъ давно за этой негодницей замѣчаю.

Пяткинъ. Да она, Татьяна Ильинишна, можетъ и невиновата.

Омутова. Ужь про то я знаю.

Параша. Да право же, барыня.

Омутова. Молчи, распутная! Вотъ мое вдовье-то дѣло, Прохоръ Семенычъ. Эдакую гадину, поскудницу — съ позволенья сказать, я при дочери держу. У меня Грушенька невинная, ни о какихъ этихъ мерзостяхъ понятія не имѣеть. Да сохрани-богъ, еще научать ее чему-нибудь!.. *(плачетъ)*

Пяткинъ. Полноте, Татьяна Ильинишна. Не извольте огорчаться. Я такъ думаю, что это воръ былъ просто. Но такъ какъ все благополучно окончилось, то позвольте вамъ пожелать спокойной ночи. А на всякій случай я бы вамъ посовѣтовалъ сторожа нанять. Я пожалуй вамъ приищу человѣка; у меня есть Ѳомка въ услуженіи: молодецъ! косая сажень въ плечахъ; хоть кому такъ бока намнетъ. Я его завтра же вамъ предоставлю.

Омутова. Ахъ батюшка, очень буду вамъ обязана!

Пяткинъ. Непремѣнно-съ. А теперь успокойтесь. Мое почтеніе! *(про себя)* Это все дура Настыка надѣлала. Знать видѣла, какъ офицеръ здѣсь съ горничной дѣвкой гулялъ, и вообразила себѣ, что это онъ съ Грушенькой. Просто, я полагаю, отъ зависти сбрекнула, зачѣмъ я не на ней женюсь. А я дуракъ и уши развѣсилъ.

Омутова. Прощайте, батюшка. *(Парашъ)* Пошла домой, мерзкая. *(уходитъ)*

Грушенька *(стоявшая за деревомъ, шепчетъ Парашъ)*. Параша-голубушка, выйди сюда на минуточку.

Пяткинъ. Ухъ! слава-богу. Все вздоръ вышелъ: значить женюсь! жалко мнѣ дѣвку-то. Я подвелъ... Ну да кто же зналъ! выпутается: она не промахъ! *(уходитъ)*

Грушенька *(одна)*. Господи, страсти какія! и вѣдь чуть-чуть я не вышла. Думала рано еще: маменька заснуть не успѣла. А ужь онъ ждалъ меня. Но какъ это Прохоръ Семенычъ тутъ очутился? Не можетъ этого быть, чтобъ онъ мимо шолъ. Ужь не Настенька ли ему напяела? Недаромъ ее всѣ подруги коварною считаютъ. Можетъ съ досады, что за ней никто не ухаживаетъ. Ну что, еслибы да насъ съ нимъ застали здѣсь? Да тогда бы маменька просто меня живую съѣла.

(Параша входитъ).

ГРУШЕНЬКА и ПАРАША

Грушенька. Параша-голубушка, ты не плачь.

Параша. Да как же, барышня, не плакать! Въдь теперь отъ маменьки отъ вашей проходу не будетъ.

Грушенька. Не бойся, я замужъ выду, тебя къ себѣ возьму. Ужь это я тебѣ говорю.

Параша. Возьмете? и вправду?

Грушенька. Ейбогу, Параша, возьму. Ты Расскажи мнѣ, какъ это все случилось.

(Бубновъ, продолженіе всей этой сцены подслушивавшій у забора, опять перелѣзаетъ въ садъ.)

ГРУШЕНЬКА

Бубновъ (*шопотомъ*). Аграфена Степановна! Аграфена Степановна!

Параша. Опять лѣзетъ! Въдь эдакой безстрашной.

Грушенька. Ахъ, что вы это надѣлали!

Бубновъ. Ну что? ошибся! Принялъ вотъ ее за васъ.

Параша (*про себя*). Ишь вретъ какъ. А самъ мнѣ говорилъ: кака ты хорошенькая!

Грушенька. Уйдите! Еще опять что-нибудь выйдеть.

Бубновъ. Чему же теперь выдти? Теперь всѣ спать улеглись, и женихъ вашъ ушолъ.

Грушенька. А какъ маменька да вдругъ хватится?

Бубновъ. Не хватится! Вотъ Параша покараулитъ, а я ей спасибо за это скажу.

Параша. Спасибо скажетъ! Ишь какой приткой, а вы на пряники лучше дайте.

Бубновъ. На платъе куплю!

Параша. Ну смотрите же!

Бубновъ. Такъ покараулишь?

Параша. Ну-ну, амурьтесь!

Бубновъ. Проїдемтесь, Грушенька, по саду. Дайте ручку.

Грушенька. Ахъ! какъ мнѣ страшно...

Бубновъ (*цѣлуетъ ее*). Не бойтесь, Грушенька...

Грушенька. Ахъ!.. что вы...

Бубновъ. Выходите поскорѣй замужъ, Грушенька... тогда свободнѣе будетъ!.. (*цѣлуетъ ее опять... уходитъ въ глубину сада*)

А. ПЛЕЩЕЕВЪ

БЫЛОЕ

Снится мнѣ пора былая
И съ зеленой крышей домъ,
Откровенныя бесѣды
Длиннымъ зимнимъ вечеркомъ.

Вдоль по комнатѣ уютной
Такъ и ходитъ сизый паръ,
И ворчитъ, какъ старикашка,
Жолтой мѣди самоваръ.

И становятся за чаемъ
Рѣчи искреннѣй, теплѣй ;
Свѣчка сальная чуть свѣтитъ,
Невидать почти гостей...

Все забывъ, съ тобою въ карты
Мы играемъ за столомъ ;
Слышу смѣхъ твой безконечный :
Я остался дуракомъ.

Ловко спину выгибая,
Котъ мурлычить про себя.
И какъ онъ, и я мурлычу :
«Милый другъ, люблю тебя !..»

Снится мнѣ мой путь обратный :
Подъ ногой морозъ хруститъ
И кусаетъ носъ и пальцы...
Небо звѣздами блеститъ...

Хоть и жутко отъ мороза,
Все же на сердцѣ тепло ;
Въ даль глядишь неунывая
И не хмурится чело.

А теперь и въ самомъ счастья
Сердце вѣчно чуетъ стонъ :
Править, знать, оно поминки
Послѣ чьихъ-то похоронъ...

ВЛАДИМИРЪ ТИХАНОВИЧЪ

НА ПЛОТИНѢ

На плотинѣ сижу, звѣзды въ небѣ горятъ,
Отражаетъ въ себѣ ихъ живая рѣка ;
Закрывая луну, вдоль по небу плывутъ
Чудныхъ образовъ, формъ и цвѣтовъ облака.

Это мельница. Мельникъ въ ней сѣдъ и ворчливъ.
А какъ много колесъ ! — все гудятъ, да шумятъ.
Капли свѣжей воды, разсыпаяся въ пыль,
Блещутъ словно жемчугъ и лицо мнѣ кропятъ...

Я сижу и все жду : вотъ въ водѣ забураить,
И русалка потомъ по волнамъ поплыветъ,
Золотымъ гребешкомъ станетъ кудри чесать,
Съ звонкимъ смѣхомъ ко мнѣ на плотину сойдетъ —

Станетъ мокрую косу при мнѣ выжимать,
И приляжетъ ко мнѣ на горячую грудь...
«Я иззябла совсѣмъ, тѣло кинуло въ дрожь :
Постарайся меня обогрѣть какъ нибудь !»

Поглядитъ мнѣ въ глаза и начнетъ свой рассказъ,
Проницая зрачкомъ полусвѣтъ, полутьму :
Какъ привольно житье на муравчатомъ днѣ,
Какъ въ хрустальномъ у нихъ хорошо терему ;

Какъ сердить воляной — до колѣнъ борода —
Бѣлыхъ рыбокъ-гонцовъ онъ замучилъ совсѣмъ...
«На землѣ холодно... милый, канемъ на дно !
Чтоже ты все молчишь, словно отроду нѣмъ ?»

Я сижу и все жду; но никто не плыветъ...
На другомъ берегу различаетъ мой взоръ
Деревенскихъ дѣтей, стерегущихъ табунъ,
И изъ сучьевъ сухихъ разложенный костеръ.

И сквозь пламя костра, вижу, лошадь порой
Вскипнетъ морду впередъ; позвонки загремятъ...
И спокойна, тиха голубая рѣка,
Лишь колеса одни все гудятъ да шумятъ...

ВЛАДИМИРЪ ТИХАНОВИЧЪ

СЦЕНЫ ИЗЪ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ

КОЛОКОЛЬ

1

Давно верзилловцы загадали повѣсить большой колоколь на свою высокую каменную колокольную; и много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а верзилловская колокольная все стоитъ безъ большого колокола. И какъ начнетъ бывало дьячекъ Петровицъ задавать трезвонъ на великаншѣ верзилловской, кузнецъ Терентій, въ кузвѣ ли куеть, по улицѣ ль идетъ, самъ рукой машеть, да въ ладъ Петровичу приговариваетъ: «верзилловцы, верзилловцы! денегъ не жалѣйте, колоколь—то слейте! денегъ не жалѣйте, колоколь—то слейте!» И вторить бывало Терентій Петровичу, пока тотъ не кончить своего трезвона; а подъ конецъ притоптеть еще, да въ ладъ петровичеву «длонъ, длонъ, длонъ» знай валяетъ свое: «слейте, слейте, слейте!»

Верзилловцы сначала подсмѣивались да подшучивали надъ штуками Терентія. — Вотъ-дакъ Тереха, вотъ-дакъ чудесникъ! скажеть одинъ. — Откулева, братъ, ты такихъ художествъ понабрался? спросить другой. А Терентій только бывало укажеть пальцемъ на колокольную, а самъ знай наигрываетъ: «верзилловцы, верзилловцы! денегъ не жалѣйте, колоколь-то слейте!» — Качай, качай, примолвить третій: — вотъ такъ, вотъ эдакъ! а ну ихъ, а ну ихъ!

Но вотъ стали верзилловцы прислушиваться къ звону Петровича, и стало имъ казаться, что колокола-то и въ самомъ дѣлѣ вызваниваютъ: «верзилловцы, верзилловцы! денегъ не жалѣйте,

колоколь-то слейте!» И уж сколько дивились этому верзиловцы! Шли они однажды большой артелью на рудокопню. Въ ту пору попъ служилъ заупокойную обѣдню по старостихѣ. Петровичъ на колокольникѣ по обычаю ударилъ трезвонъ. Мужики остановились, навострили уши и долго слушали.

— Неужто это, братцы, лѣшій? сказалъ одинъ.

— Нѣтъ, это не лѣшій.

— Стало Тереха-то правъ?

— Выходить што такъ.

Мужики замолчали; видно что они всё что-то раздумывали.

— Теперь, братцы, одно средство: слить какъ можно скорѣе колоколь.

— Лить, лить! можетъ утихнуть.

— А то просто жутко; оторопь беретъ!

— Ну, дожили до страховъ!

И стали верзиловцы все больше и больше поговаривать о колоколѣ. Соберутся ли въ харчевню, столпятся ли около цѣрки послѣ утрени или обѣдни, — о чемъ бы ни калякали, а уявь събѣдуть въ рѣчахъ своихъ на колоколь и кончатъ тѣмъ, что пораде имъ, пора лить колоколь. Провезутъ ли чрезъ Верзилово куда-нибудь колоколь (а Верзилово-то стоять на большой дѣрѣгѣ), и подавно все Верзилово заговорить о колоколѣ. Чѣ если колоколь слишкомъ великъ, верзиловецъ молвить: «ухъ какъ великъ, родимой! Намъ эдакой не въ моготу, право не въ моготу будетъ. А знатно бы было, еслибы такой да въ Верзилово!» Если колоколь малъ, верзиловецъ еще насмѣется надъ нимъ: «Э, какой крохотной! скажетъ съ самодовольной улыбкой верзиловецъ: — ужь если станемъ лить колоколь, шгобъ не чета этому былъ, а то неча в руки марать!» — Такъ прошло восемь лѣтъ. Кузнецъ Терентій подлѣ трезвонъ Петровича наигрываетъ свою старую пѣсню, а верзиловцы все поговаривали: «надо, надо слить большой колоколь!» Тѣмъ не менѣ колокола они все еще не слили. То вишь годъ неурожайный, то рекрутчина, то скотской падежъ, то заработки плохія, то еще что-нибудь. И еслибы не кирѣвскій колоколь, еще долго-долго можетъ-быть верзиловской колокольникѣ стоять безъ большого колокола!

Утромъ, въ день крещенья, провезли чрезъ Верзилово колоколь въ сосѣднее село Кирѣево. И сколько шуму надѣлалъ этотъ колоколь въ Верзиловѣ! Верзиловцы изстари кикъ-то не

ладили съ кирѣвцами. Какъ народъ промышленный и зажиточный, они гордились предъ своими сосѣдями-бѣдняками, величали ихъ черепичниками, зато что они круглый годъ работали надъ горшками. А черепичники честили верзилковцевъ рудоѣдами, зато что верзилковецъ всю почти зиму маялся въ ямкѣ, желѣзную руду покапывая. И попадется ли верзилковецъ въ лапы кирѣвцу, или кирѣвецъ въ лапы верзилковцу, — и тотъ и другой мука великой натерпится. У кирѣвцевъ не было своего лѣсу; а у верзилковцевъ былъ свой лѣсокъ и тянулся онъ почти вплоть до самаго Кирѣева. Соблазнъ для кирѣвца: лѣсокъ такъ близко! — «Э! думаетъ кирѣвецъ: — неужто такъ и попадусь? авось кривая выведетъ! Поѣду-ка я въ ночь глухую, темную, заберусь-ка я въ самую глушь непроходную!» И поѣдетъ бывало кирѣвецъ въ ночь глухую въ верзилковскій лѣсокъ, дровца воровать. Не попадется — ставить свѣчку угоднику, попадется — казной отдувается. А самъ межъ тѣмъ про себя думаетъ: «ужь погодите вы, живоглоты неавистные! ужь я вамъ прижду да припамятую, надъ мощной вашей распотѣшуся! будете помнить вы кирѣвца!» И вспомнить верзилковецъ кирѣвца, когда тотъ его скотавку блудливую залучить въ свою закуту пьетневую. — «А, рудоѣд! попался! молвить ему кирѣвецъ: — выворачивай-ка ты мощну свою толстую, и давай ты мнѣ не двугривенной, не полтинничекъ; потрава цѣлымъ трехрублевиномъ пахнетъ!» — «На, подавись!» скажетъ верзилковецъ. Самъ говорить, а самъ про-себя думаетъ: ужь погодижъ ты мнѣ, рыло горшечное! Попадешь-ся ты въ нашинскомъ лѣсу! Не раздѣлаешься ты и рублевиномъ! — И идетъ эта война у верзилковцевъ съ кирѣвцами изстари. Не кончилась она и въ ту пору, какъ въ Кирѣево провели сорока-пудовый колоколъ. Оттого-то онъ и раззадорилъ такъ верзилковцевъ.

По всему селу заговорили о колоколѣ. — Страхъ, просто страхъ предъ сусѣдами! говорили верзилковцы. — До сей-то поры не завели колокола. Во кирѣвцы: смотри, да ливись! Мужики кажутся бѣдные, а слыли таки колоколъ! Но всего больше шумѣли верзилковцы въ харчевнѣ. Много ихъ сюда понабрались вечеромъ. Кто пришолъ выпить ради праздника чарку сивухи, кто отвѣдать пареныхъ грушъ и сухихъ дешовыхъ пряниковъ; а иной притащился такъ-себѣ, покалякать о чемъ-нибудь съ пріятелями. Теперь только и рѣчи было что о колоколѣ.

— А братцы, сказали мужикъ среднѣхъ лѣтъ, — кирѣвцы-то черепичники, запечные тараканы, лапотники, вѣдь какой колоколь-то сваяли! Вотъ удивили, такъ удивили!

— Вотъ носъ-то подымуть!

— Куражу-то, куражу-то колько будетъ!

— А попрековъ, братцы мои, просто таперича намъ не обобратся! Народецъ!..

— Доймутъ, ей же ей доймутъ!

— Эхма! сказали низенькій плѣшивый старикъ, хранившій до сихъ поръ молчаніе и съ наклоненной головой прислушивавшійся къ общему говору: — неча горло-то драть: кирѣвцы, такіе сякіе кирѣвцы! А што кирѣвцы? Стало у нихъ, у кирѣвцевъ-то, усердствіе ко храму божію есть, а безъ усердствія што сдѣлаешь? Ничего не сдѣлаешь! плеваго дѣла, — и то не сдѣлаешь. Да! И старикъ ударилъ кулакомъ по столу и вопросительно посмотрѣлъ въ глаза своимъ землякамъ.

— Пожалѣй кулакъ-то, дядя Климъ! раздался голосъ изъ угла избы: — а то, неровенъ часъ, муслаки пособьешь.

— Ну-ну, зубастъ больно!

— Горюстай у насъ всегда озорничаетъ. Охъ, побить бы тебѣ хфорсъ-то надоть! погоди!..

— Тп-пп-рр-ру!..

— Нечего тп-пп-рр-кать!

— Горюстай у насъ старый трунило, сказали дядя Климъ. — Да вѣдь мы сюда не балы пришла точить, не шуточки шутить. Такъ ли, братцы?

— Какъ есть.

— Да, Климъ Миколаичъ.

— Пѣтра, а Пѣтра! Колько пудовъ въ кирѣвскомъ колоколь-то?

— А я почему знаю.

— Да вѣдь ты смотрѣлъ.

— Ну, смотрѣлъ. Штожь?

— А еще грамотный называешься! Вѣдь тамъ написано?

— Сорокъ два пуда, сорокъ два пуда, братцы! Извозники сказывали.

— Ничего, колоколь стало хоть куда!

— Во што, братцы! заговорилъ опять дядя Климъ: — сказать ли вамъ всю правду матку? А, сказать штоли?

- Говори, говори, раздалось со всѣхъ сторонъ.
- Правда, какая она ни наестъ, все шъ лучше.
- Извѣстно, правда...
- Мало, братъ, нонѣ правды-то на свѣтѣ.
- Ну, затарабарили! замолчите!

Дядя Климъ заговорилъ :

— Какъ раскинешь, братцы, умомъ-разумомъ, да придешь въ чувствіе (говоръ затихъ; мужики стали подвигаться ближе къ дядѣ Климу; нѣкоторые перешоптывались, другіе перемигивались. «Вотъ краснойбай-то! сказалъ одинъ мужикъ другому, толкая его подъ бокъ рукою: — все бы слухать! Таланъ значитъ у дядя Клима. Богъ далъ ему, все одно какъ соловью»), анъ и выходитъ, что мы, верзилловцы, сами на срамоту идемъ. У всѣхъ мы на почетѣ (въ харчевнѣ стало такъ тихо, что слышно было чирканье запечнаго сверчка)... Суѣди говорить, что верзилловцы народъ чистякъ, шагалаютъ въ сапогахъ, кушаками подпоясываются. И взаправду, народъ у насъ додѣльный; всякимъ художествомъ промышляетъ: кто плотникъ, кто каменщикъ, кто по малярной части ходитъ, а Петръ Кузьмичъ и купечествомъ занимается...

- На тысячу рублей оборотецъ имѣеть.
- Ночеваль ты штоль у него въ мошнѣ-то?
- Самъ, братъ, хвалился.

— Ну; какъ жное-лѣто,—продолжалъ дядя Климъ,—рѣдкой парень двухъ сотъ не заработаетъ. А зимой? Въ иномъ мѣстѣ мужики валяются по запечью, да мнутъ горбы плетухами; а у насъ статья другая. Мать сыра земля рудицы народила. И какая она ни наестъ тамъ руда, хоть и желѣзная, а скотинку кормить и самой христіанской душѣ хлѣбъ соль предоставляетъ...

- Правда, правда! супротивъ нашего села-то поискать...
- Всѣ угоды есть!
- Первой сортъ село!
- Што и говорить!

— Вотъ што, заключилъ дядя Климъ: — такъ значитъ грѣшно намъ Бога-то не помнить; а мы, какъ есть выходитъ, Господа-то позабыли. До сей-то поры матушку-колокольню сиротинной оставляемъ.

- Правда, правда! послышалось со всѣхъ сторонъ. Рѣчи

дяди Клима растрөгали мужиковъ. Въ харчевнѣ поднялся общій говоръ. Только трудно было разобрать, что говорили.

— Только какъ же, Климъ Николаичъ, заговорилъ-было кто-то, возвысивъ голосъ, — неужто?..

Распахнулась дверь. Въ харчевню ворвался кузнецъ Терентій, съ любимую своею пѣсенкой:

А и гдѣжь это видано,
А и гдѣжь это слыхано,
Чтобы курочка бычка родила,
Поросеночекъ яичко снесъ?..

— Сторонись! закричалъ кузнецъ, и пустился въ присядку. Въ углу кто то сталъ наигрывать на гармонику: «какъ у нашихъ у воротъ»...

— Ха-ха! курочка бычка родила!

— Ха-ха! поросеночекъ яичко снесъ...

— Вотъ такъ гусь!

— Задай, задай...

— Вотъ да Тереха, вотъ да чудесникъ!

— Шевельни, шевельни!..

— Што это за безобразіе, братцы мои, сказалъ дядя Климъ.

— Вотъ чортъ-то навернулся! сказалъ другой старикъ.

Кузнецъ обидѣлся этими словами и пересталъ плясать. Ставъ въ боевую позицію, онъ сурово посмотрѣлъ на всѣхъ. Глаза у него были красны. Гармоника перестала играть.

— А! сказалъ онъ: — Тереха чортомъ сталъ, дьяволомъ сдѣлался! А топоръ затупится — Терентій, поточи; сошники испашутся — Терентій, наставь; шворень, ломъ штоли тамъ сломится — Терентій, спали; лошадь захромаетъ — Терентій, полечи! Со всякой малостью къ Терехѣ лѣзете, покою не даете. А теперь Тереха чортомъ сталъ, чортомъ! Эхъ вы! Пропадать бы вамъ безъ кузнеца Терехи-то!

— Даромъ штоли ты дѣлаешь?

— Даромъ штоли? Небось инструмента-то даромъ мнѣ никто не далъ. Ахъ, жаль! Звону-то теперь нѣтъ, а то я бы вамъ показалъ, какая въ колоколахъ музыка-то состоитъ!.. Ну, братцы! сказалъ кузнецъ, немного помолчавъ и болѣе спокойнымъ голосомъ: — не сердчайте, не сердчайте, я человѣкъ смирный, ей же смирный! Смерть трепака задать хочется, по совѣсти говорю. Ну, попляшу да и маршъ!

— Попляши, попляши; славнѣ, братъ, пляшеть!

И Тереха пустился откалывать трепака. Гармонияка снова стала наигрывать «какъ у нашихъ у воротъ».

— Ну, шабашъ, довольно! нелюбо и ненужно, сказалъ кузнецъ, кончивъ пляску.

— Трухни, трухни, ничего!

— Старикамъ-то не по нраву, сказалъ кузнецъ: — а то бы такъ трухнулъ, у-у-ухъ! Гарнѣстай, бери гармонику, на улицу пойдешь, тамъ простору больше, сказалъ кузнецъ.

— Ступай, догонию, послышалось изъ угла.

И кузнецъ, заложивъ руку за ухо, и съ пѣсней:

Чтожъ ты Дуня зауныма,
Призадумавшись сидишь?

вышелъ изъ харчевни.

— Вотъ разгуляй-головка-то! сказалъ дядя Климъ. — Что ни закуесть, все и пропѣесть. Печальный человекъ! прибавилъ онъ.

— Климъ Николаичъ, сказалъ высокій, рыжебородый, худощавой мужикъ: — неужто въ нынѣшнемъ году колоколь-то заводить станемъ?

— Вѣстимо такъ! сказалъ дядя Климъ: — да не слей-ко колоколь, кирѣвцы тогда всѣ глаза тебѣ выцарапаютъ. «Эй вы, богачи! скажутъ: приходите-ка въ Кирѣево звону хорошаго послушать.» Просто проходу, братцы мои, не дадутъ. И то прошлымъ годомъ одинъ пострѣлъ дюжо мене разобидѣлъ. «Дядя Климъ! а дядя Климъ! — говорить: — вы бы повѣсили на колокольню-то хоть кадушку: можетъ зазвонила бы. А то закажите намъ; мы вамъ изъ глины сдѣлаемъ. Все-жъ будетъ позабористѣе вашихъ пискуновъ-то!»

— Да вотъ что, дядя Климъ: нынѣшній годъ не въ ногу намъ будетъ колоколь-то дить. Самъ знаешь, неурожайный.

— Неурожайный! а можетъ оттого-то и неурожайный, что до сей поры звону настоящаго не завели, сказалъ дядя Климъ.

— Какъ только Богъ грѣхамъ еще терпитъ! со вздохомъ сказалъ одинъ мужикъ.

— Заправской звонъ въ селѣ первое дѣло, послышалось въ углу харчевни.

— Не говори, братъ, просто безобразіе! колокольня большу-

щая, страсть глянуть; а колоколы-то просто пискуны; набольшаго-то и вѣтъ.

— Ну такъ-то, братцы, значить этому дѣлу надоть ходъ дать, сказалъ дядя Климъ.

— Безпремѣнно, безпремѣнно, замѣтили мужики.

— Нечего дремать-то.

— Куй желѣзо, пока горячо.

— Завтра же, продолжалъ дядя Климъ, — и скажемъ отцу Петру: «такъ и такъ, батюшка, благослови-моль, сборъ сдѣлать. Колоколъ лить хочемъ.»

— Немѣшало бы, сказалъ старикъ, напомнившій дядѣ Климу о неурожаѣ, — теперь же послать кого-нибудь къ отцу Петру-то. Эдакъ было бы ловчѣе.

— Ладно, ладно!

— Ну, кто пойдетъ?

— Ты сходи, Потапычъ!

— Для чего не сходить? пойду! сказалъ мужикъ средняго роста и среднихъ лѣтъ въ дубленкѣ, и сталъ надѣвать рукавицы: — чтожъ говорить-то? сказалъ онъ остановившись и держа обѣими руками шапку.

— Извѣстно чтó. Скажи: такъ-моль и такъ, батюшка, не извольте больше сумѣваться. Колоколъ на колокольнѣ будетъ, этимъ же годомъ будетъ. Мужики-моль, въ харчевнѣ порѣшили слить безпремѣнно.

— Ладно, сказалъ мужикъ: — все до подлинности выболтаю. И вышелъ изъ харчевни.

— Завтра же, сказалъ дядя Климъ, — и къ бурмистру потянемъ всемъ міромъ, и тамъ ужъ начисто порѣшимъ все дѣло. Такъ-де и такъ — скажемъ — Сава Александрычъ, а намъ безъ большова колокола жить не можно. И значить надо сборъ дѣлать.

— И чтó съ кого придется, сказалъ мужикъ, стоявшій около дяди Клима, — все до подлинности выложи. Хоть корову продавай; а мірскаго дѣла не задерживай.

— Не отставать, не отставать!

— Выходить завтра у бурмистра сходъ будетъ? сказалъ дядя Климъ.

— Пойдемъ, пойдемъ; прямо-таки послѣ обѣда и закачаемъ къ бурмистру.

— Значитъ конецъ всему дѣлу вѣнецъ, скаааъ дядя Климъ. — Теперь у кого мошна не пустая, ради такого случая можетъ и чарочку выпить.

— Да вотъ что, братцы: ктожъ на сходѣ-то рѣчь держать будетъ?

— Ктожъ? Извѣстно дѣло всѣ.

— Всѣмъ миромъ будемъ вопить.

— Такъ-то такъ, а для распорядку хорошо-бы, еслибъ кто зачиналой у насъ былъ, а по немъ бы потянули и всѣ.

— Ну кто-нибудь учнегъ, а ужъ за нимъ тронемъ.

— Нѣтъ ужъ ты, дядя Климъ, съ первова началу подымись; благо у тебя рѣчь-то задорная.

— Вотъ ужъ и не подѣ линію мнѣ эта штука, сказалъ Климъ: — какъ есть не подѣ линію.

— Какъ не подѣ линію? Отчего?

— Да такъ; про это я знаю.

— Эка ты коляной, Климъ Миколаичъ!

— Сказать по откровенности, бурмистъ пожалуй моего ре-зонту и не послушаетъ.

— Отчего?

— Здоры у насъ съ нимъ. По осени онъ маненько свинью мою побилъ на барской свеклѣ. Ну и поздорили.

— Чай позабылъ все?

— Анъ и не позабылъ. Съ той-то поры на меня косыми гля-дять.

— Э, стой, братцы! сказалъ одинъ мужикъ: — Потапыча подговоримъ. Согласится.

— Робокъ люжо мужикъ-то, замѣтилъ другой.

— Ничего! Зато въ кумовьяхъ съ бурмистромъ.

— Ну ладно, ладно.

— Потапыча и Потапыча!

Долго еще въ харчевнѣ шумѣли верзилловцы. Много сивухи было распито ими у харчевника Сидорыча. Много онъ сбывъ въ этотъ вечеръ и солодѣвыхъ пряниковъ и пареныхъ грушъ.

II

На другой день, послѣ обѣда, со всего села потянулись верзилы къ барской конторѣ, стоявшей на горѣ, противъ пруда. Бурмистръ въ это время пилъ чай съ своимъ имсаремъ Никанорычемъ.

— Никанорычъ! сказалъ онъ имсарю, приподнимаясь со стула и продолжая смотрѣть въ окно, на улицу: — посмотри-ка, посмотри-ка: дитва-то, литва-то наша поднялась.

Никанорычъ подошелъ къ окну.

— Э-э-э! сказалъ онъ, покачивая головой: — рать, сила великая выходитъ...

— Штурманы, какъ есть штурманы! замѣтилъ бурмистръ, накрывая чашку.

Настало молчаніе.

— Никанорычъ, сказалъ опять бурмистръ: — знатная у священника наливка. Вѣкъ бы такую пить.

— Ай онъ вчера тебя накатилъ?

— Да, братъ, было около того. Стали мы это смѣту дѣлать то-ись насчетъ колокола-то. А онъ и говорить: "а что, Сава Александрычъ, не мѣшало бы для праздничка. — Чтожъ, говорю, батюшка! если благословите, супротивности не будетъ. Ну и принеси бутылочку; всю одинъ я и выключалъ. Знатная, братъ, наливка. Ихній благочинной все такую употребляетъ.

— Вѣрно вишневка, сказалъ писарь.

— Нѣтъ, братъ, ту я знаю.

— Ну смородиновка.

— И не смородиновка. Это какая-то энтарная. Онъ мнѣ сказывалъ, да позабылъ я. Больно ужъ подгулявши вчера я былъ.

Между тѣмъ глухой говоръ мужиковъ въ мірской избѣ становился все сильнѣе и сильнѣе.

— Ого! сказалъ бурмистръ: — и взаправду рать-сила великая. Слышь, бушуетъ-то, бушуетъ-то!

— Въ горячность стала приходиться, холодно замѣтилъ писарь. — Остепенить надо.

— Сей же часъ сокращу, сказалъ бурмистръ. Расправивъ

свою боролу, она взяла стоявшую въ углу тоненькую шалочку и пошолъ къ мужикамъ на сходку.

— Пришолъ, пришолъ! бурмисть, бурмисть! провеслось шопотомъ между мужиками, когда бурмистръ показался на порогѣ избы.

Бурмистръ и мужики обмѣнялись привѣтствіями.

— Чтѣ новинькаго скажете, братцы? спросилъ бурмистръ.

Мужики молчали и начали переглядываться, какъ бы говоря глазами: «ну-ну, братцы, чтожъ мы молчимъ?»

— Чай что-нибудь замыслили эдакое? снова спросилъ бурмистръ, вызывая рать-силу великую на словесное объясненіе.

Словеснаго объясненія опять не послѣдовало. Мужики стали озираться кругомъ, ища кого-то глазами. Два мужика среднихъ лѣтъ начали толкать стоявшаго рядомъ съ ними сѣдого старика. «Потапычъ, а Потапычъ! шептали они ему:— да ну же, зачинай! слышь, пора. Расшевеливайся!» Мужики устремили глаза свои на Потапыча и стали ободрительно ему подмаргивать.

— Мы къ вашей милости, Сава Александрычъ, началъ запинаясь Потапычъ: — пришли по доброму дѣлу.

— По доброму дѣлу, по доброму дѣлу, подхватили мужики.

— Настоящее дѣло, по доброму.

— Извѣстно, по худому бъ не пошли.

— Доброму дѣлу, заговорилъ бурмистръ съ разстановкой: — оказать послугу могимъ... всякой разъ могимъ... Въ эфтомъ вы не сумѣвайтесь. Па то значить и начальство заведено... Сами знаете.— При каждой фразѣ бурмистръ покачивалъ слегка своей головой, какъ бы въ знакъ утвержденія своихъ мыслей.

Потапычъ ободрился. Мужики стали смотрѣть веселѣе.

— Мы, прямо сказать, Сава Александрычъ, пришли къ вашей милости перемолвить насшотъ колокола, сказалъ Потапычъ.

— Да, да; насшотъ колокола, насшотъ колокола, подхватила мужики.

— Извѣстное дѣло насшотъ колокола, а то зачѣмъ же?

— Давно, давно пора!

— Заправской звонъ въ селѣ первое дѣло! стрѣлнулъ кто-то изъ угла.

— Вотъ люблю такъ люблю за ухватку! сказалъ бурмистръ, знавшій напередъ зачѣмъ собрались къ нему верзилышцы. — Зна-

чить верзилевскій міръ порѣшилъ большой колоколъ слить? Доброе дѣло, доброе!

— Порѣшили, порѣшили! зашумѣли мужики.

— Вчера въ харчевнѣ порѣшили у Сидорыча. Магарычъ пилъ. И Тереха тамъ плясалъ, сказалъ маленькой мужичекъ Сидорюшка.

— Дуракъ! молчи. Чего ты болтаешь! сказали ему.

— Что, вру чтоли? сказалъ Сидорюшка. — Горностай на гармоніи игралъ, прибавилъ онъ.

Бурмистръ засмѣялся. Мужики тоже засмѣялись.

— Какъ онъ сюды попалъ? спросилъ бурмистръ. — Вѣдь онъ прежде никогда на сходъ не ходилъ?

— Приполъ, говорить: «обогрѣйте, братцы, померзаю». А бороденка-то у него такъ снѣгомъ вся и взялася. Ну и пустили; думали, что смиренъ будетъ. Анъ, вишь, корявый взбунтовался.

Бурмистръ опять засмѣялся.

— Не троньте, не троньте его, сказалъ онъ мужикамъ. — На каждое село по закону должно быть по дураку. А у насъ еще не настоящій.

— Ну какъ же съ колоколомъ-то быть?

— Дѣло ясное: слить надоть, сказалъ одинъ мужикъ.

— Безпремѣнно, безпремѣнно. Въ этомъ же году. Да, да! послышалось съ разныхъ сторонъ.

— Ужь больно зазорно, Сава Александрычъ, заговорилъ опять Потапычъ. — Только слава, что колокольня большая, а звону-то настоящаго до сей поры нѣтути. Всю зиму къ заутреніи полянцы-то по пѣтухамъ ходятъ. Ну грѣшнымъ дѣломъ и запоздають. И выходятъ съ этимъ звономъ только грѣхи тяжкіе.

Потапычъ замолчалъ. За нимъ поднялись другіе мужики.

— Э, Потапычъ! всѣмъ плохо! Таперича, если буря какая, ая сиверка, тожъ и въ Верзиловѣ-то, не прогнѣвайся, звуку не дожدهшься.

— Да, да. У дяди Митяя такъ и сгорѣла рига; никто не тушилъ. Вѣтрено въ тѣ поры было.

— Опять таки у насъ проѣздъ большой. Страмъ! Колокольня большая, всякъ видитъ.

— Ладно, ладно, сказалъ бурмистръ. — Я и самъ радъ пособить эфтому дѣлу. Чувствіе тоже имѣемъ.

— Не обиздоль, не обиздоль, Сава Ликсандрычъ, взмолились мужики. — Во вѣки вѣчные будемъ Бога молить за вашу милость.

— Только во что, братцы, сказалъ бурмистръ: — колоколъ долженъ быть какъ-есть на славу? Вѣдь такъ?

— Да, да, на славу.

— Примѣрно пудовъ въ пятьдесятъ? сказалъ бурмистръ.

— Въ пятьдесятъ, въ пятьдесятъ, а то и болѣ.

— Чтобъ безпремѣнно былъ похлеще кирѣевского. Мы имъ лапотникамъ глотку-то заткнемъ. А то ужъ больно носъ задрали.

— Вчера Михвѣдъ изъ Кирѣева возъ повалилъ. Горшки всѣ побились. Черепѣ подобрать надоть, сказалъ Сидорушка. Но его слова остались безъ отвѣта.

— Мы вчера, сказалъ бурмистръ, — съ отцомъ Петромъ перемолвили о колоколѣ-то, и смѣту доподлинную сдѣлали. Такъ вотъ что, прислушайте.

Т-ш-ш-ш, пш-ш-ш-ш...!

— Чтобъ колоколъ значить настоящій былъ, сказалъ бурмистръ: — нужно съ каждой души положить по два рубли, такъ будетъ настоящій колоколъ. Такъ мы съ отцомъ Петромъ порѣшили. Слышите: по два рубли асигнаціями! сказалъ бурмистръ, повысивъ голосъ.

— По два рубли-и-и! послышалось въ разныхъ мѣстахъ.

— Шлею отецъ купилъ у Макара за два рубли. Дегтемъ вымазана. На чалаго мерина надѣвалъ: брыкается, проговорилъ Сидорушка.

Мужики усмѣхнулись. Начались переговоры.

— Э, малой! думалъ по четвертаку съ души, болѣ не обойдется: анъ вонъ куда дѣло-то поперло.

— Пять душъ — стало десять рублей. А родится мальчикъ, а всѣ двѣнадцать. Деньги!..

— Да, братъ, денежки, у-у-у!

— Ну, замѣсили кашу, не расхлебать. Что-то будетъ?..

— Прямая каша!

— Ты, Тимофей, ногу отдалъ. Лѣшай!

— Не ругайся!

— По два рубли не дадимъ, ей же богу не дадимъ.

— А коли нельзя?

Т. VI. — Ота I.

— Дай-ка, Тимофей, понюхать табачку: важныя дѣла рѣшаются.

— Отчего нельзя? Деньги наши. Приневолить никто не можетъ.

— Эхъ, вы срамники, срамники! Въ харчевнѣ-то задорились, а тутъ назадъ ракомъ.

— Поѣдешь ракомъ. Вишь таксу какую заломили. Бога не боятся.

— Ну-ну, братцы, не отставать, не отставать!

— Вотъ страмъ-то будетъ!

— Какъ-нибудь попатужимся. Не родили пасъ эти деньги-то.

— Извѣстно, деньги дѣло наживное.

Бурмистръ долго молчалъ, чтобы дать волю мужикамъ хоть пенько одуматься.

— Ну что, братцы, сказалъ онъ наконецъ: — согласны чтоли по два рубли-то? Согласны чтоль?

— Какъ не согласны! извѣстно согласны, крикнули нѣсколько мужиковъ. Многие между тѣмъ молчали.

— Чтожъ вы-то молчите? сказалъ бурмистръ, кивнувъ указательно головой на нѣкоторыхъ мужиковъ. — Ну ты, Петръ, сказалъ онъ, указывая рукой на высокаго черноватаго мужика, прислонившагося къ стѣнѣ: — чего приунылъ-то?

— Эхъ, Сава Ликсандрычъ, сказалъ Петръ: — неужто и по полтинкѣ сбавить не можно? Полтора рублика право дозволено.

— Чудные вы братцы, сказалъ бурмистръ: — вѣдь колоколь-то больно нехворсистъ будетъ. Чтожъ страмиться-то? Вѣдь вся обапаль узнаетъ.

— Коли такъ, все согласны! сказалъ Петръ.

— Согласны, согласны, все согласны! заговорили мужики.

— Какъ-нибудь пособиемся, сказалъ кто-то.

— Какъ души-то считать будемъ, Сава Ликсандрычъ? сказалъ высокой, черной, горбоносый мужикъ съ плутовскими глазами. — Способнѣй бы по ревизіи. Заварошки бы такой не было!

— Стой, стой братцы! по ревизіи не считать.

— Я это къ примѣру говорю. Савѣ Ликсандрычу хлопотъ поменѣ будетъ.

— Анъ и лгешь, Михвѣдъ, свою пользу блюдешь.

— Какую пользу, а? Говори, какую пользу?

— Да и насъ не объѣдешь: не махонькіе, смекаемъ.

— Ты во что мнѣ скажи: какую пользу?

— А то, что у тебя ревизская душа какъ—есть одна. Знаемъ мы, когда ревизія—то была. А теперь ты самъ—четверть. Ну и подавай денежки, восемь рублей.

— Держи!..

— Что держи? А то я тебѣ стану платить за своихъ ребятокъ, что померли? Нѣтъ, погоди! Богъ, взявъ, значить на томъ и повинности не должно быть.

— Да, да, нужно и спокой дать душѣ христіанской.

— Да, сказалъ бурмистръ. — Дѣло ясное. Платить деньги съ живой души. А кто померъ, тотъ значить и звону нашего не будетъ слышать. Ну значить его отъ платы безпремѣнно ослобонять надо.

— Спору нѣтъ, слобонить надо.

— Слобонить, слобонить, безпремѣнно слобонить.

— Сава Ликсандрычъ! а съ дѣвокъ платы не полагается?

— Нѣтъ, отвѣчалъ бурмистръ.

— Ладно!

— И бабѣ тоже невзачетъ?

— Да, и бабы. Нешто сама какая поусердствуетъ, — другое дѣло, сказалъ бурмистръ.

— Поусердствуютъ! Коли и заведется какая копѣйка, на правикахъ скорѣй пролопаютъ. Знаемъ!..

— Недаромъ баба за душу не считается.

— Баба, она и есть баба. И говорить—то о ней не слѣдъ.

Прислонившись къ столу, разговаривали два мужика. Одинъ, средняго роста, рябой, кудреватый; другой высокій, рыжий.

— Ты во что возьми, кумъ, говорилъ первый, ударяя по рукѣ другого: — таперича у меня четыре мальчишка, малъ мала меньше. Да. И выходить десять рублей долженъ доставить. А за что? Чѣмъ я тутъ причиненъ?

— Какъ за что? Вѣдь ребята твои?

— Извѣстно мои. Отъ этого не отопрусь.

— Ну такъ чтожь?

— Э, ты меня сбиль! Постой! Возьмемъ съ другого конца.

Таперича Тимоха—длинной: на немъ одна душа; да, одна. Были ребятишки, да померли.

— Да, померли.

— Ну видишь, померли. Таперъ, смотри; у него взносу будетъ два рубли...

— Два, два.

— И это называется правда? сказалъ кудрявой: — Тимоху сравнивали съ малымъ ребенкомъ! Вѣдь Тимоха—то, кумъ, добудеть въ годъ болѣ моего. А какая семья? Самъ да жена. А тутъ дитва, а десять рублей подай. Порядки это, а?

— Какъ же съ этимъ быть—то? Вѣдь души—то вонъ изъ ряду не выкинешь.

— Для—ча выкидывать! Душа, она и есть душа. А платить за нее не слѣдъ: потому ненастоящая.

— Какъ не настоящая?

— Да такъ. Съ этой душой одинъ только изъянъ, больше ничего. Да что тутъ толковать! постой я бурмистру скажу.

— Сава Ликсандрычъ! сказалъ онъ: — если ужъ говорить правду, такъ дочиста всю, чтобъ послѣ здоровъ никакихъ не было.

— Хорошо, говори, говори! сказалъ бурмистръ.

— Самъ посуди, Сава Ликсандрычъ: по какую статью мой Петрунька пойдетъ въ ровню съ Тимохвѣемъ—длиннымъ, а?

— Что я тебѣ тамъ помѣшалъ? сказалъ высокий, рябой мужикъ.

— Я это къ примѣру говорю; не гнѣвись. Вѣдь мой Петрунька—то въ люлькѣ копошится, а корма—пойла тоже требуется. А на него и земли не положено.

— Ну чтожъ? спросилъ бурмистръ.

— А то, Сава Ликсандрычъ: большого мужика съ малымъ ребенкомъ ровнять не слѣдъ. Это будетъ какъ—есть по закону.

— Съ вами, я вижу, братцы, сказалъ бурмистръ, — просто не совладать. Всѣ такъ въ розноту и тянете.

— Правду во всякомъ дѣлѣ сыскать можно, сказалъ кто—то.

Послѣ долгихъ споровъ, бурмистръ и мужики положили наконецъ: съ тягла брать на колоколь по рублю серебромъ, а съ малыхъ ребятъ по рублю асигнаціями. Тутъ же рѣшено было съ слѣдующей недѣли и начать сборъ денегъ. Но какъ верзилков-

память ни хотѣлось поскорѣе слить колоколъ, сборъ затянулся до самой осени. Въ октябрѣ, когда собраны были всѣ деньги, бурмистръ собралъ въ контору верзиловскихъ стариковъ.

— Вотъ и слава тебѣ господи! сказалъ бурмистръ, поздоровавшись со стариками: — денежки на колоколъ собраны всѣ доцѣста.

— Ну и слава-богу, Сава Ликсандрычъ, сказали старики.

— Значить теперъ это дѣло и съ плечъ долой, проговорилъ Потапычъ.

— Сядемте-ка, сядемте-ка рядкомъ, да поговоримъ ладкомъ, сказалъ бурмистръ, указывая на лавки.

Старики всѣ размѣстились на двухъ лавкахъ, расположенныхъ треугольникомъ. Бурмистръ взялъ стулъ и помѣстился противъ стариковъ.

— Ну что, спросилъ онъ, — безшабашный Тереха-то сократился?

— Угомонился, угомонился.

— И хорошо сдѣлалъ, замѣтилъ бурмистръ.

— Только, Сава Ликсандрычъ, сказалъ высокій, сухопарый старикъ: — дурь-то у Терехи не совсѣмъ прошла.

— А? А что такое? спросилъ бурмистръ.

— Да старуха сказывала, — все по ночамъ бушуетъ. Спать это, да какъ взбалмашной вдругъ затопаетъ ногами объ стѣну, вопить: «слейте, слейте!» Просто страхъ на всю семью нагвалъ. Ну и дьячка Сидорыча обзываетъ воснѣ-то.

— Вотъ-те разъ! сказалъ бурмистръ. — Значить старая музыка изъ башки-то не повытрелась.

— Должно такъ! Къ лекаркѣ жена-то хотѣла свести его, да какъ онъ ее турнулъ, насили ноги унесла.

— Ну, о Терехѣ не толкъ, сказалъ бурмистръ: — пошалилъ, и будетъ съ него. А теперъ, старички, надо подумать и объ эвтомъ, то-ись кому казну-то довѣрить, въ Москву-то кого послать за колоколомъ? Во что!

— Перво-наперво, сказалъ одинъ старикъ, — чтобы мужикъ былъ грамотный.

— Извѣстно, сказалъ другой: — грамотный обиходише во всякомъ дѣлѣ.

— И смѣту, присовокупилъ бурмистръ, — цыхвиремъ сдѣлаеть, и какую надо запись самъ произведеть. Это такъ.

— Второе дѣло, заговорилъ Потапычъ: — мужикъ должонъ быть не харчистый, чтобъ мірскую копѣйку дарма не заѣдалъ.

— Правда, правда, Потапычъ, подтвердилъ бурмистръ.

— Ну, на эти деньги кто польстится? возразилъ одинъ изъ стариковъ.

— Раздобарывай! сказалъ Потапычъ. — А не слыхалъ, какъ въ Куличахъ колоколь-то лили?

— Не слыхали, Потапычъ; а что?

— Да тожь, сказалъ старикъ. — Собрали это денегъ, все едино какъ мы. Ну и послали мужика въ Москву за колоколомъ. Мѣсяць ждуть, другой ждуть, третій ждуть; полгода прошло, мужика нѣтъ, и колокола нѣтъ. Наконецъ смотрять: ѣдетъ Семень (мужика-то Семеномъ звали). Ѣдетъ онъ, други мои, на одной лошаденкѣ и самъ посвистываетъ. Подходятъ къ нему это куличане и спрашиваютъ: «Семень! а гдѣжь колоколь-то?» А онъ, други мои, колоколь-то, у него подъ рогожей, и самъ на немъ сидитъ. — Вотъ онъ! говорятъ, да и показалъ колоколь-то изъ-подъ рогожи. А колоколь-то маленькій, пудовъ съ пять, не болѣ. «Да нешто такой колоколь-то?» говорятъ Семену куличане. — Колоколъ, говоритъ, братцы, невѣсть какъ вздоржали; просто приступу нѣтъ. — «Какъ!» — Китаецъ, говоритъ, заказалъ колоколовъ-то видимо-невидимо, мильонъ: вѣру христіанскую примать хочеть. — Куличане сперва и повѣрили. А потомъ поразвѣдали, что Семень казну-то по Москвѣ разбусарилъ. А что сдѣлаешь? Батожьями Семена-то отпоштовали, да по селу разъ пятокъ съ колоколомъ-то въ рогожѣ провели. Да то и взяли. И до сей-то поры, говорятъ, колокола настоящаго въ Куличахъ нѣтъ.

— Ай-ай-ай! повторяли старьки, съ напряжоннымъ вниманіемъ слушавшіе эту неслыханную исторію.

— Неужто и взаправду все это было, Потапычъ? спросилъ бурмистръ.

— Эво-на! сказалъ старикъ. — Да я самъ на ту пору въ Куличахъ-то былъ; церковь штукатурили. И собственно самъ видѣлъ, какъ Семена-то въ рогожѣ по селу таскали.

— Чудеса! сказалъ бурмистръ. — У насъ этого не должно быть. Ну кого жъ въ Москву пошлемъ за колоколомъ-то? спросилъ бурмистръ.

— По-моему, сказалъ одинъ старикъ, — Михвѣдъ Першинъ

для такого дѣла всего пригодѣе: мужикъ грамотный, благонадежный, не бусарь какой.

— Да, подтвердилъ другой старикъ, — мужикъ какъ-есть незасорной, съ степенствомъ. Сколько лѣтъ живемъ, обиды отъ него не видали.

— Ну и не молодой, и винцомъ не зашибается, прибавилъ бурмистръ.

— Пивца немного спотребляетъ, но это безопасно, сказала Потапычъ.

— Стало, сказалъ бурмистръ, — съ мамзелями шуры-муры заводитъ не станеть. А то вѣдь и нашъ братъ-мужикъ, какъ довалится до бѣлокаменной, да съ большими деньгами, такого пожалуй оферу пустить, что твой баринъ лихой! Ну чтожь, заключилъ бурмистръ, Михвѣда чтоли?

— Михвѣда, Михвѣда, кормилецъ! кроме Михвѣда кого же? заговорили старики.

— Михвѣда такъ Михвѣда, сказалъ бурмистръ. — Сей же часъ приведемъ сюда и Михвѣда.

Черезъ четверть часа пришолъ въ контору мужикъ огромнаго росту, рябой, съ черной окладистой бородой, съ просѣдью.

— Мы тебѣ, Михвѣдъ Петровичъ, сказалъ бурмистръ, обращаясь къ великану, — присудили вѣхать въ Москву за колоколомъ. Согласенъ? И денежки получишь двѣ тысячи рублей.

— Супротивъ міра пойти не можемъ, сказалъ Михвѣдъ. — Только боязно, Сава Ликсандрычъ.

— Отчего? спросилъ бурмистръ.

— Денегъ-то дюжо много, отвѣчалъ Михвѣдъ. — Отродясь только не видывалъ. Ну какой грѣхъ? — просто пропадешь!

— Ничего, сказалъ бурмистръ, — Богъ милостивъ.

— Всѣ подѣ Богомъ ходимъ, сказалъ Потапычъ.

— Да ты, Михвѣдъ, продолжалъ онъ, — и виду не давай, что въ Москву за колоколомъ снаряжонъ. А говори, что по общацію къ угоднику божію идешь. Эдакъ безопаснѣй.

— Этому насъ не стать учить, сказалъ Михвѣдъ. — То-ись такъ прикинемся, и милостыньку Христа-ради попросить можемъ.

— Во, во, сказалъ Потапычъ: — такъ и лепортуй. Важно будетъ!

— Тридцать рублей тебѣ на дорогу отсчитаемъ, сказалъ бурмистръ. — Остальные зашьемъ подѣ подопку.

— Подъ подоплеку опасливо, сказалъ одинъ старикъ.

— Что за опасливо? спросилъ бурмистръ.

— Асигнаціи подопрѣть могутъ. А другое дѣло — лихіе люди вырѣзать могутъ: всякъ знаетъ, что мужикъ большую казну подъ подоплекой прячетъ.

— Ну въ машну, да на крестъ нацѣпимъ.

— И на крестъ не надоть, сказалъ тотъ же старикъ.

— Чудной ты право, сказалъ бурмистръ. — Ну куда же?

— Куда? А во куда: въ голенишу зашить.

— Такъ, такъ, подтвердили старики.

— Въ голенишу, въ голенишу! повторялъ хохоча бурмистръ. — Хитро, а штука знатная. Никому и въ носъ не клюнется, что у Михвѣда-то въ голенишѣ двѣ тысячи рублей! Вотъ такъ старикъ!

Михвѣдъ тоже смѣялся.

— А ну если, сказалъ онъ: — сапоги уворуютъ, а либо грѣшнымъ дѣломъ обмишуришься, да чужіе сапоги подабуешь? Гдѣ денегъ-то искать? вѣдь пропадутъ!

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ старикъ, предложившій зашить деньги въ голенище: — не снимать сапогъ ни днемъ, ни ночью; а буде ноги ознобишь, сапогъ клади въ изголовье.

— Смѣяться будутъ, сказалъ Михвѣдъ усмѣхаясь.

— Дѣло странное, сказать могишь. Все это молъ для спасенія души дѣлаю.

— Ладно, ладно, сказалъ Михвѣдъ: — будь по вашему. А какой если грѣхъ выдетъ, — сапоги чтоль тамъ украдутъ... чтобъ моей вины не было.

— Ничего, сказалъ бурмистръ. — Богъ не безъ милости!

— Такъ-то, Михвѣдъ Петровичъ, сказалъ бурмистръ. — Въ четвергъ поѣдутъ изъ Тимофеева мужики въ Москву за леба-стромъ. Это мы до подлинности развѣдали. А въ среду мы тебѣ подцѣпимъ сумку, да и пойдешь съ Богомъ. На дорогѣ-то подстань къ тимоеѣвцамъ, да и принайми ихъ до Москвы.

Старики стали дѣлать Михвѣду наставленія.

— На дорогѣ-то, Михвѣдъ, сказалъ одинъ, — держи ухо-то востро.

— Безпремѣнно печалуйся, прибавилъ другой. — Такъ-де и такъ, говори, не чаю какъ до угодника божія догратъся, —

исхарчился. Помогите—моль, добрые люди, горемычному страннику.

Михвѣдъ все стоялъ съ поникшей головой и слушалъ.

— А въ Москву-то какъ прїѣдешь, началъ третій: — перво-наперво отыщи на Лубянкѣ жильѣ Оомы Кузьмича. Землякъ, братъ. Въѣстъ землю пахали. Да откупился на волю, въ купцы вышелъ. А разбогатѣлъ — у-у-у какъ. Тамъ тебѣ можетъ и хватера будетъ. На колоколъ можетъ своихъ присмолить. Въдъ риза-то на вешнемъ Николѣ отъ егo усердія, да.

— Отышу, отышу, сказалъ Михвѣдъ, продолжая стоять съ поникшей головой.

— Да ты, Сава Ликсандрычъ, сказалъ четвертый: — дай грамотку Михвѣду, чтобъ то-ись онъ намъ счетецъ предоставилъ. Для вѣрности немѣшаетъ.

— Ладно, ладно, сказалъ бурмистръ: — все сдѣлаемъ по надлежащему. А теперь, старички, продолжалъ онъ, — вы пойдете домой, а мы съ Михвѣдомъ Петровичемъ — къ отцу Петру. Тамъ съ причетомъ и съ ктитормъ посчитаемъ деньги, да и зашьемъ въ голенишу.

— Сапоги-то у тебя одни? спросилъ онъ вдругъ Михвѣда.

— А то сколькожъ? отвѣчалъ Михвѣдъ: — извѣстно одни.

— Эти самые?

— Да.

Бурмистръ нагнулся и началъ щупать михвѣдовы сапоги.

— Кажется вынесутъ, сказалъ онъ: — новыхъ шить не надо.

Въ среду вечеромъ Михвѣдъ выбрался изъ Верзилова съ кожаной котомкой за плечами, и съ двумя тысячами, зашитыми въ голенище. Погода стояла невеселая. Небо было пасмурно. Моросилъ дождь, завывалъ вѣтеръ, сыпались съ деревъ листья. На другой день утромъ проѣхали черезъ Верзилово и тимофеевцы. Верзиловцы, какъ ни крѣпко надѣялись на Михвѣда, но мысль о Михвѣдѣ ихъ не покидала. Они безпокоились; ихъ разумье брало. «Дорога дальняя, говорили, всяко можетъ случиться.» Но вотъ черезъ три недѣли бурмистръ получаетъ отъ Михвѣда письмо, и всѣ верзиловцы поуспокоились, повеселѣли.

«Вашему степенству, Сава Ликсандрычъ—писалъ Михвѣдъ—желаемъ много лѣтъ здравствовать.»

«Перво-наперво скажу вашей милости, что Михвѣдъ Петровъ

догребался до Москвы въ добромъ здоровіи и всяческомъ благополучіи. Извелъ я на дорогѣ на харчъ и разную потребу всего-навсего девятнадцать рублей съ четвертакомъ. Да пяталтыникъ заплатилъ за молебень матушкѣ иверской божьей матери; да гривенникъ на сапогъ пошолъ: у самомъ какъ-есть носъ подпоролся. Достальные деньги всѣ цѣлы, хоть сейчасъ показывать можемъ. Москва городъ знатный. Отродясь такого не видавалъ. Хванарей только, что и сказать не можно. Улицъ не пересчитать. Дома огромные, и все крыты больше подъ желѣзо, а есть и подъ тесницю небольшія хоромины. Церквей видимо-невидимо, и все такія нарядныя, а есть и поменѣ нашей. Какъ забалабонять это въ праздникъ, просто по Москвѣ-то стоишь стоишь; все бы слушалъ да дивовался. И такъ любо, какъ-будто на самомъ небеси стоишь. Былъ я и у царя-колокола. Ухъ какъ великъ, родимой: съ нашу часовню будетъ. Еслибы его да въ наше Верзилово, просто на пятнадцать версть звону бы не обобрался; всю бы животину распужалъ, и малымъ ребятамъ большую острастку задалъ. А жительство я имѣю на Лубянкѣ, у благодѣтеля Оома Кузьмича. Обшолся со мной какъ родной и хватуру отвелъ съ прикасшиками. А житье мнѣ здѣсь повадное. Каживый день раза два надъ чаями потѣшаемся, писша знатная. А въ праздникъ и шеничный пирогъ, и жбунтикъ бываетъ. Окромѣ того Оома Кузьмичъ сивною суконную чуйку мнѣ пожаловалъ, да картузь плюсовой. Экой благодѣтель право. Онъ и о колоколѣ взялся хлопотать. Я, говоритъ, своихъ тысячъ не пожалѣю, чтобъ то-ись въ моемъ родномъ Верзиловѣ звонъ настоящий былъ. Ходилъ я и къ нашему барину, Михайлу Владимірычу. Одну асигнацію пожаловалъ на колоколъ.

«Впредь уповаю на Бога. Оома Кузьмичъ и я кланяемся всѣмъ землякамъ низко.

«Писалъ самъ Михвѣдъ Петровъ Першинъ.»

Былъ невеселый декабрьскій вечеръ въ Верзиловѣ. По небу носились разодраныя тучи. Мѣсяцъ то посвѣтитъ, то спрячется. Подъ ногами шумѣла мятелица-ползучка, замаяя дорожки, завивая сугробы. Верзиловскія собаки жалобно выли въ полѣ на шатавшихся голодныхъ волковъ. По селу раздавался уча-

ценный стукъ валька домывавшей на рѣчкѣ бѣлье бабы, да по временамъ то тамъ, то сямъ поскрипывали ворота. По улицамъ бродилъ еще народъ. Шли торопливо кучками рудокопы въ своихъ пожелтѣвшихъ полушубкахъ; протрухнула въ саяхъ шаршавая кляча, съ тремя сѣдоками, защитившимися отъ вѣтра и мятели рогожей. Поперегъ улицъ сновали взадъ и впередъ бабы съ плетухами. Темнѣло больше и больше. Кое-гдѣ по селу замелькала въ окнахъ огонекъ.

Въ это время послышался въ Верзиловѣ звонъ почтоваго колокольчика. «Пошта ѣдетъ! пошта ѣдетъ!» мурлыкали себѣ подъ носъ верзиловцы, не подозревая, что эта почта черезъ какихъ-нибудь десять минутъ подниметъ на ноги все Верзилово.

При самомъ въѣздѣ въ Верзидово почтальону попался на глаза мужикъ съ плетухою, пробиравшійся черезъ дорогу.

— Плетуха, а плетуха! закричалъ почтальонъ: — вѣдь въ ваше село колоколъ везутъ.

— Ой-ли! вскрикнулъ мужикъ.

Плетуха спрыгнула у мужика съ плечъ, а самъ онъ рысью побѣжалъ въ свою хату.

— Пошолъ! закричалъ почтальонъ. И тройка бойко помчалась. Почтальонъ только посмѣивался да подпрыгивалъ на своемъ кожаномъ тюкѣ. «Колоколъ везутъ! колоколъ везутъ!» кричалъ онъ снова направо и налево вслѣдъ попадавшимъ ему на глаза мужикамъ, бабамъ и даже малымъ ребятишкамъ.

— Отецъ дьяконъ! верзиловскій колоколъ везутъ! закричалъ онъ дьякону, сидѣвшему съ дьячихой около колокольни.

Въ Верзиловѣ произошла забавная суматоха. Бабы, дѣвки, накинувъ на одно плечо зипунъ или полушубокъ, зашмыгали черезъ замерзшій прудъ на другую улицу возвѣстить своимъ роднымъ и знакомымъ о колоколѣ. Мальчишки босикомъ отплясывали отъ двора до двора, крича по улицѣ: «колоколъ везутъ! колоколъ везутъ!» Въ каждомъ почти дворѣ слышались плачь и рыданіе оставленныхъ малютокъ. Мужики по улицамъ собирались въ кучки и довольно хладнокровно разговаривали о предстоящемъ прибытіи колокола.

Прежде всего такая кучка появилась на концѣ села, на большой дорогѣ. Ставши въ кружокъ, мужики постукивали сапогами и пошлепывали рукавицами, поджидая колокола.

— Ну братцы, сказалъ одинъ : — колоколъ-то безпремѣнно остановимъ за селомъ , а ? Остановимъ что-ль ?

— Извѣстно задержимъ. По селу на лошадяхъ не везть, это страмъ, замѣтилъ другой.

— Въ Козлецахъ мужики-то не повезли на себѣ колокола-то : на работѣ были, началъ рыжій, коренастый мужикъ въ тулупѣ.

— Ну такъ чтожь ?

— Да тожь, продолжалъ тулупъ :—въ колоколъ-то и двухъ недѣль не позвонили, оборвался. Въ починку, братъ, отдавали. А въ другой разъ козличане умѣе стали,—за пять верстъ встрѣли колоколъ-то, все на себѣ везли.

— Экія весши! замѣтилъ кто-то.

— А вытье-то, началъ опять рассказчикъ , — было слышно на колокольнѣ, пока не повѣсили колокола-то. Какъ придетъ бывало полночь, козличанамъ и слышится, что на колокольнѣ-то кто-то воетъ, таково-то жалобно.

— Кто бы это вылъ, братцы мои ?

— Хвилинь!

— Эхъ ! всѣ-то вы воробы ! сказалъ покачивая головой рассказчикъ.— Душа христіанская выла ! Колоколъ-то лиль одинъ купецъ, на поминъ своей души. Ну онъ и вызванивалъ его душевкку въ рай ; да въ двѣ-то недѣли нешто вызвонилъ ! Колоколъ-то разбился, купецкая-то душа плачемъ горькимъ и заливалась.

— Вѣрно грѣховъ-то люжо много было на купцѣ ? замѣтилъ одинъ.

— Извѣстно; а то сталъ бы онъ лить тебѣ колоколъ, — шалишь ! подтвердилъ другой.

— Что я говорить, сказалъ одинъ изъ мужиковъ — почитай на кажиномъ купцѣ грѣховъ видимо-невидимо. Вѣдь, братъ, во всю-то жизнь клянется онъ да божится, обшитываеъ да отжиливаетъ. И выходитъ, что въ купецкой душѣ-то мѣста живого нѣтъ : вся сплошь грѣшная.

— Дядя Семень ! дядя Семень ! спросилъ молодой парень рассказчика : — а правда, кто колоколъ-то провезетъ на себѣ, пять лѣтъ лихоманка будетъ обходить того человѣка ?

— Ты отъ кого это слышалъ ?

— Бабка Махотка сказывала.

— Знаешь она! сказалъ рассказчикъ: — другое дѣло нутро у тебѣ болить. Потришь маненько пупомъ о колоколъ-то—и будь покоенъ, во вѣки-вѣчные животомъ-то не будешь жаловаться.

— Колоколъ везуть! колоколъ везуть! закричалъ кто-то изъ толпы.

— Ахъ братцы мои! совсѣмъ было проворонили!..

— Ну такъ-то братцы, сказалъ скороговоркой рассказчикъ:— одни направо, другіе налѣво. Правая сторона къ лошадямъ, лѣвая грянетъ на сани, — ну и остановимъ.

Лишь только мужики успѣли раздѣлиться на двѣ стороны, какъ съ гикомъ и свистомъ наѣхали на нихъ съ колоколомъ.

— Т-т-п-п-ру! стой! неворошь! держи коней! закричала правая сторона, а лѣвая вскарабкалась на сани, и отнявъ у извозчиковъ возжи, остановила лошадей.

Два дня простоялъ колоколъ среди дороги. Кто пойдетъ мимо его, остановится, — посмотреть-посмотреть да подойдетъ, потреплетъ его ладонью, а то постучитъ объ него палочкой. И пойдетъ-то, все оглядывается. Кто ни ѣдетъ, воротить въ сторону. И ужъ если не скажетъ, то непременно подумаетъ: «А бравый колоколъ! звонить изрядно будетъ».

На третій день собралось къ колоколу верзиловскихъ мужиковъ многое множество. Пришло нѣсколько и бабъ. Недоставало только полянцевъ, которые почему-то замѣшкались. А морозъ стоялъ страшный, скрипѣлъ подъ ногами, щипалъ за уши, за носы и за щеки, инеемъ покрывалъ мужицкіе зипуны и бороды. Верзиловцы кое-какъ перемогались; пошлепывали рукавицами, постукивали сапогами, обмѣнивались цинками.

Пришолъ наконецъ и самъ бурмистръ въ валеныхъ сапогахъ и въ дульномъ полушубкѣ.

— Эй вы, мамзели! закричалъ онъ: — вы зачѣмъ? и погрозился на бабъ своей палочкой.

— Пробери, пробери ихъ, подхватили мужики.

— По обѣщанію, по обѣщанію, кормилецъ! отвѣчали кланяясь бабы.

— Настрамите только тутъ, сказалъ бурмистръ.

— Небось! потянемъ, изо всей мочи потянемъ, кормилецъ, отвѣчали бабы.

— Потянете, толстыя! сказалъ одинъ изъ мужиковъ.

Мужики начали жаловаться на морозъ.

— Сава Ликсандрычъ , а Сава Ликсандрычъ ! взмолился одинъ : — какъ вашей милости угодно , а намъ полянцевъ ждать не приходится .

— Просто не втерпежь стало , сказалъ другой .

— Ужь люжо-то морозпо , прибавилъ третій , и тутъ же смазалъ по шеѣ рядомъ стоявшаго съ нимъ мужика .

— Вотъ дакъ морозецъ ! вотъ дакъ морозецъ ! побрякивалъ четвертый , пошлепывая рукавицами и выкидывая разныя штуки ногами .

— Да совладаемъ ли мы безъ полянцевъ-то ? спросилъ бурмистръ .

— Ешо бы не совладать ! совладамъ .

— Лихо тронуть только , а тамъ пойдетъ .

— Заоремъ , завопимъ ! Небось ! . .

Староста постучалъ о колоколъ палочкой ; молча , побрякивая полѣзь на сани и сталъ впереди колокола .

— Ну , беритесь же за канаты , закричалъ онъ : — да нажимайте дружнѣй ! Ну-ну ! пошевеливайтесь !

Мужики зашевелились , стали браться за канаты .

— Шапки долой ! закричалъ бурмистръ : — перекреститесь !

Мужики перекрестились .

— Ну теперь завалакивайте , сказалъ онъ отсмаркиваясь . — Какъ-то пойдетъ ? сказалъ онъ про себя , утирая носъ и поглядывая на колоколъ .

Мужики затаили :

— Ой , неиде-е-еть , поиде-е-еть !

Сани заскрипѣли .

— Трогается , трогается ! закричалъ бурмистръ .

— У-у-у-у-у ! загудѣли мужики .

Сани тронулись , загудѣли . Мужики загикали , закричали .

— Пошолъ , пошолъ !

— Шибко пошолъ !

— У-у какъ пошолъ !

— Теперь пойдетъ .

— А слышь , подозья-то ревутъ .

— Словно боровѣ !

— Весело , брать !

— Любо !

— О-го-го-го-о! А-ту-ту-у-у! кричалъ бурмистръ, съ са-ней помахиная палочкой.

— А бравый колоколь!

— Рѣдкострой.

— Вотъ зазвонить-то!

— Павелъ! ногу отдавилъ.

— А ты поспѣшай.

— То-то...

— Марья! кичка-то валится.

— Шапку-то держи!

— У-у, толстая!

— Куда лапу-то тянешь! Хранцузъ!

— Экая... ты!..

Когда совершалось это триумфальное путешествіе колокола, весь остальной верзилковскій людъ, который почему-либо не подпрягъ себя подъ колоколь, а между тѣмъ имѣлъ способность двигать своими ходулями, высыпалъ изъ хатъ на улицу полюбоваться невиданной картиной. Около каждаго двора стояло по кучкѣ народу. Тутъ были дѣвки, бабы, старики и старухи. Одни, смотря на ѣдущій колоколь, улыбались; старики и старухи крестились и благодарили Бога, что сподобилъ ихъ дожить до такой радости. Сзади колокола бѣжали гурьбой деревенскіе ребяташки. Они весело подпрыгивали, звонко смѣялись и вызванивали языкомъ и губами: бомъ, бомъ, бомъ! длонъ, длонъ, длонъ! ти-ли-ли-ли, ти-ли-ли-ли — длонъ! ти-ли-ли-ли — длонъ, длонъ, длонъ!

— Стойте, стойте, стойте! закричало вдругъ нѣсколько голосовъ, когда сани перевалились за кабацкій овражекъ. Мужики остановились, опустили каваты и обернулись лицомъ къ колоколу.

— Чтожъ вы? закричалъ удивленный бурмистръ.

— Вамъ уголье тамъ на саняхъ-то, сказалъ одинъ мужикъ, обратившись къ бурмистру, — а у насъ просто животы подломались.

— Да, да! подтвердили мужики.

— Рубахи ажно мокрыя.

Бурмистръ улыбнулся.

— Ну отдохните, отдохните, сказалъ онъ. — Что съ вами дѣлать. Можетъ и полянцы тѣмъ временемъ подваляютъ.

И бурмистръ, не перемѣняя мѣста, перемѣнилъ свое стоячее положеніе на сидячее, усѣвшись на головашкахъ, лицомъ къ колоколу.

Мужики тоже сдѣлали привалъ. Облѣпили собою трое пустыхъ саней, стоящихъ около сарая, да старую расколовшуюся комягу. Другіе подошли къ бурмистру и присѣли на облучкахъ саней. Иные разбрелись по ближайшимъ дворамъ промачивать водой и квасомъ свои пересохшія горла. Два мужика — одинъ высокой, другой низенькой, потянули по направленію къ кабаку.

— Эй, куда вы? закричали на нихъ мужики, возсѣдавшіе на комягѣ.

— Въ царѣвъ, въ царѣвъ, отвѣчалъ высокой, сдѣлавъ полуоборотъ головой: — магарычекъ съ Петромъ распить надо.

— За кобылу-то?

— Нешто.

— Поскорѣй ворочайтесь!

— Взавертъ по-два, и будемъ наготови, сказалъ высокій, продолжая идти.

— Счастливыцы! замѣтилъ кто-то на комягѣ.

— Да; таперъ косушку-то кажись такъ бы и съ посудиною сожралъ! сказалъ со вздохомъ маленькой красноносый мужикъ и облизнулся.

Прошло довольно времени; мужики продолжали сидѣть на саняхъ, на комягѣ. Собрались и тѣ, которые ходили пить. Но полянцевъ все еще не было.

— Видно полянцевъ-то не дождешься, сказалъ бурмистръ, слѣзая съ головашекъ саней. — Ну, беритесь; нечего дремать-то! продолжалъ онъ, и погладилъ свою широкую бороду.

Сани и комяга опустѣли. Мужики зашумѣли, засуетились и проворно вцѣпились въ канаты. Три раза принимались они затягивать «ой нейдетъ — пойдетъ», но все не брало. Сани стояли какъ вкопанные, хоть бы дрогнули.

— Сава Ликсандрычъ! а Сава Ликсандрычъ! кричали мужики бурмистру: — молитву почитай надъ колоколомъ-то.

— Эхъ, крещенской водицей покропить бы! Пошолъ бы, не премѣнно пошолъ.

— Заартачился значить. Таперъ хоть всю обапаль подавай, ничего не подѣлать.

— Такъ в не пойдетъ?

— Нѣтъ! вздумаетъ, кормилецъ, — пойдетъ. Подождать надоть.

— Посѣки, посѣки его, Сава Ликсандрычъ.

— Первое средство!

— Стойте, стойте, братцы! Полянцы бѣгутъ.

На горѣ противъ самаго кабака показалась большая толпа мужиковъ. Они бѣжали шибко. Махали и руками и шапками, кричали во все горло. Верзиловцы, увидавъ ихъ, покатались со смѣху и начали между собой подтрунивать надъ ними.

— Ишь улегають, ишь улегають!

— А, вороны, вороны!

— Зѣвка дали, сами виноваты.

— А орутъ, орутъ-то — словно турманы!

— Чай ругаются.

— Извѣстно, спасибо не скажутъ.

— Да мы ихъ шапками зашвыряемъ.

— Гдѣ имъ корявымъ съ нами!

Полянцы становились между тѣмъ все ближе и ближе, такъ что можно было разобрать, чѣмъ они стрѣляли въ своихъ противниковъ.

— Ахъ вы страмники, страмники! кричали полянцы, приближаясь къ колоколу и покачивая головами.

— Креста чтоли на васъ нѣтъ!

— Бога совсѣмъ позабыли.

— Безъ насъ святыню-то подняли.

— Совѣсти у васъ нѣтъ.

— Страмъ, просто страмъ. Одного приходу, а словно татаре какіе.

— Ну погодите, приждемъ мы ваш...

— Не козыряться, не козыряться! бойки дюжо! отвѣчали нѣкоторые изъ верзиловцевъ.

Полянцы, подбѣжавъ къ самому колоколу, окружили бурмистра и начали дѣлать ему пѣни.

— И это значить у насъ начальство!

— И это называется правдой!

— Обида, кровная обида!

— Ну-ну-ну! Не серчайте! не серчайте! говорилъ бурмистръ. — Повеземте-ка съ-богомъ по морозцу.

— Такъ и было, повеземъ!

— Нашли дураковъ!

Полянцы бросились къ канатамъ, ухватились, и вмѣсто того чтобы тянуть заодно съ верзиловцами, начали воротить въ сторону. Начались споры и перебранки.

Верзиловцы. Чтò вы, съ ума сошли, лѣшан? — Дурманъ чтоль на васъ нашолъ?

Полянцы. Небось, въ своемъ умѣ. — Всѣмъ міромъ лляе, всѣмъ и повеземъ. — Денегъ—то за меня никто не платилъ. — Тѣлку продагъ, а всѣ на чистоганъ выложили. — Сызнова, сызнова повеземъ! — На старое мѣсто, на старое мѣсто поставить. Знать никого не хотимъ!

Между верзиловцами и полянцами произошла схватка. Верзиловцы отпихивали отъ канатовъ полянцевъ, полянцы верзиловцевъ. Три полянца и два верзиловца копошились уже въ снѣгу.

— Вотъ дакъ баталія! сказалъ бурмистръ, слѣзая съ саней и покачивая головой. — Вотъ я ихъ!..

Бурмистръ улыбаясь началъ бросаться на полянцевъ и замахиваться на нихъ палочкой. Но по глазамъ его видно было, что онъ непрочь и еще назадъ прокатиться съ колоколомъ.

— Вотъ я васъ! вотъ я васъ! кричалъ онъ, бѣгая по толпѣ и махая направо и налево палочкой. — Начальства не слушать! начальства не слушать! Мошенники, интурманы, воители! повторялъ онъ съ притворною строгостью.

— Ты, Сава Ликсандрычъ, хоть насъ убей, заговорили полянцы, — а мы ужъ не уступимъ. Наша сторона правая.

— Чтò съ ними сдѣлаешь! сказалъ бурмистръ, обращаясь къ верзиловцамъ, разводя руками! — повеземте назадъ, Богъ грѣхамъ зачтетъ.

— Пóранцу бы имъ хорошую задать! сказали верзиловцы и начали неохотно братья за канаты.

— Давно бы такъ, сказалъ одинъ полянецъ.

Сани были повернуты. Бурмистръ снова вскарабкался на сани. Полянцы и верзиловцы дружнымъ хоромъ затянули «ой нейдетъ», и съ гикомъ и крикомъ помчали колоколъ назадъ, на удивленіе всему Верзилову. Когда поровнялись они съ кабакомъ, изъ него выскочили два мужика, распивавшіе магарычъ. Спотыкаясь они догнали своихъ товарищей.

— Въ Москву? сказалъ высокою, хватаясь за канать: — ладно! Хоть до Пітеру! храбрости хватить!

Но на обратномъ пути высокога расшатао. Прежде всего у него свалилась шапка.

— Погодите, погодите! кричалъ онъ: — дайте шапку-то поднять.

Поднявъ шапку, онъ порывался бѣжать, но споткнулся и упалъ.

— Подождите, подождите! закричалъ онъ снова: — дайте подняться.

Но колоколъ былъ уже далеко.

— Ну чортъ съ вами! сказалъ онъ, стоя на четверишкахъ: — поѣжайте одни! Проѣзжавшій по дорогѣ мужикъ посадилъ бѣднягу на сани.

— Что съ тобой, Максимъ-товарищъ? закричалъ высокій, когда, поровнявшись съ колоколомъ, увидѣлъ своего сомогарычника, полулежавшаго безъ шапки на сняхъ, сзади колокола.

— Забрусило, забрусило; во какая... Въ ноги шибантъ... Начальству спасибо... Колоколъ караулить поставило... бурлилъ Максимъ. Потомъ затунулъ какую-то пѣсню. Но невидимая для Максима рука пристукнула его изъ-за колокола палочкой. Максимъ замолчалъ и почесалъ себѣ спину.

В. КАТАРЕЦКІЙ

МЫСЛИ

ПО ПОВОДУ СОВРЕМЕННОГО ДВИЖЕНИЯ ВЪ РУССКОМЪ ПЕДАГОГИЧЕСКОМЪ МИРѢ

Успѣшное приложеніе къ дѣлу педагогическихъ теорій и внутреннее достоинство ихъ обуславливаются основательнымъ знаніемъ законовъ исторіи и человѣческой природы. Это сдѣлалось для насъ яснымъ съ того времени, какъ потеряли кредитъ проекты, достоинство которыхъ мѣрилось степенью пріятнаго впечатлѣнія, производимаго ими на воображеніе. Результаты, добытые исторіей, даютъ опору нашей мысли, ставятъ нашъ взглядъ въ правильное отношеніе къ данному вопросу; знаніе сердца человѣческаго вырабатываетъ здоровую мысль, пригодное мнѣніе. Къ сожалѣнію, большая часть того, что явилось въ послѣднее время въ нашей педагогической литературѣ, наилучшимъ образомъ доказываетъ истину эту въ обратномъ отношеніи. По слѣдамъ своихъ ошибокъ, мы дошли только до сознанія дѣйствительно важнаго вспомогательнаго значенія, какое заявляется знаніемъ дѣтской природы при педагогическихъ соображеніяхъ. Наряду со сказаннымъ недостаткомъ нашихъ педагогическихъ теорій, выступаетъ другой важный недостатокъ, совершенно характеристическій. Воспитанные сами подъ влияніемъ характера прожитой нами эпохи, мы и въ область педагогіи вносимъ значительную долю сроднивагося съ нами элемента: личное влияніе отдѣльныхъ личностей въ ущербъ разумно-свободнаго проявленія личностей массовыхъ. Подъ влияніемъ всѣхъ этихъ причинъ относительно народнаго образованія мы пришли къ слѣдующимъ результатамъ. Мы занялись преимущественно изысканіемъ средствъ къ преобразованію наружной стороны нашихъ учебныхъ заведеній и не обратили вниманія на тѣ начала, выработанныя наукою, какія должны лечь въ основаніи создаемаго нами

знанія народнаго образованія. Мы говоримъ здѣсь о преобразованіи административной части училищъ, объ измѣненіяхъ въ составѣ и расположеніи предметовъ, о введеніи новыхъ учебниковъ и оставили совершенно всторонѣ основной вопросъ: какіе именно элементы должны составить характеръ современнаго общаго русскаго воспитанія? Такимъ образомъ мы строимъ знаніе народнаго образованія на рыхлой почвѣ, неимѣющей фундамента, предоставляемъ вѣдшимъ преобразованіямъ совершить внутреннее, неимѣя въ запасѣ положительнаго убѣжденія, — явится ли это послѣднее въ здоровомъ видѣ растенія, выросшаго на родной почвѣ. Исторія и собственный опытъ говорятъ намъ, что только та форма учреждений приноситъ дѣйствительную пользу, которая выработана самими характеромъ народными, только то учрежденіе здорово, въ жилахъ котораго бьетъ народная кровь. А мы, вѣрные характеру собственнаго воспитанія, предоставляемъ *формѣ* вызвать *идею*, а не *идеѣ* форму. Мы могутъ указать на невозможность иного образа дѣйствій вслѣдствіе того обстоятельства, что идея эта не заявила себя, что народъ нашъ остается попрежнему нѣмъ... Такъ, онъ нѣмъ до извѣстной поры, и это самое обстоятельство лучше всего должно бы подорвать въ насъ вѣру въ примѣнимость нашихъ педагогическихъ начертаній, въ сознаніи которыхъ не участвовала мысль народная. Имѣя уже это одно въ виду, мы необходимо придемъ къ обсужденію того вопроса, рѣшеніе котораго должно у насъ лечь въ основаніи всѣхъ педагогическихъ реформъ. Вопросъ этотъ находится въ тѣсной связи съ существующей въ наше время системой воспитанія, и потому обратимся къ самой этой системѣ, прежде нежели представимъ читателямъ результатъ собственныхъ нашихъ размышленій. Для возможно болѣе безпристрастной оцѣнки дѣйствительнаго характера нашего воспитанія, мы не станемъ набирать фактовъ изъ насущной дѣйствительности, а перейдемъ въ область теоріи, къ тѣмъ педагогическимъ соображеніямъ, отраженіемъ которыхъ служить эта дѣйствительность. Вотъ одно изъ этихъ соображеній, которыми питается наша педагогія (1).

1) Воспитатель прежде всего долженъ стремиться къ тому, *чтобы заставить ребенка свыкнуться съ добромъ* (2), дать направленіе его поступкамъ, руководствовать его такъ, чтобы извѣстный образъ дѣйствованія обратился для него въ привычку.

2) Но ребенокъ не всегда готовъ руководствоваться наставленіями

(1) Журналъ «Воспитаніе» 1860 г. № IX, стр. 183.

(2) Слова, представленныя курсивомъ, напечатаны такъ въ самомъ подлинникѣ.

воспитанія. Въ такомъ случаѣ необходимо предотвратить зло посредствомъ благообразныхъ мѣръ.

3) Но когда недостаточно предупредительныхъ мѣръ и когда, съ другой стороны, не удастся внушить ребенку привычку къ добру, въ такомъ случаѣ необходимо прибѣгнуть къ болѣе рѣшительнымъ средствамъ для наведенія воспитанника на путь истины.

4) Когда воспитанникъ намѣренъ повиноваться даннымъ предписаніямъ и когда въ тоже время недостаточно личного вліянія и авторитета наставника, чтобы внушить ему повиновеніе, въ такомъ случаѣ необходимо прибѣгнуть къ мѣрамъ принудительнымъ.

5) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, для предупрежденія новыхъ проступковъ со стороны ученика уместны *напоминанія, увещанія, угрозы*.

6) Чтобы возможно было дать направленіе нравственности воспитанниковъ, необходимо имѣть постоянный надзоръ за ихъ поведеніемъ, и

7) Весьма полезно также вести журналъ относительно ихъ нравственныхъ недостатковъ и достоинствъ.

Все это, взятое вмѣстѣ, носитъ въ себѣ элементъ ипсизма. Все это, если хотите, можно сколотить въ такую формулу: «волей-неволей, а ты долженъ быть такимъ, какъ указываетъ мнѣ мой собственный разумъ, образованный наукою и опытомъ.» Вотъ въ коренной сущности своей наша система воспитанія, система прямо противоположная идеѣ прогресса и основной цѣли воспитанія. Ошибка въ томъ, что представляя себѣ идею воспитанія, мы забѣгаемъ мыслью впередъ: основательно полагая, что изъ ребенка мы должны сдѣлать достойнаго члена общирной семьи цѣлаго человечества и нашей народной семьи въ частности, мы уже въ собственномъ смыслѣ *дѣлаемъ*, а не *способствуемъ ему только сдѣлаться* такимъ; другими словами, будущее условное принимаемъ въ смыслѣ настоящаго. Отъ этого жертвы нашего воспитанія носятъ такой антипрогрессивный видъ *дѣла рукъ человеческихъ...* Послѣдуемъ дальше.

Организація нашихъ учебныхъ заведеній соответствуетъ характеру системы, родившей ее. Позволено ли будетъ мнѣ сравнить эту организацію съ устройствомъ лечебныхъ заведеній, гдѣ все движется по предписанію врача, въ которыхъ обреченные находятся тамъ не должны имѣть ни собственной свободы, ни воли, ни желаній, или лучше сказать — имѣть всего этого настолько, насколько позволяютъ то предписываемые рецепты. Не горькая ли это наемъшка надъ человеческой природой? Неужели въ самомъ дѣлѣ натура человѣка въ существѣ своемъ такъ зла, что необходимы для нея такіе тиски? Судя по нашимъ учебнымъ заведеніямъ, выходитъ такъ. Поступая въ училище, мальчикъ весь отдается въ распоряженіе своихъ воспитателей. Чтобы не подвергнуться исправитель-

нѣтъ и брань, онъ долженъ отнестись отъ нравъ, дарованныхъ ему самою природою, дѣлать, поступать такъ, какъ ему указываютъ. Общія положительныя дѣйствія воспитанниковъ разъ навсегда и одинаково для всѣхъ опредѣляются «правилами для воспитанниковъ NN. заведенія»; частныя—высказываются въ столь же обязательныхъ наставленіяхъ и приказаніяхъ воспитателей. Для провлєнія собственно индивидуальной жизни, въ воспитательныхъ заведеніяхъ нашихъ отведено самое узкое мѣсто, всегда открытое для глазъ воспитателя. На сей предметъ заведены класные журналы, въ которыхъ рядомъ съ графою «успѣхи» стоитъ графа «поведеніе», куда обыкновенно дурной отмѣткой заносится всякая рѣзкая черта характера воспитанника, выходящая за предѣлы часто весьма узкаго пониманія нравственности воспитателя. Въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ нашихъ существуютъ кромѣ того такъ называемыя «кондуктныя списки», въ которыхъ наибольшее число хорошихъ отмѣтокъ имѣетъ тотъ изъ воспитанниковъ, чье поведеніе наиболее сообразно съ «правилами» заведенія и личными взглядами воспитателей. Такимъ образомъ, покуда ученикъ въ училищѣ, духовно-нравственный міръ для него заключается въ формѣ раскрашенной рамки «правилъ» и въ образѣ извѣстнаго цвѣта мундировъ съ металлическими пуговицами; но прежде чѣмъ этотъ міръ получить для ученика относительное значеніе, онъ уже наитывается его нездоровой атмосферой.

Каковы бы нибыли однакожъ средства, которыми располагаетъ современная система воспитанія, достигаетъ ли она по крайней мѣрѣ своей задачи: «сдѣлать изъ воспитанника достойнаго человека и полезнаго гражданина»? Естественно нѣтъ. Если достоинство человека состоитъ въ сознаніи имъ своего человеческого достоинства и въ гармоническомъ проявленіи всѣхъ силъ его духа, то наша система (говоримъ положительнo) ведетъ почти къ противоположнымъ результатамъ: она или разстроиваетъ эту гармонию, или ослабляетъ силы духа. Увѣримся...

Мы не можемъ сказать напередъ, какую задачу своею жизнью долженъ выполнить извѣстный человекъ; знаемъ только то, что каждый изъ насъ есть индивидуумъ, сложенъ своеобразно, и въ силу этого индивидуальнаго своеобразія, при помощи природныхъ силъ и способностей, какой-нибудь стороной своего бытія долженъ заявить въ міръ свое существованіе. На индивидуальномъ различіи дарованій человѣческихъ, главнымъ образомъ движется прогрессъ. Стремленіе заявить свою индивидуальность является въ человѣкѣ нѣмѣстѣ съ пробужденіемъ его силъ и способностей. Въ этомъ стремленіи выказывается право человека на свободное владѣніе да-

рванными ему отъ природы преимуществами, право жить жизнью человѣка и вмѣстѣ обязательство выполнить чрезъ то свою задачу. Свободное проявленіе индивидуальныхъ свойствъ сообразно съ одновременно развивающимися силами и способностями, благотворно дѣйствуетъ на всѣ силы духа, сводитъ ихъ въ гармонію, даетъ свойственный отпечатокъ каждому поступку человѣка. Мы видѣли, такъ ли организованы наши учебныя заведенія, чтобы снисходительно смотрѣть на участіе природы въ дѣлѣ воспитанія. Въ нихъ, напротивъ, всѣ личности подведены подъ одинъ общій уровень, для всѣхъ одинаково предписаны извѣстные правила дѣятельности... При встрѣчѣ препонъ естественному развитію, въ питомцѣ обнаруживается болѣзненное состояніе, разстройство—или мѣстное, или всего духовнаго организма. Въ первомъ случаѣ воспитанникъ, безсознательно протестуя противъ посягательства на его естественныя права, часто умышленно уклоняется слѣдовать нормальнымъ путемъ, напомивающимъ собою его принудительный путь (на техническомъ языкѣ нашихъ учебныхъ заведеній такіе воспитанники извѣстны подъ названіемъ *упорныхъ*), по невозможности пробиться сквозь преграду его окружающую, сдерживаетъ свои силы, направляющія его дѣятельность въ другія стороны и прививаетъ къ себѣ такія мысли, чувства, правила, которыя часто рѣшительно противорѣчатъ его природнымъ наклонностямъ и конечно не могутъ ему привести въ жизни ничего кромѣ положительнаго вреда. Исторія нашихъ учебныхъ заведеній богата такими примѣрами, и мы съ своей стороны могли бы, еслибы считали это необходимымъ, привести много случаевъ въ подтвержденіе сказаннаго нами.

Во второмъ случаѣ воспитанникъ, слѣдуя неуклонно указаннымъ путемъ, согласуя во всемъ поступки свои съ предписанными правилами, всецѣло подвергаетъ себя всѣмъ тѣмъ дурнымъ вліяніямъ, начало которыхъ лежитъ въ характерѣ нашей системы воспитанія. Мало-помалу онъ утрачиваетъ значительную долю дарованныхъ ему природою преимуществъ, или лучше—сказать—приходить въ состояніе невозможности ими пользоваться. Въ индивидуальномъ развитіи человѣка, всѣ силы его, дѣйствуя совмѣстно, одна другую укрѣпляютъ и сообщаютъ прочность и плодотворность самимъ пріобрѣтеніямъ своимъ; здѣсь же напротивъ, силы эти мертвѣютъ за отсутствіемъ взаимной поддержки, за частымъ бездѣйствіемъ ихъ; тамъ я самъ изъ себя вывожу природныя свои силы по мѣрѣ увеличенія предметовъ, посредственно или непосредственно дѣйствующихъ на меня, уясняю дѣйствительное значеніе этихъ предметовъ, ставлю ихъ въ извѣстное отношеніе, и такимъ образомъ приножу въ движеніе всѣ фибры своей духовной организаціи. Совсѣмъ на-

протѣвъ тому, въ нашихъ воспитательныхъ заведеніяхъ ребенка встрѣчаетъ готовая програма дѣятельности, которой онъ долженъ быть только слѣпымъ исполнителемъ: а для этого требуется съ его стороны одна только память. Для примѣра возьмемъ самый легкій случай. Наставникъ говоритъ напримѣръ воспитаннику, мальчику девяти-десяти лѣтъ: «когда васъ спрашиваютъ о чемъ-либо старшіе, вы должны встать и не глазѣть по сторонамъ», и мальчикъ встаетъ и въ оба глаза глядитъ. Скажите, есть ли въ этомъ внѣшнемъ явленіи внутренняго движенія какой-нибудь смыслъ? Еще труднѣе было бы отыскать его въ другихъ случаяхъ... Тотъ же колоритъ видѣнъ и на дѣйствіяхъ воспитанника въ отношеніи къ приобрѣтенію научныхъ знаній. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и въ другихъ нашихъ журналахъ не разъ повторялась мысль о томъ, какой существенный вредъ оказываетъ на воспитанниковъ нашихъ гимназій многосложность гимназическаго курса. Само собою разумѣется, что ученикъ, вполне сообразующій свои обязанности съ положеніями заведенія, во исполненіе ихъ, по мѣрѣ силъ долженъ нести и этотъ грузъ. При хорошихъ способностяхъ онъ накопляетъ большую массу свѣдѣній, но эти приобрѣтенія, будучи болѣе плодомъ пассивной дѣятельности, не будучи результатомъ самостоятельнаго развитія внутреннихъ побужденій, остаются талантами зарытыми въ землю, и рѣдко бываютъ продуктивны. Все это вырабатывается изъ воспитанника какую-то безличную личность, какихъ такъ много бродитъ по святой Руси, все приводитъ насъ въ положеніе замѣчательное по сходству... съ положеніемъ восточныхъ женщинъ, по поводу неестественнаго состоянія которыхъ Монтескье замѣтилъ, что «умъ у нихъ никогда не сходится съ красою: когда владычествуетъ красота, — умъ еще дремлетъ, а когда является умъ, — красота уже не существуетъ, и то что могло бы произвести взаимное вліяніе ихъ, остается недоступнымъ.»

Перенесемъ теперь вниманіе на самихъ себя, поставимъ вмѣсто утраченной красоты ту свѣжесть силъ, которой намъ недостаетъ, и мы, при нашихъ многостороннихъ знаніяхъ, должны будемъ братски поздороваться съ несчастными дамами востока, участь которыхъ столько разъ служила предметомъ нашихъ искреннихъ сожалѣній.

Въ послѣднее время явилось много статей, въ которыхъ разобраны отдѣльные, рѣзко выдающіеся недостатки нашихъ учебныхъ заведеній, въ самыхъ заведеніяхъ сдѣланы значительныя измѣненія, повидному къ лучшему; но все это, по нашему мнѣнію, ни къ чему существенно хорошему не можетъ повести: покуда въ ходу система, до тѣхъ поръ долженъ дѣйствовать и механизмъ; осла-

бивъ отдѣльныя части механизма, мы только разстроимъ его, ослабивъ нѣсколько вреднаго дѣйствія самой системы.

Переходя теперь къ тѣмъ началамъ, на которыхъ, по нашему мнѣнiю, должно быть построено народное русское воспитанiе, мы должны прежде всего уяснить себѣ цѣль воспитанiя. Если эта цѣль должна состоять въ томъ, чтобы доставить ребенку способъ сдѣлаться достойнымъ человѣкомъ и полезнымъ гражданиномъ, то такими началами нельзя не признать исключительную заботу воспитателей о развитiи въ воспитанникахъ тѣхъ силъ и способностей, которыя составляютъ преимущества собственно человѣческой природы; нельзя напримѣръ не признать началомъ направительнымъ наглядное объясненiе полезнаго и вреднаго дѣйствiя сторонъ окружающаго мiра по отношенiю къ нашему поведенiю... Человѣкъ рождается въ мiръ не для того, чтобы прожить прожитою нами жизнью: «впередъ!» — девизъ нашей общей жизни. Мы приобрѣли извѣстные убѣжденiя, выработали много истинъ, но позади насъ — цѣлое поколѣнiе, для котораго наши убѣжденiя и выработанныя истины должны имѣть значенiе только временное. Скоро наше мѣсто займутъ люди, которыхъ теперь мы видимъ дѣтьми и въ свою очередь понесутъ бремя, возложенное на цѣлое человечество. Но сходя со сцены, мы должны ознакомить юныхъ будущихъ дѣятелей съ ареною, на которой они должны дѣйствовать, показать имъ добытые результаты и, какъ воспитатели собственно, — развить и укрѣпить въ нихъ тѣ силы, которыя служатъ для человѣка главнымъ условiемъ его человѣческой дѣятельности. Развитiю этому мы не иначе служить можемъ, какъ *посредствомъ*. Отсюда возникаетъ необходимость воспитанiя *общественнаго*, какъ самаго естественнаго и совершенно-подходящаго къ будущей дѣятельности и назначенiю воспитанниковъ. Но для того чтобы это воспитанiе имѣло дѣйствительно воспитательное влiянiе, необходимо вопервыхъ уничтожить *юридическое значенiе наставниковъ*, и вовторыхъ, проводя въ сознанiе дѣтей правила дѣятельности, замѣнить форму наставленiй, приказанiй, *формою предостереженiй*.

Коснувшись юридическаго значенiя наставниковъ въ нашихъ училищахъ, мы не станемъ владать по этому поводу въ длинный перечень золъ, какiя оно ведетъ за собою. Скажемъ только то, что значительнымъ количествомъ злоупотребленiй въ административномъ мiрѣ общество наше обязано этому параграфу устава нашихъ училищъ, и въ этомъ кажется нетрудно согласиться. Взятничество между учениками, особенно при существующемъ и въ настоящее время въ нѣкоторыхъ писшихъ училищахъ учрежденiи *адм-*

торость, ябедничество, наушничество, если и можно изгнать изъ нашихъ училищъ, то никакъ не изгоните вы въ ученикахъ стремленія выѣхать на мелочахъ, на низкой угодливости, при извѣстныхъ условіяхъ всегда достигающей своей цѣли, никакъ не изгоните старанія сложить свою вину на другого, лжи, обмана, сколько бы вы ни ратовали противъ того. Но главное зло существующихъ нынѣ отношеній между наставниками и воспитанниками заключается въ преградѣ, какую составляютъ первые для естественнаго разумно-свободнаго развитія своихъ воспитанниковъ. Преграда эта заключается въ основномъ принципѣ нашего воспитанія, такъ характеристично выраженномъ словами: *«Воспитатель прежде всего долженъ стремиться къ тому, чтобы заставить ребенка свыкнуться съ добромъ, руководствовать его такъ, чтобы извѣстный образъ дѣяствованія обратился для него въ привычку»*. На это скажемъ мы, что каждый воспитатель, какъ человекъ, понимаетъ по-своему добро, имѣетъ свой особенный взглядъ на обязательное значеніе тѣхъ или другихъ нравственныхъ правилъ. Педагогическая литература можетъ обобщать взгляды наставниковъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, общество можетъ образовывать ихъ, но ни даже взаимныя усилія педагогической литературы и общества не произведутъ въ достаточномъ количествѣ такихъ наставниковъ, которые бы, будучи что ниняестъ лучшими въ обществѣ, могли бы служить образцами для дѣтей, и своимъ примѣромъ, своею собственною дѣятельностью оправдывали бы на дѣлѣ преподаныя нравственныя правила. А если не такъ, то къ чему же поведутъ и на самомъ дѣлѣ всдутъ наставленія, приказанія наставника, когда въ немъ дитя видитъ или толстаго проповѣдника, говорящаго про воздержаніе, или деспота, пользующагося правомъ сильнаго? Съ другой стороны, управлять нашими дѣйствіями должна непосредственная сила самыхъ началъ нравственныхъ, а не привившаяся привычка къ нимъ, которая ни въ какомъ случаѣ не представитъ вѣрнаго ручательства за прочность самыхъ дѣйствій, основанныхъ на ней, при тѣхъ разнообразныхъ условіяхъ, какія встрѣчаются въ жизни. Система насильственнаго введенія привычки къ добру не вяжется наконецъ ни съ достоинствомъ природы человѣческой, ни съ достоинствомъ самой добродѣтели, не говоря уже о томъ, что нравственное развитіе общества, которому должно служить училище, какъ учрежденіе посредствующее, достигается совсѣмъ иными путями. Мы знаемъ, что каждый человекъ носитъ въ себѣ начала общественной жизни, для которой онъ по самой природѣ своей организованъ. Въ обществѣ мы видимъ немало людей, въ которыхъ эти начала глухо сознаются вслѣдствіе дурнаго направленія природныхъ склонностей, но эти люди сами со-

бою, или лучше сказать — дурнымъ направлениемъ своимъ, служатъ къ упроченію основаній общественнаго порядка: эти основанія, въ которыхъ всегда лежатъ сѣмена идеи добра, находятъ въ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи съ личными нашими поступками и получаютъ большее и большее значеніе по мѣрѣ столкновенія противоположныхъ интересовъ, по мѣрѣ борьбы, возможной только при такомъ несходствѣ личныхъ нашихъ дѣйствій, какое заключается въ самомъ несходствѣ пониманія нашихъ обязанностей по отношенію ихъ къ идеямъ добра или зла, идеямъ, которыя болѣе или менѣе ярко отражаются на всѣхъ нашихъ поступкахъ. Чѣмъ чище мои намѣренія, чѣмъ родственнѣе основанія моихъ дѣйствій съ основаніями общественнаго порядка, тѣмъ сильнѣе самыя дѣйствія, тѣмъ вліятельнѣе становятся они, тѣмъ прочнѣе стало-быть укрѣпляется ими самый составъ общества. Вліяніе таковыхъ дѣйствій, кромѣ живой силы самаго элемента ихъ, объясняется еще и близкимъ къ сердцу каждаго члена общества интересомъ взаимнаго существованія. Стало-быть чѣмъ развитѣе члены общества, тѣмъ совершеннѣе само общество, тѣмъ менѣе предполагается случая для сказанныхъ явленій.

Съ уничтоженіемъ юридическаго значенія наставниковъ, мы раскрываемъ для воспитанниковъ двери совершенно иной жизни, — жизни, въ которой вмѣстѣ съ ощущеніемъ личнаго значенія, должно пробудиться въ воспитанникахъ и движеніе къ самостоятельной дѣятельности, открывающей полный просторъ развитію природныхъ силъ и способностей. Дѣти — *маленькіе люди*, и въ обществѣ ихъ можно подмѣтить виды тѣхъ же началъ, которыя служатъ основаніемъ и вмѣстѣ залогомъ существованія гражданскихъ обществъ. Начала эти скрываются за видимымъ неустройствомъ дѣтскихъ обществъ, за частыми ссорами, къ которымъ такъ склонна дѣтская натура; но эти ссоры вмѣютъ спой смыслъ: въ нихъ раскрываются прирожденные человѣку свойства, которыя выясняются ими; съ тѣмъ вмѣстѣ получаютъ развитіе личныя качества дѣтей. Крикъ ребенка непріятенъ для ушей взрослому человѣку, но по объясненію физиологіи имѣетъ важное значеніе: будемъ ли мы менѣе снисходительны къ той *разногласицѣ*, которую должно ожидать съ уничтоженіемъ въ нашихъ училищахъ существующаго искусственнаго порядка? Общій порядокъ заведенія отъ этого нисколько не пострадаетъ; не умалится также, напротивъ — возвысится, привѣтся на прочныхъ началахъ и то уваженіе, какимъ должны пользоваться наставники въ училищѣ. Дѣйствительные безпорядки предупреждаются отчасти дѣйствіями наставниковъ, отчасти обязательнымъ значеніемъ нравственныхъ правилъ, *кругъ которыхъ уве-*

личивается для воспитанника по мѣрѣ развитія его. Вслѣдствіе того, еслибы кто изъ воспитанниковъ, уже достаточно развитыхъ, позволилъ себѣ какой-нибудь поступокъ несообразный съ приличіемъ или нравственностью, то смотря по свойству этого поступка, онъ получаетъ или выговоръ, или другимъ образомъ наказывается за этотъ поступокъ со стороны наставниковъ, какъ членовъ гражданскаго общества, въ которомъ каждый имѣетъ право и даже обязанность быть защитникомъ общественной нравственности. Такимъ образомъ, тѣ изъ воспитанниковъ, которые по возрасту, дурными поступками своими могли бы дѣйствительно оказывать вредное вліяніе на товарищей, связываются въ этихъ дѣйствіяхъ гораздо прочтѣ всякихъ мѣръ училищнаго кодекса о проступкахъ и наказаніяхъ (*). Что касается до дѣйствій наставниковъ по отношенію къ воспитанникамъ мало развитымъ, то они должны состоять въ предложеніи дѣтямъ извѣстныхъ нравственныхъ правилъ, уроковъ, безъ введенія въ эти предложенія принудительной силы. Станетъ дитя слушать голосъ своего наставника—на каждомъ шагу оно встрѣтитъ доказательства, какъ пригоденъ для него этотъ голосъ; не станетъ — два-три случая съ нимъ самимъ лучше всего познакомятъ его съ невыгодою обратнаго поведенія. Съ другой стороны небольшіе безпорядки, маленькія несправедливости лучше всего познакомятъ дѣтей съ *необходимостью и пользою закона*, авторитетъ котораго такъ мало признается у насъ. Извѣстно, что нигдѣ законъ не пользуется такимъ глубокимъ уваженіемъ какъ въ Англіи: достойно примѣчанія между прочимъ также и то обстоятельство, что нигдѣ школьники не пользуются такою свободою какъ въ этомъ государствѣ. При такихъ условіяхъ устройства нашихъ училищъ, можно смѣло наконецъ ручаться и зато, что выработается тотъ типъ *образованнаго русскаго человека* и гражданина, котораго смѣшно было бы искать при существующей организаціи нашихъ учебныхъ заведеній.

П. КАЗАНСКІЙ

(*) Признавши логичность нашего общаго взгляда, читатель навѣрно согласится съ нашимъ мнѣніемъ и въ томъ отношеніи, что вводить исправительныя мѣры въ среду воспитанниковъ младшаго возраста и предоставлять свободу самоуправленія воспитанникамъ старшаго возраста — есть мѣра ни съ чѣмъ несообразная.

Б Ъ Г Л Ы Й

Ты куда, удамая ты башка ?
Уходи ты къ лѣсу темному пока :
Не сегодня — завтра свяжутъ молодца.
Не ушолъ ли ты отъ матери-отца ?
Не гулялъ ли ты за Волгой въ степи ?
Не сидѣлъ ли ты въ острогѣ на цѣпи ?

«Я сидѣлъ и въ острогѣ на цѣпи,
Я гулялъ и за Волгой въ степи,
Да наскучила мнѣ волюшка моя,
Воля буйная, чужая, не своя.
Съ горя, братцы, изловить себя я далъ —
Изъ острога, братцы, съ радости бѣжалъ.

«Какъ въ острогѣ-то слышалось намъ,
Что про волю-то читають по церквамъ, —
Ужъ откуда сила-силушка взялась :
Цѣпь желѣзная, и та вишь порвалась !
И задумалъ я на родину бѣжать ;
Божья ночка обѣщалась помогать.

«Я бѣжалъ — ногъ не чувалъ подъ собой...
Очутился на сторонущкѣ родной.
Тутъ за рѣчкой моя матушка живетъ,
Не разбойничка, а сына въ гости ждетъ.
Я сначала постучуся у окна —
Выходи, скажу, на улицу жена !

«Ты не спрашивай, въ лицо мнѣ не гляди,
Отъ меня, жена, гостинчика не жди.
Много всякихъ я подарковъ тебѣ несъ,

Да вишь какъ-то по дорогѣ все растресь ;
Я вина не пилъ — съ воды былъ пьянъ,
Были деньги — не зашилъ карманъ.

«Какъ намъ волю-то объявятъ господа,
Я съ воды хмѣленъ не буду никогда ;
Какъ мнѣ землю-то отмѣрятъ на міру, —
Я въ карманѣ-то зашью себѣ дыру,
Буду въ праздники царевъ указъ читать...
Кто же, братцы, меня можетъ забижать?»

Ты куда, удалая ты башка ?
Уходи ты къ лѣсу темному пока.
Хоть родное-то гнѣздо недалеко, —
Ночь-то мѣсячна : признать тебя легко.
Звать тебѣ въ дому хозяиномъ не быть,
По дорогамъ значить велѣно ловить.

Я. ПОЛОНСКІЙ

ПО ПОВОДУ УНИЧТОЖЕНІЯ ОТКУПНОЙ СИСТЕМЫ

И ЗАМѢНЫ ЕЯ АКЦИЗНОЙ

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

III

Теперь сдѣлаемъ очеркъ нашей *новой акцизной системы*, составленной, въ большей или меньшей степени, по лучшимъ иностраннымъ образцамъ этого рода.

Съ 1863 года государственная казна наша будетъ получать доходъ съ питій въ двоякомъ видѣ: 1) акциза съ производимаго количества питій и 2) патентнаго сбора съ заводовъ для приготовленія питей и издѣлій изъ вина и спирта, а также съ заведеній для продажи питей.

Акцизу будутъ подлежать: а) спиртъ и вино, выдѣланные изъ хлѣба, картофеля, свекловицы, свеклосахарныхъ остатковъ и китайскаго проса (сарго); б) волки, выдѣлываемыя изъ виноградныхъ винъ, фруктовъ, сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ и такъ называемыя пейсаховыя; в) приготовляемые въ Россіи портеръ, пиво и медъ; г) брага, приготовляемая на особо-устроенныхъ заводахъ.

Акцизъ съ спирта и вина, а также съ водокъ пейсаховыхъ и выдѣлываемыхъ изъ виноградныхъ винъ, фруктовъ вообще, сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ, назначается, *Положеніемъ о питейномъ сборѣ*, по расчету содержащагося въ нихъ количества безводнаго спирта (алькоголя); акцизъ же съ портера, пива, меда и съ выдѣлываемой на особыхъ заводахъ браги назначается соразмѣрно силѣ и продолжительности дѣйствія заводовъ, на которыхъ приготовляются эти напитки. Акцизъ съ спирта, вина и водокъ

взимается въ казну *по мѣрѣ* ихъ *продажи* (заводчиками торговцамъ); акцизъ же съ заводовъ пиво-и-медоваренныхъ и съ заводовъ для выдѣлки браги вносится, *во время ихъ дѣйствія*, «впередъ».

Патентный сборъ соразмѣривается съ *родомъ заведеній* и *выгодами мѣстности*. Патентный сборъ взимается при выдачѣ патентовъ (лицензій, т. е. разрѣшеній на производство или торговлю) на право производства напитковъ или на право торговли ими.

«*Продажа* оптовая и раздробительная оплаченныхъ акцизомъ *питій* и *издѣлій* изъ нихъ составляетъ предметъ *вольнаго промысла*, и потому ни опредѣленной цѣны, ни нормальной крѣпости «*вапиткамъ*, ни числа мѣстъ *продажи ихъ не назначается*».

Вотъ *сущность*, во не очеркъ нашей будущей акцизной системы. Но неправда ли, читатель, уже и написанныхъ нами строкъ (а мы по возможности придерживались *Положенія о питейномъ сборѣ*) достаточно, — даже болѣе нежели достаточно, чтобъ видѣть, что наша будущая акцизная система далеко не ровня и не чета *откупной*, которая благодаря-бога уже доживаетъ свой вѣкъ, и кончина которой по всей вѣроятности будетъ дѣйствительною смертью, а не летаргическимъ сномъ? Да, между этими системами — цѣлая бездна. Одна изъ нихъ, откупная система, — старая *баба*, жадная ростовщица, для которой всего мало, которая готова овладѣть всѣмъ и каждымъ, — и это даже не съ тѣмъ, чтобъ управлять всѣмъ и каждымъ, а съ тѣмъ, чтобъ самой жить и наживаться, хотя бы насчетъ всего и всѣхъ. Акцизная же система — это *женщина*, хотя и не первой молодости, и красоты далеко не идеальной, но во всякомъ случаѣ такая, которая еще вѣруеть, и не безосновательно, въ жизнь, и которая живетъ и хочетъ жить не только для себя, но и для другихъ. Откупная система — *ростовщикъ*, *жидъ* (мы говоримъ «*жидъ*», а не «еврей»); акцизная — *человѣкъ*.

Но какъ каждый изъ людей уже потому, что онъ *человѣкъ*, — не *идеальнъ* *человѣка*, такъ и *каждая* акцизная система, какъ бы хороша относительно ни была она, тоже не *идеальнъ* *финансовой системы*, и это также уже потому, что она *акцизная* система. Изложеніе сущности *новой русской акцизной* системы подтверждаетъ наши слова; очеркъ всей системы еще болѣе подтвердитъ ихъ.

Для возможно-полнаго достиженія цѣли акцизнаго сбора съ *питій* остается главное управленіе *питейнымъ сборомъ*, принадлежащее министерству финансовъ по департаменту разныхъ податей и сборовъ; мѣстное же завѣдываніе *питейнымъ доходомъ* возложится на *новое учрежденіе*, подъ именемъ *губернскихъ акцизныхъ управле-*

ній (въ губерніяхъ и областяхъ), которымъ будутъ подчинены *окружные акцизные управления* — въ уѣздахъ.

Губернское акцизное управление составятъ: управляющій акцизнымъ сборомъ, его помощникъ и ревизоры; *окружное же акцизное управление* составятъ: надзиратель акцизнаго сбора и его помощники. Обязанности этихъ лицъ подробно изложены въ *Положеніи о питейномъ сборѣ*.

Вотъ три непосредственныя инстанціи нашего будущаго акцизнаго управления — не только питейнымъ сборомъ, а еще и фабрикаціею пива. Къ этимъ тремъ инстанціямъ должно присоединить и *общее наблюденіе* начальниковъ губерній и областей за точнымъ исполненіемъ всѣхъ постановленій *Положенія о питейномъ сборѣ* и за дѣйствіями акцизнаго управления. Понятно, что мѣстное полицейское управленіе также обязано содѣйствовать администраціи въ этомъ отношеніи. Съ цѣлью огражденія интересовъ казны возлагаются *Положеніемъ* обязанности, въ отношеніи къ питейному сбору, и на казенныя палаты, и на уѣздныя казначейства. На первыхъ изъ нихъ возлагается *ревизія* отчетовъ акцизнаго управления и представляемыхъ ими *заводскихъ, подвальныхъ и другихъ книгъ*. Уѣздныя же казначейства обязаны: 1) вести счетъ акцизу, поступающему съ *каждаго* завода; 2) принимать поступающія на уплату акциза суммы и вылавать въ пріемѣ ихъ квитанціи; 3) продавать гербовую бумагу *для патентовъ*; 4) доставлять управляющему акцизнымъ сборомъ *ежемесячныя* вѣдомости о всѣхъ питейныхъ доходахъ; 5) открывать книги о поступленіи питейныхъ доходовъ надзирателю акцизнаго сбора.

Такимъ образомъ очевидно, что министерство финансовъ *контролируетъ* мѣстныя акцизные управления не только *сверху*, но и *сбоку*.

Теперь обратимъ вниманіе на будущія отношенія производителей пива, подлежащихъ акцизу, и самого русскаго винодѣлія, въ обширномъ значеніи этого слова, къ *фиску*, т. е. къ государственной казнѣ и *правиламъ*, которыя предоставляетъ она себѣ *Положеніемъ о питейномъ сборѣ*.

Напитки, подлежащіе оплатѣ акцизомъ, должны приготовляться на *особыхъ* для каждаго заводахъ, которые за немногими исключеніями, должны устраиваться отдѣльно одинъ отъ другого и не имѣть никакой связи какъ между собою, такъ и съ заводами, выдѣляющими изъ спирта и вина другіе высшихъ сортовъ напитки и издѣлія, какъ-то: хлѣбныя водки, лакъ, полптуру и проч.

Винокуреніе можетъ производиться на заводахъ *казенныхъ и частныхъ*; но не всѣ частныя лица имѣютъ право устроить вино-

куренныя заводы: это право предоставляется *Положеніемъ преимущественно*, а въ большей части великороссійскихъ губерній почти исключительно помѣщикамъ, дворянамъ и чиновникамъ. Такая привилегія и такая исключительность значительно впрочемъ парализируются правломъ, по которому всѣмъ лицамъ, имѣющимъ право на заводскую и фабричную промышленность вообще, дозволяется брать *въ аренду* винокуренныя заводы.

Правомъ же *дѣланія водокъ* изъ виноградныхъ винъ и изъ фруктовъ вообще пользуются: 1) дворяне и чиновники; 2) купцы всѣхъ трехъ гильдій; 3) лица, которымъ даны особыя привилегіи; 4) всѣ войсковые обыватели въ землѣ войска донского и въ областяхъ кубанской и терской; 5) люди *всѣхъ сословій*, имѣющіе *собственные виноградныя сады*, а въ губерніяхъ: астраханской, ставропольской, области бессарабской и крымскомъ полуостровѣ и *неимѣющіе собственныхъ садовъ*, всякаго состоянія *владѣльцы поземельной собственности и другія лица*, въ томъ числѣ и *государственные крестьяне*.

Правомъ *выдѣлки водокъ изъ сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ* пользуются *только лица*, имѣющіе сахарныя и свеклосахарныя заводы. Правомъ же *приготовленія пейсачовой водки* пользуются *только евреи* въ нѣкоторыхъ губерніяхъ.

Правомъ *варенія пива, портера и меда*, а также *браги* на пивоварняхъ, для продажи, пользуются: а) въ губерніяхъ и областяхъ великороссійскихъ, ставропольской и сибирскихъ: дворяне, чиновники, купцы всѣхъ трехъ гильдій, *мѣщане и крестьяне, имѣющіе торговля свидѣтельства*; б) въ губерніяхъ западныхъ, малороссійскихъ только *въ городахъ* (за исключеніемъ *владѣльческихъ*), а въ поворооссійскихъ губерніяхъ и въ области бессарабской въ *городахъ* и въ *казенныхъ селеніяхъ* тѣже лица, какъ и въ губерніяхъ великороссійскихъ. Въ прочихъ же мѣстахъ этихъ губерній и въ губерніяхъ *прибалтійскихъ* — всѣ тѣ лица, которыя пользуются правомъ винокуренія. в) Въ землѣ войска донского и областяхъ кубанской и терской: *чиновники, войсковые обыватели, почетные граждане, купцы, мѣщане и крестьяне*, имѣющіе *торговля свидѣтельства*.

Въ *селахъ и деревняхъ* вареніе *пива, браги, меда* въ *котлахъ* и *котлахъ*, собственно для *домашняго обихода*, дозволяется, но съ нѣкоторыми ограниченіями, *безъ акциза*. Эти ограниченія состоятъ въ слѣдующемъ: 1) чтобы для такого пива, браги и медоваренія не были возводимы никакія особыя постоянныя постройки и чтобы *вывариваемыя пиво и медъ* не были пускаемы для распитія въ *другихъ деревняхъ*; и 2) чтобы *пиво-и-медовареніе въ котлахъ произ-*

воилося для *храмовыхъ и мѣстныхъ сельскихъ праздниковъ*, для свадебъ и для такъ называемыхъ *помочей во время полевыхъ работъ*. Такое же вареніе пива, на собственный домашній обиходъ, дозволяется и *еврейскимъ* селеніямъ, но только тѣмъ изъ нихъ, въ которыхъ *не меньше десяти домовъ*. Но «кто изъ евреевъ поселить на собственной землѣ десять или болѣе семействъ своихъ единовѣрцевъ, тотъ получаетъ право на вареніе пива и меда, *съ платежомъ акциза*, для продажи того и другого *мѣстнымъ* обывателямъ».

Болѣе или менѣе подобными же льготами, т. е. подобнымъ же освобожденіемъ отъ акциза въ пиво-и-медовареніи пользуются, въ губерніяхъ малороссійскихъ, западныхъ, новороссійскихъ и въ области бессарабской *помѣщики и арендаторы казенныхъ имѣній* на существующихъ нынѣ у нихъ, внѣ городовъ и мѣстечекъ, *пивоварняхъ*, но разумѣется только для собственного ихъ употребленія и для *снабженія питейныхъ домовъ, корчемъ и шмиковъ*, принадлежащихъ къ имѣніямъ. Съ нѣкоторыми же ограниченіями дозволяется и вотякамъ, но только въ вятской губерніи, свободное вареніе кумышки, для домашняго обихода.

Просимъ читателей не только не сердиться на насъ за такія подробности въ поименованіи мѣстъ и лицъ, но напротивъ, какъ можно болѣе вникнуть въ эти подробности. Онѣ составляютъ одну изъ характеристическихъ чертъ какъ нашей будущей, такъ и вообще *акцизныхъ системъ* въ мірѣ. Читатели убѣдятся скоро, что такое, по возможности сокращенное нами поименованіе мѣстъ и лицъ представлено здѣсь не для увеличенія размѣра статьи, не случайно, а съ разумною цѣлью — *ученой оцѣнки* какъ нашей, такъ и вообще акцизныхъ системъ.

Само собой разумѣется, что если необходимъ отдѣльный, особенный и притомъ болѣе или менѣе значительный персоналъ для акцизной системы и если она предоставляет *не очень* гражданамъ право производства спирта и винъ, то такое производство *непрерывно должно*, на основаніи подобной системы, находиться подъ болѣе или менѣе строгимъ контролемъ назначеннаго для того персонала и вообще администраціи. Гдѣ нѣтъ регламентаціи и контроля, требуемаго ею, тамъ нѣтъ и необходимости въ значительномъ числѣ служащихъ чиновниковъ. И дѣйствительно, какъ всѣ акцизныя системы, а въ томъ числѣ и наилучшія изъ нихъ, наша будущая или новая русская акцизная система вѣрна тѣмъ началамъ, на которыхъ она зиждется, можетъ держаться и безъ чего она немыслима. Другими словами: и у насъ, какъ вездѣ, гдѣ дѣйствуетъ акцизная система, винокуреніе, винодѣліе, пиво-и-медовареніе подчинены будутъ разнымъ регламентативнымъ правиламъ, за исполненіемъ ко-

торыхъ необходимъ самый внимательный и строгій надзоръ со стороны администраціи. Въ противномъ случаѣ *неизбѣжны*, ибо *естественны*, постоянныя уклоненія и нарушенія подобныхъ правилъ и казна не можетъ получать тѣхъ доходовъ, которыхъ ожидаетъ и которые одни только и даютъ администраціи поводъ къ учрежденію акцизныхъ системъ, точно также какъ и къ учрежденію системъ откупныхъ и тому подобныхъ.

Вѣроятно между читателями нашими найдется очень мало лицъ, для которыхъ важно знаніе всѣхъ правилъ, предписываемыхъ Положеніемъ о питейномъ сборѣ — для винокуренія, винодѣлія, выдѣлки водокъ, пиво-и-медоваренія; а потому не станемъ перечислять здѣсь этихъ правилъ и скажемъ только, что ихъ около *ста*, и это, прибавимъ, не слишкомъ много для акцизной системы, такъ что по всей вѣроятности число это современемъ увеличится, смотря потому, какъ того потребуетъ опытъ.

Чтобъ ознакомить однако читателей не-спеціалистовъ по этой части, каковы могутъ и должны быть подобныя правила, а также и для того, чтобъ читатели удостовѣрились въ справедливости того, что желаемъ мы еще сказать объ акцизныхъ системахъ вообще, изложимъ здѣсь вкратцѣ нѣкоторыя изъ правилъ *Положенія*.

Винокуренные заводы учреждаются не иначе какъ съ вѣдома акцизнаго управленія и мѣстной полиціи. Наименьшій размѣръ для винокуреннаго завода полагается въ 540 ведеръ емкости всѣхъ квасильныхъ чановъ въ совокупности, при четырехсуточномъ броженіи. Особыхъ перегонныхъ аппаратовъ для перегонки вина черезъ травы, яголы и другіе *безвредныя* припасы имѣть не дозволяется, но не воспрещается таковыя припасы класть въ бражный кубъ или иной аппаратъ, состоящій въ прочной связи съ перегоннымъ аппаратомъ. По окончаніи устройства завода, заводчикъ представляетъ въ окружное управленіе чертежъ и описаніе завода по установленной формѣ. Этотъ чертежъ и описаніе повѣряются на мѣстѣ. По осмотрѣ завода и измѣреніи посуды, на этой послѣдней накладываются казенныя клейма и выставляются нумера и цифры ея емкости. По окончаніи измѣренія, помощникъ надзирателя акцизнаго сбора печатываетъ посуду такъ, чтобы невозможно было производить винокуреніе. Замѣна ветхой посуды и испортившихся аппаратовъ новыми и прибавленіе новой посуды производится заводчикомъ съ разрѣшенія надзирателя акцизнаго сбора. Выкурка вина и спирта дозволяется изъ хлѣба, солода, свекловицы и картофеля, но безъ примѣся патоки и другихъ сахаристыхъ веществъ. Винокуреніе производится не иначе какъ по полученіи отъ акцизнаго управленія установленныхъ на заводъ патента и свидѣтельства. Виноку-

реіе должно начинаться *въ сроки*, въ такомъ свидѣтельствѣ обозначенные. Квасильные чаны должны быть употребляемы поочередно, слѣдуя порядку ихъ нумеровъ. Заволчикъ долженъ объявить, въ какой пропорціи каждый матерьялъ онъ будетъ употреблять для винокуренія. На каждый пудъ затираемой муки и солода изъ всякаго хлѣба полагается емкости въ квасильномъ чавѣ девять ведеръ, на каждый пудъ картофеля три съ половиною ведра, а на каждый пудъ свекловицы два съ половиною ведра. О всѣхъ дѣйствіяхъ по винокурению должна вестись при заводѣ *вимокуренная*, по установленной формѣ, книга, а при подвалѣ — такая же *подвальная* книга и проч. и проч.

Можетъ-быть кто-либо изъ читателей, незнакомый съ существующими въ мірѣ финансовыми пріемами, спроситъ насъ: кѣму такіа ограниченія и формальности, которыя не только не могутъ содѣйствовать, но напротивъ, положительно стѣсняютъ и ограничиваютъ промышленность? На этотъ вопросъ вотъ единственно-вѣрный отвѣтъ: подобныя мѣры и правила въ большей или меньшей степени *оправдываются*, какъ необходимость, *современной науки о финансахъ*, и дѣйствительно, они *необходимы* — при акцизной системѣ.

Избавляемъ читателей и отъ правилъ какъ для взиманія акциза съ пива, такъ и для патентовъ на право производства и торговли ими. Эти правила могутъ интересовать только немногихъ, которые, если захотятъ, то могутъ ознакомиться съ ними въ Положеніи о питейномъ сборѣ, напечатанномъ въ нѣсколькихъ изъ нашихъ періодическихъ изданій. Замѣтимъ только, что эти правила вообще, несмотря на свою ясность, довольно *сложны*, какъ и всѣ остальные правила, относящіяся къ питейному сбору. Такая сложность есть тоже необходимость, обуславливающая большую или меньшую состоятельность акцизной системы.

Надѣмся, что несмотря на краткость и частью неполноту представленнаго здѣсь нами очерка новой русской акцизной системы, читатели наши достаточно ознакомились теперь съ нею, чтобы опредѣлить мѣсто ея въ ряду другихъ подобныхъ системъ. Что же касается до насъ, то смѣемъ думать, что большее или меньшее знакомство наше съ системами иностранными, а также и съ наукой о финансахъ, дастъ намъ право и ставитъ намъ въ обязанность сказать по совѣсти, что наша русская система принадлежитъ къ числу *наилучшихъ* изъ существующихъ акцизныхъ системъ въ мірѣ; быть-можетъ даже, она и *самая лучшая* изъ нихъ. Въ ней нѣтъ ни крайностей французской системы, самой худшей по нашимъ понятіямъ,

ив тѣхъ крайностей англійской, которыя могутъ быть терпимы — по здравому смыслу — развѣ только въ Англии да въ подобныхъ ей по учрежденіямъ странахъ. Наша русская система ближе всего подходитъ къ прусской или, если вамъ угодно, прусско-белыйской, наилучшей изъ западно-европейскихъ акцизныхъ системъ. А это значитъ между прочимъ, что при нашей системѣ если не производство, то по крайней мѣрѣ торговля спиртомъ, водками, винами и прочими напитками будетъ возможности свободна, не такъ какъ во Франціи напримѣръ; что самое производство пива будетъ у насъ — судя впрочемъ по одному только Положенію о питейномъ сборѣ — меньше стѣснено, нежели въ Англии, гдѣ устройство заводовъ требуетъ громадныхъ капиталовъ и винокурение стѣснено до крайности, и наконецъ что земледѣліе наше меньше будетъ страдать, при новой системѣ, отъ стѣсненія винокурения и винодѣлія, нежели при существующей откупной системѣ и нежели могло бы оно пострадать въ случаѣ введенія у насъ напримѣръ англійской системы. И такъ мы будемъ вправѣ поздравить отечество свое съ значительнымъ успѣхомъ въ его финансовой администраціи, какъ только осуществится, т. е. примѣнится къ дѣлу и жизни Положеніе о питейномъ сборѣ. Новая акцизная система — не чета, не сестра откупной: эта послѣдняя немыслима безъ большаго или меньшаго произвола со стороны откупщиковъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ; акцизная же система наша допускаетъ произволъ не иначе какъ и всѣ акцизныя системы, т. е. какъ нарушеніе ея правилъ; а согласитесь, что въ дѣлѣ какъ нравственнаго, такъ и экономическаго развитія страны это не просто шагъ, но положительно большой шагъ впередъ.

Предыдущія строки наши написаны не съ цѣлью сказать нѣсколько похвальныхъ словъ нашей финансовой администраціи. Мы очень хорошо знаемъ, что она не нуждается въ нашей похвалѣ, точно также какъ не могла бы она быть оскорблена нашими порицаніями, еслибъ намъ вздумалось нѣчто подобное. Похвалы не увеличиваютъ вообще чьихъ-либо достоинствъ, точно также какъ порицанія не умаляютъ ихъ. Цѣль наша совершенно иная. Просимъ читателей помнить это. — Продолжаемъ.

Но какъ ни хороша та или другая акцизная система, она все-таки не болѣе и не менѣе какъ акцизная система, и потому достоинства ея — вещи чрезвычайно-относительныя, по крайней мѣрѣ съ экономической точки зрѣнія. Это какъ нельзя лучше подтверждается и прусской, и новой русской системой. Остановимся еще на этой послѣдней, какъ на такой, которая во первыхъ представлена нами подробно нежели другія, а во вторыхъ — которая лучше другихъ или,

по меньшей мѣрѣ, принадлежить къ числу наилучшихъ — съ экономической точки зрѣнія разумѣется.

Читая *Положеніе о питейномъ сборѣ*, такъ и чувствуешь, что министерство финансовъ желало и соблюсти значительные интересы казны, рассматриваемой отдѣльно отъ народа, и въ тоже время возможности соблюсти интересы народа, т. е. какъ можно менѣе стѣснить производство и промышленность и доставить какъ можно большому числу лицъ возможность воспользоваться естественнымъ правомъ заниматься тѣмъ, къ чему природа и обстоятельства дали имъ наиболѣе средствъ, силъ и охоты или способности. Это подтверждается уже тѣмъ между прочимъ, что министерство финансовъ не приняло французской системы; а эта система, при всей своей экономической и даже политической нераціональности, довольно привлекательна для тѣхъ, которые непрочъ и отъ насильственныхъ регламентацій, лишь бы были онѣ доходны. Недаромъ же держится эта система во Франціи, — въ странѣ впрочемъ по преимуществу регламентативной, на зло всѣмъ торжественно-провозглашеннымъ ею принципамъ 1789 года. Это же подтверждается и тѣмъ, что министерство финансовъ отказалось въ большей или меньшей степени и отъ англійской системы, наиболѣе *повидимому* (*) обезпечивающей доходы казны, рассматриваемой отдѣльно отъ народа. Тоже подтверждается и многими правилами *Положенія*. Въ самомъ дѣлѣ министерство финансовъ, какъ уже знаютъ читатели, ясно провозглашаетъ свободу торговли, *вольную продажу* напитковъ, оплаченныхъ акцизомъ, и дѣйствительно, судя по *Положенію*, этотъ родъ промышленности будетъ у насъ съ 1863 года пользоваться возможно полною свободою.

Но эта свобода достанется Россіи далеко не даромъ: она обуславливается отсутствіемъ свободы въ *производствѣ* напитковъ, а потому она отзовется на состояніи и участи вообще нашего земледѣлія, на количествѣ и качествѣ труда по части винокурения и вообще винодѣлія, на образованіи у насъ капиталовъ и проч. и проч. Это одна изъ отрицательныхъ, слабыхъ сторонъ и нашей будущей или новой акцизной системы; но конечно хорошо, даже болѣе чѣмъ хорошо уже и то, что такая сторона далеко не столь значительна и вліятельна въ нашей системѣ, нежели подобныя стороны въ системѣ откупной или даже въ англійской акцизной. Далекое какъ эта послѣдняя на примѣръ, стѣсняетъ, а потому и ограничи-

---

(*) Мы говоримъ *повидимому* потому, что это можетъ только такъ *казаться*, но въ дѣйствительности оно не такъ. Всѣмъ намъ *видно*, что солнце движется около земли, а не земля около солнца; а такъ ли это?!

ваетъ число производителей наша новая акцизная система. Въ самомъ дѣлѣ, припомните перечень мѣстъ и лицъ, которымъ будетъ дозволяться у насъ винокурение, вынодѣліе, пиво-и-медоварение, и вы убѣдитесь, что если это число мѣстъ и лицъ болѣе или менѣе ограничено, что конечно нехорошо съ экономической точки зрѣнія, тѣмъ не менѣе оно далеко не такъ ограничено, чтобъ создать гдѣ-либо дѣйствительную монополію. По крайней мѣрѣ не финансовая администрація наша создастъ ее, еслибъ и оказалась она въ той или другой мѣстности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вышеприведенный перечень мѣстъ и лицъ характеризуетъ не съ одной выгодной, но и съ невыгодной стороны и нашу акцизную систему. Вникая въ этотъ перечень, приходишь къ убѣжденію, что съ одной стороны министерство финансовъ, предоставляя право производства питій тѣмъ или другимъ лицамъ, не только соображалось съ историческими и другими обстоятельствами мѣстностей и юридическими правами лицъ, но еще и устраняло повозможности всякій поводъ къ монополювому началу; но съ другой стороны, оно не допускало и мысли предоставить *всѣмъ и каждому* право и возможность промышленности въ особенности винокурениемъ и въ особенности *винокурениемъ*. Отсюда и происходитъ то, что несмотря на вѣкторый экономическій либерализмъ министерства и въ этомъ отношеніи, тѣмъ не менѣе *громадное большинство* нашего народа лишено *Положеніемъ о питейномъ сборѣ* права свободы промышленности по части выдѣлки напитковъ и въ особенности винокурения. Причина тому не въ недостаткѣ доброй воли со стороны нашей финансовой администраціи: нѣтъ! а въ томъ, что при *акцизной системѣ* нѣтъ никакой возможности предоставить *всѣмъ и каждому* подобную свободу. Такая свобода потребовала бы не болѣе или менѣе значительнаго акцизнаго персонала, какъ теперь, а въ полномъ смыслѣ слова *огромной акцизной арміи*. Да и такая армія все-таки оказалась бы равно или поздно несостоятельною обезпечить интересы казны, не говоря уже о томъ, что она сама по себѣ была бы зломъ, и притомъ зломъ великимъ и несравненно бѣльшимъ, нежели какой-либо и значительный акцизный персоналъ. Съ такой акцизной арміей благо отъ свободы производства питій покушалось бы страной столь же *недешево* во всѣхъ отношеніяхъ, какъ теперь *недешево* для страны обходятся доходы казны отъ откупной системы.

Къ тѣмъ же убѣжденіямъ о цѣляхъ и видахъ финансовой администраціи, даже самой либеральной (въ лучшемъ, т. е. этимологическомъ значеніи этого слова), приводитъ и разсмотрѣніе персонала какъ по *всѣмъ* остальнымъ, такъ и по нашей, русской акцизной системѣ. Повсюду и вездѣ этотъ персоналъ болѣе или менѣе

значительнѣ, и мы не скажемъ о немъ ни одного дурного слова, нисколько не уменьшимъ его достоинствъ, а только воздадимъ ему должное, если замѣтимъ, что онъ повсюду и вездѣ, по сущности своей, есть тоже въ своемъ родѣ что и персоналъ таможенный въ странахъ съ наиболѣе покровительственной таможенной системой. *Количественная* значительность такого персонала повсюду и вездѣ обуславливается свойствами акцизной системы, а *качественная* значительность его обуславливается степенью цивилизаціи страны. Чѣмъ страна образованнѣе, чѣмъ больше въ ней вполнѣ развитыхъ и честныхъ гражданъ, а потому и чиновниковъ; чѣмъ болѣе законодательство ея обезпечиваетъ права личности и собственности, а потому и чѣмъ болѣе в строже преслѣдуетъ и искореняетъ взяточничество и вообще всякаго рода произволъ и насилие, тѣмъ болѣе приносить подобный персоналъ относительной пользы и тѣмъ менѣе причиняетъ онъ вреда, и это не только съ точки зрѣнія интересовъ народа, но и съ точки зрѣнія интересовъ казны, разсматриваемой отдѣльно отъ народа. Наоборотъ, въ странахъ, гдѣ никакое право, кромѣ права сильнѣйшаго, не обезпечено надлежащимъ образомъ и гдѣ потому взяточничество и вообще произволъ существуютъ не въ видѣ исключеній изъ общаго правила, — въ такихъ странахъ подобный персоналъ не приноситъ и относительной пользы, а причиняетъ только вредъ какъ народу, такъ и казнѣ. Известно на примѣръ, что если въ Пруссіи, Бельгіи и Англіи акцизные чиновники вообще, какъ и всѣ остальные чиновники въ этихъ странахъ, славятся своего честностью, то этого нельзя сказать, безъ значительнаго количества исключеній, объ акцизныхъ чиновникахъ на примѣръ Франціи и Австріи. Оно понятно: гдѣ взяточничество, тамъ и произволъ; гдѣ произволъ, тамъ и взяточничество. Это по правилу: рука руку моетъ, обѣ бѣлы хотятъ быть.

Судя по *Положенію о питейномъ сборѣ*, все это вполнѣ сознано нашимъ министерствомъ финансовъ. Въ доказательство справедливости нашихъ словъ приведемъ слѣдующіе факты. Понявъ, что участь заводчиковъ и другихъ производителей напнтковъ, подлежащихъ акцизу, будетъ при акцизной системѣ въ большей или меньшей степени зависѣть отъ отношеній этихъ лицъ къ акцизнымъ чиновникамъ и наоборотъ, министерство финансовъ постаралось по возможности дать такія обезпеченія этимъ чиновникамъ, безъ какихъ невозможно основательно требовать отъ служащихъ точнаго исполненія ихъ обязанностей. 1) Жалованье этимъ лицамъ оно назначило если и далеко не высокое, судя по роду ихъ службы, то во всякомъ случаѣ такое, которымъ можетъ и долженъ довольствоваться каждый *честный* человѣкъ, волей или неволей избравшій

для себя служебную карьеру (*). 2) Эти чиновники хотя и неполнѣ еще обезпечиваются *Положеніемъ* въ своемъ назначеніи, перемѣщеніи, увольненіи и повышеніи, но во всякомъ случаѣ видно, что министерство финансовъ по возможности устраняетъ произволъ и въ этомъ отношеніи. Такъ напрямѣръ въ статьѣ 50 между прочимъ сказано: «въ тѣхъ случаяхъ, когда чиновникъ акцизнаго управленія будетъ подлежать увольненію безъ его просьбы, управляющей акцизнымъ сборомъ представляеть объ увольненіи такого чиновника министерству финансовъ, хотя бы опредѣленіе его, въ общемъ порядкѣ, зависѣло отъ самого управляющаго акцизнымъ сборомъ.» 3) Независимо отъ жалованья, служащіе въ акцизномъ управленіи будутъ ежегодно получать опредѣленный процентъ изъ суммы акцизнаго сбора. 4) Министерство финансовъ *обязываетъ* акцизныхъ чиновниковъ, а *потому* и предоставляетъ имъ *право* быть не пѣшками по исполненію возлагаемыхъ на нихъ *Положеніемъ* обязанностей, но людьми, сознающими свои обязанности и потому долженствующими заниматься не по одному приказанію начальства, а по требованію службы разумной и честной. Наконецъ 5) министерство финансовъ не связываетъ себя правиломъ принимать на службу лицъ только извѣстныхъ классовъ.

Все это дастъ конечно не только возможность, но что еще лучше, и право министерству финансовъ требовать отъ акцизныхъ чиновниковъ честнаго и разумнаго исполненія ихъ обязанностей для возможно большаго, при акцизной системѣ, соблюденія интересовъ и вазны, и всего русскаго общества. Разумѣется, если такова цѣль министерства, и если оно дѣйствительно и внолнѣ желаетъ достигъ ея, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что это дѣло для него вполнѣ возможно, но конечно съ условіемъ, безъ котораго нигдѣ въ мірѣ не устраняется произволъ. Это условіе конечно состоятъ въ томъ, чтобъ министерство финансовъ оставалось вѣрно принятому уже имъ началу, т. е. печатному обсужденію финансовыхъ вопросовъ, съ которымъ неизбѣжно связано и печатное выраженіе, со стороны общества, его нуждъ и потребностей, его желаній, жалобъ и т. п. Безъ осуществленія такого начала и необходимаго его развитія, даже въ самой Англій, которая отличается между прочимъ примѣрнымъ уваженіемъ гражданъ къ закону, казна была бы въ большей или меньшей степени расхищаема, взяточничество не было бы исключеніемъ изъ общаго правила, и сами почтенные судьи англій-

(*) Наименьшее жалованье — письмоводителя въ округѣ второго разряда — 500 р. въ годъ, а наибольшее — управляющаго акцизнымъ сборомъ — 3500 р., кромѣ развѣданныхъ.

скіе были бы далеко не столь почтенны и честны, какъ теперь. Не тьмѣ обязаны своимъ развитіемъ всѣ добрыя начала въ жизни, а свѣту. Тьма только противодѣйствуетъ этимъ началамъ, подавляетъ, а частью даже искореняетъ ихъ. За тьмой *можетъ* явиться свѣтъ, но тьмѣ не менѣе отъ тьмы не можетъ быть свѣта.

IV

Послѣ всего сказаннаго нами, читатели конечно не усомнятся въ искренности и основательности нашего мнѣнія о русской акцизной системѣ. Мы положительно утверждаемъ, что она принадлежитъ къ числу *наилучшихъ*, а *быть-можетъ* она даже и лучше всѣхъ другихъ. Мы говоримъ *быть-можетъ* потому между прочимъ, что положительное рѣшеніе этого вопроса должно быть предоставлено опыту и времени. Во всякомъ случаѣ по всему видно, что наше министерство финансовъ позаботилось создать возможности лучшую и наиболѣе примѣнимую къ Россіи *акцизную* систему, и мы не скажемъ ничего лишняго, если прибавимъ, что оно и достигло въ *большей или меньшей степени* своей цѣли.

Но еслибъ и можно было положительно и вполнѣ основательно сказать, что наша русская система есть *лучшая* изъ акцизныхъ системъ, то и въ такомъ случаѣ достоинства ея и похвала ей были бы только весьма относительными, потому что и возможно-лучшая изъ акцизныхъ системъ есть и можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только *акцизной* системой. Акцизная же система по своей сущности, по своему вліянію на экономическое, а потому и на всякаго другого рода развитіе силъ націи, есть система сама по себѣ не лучшая, потому что далеко не удовлетворяетъ, повсюду и всегда, всѣмъ требованіямъ политической экономіи. Акцизныя системы вообще, по своей сущности, не болѣе и не менѣе какъ своего рода *регламентативныя* системы, ведоупускающія полной экономической свободы промышленности, хотя бы и вовсе не имѣли цѣлью противодѣйствовать такой свободѣ. И дѣйствительно, цѣль подобныхъ системъ состоитъ не въ этомъ, а въ томъ, чтобъ доставлять доходы казнѣ, и нѣкоторыя изъ правительствъ, именно тѣ, которыя сознаютъ политико-экономическіе законы, рѣшаются на регламентацію въ производствѣ напитковъ и торговлѣ ими единственно съ цѣлью полученія такихъ доходовъ. Сознывая, что регламентація промышленности, хотя бы и въ формѣ акцизной системы, составляетъ большее или меньшее стѣсненіе промышленности, а потому и ограниченіе ея производительной дѣятельности, такія управитель-

ства стараются, чтобъ акцизныя системы, доставляя какъ можно болѣе доходовъ казнѣ, въ тоже время какъ можно менѣе стѣсняли и ограничивали производство и торговлю. Отсюда-то и происходитъ разность въ системахъ, и изъ нихъ самыя лучшія тѣ, которыя менѣе другихъ нарушаютъ законъ свободы промышленности, менѣе другихъ тягостны для производителей и торговцевъ, а потому и для всѣхъ потребителей, для всего края. Такимъ образомъ самыя достоинства акцизныхъ системъ суть, повсюду и всегда, чисто отрицательныя, или по меньшей мѣрѣ относительныя, а потому существованіе этихъ системъ оправдывается только *необходимостью* приобрѣтенія *значительныхъ* доходовъ для правительствъ.

Зная, какого рода лицъ приглашало наше министерство финансовъ къ составленію правилъ и мѣръ, цѣль которыхъ состояла въ томъ, чтобъ доставить русской казнѣ доходы взаменъ тѣхъ, которые получаютъ нынѣ путемъ откупной системы; зная, что между этими лицами были и экономисты, которымъ очень хорошо знакомы политико-экономическіе законы и которые такъ-сказать грудью стоятъ за возможно-полное исполненіе ихъ; зная, что между этими лицами были также не только ученые и вообще специалисты по части производства пива и торговли имъ, но и помѣщики и вообще лица, которыя повсюду и всегда готовы грудью своей отстаивать интересы земледѣлія и вообще промышленности,—зная это, мы безъ малѣйшаго преувеличенія и безъ страха, что насъ обвинять въ чемъ-либо дурномъ, можемъ кажется смѣло и положительно сказать, что наше министерство финансовъ, принимая замѣну откупныхъ доходовъ другими и создавая такимъ образомъ новую русскую акцизную систему, имѣло въ виду и старалось создать такой способъ приобрѣтенія доходовъ для казны, который былъ бы возможности *наилучшимъ*, т. е. *наибольше* возможности удовлетворялъ бы политико-экономическимъ законамъ, а потому *наименѣе* былъ бы *тягостнымъ* для народа. Но достигло ли наше министерство финансовъ такой прекрасной цѣли?

Оно создало болѣе или менѣе удачную, положимъ даже прекрасную, лучшую—«акцизную систему»! А почему же не вѣчто еще лучшее? Ктоже виноватъ, что несмотря ни на свѣдѣнія записныхъ ученыхъ и другихъ лицъ, ни на способность администраторовъ, ни на доблесть тѣхъ или другихъ экономистовъ, неизмѣнно вѣрныхъ своимъ принципамъ, ни на молчаніе даже самого начальства министерства финансовъ, наша финансовая администрація остановилась на *акцизной системѣ*, а не на чемъ иномъ лучшемъ? Ктоже виноватъ?

Никто! Министерство финансовъ избрало такую систему пото-

му, что оно не знаетъ ничего лучшаго; а не знаетъ оно этого потому, что и экономисты, и ученые финансисты тоже не знаютъ ничего лучшаго. Незнаніе же, въ особенности такого рода незнаніе — не вина. Въ этомъ отношеніи тотъ или другой изъ нашихъ общественныхъ дѣателей столь же виноватъ, сколько виновны были тѣ или другія лица въ томъ, что до Галилея существовало мнѣніе о движеніи солнца вокругъ земли, что до Ньютона не былъ открытъ законъ тяготѣнія, а до Леверье не знали Нептуна.

Въ самомъ дѣлѣ, раскройте любую теорію финансовъ, и вы найдете въ ней разборъ *акцизныхъ* системъ, но не найдете ничего такого, что бы замѣняло акцизныя пошлины другими, болѣе рациональными съ экономической, а потому и истинно-политической, и нравственной точки зрѣнія. Правда, нѣкоторые экономисты еще по старой памяти стоятъ за единственный подоходный налогъ, невыдерживающій экономической критики; другіе проповѣдуютъ налогъ покапитальный, но и этотъ только относительно хорошъ, а потому тоже можетъ быть убитъ экономической критикой. Далѣе этихъ идеаловъ экономисты вообще покуда еще не ушли; а если и есть между ними такіе, которые уже придумали нѣчто лучшее, нежели подоходный и покапитальный налоги, то, сколько намъ извѣстно, они не высказались еще въ этомъ отношеніи.

Но если можно въ наше время и въ болѣе или менѣе образованныхъ странахъ требовать отъ административно-финансовыхъ, какъ и отъ другихъ подобныхъ дѣателей, чтобы они знали *науку*, тѣмъ не менѣе несправедливо и неразумно было бы требовать отъ нихъ знанія и того, чего не доставляетъ еще наука ни имъ, ни другимъ людямъ. Никто не обязанъ быть гонимъ. Нельзя этого требовать ни отъ ученыхъ, ни отъ государственныхъ, какъ и всякаго другого рода дѣателей. Всѣ министры въ мірѣ, вмѣстѣ взятые, *могутъ* не знать того, по той или другой политической наукѣ, что черезъ годъ-другой-третій въ состояніи будетъ знать каждый юноша, благодаря какому-либо открытію по той или другой изъ этихъ наукъ. Такимъ образомъ нельзя и обвинять ту или другую администрацію, тѣхъ или другихъ людей, ученыхъ или администраторовъ, что они остановились на томъ и осуществляютъ то, что есть лучшаго, покуда, въ мірѣ — по отзыву людей просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ, по увѣренію науки.

Но можно ли успокоиться и остановиться на этомъ? Можно ли довольствоваться тѣмъ или другимъ *лучшимъ*, когда это лучшее, какъ по всему видно, есть только лучшее между худшимъ? Подобный *покой* и подобное *довольство* не есть ли *нравственное уродство*, *умственное прозябаніе*, недостойное вѣчно-живого, вѣчно-алчущаго

птица, т. е. истины, вѣчно бодрствующаго и безсмертнаго *духа* человѣческаго? Механикъ-ремесленникъ *обязанъ* съ точностью и добросовѣстно сдѣлать машину по проекту или чертежу, лучше котораго *покуда* нѣтъ и не было въ мірѣ. Исполнивъ такимъ образомъ задачу свою, онъ можетъ быть доволенъ собою и покоенъ, онъ можетъ всѣмъ и каждому показывать свое произведеніе какъ такое, лучше котораго нѣтъ и не было въ мірѣ. Но механикъ, какъ ученый, какъ двигатель механики, можетъ ли довольствоваться такимъ произведеніемъ, если видитъ, что оно неполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію, если оно и дорого, и грѣшитъ еще противъ того или другого механическаго закона, хотя бы и было оно лучшимъ въ своемъ родѣ? Не постарается ли онъ создать нѣчто совершеннѣйшее такого *лучшаго*? Не будетъ ли это для него долгомъ совѣсти и дѣломъ его назначенія?

Точно также имѣютъ ли *право* экономисты и ученые финансисты довольствоваться системами вродѣ откупныхъ и акціонныхъ? Не измѣняютъ ли эти лица своему назначенію и призванію, если довольствуются тѣмъ, что оправдываютъ существованіе такихъ системъ *необходимостью*? Утверждать, и притомъ весьма основательно, что не слѣдуетъ нетолько стѣснять промышленность, но даже не слѣдуетъ и покровительствовать ей какими-либо регламентаціями, потому что такое покровительство есть ничто иное какъ стѣсненіе; но въ тоже время указывать на нѣчто вродѣ акціонной системы какъ на хорошую финансовую мѣру, — не значить ли это противорѣчить себѣ, посягать на достоинство политической экономіи и компрометировать какъ ее, такъ и науку о финансахъ?

Необходимость можетъ ли служить оправданіемъ въ такомъ случаѣ? И да, и нѣтъ, смотря потому, какое значеніе придавать этому слову. *Необходимо* и *больше всего необходимо* въ мірѣ, для блага всѣхъ и cadaго, для возможно-точнаго исполненія человѣкомъ его назначенія, — неизмѣнно слѣдовать *естественнымъ* законамъ, къ числу которыхъ принадлежатъ и законы *политико-экономическіе*. Это альфа и омега науки, и какъ ни разовьется современемъ наука, тѣмъ не менѣе никогда не опровергнетъ она такой необходимости, точно также какъ не опровергнетъ того, что человѣкъ, хотя и животное, но тѣмъ не менѣе все-таки человѣкъ, или человѣкъ-животное, а не растеніе, не минералъ или что-нибудь подобное. Законъ такой необходимости подтверждается каждой наукой: и моралью съ философией вообще, и естественными науками, и политической экономіей, какъ и другими политическими науками — настолько по крайней мѣрѣ, насколько эти науки развиты и заслуживаютъ вѣры. Но если неизмѣненъ и непреложенъ законъ *такой необходимости*

сти, то можетъ ли быть сколько-нибудь основателемъ законъ необходимости сознательнаго нарушенія естественныхъ законовъ? Можетъ ли существовать, по здравому смыслу, какой-либо подобный законъ при существованіи законовъ естественныхъ, непреложныхъ, предначертанныхъ природой, провидѣніемъ? Не слѣдуетъ ли, напротивъ, сознаться каждому здравомыслящему и развитому человѣку, что подобный, оскорбляющій правду законъ есть не законъ, а только произвольное правило, придуманное людьми за неимѣніемъ достаточныхъ свѣдѣній, качествъ и способностей, чтобъ сначала, не нарушать естественныхъ и нравственныхъ законовъ и не оправдывать потомъ такого нарушенія — оскорбленіемъ здраваго смысла и вѣчной, непреложной, божественной правды?!

Не ясно ли, что экономисты и финансисты, допускающіе акцізныя и имъ подобныя фискальныя системы какъ нѣчто необходимое, оскорбляютъ правду вообще, а въ томъ числѣ и правду политико-экономическую? Другое дѣло финансисты-практики или администраторы: имъ это дозволительно, потому что для нихъ можетъ существовать подобная необходимость. Во всякомъ случаѣ они могутъ оправдывать себя если не естественнымъ или нравственнымъ, то по крайней мѣрѣ своего рода положительнымъ закономъ, а именно закономъ необходимости, проповѣдуемымъ экономистами и учеными финансистами. Практики-финансисты тоже въ своемъ родѣ что и механики-ремесленники: они исполнители научныхъ истинъ, но не болѣе въ этомъ отношеніи. Какъ люди, какъ мыслящіа существа, они конечно тоже могутъ и даже должны по возможности разрабатывать науку, доискиваться извѣстныхъ истинъ; тѣмъ неменѣе не въ этомъ состоитъ ближайшая, непосредственная ихъ обязанность, ихъ служба или ремесло. Но въ этомъ именно заключается непосредственная, главная обязанность, служба, ремесло — экономистовъ и ученыхъ финансистовъ. Они законодатели въ этомъ отношеніи, и они должны отвѣчать за дурныя законы, на которые опираются и которыми оправдываютъ свои мѣры финансисты-практики или администраторы.

Для финансистовъ-практиковъ или администраторовъ наука о финансахъ не есть наука или по крайней мѣрѣ не столько наука, сколько искусство. Имъ нужны деньги — ихъ насущный, спеціальный хлѣбъ, и добывая этого рода хлѣбъ, они не подвергаютъ его химическому анализу, а только стараются добыть его по мѣрѣ надобности или даже какъ можно болѣе. Вотъ почему человѣкъ, предавшійся подобной практикѣ, подобному ремеслу, обыкновенно смотритъ на свое дѣло какъ на такое, которое требуетъ не столько знанія, науки, сколько извѣстнаго рода ловкости, умѣнья, сноровки, и если онъ,

какъ человѣкъ болѣе или менѣе образованный, какъ между прочимъ экономистъ, и занимался прежде политической экономіей и наукой о финансахъ, то сдѣлавшись администраторомъ и предавшись исключительно поиску денегъ, обыкновенно очень скоро забываетъ свои убѣжденія экономиста, увлекается *всякими финансовыми* средствомъ къ приобрѣтенію дохода для казны, въ финансовыхъ мѣрахъ видитъ только *фортель* и скоро, очень скоро почтенный и *либеральствовавшій* экономистъ превращается въ степеннаго *фортельщика*, для котораго наука о финансахъ не потому наука, что опирается или должна опираться на неизмѣнныя и непреложныя истины, — нѣтъ, а потому, что она научаетъ какъ добывать *фортели*, доходцы, барышки.

Нѣтъ въ мірѣ ни одного добросовѣстнаго экономиста и ученаго финансиста, который бы могъ одобрить нѣчто подобное. Но ктоже изъ экономистовъ и ученыхъ финансистовъ можетъ *основательно* возставать противъ подобныхъ фортельщиковъ, если наука о финансахъ допускаетъ, хотя бы только какъ *необходимость*, различныя фискальныя мѣры вродѣ акцизныхъ и имъ подобныхъ системъ? Развѣ откупныя и разнаго рода таможенныя системы не оправдывались и не оправдываются еще *подобнаго* же рода *необходимостью*, какою оправдываютъ ученые финансисты и экономисты вообще акцизныя и имъ подобныя системы?

Намъ возражать: акцизныя системы *несравненно* лучше откупныхъ; а здравый смыслъ повелѣваетъ выбирать изъ золъ — наименьшее. Правда, правда! отвѣтимъ мы: — но это не оправданіе, это только переливанье изъ пустого въ порожнее и больше ничего. По крайней мѣрѣ, если подобные доводы и могутъ быть приняты въ оправданіе отъ другихъ лицъ, то никакъ не отъ экономистовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, кому же какъ не экономистамъ сознавать истину и распространять убѣжденіе, что экономическіе законы суть законы естественныя, вполнѣ соответствующіе евангельскому учению, природѣ человѣческой, всему естественному устройству міра и наконецъ вѣчной, непреложной правдѣ? Экономистамъ ли не знать, что для *блага* человѣчества *безусловно-необходимо* полное исполненіе между прочимъ и экономическихъ, какъ и всякаго другого рода естественныхъ законовъ, и что помимо такого исполненія невозможно *полное* благосостояніе ни для отдѣльныхъ лицъ, ни для государствъ, ни для человѣчества? Но можно ли *логически*, при сознаніи такой истины, допускать большее или меньшее нарушеніе экономическихъ законовъ, и подобную поблажку *неправдѣ* и *лжи* оправдывать мудренымъ правиломъ, что изъ золъ *должно* избирать *меньшее*? Развѣ тотъ вѣчный, непреложный законодатель, который

создалъ міръ и установилъ политико-экономическіе и другіе естественные, нравственные законы, требуетъ отъ людей и человѣчества вообще — *зла*, а не *блага*? Не происходитъ ли напротивъ все зло, существующее въ мірѣ, именно *только* отъ того, что не исполняются громаднымъ большинствомъ людей, а въ томъ числѣ и экономистами, политико-экономическіе, равно какъ и другіе естественные законы? Такъ почему же *непрѣменно* слѣдуетъ выбирать изъ *золъ* наименьшее, а не изъ *благъ* наибольшее? Развѣ *назначеніе* чловѣка творить *зло*, а не *благо*? Простительно ли *сознательно* творить *зло*, и не требуется ли напротивъ, какъ совѣстью каждаго изъ насъ, такъ и сознаниемъ всего того, что естественно и законно существуетъ въ мірѣ, — не требуется ли всѣмъ этимъ, чтобы мы *сознательно*, повозможности, творили *благо*? Но если должно и законно *сознательно* творить *благо* и не должно, незаконно *сознательно* творить *зло*, то какимъ же образомъ можетъ быть *законнымъ* и *необходимымъ* изъ *золъ* выбирать меньшее? Не значило ли бы это тоже что утверждать, будто тотъ, который крадетъ 10 рублей, *непрѣменно* въ меньшей степени воръ, нежели тотъ, который крадетъ 11 или 12 рублей? Можетъ ли одинъ изъ нихъ оправдывать свое воровство тѣмъ, что укралъ *меньше* другого? Конечно люди могутъ, а иногда и должны прощать тѣхъ или другихъ воровъ, какъ людей слабыхъ, несчастныхъ и т. п., но кто же рѣшится *логически* оправдывать *воровство*? *Объяснять* его конечно можно и даже должно; но *оправдывать* его какъ *необходимое*, естественное, законное *зло*, конечно нельзя и не слѣдуетъ, потому что подобное оправданіе возможно не иначе какъ съ условіемъ *осужденія* и *порицанія* истины, правды, закона, *блага*.

Оправдывая недостатки фискальных мѣръ или вообще податей или налоговъ, преимущественно правиломъ, что изъ *золъ* необходимо избирать меньшее, экономисты и ученые финансисты не признаютъ ли уже этимъ, что каждый налогъ, каждая подать есть *зло*, правда *необходимое*, но все-таки *зло*? Но въ такомъ случаѣ что же такое *теорія финансовъ*? Конечно не болѣе и менѣе какъ тоже *зло*! Къ чему же учиться ей и учить другихъ?!

Но можетъ ли *истинный* экономистъ примириться съ подобнымъ выводомъ, необходимо вытекающимъ изъ тѣхъ *принциповъ* и *доводовъ*, которымъ оправдываютъ ученые финансисты, а вслѣдъ за ними и практическіе финансисты, недостатки и несовершенства разнаго рола прямыхъ и косвенныхъ податей? Если наука о финансахъ пробавляется подобными доводами, то не ясно ли, для истиннаго экономиста по крайней мѣрѣ, что она далеко не достаточно опирается на политико-экономическіе, а потому и другіе естествен-

вые законы и непреложныя истины, и что потому она не имѣетъ еще надлежащихъ качествъ и достоинствъ *истинной науки*?

Чтожъ послѣ этого дѣлать экономистамъ, интересующимся наукой и практикой финансовой? Конечно перегослать науку о финансахъ, и *современную* теорію финансовъ *покуда* еще не считать наукой или по крайней мѣрѣ такой наукой, которой необходимо *во всемъ* должна слѣдовать финансовая практика.

Кромѣ того, если *истинный*, глубоко-проникнутый экономическими истинами экономистъ *никоимъ образомъ* не можетъ и не долженъ допускать и оправдывать такихъ финансовыхъ мѣръ, которыя оправдываются наукой о финансахъ только тѣмъ, что изъ золъ должно выбирать *наименшее*; то *асдо* также, что если между финансистами-практиками, вводящими или только поддерживающими подобныя фискальныя мѣры, есть люди болѣе или менѣе, или даже очень способные, есть умные администраторы, есть люди ученые, образованные, благонамѣренныя и даже неподкупно-честныя, тѣмъ не менѣе нѣтъ между ними *конечно истинныхъ экономистовъ*, т. е. такихъ, которые глубоко вѣруютъ въ экономическія истины и неизмѣнно, непреклонно, *неуклонно* и *неподкупно* вѣрны имъ. Или же такіе экономисты должны согласиться, что наука о финансахъ не рѣшила *покуда* удовлетворительнымъ образомъ вопроса о *косвенныхъ налогахъ*, а въ томъ числѣ и объ акцизныхъ системахъ; что она, допуская акцизныя системы, *измѣняетъ* политико-экономическимъ законамъ и принципамъ. Эти лица должны въ такомъ случаѣ и сознаться въ томъ, что они не могутъ *покуда* придумать ничего лучшаго; но сознаваясь въ этомъ, они должны сознаться и въ томъ, что знанія ихъ по части науки о финансахъ, хотя быть можетъ и обширны, но не *точны*, не достаточно основательны и вѣрны экономическимъ законамъ и принципамъ, а потому и не заслуживаютъ *покуда* особеннаго *высокопочитанія*.

I. ПИИДЪ

ТЕОРЕТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ

(СТАТЬЯ ГЕРВИНУСА)

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА

Въ XVIII столѣтіи и въ началѣ XIX постоянно возникали обширныя философскія системы, имѣвшія коначною цѣлью уяснить и опредѣлить міровые законы духовной и физической природы, обнять собою полный кругъ жизни. Ихъ можно было бы сравнить съ средневѣковыми готическими храмами, которые должны были служить символомъ мірозданія. Въ нихъ много смѣлаго, живого и прекраснаго; онѣ внесли много новаго и истиннаго въ міръ науки и искусства; онѣ ярко говорятъ о той силѣ, какой можетъ достигать мышленіе человѣка; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ много ошибочнаго и бездоказательнаго, что не могло выдержать провѣрки ума и практическаго опыта.

Эти системы имѣли притязаніе возвести на степень научной системы то, что, принятое какъ гипотеза и догадка, должно всегда оставаться личнымъ вѣрованьемъ человѣка. Истина страдала. Въ нихъ мало было объективнаго достоинства, объективной вѣрности: слѣдовательно имъ не доставало условія, безъ котораго имъ нельзя было перейти въ руки послѣдующаго поколѣнія, не подвергаясь опасности быть разрушенными въ самомъ основаніи. Онѣ слишкомъ во многомъ служили выраженіемъ своей эпохи, такихъ стремленій и направленій ея, которыя принадлежали ей исключительно и могли вовсе не повториться въ эпохѣ послѣдующей. Въ самомъ дѣлѣ эпоха второй четверти XIX столѣтія не приняла этихъ величественныхъ системъ. Непомѣрно развитый скептицизмъ и положительность дали ей замѣтить подъ строгой научной формою мечтанія и

гипотезы. Системы пали, или лучше-сказать распались на множество самостоятельныхъ спеціальностей, изъ которыхъ каждая получаетъ теперь самобытную и дѣятельную разработку, и нѣтъ еще ни одной смѣлой попытки снова воздвигнуть на нихъ полное космогоническое ученіе. Теперь чувствуется, что въ самыхъ спеціальностяхъ остается еще много темнаго и загадочнаго.

При особой наклонности нашего времени къ положительности въ ряду спеціального знанія, исторія получила огромное значеніе, и если можно такъ выразиться, популярность. Какъ въ XVIII столѣтіи каждый выслушавшій курсъ философіи и эстетики считалъ себя вправѣ и даже обязаннымъ издать либо курсъ по одной изъ этихъ наукъ, либо монографію, — такъ въ настоящее время въ огромномъ количествѣ появляются курсы исторіи всеобщей и частной, ученые историческія изслѣдованія, полныя исторіи, статьи по исторіи и т. д. — Такое сочувствіе къ ней оправдывается самымъ предметомъ. Исторія имѣетъ дѣло съ чисто-человѣческой жизнью, съ самыми разнообразными и многосторонними ея проявленіями. Немудрено поэтому, если въ настоящее время исторія не только что разрабатывается сама по себѣ, какъ особая спеціальность, но и становится центромъ, къ которому тяготеютъ другія области знаній — политическія и юридическія, философія и даже психологія. Будучи въ основаніи чисто-теоретическимъ знаніемъ, эти науки пріобрѣтаютъ тѣмъ болѣе силы и тѣмъ ближе становятся къ истинѣ, чѣмъ ближе становятся къ исторіи, чѣмъ тверже опираются на факты, предлагаемые ею... Тоже значеніе получаетъ исторія при рѣшеніи даже текущихъ вопросовъ политической газеты и журнальнаго фельетона.

При такомъ развитіи исторической науки небезполезно остановиться на вопросахъ: что такое исторія, какія ея задачи, требованія и цѣли? и затѣмъ — насколько она подготовлена къ той великой роли, которую дало ей наше время? «Наше время — говоритъ Гервинусъ — такъ глубоко сроднилось съ необходимостью отдавать себѣ отчетъ во всѣхъ своихъ стремленіяхъ, съ необходимостью дѣлать все сознательно, что право можно сомнѣваться, удастся ли оказать большія услуги искусству и наукѣ тому, кто не отдастъ себѣ отчета въ своихъ созданіяхъ и пріемахъ. Эта причина побуждала насъ приступить къ теоретическому разсмотрѣнію исторіи.»

Такая задача занимала уже многихъ. Она породила уже довольно значительную спеціальную литературу. Болингброкъ, Мабли (*Sur la manière d'écrire l'histoire*), Рюсъ, Ваксмуть, В. Гумбольдтъ, Дувкерь (*De historia ejusque varia ratione tractandæ*), Гервинусъ и наконецъ Лебель — вотъ болѣе замѣчательные представители ея. В.

Гумбольдтъ въ трактатѣ своемъ ⁽¹⁾ указалъ требованья, которыми долженъ удовлетворить историкъ; онъ опредѣлялъ съ обычною глубиною мысли идеалъ историка. Но обзоръ его страдаетъ отсутствіемъ исторической основы; въ немъ высказывается Гумбольдтъ, самая свѣтлая личность прошлаго поколѣнія; каждая фраза его, сжатая, замкнутая, можетъ породить въ читателѣ цѣлый рядъ самостоятельныхъ мыслей; благородная душа автора затронетъ въ немъ лучшія струны его сердца и разовьетъ въ немъ то моральное пониманіе исторіи, въ которомъ такъ часто чувствуется недостатокъ: во Гумбольдтъ вовсе не ставилъ себя цѣлью очертить полный кругъ историческаго знанія, и мало могъ помочь рѣшенію выбранной нами задачи, не введетъ насъ въ полное знакомство съ наукой и съ историческимъ развитіемъ. Такъ же мало помогъ бы въ этомъ дѣлѣ діалогъ Лебелля объ идеальномъ и реальномъ элементѣ въ исторіи, помѣщенный въ первой книгѣ «Historische Zeitschrift» Зибеля. Онъ вызванъ кажется непонятнымъ распространеніемъ скептицизма къ историческимъ фактамъ, и стремится опредѣлить отношенія между объективной и субъективной сторонами историческихъ занятій, между міромъ фактовъ, принадлежащихъ исторіи, и міромъ идей, которыя возбуждаются ими. Диалогъ по силѣ и искусству своему напоминаетъ собой лучшіе діалоги Платона, но далеко не исчерпываетъ нашей задачи: онъ только касается ея. Трактата Дункера мы не имѣли подъ рукой. Кажется онъ написанъ для диссертациі на ученую степень, а такого рода сочиненія вообще трудно доставать. Остальные изъ названныхъ нами либо написаны въ XVIII вѣкѣ, когда исторія обращала на себя вниманіе преимущественно какъ искусство, съ фальшивой точки зрѣнія XVIII столѣтія, либо не могли быть приняты въ расчетъ по тѣмъ же причинамъ, какъ и трактатъ Лебелля; мы привуждены были остановиться на разсужденіи Гервинуса.

Признаемся, мы не безъ удовольствія остановились на немъ. При нѣкоторой несостоятельности въ точкѣ зрѣнія на предметъ, Гервинусъ все-таки ближе всѣхъ другихъ знакомитъ насъ съ сущностью исторіи и прямо велетъ насъ къ цѣли. Разсужденіе свое онъ называлъ «Теоретическій очеркъ исторіи» и поставилъ себѣ задачею изслѣдовать всѣ вѣтви бытописанія. Онъ является въ немъ не только блистательнымъ логикомъ, но и знаткомъ историографіи, показываетъ не только чѣмъ должна быть исторія, но и чѣмъ была она на дѣлѣ, какія фазы принимала она въ своемъ развитіи. — Были

(1) Ueber die Aufgabe des Geschichtschreibers. Gesammt. Werke. Berl. 1841. Erster Band.

и другія причины остановиться на немъ. Гервинусъ стоитъ на упомянутомъ нами поворотѣ отъ общаго философскаго знанія къ спеціальному; онъ одинъ изъ первыхъ былъ увлеченъ стремленіемъ новыхъ идей, одинъ изъ первыхъ принялъ то направленіе сознательности, разумнаго отрицанія и критики, которое въ настоящее время изъ области знанія переходитъ уже въ практическую жизнь, развѣтвляется и распространяется въ ней неудержимымъ потокомъ и общааетъ новый великій переворотъ въ жизни человѣчества. Это обстоятельство придаетъ ему характеръ свѣжести, живости, молодости. Онъ не сухой мыслитель, чѣмъ легко ему было бы стать, разсуждая о такомъ сухомъ и далекомъ отъ жизни предметѣ; онъ не просто ловкій діалектикъ, подобно Лебеллю, и не поэтъ, какъ В. Гумбольдтъ: онъ ученый мыслитель и вмѣстѣ съ тѣмъ общественный дѣятель; въ каждой почти строкѣ его говоритъ социальное чувство. Невольно приходитъ на мысль, что авторъ, вдумываясь въ задачи исторіи, какъ бы соразмѣряетъ свои силы для борьбы съ міромъ, уже обреченнымъ на гибель, для проповѣди новыхъ началъ, какъ бы вымѣряетъ оружіе, выбранное имъ въ жизни.

Но пусть читатель самъ познакомится съ трудомъ его.

I

Уже Аристотель положилъ начало научнымъ опредѣленіямъ различныхъ родовъ поэзіи, задачи поэта и свойства поэзіи, какъ искусства; и до настоящаго времени эта отрасль художественной или поэтической эстетики обращала на себя постоянное вниманіе; даже въ области философскаго знанія она признавалась всегда необходимымъ его частью. Но по какимъ причинамъ рядомъ съ поэтикой, теоріей поэзіи, не можетъ стать историка, теорія исторіи? Такъ часто высказывавшееся мнѣніе о томъ, что историческаго искусства нѣтъ потому уже одному, что Аристотель не разбираетъ его, — не можетъ же имѣть теперь никакого значенія. Почему же относительно такъ мало написано о сущности исторіи, о различныхъ родахъ бытописанія, о задачѣ и приемахъ историка? И отчего то, что написано, такъ маловажно само по себѣ? Въ самомъ дѣлѣ, старинныя сочиненія Водинуса и Фоссіуса и другихъ исторіоматическихъ писателей у итальянцевъ и французовъ касаются только слога, и то весьма рѣдко; по большой же части у нихъ идетъ рѣчь только объ исторической вѣрѣ и сомнѣніи, о критикѣ и о томъ, какъ слѣдуетъ пользоваться источниками; но все это ка-

сается скорѣ историческаго изслѣдованія, чѣмъ искусства, для котораго первое служить только подготовкою. Въ новѣйшихъ же сочиненіяхъ англичанъ, какъ напримѣръ у Боллингброка, Гилла, Престлея и др., всѣ теоріи построены односторонне, исключительно на прагматическомъ родѣ исторіи, который одинъ только былъ имъ доступенъ. Наконецъ у насъ Вильгельмъ Гумбольдтъ удовлетворительно разрѣшилъ главнѣйшіе пункты подобнаго изслѣдованья, въ своемъ сочиненіи «О задачѣ историка», статью, которую безъ сомнѣнія мало кто читалъ, и еще менѣе — кто понималъ. Съ другой стороны, почему сами историки, историки по профессіи, никогда или очень рѣдко задумывались надъ изложеніемъ науки какъ о своемъ искусствѣ? ибо нельзя же придавать какому-либо значеніе такимъ, случайнымъ замѣткамъ, какія встрѣчаются напримѣръ въ письмахъ Іог. Мюллера, въ которыхъ никакъ нельзя видѣть желанія автора уяснить себѣ сущность всей науки. Почему наконецъ самая важная подготовительная работа для такой науки объ исторіи, если можно такъ выразиться, — исторія исторіографіи существуетъ въ отрывкахъ, а не вполне, тогда какъ мы видимъ такой избытокъ трудовъ по исторіи поэзіи, философіи и всѣхъ другихъ наукъ?

II

На эти вопросы въ сущности легко отвѣчать, потому что пробѣлы и недостатки, которыхъ они касаются, не случайны, но лежатъ въ самой природѣ вещей. Область исторіи не такъ легко обнять какъ область поэзіи, исторія не такъ обработана какъ поэзія, въ которой наше время не можетъ найти ничего новаго, оригинальнаго, ничего такого, что бы не было извѣстно древности, и въ которой между тѣмъ исчерпано уже все, что только можетъ она дать. Самая форма изложенія въ исторіи, неопредѣленная, прозаическая, не такъ скоро даетъ основаніе для вышшняго различія, какъ напримѣръ стихотворные размѣры въ поэтикѣ. Стихотворенья распадутся на роды по одной вышней формѣ, такъ что нѣтъ настоящей необходимости тутъ же обращать вниманіе на внутреннее различіе въ ихъ характерѣ. Въ бытописаніи же положительно невозможно отдѣлить различные роды по одной формѣ, не вникая напередъ во внутреннее различіе ихъ содержанія. Это зависитъ оттого, что въ поэзіи форма настолько же важнѣе содержанія, насколько въ исторіи содержаніе важнѣе формы. Потому въ исторіи чаще всего встрѣчается дѣленіе родовъ по содержанію, а не по формѣ, что видно даже изъ однихъ названій ихъ, каковы напримѣръ

мѣръ (если принять во вниманіе *предметъ* исторіи) политическая, церковная исторія, исторія литературъ и права, и (если принять въ основаніе *объемъ*) біографія, частная исторія отдѣльныхъ событій, народовъ, и всемірная исторія. Но говоря объ историческомъ искусствѣ, мы относимся къ нему какъ эстетикъ къ поэзіи и ищемъ въ ней формальнаго дѣленія, по которому различіе родовъ по формѣ было бы необходимымъ выраженіемъ ихъ внутренняго, существеннаго различія. Въ поэзіи Аристотель находитъ два такихъ рода; но такъ какъ они основаны на общихъ законахъ пониманія и представленія человѣческой жизни, то ихъ можно подозрѣвать, хотя разумѣется въ менѣе рѣзкой и болѣе сглаженной формѣ, и въ бытописаніи, имѣющемъ, также какъ и поэзія, цѣлью — изображеніе человѣческой жизни. Но упомянутое уже нами безразличіе въ формѣ было главною причиною того, что эти роды въ исторіи до сихъ поръ почти-что не замѣчались.

III

Что сами историки менѣе всего заботились о подобной задачѣ, о существованіи такой научной исторіи, — только кажется страннымъ; въ сущности же это весьма естественно. Поэты рѣже всего задумывались и философствовали о поэзіи какъ искусствѣ, художники же почти никогда. Все что было сказано о немъ основательнаго и вѣрнаго со временъ Аристотеля до Лессинга и Винкельмана, было сказано далеко не жрецами искусства. Художникъ, увлекаясь творчествомъ, чувствуетъ невольное отвращеніе ко всякому теоретическому раздумью о своемъ твореніи; онъ стремится насладиться имъ какъ цѣлымъ, а не уяснить себѣ разбивая его на части. То же и съ историкомъ. Онъ имѣетъ дѣло съ живымъ міромъ, который дается скорѣе таланту, чѣмъ размышленію, и немудрено, если онъ такъ же мало задумывается надъ своей задачей, какъ и художникъ. А между тѣмъ наше время такъ глубоко сроднилось съ необходимостью отдавать себѣ отчетъ во всѣхъ своихъ стремленіяхъ, съ необходимостью дѣлать все сознательно, что право можно сомнѣваться — удастся ли оказать большія услуги наукѣ и искусству тому, кто отъ времени до времени не отдаетъ себѣ отчета въ своихъ сознаніяхъ и пріемахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что наши великіе поэты достигли высшаго совершенства въ искусствѣ именно этимъ чуднымъ единеніемъ творчества съ свѣтлымъ самосознаніемъ, и съ первыхъ минутъ расцвѣта нашей поэзіи всѣ постоянно стремились къ такому единенію. И можетъ-быть бесполезно будетъ сдѣлать по-

добную же попытку и въ другой области, хотя бы эта попытка ограничилась самыми общими чертами и осталась бы даже простою пробкою скромныхъ силъ на великой задачѣ.

IV

Все что насъ окружаетъ, мы можемъ воспринимать тремя путями. Предметы являются намъ или по своей дѣйствительности, или по возможности, или же по необходимости; они представляются намъ или какъ они есть, или какъ могутъ быть, или какъ они должны быть; они являются намъ въ своей истинности, правдоподобности, разумности, — и уже Аристотель различилъ «что», «какъ», «почему» всего существующаго. Въ человѣческомъ духѣ естественно находятся различныя состоянія и силы, соответствующія различнымъ формамъ, въ которыя облекаются всѣ явленія. Мы разсматриваемъ предметы или опытнымъ путемъ, потому, какъ они являются въ дѣйствительномъ, повидимому беспорядочномъ мѣрѣ, ищемъ настоящихъ отношеній ихъ другъ къ другу, домогаясь при этомъ ихъ *полезности*; или же по законамъ мыслимаго и возможнаго мы творчески отрываемся отъ данной дѣйствительности, точно эта строго-ограниченная дѣйствительность безгранична для насъ, точно мы можемъ воссоздать ее безграничною, — и тогда ищемъ въ ней возможную связь между предметами и стремимся къ *наслажденію*; или же мы стараемся, невыходя изъ круга дѣйствительности и опыта, установить всеобщую законность и изгнать всякую случайность, — ищемъ необходимую связь и стремимся къ *сознанію*. — Въ последнемъ случаѣ дѣятельность принадлежитъ разуму, во второмъ воображенію, въ первомъ наблюдательному уму; въ последнемъ случаѣ достиженіе цѣли — дѣло спекулятивнаго философа, во второмъ творческое дѣло поэта, въ первомъ дѣло регламентирующаго историка. Сверхъ того слѣдуетъ замѣтить, что поэтъ и историкъ избираетъ своимъ предметомъ только личную жизнь людей и нравственный мѣръ.

V

Но ниодно изъ этихъ состояній немислимо въ нашей душѣ въ чистомъ видѣ, ниодна изъ этихъ силъ не дѣйствуетъ въ ней отдѣльно, независимо отъ другихъ; потому никогда невозможно достигнуть того, чтобы произведеніе какой-либо изъ этихъ силъ было совершенно свободно отъ того, что свойственно произведеніямъ дру-

гихъ. И даже болѣе: изъ различныхъ созданій поэта, философа и т. д. мы выше всего ставимъ то, въ которомъ видимъ произведеніе всѣхъ названныхъ силъ, приведенныхъ не въ равновѣсіе, а скорѣе въ нормальное отношеніе вспомогательныхъ силъ къ главнѣйствующей. Изъ всѣхъ поэтовъ мы удивляемся тому, кому удалось представить намъ возсозданный міръ и людей въ высшей степени вѣрно и между тѣмъ такъ, что дѣйствительность никогда не можетъ отыскать въ себѣ совершенное ихъ подобіе: следовательно мы удивляемся тому, кому удалось утвердить свободное поэтическое творчество свое на дѣйствительности, и съ истинной соединить идеальное; точно также мы отдаемъ предпочтеніе тому философу, въ которомъ опытъ и мышленіе не враждебныя силы, но только различныя стороны одной и той же. Если мы съ удовольствіемъ видимъ на примѣръ у Гомера и Аристотеля соединеніе чисто-поэтическаго и философскаго элемента съ твердой исторической основой, вѣрностью и фактическимъ опытомъ, то въ какихъ отношеніяхъ соотнѣсать въ себѣ историкъ, который могъ бы въ своей области сравниться съ этими корифеями поэзіи и философіи, свойственную ему истинность съ истинностью поэта и философа? Что общаго въ задачѣ его съ задачами поэта и философа? Въ чемъ сходятся ихъ произведенія? Этотъ вопросъ почти можно избрать центромъ всѣхъ послѣдующихъ розысканій, потому что разрѣшеніемъ своимъ онъ приведетъ насъ къ уясненію сущности бытописанія, его главныхъ родовъ, ихъ конечныхъ формъ, и наконецъ къ уясненію свойствъ и характера истиннаго историка.

VI

Постановивъ это, мы прямо перейдемъ къ сущности нашего предмета. Мы сказали, что упомянутыя силы воображенія, ума и разума никогда не дѣйствуютъ отдѣльно другъ отъ друга, но все же можно найти и такіе субъекты между отдѣльными лицами и народами, и такіе объекты въ произведеніяхъ человѣческаго духа, въ которыхъ дѣйствовала исключительно какая-либо изъ этихъ силъ. Впрочемъ въ такихъ произведеніяхъ постоянно замѣчается болѣе или менѣе значительный недостатокъ. Есть стихотворенія, каковы на примѣръ путешествіе св. Бравдана и многія другія изъ средневѣковой поэзіи, которымъ совершенно недостаетъ дѣйствительной основы, которыми ничто иное какъ выродки односторонней фантазіи и стоятъ въ явномъ противорѣчій съ законами ума и разумностью. Такія стихотворенія очень мѣтко названы фантастическими, и такъ же мѣтко на-

зываютъ фантазерами людей, которые, переселяясь въ химерическій міръ мечтаній, забываютъ дѣйствительность. Бывали также историкки-философы, которые, касаясь нравственнаго міра, упустили изъ виду или по крайней мѣрѣ уклонялись отъ дѣйствительныхъ законовъ соціальныхъ отношеній; касаясь же міра интеллектуальнаго, забывали всѣ законы мышленія; однимъ словомъ — не принимали въ основаніе дѣйствительность; и поэтому-то съ именами мистиковъ, также какъ и софистовъ и фантазеровъ, неволью сливается понятіе бесполезнаго, отверженнаго въ мірѣ.

VII

Кого же изъ историковъ поставить рядомъ съ ними? въ комъ мы найдемъ такое ошибочное одностороннее развитіе той или другой силы? Разумѣется не въ комъ другомъ, какъ въ черезчуръ обыкновенномъ, бездарномъ компиляторѣ фактовъ, котораго все искусство и званіе состоитъ въ умѣнши записывать все хронологически, и который между тѣмъ претендуетъ на званіе историка. Въ произведеніяхъ его требуется простая наблюдательность ума и нѣтъ мѣста воображенію и мышленію: онъ не претавляетъ поэтическихъ красотъ, не ищетъ внутренней необходимой связи. И съ именемъ такихъ компиляторовъ фактовъ, лѣтописцевъ, хроникеровъ — назвать ихъ можно какъ угодно, — съ ихъ именемъ точно также связывается понятіе чего-то презрѣннаго.

VIII

Мы сказали «чего-то презрѣннаго», а не какъ прежде — *отверженнаго*. Не ошиблись-ли мы? Намъ сдается, что выродки философскіе и поэтовъ заслуживаютъ далеко не одинаковое порицаніе съ этими, скажемъ ради различія, уродами историографовъ. Это весьма естественно. Дѣйствительность, настоящая основа и почва историка, есть вмѣстѣ съ тѣмъ основа и почва всего. Поэтъ возвышается надъ нею, философъ погружается въ нее: онъ забываетъ ее, отыскивая законы, но исходная точка того и другого — дѣйствительный міръ. Если же они поступаютъ иначе, если въ самообольщеніи они теряютъ основу и почву, на которыхъ должны стоять и которыя составляютъ для нихъ *первое условіе*, то дѣятельность ихъ фальшива и ошибочна: а все ошибочное должно быть отвержено. Напротивъ того, односторонній историкъ никогда не оставляетъ дѣйстви-

тельности, никогда не ошибается: слѣдовательно онъ не заблуждается; но остановившись на дѣйствительномъ, опъ не подозрѣваетъ о мѣрѣ возможномъ и необходимомъ, и въ такомъ случаѣ произведеніе его жалко и слабо. А жалкое, по крайней мѣрѣ когда оно претендуетъ на большее значеніе чѣмъ заслуживаетъ, достойно презрѣнія, хотя бы оно и не отвергалось.

IX

Въ самомъ дѣлѣ, такіе выродки если и появлялись въ философіи и поэзіи, то весьма на непродолжительное время; вообще они даже очень рѣдкія исключенія; здравый человѣческій смыслъ постоянно возвращался на истинный путь, и этому способствовало то, что эти выродки постоянно отвергались. Между тѣмъ хронологическое бытописаніе существовало всегда, хотя и въ разныхъ формахъ, и теперь существуетъ, и вѣчно будетъ существовать. Многихъ вовсе не занимаетъ ни поэзія, ни философія, но почти всякій интересуется извѣстіями о дѣйствительномъ мѣрѣ; каждый съ удовольствіемъ судить о немъ и каждый считаетъ себя въ силахъ писать о немъ. Требуется много рабочихъ рукъ для того, чтобы отиѣтить такія-то и такія-то извѣстія, — а въ новой исторіи они разрастаются до невѣроятности. Но гдѣ работаетъ много умовъ, тамъ непременно найдется много ограниченныхъ умовъ; ибо исключенія въ подобныхъ случаяхъ рѣдки, и оттого-то такъ неизбѣжно исполнены недостатковъ всѣ первоначальныя произведенія по исторіи, въ средніе вѣка называвшіяся лѣтописями, хрониками, а теперь газетами. Отвергнуть ихъ невозможно, потому что они необходимы, и ихъ не отвергаютъ: они терпимы, и такъ какъ много ограниченныхъ умовъ трудятся надъ ними активно и пассивно, — одни надъ составленіемъ ихъ, другіе надъ чтеніемъ, то даже упускается изъ виду весь жалкій характеръ хроникеровъ и составителей газетъ, и если хроника безъ всякихъ притязаній, если она не хочетъ быть ничѣмъ инымъ какъ хроникой, то при всей своей мелочности и ничтожествѣ, она никогда не возбудитъ презрѣнія.

X

Какъ бы ни показалось страннымъ, но нельзя отвергать того, что не хроника, а генеалогія составляетъ первую ступень бытописанія, — генеалогія, перечень отдѣльныхъ замѣчательнѣйшихъ именъ, которыя въ первое время весьма часто начертывались на памятникахъ, какъ то было въ Египтѣ до изобрѣтенія искусства письма,

т. е. въ то время, когда не могло еще быть настоящаго бытописа-
нія. Но даже въ области генеалогіи тамъ и сямъ встрѣчаются лично-
сти, которыя можно бы было не сопоставить, а противопоставить
тѣмъ ложнымъ философамъ и поэтамъ, о которыхъ мы говорили.
Въ самомъ дѣлѣ, генеалогія возможна только у тѣхъ народовъ,
которыя, подобно индійцамъ и кельтамъ, либо вовсе не доросли до
исторіи, т. е. до развитія, либо доросли до весьма незначительной
исторіи и развитія, и потому—то ничто такъ не подвержено иска-
женію, самовольнымъ выдумкамъ и прибавленіямъ, какъ генеалогія,
и немудрено, что у восточныхъ народовъ древности и у новѣйшихъ
галловъ являлись такіе фабулисты, жеды и апокрифическіе исто-
рики, которые едва ли заслуживаютъ опроверженія и презрѣнія, но
скорѣе вовсе не заслуживаютъ никакого вниманія. И въ самомъ
дѣлѣ, кто удостоитъ бы историческаго видманія творенія какого-
нибудь Гуннцальда, Готфрида Монмута и подобныхъ имъ быто-
писцевъ?

XI

Генеалогія перешла въ хронику, какъ только къ записывающимся
замѣчательнымъ вѣнамъ стали присоединять замѣчательнѣйшія
дѣянія и событія. Подобно эпосу въ поэзій, хроника или лѣтопись
есть основная форма всего бытописанія; и въ какомъ бы видѣ она
ни являлась, она важна какъ историческій матеріалъ. Она зерно и
скелетъ исторіи уже потому одному, что передавая только существ-
ственное и необходимое въ исторической традиціи, она ограничи-
вается этимъ существеннымъ и необходимымъ. Предоставленная
самой себѣ безсознательно, она безхитростно наблюдаетъ, трезво и
разумно воспринимаетъ и вѣрно сообщаетъ все что случилось въ
дѣйствительномъ мірѣ, она постоянно приводитъ въ движеніе иск-
лючительно ту умственную силу, которая потребна для нея, отвер-
гаетъ всякую искусственность въ формѣ и философіи въ содержа-
ніи. Для нея только та опасность, что она не всегда выдерживаетъ
свой объектъ, предметъ, о которомъ говорить; что она часто пере-
носитъ свой взоръ на родственную область физическаго міра, что
она поставляетъ рядомъ съ дѣятельностью человѣка явленія при-
роды и т. п. Затѣмъ очень часто повторяется то, что по безыску-
ственности своей формы, она становится привлекательной для мно-
гихъ вѣдоуемыхъ дилетантовъ исторіи, и такимъ образомъ слиш-
комъ рано подчиняется разнороднымъ влияніямъ, — гіерархиче-
скому, поэтическому, риторическому. Но въ чистомъ видѣ своемъ
хроника отмѣчаетъ день за днемъ, годъ за годомъ, событіе за собы-

тѣмъ, нисколько не заботясь о красотѣ изложенія, ни о внутренней связи. Еще по опредѣленію Циперона, лѣтописи представляютъ безыскусственный разсказъ, безъ всякаго изслѣдованія причинъ. Потому онѣ придерживаются больше событій чѣмъ лицъ, болѣе внѣшнихъ фактовъ чѣмъ внутреннихъ причинъ; возникая въ эпохи дѣтства, онѣ не понимаютъ интриги, обращаютъ вниманіе преимущественно на очевидное, и рѣдко объясняя событія людскими побужденіями, онѣ прибѣгаютъ къ предначертаніямъ и самопроизвольному вмѣшательству божества. По природѣ своей хроника объективна; слишкомъ неопредѣленный, всеобъемлющій кругъ наблюдений притуляетъ въ дѣтописцѣ способность комбинаціи, ясность взгляда и сужденія; онъ вовсе не думаетъ о практической полезности своего труда; онъ подавленъ своимъ предметомъ и потому дично ступоривается. Потому дѣтописъ переходитъ изъ рукъ въ руки, и слѣдовательно съ самаго начала можетъ стать выще умственнаго кругозора отдѣльнаго наблюдателя и принять любые размѣры. Скромная, безпристрастная, она обречена всегда держаться правды и безпристрастія уже тѣмъ самымъ, что подлежитъ многостороннему контролю, ибо она — общее достояніе даннаго народа, и каждый воленъ пользоваться ею, распространять ее, при самомъ строгомъ къ ней уваженіи; сверхъ того рѣзко отмѣченныя границы и хронологическая послѣдовательность событій вынуждаютъ лѣтописца къ нѣкотораго рода совѣстливости и препятствуютъ въ ней коренному развитію слишкомъ большой произвольности. Какъ рапсодіи — зародыши народной эпической поэзіи, такъ и лѣтописи — зародыши народной исторіи, — лѣтописи, постоянно переходящія изъ рукъ въ руки, слагающіяся въ широкіе циклы, стремящіяся распространиться и завершиться; лѣтописи — это зачинающееся бытописаніе.

XII

Лѣтописъ показываетъ вполнѣ, что бы стало съ бытописаніемъ, еслибы оно ограничилось путемъ простой разсудочной наблюдательности, неприбѣгая къ помощи связующей силы воображенія и высшаго философскаго созерданія. Впрочемъ то, что представляетъ намъ ея развитіе, далеко не маловажно. Обыкновенныя судьбы не знаютъ даже другого бытописанія, кромѣ развитого лѣтописцаго, и въ высшихъ произведеніяхъ исторіи не находятъ ничего особенно достойнаго вниманія. Даже болѣе: цѣлые народы, въ значительной степени разившіеся политически, ограничиваются только хронографическимъ бытописаніемъ. Всѣ народы рѣзкой и суро-

вой національности, жизнь которых сложилась слишком односторонне въ политическую форму, и которые имѣли слишкомъ мало духовныхъ потребностей и никакого художественнаго такта, вкуса, никакой склонности къ отвлеченію, однимъ словомъ народы, у которыхъ нѣтъ ни самобытной поэзіи, ни философіи, — положительно не имѣютъ исторіи съ философскимъ и поэтическимъ элементами. Въ Римѣ, предоставленномъ самому себѣ, до эпохи греческой образованности его, не было ничего кромѣ анналовъ верховнаго жреца и сухихъ произведеній Пиктора, Катона, Пизона, Фаннія и др., такъ что Цицеронъ наполъ римскую исторіографію еще въ жалкомъ положеніи. Венеціанская исторіографія — ничто иное какъ рядъ политическихъ хроникъ отъ Андрея Дандоло до Бембо, Парути, Джустиниани. Потому, когда въ жизни такихъ народовъ наступали подъ чуждымъ вліяніемъ обыкновенно періоды болѣе блестящаго умственнаго развитія, у нихъ являлись тогда хронисты съ большимъ субъективнымъ значеніемъ, которые относились къ народнымъ анналамъ какъ составители эпическихъ поэмъ къ народнымъ рандоміямъ. Здѣсь лежитъ одинъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ, котораго не должны бы были упускать изъ виду сравнители эпическаго и историческаго искусства, сравнители, въ которыхъ нѣтъ недостатка у нѣмцевъ и англичанъ. Составителю эпическихъ поэмъ никогда не предоставляется матеріалъ совершенно свободно (между тѣмъ въ такомъ именно свободномъ выборѣ и разработкѣ матеріала искали обыкновенно главное преимущество эпика предъ историкомъ); ему необходимо даже прибѣгать къ нѣкотораго рода критикѣ, осторожнѣе обходиться съ преданіемъ, постоянно удерживать объективную точку зрѣнія, болѣе выбирать и поставлять факты, нежели создавать ихъ. Такое сравненіе допускается только тѣми народными историками, которые стоятъ въ связи съ народной хроникой, а подобныя исторіи являются у народовъ исключительной національности. Сюда-то принадлежитъ Ливій, какъ представитель чисто римскаго бытописанія, Цурита съ своими продолжателями Оргенсолой, Сайею и др., и въ сущности даже Іоганнъ Миллеръ. Они принадлежатъ національностямъ съ рѣзко-опредѣлившимися политическими и практическими стремленіями, они по преимуществу отечественныя исторіки; въ народѣ своемъ они пользуются популярностью, какъ ни одинъ историкъ во Франціи и Англіи, и между тѣмъ они недалеко отошли отъ лѣтописной формы. И когда въ народѣ, одаренномъ болѣе общими стремленіями, каковы напрямѣръ нѣмцы, явится подобный историкъ какъ Люденъ, то въ немъ нетрудно увидѣть явленіе, возникшее на чуждой ему почвѣ.

XIII

Всматриваясь ближе въ наиболѣе замѣчательныя явленія въ этомъ родѣ бытописанія, мы легко убѣдимся, что изъ простой разсудочной наблюдательности никогда не возникнетъ истинно-художественнаго историческаго труда. Такіе историки, обрабатывая избранный предметъ, стѣснены такъ-сказать пространствомъ и временемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что касается пространства, то у нихъ исключительно патріотическія цѣли; ихъ вниманіе останавливается исключительно на отечествѣ ихъ и народѣ; остальной міръ для нихъ будто не существуетъ. Чтоже касается времени, то они слѣдятъ его шагъ за шагомъ; отмѣчая событія въ ближайшей связи, они не подозреваютъ высшей связи ихъ, никогда не обвиняютъ разомъ прошедшаго, настоящаго и будущаго, но удерживая характеръ хроники, постоянно переходятъ отъ настоящаго къ настоящему, никогда не видятъ въ цѣломъ цѣлаго, а разбираютъ его по частямъ. Это обстоятельство порождаетъ два существенные недостатка, которыми изобилуютъ такого рода историческіе труды. Ограничившись предѣлами отечественной исторіи, они считаютъ вправѣ стѣсняясь входить во всякія мелочи и подробности. Патріотическому народу важно все что относится къ его національности; остальное въ глазахъ его теряетъ всякую цѣну. Потому отечественный, популярный историкъ забираетъ въ свой трудъ все что только можетъ войти въ его область. Каждое швейцарское семейство ищетъ у Іоганна Миллера своихъ именъ, точно такъ какъ каждое римское у Ливія, и такому историку важны самыя имена и событія, и нѣтъ дѣла до того, заслуживаютъ ли они упоминенія на страницахъ исторіи по своему значенію и вліянію. По этимъ-то причинамъ трудъ его пользуется уваженіемъ патріота-читателя; какъ матерьялъ, онъ дорогъ и историку-спеціалисту; но онъ ничтоженъ въ глазахъ того, кто ищетъ въ историческомъ трудѣ не одни только разрозненные свѣдѣнія, но цѣлостное впечатлѣніе на душу. Если Нибуръ не могъ одолѣть Ливія, то кто изъ самыхъ ярыхъ вѣмецкихъ патріотовъ въ состояніи будетъ перелистовать Людена? Подобныя сочиненія никогда не достигали окончанія, потомучто въ нихъ каждый фактъ отечественной исторіи возбуждаетъ отечественный интересъ только какъ фактъ, какъ весьма любопытное явленіе, безъ всякаго отношенія къ его дальнѣйшему развитію въ событіяхъ, стоящихъ въ даннаго времени и народа; и такимъ образомъ каждое изъ нихъ описываетъ прошлое безъ цѣли, день за день, поставляя на одной

доскѣ важное съ неважнымъ, и весьма легко можетъ найти себѣ продолжателей, у которыхъ точно также не будетъ опредѣленной цѣли въ работѣ и которые точно также передадутъ ее другимъ — для дальнѣйшей передачи.

XIV

Такимъ образомъ, какъ бы высоко ни стоялъ этотъ отдѣлъ исторіографіи, какое бы исключительное значеніе ни придавали ему народы, у которыхъ онъ возникъ и которыхъ касается, но произведенія его никогда не могутъ быть отнесены къ художественнымъ историческимъ произведеніямъ. Въ самомъ дѣлѣ, для художественнаго произведенія требуется прежде всего законченость, округленность цѣлаго, единство плана и сомкнутость частей въ одно цѣлое. Уже Полибій въ историческомъ сочиненіи своемъ имѣлъ въ виду это правило, почерпнутое имъ изъ цѣтики Аристотеля. Ничего подобнаго нѣтъ въ разсматриваемомъ отдѣлѣ исторіографіи. Требованіе единства въ планѣ по большей части не выполняется, тогда какъ оно само собою выполняется въ произведеніяхъ философіи и поэзіи, и въ этомъ случаѣ философъ и поэтъ могутъ служить образцомъ для историка. Они создаютъ только цѣлое; въ каждой части ихъ произведеній проявляется ихъ общій міровой взглядъ; поэта и философа, лишонныхъ такого взгляда, мы и не читаемъ. Напротивъ того, отъ историка часто требуютъ, чтобы онъ оставлялъ насъ въ покоѣ съ своими взглядами. Иначе всякій годился бы въ историка: всякій увѣренъ въ своемъ пониманьи жизни, исторія же — ничто иное какъ выраженіе жизни, слѣдовательно всякій былъ бы въ состояніи судить объ исторіи и писать исторію. Но точно также всякій знаетъ огонь, всякій грѣлся и обжигался имъ; между тѣмъ физикъ судить о немъ далеко не такъ какъ поваръ. Допуская, что только тотъ дѣйствительно жилъ, кто вдумывался въ свои отношенія къ міру, въ отношеніе свое къ цѣлому, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что только тотъ вправѣ сказать, что онъ написалъ исторію, кто въ трудѣ своемъ разсмотрѣлъ каждый вопросъ по его отношенію къ человѣчеству. Такого рода историкъ никогда не впадетъ въ ошибки популярныхъ историковъ; онъ не исключительно и безпристрастно созерцаетъ отечественное прошлое, которое въ глазахъ его не болѣе какъ отрывокъ изъ цѣлаго: онъ разсматриваетъ значеніе фактовъ не въ увеличительное стекло патріотизма, а въ уменьшительное общечеловѣчности, и при такихъ только условіяхъ онъ въ состояніи различить и выдѣлнить маловажное

и случайное отъ важнаго и необходимаго, а въ этомъ-то и заключена вся тайна историческаго искусства (ниже мы опредѣлимъ ее точнѣе). Умѣя отмѣтить необходимое въ данномъ ряду событій, историкъ переходитъ тѣмъ самымъ въ область философа, и тогда нѣтъ нужды, если онъ даже ограничится только этимъ чутьемъ въ изысканіи существенныхъ элементовъ въ исторіи, и не дѣлаясь ни историческимъ философомъ, ни философствующимъ историкомъ, останется просто историкомъ мыслящимъ. Отмѣтивъ необходимое, онъ затѣмъ свободно и художественно группируетъ свой историческій матеріалъ вокругъ найденнаго центра, и нѣтъ нужды и въ томъ, если онъ не захочетъ быть ни историческимъ поэтомъ, ни даже поэтическимъ историкомъ, а просто историкомъ, умнымъ классификаторомъ и художественнымъ рассказчикомъ событій.

XV

И такъ лѣтопись — основная форма возникающаго бытописанія; въ простѣйшемъ видѣ своемъ она — принадлежность неразвившихся еще народовъ и эпохъ первоначальной цивилизаціи. Когда въ поэзіи господствуетъ односторонній романтизмъ, въ философіи же бесплодная діалектика и схоластика, какъ то было напримѣръ на востокѣ и въ средніе вѣка, тогда въ бытописаніи рядомъ съ ними постоянно является и односторонняя хронографія. Три системы въ такомъ случаѣ — поэзія, философія и исторіографія либо слишкомъ мало, либо даже вовсе не имѣютъ отношенія другъ къ другу. Теперь мы противопоставимъ имъ второй главнѣйшій отдѣлъ зачинающейся исторіографіи — принадлежность эпохъ половинной цивилизаціи, отдѣлъ, появляющійся заодно съ психологической поэзіей и съ болѣе практической философіей жизни.

XVI

Мы говоримъ о томъ, что въ средніе вѣка въ Италиі называлось *ricordo*, въ древнемъ Римѣ исторіей, въ новѣйшее же время мемуарами. Они относятся къ лѣтописи какъ практической опытъ къ ученому изслѣдованію, личное знаніе свѣта къ знанію книжному, журнальное обозрѣніе текущихъ событій къ голому о нихъ извѣстію. Этотъ отдѣлъ составляетъ вмѣстѣ съ лѣтописью не только два главныхъ источника всякой исторіи, но и главнѣйшія ея формы, изъ которыхъ каждая необходимо должна уступать каждому художе-

ственно-законченному историческому произведенію; этотъ отдѣлъ важенъ для историческихъ наблюденій и для сужденій объ историческихъ событіяхъ, какъ лѣтопись для матерьяла. Разсказъ о прошедшихъ событіяхъ — задача лѣтописца, сужденіе о нихъ — задача мемуариста. Въ мемуарахъ мы не найдемъ простаго безпристрастнаго созерцанія, но пытлиую наблюдательность и основанныя на ней приговоры. Мемуариста привлекаютъ болѣе характеры, дѣйствующія лица, причины и слѣдствія событій, нежели самыя событія; возникая въ эпохи сознающаго себя разума, дальновидной политики, ловкихъ правительственныхъ распоряженій, мемуары не довольствуются тѣмъ, что видитъ невооруженный глазъ: онъ прибѣгаетъ къ зрительной трубѣ, — и дойдя до предѣловъ, полагаемыхъ исторіи временемъ, стараются по выводамъ и вычисленіямъ заглянуть въ глубину будущаго; для нихъ привлекательны тайны грядущаго; непредполагая самонадѣянно, какъ лѣтописецъ, вмѣшательства божества, они стремятся открыть въ жизни сокровенныя побужденія людей и часто переносятъ читателя съ широкой общественной арены въ частную жизнь дѣателей. Мемуары субъективны, какъ лѣтопись объективна; они поставляютъ все въ извѣстномъ, определенномъ свѣтѣ, смотрятъ на вещи съ извѣстной точки зрѣнія и потому обозрѣваютъ ихъ легко, и въ этомъ отношеніи далеко оставляютъ за собою лѣтопись. Практическій, моральный и политическія цѣли слишкомъ обыкновенны въ мемуарахъ, составитель которыхъ слишкомъ далекъ отъ уваженія къ предмету до забвенія своей личности, и колеблясь лично относить его къ себѣ; онъ ставитъ себя какбы въ центрѣ разсказа и тѣмъ самымъ ирривужденъ ограничиваться настоящимъ, тогда какъ лѣтописецъ отрицаетъ то, что извѣстно ему изъ прошедшаго; одинъ сообщаетъ только то, что извѣстно ему по слухамъ, другой только то, чего былъ онъ участникомъ или свидѣтелемъ. Ухо такъ же довѣрчиво, какъ глазъ недовѣрчивъ; и писателю мемуаровъ можно бы было довѣрять во всемъ неограничено, еслибы преобладаніе субъективности въ его разсказѣ не открывало туда свободнаго доступа разнаго рода страстямъ и пристрастію. Сосредоточиваясь на незначительномъ періодѣ времени, ограничиваясь извѣстнымъ кругозоромъ, сочиненіе его пріобрѣтаетъ замкнутость и единство, которыхъ натурально нельзя искать въ лѣтописи. Онъ затрогиваетъ въ своихъ мемуарахъ текущій интересъ дня, а не постоянные интересы своего народа; дипломатическіе пріемы настолько отдаляютъ его отъ народа, насколько патріотическіе пріемы сближаютъ съ народомъ лѣтописца. Подобно драматургу, онъ изображаетъ все въ дѣйствиіи; какъ на древнемъ театрѣ, онъ оставляетъ эпическое дѣйствіе за кулисами, вы-

водя на сцену интригу и психологическую катастрофу. Познакомившись съ мемуарами въ дѣтской, ничѣмъ нетронутой формѣ ихъ, весьма легко замѣтить такой драматическій характеръ. Уже Ксенофонтъ оживленъ драматически въ сравненіи съ Фукидидомъ; а народные романскіе историки Жуанвиль, Мунтанеръ и др. почти исключительно театральны; у нихъ есть даже перемѣна сценъ, встрѣчаются даже *ricordo* въ драматической формѣ. Какъ драматургъ, представляетъ каждый характеръ односторонне, ибо онъ, представляя его въ ограниченномъ дѣйствіи, принужденъ представлять его только съ одной стороны (напримѣръ многосторонній Одиссей въ трагедіи необходимо сглаживается въ весьма одностороннюю личность), такъ и мемуаристъ: въ панегирическомъ или полемическомъ рѣсположеніи онъ кладетъ на своихъ героевъ то самыя яркія краски, то самыя мрачныя тѣни.

XVII

Есть такіе эпохи и народы, которые почти исключительно производятъ только этотъ родъ бытописанія. Такое направленіе мы видимъ въ Римѣ, начиная съ той поры, когда въ него проникаетъ греческая культура, и въ Италіи — въ періодъ возрожденія древней классической литературы. Народу, вырабатывающему по преимуществу субъективную національность, какъ напримѣръ французы, народу, который не полагаетъ, подобно Риму и Арагоніи, славы въ своемъ прошедшемъ, въ быломъ блескѣ, въ своей древле-исторической жизни, въ своемъ происхожденіи, въ старинныхъ, изъ вѣка въ вѣкъ идущихъ обычаяхъ, въ заслугахъ предковъ, народу, который напротивъ того полагаетъ въ настоящемъ свою славу, хотя бы и воображаемую славу, который укрѣпляется надеждами на будущность, которому нѣтъ дѣла ни до старинныхъ лѣтописей, вмѣстившихъ въ себя его исторію, ни до болѣе систематическихъ обзорѣній своего прошлаго, который почти что забылъ свою старину, — такому народу доступенъ только тотъ родъ бытописанія, который во всемъ противоположенъ лѣтописи, который, подобно капризной модѣ, постоянно измѣняетъ свой характеръ, рисуетъ картины изъ жизни, мало заботясь о внутренней объективной ихъ связи, но самоувѣрено, съ личными притязаньями и теоріями автора, — тотъ родъ, который во всемъ ищетъ новизны, однимъ словомъ — такому народу доступны только мемуары. Собственно говоря, французы, за исключеніемъ послѣдняго времени, сложившагося подъ чуждымъ вліяніемъ, не имѣли иныхъ историческихъ произведеній

кромѣ мемуаровъ; но зато число мемуаристовъ, какъ въ древніе, такъ и въ средніе и въ новѣйшіе вѣка, поразительно; и Виллардуинъ, Жуанвилль, Фруассаръ, Комминъ и кардиналъ Ретцъ останутся здѣсь всегда превосходными образцами. Если исключить послѣднее время, то Вольтеръ останется во главѣ французскихъ публицистовъ; но и въ знаменитомъ сочиненіи его господствуетъ духъ и характеръ мемуара: онъ смотритъ на всю исторію слишкомъ субъективно; въ немъ положительно нѣтъ способности переноситься въ міръ чуждый ему и его интересамъ.

XVIII

Такимъ образомъ мы должны изучать прагматическую исторію и опредѣлять ея природу не по Полибію, у котораго обнаруживаются только зачатки ея, но потому, какъ она является во всѣ эпохи, когда великіе итальянцы Паоло Сарпи, Гвичьярдини и Давила, становятся образцами въ этомъ родѣ бытописанія, когда онъ рѣзче выясняется во многихъ историческихъ произведеніяхъ и даже самое понятіе прагматизма иначе и точнѣе опредѣляется отдѣльными историками. Незыбная своему происхожденію изъ мемуаровъ, прагматическая исторія довольствуется психологическимъ объясненіемъ причинъ и слѣдствій событій и относитъ все къ человѣческимъ побужденіямъ, тогда какъ вѣрующій и суевѣрный историкъ приписываетъ каждое событіе милующему и карающему божеству. Открыть отдаленныя причины, разоблачить тайныя стремленія и страсти, изслѣдовать извѣдины человѣческаго сердца и ума, но самымъ тонкимъ нитямъ восходить до самаго источника событій, но до чисто-человѣческаго источника; провести начало и конецъ его далѣе тѣхъ предѣловъ, которые полагаются ему обыкновеннымъ наблюдателемъ, словомъ — какбы всюду присутствовать, знать всѣ человѣческія побужденія и во всемъ удовлетворяться ими, — таковы признаки прагматизма, которыми рѣзко отличается прагматическая исторія отъ исторіи хронографической. Онъ не подозреваетъ, что въ подсолнечномъ мірѣ есть много такого, чему можно знать безчисленные ближайшіе и дальнѣйшіе поводы, все-таки незная при этомъ ихъ крайнихъ оснований; онъ не подозреваетъ, какъ много въ мірѣ неподлежитъ вполнѣ объясненію человѣческимъ умомъ и произволомъ; онъ не замѣчаетъ, что многіе факты, при первомъ появленіи своемъ, уже носятъ на себѣ слѣды невидимой связи съ тайными силами и не сознаетъ, что объясняя человѣческія событія мелкими личными побужденіями, онъ слишкомъ

узкимъ мѣриломъ мѣритъ великій ходъ всемірной исторіи, основанной на вѣчныхъ и непреложныхъ законахъ.

XIX

Люди, часто далеко не принадлежащіе къ разряду обыкновенныхъ судей, но извѣстные какъ замѣчательные умы, признаютъ иногда прагматиковъ за *pop plus ultra* между историками; и всѣ великіе мужи, начиная съ Полибія и кончая современными англичанами и Спитлеромъ, имѣвшимъ задатки стать во главѣ ихъ всѣхъ, писали прагматическую исторію. Этимъ родомъ исторіографія безспорно сдѣлала шагъ впередъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы всегда должны изслѣдовать причины и результатъ историческихъ явленій, объяснять ихъ по возможности безъ натяжекъ, невыходя изъ предѣловъ человѣческой дѣятельности; каждый историкъ долженъ быть настолько же прагматиченъ, насколько хронологиченъ, — но ему опасно остаться только хронографомъ и прагматикомъ. Какъ обстоятельства, при которыхъ образуется патріотическій историкъ, естественно обуславливаютъ то, что онъ ограничивается цѣлью лѣтописца, точно также естественно, въ извѣстныхъ условіяхъ развитія, ему сдѣлаться мемуаристомъ, хотя и въ широкихъ размѣрахъ. Въ исторіи предъ нами возникаютъ обширные факты, которые легко улавливаются чисто-человѣческими и очевидными побужденіями, замѣтивъ которыя, прагматикъ думаетъ, что онъ все замѣтилъ. Чѣмъ прагматичнѣе, тѣмъ лучше исторія такихъ эпохъ, какъ напримѣръ новѣйшее время въ исторіи Англіи, или эпоха матерьяльнаго возвышенія британскаго могущества со времени открытія Америки, вслѣдствіе развитія торговли, колоній, изобрѣтеній машинъ. И объясняя такія событія высшимъ историческимъ развитіемъ, историкъ былъ бы смѣшонъ. Впрочемъ есть еще болѣе основательное оправданіе прагматизма. Народный историкъ, какъ мы уже видѣли, примыкаетъ къ юношескимъ эпохамъ народа: онъ предпочтительнѣе всего описываетъ великіе общенародные подвиги. Ему выпалъ на долю ранній періодъ національнаго развитія, когда вся масса является активной и отдѣльныя лица дѣйствуютъ съ первобытной силой — нравственно и матерьяльно, словомъ и дѣломъ. Прагматикъ же появляется въ болѣе поздній періодъ, когда національная сила уже парализована, отдѣльныя личности, выдающіяся изъ массы, ведутъ всѣ дѣла, опираясь на духовныя орудія, интригу, расчеты, дипломатію. Такія эпохи были у римлянъ при Сципіонахъ и триумвирахъ, у итальянцевъ въ XV столѣтіи. Въ такія эпо-

хи, при ослабленіи самодѣтельности въ народной жизни, личный произволъ разрастается до широкихъ размѣровъ, и цѣлыя массы становятся игрушкой личнаго каприза. И потому, непонимая народныхъ стремленій, прагматическій историкъ остается непопулярнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ неудачно сдѣланъ выборъ истинно-великимъ Сарпи, уже упомянутымъ нами. Историкъ-философъ, привлекаемый болѣе изумительными путями судебъ, чѣмъ человѣческими интригами, показалъ бы избранія Сарпи эпохи и событія, и показалъ бы гораздо лучше, хотя бы и не съ такою математическою точностью, на полной исторіи сильныхъ національныхъ волненій нѣмецкаго народа время реформаціи, а не на отдѣльной исторіи тридентскаго собора, гдѣ, какъ бы въ сатиру, этотъ великій актъ всемірной исторіи призывается исключительно предъ мелочной человѣческой трибуналь, приговоры котораго подтверждаются только историческими актами. Естественно, что прагматизмъ возникаетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ и въ подобныя эпохи; и потому-то исторія новаго времени такъ однообразна, исторіографія его такъ неблагодарна, и потому-то такъ привлекательно бытописание древняго міра, по началамъ своимъ неизмѣримо удаленное отъ началъ прагматизма. Замѣчаются и другія условія прагматическаго способа. Кто бы сталъ читать напримѣръ Спитлера, еслибы въ своихъ мелкихъ трудахъ по частной нѣмецкой исторіи онъ вздумалъ расточать вмѣсто историческаго эпиграматизма и прагматической совокупляемости, составляющихъ главную ихъ прелесть, — возвышенныя мысли и мечтанія объ обще-историческихъ, міровыхъ законахъ и т. п.? Подобные предметы требуютъ такого именно микрологическаго способа изложенія.

XX

Въ то время, когда лѣтопись и мемуаръ соперничали еще за право преобладанія въ исторіографіи, страсть объяснять все человѣческими побужденіями заставила многихъ прагматиковъ, въ томъ числѣ Гвиччардини напримѣръ, прибѣгать для объясненія и доказательства даннаго факта ко множеству еще болѣе мелочныхъ и мало-важныхъ явленій, и потому произведенія такихъ историковъ такъ же растянуты, какъ и хронки. Между тѣмъ отличительная черта прагматика та, что онъ всюду ждетъ единства, котораго, какъ мы уже видѣли, нѣтъ у хронографовъ. Онъ такъ хорошо понимаетъ требованія художественности въ дѣлѣ исторіи, что старается всегда достигнуть въ своихъ произведеніяхъ вполне и совершенно цѣлост-

ной гармоніи между частями и тяготѣнія ихъ къ одному общему центру. Онъ примѣняетъ къ обширнымъ историческимъ произведеніямъ требованіе, высказанное Аристотелемъ, о томъ, чтобъ они были удобопонятны и удобообозримы. Все это онъ можетъ еще подчеркнуть у Полибія, и дѣйствительно все это встрѣчается уже въ прагматическихъ теоріяхъ историографіи. Но результатомъ было то, что слѣдуя примѣру Полибія, прагматики стали искать единства только во внѣшней формѣ.

Полибіій думалъ придать своему произведенію единство, придавши органическую связь прежде разрозненнымъ событіямъ, начиная съ того времени, когда все поступаетъ въ общее отношеніе къ Риму и его всемірному господству. Но еслибъ подобное единство обуславливало художественность историческаго произведенія, тогда историку стоило бы только ограничиться извѣстными предѣлами, и онъ достигъ бы желанной цѣли. И самымъ интереснымъ родомъ бытописанія была бы тогда біографія, какъ дѣйствительно она и составляетъ, по несложности предмета, напримѣръ у Эгингардта и Ассера, первый шагъ къ болѣе средоточенной исторіи. Дѣйствительно, въ біографіи почти всегда проведено столько единства, или выражаясь уже принятымъ нами словомъ, столько прагматизма, что въ настоящую минуту трудно даже указать на какое-нибудь отдѣльное произведеніе въ этомъ родѣ, которое бы болѣе другихъ соответствовало требованіямъ прагматизма. Въ послѣднее время на этомъ основаніи построена даже цѣлая теорія, которая такъ отличаетъ біографію отъ исторіи: въ первой самъ человѣкъ является свободнымъ источникомъ своей дѣятельности, слагающейся въ одно стройное цѣлое, тогда какъ во второй онъ покоряется закону необходимости и служитъ орудіемъ высшихъ назначеній. Неизмѣнная задача исторіи — уяснить взаимныя отношенія свободы и зависимости, ихъ борьбу и постоянныя смѣны, и біографія не можетъ подлежать какому-либо иному закону. Жизнь великаго человѣка имѣетъ міровое историческое значеніе и никогда не можетъ быть изолирована и выдѣлена изъ всего историческаго организма, и біографія, если понимать въ обыкновенномъ смыслѣ, никакимъ образомъ не показала бы намъ напримѣръ Лютера, ибо все значеніе его скрывается въ назначеніяхъ провидѣнія; и кто не укажетъ намъ гласъ божій во гласъ народномъ еще до эпохи Лютера, кто не укажетъ намъ его и въ эпоху Лютера, и въ послѣдующее за ней время, тотъ не покажетъ намъ всего античнаго величія, въ которое облеченъ Лютеръ какъ представитель народной воли и духа времени, какъ воплощенная идея, тотъ не откроетъ источника вліянія, которое производилъ онъ такъ долго изъ-за могильныхъ предѣловъ.

XXI

И далѣе: тотъ, кому біографія показалась бы слишкомъ ограниченной формой, но кому вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлось бы безъ большого труда достигнуть историческаго единства въ своихъ произведеніяхъ, тотъ можетъ весьма улачно остановиться на какомъ-нибудь отдѣльномъ фактѣ, на исторіи Фоммы и т. п. Въ самомъ дѣлѣ труды Салюстія гораздо выше произведенія Фукидида и на томъ основаніи, что они достигли такого высшаго единичнаго построенья. Часто болѣе художественные писатели разрабатывали подобные отдѣльные факты, и «Возстаніе мауровъ» Мендозы въ средніе вѣка, вмѣстѣ съ только что упомянутыми произведеніями древняго міра, служатъ въ нѣкоторомъ отношеніи образцами историческаго изображенія, даже образцами мемуаровъ, но вовсе не исторіи. Аристотель ставилъ эпическое произведеніе, единство котораго основывается на случайности факта, на изолированности его отъ другихъ событій, на характерѣ той или другой личности, гораздо ниже тѣхъ эпическихъ трудовъ, которыхъ единство зависитъ отъ единства дѣйствія, и которыя, какъ бы ни были они раздѣлены, постоянно сливаются въ широкій и замкнутый кругъ. Также точно относятся и разбираемые нами историческіе рассказы къ труду Фукидида, который избралъ своимъ предметомъ только одну войну, но разработалъ ее какъ фактъ исторіи своего времени, какъ фактъ всемірной исторіи, какъ цѣпь событій, которыя, долго подготавливаясь, должны производить продолжительное вліяніе на послѣдующія историческія судьбы, и который наконецъ самъ ясно высказалъ, что онъ никогда не сталъ бы тратить свой талантъ на разработку такого малонажнаго событія какъ война, еслибы избранная имъ война не была однимъ изъ величайшихъ историческихъ переворотовъ, какъ онъ увидѣлъ то, всматриваясь во внутреннее состояніе своего народа. Стремленіе же къ высшему единству порождаетъ, особенно въ трудахъ многихъ англичанъ, напримѣръ Роско, Уатсона, Робертсона и др., ту удобообозримость, ту щепетильную округленность формы, которая усвоена во многихъ нѣмецкихъ произведеніяхъ исторіи, хотя можетъ-быть она противнѣе всей размытости и безобразности хроникъ. Здѣсь ради изящности, которою страдаетъ и Макиавель, вытѣснены всѣ подробности, которыя не вкладываются въ принятыя рамки, между тѣмъ какъ подробностями историческій трудъ пріобрѣтаетъ особенную полноту и живость. Въ этихъ натянутыхъ историческихъ трудахъ вы не встрѣтите, какъ и слѣдовало ожидать,

ни неполноты и разрозненности въ главномъ матерьялѣ, ни неопредѣленности и темноты во второстепенномъ: въ нихъ все обрѣзано и округлено, тогда какъ истинное историческое произведеніе всюду требуетъ пополненій и объясненій. Такъ «исторія Карла V» Робертсона чрезвычайно отдѣлана, удивительно легко читается, но несмотря на всѣ введенія, предисловія и послѣсловіе, она до такой степени сужена, что не даетъ никакого, хотя бы самаго отдаленнаго понятія о колоссальномъ поворотѣ среднихъ вѣковъ къ новымъ, что такъ легко должно бы было выказаться въ исторіи Карла V. Сдвѣная въ узкихъ предѣлахъ, она также мало показываетъ намъ броженіе массъ, въ борьбѣ съ которыми трагически палъ императоръ Карлъ V.

XXII

И такъ у народнаго лѣтописца мы не нашли никакого единства; мы не нашли и у прагматическихъ историковъ и мемуаристовъ того единства, которое необходимо для того, чтобы произведеніе исторіи было дѣйствительно историческимъ произведеніемъ. Мы не нашли у нихъ и полнаго соединенія всѣхъ способностей, обуславливающихъ дѣйствительно историческій талантъ. Конечно философскій элементъ встрѣчается тамъ и сямъ въ антропологическихъ наблюденіяхъ прагматика, какъ и поэзія блещетъ иногда въ обычномъ элегическомъ колоритѣ народнаго исторіи, появляющейся обыкновенно на развалинахъ былаго народнаго величія; и даже болѣе: сосредоточенное спокойствіе историка-прагматика, въ то время когда онъ разсматриваетъ факты, будучи поставлено среди борьбы страстей и партій, можетъ возвысить его до безпристрастія, и произведеніе его получить тогда чисто-философскій характеръ, точно также какъ и патриотическій энтузіазмъ можетъ сдѣлать лѣтописца возвышеннымъ поэтомъ. Но, непринимая въ расчетъ того, что энтузіазмъ патриота по большей части реторика (ибо патриотизмъ рѣдко опирается на дѣйствительномъ убѣжденіи въ величіи роднаго народа), и съ другой стороны непринимая въ расчетъ того, что безпристрастіе прагматика по большей части вынужденное, нейтральное, апатичное, что оно принимается даже съ извѣстными цѣлями (какъ на примѣръ Юмозъ), что оно вовсе не вытекаетъ изъ естественнаго, врожденнаго отсутствія прелубѣжденій и предразсудковъ, — оставляя все это въ сторонѣ, мы должны однако признать, что патриотизмъ и безпристрастіе являются здѣсь случайными спутниками историческаго изложенія; они не стоятъ съ нимъ ни въ какой внутренней связи, они не зависятъ отъ исторической мудро-

сти. Историки-прагматики и мемуаристы не произволят никакого благодѣтельнаго впечатлѣнія на сердце и нисколько не воспитываютъ историческаго пониманія; ибо они не обращаютъ нашего вниманія (по крайней мѣрѣ прагматики) на высшія причины, управляющія человѣческими дѣяньями, которыя обнаруживаются въ исторіи, гдѣ каждая страница говоритъ о нихъ, какъ природа о творцѣ. Они черезчуръ рабы своего матерьяла, черезчуръ зависты отъ наблюдательнаго разсудка, сосредоточившагося на разборѣ такого матерьяла, и такъ какъ все вниманіе ихъ поглощается матерьяломъ, то немудрено, что воображеніе ихъ слабѣетъ, оно теряетъ силу, необходимую для того, чтобы овладѣть сложными историческими комбинаціями, съ помощью которыхъ они могли бы подмѣчать тайные пути судебъ, и изъ цѣпи событій, выбранныхъ со смысломъ, развить полную картину человѣческой жизни; въ нихъ нѣтъ силы философскаго отвлеченья, которое навело бы ихъ на тотъ законъ нравственнаго міра, предугаданный Фукидломъ, на ту истину, что «жизнь всѣхъ людей идетъ однимъ путемъ, отражая на себѣ совершавшееся въ погибшихъ уже временахъ; и немудрено тому, кто подмѣтитъ этотъ путь, сдѣлаться пророкомъ грядущаго и предугадать все что таится въ зернѣ еще слабымъ зародышемъ». (Шекспиръ.)

XXIII

Изъ всего разобраннаго нами можно слѣдовательно вывести такое заключеніе: какъ въ поэзіи различаются два главныхъ періода, одинъ основанный болѣе на прошедшемъ, періодъ объективный, народный, другой — тяготящій болѣе къ настоящему, періодъ субъективный, художественный, — такъ и въ исторіографіи выдѣляются такіе же два періода. Главный продуктъ перваго періода — въ поэзіи эпосъ въ начаткахъ и дальнѣйшемъ развитіи свосмъ, въ исторіи болѣе или менѣе простая и совершенная лѣтопись; представители же втораго періода — въ поэзіи драма, въ исторіи мемуаръ, и то и другое на различныхъ степеняхъ своего развитія. Кто не будетъ введенъ въ заблужденіе мелочами и не увлечется ими, тотъ необходимо согласится со мнѣніемъ Аристотеля, удачно подтверждаемымъ историческими фактами, по которому существеннѣйшими родами въ поэзіи признаются только эпосъ и драма. Но въ поэзіи есть еще два второстепенные рода, которые нельзя упускать изъ вида: это лирическая и дидактическая поэзія. Отъ первой — каждый сколько-нибудь знакомый съ ея историческимъ ходомъ дол-

женъ отдѣлить романсъ и рапсодіи, какъ историческіе зачатки и корни эпоса и драмы; и затѣмъ въ поэзіи не останется больше ничего существеннаго, за исключеніемъ музыкальнаго лиризма, который принадлежалъ во всѣ простыя безыскусственныя эпохи скорѣе къ музыкѣ, чѣмъ къ поэзіи, — ибо музыка занимаетъ въ немъ самое видное мѣсто. Такимъ образомъ поэзіи соприкасается здѣсь съ одной стороны съ другою областью искусства, съ другою же — съ наукой. Въ самомъ дѣлѣ, въ дидактической поэзіи удерживается только поэтическая форма и уничтожается всякое поэтическое содержаніе: она произведеніе ума, а не вдохновенія. И дидактической и лирической родъ поэзіи должны считаться побочными вѣтвями поэзіи, во послѣдній, занимающій средину между двумя областями искусства, по всей справедливости можетъ быть названъ посредствующимъ. Подобное же явленіе замѣчается и въ исторіи. Наряду съ хроникой и мемуарами, упомянемъ еще традиціональную исторію (исторію преданій, сагъ, *Sagengeschichte*) и нѣкотораго рода философскую разработку исторіи, и мы отмѣтимъ ихъ какъ переходные роды въ сопредѣльныя имъ области поэзіи и философіи. Говоря о сліивіи поэтическихъ и философскихъ силъ, мы во всякомъ случаѣ имѣемъ въ виду не безсвязное сопоставленіе ихъ, причеъ пострадада бы только историческая производительность, но внутреннее взаимодѣйствіе всѣхъ силъ, при преимущественномъ участіи исторической наблюдательности.

XXIV

Поэтическая традиціональная исторія по времени возникновенія и процвѣтанія своего относится къ до-гѣтонической еще эпохѣ, и мы непремѣнно упомянули бы о ней тамъ, еслибы не старались держаться на чисто-исторической почвѣ; философская же исторія позже мемуаровъ. Подъ поэтическою традиціональною исторіею мы вовсе не разумѣемъ ни вышеупомянутыхъ апокрифическихъ произведеній исторіи, ни тѣхъ хроникъ, которыхъ мы также коснулись мимоходомъ и которыя несвободны отъ различнаго рода вліяній. Произведенія Геродота, Іоанна-барросскаго, Антоніо-салискаго и большей части историковъ Александра не лишены такихъ чуждыхъ исторіи элементовъ, но тѣмъ неменѣе они проникнуты истинно-историческимъ духомъ, и потому нельзя смѣшивать чуждые имъ элементы съ историческими. Когда приходится имѣть дѣло съ народами, еще невыработавшимъ исторіи, но о которомъ, по задачѣ предпріятого труда, необходимо дать какія-либо понятія, тогда ча-

сто дѣлають попытки писать естественную исторію этого народа, и, за неимѣніемъ чисто историческихъ фактовъ его жизни, прибѣгать къ вѣроятнымъ и возможнымъ. Если самый образный, самый пластическій поэтъ впадаетъ въ романтизмъ, касаясь отдаленныхъ и чуждыхъ ему предметовъ, то и исторія открытій земель и народовъ и т. п. едва ли можетъ устранить поэтическій элементъ, ибо одна изъ главнѣйшихъ задачъ ея, представить характеръ событій какъ можно нагляднѣе. Къ подобному отступленію отъ своей области вынуждается историкъ всякій разъ, когда говоритъ о до-историческихъ эпохахъ (чему Гердеръ представилъ самыя неопровержимыя доказательства), ибо здѣсь онъ отрѣшается отъ почвы дѣйствительности. Собственно же поэтической традиціоной исторіей мы называемъ скорѣе поэтико-историческія преданія изъ тѣхъ временъ, когда воспоминанія о событіяхъ, за отсутствіемъ письменности, передавались въ изустныхъ разсказахъ и пѣсняхъ, — мы называемъ скорѣе тѣ исторіи о древнѣйшемъ бытѣ народовъ, тѣхъ Павловъ, Варнефридовъ, Вильгельмовъ мальмберійскихъ и т. п., которые черпали свои извѣстія отчасти изъ народныхъ пѣсней, тѣ баснословные начатки лѣтоисей, старинныя саги Рима, Арагоніи и т. д., которые не отчасти, но уже вполне могутъ быть отнесены въ область поэзіи. Дальнѣйшая характеристика этого рода излишня; онъ не касается практически вопроса о настоящей художественной исторіи, ибо изъ традиціоной исторіи никакъ не развилась никакая-либо отдѣльная отрасль бытописанія, точно также какъ и изъ вспомогательныхъ исторіи наукъ, изъ которыхъ конечно возникли антикварныя филологическія и археологическія исторіи, но которыя могутъ разсматриваться скорѣе какъ вѣтви историческаго изслѣдованія, но вовсе не исторіографіи. Часто историкъ поставяетъ себѣ задачу — разрушать историческія преданія; ученому изслѣдователю это извинительно, но истинный историкъ долженъ обходиться съ ними осмотрительнѣе; саги нерѣдко создаются изъ дѣйствительнаго историческаго опыта и совмѣщаютъ въ себѣ цѣлостное духовное содержаніе исторіи, непосредственную философію національной исторіи. Въ начальныхъ, дѣйствительно заслуживающихъ довѣріе, исторіяхъ племенъ вестъ- и остготскихъ, англо-саксонскихъ и франкскихъ, типически воспроизведено позднѣйшее развитіе испанскаго, итальянскаго, англійскаго и французскаго государствъ; другія же племена сложили вмѣсто того саги, въ которыхъ столь же типически выразился характеръ національностей, какъ тамъ ихъ историческое развитіе. Все, во что вѣрилъ такой народъ, не заслуживаетъ теперь довѣрія какъ историческій фактъ, но въ ряду другихъ фактовъ заслуживаетъ мѣсто какъ фактъ,

пользовавшійся народнымъ довѣріемъ. Если чистая метафизика обращаетъ вниманіе на крайніе вопросы религіозной вѣры, незатрогивая никакимъ образомъ религіозныхъ догматовъ, то исторія точно также обращаетъ вниманіе на внутреннее содержаніе саги, несколько защищая ее подробностей. Что касается вообще изгнанія саги изъ предѣловъ исторіи, то Гёте превосходно замѣтилъ между прочимъ, что распространеніе историческаго скептицизма и критики насчетъ вѣры и поэтическаго чутья обнаруживаетъ въ нашихъ изслѣдователяхъ и историкахъ недостатокъ характера и самостоятельности.

XXV

Мы хотѣли упомянуть еще одинъ родъ, стоящій на границахъ исторіи и философіи и въ которомъ за послѣднее время сдѣламо было нѣсколько опытовъ въ Англии и Германіи. Приемы Гердера въ философскомъ изложеніи исторіи (Гердера впрочемъ болѣе поэта, чѣмъ историка), какъ кажется усвоенные нашими философскими школами, конечно не историческіе, ибо они устраняютъ собою историческій матерьялъ, и не философскіе, ибо здѣсь все подчиняется исторической формѣ; но ихъ трудно отрицать, какъ и вообще всѣ смѣшанные роды, которые возникаютъ обыкновенно на границахъ опредѣленныхъ наукъ. Философія можетъ избрать своимъ предметомъ бытописаніе, но тогда явится уже историка, теорія исторіи, въ которой задача ея рассмотретьъ природу исторіи и объекта бытописанія (и чѣмъ подробнѣе она можетъ быть, тѣмъ обстоятельнѣе), точно такъ какъ философія искусства, говоря о природѣ художника и искусства, должна говорить и объ области идеальнаго, отъ которой существенно зависитъ эта природа. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ въ большей зависимости историкъ отъ своего объекта, тѣмъ чаще сдѣлаво бы останавливаться на разборѣ его, и мнѣ кажется философія давно бы могла найти себѣ здѣсь широкое поле для разработки. Государство, поэзію, все что исторія представляетъ въ непре- ставномъ движеніи, она рассмотритъ какбы въ застывшемъ положеніи (между тѣмъ она едва только начала пользоваться результатами исторіи при разработкѣ политическихъ и эстетическихъ вопросовъ), и уклонившись отъ этой задачи, она принуждена будетъ принять чистую форму исторіи и превратится въ исторію государства, поэзіи и т. д. Но такъ же ошибочно было бы сказать, что это вовсе не дѣло историка, что историкъ не смѣдуетъ писать исторію идей, отвлеченныхъ отъ фактовъ, хотя его трудъ опять-таки былъ бы произведеніемъ смѣшаннаго рода. Съ подобными притязаньями

легко дойти до того убѣжденія, что историкъ долженъ остерегаться всякаго философскаго изложенія своего предмета ; а въ такомъ случаѣ онъ можетъ съ успѣхомъ протестовать , ибо по крайней мѣрѣ при настоящемъ положеніи науки ему гораздо легче отстоять свои права, чѣмъ философу. Если философія не могла еще до сихъ поръ стать въ опредѣленные отношенія къ исторіи , то это обнаруживаетъ скорѣе слабость исторіи, чѣмъ философіи, ибо научно-философская разработка исторіи слишкомъ незначительна, слишкомъ затруднительна при практическомъ характерѣ исторіи. Въ философской разработкѣ матерьяла исторіи и естествознанія, рѣшеніе главнѣйшей задачи зависитъ отъ самой исторіи и естествознанія. Масса матерьяла далеко еще не вся разсмотрѣна, не вся поставлена въ надлежащемъ свѣтѣ, и неслѣдуетъ предупреждать эту подготовительную работу общими взглядами. То что извѣстно у насъ подъ именемъ философіи исторіи (человѣчества), можетъ-быть выказываетъ философскіе задатки, но нисколько не выказываетъ историческаго опыта и размышленія. Если такіе люди, какъ Герлеръ и Квятъ, постоянно ищутъ въ исторіи какую-то цѣль, какой-то идеалъ совершенства, какое-то полное единеніе человѣческаго рода и т. п., то можно утверждать, что въ дѣлѣ исторіи они не знаютъ простой азбуки и таблички умноженія, и потому нельзя рассчитывать на ту пользу, какую принесутъ намъ подобныя философскія воззрѣнія.

XXVI

Мы снова возвращаемся къ нашимъ двумъ главнымъ формамъ чистой исторіи, къ которымъ болѣе или менѣе исключительно приобѣгаетъ каждый замѣчательный историкъ. Бытописаніе въ древніе и средніе вѣка придерживалось болѣе хронологическаго способа изложенія, объективныхъ приемовъ ; новое время, разрабатывающее въ поэзіи драму, почти необходимо склоняется въ исторіи къ субъективной разработкѣ. Ибо историкъ новой эпохи трудно освободиться отъ общаго убѣжденія касательно приемовъ изложенія, по которому факты и матерьялъ важны настолько, насколько они служатъ идеѣ автора. И составитель хронологической или прагматической исторіи имѣетъ теперь такъ же мало правъ на званіе историка, какъ эпосъ и драма, въ силу только своей формы, на значеніе истинно-поэтическаго произведенія. Подобно эпикъ, который беретъ изъ матерьяла только то, что стоитъ между собой въ необходимой связи, и устраняетъ то, что могло бы превратить его произведенія въ растянутый романъ, и историкъ останавливается въ цѣли

фактовъ на необходимомъ, и боится впасть въ безсвязность и безцѣльность лѣтописца. Какъ художникъ стремится къ первоначальнымъ, идеальнымъ формамъ тѣла, а поэтъ къ идеальнымъ типамъ характера, такъ и историкъ долженъ изучить чистый образъ событій и смѣло и вѣрно выцѣлять изъ случайностей все существенно важное. А въ исторіи важно то, что совмѣщается съ историческою явлею. (Мы оставляемъ въ сторонѣ все относительное этого понятія, ибо и тѣ идеи, которыя историкъ поставляетъ соединительнымъ элементомъ въ произведеніи, въ свою очередь важны болѣе или менѣе.)

XXVII

Когда историкъ при разборѣ историческихъ событій обращаетъ вниманіе и на пути судьбы, какъ то дѣлаетъ каждый мыслящій человекъ въ своей обыденной жизни, когда онъ старается замѣтить въ безсвязномъ ходѣ явленій законы обще-мірового строя, безъ которыхъ исторія лишена всякаго смысла, тогда вся хаотическая масса сама собою разлагается на извѣстныя группы, изъ которыхъ каждая получаетъ опредѣленныя границы и всѣ между тѣмъ связаны другъ съ другомъ историческими идеями, въ которыхъ рѣзко обнаруживаются пути провидѣнія. Здѣсь мнѣ остается только указать на вышеупомянутый трактатъ Гумбольдта. Эти идеи незримо идутъ рука объ руку съ событjями и виѣшними явленjями, они проникаютъ въ исторію, вводятъ въ нее опредѣленныя формы. Историкъ, который изслѣдуетъ ихъ сущность и значеніе, какъ возникновеніе и первое появленіе, ихъ стремленіе къ побѣдѣ и господству, ихъ исчезновеніе предъ другими вновь возникшими идеями, — такой историкъ ведетъ свое дѣло мастерской рукою и открываетъ намъ въ исторіи то, чего никогда не откроютъ изслѣдователи человеческой жизни, подступающіе къ предмету съ фаталистическими, натурь-историческими, теологическими и прагматическими теоріями. Значеніе и вліяніе этихъ идей, даже просто вліяніе ихъ, ускользаетъ по большей части отъ взора историковъ и судій, но никогда не ускользаютъ отъ здраваго смысла людей. Когда они неожиданно вводятъ въ жизнь человечества новыя направленія и съ особенной силой открываютъ тѣмъ пути судебъ, когда, по опредѣленію Лессинга, начинаются великіе періоды въ воспитаніи человечества, тогда люди въ силу внутренней потребности прибѣгаютъ къ идеальнымъ объясненіямъ: они не хотятъ понимать такіа чудныя событjя обычнымъ разсудочнымъ путемъ и называютъ Христа воплощеннымъ словомъ божіимъ. По такому же весьма

естественному чувству избѣгаютъ обыкновенно прагматическихъ объясненій тѣхъ гениальныхъ личностей, которыя въ жизни и наукѣ начивали собою новыя направленія. Мыслящій историкъ, изслѣдуя такія идеи въ событіяхъ и располагая по нимъ факты, раздѣляетъ по этому случаю задачу всѣхъ мыслящихъ людей вообще, которые, выступая на общественное поприще, должны сознательно стать на сторону идей, правящихъ исторію его времени, ибо только тогда наша дѣятельность увѣнчается полнымъ успѣхомъ, когда мы пойдѣмъ неуклонно по пути, предназначенному судьбою для нашего времени, между тѣмъ какъ ставъ въ оппозицію къ ней, мы утратимъ плоды всѣхъ нашихъ трудовъ и усилій. И наблюдая борьбу человѣческой свободы съ законами необходимости, мы открываемъ величайшія драмы, когда видимъ однихъ великихъ людей (Лютера напримѣръ), какбы вступающихъ въ договоръ съ судьбою и точно воплотившихъ въ себѣ новыя идеи, — и другихъ, слишкомъ рано задумавшихъ возвести человѣчество на высшую ступень развитія (Гусса напримѣръ) и пріявшихъ мученичскій вѣнецъ, и третьихъ наконецъ, въ лицѣ которыхъ выступаютъ въ равную борьбу старое и новое направленія (какъ то было въ эпоху Брута и Цезаря). Въ юношескія эпохи человѣчества появляются отдѣльныя великія личности какъ носители такихъ идей; это-то обстоятельство и придаетъ древней исторіи такую пластичность и рѣзкость сравнительно съ новѣйшей, въ которой переиживаются всѣ духовныя стремленія и въ которой тѣмъ необходимѣе разъясненіе этихъ путеводныхъ идей. Излагая новѣйшую исторію съ эпохи реформацій, мы въ тѣхъ самыхъ идеяхъ, которыя пробудили реформацію, имѣемъ уже нить, которая ясно проходитъ по всей массѣ событій за послѣднія три столѣтія, но между тѣмъ никогда не найдешь столько отдѣльныхъ лицъ, съ которыми можно было бы связать свое изложеніе, какъ то возможно въ греческой исторіи, напримѣръ при изложеніи борьбы эллиновъ съ персами. Мы дадимъ болѣе наглядный примѣръ. Европейская исторія за послѣдніе годы представляетъ глубокую внутреннюю связь по идеямъ, но въ ней нѣтъ никакого внѣшняго пункта соединенія. И какъ открыть внутреннюю связь событій за эти годы, не овладѣвъ ихъ историческими идеями? Мы можемъ наблюдать здѣсь вблизи и въ очію дѣятельность и броженіе идей. Долго тлѣвшія, онѣ вспыхиваютъ здѣсь и тамъ; въ тысячи мѣстахъ, въ миліонахъ людей, но всѣ онѣ представляютъ изумительное единство природы и дѣян. Можно возразить, что вызванныя ими явленія подготовлены внѣшними очевидными фактами; но весьма вѣроятно, что эти внѣшніе факты, подготовлявшіе ихъ, не вызвали бы ихъ никогда и что самыя дѣйстви-

тельные изъ нихъ въ свою очередь подготовились продолжительною внутренней работой: теперь обнаружившихся идей. Въ самомъ дѣлѣ частью спокойная и незримая сила, частью внезапность, съ какою она превратила безыгодную почву въ плодородную и всюду пробудила полную жизнь, и та быстрота, съ какою она распространяется повсемѣстно, неприбѣгая къ телеграфамъ и пропагандамъ, — все это ярко выказываетъ неспостижимость и чудесность новыхъ идей. Конечно онѣ не могутъ подлежать законамъ естественнаго развитія, и первое возникновеніе ихъ совершилось вѣроятно не безъ причинъ и поводовъ, — но напрасны останутся всѣ наши изслѣдованія объ ихъ зарожденіи. Мы можемъ прослѣдить историческимъ путемъ, какъ они возникаютъ и являютъ, какъ они растутъ и достигаютъ преобладанія, — и этимъ удовлетворится историкъ; ему приходится имѣть дѣло съ тѣмъ, въ чемъ видны движеніе, жизнь, прогрессъ; ему кажется, что начало и конецъ должны быть скрыты отъ людей, ибо въ противномъ случаѣ земля не скрывала бы сѣмени, лоно матери — зародыша, могила — вѣчности; онъ видитъ въ идеяхъ вмѣстѣ и силу и цѣль, и вдумываясь въ эти творческія силы, избѣгаетъ тысячи заблужденій, въ которыя впадаетъ обыкновенно изслѣдователь конечныхъ причинъ и слѣдствій.

XXVIII

Принявъ въ своемъ произведеніи руководящую нить зарожденіе и возрастаніе такихъ идей, историкъ достигнетъ желаннаго единства. Онъ не вноситъ идеи въ свой предметъ, но она сама вытекаетъ изъ него и представляется наблюдательному смыслу того историка, который незадумываясь весь отдается своему предмету и умѣетъ взглянуть въ него чисто-историческимъ путемъ. И затѣмъ онъ выбираетъ изъ множества фактовъ то, что можетъ нагляднѣе и обстоятельнѣе представить его идеи, и выбранное онъ располагаетъ по найденной нити, съ большею свободой, съ большею поэтической художественностью, чѣмъ могъ бы о томъ подумать лѣтописецъ.

Мало можно насчитать произведеній такого высшаго рода бытописанія, и даже это малое только приблизительно совершенно. Исторія не только рѣдко *разрабатывалась* съ этой точки зрѣнія, но даже рѣдко *разсматривалась*, и самые періоды всемірной исторіи никогда еще не были расположены сообразно ея требованіямъ. Просвѣщеніе внутренняго міра, духовнаго и нравственнаго, расширеніе вѣдѣній предѣловъ историческаго міра, или, что тоже,

большія внутреннія и вѣшнія потребности, или однимъ словомъ — болѣе широкой кругозоръ, открывающійся очамъ людей, — вотъ что раздѣляетъ съ одной стороны чисто-греческій и чисторимскій мѣръ, еще петронуемый чуждымъ вліяніемъ, и съ другой новѣйшее время. И этотъ поворотъ, эта смѣна древнихъ идей новыми, явно обнаруживается въ первый разъ въ Сократѣ, который первый обратилъ философію на внутренній мѣръ чловѣка, въ Александрѣ, который расширилъ историческій мѣръ и началъ разрушать кастовое различіе между людьми, и въ Аристотелѣ, основателѣ всѣхъ наукъ. Здѣсь начало *переходнаго періода*, продолжавшагося до распространенія историческихъ предѣловъ по всему земному шару и до свободнаго проясненія духа въ эпоху реформаціи; этотъ переходный періодъ и есть средніе вѣка, время между древней и новой эпохой, — средніе вѣка, въ имени которыхъ новѣйшіе историки еще ниразу не дали себѣ отчета.

XXIX

Распредѣливъ означеннымъ порядкомъ главнѣйшіе отдѣлы европейской исторіи, мы убѣдились бы самымъ неопровержимымъ образомъ, что только у трехъ народовъ Европы сложилось зерно исторической жизни. Чисто-греческая эпоха — душа древняго міра; исторія Италіи измѣнить совершенно свой характеръ, если разсматривать ее въ эпоху древняго (римскаго) и новѣйшаго развитія какъ ось, вкругъ которой вращается новый и древній мѣръ, какъ сцену, на которой все сосредоточивается въ то переходное время, на которое долѣе чѣмъ гдѣ-либо удерживаются старыя идеи, и ранѣе чѣмъ гдѣ-либо возникаютъ новыя. Затѣмъ въ новѣйшее время на первый планъ выступаютъ чисто-германскія племена съ своею задачей — распространеніемъ реформаціонныхъ идей. Такимъ образомъ только греки, итальянцы, германцы получили чисто-человѣческое нравственное развитіе, не получивъ зато политическаго; только они были самобытными насадителями и охранителями искусства и науки, и они только произвели дѣйствительно великихъ историковъ. На конечныхъ пунктахъ періода, названнаго нами посредствующимъ, переходнымъ временемъ, въ продолженіе которыхъ суровая борьба между природой и культурой не давала развитія истинному бытописанію, на конечныхъ пунктахъ его стоятъ Фукидидъ и Макиавели. Они жили въ эпохи зарожденія такихъ идей, какія рѣдко переживаются чловѣчествомъ. Въ целопонезской войнѣ разгоралась борьба между двумя греческими государствами, ко-

торыя такъ живо воплотили въ себѣ два главныя направленія нравственной природы человѣка, по одному изъ которыхъ половина челоѣчества ищетъ спасенія и блаженства въ полнотѣ и удовлетвореніи потребностей, по другому — другая половина полагаетъ его въ отреченія и лишеніяхъ. Какъ мало знаютъ міръ и исторію тѣ, которыя упрекаютъ Фукидиду въ томъ, что онъ все предшествовавшее этой борьбѣ ставитъ недостижимо ниже ея! Ибо въ ней впервые раскрываются тѣ духовныя силы, которыя не могли раскрыться на востокѣ и которыя Эллада не имѣла случая раскрыть раньше. Въ этой борьбѣ лежитъ зародышъ никогда неутихавшаго спора партій, который продолжался между циниками и киренаиками, эпикурейцами и стоиками, между христіянами и язычниками, и продолжался въ политическомъ мірѣ, религіи, философіи до самой эпохи реформаціи, съ которой онъ начинаетъ мало-помалу терять свою силу. Макиавели стоитъ на порогѣ того времени, когда разливаются широкимъ потокомъ стремленіе къ просвѣщенію, свободѣ и челоѣческимъ правамъ, къ поколебанію всякаго гнета, и это новое направленіе до сего времени, втеченіи трехъ слишкомъ вѣковъ, составляетъ путеводную нить всѣхъ событій. Путь, которымъ Фукидидъ и Макиавели уловили зарождающіяся великія идеи своего времени и примкнули къ нимъ, и построили на нихъ свои произведенія, путь, которымъ одинъ изъ нихъ сумѣлъ создать изъ исторіи войны небольшихъ государствъ картину общечелоѣческихъ судебъ, а другой такую же картину изъ исторіи отдѣльнаго государства, — этотъ путь не остается навсегда путемъ всѣхъ послѣдующихъ историковъ.

XXX

Въ произведеніяхъ этихъ историковъ читатель стоитъ постоянно на исторической почвѣ, въ дѣйствительномъ мірѣ, но въ то же время онъ находитъ въ нихъ и философское содержаніе, и художественную форму, и чувствуетъ на себѣ обаяніе художественнаго произведенія. Пользу, извлекаемую имъ изъ отдѣльныхъ фактовъ, онъ сочтетъ за ничто въ сравненіи съ тѣмъ цѣлостнымъ впечатлѣніемъ, которое производятъ на него эти сочиненія. Они дѣйствуютъ не только на умъ, который всюду и все разъединяетъ и дѣлитъ, но и на сердце, которое во всемъ безраздѣльно; они понятны не отдѣльнымъ стремленіямъ, страстямъ, чувствамъ, но всему челоѣку; они не возбуждаютъ въ немъ пристрастной симпатіи къ тому или другому факту, но разомъ подвигаютъ его къ страстнымъ рѣшеніямъ и вообще къ непреложнымъ янтамъ воли; они научатъ выносить пользу

изъ разсказа , но гораздо болѣе научать и подражать разсказчикамъ , которые судятъ о мѣрѣ съ такія чистымъ мужественнымъ устоємъ и такъ здраво глядятъ на него . Въ дѣлѣ практической политики Макиавели могъ слѣдовать тому пути , по которому примѣненія дѣлались на основаніи далеко не общихъ фактовъ исторіи , и можетъ-быть Макиавели зашолъ здѣсь слишкомъ далеко , но въ его историческомъ трудѣ можетъ быть только одна цѣль — пробудить вообще историческій смыслъ въ читателяхъ и развить въ нихъ понимае практической жизни , какъ то бываетъ въ логическихъ и лингвистическихъ занятіяхъ : отдѣльныя правила исчезаютъ изъ памяти , послѣ того какъ раскроется вполнѣ сила мысли и рѣчи . Ибо , какъ цѣль всякаго художественнаго произведенія поэзіи — пробудить не одно какое-либо благородное чувство , одушевить не къ одному какому-либо прекрасному поступку , но облагородить всего человѣка , такъ и историческій трудъ не даетъ какихъ-либо отдѣльныхъ поученій , но учитъ людей вообще понимать дѣйствительный мѣръ , вращаться въ немъ смѣло и свободно , и сознательно дѣйствовать среди всѣхъ человѣческихъ отношеній .

XXXI

Но , желая производить своимъ разсказомъ такое замкнутое и цѣлостное впечатлѣніе , неотъемлемое у каждаго вѣстиво-художественнаго произведенія , историкъ долженъ быть столь же остороженъ въ выборѣ предмета , какъ и поэтъ . Онъ долженъ выбирать только цѣльныя цѣпи событій , ибо онъ не можетъ судить о фактѣ , не видя предъ собой его заключительной сцены . И потому труднѣе всего приниматься за современные событія , впрочемъ за исключеніемъ того случая , когда по особеннымъ счастливымъ обстоятельствамъ судьба надѣлитъ историка такою же продолжительною жизнью какъ Эукилида , и дастъ ему пережить такое же законченное и богатое событіе , какова пелопонезская война или французская революція : такія событія теряютъ свой раздѣльный характеръ отдѣльности , ибо могучія , сосредоточенныя силы приводятъ ихъ , въ продолженіе немногихъ лѣтъ , къ такому развитію , для достиженія котораго при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ потребовались бы цѣлыя столѣтія . Мысліе Лессинга , что только историкъ современныхъ событій имѣетъ право на названіе историка , уничтожаетъ цѣлую область бытописанія , если всюду провести его вѣрно и строго . Историкъ , какъ и поэтъ , обращается къ прошлому даже съ выгодой для себя ; напротивъ того , разбирая настоящее , онъ

легко впадаетъ въ ошибки мемуариста, и будучи даже болѣе глубокимъ и серьезнымъ историкомъ, становится часто жолчнымъ, впадаетъ въ сатиру, какъ напримѣръ Тацитъ. Изъ массы историческихкихъ произведеній видно, что для бытописанія необходимы возможность обзорѣнія фактовъ съ отдаленнаго пункта и замкнутость изслѣдованія. Древность доступна теперь пониманію историческимъ путемъ; для среднихъ вѣковъ все приведено въ движеніе, но еще все невѣрно, неочевидно, когда дѣло касается приведенія ихъ въ одинъ цѣлостный фактъ; для новой исторіи нельзя кажется назвать ни одной сколько-нибудь счастливой попытки. Даровитому историку позднѣе всего впадетъ на мысль писать всеобщую исторію; обзорѣнія ея принадлежатъ по большей части болѣе слабымъ талантамъ.

XXXII

Такимъ образомъ народныя исторіи, при всей своей обыкновенности, самыя неудачныя. Писатель оканчиваетъ въ нихъ послѣднимъ днемъ своей собственной жизни, и даже нельзя видѣть въ немъ высшаго единства; но создать народную исторію по историческимъ идеямъ — значить изобразить раскрытіе національнаго характера. Немногіе были въ силахъ сладить съ такой задачей. Они должны были сами быть представителями своего народа, и не по одному таланту своему, но и по характеру. — Далѣе, есть эпохи въ исторіи, времена упадка, перехода, зстоя, которыя могутъ послужить предметомъ чисто-художественной обработки, какъ переходный періодъ къ болѣе свѣтлымъ эпохамъ. Нетолько отъ поэта, но и отъ историка слѣдовало бы требовать, чтобы онъ обращался къ тѣмъ изъ историческихкихъ моментовъ, въ которые человечество достигаетъ истинной цивилизаціи и высшей самоудовлетворенности. Не крайней мѣрѣ для насъ изображеніе подобныхъ эпохъ было бы всего полезнѣе, ибо мы чувствуемъ себя въ силахъ добиться здѣсь успѣха; и не потому одному, что это выгодно для нашего состоянія, но и потому, что историкъ этихъ эпохъ найдетъ теиерь въ себѣ болѣе задатковъ. Въ своей природѣ и образованіи мы должны имѣть органъ къ вѣрному воспріятію и изображенію избранной нами эпохи. Каждое художественное произведеніе отвѣчаетъ двумъ требованіямъ: надо познать и то время, къ которому принадлежитъ избранный предметъ, и то, къ которому принадлежитъ художникъ; и онъ достигнетъ этого тѣмъ лучше, чѣмъ больше сходства между той и другою эпохой. Лессингъ представилъ бы Гуттена гораздо лучше въ историческомъ отношеніи, чѣмъ Клопштокъ. Для насъ была бы доступ-

нѣе исторія эпохъ Перикла, Медичисовъ, реформаціи. Нельзя выражать, что при такой строгости требованій у насъ вовсе не было бы исторіи весьма многочисленныхъ предметовъ. Мы говоримъ о высшемъ, о томъ, что долженъ имѣть въ виду истинно понимающій свое дѣло историкъ; природа въ своемъ многообразіи позаботилась и о томъ, чтобы вопреки всякой теоріи возникали бытописатели, которые при выборѣ и обработкѣ своихъ предметовъ ставли въ всякой связи съ своимъ временемъ. Гаммеръ, Нибуръ чаще желали быть въ своихъ произведеніяхъ сынами востока или римлянами, чѣмъ быть тѣсно-связанными съ нѣмецкой цивилизаціей. Подобныхъ людей природа рѣшительно предназначила на соотвѣтствующее ихъ характеру и силамъ дѣло.

XXXIII

Къ такому заботливому выбору никогда не прибѣгнетъ историкъ, недостойный своего имени, историкъ, который самъ не выбранъ къ своему дѣлу обстоятельствами и природой. Многимъ эпохамъ можетъ-быть предназначено производить поэтовъ и философовъ; для произведенія же историка, строго говоря, предназначена только одна, въ которую долженъ поставить его счастливый случай и которую каждый народъ достигаетъ только однажды. Поэтъ и философъ требуютъ для своихъ произведеній только научной жизни, историкъ же вмѣстѣ съ тѣмъ и политической. Активная жизнь — центръ всякой исторіи: потому подъ словомъ «исторія» такъ часто односторонне понимали политическую; это отчасти справедливо, ибо въ активной жизни сосредоточиваются всѣ силы человека. Активная жизнь народа, щедро надѣленного дарами природы, всегда ведетъ за собой развитіе духовной жизни, но никогда не бываетъ наоборотъ. Потому истинный историкъ *по своей воли* выбираетъ предметомъ занятія, и *по необходимости* нуждается для своей субъективной точки зрѣнія въ такой эпохѣ, когда человечество развиваетъ дѣятельность всѣми своими силами; и если бытописаніе такъ возвысило свой предметъ, если оно видитъ въ немъ столько трудности, то потому, что съ каждымъ днемъ увеличиваются справедливыя требованія о сліяніи политической исторіи съ исторіей культуры вообще. Италия богата историками потому, что всегда была центромъ міровыхъ событій и вмѣстѣ съ тѣмъ литературы; Византія тоже имѣла своего рода время историческаго цвѣтенія, когда служила осью восточнаго и западнаго образованія. И наоборотъ: у народа, лишоннаго активной жизни или литературы, никогда не

было настоящаго бытописанія. И потому-то позднѣйшіе историки Англіи произвели меньше, чѣмъ они общали въ XVII столѣтіи, ибо въ народѣ ослабѣла тогда внутренняя жизнь; въ Германіи же почти не было историковъ: въ средніе вѣка въ ней нѣтъ ничего, что могло бы сравниться съ народными историками романскихъ народовъ, и въ эпоху всеобщаго историческаго расцвѣта въ XVI и XVII вѣкахъ, мы можемъ указать на одного только Слейдана, ибо она всегда относилась пассивно ко всѣмъ великимъ историческимъ событіямъ, — къ переселенію народовъ, крестовымъ походамъ, ко всѣмъ политическимъ движеніямъ, возникшимъ изъ реформаціи. На Сплитеръ видно самымъ рѣзкимъ образомъ, какъ скудно ояъ пользуется историческимъ матерьяломъ, при всемъ своемъ блестящемъ талантѣ и великихъ внѣшнихъ побужденіяхъ. Произведенія Нибура и другихъ подобныхъ ему суть произведенія литературы и науки, и одни только сочиненія Шлоссера могутъ быть названы дѣйствительнымъ плодомъ жизни. И они — плодъ всеобщей европейской жизни, не одной нѣмецкой. Но Шлоссеръ, обозрѣвшій почти всю арену исторіи, не остановился ниразу на исторіи нѣмецкой литературы. При такихъ условіяхъ намъ всего менѣе возможно имѣть національную исторію, которая лежитъ можетъ-быть въ основаніи каждаго истинно-историческаго бытописанія. Во всемъ, что выдается у насъ за національную исторію, не можетъ быть оставлено камня на камнѣ. И едва ли мы можемъ надѣяться на такую національную исторію, ибо, оставаясь въ предѣлахъ нашего отечества, мы никогда не приобрѣтемъ благопріятствующаго положенія. Народу надо подняться до болѣе активной политической жизни, и къ этому сильно содѣйствовала бы вѣрная національная исторія. Но кто предприметь ее, тотъ рискуетъ истратить силы на неблагодарный матерьялъ, и только вооруженный талантомъ Мёзера и Лессинга можетъ рассчитывать на какой-либо хорошей результатъ. Такой историкъ былъ бы вправѣ надѣяться на безсмертную славу въ исторіи нашего развитія. Тогда какъ мы превратились въ космополитовъ, благодаря всяческимъ переворотамъ, политическому позору, научному величію, ояъ открылъ бы намъ путь, которымъ можно извлечь результатъ изъ богатаго національнаго опыта и возвести нашу народность до истинно-всемирнаго значенія. Здѣсь кажется заключены всѣ наши надежды.

XXXIV

Все можетъ быть сдѣлано для образованія историка, ибо отношенія, въ которыя ояъ поставляется, могутъ быть самымъ счастли-

выя ; сверхъ того природа должна снабдить его лучшимъ даромъ еще при рожденіи. Все должно клониться къ его совершенствованію, ибо и отъ него все потребуется. Дѣйствительно, самыя занятія ведутъ его къ тому, чтобы онъ сталъ тѣмъ, чѣмъ необходимо ему быть для того, чтобы достойно предстать предъ своей задачей. Старавныя пословицы называли исторію матерью мудрости и учительницей жизни. И точно, она учитъ истинной мудрости, и ни одно изъ моральныхъ знаній не ведетъ такимъ вѣрнымъ путемъ какъ она, ибо она предостерегаетъ насъ отъ впаденія во всякую ложную мудрость педанта и книжника и постоянно удерживаетъ насъ въ тѣсной связи съ міромъ и людьми. Она поставляетъ того, кто посвятитъ себя ей, въ разумное равновѣсіе между восприятиемъ (рецепціей) и творчествомъ (продукціей), ибо всегда историческое изслѣдованіе предшествуетъ самой исторіи, — тогда какъ поэтъ и философъ неразъ подвергается опасности черезчуръ долго остановиться на томъ или другомъ. Она предохраняетъ отъ всякихъ холодныхъ системъ, ибо наблюдаетъ факты въ ихъ истинной природѣ, въ постоянномъ теченіи, и тѣмъ необходимѣе она, какъ сопутница, для тѣхъ наукъ, въ которыхъ обыкновенное разсмотрѣніе фактовъ въ ихъ устоѣ и неподвижности лишаетъ насъ богатыхъ основныхъ истинъ. Она устраняетъ всякій застои, всякій предрасудокъ, всякую узость и ограниченность понятій, эти цѣпи, налагаемыя часто вѣрой и философіей, какъ мы видимъ то на народахъ, которые, неимѣя исторіи и историографіи, впадаютъ въ жертвенный застои подѣ влияніемъ такихъ традиціональныхъ представленій.

XXXV

Исторія по отношенію къ нравственному міру — естественный врагъ всякаго изолированья, всѣхъ келейныхъ добродѣтелей, ибо она учитъ насъ разсматривать общественныя отношенія согласно цѣлому; она убиваетъ въ насъ своекорыстіе, эгоизмъ, всякую аристократическую исключительность и, разоблачая духъ древности, учитъ насъ пользоваться настоящей жизнью, ибо глупо надѣяться на обѣщаную жизнь, невоспользовавшись даннымъ для жизни моментомъ, рассчитывать на высшую ступень, просявъ иодготовительную школу. Она воспитываетъ въ насъ чувство достоинства и раскрываетъ серьезное пониманье жизни. Сначала, при первомъ взглядѣ на пеструю смѣну міровыхъ явленій, чувствуешь какбы головокруженіе; но переждавъ первыя тяжелыя мгновенья, привыкаешь держаться на высотѣ тверже и вѣрнѣе и видѣть все яснѣе

и обстоятельствѣ. Постоянное убѣжденіе въ брѣнности человѣческихъ явленій, но вмѣстѣ съ тѣмъ сокрытая въ нихъ цѣлесообразность, смѣна жизни и смерти, перемежающееся сознаніе свободы и саячъ человѣка, и съ другой стороны зависимости его отъ высшихъ силъ, — все это вводитъ сдержанность въ жизнь и сужденія. Исторія ведетъ своихъ адептовъ въ высшій міръ, и они тѣмъ легче могутъ быть постоянно обдуманы и невозмутимы; трудно вызвать въ нихъ удивленіе, ибо предъ глазами ихъ ежеминутно проходятъ лучшіе цѣсты міровой жизни; того не можетъ прельстить мимолетное, кто переживаетъ сердцемъ и умомъ вѣковую жизнь цѣлыхъ народовъ. Но кто нескоръ на удивленіе, тотъ нескоръ и на осужденіе. Зная цѣну жизни, онъ не бросится на легкомысленное наслажденіе ею, также какъ и на тоску жизни, на модную мизантропію. Онъ не предается ничему съ шумнымъ рвеніемъ, ибо воспламенить его можетъ только прекрасное и возвышенное; исторія приучаетъ его мѣрять все широкой мѣрой. Исторія облагораживаетъ даже Салюстія, и самыя жаркіе порицатели Макиавели не могутъ найти въ его произведеніяхъ ничего достойнаго порицанья.

XXXVI

Исторія открываетъ высшій порядокъ вещей, но первое дѣло адепта ея — записаться ученостью, съ помощью которой онъ можетъ современемъ овладѣть предметомъ. Онъ заранѣе долженъ быть тѣмъ, чѣмъ хочетъ сдѣлать его исторія; и тотъ ничего не совершитъ въ ней, кто ничто самъ по себѣ. Исторія, смотря потому какъ она написана, можетъ быть самымъ высокимъ и самымъ полнымъ предметомъ въ мірѣ: все зависитъ отъ того, что сдѣлаетъ изъ нея историкъ; это тоже что разнообразное примѣненіе жизни, отраженіе которой и есть исторія. Историкъ долженъ обладать замѣчательнымъ знаніемъ и быть самъ высокою жизнью; онъ долженъ вполне обнимать весь кругъ человѣческой жизни; ему не можетъ быть чуждо ничто человѣческое; всѣ области практики, искусства и знанія входятъ въ его задачу. И потому ему необходимо совѣстить въ себѣ стремленія человѣческаго духа; ему должно быть ясно и понятно и то, какъ дѣйствуетъ повѣсть и чего ищетъ художникъ. Это признаетъ даже человѣкъ, на авторитетъ котораго я всегда ссылаюсь неохотно, и мнѣ тѣмъ пріятнѣе привести его здѣсь, что безъ всякаго сомнѣнія его мнѣніе не можетъ быть ошибочно, по крайней мѣрѣ изъ пристрастія къ исторіи, по ремеслу. «Что такое трагедія съ своими отдѣльными характерами — говоритъ Жанъ-Поль — въ сравненіи съ полною трагедіей исторіи? Исторія, охватывая все че-

ловѣчество, требуетъ отъ историка всѣхъ силъ, политическихъ, поэтическихъ и т. д., всѣхъ соединенныхъ силъ Макиавели, Платона и Гомера.» Гёте и Шаллеръ говорили, что поэзія человѣкъ долженъ безраздѣльно посвящать себя, и каждый вполне отдающийся своему предмету можетъ сказать тоже, но исторія съ бѣльшимъ основаніемъ и правомъ. Поэта можно сравнить съ юношей, который раскрываетъ передъ нами идеальный міръ, тогда какъ философъ разумно провѣряетъ прожитую жизнь и ея движенія и спокойно созерцаетъ ихъ. Между тѣмъ и другимъ историкъ производитъ на насъ впечатлѣніе многосторонне-дѣйствующаго и дѣятельнаго мужа; и какъ Гёте воплощаетъ въ себѣ вѣчную юность, такъ Фукидидъ представляетъ первообразъ зрѣлаго мужества, непреклонный среди потрясеній времени, неподвижный среди разрушительныхъ волненій, разумно повелѣвающій тѣмъ, что осиливаетъ другихъ. Но періодъ мужества — центръ человѣческой жизни, и не безъ глубокаго смысла употребляется во многихъ языкахъ слово «мужъ» въ значеніи человѣка. Такимъ образомъ сама исторія опредѣляетъ историкѣ мѣсто въ ряду съ поэтомъ и философомъ. Она сама составляетъ какъ бы ось человѣческаго образованія, полюсы котораго — поэзія и философія; и появленіе исторіи относится къ посредствующему періоду между періодами поэзіи и философіи: Фукидидъ жилъ позднѣе Гомера, но ранѣе Аристотеля.

XXXVII

Поставленный такимъ образомъ въ центръ явленій, какъ распорядится ихъ, лицомъ къ лицу съ человѣчествомъ, которое онъ долженъ изобразить, историкъ самъ долженъ быть представителемъ человѣчества, и дѣйствительно онъ явится только у того народа, который ближе другихъ подходитъ къ общечеловѣческому характеру, и въ такія времена, которыя остаются вѣрны этому характеру. Въ груди своей онъ сохранитъ первообразъ человѣка; полнѣйшая простота нравовъ — вотъ его нравственная точка зрѣнія; здравый человѣческій смыслъ и врожденное остроуміе — вотъ его интеллектуальная точка зрѣнія. Исторія не выноситъ ничего неблагого, и Павелъ Ювій, дерзнувшій разработывать ее, останется навсегда заклеяннымъ. Точно также и умственная односторонность: она нигдѣ не является въ такомъ невыгодномъ свѣтѣ, какъ въ исторіи. Можетъ-быть въ поэзіи и въ философіи интересно бываетъ прослѣдить странныя умозаключенія какого-нибудь индивидуума, во эксцентрическія мнѣнія и натянутыя положенія несовмѣстимы съ идеей истиннаго историка; историкъ гибнетъ въ скептицизмѣ и въ

противорѣчіи съ общимъ здравымъ смысломъ человѣчества. И такой простой взглядъ на вещи требуемъ мы отъ новѣйшихъ историковъ, которые полагаютъ славу въ своеобразности, оригинальности, особенности болѣе, чѣмъ во всемъ чисто и обще-человѣческомъ. Онъ долженъ даже не высказывать своего простого и скромнаго сужденія и ограничиться скромною ролью быть всѣмъ и ничѣмъ не казаться ; онъ долженъ, по выраженію Бакона, быть чреватымъ мудростью, но не быть ея воспріемникомъ. Ему нельзя рассчитывать ни на то, что онъ ставеть во главѣ какой-либо новой школы, ни на то, что возбудитъ въ комъ-нибудь признательность ; ибо у толпы нѣтъ обыкновенно смысла для усвоенія простѣйшихъ историческихъ законовъ, и за три столѣтія на основаніи, положенномъ еще Макиавели для познанія законовъ нравственнаго міра, едва-едва только положено нѣсколько камней ! Тысячи научныхъ проблемъ разрѣшаются историкомъ съ меньшимъ трудомъ, ибо на великихъ, совершенныхъ индивидуумахъ онъ можетъ яснѣе изслѣдовать то, что легко ускользаетъ отъ другихъ, принужденныхъ наблюдать въ болѣе ограниченномъ мірѣ, но онъ долженъ оставлять всѣ притязанія тамъ, гдѣ могъ бы по праву гордиться и оспаривать. Онъ долженъ совмѣстить въ себѣ возвышенное пареніе генія съ обдуман-нымъ ходомъ таланта. Ибо что смѣлѣе предпріятія — изслѣдовать строй міра и разгадать устрояющую руку божества въ безпорядочномъ хаосѣ событій ? Какого глубокаго внутренняго значенія исполнится жизнь историка, который выполнитъ полюбную задачу ; какъ строго прослѣдитъ онъ сцѣпленія въ своей судьбѣ, какъ ясно онъ пойметъ свою собственную жизнь ! Быстро пролетая вѣка и тысячелѣтія, онъ долженъ постоянно тащить съ собою баластъ, для облегченія складывая съ себя повременамъ тяжелыя обязанности поэта и историка ; съ геніальною силою комбинаціи соединить обдуманное прилежаніе — вотъ главное требованіе отъ историка.

XXXVIII

На долю историка вышло примирять противорѣчія, и потому ему легко подвергнуться упреку въ противорѣчіи съ самимъ собою. Находили же втеченіи трехъ вѣковъ противорѣчія въ Макиавели, гармонія и послѣдовательность котораго неподражаемы. Историкъ принужденъ рыться въ пыльныхъ актахъ, быть судьей жизни, науки, политики ; желая писать о Каѣ Юліѣ, онъ долженъ изучить многотомныя книги и въ самомъ себѣ имѣть частицу цезаревскаго духа, если онъ хочетъ вѣрно судить о Цезарѣ. Онъ долженъ обладать и даромъ самой тонкой наблюдательности, ибо ему приходится

слѣдить за скрытой игрой человѣческихъ интригъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ въ самомъ простомъ характерѣ предчувствовать великія тайны провидѣнія; онъ долженъ обозрѣвать самыя утопченныя и самыя простыя отношенія людей, носить въ себѣ органъ вниманья для естественнаго состоянія общества и въ тоже время не быть несправедливымъ къ высшимъ ступенямъ жизни, въ періоды болѣе утонченной культуры; онъ найдетъ въ себѣ силы, подобно трагикъ — изобразить страстное поколѣнье героевъ; подобно шваблицу — безыскусственную массу крестьянъ. Онъ ознакомится съ скандальными хрониками, будетъ сопровождать мемуариста въ пріюты порока и разврата, и при этомъ останется чистъ душою и духомъ; съ болѣе протейскою измѣнчивостью чѣмъ Гёте, онъ долженъ слѣдовать смѣняющимся явленіямъ міра, но наблюдательный духъ его пребудетъ столь же спокоенъ, какъ и характеръ. Онъ долженъ быть безъ всякихъ предразсудковъ, но онъ удержится отъ личной борьбы съ ними, и прежде чѣмъ оплакать нацъ заклеймитъ презрѣніемъ самыя вопіющіе предразсудки и заблужденія человечества, онъ объяснитъ ихъ, но съ оправдывающей исторической точки зрѣнія той эпохи и ея потребностей. Неподкупный и безпристрастный, онъ никогда не отступитъ отъ истины, хотя бы она противорѣчила его сердцу, но между тѣмъ не будетъ ни безхарактеренъ, ни низменъ, не будетъ принадлежать къ числу тѣхъ, которые не признаютъ и не отвергають божества. По требованію Луціана, онъ не слерживается ни вѣрой, ни властью, ни отчизной, и между тѣмъ какъ бы онъ писалъ исторію, невмѣля внутренняго чувства къ связямъ религіи, къ народности, отечеству и закону? Съ твердымъ духомъ, неподкупностью и обдуманностью, которую онъ всюду проведетъ, онъ будетъ передавать и обсуживать событія.

XXXIX

Кто серьезно взвѣситъ эти требованья, отъ которыхъ истинное бытописание не можетъ отступить ни на шагъ, и дѣйствительно пойметъ ихъ, тому не покажется удивительнымъ, что писать исторію рѣшаются обыкновенно люди, невзвѣсившіе и непонявшіе этихъ требованій и тѣмъ менѣе способные слѣдовать и сколько-нибудь удовлетворить имъ; а кто взвѣситъ ихъ и все-таки рѣшится на такое предпріятіе, у того нельзя не видѣть мужества мухи, которая изъ любви къ свѣту летитъ къ огню, не боясь опалить себѣ крылья.

СЕМЕЙСТВО ВЪ РАБОЧЕМЪ КЛАССѢ ВО ФРАНЦІИ

(L'ouvrière, par Jules-Simon)

Si nous étions moins indifférents sur la morale, nous trouverions fréquemment que l'intérêt du bon ordre et des bonnes mœurs se concilie très-bien avec le progrès économique.

Незавидна доля многихъ лучшихъ представителей науки и литературы во Франціи, особенно тѣхъ, которые въ наукѣ видѣли не безразличное только стремленіе къ познанію, а кромѣ того и одно изъ средствъ для общаго развитія всей народной жизни, для увеличенія суммы благосостоянія въ большинствѣ народа; а въ литературѣ не одно средство для эстетическаго наслажденія, а главнымъ образомъ могучее средство для распространенія среди народа выработанныхъ современною цивилизаціею, болѣе гуманныхъ идей политическихъ, нравственныхъ и экономическихъ. Гдѣ тѣ люди, которыхъ Франція считала лучшими изъ своихъ писателей-гражданъ, которыхъ сочиненія по справедливости пріобрѣтали всеобщую извѣстность? Гюго проводитъ свою старость въ изгнаніи; Э. Сю умеръ тоже въ изгнаніи, Прудонъ, спасаясь отъ тюрьмы, на которую его осудили за то, что онъ мыслитъ несогласно съ большинствомъ своихъ соотчичей, тоже живетъ въ изгнаніи. Долго было бы перечислять всѣ эти лучшіе умы изъ среды французскаго народа, которые не будучи хладнокровны къ судьбамъ своего народа, платятъ за это тюрьмою или изгнаніемъ. Другіе остаются во Франціи, но ихъ доля не легче тѣхъ, которые изгнаны.

Къ числу оставшихся принадлежитъ и Ж. Симонъ, авторъ книги «L'ouvrière», одинъ изъ немногихъ современныхъ французскихъ ученыхъ, которые нравственную философію представляютъ себѣ не какъ фразы, не какъ средство для пріобрѣтенія хорошаго содержа-

нiя насчетъ народа. Что остается дѣлать ему и подобнымъ ему людямъ? Скрестить на груди руки, какъ дѣлали древнiе стоики, и спокойно смотрѣть какъ все рушится, благоразумно сторонясь, когда обломки грозятъ упасть на его голову? или слѣдовать примѣру Катона-утическаго, который и днѣ не хотѣлъ жить, когда увидѣлъ, что добродѣтель — пустое слово и что мiръ, представителемъ котораго былъ Римъ, пошелъ въ пропасть, къ ничтожеству? Конечно, когда только это остается, такъ и нужно что-нибудь изъ двухъ выбирать. Но недаромъ прошло двѣ тысячи лѣтъ отъ цезарей до бонапартовъ. Человѣчество успѣло приобрѣсти кое-что, чего отъ него уже нельзя отнять. Эти двѣ тысячи лѣтъ принесли свою пользу. Теперь уже нельзя кормить народъ даровымъ хлѣбомъ; онъ и не требуетъ «рапешъ»: онъ требуетъ работы, которую для него и выдумываютъ, ломая и перестраивая цѣлые города. Народъ не требуетъ и «circenses»; до нихъ охотники только bourgeois, да и тѣ платятъ деньги за входъ: и все-таки не пойдутъ, равно какъ и народъ не пойдетъ смотрѣть бой гладиаторовъ или травлю людей дикими звѣрями. Теперь можно предлагать народу оперу и всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ театры, а не циркъ съ его окровавленною ареною, хотя впрочемъ, говорятъ, французское правительство повемногу пріучаетъ народъ и къ этимъ античнымъ увеселенiямъ, начиная съ боя быковъ. Теперь многого нельзя сдѣлать. Нельзя, чтобы Наполеонъ III сказалъ: *oderint, dum metuant*. Напротивъ, и онъ и его *очи и уши* говорятъ громко о томъ, что благосостоянiе народа для нихъ впереди всего, и даже дѣлаютъ кое-что для этой цѣли. Вообще многое перемѣнилось, и современный пессимизмъ можетъ не слѣдовать примѣру Катона, можетъ даже не скрещивать съ олимпійскимъ спокойствiемъ рукъ на груди, хоть потому, что теперь не одна столица въ мiрѣ. Кромѣ Парижа, есть Лондонъ, Брюссель и т. п. Да наконецъ и въ столицѣ Францiи можно какъ-нибудь жить и дѣйствовать для своей цѣли, даже не будучи убѣжденнымъ въ правдивости французскаго правительства и въ великодушiи гг. Морни, Персиньи, Тролонга и др.

Ж. Симонъ не остался безъ дѣла послѣ того, какъ правительство съ идеями 89 года лишило его кафедры. Онъ продолжалъ дѣлать свое дѣло, только нѣсколько другими средствами. Выѣсто устной рѣчи онъ принялся за печать, — средство, прибрѣтенное человечествомъ въ послѣднее тысячелѣтiе, которое служитъ всѣмъ сторонамъ, а всего болѣе той, на долю которой больше правды и безкорыстiя. Послѣ 1852 года онъ публиковалъ нѣсколько сочиненiй изъ области нравственной философи, гдѣ онъ конечно не измѣнилъ своего взгляда на обязанности человѣка. Теперь онъ выступилъ съ сочиненiемъ, которое ближе подходитъ къ современному

господствующимъ обществѣ и къ ихъ потребностямъ. Его характеръ определяется эпиграфомъ, поставленнымъ въ началѣ этой статьи, взятымъ изъ книги Ж. Симона, — т. е. онъ вышелъ изъ области чистой нравственной науки и занимается ея вопросами въ связи съ вопросами экономическими.

Книга Ж. Симона явилась въ этомъ году и успѣхъ ея дѣйствительно необыкновенный. Кромѣ того, что она первоначально напечатана въ «Revue de deux Mondes», она до сихъ поръ имѣла три изданія, каждое по 20,000 экземпляровъ. 60,000 экземпляровъ ея разошлось во Франціи и по всему міру: доказательство, что она затронула вопросъ очень важный, и что люди, подобные Ж. Симону, пользуются уваженіемъ какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ. Эти 60,000 экземпляровъ, если разсматривать ихъ съ точки зрѣнія древняго міра, можно считать какъ 60,000 учениковъ какого-нибудь Платона или Августина; и съ этимъ взглядомъ можно еще не считать зуавовъ властителями міра.

Предметъ, о которомъ разсуждаетъ Ж. Симонъ, не имѣетъ такихъ тѣсныхъ границъ, какъ показываетъ заглавіе книги. Въ ней идетъ рѣчь не только о работницѣ, женщинѣ, но вообще о современномъ состояніи рабочаго класса. Конечно, съ точки зрѣнія нравственно-экономической для него можетъ-быть важнѣе быть работницѣ, такъ-какъ нравственность женщины вообще обращаетъ на себя больше вниманія, нежели нравственность мужчины. По крайней мѣрѣ мы привыкли видѣть рѣже уклоненіе женщины съ нравственной дороги. Если оно имѣетъ мѣсто, это считается погибелью женщины; тогда какъ общественное мнѣніе гораздо снисходительнѣе къ подобному уклоненію со стороны мужчины. Непускаясь въ далекія разсужденія объ основаніяхъ такого взгляда на этотъ предметъ, неразбирая прочности этихъ основаній, можно замѣтить, что моралистъ можетъ больше обратить вниманія на нравственную сторону женщины потому одному, что на уклоненіе женщины общество смотритъ какъ на погибель ея и что въ интересѣ самой женщины, заботясь о ея выгдѣхъ, а не только объ исполненіи ею обязанностей, онъ можетъ обратить особенное вниманіе на ея нравственность съ известной стороны, имѣющей наибольшее значеніе, не абсолютное, а общественное. Съ этой точки зрѣнія и Ж. Симонъ обращаетъ особенное вниманіе на нравственность работницы. Въ экономическомъ отношеніи онъ съ одинаковымъ вниманіемъ занимается состояніемъ какъ отдѣльнаго работника, такъ и работницы, потому состояніемъ цѣлоѣ рабочей семьи, — мужа, жены, сыновей и дочерей. Почти нечего прибавлять, что Ж. Симона интересуетъ, какъ и всѣхъ мора-

листовъ-экономистовъ, преимущественно положеніе фабричныхъ рабочихъ. Книга его поднимаетъ частію тѣже вопросы, которые занимали ученыхъ и прежде. Если книга имѣла такой громадный успѣхъ, это служитъ доказательствомъ, что прежніе вопросы неразрѣшены, что пауперизмъ есть еще проблема будущаго. Замѣчательно, что книга Ж. Симона заслужила между прочимъ большое одобреніе со стороны французской академіи.

Ж. Симонъ далеко не социалистъ въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно понимается это слово. Онъ даже плохо знакомъ съ социальными теоріями, которыя обыкновенно подвергались тому упреку, что они представляютъ только одну, дурную сторону современной промышленности. Между тѣмъ и онъ не обольщается этими парадомъ промышленности, извѣстными подъ именемъ выставокъ, или этими новыми вѣчнозымьящимися волканами—фабричными трубами, этими капиталами, возникшими изъ фабричнаго производства, этою дешевизною фабрикатовъ. Для него самый существенный вопросъ изъ области фабричной промышленности тотъ, какое отношеніе имѣетъ она къ огромному большинству людей, заматересованныхъ ею, — къ рабочимъ; онъ обращаетъ вниманіе и на дешевизну товаровъ, но все-таки не какъ-нибудь абсолютно, а относительно тѣхъ же самыхъ рабочихъ, относительно того, насколько эта дешевизна доступна все-таки огромной массѣ рабочаго населенія по всѣмъ отраслямъ промышленности. А за этимъ у него еще слѣдуетъ вопросъ о томъ, какъ относится та или другая форма промышленности, тѣ или другія обстоятельства къ нравственному состоянію рабочихъ. Этотъ послѣдній вопросъ очевидно служитъ вѣнцомъ всего дѣла. Хорошо понять его значеніе и хорошо разсуждать о немъ было весьма легко Ж. Симону, ученому профессору философіи, извѣстному своими изслѣдованіями изъ исторіи философіи и во время своего профессората возбуждавшаго къ себѣ всеобщее уваженіе и сочувствіе. Въ этомъ отношеніи Ж. Симонъ очень походитъ на Ад. Смита, который тоже прежде всего былъ профессоромъ философіи, и экономистомъ сдѣлался почти случайно. Но человекъ такой учености, какъ Ад. Смитъ или Ж. Симонъ, и случайно сдѣлавшись экономистомъ, пишетъ что-нибудь очень дѣльное и полезное. Его достанетъ на то, чтобъ избавиться отъ односторонности во взглядѣ на какой бы то ни было предметъ. Нетакова судьба экономистовъ другого закала, какъ Бастья и ему подобныхъ, которые оставили купеческую контору или фабрику для того, чтобъ трактовать о предметахъ политико-экономическихъ. Неполучивъ серьезнаго образованія, они рѣшаютъ вопросы политико-экономическіе съ точки зрѣнія купеческой конторы. Всѣ лучшіе экономисты-мыслители при-

належали по образованію къ школѣ гуманизма, тогда какъ изъ коммерческой школы вслѣдъ за Бастья потянулся этотъ рядъ экономистовъ-нигилистовъ, сотрудниковъ «Journal des économistes» и словаря Гильомена, которыхъ достаетъ только на описаніе подробностей банковыхъ, индустриальныхъ, коммерческихъ и другихъ операцій.

Не въ этихъ подробностяхъ состоитъ политическая экономія. Кто какъ ни опредѣлялъ ее, у всѣхъ выходитъ, что предметъ ея есть благосостояніе человѣка, прогрессъ общественный какъ со стороны матерьяльнаго довольства, такъ и со стороны нравственнаго и умственнаго совершенствованія, что — сказать кстати — и не можетъ существовать одно безъ другого. И вотъ это-то хорошо понимаютъ экономисты-мыслители. Это хорошо понимаетъ и Ж. Симонъ, в потому-то онъ, находясь почти исключительно въ области экономической, такъ какъ во всей книгѣ онъ постоянно занимается матерьяльнымъ положеніемъ рабочихъ, въ тоже время нисколько не упускаетъ изъ виду моральной стороны дѣла, но умѣетъ дать ему главное значеніе и приходитъ къ своему главному положенію о необходимости возстановить семейный бытъ, который значительно сократила и поколебала большая промышленность.

Изъ всѣхъ несчастныхъ результатовъ большой промышленности, дѣйствительно непослѣднее мѣсто занимаетъ это разрушеніе семейства. Въ прежнее время, когда господствовало во всѣхъ западныхъ государствахъ хозяйство естественное, какое существуетъ теперь у насъ, положеніе дѣлъ было совсѣмъ различное отъ нынѣшняго. Масса народонаселенія имѣла пропитаніе отъ земледѣльческихъ трудовъ. При крѣпостномъ состояніи на западѣ, если не случалось голоднаго года, пропитаніе всякаго было обезпечено землею, на которой онъ жилъ и на которой работалъ для господина. И господинъ, при незначительности его собственныхъ потребностей, которыя притомъ большею частью удовлетворялись домашними средствами, имѣлъ довольно и для себя, и для своихъ подданныхъ, на которыхъ онъ смотрѣлъ именно какъ на что-то свое, и которыхъ кормить требовалъ его собственный интересъ. Въ отношеніяхъ господина къ подданному было много унижительнаго, иногда жестокаго, но пропитанія въ большей части случаевъ всѣмъ доставало. Когда крѣпостное состояніе мало-помалу исчезло, — отношенія перемѣнились; явились мелкіе фермеры, но масса попрежнему имѣла свое пропитаніе на тѣхъ же земляхъ. Разумѣется жизнь была незавидная, но о чемъ-нибудь лучшемъ имѣли мало понятія, и безъ осо-

бенныхъ несчастій жизнь текла по крайней мѣрѣ не въ нищетѣ. Семейство было крѣпко и занятія въ немъ распредѣлены обыкновеннымъ порядкомъ. Отецъ — въ полѣ на работѣ и на другихъ работахъ внѣ дома, мать — при домашнемъ очагѣ и при дѣтахъ. Городу были предоставлены ремесла и зачатки мануфактуръ.

Потомъ начинаются успѣхи мануфактуръ, земледѣлія, торговли и проч. Фабрики потянули сельское населеніе въ города. Въ земледѣліи началась болѣе старательная обработка почвы; мелкія фермы уступили мѣсто большимъ. Мелкіе фермеры сдѣлались работниками частью на фермахъ, частью на фабрикахъ. Все шло хорошо: спрашивалось много рабочихъ рукъ, заработная плата была высока, народонаселеніе умножалось; капиталы росли, промышленность все развивалась. Наконецъ движеніе остановилось; въ ивыхъ мѣстахъ капиталовъ было такъ много, что они не имѣли помѣщенія; имъ наши помѣщенія въ государственныхъ долгахъ. Въ другихъ странахъ капиталовъ было мало, но и тѣ отдали свою давъ государственнымъ долгамъ. Быстрое движеніе промышленности остановилось. Но народонаселеніе размножалось. Предложеніе рабочихъ рукъ увеличилось. Механическія изобрѣтенія еще увеличили это предложеніе. Тогда внукамъ пришлось расчитываться за долги дѣдовъ. Заработная плата упала.

Несомѣнно, что политическій прогрессъ европейскихъ обществъ, начавшійся съ Франціи и отразившійся частью почти на всѣхъ европейскихъ государствахъ, имѣлъ огромное значеніе экономическое вездѣ. Свобода труда, о которой у насъ такъ много толкуютъ в которую по обыкновенію наша журналистика, начиная съ «Русскаго Вѣстника» до фельетониста Рьянова включительно, нисколько не понимаетъ, въ западной Европѣ получила почти полное приложеніе; только мѣстами остаются въ государствахъ наиболѣе отсталыхъ стѣсненія городскихъ ремеселъ. Что касается до государствъ наиболѣе прогрессивныхъ, тамъ остается сдѣлать слишкомъ немного для полной свободы труда, такъ чтобъ и «Русскій Вѣстникъ» даже пересталъ жаловаться. Но и до сихъ поръ пріобрѣтенные промышленные результаты таковы, что сравнивая настоящее съ прошедшимъ, мы видимъ неизмѣримую разницу, такъ что говорить объ успѣхахъ промышленности во всѣхъ ея отрасляхъ въ нашемъ столѣтіи значило бы повторять общія мѣста, избитыя фразы. Такъ несомѣнны эти успѣхи.

Но разсматривая факты ближе и разсматривая ихъ съ другой стороны, — не со стороны абсолютнаго увеличенія массы продуктовъ, а со стороны относительной, со стороны распредѣленія ихъ, — приходимъ къ тому выводу, который такъ сильно высказанъ лучшимъ

мыслителемъ нашего времени, когда, анализируя результаты всѣхъ экономическихъ усовершенствованій, изобрѣтеній, онъ доходитъ до той фатальной мысли, что все въ экономическомъ мірѣ противъ бѣднаго работника. Протекціонизмъ вредитъ ему; вводятъ свободу торговли — она вредитъ еще больше. Безъ машинъ работникъ изнемогаетъ подъ тяжестью механическаго труда; вводятся машины — онъ совсѣмъ не имѣетъ никакого труда и умираетъ съ голоду или жветъ подавленіемъ. Безъ кредита бѣдный работникъ находится въ распоряженіи перваго bourgeois, у котораго туго набить карманъ; развивается кредитъ — онъ еще болѣе порабощенъ богатому капиталисту, который притомъ давитъ капиталиста небольшого; а этотъ, для довершенія горя, сильнѣе нажимаетъ на бѣднаго рабочаго. Монополія ставитъ работника въ зависимость отъ того, кто ее захватилъ; конкуренція кромѣ того ставитъ его въ зависимость и отъ другихъ капиталистовъ, — и онъ теряетъ всякую возможность какъ-нибудь отстоять свой интересъ и надаетъ подавленный интересами сильнѣйшихъ. Эти выводы имѣютъ въ себѣ что-то пророческое. Дѣйствительно, куда ни обернитесь, вездѣ находите подтвержденіе выводамъ автора «Экономическихъ противорѣчій», и надобно прибавить, что чѣмъ больше вы изучаете быть рабочаго класса въ настоящемъ или прошедшемъ, тѣмъ больше вы убѣждаетесь въ роковой необходимости этихъ выводовъ. Ж. Симонъ, говорятъ, пристрастно, на мѣстѣ изучалъ быть рабочихъ, и добытые имъ результаты подтверждаютъ тѣже самые выводы.

Онъ очень жалѣетъ, что замужня женщина, мать семейства принуждена ходить на фабрику; но послѣ тщательныхъ изслѣдованій онъ приходитъ къ мысли, что это необходимо, несмотря на многія чрезвычайныя невыгоды въ нравственномъ отношеніи для нея самой и для семьи. Еслибы на мѣстѣ Ж. Симона былъ только флюсофъ-моралистъ, напримѣръ Руссо, онъ не обратилъ бы много вниманія на экономическую необходимость: онъ просто отрѣзалъ бы, что женщина не должна ходить на фабрику, будь что будетъ. Ж. Симонъ говоритъ: когда заработная плата мужа недостаточна для пропитанія семейства, то лучшій совѣтъ, который можно дать женщинѣ, тотъ, чтобы она нашла какое бы то ни было занятіе и гдѣ бы то ни было и заработала хоть бы только двадцать су. А отчего же одинъ мужъ не можетъ выработать столько, чтобы прокормить свою семью? Объ этомъ спросите у автора «Экономическихъ противорѣчій». Люди, которые очень гуманно высказываютъ свое *pium desiderium*, чтобы заработная плата хорошаго взрослого работника была достаточна для прокормленія его самого, его жены и двоихъ дѣтей, очень долго останутся только при своемъ желаніи, предполагая, что они

дѣйствительно желаютъ его, если будутъ проповѣдывать *laissez faire, laissez passer*, несмотря на то, что не видятъ нигдѣ осуществленія своего идеала, а напротивъ, замѣтятъ постоянное, все растущее удаленіе отъ него дѣйствительности.

Le Play, французскій инженеръ, издалъ книгу: «*Les ouvriers européens*». Въ этой книгѣ содержится нѣсколько десятковъ экономическихъ монографій, въ которыхъ описывается бытъ рабочихъ въ разныхъ государствахъ Европы. Ле-Пле очень рационально принялся за свое дѣло; онъ описываетъ до послѣдней копѣйки всѣ доходы и все состояніе, движимое и недвижимое, каждаго семейства, вычисляетъ и опредѣляетъ сумму годового пользованія собственностью всякаго рода, потомъ также до малѣйшей подробности описываетъ расходы каждаго семейства. Ле-Пле былъ и у насъ въ Россіи (онъ все описываетъ только по собственному наблюденію), и изъ нашего рабочаго класса онъ описалъ нѣсколько семействъ изъ разныхъ мѣстностей: съ Урала, съ Оки и даже одно семейство башкирское. Описаніе вѣрно до послѣдней возможности; видно, что онъ внимательно изучалъ и спрашивалъ. Онъ перечисляетъ все безъ исключенія, что есть въ домѣ, напримѣръ «*l'arti*» или «*ошотчи*» и т. п., описываетъ каждаго члена поименно, обозначаетъ возрастъ, знанія и т. п.

Несмотря на то, что Ле-Пле взялъ мѣстности неособенно богатыя ни земледѣіемъ, ни промышленностью, все-таки у Ле-Пле, который столь же внимательно описываетъ бытъ рабочихъ другихъ странъ, оказывается, что русскіе рабочіе воставлены лучше нежели большая часть рабочихъ иностранныхъ — я вообще, и въ подробностяхъ, въ питаніи, въ одеждѣ, въ жилищѣ.

Ж. Симонъ знакомъ съ сочиненіемъ Ле-Пле и съ частными изслѣдованіями другихъ о томъ же предметѣ; кромѣ того онъ самъ занимался изученіемъ быта рабочихъ на мѣстѣ, и онъ находитъ, что заработная плата не только одного мужа, но и вмѣстѣ съ платою жены, едва достаточна для прокормленія семьи. Годовое содержаніе семейства изъ рабочихъ — мужа, жены и троихъ дѣтей требуетъ 1228 франковъ, полагая здѣсь самыя умѣренныя, даже едвали достаточныя издержки на все. Напримѣръ для обѣда полагается только около $\frac{5}{8}$ фунта говядины на $7\frac{1}{2}$ коп. серебр. (это для пятерыхъ), или для одежды мужу $12\frac{1}{2}$ р. с. на все: на бѣлье, на платкѣ и на обуви; для троихъ дѣтей тоже только $12\frac{1}{2}$ р. на все. Очевидно, что суммы эти дѣйствительно недостаточны. И несмотря на то, для того чтобы достать ихъ, семейство должно приобрести, впродолженіе своихъ трехсотъ рабочихъ дней, по четыре франка ежедневно. Между тѣмъ средняя плата работнику —

два франка и очень рѣдко три франка, а иногда даже и того меньше. Дѣло ясное, жена должна работать, чтобъ дѣти не умерли съ голоду.

И посмотрите, что же это за жизнь... а это есть жизнь большинства европейскихъ населеній! Мужъ съ ранняго утра уходитъ на фабрику, онъ долженъ четырнадцать часовъ въ день работать; и возвращается поздно вечеромъ. Жена тоже идетъ на фабрику: она должна работать, какъ и мужъ. Но на ея долю достается въ самомъ дѣлѣ больше работы. Она должна раньше встать, чтобы приготовить что-нибудь для завтрака себѣ, мужу и дѣтямъ. Вечеромъ, возвратившись съ фабрики, у нея таже обязанность. Кромѣ того на ея же особенномъ попеченіи дѣти; одинъ изъ нихъ, грудной ребенокъ, другіе тоже невелики. Она должна то и другое для нихъ сдѣлать и утромъ и вечеромъ; гдѣ у нея для этого время? А потомъ она уйдетъ на работу: что будетъ съ ея дѣтьми, кто за ними присмотритъ, кто ихъ накормитъ? Или она сама должна остаться дома? Но тогда имъ будетъ нечего ѣсть. Непріятное положеніе!

Во многихъ мѣстахъ жоны рабочихъ, отправляясь на фабрики, имѣютъ обыкновеніе отдавать грудныхъ дѣтей сосѣднимъ женщинамъ, которыя за деньги берутъ нѣсколько дѣтей и смотрять за ними, наблюдаютъ, чтобъ они не плакали. Но трудно достигнуть, чтобы нѣсколько дѣтей впродолженіи цѣлаго дня не плакали; вотъ эти наблюдательницы и выдумали давать дѣтямъ опиумъ, чтобъ они спали. Знающіе люди нашли, что это значить медленно отравлять дѣтей. Несмотря на то, эта практика продолжается, потому что мать не можетъ оставаться дома. Это дѣлается необходимостью, противъ которой идти нельзя. Но для противодѣйствія ей, въ нѣкоторыхъ городахъ придумали уже сверху, въ средѣ образованныхъ классовъ то, что пофранцузски называется *les crèches*. Эти креші — заведенія, куда матери приносятъ самыхъ маленькихъ дѣтей на время, въ которое онѣ должны работать внѣ дома, т. е. на цѣлый день. Тамъ дѣтей принимаютъ за плату, не поятъ ихъ опиумомъ, а стараются ихъ успокоивать и т. п. Тутъ есть дѣти, которыя только-что начинаютъ ходить, которыя уже бѣгаютъ, и крешъ имѣетъ хорошій видъ, когда всѣ эдакія дѣти проводятъ время въ занятіяхъ, которыя для нихъ придумаютъ. Креші дѣйствительно хорошо устроены; въ нихъ хорошій воздухъ, тепло, за дѣтьми хорошо смотрять. Но во первыхъ за помѣщеніе туда дѣтей нужно платить, а это уменьшаетъ и безъ того скудный заработокъ матери; во вторыхъ крешъ есть одна въ городѣ, и бѣдная мать, идя на работу или возвращаясь съ нея, большею частью должна сдѣлать длинный крюкъ, чтобы отдать или взять своего ребенка. Сколько изби-

той обуви, сколько потерянаго времени и сколько потерянаго труда! А не надобно забывать, что бѣдная труженица еще пришедши домой не можетъ рассчитывать на скорый отдыхъ. Потомъ благочестивые люди выдумали еще разбирать поведеніе матерей; и если оказывается, что мать не довольно хорошаго поведенія, то ея ребенокъ не принимается въ крещъ. Наконецъ если даже мать хорошаго поведенія, иногда ребенокъ непринимается, тоже потому, что ему мѣста недостаетъ. Это по крайней мѣрѣ показываетъ, что матери охотно отдаютъ туда дѣтей. Конечно охотно; лучше же нежели оставлять ихъ однихъ дома, давши имъ опиуму, или отдать ихъ какой-нибудь старухѣ, которая изъ этого дѣла сдѣлала спекуляцію и все-таки понтъ ихъ опиумомъ.

Но будто это нормальная, естественная жизнь? Гдѣ же здѣсь семейство? Вѣдь эта мать, которая грудного ребенка отдастъ въ крещъ, — когда онъ немножко подрастетъ, отдастъ его въ приютъ (asyle), гдѣ онъ тоже проводитъ цѣлый день; потомъ отдастъ его въ школу, гдѣ онъ проводитъ полдня, а потомъ скитается по улицамъ и нерѣдко пропадаетъ; наконецъ, когда онъ еще подрастетъ, отдастъ его на работу, гдѣ онъ тоже проводитъ цѣлый день вдали отъ отца и матери, среди чужихъ.

Гдѣ же здѣсь семейная жизнь? Когда усталый отецъ и еще болѣе усталая мать приходятъ домой, имъ остается нѣсколько часовъ, которые они должны употребить на отдыхъ, на сонъ: въ чемъ они могутъ выказать ребенку свое попеченіе о немъ, свою любовь къ нему и до того ли имъ? А этотъ бѣдный ребенокъ, — какія воспоминанія вынесетъ онъ изъ своего въ казармахъ проведеннаго дѣтства? Гдѣ она, откуда возьмется эта поэзія дѣтскихъ воспоминаній, которая согрѣваетъ душу впоследствии, не дастъ ей зачерствѣть?

Вообще какой видъ имѣетъ семья, устроенная такимъ образомъ, какое впечатлѣніе производитъ она на сторонняго наблюдателя, и какое вліяніе имѣетъ она на самихъ членовъ семьи? Гдѣ радости этой жизни, которыя бы улаждали этотъ тяжелый трудъ? гдѣ цѣль этой жизни, которая ужъ нето-что облагородила бы, но хоть сколько-нибудь запла человека, привлекла его къ себѣ? Вѣдь такъ трудиться, какъ трудятся рабочіе — только затѣмъ, чтобы ѣсть, пить и спать, — это было бы фактомъ мало понятнымъ. Конечно есть много джентльменовъ, которые только для того и живутъ, чтобы ѣсть, пить и спать, и для другихъ удовольствій; и въ нашей литературѣ въ одномъ журналѣ прямохонько такъ и сказано, что нѣтъ другой цѣли для жизни. Но вѣдь это хорошо печатать его сотрудникамъ, которые конечно получаютъ вознагражденіе за трудъ не такое какъ

фабричные работники. И одинъ изъ героевъ Щедрина выражался подобнымъ образомъ, что для него жить значитъ manger, boire etc. Но то, что ѣсть и пить рабочій, стоитъ ли того, чтобы для него только жить, но и трудиться? Эти $\frac{5}{8}$ фунта говядины въ день на пятерыхъ — небольшая приманка!

Но не слѣдуетъ забѣгать впередъ и разсуждать о радостяхъ жизни, прежде нежели исчерпана вся глубина этого быта, прежде нежели сказано что-нибудь о другихъ сторонахъ этой жизни. Мы предполагали, что рабочій трудится цѣлый годъ, т. е. триста дней. Мы не принимали въ расчетъ ни шомажей, т. е. остановки въ работѣ по причинѣ недостатка ея, ни болѣзней. Неговоря о кризисахъ, есть нѣкоторыя отрасли труда, гдѣ шомажы повторяются періодически въ извѣстное время года. Ж. Симонъ вычисляетъ, что парижскія швеи едва ли не половинну года сидятъ безъ дѣла; тоже самое можно сказать о ліонской шолковой фабрикаціи. А каковы опустошенія, производимыя кризисами въ населеніи, которое имѣетъ пропитаніе отъ ежедневныхъ заработковъ? «Тогда — говоритъ Ж. Симонъ — несутъ въ закладъ посуду, постель, послѣднюю, ежедневную одежду. Работникъ, который не имѣетъ ничего, ни сбереженій, ни вещей, сразу принужденъ просить милостыню... Въ 1836 г. на набережной de la Charité (въ Ліонѣ) подняли работника, изможденнаго голодомъ, почти умирающаго. — Я умираю отъ стыда! говорилъ онъ, когда егонесли въ госпиталь. Въ Ліонѣ этотъ бичъ бьетъ въ одинъ разъ восемьдесятъ тысячъ въ городѣ и девяносто тысячъ въ окрестныхъ деревняхъ. Чума и голодъ ничто въ сравненіи съ нимъ. Городъ представляетъ страшный, возмущающій душу видъ вечеромъ. Въ рабочихъ кварталахъ огня нѣтъ, все мрачно. Женщины пробираются какъ тѣни, протягивая руки, чтобы спасти дѣтей отъ голодной смерти; или поютъ голосомъ, который выдаетъ ихъ рыданія, лицомъ оборотаясь къ стѣнѣ, чтобы ихъ не узнали!»

Это особенный случай — общій кризисъ. Такіе случаи рѣдки, это правда. Но какіе слѣды оставляютъ они въ рабочемъ населеніи! Въдл послѣ такого случая состояніе ихъ меньше, нежели состояніе врокеза или дикаря новой Голландіи. И когда поправится ихъ положеніе при тѣхъ заработкахъ, которые они имѣютъ и которые все-таки возвращаются къ нимъ очень медленно? Но частные кризисы, шомажы отдѣльныхъ людей по различнымъ отраслямъ промышленности имѣютъ результаты близкіе къ этимъ. Тоже у работника остается только одно средство: заложить, если есть что, или про-

сить милостыню. А затѣмъ слѣдуютъ еще болѣзни. Болѣзнь для богатаго человѣка не то, что для бѣднаго. Бѣдный перестаетъ работать, перестаетъ и получать деньги; а попрежнему ѣсть и пить надобно что-нибудь, да еще надобно лечиться. Бѣднякъ, который заболѣлъ, не столько страдаетъ болѣзною, сколько тѣмъ, что его жена и дѣти остаются безъ хлѣба. А потомъ еще неизвѣстно, скоро ли онъ выздоровѣвши найдетъ работу...

Нужно ли удивляться, что Э. Бюре пошолъ въ Англiи такое семейство, въ которомъ трое дѣтей лежали на соломѣ буквально безъ всякой одежды, въ то время, какъ мать говоря съ посѣтителемъ, краснѣя отъ стыда, старалась стать къ нему спиною, потому что передняя часть одежды истрепалась до такой степени, что нельзя было показаться кому-нибудь. Отецъ въ это время, несмотря на свое благочестіе, не пошолъ къ обѣднѣ, хотя было воскресенье, потому что было не въ чемъ. «А потомъ», говорилъ онъ, — нельзя будетъ и вообще выдти изъ дому, чтобы искать работы.»

Это разумѣется опять особенный случай; но какой рабочій, при нынѣшнемъ состояніи производства и распредѣленія продуктовъ, гарантированъ противъ подобныхъ случаевъ? Притомъ если не такіе же, то подобные случаи очень многочисленны. Да и чего же можно ждать напримѣръ при томъ бюджетѣ рабочаго семейства, который приведенъ выше? Это совсѣмъ не много — $\frac{5}{8}$ фунта говядины на пятерыхъ; впрочемъ, чтобъ не подумали, что этотъ недостатокъ дополненъ чѣмъ-нибудь другимъ, можно дополнить это росписание содержанія рабочаго семейства. Его обѣдъ составляется изъ этихъ $\frac{5}{8}$ фунта мяса, изъ зелени на пять копѣекъ для пятерыхъ и изъ хлѣба; больше ничего. Это слишкомъ недалеко отъ нищеты.

Или вотъ квартиры, какія рабочіе занимаютъ въ настоящее время напримѣръ въ Лиллѣ, городѣ, переполненномъ всякаго рода фабриками, особенно хлопчато-бумажными.

Впрочемъ слѣдуетъ напередъ сказать, что въ Лиллѣ рабочіе сначала жили въ подземныхъ этажахъ, въ погребахъ. Благодаря дѣйствию комиссiи о нездоровыхъ жилищахъ, погреба большею частью разрушены и работники принуждены были переселиться въ свое старинное мѣстопребываніе, называемое *courettes de Lille*. «Эти *courettes*—ничто другое какъ лабиринты длинныхъ улицъ, которыя упираютъ одна въ другую и состоятъ изъ старыхъ, плохихъ домовъ, дурно построенныхъ, дурно освѣщенныхъ, плохо запаряющихся, гдѣ семейства работниковъ набиты кунами. Въ этихъ улицахъ можно проходить только по одному и нужно идти по всевозможной нечистотѣ. Всѣ эти дома распространяютъ губительный запахъ, потому что отхожія мѣста помѣщаются подъ дѣстищами и

притомъ не запираются. Одно хозяйство занимаетъ рѣдко больше одной комнаты, и за нее нужно платить отъ одного франка двадцати пяти сантимовъ до двухъ франковъ въ недѣлю⁽¹⁾. Окно мало, да и черезъ тѣ проходитъ въ комнаты воздухъ уже испорченный. Во многихъ мѣстахъ они совсѣмъ не открываются. Гостояніе, въ какомъ находятся стѣны, рамы, полы и потолки, *свидѣтельствуютъ только о безпечности владельцевъ домовъ*⁽²⁾. Каминны, если только они есть, находятся въ такомъ видѣ, что ихъ топить нельзя. Здѣсь, какъ и прежде въ погребкахъ, прежде всего васъ поражаетъ малое количество кроватей; рѣдко одно хозяйство имѣетъ ихъ больше одной. Благотворительность, которая въ Лиллѣ очень дѣятельна, раздаетъ много кроватей, и въ продолженіе четырехъ лѣтъ благотворительное бюро роздало три тысячи пятьсотъ желѣзныхъ кроватей. Но семейства, которыя получаютъ ихъ, не всегда могутъ ими пользоваться; случается, что они ихъ продаютъ, а гораздо чаще отказываются отъ нихъ, затѣмъ что ихъ негдѣ поставить.»— Это мѣсто очень красно-рѣчиво говорятъ, что и теперь, какъ и прежде, быть рабочимъ классовъ очень незавидно. Отсюда можно также заключить, что никакія пальятивы дѣлу не помогутъ. Всѣ эти комиссіи могутъ перегнать работниковъ изъ одного мѣста въ другое, но если не сдѣлаютъ чего-нибудь побольше и могущественнѣе, дѣла не поправятъ. Надобно прибавить, что тутъ рѣчь идетъ не о частныхъ случаяхъ. Три тысячи пятьсотъ кроватей довольно хорошо доказываютъ это: столько семействъ находится въ состояніи столь жалкомъ, что они нуждаются въ общественной благотворительности. А сколько еще отказались отъ кроватей по недостатку помѣщенія, сколько отказались по этой гордости, которой не лишонъ французскій работникъ, какъ это можно видѣть хоть изъ того примѣра, что лионскій работникъ, о которомъ было говорено выше, могъ нѣсколько дней ничего не ѣсть и все-таки не просить милостыни.

Въ другихъ городахъ не лучше того, что въ Лиллѣ. «Всѣ фабричные города, — говоритъ Ж. Симонъ — представляютъ тоже самое. Въ Тавиѣ, въ предмѣстьи Коттенбахъ, одна квартира въ двѣ узенькія комнаты, гдѣ живутъ отецъ, мать, дочь и зять съ четырьмя че-

(1) Въ бюджетѣ, приведенномъ выше, на квартиру полагалось семь франковъ въ мѣсяць. Здѣсь выходитъ отъ пяти до восьми. Это показываетъ, что квартиры, о которыхъ идетъ рѣчь, занимаютъ обыкновенными работниками, находящимися въ *особенно* стѣсненномъ положеніи.

(2) Пусть теоретикъ объясняетъ, отчего владельцы этихъ домовъ, побуждаемые собственнымъ интересомъ, не поправятъ своихъ домовъ такъ, чтобъ они были выгодны какъ имъ, такъ и жильцамъ. Здѣсь какъ-будто не подтверждается теорія о фактическомъ согласіи экономическихъ интересовъ. Или подтверждается?

ловѣками дѣтей, не имѣеть другого входа, какъ свиной хлѣвъ, гдѣ владѣлецъ содержитъ прекрасные образчики свиной породы рядомъ съ жильцами. Подлѣ два брата, изъ которыхъ у каждаго есть жена и трое дѣтей: всего десять человѣкъ жили въ комнатѣ, имѣющей отъ семи до восьми аршинъ длины и около четырехъ съ половиной аршинъ ширины, и комната освѣщена только однимъ окномъ. Рядомъ съ этой квартирой, въ одной комнатѣ, даже довольно просторной и порядочно освѣщенной, въ 1855 году во время холеры жили девять человѣкъ; изъ нихъ семеро умерли. Все это народонаселеніе валилось какъ хлѣбные колосья подъ серпомъ жнеца; если смерть входила въ одинъ домъ, то если кто-нибудь оставался цѣлъ, это было чудо.» — Да можно-сказать это и лучше: не весела была бы жизнь человѣка, который такъ скоро оказывался круглымъ сиротой въ мѣрѣ; особенно плохо было бы дѣтямъ.

Было бы долго приводить образчики изъ жизни рабочихъ въ другихъ городахъ. Вездѣ тоже самое; вездѣ эти квартиры съ вреднымъ воздухомъ, безо всякой мебели буквально, такъ что комната представляетъ извѣстную геометрическую фигуру, которой правильность ничѣмъ не нарушается; и надобно еще удивляться этой покорности судьбѣ, съ какою бѣдные люди переносятъ свое положеніе. «Богъ, который для стриженной овцы умѣряетъ вѣтеръ, — говоритъ Ж. Симонъ, — скрываетъ отъ этихъ страдальцевъ нѣкоторую долю ихъ несчастнаго положенія. — *Я конечно небогата*, говорила одна старая женщина, показывая на свою сосѣдку, лежавшую на сыромъ полу погребца, въ которомъ она жила, — но у меня есть слава-богу моя связка соломы». Правда, нельзя сказать, чтобъ эта женщина была богата съ ея связкою соломы.

Всѣ эти случаи — не исключенія: это нормальная жизнь фабричныхъ рабочихъ. Исключенія состоятъ въ такихъ случаяхъ, когда работники живутъ лучше; но это бываетъ только тогда, когда они знаютъ особенное ремесло, очень выгодное и очень рѣдкое. Напримеръ какой-нибудь искусный машинистъ, которому поручаютъ дорогу машину, конечно получаетъ хорошую плату; но очевидно не изъ такихъ состоитъ масса рабочаго населенія. Простымъ рабочимъ — прядильщикамъ, ткачамъ, занятымъ въ металлическомъ производствѣ, въ рудоконныхъ, городскимъ ремесленникамъ — падаетъ на долю жизнь, которой образчики приведены здѣсь.

Какое же вліяніе имѣеть на рабочаго эта жизнь? Это было бы лучше видѣть на мѣстѣ; издалека и по книгамъ судить объ этомъ довольно трудно. Тутъ иногда слѣдуетъ всмотрѣться въ физиономію рабочаго, прислушаться къ тону его разговора, уловить его взглядъ на то что его окружаетъ. До извѣстнаго времени другихъ результа-

товъ замѣтить нельзя, но можно ихъ частью предугадывать, и Ж. Симонъ на это обращаетъ мало вниманія. Въ своей книгѣ онъ только въ одномъ мѣстѣ глухо отозвался объ этой ненависти, которую рабочіе имѣютъ къ богатымъ классамъ и упомянулъ о томъ, что при этомъ положеніи дѣлъ недалеко до возмущенія. Разумѣется о будущемъ трудно судить; на ходъ его еще будутъ имѣть вліяніе тѣ перемѣны, которыя произойдутъ съ теченіемъ времени. Но этотъ фактъ, — вражду рабочихъ къ высшимъ классамъ, ихъ ненависть къ нимъ, отрицать нельзя. Особенно это поражаетъ нашихъ путешественниковъ и путешественницъ. Привыкнувъ видѣть здѣсь совсѣмъ другое отношеніе различныхъ общественныхъ слоевъ, они изумляются, и очень непріятно, когда французскіе рабочіе отнесутся къ нимъ такъ, какъ они не рассчитывали. Наши дамы-путешественницы относятъ это частью къ невѣжливости французскаго рабочаго; это несправедливо. Ужъ чего другого, а вѣжливости у француза станетъ, даже у рабочаго. Особенно вѣжливость съ дамами тамъ вошла въ плоть и кровь всего народонаселенія. Тутъ нужно искать причину нѣсколько глубже; впрочемъ, какъ всякій психологическій вопросъ, этотъ также нуждается въ большемъ количествѣ данныхъ, чтобъ можно было рѣшить его такъ съ такою несомнѣнностью, которая не допускала бы возможности возраженія. Еще труднѣе судить о томъ, что изъ этого выйдетъ. Но зато есть другіе результаты, которые уже успѣли выдти изъ современнаго положенія вещей, и которыхъ связь съ ихъ причиною показать гораздо легче.

Всякій человѣкъ имѣетъ какую-нибудь страсть, привязанность; и какъ бы она ни была мелочна, ничтожна, даже смѣшна, она имѣетъ свою причину существованія. Это частью показалъ покойный С. Т. Аксаковъ въ своихъ «Запискахъ ружейнаго охотника». И надобно прибавить, если эта страсть не имѣетъ въ себѣ ничего вреднаго, — полный ей почетъ, какъ необходимому проявленію человѣческой природы; тутъ именно нужно это уваженіе къ личности, о которой у насъ много толкуютъ. Можно желать и пожалуй должно стремиться къ тому, чтобы какъ частныя такъ и общія, болѣе или менѣе распространенныя въ средѣ народной страсти и привязанности возможности приближались къ идеѣ о человѣческомъ достоинствѣ, чтобы тѣ, которые далеки отъ нея, уступали мѣсто другимъ, болѣе близкимъ. Но во всякомъ случаѣ какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и цѣлое общество непремѣнно имѣетъ что-нибудь, что его занимаетъ, привлекаетъ къ себѣ. Одинъ — библиоманъ до страсти, другой — путешественникъ, третій — охотникъ и т. п. Общественная жизнь представляетъ въ различное время тоже различныя влчлонности. Рязяне, вреневъ имперіи любили покушать, смо-

трѣть игры въ циркѣ, писать стихи; французы во время революціи, какъ афиняне во время Перикла, любили площадь; во время Людовика-Филиппа были рады послушать парламентскихъ дебатовъ; англичане любятъ всевозможныя спорты; янки сочиняютъ всевозможныя предпріятія; итальянцы любятъ пѣніе; русскіе литераторы и ученые прошлаго столѣтія большею частью любили выпить и т. д. Иное время, или пожалуй иной отдѣлъ общества, любятъ простыя патріархальныя нравы, семейную жизнь; въ другое время въ обществѣ или въ нѣкоторыхъ слояхъ его замѣтно предпочтеніе жизни бурной. Разумѣется на все это, и особенно на послѣднее, имѣетъ главнымъ образомъ вліяніе экономическое устройство общества. И небудучи особеннымъ философомъ-моралистомъ, можно понять, что патріархальная жизнь въ семействѣ, кромѣ своего нравственнаго значенія, есть такая, которая наиболѣе можетъ привязать человѣка къ себѣ, можетъ доставить ему наиболѣе удовольствій, противъ которыхъ никакая строгая мораль не пойдетъ сказать что-нибудь; какъ радости, такъ и огорченія, которыя они приносятъ человѣку, принадлежатъ къ такимъ, которыя всего глубже проникаютъ въ его сердце. Недаромъ всѣ романы вертятся вѣчно около одной и той же темы.

Если судить по образчикамъ той жизни въ семействѣ, которая выпала на долю рабочихъ западной Европы, можно ли найти въ ней много такого, что привязало бы къ ней человѣка? Конечно есть натуры, которыхъ ничто не сломитъ, которыя всегда и во всемъ слѣдуютъ своей идеѣ нравственной потребности и долга. Но не изъ такихъ составляетъ большинство. Большинство, особенно малообразованное, слишкомъ много въ своей жизни опредѣляется обстоятельствами, обстановкою. Нетрудно понять, какое вліяніе должна производить на рабочаго его обстановка. Приходя вечеромъ домой съ фабрики, не много утѣшенъ онъ этимъ видомъ грязной и нездоровой квартиры, этими голыми стѣнами, гдѣ его встрѣчаютъ оборванные дѣти, которыя безъ надзора отца и матери растутъ какими-то полулюдьми, и жена, тоже усталая, какъ и онъ, и занятая еще приготовленіемъ скуднаго ужина. Если бы обстановка была лучше, и тогда человѣкъ, трудившійся отъ утра до вечера, не очень расположенъ къ веселому настроенію духа; но тутъ еще этотъ несчастный видъ семьи... и это постоянно всякій день, всякій мѣсяць, всякій годъ!

Рабочій хорошо знаетъ, что еслибы онъ былъ осужденъ на каторжную работу, то и тогда онъ работалъ бы не больше, былъ бы помѣщенъ, одѣтъ и накормленъ не хуже, и для него это высшее наказаніе не представляетъ ничего ужаснаго; напротивъ, иногда въ особенныхъ случаяхъ оно покажется ему гораздо лучше, нежели его

нормальное положеніе. И дѣйствительно, говорятъ, что нерѣдко бывають такіе примѣры, что бѣднякъ, чтобъ не умереть съ голоду, дѣлаетъ преступленіе въ надеждѣ попасть въ тюрьму. Но если онъ имѣетъ склонность къ преступленію, можно ли допустить, чтобъ каторга удержала его отъ преступленія, если его всегдашняя жизнь хуже той, на которую его осудятъ? Но въ тюрьмѣ и на каторгѣ все-таки человѣкъ лишонъ свободы; это нехорошо; и потому онъ находитъ средство улучшить свой бытъ гораздо проще. Конечно это будетъ насчетъ его семейства; да впервыхъ кто же ему внушалъ нравственныя правила? Съ восьми лѣтъ, а можетъ-быть еще раньше, на фабрикѣ, подъ властью грубаго мастера, потомъ подъ властью фабриканта, который наивно признается, что онъ занимается промышленностью, а не филантропіею, нашъ рабочій не много раземлѣ въ себѣ симпатическихъ чувствъ и крѣпкихъ нравственныхъ убѣжденій. И рабочій дѣйствительно ищетъ развлеченія въ семьѣ, т. е. онъ запьетъ. Это и имѣетъ мѣсто въ большихъ промышленныхъ городахъ въ западной Европѣ, какъ и у насъ въ Россіи. Тамъ это только начинается, но уже въ Лиллѣ на примѣръ число пьяницъ изъ рабочихъ достигло почтенной цифры, равняющейся 25% всего рабочаго населенія. Это мало-помалу входитъ въ нравы рабочаго населенія, и притомъ съ особенностями для каждой мѣстности. «Всякая страна имѣетъ свои привычки: въ Лиллѣ, въ Мюльгаузенѣ пьютъ (т. е. рабочіе, когда они пьянствуютъ); въ Руанѣ пьютъ серьезно, уединенно, до тѣхъ поръ пока напьются и потеряютъ чувство».

Въ Парижѣ за городской стѣною (до расширенія города въ послѣднее время) существовали кабачки, которые специально были назначены для рабочихъ; тамъ всякіе припасы дешевле, потому что не платится городской пошлины (*octrois*). Эти кабачки и вся мѣстность около нихъ всю недѣлю представляетъ пустыню; но въ субботу, когда рабочіе получаютъ свою недѣльную плату, тамъ начинается жизнь, движеніе. «Съ утра ломовые извозчики везутъ провизію, стаканы, тарелки; полъ кабачковъ посыпается пескомъ, у входовъ ставятся кадочки съ деревьями. Вѣшаются разноцвѣтные фонари, которые вечеромъ должны служить для этихъ венеціанскихъ праздниковъ. Толпы трактирныхъ слугъ сходятся со всего города; скрипки, кларнеты, барьерные бродяги, веселыя дѣвицы прибываютъ, всѣ готовые къ своему ремеслу. Наконецъ вечеромъ показываются массы рабочихъ, получившихъ плату, за которыми на извѣстномъ разстояніи слѣдуютъ ихъ несчастныя жены, напрасно старающіяся разжалобить своихъ мужей. Рабочіе являютъ каждую субботу въ одинъ и тотъ же часъ съ правильностью прилива. Тотчасъ

начинается кутежъ ; вино течетъ ручьями , музыка гремитъ , и всю ночь продолжается питье, танцы и даже драка. Тѣ, которыхъ полиція не увелетъ на гауптвахту, удаляются отсюда черезъ два дня, пропившись до состоянія отупѣнія, несмѣя показаться ни въ мастерской, ни дома, страдая головою и полсицею, и служа предметомъ отвращенія для своихъ жонъ и для честныхъ рабочихъ». — И если вы потомъ посѣтите мастерскія, вы увидите этихъ рабочихъ съ дрожащими руками, съ блуждающимъ взглядомъ, а дома у нихъ дѣти умираютъ, частію съ голода, частію отъ чахотки, въ нетопленыхъ комнатахъ, на кроватяхъ безъ матрацовъ и безъ одѣялъ. А эти бѣдныя женщины!.. Неуспѣвши убѣдить своихъ мужей дорогою, онѣ дожидаются у дверей кабаковъ, блѣдныя и со стономъ въ груди думая, что хозяинъ дома спроситъ деньги за квартиру, а дѣти будутъ просить хлѣба. Цѣлыя толпы окружаютъ такимъ образомъ кабаки, и счастливы тѣ, которымъ удается увести своихъ мужей, если содержатель кабака выгонитъ ихъ наконецъ за дверь или они не въ состояніи больше противостоять одолававшему ихъ сну.

Такъ поступаютъ впрочемъ не всѣ жоны: это тѣ, которыя слишкомъ нехладнокровны къ судьбѣ своихъ дѣтей, которыя имѣютъ столько деликатности, что не хотятъ краснѣть передъ владѣльцами домовъ за неуплату во время денегъ за квартиру. Другія, въ которыхъ обстоятельства заглушили эти качества матери и женщины, поступаютъ также какъ и ихъ мужья. Изъ того же источника, изъ котораго извѣстно, что 25% рабочихъ Лилля предавы пьянству, оказывается, что тамъ же между женщинами-работницами въ пьянствѣ ищутъ развлечения 12%. Можно уже остановиться передъ этимъ фактомъ; красоту и нравственное значеніе его пойметъ всякій безъ дальнихъ разсужденій. «Въ Лондонѣ привычка къ живу такъ укоренилась у нѣкоторыхъ женщинъ, что когда онѣ перестаютъ пить, ихъ грудныя дѣти не узнаютъ ихъ молока и отворачиваются отъ груди матери. Одинъ инспекторъ полицейскій по служебному донесъ въ 1834 году, что нѣкоторыя матери водятъ съ собою маленькихъ дѣтей въ кабаки и бьютъ ихъ, когда они отказываются вить». Хорошее воспитаніе, нечего сказать! Должны быть хороши и результаты...

Ж. Симонъ разсказываетъ, что во Франціи до сихъ поръ дѣти, фабричныя ученики, послѣ работы съ трубкою въ зубахъ являются въ кабаки и требуютъ себѣ вина по примѣру своихъ отцовъ и мастеровъ, которые ихъ обучаютъ. И это приняло такіе размѣры, что въ нѣкоторыхъ городахъ содержателямъ кабаковъ запрещено давать дѣтямъ вина, *если они приходятъ одни*. Результатомъ этого

было, что дѣти, или въ кабакъ, приглашаютъ съ собою перваго встрѣчнаго бродягу, который и пьетъ на ихъ счетъ.

Вотъ каково состояніе фабричныхъ рабочихъ въ наиболѣе промышленныхъ государствахъ западной Европы. Больше двадцати лѣтъ назадъ раздавались подобныя жалобы на несчастное положеніе рабочихъ. Правительства Англій и Франціи были заинтересованы этимъ вопросомъ; были приняты мѣры для улучшенія быта рабочаго сословія. Но дѣйствительной пользы они не принесли. Теперь дѣло въ томъ же состояніи: доказательство, что современный экономическій порядокъ западной Европы страдаетъ кореннымъ недугомъ, который надобно лечить иначе.

Неудивительно, что при такомъ положеніи число браковъ уменьшается и цѣлыя народныя поколѣнія проводятъ жизнь въ практикѣ слишкомъ эманципированной. При этомъ не можетъ не придти на умъ Мальтусъ, съ его теоріею народонаселенія. Безъ сомнѣнія, въ сущности она вѣрна; но изъ всѣхъ плановъ, самыхъ недѣльных, предложенныхъ для излеченія болѣзней общественныхъ, наиболѣе негѣпъ планъ, по которому возрастаніе народонаселенія, преимущественно рабочихъ классовъ, должно быть умѣрено посредствомъ того, что французскіе экономисты называютъ «*contrainte morale*». Соціалистовъ всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ упрекаютъ въ томъ, что они не знаютъ природы человѣческой и свои теоріи строятъ какъ-будто для безмолтныхъ существъ. Для кого же годится эта теорія *contrainte morale*, если исключить Ньютона и Канта? Гдѣ и когда Мальтусъ видѣлъ въ рабочемъ сословіи исполненіе ея, когда и образованные классы претендуютъ, что она неисполнима и не считаютъ себя обязанными исполнять ее? Забавно, что противники потомъ опровергали его теорію его же примѣромъ, когда онъ, какъ говорить, съ своими одинадцатью дочерьми сдѣлалъ путешествіе на континентъ.

Но несомнѣнно, что рабочіе не признаютъ теоріи *contrainte morale*. Правда, все рѣже заключаютъ браки, несмотря на дѣйствія религиозныхъ обществъ, имѣющихъ цѣлью способствовать этому; тѣмъ неменѣе *contrainte morale* рѣдко кого останавливаетъ. Да и рабочіе обоехъ половъ такъ поставлены, что ипаче и быть не можетъ. Бѣдная дѣвица, фабричная работница, подвергается столькимъ искупеніямъ, что рано или поздно она не устоитъ. «Молодыя дѣвицы — говоритъ Ж. Симонъ — собраны въ одной мастерской съ женщинами пожилыми, большею частью имѣющими самыя дурныя правила. Кто наблюдаетъ за ними? Приказчикъ заботится

только о томъ, чтобы работы совершались правильно и старательно. Если дѣвица хороша собой, а приказчикъ нестрогъ къ себѣ въ нравственномъ отношеніи, онъ злоупотребляетъ своею властью, чтобы соблазнить ее. Хозяинъ закрываетъ глаза, лишь бы не проходило на фабрикѣ чего-нибудь такого, что бы его компрометировало. Молодыя работницы, которыя вечеромъ находятъ дома отца, потерявшаго рассудокъ отъ пьянства, и мать, женщину дурного поведения, имѣютъ ли какую-нибудь возможность избѣгнуть разврата? Недумая смотрѣть за своими дочерьми или внушать имъ правила чести, нѣкоторыя матери напротивъ совѣтуютъ дочерямъ искать себѣ любовниковъ, рассчитывая на выгоды для себя лично. Если дѣло замедляется, доходить и до упрековъ: «итакъ ты ничего не сдѣлаешь для своихъ?» Эти понятія такъ укоренились въ обществѣ, что на порочную жизнь молодыхъ работницъ смотрятъ съ улыбкою. Въ Лиллѣ предпочитаютъ въ буржуазскихъ семействахъ имѣть кормилицъ изъ подобныхъ работницъ, говоря, что замужняя женщина стѣснила бы больше семейство господъ. «Бѣдная дѣвица, — продолжаетъ Ж. Симонъ, — которая никогда не слыхала объ обязанности, окруженная дурными примѣрами, надъ которою ее товарки по работѣ — дѣвицы безжалостно смѣются до тѣхъ поръ, пока не найдетъ себѣ любовника, — не защищается и едва подозреваетъ, что она дѣлаетъ дурно; а въ мастерской уже гордится своимъ паденіемъ. Если ее любовникъ довольно щедръ, чтобы дать ей какую-нибудь бездѣлицу, она наряжается въ воскресенье, чтобы возбудить соревнованіе и зависть въ другихъ.» Замѣчательно, что молодые работники, которые такимъ образомъ супружеству предпочитаютъ конкубинатъ, имѣютъ на это своего рода философскія причины; они поступаютъ такъ, находя, что такъ и слѣдуетъ поступать. Это эманципация въ коринѣскомъ смыслѣ. Разумѣется всякое уклоненіе отъ нормы объясняютъ какъ-нибудь тѣ, которые его допускаютъ; самый безчестный человекъ, обманщикъ, воръ, грабитель, шпіонъ, измѣнникъ считаетъ себя правымъ и честнымъ. Но истинную причину этого распространенія конкубината нужно искать въ дурномъ экономическомъ бытѣ рабочихъ, въ недостаточности средствъ одного рабочаго для безбѣдной жизни съ женою и дѣтьми. Немаловажную роль играетъ тутъ и стремленіе къ *compte il faut* и къ разнаго рода городскимъ удовольствіямъ. Ліонскіе такъ называемые компаньоны, т. е. рабочіе, которые ткуютъ шелковыя матеріи на чужихъ станкахъ, получаютъ порядочное вознагражденіе за свой трудъ, но необзаводясь семействомъ, они предпочитаютъ жить покойно въ *chambres garnies* и обѣдать въ трактирѣ, а эта жизнь стоитъ не дешево. Разумѣется тутъ виновато и общество, которое,

хвастаясь своимъ *libertés et égalité devant la loi*, не проводитъ эту *égalité* въ жизнь, и для бѣднаго рабочаго у богатыхъ *bourgeois* достаетъ только презрѣнія вродѣ того, какимъ браминъ награждаетъ парію. Немудрено, что лонскій компаньонъ предпочитаетъ походить на джентльмена, несмотря на то, что это сходство покупается потерей многогаго, что необходимо для того, чтобъ быть человекомъ. Такъ называемое образованное общество съ его верхушечнымъ прогрессомъ быть-можетъ виновато во многомъ, что губить не только рабочіе классы, но и всѣ вообще, все вообще, что есть добраго въ народѣ и его правахъ и учрежденіяхъ. Говорятъ; что если глубже вникать въ исторію народовъ, то онается, что каждый народъ въ высшей степени заслуживаетъ своей судьбы, что его учрежденія настолько хороши, насколько хорошъ самъ народъ, г. е. большинство его, что ему настолько дается свободы, сколько онъ ее заслуживаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, народы здоровые умѣли управлять и послѣ великихъ несчастій вѣшнихъ и внутреннихъ, умѣли освобождаться отъ гнета, которому они подвергались со стороны враговъ внутреннихъ и вѣшнихъ. Но французамъ какъ-то несчастливошлое, и разумѣется не безъ причины, не безъ вліянія со стороны нравственныхъ качествъ народа, который очень наклоненъ къ пустотѣ во многихъ взглядахъ, начиная отъ ихъ національной военной славы до национальныхъ модъ. Благодаря этому тѣ, которые хорошо начинали дѣло, скоро уступали мѣсто другимъ, которые продолжали его уже плохо, потому что частію думали о своихъ интересахъ, а частію не могли освободиться отъ этихъ нравственныхъ болѣзней, предразсудковъ и претензій, имѣющихъ особенное вліяніе на ходъ исторіи. Въ самомъ дѣлѣ напрасно французскіе *bourgeois* жалуются на свою судьбу, напрасно Н. де Мольярри сочиняетъ свои трактаты о причинахъ нынѣшняго состоянія Франціи. Причины эти заключаются не тамъ, гдѣ онъ ихъ видитъ: они въ духѣ его самого и той партіи, представителемъ которой онъ частію служитъ. Нельзя же изъ принциповъ сдѣлать игру словъ; нельзя проповѣдывать *égalité*, даже претендовать на ея осуществленіе и въ тоже время заключиться въ касту, которая за себя не виѣдетъ никакихъ заслугъ ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ, и притомъ изъ среды этой касты дѣйствовать на народъ съ большею черствостью въ душѣ, нежели дѣйствовали когда-нибудь феодалные бароны. Французская *bourgeoisie* именно пользуется результатами своихъ собственныхъ дѣлъ, продуктами собственныхъ принциповъ; ея жалобы въ высшей степени несправедливы. Впрочемъ большинство и не жалуется; оно очень довольно... Это и послѣдствіе.

Кромѣ политическихъ результатовъ эти принципы буржуазіи имѣютъ результаты и экономическіе. Все это жалкое положеніе рабочихъ сословій, это уничтоженіе семейства, имѣютъ начало въ тѣхъ нравственныхъ, политическихъ и общественныхъ взглядахъ, которые буржуазія, какъ образованнѣйшее сословіе, вырабатываетъ и распространяетъ среди народа, и которые служатъ основаніемъ ея собственныхъ прерогативовъ, ставящихъ ее едва не въ открытую войну съ народомъ и оканчивающихся для народа упадкомъ благосостоянія матеріальнаго и пониженіемъ уровня нравственнаго. Такимъ образомъ эти частные случаи, какъ софизмы противъ брака или удаленіе отъ него даже безъ всякихъ софизмовъ, только вслѣдствіе экономической необходимости, — должны быть приписаны частию моральному, частию экономическому вліянію буржуазіи. Каковы другія нравственныя стороны этихъ работниковъ—холостяковъ, этихъ компаньоновъ, смотрящихъ въ джентльмены, этихъ приказчиковъ, старающихся соблазнить работницъ—дѣвицъ, — объ этомъ можно легко судить всякому, кто наблюдалъ взаимную связь и взаимное дѣйствіе отдѣльныхъ нравственныхъ принциповъ изъ различныхъ сторонъ жизни. Входить въ эту матерію было бы долго.

По крайней мѣрѣ всѣ эти рабочіе, чуждые семейнаго круга, обставлены достаточно въ матеріальномъ отношеніи. Для жизни одного достаточна плата фабричнаго рабочаго; у него еще кое-что останется для удовольствій, до которыхъ рабочіе тоже охотники, по примѣру старшихъ братьевъ своихъ *bourgeois*. Нетаково положеніе бѣдной работницы-сироты, такой, которая будучи одна въ мірѣ, безъ поддержки со стороны семьи, сама должна добыть все что ей необходимо. До сихъ поръ мы говорили о дѣвицѣ, фабричной работницѣ, у которой есть семья, есть отецъ и мать. Хотя ея нравственность подвергается искушенію не только со стороны фабрики, но и со стороны семьи, однако ея существованіе все-таки нѣсколько обезпечено. Среди семьи она живетъ и имѣетъ пропитаніе, и ея заработокъ только увеличиваетъ сумму общаго дохода семьи.

Напротивъ тѣ работницы, которыя, неимѣя семьи, живутъ только продуктомъ своего труда, находятся едва ли не въ самомъ жалкомъ состояніи сравнительно со всѣми другими классами рабочаго населенія, и число ихъ очень велико. Сюда относятся прежде всего швеи, которыя составляютъ половину всѣхъ работницъ, занимающихся у себя дома; потомъ слѣдуютъ кружевницы, прачки, ручныя прядильщицы, ткачихи и т. п. Посмотримъ бюджетъ одной изъ такихъ работницъ; разумѣется всѣ онѣ получаютъ суммы, довольно близкія однѣ къ другимъ, такъ какъ все это занятія, встре-

бующія особеннаго искусства. Ж. Симонъ послѣ самаго подробнаго изслѣдованія дѣла находитъ, что напримѣръ обыкновенная парижская швея вырабатываетъ въ годъ 500 франковъ: эту цифру онъ принимаетъ какъ самую высокую, которая можетъ быть заработка только въ самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ; она можетъ составиться только тогда, когда швея получаетъ за работу по 2 франка въ день, за исключеніемъ необходимыхъ шомажей. Изъ этихъ 500 франк. она должна заплатить 100 франк. въ годъ за самую жалкую квартиру; 115 франк. стоитъ ея туалетъ: платье, бѣлье, обувь, постель и т. п.; 36 франк. стирка бѣлья; столько же отопленіе и освѣщеніе; всего 287 франковъ. Ей остается 213 франковъ въ годъ на пропитаніе или около 59 сантимовъ въ день, — на наши деньги почти 15 коп. серебромъ. Это въ Парижѣ, и притомъ на цѣлый день, на завтракъ, обѣдъ и ужинъ. «Этого — говоритъ Ж. Симонъ — достаточно, чтобъ не умереть съ голоду. Но при малѣйшемъ случаѣ, который нарушитъ этотъ бюджетъ, эта честная и трудолюбивая женщина впадетъ въ нищету. И пусть одну недѣлю она не имѣетъ работы, пусть она захвораетъ, — ей придется платить доктору, покупать медикаменты: дѣло конченное, она должна войти въ долги. И какъ же она заплатитъ ихъ? на чемъ сдѣлаетъ экономію? Гдѣ у нея что-нибудь лишнее, откуда можно бы отнять?» «Но мы предположили — продолжаетъ Ж. Симонъ — ежедневный заработокъ въ 2 франка; а многія ли работницы дѣйствительно получаютъ столько? Огромное большинство получаетъ 50 или даже 70 сантимовъ меньше. Чѣмъ же онѣ живутъ?»

Можно себѣ представить жизнь такихъ работницъ. Комисары правительства, занимавшіеся этимъ вопросомъ въ 1851 г., нашли одну женщину, о которой можно сказать, что она была погребена, а не жила въ комнатѣ, имѣющей пять шаговъ въ длину и три въ ширину. Въ другихъ квартирахъ отъ пола остается нѣсколько досокъ, по которымъ нужно очень осторожно ходить; нивы стоятъ безъ стеколъ и т. п.

Немного привлекательнаго въ этой жизни. Между тѣмъ эта работница молода, жизнь предъявляетъ свои права; сидѣть вѣчно за работою невозможно: нужно, чтобъ ей было какое-нибудь развлеченіе; но гдѣ же средства для этого, когда ей недостаетъ ихъ для того, чтобъ имѣть всегда довольно хлѣба? «Когда молодая дѣвушка — говоритъ Ж. Симонъ — дождавшись ночи, чтобъ не терять даромъ солнечнаго свѣта, идетъ отдать свою работу, — съ перваго шага, который она дѣлаетъ на улицѣ, вся роскошь міра ослѣпляетъ ей глаза. Изъ оконъ магазиновъ блестятъ брилліанты, самыя кокетливыя туалетныя принадлежности приковываютъ къ се-

бѣ ея взоры (понятно, она парижанка, она знаетъ въ этомъ толкъ). Она видитъ героинь порока въ ихъ блестящихъ туалетахъ и экипажахъ. Изъ театровъ, концертовъ, публичныхъ баловъ до нея доносятся звуки музыки. Если у нея нѣтъ ни фамили, ни религiи, кто удержитъ ее? Кто научитъ ее между бѣдностью и роскошью отдать предпочтенiе бѣдности? Она даже не имѣетъ нужды искать ждать случая. Нѣтъ, ея состоянiе у нея подъ рукою; она знаетъ, что выборъ между удовольствiями и страданiемъ зависитъ только отъ нея. Вѣдь всѣ мужчины покупатели; она въ этомъ не сомнѣвается. Да стоимъ ли мы, чтобъ она въ насъ сомнѣвалась? И не открыты ли безденежно для всякаго эти балы-барьеръ? Недаромъ эlegantная дебошъ имѣетъ свой кварталъ въ столицѣ, и во всемъ мiрѣ говорятъ о нашихъ публичныхъ садахъ, нашихъ зимнихъ и лѣтнихъ балахъ; недаромъ существуетъ цѣлый театръ, цѣлая литература для описанiя нравовъ нашихъ камелiй и прославленiя того, что остается въ нихъ хорошаго. Когда работницы-дѣвцы видятъ весь этотъ триумфъ разврата, возможно ли, чтобъ ихъ души остались чистыми, чтобъ въ глубинѣ своей души онѣ не сдѣлали этихъ сравненiй, которыя возбуждаютъ мужчину къ ненависти и бунту, а ихъ увлекаютъ въ развратъ? Наиболѣе честныя и наиболѣе счастливыя уснѣваютъ избѣгнуть отъ высшей степени разврата и берутъ себѣ любовника въ своемъ сословіи. Рѣдко приходятъ имъ найти себѣ мужа. Честный работникъ, который намѣренъ жениться, ищетъ себѣ невесту гдѣ-нибудь въ семействахъ, а не между такими.»

Подлѣ Лиона въ некоторымъ немногимъ капиталистамъ пришла въ голову идея — употребить свой капиталы съ пользою для общественной нравственности. Особенно замѣчательно одно заведенiе въ Жюжурѣ. Это собственно фабрика, гдѣ готовится тафта. Главная масса работницъ здѣсь молодыя дѣвцы, выходящiя изъ дѣтскаго возраста. Всѣ онѣ живутъ на фабрикѣ въ хорошемъ помещенiи и подъ строгимъ, хотя разумнымъ надзоромъ. У нихъ рѣшается общая мастерская; но кромѣ того у нихъ общiя столовыя, спальни, рекреационныя комнаты; все это содержится очень чисто. Для надзора за ними съ ними вмѣстѣ живутъ женщины пожилыя, извѣстныя своими хорошими правилами, болышею частью сестры милосердiя изъ разныхъ общинъ. Жизнь дѣвцы подчинена очень строгимъ правиламъ; онѣ не выходятъ изъ заведенiя цѣлую неделю; въ праздникъ, если хорошая погода, онѣ выходятъ всѣ вмѣстѣ на короткое время. Приняты мѣры для развитiя въ нихъ нравственныхъ понятiй. Семейства рабочихъ приняли охотно подобныя заведенiя, и онѣ наполнены дѣвцами изъ рабочихъ семействъ: до-

казательство, что сами работники чувствуютъ гибельныя нравственныя послѣдствія современной фабричной промышленности. Выходя изъ этихъ заведеній, дѣвцы нерѣдко вступаютъ въ супружество; это конечно случается и съ тѣми, которыя провели юность на волѣ, не только подозрительнымъ, но несомнѣнно слишкомъ вольнымъ образомъ; и замѣчательно, что изъ такихъ нерѣдко выходятъ прекрасныя жены и матери семействъ. Видно своимъ опытомъ не трудно убѣдиться, что безнравственная жизнь тяжела и рабочее населеніе не такъ испорчено, чтобы нравственныя понятія были ему совершенно чужды. Какъ нерѣдко въ судахъ присяжныхъ слышится оправданіе обвиненныхъ, что ихъ вина заключалась въ крайней бѣдности, такъ и здѣсь эти преступленія противъ нравственности, неподвергающіяся суду присяжныхъ, главное основаніе имѣютъ въ бѣдности, въ дурной организаціи общественной жизни, и жаловаться на одну нравственную испорченность было бы слишкомъ легкомысленно. Конечно, нельзя нравственность ставить въ исключительную зависимость отъ матеріальной обстановки человѣка; что есть натуры испорченныя, противъ этого спорить могли бы развѣ наши доморощенные моралисты-прогрессисты, между которыми notable одинъ, который въ томъ же журналѣ, о которомъ упомянуто выше, прамехонько сказалъ, что надобно въ человѣкѣ развивать и бурную волю, дурныя наклонности, чтобы онъ представлялъ нѣчто цѣльное, — воображая, что въ противномъ случаѣ онъ будетъ походить на уродливую личность анахорета, индѣйскаго факира.

Но можно утверждать, что народныя массы неподвержены такой нравственной порчѣ, которая бы дѣлала ихъ неспособными къ общественной жизни.

Что французскія рабочія массы внутренно не такъ плохи, какъ что покажется изъ описанія ихъ жизни, объ этомъ можно судить по тѣмъ немногимъ исключеніямъ, которыя можно найти среди рабочаго населенія. Ж. Симонъ нашолъ эти исключенія, хотя не въ значительномъ числѣ, и онъ не находить довольно словъ, чтобы отдать имъ уваженіе, котораго они заслуживаютъ. «Хорошо быть честнымъ — говорить онъ — даже и тогда, когда это ничего не стоитъ; хорошо переносить съ мужествомъ несчастье даже и тогда, когда нельзя измѣнить своей судьбы; но оставаться бѣднымъ, когда стоить только захотѣть сдѣлаться богатымъ, одолѣть сразу бѣдность и удовольствіе — это самый прекрасный изъ всѣхъ триумфовъ. Въ то время какъ многіе нецеремонятся съ своею совѣстью, въ парижскихъ мастерскихъ еще найдете нѣсколько бѣдныхъ дѣвицъ, вѣрныхъ урокамъ матери и воспоминаніямъ далеко находящейся семьи, которыя трудятся и страдаютъ цѣлый день, даже нежалѣя

объ этихъ удовольствіяхъ столь доступныхъ, объ этомъ богатствѣ, этой роскоши, которой онѣ не имѣютъ только благодаря чувству долга. Нужно ихъ видѣть въ ихъ уединеніи, въ ихъ святой невинности, чтобы имѣть понятіе объ истинномъ величіи. Тѣ, которые посѣщали хижины Семонсея, гдѣ часто нѣтъ хлѣба, но рубины и изумруды блестятъ на столахъ, не забудутъ ихъ никогда, какъ не забудутъ этихъ мастерскихъ Ліона, гдѣ *satin-brocché* представляетъ на стану свои ослѣпляющіе цвѣта, въ то время какъ семейство съ покорностью судьбѣ страдаетъ отъ недостатка хлѣба; или печальныя, холодныя, сырыя мансарды Парижа, гдѣ прекрасныя дѣвушки съ утра до вечера работаютъ свою работу, изнемогая подъ тяжестью труда и недумая воспользоваться тѣмъ облегченіемъ, которое имъ предлагаютъ нравы нашего общества.»

Во время оно, когда Э. Сю писалъ свои сочиненія, наши эстетики находили его неправымъ, недовольно художественнымъ, потому что онъ позволялъ себѣ среди современнаго Вавилона представлять личности, которыя оставались чистыми въ самой развратной средѣ. Эстетики находили, что ему слѣдовало бы представлять такіе типы, подъ которые подходитъ большинство, находя недовольно естественнымъ, чтобы молодая дѣвушка осталась чистою при той обстановкѣ, которая ее окружаетъ. Представленная выписка изъ Ж. Симона достаточно убѣждаетъ, что такое явленіе естественно, потому что оно существуетъ.

Она убѣждаетъ еще и въ томъ, что и моральное состояніе не есть необходимое качество современныхъ рабочихъ населеній. Въ самомъ дѣлѣ, это слишкомъ старая теорія представлять общество состоящимъ только изъ идеаловъ добродѣтели и изъ чудовищъ порока. Конечно, въ нравственномъ отношеніи одни субъекты стоятъ очень высоко, другіе очень низко; но такихъ цѣльныхъ характеровъ очень немного. Огромное большинство занимаетъ среднія степени, на которыхъ рядомъ съ прекрасными чертами есть много очень дурныхъ, и эти дурныя черты дѣйствительно большею частью даже не продуктъ воспитанія, а обстоятельствъ, большею частью экономическихъ. Самые отвѣренные злодѣи совершаютъ свои преступленія большею частью доведенные до нихъ обстоятельствами, а въ душѣ ихъ остается много прекрасныхъ чертъ, сросшихся съ нею, неотдѣлимыхъ отъ нея. Доказательствъ можно много найти въ исторіи уголовныхъ процессовъ. Какъ извѣстно, во Франціи не рѣдко, что за уголовныя преступленія были осуждаемы люди, которые нѣсколько времени прежде получали монтионовскія преміи за добродѣтель, и притомъ извѣстно, что академія раздаетъ эти преміи за дѣйствительныя подвиги преданности, челоуѣколюбія и са-

моотверженія, и притомъ не за минутное увлеченіе: за это есть особенныя награды. И выше было представлено, что женщины, послѣ развратной юности выходя замужъ, дѣлаются прекрасными жонами и матерями. Дѣло почти все въ обстановкѣ, въ обстоятельствахъ. Измѣните эти обстоятельства — и поднимется уровень нравственности во всѣхъ отношеніяхъ. Въ Италіи сумма преступленій сравнительно съ народонаселеніемъ была выше нежели въ какомъ-нибудь изъ другихъ государствъ Европы, именно благодаря несчастнымъ учрежденіямъ ея, которыя далеко не соответствовали ея политическому возрасту. Извѣстно также, что во всякомъ государствѣ во время особенныхъ несчастныхъ обстоятельствъ наружный уровень общественной нравственности понижается, т. е. число преступленій увеличивается.

Такой взглядъ на дѣло и обязываетъ современнаго философа-моралиста неслѣдовать примѣру ни Катона-утическаго, ни стоиковъ времени имперіи, у которыхъ доставало только сожалѣнія, а не энергіи, при взглядѣ на окружающій ихъ хаосъ. Потому Ж. Симонъ и не ограничивается описаніемъ современнаго экономическаго и нравственнаго состоянія рабочихъ классовъ; онъ предлагаетъ еще свои проекты объ улучшеніи его.

Сначала впрочемъ онъ критикуетъ тѣ средства, которыя до сихъ поръ употреблялись и употребляются для обезпеченія благосостоянія рабочихъ классовъ и для уничтоженія всѣхъ ужасовъ нищеты, свирѣпствующей между ними. Тутъ рѣчь идетъ объ общественной благотворительности, объ обществахъ для взаимной помощи и о сберегательныхъ кассахъ.

Общественная благотворительность конечно не имѣетъ противъ себя ничего, если она употребляется рационально. Въ промышленности, какъ въ гигиенѣ, есть неизлечимые, которые требуютъ благотворительности и безъ нея существовать не могутъ. Это какіе-нибудь престарѣлые работники и работницы, у которыхъ никого вѣтъ, кто бы ихъ содержалъ, или которые только обременяли бы и безъ того находящееся въ крайне-стѣснительномъ положеніи семейство, гдѣ кромѣ того сами они не находятъ ни покоя, ни удобствъ, необходимыхъ для ихъ возраста. Имъ очевидно нужна богадѣльня. Кромѣ того къ этому разряду должны быть отнесены больные, особенно неизлечимые, которые нуждаются въ госпиталѣ; дѣти, сироты, которыя нуждаются въ приютѣ. Благотворительныя общества и городскія власти это понимаютъ; но зло такъ велико, что обыкновенныя благотворительныя мѣры недостаточны. Рабо-

чее население доставляет столько претендентов на мѣста въ этихъ заведеніяхъ, что только ничтожная часть изъ нихъ попадетъ туда. Можетъ-быть тутъ частью причину нужно искать въ томъ, что эти заведенія устроены такъ, что главную выгоду отъ нихъ получаютъ тѣ, которые служатъ при нихъ, а не тѣ, которые нуждаются въ нихъ; во французской литературѣ раздавались жалобы на это.

Несмотря на то, благотворительныя общества раздаютъ еще помощь въ домахъ, какъ напримѣръ выше это представлено въ примѣрѣ раздачи кроватей. Они стараются помогать не деньгами, а самыми предметами первой необходимости: такъ они даютъ билеты на полученіе нища и т. п. Но въ этомъ случаѣ они нерѣдко подвергаются обману: такъ ихъ кровати продаются и вырученныя суммы оказываются у продавцовъ крѣпкихъ напитковъ; есть особенныя спекулянты, которые скупаютъ билеты на полученіе нища и перепродаютъ ихъ другимъ. Иногда рабочіе, совсѣмъ не бѣдные сравнительно, стараются нарочно выставить свою нищету, получаютъ вспоможеніе и такимъ образомъ лишаютъ его другихъ, болѣе нуждающихся. Но безъ сомнѣнія благотворительная дѣятельность и въ этой сферѣ, раздавая помощь по домамъ, можетъ принести много пользы. Но во многихъ случаяхъ она имѣетъ и дурную сторону, потому что приучаетъ человѣка рассчитывать не на свою дѣятельность, а на милость другихъ, убиваетъ въ немъ ту нравственную крѣпость, которая и лучше обезпечила бы его, и попила бы его въ собственномъ мнѣніи. Оттого-то лучшіе работники стараются держаться подалеже отъ этихъ пособій, которыми компрометировали бы ихъ передъ другими и противорѣчили бы чувству самоуваженія, которое большею частью развито въ нихъ.

Иногда благотворительныя общества слѣдуютъ другой методъ. Въмѣсто того чтобы раздавать пособія, они учреждаютъ въ большихъ размѣрахъ булочныя, мясныя лавки, трактиры, откуда продаютъ хлѣбъ, мясо или готовое кушанье по цѣнѣ ихъ стоимости. Подобныя заведенія учреждаются хозяевами фабрикъ и безъ сомнѣнія приносятъ пользу. Находились однако и такіе хозяева фабрикъ, которые изъ этого дѣлали аферу къ своей выгодѣ и къ невыгодѣ работниковъ. Давши впередъ работникамъ денегъ, они обязывали ихъ забирать у нихъ предметы первой необходимости по возвышеннымъ цѣнамъ. Но вообще продажа предметовъ первой необходимости по той цѣнѣ, въ какую они обходятся, могла бы быть великимъ благодѣяніемъ для рабочихъ классовъ, еслибы практиковалась въ большихъ размѣрахъ. Это даже не благотворительное дѣло, потому что въ этой операціи въ *prix de revient* входитъ и процентъ

съ затраченнаго капитала, который даже будучи высокъ при частомъ оборотѣ, ничтожнымъ образомъ возвыситъ цѣну товара при одномъ данномъ оборотѣ. Тутъ стоитъ только вести дѣло внимательно, съ знаніемъ и добросовѣстно, — и рабочіе, какъ равно и всѣ небогатые люди, были бы избавлены отъ произвола спекулянтовъ. Притомъ подобная афера вѣрнѣе всякихъ таксъ убьетъ недобросовѣстность торговцевъ предметами первой необходимости. И дѣйствительно въ иныхъ мѣстахъ, какъ въ Лондонѣ, сами рабочіе составили общества для продажи предметовъ первой необходимости, и дѣйствія ихъ очень успѣшны. Во Франціи есть тоже такія общества, составленныя образованнѣйшими изъ фабрикантовъ, и дѣйствія ихъ очень полезны для работниковъ, которые это и чувствуютъ. Желательно было бы, чтобъ и у насъ распространились подобныя общества.

Гораздо больше пользы, особенно въ нравственномъ отношеніи, доставляютъ общества для взаимной помощи. Они состоятъ въ томъ, что рабочіе платятъ незначительный процентъ изъ своихъ заработковъ въ общую кассу, съ правомъ пользоваться изъ нея въ случаѣ нужды, особенно во время болѣзни. Тутъ уже рабочій независитъ отъ внимательности членовъ благотворительнаго общества; онъ получаетъ даже не помощь, онъ получаетъ свое, на что онъ имѣетъ право, и это сознаніе права особенно благотворно дѣйствуетъ на характеръ рабочаго. Работники, принадлежащіе къ обществу, имѣютъ это самоуваженіе, которое есть необходимый результатъ пріобрѣтенаго права. Но разумѣется общества для взаимной помощи могутъ быть полезны только въ частныхъ случаяхъ; въ случаѣ остановки работъ, кризиса, когда масса работниковъ страдаетъ, общества не принесутъ имъ никакой пользы; они на это не рассчитываютъ и капиталы ихъ очень ограниченны.

Во время кризиса рабочему больше помогутъ сберегательныя кассы, если онъ успѣлъ сдѣлать значительные вклады. Но въ сберегательныхъ кассахъ нѣтъ начала ассоціаціи; здѣсь каждый получаетъ только то, что ему лично принадлежитъ. И при томъ сберегательныя кассы имѣютъ то неудобство, что обявываясь выдать проценты на вклады, они по необходимости могутъ существовать только при другихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, которыя должны ихъ вклады пустить въ оборотъ. И такъ какъ масса вкладовъ въ сберегательныя кассы бываетъ очень значительна, то въ случаѣ кризиса можетъ быть то, что было въ Парижѣ въ 1848 году, — именно что сберегательная касса была поставлена въ затруднительное положеніе и не могла удовлетворить требованіямъ вкладчиковъ.

Во всякомъ случаѣ и общества взаимнаго вспоможенія,

и сберегательныя кассы несомнѣнно полезны для рабочихъ на случай болѣзни или какихъ-нибудь обстоятельствъ. Но нельзя преувеличивать ихъ значеніе. Въ кризисѣ они не помогутъ, да притомъ не всякій рабочий пользуется ими, по самой простой причинѣ, что большинство рабочихъ не можетъ дѣлать сбереженій и платить свою долю въ общество взаимной помощи, потому что бюджетъ ихъ слишкомъ незначителенъ и его недостаетъ на самое необходимое.

Гораздо полезнѣе другое средство, которое мы представимъ словами Ж. Симона; читатель увидитъ, что мѣсто, въ которомъ говорится объ этомъ новомъ средствѣ, стоитъ того, чтобъ привести его. «Одинъ богатый фабрикантъ въ Рубе — говоритъ Ж. Симонъ — имѣлъ истопника (chauffeur), очень искуснаго рабочаго, но предлиннаго пьянству. Одинъ разъ этотъ пьяница, выходя изъ кабака, упалъ и сломалъ себѣ ногу. Это былъ человѣкъ умный, когда не былъ пьянъ. Во время болѣзни онъ очень безпокоился о судьбѣ своей семьи. Хозяинъ фабрики успокоилъ его. «Васъ будутъ лечить на мой счетъ, сказалъ онъ: — а что касается вашего семейства, оно будетъ всякій четвергъ получать что вамъ слѣдовало бы за недѣльную работу. Выздоровѣвши, вы расквитаетесь со мною мало-помалу.» Болѣзнь была продолжительна, и работникъ потомъ цѣлый годъ уплачивалъ свой долгъ. Плата была довольно высока, и семейство могло жить тѣмъ, что ему оставалось за вычетомъ долга. И во все это время работникъ воздерживался отъ кабака, хорошо работалъ и велъ себя какъ хорошій отецъ семейства. Когда годъ окончился, хозяинъ предложилъ ему потерпѣть еще года два. «Вы сбережете 1200 франковъ, говорилъ онъ: — столько стоитъ домъ, въ которомъ вы живете; черезъ два года вы будете у себя, вы сдѣлаетесь хозяиномъ его.» Работникъ согласился и два года прошли скоро, и домъ принадлежалъ ему. Когда въ слѣдующій разъ ему хотѣли отдать весь его недѣльный заработокъ, онъ сказалъ: «оставьте его у себя; черезъ пятнадцать мѣсяцевъ я куплю сосѣдній домъ.» Теперь онъ имѣетъ три дома. Его жена стала торговать. Прежній пьяница скоро оставитъ дѣла съ честнымъ достаткомъ, почти съ богатствомъ. Это чудо совершенно собственностью.»

И такъ, вотъ гдѣ рѣшеніе проблемы: дайте работнику собственность — онъ сдѣлается трезвъ, экономенъ, онъ будетъ хорошимъ отцомъ семейства. Однимъ дѣломъ вы достигаете двухъ цѣлей: облегчаете положеніе работника, даете ему вѣрный пріютъ, — свой уголь, за который онъ не будетъ платить денегъ изъ своего и безъ того скуднаго заработка; вы его обезпечиваете возможности отъ кризиса, потому что пристанище его во всякое время для него

остается, и имѣя собственный домъ, онъ заранѣе сдѣлаетъ сбереженія, достаточныя для существованія въ черный день. Но гораздо важнѣе этотъ нравственный переворотъ, который дѣлаетъ собственность. Будучи обитателемъ грязнаго, нездороваго и притомъ чужого угла, работникъ очевидно вопервыхъ не имѣетъ ни причины, ни возможности позаботиться о его улучшеніи, а вовторыхъ онъ, благодаря этой безвыходности положенія, терлетъ всякую энергію, получаетъ апатію ко всему, и между прочимъ къ своему семейству, и наконецъ лучшее мѣсто, единственное, гдѣ онъ находитъ какое-нибудь утѣшеніе, — видать въ кабакъ.

Это и понимаютъ образованнѣйшіе фабриканты Франціи. Потому кое-гдѣ составились общества именно съ цѣлью дать работникамъ собственность. Начало положили фабриканты Мюльгаузена въ Эльзасѣ. Объ этихъ фабрикантахъ Эльзаса стоитъ сказать нѣсколько словъ. Она уже неразъ появляются двигателями прогресса экономическаго: въ революцію эльзасцы были жаркими и разумными двигателями политическаго прогресса и доставили на службу французской республикѣ такую прекрасную личность какъ Клеберъ, говоря о многихъ другихъ. Къ эльзасскимъ фабрикантамъ принадлежитъ нѣкто Ж. Дальфусъ, разумнѣйшій изъ двигателей въ пользу свободы торговли, котораго имя уже нѣсколько разъ появляется во главѣ всѣхъ предприятий, полезныхъ особенно для рабочихъ. Въ послѣднее время его инициативою составилось общество изъ эльзасскихъ фабрикантовъ, для постройки такъ называемыхъ *cités ouvrières*, которыя имѣютъ цѣлью надѣлать работниковъ собственностью.

Отчего эльзаскіе фабриканты являются въ этомъ дѣлѣ впереди всѣхъ другихъ французскихъ фабрикантовъ? Конечно на это есть причина. Быть-можетъ тутъ играетъ роль образованіе болѣе солидное, которое эльзасцы получаютъ въ страсбургскомъ университетѣ, устроенномъ на нѣмецкій манеръ, и которое въ соединеніи съ публичностью жизни, съ гласностью, съ идеями 89 года, которыя все-таки частью укрѣпились на французской территоріи, производятъ этотъ результатъ. Быть-можетъ тутъ играетъ важную роль и эта патриархальная простота, которой такъ много въ жизни даже богатыхъ нѣмцевъ. Французъ नेताковъ, т. е. नेताковъ общій типъ французскій. Французскій разбогатѣвшій буржуа старается имѣть видъ князя; недаромъ тамъ всякаго пріѣзжаго, если у него есть деньги, титулуютъ княземъ, недаромъ тамъ жуирующее юношество украшается громкими титулами и фамилиями, изъ Fialin дѣлается *de Persigny*, изъ Jacquot — *de Mirécourt* и т. п. Недаромъ и тѣ господа, которые жалуютъ къ намъ на Русь, украшаются такими звучными

фамилиями, даже иногда съ прибавкою графскаго титула; впрочемъ тутъ есть расчетъ и на нашу слабость, который однако только подкрѣпляетъ собственную склонность. Вообще можно приять за фактъ, что во французскомъ характерѣ много пустоты, этой *vanité*, вслѣдствіе которой напримѣръ Дюма такимъ важнымъ баривомъ прогуливается по Россіи; даже Ламартинъ, этотъ всѣмъ любезный поэтъ и немевѣ любезный республиканецъ, обратившійся теперь къ общественной благотворительности, въ свое время сдѣлалъ княжеское путешествіе на востокъ.

Съ такими качествами разумѣется не до гуманности. Извѣстно, что эта *vanité*, качество повидимому самое невинное, есть одно изъ сдѣлѣйшихъ и наиболѣе распространенныхъ побужденій человѣческихъ дѣйствій; претендуютъ даже, что все зло, какое когда-либо существовало на землѣ, и которое существуетъ теперь, вся эта жадность къ богатству въ ущербъ другимъ, это самодурство въ ущербъ человѣческой личности, всѣ подлости и низости имѣютъ корень въ тщеславіи. Для удовлетворенія его человѣкъ не отступаетъ ни передъ чѣмъ; даже дамы перестаютъ быть такими кроткими созданіями, какими онѣ обыкновенно бываютъ, въ случаѣ если задѣнутъ ихъ тщеславіе и дѣлаются террористками: извѣстно, что революція 9 термидора произведена съ большимъ участіемъ дамъ, которые очень сердились зато, что имъ нельзя было блистать своею красотою и туалетами, и онѣ даже аплодировали, когда падали подъ гильотинною голову ихъ враговъ, которые если и были ихъ врагами, то развѣ только потому, что были врагами роскошныхъ туалетовъ и всей вообще *vanité*.

Быть-можетъ въ самомъ дѣлѣ эти нѣмецкіе фабриканты, живущіе на французской почвѣ, частью потому показывають больше интереса къ участи рабочихъ, что они болѣе свободны отъ этой несчастной французской *vanité*. Но какъ бы то ни было, въ Мюльгаузенѣ есть эти *cités ouvrières*, выстроенныя фабрикантами.

Въ Мюльгаузенѣ квартиры для рабочихъ очень дороги. Чтобы прмочь бѣдѣ, общество фабрикантовъ купило землю подлѣ города и выстроило на ней теперь уже больше 500 домовъ, очень удобныхъ и недорогихъ, цѣною въ 2400 и въ 3000 франковъ. Общество отдаетъ ихъ внаймы, если дома не находятъ покупателей; но главная мысль — продавать дома, и около 400 изъ нихъ раскуплено. Работники, покупая домъ, платитъ первоначально только 400 франковъ; остальную сумму вносятъ ежегодно впродолженіи четырнадцати лѣтъ. Ж. Сионъ въ восторгѣ отъ этого учрежденія. И дѣйствительно работники живутъ въ *cités ouvrières* прекрасно, какъ въ экономическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Семейная жизнь

ихъ можетъ удовлетворить самаго строгаго моралиста. Они между прочимъ занимаются садоодствомъ: передъ каждымъ домикомъ есть садъ съ фруктовыми и другими деревьями, гдѣ растутъ также цвѣты и овощи. Работники, которые прежде соперничествовали между собою въ томъ, кто больше выпьетъ, теперь стараются превзойти другъ друга разведеніемъ цвѣтовъ; у нихъ на это достаетъ времени, и картина дѣйствительно недурна, когда работникъ, окруженный дѣтьми, изъ которыхъ одинъ тащитъ лопату, другой идетъ въ садъ, чтобы утилизировать время, пока жена накрываетъ на столъ, послѣ того какъ онъ возвратился съ фабрики.

Ж. Симоу въ восторгѣ отъ мюльгаузенскихъ *cités ouvrières*. Онъ посвящаетъ имъ нѣсколько страницъ и не находитъ довольно словъ, чтобы описать и расхвалить ихъ; у него выходитъ что-то въ родъ идилліи изъ дѣйствительной жизни. Онъ на этомъ почти и останавливается; въ концѣ прибавляетъ нѣсколько страницъ относительно народнаго обученія, которое онъ желалъ бы основать на болѣе прочныхъ началахъ, чѣмъ оно устроено теперь. Онъ желалъ бы, чтобы духъ матеріализма, проникшій во Франціи даже въ рабочее сословіе, уступилъ свое мѣсто другимъ взглядамъ, болѣе способнымъ согрѣть душу. Вообще нравственная сторона здѣсь, какъ и вездѣ, у него на первомъ планѣ. Между прочимъ онъ желаетъ, чтобы литература болѣе нравственнымъ образомъ дѣйствовала на читателей и особенно на читательницъ. Во Франціи работницы очень любятъ читать. Окруженные такою дѣйствительностью, онѣ ищутъ утѣшенія въ произведеніяхъ фантазіи, въ романахъ. И что же онѣ находятъ? «*Les romans qu'elles se passent de main en main — говоритъ Ж. Симоу — et qu'elles dévorent avec avidité, traitent l'adultère de pécadille, ou même, car on ne s'en fait pas faute, les exaltent comme une vertu*» (*).

Общая мысль Ж. Симоу, какъ онъ самъ ее высказываетъ, состоитъ въ томъ, чтобы поднять рабочіе классы посредствомъ семейной жизни. Для этого онъ предлагаетъ развить въ нихъ чувство личной отвѣтственности, укрѣпить ихъ волю воспитаніемъ, трудомъ и бережливостью, привязать ихъ къ общимъ интересамъ общественнымъ, облегчая имъ доступъ къ собственности (*en leur facilitant l'accès de la propriété*). Это развитіе чувства личной отвѣтственности едвали много поможетъ; и теперь не многіе работники рассчитываютъ на общественную благотворительность или что-ни-

(*) - Романы, которые ходятъ у нихъ по рукамъ и которые онѣ съ жадностью читаютъ, трактуютъ предубѣдливо за маленький грѣшокъ, а случается и то, что превозносятъ его какъ добродѣтель.

будь другое; тоже можно сказать объ укрѣпленіи ихъ воли трудомъ и бережливостью. И безъ того они немало трудятся, и въ этомъ случаѣ Ж. Симонъ повидимому предлагаетъ средство, которое хорошо было бы въ другомъ случаѣ для другихъ личностей, подобно тому проповѣднику, который, имѣя своими слушателями двухъ нищихъ, убѣждалъ ихъ къ благотворительности. Что касается до бережливости, и тутъ нельзя многого требовать, потому что масса рабочихъ не имѣетъ возможности ее дѣлать, равно какъ, сколько ни облегчайте ей доступъ къ собственности, она ее не добьется безъ особенныхъ мѣръ со стороны. Эти примѣры кочегара, который могъ въ два года слѣлать сбереженіе въ 1200 франковъ, и мюльгаузенскихъ рабочихъ, которые могли платить сразу 400 франковъ за домъ, много не доказываютъ. Эти рабочіе очевидно стоятъ въ исключительномъ положеніи. Въ представленномъ выше среднемъ бюджетѣ рабочаго семейства, на квартиру полагалось 7 франковъ въ мѣсяцъ; между тѣмъ мюльгаузенскіе покупатели домовъ платятъ 23 франка. Это больше нежели втрое. Очевидно, что эти рабочіе пользуются исключительно хорошими обстоятельствами, что можно видѣть уже изъ того, что такихъ нашлось во всемъ Мюльгаузенѣ, одномъ изъ самыхъ важныхъ фабричныхъ городовъ, только около 400, а еще больше 100 домовъ жлутъ покупателей. Положеніе такихъ рабочихъ и теперь недурно, а существенная сторона вопроса состоитъ въ улучшеніи быта массы рабочихъ.

Сочиненіе Ж. Симона не отличается строгою системою. Различные вопросы, о которыхъ онъ трактуетъ, разсѣяны у него въ книгѣ безъ достаточной связи. Вы видите, что логической нити, которая соединяла бы всѣ части сочиненія въ одно, нѣтъ. Можетъ-быть это потому, что оно писано къ сроку для журнала, выходящаго два раза въ мѣсяцъ. Оттого несмотря на массу матеріаловъ, собранныхъ старательно, авторъ не воспользовался ими какъ слѣдуетъ, не связалъ и не разобралъ достаточно строго всѣхъ подробностей, касающихся его вопроса, и не вывелъ результатовъ изъ нѣкоторыхъ фактовъ, изложенныхъ имъ въ началѣ сочиненія. Такъ говоря о ливонской шолоковой промышленности, онъ отмѣтилъ одинъ фактъ, который и оцѣнилъ хорошо, но потомъ пропустилъ его въ общемъ выводѣ.

Дѣло въ томъ, что ливонская промышленность распадается на двѣ вѣтви: городскую и деревенскую, въ окрестностяхъ города. Нѣкоторые фабриканты дѣлали опытъ перенесенія нѣкоторыхъ родовъ производства изъ города въ деревни, и опыты удавались. Ж. Симонъ большой партизанъ деревенскаго производства, потому что она не представляетъ такой опасности для нравственности рабочихъ, какъ

городское. Онъ съ свойственнымъ ему искусствомъ представляетъ выгоды этого производства, которое онъ называетъ изолированнымъ. По его идеѣ, въ деревенскомъ производствѣ мануфактурное производство должно быть соединено съ земледѣіемъ. Оно собственно должно быть только подспорьемъ для земледѣлья, должно занимать досуги, остающіеся у мужа отъ его земледѣльческихъ заплатій, и у жены отъ ся семейныхъ заботъ. Семейство при такомъ производствѣ сохраняется въ его естественномъ состояніи. Ж. Симонъ хорошо понимаетъ, что дешевизна такого производства будетъ легко конкурировать съ производствомъ городскимъ; между-тѣмъ въ своемъ общемъ выводѣ Ж. Симонъ не помѣстилъ перемѣщеніе производства изъ города въ деревню въ числѣ средствъ возстановить семью. Читатель, знакомый съ этимъ дѣломъ, знаетъ, что это не утопія. Во всѣхъ государствахъ деревенское производство существуетъ рядомъ съ городскимъ; въ Швейцаріи оно рѣшительно преобладаетъ и даетъ результаты самыя удовлетворительныя, даже блестящія, какъ въ экономическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Ж. Симонъ идеаломъ такого производства считаетъ соединеніе занятій фермера съ занятіями мануфактурными. Онъ очевидно не поднялся дальше того, что онъ видѣлъ около Ліона. Ему неизвѣстно, что у насъ въ Россіи, и въ Швейцаріи, да и въ другихъ государствахъ, въ деревняхъ занимаются производствомъ мануфактурнымъ не фермеры, а собственники. Очевидно, положеніе собственника лучше положенія фермера, и потому ему можно еще болѣе соперничествовать съ большими заведеніями дешевизною произведеній.

Такимъ образомъ изъ самой книги Ж. Симона слѣдуетъ, что въ числѣ средствъ поднять семейную жизнь и съ тѣмъ вмѣстѣ благосостояніе рабочихъ, нужно помѣстить еще перемѣщеніе производства изъ города въ деревню, замѣненіе большого производства малымъ. И гораздо лучше слѣдуетъ это соединеніе мануфактурнаго производства не съ фермерствомъ, а съ владѣніемъ землею. Это противорѣчило бы интересамъ большихъ капиталистовъ, которые это хорошо и понимаютъ. Но не въ частныхъ интересахъ дѣло; притомъ капиталамъ всегда найдется употребленіе; можетъ-быть съ сокращеніемъ сферы ихъ дѣятельности понизится процентъ на капиталъ, но это первый признакъ, и въ тоже время причина народнаго благосостоянія. Теперь капиталистамъ выгодно удерживать подлѣ себя хорошихъ рабочихъ. Честъ имъ, если они стараются слѣвать это улучшая бытъ рабочихъ, подобно мюльгаузенскимъ фабрикантамъ, а не прижимкою рабочихъ. Но рабочимъ будетъ выгоднѣе, если они болѣе самостоятельно будутъ заниматься мануфактурнымъ производствомъ

и земледѣлемъ на собственныхъ земляхъ. Но какъ же это сдѣлать? Въ отвѣтъ на это можно повторить слова Ж. Симона, котораго онъ относилъ только къ частному и недовольно значительному случаю постройки *cités ouvrières*. Общество изстратило для этого около 2,000,000 франковъ (*) и притомъ правительство дало ему 300,000 франковъ вспоможенія. Можно не выходить изъ идеи Ж. Симона: можно ограничиться только тѣмъ, чтобы работникамъ облегчить доступъ къ собственности. Но въ виду гораздо большихъ результатовъ нужно сдѣлать эти облегченія въ гораздо большихъ размѣрахъ. Французское правительство издерживаетъ въ годъ около 2,000,000,000 франковъ. Еслибы вмѣсто того, чтобы ломать да строить дома и обшивать корабли желѣзомъ, или строить ненужные военные порты, тратили продуктъ народнаго труда на пользу народа, — не много времени потребовалось бы на устройство быта рабочихъ классовъ. Подъ лежачей камень вода не течетъ, — и съ тѣми правилами, которыми слѣдуютъ западно-европейскіе бреттеры или фразеры, конечно они не устроятъ быта рабочихъ классовъ; но въ такомъ случаѣ они дождутся чего-нибудь такого, что имъ не понравится. Правительство Франціи это принимаетъ и старается во всякомъ случаѣ успокоивать рабочихъ.

Нельзя не жалѣть, что перемѣщеніе мануфактурнаго производства изъ города въ деревню встрѣчаетъ препятствіе въ самыхъ правахъ французскихъ рабочихъ. Ж. Симонъ рассказываетъ, что напротивъ, изъ окрестностей Ліона работники и работницы стараются переселяться въ городъ, притомъ по очень страшной причинѣ. Въ городѣ имъ очень нравятся разныя удовольствія, которыхъ нѣтъ въ деревнѣ, наприѣръ публичныя балы, театры и т. п.; только здѣсь работники могутъ имѣть по праздникамъ этотъ видъ джентльменовъ, а работницы удивлять публику своими кокетливыми туалетами. Къ какимъ правамъ это приводитъ, объ этомъ нечего говорить; но и голодать-то здѣсь приходится гораздо больше, чѣмъ въ деревнѣ. Вотъ именно здѣсь *cause* — причина разврата и бѣдности, а затѣмъ и преступленій.

Изъ сочиненія Ж. Симона мы безъ сомнѣнія можемъ воспользоваться кое-чѣмъ собственно для себя, и надобно прибавить, у насъ умѣли оцѣнить трудъ Ж. Симона. «Русскій Вѣстникъ» и «Современникъ» помѣстили извлеченія изъ него и маленькія рецензіи.

(*) Собственно общество не изстратило ихъ: оно ихъ издержало, но потомъ получить ихъ назадъ продажею домовъ.

Жаль, что «Современникъ» воспользовался не всею книгою, а только частью. Въ остальной части онъ нашолъ бы больше данныхъ для подтвержденія своей мысли и для развитія ея. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» напечатана рецензія Бонмера, въ которой высказано нѣсколько очень полезныхъ мыслей о нѣкоторыхъ экономическихъ явленіяхъ. Напр. о пролетаріѣ онъ говоритъ, что при всей его доброй волѣ, хорошей нравственности, усердіи, нѣтъ никакого ручательства, чтобъ онъ за свой трудъ получалъ вознагражденіе, достаточное для обезпеченія его и его семейства. Если «Русскій Вѣстникъ» приметъ искренно это положеніе, то несомнѣнно, что онъ перемѣнитъ характеръ своихъ экономическихъ статей и не будетъ проповѣдывать, что обезпеченіе продовольствія не нужно работнику, что оно легко пріобрѣтается трудомъ: мысль, которая не дѣлаетъ чести ни автору ея, ни журналу, который напечаталъ ее, ни русской науцѣ, отъ лица которой она была сказана въ первый разъ. Бонмеръ вполне принимаетъ мысль Ж. Симона, что собственность спасаетъ пролетарія. «Собственность — говоритъ онъ — вотъ спасительный талисманъ.» Но этимъ и оканчивается рациональный взглядъ Бонмера. Дальше слѣдуетъ такая галиматья, которую понять правда очень легко, но сочинить очень трудно. «Нельзя ли — говоритъ нашъ почтенный авторъ — слѣвать это при помощи ассоціаціи, общества, которое, увеличивая производительныя силы, т. е. *цѣнность капитала* (?), *вмѣстѣ съ тѣмъ* увеличиваетъ богатство въ такихъ размѣрахъ, что посредствомъ *болѣе справедливаго* распределенія общественнаго достоянія, можно доставить болѣе значительную долю этого достоянія труду, *неуменьшая доли, законно-слѣдующей* капиталу?» Что это такое? Итакъ общественное достояніе распределено не довольно справедливо? Эта мысль дѣлаетъ честь и автору, и «Русскому Вѣстнику». А производительныя силы — это не болѣе какъ цѣнность капитала. Дальше: что это значить — *неуменьшая доли, законно-слѣдующей капиталу*? Будто есть опредѣленная доля, законно слѣдующая капиталу? Въдъ это противорѣчить ученію всѣхъ безъ исключенія школъ политической экономіи. Конечно все это фразы, нахватанныя изъ разныхъ книжекъ; вотъ теперь къ этимъ фразамъ прибавится еще фраза о собственности какъ спасительномъ талисманѣ. Но этимъ не ограничивается Бонмеръ: онъ такъ доходитъ до этой альфы и омеги, или пожалуй до этой *idée fixe* извѣстной экономической школы, т. е. до свободы торговли. Но какъ онъ ее привнесъ сюда, — это дѣйствительно его секретъ, это какой-то *tour d'adresse*, съ помощью котораго онъ какъ-будто шолъ къ дѣлу, заговорилъ о непроизводительныхъ издержкахъ, говорилъ правду, и вдругъ очутился передъ свободою торговли; разумѣется и ее сей-

часть же въ строку, — и она оказалась вѣнцомъ творенія, въ самомъ концѣ статьи. Это показываетъ только одно: что можно хорошо описывать состояніе сельскаго населенія, даже сносно написать монографію о прошлой судьбѣ его, и въ тоже время ничего не звать изъ науки политической экономіи и не умѣть понимать даже самого себя, когда дѣло дойдетъ до какого-нибудь сужденія. Въ такомъ случаѣ лучше продолжать описывать что-нибудь: это безспорно принесетъ свою пользу.

Говорять еще, что книга Ж. Симона скоро выйдетъ въ рускомъ переводѣ. Хорошо бы. Она несомнѣнно будетъ намъ полезна. Язы, отъ которыхъ страдаетъ западъ, начинаютъ дѣйствовать и у насъ. Точно также между фабричными рабочими замѣтно удаленіе отъ брака, точно также наши фабричныя работницы подвержены великому искушенію, даже подробности одиѣ и тѣже, такъ что читая Ж. Симона, невольно вспоминаешь рассказы объ бытѣ нашихъ фабричныхъ. Но у насъ это зло имѣетъ другой оттѣнокъ. Наши городскіе работники, приходящіе изъ деревень иногда очень надолго, оставляютъ жонъ въ деревняхъ и тѣмъ неменѣе ведутъ себя въ городахъ очень плохо. Это и съ нравственной точки зрѣнія неутѣшительно: моралисты говорятъ, что подобные пороки, эта профанція брака, представляютъ крайній видъ разврата. Это же имѣетъ и гигиеническіе результаты: извѣстно, что благодаря этому сифилитическія болѣзни распространились у насъ по деревнямъ во многихъ губерніяхъ.

Изъ Ж. Симона увидятъ тѣ, которые этого прежде не знали, что сельское производство мануфактурныхъ товаровъ во многихъ отношеніяхъ имѣетъ преимущество передъ городскимъ. Это заставитъ насъ понять важное значеніе, особенно для будущаго, нашей домашней промышленности въ губерніяхъ московской, владимірской, нижегородской и др., равно какъ важное значеніе нашего поземельнаго устройства, нашей сельской общины, обезпечивающей человѣку всегдашнее пользованіе извѣстнымъ угломъ земли. Ж. Симонъ мало сказалъ о народномъ обученіи; о техническомъ, промышленномъ почти ничего; онъ обратилъ больше вниманія на общее гуманное образованіе. Оно конечно нужно и намъ изъ школы; но намъ не менѣе нужно то образованіе народа, которое должно быть результатомъ его соприкосновенія съ образованнымъ классомъ и со властями.

Д. ЩЕГЛОВЪ

ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА ⁽¹⁾

X

ПРАЗДНИКЪ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Наконецъ наступили и праздники. Еще въ сочельникъ арестанты почти не выходили на работу. Вышли въ швальни, въ мастерскія ; остальные только побыли на разводкѣ, и хоть и были кой-куда назначены, но почти всѣ, по одиночкѣ или кучками, тотчасъ же возвратились въ острогъ и послѣ обѣда никто уже не выходилъ изъ него. Да и утромъ большая часть ходила только по своимъ дѣламъ, а не по казеннымъ : иные чтобъ хлопотать о пронесеніи вина и заказать новое ; другіе повидать знакомыхъ куманьковъ и кумушекъ, или собрать къ празднику долгишки за сдѣланныя ими прежде работы ; Баклушинъ и участвовавшіе въ театрѣ—чтобы обойти нѣкоторыхъ знакомыхъ, преимущественно изъ офицерской прислуги, и достать необходимые костюмы. Иные ходили съ заботливымъ и суетливымъ видомъ единственно потому, что и другіе были суетливы и заботливы, и хоть инымъ напрямѣръ ниоткуда не предстояло получить денегъ, но они смотрѣли такъ, какъ-будто и они тоже получаютъ отъ кого-нибудь деньги ; однимъ словомъ всѣ какъ-будто ожидали къ завтрашнему дню какой-то переменны, чего-то необыкновеннаго. Къ вечеру инвалиды, ходившіе на базаръ по арестантскимъ разсылкамъ, нанесли съ собой много всякой всячины изъ съѣстнаго : говядины, порослятъ, даже гусей. Многіе изъ арестантовъ, даже самые скромные и бережливые, копившіе кру-

(1) Время № IV, IX и X.

глый годъ свои копѣйки, считали обязанностью раскошелиться къ такому дню и достойнымъ образомъ справить розговень. Завтрашній день былъ настоящій, неотъемлемый у арестанта праздникъ, признанный за нимъ формально закономъ. Въ этотъ день арестантъ не могъ быть высланъ на работу, и такихъ дней всего было три въ году.

И наконецъ, кто знаетъ, сколько воспоминаній должно было зашевелиться въ душахъ этихъ отверженцевъ при встрѣчѣ такого дня! Дни великихъ праздниковъ рѣзко отпечатлѣваются въ памяти простолудишовъ, начиная съ самаго дѣтства. Это дни вдохновенія отъ ихъ тяжкихъ работъ, дни семейнаго сбора. Въ острогѣ же они должны были припоминаться съ мученіями и тоской. Уваженіе къ торжественному дню переходило у арестантовъ даже въ какую-то форменность; многіе гуляли; всѣ были серьезны и какъ-будто чѣмъ-то заняты, хотя у многихъ совѣмъ почти не было дѣла. Но и праздные и гуляки старались сохранять въ себѣ какую-то важность. Смѣхъ какъ-будто былъ запрещенъ. Вообще настроеніе дошло до какой-то щепетильности и раздражительной нетерпимости, и кто нарушалъ общій тонъ, хоть бы невзначай, того осаживали съ крикомъ и бранью и сердились на него какъ-будто за неуваженіе къ самому празднику. Это настроеніе арестантовъ было замѣчательно, даже трогательно. Кромѣ врожденнаго благоговѣнія къ великому дню, арестантъ безсознательно ощущалъ, что онъ этимъ соблюденіемъ праздника какъ-будто соприкасается со всѣмъ міромъ, что не совѣмъ же онъ стало-быть отверженецъ, погибшій человекъ, ломоть отрѣзанный, что и въ острогѣ тоже что у людей. Они это чувствовали; это было видно и понятно.

Акимъ Акимычъ тоже очень готовился къ празднику. У него не было ни семейныхъ воспоминаній, потому что онъ выросъ сиротой въ чужомъ домѣ, и чуть не съ пятнадцати лѣтъ пошелъ на тяжелую службу; не было въ жизни его и особенныхъ радостей, потому что всю жизнь свою провелъ онъ регулярно, однообразно, боясь хоть на волосокъ выступить изъ показанныхъ ему обязанностей. Не былъ онъ и особенно религіозенъ, потому что благонравіе казалось поглотило въ немъ всѣ остальные его человѣческіе дары и особенности, всѣ страсти и желанія, дурныя и хорошія. Вслѣдствіе всего этого онъ готовился встрѣтить торжественный день не суетясь, не волнуясь, не смущаясь тосканы-

ни и совершенно бесполезными воспоминаніями, а съ тихимъ, методическимъ благонаправіемъ, котораго было ровно настолько, сколько нужно для исполненія обязанности и разъ навсегда указаннаго обряда. Да и вообще онъ не любилъ много задумываться. Значеніе факта казалось никогда не касалось его головы, но разъ указанныя ему правила онъ исполнялъ съ священной акуратностью. Еслибъ завтра же приказали ему сдѣлать совершенно противное, онъ бы сдѣлалъ и это съ тою же самою покорностью и тщательностью, какъ дѣлалъ и противоположное тому наканунѣ. Разъ, одинъ только разъ въ жизни онъ попробовалъ пожить своимъ умомъ — и попалъ въ каторгу. Урокъ не пропалъ для него даромъ. И хотъ ему несуждено было судьбою попятъ хотъ когда-нибудь, въ чемъ именно онъ провинился, по зато онъ вывелъ изъ своего приключенія спасительное правило — не разсуждать никогда и ни въ какихъ обстоятельствахъ, потомучто разсуждать «не его ума дѣло», какъ выражались промежъ себя арестанты. Слѣпо преданный обряду, онъ даже и на праздничнаго поросенка своего, котораго начинилъ кашей и изжарилъ (собственноручно, потомучто умѣлъ и жарить), смотрѣлъ съ какимъ-то предварительнымъ уваженіемъ, точно это былъ не обыкновенный поросенокъ, котораго всегда можно было купить и изжарить, а какой-то особенный, праздничный. Можетъ-быть онъ еще сдѣтства привыкъ видѣть на столѣ въ этотъ день поросенка, и вывелъ, что поросенокъ необходимъ для этого дня, и я увѣренъ, еслибъ хотъ разъ въ этотъ день онъ не покушалъ поросенка, то на всю жизнь у него бы осталось нѣкоторое угрызеніе совѣсти о неисполненномъ долгѣ. До праздника онъ ходилъ въ своей старой курткѣ и въ старыхъ панталонахъ, хотъ и благопристойно заштопанныхъ, но зато ужь совсѣмъ заносившихся. Оказалось теперь, что новую пару, выданную ему еще мѣсяца четыре назадъ, онъ тщательно берегалъ въ своемъ сундукѣ и не притрогивался къ ней съ улыбающеюся мыслью торжественно обновить ее въ праздникъ. Такъ онъ и сдѣлалъ. Еще съ вечера онъ досталъ свою новую пару, разложилъ, осмотрѣлъ, пообчистилъ, обдулъ, и исправивъ все это, предварительно примѣрилъ ее. Оказалось, что пара была совершенно впору; все было прилично, плотно застегивалось до верху, воротникъ какъ изъ кордона высоко подпиралъ подбородокъ; въ тальѣ образовалось даже что-то въ родѣ мундирнаго перехвата, и Акимъ Акимычъ

даже ослабился отъ удовольствія и не безъ молодцоватости повернулся передъ крошечнымъ своимъ зеркальцомъ, которое собственноручно и давно уже оклеилъ въ свободную минутку золотымъ бордюрикомъ. Только одинъ крючочекъ у воротника куртки оказался какъ-будто не на мѣстѣ. Сообразивъ это, Акимъ Акимычъ рѣшилъ переставить крючочекъ; переставилъ, примѣрилъ опять, и оказалось уже совсѣмъ хорошо. Тогда онъ сложилъ все попрежнему и съ успокоеннымъ духомъ упрятал до завтра въ сундучокъ. Голова его была обрита удовлетворительно; но оглядѣвъ себя внимательно въ зеркальцѣ, онъ замѣтилъ, что какъ-будто несовсѣмъ гладко на головѣ; показывались чуть видныя ростки волосъ, и онъ немедленно сходилъ къ «майору», чтобъ обриться совершенно прилично и по формѣ. И хотя Акимъ Акимыча никто не сталъ бы завтра осматривать, но обрился онъ единственно для спокойствія своей совѣсти, чтобъ ужъ такъ, для такого дня, исполнить всѣ свои обязанности. Благословеніе къ пуговкѣ, къ погончику, къ петличкѣ, еще сдѣлства неотъемлемо напечатлѣлось въ умѣ его въ видѣ неоспоримой обязанности, а въ сердцѣ — какъ образъ послѣдней степени красоты, до которой можетъ достигъ порядочный человѣкъ. Все исправивъ онъ, какъ старшій арестантъ въ казармѣ, распорядился приносить сѣна и тщательно наблюдалъ какъ разбрасывали его по полу. Тоже самое было и въ другихъ казармахъ. Не знаю почему, но къ рождеству всегда разбрасывали у насъ по казармѣ сѣно. Потомъ, окончивъ всѣ свои труды, Акимъ Акимычъ помолился Богу, легъ на свою койку и тотчасъ же заснулъ безмятежнымъ сномъ младенца, чтобъ проснуться какъ можно раньше утромъ. Также точно поступили впрочемъ и всѣ арестанты. Во всѣхъ казармахъ улеглись гораздо раньше обыкновеннаго. Обыкновенныя вечернія работы были оставлены; объ майданахъ и помину не было. Все ждало завтрашняго утра.

Оно наконецъ настало. Рано, еще до свѣту, едва только пробили зорю, отворили казармы и вошедшій считать арестантовъ караульный унтеръ-офицеръ поздравилъ ихъ всѣхъ съ праздникомъ. Ему отвѣчали тѣмъ же, отвѣчали привѣтливо и ласково. Паскоро помолившись, Акимъ Акимычъ и многіе имѣвшіе своихъ гусей и поросятъ на кухнѣ, поспѣшно пошли смотрѣть что съ ними дѣлается, какъ ихъ жарятъ, гдѣ что стоитъ и такъ далѣе. Сквозь темноту, изъ маленькихъ, замѣненныхъ снѣгомъ и льдомъ

окошекъ нашей казармы видно было, что въ обѣихъ кухняхъ, во всѣхъ шести печахъ, пылаеть яркій огонь, разложенный еще до свѣту. По двору, въ темнотѣ, уже шныряли арестанты въ своихъ полушубкахъ, въ рукава и въ накидку; все это стремилось въ кухню. Но нѣкоторые, впрочемъ очень немногіе, успѣли уже побывать и у цѣловальниковъ. Это были уже самые нетерпѣливые. Вообще же всѣ вели себя благоуристойно, смиренно и какъ-то не по обыкновенному чинно. Неслышно было ни обычной ругани, ни обычныхъ ссоръ. Всѣ понимали, что день большой и праздникъ великій. Были такіе, что сходили въ другія казармы, поздравить кой-кого изъ своихъ. Проявлялось что-то вродѣ дружелюбія. Замѣчу мимоходомъ: между арестантами почти совсѣмъ не замѣчалось дружелюбія, не говорю общаго, — это ужь по-давни; а такъ, частнаго, чтобъ одинъ какой-нибудь арестантъ сдружился съ другимъ. Этого почти совсѣмъ у насъ не было, и это замѣчательная черта: такъ не бываетъ на волѣ. У насъ вообще всѣ были въ обращеніи другъ съ другомъ черствы, сухи, за очень рѣдкими исключеніями, и это былъ какой-то формальный, разъ принятый и установленный тонъ. Я тоже вышелъ изъ казармы; начинало чуть-чуть свѣтать; звѣзды меркли; морозный тонкій паръ подымался кверху. Изъ печныхъ трубъ на кухню валилъ дымъ столбами. Нѣкоторые изъ попавшихся мнѣ навстрѣчу арестантовъ сами охотно и ласково поздравили меня съ праздникомъ. Я благодарилъ и отвѣчалъ тѣмъ же. Изъ нихъ были и такіе, которые до сихъ поръ еще ни слова со мной не сказали во весь этотъ мѣсяць.

У самой кухни нагналъ меня арестантъ, изъ военной казармы, въ тулупѣ въ накидку. Онъ еще съ полдвора разглядѣлъ меня и кричалъ мнѣ: «Александръ Петровичъ! Александръ Петровичъ!» Онъ бѣжалъ на кухню и торопился. Я остановился и подождалъ его. Это былъ молодой парень, съ круглымъ лицомъ, съ тихимъ выраженіемъ глазъ, очень неразговорчивый со всѣми, а со мной не сказавшій еще ни одного слова и не обращающій на меня доселѣ никакого вниманія со времени моего поступленія въ острогъ; я даже не зналъ какъ его зовутъ. Онъ подбѣжалъ ко мнѣ запыхавшись и сталъ предо мной въ упоръ, глядя на меня съ какой-то тупой, но въ тоже время и блаженной улыбкой.

— Что вамъ? не безъ удивленія спросилъ я его, видя, что

онъ стоитъ предо мной, улыбается, глядитъ на меня во всё глаза, а разговора не начинаетъ.

— Да какже, праздникъ... пробормоталъ онъ и самъ догадавшись, что не о чемъ больше говорить, бросилъ меня и поспѣшно отправился въ кухню.

Замѣчу здѣсь кстати, что и послѣ этого мы съ нимъ ровно никогда не сходились и почти не сказали ни слова другъ другу, до самаго моего выхода изъ острога.

На кухнѣ около жарко-разгорѣвшихся печей шла суетня и толкотня, цѣлая давка. Всякій наблюдалъ за своимъ добромъ; стряпки принимались готовить казенное кушанье, потому что въ этотъ день обѣдъ назначался раньше. Никто впрочемъ не начиналъ еще ѣсть, и хоть вѣдь бы и хотѣлось, но наблюдалось передъ другими приличіе. Ждали священника и уже послѣ него полагались розговени. Между тѣмъ еще не успѣло совсѣмъ ободнѣть, какъ уже начали раздаваться за воротами острога призывные крики ефрейтора: «Поваровъ!» Эти крики раздавались чуть не непрерывно и продолжались почти два часа. Требовали поваровъ съ кухни, чтобъ принимать приприсоимое со всѣхъ концовъ города въ острогъ подаваніе. Приносилось оно въ чрезвычайномъ количествѣ въ видѣ калачей, хлѣба, ватрушекъ, пряжениковъ, шанегъ, блиновъ и прочихъ сдобныхъ печеній. Я думаю не осталось ни одной хозяйки изъ купеческихъ и изъ мѣщанскихъ домовъ во всемъ городѣ, которая бы не прислала своего хлѣба, чтобъ поздравить съ великимъ праздникомъ «несчастныхъ» и заключенныхъ. Были подаванія богатые — сдобные хлѣбы изъ чистѣйшей муки, присланные въ большомъ количествѣ. Были подаванія и очень бѣдные — такой какой-нибудь грошовый калачикъ и двѣ какихъ-нибудь черныя шаньги, чуть-чуть обмазаныя сметаной: это уже былъ даръ бѣдняка бѣдняку, изъ послѣдняго. Все принималось съ одинаковою благодарностью, безъ различія даровъ и дарившихъ. Принимавшіе арестанты снимали шапки, кланялись, поздравляли съ праздникомъ и относили подаваніе на кухню. Когда уже набрались цѣлыя груды подаваннаго хлѣба, потребовали старшихъ изъ каждой казармы и они уже распредѣлили все поровну, по казармамъ. Не было ни спору, ни брани; дѣло вели честно, поровну. Что пришлось на нашу казарму, раздѣлили уже у насъ; дѣлилъ Акимъ Акимычъ и еще другой арестантъ; дѣлили своей рукой и своей рукой раздавали каждо-

му. Не было ни малѣйшаго возраженія, ни малѣйшей зависти отъ кого-нибудь; всѣ остались довольны; даже подозрѣнія не могло быть, чтобъ подавнѣе можно было утаить или роздать не поровну. Устроивъ свои дѣла въ кухнѣ, Акимъ Акимычъ приступилъ къ своему облаченію, одѣлся со всѣмъ приличіемъ и торжественностью, не оставивъ ни одного крючочка незастегнутымъ, и одѣвшись тотчасъ же приступилъ къ настоящей молитвѣ. Онъ молился довольно долго. На молитвѣ стояло уже много арестантовъ, большею частью пожилыхъ. Молодежь помногу не моллась: такъ развѣ перекрестится кто вставая, даже и въ праздникъ. Помолвившись, Акимъ Акимычъ подошелъ ко мнѣ и съ нѣкоторою торжественностью поздравилъ меня съ праздникомъ. Я тутъ же позвалъ его на чай, а онъ меня на своего поросянка. Служа немного прибѣжалъ ко мнѣ и Петровъ, поздравить меня. Онъ кажется ужъ и выпилъ, и хотъ прибѣжалъ запыхавшись, но многого не сказалъ, а только постоялъ недолго передо мной съ какимъ-то ожиданіемъ и вскорѣ ушелъ отъ меня на кухню. Между тѣмъ въ военной казармѣ приготовлялись къ пріематію священника. Эта казарма была устроена не такъ какъ другія: въ ней нары тянулись около стѣнъ, а не посрединѣ комнаты, какъ во всѣхъ прочихъ казармахъ, такъ что это была единственная въ острогѣ комната, незагроможденная посрединѣ. Вѣроятно она и устроена была такимъ образомъ, чтобъ въ ней, въ необходимыхъ случаяхъ, можно было собирать арестантовъ. Среди комнаты поставили столикъ, накрыли его чистымъ полотенцемъ, поставили на немъ образъ и зажгли лампаду. Наконецъ пришелъ священникъ съ крестомъ и святою водою. Помолвившись и пропѣвъ передъ образомъ, онъ сталъ передъ арестантами и всѣ съ истиннымъ благоговѣніемъ стали подходить прикладываться къ кресту. Затѣмъ священникъ обошелъ всѣ казармы и окропилъ ихъ святою водою. На кухнѣ онъ похвалилъ нашъ острожный хлѣбъ, славившійся своимъ вкусомъ въ городѣ, и арестанты тотчасъ же пожелали ему послать два свѣжихъ и только-что выпеченыхъ хлѣба; на отсылку ихъ немедленно употребленъ былъ одинъ инвалидъ. Крестъ проводили съ тѣмъ же благоговѣніемъ, съ какимъ и встрѣтили, и затѣмъ почти тотчасъ же пріѣхалъ плацъ-майоръ и комендантъ. Коменданта у насъ любили и даже уважали. Онъ обошелъ всѣ казармы въ сопровожденіи плацъ-майора, всѣхъ поздравилъ съ праздникомъ, за-

шолъ въ кухню и попробовалъ острожныхъ щей. Щи вышли славные; отпущено было для такого дня чуть не по фунту говядины на каждого арестанта. Сверхъ того сготовлена была просыная каша, и масла отпустили въ волю. Проводивъ коменданта, плацъ-майоръ велѣлъ начинать обѣдать. Арестанты старались не попадаться ему на глаза. Не любили у насъ его злобнаго взгляда изъ-подъ очковъ, которымъ онъ и теперь высматривалъ направо и налево, не найдется ли безпорядковъ, не попадетъ ли какой-нибудь виноватый.

Стали обѣдать. Поросенокъ Акимъ Акимыча былъ зажаренъ превосходно. И вотъ не могу даже объяснить какъ это случилось: тотчасъ же по отъѣздѣ плацъ-майора, какихъ-нибудь пять минутъ спустя, оказалось необыкновенно много пьянаго народу, которые еще только за пять минутъ были почти совершенно трезвые. Явилось много рдѣющихъ и сіяющихъ лицъ, явились бала-лайки. Полячокъ со скрипкой уже ходилъ за какимъ-то гулякой, нанятой на весь день и пиллъ ему веселые танцы. Разговоръ становился хмѣльнѣе и шумнѣе. Но отобѣдали безъ большихъ безпорядковъ. Всѣ были сыты. Многіе изъ стариковъ и солидныхъ отправились тотчасъ же спать, что сдѣлалъ и Акимъ Акимычъ, полагая кажется, что въ большой праздникъ послѣ обѣда непременно нужно заснуть. Старичокъ изъ стародубовскихъ старообрядцевъ, вздремнувъ немного, полѣзъ на печку, развернулъ свою книгу и промолился до глубокой ночи, почти непрерывая молитвы. Ему тяжело было смотрѣть на «страшъ», какъ говорилъ онъ про всеобщую гулянку арестантовъ. Всѣ черкесы усѣлись на крылечкѣ и съ любопытствомъ, а вмѣстѣ и съ нѣкоторымъ омерзениемъ смотрѣли на пьяный народъ. Мнѣ повстрѣчался Нурра: «яманъ, яманъ! сказалъ онъ мнѣ, покачивая головою съ благочестивымъ негодованіемъ:—ухъ, яманъ! Аллахъ сердить будетъ!» Исая Ѳомичъ упрямо и высокомерно засвѣтилъ въ своемъ уголку свѣчку и началъ работать, видимо показывая, что ничто не считаетъ праздникъ. Кой-гдѣ по угламъ начались майданы. Инвалидовъ не боялись, а въ случаѣ унтеръ-офицера, который самъ старался ничего не замѣчать, поставили сторожей. Караульный офицеръ раза три заглядывалъ во весь этотъ день въ острогъ. Но пьяные прятались, майданы снимались при его появленіи, да и самъ онъ казался рѣшившимся не обращать вниманія на мелкіе безпорядки. Пьяный человекъ

въ этотъ день считался уже безпорядкомъ мелкимъ. Мало-помалу народъ разгуливался. Начинались и ссоры. Трезвыхъ все-таки оставалась гораздо бѣльшая часть и было кому присмотрѣть за нетрезвыми. Зато ужь гулявшіе пили безъ мѣры. Газинъ торжествовалъ. Онъ разгуливалъ съ самодовольнымъ видомъ около своего мѣста на парахъ, подъ которыя смѣло перенесъ вино, хранившееся до того времени гдѣ-то въ снѣгу за казармами, въ потаенномъ мѣстѣ, и лукаво посмѣивался, смотря на прибывавшихъ къ нему потребителей. Самъ онъ былъ трезвъ и не выпилъ ни капли. Онъ намѣренъ былъ гулять въ концѣ праздника, обобравъ предварительно всѣ денежки изъ арестантскихъ кармановъ. По казармамъ раздавались пѣсни. Но пьянство переходило уже въ чадный угаръ и отъ пѣсенъ недалеко было до слезъ. Многіе расхаживали съ собственными балалайками, тупы въ накидку, и съ молодецкимъ видомъ перебирали струны. Въ особомъ отдѣленіи образовался даже хоръ, человекъ изъ восьми. Они славно пѣли подъ акомпаниментъ балалаекъ и гитаръ. Чисто народныхъ пѣсень пѣлось мало. Помню только одну, молодецки пропѣтую :

Я вечеръ млада
Во пиру была.

И здѣсь я услышалъ новый варіантъ этой пѣсни, котораго прежде не встрѣчалъ. Въ концѣ пѣсни прибавлялось нѣсколько стиховъ :

У меня-ль младой
Дома убрано:
Ложки вымыла,
Во щи вылила;
Съ косяковъ скребла,
Пирогъ спекла.

Пѣлись же большею частью пѣсни такъ называемыя у насъ арестантскія, впрочемъ всѣ извѣстныя. Одна изъ нихъ: «Бывало»... юмористическая, описывающая какъ прежде человекъ веселился и жилъ баринномъ на волѣ, а теперь попалъ въ острогъ. Описывалось какъ онъ подправлялъ прежде «бламаиже шеппанскимъ», а теперь —

Дадутъ капусты мяѣ съ водою
И ѣмъ, такъ за ушми трещить.

Въ ходу была тоже слишкомъ извѣстная :

Прежде жияъ я, мальчикъ, веселился
И имѣлъ свой капиталъ:
Капиталу, мальчикъ, я рѣшился
И въ неволю жить попалъ

и такъ далѣе. Только у насъ произносили не «капиталъ», а «копиталъ», производя капиталъ отъ слова «копить»; пѣлись тоже заунывные. Одна была чисто каторжная, тоже кажется извѣстная:

Свѣтъ небесный возсіяеть,
Барабанъ зарю пробьетъ, —
Старшій двери отворяетъ,
Шисарь требовать идетъ:

Насъ невидно за стѣнами,
Каково мы здѣсь живемъ;
Богъ, Творецъ Небесный, съ нами,
Мы и здѣсь не пропадемъ, и т. д.

Другая пѣлась еще заунывнѣе, впрочемъ прекраснымъ напѣвомъ, сочиненная вѣроятно какимъ-нибудь ссыльцомъ, съ приторными и довольно безграмотными словами. Изъ нея я вспоминаю теперь нѣсколько стиховъ:

Не увидить взоръ мой той страны,
Въ которой я рожденъ;
Терпѣть мученья безъ вины
На вѣкъ я осужденъ.

На кровлѣ филинъ прокричить,
Раздастся по лѣгамъ,
Занесть сердце, загрустить,
Меня не будетъ тамъ.

Эта пѣсня пѣлась у насъ часто, но не хоромъ, а въ одиночку. Кто-нибудь, въ гулевое время, выйдетъ бывало на крылечко казармы, сядетъ, задумается, подопретъ щеку рукой и затянетъ ее высокимъ фальцетомъ. Слушающъ, и какъ-то душу надрываетъ. Голоса у насъ были порядочные.

Между тѣмъ начинались ужъ и сумерки. Грусть, тоска и чадъ тяжело проглядывали среди пьянства и гульбы. Смѣявшіися за часъ тому назадъ, уже рыдалъ гдѣ-нибудь, напившись черезъ край. Другіе успѣли уже раза по два подраться. Третьи, блѣдные и чуть держась на ногахъ, шатались по казармамъ, заводили ссоры. Тѣже, у которыхъ хмѣль былъ незадорнаго свойства,

тщетно искали друзей, чтобы излить передъ ними свою душу и выплакать свое пьяное горе. Весь этотъ бѣдный народъ хотѣлъ повеселиться, провести весело великій праздникъ — и, Господи! какой тяжолый и грустный былъ этотъ день чуть не для каждаго. Каждый проводилъ его какъ-будто обманувшись въ какой-то надеждѣ. Петровъ раза два еще забѣгалъ ко мнѣ. Онъ очень немного выпилъ во весь день и былъ почти совсѣмъ трезвый. Но онъ до самаго послѣдняго часа все чего-то ожидалъ, что непремѣнно должно случиться, чего-то необыкновеннаго, праздничнаго, развеселаго. Хотя онъ и не говорилъ объ этомъ, но видно было по его глазамъ. Онъ сповалъ изъ кавармы въ казарму безъ устали. Но ничего особеннаго не случилось и не встрѣчалось, кромѣ пьянства, пьяной безтолковой ругани и угорѣвшихъ отъ хмѣля головъ. Сироткинъ бродилъ тоже въ новой красной рубашкѣ, по всѣмъ казармамъ, хорошенькой, вымытой, и тоже, тихо и наниво, какъ-будто ждалъ чего-то. Мало-помалу въ казармахъ становилось несносно и омерзительно. Конечно было много и смѣшнаго, но мнѣ было какъ-то грустно и жалко ихъ всѣхъ, тяжело и душно между ними. Вонъ два арестанта спорятъ кому кого угощать. Видно, что они уже долго спорятъ и прежде-того даже поссорились. У одного особенно есть какой-то давнишній зубъ на другого. Онъ жалуется, и нетвердо ворукая языкомъ, силится доказать, что тотъ поступилъ съ нимъ несправедливо: былъ проданъ какой-то полушубокъ, утаены когда-то какія-то деньги, въ прошломъ году на масляницѣ. Что-то еще кромѣ этого было... Обвиняющій — высокій и мускулистый парень, неглупый, смиренный, но когда пьянъ, — съ стремленіемъ дружить и излить свое горе. Онъ и ругается, и претензію показываетъ какъ-будто съ желаніемъ еще крѣпче потомъ помираться съ соперникомъ. Другой — плотный, коренастый, невысокаго роста, съ круглымъ лицомъ, хитрый и пронырливый. Онъ выпилъ можетъ-быть больше своего товарища, но пьянъ только слегка. Онъ съ характеромъ и слыветъ богатымъ, но ему почему-то выгодно не раздражать теперь своего экспансивнаго друга, и онъ подводитъ его къ цѣловальнику; другъ утверждаетъ, что онъ долженъ и обязанъ ему поднести, «если только ты честный человекъ есть».

Цѣловальникъ, съ нѣкоторымъ уваженіемъ къ требователю и съ отѣикомъ презрѣнія къ экспансивному другу, потому что

тотъ пьеть не на свои, а его подчуютъ, достаетъ и наливаетъ чашку вина.

— Нѣтъ, Степка, это ты должонъ, говорить экспансивный другъ, видя, что его взяла, — потому ефто твой долгъ.

— Да я съ тобой и языкъ-то даромъ не стану мозолить! отвѣчаетъ Степка.

— Нѣтъ, Степка, это ты врешь, подтверждаетъ первый, принимая отъ цѣловальника чашку: — потому ты мнѣ деньги долженъ; совѣсти нѣтъ и глаза-то у тебя не свои, а заемные! Подлецъ ты Степка, вотъ тебѣ; одно слово подлецъ!

— Ну чего рюмишь, вино расплескалъ! честь ведутъ да даютъ, такъ пей! кричитъ цѣловальникъ на экспансивнаго друга: — не дозавтра надъ тобой стоять!

— Да и выпью, чего кричишь! «Съ праздникомъ, Степанъ Дорофеичъ!» вѣжливо и съ легкимъ поклономъ обратился онъ, держа чашку въ рукахъ, къ Степкѣ, котораго еще за полминуты обзывалъ подлецомъ. — Будь здоровъ на сто годовъ, а что жилъ, не въ зачетъ! Онъ выпилъ, крикнулъ и утерся. — Прежде, братцы, я много вина подымалъ, замѣтилъ онъ съ серьезною важностью, обращаясь какъ-будто ко всѣмъ и ни къ кому въ особенности: — а теперь ужъ знать лѣта мои подходятъ. Благодарствуй, Степанъ Дорофеичъ.

— Не на чемъ.

— Такъ я все про то буду тебѣ, Степка, говорить; и окромя того, что ты выходишь передо мной большой подлецъ, я тебѣ скажу...

— А я тебѣ вотъ что, пьяная ты харя, скажу, перебиваетъ потерявшій терпѣніе Степка. — Слушай, да всякое мое слово считай: вотъ тебѣ свѣтъ пополамъ; тебѣ полсвѣта, и мнѣ полсвѣта. Иди и не встрѣчайся ты больше мнѣ. Надоѣлъ!

— Такъ не отдашь денегъ?

— Какихъ тебѣ еще денегъ, пьяный ты человекъ?

— Эй, на томъ свѣтѣ самъ придеши отдавать — не возьму! Наша денежка трудовая, да потная, да мозольная. Замасься съ моимъ пятакомъ на томъ свѣтѣ.

— Да ну тебя къ чорту.

— Чтò нукаешь; не запрөгъ.

— Пошоль, пошоль!

— Подлецъ!

— Ворюанъ!

И пошла опять ругань, еще больше чѣмъ до подчиванья.

Вотъ сидятъ на парахъ отдѣльно два друга: одинъ высокій, плотный, мясистый, настоящій мясникъ; лицо его красно. Онъ чуть не плачетъ, потомучте очень растроганъ. Другой — тщедушный, тоненькій, худой, съ длинными носомъ, съ котораго какъ-буато что-то каплетъ, и съ маленькими свинными глазками, обращенными въ землю. Это человекъ политичный и образованный; былъ когда-то писаремъ и трактуетъ своего друга нѣсколько свысока, что тому втайнѣ очень неприятно. Они весь день вѣстѣ вили.

— Онъ меня дерзнулъ! кричитъ мясистый другъ, крѣпко качая голову писаря лѣвой рукою, которою онъ обхватывалъ его. «Дерзнулъ» значитъ ударилъ. Мясистый другъ, самъ изъ унтер-офицеровъ, втайнѣ завидуетъ своему испитому другу, и потому оба они, одинъ вередъ другимъ, щеголяютъ изысканностью слога.

— А я тебѣ говорю, что и ты неправъ... начинаешь догматичеки писарь, упорно неподымая на него своихъ глазъ и съ важностью смотря въ землю.

— Онъ меня дерзнулъ, слышь ты! прерываетъ другъ, еще больше теребя своего милаго друга. — Ты одинъ шибъ теперь на всемъ свѣтѣ остался, слышишь ты это? потому я тебѣ одному говорю: онъ меня дерзнулъ!..

— А я опять скажу: такое кислое оправданье, милый другъ, составляетъ только стыдъ твоей головѣ! тоненькимъ и кѣжливый голоскомъ возражаетъ писарь: — я лучше согласись, милый другъ, все это пьянство черезъ твое собственное непостоянство...

Мясистый другъ нѣсколько отшатывается назадъ, тупо глядитъ своими пьяными глазами на самодовольнаго писаришку, и вдругъ, совершенно неожиданно, изо всей силы ударяетъ своимъ огромнымъ кулакомъ по маленькому лицу писаря. Тѣмъ и кончается дружба за цѣлый день. Милый другъ безъ памяти летитъ подъ нары...

Вотъ входитъ въ нашу казарму одинъ мой знакомый изъ особаго отдѣленія, безмолечно добродушный и веселый парень, пеглаущий, безобидно-насмѣшливый и необякивовенно простоватый съ виду. Это тотъ самый, который, въ первый мой день въ ост-

рогъ, въ кухнѣ за обѣдомъ искалъ гдѣ живетъ богатый мужикъ, увѣрялъ что онъ «съ анбицей» и напился со мною чаю. Онъ лѣтъ сорока, съ необыкновенно толстой губой и съ большими мясистымъ носомъ, усѣянными угрями. Въ рукахъ его бабакайка, на которой онъ небрежно перебираетъ струны. За нимъ слѣдовалъ, точно прихвостень, превьчайино маленькій арестантъ, съ большой головой, котораго я очень мало зналъ доселѣ. На него впрочемъ и мнѣ не обращалъ никакого вниманія. Онъ былъ какой-то странный, недовѣрчивый, вѣдце молчаливый и серьезный; ходилъ работать въ шпальню и видимо старался жить особнякомъ и ни съ кѣмъ не связываться. Теноръ же, важный, онъ привязался какъ тѣнь къ Варламову. Онъ слѣдовалъ за нимъ въ ужасномъ волненіи, размахивалъ руками, билъ кулакомъ по стѣнѣ, по парашъ и даже чуть не плагалъ. Варламовъ казался же обращалъ на него никакого вниманія, даже будто и не было его подлѣ. Замѣчательно, что прежде эти два чело-вѣка почти совсѣмъ другъ съ другомъ не сходились; у нихъ и по занятіямъ, и по характеру ничего нѣтъ общаго. И разра-довъ они разныхъ, и живутъ по разнымъ казармамъ. Звали маленькаго арестанта — Булкинъ.

Варламовъ, увидѣвъ меня, ослабилъ. Я сидѣлъ на своихъ нарахъ у печи. Онъ сталъ поодаль противъ меня, что-то соор-разилъ, покачнулся, и неровными шагами подождя ко мнѣ, какъ-то молодцовато избоченился всѣмъ корпусомъ и слегка потроги-вая струны, проговорилъ речитативомъ, чуть-чуть постукивая сапогомъ:

Круглолица, бѣлолица

Милая моя;

Она въ платницѣ атласномъ,

Гарнитуровомъ прекрасномъ,

Очень хороша!

Эта пѣсня казалась вывета изъ себя Булкина; онъ заматалъ руками и обращаясь ко всѣмъ закричалъ:

— Все-то вретъ, братцы, все-то онъ вретъ!. Ни одного сло-ва не скажетъ вправду, все вретъ!

— Старичку Александру Петровичу проговорилъ Варла-мовъ, съ плутоватымъ смѣхомъ заглядывая мнѣ въ глаза в чуть не волѣзъ со мной мѣловаться. Онъ былъ пьяненьки. Выразо-ше: «старичку такому-то...», т. е. такому-то мое почтеніе, дво-

требляется въ простонародьи по всей Сибири, хотя бы относилась къ человѣку двадцати лѣтъ. Слово «старичокъ» означаетъ что-то почетное, почтительное, даже льстивое.

— Ну что, Варламовъ, какъ поживаете?

— Да по деньку на день. А ужъ кто правдинку ралъ, тотъ спозаранку мышь; вы ужъ меня извините! Варламовъ говорилъ нѣсколько шарасивъ.

— И все-то вретъ, все-то онъ опять вретъ! закричалъ Булкинъ, въ какомъ-то отчаяннн стуча рукою по царамъ, Но тотъ какъ-будто слово далъ не обращать на него ни малѣйшаго вниманiя, и въ этомъ было чрезвычайно много комизму, потому что Булкинъ привязался къ Варламову совершенно ни съ того, ни съ сего еще съ самаго утра, именно зато, что Варламовъ «все вретъ», какъ ему отчего-то показалось. Онъ бродилъ за нимъ какъ тѣнь, привязывался къ каждому его слову, ломалъ свои руки, обколотивъ ихъ чуть не въ кровь объ стѣны и объ нары, и страдалъ, видимо страдалъ отъ убѣжденiя, что Варламовъ «все вретъ»! Еслибъ у него были волосы на головѣ, онъ бы кажется вырвалъ ихъ отъ огорченiя. Точно онъ взялъ на себя обязанность отвѣчать за поступки Варламова, точно на его совѣсти лежали всѣ недостатки Варламова. Но тотъ даже и не глядѣлъ на него.

— Все вретъ, все вретъ, все вретъ! Ни одно-то слово его ни къ чему не подходитъ! кричалъ Булкинъ.

— Да тебѣ-то что! отвѣчали со смѣхомъ арестанты.

— И вамъ, Александръ Петровичъ, доложу, что былъ я очень красивъ изъ себя и очень меня любили дѣвки... началъ вдругъ ни съ того, ни съ сего Варламовъ.

— Вретъ! опять вретъ! прерываетъ съ какимъ-то визгомъ Булкинъ. Арестанты хохочуть.

— А я-то передъ ними куражусь: рубаха на мнѣ красная, шаровары плисовые; лежу себѣ, какъ эдакой графъ Бутылкинъ, ну то-есть пьянъ какъ шведъ, одно слово — чего изволите!

— Вретъ! рѣшительно подтверждаетъ Булкинъ.

— А въ тѣ поры былъ у меня отъ батюшки домъ двухъ-этажный каменный. Ну, въ два-то года я два этажа и спустилъ, остались у меня одни ворота безъ столбовъ. Чегожъ, деньги — голуби: прилетать и опять улетать!

— Вретъ! еще рѣшительнѣе подтверждаетъ Булкинъ.

— Такъ ужъ я вотъ ономаюсь и послалъ своимъ родичамъ отсюда слезницу; авось деньжонокъ пришлютъ. Потому, говори-ли, я противъ родителей моихъ шолъ. Неуважительный былъ! Вотъ ужъ седьмой годъ какъ послалъ.

— И нѣтъ отвѣту? спросилъ я засмѣявшись.

— Да нѣтъ, отвѣчалъ онъ вдругъ засмѣявшись самъ и все ближе и ближе приближая свой носъ къ самому моему лицу. — А у меня, Александръ Петровичъ, здѣсь полюбовница есть...

— У васъ? любовница?

— Онуфриевъ да и говорить: «моя пусть рябая, нехорошая, да зато у ней сколько одежи; а твоя хороша, да пища, съ мѣшкомъ ходить.»

— Да развѣ правда?

— А и вправду нищая! отвѣчалъ онъ и залился неслышнымъ смѣхомъ; въ казармѣ тоже захохотали. Дѣйствительно всѣ знали, что онъ связался съ какой-то нищей и выдалъ ей въ полгода всего десять копѣекъ.

— Ну такъ чтожъ? спросилъ я, желая отъ него наконецъ отвязаться.

Онъ помолчалъ, умильно посмотрѣлъ на меня и нѣжно произнесъ:

— Такъ вотъ не соблаговолите ли мнѣ по сей причинѣ на козушку? Я вѣдь, Александръ Петровичъ, все чай пилъ сегодня, прибавилъ онъ въ умиленіи, принимая деньги: — и такъ я этого чаю нахлестался, что олышка взяла, а въ брюхѣ какъ въ бутылкѣ болтается...

Межъ тѣмъ какъ онъ принималъ деньги, нравственное разстройство Булкина казалось дошло до послѣднихъ предѣловъ. Онъ жестикулировалъ какъ отчаянный, чуть не плакалъ.

— Люди божіи! кричалъ онъ, обращаясь ко всей казармѣ въ изступленіи: — смотрите на него! Все вретъ! Что имъ скажете, все-то, все-то, все-то онъ вретъ!

— Да тебѣ-то что? кричатъ ему арестанты, удивляясь на его ярость: — несообразный ты человекъ!

— Не дамъ соврать! кричитъ Булкинъ, сверкая глазами и стуча изъ всей силы кулакомъ по парамъ: — не хочу, чтобъ онъ вралъ!

Всѣ хохочутъ. Варламовъ беретъ деньги, откланяется мнѣ,

в кривляясь съѣздить изъ казармы, разумѣется въ цѣловальни-
ну. И тутъ кажется онъ въ первый разъ замѣчаетъ Булкина.

— Ну, пойдёмъ! говоритъ онъ ему, останавливаясь на поро-
гѣ, точно онъ и впрямь былъ ему на что-то нуженъ. — Набалабаш-
никъ! прибавляетъ онъ, съ презрѣніемъ пропуская огорченнаго
Булкина впередъ себя и вновь начиная тренькать на бала-
найкѣ...

Но что описывать этотъ чадъ! Наконецъ кончается этотъ
удушливый день. Арестанты тяжело засыпаютъ на нарахъ. Во-
сстѣ они говорятъ и бредятъ еще больше чѣмъ въ другія ночи.
Кой-гдѣ еще сидятъ за майданами. Давно ожидаемый празд-
никъ прошолъ. Завтра опять будни, опять на работу...

XI

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ

На третій день праздника, вечеромъ, состоялось первое пред-
ставленіе въ нашемъ театрѣ. Предварительныхъ хлопотъ по
устройству вѣроятно было много, но актеры взяли все на себя,
такъ что всѣ мы, остальные, и не знали: въ какомъ положеніи
дѣло? что именно дѣлается? даже хорошенько не знали, что бу-
детъ представляться. Актеры всѣ эти три дня, выходя на рабо-
ту, старались какъ можно болѣе добыть костюмовъ. Баклушинъ,
встрѣчаясь со мной, только прищелкивалъ пальцами отъ удо-
вольствія. Кажется и на плацъ-майора нашолъ порядочный
стихъ. Впрочемъ намъ было совершенно неизвѣстно, зналъ ли онъ
о театрѣ. Если зналъ, то позволилъ ли его формально, или толь-
ко рѣшился молчать, махнувъ рукой на арестантскую затѣю
и подтвердивъ разумѣется, чтобы все было по возможности въ
порядкѣ? Я думаю, онъ зналъ о театрѣ, не могъ не знать; но
выѣщиваться не хотѣлъ, понимая, что можетъ быть хуже, если
онъ запретить: арестанты начнутъ шалить, плясывать, такъ
что гораздо лучше, если чѣмъ-нибудь займутся. Я впрочемъ
предполагаю въ плацъ-майорѣ такое разсужденіе единственно по-
тому, что оно самое естественное, самое вѣрное и здравое. Даже
такъ можно сказать: еслибъ у арестантовъ не было на праздни-
кахъ театра, или какого-нибудь занятія въ этомъ родѣ, то его

слѣдовало, самому начальству выдумать. Но такъ какъ нашъ плаццъ-майоръ отличался совершенно обратнымъ способомъ мышленія, чѣмъ остальная часть человѣчества, то очень поумудрено, что я беру большой грѣхъ на себя, предполагаю, что онъ знаетъ о театрѣ и позволилъ его. Такому человеку какъ плаццъ-майору надо было вездѣ кого-нибудь придавить, что-нибудь отнять, кого-нибудь лишить права, однимъ словомъ—гдѣ-нибудь прова-вести расворалокъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ извѣстенъ въ цѣломъ городѣ. Какое ему дѣло, что именно отъ этихъ стѣсненій въ острогѣ могли выйти шалости! На шалости есть наказанія (разсуждаютъ такіе, какъ нашъ плаццъ-майоръ), а съ мошенниками-арестантами — строгость и непрерывное, буквальное исполненіе закона — вотъ и все что требуется! Эти бездарные исполнители закона рѣшительно не понимаютъ, да и не въ состояніи понять, что одно буквальное исполненіе его, безъ смысла, безъ пониманія духа его, прямо ведетъ къ беспорядкамъ, да и викогда къ другому не приводитъ, «Въ законахъ сказано, чего же больше?» говорятъ они и искренно удивляются, что отъ нихъ еще требуютъ, въ придачу къ законамъ, здраваго разсудка и трезвой головы. Последнее особенно кажется многимъ изъ нихъ излишней и возмутительною роскошью, стѣсненіемъ, нетерпимостью.

Но какъ бы то ни было, старшій унтеръ-офицеръ не протрворѣчалъ арестантамъ, а имъ только того и надо было. Я утвердительно скажу, что театръ и благодарность зато-что его позволили, были причиною, что на праздникахъ не было ни одного серьезнаго беспорядка въ острогѣ: ни одной злокачественной ссоры, ни одного воровства. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ свои же унимали иныхъ разгулявшихся или ссорящихся, единственно пользуясь предлогомъ, что запретятъ театръ. Унтеръ-офицеръ взялъ съ арестантовъ слово, что все будетъ тихо и вести будутъ себя хорошо. Согласились съ радостью и свято исполнили обѣщаніе; лстыло тоже очень, что вѣрять имъ слову. Надо впрочемъ сказать, что позволить театръ рѣшительно, ничего не стоило начальству, никакихъ пожертвованій. Предварительно мѣста не огораживали: театръ созидался и развивался весь въ какій-нибудь четверть часа. Продолжался онъ полтора часа, и еслибъ вдругъ вышло какое приказаніе прекратить представленіе, — дѣло бы обдѣлалось въ одинъ мигъ. Костюмы были сра-

тамы въ сундукахъ у арестантовъ. Но прежде чѣмъ скажу какъ устроишь театръ и какіе именно были костюмы, скажу объ афишѣ театра, т. е. что именно предполагалось играть.

Собственно писаной афишки не было. На второе, на третье представленіе являлась впрочемъ одна, написанная Бакушиннымъ для гг. офицеровъ и вообще благородныхъ посѣтителей, удостоившихъ нашу театръ, еще въ первое представленіе, своимъ посѣщеніемъ. Именно: изъ господъ приходилъ обыкновенно караульный офицеръ, и однажды зашолъ самъ дежурный по карауламъ; зашолъ тоже разъ инженерный офицеръ; вотъ на случай этакъ-то посѣтителей и создавалась афишка. Предполагалось, что слава острожнаго театра пропрямитъ далеко въ крѣпости и даже въ городѣ, тѣмъ болѣе что въ городѣ не было театра. Слышно было, что составился на одно представленіе изъ любителей, да и только! Арестанты какъ дѣти радовались малѣйшему успѣху, тщеславились даже. «Вѣдь кто знаетъ,—думали и говорили у насъ про себя и между собою:—пожалуй и самое высшее начальство узнаетъ; придутъ и посмотрятъ; увидятъ тогда, какіе есть арестанты. Это не простое солдатское представленіе, съ какими-то чучелами, съ вѣзучими лодками, съ ходячими мезѣдами и козами. Тутъ актеры; настоящіе актеры, господскія комедіи играютъ; такого театра и въ городѣ нѣтъ. У генерала Абросимова было разъ, говорятъ, представленіе и еще будетъ; ну такъ можетъ только костюмами и возьмутъ, а насчетъ *разговору*, такъ еще кто знаетъ передъ нашими-то! До губернатора дойдетъ пожалуй, и—чѣмъ чортъ не шутить?—можетъ и самъ захочетъ придти посмотреть. Въ городѣ-то нѣтъ театра...» Однимъ словомъ фантазія арестантовъ, особенно послѣ перваго успѣха, дошла на праздникахъ до послѣдней степени, чуть ли не до награды или до уменьшенія срока работъ, хотя въ то же время и сами они почти тотчасъ же предобродушно принимались смѣяться надъ собою. Однимъ словомъ, это были дѣти; исполнѣ дѣти, не смотря на то, что инымъ изъ этихъ дѣтей было чуть не по еороку лѣтъ. Но не смотря на то, что не было афишы, я уже зная въ главныхъ чертахъ, составъ предполагаемаго представленія. Первая пьеса была: «Филатка и Мирошка сомерники». Бакушинтъ еще за недѣлю до представленія хвалился передо мной, что роль самого Филатки, которую онъ бралъ на себя, будетъ такъ представлена, что и въ *самитъ*-петербургскомъ театрѣ

не выдывали. Онъ расхаживалъ по казармамъ, хвастался неши-
лосердно и безстыдно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно добро-
душно, а иногда вдругъ бывало отпустить что-нибудь «по-па-
тральному», т. е. изъ своей роли, — и всё хохочуть, смѣшно или
несмѣшно то что онъ отпустилъ. Впрочемъ, надо признаться, и
тутъ арестанты умѣли себя выдержать и достоинство соблюсти:
восторгались выходками Баклушина и разказами о будущемъ
театрѣ или только самой молодой и желторотый народъ, безъ
выдержки, или только самые значительные изъ арестантовъ,
которыхъ авторитетъ былъ незыблемо установленъ, такъ что
имъ ужъ нечего было бояться прямо выражать свои ощущенія,
какія бы они ни были, хотя бы самаго наивнаго (т. е., по остро-
жнымъ понятіямъ, самого неприличнаго) свойства. Прочіе же
выслушивали слухи и толки молча, правда не осуждали, не про-
тиворѣчили, но всѣми силами старались отнестись къ словамъ о
театрѣ равнодушно и даже отчасти и свысока. Только ужъ въ
последнее время, въ самый почти день представленія, всё па-
чали интересоваться: что-то будетъ? какъ-то наши? что плацъ-
майоръ? удастся ли такъ же, какъ въ прошломъ году? и проч.
Баклушинъ увѣрялъ меня, что всё актеры подобраны велико-
лѣбно, каждый «къ своему мѣсту». Что даже и занавѣсъ бу-
детъ. Что Филаткину невѣсту будетъ играть Сироткинъ, — и вотъ
сами увидите, каковъ онъ въ женскомъ-то платьѣ! говорилъ онъ
прищуриваясь и прищелкивая языкомъ. У благодѣтельной по-
мѣщицы будетъ платье со фальбалой, и перелерника, и зонтикъ въ
рукахъ, а благодѣтельный помѣщикъ выйдетъ въ офицерскомъ
сертукѣ съ эксельбантами и съ тросточкой. Затѣмъ слѣдовала
вторая пьеса, драматическая: «Кедриль-обжора». Название меня
очень заинтересовало; но какъ и ни спрашивалъ объ этой пье-
сѣ, — ничего не могъ узнать предварительно. Узналъ только, что
взята она не изъ книги, а «по списку»; что пьесу достали у ка-
кого-то отставнаго унтеръ-офицера, въ форштадтѣ, который
вѣрво самъ когда-нибудь участвовалъ въ представленіи ея на ка-
кой-нибудь солдатской сценѣ. У насъ, въ отдаленныхъ горо-
дахъ и губерніяхъ, дѣйствительно есть такія театральныя пьесы,
которыя казалось бы никому неизвѣстны, можетъ-быть и нигдѣ
никогда не напечатаны, но которыя сами собой откудова-то
явились и составляютъ необходимую принадлежность всякаго
народнаго театра въ извѣстной полосѣ Россіи. Кстати: я ска-

залъ «народнаго театра». Очень бы и очень хорошо было, еслибы кто изъ нашихъ изыскателей занялся новыми и болѣе тщательными; чѣмъ доселѣ изслѣдованіями о народномъ театрѣ, который есть, существуетъ и даже можетъ-быть не совсѣмъ ничтожный. Я вѣрить не хочу, чтобъ все что я потомъ видѣлъ у насъ, въ нашемъ острожномъ театрѣ, было выдумано нашими же арестантами. Тутъ необходима преемственность преданій, развѣ установленные приемы и понятія, переходящіе изъ рода въ родъ и по старой памяти. Искать ихъ надо у солдатъ, у фабричныхъ, въ фабричныхъ городахъ и даже по нѣкоторымъ незнакомымъ бывшимъ городкамъ у помѣщанъ. Сохранились тоже они по деревнямъ и по губернскимъ городамъ между дворянами большихъ помѣщичьихъ домовъ. Я даже думаю, что многія старинныя пьесы расползлись въ спискахъ изъ Россіи не иначе какъ черезъ помѣщичью дворню. У прежнихъ старинныхъ помѣщиковъ и московскихъ баръ бывали собственные театры, составленные изъ крѣпостныхъ артистовъ. И вотъ въ этихъ-то театрахъ и получилось начало нашего народнаго драматическаго искусства, котораго признаки несомнѣнны. Чтоже касается до «Кедриля-обжорія»; то, какъ ни жалелось мнѣ, я ничего не могъ узнать о немъ предпринимателю, кромѣ того, что на сценѣ появляются злые духи и уносятъ Кедриля въ адъ. Но что такое значить Кедриль, и наконецъ почему Кедриль, а не Кириль? русское ли это, или иностранное происшествіе? — этого я никакъ не могъ добиться. Въ заключеніе объявлялось что будетъ представляться «пантомима подь музыку». Конечно все это было очень любопытно. Акторовъ было человекъ пятнадцать, — все бойкой и бравый народъ. Они гомозились про себя, дѣлали репетиціи, иногда за казармами, таились, прятались. Однимъ словомъ хотѣли удивить всѣхъ насъ чѣмъ-то необыкновеннымъ и неожиданнымъ.

Въ будни острогъ запирался рано, какъ только наступала ночь. Въ рождественскій праздникъ сдѣлано было исключеніе: не запирали до самой вечерней зари. Эта льгота давалась собственно для театра. Впродолженіе праздника обыкновенно каждый день, передъ вечеромъ, посылали изъ острога съ покорнѣйшей просьбой къ караульному офицеру: «позволить театрѣ и не запираеть подольше острога», прибавляя, что и вчера былъ театръ и долго не запирался, а безпорядковъ никакихъ не было. Караульный офицеръ рассуждалъ такъ: «безпорядковъ дѣйства-

только вчера не было; а ужь какъ сами слово даютъ, что не будетъ и сегодня, значить сами за собой будутъ смотрѣть, а это всего прѣпче. Ктому же не позволю представленья, такъ пожалуй (кто ихъ знаетъ? народъ каторжный!) нарочно что-нибудь напастать со зла и караульныхъ подведуть.» Наконецъ и то: въ караулъ стоять скучно, а тутъ театръ, да не просто солдатскій, а арестантскій, а арестанты народъ любопытный: весело будетъ посмотрѣть. А смотрѣть караульный офицеръ всегда вправѣ.

Прійдетъ дежурный: «Гдѣ караульный офицеръ?» — «Пошолъ въ острогъ арестантовъ считать, казармы замирать», — отыгъ прямой и оправданіе прямое. Такимъ образомъ караульные офицеры каждый вечеръ въ продолженіе всего праздника позволяли театръ и не запирали казармъ вплоть до вечерней зари. Арестанты и прежде знали, что отъ караула не будетъ препятствія, и были покойны.

Часу въ седьмомъ приноль за мной Петровъ, и мы вмѣстѣ отправились въ представленья. Изъ нашей казармы отправлялась почти всѣ, кромѣ черниговскаго старовѣра и поляковъ. Поляки только въ самое послѣднее представленья, четвертаго генваря, рѣшились побывать въ театрѣ, и то послѣ многихъ увѣреній, что тамъ и хорошо, и весело, и безопасно. Брезгливость поляковъ нимало не раздражала каторжныхъ, а встрѣчены они были четвертаго января очень вѣжливо. Ихъ даже пропустили на лучшія мѣста. Чтоже касается до черкесовъ и въ особенности Исаи Фомича, то для нихъ нашъ театръ былъ истиннымъ наслажденіемъ. Исай Фомичъ каждый разъ давалъ по три копѣйки, а въ послѣдній разъ положилъ на тарелку десять копѣекъ, и блаженство изображалось на лицѣ его. Актеры положили собирать съ присутствующихъ, кто сколько дастъ, на расходы по театру и на свое собственное подкрѣпленіе. Петровъ увѣрялъ, что меня пустятъ на одно изъ первыхъ мѣстъ, какъ бы ни былъ набитъ биткомъ театръ, на томъ основаніи, что я, какъ богаче другихъ, вѣроятно и больше дамъ, а ктому же и толку больше ихняго знаю. Такъ и случилось. Но опишу первоначально залу и устройство театра.

Военная казарма наша, въ которой устроился театръ, была шаговъ въ пятнадцать длиною. Со двора вступали на крыльцо, съ крыльца въ сѣни, а изъ сѣней въ казарму. Эта длинная казарма, какъ уже и сказалъ я, была особаго устройства: пары тамъ

лись въ ней по стѣнѣ, такъ что среднія комнаты оставалась свободной. Половина комнаты, ближайшая отъ выхода съ крыльца, была отдана зрителямъ; другая же половина, которая сообщалась съ другой казармой, назначалась для самой сцены. Прежде всего меня поразила завѣсъ. Она тянулась шаговъ на десять поперекъ всей казармы. Завѣсъ была такою роскошью, что действительно было чему подивиться. Кромѣ того она была расписана масляной краской: изображались деревья, бесѣдки, вруды и звѣзды. Составилась она изъ холста, стараго и новаго, кто сколько далъ и пожертвовалъ; изъ старыхъ арестантскихъ свучекъ и рубахъ, кое-какъ спитыхъ въ одно большое полотнище, и наковецъ часть ея, на которую не хватило холста, была впросто изъ бумаги, тоже выпрошенной по листочку въ разныхъ канцеляріяхъ и приказахъ. Наши же маляры, между которыми отличался Брюловъ — А — въ, позаботились раскрасить и расписать ее. Эффектъ былъ удивительный. Такая роскошь радовала даже самыхъ угрюмыхъ и самыхъ щепетильныхъ арестантовъ, которые, какъ доплоту до представленія, оказались всё безъ исключенія такими же дѣтьми, какъ и самые горячіе изъ нихъ и нетерпѣливые. Всѣ были очень довольны, даже хвастливо довольны. Освѣщеніе состояло изъ нѣсколькихъ салныхъ свѣчекъ, разрѣзавыхъ на части. Передъ завѣсью стояли двѣ скамейки изъ кухни, а передъ скамейками три-четыре стула, которыя нашлись въ унтеръ-офицерской комнатѣ. Стулья назначались на случай, для самыхъ высшихъ лицъ офицерскаго званія. Скамейки же для унтеръ-офицеровъ, и инженерныхъ писарей, кондукторовъ и прочаго народа, хотя и начальствующаго, но не въ офицерскихъ чинахъ, на случай еслибъ они заглянули въ острогъ. Такъ и случилось: посторонніе посѣтители у насъ не переводились во весь праздникъ; иной вечеръ приходило больше, другой меньше, а въ послѣднее представленіе такъ ни одного мѣста на скамьяхъ не оставалось незанятымъ. И наконецъ, уже стави скамеекъ, помѣщались арестанты, стоя, изъ уваженія къ посѣтителямъ безъ фуражекъ, въ курткахъ или въ полупубкахъ, несмотря на душливый, парной воздухъ комнаты. Конечно мѣста для арестантовъ полагалось слишкомъ мало. Но кромѣ того, что одна бунвальдо сидѣлъ на другомъ, особенно въ заднихъ рядахъ, заняты были еще нары, кулисы и наконецъ нашлись любители, постоянно ходившіе за театръ, въ другую казарму, и

уже оттуда, изъ-за задней кулисы, высматривавшіе представленіе. Тѣснота въ первой половинѣ казармы была естественная и равнялась можетъ-быть тѣснотѣ и давкѣ, которую я недавно еще видѣлъ въ банѣ. Дверь въ сѣни была отворена; въ сѣняхъ, въ которыхъ было двадцать градусовъ морозу, тоже толпился народъ. Настъ, меня и Петрова, тотчасъ же пропустили впередъ, почти къ самымъ скамейкамъ, гдѣ было гораздо видѣе, чѣмъ въ заднихъ рядахъ. Во мнѣ отчасти видѣли цѣнителя, знатока, бывшаго и не въ такихъ театрахъ; видѣли, что Баклушинъ все это время совѣтовался со мной и относился ко мнѣ съ уваженіемъ; мнѣ стало-быть теперь честь и мѣсто. Положимъ арестанты были народъ тщеславный и легкомысленный въ высшей степени, но все это было напускное. Арестанты могли смѣяться надо мной, видя что я плохой имъ помощникъ на работѣ. Алмазовъ могъ съ презрѣніемъ смотрѣть на насъ, дворянъ, тщеславясь передъ нами своимъ умѣньемъ обжигать алебастръ. Но къ гоненіямъ и къ насмѣшкамъ ихъ надъ нами примѣшивалось и другое: мы когда-то были дворяне; мы принадлежали къ тому же сословію; какъ и ихъ бывшіе господа, о которыхъ они не могли сохранить хорошей памяти. Но теперь, въ театрѣ, они посторонились передо мной. Они признавали, что въ этомъ я могу судить лучше ихъ, что я видалъ и знаю больше ихъ. Самые нерасположенныя изъ нихъ ко мнѣ (я знаю это) желали теперь моей похвалы ихъ театру и безо всякаго самоуниженія пустили меня на лучшее мѣсто. Я сужу теперь, припоминая тогдашнее мое впечатлѣніе. Мнѣ тогда же показалось, — я помню это, — что въ ихъ справедливомъ судѣ надъ собой было вовсе не приниженіе, а чувство собственнаго достоинства. Высшая и самая рѣзкая характеристическая черта нашего народа, — это чувство справедливости и жажда ея. Пѣтушиной же замашка быть впереди во всѣхъ мѣстахъ и *вочто бы то ни стало*; стоять ли, нѣтъ ли того человѣкъ, — этого въ народѣ нѣтъ. Стоять только спять наружную, напосную кору и посмотрѣть на самое зерно повнимательнѣе, поближе, безъ предразсудковъ — и иной увидитъ въ народѣ такія вещи, о которыхъ и не предугадывалъ. Не многому могутъ научить народъ мудрецы наши. Даже, утвердительно скажу, — напротивъ: сами они еще должны у него учиться.

Петровъ наивно сказалъ мнѣ, когда мы только еще собира-

лвѣ въ театрѣ, что меня пустятъ впередъ и потому еще, что я дамъ больше денегъ. Положеннои цѣны не было: всякой давалъ что могъ или что хотѣлъ. Почти всѣ положили что-нибудь, хоть по грошу, когда пошли собирать на тарелку. Но если меня пустили впередъ, отчасти и за деньги, въ предположеніи, что я дамъ больше другихъ, то опять-таки, сколько было въ этомъ чувства собственнаго достоинства! «Ты богаче меня и ступай впередъ, и хотъ мы здѣсь всѣ равны, но ты положишь больше: слѣдственно такой почитатель, какъ ты, пріятнѣе для актеровъ. — тебѣ и первое мѣсто, потому что всѣ мы здѣсь не за деньги, а изъ уваженія, а слѣдственно сортировать себя мы должны уже сами». Сколько въ этомъ настоящей благородной гордости! Это не уваженіе къ деньгамъ, а уваженіе къ самому себѣ. Вообще же къ деньгамъ, къ богатству, въ острогѣ не было особеннаго уваженія; особенно если смотрѣть на арестантовъ на всѣхъ безразлично, въ массѣ, въ артели. Я не помню даже ни одного изъ нихъ серьезно унижавшагося изъ-за денегъ, еслибъ пришлось даже разсматривать ихъ и по одиночкѣ. Была попрошайки, выирашавшіе и у меня. Но въ этомъ попрошайствѣ было больше шалости, плутовства, чѣмъ прямого дѣла; было больше юмору, наивности. Не знаю пошатно ли я выражаюсь... Но я забуду о театрѣ. Къ дѣлу.

До поднятія занавѣса вся комната представляла странную и оживленную картину. Впервыхъ толпа зрителей, сдавленная, сплюснутая, стиснутая со всѣхъ сторонъ, съ терпѣніемъ и съ блаженствомъ въ лицѣ ожидающая начала представленія. Въ заднихъ рядахъ люди, гомозящіеся одинъ на другого. Многие изъ нихъ принесли съ собой полѣнья съ кухни: установивъ косякъ у стѣнки толстое полѣно, человекъ взбирался на него ногами, обѣими руками упирался въ плеча впереди стоящаго и испявляя положенія, стоялъ такимъ образомъ часа два, совершенно довольный собою и своимъ мѣстомъ. Другіе укрѣплялись ногами на печи, на нижней приступкѣ, и точно также выстаивали все время, опираясь на передовыхъ. Это было въ самыхъ заднихъ рядахъ, у стѣны. Сбоку, взмостившись на пары стояла тоже сплошная толпа, надъ музыкантами. Тутъ были хорошія мѣста. Человекъ пять взмостились на самую печь и лежали на ней смотрѣли внизъ. То-то блаженствовали! На подоконникахъ по другой стѣнѣ тоже гомозились цѣлая толпа опоздавшихъ или

немахедшихъ хорошаго мѣста: Всѣ вели себя тихо и чинно. Всѣмъ хотѣлось себя выказать передъ господами и посьтителями съ самой лучшей стороны. На всѣхъ лицахъ выражалось самое наивное ожиданіе. Всѣ лица были красныя и смоченныя потоми, отъ жару и духоты. Что за страшный отблескъ дѣтской радости, милаго, чистаго удовольствія сіялъ на этихъ изборожденныхъ, клейменныхъ лбахъ и щекахъ, въ этихъ взглядахъ людей доселѣ мрачныхъ и угрюмыхъ, въ этихъ глазахъ, оверсавшихъ иногда страшнымъ огнемъ! Всѣ были безъ шапокъ, и съ правой стороны всѣ головы представлялись мнѣ бритыми. Но вотъ на сценѣ слышится возня, шумня. Сейчасъ подымется занавѣсъ. Вотъ заиграетъ оркестръ... Этого оркестръ стоить удивленія. Сбоку, по парамъ размѣстилось человѣкъ восемь музыкантовъ: двѣ скрипки (одна была въ острогѣ, другую у кого-то заняли въ крѣпости, а артиста нашолся и дома), три балалайки, — всѣ самодѣльщица, двѣ гитары, и бубенъ вмѣсто контрбаса. Скрипки только визжали и пилили, гитары были дрянныя; зато балалайки были неслыханныя. Преворотство переборки струнъ пальцами рѣшительно равнялось самому ловкому фокусу. Игрались все плясовые мотивы. Въ самыхъ плясовыхъ мѣстахъ балалаечники ударяли костями пальцевъ о деку балалайки; тонъ, вкусъ, исполненіе, обращеніе съ инструментами, характеръ передачи мотива, — все это было свое, оригинальное, арестантское. Одинъ изъ гитаристовъ тоже великолѣпно зналъ свой инструментъ. Это былъ тотъ самый изъ дворянъ, который убилъ своего отца. Чтоже касается до бубна, то онъ просто дѣлалъ чудеса: то завертится на пальцѣ, то большимъ пальцемъ проведутъ по его кожѣ; то слышатся частые, звонкіе и однообразные удары, то вдругъ этотъ сильный, отчетливый звукъ какбы рассыпается горохомъ на безчисленное число маленькихъ, дребезжащихъ и шушуркающихъ звуковъ. Наконецъ появились еще двѣ гармоніи. Честное слово — я до тѣхъ поръ не имѣлъ понятія о томъ, что можно сдѣлать изъ простыхъ, престонародныхъ инструментовъ; согласіе звуковъ, сыгранность, а главное духъ, характеръ понятія и передачи самой сущности мотива, были просто удивительныя. Я въ первый разъ понялъ тогда совершенно, что именно есть безконечно-разгульнаго и удалаго въ разгульныхъ и удалыхъ русскихъ плясовыхъ пѣсняхъ. Наконецъ подвдлаея занавѣсъ. Всѣ пошевелились, всѣ переступили съ одной

всѣ на другую, задніе привстали на цыпочки; кто-то упалъ съ возгласа; всѣ до одного раскрыли рты и уставили глаза, и полнѣйшее молчаніе воцарилось... Представленіе началось.

Подлѣ меня стоялъ Алея, въ группѣ своихъ братьевъ и всѣхъ остальныхъ черкесовъ. Они всѣ страстно привязались къ театру и ходили потомъ каждый вечеръ. Всѣ мусульмане, татары и проч., какъ замѣчалъ я не одинъ разъ, всегда страстные охотники до всякихъ зрѣлищъ. Подлѣ нихъ прикурнулъ и Исгай Юмичъ, который казалось съ поднятіемъ знамѣна весь превратился въ слухъ, въ зрѣніе и въ самое наивное, жадное ожиданіе чудесъ и наслажденій. Даже жалко было бы, еслибъ онъ разочаровался въ своихъ ожиданіяхъ. Милое лицо Алея сіяло такою дѣтскою, прекрасною радостью, что признаюсь, мнѣ ужасно было весело на него смотрѣть и я, помню, невольно каждый разъ при какой-нибудь смѣшной и ловкой выходкѣ актера, когда раздавался всеобщій хохотъ, тотчасъ же оборачивался къ Алею и заглядывалъ въ его лицо. Онъ меня не видалъ; но до меня ему было! Очень недалеко отъ меня, съ лѣвой стороны стоялъ арестантъ, пожилой, всегда нахмуренный, всегда недовольный и ворчливый. Онъ тоже замѣтилъ Алея и, я видѣлъ, нѣсколько разъ съ полудулибкой оборачивался поглядѣть на него: такъ онъ былъ милъ! «Алея Семенычъ» называлъ онъ его, но знаю зачѣмъ. Начали «Филаткой и Мирошкой». Филатка (Баклушинъ) былъ дѣйствительно великолѣпенъ. Онъ сыгралъ свою роль съ удивительною отчетливостью. Видно было, что онъ думывался въ каждую фразу, въ каждое движеніе свое. Каждому пустому слову, каждому жесту своему онъ умѣлъ придать смыслъ и значеніе, совершенно соотвѣтственное характеру своей роли. Прибавьте къ этому старанію, къ этому изученію удивительную, неподдѣльную веселость, простоту, безыскусственность, и вы, еслибъ видѣли Баклушина, сами согласились бы непременно, что это настоящій, прирожденный актеръ, съ большимъ талантомъ. Филатку я видѣлъ не разъ на московскомъ и петербургскомъ театрѣ, и положительно говорю — столичные актеры, иравшіе Филатку, обаиграли хуже Баклушина. Въ сравненіи съ ними они были пейзаже, а не настоящіе мужики. Имъ слишкомъ хотѣлось представить мужика. Баклушина сверхъ того возбуждало соперничество: всѣмъ извѣстно было, что во второй шестѣ роль Кедрила будетъ играть арестантъ Поцкійкинъ;

антеръ, котораго всё почему-то считали даровитѣе, циничнѣе Баклушина, и Баклушинъ страдалъ отъ этого какъ ребенокъ. Сколько разъ приходилъ онъ ко мнѣ въ эти послѣдніе дни и изливалъ свои чувства. За два часа до представленія его трясла лихорадка. Когда хохотали и кричали ему изъ толпы: «Лихо, Баклушинъ! ай да молодець!» — все лицо его сіяло счастьемъ, настоящее вдохновеніе блистало въ глазахъ его. Сцена цалованія съ Миронкой, когда Филатка кричитъ ему предварительно: «утрись!» и самъ утирается, — вышла уморительно смѣшна. Всѣ такъ и покатались со смѣху. Но всего замѣлительнѣе для меня были зрители; тутъ ужъ всѣ были на-распашку. Они отдавались своему удовольствію беззаботно. Крики ободренія раздавались все чаще и чаще. Вотъ одинъ подталкиваетъ товарища и наскоро сообщаетъ ему свои впечатлѣнія, даже не забывая и пожалуи невнята, кто стоитъ подлѣ него; другой, при видѣ какой-нибудь смѣшной сцены, вдругъ съ восторгомъ оборачивается къ толпѣ, быстро оглядываетъ всѣхъ, какбы вызывая всѣхъ смѣяться, машетъ рукой и тотчасъ же опять жадно обращается къ сценѣ. Третій просто врещетъ кривымъ языкомъ и пальцами и не можетъ смирно устоять на мѣстѣ, а такъ какъ некуда идти, то только переминается съ ноги на ногу. Къ концу пьесы общее веселое настроеніе дошло до высшей степени. Я ничего не преувѣличиваю. Представьте острога, кандалы, неволю, долгіе грустные годы впереди, жизнь одиобразную, какъ водяная копѣль, въ хмурый, осенній день, — и вдругъ всѣмъ этимъ пригнетенымъ и заключеннымъ позволили на часокъ развернуться, повеселиться, забыть тяжолый сонъ, устроить цѣлый театръ; да еще какъ устроить: на гордость и на удивленіе всему городу; — шай-дескаты нашихъ, каковы арстанты! Ихъ конечно все занимало, костюмы напимѣръ. Ужасно любовитно было для нихъ увидѣть напимѣръ такого-то Ваньку Отпѣтаго, али Нецѣтаева, али Баклушина, совсѣмъ въ другомъ платьѣ, чѣмъ въ какомъ столько ужъ лѣтъ ихъ каждый день видѣли. «Вѣдь арстантъ, тотъ же арстантъ, у самого кандалы побрякиваютъ, а вотъ выходитъ же теперь въ сертукѣ, въ круглой шляпѣ, въ плащѣ — точно штатской! Усы себѣ придѣлалъ, волосы. Волъ платочекъ красный изъ кармана вынулъ; обмахивается, барина представляетъ, точно самъ ни дать ни взять баринъ!» И всѣ въ восторгѣ. «Благодѣтельный волъ»

Щикъ вышелъ въ адъютантскомъ мундирѣ, правда въ очень старенькомъ, въ эполетахъ, въ фуражкѣ съ жокардочкой и пріобрѣлъ необыкновенный эффектъ. На эту роль было два охотника, и — повѣрять ли? — оба тонно миленскія дѣти ужасно посорились другъ съ другомъ зато, кому играть: обоимъ хотѣлось показаться въ офицерскомъ мундирѣ съ эксельбантами! Ихъ уже разнимали другіе актеры и присудили большинствомъ голосовъ отдать роль Цецѣтасеву, не потому, чтобъ онъ былъ казистѣе и красивѣе другого и такимъ образомъ лучше бы походилъ на барина, а потому что Цецѣтасевъ увѣрилъ всѣхъ, что онъ выйдетъ съ тросточкой и будетъ такъ ею помахивать, и по землѣ чертить, какъ настоящий баринъ и червильшій франтъ, не го Ванькѣ. Отвѣтству и не представить, потому настоящихъ господъ онъ никогда и не видывалъ. И дѣйствительно Цецѣтасевъ, какъ вышелъ съ своей барыней передъ публику, только и дѣлалъ, что быстро и бѣгло чертила тоненькой камышевой тросточкой, которую откуда-то досталъ, по землѣ, вѣроятно считая въ этомъ признаки самой высшей господственности, крайняго щегольства и фешени. Вѣроятно когда-нибудь еще въ дѣтствѣ, будучи дворовымъ, босоногимъ мальчишкой, случилось ему увидать красиво-одѣтаго барина съ тросточкой и плѣниться его умѣньемъ вертѣть ею, и вотъ впечатлѣніе мавѣки и неизгладимо осталось въ душѣ его, такъ что теперь въ тридцать вѣтъ дѣтъ отъ роду припомнилось все какъ было, для полного плѣненія и превращенія всего острога. Цецѣтасевъ былъ до того углубленъ въ свое занятіе, что ужь и не сморкълъ ни на кого и куда, даже гонорилъ неподымая глазъ, и только и дѣлалъ, что слѣдилъ за своей тросточкой и за ея кончикомъ. Благодушная помещица была тоже въ своемъ родѣ чрезвычайно замѣчательна: она явилась въ старомъ взмошенномъ кисейномъ платкѣ, смотрѣвшемъ настоящей тряпкой, съ голыми руками и шеей, страшно набѣленнымъ и варуженнымъ лицомъ, въ спальномъ коленкоровомъ чепчикѣ, подвязанномъ у подбородка, съ зонтикомъ въ одной рукѣ, и съ вѣеромъ изъ разрисованой бумаги въ другой, которымъ она непрерывно обмахивалась. Залъ хототу встрѣтилъ барыню; да и сама барыня не выдержала и вѣсколько разъ привнималась хототать. Игралъ барыню арестантъ Ивановъ. Сироткинъ, переодѣтый дѣвушкой, былъ очень малъ. Куплеты тоже сошли хорошо. Однимъ словомъ пьеса кон-

чилась къ самому полному и всеобщему удовольствію. Критики не было, да и быть не могло.

Проиграли еще разъ увертюру: «Сѣни мои сѣни» и вновь поднялась занавѣсъ. Это Кедриль. Кедриль что-то вродѣ Донъ-Жуана; по крайней мѣрѣ и барина и слугу черти подъ конецъ пьесы уносятъ въ адъ. Давался цѣлый актъ, но это очевидно отрывокъ; начало и конецъ затеряны. Толку и смыслу нѣтъ ни малѣйшаго. Дѣйствіе происходитъ въ Россіи, гдѣ-то на постояломъ дворѣ. Трактирщикъ вводитъ въ комнату барина въ шинели и въ круглой исковерканой шляпѣ. За нимъ идетъ его слуга Кедриль съ чемоданомъ и съ завернутой въ синюю бумагу курицей. Кедриль въ полушубкѣ и въ лакейскомъ картузѣ. Онъ-то и ѣсть обжора. Играетъ его арестантъ Поцѣйкинъ, соперникъ Баклушина; барина играетъ тотъ же Ивановъ, что игралъ въ первой пьесѣ благодѣтельную помѣщицу. Трактирщикъ, Недвѣтаевъ, предувѣдомляетъ, что въ комнатѣ водятся черти, и скрывается. Баринъ, мрачный и озабоченный, бормочетъ про себя, что онъ это давно зналъ и велитъ Кедрилу разложить вещи и приготовить ужинъ. Кедриль трусъ и обжора. Услышавъ о чертяхъ, онъ блѣднѣетъ и дрожитъ какъ листъ. Онъ бы убѣжалъ, но труситъ барина. Да сверхъ того ему и ѣсть хочется. Онъ сластолюбивъ, глупъ, хитеръ по-своему, трусъ, надуваетъ барина на каждомъ шагу и въ тоже время боится его. Это замѣчательный типъ слуги, въ которомъ какъ-то неясно и отдаленно сказываются черты Лепорелло, и дѣйствительно замѣчательно переданный. Поцѣйкинъ съ рѣшительнымъ талантомъ и, на мой взглядъ, актеръ еще лучше Баклушина. Я разумѣется, встрѣтятся на другой день съ Баклушинымъ, не выскажаль ему своего мнѣнія вполне: я бы слишкомъ огорчилъ его. Арестантъ, игравшій барина, сыгралъ тоже недурно. Вздоръ онъ нескъ ужаснѣйшій, ничаго не похожій; но дикція была правильная, бойкая; жестъ соотвѣтственный. Покажѣтъ Кедриль возится съ чемоданами, баринъ ходитъ въ раздумья по сценѣ, и объявляетъ во всеуслышаніе, что въ нынѣшній вечеръ конецъ его странствованіямъ. Кедриль любопытно прислушивается, гримасничаетъ, говоритъ а part и смѣшаетъ съ каждымъ словомъ зрителей. Ему не жаль барина; но онъ слышалъ о чертяхъ; ему хочется узнать что это такое, и вотъ онъ вступаетъ въ разговоры и въ распросы. Баринъ наконецъ объявляетъ ему,

что когда-то въ какой-то бѣдѣ онъ обратился къ помощи ада и черти помогли ему, выручили; но что сегодня срокъ и можетъ-быть сегодня же они придутъ, по условію, за душой его. Кедриль начинаетъ шибко трусить. Но баринъ не теряетъ духа и велитъ ему приготовить ужинъ. Услыша про ужинъ, Кедриль оживаетъ, вынимаетъ курицу, вынимаетъ вино, — шѣтъ-шѣтъ, а самъ отщипнетъ отъ курицы и отвѣдаетъ. Публика хохочетъ. Вотъ скрипнула дверь, вѣтеръ стучитъ ставнями; Кедриль дрожить и наскоро, почти бессознательно упрятываетъ въ ротъ огромный кусокъ курицы, который и проглотить не можетъ. Опять хохотъ. «Готово ли?» кричитъ баринъ, расхаживая по комнатѣ. — Сейчасъ, сударь... я вамъ... приготовлю, — говоритъ Кедриль, самъ садится за столъ и преспокойно начинаетъ уплетать барское кушанье. Публикѣ видимо любо проворство и хитрость слуги, и то что баринъ въ дуракахъ. Надо признаться, что и Поцѣйкинъ стоялъ дѣйствительно похвалы. Слова: «сейчасъ, сударь, я вамъ приготовлю» онъ выговорилъ превосходно. Сѣвъ за столъ, онъ начинаетъ ѣсть съ жадностью и вздрагиваетъ съ каждымъ шагомъ барина, чтобъ тотъ не замѣтилъ его продѣлокъ; чуть тотъ повернется на мѣстѣ, онъ прячется подъ столъ и тащитъ съ собой курицу. Наконецъ онъ утоляетъ свой первый голодъ; пора подумать о баринѣ. — «Кедриль, скоро ли ты?» кричитъ баринъ. — Готово-съ! бойко отвѣчаетъ Кедриль, спохватившись, что барину почти ничего не останется. На тарелкѣ дѣйствительно лежитъ одна куриная ножка. Баринъ, мрачный и озабоченный, ничего незамѣчая садится за столъ, а Кедриль съ салфеткой становится за его стуломъ. Каждое слово, каждый жестъ, каждая гримаса Кедриля, когда онъ, оборачиваясь къ публикѣ, киваетъ на простофилю-барина, встрѣчаются съ неудержимымъ хохотомъ зрителями. Но вотъ, только что баринъ принимается ѣсть, появляются черти. Тутъ ужъ ничего понять нельзя, да и черти появляются какъ-то ужъ слишкомъ не-полюдски: въ боковой кулисѣ отворяется дверь и является что-то въ бѣломъ, а вмѣсто головы у него фонарь со свѣчей; другой фантомъ тоже съ фонаремъ на головѣ, въ рукахъ держитъ косу. Почему фонари, почему коса, почему черти въ бѣломъ? никто не можетъ объяснить себѣ. Впрочемъ объ этомъ никто не задумывается. Такъ ужъ вѣрно тому и быть должно. Баринъ довольно храбро оборачивается къ чертямъ и

кричить имъ, что онъ готовъ, чтобъ они брали его. Но Кедриль труситъ какъ заяцъ; онъ лѣзетъ подъ столъ, но несмотря на весь свой испугъ, не забываетъ захватить со стола бутылку. Черти на минутку скрываются; Кедриль вылѣзаетъ изъ-за стола; но только что баринъ принимается опять за курицу, какъ три чорта снова врываются въ комнату, подхватываютъ барина сзади и несутъ его въ преисподнюю. «Кедриль! спасай меня!» кричитъ баринъ. Но Кедрилу не до того. Онъ въ этотъ разъ и бутылку, и тарелку и даже хлѣбъ стащилъ подъ столъ. Но вотъ онъ теперь одинъ, чертей нѣтъ, барина тоже. Кедриль вылѣзаетъ, осматривается, и улыбка озаряетъ лицо его. Онъ плутовски прищуривается, садится на барское мѣсто и кивая публикѣ, говорить полупопотомъ:

— Ну, я теперь одинъ... безъ барина!..

Всѣ хохочуть тому, что онъ безъ барина; но вотъ онъ еще прибавляетъ полупопотомъ, конфиденціально обращаясь къ публикѣ, и все веселѣе и веселѣе подмигивая глазкомъ:

— Барина-то черти взяли!..

Восторгъ зрителей безпредѣльный! Кромѣ того, что барина черти взяли, это было такъ высказано, съ такимъ плутовствомъ, съ такой насмѣшливо-торжествующей гримасой, что дѣйствительно невозможно не аплодировать. Но недолго продолжается счастье Кедрила. Только-было онъ распорядился бутылкой, налилъ себѣ въ стаканъ и хотѣлъ пить, какъ вдругъ возвращаются черти, крадутся сзади на цыпочкахъ и цапъ-царапъ его подъ бока. Кедриль кричитъ во все горло; отъ трусости онъ не смѣетъ оборотиться. Защищаться тоже не можетъ: въ рукахъ бутылка и стаканъ, съ которыми онъ не въ силахъ разстаться. Разинувъ ротъ отъ ужаса, онъ съ полминуты сидитъ выпуча глаза на публику, съ такимъ уморительнымъ выраженіемъ трусливаго испуга, что рѣшительно съ него можно было писать картину. Наконецъ его несутъ, уносятъ: бутылка съ нимъ, онъ болтаетъ ногами и кричитъ, кричитъ. Крики его раздаются еще за кулисами. Но занавѣсъ опускается и всѣ хохочуть, всѣ въ восторгѣ... Оркестръ начинаетъ комаринскую.

Начинаютъ тихо, едва слышно, но мотивъ растетъ и растетъ, темпъ учащается, раздаются молодецкія прицелкиванья по декамъ балабайки... Это комаринская во всемъ своемъ размахѣ, и право было бы хорошо, еслибъ Гляпка хоть случайно

услыхалъ ее у насъ въ острогѣ. Начинается пантомима подь музыку. Комаринская не умолкаетъ во все продолженіе пантомимы. Представлена внутренность избы. На сценѣ мельникъ и жена его. Мельникъ въ одномъ углу чинить сбрую, въ другомъ углу жена прядетъ ленъ. Жену играетъ Сироткинъ, мельника Невѣтаевъ.

Замѣчу, что наши декорации очень бѣдны. И въ этой, и въ предыдущей пьесѣ, и въ другихъ, вы болѣе дополняете собственнымъ воображеніемъ, чѣмъ видите глазами. вмѣсто задней стѣны протянуть какой-то коверъ или попона; сбоку какія-то дрянныя ширмы. Лѣвая же сторона ничѣмъ не заставлена, такъ что видны нары. По зрители невзыскательны и соглашаются до полноты воображеніемъ дѣйствительность, тѣмъ болѣе что арестанты къ тому очень способны: «Сказано садъ, такъ и почитай за садъ, комната такъ комната, изба такъ изба, — все-равно и церемониться много нечего.» Сироткинъ въ костюмѣ молодой бабенки очень милъ. Между зрителями раздается вполголоса нѣсколько комплиментовъ. Мельникъ кончаетъ работу, беретъ шапку, беретъ кнутъ, подходитъ къ женѣ и объясняетъ ей знаками, что ему надо идти, но что если безъ него жена кого приметъ, то... и онъ показываетъ на кнутъ. Жена слушаетъ и киваетъ головой. Этотъ кнутъ вѣроятно ей очень знакомъ: бабенка отъ мужа погуливаетъ. Мужъ уходитъ. Только что онъ за дверь, жена грозитъ ему вслѣдъ кулакомъ. Но вотъ стучать; дверь отворяется и опять является сосѣдъ, тоже мельникъ, мужикъ въ кафтанѣ и съ бородой. Въ рукахъ у него подарокъ, красивый платокъ. Бабенка смѣется; но только что сосѣдъ хочетъ обнять ее, какъ въ двери опять стукъ. Куда дѣваться? Она наскоро прячетъ его подь столъ, а сама опять за веретено. Является другой обожатель: это писарь, въ военной формѣ. До сихъ поръ пантомима шла безукоризненно, жестъ былъ безошибочно правленъ. Можно было даже удивляться, смотря на этихъ импровизированныхъ актеровъ и невольно подумать: сколько силъ и таланту погибаетъ у насъ на Руси ивогда почти даромъ, въ неволѣ и въ тяжкой долѣ! Но арестантъ, игравшій писаря, вѣроятно когда-то былъ на провинціальномъ или домашнемъ театрѣ, и ему вообразилось, что наши актеры, всѣ до единого, не понимаютъ дѣла и не такъ ходятъ, какъ слѣдуетъ ходить на сценѣ. И вотъ онъ выступаетъ какъ, говорятъ, выступали встарину

на театрахъ классическіе герои: ступить длинный шагъ, и еще непривинувъ другой ноги, вдругъ остановится, откинеть назадъ весь корпусъ, голову, горло поглядить кругомъ, и — ступить другой шагъ. Если такая ходьба была смѣшна въ классическихкихъ герояхъ, то въ военномъ писарѣ, въ комической сценѣ, еще смѣшнѣе. Но публика наша думала, что вѣроятно такъ тамъ и надо, и длинные шаги долговязаго писаря приняла какъ совершившійся фактъ, безъ особенной критики. Едва только писарь успѣлъ выйти на средину сцены, какъ послышался еще стукъ: хозяйка опять переполошилась. Куда дѣвать писаря? въ сундукъ, благо отпертъ. Писарь дѣзетъ въ сундукъ и бабенка его накрываетъ крышкой. На этотъ разъ является гость особенный, тоже влюбленный, но особаго свойства. Это браминъ и даже въ костюмѣ. Неудержимый хохотъ раздается между зрителями. Брамина играетъ арестантъ Кошкинъ и играетъ прекрасно. У него фигура браминская. Жестами объясняетъ онъ всю степень любви своей. Онъ приподымаетъ руки къ небу, потомъ прикладываетъ ихъ къ груди, къ сердцу; но только что онъ успѣлъ разнѣжиться, — раздается сильный ударъ въ дверь. По удару слышно, что это хозяйка. Испуганная жена виѣ себя, браминъ мечется какъ угорѣлый и умоляетъ, чтобъ его спрятали. Наскоро она становитъ его за шкафъ, а сама, забывъ отпереть, бросается къ своей пряжѣ и прядетъ, прядетъ, неслыша стука въ дверь своего мужа, съ перепугу сучить нитку, которой у нея нѣтъ въ рукахъ и вертеть веретено, забывъ подпять его съ пола. Сироткинъ очень хорошо и удачно изобразилъ этотъ испугъ. Но хозяйка выбиваетъ дверь ногою и съ кнутомъ въ рукѣ подходитъ къ женѣ. Онъ все замѣтилъ и подкараулилъ и прямо показываетъ ей пальцами, что у ней спрятаны трое. Затѣмъ ищетъ спрятаныхъ. Перваго находить сосѣда, и провожаетъ его тузанами изъ комнаты. Струсившій писарь хотѣлъ было бѣжать, приподнялъ головой крышку и тѣмъ самъ себя выдалъ. Хозяйка подстегиваетъ его кнутикомъ и на этотъ разъ влюбленный писарь прискакиваетъ вовсе не по-классически. Остается браминъ; хозяйка долго ищетъ его, наконецъ находитъ въ углу за шкапомъ, вѣжливо откланивается ему и за бороду вытягиваетъ на средину сцены. Браминъ пробуетъ защищаться, кричитъ: «окаянный, окаянный!» (единственные слова, сказанныя въ пантоминѣ), но мужъ не слушаетъ и расправляется посвойски. Жена, видя что дѣло доходитъ те-

перь до нея, бросаетъ пряжу, веретено и бѣжитъ изъ комнаты; дощѣ валится на землю, арестанты хохочуть. Алей неглядя на меня теребитъ меня за руку и кричать мнѣ: «смотри! браминъ, браминъ!» а самъ устоять не можетъ отъ смѣху. Запавъсь падаетъ. Начинается другая сцена...

Но нечего описывать всѣхъ сценъ. Ихъ было еще двѣ или три. Всѣ онѣ смѣшны и неподдѣльно веселы. Если сочинили ихъ не сами арестанты, то по крайней мѣрѣ въ каждую изъ нихъ положили своего. Почти каждый актеръ импровизировалъ отъ себя, такъ что въ слѣдующіе вечера, одинъ и тотъ же актеръ, одну и ту же роль игралъ нѣсколько иначе. Последняя пантомима, фантастическаго свойства, заключилась балетомъ. Хоронился мертвецъ. Браминъ съ многочисленной прислугой дѣлаетъ надъ гробомъ разныя заклинанія, но ничто не помогаетъ. Наконецъ раздается: «Солнце на закатѣ», мертвецъ оживаетъ и всѣ въ радости начинаютъ плясать. Браминъ пляшетъ вмѣстѣ съ мертвецомъ и пляшетъ совершенно особеннымъ образомъ, побрамински. Тѣмъ и кончается театръ, до слѣдующаго вечера. Наши всѣ расходятся веселые, довольные, хвалятъ актеровъ, благодарятъ утеръ-офицера. Ссоръ неслышно. Всѣ какъ-то непривычно довольны, даже какъ-будто счастливы, и засыпаютъ не повсегдашнему, а почти съ покойнымъ духомъ, — а съ чего бы кажется? А между-тѣмъ это не мечта моего воображенія. Это правда, истина. Только немного позволили этимъ бѣднымъ людямъ пожить по-своему, повеселиться полюдски, прожить хоть часъ непо-острожному — и человѣкъ нравственно мѣняется, хотя бы то было на нѣсколько только минутъ.. Но вотъ уже глубокая ночь. Я вздрагиваю и просыпаюсь случайно: старикъ все еще молится на печкѣ, и промолится тамъ до самой зари; Алей тихо спитъ подлѣ меня. Я припоминаю, что и засыпая онъ еще смѣялся, толкуя вмѣстѣ съ братьями о театрѣ и невольно засматриваюсь на его спокойное дѣтское лицо. Мало-помалу я припоминаю все: послѣдній день, праздники, весь этотъ мѣсяцъ... въ испугѣ приподымаю голову и оглядываю спящихъ моихъ товарищей, при дрожавшемъ тускломъ свѣтѣ шестериковой казенной свѣчи. Я смотрю на ихъ бѣдныя лица, на ихъ бѣдныя постели, на всю эту непроходимую голь и нищету, всматриваюсь — и точно мнѣ хочется увѣриться, что все это не продолженіе безобразнаго сна, а дѣйствительная правда. Но это правда: вотъ слышится чей-то стохъ; кто-то тяже-

до откинулъ руку и брякнулъ цѣпями. Другой вздрогнулъ востѣ и началъ говорить, а дѣдушка на печи молится за всѣхъ «православныхъ христіанъ» и слышно его мѣрное, тихое, протяжное: «Господи Іисусе Христе, помилуй насъ!...»

— Не навсегда же я здѣсь, а только вѣдь на нѣсколько лѣтъ! думаю я, и склоняю опять голову на подушку.

ФЕДОРЪ ДОСТОЕВСКІЙ

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ГОРОДЪ И ДЕРЕВНЯ

ПОВѢСТЬ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

У II

ДЕРЕВЕНСКІЯ НОВОСТИ

Что дѣлаетъ Стобрюхово ?

— Стобрюхово стоитъ все на томъ же мѣстѣ, отвѣчаемъ избитой остротой-поговоркой, за которой обыкновенно у людей, употребляющихъ эту поговорку, слѣдуетъ цѣлый коробъ новостей. Пусть же и у насъ послѣдуетъ за ней цѣлый коробъ новостей...

Разъ, поздно вечеромъ, въ избу Прохора Костоломова вошелъ почтенный человѣкъ въ длиннополомъ суконномъ, порядочно истасканомъ кафтанѣ, повидимому купеческій приказчикъ, и помолившись иконамъ обратился къ Василисѣ съ вопросомъ :

— Здѣсь, красная дѣвица, живетъ Прохоръ Костоломовъ ?

— Здѣсь... Что вамъ ? Сгаркать его чтоли ?

— Я ему поклонъ привезъ отъ братана, въ Брякинѣ работаетъ онъ падо-быть...

— Отъ братца, отъ Бориса ? вскрикнула Василиса, всплеснувши руками : — ахъ ты Господи !.. Милости просимъ, присядьте на лавочку... Гдѣ вы его видѣли-то ?

— Въ Брякинѣ, въ Брякинѣ... съ судномъ мимо шли, въ Бря-

кишѣ тамо и видѣли; здоровый такой, коренастый парень, поклонъ заказывалъ, да и говорить: братъ молъ вамъ, Прохоромъ зовуть, всячины, чего потребуется для судна, доставить... За эфтимъ дѣломъ больше и завернулъ, голубушка.

— Ладно, ладно! отвѣчала Василиса: — вотъ ужотко я братца сгаркаю.

Она позвала Прохора, который неторопливо окончилъ свое дѣло: онъ борону налаживалъ, потомучѣ дѣло къ озимой пашнѣ шло; убралъ борону подъ навѣсъ, зашолъ къ лошади, всыпалъ ей овсеца малую толику, мимоходомъ прибралъ къ мѣсту брошенные на взѣздѣ грабли и наконецъ пошолъ въ избу, гдѣ столь же терпѣливо и солидно дожидался его почтенный приказчикъ. Два солидные человѣка встрѣтились чинно, съ сознаниемъ собственного достоинства; Прохоръ снабдилъ приказчика всевозможными припасами, получилъ и три раза пересчиталъ деньги, потомъ попросилъ гостя отужинать. За ужиномъ, приправленнымъ стаканчикомъ винца, новые знакомцы разговорились.

— За землей больше ходите, хозяйнѣ? промышленостями не занимаетесь? спросилъ приказчикъ.

— Какъ не заниматься! отвѣчалъ Прохоръ: — гребни изъ рогу дѣлаемъ, къ эфтому дѣлу съ измалѣтства приобычны!

— Ой ли! А у насъ цѣлое судно рогомъ-то нагружено! въ рябиновскій уѣздъ веземъ: тамъ въ обдѣлку идетъ... Нашъ хозяйнѣ эфтимъ промысломъ и разбогатѣлъ, крестьянинѣ тоже былъ, а теперя въ первой гильдиі числится. Все дѣло его значить въ томъ состоятъ: судно съ рогомъ приметъ, рогъ тедерича раластъ по рукамъ въ обдѣлку, тамъ опять сберетъ, — и въ Петеръ. Самое что-ничаестъ, выгодиѣйшее дѣло, только на первый разъ для обзаведенья капиталъ нуженъ.

— Вѣстимо: деньги къ деньгамъ. Откуда же ему рогъ присылають? для эфтого значить знакомства надо тоже имѣть?

— А что, ты не выписать ли хочешъ? знакомство свестъ не трудно, деньги были бы, а то ниши ко мнѣ: Петру Иванову, въ контору кушца Сидѣльникова, — вотъ-те и шабашъ! Нашшу, сколько и денегъ надо, и какимъ порядкомъ дѣло повести: все!

— Гдѣ намъ! усмѣхнулся Прохоръ.

— Однако пора мнѣ на судно забираться! сказалъ приказчикъ вставая: — такъ коши-ка деньги, да пиши мнѣ!

— Экой шутникъ! отвѣчалъ Прохоръ, провожая гостя.

Оставшись одинъ, онъ отодвинулъ задвижное окно и задумчиво смотрѣлъ на сосѣднюю избу, гдѣ жила Надѣжа, бывшая борисова вазноба, къ которой мы и обратимся теперь.

Грустно стало Надѣжѣ, когда не стало Бориса, къ которому она такъ привыкла, словно къ суженому-ряженому. Конечно ужъ никто во всей деревнѣ не вспоминалъ его такъ часто, какъ она да сестра Василиса, которая никогда столько не любила суроваго Прохора, сколько веселаго Бориса. Бывало сойдутся наши дѣвушки и начинаются у нихъ все одинъ и тѣже рѣчи: гдѣ онъ, что дѣлаетъ, и съ какими людьми спознался, и въ какомъ кафтанѣ ходить, и вспоминаетъ ли ихъ, сиротокъ? Нѣтъ поди, забытъ въ городѣ, а и вспомнится, такъ даже мысль о крестьянствѣ прочь гонить. «Ну его, къ яду бросимъ! говорила Василиса: — ноги и безъ того ему, по нашей глупости, то и дѣло вчетя!»

— Скучно безъ него, и рада бы забыть, да мочи нѣтъ! Голько и радості, что съ тобой посидишь да погугоришь. Скучно! отвѣчаетъ Надѣжа.

— Эко сокровище задалось! ровно одинъ онъ на свѣтѣ и есть, словно и свѣту, что въ окошкѣ! Вонъ у меня Прохорушко остался. Ой дѣвка, знаешь ли, что я надумала: выдь-ко ты замужъ за Прохора-то, и тебѣ будетъ веселье, и мнѣ вальготнѣе. То-то бы мы стали душа въ душу жить. Обряжаться стали бы поочереды, я ужъ одна-то умаялась... Выходи, правотко!

Надѣжа призадумалась: мысль выйти замужъ за солиднаго Прохора нешутя заронила въ душу. Съ этихъ поръ она стала рѣже вспоминать Бориса, а чаще думала о Прохорѣ, который какъ нарочно (а можетъ-быть и дѣйствительно нарочно) сталъ чаще заговаривать съ ней, да такъ ласково; подойдетъ, взглянетъ своими темносѣрыми глазами такъ любовно, такъ сладко, весь просіяетъ даже, заговоритъ таково степенно, учтиво: «что молъ, сосѣдушка, рѣдко показываешься, какъ красное солнушко, — освѣтитъ да и за оболочко!» Надѣжа вся покраснѣетъ какъ маковъ-цвѣтъ, а сердце такъ и забьется. Прошло нѣсколько времени, стала Надѣжа сама искать встрѣчи съ солиднымъ Прохоромъ, сама заговаривать съ нимъ, видѣть его во снѣ.

Между тѣмъ Василиса часто заводила съ ней разговоръ о замужествѣ за Прохора : Надѣжа вспыхивала, краснѣла и отмалчивалась, пока дѣло не приняло официального оборота и не перешло въ руки свахъ.

Скоро жители Стобрюхова узнали, что богатая сиротка выходитъ за большака Костоломова : «вишь какую лебедку подшвь съ капитальцемъ ! Экой Прохоръ ! Даромъ—что тихоня, а себѣ на умѣ ! у, какой !» заговорила деревня.

Въ избѣ Надѣжи раздалось монотонное причитаніе и пѣніе :

• Вьюнъ на водѣ извивается —
 Прохоръ у воротъ увивается :
 Подайте мое суженое, мое ряженое !
 Вывели ему коня въ сѣдлѣ.
 • Это ли твое суженое, твое ряженое ? •
 Нѣтъ, не мое суженое, не мое ряженое !
 Вьюнъ на водѣ извивается —
 Прохоръ у воротъ увивается :
 Подайте мое суженое, мое ряженое !
 Вывели ему овцу—яловицу, головаловицу,
 • Это ли твое суженое, твое ряженое ? •
 Нѣтъ, не мое суженое, не мое ряженое !
 Вынесутъ ему коробью съ животомъ.
 • Это ли твое суженое, твое ряженое ? •
 Нѣтъ, не мое суженое, не мое ряженое !
 Вьюнъ на водѣ извивается, —
 Прохоръ у воротъ увивается.
 Отдайте мое суженое, ряженое !
 Вывели ему красну дѣвицу—душу.
 • Это ли твое суженое, твое ряженое ? •
 Это мое суженое, мое ряженое ! •

При Надѣжѣ неотступно присутствуетъ *вытница*, которая знакомитъ ее со всѣми свадебными обрядами и обычаями. И пошли обряды своимъ порядкомъ : оплакиваетъ невѣста монотонными, визгливыми причетами свое дѣвство, свою волю—волюшку, свою избу ; наступаетъ *сватанье* (канунъ свадьбы), на которое собирается арава *приборный*, заранѣе навербованная : большой бояринъ, малый бояринъ, тысяцкій, пивникъ, хлѣбникъ, дружка и прочіе ; наступаетъ самая свадьба съ заключительнымъ *столованьемъ* и заключительными же пѣснями, послѣдняя изъ которыхъ назначается *пивнику и хлѣбнику* :

•Пивничку да хлѣбничку!
 Съ гривны на гривны ступаютъ,
 Рублемъ ворота отворяютъ,
 Полуторнымъ запираютъ.
 Чуешь ли, разумѣешь ли?
 Мы не пѣсню поемъ,
 Тебѣ честь воздаемъ.
 Низко кланяемся.
 Тутъ не дѣвки поютъ, —
 Молодицы поютъ,
 Маленькія ребята подголосничаютъ.

Съ женидбой положеніе Прохора Костоломова значительно переѣвилось: изъ зажиточнаго мужика онъ сдѣлался богачемъ; но богатство не вскружило головы солидному мужику, онъ не опустилъ работающихъ рукъ, не торопился окупиться въ сладости міра сего, не распустился въ лѣнивомъ довольствѣ; женины деньги только дали ему возможность затѣять кое-какія широкія предпріятія, раздвинуть кругъ своей дѣятельности. До сихъ поръ онъ былъ просто земледѣлецъ и гребенщикъ; обдѣлка рога сильно распространена въ той волости и составляетъ немаловажное подспорье въ хозяйственномъ быту крестьянъ. Обыкновенно оборотъ этой промышленности идетъ такимъ путемъ: какой-нибудь промышленникъ получаетъ изъ Петербурга барку съ рогомъ; сырой рогъ надо предварительно обдѣлать — вымочить, разогнуть, высушить и такимъ образомъ обратить въ правильныя плитки; для такой обдѣлки рога нѣкоторые изъ крестьянъ имѣютъ особаго устройства печи, получая отъ промышленника-хозяина извѣстное количество рога и подрываясь обдѣлывать его рублей по пяти и болѣе съ тысячи. Обращенный въ плитки рогъ опять раздается по рукамъ на всю волость для выдѣлки гребенокъ, гребней, рожковъ и другихъ вещей. Прохоръ былъ мастеръ перваго сорта въ эгомъ дѣлѣ и цѣлую зиму посвящалъ такой работѣ; ему удавалось выдѣлывать въ продолженіе одной зимы до 2000 лучшихъ гребенокъ, за которыя платятъ по 8 рублей за сотню, такъ что зима давала трудолюбивому мужику до 150 рублей. Но теперь, запасшись капиталомъ, Прохоръ припомнилъ разговоръ съ Петромъ Ивановымъ, котораго впрочемъ и не забывалъ: мысль сдѣлаться хозяиномъ все время вертѣлась въ его головѣ. Немного думая, онъ отписалъ

въ контору купца Сидѣльникова. Петръ Ивановъ исполнилъ свои слова, и Прохоръ сталъ хозяиномъ.

Счастье рѣкой лилось на большака Костоломова; удача слѣдовала за удачей: черезъ два года онъ жилъ уже не въ отцовской избѣ, а въ большомъ домѣ, выстроенномъ на городской манеръ, одѣвался не въ сѣрый зипунъ да овчинную шубу, а въ синій суконный кафтанъ да въ отличную волчью шубу. Каждый годъ недалеко отъ Стобрюхова, у одинокаго чернаго постоялаго двора приставала барка, нагруженная рогомъ, который наполнялъ огромные амбары, выстроенные Прохоромъ; мужички толпами собирались у крыльца новаго дома, кдаваясь въ поясъ Прохору Андреичу и выпрашивая работы для поддержки своего скуднаго существованія. Отлично шло и поледеое хозяйство, къ которому Прохоръ все-таки чувствовалъ сильную привязанность, какъ кровный земледѣлецъ: недовольствуясь казеннымъ участкомъ, подверженнымъ случайностямъ общиннаго владѣнія, онъ купилъ у сосѣдняго помѣщика нѣсколько десятинъ и обработывалъ ихъ паймомъ и помочами, на которыя собиралось множество работниковъ, жаждущихъ испить нѣсколько стакановь вина и пива.

Однимъ только возмущалось мирное и счастливое теченіе дѣлъ въ домѣ Костоломова: въ немъ тлѣла и разгоралась со дня на день ссора, — у молодой хозяйки не было ладу съ золовкой. Несмотря на то, что Надѣжа и Василиса были закадычными пріятельницами до женитьбы Прохора, теперь, поселившись вмѣстѣ, онѣ никакъ не могли ужиться. Для этого было много причинъ. У обѣихъ развились характеры энергичскіе, рѣзкіе, неуступчивые: Василиса привыкла быть полной хозяйкой въ домѣ, заправлять всѣмъ по своему благоусмотрѣнію, безъ посторонняго вмѣшательства; передать хозяйство на руки молодой невестки она никакъ не хотѣла, и не иначе какъ съ бою уступала одну часть за другой; между тѣмъ Надѣжа хотѣла непременно воспользоваться всѣми правами своего положенія. Столкновенія ихъ на этомъ полѣ повторялись все чаще и чаще, а Прохоръ держалъ себя въ этомъ случаѣ всторонѣ, точно не его дѣло. Враждебность отношеній усиливалась тѣмъ болѣе, что все связывавшее ранѣе Надѣжу съ Василисой заключалось въ Борисѣ; но съ замужествомъ, при полной привязанности Надѣжи къ Прохору, эта связь не существовала болѣе; напротивъ, что прежде

привлекало богатую сироту къ Василисѣ; теперь отталкивало ее отъ золовки: двусмысленные намеки, насмѣшливыя воспоминанія о быломъ, со стороны послѣдней, раздували вражду.

Приближался въ Стобрюховѣ праздникъ Кирика и Улиты; въ домѣ Костоломова пиво варили, пироги пекли. Надѣжа усердно хлопотала и скося сердито поглядывала на Василису, которая тоже хотѣла распорядиться какъ хозяйка. Надѣжа еще стряпала въ кухнѣ, а Василиса пошла въ чистыя горницы: тамъ было уже все прибрано, вымыто, выметено; въ переднемъ углу поставленъ столъ, накрытый чистой скатертью, а на немъ икона въ серебряномъ окладѣ, миска и свѣчи для водосвятнаго молебна; но Василиса вздумала прибрать все по-своему, и конечно не хотѣла никого спрашивать.

— Что ты тутъ шишлѣбодничаешь-то? сказала ей вошедшая Надѣжа.

— Не видишь развѣ, ослѣпла чтоли? надо же прибрать въ горницахъ, — къ братцу гости будутъ!

— Прибрано безъ тебя.

— Ужъ приборъ! хорошо прибрано! Безрукой видно прибралъ.

— Что ты большничать-то выдумала? Приберемъ нехуже тебя, за совѣтомъ къ тебѣ не обратимся! видишь какая умница уродилась: суетъ носъ гдѣ ее не спрашиваютъ... Дѣлала бы что приказуть, такъ итѣ. — хозяйкой себя воображаетъ!

— А какъ же ты думала? Ты начальница чтоли надо мной? Клянаться тебѣ чтоли буду? Итѣ еще, мало каши ѣла!

— Никто надъ тобой начальствовать не желаетъ, а большничать ты не смѣй, — руки коротки. Скажи спасибо, что держать, одѣваютъ да кормятъ.

— Что? ты меня ужъ хлѣбомъ никакъ попрекаешь? Твой вешто я хлѣбъ-то ѣмъ чтоли? Кабы твой-то ѣсть привелось, давно бы в духу-то моего здѣсь не было... Некуда чтоли мнѣ дѣться? найдемъ, слава-богу!

— То-то бы хорошо было, съ хлѣба долой, воздухъ бы чище былъ...

— Ну ладно; спасибо, невѣстухка!

— Невачемъ, золовушка, на-здоровье!

— Хороше же, ехидна ты злаякая, обидчица, пусть будетъ

по-твоему: уйду отъ васъ, уйду къ Борису, не поминай же лихомъ!

— Скатертью дорога!

Эта ссора превзошла всѣ бывшія до сихъ поръ; никогда Василиса не чувствовала такого униженія, она вся разгорѣлась и твердо рѣшилась уйти къ Борису. Всѣ дивились, что она не показывалась о праздникѣ, а она весь день проплакала. На другое утро она уже собралась. Прохоръ былъ сильно удивленъ.

— Въ умѣ ли ты, сестра? Кой чортъ тебя несетъ къ Борису? Али горожанкой захотѣла быть? Смотри, чтобъ хуже не вышло...

— Да, братецъ, именно такъ-таки и есть, напрокучило жить душой-то деревенской, хочу поразгуляться...

— Надѣжа, эй Надѣжа! чтоже это, сестра-то у насъ уходитъ!

— Коли хочеть, такъ Богъ съ ней... можетъ ей тамъ лучше будетъ! нехотя отвѣчала Надѣжа.

— Да что вы, бабы? повздорили вѣрно? Охъ вы безтолочь, безтолочь! Полю, сестра, пустое ты надумала; богъ-знаеть какъ и самъ-то Борисъ еще живеть... Оставайся у насъ!

— Нѣтъ, братецъ, ужь теперь поздно оглобли поворачивать, не поминайте лихомъ!

Дѣлать было нечего: Прохоръ простился съ сестрой, снабдилъ ее нѣсколькими рублями, и Василисы не стало въ Стобрюховѣ. Въ деревнѣ объ этомъ толковали немало, и въ домѣ Костоломова всѣ разговоры кончились въ тотъ же день:

— Чтò у васъ, Надѣжа, съ ней вышло? Отъ тебя вѣдь она это къ Борису пошла, сказалъ Прохоръ.

Надѣжа вспыхнула.

— Ничего не вышло, я ее только сократить хотѣла, а она и расходилась... Чтò ей отъ меня бѣжать: я ей жить не мѣшала!

— Ну-ну, васъ не разберешь... Богъ съ ней, все равно: не житье вамъ было вмѣстѣ... Богъ съ ней!

По уходѣ Василисы въ домѣ Костоломовыхъ водворилась пенарушимая тишина; въ немъ сдѣлалось даже слишкомъ тихо, а потому и Прохоръ, и Надѣжа были весьма обрадованы, когда Богъ далъ имъ сына, который уже своимъ появленіемъ на свѣтъ

повернулъ весь домъ вверхъ дномъ. Вслѣдъ затѣмъ семейство Костоломова стало увеличиваться съ каждымъ годомъ.

VIII

ПРИКАЗЧИЧЬЯ ЖИЗНЬ

Много измѣнился и Борисъ въ три года: онъ сжился съ городомъ, съ его обычаями, сдѣлался словно урожденцемъ брякинскимъ, и надо было внимательно всмотрѣться въ него, чтобы замѣтить черты простодушной, безсознательной честности, да развѣ еще проблески разудалаго юмора, вынесенныя имъ на неплодовитую брякинскую почву изъ Стобрюхова.

Отношенія его къ хозяину возбуждали всеобщую зависть: Расторгуевъ очень полюбилъ своего новаго приказчика; черезъ полгода же вознаградилъ жалованьемъ по пяти рублей въ мѣсяцъ, какъ выраженіемъ своей любви; еще черезъ полгода жалованье удвоилъ, да кромѣ того отвелъ ему для жительства весьма сносную комнатку въ одномъ изъ флигелей. Житье было хорошее, привольное. Молодецъ собою, рослый, широкоплечій, ловкій, бойкій на-слово, Борисъ, одѣвшись въ гороховую бекешь, изъ-подъ которой ярко выцвѣчалась красная рубаха, весело стоялъ за прилавкомъ въ темной, маленькой лавочкѣ при домѣ, а еще веселѣе развѣзжалъ по сельскимъ ярманкамъ. Отъ почтенныхъ людей приказчику Пуда Петровича низкій поклонъ, отъ мѣщанокъ—старухъ ласковыя рѣчи, отъ мѣщаночекъ—гулѣвъ привѣтливыя взгляды... Чѣмъ бы не житье! Просто зависть забираетъ все брякинское мѣщанство, а Аннушка, дочь почтенной Тарелкишны, губы изгрызла отъ злости, что такой женихъ ускользнулъ отъ нея; только Бѣлоусовъ не обнаруживалъ ни на волосъ зависти: онъ нисколько не измѣнилъ своего обращенія съ старымъ товарищемъ, попрежнему называлъ его Костоломомъ да Костоломушкой.

Хорошее житье, — оно точно, да не удовлетворяетъ оно стобрюховскаго мужичка, непривыкшаго къ жизни безъ оглядки и безъ заглядки. «Какъ волка ни корми, все въ лѣсъ смотреть», какъ ни весело Борису жить у Пуда Петровича, все ему своего собственнаго угла, осѣлости хочется, хоть плохонькаго, да своего хозяйства, гдѣ бы и свой горшокъ, и баба-хозяйка,

здоровая, работающая, и сама́ большой... Недаромъ онъ съ особенной любовью разтѣзжалъ по сельскимъ ярманкамъ, поближе къ своему брату-мужичку: крестьянская жизнь, оспѣлая, солидная, обеспеченная собственностью, ему нравилась больше городской. Мысль, какъ бы завестись своимъ хозяйствомъ, домишкомъ, торговлищкой, женой, — вешутъ засѣла ему въ голову... Коварныя мечты тревожили нашего приказчика, но мечты эти такъ и оставались мечтами, ни на-волось не приближаясь къ дѣйствительности; а дѣйствительность была куда непохожа на нихъ, хотя многіе и завидовали ей: ни хозяйства своего, ни двора, ни кола, никакой собственности, а между тѣмъ вѣчная забота о чужомъ добрѣ, да еще подъ надзоромъ, потомучто Пудъ Петровичъ не давалъ замѣниться и глаза имѣлъ куда какіе острые: «жалованье даю, пою-кормлю, такъ ужь у меня забудь шибудыжничать, ухо остро держи! Я вѣдь хоть старь-старь, а все вижу, ничего не промигаю!» говаривалъ онъ. Рано утромъ подымается нашъ паренъ; дворъ вымети, зимою снѣгъ съ мостковъ около дома сгреби, лошадь накорми-напой (кучера-то вѣдь ить), собаку цѣпную въ конуру убери, въ конюшню загляни, чтобы все въ должномъ порядкѣ было. — да и въ лавку маршь! А особыхъ-то порученій сколько: тамъ заборъ обвалился, мостки проломились — исправь: тамъ въ которомъ-нибудь изъ флягелей комнату надо бумагой оклеить да выбѣлить — оклей и выбѣли; тамъ надо по деревнямъ у крестьянъ щетинны или муки, или льну позабрать — шлѣйся, ищи, вѣшь да выложь; тамъ ярмарка или торжокъ гдѣ-нибудь, версть за шестьдесятъ отъ города, на Шуйгалѣ, или на Толпинѣ какой-нибудь, — запрягай бурку, навали возъ товару, да товару не того, который ближе подъ руку попадется, а завали, на которую въ городѣ расходъ малъ, перениши все, и въ дорогу... Но это послѣднее было на-руку Борису, какъ любимая изъ всѣхъ его обязанностей: онъ просто пристрастился къ поѣздкамъ на сельскія ярмарки, тѣмъ болѣе что здѣсь скоро приобрелъ большую популярность въ народѣ.

— Ой, ребята, глянь-ка, у Пуда-то Петровича прикашикъ новый! говорили мужички на первыхъ парахъ.

— Экой здоровякъ какой, падежь!

— Баютъ, больно добѣръ, ужь такой-то рушиной, — голыми руками бери!

— Поди-ка ты! а тотъ, помнишь, старой-отъ — куда тебѣ, паря, и не подходи: оцетнитися на часу!..

— Вѣстимо, мѣщанское рыло! А эфототъ, голова, вѣдь нашъ братъ, изъ хрестьянъ тоже.

Скоро весь уѣздъ узналъ и полюбилъ Костоломова.

— Ну, слава-богу, и Костоломща прикатилъ! весело привѣтствовали его бабы, увидя издалека; при вѣздѣ въ село, ожидающее ярманки: — куда-то онъ направится нонѣ: въ середиши, али на крайчикъ?

— Въ середиши, знамое дѣло: краснорядецъ — куда больше!

— А какъ на край?

— Можетъ и на край, дѣвушка...

— Здорово, тѣтки-лупѣтки! припасли ли денегъ-то? я вамъ по такому платку привезъ, что ай-люли! хоть бы горожанкѣ, купчихѣ къ примѣру, такъ нестыдно налѣтъ! говорилъ Борисъ, приподымая крутую шапку, отороченную черной кошкѣй, подкрашенной подъ соболя,

— Ой ли, парень! жолтенькіе поди?

— Какіе жолтенькіе! со всячинкой, всего есть: и красно-то, и зелево, и желто; просто, голубушки, уму невообразимо...

— Поди-ка ты, дѣваха, что и за диковинка-то! Поиняеть поди?

— Экъ что вывезла! Нѣтъ ужъ, голубка, хоть сто разъ мой-перемой, — колеру не смоешь! А ужъ какъ добротны, — да что и говорить: такіе платки, что просто имъ вѣку не будетъ... Ну ты, валявка, шевелись! продолжалъ Борисъ, дергая возжи.

— Здорово, Костоломша! кричалъ ему почтенный, сѣдобородый мужикъ: — что привезъ хорошенькаго, голова?

— А чего тебѣ надо?

— Да зипунъ бы, паря, охота слѣлать... Сукна-то нонѣ дрянъ стали, недобротны больно.

— Охъ ты, голова! недобротны! Я тебѣ покажу суконце-то, что и ножницы его черезъ силу берутъ. Приходи ужотко въ лавку, я для тебя нарочно отложу, остатокъ, аршинъ шесть всего-навсего...

— Ну ладно, спасибо на томъ. . а котики есть на полушубокъ?

— Еще бы те цѣтъ!.. соболи-котвки, отложить чтоли?

— Ну ладно, ладно... заходи къ намъ о праздникѣ—то: угостимъ!

Рядскіе привѣтствуютъ Бориса съ почтеніемъ, а онъ здороваётся нето—чтобы небрежно, но съ сознаниемъ собственнаго достоинства: экъ васъ понаѣхало, всѣ ряды запрудили, просто хоть не ѣзди на ярманку! говоритъ онъ.

— Ты, дружище, тоже маху не даешь: возъ—то, смотри, разѣѣхался... экой стогъ какой навалилъ, всю лавку вывезъ!

— Всю не всю, а есть таки того—сего по малости: пожалуй, окромѣ меня да хозяина, въ лавкѣ у насъ никто убыли и не примѣтитъ.

— Экъ расхвастался! Ну—ну, ладно, привязывай—ка бурку—то, да приходи къ намъ: чайкомъ позабудимся.

— На томъ благодаримъ... пожалуй не мѣшаетъ брюшину—то пораспарить, она у меня давненько поговариваетъ.

Весь ярмапочный день Борисъ сиднемъ высидитъ въ лавкѣ, отъ разговоровъ даже языкъ устанетъ; а вечеромъ онъ на гулянкѣ, около дѣвокъ, съ пѣснями, прибаутками да штуками разными...

— Хошь, баринъ, — говоритъ онъ письмоводителю становаго, пріѣхавшему для надзора (очень выгоднаго надзора) за ярманкой и плотоядно взирающему на здоровенныхъ, краснощекихъ деревенскихъ красавицъ, — я сейчасъ тебѣ представлю, которыя дѣвушки здѣсь гуляющія, которыя нѣтъ?

— Ха—ха—ха! Не врешь ли? отвѣчаетъ письмоводитель, упирая масляные глаза на дѣвокъ.

— Чаво мнѣ врать! за вравье—то денегъ не даютъ... Узнаю, коли бутылочку, баринъ, выставишь!

— Ну, прелставъ, прелставъ: посмотримъ, пожалуй и выставлю...

— Смотри же, баринъ, давай вѣрное слово, руку давай, чтобъ было изъ чего хлопотать... Ужь нетолько представлю, такъ сами скажутся!

— Экой ты какой!.. Чего добраго, вѣдь ты ходокъ по этимъ дѣламъ!

— Чтоже, сгүзаль чтоли? ой баринъ, баринъ! а ребята—то смотреть, глаза—то выпучили.

Въ самомъ дѣлѣ около нихъ собралась толпа: «обмишурить

письмоводителя!» шептались между собой молодые ребята. — «Гдѣ обмишурить! письмоводитель-то вѣдь самъ плутъ!»

— Говорю: выставлю, и квиты дѣло, ужь не обману! сказалъ письмоводитель.

— Обманеть, робятушки, какъ богъ-святъ обманеть! шептались въ толпѣ.

— Смотри же, не гүзать! Вотъ робята свидѣтелями будутъ.

Баринъ вышелъ на середину хоровода, который медленно кружился на лугу, распѣвая:

• Сквородникъ на печи,
Ты немного хлопоци.
Двое ходять, двое бродять,
Двое сойдутся, — прибоддѣются...
Чтожъ въ старинные-то годы
Не бывало такой моды?
Нынче вышелъ указъ —
Чоловаться тридцать разъ!

— Хорошихъ дѣвушекъ цѣлую, а на гулѣнъ плевать хочу! крикнулъ Борисъ (гулѣнъ онъ называлъ иначе, но мы сглаживаемъ рѣзкость его выраженія).

Между дѣвушками произошло нѣкоторое смущеніе и волненіе: однѣ прятались другъ за друга, другія закрывались и смѣялись въ платки, а нѣкоторыя разразились ругательствами: «ахъ ты озорникъ, щенокъ бѣлогубый, выжига городская! чтобъ тебѣ ни дна, ни покрывки! Какъ ты смѣешь нашу честь безчестить, плутъ эдакой!»

— Видишь, баринъ, сами сказываются: эти-то самыя, что ругаются-то, и есть гулѣны во всю ивановскую. Подь-ка пошепчись съ ними и узнаешь, правду ли я молвилъ.. сказалъ Борисъ письмоводителю: — а миѣ бутылку выставляй!

— Экой балагуръ, право балагуръ! отвѣчалъ письмоводитель, высматривая тѣхъ изъ дѣвокъ, которыя шибко ругались.

Сидя въ лавкѣ, Борисъ былъ немолкаемъ: онъ зазывалъ покупателей, смѣшилъ и ихъ, и рядскихъ сидѣльцевъ.

— Вонъ, ребятушки, письмоводитель илетъ, какъ ученый медвѣдъ переваливается: а какъ-моль старыя бабы въ зеркальце смотрятся?.. Статистику собираеть...

Въ самомъ дѣлѣ явился письмоводитель станowego, собирающій статистическія свѣдѣнія о ярмарочныхъ оборотахъ.

— Ну-ка ты, зубоскаль, что скажешь: на сколько у тебя дряни-то было привезено?

— Везъ было малую толику и дряни изъ города, да сказали, что здѣсь и своей много, такъ всю подъ кустикомъ оставилъ; а товаришку, какъ бы сказать вашему благородію, нето на сто, нето на два ста, а можетъ и на всѣ три сотняги понаберется...

— Чтобъ тебя розорвало, чтожѣ писать-то? Начальство требуетъ...

— Да такъ и пиши: считаль моль по пальцамъ, и на счетахъ прикидываль, да не могъ толку добиться...

— А продалъ сколько?

— А продалъ теткѣ Федосьѣ на полтину платковъ, дядѣ Ивану сукна на пятнадцать рублевъ, да продаваль еще слоны, и вышло всего-навсего... тридцать двѣ копейки съ четвертью, да пятьдесятъ одинъ рубль съ полтиной... запасаль ли?

Письмоводитель, имѣя свои счеты съ приказчикомъ Расторгуева, довольствовался и шолъ далѣе.

Впрочемъ ни Борисъ, ни самъ Расторгуевъ не могли бы доставить вѣрныхъ, точныхъ свѣдѣній о своихъ торговыхъ дѣлахъ: торговыхъ книгъ и другихъ разныхъ премудростей у нихъ и въ заводѣ не было: кое-что записывалось на лоскуткахъ, кое-что на память помнилось, и счеты сводились по какой-то удивительной бухгалтеріи.

Пріѣзжая съ ярманки, Борисъ ставилъ возъ съ оставшимся товаромъ у лавки, а самъ отправлялся за хозяиномъ, и оба вмѣстѣ сваливали остатки въ лавку; потомъ Пудъ Петровичъ получаль деньги, внимательно пересчитываль ихъ три раза и, незамѣтивъ ничего подозрительнаго, уносилъ домой для приобщенія куда слѣдуетъ.

Такъ шло время нашего переселенца, но вдругъ его помыслы о самостоятельномъ существованіи были сильно возбуждены задушевнымъ разговоромъ со старымъ хозяиномъ, извѣстнымъ читателю Червячковымъ. Почтенный лодочникъ сильно заискиваль въ молодомъ приказчикѣ, но совсѣмъ не потому, что имѣль враслую дочку, — нѣтъ! онъ просто надѣялся найти въ лицѣ Костоломова не жениха своей дочери, а компаньона, который бы замѣнилъ ему Расторгуева.

— Знаешь ли ты, Борисушка, откуда Пуду твоему все богатство пришло? Не знаешь? такъ я тебѣ могу сказать. Миѣ

это хорошо, доподлинно извѣстно: я, братъ, тутъ всю подноготную знаю... Былъ бы и я богатъ, кабы меня Господь сыномъ не попуталъ... говорилъ Червячковъ и повѣдалъ Борису всю исторію своихъ сдѣлокъ съ Расторгуевымъ и приключенія съ его сыномъ.

— Солонъ приполся мнѣ сынокъ! солонъ, чтобъ ему пусто было! Что ужъ изъ эфтого, изъ меньшака-то будетъ! Ужь каждая потачка не даю, колотковъ ему столько-то достается, что на четверу бы достало, — не жалѣю щенка! заключалъ онъ свой рассказъ. — Да и твой хозяйинъ-то удружилъ: гдѣ бы помочь, вѣдь сообща дѣло вели, не грѣхъ бы оказать вспомошествованіе, благо есть изъ чего: нѣтъ! наотрѣзъ отказалъ, да и дѣло прекратилъ, — будетъ, говоритъ, а ты молъ какъ знаешь! Ну, и пошолъ Червячковъ подъ гору: хотъ матушку рѣнку вой, подваться нечѣмъ!

— Ты бы съ другимъ кѣмъ стакнулся: есть народу-то!

— Съ другимъ!.. охъ, Борисушка, тутъ нуженъ не голякъ человекъ — это первое, а второе и со смѣлкой: съ олухомъ какимъ-нибудь аки съ пицимъ свяжешься, такъ чего добраго, и жизни-то послѣ нерадь будешь: вѣдь уголовщиной дѣло-то пахнетъ!... Знаешь, парень, что я тебѣ скажу: ты мужикъ не промахъ, — не вѣкъ тебѣ вѣченекій тутъ въ приказчикахъ сторожемъ у чужого добра жить, надо своимъ обзаводиться... Да и Пудъ-то не безсмертный, старъ вѣдь онъ, — смотри не сегодня, такъ завтра ухнетъ; ты не смотри, что онъ выбережекъ эдакой: вѣдь скрыпучее-то дерево два вѣка живетъ... Умретъ, небось наслѣдства не оставитъ, даромъ что роденька, — съ чѣмъ ты останешься, куда пойдешь? Разѣ опять ко мнѣ на лодку, лямку надѣнешь? Такъ поди не по вкусу будетъ, шею натретъ!.. Правду ли я говорю, другъ любезный?

— Что правда, то правда и есть... нечего и молвить противъ этого... отвѣчалъ вздыхая Борисъ: — да что дѣлать будешь?

— Что? да тоже, что твой хозяйинъ дѣлалъ. Пишись въ купцы, на гильдію-то я тебѣ какъ-нибудь денегать добуду, кои своихъ не сколотишь, а тамъ давай мнѣ вексель тысячи на двѣ, или я тебѣ дамъ, все едино-здвигвенно, денежки по векселю получимъ, накупимъ заедино хлѣба или льну, что походибе придется, да суденышко въ Архангельскъ и пустимъ: тамъ послѣ сосчитаемся... Дѣло, братъ, чистое, къ сроку деньги будутъ: за-

платимъ куда слѣдъ; барышъ раздѣлимъ — и шабашъ!.. По рукамъ чтоли?

Борисъ призадумался и на нѣкоторое время утратилъ совершенно свою веселость: соблазнъ такъ и подмывалъ его, мечты разгулялись, но чуялось что-то нехорошее... Въ такомъ раздумьи застала его Василиса, покинувшая старшаго брата... Борисъ холодно встрѣтилъ ее: «вотъ еще нахлѣбницу Богъ послалъ! подумаешь онъ: принесла нелегкая, въ Стобрюховѣ-то не жилось! Словно неволя гонить!» Онъ почти не спрашивалъ ее о томъ, что дѣлается въ Стобрюховѣ, но Василиса и недожидалась распросовъ: и безъ нихъ она сыпала новостями, и нехорошее впечатлѣніе производили эти новости на Костоломова. Прохоръ женился на Надѣжѣ, торговлю завелъ, разбогатѣлъ, первымъ челоуѣкомъ въ волости сдѣлался, живетъ какъ купецъ, не хуже Расторгуева и несравненно лучше его, расторгуевского приказчика, — нехорошее чувство, завистливое чувство, злое чувство зашевелилось въ груди Бориса. Василиса разговоромъ о своей ссорѣ еще подливала масла на этотъ нечистый огонь, хотя вовсе не пробудила въ братѣ участія къ своей собственной особѣ.

— Видишь! сказалъ онъ: — ему все тѣсно, меня сбывъ съ рукъ, да еще нахлѣбницу ко мнѣ же изловчился навалить!

— Я тебѣ въ тягость, братецъ, не буду... робко сказала Василиса: — я работать буду... али ужъ и ты погонишь меня, горемычную?.. И вдругъ она разразилась слезами, накипѣвшими въ сердцахъ: куда же я дѣнусь-то, коли братаны отъ меня отступятся?..

— Кто отъ тебя отступается! отвѣчалъ Борисъ, нѣсколько смягчаясь, но довольно сухо: — живи себѣ, я вѣдь не Прохоръ, не выживу, только у меня достатки небольшіе.

Съ этими словами онъ взялъ шапку, отороченную фальшивымъ соболемъ, и вышелъ: онъ отправился къ Червячкову.

Почтенный лодочникъ только-что возвратился изъ путешествія въ губернской городъ, и сидя за чашкой щей, брашилъ сына, уже взрослога парня, который понурилъ голову сидѣлъ на лавкѣ: «смотри, пріятель, за старшимъ братомъ не угоди! шутить я не люблю; будетъ, на свой пай поголовѣсничалъ, можно посократить себя, поработать не грѣхъ... На кой прахъ я тебя, оболтуса, буду поить-кормить, коли ты руки скламши сдать будешь? ну тебя къ яду, дармоѣда безстыжаго! Получше тебя.

щепка бѣлогубаго, въ лямкѣ—то хаживали: небось сина—то не сахарная, не растаетъ, не разсыплется!

— Такъ ты мнѣ, бачка, жалованье положи! отозвался сынъ.

— Три тумака для кажиннаго денька, да пинокъ въ при-
дачу!

Въ это время вошелъ Борисъ.

— Хлѣбъ да соль!.. здорово, Иванъ Васильчъ, какъ жи-
вешь—можешь? А я къ тебѣ по дѣлу...

— Ничего таки, живемъ да хлѣбъ жуемъ... Что скажешь,
дружнице?

— Да я о томъ—то, знаешь! Съ отвѣтомъ пришолъ...

— Ну?

— Я пожалуй непрочъ... опасно, да что дѣлать: волка
бояться, въ лѣсъ не ходить... Пожалуй на недѣль—то въ гиль-
дію запишусь...

— Ой—ли! Вотъ люблю! Давно бы такъ! Неси вина, Петру-
ха! вскричалъ Червячковъ, — и Петруха, то—есть сынъ его, съ
видимымъ удовольствіемъ побѣжалъ исполнить порученіе отца.

Дѣло было покончено и немедленно приведено въ исполненіе:
Червячковъ самъ ѣздилъ въ Петербургъ за деньгами, самъ хло-
поталъ о закупкѣ хлѣба, и по совѣщаніи съ Борисомъ, рѣшилъ
отправить судно съ сыномъ, воспитаннымъ на необычайномъ чи-
стѣ колотковъ, достаточномъ для четверыхъ человѣкъ.

IX

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ

Мирно и однообразно, подобно ручейку лѣсному или запле-
сѣвшему садовому пруду, текла жизнь почтеннѣйшаго Пуда
Петровича Расторгуева, и вѣроятно такъ же мирно она пресѣк-
лась бы, догорѣла, какъ сальная свѣчка его домашняго издѣлія,
кабы не случилось нѣчто — неожиданное, негаданное.

Въ одно утро, — прекрасное или пречерное — исторія умал-
чиваетъ, — помѣщица пяти душъ, г-жа Михайлова, накушав-
шая вплотную какого—то необычайно—жирнаго кушанья, вродѣ

масла маслянаго, собственнаго избрѣтенія, впрочемъ не получившаго заслужонной привилегіи, вздумала, недожидаясь когда и какъ окончится процессъ пищеваренія вновь избрѣтеннаго кушанья, перенестись своею тревоугодливой душой въ лучшій край, гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни печали, ни воздыханія. Такое горестное событіе вызвало умиленные соболѣзнованія въ кружкѣ постояльцевъ, хотя не разстроило его обыденныхъ застѣвацій, неумѣреннаго чаепитія и пріятнаго играція въ шашки и московскіе дурачки.

— Вѣдь какъ и скончалась—то скоропостижно, голубушка! говорила смотрительша, умильно прижимая руки къ груди: — еще утромъ мы встрѣтились у обѣдни; ничего такого я не запримѣтила: — «зайди, говоритъ, чайку молъ напнешься, да червячка заморишь», — покорнице благодарю молъ, да нѣтъ, у меня Иванъ Петровичъ поли-ка изъ острога пришолъ, дожидается: надо домой торопиться, сударыня-барыня... Пришла это домой-то, едва успѣла раздѣться (въ новомъ платьѣ была? обновляла въ храмъ божій) да чаю двѣ чашечки выпить, — бѣжить Палашка. Зачѣмъ бы это, думаю? развѣ на пирогъ звать? такъ вѣдь сказала ужъ я, что нельзя, и время не такое: и раздѣлась я совсѣмъ... да опять таки, думаю, и сыта я, пересыта... Смотрю — бѣжить, и лица на ней нѣтъ: «Пожалуйте, говоритъ, рюмочку перцовки: барыня у насъ умираетъ, крикомъ кричить, кажись и не встанетъ.» Я ей налила рюмку перцовки, да и смѣюсь Палашкѣ—то: дура ты, право дурица! я сейчасъ—ле видѣла ее; гдѣжъ ей такъ скоро умереть?... Анъ вотъ и взаправду Господу душу отдала, голубушка! Царствіе ей небесное, добрая барыня была! Знать и перцовка — ужъ начто пользительный составъ — не помогла!»

— Кондрашка значить хватилъ, флегматически замѣтила смотритель: — барыня тучная, въ тѣлѣ покойница была... А жаль! ноть нѣтъ ее — ровно недостаетъ чего...

— Ты сообрази это то, Иванъ Петровичъ, говорилъ Расторгуевъ: — гдѣ я таперь эдакую постоянку найду? Таперь значить флигель пустой долженъ нѣсколько мѣсяцевъ оставаться, — ты это—то сообрази, какъ не пожалѣть ее!

— Свято мѣсто не будетъ пусто! Будутъ у васъ постояльцы. Судъ Петровичъ! продолжала смотрительша: — вы не другой

кто, — у другого и два года квартира пустая простоятъ, а къ вамъ и черезъ два дня охотники будутъ!

— Да вѣдь миѣ, матушка Анна Савишна, кого-то нибудь ненадо ни за какія деньги! миѣ надобенъ человекъ значить надежный, а такъ съ вѣтру-то я еще не пушу!

Однако слова смотрительши оказались пророческими словами: дѣйствительно квартирѣ, послѣ смерти помѣщицы Михайловой, не привелось долго стоять пустой. Въ одно утро подобное, а можетъ-быть и не подобное тому, въ которое пробылъ послѣдній часъ чревоугодливой помѣщицы, Анна Савишна, возвращаясь отъ обѣдни, пригласила къ себѣ хозяина на чай и многозначительно, не безъ нѣкоторой афектаціи, сказала ему:

— А я вамъ, Пудъ Петровичъ, постоялку нашла-съ, да какую еще: благочестивая эдакая, богобоязненная, обходительная и сиротка — круглая сиротка, какъ перстъ, одна одишенька...

— А нуте, матушка, Анна Савишна, ктоже бы это могла быть? разѣ бабка казенная? да ужь какая она сиротка: самой поди скоро семьдесятъ стукнетъ, коли ужь не перевалило на восьмой десятокъ...

— Прїѣзжая, Пудъ Петровичъ, прїѣзжая; то-есть хоть оно родомъ-то и здѣшняя, да въ отлучкѣ почитай болѣе десяти лѣтъ была. Петра Андреича, покойника, Холодилова-то дочка: вѣдь она въ Питерѣ съ мужемъ жила, да мужъ-то померъ: вотъ она голубушка и воротилась на родину, дѣтей не осталось, а тутъ у нея никакъ крестьяне послѣ мужа... Вы вѣдь, я чай, помните Петра-то Андреича, покойника?

— Какъ не помнить, довольно помню! Прїатели были, какъ не помнить! Простой былъ старикъ, какъ малый ребенокъ. Только вѣдь дочка-то его, кажись Анфисой звали, — егоза, вертушка была, модница эдакая, и замужъ-то не на чистоту вышла... со всячишкой была!..

— И-и! вотъ ужь нѣтъ, такая скромница, Богу молится — все въ землю да въ землю, — благочестивая барыня, на рѣдкость! Ужь не нашимъ брякинскимъ чета: вонъ хоть бы Данилиха: оставилась возлѣ самага-то клироса — и чтоже, батюшка мой, все-то съ лекаремъ, съ полячишкой, перемигивалась... просто страмъ! Нѣтъ, это не такая. Я смотрю — чтой-то знакомое: мы съ покойникомъ-то тоже гостались; и она смо-

трить: «что, говорить, Анна Савишна, не признать ли, говорить, хотите?» — И рада бы, говорю, да памяти-то ужь промотала, сударыня-барыня, въ суетѣ мірской... «А я, говорить, вась такъ-таки съ ошкю и узнала, только утрудить, говорить, не хотѣла, а на языкѣ такъ и вертѣлось: здравствуйте молъ, Анна Савишна!» — Позвольте же, говорю, сударыня-барыня, освѣдомиться о вашемъ вмлчкѣ? Тутъ ужь она и сказалась, и раскрыла всю жизнь свою жизненскую, сколько тамъ она горя натерѣлась: «за всѣ грѣхи мои, говорить, достодолжное награжденье получила», разслезила меня, Пудъ Петровичъ, на то Богъ вамъ, — разслезила. «Некуда, говорить, головушку приклонить, и поѣхала сюда, на родину, доживать свою жизнь невеселую. На постояломъ дворѣ — слышите! — остановилась: грязь, говорить, тараканы, клопы, блохи вездѣ, — ну, извѣстное дѣло, каково на постояломъ дворѣ: сами знаете, мужику сиволапому, и тому не правится, а она эдакая чистоплотная да нѣжная... Квартирки, говорить, по деньгамъ моимъ найти не могу. Я и подумала: чѣмъ для вась не постоялка? и говорю ей: — вотъ-молъ квартирка и недорого, и чистенькая, и хозяйнѣ человекѣ какихъ вѣтъ; а она-то, милушка, право милушка, — «какже, говорить, Пуда Петровича я помню: рѣдкій, говорить, человекѣ», — право слово, такъ и сказала «рѣдкостный, говорить, человекѣ!»

— Такъ вы всю обѣдню-то и протолковали?... славно, Анна Савишна, славно вы богомольничаєте! улыбаясь добродушной и плутоватой улыбкой отвѣчалъ Пудъ Петровичъ, но въ тоже время весь просіалъ отъ самодовольствія. Рѣчи смотрительши убѣдили его принять сиротку къ себѣ въ постоялки.

Первая встрѣча ихъ была какъ-то неловка, но произвела дѣйствие неожиданное. Сиротку звали Анфиса Петровна, и смотрительша имѣла весьма достаточныя причины увлечься ею, потомучто Анфиса Петровна была хотя не первой молодости, но довольно гѣбнообразная вдовица, ходила дѣйствительно довольно чистоплотно (употребляемъ выраженіе осторожной дамы), въ рѣчахъ обнаруживала благочестіе и скромность, впрочемъ манеру имѣла очень развязную и преисправно затягивалась изъ трубки, называя это петербургской привычкой; глаза у нея были черные, съ вызывающими взглядами, и нѣсколько плутоватые, цвѣтъ лица подрисованный хорошими колерами; руки,

довольно мясистыя, прятались въ пеньковыя перчатки, а тщательнo взбитые волосы припахивали какимъ-то бьющимъ въ носъ душкомъ. Пудъ Петровичъ показался ей въ черномъ сертукѣ, възначенномъ для парадныхъ случаевъ, и когда она по-петербургски (вѣроятно потому, что не по-бракиински) протянула ему свою руку, горячую даже сквозь пеньку, его какъ-то подернуло, а на губахъ обозначилась мѣлющая, широкая улыбка. Ранѣе Пудъ Петровичъ рассчитывалъ было поднять цѣну на помещеніе покойной госпожи Михайловой, но тутъ только кланялся да ухмылялся, и всѣ расчеты забылъ, такъ что о цѣнѣ у нихъ и рѣчи не было.

— Такъ будемте жить вмѣстѣ, Пудъ Петровичъ, проговорила сиротка: — да любить другъ друга; вы вдовецъ, а я вдова, ссоры у насъ не будетъ; вотъ Анну Савишну пожалуй Иванъ Петровичъ и приревнуетъ къ вамъ, меня такъ и ревновать некому. Такъ вѣдь, милый мой Пудъ Петровичъ?

Нашъ скопидомъ весь покраснѣлъ какъ вареный ракъ, усердно отвѣсивая поклоны своей новой постоялкѣ.

— Эка шутница какая! весело замѣтила Анна Савишна, которую каждое слово сиротки приводило въ умленіе и восхищеніе: — вѣдь сиротка, говорила она при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ: сколько горестей да напастей претерпѣла! а меня-то, меня-то, старуху, помнитъ, благодѣтельница называетъ, ангельская душа!

Только старая Авдотья отмалчивалась, исподлобья глядя на Анфису Петровну.

Переселилась вдовица на квартиру къ нашему вдовцу. Ни постояльцы, ни хозяинъ не нахвалятся ею: и скромная-то, и благочестивая, и обходительная, даромъ-что столичная, просто и лучше венадо.

Въ какой восторгъ пришелъ весь кружокъ, когда Анфиса Петровна, денька черезъ четыре по переселеніи на свою квартиру, вдругъ пожаловала на общій чай: Пудъ Петровичъ переполошился, рассыпалъ шашки на самомъ интересномъ побѣдовосномъ ходѣ, наскоро перемѣнилъ халатъ на сертукъ, Авдотья по его приказанію вытащила изъ кладовой варенья всѣхъ сортовъ, о московскихъ дурачкахъ никто и заикнуться не смѣлъ. Чтобы довершить свое торжество, Анфиса Петровна еще попрекнула хозяина, что къ ней не заглядываетъ:

— Я вѣдь одна-одинешенька, скука смертная, не забудьте сироту, говорила она: — не взыщите, что угостить нечѣмъ, доходы мои маленькіе, только-только необходимое купить, чтобы съ голоду не помереть!

— Что вы беспокоитесь, сударыня! коли чего понадобится, пришлите къ намъ: чѣмъ богаты тѣмъ и рады, мы слава-богу съ запасцемъ живемъ... свои люди, сочтемся!

Пользуясь любезностью хозяина, Анфиса Петровна непременно обратилась къ запасцу Пуда Петровича, который всячески старался угодить своей постоялкѣ и при всякомъ требованіи обнаруживалъ неумѣренную щедрость: вмѣсто напоечки чайку посылалъ цѣлый фунтъ, вмѣсто блюдечка варенья — цѣлую банку, вмѣсто рюмочки наливки — цѣлую бутылку, вмѣсто нѣсколькихъ фунтиковъ крупчатой мучки — цѣлый мѣшокъ. Скоро онъ и навѣстилъ постоялку вечеркомъ, причѣмъ такъ засидѣлся у нея, что старая Авдотья начала сильно ворчать:

— Больно ужъ что-то эта стрекоза полюбилась ему; ой, чтобы грѣха какого не вышло, помалуй-господи!

Первое посѣщеніе вѣроятно очень понравилось Пуду Петровичу, потому что съ этихъ поръ онъ сталъ частенько посѣщать сиротку при всякомъ удобномъ случаѣ; нерѣдко Анфиса Петровна и посылала за нимъ.

Такъ прошло мѣсяца три. О платѣ за квартиру конечно и помину не было. Положеніе дѣлъ въ этомъ маленькомъ углѣкѣ бѣлаго свѣта значительно измѣнилось, начиная съ самаго хозяина, который видимо охладѣлъ ко всему, что прежде наполняло его жизнь. Впервыхъ исчезло его рвеніе къ обязанностямъ церковнаго старосты: церковь онъ посѣщалъ все рѣже и рѣже; уже не ходилъ самъ съ блюдомъ для сбора, возложивъ эту церемонію на Костоломова; вовторыхъ, замѣтно сокращалъ свое присутствіе на послѣобѣденныхъ собраніяхъ кружка, о шашкахъ и московскихъ дурачкахъ тутъ и рѣчи не было: впрочемъ и шашки вскорѣ отправились къ Анфисѣ Петровнѣ, какъ и иное другое изъ мебели. Лицо его постоянно сохраняло задумчивое, даже мрачное выраженіе, словно онъ былъ ничѣмъ не доволенъ, словно чувствовалъ ежеминутную тошноту, и большую часть времени проводилъ нашъ скопидомъ у своей интересной постоялки: какое выраженіе принимало лицо его тамъ.

и чѣмъ занимались они съ ностоялкой, — невѣдомо: играли ли въ шашки да въ московскіе дурачки, толковали ли о суетѣ мірской, читали ли душеполезныя книги, или иное что дѣлали, — объ этомъ исторія умалчиваетъ, тѣмъ болѣе что третьяго лица при этихъ бесѣдахъ не было, а собственныхъ записокъ ни Пудъ, ни Анфиса не оставили, слѣдовательно исторія не могла имѣть никакихъ источниковъ для своего справедливаго бытописанія, а путь догадокъ и предположеній, какъ извѣстно, очень скользкій путь, недостойный науки, пренебрегаемый ею. Но не пренебрегала этимъ путемъ, подобно наукѣ исторіи, смотрительша: эта милая дама догадывалась о виѣшательствѣ амура въ отношенія Пуда Петровича къ постоялкѣ ранѣе всѣхъ и почувствовала сильную зависть къ этой послѣдней, впрочемъ отнюдь не счастію имѣть такого любезнаго, какъ почтенный скопидомъ, а счастію пользоваться неограниченно запасцемъ такого запасливаго любезнаго. Зависть дотога грызла сердце этой милой дамы, что ей пришла въ голову весьма страшная идея: отбить у сиротки ея поклонника. Анна Савишна внимательно осмотрѣла въ зеркало свою сморщеную, бородавчатую физиономію и нашла ее еще весьма привлекательной на свой вкусъ (очень снисходительный вкусъ, особенно относительно себя), не обращая ни малѣйшаго вниманія на сѣдину, пробирающуюся въ жидкихъ волосахъ, и массивныя бородавки, усѣвшіяся совершенно не симметрически тамъ и сямъ; потомъ съ удивительной силой воли поборола угрызенія совѣсти, напоминавшей о супружеской вѣрности, наконецъ настроила свое воображеніе мечтами о куляхъ муки и цѣлыхъ головахъ сахару — и рѣшилась приступить къ дѣлу. Осторожная дама прежде всего начала дѣлать глазки своему хозяину и при всякомъ удобномъ случаѣ высказывать самую нѣжную къ нему привязанность, а наконецъ пригласила его къ себѣ чай кушать въ отсутствіе Ивана Петровича:

— Какъ ужь вѣдь я рада-то, Пудъ Петровичъ, что вы не побрезговали моимъ приглашеніемъ, говорила она, умильно глядя на хозяина: ~~тут~~ у меня ужь все сердце выболѣло, невиданши васъ больше медѣли... Вы вѣдь все не вѣрите вотъ, а я для васъ всѣмъ бы пожертвовала, право слово — даже жизнью... даже честью...

При послѣднихъ словахъ кокетка наша уперла свои очи въ полъ, но надо было видѣть физиономію Пуда Петровича, кото-

рый при всемъ уныломъ настроеніи духа, обнаружилъ совершенно несожданную для Анны Савишны веселость :

— Ха-ха-ха, Анна Савишна!.. ну ужъ на этотъ счетъ вы-съ можете быть покойны : на вашу честь едва-ли-съ кому придеть охота покуситься... ха-ха-ха!..

О неблагодарный ! какую злобу навлекъ ты на себя взамѣвъ нѣжнаго чувства, которымъ билось къ тебѣ сердце осторожной дамы... Тутъ только она сознала, что виды ея были пустыя, глупыя иллюзіи, и повѣсила носъ.

А дѣла Пуда Петровича и сиротки шли своимъ порядкомъ. Его крутая перемяна отозвалась на кружкѣ, имъ созданномъ: взглядъ на Анфису Петровну вдругъ измѣнился. Смотрительша, съ остервенѣніемъ истинной добродѣтели, говорила Авдотѣ :

— Какова наша Анфиса-то? что со старикомъ-то сдѣлала!.. обошла его, совсѣмъ обошла! какой смиренницей благочестивой прикинулась! думаешь — воду не замутишь, а тутъ нѣ-ко какую чертовщину — тѣфу, прости-господи мое согрѣшеніе! — надѣлала. Правду говорятъ, что въ тихомъ-то омутѣ да черти водятся! Чтой-то право, какой нынече народъ-то сталъ!

Смотритель только многозначительно покачивалъ головою, и этимъ покачиваніемъ заявлялъ, что въ головѣ его засѣло нѣчто весьма и весьма важное.

— Не говорите, матушка Анна Савишна! я ужъ видѣлъ, что не быть добру... отвѣчала Авдотья : — вѣдь обворовала она насъ, ограбила, совсѣмъ ограбила. Тутъ она оглянулась во всѣ углы и продолжала шопотомъ, наклоняясь къ уху смотрительши : — все перетаскала къ себѣ... вотъ и позавчера : цѣлую голову сахару снесли, почитай что непочатую. Я это и говорю самому-то : что это за порядки такіе, Пудъ-моль Петровичъ, понече стали? прежде головы-то намъ на мѣсяцъ хватало, а вышѣ то-и-дѣло за сахаромъ въ лавку бѣги! нахлѣбницу-моль какую нажили! — такъ вѣдь окрысился, матушка моя, какъ вѣлъ окрысился-то, избави-господи!

— Ахъ ты боже-мой, чудеса какія! Сколько лѣтъ мы у него живемъ, — фунтикомъ не попользовались, а тутъ цѣлыя головы летять!

— Ужъ недаромъ Костя-юродивый предрекаеть, что послѣдніе дни приходятъ, свѣта представленье скоро... разрѣшился наконецъ смотритель, все еще многозначительно покачивая голо-

вой и набивая свой большой носъ вонючимъ табакомъ. — И по газетамъ тоже видно: гдѣ-то тамъ звѣзда съ хвостомъ показалась, все слышь ниже да ниже, такъ хвостомъ-то и паровить нашу планиду прихватить... Известное дѣло, къ чему дѣло клонится, въ газетахъ ничего энтаго не изъясняютъ, а ты читай да и жотай себѣ на усъ...

Натурально, что вѣсть о необычайномъ переворотѣ въ жизни Пуда Петровича, о его соблазнительныхъ отношеніяхъ къ постоялкѣ, изъ кружка перескочила дальше, облетѣла весь городъ, и наконецъ сдѣлалась общимъ достояніемъ, вызывая многообразные толки, разсужденія и осужденія на голову почтеннаго скопидома. Солидные люди, особенно партнеры по бостону, рѣшились остановить, образумить Пуда Петровича, заблудившагося по проискамъ врага рода человѣческаго, сирѣчь дьявола, во образѣ нѣкоей вдовицы Анфисы, якобы сиротки, и обратились къ отцу протопону, какъ лицу весьма близкому къ нашему скопидому и притомъ пастырю, по сану своему обязанному блюсти нравственность своего стада. Но какъ дѣло было весьма щекотливое, то отецъ-протопонъ совершенно сконфузился; однако скрѣпя сердце и онъ рѣшился попрекнуть Расторгуева, что молъ ты церковь забываешь, за выгодами храма божьяго не блюдешь, какъ старость подобаетъ; но рѣчь его не имѣла успѣха, только въ разговорѣ, скопидомъ ловко намекнулъ, что тысячапудовое колоколо уже заказано.

Тѣмъ и кончилось вмѣшательство брякинскаго общества въ отношенія Пуда Петровича къ постоялкѣ.

Пудъ Петровичъ погибъ, умеръ такъ-сказать для общества и для прочихъ своихъ постояльцевъ, погибъ, хотя не во цвѣтѣ лѣтъ, но безвозвратно.

Среди всеобщаго негодованія, выразившагося многообразнымъ крѣпкословіемъ, былъ только одинъ человѣкъ, небросавшій ни одного камня въ сиротку, невозстававшій противъ нея ни единымъ словомъ: это былъ Борисъ Костоломовъ. Мы не видали его съ того дня, какъ къ нему явилась нежданная гостья, сестра Василиса, и когда онъ заключилъ союзъ съ Червячковымъ, а между тѣмъ въ это время Борисъ сильно измѣнился: на лицѣ, исхудаломъ, осунувшемся, выражалось какое-то внутрен-

нее страданіе; въ рѣчахъ, вмѣсто веселой болтливости, высказывалось болѣзненное нетерпѣніе, раздраженіе. Мучила ли его неизвѣстность развязки начатаго имъ дѣла съ Червячковымъ: деньги были ужъ получены, истрачены на покупку овса, которымъ нагружена новая полубарка, отправленная въ Архангельскъ подъ надзоромъ Петра Червячкова, и обѣдала хорошую прибыль. Произвела ли на молодого парня рѣзкое впечатлѣніе Анфиса Петровна, между прочимъ сильно напоминавшая лицомъ Надѣжу, и не она ли была причиною перемѣны въ приказчикѣ, также какъ и въ его хозяйствѣ? Увы! увлекшись рассказомъ о Судѣ Петровичѣ, мы совершенно упустили изъ виду его приказчика, не знаемъ ничего о немъ за это время и не беремся отвѣчать на эти вопросы.

Не веселое житье пало на долю Василисы: увы! даже домотаго хозяйства не было у нея подъ руками, чтобы отвести душу... Сухо, грубо обращался съ ней братъ, да и дома-то рѣдко бывалъ. Начинала-было она кое-какія знакомства заволить, да все люди-то не по душѣ приходились. Бѣдно, скучно жила она, съ утра до вечера работая, но не жаловалась, не думала выразу о возвращеніи въ Стобрюхово и терпѣливо заботилась о Борасѣ, когда онъ бывалъ дома.

Съ нѣкотораго времени замѣтное участіе стала принимать въ Василисѣ почтенная Тарелкишна, жалѣла о ея скудномъ житьѣ-бытьѣ, говорила, что смазливой дѣвкѣ грѣхъ такъ жить, и все звала къ себѣ.

Наступила зима; сердитый ноябрь сгоряча такъ заморозилъ, что брикинскіе дома затрещали, а отъ земли паръ стоялъ. Разъ вечеркомъ, кое-какъ кутаясь отъ морозу въ дырявомъ полушубкѣ, возвращалась Василиса домой съ работы: она шанималась у кого-то изъ чиновныхъ людей бѣлье стирать. Отъ морозу даже духъ захватывало, а рѣсницы (у Василисы были славныя черныя рѣсницы) такъ заиндевели, что слипались. Вдругъ навстрѣчу Тарелкишна.

— Куда, Василиса Андревна? Иззябла, голубушка: пойдѣмъ, спѣсвица, ко миѣ: чайкомъ позабудимся!

— Некогда, тетюшка, домой надо.

— И, некогда! домъ-отъ не уйдетъ! небось твоего Борисюшка-то и съ собаками не сыщешь, — забѣги на минуточку, спѣсвица!

Дѣлать нечего, Василиса зашла.

Въ комнатѣ, оклеенной пестрыми бумажками, уставленной разнокалиберными креслами и стульями съ кожаными сидѣньями, появился шипящій самоваръ, и было такъ тепло, такъ весело, что Василиса вздохнула—не отъ зависти, а отъ грустнаго воспоминавiя.

— Какъ же ты живешь-то, голубушка?

— Ой, ужъ какое мое житье, тетушка.

— Эка ты красавица! поди и людей-то не видишь, и молодость-то свою поразгулять не съ кѣмъ.

— Что дѣлать, тетушка, — доля значитъ такая написана...

— Полно, доля! какъ же другiя-то умѣютъ и погулять, и повеселиться, а куда супротивъ тебя! У иной ни кожи, ни рожки, а тоже голубчикъ водится, одѣваетъ какъ куколку: тѣшится себѣ, какъ сыръ въ маслѣ катается! Есть у меня знакомый баринъ, богатѣющiй, давно на тебя глаза тарашить. Хошь покажу, сейчасъ пошлю?

— Нѣтъ, нѣтъ, тетушка: мы, деревенскiя дуры, не приобычны къ эфтому.

— Вотъ вѣдь ты какая... Спѣсивиться будешь, такъ вѣкъ изживешь въ изодраномъ платьѣ... А какой баринъ-то! Я, говорить, ее какъ барыню одѣну, денегъ вволю... Да нечего и говорить: я пошлю за нимъ.

Къ Василисѣ привилась только одна городская черта: все хотѣлось ей нарядной ходить, наряды сильно соблазняли ее. Она ничего не отвѣтила.

— Ты только посмотри: не съѣстъ онъ тебя!

Баринъ, толстый и нѣсколько пьяный усачь-лѣбеничiй, явился немедленно.

— Здорово, Тарелкишна, забасилъ онъ: — эге! да какая у тебя красавица... того? онъ подмигнулъ хозяйкѣ, которая осклабилась:

— Спросите сами, баринъ... мое дѣло сторона.

— Вотъ такъ красавица! даромъ что платьице въ дыркахъ! Тебѣ бы, душенька, надо въ шелку ходить! А какъ тебя по имени назвать?

— Зовутъ зовуткой, а величаютъ уткой! сурово отвѣтила Василиса.

— Эге! да ты, голубушка, съ душкомъ! Полно, красавица,

подружись-ка со мной, такъ лучше будетъ, ничего не пожа-
лѣю!

Онъ влажными глазами посмотрѣлъ на Василису и мигнулъ
Тарелкишнѣ. Тарелкишна сняла самоваръ и пошла изъ комнаты.
Лѣсничій подсѣлъ къ Василисѣ и обхватилъ за талию:

— Полноте, баринъ, не дурачьтесь; языкомъ болтай, да ру-
камъ воли не давай! сказала она.

Но лѣсничій не отставалъ.

— Тетушка, гдѣ вы? громко сказала Василиса: — мнѣ до-
мой пора!

Отвѣта не послѣдовало, а неотвязчивый лѣсничій потушилъ
свѣчу, которая сильно нагорѣла и оплыла, но ему суждено было
на этотъ разъ потерпѣть совершенное пораженіе: Василиса силь-
но толкнула его въ грудь, вырвалась и черезъ полчаса была уже
дома. Никто не замѣтилъ бы въ ней ни малѣйшей перемѣны:
только знакомствъ она стала рѣшительно избѣгать и еще больше
дома сидѣть.

X

ЛИСЬЯ ШУВА

— Ну-ка ты, старая корга, кланяйся, да ниже! Въ ратманы
выбранъ, слышишь? велегласно провозгласилъ Червячковъ, вхо-
дя въ свое собственное, крѣпостное такъ-сказать помѣщеніе.

Жѣна его, еще вовсе не старая корга, чернобровая, здоро-
вая баба, въ это время совала въ печь горшокъ со щами, и при
словахъ мужа, съ весьма нерадостнымъ изумленіемъ вскинула
свои черные глаза на долговязую, сухопарую фигуру почтен-
наго лодочника, который, скинувъ свой нанковый длиннополый
кафтанъ, помѣстился у окна, гдѣ нашолъ ящикъ съ нѣжи-
скими корешками, и прилежно начинивалъ ими коротенькую тру-
бочку.

— Не съума ли ты сошолъ, Иванъ Васильичъ? Что ты ду-
ришь-то на старости лѣтъ? Ну какой ты ратманъ, съ твоей-то
телячьей головой, да съ пустымъ карманомъ!

— Ишь заголосила! горласта больно... ужь горласта ты у
меня, Павла Ивановна, охъ какъ горласта! Иванъ Васильичъ

залился тонкимъ хохотомъ, присѣкъ огня и закурилъ свою трубочку.

— То-то, не смѣйся, чтобы плакать не пришлось!.. экой ратманъ, одѣръ эдакой, — тьфу! продолжала Павла Ивановна.

— Баба ты, дура, свинья пескобленая! Ты слушай меня-то: разѣ я не отговаривался чтоли? охотой чтоли пошолъ? Заставятъ служить — такъ и служи! Ни крестомъ, ни пестомъ не отѣлаешься!.. Нѣтъ, дудки, чтобы я охотой-то пошолъ!

— Небось другихъ не заставили, другіе-то небось сумѣли себя выгородить... Не хочешь, такъ на арканѣ не потащатъ... ой, дураково поле!

— Другіе!.. другіе-то служили, а я гдѣ служилъ? слава-богу, до сихъ поръ все лыталъ да отбоаривался... Ну а съ другой стороны, — почему бы мнѣ и не быть ратманомъ? Въ другихъ городахъ купцы на эфту должность попасть нарываються, да шалишь, имъ говорятъ: рыло въ пуху! А мнѣ тутъ эдакая честь... Не хуже другихъ, небось, въ грязь лицомъ не удадимъ!..

— Охъ ты, дураково поле, дураково поле! А изъ ратмановъ-то куда сунешься, — въ свинопасы чтоли?.. дѣтей-то по міру пустишь, правотко пустишь.

— Ну-ну, баба! шабашъ! баста! помолота — и будетъ, повграла, такъ и за-щеку!.. Онъ помолчалъ съ минуту, подумалъ и продолжалъ снова: — Вотъ ужо Петруха изъ городу (т. е. изъ Архавгельска) пріѣдетъ, денегъ привезетъ! Разживемся не хуже Расторгуева! Я вѣдь тоже не промахъ парень-отъ... былъ молодой, глупъ, а теперь научился уму-разуму!

— Жди, скоро ли онъ пріѣдетъ! улита ѣдетъ — когда-то будетъ... Еще тпру-то не ѣдетъ, ну-то не везетъ... Не будетъ добра отъ твоихъ затѣй, говорила тебѣ — не будетъ, и теперь говорю. Плохо, видно, ты уму-то разуму научился: честнымъ-то манеромъ нажить не умѣешь, все не какъ люди дѣлаешь, на особицу! не дожить тебѣ до добра, помани ты мое слово: не будетъ ничего путнаго!

— Экъ наладила: не будетъ да не будетъ! а я говорю, что будетъ.

— А не будетъ!

— А будетъ...

— Посмотримъ, когда еще будетъ!..

— Ну и посмотримъ, нечего заранѣе и вздорить значить. Вотъ надо дѣло-то говорить : что женихъ—отъ нашъ ?

— Чгó женихъ ! Будто не знаешь, все тоже : пятьдесятъ рублей окромѣ приданого просить... не спускаетъ ни копѣйки мѣдной !

— Ну, значить и надо пятьдесятъ дать... Чтобы только промаха не дать, стоящей ли онъ человекъ—отъ ? невесту изъ хорошаго дома хочетъ взять, ратмана дочь — одно слово, самъ—отъ стоять ли того ?

— Чгó ты больно заносишься со своимъ ратманствомъ-то ? наплюетъ онъ на твое ратманство-то ! были бы денежки, такъ оно лучше бы. Парня ничѣмъ не цохаешь : живетъ домкомъ, одинъ какъ перстъ, на рыбѣ денежку добываетъ, и пятьдесятъ-то рублей просить, чтобы неводъ новый купить : старый-то, говорить, поизорвался, починивать слышь налызло... То ужъ выпивать выпиваетъ — всѣ говорятъ, а во-хвѣлю смиренъ какъ теленокъ.

— Ну, значить и ладно... Пятьдесятъ рублей у насъ наберется.

— Откуда они наберутся ?

— Откуда ? а что я тебѣ передавалъ на приданое-то ?

— То-то, значить я же все для дѣтей скопила : не будь меня-то, имъ и одѣться-то не-вочто бы.

— Ты ! а тебѣ не я чтоли давалъ ? вѣдь ты првстанешъ какъ банный листъ, не отвяжешься : « давай да давай », поволѣ дашь. Гдѣ у тебя деньги-то еще, не протерла ли имъ глаза ?

— Того и гляди ! съ тебя примѣры не беру : цѣлѣхоньки всѣ въ шкатулкѣ лежать, — три красненькия, да синенькихъ пять. Скажи спасибо, что сберегла : ты такъ точно протеръ бы имъ глаза, не съ чѣмъ бы и дочку выдать, хоть весь вѣкъ она въ дѣвкахъ сиди. Такъ по рукамъ чтоли ? надо рукобитье, а тамъ смотрины сдѣлать, чтобы дѣло толкомъ пошло.

— Ладно, ладно.

За разговоромъ ибжныхъ супруговъ внимательно слѣдила молодая, худощавая, видимо неизбалованная ибжностями со стороны родителей дѣвушка, которая сидѣла въ сосѣдней комнаткѣ обѣ одно окошко за пальцами. Рѣчь шла о ея участи, о замужествѣ ея за выползовскаго рыбака, который давненько

пригласилъ ей: лицо дѣвушки приняло радостное выраженіе при мысли, что дѣло на ладъ пошло: ей, также какъ и братьямъ, житье было незавидное, среди брани и колотковъ, а потому вырваться на свободу, пожить въ удовольствіе свое и веселіе на своей волюшкѣ, сильно хотѣлось.

Весьма странное обстоятельство разбило на нѣкоторое время надежды молодой мѣщанки.

На другой день послѣ предыдущей сцены, Червячковъ возвратился домой навеселѣ: новаго ратмана угощали, и новый ратманъ угощаль кое-кого, — нельзя, безъ этого неподобаешь... Это бы конечно ничего, не бѣда; но дѣло въ томъ, что возвратившись навеселѣ, почтенный лодочникъ повелѣлъ такую рѣчь къ своей дражайшей половинѣ:

— Послушай-ка ты, старая корга! Какъ же, теперя я ратманъ, такое лицо, выходить, почетное, — значить и держать себя должонъ прилично званію... Зима на дворѣ, а мнѣ и надѣтъ нечего. Это выходить дѣло-то дрянъ!

— Какъ нечего! а дубленка-то? что тебѣ еще, соболѣю шубу чтоли?

— Дубленка! Ты думаешь, и видѣну я дубленку! нѣтъ, шалишь! чтобъ насмѣхъ-то меня подыали! не хочу дубленки!..

— Ахъ ты, фря! Не хочу дубленки! Пуль-то Петровичъ не хуже тебя, а въ дубленкѣ ходитъ; было бы изъ чего и соболя завести!

— Знать не хочу я твоего Пуда! Онъ, подлець, меня обманывалъ всегда... Знать его нехочу! Лисью шубу сошью... Тарелкишна продаетъ старую лисью шубу, сорокъ рублей просить, — куплю, да на десять воротникъ новый смастачу, и буду настоящій ратманъ! пристыжу его, подлеца, скареда, крохобора эдакого! Въ двадцать разъ лучше всякаго Пуда буду!

— Полно, дураково поле! деньги-то гдѣ, глупая ты головушка?

— Деньги есть... деньги изъ шкатулки возьму... въ шкатулкѣ мои деньги, — что хочу съ ними, то и дѣлаю... Безъ шубы нельзя: безъ шубы какой я ратманъ? Куплю, безпремѣнно куплю; ужъ и задатокъ отдаю.

— Задатокъ отдаю! всплеснула руками Павла Ивановна: — а дочь-то чтоже? Женихъ-то чтоже?

— Женихъ подождетъ... плюю я на вашего жениха: онъ

рыбакъ, сволочь, — а я ратманъ... плевать я на него хотѣлъ! подождать, не велика спица въ колесницѣ.

Павла Ивановна ударилась въ слезы, но Червячковъ мало обращать вниманія на это, только посмѣивался тоненькимъ хохотомъ, да потягивая изъ коротенькой трубочки, отплеывалъ въ уголь.

— Вотъ Петруха прѣдетъ — деньги будутъ, говорилъ онъ: — большія деньги будутъ, за купца дочь выдамъ, за прѣзжаго купца, — нѣтъ! за чиновника, за секретаря, за дворянина, за помѣщика, чтобы души были!.. тьфу на рыбака!.. Слышь, Дунька, брось его, не смѣй и думать, нишки!

Слезы Павлы Ивановны нашли отголосокъ еще въ однихъ глазахъ, хорошенькихъ, плутоватыхъ сѣренкихъ глазахъ: дочь Червячковыхъ, сидя въ сосѣдней комнаткѣ за пальцами, вся поблѣднѣла, опустила голову, сжала зубы и зарыдала глухими, неслышными рыданіями; но не отъ горя, не отъ сдерживаемой любви, не отъ тихой, безропотной дѣвической тоски текли эти слезы: это были слезы безсильной злости, единственнаго чувства, обильно скопившагося въ сердцѣ подъ родительскимъ кровомъ и просящаго наконецъ выхода.

Когда наступилъ ноябрь и вся православная Русь облеклась въ нагольный тулупъ, Иванъ Васильичъ Червячковъ торжественно выходилъ изъ своего дома въ лисьей шубѣ, крытой синимъ сукномъ; съ огромнымъ краснымъ, какъ поляныя, воротникомъ, солидно облегающимъ его узкія плечи. Но несмотря на его самодовольство, на постоянныя гостѣбы и выпиванія по случаю ратманства, въ немъ жило неопредѣленное, смутное, но тѣмъ не менѣе мучительное безпокойство. Для этого существовали совершенно достаточныя причины: во первыхъ, доходы его значительно сократились, — ратманство прибыли не давало, а временя-таки брало немалую-толику, отъ дѣла отвлекало. «Скверно!» думалъ онъ подчасъ, почесывая затылокъ: «сѣзидилъ бы туда-то, сходилъ бы туда-то, нельзя! а лѣтомъ-то чтó будетъ, — хоть лоцмана особаго нанймай для лодки, пятьдесятъ рублей плати... скверно!» Вторыхъ, расходы возрасли потому, что ратманъ частенько обрѣтался въ обществѣ, на попойкахъ, — и у себя иногда долженъ былъ устраивать такія же; а третьихъ, сына Петрухи долго не было: «и не пишетъ, прахъ его возьми! думалъ нашъ ратманъ: ни слуху, ни духу, — сгинулъ да пропасть,

какъ въ воду кануль!..» Томимый этими безпокоѣствами, онъ старался залить ихъ виномъ, думая такъ: «только поправлюсь, дождусь Петрухи, — закаюся, въ ротъ не возьму; а теперь не могу, выпью».

— Чтоже это будетъ-то, Иванъ Васильичъ? спрашивалъ Костоломъ, встрѣтивъ его поздно вечеромъ, возвращающагося изъ гостей: — срокъ небольшо далеко, надо денежки въ банкъ взносить.

— На дняхъ долженъ быть, Борисушка, на дняхъ... Говорилъ тебѣ: письмо получилъ, отвѣчалъ Червячковъ, хотя никакого письма на самомъ дѣлѣ не было, и самъ онъ чувствовалъ сильнѣйшую тревогу, потомучто до срока оставалось уже очень мало времени... Если да съ сыномъ какой грѣхъ приключился, взвести деньги будетъ рѣшительно не-изъ чего, — и тогда — о ужась! — острогъ, острогъ, позоръ неминуемый, разоренье на все семейство... Отъ этой мысли Ивану Васильичу такъ жутко, такъ жарко стало въ лисей шубѣ, что онъ бросилъ бы ее на дорогѣ, кабы не близко домъ былъ. Въ мрачномъ расположеніи духа вернулся онъ домой, снялъ шубу, бросилъ ее на лавку и закурилъ трубочку: горько!.. по кожѣ мурашки пробѣжали, волосы на головѣ кажется шевелились... Въ горницѣ горѣла и трещала лучина, да и та угасала, потомучто уже всѣ спали, а Ивану Васильичу не до того было... Наконецъ онъ всталъ, пошолъ, шатаясь словно пьяный, черезъ силу раздѣлся и хотѣлъ лечь на печку, уже закинулъ одну ногу, но снова сошолъ и громко зачиталъ, глядя на иконы, свою единственную молитву, переданную ему еще старикомъ-дѣдомъ. Вдругъ у дверей слышался стукъ, — Иванъ Васильичъ вздрогнулъ, чуть не вскрикнулъ отъ какого-то паническаго испуга, и только при второмъ ударѣ въ двери опаматовался и отперъ крючекъ: показался Петруха.

— Петруха! вскричалъ Червячковъ тѣмъ крикомъ радости, который издають люди, когда отъ сердца что-называется отваливается тяжелый камень: — слава тебѣ Господи! (Червячковъ перекрестился)! дождались наконецъ!

Петруха вошолъ въ горницу и помолился на иконы.

— Позамѣшкался... Ну какъ дѣла-те? много ли денегъ-то привезъ?

Петруха молчалъ, снимая изодраный полушубокъ.

— Шонѣ, говорятъ, цѣны были хорошія, барышнымъ годъ, сказываютъ.

Петруха уже снялъ полущубокъ и неторопясь, солидно, съ увѣренностью полѣзъ въ карманъ, — и вдругъ на лицѣ его изобразился испугъ: «гдѣ же бумажникъ-отъ?» вскричалъ онъ: «неужто я обронилъ? что за дьявольщина, прости-господи! въ повоакѣ цѣтъ ли?»

Червячковъ поблѣднѣлъ и затрясся всѣмъ тѣломъ; бросились въ повозку: денегъ не оказалось.

Не знаемъ, справедливо ли, основательно ли это было, но Червячковъ не повѣрилъ сыну: «врешь ты, сукиннъ котъ: прокутилъ ты деньги!» крикнулъ онъ громовымъ голосомъ, подступая къ Петрухѣ съ поднятыми кулаками, такъ что жена и дочь въ однѣхъ рубахахъ, соскочили съ постелей: — «врешь! признайся, или убью, на мѣстѣ пришибу!»

— Виновать, бачка!.. промолвилъ сынъ въ ужасѣ, падая въ ноги къ отцу.

— А! и ты туда же!.. въ бѣшенствѣ закричалъ Червячковъ и бросился на Петруху.

Кроваво кончилось это свиданіе отца съ сыномъ послѣ долгой разлуки: и того, и другою полумертвыхъ уложили — одного на-печь, избитаго до безчувствія, другого на лавку, бывшего до истощенія собственныхъ силъ.

XI

ПОСТОЯКА-СИРОТКА

Описывать ли читателю ужасъ Костоломова, когда онъ узналъ развязку дѣла: тюрьма, тюрьма ждала его. Оставалось только три мѣсяца до срока. Червячковъ, непощадившій и послѣдняго сына своего, сдалъ Петруху въ рекруты и хлопоталъ изо всѣхъ силъ, чтобы добыть денегъ, обращаясь къ Расторгуеву, но все было напрасно. Упавъ дукомъ, онъ зашилъ окончательно. Такой же отказъ со стороны скопидома встрѣтилъ и Борисъ. Время, какъ нарочно, летѣло стрѣлой, отчаянію нашего переселенца предлѣвъ не было; Василевса ходила какъ убитая...

Прошла зима; стало весной пахнуть... Все было попрежнему въ домахъ и: одинокимъ скопидома, такъ же сѣтовали смотрители

се смотрительшей, такъ же шпотошъ жаловалась старая Авдотья. Пудъ Петровичъ забросилъ всё дѣла, забыть торговлю, помнить только объ одной постоялкѣ, которую посѣщала ежедневно и держала ужь рѣшительно на подножномъ кормѣ. Въ городѣ толковали о его женитьбѣ, но это были слухи, родившіеся въ воздухѣ, атмосферный осадокъ, не болѣе.

Привезли наконецъ и тысяча-пудовой колоколъ, на который четко было отчеканено имя виновника его существованія, и подняли его на соборную колокольную, при огромномъ стеченіи народа: день былъ торжественный, незабвенный въ лѣтописяхъ града Брякина... И загулъть новый колоколъ звонкимъ, густымъ, серебрянымъ звономъ, далеко-далеко, на пятьдесятъ верстъ въ округности... И чудилось суевѣрной толпѣ, будто выговаривалъ новый колоколъ своимъ мѣднымъ языкомъ: Пудъ! Пудъ! Пудъ! — а маленькіе-то колокола подхватываютъ: Пудъ Петровичъ! Пудъ Петровичъ! Расторгуевъ, Расторгуевъ!..

Но ничто не радовало Пуда Петровича, и къ голосамъ колоколовъ онъ оставался такъ же глухъ, какъ къ голосу народа и къ голоеу собственнаго здраваго смысла.

Еще разъ попытался Червячковъ умолить своего бывшего товарища, но тщетно... и онъ спокойно, понуривъ голову, пошелъ въ острогъ.

Бориса ждала таже участь... Боже мой, что дѣлать? на что рѣшиться? Онъ машинально взялъ шапку, вышелъ изъ дому и вдругъ со всѣхъ ногъ побѣжалъ въ Выползово. Нѣсколько дней его искала брякинская полиція, и не находила... Расторгуевъ только изъ сожалѣнія (у него была же малая толика этого чувства) не выгонялъ Василису, которой видимо покровительствовала постоялка-сиротка, и пуще приставала къ стобрюховской красоткѣ Тарелкишна, но всѣ приступы почтенной вѣкошницы на этотъ разъ, къ немалому ея удивленію, оказывались бессильны.

Весна, какъ извѣстно, самое безпокойное время для любви; пословица говоритъ даже о какихъ-то симпатическихъ сближеніяхъ щечекъ въ эту томительную пору. Безпокойное весеннее томленіе, какую-то необычайную тоску испыталъ и Пудъ Петровичъ въ одну ясную, весеннюю ночь... Сталъ онъ молиться, чтобы затѣмъ лечь на свое одинокое ложе, какъ вдругъ что-то подступило подъ сердце и оно заняло-заняло, словно высо-

чить просилось. Неокончивъ молитвы, вышелъ нашъ скопидомъ на дворъ, какъ былъ, въ одномъ халатѣ, повязавшись кожанымъ кушакомъ. Ночь была совершенно ясная, неподвижная, безъ малѣйшаго вѣтру, пропитанная ядовитымъ, бѣднымъ апрѣльскимъ холодкомъ; лужи подернулись тонкой слюдой, по тротуарамъ и крышамъ серебрился легкій иней, а мѣсяцъ глядѣлъ неподвижно, упорно, какъ человѣкъ, выпучившій глаза и упершій ихъ на одну точку. Несмотря на холодъ, Пудъ Петровичъ обошелъ свои владѣнія со всѣхъ сторонъ и подходилъ къ квартирѣ Анфисы Петровны съ совершенно глухой стороны, противоположной его собственному помѣщенію и входу въ обиталище интересной постоялки; Пудъ Петровичъ остановился въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ флигеля и въ задумчивости прислонился къ забору, и вдругъ сердце нашего скопидома замерло... видитъ онъ: кто-то подошелъ къ флигелю и началъ осторожно стучать въ окно. Пудъ Петровичъ сталъ всматриваться и узналъ своего приказчика, Бориса Костоломова. «Зачѣмъ бы ему стучать тутъ? нешто Василису увидеть хочетъ?» подумалъ, и въ головѣ его началъ подниматься какой-то сумбуръ, какъ вдругъ окно открылось, Борисъ ловко прискочилъ и исчезъ въ квартирѣ сиротки, послѣ чего окошко немедленно захлопнулось... Какая-то дрожь стала принимать нашего ночтеннаго скопидома... Щелкая зубами отъ внутренняго и внѣшняго холода, онъ осторожно подобрался къ окну и заглянулъ въ него... Что видѣлъ онъ тамъ, при мерцаніи одинокой, тусклой свѣчки, мы не вѣдаемъ; намъ извѣстно только, что Пудъ Петровичъ вдругъ побѣжалъ прочь отъ флигеля, прямо къ своему помѣщенію. Навстрѣчу ему, крестя свой зѣвающій ротъ, вышла Авдотья: «бѣги скорѣе! сказалъ ей Пудъ Петровичъ: у постоялки у Анфисы Костоломовъ... поймать его, въ острогъ скорѣе!» и, нераздѣваясь, легъ въ свою одинокую постель. Авдотья, недоумѣвая, что такое случилось, побѣжала за совѣтомъ къ смотрительшѣ, которая разбудила мужа, уже давно-храпѣвшаго.

— Народъ надо скликать... сказалъ старикъ, протирая глаза: — къ исправнику пошли, старуха, за людьми... бѣлаго схватить надо, да въ острогъ, да и ее тоже, голубушку!

На дворѣ поднялась суматоха; кто-то изъ исправнической женской прислуги, чувствуя особенное расположеніе къ постоялкѣ-сироткѣ, далъ ей знать, что къ ней придутъ кого-то ло-

вить. Вѣсть была передана кстати; открылось окно, выходящее на улицу, и Борисъ выскочилъ изъ него... Когда Костоломовъ благополучно выбѣжалъ за городъ и легъ между кустами, въ головѣ его поднялся страшный хаосъ: Что дѣлать? какъ ни бѣгай, а рано или поздно попадешься! Лучше ужь дѣла не портить, — самому добровольно сдать; но сидѣть въ тюрьмѣ... Боже мой, Боже! Толи дѣло въ Стобрюховѣ! Жилъ бы да жилъ себѣ въ довольствѣ, безъ хлопотъ, безъ лишнихъ затѣй, женился бы, — то-то славно! Да кабы женился на Надѣжѣ, — и богатъ былъ бы! лучше этого скареда Расторгуева зажилъ бы! Первымъ бы человѣкомъ въ волости сталъ! А жена-то какая: Анфиса и въ подметки не годится!.. ахъ, хоть бы взглянуть-то на эту Надѣжу, на родное Стобрюхово! Имъ овладѣло упорное желаніе побывать на родинѣ, еще разъ взглянуть на Стобрюхово, на Надѣжу...

— Пойду! мелькнуло въ его головѣ. — Буль что будетъ, а пойду!..

Черезъ нѣсколько времени онъ постучался къ Курицыну, отдалъ ему послѣдній четвертакъ за каравай хлѣба, который уложилъ въ мѣшокъ, и пустился въ путь.

На другой день громогласно зазвонилъ тысяча-пудовой колоколъ къ заутрени, зазвонилъ и къ обѣднѣ: не встаетъ Пудъ Петровичъ со своей одинокой постели. Въ безпокойствѣ входитъ къ нему старая Авдотья: «Пудъ Петровичъ! а Пудъ Петровичъ! къ обѣднѣ звонятъ!» Но Пудъ Петровичъ зацѣпъ такую ахиною, что Авдотья сочла за нужное перекреститься и его перекрестила: не помогло. Въ страшномъ испугѣ побѣжала она къ смотрительшѣ, которая въ свою очередь не меньше напугалась. Послали за лекаремъ и за отцомъ протопопомъ. Оказалось, что для нашего скопидама приблизилась послѣдній часъ...

А колоколъ звонилъ на пятьдесятъ верстѣ въ окружности, и люди на пятьдесятъ верстѣ въ окружности разбирали: «Пудъ, Пудъ, Пудъ!» Пудъ Петровичъ не внималъ этому голосу, не наслаждался своимъ твореніемъ: онъ въ безпамятствѣ кончалъ жизнь свою...

Умеръ человѣкъ, кончилась жизнь, — и никто во всемъ городѣ не спрашивалъ: зачѣмъ онъ жилъ?

Плакала старая Авдотья, плакала смотрительша, плакалъ сѣдловласый смотритель, плакалъ отецъ протопопъ, читая надъ

гробомъ назидательное слово, дакая и многіе другіе... Странно, что съ этого дня тысяча-пудовой колоколь совершенно явственно выговаривалъ: бомъ, бомъ, бомъ!

XII

ОПЯТЬ НА РОДИНѢ

Вечерѣлъ довольно свѣжій апрѣльскій день; по небу откулато пошли бродить большія лиловыя облака, золотомъ отливаясь при блескѣ заходящаго солнца, — и вдругъ прыснулъ крупный холодный дождь вперемежку съ задорной крупкой... Какъ знакома Борису эта улица, эти избы, дадо замѣнившіяся во время его отсутствія! тѣ поклонились, закрепились на бокъ и приняли сѣрый цвѣтъ ветхости, доживающей послѣднее время своего существованія; тѣ обдвоились, — окна подкрашены, крыша подновлена, передъ опушонъ тесомъ. Какъ знакомы эти вѣтвистыя рябины, на которыя бывало лазилъ онъ еще ребенкомъ, когда осенью онѣ покрывались сверху до низу кистями красныхъ, какъ корольки, ягодъ и на нихъ налетали стада свистѣлей, трепещущихъ своими цестрыми крылышками, приопылявшихъ свои пепельные хохлы: теперь эти рябины только-что распустились и листь на нихъ небольшою полущки... Господи, какъ все знакомо, какъ мило, какъ манитъ, какъ влечетъ къ себѣ послѣ долгого отсутствія! Остался бы тутъ на вѣкъ, жилъ бы себѣ спокойно, безпечально... И вдругъ страшная тоска защемила сердце Костоломова, засосала его какъ змѣя лютая: онъ провелъ рукой по лбу, словно хотѣлъ разгладить морщины, отпечатлѣвшіяся вдоль него, и пошелъ впередъ ускоренными шагами. На завалинкѣ сидитъ старикъ: Господи, да это дѣдушка Ипатычъ, онъ еще живъ! Еще больше согнулась его спина, еще голѣе сталъ его черепъ, а нѣсколько уцѣлѣвшихъ ключевъ волосъ приняли какой-то желтоватый, кремневый цвѣтъ... Преодолимое чувство влекло Бориса къ старику, и онъ безсознательно подошелъ къ завалинкѣ: «дѣдушка Ипатычъ, доброго здорovia!»

— Кто тутотко? — шафкая спросила старикъ, и тутъ только замѣтилъ Борисъ, что дѣдушка Ипатычъ уже совершенно ослѣпъ: безцвѣтные, безжизненные, какъ у мертваго, глаза уже

не глядѣли: «экъ до чего дожилъ, старина!» подумалъ Борисъ и назвалъ себя. «Бориска! Костоломовъ! ты?! не къ братану ли на побывку? Нѣшто васъ, новобращецъ-то, отпускають?»

— Какихъ тебѣ новобращецъ, развѣ я солдатъ чтоли, дѣдушка! отвѣчалъ Борисъ, и нехорошее чувство зашевелилось на душѣ его: — Кой чортъ тебѣ въ голову лѣзеть? изъ ума что ли выжилъ?

— Какъ же такъ, вѣдь на васъ очередь, помянется, была?

— Какая тамъ очередь! братъ мой у васъ одиночка, а я не вашъ — мѣщанинъ.

— Ой вспомнилъ, вспомнилъ... Ну все равно, безъ очереди уйдешь, коли отъ очереди улизнуть: вѣрно такъ!

— Ахъ ты, плѣшивый олухъ! какъ навѣрно: развѣ купцовъ берутъ въ рекруты — держи карманъ! У меня капитала десять тысячъ, судио свое... держи карманъ, чортова кукла! озлобленно отвѣчалъ Борисъ.

— Все едино-единственно! уйдешь, голова, уйдешь, это ужь такъ! продолжалъ старикъ, кряхтя поднялся съ завалинки и побрегъ прочь.

— Экой поскудный, лѣшій! уйду — дожидайся, послѣ дождичка въ четвергъ! Борисъ судорожно захохоталъ. Эта встрѣча совершенно нарушила то свѣтлое впечатлѣніе, которое произвелъ на него видъ родимой деревни: все стало противно, все злило, бѣсило и наводило злобную тоску. Съ тѣми же нехорошими чувствами увидѣлъ онъ новый двухэтажный домъ, подобныхъ которому прежде въ Стобрюховѣ не бывало: онъ тотчасъ догадался, чей этотъ домъ.

— Здѣсь живетъ Прохоръ Костоломовъ? спросилъ онъ у бабы, выливающей изъ окна помои.

— Костоломовъ? да ты нездѣшній чтоли? Поди на суди? по дѣламъ чтоли какимъ?

— Я братъ его.

— Братецъ! Прохору-то Андреичу братецъ? Ахъ ты Господи! Ну ужь бы не узнать, нипочемъ не узнать! Некакъ его дома-то нѣтути, надо въ амбаръ сбѣгать.

— Да гдѣ у васъ амбаръ-то, не бѣгай, я самъ схожу.

— Самъ? усталъ поди съ дороги-то. Проходи вверхъ-то, родной мой, я ужотко самоварчикъ наставлю, да наразъ его старкаю.

— Да ты кто?

— Я-то? я въ работницахъ у нихъ, у брата-то живу, каза-чиха. Какъ они съ сестрицей-то повздорили, а у хозяйки-то дѣти пошли, такъ работницу и стали наймовать.

Борисъ взмолился на крыльцо, поднялся по лѣстницѣ и очутился въ свѣтлой горницѣ, съ городской, хотя жесткой мебелью, съ геранями и бальзаминами на окнахъ. Онъ поправилъ свой поистасканный кафтанъ и призадумался.

— Экъ разжился, просто купцомъ живеть! не хуже ничѣмъ Расторгуева, и все-то нажилъ безъ опаски, въ покоѣ. Жена-красотунья, хлѣбомъ амбары, я чай, ломаются, денегъ вволю, домъ словно купецкій — живи себѣ въ удовольствіе, какъ сыр въ маслѣ катайся! А я-то, я-то!.. анаемщина! еще мѣщаниномъ записался!.. Какъ я о себѣ скажу? распрашивать начнетъ, придетъ Надѣжа, что я имъ отвѣчать буду? прахъ ихъ возьми, низачто правды не скажу, не вымолвить, языкъ не повернется!.. да что пользы и врать-то?.. нѣтъ, выпочемъ не вымолвишь, будь что будетъ!

Размышленія Бориса были прерваны: солидной, степенной поступью вошелъ Прохоръ; онъ раздобрѣлъ, отростилъ окладистую бороду и смотрѣлъ вовсе купцомъ.

— Вотъ гость-то неожиданный-негаданный! здорово, братъ; ужъ обрадовалъ, истинно обрадовалъ!

Братья расцѣловались.

— Садись-ка, садись, гость дорогой! Жена, ай, чаю поскорѣе, самоварчикъ сюда!.. Откуда къ намъ, другъ любезный, какимъ вѣтромъ занесло? вотъ ужъ не думалъ, не гадалъ!

— Съ судномъ пришло... бухнулъ очертя-голову Борисъ:— судно тутъ у меня, верстахъ въ трехъ стало, ну и привериуль: давно-молъ не видѣлъ, посмотрю, какъ живутъ, что новенькаго, на племянниковъ погляжу... двое аль трое?

— Трое, трое, все молодцы на подборъ, одинъ другого лучше. А ты все еще обабиться не надумалъ?

— Нѣтъ, братъ, нѣтъ! Хочу еще погулять, да поразжиться. Вотъ ты такъ разжился, дѣлишки свои устроилъ, домъ какой поставилъ, поди въ тысячу не одну въѣхалъ... Какими дѣлами нонѣ занимаешься?

— Да живу такъ въ холѣ, нечего Бога гнѣвить... Дѣламъ-то какимъ? какъ тебѣ, братъ, сказать... главное значить дѣло мое

съ рогомъ : рогъ мнѣ изъ Питера присылають, а я въ обдѣлку его раздаю, оборотъ большой, тысячи на четыре серебромъ ; а второе — землю купилъ, такъ обрабатываю; безъ земли нельзя. Ничего таки, дѣла идутъ. Какъ ты живешь, всежь у Расторгуева служишь? Василиса-то какъ живетъ? ушла отъ насъ, оставили—нѣтъ! наладила къ Борису, да къ Борису! ну-могъ съ-богомъ, коли наша хлѣбъ-соль опротивѣла!

Борисъ хотѣлъ отвѣчать, въ головѣ его мелькнула мысль такого рода : скажу брату всю правду-матку ; хуже не будетъ, авось еще и поможетъ, благо есть изъ чего, пожалуй все дѣло поправится. Но въ это время вошла хозяйка : Надѣжа расцвѣла еще лучше прежняго, сдѣлалось красивой, осанистой женщиной; она нѣсколько располнѣла, щеки покрылись яркимъ, здоровымъ румянцемъ, а глаза подрисовались и подтянулись влажной поволокой.

Борисъ, неловко поздоровался съ ней, и нѣсколько смѣшавшись отвѣчалъ :

— Василиса живетъ у меня какъ барыня, что ей! заботушки мало, отказу ни въ чемъ нѣтъ, чего хочеть того просить... Я теперя тоже завелъ свою торговлю: спервоначалу въ кампаніи велъ торговлю съ Червячковымъ, а теперя записался въ купцы, свое судно въ Питерь отправляю — коли богъ-дасть счастливо дѣло пойдетъ, тысячи три-четыре думаю чистаганомъ нажить.

— Чайку, братецъ, покорно прошу! сказала Василиса, подавая чай : — а съ чѣмъ судно ваше?

— Со льномъ и съ пражей... Мнѣ таки дешево удалось товару позакупить, только, бы съ рукъ спустить повыгоднѣе, отвѣчалъ Борисъ, принимая чай и жадно впиваясь глазами въ красивую сноху.

— А вотъ и молодцы наши бѣгутъ! сказалъ Прохоръ : — эй, Васютка, Микалка, Ваня, подьте сюда! дядя къ намъ въ гости пожаловалъ, покажитесь-ка ему, балунишки!

Эти слова относились къ дѣтямъ : двое изъ нихъ бойко вбѣжали въ горницу и поздоровались съ Борисомъ. Это были двойняшки, здоровые, веселые мальчики, а третьяго внесла пѣстунья-дѣвочка лѣтъ пятнадцати : этотъ перепугался чужого лица и запросился къ матери.

— Поди, балунъ эдакой, поздравойся съ дядей! сказала мать, улыбаясь ребенку и принимая на руки, но мальчикъ прят-

тался у ней на грудь, даже собирался расплакаться. — Экой нюня, разрюмился ужь, продолжала Надежа: — поди же къ отцу; онъ тебя покачаетъ!

Прохоръ не отказался, взявъ ребенка подъ мышки и сталъ его качать, распѣвая: «поѣхали съ орѣхами, поскакали съ колпаками», на что тотъ отвѣчалъ разсыпчатымъ дѣтскимъ ходомъ.

— Однако соловья баснями не кормятъ, сказалъ наконецъ хозяинъ: — подай-ка намъ, Надежа, чего-нибудь хмѣльного, позабористѣе, настоячки какой-нибудь; да пожалуй ужинать, да и на боковую можно: братъ усталъ-поди съ дороги, да и я умялся сегодня, — выхراпку знатную задамъ!.. Вѣдь ты, братъ, погостишь у насъ?

— Погостите, братецъ, подхватила Надѣжа: — посмотрите на наше житье, да и намъ-то дайте на васъ насмотрѣться!

— Переночевать могу, а поутру-то ужь въ дорогу надо... Вотъ назадъ поѣду, такъ подольше погощу, а теперя время дорого... некогда.

— Ну нечего дѣлать... Давай же, Надѣжа, давай намъ чего-нибудь, да ужинать собирайте.

Вскорѣ хозяйка вынесла два графинчика съ жидкостями разнаго цвѣта, да два стаканчика.

— Милости просимъ, выпьемъ-ка, братъ! сказалъ Прохоръ, наливая стаканчики.

Борисъ непременно воспользоваться: со словами «будьте здоровы!», залпомъ глотнулъ свѣтло-коричневую влагу и отплюнулъ.

Прохоръ тоже сдѣлалъ, но на свой ладъ: «спасибо! сказалъ онъ: — эй душа, посторонись!» и вытянувъ настойку мелконькими глотками, только крикнулъ.

Затѣмъ братаны помолчали.

— Значитъ слава-богу, оба мы въ некрута не попали и дѣло повели какъ лучше невадо; живемъ себѣ въ удовольствіе, другимъ на пользу, можно и выпить! заговорилъ Прохоръ, самодовольно поглаживая бороду и снова наливая стаканы.

— Н-да! мрачно отвѣчалъ Борисъ, поспѣшно хватаясь за стаканъ и старымъ порядкомъ осушая.

— Кутить, такъ кутить! подавай стакашко-то! продолжалъ

Прохоръ, подавая и гостю и себѣ. Лицо Бориса прояснилось, но мѣръ того какъ хмѣль забирался въ голову.

— Н-да! сказалъ онъ: — для чего не выпить? можно, бы-
лобы изъ чего! Вотъ ужъ съѣзжу въ Питеръ, лень продамъ,
закуплю товару, въ гильдію запишусь, то-есть во вторую, потому
я теперь по третьей числюсь; лавку свою заведу, буду первымъ
купцомъ въ городѣ, право слово такъ, вѣрно! Тогда, братъ,
пріѣзжай ко мнѣ отгащивать, слышишь, и съ Надёжей пріѣз-
жай, — угощу на славу! Да не сивухой, не настойкой, братъ,
а мадерой, и то не простой — дремадерой!.. Ну а теперь
и сивухи можно! подеревенски! Онъ ужъ самъ взялся за гра-
финь.

— Что мадера! отвѣчалъ Прохоръ: — ну ее къ лѣшему!
пустое! Толи дѣло эта штука — и дешево, и забористо...
Ты думаешь, неначто мнѣ мадеры купить чтоли? нашли бы, да
прахъ ее возьми! Вотъ тутъ въ бумажникѣ (онъ хлопнулъ по
боковому карману) на пятьсотъ рублей депозитокъ. Нашли бы
на что, да тѣфу!

— Въ головы выберутъ, весь городъ на поклонъ придетъ, —
всѣхъ спою! перебилъ Борисъ: — побарски заживу, всѣхъ за-
воюю заткну! Губернаторъ на ревизію пріѣдетъ, — и губернатора
угощу! пей, али за шиворотъ вылью!

— Въ головы! на кой бы прахъ я въ головы пошолъ! под-
хватилъ Прохоръ. Братаны ужъ перестали слушать другъ друга
и голосили, кто во что гораздъ: — чтобъ раззоръ да убытки нести,
вѣтъ, братъ, стой! плюю я на эту службу! упрсомъ проси —
не пойду! Безъ этаго вальготнѣе: живи да деньги наживай,
живи въ свое удовольствіе!

Когда Надѣжа стала звать братановъ къ ужину, они были
уже зѣло пьяны, махали руками и говорили безъ умолку, нео-
бращая вниманія другъ на друга.

— Экой ты, братецъ, счастливецъ: вишь какая у тебя жена-
то, — краля бубновая! сказалъ Борисъ, обхватывая Надѣжу за
талію: — была бы моя, Надѣжа, кабы... право краля!

— Полно, братецъ, дурить-то! рукавъ воли не давай, ужи-
нать вотъ пора! отвѣчала Надѣжа, отбиваясь отъ родственныхъ
любезностей.

— Эка, недотрога, словно я тебѣ чужой: можно бы по ста-
рой памяти приласкать.

Въ это время Прохоръ, пьяный до положенія ризъ, все искалъ двери и никакъ не могъ найти.

— Вѣдь можно бы? продолжалъ Борисъ.

— Говорю: не потрошь, не замай! отваливай, отваливай!

— Неужто забыла своего Бориса? забыла? нѣтъ, я небось не таковъ, могъ бы стотысячную купчиху подлѣтъ, да помысленной не было, не захотѣлъ, — а все тебя помнивши, любовь твою прежнюю помнивши!.. Хоть бы поцѣловала попржнему.

— Ну полно же, полно!, знаешь, кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ... отваливай, отваливай, экой падежь!.. Надѣжа начинала сердиться и должна была дать хорошаго толчка, чтобы отдѣлаться отъ любезнаго братца.

— Экой звѣрь какой! забурлилъ Борисъ: — видишь, какъ толкается! Меня-то, купца первой гильдіи! Пстой же, я тебѣ припомню! Я васъ въ бараній рогъ согну! Мужики, мужланы, навозное рыло, псы, чтобъ васъ розорвало!

Много хлопотъ было молодой хозяйкѣ уложить мужа и гостя. Кое-какъ Бориса спровадили въ маленькую коморку, — но едва онъ остался одинъ, что-то безпокойное зашевелилось въ его умѣ, словно ему надо было что-то вспомнить; нѣсколько минутъ онъ не могъ поймать это что-то, наконецъ вспомнилъ... и половина хмѣля выскочила изъ головы: онъ упалъ на подушку и глухо зарыдалъ. Рыданія продолжались до тѣхъ поръ, пока безпокойный, тревожный сонъ, исполненный страшныхъ грѣвъ, не одолѣлъ Бориса. Еще солнышко не вставало, а меньшакъ Костоломовъ уже вскочилъ съ постели; голова его трещала, внутри ея царствовалъ безпорядочный хаосъ: то представлялся ему Брякинъ, со всѣми ужасными воспоминаніями, то братъ съ его самодовольнымъ видомъ, хлопающій по боковому карману: «вотъ тутъ въ бумажникѣ пятьсотъ въ депозиткахъ лежить!» то жена его, красивая, здоровая Надѣжа. Зависть, ужасъ и отчаяніе переполнили душу; Борисъ чувствовалъ страшное, адское мученіе: голова горѣла какъ въ полымѣ, дыханіе спиралось, на сердцѣ залегъ тяжелый-тяжелый камень, и сухіе, напряженные глаза блуждали какъ у сумасшедшаго...

Когда солнышко поднялось уже довольно высоко и въ домѣ Прохора Андреича Костоломова уже всѣ были на ногахъ, исключая и хозяйина, который хотя всталъ и съ тяжелой голо-

вой, но успѣлъ и опохмѣлиться, и въ анбаръ съ рогомъ поваѣдаться, — хозяева рѣшились освѣдомиться о Борисѣ, заглянуть къ нему въ коморку; правда, что городовые купцы любятъ попѣжиться, но вѣдь пробило ужъ восемь часовъ: въ это время и барамъ вставать, такъ въ пору, не до полдня же дрыхнуть! Заглянули въ коморку — и ахнули: Борисъ висѣлъ на веревкѣ, привязанной къ перекладинѣ, съ посинѣвшими лицомъ и вылупившимися глазами. Онъ не вынесъ мученій зависти и тоски: повѣсился...

XIII

ПРИДЪЛАННЫЙ ХВОСТЪ

(ВМѢСТО ЭПИЛОГА)

Рѣки только-что вскрылись и очистились ото льда, какъ лодка Червячкова, уже проданная другому мѣщанину, совершила первый рейсъ до губернскаго города и возвращалась въ Брянскъ. Весна расцвѣла въ полномъ блескѣ; выпалъ денекъ такой сіяющій, свѣтозарный, веселый, подобный которому легко встрѣтить только въ поэтическомъ мірѣ Фета. Легко и скоро пыла лодка съ надутымъ парусомъ, и весело глядѣли двое пассажировъ, дружно расположившихся на палубѣ. Это были мужчина и женщина, повидимому мужъ и жена: онъ казался лѣтъ тридцати восьми, довольно плотный, но уже замѣтно лысый, обросшій большой черной съ просѣдью бородой, одѣтый въ красивое, но лишонное претензій на Франтовство, пальто, сугубо подпирающійся на толстую палку съ серебрянымъ набалдашникомъ; она — женщина лѣтъ двадцати двухъ, распутившаяся въ полномъ цвѣтѣ силъ и здоровья, какъ эта весна, царствующая около нея; смуглая, съ энергическимъ взглядомъ, съ выпуклыми формами тѣла, она всѣмъ существомъ своимъ обнаруживала женщину хорошаго круга, хотя на загорѣлыхъ ручкахъ не было перчатокъ, хотя головка ея попросту была повязана подъ шею легкимъ платкомъ; облокотившись на плечо мужа, она внимательно смотрѣла вдали.

— Эко ее нетерпѣнье одолѣло! сказалъ весело мужъ: — погоди, шалава, скоро ужъ, скоро увидишь свой Брянскъ! Ужъ городокъ! Что за люди, что за жизнь!.. Ну, да сама увидишь.

— Тебѣ Брякинѣ не нравится, зачѣмъ же ты ѣдешь, да еще жить тамъ выдумалъ, точно насильно тебя тащить? съ неудовольствіемъ отвѣчала жена.

— Скажите пожалуйста, какая горячка! Сейчасъ и разгнѣвалась!.. Не бойся, милая, мнѣ не будетъ скучно, — я буду имѣть свои наслажденія. Не напраслину сказалъ я про Брякинѣ, который столько же твой, сколько и мой: мнѣ бранить его не за что, для насъ съ тобой онъ имѣетъ одинакія права на любовь, — родина-моль! Хотя пріятныхъ воспоминаній у насъ нѣтъ, не вынесено изъ этого темнаго царства, зато непріятныхъ много, то-есть такихъ, которыя вызываютъ горячее состраданіе... И право, я чувствую невыразимый восторгъ, когда воображаю вмѣсто этой жалкой лодчѣнки, которую тащить на своихъ плечахъ два звѣрообразные бурлака, надсажая грудь, мечтающіе о стаканѣ скверной водки, — легкій пароходъ, нагруженный или произведеніями мѣстной промышленности, или многородными, даже иностранными товарами, необходимыми для нашихъ согражданъ... когда думаю, что въ Брякинѣ развиты ремесла, промыслы, торговля; мѣщане учатся въ воскресной школѣ, въ училищѣ, иные и дальше; градской голова — голова не пустая, не темная, а свѣтлая, понимающая важность своего поста, здраво, дѣльно, благонамѣренно разсуждающая о нуждахъ общества, довѣріемъ котораго она пользуется; ратманы, гласные и прочіе чины — дѣйствительно гласные, а не безгласные пьяницы, олухи, которыхъ держать въ ежовыхъ рукавицахъ взяточникъ-секретарь. Отраднo подумать, что вотъ всякому мѣщанину есть дѣло и притомъ съ производительнымъ трудомъ. Отраднo подумать, что вотъ мѣщанское, или вообще городское общество, сознающее свои нужды, разумно заботящееся объ удовлетвореніи ихъ, идущее впередъ, развивающееся, сознательно уважающее и само себя и каждаго члена своего.

Жена съ удовольствіемъ слушала рѣчь его и задумчиво сказала:

— Когда-то это будетъ!

— Когда — сказать трудно. Но все это вѣдь весьма возможно, а слѣдовательно легко можетъ случиться, а можетъ-быть гдѣ-нибудь ужъ и есть... Да и въ Брякинѣ идетъ къ тому.

— Будто? откуда же, изъ чего видно, чтобы шло къ тому?

— Изъ чего? я бы привелъ тебѣ нѣсколько фактовъ, но

удерживалось до времени, довольствуясь однимъ. Слушай же. Былъ въ городѣ первый въ обществѣ, то-есть богатѣйшій, наиболѣе способный, наиболѣе уважаемый толпой человекъ: я ведаю касаться этой личности своимъ осужденіемъ, передаю только факты. И чтоже онъ сдѣлалъ для общества: наживъ большій капиталъ, онъ, вмѣсто того чтобы расширить, прекратить торговлю, которая была бы полезна для всего края; онъ обезпечилъ себя — вложилъ на лаврахъ, весьма незатѣйливыхъ; вмѣсто того, чтобы сдѣлать что-либо дѣйствительно полезное обществу, онъ въ своемъ глухомъ, нищенскомъ городишкѣ далъ тысячу-пудовое колокола; вмѣсто того чтобы на общественной службѣ извлечь общую пользу изъ своей опытности и недюжиннаго ума, онъ, почислившись (только почислившись) головой для пріобрѣтенія шитаго мундира, застылъ въ званіи церковнаго старосты. Наконецъ этотъ человекъ, какъ подобаешь всякому человеку, волею божіею помер... И вдругъ наследница этого человека, наследница Пуда Петроляча Расторгуева — ты! Развѣ не въ этому иметь?..

Читатель понялъ изъ разговора, приведеннаго нами, что молодая женщина, которая ѣхала въ Брякинь, была никто другая, какъ дочь и наследница Расторгуева, а мы дополнимъ, если читатель не догадался, что мужъ ея былъ никто другой, какъ Суцовъ. Покинувъ Брякинь, онъ поступилъ на службу въ томъ самомъ губернскомъ городѣ, гдѣ жила дочь скопидома, получившая хорошее образованіе у своей родственницы. Они часто встрѣчались, и женились въ то самое время, когда Пудъ Петровичъ не хотѣлъ звать ничего на свѣтъ, кромѣ интересной постоляки; получивъ письмо о замышляемой свадьбѣ, онъ плохо прочиталъ его, но хорошо понялъ, что приданаго женихъ не проситъ, а посему изъявилъ согласіе и болѣзненно отозвался отъ своего личнаго присутствія. Не прошло и полгода послѣ свадьбы, какъ молодые получили извѣстіе о смерти Расторгуева: Суцова сдѣлалась богатой наследницей и немедленно отправилась вмѣстѣ съ мужемъ, чтобы распорядиться своимъ богатствомъ, которое дѣйствительно оказалось полновѣснымъ. Молодые Суцовы сумѣли распорядиться имъ по-своему.

Вотъ послѣднія извѣстія, полученныя мною изъ Брякина.

Въ каменномъ домѣ, гдѣ помѣщался исправникъ и самъ Пудъ Петровичъ, открыто бесплатное ремесленное училище, а по воскресеньямъ — воскресная школа; а на другомъ берегу рѣки, на лѣсной дачѣ, оставшейся послѣ Расторгуева, открытъ стеклянный заводъ, на которомъ брякинскіе мѣщане всегда находятъ себѣ работу за хорошую цѣну. При заводѣ живетъ самъ Сущевъ съ женой и, кромѣ надзора за ходомъ завода, скупаетъ всевозможныя мѣстныя произведенія, которыя вмѣстѣ со стекломъ отправляетъ въ разныя края водой, но не на лодкахъ и не на баркахъ: Сущову удалось сбить компанію для учрежденія пароходства, которая принялась успѣшно и приноситъ хорошіе плоды для развитія края. Червячковъ служитъ у него приказчикомъ и больше не замышляетъ никакихъ штукъ для своей разживы, а Бѣлоусовъ надсмотрщикомъ за работами и пьетъ весьма умѣренно; даже Курицыну нашлась какая-то должность. Василиса Костоломова живетъ у Сущовыхъ горничной и не думаетъ о возвращеніи въ Стобрухово; только все груститъ, вспоминая Бориса. Даже Тарелкишна и ея дочка перемѣнили свою специальность по случаю оказіи, обрушившейся на нихъ: въ одно прекрасное утро въ кухнѣ на печкѣ у нихъ оказался мертвый человекъ; по осмотрѣ, въ немъ узнали Блоху, который сдержалъ свое слово — умеръ дома. Приключеніе это навлекло на почтенную торговку упорное преслѣдованіе со стороны брякинской полиціи, такъ что Тарелкишна совсѣмъ разорилась и совсѣмъ было упала духомъ, да Сущовы поддержали ее, но при этомъ настолько приблизили къ себѣ, что многія старыя привычки не могли болѣе существовать и были отброшены.

Тѣмъ и заключимъ мы нашу повѣсть. Но прежде нежели поставить послѣднюю точку, нѣсколько словъ относительно этой, послѣдней главы: мы предоставляемъ читателю на полный произволь — придавать ей какое-нибудь значеніе, или нѣтъ. Пожалуй и безъ нея обойтись можно, потому-то мы ее и назвали «придѣланный хвостъ»; что придѣлано, то легко отбросить, оторвать.

— Слѣдовательно, скажетъ читатель, — все изложенное въ

той главѣ, — иллюзія, сочинено, не существуетъ, игра воображенія?

На это мы отвѣтимъ словами Суцова: «все это вѣдь весьма возможно, а слѣдовательно легко можетъ случиться, а можетъ—быть гдѣ—нибудь даже и есть...»

Н. ВУНАКОВЪ

АКТЕРЫ

(посвящается А. Мосолову)

Минувшей юности своей
Забывъ волненья и измѣны,
Ужь съ первыхъ отроческихъ дней
Подготавлиють насъ для сцены.
Намъ говорить : «ничтоженъ свѣтъ!
«Въ немъ все злодѣи или дѣти,
«Въ немъ сердца нѣтъ, въ немъ правды нѣтъ,
«Но будь и ты — какъ всѣ на свѣтѣ!»
И вотъ, чтобъ выйти напоказъ,
Мы наряжаемся въ уборной.
Пока никто не видитъ насъ,
Мы смотримъ горло и залорно ;
Вотъ вышли молча и дрожимъ...
Но оправляемся мы скоро,
И съ чувствомъ роли говоримъ,
Украдкой глядя на суфлера...
И говоримъ мы о добрѣ,
О жизни честной и свободной,
Что въ первой юности порѣ
Звучитъ тепло и благородно ;
О томъ, что жертва нашъ девизъ,
О томъ, что всѣ мы люди-братья,
И публикѣ изъ-за кулисъ
Мы шлемъ горячія объятія...
И говоримъ мы о любви
(Къ невѣрной простирая руки),
О томъ, какой огонь въ крови,
О томъ, какія въ сердцахъ муки, —
А сами видимъ безъ труда,

Какъ Дездемона наша мило,
 Лицо закрывши отъ стыда,
 Чтобъ поблѣднѣть, кладетъ бѣлила...
 Потомъ забывши, хороши ль
 Иль дурны были монологи,
 За безтолковый водевилъ
 Ужъ мы беремъ безъ тревоги.
 И мы смѣемъ надо всѣмъ,
 Тряса горбомъ и головою,
 Незамѣчая между тѣмъ,
 Что мы смѣялись надъ собою!
 Но холодъ въ нашу грудь проникъ...
 Устали мы... пора съ дороги...
 На лбу чуть держится парикъ,
 Слѣзаетъ горбъ, слабѣютъ ноги...
 Конецъ. — Теперь чтожъ дѣлать намъ?
 Большая зала опустѣла,

.....
 .....

И снявъ парикъ, умывъ лицо,
 Одежды сбросивъ шутовскія,
 Мы всѣ убогіе, больные
 Лѣниво сходимъ на крыльцо.
 Намъ тяжело, намъ горько, стыдно...
 Пустыя улицы темны,
 На черномъ небѣ звѣздъ невидно,
 Огни давно погашены.
 Мы зябнемъ, стынемъ, изнывая...
 А зимній воздухъ недвижимъ,
 И обнимаетъ ночь глухая
 Насъ мертвымъ холодомъ своимъ.

А. АПУХТИНЪ

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ВОЙНЫ ⁽¹⁾

(La guerre et la paix. — Соч. Прудона)

Авторъ «De la justice dans la révolution et dans la religion» недавно прервалъ свое молчаніе новой весьма замѣчательной книгой «La guerre et la paix». Въ ней тѣже основанія и принципы, которые доставили ему столько поклонниковъ и враговъ, и прибавимъ — таже діалектика. Достаточно взглянуть на первую и послѣднюю страницу, чтобы убѣдиться въ этой діалектикѣ. Теза его: война есть божественное или естественное право, источникъ справедливости и идеаловъ, права и развитія; антитеза: наука политическая и юридическая заблуждаются, не признавая въ этомъ смыслъ права силы, выраженіемъ котораго служитъ война; выводъ: *человѣчество не хочетъ войны*. Это послѣднія слова его книги, напечатанныя курсивомъ. Прудона несправедливо считаютъ писателемъ атеистическимъ въ философскомъ значеніи этого слова. Складъ его мысли, характеръ его доказательствъ, врожденныя идеи, имъ признаваемые, постоянныя нападки его на сенсуалистовъ, натуралистовъ, матерьялистовъ, социалистовъ доказываютъ осязательно, что онъ деистъ. Онъ поклоняется справедливости, проявляющейся въ чело-вѣчествѣ. Откуда явилась эта справедливость? плодъ ли она чело-вѣческой жизни, обусловлена ли она развитіемъ, временемъ, народомъ? Нѣтъ, она есть чувство, прирожденное чело-вѣку. Это главное основаніе его метафизической системы, которое онъ проводитъ всюду. Въ политической экономіи эта справедливость вмѣняетъ трудъ, какъ необходимое средство существованія; безъ труда чело-вѣкъ не имѣетъ права на жизнь. Но какъ чело-вѣкъ не можетъ

(1) Нераздѣляя всѣхъ мнѣній этой прекрасной статьи, мы съ удовольствіемъ печатаемъ ее какъ изложеніе сущности новой любопытной книги знаменитаго французскаго публициста.

Ред.

презводить больше, чѣмъ сколько ему необходимо нужно, то у него немного остается свободнаго времени: отсюда воздержаніе и умѣренность. Этотъ выводъ онъ называетъ закономъ бѣдности, строго отличая отъ нея нищету.

Къ тому же закону справедливости онъ подводитъ войну. Въ своей книгѣ онъ разсматриваетъ ее съ точки зрѣнія философской, юридической и экономической. Если въ послѣднемъ смыслѣ въ воды его и замѣчательны, то они не представляютъ ничего новаго. Авторъ резюмируетъ въ нихъ все что было сказано имъ по этому предмету во множествѣ издававшихся имъ сочиненій и брошюръ. Что касается до его юридическихъ заключеній, то они составляютъ послѣдствія его философскаго анализа. Въ послѣднемъ сосредоточенъ весь интересъ книги, какъ по оригинальности положеній, такъ и по смѣлости парадоксовъ, употребленныхъ для ихъ доказательства. Въ этой части вся сила книги, вызвавшая столько опроверженій и надѣлавшая столько шуму. Съ этою частью мы постараемся познакомить читателя, которому книга не попала въ руки, и прослѣдимъ неуклонно за мыслью автора. Прежде всего главная причина, почему философскія его доказательства не всегда выдерживаютъ критику, заключается въ томъ, что понятіе о борьбѣ и понятіе о войнѣ не разграничены имъ строго; одно весьма часто замѣняетъ другое, и читатель, увлеченный правильностью и логическою послѣдовательностью мысли, вдругъ останавливается, пораженный выводомъ, котораго никакъ не ожидалъ. Другая причина, объясняющая возможность такихъ противорѣчій, лежитъ въ отсталости вообще всѣхъ наукъ нравственныхъ, сравнительно съ науками реальными. Мы справедливо гордимся нашими открытіями, нашими прогрессомъ, нашими успѣхами въ наукахъ естественныхъ, но въ физиологій общественной и политической жизни мы находимся на азбукѣ. Здѣсь ничего реальнаго, дѣйствительно прочнаго, ничего кромѣ гипотезъ. А между тѣмъ челоѣкъ гордится своимъ вѣкомъ, который по преимуществу называетъ вѣкомъ цивилизаціи.

На какихъ принципахъ основаны отношенія международныхъ, имѣютъ ли они прочныя гарантіи, на чемъ держатся права и существуетъ ли вѣра въ нихъ? Все что-ни сказано по этому предмету — все утопія, замѣшательство, ничего не поймешь.

Естественныя науки говорятъ одно, юридическія другое, преданіе же третье. Одни увѣрены, что только войною можно достигнуть до благодѣтельныхъ результатовъ, что безъ войны нѣтъ успѣха, невозможно развитіе — и готовы вести войну за принципъ, за идею. Другіе доказываютъ, и тоже во имя прогресса, что война

въ настоящую эпоху есть анахронизмъ, аномалія, что войной нельзя ничего ни получить, ни доказать, — и предъ ихъ глазами въ послѣднее десятилѣтіе проходятъ чуть не десять кампаній во имя всѣхъ возможныхъ интересовъ. Наконецъ третьи, и самые многочисленныя, примиряются съ обоими крайними воззрѣніями и съ чувствомъ соболъзнованія повторяютъ, что война есть зло, но зло необходимое. Разумѣется, что общество, въ которомъ царствуетъ такой хаосъ понятій, не можетъ похвалиться здоровой жизнью, отъ него нельзя ожидать и великихъ, самоотверженныхъ подвиговъ, для которыхъ необходимо убѣжденіе, энтузіазмъ, единство, солидарность.

Изъ этого хаоса мнѣвій, которыми окружены понятія о войнѣ, Прудонъ думаетъ выдти возстановленіемъ права, втоптаннаго въ грязь казуистами, моралистами и юристами, безъ котораго впрочемъ ни право народное, ни право политическое, ни право гражданское не имѣютъ почвы подъ собою — это *право силы*. Авторъ спѣшитъ впрочемъ сдѣлать оговорку, что изъ этого не слѣдуетъ, чтобы сила была правомъ, чтобы сила физическая, матеріальная была предпочтительнѣе силы разума и убѣжденія, и общаетъ объяснить, что разумѣетъ онъ подъ правомъ силы. Если правомъ силы возстаовляетъ онъ уваженіе къ войнѣ, оклеветанной меркантильнымъ духомъ, то это не означаетъ еще, что на будущее время праву этому должно уступить движеніе впередъ путемъ экономическимъ и промышленнымъ; если онъ поднимаетъ значеніе войны, какъ средство къ проявленію права силы, произносящему ею свой приговоръ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы судебныя учрежденія обратились въ военно-судныя комиссіи. Напротивъ, по всей вѣроятности мы стремимся къ эпохѣ всеобщаго примиренія, но не можемъ отказаться отъ анализа той силы, того права, на которомъ построены всѣ человѣческія отношенія, приведенія къ отрицанію этого права, этого фундамента. Героизмъ великое дѣло, и царство его не кончилось. Человѣкъ уважаетъ силу; она ревностно споспѣшествовала утвержденію на землѣ царства права, но не хочетъ жить подъ ея исключительнымъ владычествомъ.

Это общаніе, эта оговорка нерѣдко забывались авторомъ, какъ мы увидимъ ниже. Какъ понятіе борьбы не отдѣлено отъ понятія войны, такъ подъ правомъ силы разумѣется то сила физическая, то совокупность силъ, какъ матеріальныхъ, такъ и нравственныхъ. Чтоже выходитъ изъ этого? Мы становимся на сторону его, когда путемъ логическихъ доказательствъ онъ объясняетъ, что борьба человѣка съ окружающею его средою есть единственный и естественный источникъ его развитія; но если развитіе это вдругъ

останавливается грубой, фатальной силой, то какъ бы мы твердо ни были увѣрены, что это единственно-возможный путь, какъ бы мы ни натягивали доказательства, что въ этой грубой фатальной силѣ слѣдуетъ искать зародышей новой жизни и развитія, мы не можемъ симпатизировать ей. Сила физическая, матерьяльная, всегда одерживающая побѣду, хоть бы на сторонѣ ея не было справедливости, не возбуждаетъ нашего сочувствія, намъ тяжело сознаться, что право всегда на сторонѣ силы. Ктому же вѣчно придерживаясь преданія, мы боимся выводовъ, если они противорѣчатъ ходячимъ сентиментальнымъ понятіямъ. Въ этомъ ни въ какомъ случаѣ мы не можемъ упрекнуть Прудона. Онъ не отворачивается предъ какомъ бы то нибыло слѣдствіемъ, вытекающимъ изъ его метафизическихъ построеній, и въ этомъ тайна его силы и вліянія.

Сдѣлавъ такую оговорку, мы можемъ приступить къ разбору «La guerre et la paix», философская часть которой, какъ по оригинальности взгляда автора, такъ и по методу, съ которымъ онъ приступаетъ къ ней, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Ни люди военные, ни историки, ни законники, ни публицисты не хотятъ видѣть ни юридической сущности войны, ни ея нравственнаго значенія, ни той роли, которую занимаетъ она въ исторіи человѣческаго общества, его цивилизаціи, страданійхъ и благолествій. Все что мы знаемъ о войнѣ, ограничивается виѣшними проявленіями, громомъ сраженій, криками побѣдителей, стопами побѣжденныхъ. Военные изучаютъ тактику и стратегію, прочіе заняты исключительно одними виѣшностями, формальностями, которыя въ войнѣ тоже что судопроизводство, полиція, наказанія и казни въ судѣ. Но формы суда никто не назоветъ сущностью суда, ибо судъ имѣетъ иную, ему свойственную сущность, вытекающую изъ нравственнаго сознанія извѣстной эпохи. Итакъ война въ ея внутренней сущности, въ ея непреложной законности, въ ея вѣчной справедливости, въ ея высокой нравственности вовсе не изслѣдована.

Философы и моралисты тѣмъ неменѣе весьма часто трактуютъ о правѣ войны, о законахъ войны, разумѣя подъ этими словами то послѣдствія завоеванія и побѣды, уничтожающія всякое другое, хотя считающееся священнымъ во время мира право, то извѣстнаго рода ограниченіе жестокостей, обуздація немствовствъ во имя человѣчества и гуманности; но ни право войны, ни ея законы никогда не составляли положительнаго, признаннаго всѣми права, которое бы, выходя изъ силы, имѣлось бы побѣдителемъ побѣжденному, какъ имѣется въ странѣ законъ или приговоръ суда. Посему юристы смотрятъ на военное право какъ на дѣтское противорѣчіе, жалкую уступку, вызываемую необходимостью. По ихъ мнѣнію въ войнѣ

какъ насиліи, нѣтъ права, нѣтъ смысла, нѣтъ нравственности, т. е. они ограничиваютъ такое многозначительное явленіе въ исторіи человѣчества, какъ война, одними матеріальными ея проявленіями, отнимаютъ у нея всякій нравственный смыслъ, отрицаютъ высокое уваженіе къ ней древняго и новѣйшаго общества, какъ къ проявленію высочайшей справедливости и божественной воли. Чѣмъ виновата предъ людьми, запутавшимися среди нравственныхъ и юридическихъ противорѣчій исторія и природа, терпачів и допускающихъ войну и непредставляющихъ иного исхода для всеобщаго развитія какъ природы, такъ и человѣка? Еслибы мнѣнія моралистовъ и экономистовъ были бы и справедливы, то неприложимость ихъ къ жизни, противорѣчіе имъ науки исторической и естественной выводятъ ихъ на степень безполезной *утопії*, а между тѣмъ — странное дѣло! — такими утопіями упрекаютъ чаще всего людей такъ называемою новой школы, къ которой безспорно принадлежитъ Прудонъ, несмотря на неоднократныя его отреченія.

Нельзя ли на дѣло посмотреть иначе: не сходять съ исторической и естественной точки зрѣнія, а главное, не бояться выводовъ, какъ бы ни противорѣчили они общепринятымъ, ходячимъ понятіямъ?

Возьмемъ примѣръ. Составляютъ ли судъ внѣшнія его формальности, судебная зала, судейскіе костюмы и парики, вооруженная сила для приведенія въ исполненіе приговора, тюрьма, плаха, палачъ и проч.? Нѣтъ. Основанія суда — внутреннія; его сущность во внутреннемъ человѣкѣ, въ его совѣсти, и только анализомъ психологическимъ можно о немъ составить понятіе. Внѣшняя формальность не дастъ и о немъ понятія, напротивъ того сама она объясняется его внутреннею сущностью. И новая наука о правѣ сдѣлала самые реальные успѣхи, съ тѣхъ поръ какъ и судъ стала изучать на основаніяхъ психологическихъ, внутреннихъ, а не внѣшнихъ, часто потерявшихъ всякое значеніе. Но уважаемъ ли мы болѣе право съ тѣхъ поръ, какъ ближе знакомы съ нимъ? Да, непременно. Нашъ анализъ права выше понятія о немъ нашихъ отцовъ и мы ближе къ истинѣ.

Тоже самое и въ войнѣ. Сущность ея, внутреннее значеніе остаются неизвѣстны, пока вниманіе будетъ сосредоточиваться исключительно на разборѣ сраженій и осадъ, на движеніяхъ армій, на численніи силъ каждой стороны, людей, лошадей, пушекъ, снарядовъ, на пересылкѣ дипломатическихъ нотъ и предложеній, прелестствующихъ открытію войны или продолжающихся во время ея веденія. Стратегія и тактика, дипломатія и ея интриги и сплетни суть только внѣшнія проявленія войны, ея форма; это тоже что

жандармъ и полицейскій, тюрьма и цѣпи въ судѣ. Все это преходяще, непрочно, подвержено измѣненію и уничтоженію; но внутренняя потребность духа, святое стремленіе человѣка къ истинѣ и справедливости неизблемы и вѣчны и могутъ исчезнуть только съ исчезновеніемъ съ земли человѣка. Они составляютъ его сущность, безъ которой существованіе его невысказимо.

Дерутся двѣ арміи. Армія въ красныхъ штанахъ старается уничтожить какъ можно болѣе людей изъ арміи въ красныхъ мундирахъ и vice versa. Неужели въ этомъ и состоитъ главная цѣль ихъ столкновенія, — далѣе которой мысль человѣческая шагнуть не можетъ? Выслушайте мнѣніе противныхъ сторонъ, узнайте изъ актовъ и газетъ о причинахъ войны, — вопросъ не подвинется къ разрѣшенію. Если не объясняется сущность войны ея внѣшними формальностями, ея осязательными такъ-сказать проявленіями, то не болѣе объясняютъ этотъ предметъ теоріи юридическія, философскія и нравственныя. Одни объясняютъ сущность войны столкнувшимися, противоположными интересами и низводятъ войну до степени грубой животности, отнимая у существа разумнаго его человѣческія свойства. Понятно, можетъ ли удовлетворить подобное рѣшеніе вопроса: какъ ни приворавливай человѣка животному, онъ все-таки останется человѣкомъ. Такимъ образомъ ни матеріализмъ военныхъ, ни юридическая діалектика не разоблачаютъ тайны войны: одна не стала на историческую почву, другая сошла съ нея. А между тѣмъ историческая точка зрѣнія необходима въ этомъ дѣлѣ, и мы стараемся не сходить съ нея. Только такимъ путемъ мы имѣемъ надежду избѣгнуть какъ грубаго воззрѣнія матеріалистическаго, низводящаго человѣка на степень животнаго, такъ и всякой діалектической или нравственной утопіи. Съ этой точки зрѣнія война представляется какъ одно изъ проявленій внутренней, человѣческой жизни, какъ одинъ изъ путей развитія, а слѣдовательно о законахъ ея вопрошать слѣдуетъ не только внѣшніе факты, рассказы историческіе или художественные, но еще — и это главный источникъ ея познанія — тайны человѣческаго духа; однимъ словомъ, объясненія сущности и законовъ войны искать слѣдуетъ въ широкой и всеобъемлющей жизни.

Воображенію всѣхъ народовъ, древнихъ и новыхъ, война является дѣломъ божественнымъ, въ смыслѣ явленія непреложнаго, непремѣннаго. Такою она продолжаетъ быть до сихъ поръ, несмотря на проклятія и доводы философовъ, юристовъ и моралистовъ. Въ чемъ же состоитъ ея божественность? Еслибы война дѣйствительно была столкновеніемъ грубыхъ, матеріальныхъ силъ, страстей, интересовъ, она не отличалась бы ничѣмъ отъ драки звѣрей, она осталась

бы проявленіемъ животной, неразумной жизни, какъ гнѣвъ, ненависть; она неподлежала бы нравственному и философскому анализу, и не выходила бы за предѣлы естественной исторіи, въ томъ смыслѣ и въ тѣхъ рамкахъ, какіе существуютъ для этой науки въ настоящее время. Она даже должна бы была исчезнуть подъ двойнымъ вліяніемъ здраваго смысла и чувства справедливости: человѣкъ пересталъ бы убивать человѣка, какъ онъ пересталъ его ѣсть, обращать его въ раба, какъ онъ пересталъ обоготворять крокодила. Но мы видимъ совершенно противное и ни одинъ смѣлый пророчатель не рискнетъ предсказать время, когда война станетъ невозможною. Нравственные элементы, въ ней заключающіеся, сдѣлали ее самымъ величественнымъ и самымъ ужаснымъ проявленіемъ человѣческой жизни. Что это за элементы? Юридическая наука послѣднихъ трехъ вѣковъ, неумѣя открыть, сочла за лучшее отрицать ихъ. Аксіома, ею принятая, заслуживаетъ особеннаго вниманія по своей чудовищной и безнравственной несообразности. Она говоритъ, что одна изъ воюющихъ сторонъ непременно находится въ заблужденіи, ибо черное и бѣлое въ одно и тоже время не могутъ быть истинною и ложью. А основываясь на подобной аксіомѣ ей уже легко было свести войну, смотря потому, насколько это входило въ ея расчеты, то на разбой, то на приведеніе въ исполненіе закона, вмѣняемаго ослушнику его или нарушителю. Война является по сему то разбойникомъ, то героемъ. Немного нужно здраваго пониманія, чтобы видѣть, къ какой безнравственности ведетъ подобная теорія. Достаточно одного сомнѣнія въ правотѣ защищаемаго дѣла, чтобы деморализировать какую угодно геройскую армію. Мы не пойдемъ за примѣрами въ исторію: ихъ слишкомъ много и предстоитъ еще больше, ибо для подобной теоріи, зараждающей подобное сомнѣніе, съ каждымъ днемъ открывается все болѣе обширное поле для приложенія. Война по своей причинѣ, по своимъ внутреннимъ причинамъ, по своей благородной цѣли, которая не можетъ быть иною, кромѣ истины и справедливости, не можетъ быть заблужденіемъ ни для одной изъ воюющихъ сторонъ; она необходимо, непреложно, неизмѣнно справедлива, нравственна и священна до той высоты, что принимаетъ характеръ религіозности. Предводители народовъ хорошо это чувствуютъ и по сему стараются придать ей этотъ характеръ. Война за отечество, за свободу, за независимость имѣютъ по большей части характеръ религіозный.

Идеалисты обвиняютъ насъ въ материализмѣ, материалисты найдутъ наше воззрѣніе спиритуальнымъ. Спѣшимъ объясниться и поставить вопросъ такимъ образомъ, чтобы не могло быть недоразумѣній.

Реальнымъ послѣдствіемъ материалистической философіи, думаютъ обыкновенно, есть тоже отрицаніе войны, какъ лжи, несправедливости и безобразія. Нельзя и бессмысленно доказывать что-либо насиліемъ, кулакомъ, убивая субъекта, которому доказываешь. Вотъ въ томъ-то и дѣло, что цѣль войны — не доказать и убѣдить, а получить, взять, когда этого нельзя сдѣлать инымъ, болѣе кроткимъ и мирнымъ путемъ, кромѣ насилія. Война никогда ничего не доказывала, никогда никого не убѣждала: ея получала, брала, отыскивала человѣкъ то, что считала необходимымъ и для полученія чего рѣшался на пролитіе крови. Убивать человѣка, доказывать насиліемъ и кулакомъ — безнравственно и не ведетъ ни къ чему. Второе несправедливо для всякаго безпристрастнаго ума и не требуетъ опроверженій; но первое — что это такое? культъ, истина, аксіома, справедливая *quand même*? А какую жертву остановиться принести этому кумиру? Должно ли заклать предъ нимъ истину, всеобщее благо, пользу, благосостояніе? Материалисты исходнымъ пунктомъ, основою, источникомъ всякаго права и нравственности полагаютъ чувство самосохраненія, какъ естественное условіе жизни человѣческаго организма, безъ которой существованіе его немыслимо. Можетъ ли быть принесено это чувство въ жертву кому бы то и чему бы то ни было? Если нѣтъ, — война оправдана логически, ея историческая истина и необходимость подтверждается человѣческой жизнью и мыслью. Допустимъ, что чувство самосохраненія есть неизмѣнный, непреложный, законъ человѣческаго существованія. Изъ чувства самосохраненія человѣкъ, невидѣвшій другого выхода изъ голода, убивалъ человѣка и съѣдалъ его, другой изъ-за этого же чувства защищался и убивалъ цогиownika. Все это весьма естественно. Но съ каждымъ днемъ впередъ человѣкъ освобождался отъ такого простого и естественнаго возрѣнія.

Горизонтъ его права расширялся, условія необходимости его существованія умножались. Къ праву на защиту жизни присоединилось право защищать жену, семью, собственность, честь, независимость, свободу. Имѣеть ли человѣкъ право, встрѣтившись въ лѣсу съ разбойникомъ, желающимъ ограбить его, убить разбойника, защищая свой кошелекъ? Или онъ долженъ вступить съ нимъ въ переговоры и убѣдить его, что разбой, грабежъ, воровство гнусны и безнравственны? Положимъ, что и есть время на убѣжденіе; а если оно не подѣйствуетъ? Положительныя законодательства не разрѣшили этого права отрицательно. Пойдемъ дальше, и мы увидимъ, что вмѣстѣ съ развитіемъ общества растетъ право личности. Это право становится дотога необходимо, что безъ него личность немыслима; человѣкъ, защищая его, идетъ на смерть, и чтобы пріоб-

рѣсти его, готовъ пролить кровь другого. На это снова возразить намъ, что насиліе ничего не доказываетъ, никого неубѣждаетъ, что слѣдуетъ избирать другой путь, болѣе благородный и разумный, употребить слово, мысль, доказательства, убѣжденія. Повторимъ еще разъ: дѣло идетъ вовсе не о томъ, чтобы убѣдить, доказать, а получить или взять, сохранить или защитить. Наконецъ еще разъ положимъ, что есть время на убѣжденіе, да оно ип къ чему не поведетъ, потому что противная сторона носитъ такое же глубокое убѣжденіе въ противоположномъ, и еслибы могла, то тоже взялась бы за убѣжденіе. Борьба становится неизбежною и сила одерживаетъ верхъ. Какая? для природы это совершенно все равно, сила ли это мускуловъ и кулака, или мозга и нервовъ. Сердиться и негодовать неумѣстно. Это все равно что сердиться на падающую на голову молнію, на то, что всѣ точки окружности находятся въ равномъ разстояніи отъ центра и въ окружность невозможно вписать квадрата. Не лучше ли принять мѣры противъ падающей молніи, чтобы предохранить голову и убѣдиться въ утопичности квадратуры круга, ни къ чему неведущей? Мало того, чтобы защищаться противъ какой бы то нибыло силы, надобно употребить силу той же категоріи. Мыслью и мозгомъ неотвратить удара, посылаемаго кулакомъ и мускулами. Противъ кулака и мускуловъ нужны кулакъ и мускулы — убѣжденія тутъ не помогутъ. Австріицы занимаютъ Италію. Есть ли возможность бороться противъ нихъ итальянцамъ убѣжденіемъ, словомъ? Чтобы освободиться итальянцамъ, необходима матерьяльная, а не нравственная сила, кака бы глубокая по ихъ мнѣнію справедливость и истина ни была на ихъ сторонѣ. Собрать силы, совокупить ихъ для единодушнаго дѣйствія по ихъ мнѣнію — единственно возможный выходъ изъ настоящаго ихъ положенія, и единство явилось лозунгомъ освобождающейся Италіи. Мало того, что сознаваемая кѣмъ бы то нибыло истина была истиною, нужно, чтобы мозгъ противника былъ способенъ принять ее, а это рѣдко случается. Передѣлывается же, перерабатывается мозгъ съ большимъ трудомъ и весьма медленно: неужели же страданія или желанія человѣческія должны и могутъ сдерживаться этимъ путемъ развитія мозга поколѣній? Матерьялистическая философія пришла къ тѣмъ же выводамъ, какъ и Прудонъ: достаточно прочесть объ этомъ у Гоббса. Авторъ «La guerre et la paix» недоволенъ этимъ и не пропускаетъ случая комнуть ее за стремленіе вывести человѣка на степень животнаго, хотя выводы его тѣже, что и у Гоббса напимѣръ. — Итакъ изъ принципа самосохраненія, расширеннаго самимъ развитіемъ человѣческаго общества и не ограниченного исключительно защитой жизни, вы-

текаетъ право войны, какъ условіе развитія. Ктому же открытію войны всегда предшествуютъ переговоры. Ораторы и дипломаты, вооруженные всей силой діалектики, истощаютъ свои усилія, чтобы доказать свое право, — в старанія ихъ доказать и убѣдить приводить... къ войнѣ. Отрицать и доказывать одно и то же — это безправственный софизмъ. Отрицать принципъ войны и употреблять силу, какъ единственное средство для достиженія цѣли, ведетъ къ деморализаціи, къ растлѣнію. Я прошу извиненія за это отступленіе, вызванный необходимостью поставить предметъ просто и опредѣлить отношеніе его къ обѣимъ философскимъ школамъ: метафизической и матерьяльной, изъ которыхъ первая, вращаясь въ сферѣ общихъ отвлеченностей, оставила міръ и не хочетъ спуститься на землю, между тѣмъ какъ вторая, имѣя постоянно дѣло съ частными фактами, боится возвести ихъ въ сферу всеобщаго, столько разъ оказывавшагося пустыми и тщетными гипотезами, благодаря той же метафизикѣ.

Перейдемъ къ доказательствамъ разбираемой нами книги. Война есть всеобщій законъ природы, война есть божественный законъ по своимъ благотѣльнымъ результатамъ, неуловимымъ и нехотимымъ часто въ расчетъ воюющихъ. Она есть продуктъ человеческого духа, какъ сама справедливость. Въ душѣ война горитъ таже ревность, таже влчхновеніе, какииъ преисполнена грудь поэта, судьи. Судъ, основанный на справедливости, выдумывалъ пытки и казни; понявъ и объяснивъ преступленіе, какъ неизбежное, естественное слѣдствіе жизни преступника, его организма, среды на него дѣйствовавшей, общественныхъ болѣзней, судъ тѣмъ немевѣе казнить преступника и отнимаетъ у него жизнь или виѣняетъ ему насильно наказаніе отъ американской селюлярной тюрьмы до китайскихъ бамбуковыхъ палокъ — то ради его исправленія, то ради примѣра другимъ, то ради отщепенія. Посудите сами: развѣ нельзя ничего сказать здѣсь противъ справедливости и логики? А кто смѣетъ и рѣшится возстать противъ суда; кто, убѣдившись въ несостоятельности путей, избранныхъ имъ, осмѣлится отвергнуть судъ, составляющій необходимыя выраженія человеческой жизни? Не то съ войною. И еслибы еще отрицаніе войны основано было хоть на какихъ-нибудь признакахъ, говорящихъ о близости ея гибели и исчезновенія съ лица земли, но никто искренно не вѣритъ въ возможность обойтись безъ нея. Защитники мира quand même съ радостью ухватываются за всякій симптомъ, подающій имъ смутную надежду на возможность исключить войну изъ исторіи развитія человеческихъ обществъ и громкогласно объявляютъ о наступленіи наконецъ *эпохи мира* послѣ окончившейся войны, и

разумѣется, до первой войны. А исторія, несмотря на ереміады по прерванному миру, несмотря на анафемы, бросаемаыя противъ войны, идетъ своимъ чередомъ и не подчиняется никакимъ ни нравственнымъ, ни юридическимъ теоріямъ. Основываясь на ней и на всей природѣ, мы не станемъ на ихъ сторону и смѣло скажемъ: война, какъ сущность человѣческой природы — вѣчна, безконечна. Что касается до *формы*, повторяемъ и просимъ не забыть нашей оговорки: она *измѣнима и преходяща*. Вѣщія ея проявленія между одной и другой эпохой могутъ различаться, какъ различается приговоръ суда отъ смертной казни съ пытками и мученіями, до отнятія только свободы и одиночнаго заключенія съ одною библіей.

Вѣроятно въ доисторическую эпоху люди дрались какъ волки, львы или тигры, но человѣкъ тѣмъ и отличался отъ нихъ, что вышелъ изъ этого первообраза войны и выдумалъ войну. Львы и волки не ведутъ войны. Еслибы человѣкъ не вышелъ изъ этого первобытнаго состоянія, то не приобрѣлъ бы и той способности къ прогрессу, которая есть и будетъ источникомъ его развитія. Что такое человѣкъ безъ борьбы, безъ войны? Дошелъ ли бы онъ до самопознанія? Нѣтъ, потому что много пути, какимъ шолъ онъ, мы и представить не можемъ. Какое значеніе имѣютъ племена и народы безъ войны? Никакого. Возможно ли безъ войны движеніе впередъ, прогрессъ? Нѣтъ. Нѣтъ народа съ какимъ бы то ни было малымъ историческимъ значеніемъ, который не наполнилъ бы лѣтописи своими военными подвигами. Кто осмѣлится покрыть позоромъ и именемъ разбоя эти подвиги? Филантропы, отрицающіе войну? Не обезславятъ ли они этимъ человѣка? Но какимъ же это образомъ, какимъ софизмомъ убійство собрата возведено въ доблесть, въ добродѣтель? возразятъ моралисты. Софизмъ заключается въ самомъ вопросѣ, въ смѣшеніи двухъ этихъ не только не тождественныхъ, но и не сродныхъ понятій, какъ убійство и война. Мы предъ моралистами ставимъ вопросъ обратно: какимъ это образомъ человѣкъ подымается до добродѣтели, до общества и государства, до цивилизаціи исключительно войною? Какимъ образомъ государство, цѣль и стремленія котораго — миръ и безопасность, основано на войнѣ? какимъ образомъ сохраненіе мира и безопасности въ государствѣ продолжаютъ охраняться войною? Вотъ вопросы, предложенные современнымъ сфинксомъ, который грозитъ проглотить тѣхъ, кто не рѣшитъ ихъ.

Кричите и проповѣдуйте что угодно противъ войны. Благодаря ей человѣкъ успѣлъ выйти изъ хаоса грубыхъ, неразумныхъ силъ, которыя гнали его дѣтство и разбивали въ немъ мужество и до-

блестѣ. Наступивъ на поверженнаго врага, онъ впервые мечталъ о славѣ и безсмертіи. Пролитая кровь намъ кажется ужасающимъ, страшнымъ явленіемъ. Но не все принесено въ жертву этому гуманному и филантропическому чувству. Есть сокровища еще болѣе цѣнныя, еще болѣе священныя, еще болѣе необходимыя. Какія? спросать философы и моралисты. Напримѣръ идти на бой за великую, сознанную нами и необходимую для нашего существованія истину, убѣжденіе, право, независимость, идти на бой противъ врага ненавистнаго, но тѣмъ менѣе могучаго и столько же убѣжденнаго въ непреложности и справедливости своего права, съ равною опасностью, съ равнымъ увлеченіемъ и готовностью на самопожертвованія, когда примиреніе невозможно, когда убѣжденіе безсильно, когда на доказательства отвѣчаютъ насиліемъ, когда всякій иной путь нелѣпъ и безразсуденъ, и идти на смерть не безъ доказательства своей истины, права, независимости, и чтобы получить свою истину, право, независимость.

Война, какъ категорія человѣческаго мышленія, должна была запечатлѣть собою всѣ области духа и мы постараемся доказать это. Начнемъ съ религіи. Мифологія ей обязана самыми великолѣпными и грандіозными мифами. Можно смѣло поставить афоризмъ, что воинственный народъ самый религіозный народъ. Каста жрецовъ и каста воиновъ всегда протягивали другъ другу руку и опирались одна на другую. У всѣхъ необразованныхъ народовъ древности какъ только религія начинала опредѣляться и просвѣтляться, боги получали военные атрибуты. У образованныхъ грековъ и римлянъ, какъ у необразованныхъ германцевъ, на первомъ планѣ: Олимпъ, Торъ, Юпитеръ, Аполлонъ, Геркулесъ, Марсъ, Паллада, Діана, боги и богини войны. Еще прежде ихъ Озирисъ и Бахусъ проходили по всей землѣ побѣдителями. Вездѣ онъ — богъ войны, слава котораго наполняетъ міръ. Гимнь Богу — это побѣдная пѣснь. Война въ этомъ мірѣ, война за гробомъ, какъ благополучіе, какъ блаженство. У Зороастра, Ормуздъ въ вѣчной войнѣ съ Ариманомъ, и изъ войны этой происходитъ твореніе и міръ или вѣчное его возобновленіе. Еще далѣе, въ отдаленной древности, у индусовъ, еще прежде сотворенія міра Предвѣчный, сокрушивъ сатану, приуготовилъ побѣду человѣка надъ грѣхомъ и опредѣлилъ планъ всей жизни. Магометане постоянно воевали отъ великаго пророка своего до послѣдняго султана. Богу войны приносится въ жертву кровь, сначала человѣческая, потомъ животныхъ.

Исключите изъ міеологіи войну — и она болѣе не существуетъ, исторіи нѣтъ, цивилизація невозможна. Нельзя къ сожалѣнію отвергнуть, исключить эти кровавыя преданія древнихъ варварскихъ временъ, засѣвшія такъ глубоко въ мозгу человѣческомъ. Да и къ чему поведетъ признаніе войны за преступленіе и безуміе? Лучше ли отъ того будетъ цивилизація? Война не перестанетъ быть вѣчнымъ и неизмѣннымъ закономъ всеобщей жизни и жизни человѣческой, въ которыхъ добро и зло не внѣ ихъ, а въ нихъ самихъ, какъ двѣ враждебныя силы, находящіяся въ постоянной борьбѣ и составляющія условіе всякаго существованія. Война существуетъ между народами, какъ существуетъ во всей природѣ, какъ существуетъ въ сердцѣ человѣческомъ; безъ нея нѣтъ выхода изъ хаоса, смертью она побѣждаетъ смерть. Уничтожить войну значитъ уничтожить всѣ послѣдствія сорока-вѣковой человѣческой, исторической жизни, уничтожить самую исторію. Война вмѣшивалась во все, ею запечатлѣно право и нравственность, наука и искусство.

Вмѣсто того чтобы отвергать, не лучше ли стараться понять ее? Безъ этого невозможно понять ни древней, ни новой жизни, ни настоящей; безъ нея ничего нельзя заключить о будущемъ, въ устройствѣ котораго принимаетъ немаловажное участіе наша воля, выросшая на прошедшемъ, которое безъ войны невысказано. Предположимъ наконецъ, что воцарится на землѣ *тихий миръ*, тѣмъ не менѣе онъ воцарится на прошедшемъ, въ устройствѣ котораго война принимала такое участіе и указала путь дальнѣйшему движенію и развитію человѣческому.

Нельзя съ презрѣніемъ относиться къ прошедшему. Событія исторической жизни, какъ всѣ явленія природы, дотога связаны между собою, дотога въ зависимости одно отъ другого, составляютъ такую логическую цѣпь выводовъ и послѣдствій, что нельзя исключить, ни отнестись съ презрѣніемъ ни къ одному невозможно: это значило бы подрывать настоящее, относиться и къ нему съ презрѣніемъ. А можемъ ли мы не уважать свои стремленія, относиться равнодушно къ враждебнымъ намъ силамъ и элементамъ? Человѣкъ, освобожденный отъ преданія, атеистъ, или Тель, отказывающійся спать шанку предъ гербомъ цезаря — не внѣ историческаго развитія, а продукты его, не исключеніе, а логическое его послѣдствіе. Преданіе воспитало ихъ, какъ воспитало удаленнаго повидимому отъ исторической жизни мужика, какъ пустынножителя, какъ человѣка большого свѣта.

Кто изъ юристовъ и политиковъ осмѣлится возстать на примѣръ противъ права завоеванія, столько же дорогого новымъ, какъ и

древнимъ народамъ? Уничтоженіемъ одного этого права уничтожается все существующее. Это понятно: и его не только не уничтожаютъ, но оно остается священнымъ и неприкосновеннымъ: а оно не есть ли необходимое, неизмѣнное послѣдствіе войны? Предъ рѣшеніемъ сраженія и цари и народы преклоняютъ голову. И неудивительно это преклоненіе — преклоненіе предъ фатальнымъ, роковымъ приговоромъ грубаго насилія, животнаго инстинкта, лишоннаго человѣческой справедливости и разумности? Какимъ характеромъ, какими послѣдствіями запечатлѣны войны во имя національности, во имя всѣхъ священныхъ, дорогихъ человѣку принциповъ? Взгляните кругомъ: кого любятъ болѣе всего народы, какіе любимѣйшіе герои? Люди войны, представители права силы. Народъ вообще преклоняется предъ правомъ силы. Можетъ-быть онъ заблуждается? Но, странное дѣло, чтобъ онъ такъ долго и такъ упорно заблуждался. А если да, то можетъ ли когда наступить время, чтобы онъ не заблуждался, и когда оно наступить?

Если на правѣ силы въ иныхъ случаяхъ выросла власть монархическая, то тѣмъ неменѣе справедливо, что на нее опирается и власть демократическая. Что такое *suffrage universel*? Глазь народа, *suffrage universel* — это право силы. Многочисленная школа экономическая и конституціонная отвергаетъ это, смѣется надъ этимъ принципомъ и признаетъ его за утопію. Обратимся къ нему; на чемъ онъ основанъ? Поголовная сила гражданъ стѣснена, ограничена цензомъ, богатствомъ, а избранная, законная, привилегированная, на чемъ основана, какъ проявляется? Большинствомъ голосовъ, которыми обезпечивается и упрочивается парламентарная система. Но что такое большинство голосовъ? Право силы. А между тѣмъ тѣ же экономисты и конституціонисты отвергаютъ ее.

Изъ политическаго устройства, основаннаго, какъ мы видѣли, на правѣ силы, вытекаетъ право гражданское и принимаетъ за свое основаніе собственность. Что же такое собственность по преданію и по кодексу? Послѣдствіе права завоеванія и побѣды: *jus utendi et abutendi*. Древніе патриціи и плебеи обратились въ благородныхъ и простолюдиновъ, горожанъ и поселянъ, собственниковъ и поденщиковъ. Жизнь общества покоится на феодальномъ фундаментѣ, который есть прямое слѣдствіе права силы. Уничтоженіе принципа права силы ведетъ къ уничтоженію права собственности, презрѣніе къ нему подрываетъ кредитъ къ учрежденіямъ, которыя наиболѣе дороги экономистамъ и философамъ, и на защиту которыхъ они посвятали всѣ свои силы и способности. Какая же тутъ послѣдовательность? Мы не нападаемъ на общество, не выказываемъ своихъ симпатій, не подвергаемъ критическому анализу его учреждений:

мы беремъ его такимъ , какъ оно существуетъ для всѣхъ , и спрашиваемъ : можно ли отвергнуть право силы , не уничтожая всего , что выработано десятками вѣковъ ?

Право силы — не только естественное и законное право , но оно основано еще на справедливости , и сами понятія справедливости истекаютъ изъ него. Оно положило прочныя основы праву войны и мира , праву народному , политическому , гражданскому , уголовному , экономическому. Что такое парламентскія пренія , судебныя? Война. Какое дѣло , что въ нихъ не проливается кровь , что судья не вооруженъ мечемъ? Побѣда будетъ на сторонѣ права силы; сила вмѣняетъ законъ насиліемъ противъ побѣжденнаго , она исполнитъ судебный приговоръ пролитіемъ крови. Мы уже сказали , что не должно смѣшивать проявленія права , его формальности съ его сущностью и не стоимъ за формальности , зная ихъ преходящее , измѣняемое значеніе. Въ экономической порядкѣ не тоже ли присутствіе права силы? Экономическое устройство древнихъ , основанное на грубомъ рабствѣ , развѣ не война? смѣнившее его устройство , основанное на ленной и крѣпостной зависимости , развѣ не война? Замѣнившая ихъ поделщина и рабочая плата развѣ не война имущихъ съ неимущими? А что такое таможня и пошлина , антагонизмъ между трудомъ и капиталомъ , между предложеніемъ и потребленіемъ , между работодателемъ и должникомъ? Что такое право писателя , издателя , изобрѣтателя? что такое наказаніе за поддѣлку , контрафакцію? Все это война.

Что дѣлаетъ нація , голосъ которой раздается громче всѣхъ въ пользу мира и разоруженія , противъ войны и насилія? Вооружается , вызывая врага на борьбу , съ твердой надеждой остаться побѣдительницей. Что дѣлалъ всю свою жизнь Наполеонъ? Онъ воевалъ , чтобы убѣдить въ сознаваемыхъ имъ истинахъ королей и народы. Это было самое искреннее его желаніе. Онъ открываетъ кампанію изложеніемъ предположенной цѣли , которой думаетъ улучшить всеобщее положеніе. Когда доказательства оказываются безсильны и бесполезны , онъ берется за мечъ и выигрываетъ сраженіе , чтобы скорѣе посѣлшить въ столицу заключить миръ , въ увѣренности , что истина доказана и принята. Наполеонъ столько же пристрастенъ къ законодательству , какъ и къ войнѣ. Мы сказали , что виновные народы самые религіозные народы ; прибавимъ , что они самые законодательные народы. Чѣмъ была бы цивилизація безъ римскихъ войнъ , т. е. безъ римскаго права? Что было бы безъ реформаціи , безъ величайшаго изъ послѣдующихъ событій , устроившаго мечемъ судьбу Европы , поставившаго ей вѣхи къ дальнѣйшему развитію и окончившагося вестфальскимъ миромъ? Значеніе

войны для человѣческихъ обществъ неизбежно, несмотря на всѣ посылаемыя противъ нея анаэмы.

Мы сказали, что почти всякое право выросло на почвѣ права силы. Несходя съ исторической точки зрѣнія, будемъ продолжать далѣе нашъ анализъ; мы увидимъ, что искусство, какъ стремленіе къ идеалу, какъ его воплощеніе, безъ войны тоже немислимо. Нѣтъ народа, у котораго не было бы своей иліады. Въ эпопеи нѣтъ ни сказки, ни пѣсни, ни искусства, ни вдохновенія. А что такое эпопея, на чемъ она основана, если не на подвигахъ доблести, не на военныхъ подвигахъ? Народная идиалія и всѣ виды пастушеской или сентиментальной поэзіи, если и существовали, то значеніе ихъ основано на противоположности воинственному эпосу, безъ котораго они не имѣютъ смысла. Помимо войны или права силы нѣтъ поэзіи, нѣтъ эстетическаго развитія.

Философы и моралисты не признаютъ этого. Они говорятъ, что если первобытное, вѣрское состояніе человѣка и было основано на войнѣ и насиліи, то не слѣдуетъ изъ этого, чтобы война оставалась постояннымъ принципомъ его развитія; если война была первою темою религіи, права, искусства, то это была простая случайность историческаго развитія, а не сущность его; справедливость, какъ и поэзія, составляетъ естественную потребность человѣческаго духа, которой война подлежитъ какъ все остальное, какъ матерьялъ, какъ пища; если война доставляетъ праву формулы, искусству — идеалы, то не слѣдуетъ изъ того, чтобы она создавала право, искусство, которыя предшествуютъ ей, которымъ она обязана, что вышла изъ категорій животной, вѣрской борьбы и которыя продолжаютъ облекать эти кровавыя столкновенія гуманизмомъ и человѣколюбіемъ; если право и искусство извлекаютъ сравненія изъ примѣровъ, представляемыхъ войною, то отъ сравненія двухъ предметовъ еще весьма далеко до ихъ тождества.

Эти возраженія заслуживаютъ честнаго и добросовѣстнаго обсужденія. Прежде всего возраженія эти приводятся къ тому, что право и поэзія, составляя сущность природы человѣческой, выражаются въ войнѣ, какъ и въ другихъ проявленіяхъ жизни; они составляютъ содержаніе вѣчное и естественное, а война служила имъ случайною, преходящею формою. Различая содержаніе отъ формы, признавая послѣднюю измѣнчивой и преходящей, тѣмъ менѣе разбить, раздѣлить сущность и форму мы не въ состояніи. Въ самомъ дѣлѣ, что такое сущность безъ формы, форма безъ сущности? Ничего; человѣчскій разумъ постигнуть этого не можетъ. Два эти понятія, какъ матерія и сила, раздѣлены быть не могутъ:

нѣтъ права безъ его формуль, нѣтъ искусства безъ идеала. Если справедливость, поэзію разсматривать какъ содержаніе, а войну какъ ихъ выраженіе, символъ, формулу, то слѣдуетъ только понять, могла ли быть сущность безъ формы. Здравый смыслъ говорить нѣтъ; такъ не могла ли сущность выразиться въ явнѣхъ формахъ? Положительно нѣтъ, ибо этимъ нарушались бы всѣ законы необходимости и причинности. Въ искусствѣ отдѣлить содержаніе отъ формы значить уничтожить его, отрицать его. Искусству для воплощенія своихъ идеаловъ необходимъ былъ реальнѣй, живой міръ; — могло ли оно обойти тѣ явленія, которыя составляютъ сущность жизни и развитія? Такимъ образомъ видъ антагонизма, видъ враждебныхъ, взаимно вызывающихъ на борьбу силъ какъ въ природѣ, такъ и въ человѣкѣ, нѣтъ справедливости и государства, нѣтъ искусства и поэзіи.

Инстинкты и стремленія народныя понимаютъ связь поэзіи съ войною. Войска занимаютъ почетнѣйшую роль въ народныхъ празднествахъ въ монархіяхъ, какъ и республикахъ: они открываютъ обыкновенно процесіи. Попросите человѣка, мрачно смотрящаго на эту грозную силу, защитницу и представительницу враждебныхъ ему убѣжденій, вообразить, что эта грозная сила изъ враждебной становится дружелюбной: лицо его прояснится и онъ съ удовольствіемъ начнетъ считать безчисленные ряды ея. Нерасположеніе къ войску никогда не было основано на антипатіи къ нему, какъ къ силѣ грубой и неразумной, а на антипатіи къ насилию, которому оно служитъ. Вообразите силу эту проникнутою сознаніемъ долга и истины, которой она служитъ, — и откажите ей въ уваженіи!

Чувство изящнаго растетъ въ народѣ вмѣстѣ съ развитіемъ воинской доблести; когда послѣдняя гаснетъ — гаснутъ искусства. Эпоха высокихъ художественныхъ произведеній есть эпоха войнъ и побѣдъ. Возрожденію наукъ и искусствъ соотвѣтствуетъ возрожденіе военнаго искусства. Для побѣжденнаго, для угнетеннаго вѣтъ высокихъ, вѣчныхъ идеаловъ творчества, какъ нѣтъ ихъ для лавочника и раба. Это не афоризмъ — онъ остался бы безсиленъ. Цвѣтущая эпоха Италіи, Испаніи, Голландіи соотвѣтствовала воинственному періоду ихъ исторіи: Рафаэль, Микель-Анджело, десятки великихъ школъ и сотни великихъ художниковъ итальянскихъ, Мурильо и Веласкесъ, Рембрандтъ, Ванъ-Дикъ и Рубенсъ процвѣтали въ эпоху воинственныхъ папъ, воинственныхъ королей, воинственныхъ штатгальтеровъ. Прелъ нашими глазами примѣръ еще болѣе поразительный. На американской почвѣ поселился народъ могучей крови, сильнаго и способнаго племени, при самыхъ благоприятныхъ для развитія условіяхъ и 80 лѣтъ развивается исключ-

тельно мирнымъ путемъ. Американецъ — незнающій устали работникъ, несравненный производитель; но помимо успѣховъ земледѣлія и промышленности, что далъ человѣчеству молодой народъ? Гдѣ его поэты, философы, художники, государственные люди, законодатели, полководцы? Вашингтонъ и Франклинъ — старого, нашего міра. Онъ удешевляетъ богатства, онъ увеличиваетъ свое населеніе до того, что устрашаетъ мальтузианцевъ; но въ чемъ его мысль, гдѣ его поэзія, къ чему стремится его социальное устройство? На своей свободной землѣ подвинулъ ли онъ къ разрѣшенію вопросъ о трудѣ, о равенствѣ, объ общественномъ равновѣсіи, о гармоніи между человѣкомъ и природой? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что человѣку необходимо устроить жилище, приготовить одежду, запастись пищей, достигнуть благосостоянія; но какая же цѣль всего этого, что же дальше? Вѣдь это пути, а не цѣли. И вотъ вчера началась борьба, открылась война, потекла кровь, которая должна обновить новый міръ и указать ему новые идеалы.

Моралисты и философы, слившіеся противодѣйствовать войнѣ, не могутъ не отдать ей должныхъ заслугъ въ развитіи человѣчества. Приведемъ слова нѣкоторыхъ изъ нихъ :

«Миръ ведетъ къ роскоши; роскошь увеличиваетъ чувственные наслажденія, привычка къ нимъ рождаетъ изнѣженность и эгоизмъ, характеры мельчаютъ. Война съ своими бѣдствіями закаляетъ человѣка въ крѣпости и доблести. Безъ нея мужество, терпѣніе, твердость, самопожертвованіе, презрѣніе къ смерти исчезли бы съ лица земли.

«Чтобы гражданская доблесть не вымерла въ цивилизованномъ народѣ, ему необходима крайняя опасность...» (Анцилонъ)

Другой говоритъ: «Война, неизбѣжное послѣдствіе страстей человѣческихъ въ международныхъ столкновеніяхъ, въ цѣляхъ провидѣнія есть могущественнѣйшій дѣятель, который оно употребляетъ по своему усмотрѣнію. Она создаетъ, разрушаетъ, пересоздаетъ государство.

«Обильная бѣдствіями и благодѣяніями, замедляя, прерывая или ускоряя развитіе или смерть, она рождаетъ въ цивилизации то неизбѣжное движеніе, которое возбуждаетъ всѣ силы и способности человѣческой природы, которыми измѣряется долговѣчность и благодѣяніе народовъ.» (Порталисъ)

Вотъ что говоритъ Гегель: «Война необходима для нравственнаго развитія человѣчества. Она выдвигаетъ напу добродѣтель и кладетъ на нее печать свою; она закаляетъ народы, изнѣженные

миромъ, укрѣпляетъ государства, упрочиваетъ династія, испытываетъ племена, передаетъ власть въ руки достойнѣйшимъ, сообщаетъ всему движеніе, жизнь, олушевленіе.»

Приведенныя цитаты мало согласуются съ противодѣйствіемъ тѣхъ же философовъ войны, сущность которой они все-таки признаютъ за зло. Человѣкъ, какъ существо мыслящее и свободное, то-есть способное къ развитію, находится въ постоянной борьбѣ, въ вѣчной войнѣ съ окружающею его природою. Здѣсь уже первая школа для развитія его мужества, терпѣнія, презрѣнія къ смерти, самопожертвованія для счастья и благоденствія его брата, одявъ словомъ для развитія его доблести. Но это еще не все: на томъ же пути онъ встрѣчаетъ такого же человѣка, равнаго ему, который оспариваетъ его право на обладаніе миромъ, на одобреніе другихъ людей, на славу, который его всемогуществу противопоставляетъ неменѣе могущественное *velo*. Это столько же естественно, сколько и справедливо: естественно, потому что развитіе ихъ идетъ разными путями, пошло отъ различныхъ точекъ, родило различныя стремленія, интересы, принципы, мнѣнія, убѣжденія; справедливо, потому что этимъ антагонизмомъ, этими противоположностями рождается новый міръ человѣческихъ отношеній, права, свободы, нравственности, продолжается дальнѣйшее развитіе природы, ея творчество.

Вотъ естественная и законная причина войны. Развитіе не ограничивается однимъ отрицательнымъ путемъ, воздержаніемъ отъ того, чего не допускаетъ право и нравственность — человѣкъ замеръ бы въ такомъ положенія; онъ выбираетъ, гдѣ можетъ и насколько можетъ, пути положительныя для развитія энергіи, силы, таланта, воли, характера. Къ чему ведетъ война? Часто къ смерти противника, къ его уничтоженію, къ отстраненію враждебныхъ силъ, ставшихъ поперегъ дороги. Исторія представляетъ безчисленные тому примѣры. И все это безъ нарушенія справедливости, безъ вѣроломства, безъ оскорбленія: воинъ унижающій противника, употребляющій противъ него оружіе или средство, противное общимъ убѣжденіямъ о чести даннаго времени, несетъ славу вѣроломнаго убійцы.

Итакъ война вѣчно присуща человѣчеству и будетъ существовать, пока на землѣ будетъ жить человѣкъ; она составляетъ сущность его духа, независимо отъ ея формы, внѣшнихъ проявленій, предписанныхъ ею правилъ, независимо отъ опредѣленія права побѣдителя или обязанности побѣжденнаго. Она не можетъ быть ограничена и уменьшена, она расширяется и растетъ вмѣстѣ съ развитіемъ въ человѣкѣ убѣжденій религіозныхъ, философскихъ,

политическихъ, экономическихъ, хотя вмѣстѣ съ временемъ она измѣняетъ свои формы и внѣшнiя проявленiя. Вмѣстѣ съ ростомъ растетъ рыцарскiй характеръ ея. Войнѣ не подлежитъ уголовному суду; мало того, воинѣ и разбойникѣ — противники, между ними нѣтъ ничего общаго.

Гоббсъ и его послѣдователи дѣлаютъ подобное возраженiе противъ войны: если война прекратилась между гражданами одного государства, то почему не можетъ случиться того же между самими государствами? Если война, какъ обыкновенное явленiе между народами, не такъ обыкновенна между гражданами одного государства, это происходитъ во первыхъ отъ того, что гражданское и общественное право, по естественному ходу событiй, получили наибольшую возможность развитiя безъ кровавыхъ схватокъ, и успѣли утвердить право силы, между тѣмъ какъ право силы (или большинства) въ международныхъ отношенiяхъ развито сравнительно весьма слабо; во вторыхъ, человекъ отказался до нѣкоторой степени отъ внутреннихъ кровавыхъ столкновенiй, чтобы оградить себя отъ вмѣненiя права извнѣ и поручилъ эту защиту государству. Право силы, общественное мнѣнiе такъ слабы еще въ международныхъ отношенiяхъ, что нельзя и предвидѣть, чтобы эти отношенiя рѣшались бы не вооруженною рукою, а вмѣненiемъ закона, признаваемого большинствомъ, т. е. правомъ силы. И это снова доказываетъ намъ, что война есть самое громкое, самое потрясающее, самое ужасное проявленiе человѣческой жизни: она вызываетъ въ насъ и развиваетъ силу, мужество, добродѣтель, героизмъ, самопожертвованiе, дѣлаетъ насъ способными отказаться отъ самыхъ драгоценныхъ предметовъ: отъ богатства, отъ покоя, добытого трудомъ, отъ семьи, отъ собственности, отъ радостей любви, отъ жизни.

Вотъ почему во мнѣнiи народа начальникъ страны есть воинъ, благороднѣйшiй изъ благородныхъ; по всѣмъ конституцiямъ ему принадлежитъ начальствованiе надъ армiей. Въ древнемъ Римѣ въ лицѣ консуловъ сосредоточивалась судебная власть и военная. Оемидя изображалась съ мечемъ въ одной рукѣ и съ вѣсами въ другой. Судья и военачальникъ, въ случаѣ надобности и первосвященникъ, какъ римскiй диктаторъ, — вотъ идеалъ народнаго предводителя по мнѣнiю массъ. Трижды счастливъ народъ, начальникъ котораго самый храбрый и самый справедливый. Новѣйшее время представляетъ два такихъ счастливыхъ примѣра: въ Густавъ-Адольфѣ и Вашингтонѣ!

Представивъ значенiе войны и анализируя феноменологию права силы, убѣдившись, что человекъ не можетъ отречься отъ

войны ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ, мы не можемъ пропустить молчаніемъ другого понятія, противоположнаго войнѣ, дополняющаго ее собою какъ противоположность, какъ антитеза, — понятіе о *миръ*.

Идея вѣчнаго и всеобщаго мира такъ же глубока, такъ же вѣчно-присута сознанію, какъ идея войны. Но что мы знаемъ объ этомъ? Въ варварскій, желѣзный вѣкъ, богиня, оскорбленная людскою неправдой и злобой, удалилась на небо съ обѣщаніемъ вернуться на землю снова, когда наступитъ золотой вѣкъ и воцарится любовь и правда. Защитники прогресса утѣшаютъ, что эта страстно-желанная минута есть цѣль, къ которой неуклонно идетъ развитіе. Чѣмъ воинственнѣе эпоха, чѣмъ жесточе борьба; чѣмъ непримиримѣе вражда, тѣмъ желаниѣе кроткая богиня мира. Въ исторіи мы встрѣчаемъ такую эпоху, такое всеобщее стремленіе къ миру усталого, измученнаго войной человѣка: Августъ былъ главнымъ представителемъ ея, Вергилій — поэтомъ. Но надежды не сбылись, потому что были мечтою и останутся мечтою. Не будемъ сердиться. Это фактъ жизни, условіе ея. Безъ него конецъ жизни, смерть.

Война и миръ — два понятія, дополняющія, обуславливающія другъ друга. Это вѣчная теза и антитеза мышленія. Существованіе мира опредѣляетъ войну и обратно.

Послѣ акціумской побѣды Августъ надѣялся затворить навѣки храмъ Януса: это было знакомъ новыхъ возмущеній, гражданскихъ войнъ, варварскихъ набѣговъ, которые истощили, унизили имперію. Діоклеціанъ ищетъ спасенія въ раздѣленіи имперіи: императоры начинаютъ войну другъ съ другомъ. Константинъ ищетъ спасенія въ христіанствѣ: начинается война между старою и новою религіей, и это продолжается до тѣхъ поръ, когда имперія, объявленная врагомъ человѣчества, рушится и единство распадается. Тогда оскорбленныя, принесенныя въ жертву народности, съ молодою варварскою кровью и укрепленныя христіанствомъ, подымаются другъ противъ друга. Утомленное войною человѣчество останавливается на мысли о единой христіанской имперіи и Карлъ-великій подписываетъ миръ съ папой — потомъ дерутся пять столѣтій за толкованіе этого мира. Когда самодержавный первосвященникъ объявленъ былъ *княземъ мира*, сановники церкви, епископы и прелаты поднялись мечемъ и ринулись въ войну, будто миръ былъ покушеніемъ противъ религіи. Чтобы спасти чистоту вѣры и водворить миръ, мудрость человѣческая прибѣгаетъ къ раздѣленію властей и къ церковной реформѣ: начинаются религіозныя войны, ихъ смѣняютъ политическія. XVI, XVII и XVIII столѣтія гремятъ оружіемъ и бранными кликами.

Гроцій пишесть «О правѣ войны и мира», но уже поздно: приходится революція и доводитъ борьбу до страшнаго діапазона. Остановимся на минуту. Христіанство, договоръ Карла-великаго, реформація, революція имѣли цѣлью миръ; философія, литература, искусство три столѣтія приготовляли всеобщее примиреніе и братство народовъ. Революція была возстаніемъ мысли противъ грубой силы, права — противъ завоеванія и насилія, мирныхъ промышленныхъ успѣховъ противъ неистовствъ и звѣрства войны. Не успѣла она высказаться, какъ началась самая ужасная война. Казалось миръ присутствовалъ на своихъ похоронахъ. Въ двадцать пять лѣтъ десять мильоновъ человѣческихъ жертвъ принесено въ жертву этой борьбѣ титановъ. Наконецъ наступило время успокоеній и пламенно желаемый миръ торжественно подписанъ предводителями народовъ. Ангель мира прикованъ къ скалѣ священнаго союза. Начинается эпоха конституціонныхъ и парламентарныхъ учреждений. Ловкимъ маневромъ сила передана противникамъ войны. Открываются чудеса индустріи, колоссальное развитіе торговли, быстрые успѣхи науки, особенно политической экономіи, науки преимущественно мирнаго характера; открываются общества съ цѣлью проповѣдывать противъ войны и за миръ и всеобщее обезоруженіе, держатся митинги, говорятся сипчи, собираются конгрессы, подписываются адреса; католики, протестанты, квакеры, деисты, матеріалисты соперничаютъ другъ съ другомъ въ униженіи войны, въ признаніи ея безправственности. Резюмируемъ ихъ доводы и проклятія.

Война есть убійство; война есть грабежъ. Къ этому убійству и грабежу ведутъ народы ихъ правительства; это убійство, этотъ грабежъ превозносятся, восхваляются, прославляютъ; война есть убійство и грабежъ, узаконенные славою, гарантированные, застрахованные отъ палача и эшафота. Война есть непослѣдовательность закону, противорѣчіе ему, потому что войною общество приказываетъ то, что оно защищаетъ, и защищаетъ то, что оно приказываетъ; награждаетъ за то, за что наказываетъ, и наказываетъ за то, за что награждаетъ; прославляетъ то, что хулить и хулить то, что прославляетъ.

Въ отвѣтъ на эти выводы философовъ и моралистовъ что встречаемъ мы въ исторіи въ послѣднее пятидесятилѣтіе отъ вѣснаго вѣчнаго мира? Какъ симптомы будущаго разгрома: итальянскій карбонаризмъ, либерализмъ реставраціи, доктринаризмъ, июльскую революцію, истекшій изъ нея социализмъ, испанскую войну, освобожденіе Греціи, турецкую войну, огдѣленіе Бельгіи, занятіе Анконы, первое столкновеніе по восточному вопросу 1840 года, Зун-

дербундъ, убійства въ Галиціи, революцію 1848 года, стремленія къ единству въ Австріи и Германіи, венгерскую войну, голландскую, итальянскую, экспедицію въ Римъ, восточную войну, ломбардскую, освобожденіе Италіи, смертельный ударъ папству, не считая войнъ съ меньшимъ значеніемъ въ Алжирѣ, въ Марокко, въ Индіи и Китаѣ.

Пятнадцать лѣтъ вся Европа то въ военномъ, то въ осадномъ положеніи. Воинственный жаръ далеко не остываетъ, мужество армій не уменьшается, никогда народы не были проникнуты такимъ воинственнымъ энтузіазмомъ, — и въ тоже время въ нравахъ невидно признаковъ звѣрства или варварства, никогда не были они такъ мягки, никогда не было большого пренебреженія къ военной славѣ, меньшей жажды къ завоеваніямъ; никогда люди военные не были проникнуты болѣе гуманными, болѣе рыцарскими чувствами. Можетъ-быть мирное рѣшеніе вопросовъ удовлетворило бы всѣхъ, привело бы къ соглашенію? Опытъ не подтверждаетъ этого. Защитники конституціоннаго принципа льстили себя надеждою, что лучшее средство противиться войнѣ — это подвергнуть ея парламентскимъ преніямъ. Что же мы видимъ? Несмотря на сѣтованіе биржи, англійскій парламентъ, высказавъ полную симпатію къ миру, единогласно вотируетъ вооруженіе страны, бельгійскій — тоже, итальянскій — тоже, прусскій — тоже.

Итакъ война и миръ не только не вытѣсняють другъ друга, но дополняютъ какъ теза и антитеза, опредѣляютъ причинность, необходимость другъ друга, какъ добро и зло, и суть функціи человѣческой жизни, одна изъ величайшихъ категорій человѣческаго мышленія; они вѣчно и постоянно смѣняютъ другъ друга, какъ сонъ и бдѣніе въ жизни человѣка, какъ потеря силъ и приобрѣтеніе ихъ, какъ въ политической экономіи производство и потребление.

Замѣтимъ еще, что исторія не драматическое представленіе, раздѣленное антрактами, въ которые человѣкъ занимается не общими, а своими дѣлами. Въ эти антракты приготавлиются причины для дальнѣйшаго дѣйствія и развитія драмы и они — самые полные интереса моменты ея, потому что время, какъ мы можемъ понять его, есть цѣпь идей, мыслей, а не цѣпь походовъ и сраженій.

Изъ представленнаго очерка феноменологіи войны можно заключить, что война есть явленіе нравственной жизни человѣка; она играетъ такую же роль въ антропологіи, въ наукѣ о человѣкѣ, какъ справедливость, какъ искусство и поэзія, какъ наука и индустрія, какъ политика и свобода. Главнѣйшій источникъ ея познанія есть всеобщее сознаніе, человѣческая совѣсть: походы и кампаніи, сраженія и осады, стратегія и тактика суть внѣшнія ея

проявленія, формальности прехолящія, подвижныя, подверженныя совершенному измѣненію отъ одной эпохи къ другой, отъ одного народа къ другому народу. Представляя этотъ очеркъ, какъ самую оригинальную и интересную часть разбираемой книги, мы оставляемъ дальнѣйшій ходъ мыслей автора и его доказательства и удовольствуемся только тѣмъ, что сказали вначалѣ, а именно, что Прудонъ измѣняетъ своимъ положеніямъ, и рядомъ новыхъ парадоксовъ, составленныхъ съ немалымъ діалектическимъ искусствомъ, приводитъ читателя къ противоположному выводу, какового онъ ожидаетъ, и объявляетъ, что человечество не хочетъ болѣе войны.

Изъ сказаннаго мы можемъ заключить, что наука о войнѣ, какъ и всякая иная наука, имѣетъ свою философію; изслѣдованія и анализъ послѣдней открываютъ намъ, что война есть могущественная сила нашей души; все что составляетъ содержаніе нашей мысли и нравственности, все что составляетъ сущность нашей цивилизаціи и славы — все это слагалось, насиживалось какъ яйцо миромъ, и развертывалось, обнаруживалось войною. Въ прежнія времена боялись высказать подобную истину, но послѣ философовъ XVIII вѣка, послѣ французской революціи и нѣмецкой критики, послѣ социальныхъ теорій и успѣховъ естественныхъ наукъ бояться истины невозможно.

Война и миръ, какъ теза и антитеза, есть одна изъ антиномій, одно изъ противорѣчій, никогда неразрѣшимыхъ и вѣчно разрѣшаемыхъ человѣкомъ. Уничтожить ее невозможно, ибо это значило бы уничтожить жизнь. Вопросъ стало-быть не въ томъ, чтобы исключить ее отысканіемъ новой политической формы, новаго народнаго права, ибо это, какъ мы видѣли, невозможно; а въ томъ, чтобы измѣнить, улучшить средства, пути ея проявленія, слѣлать ее болѣе могущественною для всеобщаго развитія. Чтоже значитъ улучшить, усовершенствовать войну? Значитъ ли это слѣлать ее еще болѣе ужасной и свирѣпой? Должна ли она вмѣстѣ съ успѣхами цивилизаціи способствовать развитію въ насъ мужества и гражданской доблести? Нормальное ли, или патологическое оно состояніе общества? Находится ли она въ правѣ или внѣ его, въ религіи или внѣ ея, въ нравственности или внѣ ея? Въ одномъ случаѣ, что можно и должно дѣлать, чтобы придать ей дѣйствительную силу, подобающее значеніе, геройскій характеръ; въ другомъ — какія употребить средства для ея искорененія?

Несходя съ исторической точки зрѣнія и непускаясь въ безплодныя метафизическія мечтанія, мы видимъ, что война есть наша исторія, наша жизнь: законодательство и политика, право

гражданское и народное, поэзія, а между тѣмъ моралисты и философы, доводы которыхъ мы приводили, говорятъ объ ея уничтоженіи, какъ объ уничтоженіи пошлины или снятія таможи. Но вѣдь если исключить войну какъ сущность развитія, ничего не останется, ровно ничего въ прошедшемъ и ни одного элемента для постройки будущаго. Тщетно раздается и будетъ раздаваться голосъ празднои филантропіи противъ жертвоприношеній неасыпному богу войны; тщетно скупой, скаредный духъ меркантилизма и торгашества своему колоссальному производству, своимъ желѣзнымъ дорогамъ и свободной торговлѣ, своимъ банкамъ и промышленнымъ выставкамъ противопоставляетъ и будетъ противопоставлять ужасающіе военные расходы, пепель и развалины городовъ, опустошеніе полей, отчаяніе матерей, жонъ, дочерей, обезлюденіе, одичалость поколѣній, застои въ производствѣ и эксплуатаціи. Пока сознаніе человѣческое не перестанетъ отрицать ее такимъ путемъ, пока противъ нея будутъ приводить потерю людей и денегъ, застои въ дѣлахъ, паденіе фондовъ и курсовъ, банкротство, — до тѣхъ поръ война не прекратится, мало того, она не измѣнитъ той формы, принявъ которую за ея сущность, философы и моралисты подняли противъ войны вопль, который остается гласомъ пророка въ пустынѣ.

Мы стоимъ на рубежѣ, который отдѣляетъ насъ отъ прошлаго и съ котораго можно видѣть обѣтованную землю, въ которую вступать дѣти дѣтей нашихъ. Мы предчувствуемъ вѣкъ свободный, религіозный, нравственный, вѣкъ истины, разума и добродѣтели. Таковы голоса, вдохновенно и благородно раздающіеся для облегченія уставшаго, разбитаго борьбой и жизнью челоуѣка. Но разверните книгу исторіи, загляните въ таинственную глубь жизни: сколько разъ раздавался этотъ голосъ! Чтѣ предсказывалъ онъ? Въмѣсто борьбы съ ужасами пустыни, съ голодомъ, жаждой и змїями, нужно было бороться съ филистимлянами и моавитянами. Когда на новомъ Эаворѣ раздались голоса, объявившіе права челоуѣческія, они раздались тоже во имя мира и прекращенія войны. Но когда же исполненіе пророчества? Если мы устали ожидать, то не устали жить, мыслить и устроить свою судьбу. Если не исполняются пророчества о водвореніи всеобщаго примиренія, то есть много надеждъ предположить, что тѣ явленія, которыя сопровождаютъ войну, которыя обыкновенно принимаютъ за самую войну, должны уступать мѣсто другимъ, болѣе соответствующимъ духу времени и выжитымъ новымъ понятіямъ о справедливости.

Но всякое улучшеніе, всякое усовершенствованіе, всякій шагъ впередъ войны предполагаетъ признаніе *права смлы*: безъ этого

признавля движениэ невозможно. Изъ испорченнаго источника можетъ вытекать только заражонная вода, отъ невѣрнаго, гипотетическаго положенія можно придти только къ ложнымъ и мечтательнымъ выводамъ.

II. ВЫВѢСКИ

ОТСТАЛАЯ

ПОВѢСТЬ

— Барышня! барышня! что вы дѣлаете? ну какъ кто увидятъ! маменькѣ-то и скажутъ, какъ вы на вербу лазаете...

— Никто не увидитъ... ты посторожи. А и увидятъ, такъ не велика важность. Маменька поворчитъ, да такая же будетъ... Ахъ какъ весело, Матреша! далеко-далеко все видно кругомъ! Вонъ это вправо — вѣдь это нелюдовская церковь бѣлѣтся... Тамъ Яковъ Иванычъ живетъ... Ахъ, какъ крестъ на колокольнѣ блеститъ, точно звѣздочка!

— Чу! и звонъ слышенъ, сказала Матреша: — это образа поднимаютъ въ Макаровѣ: завтра ивановъ день, въ Макаровѣ веселье — пиво варили, гостей найдеть уже изо всѣхъ деревень... Хороводы, барышня, будутъ. Ахъ, кабы воля была, ужь сбѣгала бы на праздникъ. Видно такъ вѣкъ-то и изживешь!..

— Попросись!

— Ой, куда! отпустить ли... будто вы не знаете. Да я и не посмѣю, низачто не посмѣю! Господи! какъ люди-то на волѣ живутъ, точно птицы небесныя — куда захотѣли, туда и полетѣли! а ты вотъ точно собака на привязи...

— Миѣ твоего не легче: я никого не вижу, нигдѣ не бываю, да и негдѣ — глухой нашъ уголъ! Я бы сама какъ птица полетѣла.

— Погодите — замужъ выйдете, такъ будете сами себя господа.

— А какъ не выйду?

— Ну, не выйдете, такъ долго у маменьки подь страхомъ будете... Батюшки! Арина Дмитревна идетъ! Слѣзайте скорѣй!

— Близко? спросила барышня встревоженнымъ голосомъ.

— Близко... Платье-то зацѣпили!

— Не изорвала? Нѣтъ, слава-богу!

Спустясь на землю съ высокой вербы, Маша (такъ звали барышню), какъ ни въ чемъ не бывала, пошла навстрѣчу Арины Дмитревны.

Арина Дмитревна Свѣткова была бѣдная сосѣдка, проживавшая съ незапамятныхъ временъ въ крошечномъ деревянномъ домикѣ сельца Калявина, наполненнаго такими же, или гораздо бѣднѣе, домиками мелкопомѣстныхъ дворянъ, одичавшихъ въ невѣжествѣ, глуши и бѣдности. Арина Дмитревна, по счастливому стеченію обстоятельствъ, была между ними, какъ они сами выражались, *отмѣтнымъ сободемъ*. Она въ молодости бывала въ «хорошихъ домахъ» и до сихъ поръ еще вносила въ свой уголь нѣкоторый свѣтъ чрезъ свои посѣщенія окрестныхъ помѣщиковъ. И жила она съ сыномъ своимъ Тимофеемъ Васильичемъ или Тимой, какъ она называла его, позажиточнѣе другихъ, потому что часто привозила съ собой и чаекъ, и сахарокъ, и мучки, и кружки отъ своихъ благодѣтелей и милостивцевъ. Это была смуглая, сухая женщина средняго роста; парадный чепецъ ея отличался оригинальнымъ желтымъ бантомъ, посаженнымъ почти на самую маковку головы. Глядя на нее, никакъ нельзя было живо представить ея молодости: точно она такой и на свѣтъ произошла, — съ этимъ смуглымъ лицомъ, бойкими черными глазами, и съ этой ужимкой рта, показывающей хитрость и осторожность.

— Загулялись, моя родная! обратилась она къ Машѣ: — ужъ маменька о васъ не одинъ разъ вспоминали.

— Да вѣдь жарко, Арина Дмитревна! отвѣчала Маша: — нѣтъ возможности въ комнатахъ оставаться. Маменькѣ хорошо, въ ея годы, цѣлые дни на одномъ мѣстѣ сидѣть. У ней ноги болятъ, она и въ жаръ зябнетъ.

— Да онѣ о васъ беспокоются, ангель мой.

— Да что обо мнѣ беспокоиться-то? меня никто не съѣстъ.

Арина Дмитревна свисходительно улыбнулась, даже провела своей жилистой рукой по спинѣ Маши.

— Проказница, голубчикъ мой! чего не выдумаетъ! никто, говорить, не съѣстъ!.. А вы вотъ что дѣлайте, ангелъ мой: вы къ маменькѣ почаще заглядывайте, хоть на минуточку да почаще.

— Господи, какая тоска! воскликнула Маша: — одно удовольствие — быть на воздухѣ, и въ томъ воли нѣтъ.

— Что дѣлать, ангелъ мой! надо маменькѣ покоряться. Онъ ужъ нынче слабы здоровьемъ стали.

— Родителей почитать надо, прибавила Арина Дмитревна убедительно, со вздохомъ: — вотъ я и Тимѣ моему говорю: долженъ ты мать уважать! Тебя Богъ за это всѣмъ наградить, а за неуваженіе къ матери не будетъ ни въ чемъ счастья, ни въ чемъ! Такъ пропадетъ человекъ; исчезнетъ какъ прахъ какой-нибудь...

Даже легкій трепетъ пробѣжалъ по Машѣ: такъ энергично были сказаны эти слова Ариной Дмитревной.

— А гдѣ вашъ Тимофей Васильичъ? спросила Маша, чтобы переменить суровое направленіе разговора.

— Дома остался; пора рабочая теперь, тоже и покосить надо. Мужичонка-то одинъ; Маша захворала что-то. Ужъ мой Тима и то горевалъ, что давно не бывалъ у васъ. Вамъ бы съ нимъ позаняться было...

— Ты воображаешь, очень весело съ твоимъ Тимой? подумала Маша ей въ отвѣтъ: — скука смертная!

— Онъ у меня тоже книжки читаетъ, продолжала Арина Дмитревна, — умомъ не обиженъ отъ Бога; вотъ только несчастье, что мѣста лишился, а все по зависти да по навѣтамъ. Секретариска у нихъ такой мерзкій человекъ. Чтобы ему пусто было, проклятому! Какъ бы только бѣднаго человека притѣснить.

— За что это онъ на него опрокинулся?

— А такъ, низачто-нипрочно! Ты, говорить, пьянствомъ занимаешься... А ужъ объ моемъ Тимѣ грѣхъ это сказать. Конечно онъ при случаѣ выпьетъ, — такъ кто же нынче не пьетъ? Курица, и та пьетъ. Нельзя и не выпить молодому человеку. Товарищи его вовлекли: зазвали въ трактиръ, да и пошумѣли; мой-то задорень — слово за слово, да и подрались... Мало ли, и хуже дѣлаютъ, да не выгоняютъ... а все бѣдность, ангелъ мой.

— Бѣдность бѣдностью, а немного и самъ виновать, строго замѣтила Маша.

— А другіе-то, посмотрѣшь, хуже дѣлають, да все съ рукъ сходить... Чтѣ ты это, Матренушка, точно похудѣла? не хворашь ли? обратилась она вдругъ къ Матрешѣ, стоявшей все время поодаль.

— Чтѣ это вамъ, Арина Дмитревна, кажется! отвѣчала Матреша: — отчего мнѣ худѣть? мнѣ нешто дѣлается... Позвольте, къ платью-то у васъ репейникъ присталъ, сказала она, очищая подолю Арины Дмитревны.

— Спасибо, голубушка! вѣжливая ты дѣвушка, и видно, что все съ барышней. Ну, чтоже вы съ барышней все гуляете? чтѣмъ ты барышню развлекаешь? Пѣсни чтоли поешь?

— Тебѣ все нужно знать! опять подумала Маша: — вотъ я сейчасъ на вербу лазала, тебя не спросилась!

Матреша между тѣмъ отвѣчала:

— Всяко бываетъ: когда и пѣсни пѣтъ меня заставляють.

— Ну, и то развлеченье отъ скуки... А скучно вамъ, я думаю, ангелъ мой! Маменька старенька, да и здоровьемъ плоха; подругъ вамъ изъ благородныхъ нѣтъ, живете словно въ углу... Выѣхать вамъ не съ кѣмъ. Маменька всѣ знакомства прекратила, какъ паненька — царство небесное! — умеръ. Свѣту вы, красавица моя, совѣмъ не видите. Посмотрите, загорѣли какъ! Платице измято, пепышно... Ужъ вамъ бы надо, — извините меня, что я такъ говорю, по любви моей къ вамъ — попышнѣе носить. Вы не бѣдная какая. У маменьки, слава-богу, есть денежки.

Маша невольно оглядѣла себя и подумала:

— Какая я замарашка!

И въ самомъ дѣлѣ ситцевое ея платье было измято, безъ кринолина, безъ крахмаленыхъ юбокъ. Маша любила свободу движеній и потому у ней была страсть «ходить дудкой», по выраженію ея матери Анны Федоровны. Обувь ея тоже не была элегантна и башмаки, работы домашняго башмачника-самоучки, уродовали ея маленькую ножку. Анна Федоровна говорила, что хорошихъ на нее не напасешься, что она еще дитя, что будетъ съ нее и того, что у нея есть все порядочное на случай. Арина Дмитревна въ первый разъ обратила вниманіе на нарядъ Маши, и Маша едвали не въ первый разъ устыдилась своего наряда.

Она не думала о немъ, сидя на вербѣ; не думала, когда бывала одна съ Матрешей и слушала ея пѣсни и сказки...

— Отчего вы не гуляете съ зонтикомъ? Личико-то бы меньше загорѣло, продолжала Арина Дмитриевна.

— Находишься ли съ зонтикомъ! отвѣчала Маша: — сейчас изломаешь; да и скучно. Былъ у меня зонтикъ, да я забыла его въ саду, пошелъ дождь и испортилъ его: весь полинялъ и сморщился! прибавила она весело: — я отдала его Прасковѣ въ огородъ, воронъ пугать.

Арина Дмитриевна снисходительно засмѣялась.

— Барыня приказали васъ просить къ себѣ, раздался голосъ пожилой женщины, вышедшей изъ боковой алей и метнувшей непріязненный взглядъ на Матрешу. Черные глаза Матрешы встрѣтили этотъ взглядъ храбрымъ, вызывающимъ выраженіемъ.

Маша съ гостьей пошли впередъ; Аграфена (такъ звали пожилую женщину) съ Матрешей поотстали отъ нихъ.

— Ты что здѣсь торчишь, щелчекъ? обратилась Аграфена къ Матрешѣ.

— Я съ барышней, отвѣчала послѣдняя, презрительно фыркнувъ носомъ.

— Да вѣдь ты видишь, что барышня съ гостьей: тебѣ бы и идти въ горницу.

— Что мнѣ безъ приказу идти!

— Безъ приказу! тутъ и безъ приказу, а какъ по избамъ бѣгать, такъ смѣешь безъ приказу!?

— Когда я бѣгаю?

— Когда? Ахъ ты, козенокъ проклятый! Молчи ужь лучше.

Матреша повернула въ сторону, къ калиткѣ, а Аграфена послѣдовала за барышней и гостьей въ домъ, черезъ балконъ.

Балконъ велъ въ гостиную, небольшую, четырехъ-угольную комнату, гдѣ въ чинномъ порядкѣ стояли по стѣнкамъ диваны и стулья, сдѣланные по крайней мѣрѣ лѣтъ шестьдесятъ назадъ и отличавшіеся неуклюжимъ видомъ и прочностью. По стѣнамъ висѣли картины, представлявшія сцены изъ жизни Маріи Стюартъ и какія-то необыкновенныя сраженія. Противъ балкона красовались портреты Анны Федоровны и ея покойнаго мужа, намалеванные дотога дико и непохоже, что возбуждали

невольную улыбку въ непривыкшемъ зрителѣ. На столахъ передъ ливанами, на сахарной бумагѣ сушились ягоды. Занавѣски, подсвѣчники убирались на лѣто въ кладовую отъ мухъ, и потому лѣтомъ гостиная носила видъ патриархальной простоты и дышала какой-то заманчивой тишиной. «Человѣческая жизнь» (іротеа) густо вилась по окнамъ, распуская свои минутные цвѣты; жужжанье мухъ однозвучно оглашало комнату.

— Барыня просить васъ въ дѣтскую, сказала Аграфена: — тамъ попрохладѣе.

Дѣтская была тоже небольшая комната, выходящая окнами на дворъ. Кровать Маши съ ситцевымъ пологомъ стояла восторжѣ. Въ простѣнкѣ находился столъ съ небольшимъ зеркальцемъ; банка помалы и какая-то засаленная коробка замѣняли всѣ дорогія бездѣлки, которыя украшаютъ туалетные столики многихъ дѣвицъ; зато два букета полевыхъ жасминовъ въ зеленыхъ банкахъ изъ-подъ варенья разливали свой раздражающій запахъ. Комната не принадлежала Машѣ вполне: Анна Федоровна отправляла въ ней почти всѣ свои хозяйственные занятія и сидѣла въ ней большую часть дня, наблюдая изъ оконъ за движеніями своей дворни и за всѣми проходящими и проѣзжающими, потому что проѣзжая дорога пролегала мимо оконъ. На кафельной лежанкѣ стояли бутылки съ наливкой и уксусомъ и лежали еще неубранные, только-что принесенные изъ сушки грибы.

Анна Федоровна была тучна и съ трудомъ перемѣняла мѣсто: гдѣ ужъ усидится съ утра, тамъ и сидитъ цѣлый день. Къ ней приносили и опытокъ льну, и пучекъ созрѣвающей ржи, чтобъ она, по счету зеренъ въ колосьяхъ, могла заключить объ урожаѣ. Вся дѣятельность ея сосредоточилась послѣднее время въ приказаніяхъ и побранкахъ. Аграфена была ея довѣреннымъ лицомъ и правой рукой. Анна Федоровна знала, что Аграфена не утерпитъ и донесетъ ей о всѣхъ злоупотребленіяхъ.

Анна Федоровна была женщина лѣтъ подъ шестьдесятъ. Она была дочь старинной хозяйки-помѣщицы, воспитанная въ страхѣ божьемъ и барской холѣ, прожившая весь вѣкъ въ деревнѣ, въ одномъ изъ тѣхъ захолустьевъ, которыя, несмотря даже на близость губернскаго города, сохраняютъ какую-то дикость и запустѣніе, гдѣ каждый счастливъ въ своемъ муравейникѣ и думаетъ, что только и свѣту, что въ его окошкѣ. Она была живымъ и полнымъ отраженіемъ своей матери, т. е. принадлежала къ чи-

слу тѣхъ помѣщицъ, которыя отъ небольшого достатка умѣютъ жить въ довольствѣ, варятъ варенье, сушатъ грибы, водятъ дворню босой и полуголодной и не заботятся о чистотѣ и порядкѣ заднихъ угловъ своего дома. Нѣтъ у нихъ ни порядочнаго экипажа, ни доброй лошади: ихъ замѣняютъ допотопная коляска покойныхъ родителей да четыре старыя клячи, когда-то бывшія «каретными». Самолюбивое чувство заставляетъ ихъ удалиться отъ знакомствъ выше своего состоянія, зато изъ бѣднѣвшихъ сосѣдокъ онѣ умѣютъ себѣ составить нѣчто вродѣ особеннаго штата и живутъ себѣ припѣваючи. Анна Федоровна вышла замужъ, послѣ смерти своей матери, уже очень немолода, за майора Петра Ефимыча Гранилина, оставившаго службу вслѣдствіе разстроенаго здоровья отъ ранъ, полученныхъ имъ въ разныхъ сраженіяхъ. Старый воинъ радъ былъ пріютиться подъ сѣнью скромнаго деревенскаго домика, осѣненнаго неправильно и глухо разросшимся садомъ. Анна Федоровна первый годъ замужества помолодилась, почванилась своимъ новымъ положеніемъ, но вскорѣ опустилась и облѣнилась. Черезъ три года супружества она овдовѣла и осталась съ Машей — «сиротой», какъ она выражалась. Наклонность къ сидячей жизни развила въ ней тучность и болѣзненность, и по мѣрѣ того какъ дѣвочка росла, кругъ понятій ея матери суживался и деревенская жизнь охватила ее какъ мягкій цуховикъ. Она проникнулась убѣжденіемъ, что все окружающее ее создано было для нея, и тотъ, кто изъ подвластныхъ ей осмѣливался дышать и жить для себя, считался почти врагомъ и терпѣлъ укоры и преслѣдованія. Подобнаго же рода взгляды, хотя и съ большими оттѣнками нѣжности и заботливости, былъ перенесенъ и на Машу. Маша должна была жить и дышать для Анны Федоровны и платить за ея попеченія безусловнымъ повинненіемъ, уваженіемъ и безпредѣльной любовью за то, что «она ее у сердца носила, болѣзни приняла, вспоила-вскормила ее...» и за всеѣмъ тѣмъ оставила ее безо всякаго образованія. Правда, отецъ Василии выучилъ Машу русской грамотѣ, священной исторіи и четыремъ правиламъ арифметики... Анна Федоровна знала столько же и считала этого достаточнымъ для жизни. Ей нетрудно было убѣдить въ этомъ неопытную, незнавшую жизни дѣвочку, въ которой воспитаніе развило склонность къ безпечности. Постоянная нѣга и угожденія, окружающія «барышню», готовые, тупыя правила, основанныя на голой

буквъ; въкоторыя условія приличіи, свойственныхъ положенію ея баркаго сапа, незнаніе людей и свѣта, глухое уединеніе отъ всего, что волнуется и кипитъ въ живомъ потокѣ развитія мысли и образованія; недостатокъ хорошаго чтенія, — все это окутало Машу какимъ-то густымъ, стоячимъ туманомъ, сквозь который она могла только видѣть одиѣ мелочи окружающей ее сферы. Порой, въ ея молодой, свѣжей натурѣ пробуждалась жажда дѣятельности: ей хотѣлось бы на покосѣ илти, траву косить или жать золотистую рожь до утомленія и нажать сноповъ больше другихъ; но она тутъ же вспоминала, что она *барышня*, что такое дѣло ей неприлично, что она могла только для шутки позволить себѣ срѣзать нѣсколько колосьевъ, не болѣе — и усюкоивалась. Мать удаляла ее отъ участія въ хозяйствѣ, какъ дѣлаютъ многія самолюбивыя, капризные матери-хозяйки, которымъ кажется, что другіе неспособны такъ хорошо распорядиться, какъ онѣ. Но у Анны Федоровны была еще и другая мысль:

— Вотъ, думала она, — какъ я умру или она выйдетъ замужъ, такъ и узнаетъ каково безъ матери жить...

Книгъ у Маши не было. Въ старомъ комодѣ, въ верхнемъ ящикѣ, лежало нѣсколько очень старинныхъ романовъ да нѣсколько померовъ журнала «Ипокрена или утѣхи любословія», семидесятыхъ годовъ. И между тѣмъ какъ наука дѣлала гигантскіе успѣхи, какъ новые вопросы, новыя потребности волновали умы, — Маша грустно, подчасъ, въ ненастный день, перебирала «Утѣхи любословія»... Около нея не было никого, кто бы могъ заронить въ ея душу зерно животворной мысли. Яковъ Ивановичъ, о которомъ она вспоминала сидя на старой вербѣ, былъ честный, добрый старикъ, умнѣе и дѣльнѣе другихъ близкихъ ей людей; но онъ былъ человѣкъ старыхъ понятій и боялся сбить Машу съ покойной, избитой колеи ея жизни, чувствуя себя въ силахъ ввести ее въ новую.

Яковъ Ивановичъ Орловъ былъ сынъ нелюдовскаго крестьянина, державшаго въ своемъ селѣ во время дѣно постоямый дворъ. Двѣнадцатилѣтній Яша приглянулся какому-то богатому проѣзжему барину, и тотъ пожелалъ взять его къ себѣ, съ тѣмъ чтобъ сдѣлать изъ него человѣка, какъ онъ самъ выразился. Жизнь Яши въ родительскомъ домѣ была незавидная: отецъ его сильно запивалъ, а матица не питала никакой нѣжности къ

пасынку; раздраженная противъ мужа, она будто хотѣла вынести на мальчикѣ всю свою досаду. Яшн, въ которомъ столкновеніе съ проѣзжими господами не могло не пробудить новыхъ думъ и желаній, выходящихъ изъ обыкновеннаго, узкаго круга крестьянской жизни, съ восторгомъ прильнулъ къ своему благодѣтелю, открывавшему передъ нимъ новую жизнь. Баринъ опредѣлилъ мальчика въ уѣздное училище, и приказавъ своему управителю заботиться о его содержаніи, уѣхалъ по болѣзни за границу, гдѣ и умеръ передъ выходомъ Яши изъ училища, не оставивъ насчетъ своего воспитанника никакого распоряженія.

Учене какъ-то тяжело подѣйствовало на голову Яши. Всѣ его склонности и стремленія точно придавились тѣмъ добросовѣстнымъ прилежаніемъ, съ которымъ онъ выучивалъ уроки и вникалъ въ кудрявую ученость наставниковъ. Кончивъ учене, онъ почувствовалъ такую усталость и туманность въ головѣ — точно онъ съ мѣста на мѣсто перетаскалъ огромную груду камней. Около этого времени умеръ и его отецъ, завѣщавъ сыну своей ветхій домъ, а мачиха вышла замужъ за городского торговца. Яковъ Ивановичъ опредѣлился писцомъ въ уѣздный судъ того самаго губернскаго города, въ которомъ кончилъ образованіе. Ему казалось, что дальше этого идти нельзя, что человекъ онъ простой, не шустрыій, что ужъ онъ и то далеко ушелъ отъ своего настоящаго положенія. Былъ онъ какъ-будто все чѣмъ-то недоволенъ, точно на что-то ему все было досадно. И угрюмо смотрѣлъ онъ на божій свѣтъ; молча и безусловно дѣлалъ свое дѣло, давъ себѣ слово не сдѣлаться ни пьяницей, ни взяточникомъ. Онъ сталъ изучать служебную формалистику и вскорѣ сдѣлался необходимымъ и благодѣтельнымъ лицомъ для просителей. Нужно ли навести справку, написать просьбу — никто какъ Яковъ Ивановичъ, и Яковъ Ивановичъ почувствовалъ, что онъ не бесполезенъ и пристрастился къ своему призванію. У него было много здраваго смысла и какая-то аскетическая натура. Къ женитьбѣ онъ чувствовалъ не отвращеніе, а непобѣдимый страхъ и считалъ ее лишней и тяжелой обузой. Притомъ же семейная, чиновничья жизнь, которую онъ наблюдалъ вблизи, представляла однѣ печальныя и незавидныя стороны. Женщины его круга возбуждали въ немъ или состраданіе, или презрѣніе. Честный самъ до неадаптизма, онъ не прощалъ той фальшивости и безпечности, которую налагаютъ у насъ на женщину положеніе и воспитаніе.

Счастливыхъ исключеній ему не попадалось. Онъ отважно подавлялъ въ себѣ всѣ юношескіе порывы. Чѣмъ старѣе онъ становился, тѣмъ больше вдавался въ чужіе интересы и какъ-будто забывалъ самого себя. Добра, ему сдѣланнаго, онъ не забывалъ никогда. Съ отцомъ Маши онъ сошелся вслѣдствіе какого-то пустого процесса изъ-за лоскутка земли, несправедливо присвоеннаго сосѣдомъ. Вскорѣ послѣ этого процесса Яковъ Иванычъ самъ попалъ въ затруднительное положеніе по службѣ, дѣйствуя безпристрастно противъ одного зажиточнаго сутяги. Ему хитро и осторожно вырыли яму; Петръ Ефимычъ спасъ его, помогая деньгами и ходатайствомъ. Яковъ Иванычъ вышелъ въ отставку и поселился на родномъ пепелищѣ, въ селѣ Пелюдовѣ. Онъ гащивалъ по цѣлымъ недѣлямъ у Петра Ефимыча, дѣля съ нимъ однообразные часы деревенскаго дня, пlyingся съ Машей и былъ распорядителемъ на похоронахъ его, когда растерявшаяся Анна Федоровна не умѣла и не знала что и какъ тутъ дѣлать. Послѣ смерти Гранина, который умирая просилъ его быть вторымъ отцомъ для его Маши, Яковъ Иванычъ считалъ себя единственнымъ ея покровителемъ, потому что Анна Федоровна, по его понятію, была дама сырая и избѣженная, въ дѣлахъ несмыслящая. Глубоко затанувшая потребность горючей, искренней привязанности пробудилась въ немъ и высказалась въ его безпредѣльной вѣжности къ Машѣ. Воспитанная въ глуши, обвѣянная деревенскимъ воздухомъ, загорѣлая, веселая дѣвочка представляла для него идеалъ чистоты и невинности. Ему казалось, что его отеческая любовь бодрствуетъ надъ ней невидимымъ ангеломъ-хранителемъ. Это было первое юное и чистое существо, которое встрѣчало его радостно и ласково, и одинокое сердце его раскрывалось для нея въ такихъ свѣтлыхъ, искреннихъ порывахъ вѣжности. Съ колыбели до настоящаго времени, Маша казалась ему неизмѣнно той же. Онъ съ неудовольствіемъ принужденъ бывалъ соглашаться, что она уже не ребенокъ, что ей уже семнадцать лѣтъ. Онъ воображалъ, что она для того и родилась, чтобъ жить въ этомъ уединенномъ домицкѣ, на радость ему; что выйти замужъ или предаться земной страсти она не могла, потому что слишкомъ чиста и невинна, да и достойныхъ ея никого не было. Только въ любви своей къ Машѣ Яковъ Иванычъ былъ мечтателемъ въ глубинѣ души своей. Маша съ своей стороны хотя тоже любила и уважала Якова Ива-

ныча, но только впоследствии поняла вполне, какое золотое сердце принадлежало ей беззавѣтно. Не думала она, не догадывалась, что она была единственнымъ и послѣднимъ лучемъ на закатѣ его суровой жизни. Между Анной Федоровной и Яковомъ Ивановичемъ проглядывало что-то затаенно-враждебное, какое-то смутное соперничество. Самолюбивая, деспотическая Анна Федоровна находила неумѣстной привязанность Якова Ивановича къ ея дочери.

— Какъ-будто она какая-то несчастная у меня, говорила она однажды Аринѣ Дмитревнѣ: — слава-богу, у ней есть мать, и безъ его любви обойдется.

— Э, родная моя! дурить человѣкъ, отвѣчала Арина Дмитревна. — Ему бобылю въ диковинку, что съ нимъ эдакой ангелъ ласково обходится.

Анна Федоровна ревновала Машу къ Якову Ивановичу также, какъ ревновала ее къ Матрешѣ; наружнаго же дружелюбія и согласія съ нимъ не нарушала, хотя ея малодушную натуру и раздражалъ нѣсколько опекунскій тонъ Якова Ивановича, но она считала его человѣкомъ нужнымъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Какъ большая часть русскихъ помѣщицъ, она не имѣла понятія о законныхъ порядкахъ, ее смущало каждое пустое столкновение съ земскою полиціей; подпись паспорта, вольной, повѣрка ревизіи, все это было для нея китайской грамотой и обманчивой ловушкой, для избѣжанія которой нуженъ опытный руководитель. Руководитель этотъ былъ Яковъ Ивановичъ.

— Какое время прекрасное! сказала Арина Дмитревна, входя съ Машей въ дѣтскую. — Ну какъ вы, родная моя, себя чувствуете?

— Все недомогаю, отвѣчала Анна Федоровна: — къ погодѣ чтоли всю развалило; да и заботы всякія крушатъ, обо всемъ надо подумать. Вотъ она подростаетъ, дочка-то моя, а я съ мѣста двинуться не могу, ни присмотрѣть, ни поучить, — такъ ужъ на волю божію!.. Да и много, много!..

Анна Федоровна выразительно махнула рукой.

— Что вы такъ беспокоетесь! сказала Арина Дмитревна: — Марья Петровна такъ умны, что за ними ненужно присмотра.

— Ну какой еще ум! еще въ головѣ вѣтеръ ходитъ.

Маша молча и чинно сидѣла, сложа руки на колѣняхъ.

— На что ты похожа! обратилась къ ней мать: — полюбуй-

ея на себя! Гдѣ ты была, какъ я отдыхала? Чай съ Матрешкой всѣ луга, всѣ болота обѣгала? Прекрасная, достойная подруга!

— Я въ саду была... отвѣчала Маша отрывисто.

— Имиъ скучно, виѣшталась Арина Дмитревна: — вѣдь сами посудите, какая здѣсь сторона: самая глухая, необразованная. Всѣ усальбы, что получше, опустѣли.

— Что за скука такая! Въ ея годы я никакой скуки не знала... Вотъ какое время приходитъ! обратилась со вздохомъ Анна Федоровна къ Ариивѣ Дмитревнѣ: — можетъ придется и древа, и воду самой носить... Слышали, Арина Дмитревна?

— Слышала, отвѣчала та, увыло качая головой.

— Чтоже это будетъ-то?

— Ужь и богъ-знаетъ что!

— Да правда ли?

— Правда, матушка, правда!

Вошла Аграфена и разговоръ прекратился; но Аграфена по тавиственной минѣ собесѣдницъ догадалась въ чемъ дѣло и подумала:

— А, видно, за живое забираетъ!

Это было въ то время, когда первая, живая вѣсть объ освобожденіи крестьянъ пронеслась грознымъ ударомъ надъ мракомъ закоснѣлаго эгоизма и невѣжества.

— Ужь я не знаю, какъ ѣи быть, продолжала Анна Федоровна, когда Аграфена вышла изъ комнаты: — ну куда я старуха поспѣла! да я съ голоду и холоду умру. Все растащатъ, все разворуютъ. Вонъ ужъ теперь же начали медвѣдями смотрѣть, в рожи-то сдѣлались немилыя... Охъ, Арина Дмитревна! глаза бы мои не видѣли, уши бы не слышали!.. Вотъ надо бы съ Яковомъ Иванычемъ посоветоваться, да теперь его съ собаками не сыщешь, — онъ все по помѣщикамъ. Никто вѣдь ничего не знаетъ, всѣ въ затрудненіи, никто не ожидалъ... Ужь конечно къ нему обращусь, больше не къ кому.

— Да вы бы, родная моя, Тимѣ моему приказали развѣдать. Вѣдь онъ эти дѣла долженъ знать, самъ въ палатѣ служилъ. Голова у него слава-богу; только вотъ злые люди обидѣли...

— Вотъ тамъ увижу... отвѣчала Анна Федоровна нервѣшительно.

Арина Дмитревна осталась ночевать. Маша вскорѣ послѣ чаю ушла въ садъ. Въ головѣ ея проходили мысли и вопросы

несвязной вереницей. Маша чувствовала, что находила какая-то туча; приближалась бѣда. Тревога матери неприятно отзывалась въ ея душѣ. Ей было и страшно, и ново все слышанное. Въ ней завязалась борьба — рѣшался вопросъ: хорошо или дурно? Вотъ и Матреша уйдетъ... Маша къ ней привыкла, такъ скучно ей будетъ безъ нея... и другихъ не будетъ: Дары, Катерины, Федосьи... Теперь ей всѣ кланяются, барышней называютъ, а тамъ будутъ какъ равныя...

— Чтожъ это такое, Госпожи! чтоже это будетъ? сказала она вслухъ; но тутъ же успокоила себя мыслью, что можетъ это такъ, одни слухи, что можетъ-быть и ничего не будетъ.

— Вы, барышня, никакъ сами съ собой говорите? сказала Матреша, вынырнувъ изъ-за куста.

— Да такъ, что-то скучно стало, отвѣчала Маша.

— О чемъ вамъ, барышня, скучать? Еще у васъ слава-богу горя вѣтъ никакого.

— А у тебя развѣ есть горе, Матреша? Развѣ только отъ горя скучаютъ?

— Да какже не отъ горя! Вотъ у меня, — все сердце поетъ...

— Отчего же?

— А вотъ, барышня, знаете пѣсенка поется:

Я не знала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить,
Пришло время — начало сердечко нить...

— Чтожъ ты, влюблена чтоли?

Матреша выразительно вздохнула и не отвѣчала.

— Да ну, скажи, продолжала Маша: — я только въ книжкахъ читала про любовь. Скажи всю правду: я никому, никому не расскажу.

— Да вѣдь у меня съ вами и слово тайное, и дума крѣпкая, ничего я не могу скрыть отъ васъ. Только чуръ никому ни словечка.

— Ужь я обѣщала, знаешь меня.

— Вы знаете Гришку-Ястреба изъ Нелюдова? Ну, онъ еще барышнѣ на прошлой недѣлѣ рыбу продавать приносилъ.

— А! знаю: кудреватый такой, красивый.

— Ну вотъ, вотъ!..

Матреша потупилась и замолчала.

— Тамъ чтоже, Матреша, рассказывай.

— Что ужъ и рассказывать-то, не знаю... Все мое сердечушко немыло по немъ!

— Давно ли ты съ нимъ познакомилась?

— Знала-то я его давно, еще ребятами о праздникахъ играли вмѣстѣ, да вотъ полюбила-то недавно. А случилось это, ужъ я и сама не знаю какъ: послала меня, еще по ранней веснѣ, барыня въ лѣсъ за березовыми почками. Пошла я, рву почки да напѣваю себѣ подъ носъ, а онъ передо мной словно изъ земли выросъ. Я испугалась, да какъ взвизгну! а онъ мнѣ и говорить: «Что это, Матрена Левонтьевна, вы меня за лѣшаго чтоли приняли?» — Поди ты, я говорю, окаянный! не лучше лѣшаго-то перепугалъ меня. — «Ужъ будто, говорить, и не лучше? Поглядите-ко на меня хорошенько, можетъ и получше.» — Я отворотилась да иду себѣ, а сердце-то у меня вдругъ точно оторвалось, да какъ голубь, такъ и трепещетъ. Онъ знай говорить: «что это вы очень горды стали, отворачиваетесь? кажется мы люди знакомые; вы, говорить, отъ меня отворачиваетесь, а я все къ вамъ тянусь... то-есть одно сердце страдаетъ, а другое не знаетъ; для васъ-то хуже меня на свѣтѣ нѣтъ, а вы для меня такъ всѣхъ лучше.» — Мало ли, я говорю, есть лучше меня!.. можете выбрать любую красавицу... — «Тѣ, говорить, красавицы помеломъ написаны...» А самъ все ко мнѣ ближе да ближе... у меня въ глазахъ туманъ началъ ходить, ужъ не помню себя... Онъ меня цѣлуетъ — и я его цѣлую... Такой ужъ злой часъ нашолъ. Послѣ пришла домой, одумалась. Господи! говорю сама съ собой: чтоже это будетъ? Мнѣ отъ него удалиться надо, а сама, куда ни пойду, все гляжу — не идетъ ли онъ, не увижу ли его?.. Да вотъ все эдакъ, барышня, и мучусь, и все мнѣ точно немыло стало. Сама себѣ въ умъ хорошее толкую, а какъ только сойду съ нимъ гдѣ, все и позабуду — во всемъ ему покоряюсь... Кажется жизнь готова за него отдать. И какъ его увижу, такъ точно расцѣтетъ или просіяетъ все кругомъ. Вотъ, барышня, какова любовь бываетъ!..

По мѣрѣ того какъ рассказывала Матреша, голова Маши все ниже и ниже склонялась къ сочной травѣ, благоухающей своими простыми, невыхоленными цвѣтами; по лицу молодой дѣвушки разливался все сильнѣе и сильнѣе яркій румянецъ стыливости и какого-то непонятнаго ей самой негодования; въ ней

бушевалъ аристократизмъ оскорбленной добродѣтели и вставали сѣмена безпощадной строгости правилъ, внушонныхъ матерью въ разныя времена, какъ въ разговорахъ съ ней, такъ и въ сужденіяхъ съ другими.

Въ углу, гдѣ родилась и выросла моя барышня, вѣялъ какой-то духъ, безпощадный къ человѣческимъ слабостямъ; строгость, доходившая до ожесточенія въ отношеніи сердечныхъ увлеченій. Вообще въ этомъ мирномъ уголкѣ, какъ называли тотъ край ея обитатели, было много земныхъ поклоновъ и мало молитвы; много словъ и мало дѣла; много строгости и мало любви, которая выражалась только при разсужденіи о постной пищѣ, во время постовъ, поговоркой: «рыбу ѣшь да рыбака не съѣшь», причемъ впрочемъ никто не рѣшался ѣсть рыбу въ неположенный срокъ... На Машу не могъ не дѣйствовать сильно весь этотъ окружающій ея міръ и въ душѣ ея не сложились пока никакого для него отпора. У ней была хорошая, честная натура, но не столько чуткая, чтобъ угадать самой по себѣ, безъ особенныхъ нравственныхъ толчковъ, правду въ жизни... Съ другой стороны, всѣ Тирсисы и Дориды, вычитанные Машей въ «Утѣхахъ любословія» не могли ей дать понятія объ истинномъ проявленіи чувства и быть примѣнны къ живымъ людямъ. Они развили въ ней только какую-то ложную щекотливость воображенія и понятій. Столкновеніе съ простой, непрякрашенной, но искренней и горячей страстью возмутило и обилѣло Машу. Она вдругъ увидала себя какбы одурченной сама собой и другими, и ей не хотѣлось никакъ согласиться съ этимъ.

Выслушавъ разсказъ Матрешы, барышня быстро подняла голову и обратила къ своей собесѣдницѣ пылающее гнѣвомъ и гордостью лицо.

— Какъ ты смѣла мнѣ это разсказывать?! крикнула она: — какъ ты могла дойти до того, чтобъ мнѣ говорить это? Ты была кто я и кто ты!

Матреша остолбенѣла. Вѣчно-румяное лицо ея стало блѣдно какъ полотно; губы передергивало какой-то бессмысленной, судорожной улыбкой.

Маша взглянула на нее и продолжала уже тономъ ниже:

— Зачѣмъ ты мнѣ говорила про это?

— Матушка-барышня, виновата! я не знала... отвѣчала Матреша, вдругъ залившись слезами.

У Маши упало сердце, она проникнулась безотчетной жалостью; она готова была обнять и утѣшить оскорбленную дѣвушку, но чувство нравственной гордости не допустило ее до этого.

— Безстыдница! сказала она дрожащимъ голосомъ, — цѣловаться съ мужчиной! Развѣ ты не знаешь, какой это срамъ? Зачѣмъ ты это дѣлала?

— Я и сама не знаю, барышня, я въ себѣ невластна.

— Пустое!

— Это вы оттого такъ изволите говорить, что сами еще не испытали... робко замѣтила Матреша.

— Какъ ты можешь сравнивать себя со мной! У меня другія чувства, другія понятія.

— Ужъ какія у насъ, темныхъ людей, понятія! самая холопскія.

— Ты смотри же, сказала Маша: — не проболтайся какъ-нибудь, что мнѣ рассказала: сохрани-богъ! маменька узнаетъ, — я тебѣ, и мнѣ достанется.

— Никому, матушка-барышня, не скажу; только не погубите меня, не выдайте!

— Я ужъ обѣщала, что не скажу, — ну и не скажу!

— Барышня! не гнѣвайтесь на меня! сказала Матреша, цѣлуя руки Маши. — Простите!..

— Богъ съ тобой! отвѣчала Маша съ грустной важностью. — Я тебя прощаю, только съ тѣмъ, чтобъ ты эти глупости бросила. Обѣщайся! безъ этого не пушу.

Матреша позамялась было, но въ умѣ ея мелькнули всѣ послѣдствія правды, которая вертѣлась у ней на языкѣ, — и она общала барышнѣ все что она отъ нея ни требовала.

Барышню свою Матреша очень любила; между ними царствовала симпатія молодости. Уединеніе и скука размягчали сердце Маши, безъ ея собственнаго сознанія, иногда до забвенія всѣхъ условій ея положенія. Сдружились онѣ очень рано. Маша была еще очень маленькой дѣвочкой, когда изъ погорѣвшаго выселка привезли мать Матрешы въ усадьбу для занятія должности скотницы. Хозяйство Анны Федоровны было на тотъ безалаберный ладъ многихъ хозяйствъ помѣщиковъ и помѣщицъ, кото-

рыхъ нельзя назвать ни бѣдными, ни богатыми, но которыхъ ограниченный кругъ понятій и требованій балуетъ тупымъ довольствомъ и сытостью и заставляетъ пренебрегать чистотой и порядкомъ въ предметахъ, важныхъ въ сельской экономіи. Такъ Анна Федоровна, по старому предразсудку, въ скотницы выбирала не лучшую, смышленную женщину, а такую, которая выпридала ей плохія навины, или по лѣности и неспособности мало привносила существенной пользы. На этихъ условіяхъ была опредѣлена и Мавра.

Матреша въ первый разъ встрѣтилась съ Машей на красномъ дворѣ у сарая, гдѣ Маша собирала цвѣточки цикорія и стала помогать ей въ этомъ дѣлѣ. Онѣ разговорились и подѣтски передали другъ другу интересы своего міра. Съ этихъ поръ Маша всегда встрѣчалась съ удовольствіемъ съ Матрешей и искала случая ее видѣть, даже убѣгала къ самой скотной и тамъ, на печистомъ дворѣ, устраивала игру съ Матрешей, пренебрегая страхомъ своей старой няньки, умершей два года назадъ, очепь степенной, полной старухи, лѣнливой на подъемъ, всегда съ крыльца или изъ окошка слѣдившей за своей питомцей. Однажды дошло это и до Анны Федоровны. Чтобы сохранить достоинство своей, тогда еще девятилѣтней Маши и прикрыть слабость ея къ скотницыной дочкѣ покровомъ приличія, она рѣшила взять Матрешу въ горницу, чтобъ она служила барышнѣ, угождала ей и развлекала ее въ прогулкахъ. Алена Трофимовна (няня) не противилась этому: ее избавляли отъ излишняго надзора. Дѣвочка ужъ была немаленькая, лѣтъ одиннадцати. Крестьянскій бытъ и сиротство развили въ ней нѣкотораго рода практичность и смышленость. Матреша отдана была въ полное распоряженіе Аленѣ Трофимовнѣ, которой опытность, щедрки и наставленія быстро сформировали Матрешу для ея новой должности. Вскорѣ она сдѣлалась необходимой спутницей Маши, повѣренной всѣхъ ея дѣтскихъ радостей и горестей. Посмѣяться втихомолку надъ тучной Трофимовной, выбѣжать украдкой изъ сада къ рѣчкѣ и побаламутаться на песчаной отмели, озираться со страхомъ, не видитъ ли кто, неидетъ ли кто изъ старшихъ: даже забраться въ кусты аглицкой малины, сберегаемой для варенья и похитить горсть ягодъ, — все это были такіе подвиги, которые связывали двухъ дѣвочекъ общей симпатіей маленькихъ прегрѣшеній противъ старшихъ и совѣсти, гдѣ Матреша всегда риско-

вала больше Машы, потому что вся вина обратилась бы на нее въ случаѣ неудачи и наказаніе дѣвочки послужило бы только назидательнымъ примѣромъ для барышни. Во всякомъ случаѣ привязанность Матрешы была глубже и сильнѣе, потому что была свободнѣе; привязанность Машы поминутно стѣснялась и охлаждалась то ревностью Трофимовны, то нотациями Анны Федоровны, предостерегавшей дочь и поминутно твердившей ей, что «холопка» не можетъ быть подругой благородной дѣвочки: можно съ ней поиграть отъ скуки, но дружитья и стыдно и опасно; что какія у нее могутъ быть благородныя чувства и проч. И за всякое проявленіе фамильярности въ глазахъ матери, Маша получала строгіе выговоры, искусно направленные на самолюбіе дѣвочки и ея дворянскую щекотливость, которую насильственно развивали и поддерживали въ ней съ колыбелю. На Машу, самолюбивую отъ природы, не могло не дѣйствовать это и дѣйствовало раздражительно и непріятно, что выражалось иногда и въ ея обращеніи съ Матрешей. Подчасъ она принимала съ ней надменную манеру высшей; подчасъ недовѣрчиво и холодно смотрѣла на выраженіе ея привязанности. Съ годами она стала скрытнѣе и только наединѣ позволяла себѣ увлекаться сообществомъ Матрешы; при постороннихъ же, съ врожденнымъ тактомъ закоренѣлаго барства, умѣла отставлять ее на задній планъ и указывать ей незамѣтно настоящее ея положеніе «холопки». Трофимовна ревностно ей помогала въ этомъ и при всякомъ удобномъ случаѣ дѣлала Матрешѣ должныя внушенія, въ подобномъ родѣ:

— Ты что это идешь рядомъ съ барышней, невѣжа эдакая? твое мѣсто назади; знай сверчекъ свой шестокъ. Ты холопка, а онѣ барышни. Ты это должна понимать, дура необразованная.

Подъ такими условіями замерли въ Матрешѣ всѣ высшія проявленія воли и разума, и осталась одна тупая покорность; но врожденная энергія и страстная сила молодости сказались въ ней въ другомъ обстоятельстве — въ любви ея къ Гришѣ. Она съ безумнымъ ослѣпленіемъ жертвовала собой и безъ оглядки шла къ цѣли, грозившей ей однимъ горемъ. Было что-то для нея сладко захватывавшее душу въ этомъ рискѣ и страхѣ, порой сжимавшемъ ей сердце, даже въ самомъ предчувствіи близкой бѣды.

Со времени признанія Матрешы и ея простого разказа о сво-

ей любви, Маша чаще стала задумываться. Смутная тревога съ каждымъ днемъ все сильнѣе пробуждалась въ ея умѣ. Въ ней забушевали всѣ спавшія доселѣ молодыя силы. Рой новыхъ ощущеній одолѣвалъ ее. Стоячій туманъ, окружавшій ее, заколыхался и Маша только тогда замѣтила его. Она проснулась, какъ сказочная царица въ лѣсу отъ долгаго сна. Она тревожно озиралась кругомъ и искала живого человѣка, но кругомъ ея была тишь и дрема. Ея молодая, страстная натура потребовала пищи; пищи не было, а надъ головой волновался туманъ...

— Мнѣ надо свѣтъ узнать, людей видѣть, думала Маша — и ухватилась за эту мысль, какъ за якорь спасенія.

Однажды она спросила Матрешу, не выдалась ли она съ Гришей; та отвѣчала нѣтъ. Маша не допытывалась, но въ первый разъ не повѣрила Матрешѣ. Ей было досадно и горько, что Матреша промѣнила даже ее на предметъ своей страсти. Она стала ее чуждаться и ревнивое, почти враждебное чувство прокралось ей въ душу противъ Матрешы. Она рѣже стала призывать ее на свои прогулки и почувствовала себя одинокой. Никогда еще не цѣнила она такъ глубоко привязанности своего стараго друга Якова Ивановича; она вдругъ поняла, что здѣсь для нея не будетъ измѣны. Жалобы на уединеніе и грусть, слетавшія прежде съ устъ ея слегка, между прочимъ, теперь получили характеръ затаенной печали и недовольства. Она заглядывала въ будущее уже не съ тѣмъ беззаботнымъ чувствомъ, какъ бывало. Тревожно она искала тамъ чего-то и находила Анну Федоровну, Тиму съ его матерью и длинный рядъ однообразныхъ дней, изъ которыхъ каждый уносилъ у ней долю молодости и веселой безпечности.

Широкой, пыльной полосой тянулась большая проѣзжая дорога отъ села Нелюдова, и только версты за двѣ отъ Малыхъ-Пустынекъ усадьбы Анны Федоровны шолъ съ нея крутой поворотъ въ густой лѣсъ на узкій проселокъ, перерѣзанный корнями и изрытый глубокими бакалдинами, наполненными водою, непродыхавшей даже въ самые сильные жары.

Однажды, около одиннадцати часовъ утра, изъ села выѣхалъ человѣкъ въ одиночной крашеной тележкѣ, на соловой лошади. Это былъ Яковъ Ивановичъ. Онъ былъ коренастый, благо-

образный старикъ, свѣжій и сильный, съ широкимъ, скуловатымъ лицомъ, обличавшимъ его плебейское происхожденіе; выраженіе насупленныхъ бровей его было сурово, но сѣрые, свѣтлые глаза смотрѣли честно и прямо. Улыбка, когда она появлялась на его полныхъ губахъ, совершенно преображала всю его физиономію и озаряла ее ясной, почти дѣтской добротой и веселостью.

Яковъ Иванычъ ѣхалъ по пыльной дорогѣ въ усадьбу Анны Федоровны. Вскорѣ дорога поворотила къ лѣсу, за которымъ закутанная зеленью густого сада, показалась и красная крыша дома Анны Федоровны. Яковъ Иванычъ въѣхалъ на широкій дворъ, покрытый мелкой травой, по которой пролегалъ узенькія, плотно утоптанная тропинки отъ барскаго дома къ кухнѣ, отъ кухни къ людской и ткацкой. По одной изъ тропинокъ степенно шла Аграфена Даниловна съ грудой тарелокъ, въ ситцевомъ платьѣ и бѣломъ бумажномъ носовомъ платочкѣ, накинутаго небрежно отъ солнца на ея старую дѣвическую голову. Увидавъ Якова Иваныча, Аграфена Даниловна ускорила шаги и поровнялась съ нимъ у крыльца:

— Здравствуйте, Яковъ Иванычъ! совсѣмъ насъ позабыли! ужъ мы по васъ съ барышней соскучились. Отведи лошадь! Чтѣ заесть, труболеть? огрызнулась она тутъ же мгновенно на двороваго мальчишку. — Давно, давно не бывали! продолжала она снова умильно, заходя впередъ и отворяя дверь въ прихожую.

— Да вотъ все недосуги, дѣла, отвѣчалъ Яковъ Иванычъ, сохраняя прилично-серьезный видъ: — все дѣла, да еще чужія, Аграфена Даниловна. Своихъ Богъ избавилъ, такъ вотъ для добрыхъ людей тружусь.

— Святое дѣло, батюшка, для ближняго постараться.

— Какая тутъ святость... У васъ Снѣтковы кажется?

— Кому у насъ больше быть-то? все одни гости, презрительно говорила Аграфена Даниловна: — все шваль мелкопомѣстная! а служи, суетись, какъ точно для хорошихъ.

— Вотъ это такъ ты грѣшишь, Аграфена Даниловна! Гордость у тебя — все бы тебѣ богатымъ кланяться.

— Да согрѣшишь съ ними, Яковъ Иванычъ! Чѣмъ бы въ праздникъ отдохнуть, а они тутъ налѣзутъ. Говорятъ, бѣдныхъ дворянъ, прибавила она засмѣясь, — чортъ въ корзину несть; да

проходя по нашей сторонкѣ, запнулся за кочку да и рассыпалъ. Тьфу, прости Господи! проклятаго-то помянула!

— А богатыхъ-то кто несъ? спросилъ Яковъ Иванычъ уже на порогѣ въ залъ, гдѣ былъ накрытъ столъ, на который Аграфена Даниловна, опередя его, спѣшила поставить лишній приборъ.

— Ужъ это неизвѣстно, отвѣчала она все въ томъ же шутовскомъ тонѣ. — Можеть вы не знаете ли? вы вотъ человекъ грамотный, по городамъ ѣздите, съ знающими людьми водитесь; а чай, вы много чего и не такого знаете, да только прималчиваете, прибавила она, устремивъ на Якова Иваныча взоръ, въ которомъ горѣло томительное любопытство, удерживаемое чувствомъ приличія.

— Это ты насчетъ воли? спросилъ Яковъ Иванычъ.

— Да и на этотъ счетъ конечно; хоть я и не лѣзу на волю и барыней слава-богу не обижена... (Аграфена Даниловна была великій политикъ въ своей сферѣ), а все же если батюшка-царь вспомнилъ объ насъ, такъ оно желательно бы было узнать.

— Узнаешь, все узнаешь, Аграфена Даниловна. Я теперь еще и самъ хорошенько не знаю.

— Да вотъ, насъ разные слухи сомуцають. Народъ чего не болтаеть!

— Слухамъ меньше вѣрьте, а ждите терпѣливо.

— Правда ваша, что народъ нынче очень нетерпѣливъ сталъ.

— Авна Федоровна видно въ дѣтской? спросилъ Яковъ Иванычъ, заглянувъ въ пустую гостиную.

— Въ дѣтской.

— А Машенька, вѣрно гуляетъ?

— Гуляютъ; должно-быть въ садъ пошла.

— Нѣтъ, онѣ у красной горки землянику берутъ, отозвалась другая женщина съ круглымъ румянымъ лицомъ и большими безмысленными на выкатѣ голубыми глазами, выходя изъ коридора въ прихожую.

— Хоть бы ты, Федосья, помогла на столъ накрывать! Куда васъ нелегкая всѣхъ разговала? Ужъ какъ воскресенье приходитъ — просто наказанье! воскликнула Аграфена Даниловна.

— Я домой ходила, тоже ребитишекъ надо было покормить.

— Вотъ ! каждый только о своемъ мамонѣ думаетъ , а ты какъ окаменная !.. Вѣкъ каюсь, Яковъ Ивановичъ, что въ дѣвкахъ осталась : собачья жизнь да и только !

Яковъ Ивановичъ улыбнулся.

— Я вотъ самъ остался неженатымъ, да не каюсь же.

— А что и ваша-то жизнь? все не для себя. Одишь, какъ персть. Ну, пока здоровы, такъ ничего; а занеможется — и походить некому.

— Никто какъ Богъ ! отвѣчалъ какъ-то отрывисто Яковъ Ивановичъ. — А что Матреша ? съ барышней чтоли гуляетъ ?

— Чортъ ее унесъ въ лѣсъ за грибами. Выпросилась у барыни, а та балуетъ, отпускаетъ. Нынче, батюшка, всѣ смѣлы очень стали, всякій козенокъ лѣзетъ къ барынѣ проситься. Такъ, дѣвченка непутящая ! избаловалась, ниначто непохоже.

— Молодой человекъ ! сказалъ Яковъ Ивановичъ.

— Сами мы были молоды, да не такія были. У! сказала бы, да грѣха боюсь... Ну чортъ съ ней ! не мое дѣло.

— Говорить — барышню гнѣвить, проговорила Федосья, ставя на столъ кучу тарелокъ.

Яковъ Ивановичъ не отвѣчалъ и пошелъ черезъ гостиную отыскивать хозяйку дома.

Маша находилась въ нѣсколько враждебномъ отношеніи къ старой дворнѣ. Зависть къ Матрешѣ заставляла старыхъ служительницъ осуждать ея короткость и постоянное сообщество съ барышней. Барышня съ неудовольствіемъ выслушивала ихъ замѣчанія и вооружалась своимъ господскимъ достоинствомъ, говоря, что имъ до нея нѣтъ дѣла, что не имъ ее судить, что ихъ дѣло служить ей и угождать, что для наставленій у ней есть маменька, отъ которой она и должна все выслушивать. Маменьку вслѣдствіе этого часто настраивали на недовольный тонъ противъ Маши, но такъ какъ особенно заслуживающаго серьезнаго возстанія въ поступкахъ послѣдней не находилось, то ворчанье Анны Федоровны оставалось безъ послѣдствій, хотя и сильно раздражало подчасъ Машу. Анну Федоровну еще успокаивало то, что дѣлочка была горда и проникнута чувствомъ своего достоинства и потому забыться передъ собой никому не позволить.

— А, дорогой гость ! милости просимъ ! привѣтствовала Анна Федоровна Якова Ивановича, когда онъ вошелъ въ дѣтскую.

Арина Дмитревна такъ быстро повернула голову, что бантъ на ея чепецъ сильно затрепеталъ ; Тима взглянулъ на вошедшаго исподлобья и угловато поклонился.

Тима былъ малый лѣтъ двадцати-восьми, сухой и смуглый; черные съ желтоватыми бѣлками глаза его осынились бровями густыми и крутыми, какъ двѣ изогнутыя пъявки; лицо у него было длинное, вытянутое, съ острымъ подбородкомъ. Вся фигура его была суха и черства, и вообще онъ напоминалъ выжатый лимонъ. Тима былъ чрезвычайно похожъ на свою мать, только съ той разницею, что у той каждая черта была подвижна и тревожна, онъ же сохранялъ постоянное хладнокровіе. Къ Якову Иванычу онъ и мать его питали недружелюбное чувство: имъ хотѣлось бы самимъ имѣть вліяніе на Анну Федоровну и погрѣть около нея руки. Вслѣдствіе внушеній матери, какія-то смутныя чувства и надежды также забѣгали въ голову Тимы въ присутствіи Маши. Ему иногда чудилось, что не стой тутъ поперегъ дороги Яковъ Иванычъ, многое бы могло быть и пойти иначе. Тима былъ скрытенъ и высказывался рѣдко и туго. Его желанія ограничивались теплымъ угломъ и извѣстной степенью довольства. Къ службѣ онъ былъ неспособенъ, потому что увлекался товариществомъ и кутилъ, по хозяйственныя заботы и жизнь съ матерью, которая имѣла на него сильное вліяніе, отрезвляли его.

Разговоръ по обыкновенію пошолъ о хозяйствѣ, о новыхъ предстоящихъ переворотахъ. Анна Федоровна волновалась, а Арина Дмитревна вторила ей вздохами и односложными восклицаніями.

— Чтоже мы будемъ дѣлать? воскликнула наконецъ Анна Федоровна.

— А что люди, то и мы, отвѣчалъ Яковъ Иванычъ.

— Неусыпный присмотръ нуженъ, замѣтилъ Тима: — тогда ничего, можно и вольнымъ трудомъ обрабатывать землю.

— Хорошо вамъ говорить — неусыпный присмотръ! Кто у меня смотрѣть-то будетъ?

— Человѣка нужно найти, отвѣчалъ Тима. — Выгоды можно имѣть. У васъ что земли даромъ пропадаетъ! Порядки другіе надо завести.

— Охъ, матушка, бѣда женщинѣ одной! Вотъ я и его на

службу не пускаю. Куда я одна поспѣю? послѣдній мужиченка обидить.

— Какъ-нибудь обойдемся, сказалъ Яковъ Иванычъ. — А напрасно вы, Анна Федоровна, поторопились Дулино продать: пустошь отличная. Теперь земля будетъ въ цѣнѣ.

— Ну что ты мнѣ, Яковъ Иванычъ, все Дулинымъ въ носъ тычешь! — это оттого, что тебя не спросилась. Продала такъ продала, побори его прахомъ! разгорячилась вдругъ Анна Федоровна.

— За Дулино бы дороже никто не далъ, сказалъ Тима: — вы его съ выгодой продали, потомучто завалено и засорено все очень. Расчистки большою требуютъ.

— Да вѣдь онъ все эдакъ, — точно воронъ каркаетъ; не подумаетъ, что я женщина больная, разстроить меня недолго.

— Отъ васъ, родная моя, надо всякія безпокойства удалять, вышлася Арина Дмитревна.

— Ну вотъ вы бы съ Тимофеемъ Васильичемъ и попробовали всякія безпокойства отъ нихъ удалять, сказалъ Яковъ Иванычъ.

— Да ужъ я знаю, что мы вамъ съ Тимою поперегъ горла стали, Яковъ Иванычъ.

— Да мнѣ-то что вы мѣшаете?

— Ужъ вы себя больно высоко ставите, Яковъ Иванычъ.

— А вы бы лучше Машку-то свою по праздникамъ по міру собирать не посылали; это было бы лучше, чѣмъ судить о другихъ.

Лицо Арины Дмитревны задергало и смуглыя щеки ея вспыхнули.

— Грѣхъ бы вамъ меня этимъ корить! я человекъ бѣдный и ничего зазорнаго тутъ нѣтъ, что Машка, по милости добрыхъ людей, лишній кусокъ себѣ добудетъ. Вы меня только обидѣть хотите. Грѣхъ вамъ, грѣхъ! Вы сами только сутяжничаете да фальшивыя просьбы пишете.

— А вы ихъ читали? равнодушно и презрительно спросилъ Яковъ Иванычъ.

— Полноте, маменька, плюньте! пусть говорятъ что хотятъ, злобно и холодно замѣтилъ Тима.

— Ахъ, батюшка, да онъ на меня татьбу церковную изведетъ, а мнѣ и молчать? Не поклониться ли еще ему прикажешь?

— Полно! нечего вамъ изъ пустяковъ ссору заводить. Пой-

демте лучше объдать, строго виѣшалась Анна Федоровна, види, что сора начинаетъ разгораться.

Въ это время Аграфена Давиловна показала въ дверяхъ съ подносомъ, на которомъ стоялъ графинчикъ водки и лежало нѣсколько кусочковъ бѣлаго хлѣба изъ домашней муки. Вслѣдъ за ней вошла Маша съ корзинкой земляники, усталая, запыхавшаяся.

— Эка охота тебѣ, Машенька, жариться на солнцѣ! сказала Анна Федоровна, тяжело выступая изъ комнаты.

Маша довольно сжато, хотя и дружески поздоровалась съ Яковомъ Ивановичемъ.

— Злорова ли, голубушка моя? спросилъ послѣдній, цѣлуя у нее руку.

— А вы куда пропали? спросила она, улыбаясь ему и глазами, и розовыми губками; но тутъ же мгновенно лицо ея приняло степенное выраженіе, потомучто мать оглянулась на нее внимательно.

— Послѣ объда приходите въ садъ, мнѣ хочется поговорить съ вами, шепнула Маша Якову Ивановичу. — Я его засажу стихи изъ пѣсенника переписывать, прибавила она, указывая глазами на Тиму: — онъ же и пѣсенникъ мнѣ привезъ.

Послѣ объда Маша задумчиво сидѣла на скамеечкѣ въ саду, подлѣ тѣнюю густыхъ рябицъ; она поджидала Якова Ивановича, ей никогда еще такъ не хотѣлось видѣть его наединѣ. Она сама не знала, о чемъ хотѣлось ей говорить съ нимъ, но говорить хотѣлось съ какой-то раздражительностью и тревогой. Ей хотѣлось противъ чего-то возстать, чего-то допытаться, даже досадить ему... Но вотъ идетъ и онъ, понуря, какъ всегда, голову и ускоряя шаги навстрѣчу своей любимицы. Поравнявшись съ ней, онъ улыбнулся, какъ улыбаются дѣтямъ и посмотрѣлъ на нее съ любовью старой, безродной няньки. Машѣ и это показалось досадно.

— Ужь я думала, что вѣкъ васъ не дожدهмся! сказала она, слегка надувъ губки.

— Нельзя было, Машенька, нужный разговоръ зашолъ; время такое, обсудить все надо.

— Ахъ, какъ мнѣ всѣ эти разговоры надоѣли!

— Молода еще ты, ангелъ мой; вотъ какъ до нашихъ лѣтъ

доживешь, такъ и не будутъ надоѣдать, тогда и птички и цвѣточки прискучать.

— Такъ только для этого и жить, чтобъ дожить до того, чтобъ со сладостью толковать о запашкѣ да о хозяйствѣ? Очень пріятно жить послѣ этого!

— А какъ же, Машенька? Всему свое время.

— Не хочу я и жить-то послѣ этого! воскликнула Маша съ жаромъ и горечью.

Яковъ Иванычъ посмотрѣлъ на нее со страхомъ и удивленіемъ.

— Ангелъ съ тобой хранитель! Что ты, моя голубушка?

— Нѣтъ, вы мнѣ скажите, въ чемъ жизнь по-вашему? Что въ ней хорошаго? Что вы мнѣ цвѣточки да птички подставляете? Вы мнѣ скажите, какъ я вѣкъ свой прожить должна? Какая моя жизнь будетъ? какая? Ну говорите же! Вѣдь вы знаете, вы довольно прожили.

— Да вѣдь я, Машенька, не пророкъ, какъ я могу знать?

— Ну такъ скажите мнѣ, въ чемъ счастье состоятъ?

— Тьфу ты, господи-помилуй! что съ тобой это сегодня? никогда не бывало...

— Я вижу, вы отлыниваете, вы поговорить со мной не хотите чередомъ; вы со мной какъ съ малымъ ребенкомъ. А еще любить, говорить! прибавила она съ ѣдкимъ укоромъ: — вотъ и маменька говорить, что любить... Когда-нибудь я на этой вербѣ повѣшусь, такъ вы и узнаете, какова ваша любовь. Да, повѣшусь или утоплюсь! Лучше ужъ мнѣ русалкой быть, чѣмъ жить такъ!..

И она заключила слова свои горячими рыданіями.

— Машенька! радость моя! Господь съ тобой! Подумай, что ты сказала! Грѣхъ-то какой, Маша! Да скажи ты мнѣ путь-то, что тебѣ нужно? кто тебя разстроилъ?

Наплакавшись досыта, Маша вдругъ усмирилась и притихла.

— Вы, Яковъ Иванычъ, маменькѣ ничего не говорите, сказала она: — это на меня такъ нашло...

— Не скажу, не скажу, будь покойна. Экія ты слова произнесла! Грѣхъ-то какой, Маша! Ты знаешь ли, что самоубійца въть прощенья ни въ семь вѣкѣ, ни въ будущемъ? Всякій грѣхъ можно замолить, кромѣ этого.

— Можно всякій замолить? А какіе самые большіе грѣхи?

— Ты катехизисъ учила, сама знаешь... Это съ тобой не отъ скуки ли сдѣлалось, золотая моя?

— Хоть бы вы мнѣ книгъ достали, да новыхъ какихъ-нибудь; что вы мнѣ все старыя возите? Я посмотрѣла — ужь оутсто лѣтъ какъ сочинены; точно не порусски и написаны-то.

— Новыхъ-то я боюсь, Маша. Вольны ужасно. Смутьать тебя только. Вѣдь вонъ ты у меня пороухъ какой...

— Чтоже, вѣкъ чтоли въ клѣткѣ сидѣть, да все старье одво перебирать? Вѣдь ужь этимъ вы меня не уберезоте. Чтоже вольнаго въ новыхъ книгахъ? Вѣдь вы ихъ и сами-то не читали.

— Прочиталъ недавно одну, Машенька, да не по душѣ мнѣ что-то.

— Ну чтоже въ пей?

— Да такъ, пустое дѣло, печего и рассказывать.

— Вы гдѣ эту книгу читали?

— У Арбатова; онъ по нынѣшнему положенью въ свое имѣнье прѣхалъ.

— Это въ ту усадьбу, что недалеко отъ насъ? вонъ направо за лѣсомъ?

— Нѣтъ, у него другая подъ городомъ.

— Онъ молодой?

— Нестарый, видный мужичина. Начитанъ какъ, просто диковина; говорить такъ пріятно, ласково, только тоскуетъ часто, самъ не знаетъ о чемъ, — вотъ какъ ты же сегодня. Жениться не хочетъ. А вотъ, Машенька, и не въ глуши жилъ, видавъ свѣтъ. Это ужь такъ, человѣкомъ... А все оттого, что Богу мало молится: въ церкви почти не бываетъ. Молиться надо, голубушка моя; просить Бога надо, чтобъ избавилъ насъ отъ искушенья... Да еще Арбатовъ ничего; а вотъ у него студентъ гоститъ — ну такъ ужь язычекъ! такъ и рѣжетъ; даже страшно за него, а тоже умный человѣкъ, да только вольнодумень ужасно.

Маша тоскливо посмотрѣла въ сторону и молча вздохнула. Яковъ Иванычъ тоже замолкъ, но между бровями у него залегла темнымъ облакомъ какая-то новая дума.

— Вы мнѣ исторію, что не хотите рассказывать, привезите. заговорила наконецъ Маша.

— Да неинтересна, Машенька.

— Нужды нѣтъ, все-таки привезите; слышите? и не ссорь-

тесъ... Милый, родной мой Яковъ Ивановичъ! не сердитесь на меня! проговорила она вдругъ сквозь слезы, обнявъ его съ пѣжностью и глядя своими большими, влажными глазами въ проясвшее лицо старика.

Въ концѣ сада показались Арина Дмитревна съ Тимоѣй.

Въ скотной между тѣмъ происходили другого рода сцены, другого рода разговоры. По случаю праздника Мавра отдыхала, протянувшись на лавкѣ въ одномъ ситцевомъ повойникѣ, изъ-подъ котораго выбивались ей на глаза пряди отерхавыхъ волосъ. Она всхрапывала, несмотря на то, что мухи роями садились ей на лицо и собирались темными кучками у глазъ и на углахъ губъ. Безцвѣтное, преждевременну-увядшее лицо ея во время сна хранило выраженіе тупой усталости и какого-то сердитаго, если можно такъ выразиться, покоя. Мавра уснула въ самомъ непріятномъ расположеніи духа: она только-что разругалась съ ткачихой, которая богъ-вѣсть какими путями знала про ея дочку Матрену, такія штучки, какихъ она, мать ея, и не подозрѣвала. Ткачиха въ злости такъ все и выпѣла набѣло. Все дѣло вышло изъ-за курицы: ткачихина курица повадилась въ крошечный огородъ Мавры, которая грозилась свернуть ей голову. Черезъ нѣсколько дней курица оказалась съ поврежденной ногой. Подозрѣніе разумѣется пало на скотницу. На душѣ ткачихи давно уже таились всѣ слухи и пересуды насчетъ поведенія Матрешы, но по извѣстному чувству двороваго приличія, она не хотѣла пускать ихъ въ ходъ передъ матерью дѣвушки безъ особенной причины. Повѣрять же ихъ ей по дружбѣ она не могла, потомучто была давно съ Маврой, какъ говорится, на рожвахъ, то-есть питала затаенное неудовольствіе насчетъ кислаго молока, которое дала ей однажды Мавра, несовсѣмъ-то пріятнаго вкуса. (Мавра по приказу барыни должна была снабжать дворовыя семьи кислымъ молокомъ, кажется по ведру въ мѣсяцъ.) Такъ вотъ, начавшись съ молока, гнѣвъ ткачихи разразился по поводу курицы. Ужь трещала, трещала ткачиха, баба необыкновенно бойкая на языкъ; чего она не вспомнила, чѣмъ не выкорила! выворотила всю подвоготную и кончила Матрешей.

— Ты бы, кричала она, — безстыжія твои зенки, чѣмъ бы моимъ-то курицамъ ноги ломать, лучше бы за дочкой-то своей смотрѣла.

— Чтѣ тебѣ дочка-то моя поперегъ горла стала? У тебя своя ростеть — можетъ и хуже-то ея не будетъ...

Батюшки! какъ пошла ткачиха, какъ пошла! ужь она причитала, причитала!

— Твоя, говорить, Матрешка не за грибами бѣгаетъ въ лѣсъ, а за молодыми парнями. Да она и дворню-то всю нашу срамить...

Мавра, сперва бойко отгрызавшаяся, на послѣдокъ уже растерялась и только повторяла со злобой:

— Полно, тараторка проклятая! какъ у тебя языкъ-то не отсохнетъ... и проч.

Потомъ, придя домой въ маленькую избушку свою при скотномъ дворѣ, долго еще сидя на лавкѣ, шептала про себя разные ругательства, пока жаръ и духота не разморили ее и она, сплюнувъ раза два и нараспѣвъ съ зѣвотой произнеся громко: «Господи Иисусе Христе, Спасъ милосливый!» не услучила тѣмъ крѣпкимъ сномъ, во время котораго Матреша воротилась изъ лѣса.

— Матушка! ты дома? крикнула она еще въ сѣняхъ своимъ свѣжимъ, звучнымъ, сильнымъ голосомъ, отъ котораго мать ея что-то промычала и повернулась на лавкѣ.

— Матушка! крикнула еще разъ Матреша уже въ самыхъ дверяхъ избы.

Мавра вскочила съ лавки.

— Чтѣ тебѣ? чтѣ ты глотку-то распустила? сказала она сердито.

— Али ты уснула? спросила Матреша, будто незамѣчая сердитаго голоса матери: — посмотри-ка что грибовъ. Все молодые, толстокоренные... Это они послѣ дождичка-то пошли.

— Ну тебя! убирайся ты и съ грибами своими! проворчала Мавра.

— Да чтѣ ты? на что сердилъся-то? спросила Матреша, ставя на лавку грибы. — Фу! какъ умаялась! прибавила она, — пока въ лѣсу-то ходишь, такъ оно прохладно, а ужь по лѣмъ-то очень припекаетъ.

— Припекаетъ тебя! надо бы тебя припечь плеткой здоровой.

Матреша догадалась, что дѣло хлопится къ чему-то недоброму... Въ ней боязливо ёкнуло сердце; но она хотѣла хитро-стью избѣгнуть грозы. Страхъ поднялъ въ ней дурное чувство притворства. Еще она вся была подъ вліяніемъ недавняго свиданія съ Гришей въ лѣсу. Бѣдная дѣвушка такъ жадно упивалась счастіемъ первой любви, что готова была стоять за это счастье всѣми силами и способами. Она готова была прикрыть его обманомъ и ложью, только бы сохранить отъ недобрыхъ людей. Ничто такъ не портитъ человѣческой природы, какъ страхъ, — не тотъ спасительный страхъ огорчить близкихъ и любимыхъ особъ или потерять свое собственное уваженіе, а та бессмысленная строгость, которая пугаетъ неубѣждая, пугаетъ мысли, давить умъ и дѣлаетъ законной всякую оборону. О, сколько бѣдныхъ женщинъ и дѣвушекъ, несравненно выше моей Матрешы по общественному положенію, унижались и унижаются до лжи и притворства, запуганная ничего нещадыщимъ, ничего неразбирающимъ людскимъ судомъ! Какъ многія винять себя не въ поступкахъ, а въ неумѣнн скрывать ихъ! Какъ многія, доживя до старости, умираютъ неразумными, запуганными дѣтьми, не успѣвъ дорости до степени такой нравственной силы души, которая бы могла создать въ себѣ свой собственный судъ, подъ вліяніемъ котораго спала бы вся мишура и грязь, выдаваемая свѣтомъ за золото и разоблачился бы бездушный кумирь ложнаго поклоненія!.. Но я удалась отъ настоящаго предмета моего разсказа.

— Вздутъ бы тебя хорошенько! продолжала Мавра, приближая что-то въ углу за печкой: — вотъ что! Такъ дурь-то бы и вышибло.

— Было бы еще за что! сказала Матреша.

— А за то, мразь ты эдакая, чтобъ чужіе люди меня изъ-за тебя не срамили.

— Наврять-то можно что хочешь! языкъ безъ костей, гнется.

— Ты смотри у меня, пакость эдакая, ты не смѣй съ Гришкой водиться! Да если я узнаю... да я тебѣ волосы на головѣ не оставлю! Доведи ты только себя до чего-нибудь, да я тебя кажется живую въ землю закопаю! разгорячилась наконецъ Мавра, подступая къ дочери съ кулаками, такъ что Матреша попя-

тилаась къ двери. — Ты зачѣмъ съ Гришкой выдаешься по лѣсамъ, а ? зачѣмъ ? говори, говори ! что, неправда небось ?

— Неправда ! отвѣчала Матреша неестественно рѣзко.

— Лги больше, лги ! погоди, ужь узнаю я ; ужь накрою я тебя !

— Накрывай пожалуй ! нечего накрывать... ты больше слушай всякую собаку, которая на вѣтеръ лаесть.

— Еще неизвѣстно на вѣтеръ ли ! Подозрительна ты мнѣ что-то.

— Понапрасно обижаешь...

— Да что ты это вздурѣла ! я слово, а она десять ! Ахъ ты фря эдакая ! матери покориться не хочешь !.. Ну хорошо ! ну, счастье твое, что мнѣ коровъ пора встрѣчать, а то ужь я бы съ тобой расправилась !

Матреша притворилась оскорбленной и снова осыпала мать укорами за напрасную обиду. Забота о коровушкахъ и материнское ослѣпленіе въ томъ, что давно замѣчали уже другіе, охладили Мавру, и Матреша невредимо отиравилась въ горницы съ пучкомъ ягодъ для барышни.

Вручивъ Машѣ пучекъ земляники и найдя ее не одну, Матреша пошла въ дѣвичью. Сердце у ней повернулось, когда она увидѣла зловѣщую улыбку и ястребиный взглядъ Аграфены Даниловны : она такъ и ждала побранки ; но побранки не было, только глаза Аграфены Даниловны впились въ нее и внимательно осматривали ее всю.

— Что, много ли грибовъ—то набрала ? спросила ее съ колкостью старая дѣва.

— Порядочно, отвѣчала Матреша, какъ-то глядя въ сторону и невольно обдергивая перѣдъ своего набойчатого платья.

— Ой, дѣвка ! драть бы тебя, драть ! проговорила съ загадочнымъ упрекомъ Аграфена Даниловна.

— Было бы за что ! отвѣчала храбрясь Матреша, у которой сердце какъ кипяткомъ обварило.

— Оглянись—ка ты на себя, къ чему ты себя готовишь ?

— Нечего вамъ обижать меня.

— Шила въ мѣшкѣ не утаишь !.. Мнѣ что—чортъ съ тобой ! А такъ, изъ жалости говоришь... Оелосья ! не видала ли ты Ванюшки ? обратилась она къ вошедшей Оелосьѣ. — Куда онъ запропастился ? Надо бы на рѣку за водой сходить.

— Дайте я схожу, сказала Матреша съ непривычной кротостью, и надѣвъ ведра на коромысло, перекинувъ его черезъ плечо, вышла изъ дѣвичей.

Съ каждымъ днемъ все больше и больше ныло сердце у Матрешы. Барыня съ барышней не замѣчали, но зоркая дворня давно уже шушукала между собой на ея счетъ. Дѣвушкой часто овладѣвало то мрачное отчаяніе, при которомъ цѣпенѣтъ всякая мысль и взоръ съ ужасомъ отворачивается отъ будущаго.

Понуривъ голову, Матреша тихо шла къ рѣкѣ по тропинкѣ, идущей возлѣ забора сада, изъ котораго доносился до нея голосъ ея барышни и бывшихъ съ ней.

— Господи! думала Матреша съ болѣзненнымъ замираніемъ во всемъ существѣ: — чтоже это будетъ! Никуда не скроешься... Ничего со мной не подѣляется... Хоть бы умереть! И тяжелое поднимаю, и себя не берегу — все ничего! Господи, прости мое согрѣшеніе! продолжала она, вдругъ опомнясь: — это вѣдь меня окаянный сомущаетъ! Нѣтъ, ужь что ни будетъ, а на себя тяжкаго грѣха не возьму, — невинной, ангельской душеньки не сгублю... Приняла грѣхъ—приму и стыдъ. А ему-то теперь и горя нѣтъ: уйдетъ въ Питеръ къ дядѣ — дядя выписывается... Оставить меня съ тяжкимъ горемъ на слезы и страду!..

И думая это, она заливалась горячими слезами, тѣми слезами, которыя одинъ Богъ видитъ и считаетъ. Придя къ рѣкѣ, она захватила воды только по полуведру и съ такими же мрачными думами возвращалась назадъ. На половинѣ пути встрѣтилась ей Софья—солдатка, дьячкова работница, баба лихая, бойкая, но съ добрымъ, жалостливымъ сердцемъ. Съ тѣхъ поръ какъ солдатство мужа дало ей свободу, она не могла безъ состраданія видѣть несчастій, подобныхъ матрешиному.

— Здорово, Матреша! сказала она, поровнявшись съ ней. — Что больно кручинна идешь, голову новѣсила?

— Такъ, что-то тошно все... отвѣчала Матреша, чуя сердцемъ добраго человѣка.

— Экъ дѣвка, вѣдь замѣтно! сказала Софья, сострадательно качая головой. — Чтоже ты о себѣ придумала?

— Что придумать! ничего не придумаешь!..

— Ты смотри не возьми грѣха на душу.

— Нѣтъ, не возьму.

— Скрыть бы какъ-нибудь...

— Какъ скроешь ?

— А вотъ чему я тебя научу ; я все объ тебѣ думаю , больно мнѣ тебя жаль — дѣвка молодая , загинешь совѣмъ . Ты притворись больной , дня хоть на три ; охай да стонай громче : простудилась—молъ , послѣ бани на рѣку стирать пошла , да прозябла... Эта болѣзнь долго бываетъ , а тамъ какъ время подойдетъ , — тыко мнѣ . У пономаря робять нѣтъ — можно подкинуть .

Матреша поглядѣла на нее глубокимъ , благодарнымъ взглядомъ .

— Я тебѣ по гробъ слугой буду , проговорила она . — Мнѣ больно барышни жалко да стыдно , прибавила она , снова заливаясь слезами , но уже не такими горькими и тяжелыми , какъ нѣсколько минутъ назадъ .

— А ты бы , Тима , былъ съ ней поразвязнѣе , да эдакъ тронулъ бы ее чѣмъ—нибудь чувствительнымъ , взглядець бы когда на нее пустилъ да и сказалъ бы , словно про себя : сердце дескать мое все изранено . Она человекъ молодой , неизбалованный ; мужчинъ на своемъ вѣку почти не видала . Только бы ее за живое—то забрало , такъ она и мать перевернетъ . Ты—то у меня мѣшковать больно!—говорила Арина Дмитриевна , сидя на крылечкѣ своего маленькаго , старенькаго дома и щурясь отъ лучей заходящаго солнца , которые прямо били ей въ лицо изъ—за вѣтвей густой черемухи , составлявшей единственную тѣнь ея огорода . По нечистой улицѣ съ мычаньемъ шли коровы , погоняемые босоногими ребятишками и работницами ; неподалеку на рѣчкѣ слышалось полосканье бѣлья ; съ поля неслись звуки пастьюгаго рожка . На всемъ лежалъ тотъ теплый туманъ и затишь , которыми почти всегда смѣняется къ вечеру жаркій лѣтній день .

— Полноте , маменька , этимъ не возьмешь ! отвѣчалъ Тима , сплунувъ въ сторону и придавивъ большимъ пальцемъ лѣвой руки золу своей коротенькой трубки , наполненной тютюномъ . — Старуху надо обуять , вотъ что ! Тутъ вамъ надо дѣйствовать . Вы когда между словомъ припугните ее , что вотъ дескать , когда вы умрете , такъ дѣвушка останется одна , безъ призора : не на Якова же Иваныча ей надѣяться ; что надо ей защитника

имѣть; что былъ бы дескать человѣкъ хорошій, а богатыхъ да образованныхъ въ нашей сторонѣ нѣтъ, а которые и есть, такъ на Машенькѣ ея не женятся, потому что она сама простая, людей не видала, моднаго обращенія не знаетъ; что образованный мужъ ее замуштруетъ.

— Да, ты это конечно дѣло говоришь. Я эту канитель тонко поведу; только Машенька характерна, ай какъ характерна! Теперь она смирна только до поры до времени; вижу я ее, насквозь вижу.

— Все это однако кажется пустяки, не туда мы съ вами лѣземъ.

— Да съ чего же это въ картахъ тебѣ выходить богатый марьяжъ? Кому какое счастье, Тима. Развѣ не бываетъ, что бѣдные женихи богатыхъ невѣсть находятъ?

— На все случай надо, отвѣчалъ Тима. — Вонъ и Варвара Капитоновна идетъ, прибавилъ онъ, взглянувъ по направленію улицы, представлявшей два ряда жалкихъ, закопченныхъ избъ, носившихъ особенный характеръ бѣднаго дворянства. Каждая изба раздѣлялась на двѣ половины: на черную и бѣлую. Въ черной обитали подвластныя, крѣпостныя семьи; впрочемъ и сами владѣтели проводили тутъ большую часть дня; бѣлая содержалась въ чистотѣ и служила параднымъ отдѣломъ для приѣма гостей въ именинные и праздничные дни. Въ ней кромѣ того часто собирались сосѣди пить чай съ медомъ. Чай этотъ устраивался поочередно и составлялъ самое пріятное развлеченіе и удовольствіе; поэтому и самоваръ всегда стоялъ на окнѣ чистой горницы, выходящей на улицу. За нимъ забывались всѣ дневные заботы и часто велась беседа о предметахъ болѣе отвлеченныхъ. Тутъ рассказывались страшныя исторіи, разрастались до уродливой неправдоподобности разные политическіе и житейскіе слухи.

Такъ какъ въ тотъ день сосѣдки приглашены были къ Аришѣ Дмитревнѣ, то вслѣдъ за Варварой Капитоновной показались вскорѣ и другія, а также и мужчины. Несмотря на то, что жили они всѣ на виду другъ у друга и въ продолженіи дня ходили въ чемъ попало, къ вечеру всѣ принаряжались: барыни надѣвали чепцы, дѣвцы причесывали голову, а мужчины облекались въ сертуки и пестрые бумажные галстуки. Запоздалая моды уродовались здѣсь точно также, какъ слухи и понятія.

Барвара Капитоновна обладала замѣчательнымъ даромъ гадать въ карты и была нѣчто вродѣ свахи, и потому молодежь къ ней льнула.

Да, эти люди жепились и распложались, не боясь повторить существованіе, полное лишеній и бѣдности. Они даже не мечтали сдѣлать какое-либо усиліе, чтобъ выбиться изъ вязкаго болота и оставались въ немъ очень покойно и равнодушно. Умъ, сжатый съ дѣтства, тупѣлъ и тратился на всеневныя заботы и нужды, теряя способность развитія и высшихъ стремленій.

Арина Дмитревна пригласила гостей въ горницу и вскорѣ Маланья, кряхтя и краснѣя отъ натуги, принесла *пузатаго утѣшителя*: такъ называлъ самоваръ одинъ изъ обитателей сельца Калявина, слышій острякомъ и забавникомъ въ своемъ кругу. Гостиная Арины Дмитревы была маленькая, квадратная комната съ некрашенымъ поломъ и стѣнами *au naturel*, по которымъ бахрамой высывался мохъ. Нѣсколько удивительныхъ картинъ лубочной живописи были безъ рамокъ прибиты надъ диваномъ, покрытымъ домашней работы тканьемъ, которое въ суровомъ видѣ отдано было къ набойщику въ Нелюдово для изображенія на немъ затѣливаго узора въ китайскомъ вкусѣ. Въ простѣнкахъ между оконъ стояли допотопные стулья, покрытые сахарной бумагой, для сбереженія ли обивки или для прикрытія ея ветхости — неизвѣстно; это уже тайна хозяевъ. Мебель переходила изъ рода въ родъ и это придавало ей почтенный видъ и характеръ. Арина Дмитревна съ гордостью вспоминала, что у матери ея было двадцать душъ... къ этому двѣнадцать человекъ дѣтей. Когда всѣ выросли и пережились, то очутились сперва мелкопомѣстными дворянами, а потомъ однодворцами, то-есть обладателями одной семьи, жившей съ ними въ одной избѣ.

Разговоръ шолъ о разныхъ предметахъ. Сперва потолковали объ эманципации крестьянъ, коверкая это слово на разные лады; но такъ какъ всѣ плохо понимали въ чемъ дѣло, особенно дамы, то скоро и оставили этотъ предметъ. Мужчины, которые и здѣсь, какъ и въ другихъ, болѣе образованныхъ кружкахъ, отдѣлились особой кучкой въ другой комнатѣ, потолковали по-дольше, даже поговорили, какъ бы сложиться и выписать «Московскія вѣдомости».

— Нѣтъ, батюшки, возразилъ на это одинъ изъ обитателей сельца, высокій, коренастый, уже немолодой мужчина съ угрю-

мышь лицомъ и мозолистыми руками, — мнѣ не до вѣдомостей; вонъ у меня Ванька другую медѣлю съ печи не встаетъ, такъ работница надо панимать, одному не убраться. Не до газетъ, какъ цѣлый день въ молѣ, на работѣ. Тутъ придешь домой, да паровишь какъ бы отдохнуть, кости порасправить.

Господишь этотъ присвистывалъ, потомучто однажды, когда онъ запрягалъ лошадь, ту угораздило какъ-то вышибить ему два передніе зуба. Онъ слылъ «темнымъ» работникомъ, молотить рожь на обухѣ и хоть жилъ не роскошнѣе другихъ, а имѣлъ репутацію человѣка, у котораго денежки водятся.

— Ужъ вы очень подсажаетесь, возразили ему: — вѣдь выше лба уши не растутъ, всего не захватить.

— А по-вашему лежебокой быть! Богъ труды любить. Чѣмъ потрудишься, то и соберешь. Вонъ, какъ Петръ Ларионычъ разгуливаетъ по ярманкамъ, такъ этта два дня его жена и дѣти голодные сидѣли. Ко мнѣ же пришли. Вогъ и Тимошей Васильичъ пришолъ ономясь на сѣнокосъ, махнулъ раза два косой, да съ трубкой на кошу и развалился.

— Да у меня что-то спина разболѣлась... отвѣчалъ Тима.

— То-то, молодой человѣкъ, спива! у меня можетъ не меньше спива-то болить, да я не гляжу на это.

Въ гостиной между тѣмъ, послѣ насыщенія чаемъ, собрался кружокъ около Варвары Капитоновны, разложившей звѣздообразно засаленую колоду картъ. Дѣвцы посмѣивались сдержаннымъ смѣхомъ на ея предсказанія.

— Пу-ка раскинь на Тиму, Варвара Капитоновна. Онъ что-то у меня все худѣетъ и по ночамъ плохо спить, сказала Арина Дмитревна.

Варвара Капитоновна раскинула.

— У-у! заговорила она таинственно, разводя руками: — зазноба есть... антересъ нечаянный... марьякъ, какъ есть марьякъ... король препятствуетъ... Пу, поздравляю! всѣ четыре десятки: на богачкѣ женится.

— Дай-господи, съ состоящицемъ!

— Овъ смотрите какой у васъ молодецъ — чернобровый, сказали нѣкоторые.

— Какже, сейчасъ на графинѣ женится! шепнула рыженькая барынька своей отупѣлой сосѣлкѣ съ безцвѣтнымъ лицомъ.

Давно ли вы у Анны Федоровны были? обратилась она тутъ съ умильной улыбкой къ Аринѣ Дмитревнѣ.

— Да съ воскресенья не бывала. Надо бы сходить; она эта и то съ Малашкой наказывала, что я забыла ее. Дай-богъ ей здоровья, любить насъ.

— Точно что любить, вамъ отъ насъ счастье. Марья-то Петровна на глазахъ выросла! совсѣмъ невѣста. Аннѣ Федоровнѣ о женихахъ надо будетъ хлопотать.

— Да какіе у насъ женихи! вышлась барыня съ безцвѣтнымъ лицомъ. — Эа мелкопомѣстныхъ чай не пойдетъ.

— Нынче, матушка, богатыхъ не навыберешь. Женишки-то въ сапожкахъ ходять. Нынче норовятъ какъ бы за невѣстой взять побольше, сказала Арина Дмитревна съ какимъ-то лихорадочнымъ волненіемъ.

— Да, оно конечно, а все больше какъ кому на роду написано: ужъ написано на роду счастье, такъ тебя оно и на печи найдетъ.

— Ахъ, это истинная правда! отозвались хоромъ всѣ дворянки.

— Ужъ это она Марью-то Петровну не за Тиму ли своего пятить? шепнула опять таже рыжая барынька той же безцвѣтной личности.

— Далеко кулику до петрова дня! проговорила та тихо въ отвѣтъ, робко оглядѣвшись кругомъ.

Вечеръ кончился рано. Передъ прощаньемъ зашолъ разговоръ о колдунахъ и порчахъ. Все это казалось очень страшнымъ на сонъ грядущій и имѣло прелесть чего-то выходящаго за черту обыкновеннаго.

Въ дождливый день Анна Федоровна по обыкновенію сидѣла въ дѣтской, въ своемъ старомъ широкомъ креслѣ, на пуховой подушкѣ. Передъ ней стояла миска съ горячимъ, только-что недавно свареннымъ вареньемъ. Мухи роями кружились надъ нимъ; Анна Федоровна отмахивала ихъ, приговаривая:

— Ахъ вы злодѣйки! экъ ихъ къ сладкому-то тянетъ!

Маша сидѣла съ книгой у окна и будто умерла для всего окружающаго: такъ усердно читала она книги, доставленныя ей Яковомъ Ивановичемъ отъ Арбатова. Анну Федоровну начинала

томитъ тишина и отсутствіе посторонняго лица, которое бы съ умильнымъ участіемъ слѣдило за каждымъ ея движеніемъ.

— Что ты это, Машенька, носъ-то въ книгу уткнула? даже смотреть скучно! Такъ вотъ и прильнула, какъ муха къ меду.

Маша подняла голову и вопросительно посмотрѣла на мать.

— Да ты отъ этой книги престо одурѣла! Что это за книга? Откуда ее выкопалъ Яковъ Ивановичъ? Вѣдь можно и почитать, да все путемъ, а то на-ца! цѣлый день, какъ въ воду опу- щенная.

— Вамъ что угодно, маменька? спросила Маша привставъ съ нѣста.

— Ничего мнѣ, матушка, не угодно, Ты ужь нынче не слушаешь что мать тебѣ говорить.

— Я слышу, маменька. Я сейчасъ перестану читать.

Она закрыла книгу.

— Читай, мать моя! Я насильно отъ тебя ничего не требую. Ужь если своего вниманія къ матери нѣтъ, такъ насильно не дашь.

Маша не отвѣчала; но губы ея были крѣпко, судорожно сжаты, лицо блѣдно, глаза потемнѣли и расширились, какъ-будто они видѣли передъ собой не то, что ее окружало. Дитя исчезло, явилась дѣвушка, кипучая, раздраженная, съ страстной жаждой жизни, знанія и счастья. Грудь вздымалась высоко, рука порой хваталась за сердце, а сердце билось такъ лихора- дочно, такъ безотчетно тревожно...

— Не хочешь ли варевница? спросила Анна Федоровна послѣ довольно продолжительнаго, тягостнаго молчанія.

— Нѣтъ, благодарю васъ, не хочется.

— Да подвинься къ столу, что тамъ въ углу-то сидишь за версту? Неслышно что ты и бормочешь.

Маша какъ-то рывительно и молча придвинулась къ столу.

— Скажи ты мнѣ, что на тебя настѣло! продолжала Анна Федоровна. — Что съ тобой? Я престо тебя не узнаю. Что ты отъ матери скрываешь? Чѣмъ еще Господь наказалъ меня? Больна ты чтоли?

— Я здорова.

— Такъ чтоже ты, точно похоронила кого?

— Чему мнѣ радоваться? Мнѣ скучно, меня тоска беретъ...

— Вотъ какъ! Ужь нынче съ матерью скучно стало! Видно съ Матрешкой веселѣе...

— Что вы меня Матрешкой корите! Я съ ней почти и вмѣстѣ нынче не бываю. Какъ это вы, мамелька, не можете понять, что я свѣта не вижу, никакихъ удовольствій не имѣю! Я между людьми буду какъ дикарка какая. Такъ здѣсь въ глуши и пропаду, молодость даромъ потрачу! Ну-ка вспомните, такъ ли вы свою молодость провели? Вы людей выдали, веселились, но гостямъ съ бабушкой развѣзжали; сами же рассказывали. А я здѣсь хуже чѣмъ въ монастырѣ, даже городу не видала, даромъ что онъ только въ тридцати верстахъ отъ насъ.

— Ты развѣ не видишь, что я больна, вывѣзжать не могу? Вотъ умру, такъ навеселишься...

— Вотъ, я все такое утѣшительное слышу! да еще хотите, чтобъ я весела была.

— Наказалъ меня Господи! простонала Анна Федоровна.

— Я не требую, сказала Маша примирительно: — только не удивляйтесь, что я тоскую, не придирайтесь ко мнѣ.

— Мать не станетъ придирается, а по любви своей безпредѣльной беспокоится и заботится о тебѣ; какъ бы ты съ матерью была откровенна, такъ лучше бы дѣло пошло. Сказала бы прямо, а то что это — порываешь да огрызаешься! Такъ благородной дѣвицѣ нисколько не пристало. А ты бы пришла да и сказала: маменька, голубушка, родная! вотъ мнѣ чего хочется... То-то вотъ! заключила она съ горестнымъ укоромъ: — чѣмъ бы съ Яковомъ-то Иванычемъ шушукаться... Богъ съ тобой! не ожидала я отъ единственной дочери моей этого!

— Маменька! не огорчайтесь, сказала Маша, цѣлуя у ней руку: — ужь у меня такой характеръ мерзкій. На меня находить.

— Характеръ свой надо смирять, отвѣчала Анна Федоровна смгчившись.

Однако старуха призадумалась, когда осталась одна.

Ненила Павловна Нерчинская была женщина лѣтъ тридцати восьми, свѣжая, веселая, немного сантиментальная. Оставшись

вдовой на тридцатомъ году своей жизни, она дала себѣ слово не выходить больше замужъ.

Мужъ ея была человекъ немолодой, больной и капризный. Самымъ лучшимъ дѣломъ всей его жизни было то, что онъ оставилъ послѣ смерти своей женѣ порядочный капиталецъ и купилъ на ея имя домъ въ губернскомъ городѣ В. Много нужно было имѣть въ натурѣ легкости и подвижности, чтобъ сохранить такую ясность характера, какую сохранила Ненила Павловна, несмотря на то, что жизнь порядочно таки помяла ее. Ненила Павловна не принадлежала къ числу такъ-называемыхъ замѣчательныхъ женщинъ. Неотличаясь сама большимъ умомъ и ученостью, она обожала умныхъ и ученыхъ людей; незанимаясь музыкой и другими изящными искусствами, она благоговѣла передъ артистами и художниками и, за неимѣніемъ знаменитостей, умѣла собрать около себя все что было поумиѣе и поразумѣе въ губернскомъ городѣ.

Къ ней влекло ея радушіе, безцеремонность и то наивное вниманіе, которое оказывала она къ интересамъ другихъ. Несмотря на то, что лицо Ненилы Павловны было еще свѣжо и пріятно, она не имѣла претензій нравиться и когда ей случалось возбудить въ комъ-нибудь нѣжное чувство, то большіе каріе глаза ея свѣтились такой сестринской лаской и добротой, и вмѣстѣ съ тѣмъ отнимали всякую надежду на страстную взаимность. Ненила Павловна неспособна была кого-нибудь руководить или поддерживать благоразумнымъ совѣтомъ, но добрая, снисходительная, она всегда готова была развеселить или утѣшить въ минуту горя и печали.

Въ настоящее время, по случаю лѣта, большая часть ея знакомыхъ разъѣхалась по деревнямъ и обыкновенный, почти ежедневный кружокъ ея составляли нѣсколько служащихъ молодыхъ людей, нелишнихъ ума и образованія; врачій прокуроръ, черпавшій своя понятія почти цѣликомъ изъ Фейербаха и его послѣдователей; пріѣзжій Арбатовъ и Налетовъ, студентъ ***го университета, гостившій у Арбатова въ деревнѣ для поправки здоровья. Арбатовъ часто пріѣзжалъ въ городъ по дѣламъ и переверотамъ по имѣнію и почти все свободное время проводилъ у Ненилы Павловны.

Ненила Павловна сидѣла на диванѣ съ работой въ рукахъ и внимательно, съ любовитствомъ слушала, хотя и плохо пони-

мала, какъ прокуроръ въ краснорѣчивыхъ речахъ проводилъ какую-то туманную идею о преступленіяхъ. Ему горячо возражали два чиновника; Налетовъ молча разрывалъ номеръ какого-то толстаго журнала; Арбатовъ сидѣлъ у рояля и перелистывалъ ноты; повременамъ они брали тикіе акорды и наивъ валь мотивъ романса или арія.

Арбатовъ былъ мужчина высокій, блѣдный, худощавый, съ пріятнымъ лицомъ и большими темными глазами, настоящіи цвѣтъ которыхъ трудно было опредѣлять: они были нѣто сѣрые, нѣто каріе, но во всякомъ случаѣ темные. Взглядъ ихъ былъ ярокъ в лихорадоченъ, когда что-нибудь его интересовало, задумчивъ и глубокъ въ минуты грусти. Въ очертаніи его правильныхъ губъ проглядывало что-то извѣженное и запринное; но улыбка была пріятна, хотя чрезвычайно мимолетва; она исчезала вмѣстѣ съ движеніемъ губъ, неоставляя свѣтлаго слѣда на его лицѣ. Арбатовъ былъ сынъ богатыхъ помѣщиковъ, получилъ прекрасное образованіе, считалъ себя поэтомъ въ душѣ, любилъ порисоваться хандрой; кутилъ года два за границей, оставившись на двадцать пятый годъ своей жизни единственнымъ наследникомъ послѣ своихъ умершихъ родителей; все хотѣлъ жить полной жизнью, да все какъ-то ему не удавалось этого; жениться онъ не рѣшался: все боялся не рано ли, не загубить бы молодости.

— Мнѣ кажется, я могъ бы жениться только на такой женщинѣ, говорилъ онъ пріятелямъ, — которую бы постоянно нѣсколько лѣтъ пролюбилъ до женитьбы и убѣдился бы, что этотъ переходъ не нарушитъ между нами душевной гармоніи и ничего не измѣнитъ въ нашихъ отношеніяхъ.

Но такой женщины ему пока не встрѣчалось. Каждая его интрига продолжалась очень недолго. Кто былъ тутъ виноватъ, рѣшить трудно. Онъ мѣрлялъ жизнь только минутами увлеченія и никогда не допивалъ до дна чаши удовольствія, боясь гдѣтнуть горькаго осадка. Въ отношеніи женщинъ у него была одна добросовѣстная черта: онъ никогда не притворялся влюбленнымъ, никогда не тянулъ за душу фальшивыми отношеніями, а прерывалъ ихъ рѣшительно безъ всякой жалости къ себѣ и къ предмету своего увлеченія.

Въ его движеніяхъ, въ его голосѣ было много симпатичнаго, страстнаго, привлекательнаго. Даже Ненила Павловна признаду-

мозолись иногда подъ его шѣпе и мысленно воображала лунную ночь, номеранцовыя сады, легкую гондолу, тихо плывущую по голубой влагѣ, въ которой отразились мраморныя дворцы и стройныя колонады чужого, далекаго города; въ гондолѣ она видѣла чудную красавицу-иностранку, а возлѣ красавицы — его, Арбатова, озареннаго свѣтомъ мѣсяца, живописно закутаннаго въ темный, широкій плащъ, шепчущаго слова любви, отъ которыхъ билось сердце и замирало дыханіе...

Инданоръ Васильчъ Налетовъ былъ мужчина крѣпкаго сложенія и казался старѣ своихъ лѣтъ. Съ перваго взгляда физиономія его производила несовсѣмъ пріятное впечатлѣніе: было что-то слишкомъ устойчивое, смѣлое и вызывающее въ его взглядѣ и во всей фигурѣ; огромныя русыя бакены съ золотистымъ отливомъ придавали ему даже нѣкоторую наружную свирѣпость, такъ что одна чувствительная дама назвала его бандитомъ, а другая, богомольная старушка, отозвалась, что «эдакой если во онѣ привидится, то можно испугаться». Въ сущности онъ вовсе не былъ страшенъ; черты лица его были правильны, лобъ умный, открытый, улыбка добрая, довѣрчивая. Жизнь безъ убѣжденій была для него не жизнь; убѣжденія безъ дѣла — только громкія фразы. Онъ служилъ добросовѣстно наукѣ и всему, чему захотѣлъ бы служить. Нѣженкой и баловнемъ онъ не былъ никогда. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ всегда съ чѣмъ-нибудь боролся, противъ чего-нибудь возставалъ.

Самое отрядное для него въ жизни было то, что отецъ его, будучи бѣднымъ человѣкомъ, ничего не нажилъ отъ хлѣбнаго мѣстечка, которое занималъ много лѣтъ. Но это не мѣшало ему и съ отцомъ своимъ, человѣкомъ старыхъ понятій, вести постоянную войну. Споры ихъ доходили до серьезной размолвки, но кончались такъ тѣмъ, что отецъ призналъ въ сынѣ человѣка, и откинувъ повелительно деспотическій тонъ, протянулъ молодому человѣку руку на дружбу и нравственное равенство. Съ этой минуты Налетовъ сдѣлался для него добрымъ, внимательнымъ и покорнымъ сыномъ.

Налетовъ вообще преслѣдовалъ кого бы то нибыло до тѣхъ поръ, пока замѣчалъ сопротивленіе; при малѣйшемъ признакѣ раскаянія и страданія, изъ строгаго судьи дѣлался другомъ и утѣшителемъ.

Горе и радость выражались у него по-своему, сжато и глухо.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ онъ похоронилъ своего лучшаго друга; онъ не проронилъ ни слезинки ни во время похоронъ, ни въ то время, какъ въ кружкѣ товарищей произнесъ о немъ коротенькую рѣчь, отъ которой почти у всѣхъ навернулись слезы. Возвратясь домой, онъ усиленно принялся за трудъ, писалъ день и ночь диссертацию, зарылся въ книги и никуда не выходилъ впродолженіи двухъ мѣсяцевъ; наконецъ сталъ замѣтно худѣть, чувствовать боль въ груди и кашлять. Тогда, въ одно прекрасное утро, онъ эпергично тряхнулъ своей мохватою головою и сѣлъ на первый пароходъ, чтобъ куда-нибудь уѣхать и разсѣяться. На пароходѣ онъ познакомился съ Арбатовымъ, который отъ всей души полюбилъ его и упросилъ ѣхать съ нимъ въ его имѣніе.

Вскорѣ всѣ гости, кромѣ Арбатова и Налетова, разошлись. Во время чая человѣкъ доложилъ Ненилѣ Павловнѣ, что пришелъ Яковъ Ивановичъ Орловъ.

— А! Яковъ Ивановичъ! воскликнула Ненила Павловна. — Проси. Добрѣйшій человѣкъ!.. Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ оказалъ мнѣ услугу... большую услугу. Рѣдкое безнорыстіе! прибавила она, почти про себя, съ чувствомъ.

— Яковъ Ивановичъ! сказалъ Арбатовъ, вставая изъ-за стола. — Это тотъ славный старикъ, который хлопочетъ теперь по моимъ дѣламъ? Удивительный чудакъ!

— Тс! произнесла Ненила Павловна, указывая глазами на дверь, въ которую входилъ Яковъ Ивановичъ.

Яковъ Ивановичъ вошелъ довольно свободно, человекъ раскланялся и помѣстился, по приглашенію Ненилы Павловны, въ покойное кресло. Но на душѣ у него какъ-виднo было несовѣсть покойно. Онъ переминался, пока не заговорилъ.

— Я къ вамъ по порученію Анны Федоровны, сказалъ онъ, откашлинувъ такъ, какъ-будто у него что въ горлѣ засѣло: — вотъ письмо отъ нея.

Онъ подалъ Ненилѣ Павловнѣ неуклюжій конвертъ съ огромной лепешкой сургуча на серединѣ.

Пока Ненила Павловна читала письмо, Арбатовъ заговорилъ съ Яковомъ Ивановичемъ дружески и радушно.

— Ахъ боже-мой, какъ я рада! воскликнула Ненила Павловна, складывая письмо. — Анна Федоровна не могла ни въ какой большей чести, какъ позволить своей Машьѣ погостить у меня. А я еще какъ виновата передъ ней: сколько времени не

была у нее все собираюсь. Зимой меня въ городѣ не было... Очень, очень рада! у меня за Машу неравъ сердце битье; въ самомъ дѣлѣ, дѣвочка людей не видала, понятія о жизни: не имѣетъ.

— Что это за Маша? спросилъ Арбатовъ.

— Дочь пошваницы Гравилиной, отвѣчалъ Яковъ Ивановичъ.

— Это вы не для нея ли брали у него книгъ? спросилъ Налетовъ. — Что, она хорошенькая?

Яковъ Ивановичъ посмотрѣлъ на него такъ, какъ-будто съѣсть хотѣлъ.

— Хоть бы и для нея, такъ вѣдь что за дѣло? проворчалъ онъ.

— Какъ что за дѣло! если она умненькая да еще хорошенькая.

— Не про васъ только, проворчалъ старикъ про себя.

— Миленькая, миленькая! воскликнула Ненила Павловна: — рожца такая умненькая, выразительная. Ахъ какъ я за нее рада! Мы ее разовьемъ. Вы, господа, помогайте вашимъ умамъ: для женщины много значить общество образованныхъ мужиковъ.

— Ужь вы, Ненила Павловна, сами потрудитесь, сказалъ Яковъ Ивановичъ.

— Да ужъ вы будьте покойны за вашу любимицу: ей у меня будетъ приятно. Вотъ дѣвушка, господа, продолжала она: — рѣшительно свѣту, людей порядочныхъ не видала; до семнадцати лѣтъ въ такой глуши прогидѣла. Мать не позаботилась дать ей никакого образованія. А миленькая, очень миленькая дѣвочка!

— Тѣмъ лучше: свѣжая натура, сказалъ Налетовъ: — Мы ее эманципируемъ, волочитья за ней станемъ.

— Она еще дитя, сказалъ Яковъ Ивановичъ слегка дрожащимъ голосомъ: — надъ ней еще ангелы носятся.

— А вы хотѣли бы ей молодую жизнь въ склянку закупорить? Не бойтесь, хорошая натура чутьемъ отыщеть дорогу... Она дитя, говорите вы? тѣмъ скорѣй ей надо расти; дитей всю жизнь оставаться невозможно, да и въ семнадцать лѣтъ глупо. Въ эти годы замужъ выходятъ, а не въ куклы играютъ.

— Ну, ужъ вы пойдете! сказала съ улыбкой Налетову Ненила Павловна. — Напугаете вы Якова Ивановича. Бѣда мнѣ.

Вы не знаете, какъ вояло любить онъ Машу. Умирающій отецъ ея просилъ его беречь ее...

Наметовъ съ участіемъ взглянулъ на Якова Ивановича.

— Если понадобятся книги, то моя походная библіотека въ вашихъ услугахъ, сказалъ Арбатовъ Ненилѣ Павловнѣ своимъ мягкимъ, звучнымъ голосомъ. — Я не зналъ, что у Якова Ивановича есть такая нѣжная привязанность, прибавилъ онъ. — Что вы мало у меня книгъ взяли?

— Я боюсь и читать—то ей давать, отвѣчалъ Яковъ Ивановичъ: — нынѣшнія книги голову мутятъ. Да ужъ она пристрастна къ нимъ — привези да привези... Ненила Павловна обратилась онъ къ хозяйкѣ, пользуясь случаемъ, когда Арбатовъ и Наметовъ отошли въ глубину комнаты: — Анна Федоровна приказала васъ просить, чтобъ Машеньку въ очень—то большой здѣшній свѣтъ не показывать: она непривычна, сконфузится, еще не смѣхъ поднимуть. А такъ, понемножку ее приучать: ей все будетъ занимательно. Вотъ по городу прокатить, на гулянье взглянуть...

— О, будьте покойны! я это очень хорошо понимаю.

— Если будутъ какіе расходы, — тамъ платице лишнее сшить, — вы Аннѣ Федоровнѣ не пишите, а отвеситесь ко мнѣ: такъ, чтобъ это было между нами.

— О, добрѣйшій, добрѣйшій человекъ! воскликнула Ненила Павловна. — Я васъ понимаю! Будьте покойны, говорю вамъ.

Прощаясь, Яковъ Ивановичъ крѣпко поцѣловалъ руку у Ненилы Павловны, а Ненила Павловна, оставшись одна, долго съ пріятностью мечтала о новой заботѣ въ ея жизни и строила цѣлые романы насчетъ машенькиной будущности, которую горька негернѣишемъ устроить какъ можно лучше и счастливѣе.

Маша знала, что ея мать придумала для нея развлеченіе: это какъ—то странно на нее подѣйствовало, на нее напала робость и ей стало еще скучнѣе съ тѣхъ поръ, какъ она потеряла право жаловаться. Ей вдругъ показалось, что гощеніе, устроенное у Ненилы Павловны, было далеко не то, къ чему она такъ безотчетно и страстно стремилась, чего она сама не могла угадать и опредѣлить...

Анна Федоровна была знакома еще съ матерью Ненилы Павловны, провожала послѣднюю къ вѣнцу, будучи еще сама въ двѣдцатыхъ, уже очень перерѣлыхъ. — провожала, безнадежно вздыхая, глядя на подвѣчный нарядъ хорошенькой невесты, непредугадывая, что сама выйдетъ замужъ въ тотъ же годъ.

Ненила Павловна производила на Машу пріятное впечатлѣніе своимъ простымъ и ласковымъ обращеніемъ. Она при ней не робѣла и всегда радовалась ея короткому и рѣдкому проявленію. Ненила Павловна общалась черезъ Якова Иваныча сама пріѣхать за Машей, и Маша каждый день проводила въ какомъ-то лихорадочномъ ожиданіи. Она стала меньше углубляться въ себя и невольно старалась разсѣяться внѣшностью. Она вдругъ стихла и опала. Машу томило одиночество: ей противно было жужжанье мухъ, ее раздражалъ кашель матери, раздававшійся изъ другой комнаты.

— Да что Матрешка, до сихъ поръ все больна? спросила Анна Федоровна Аграфену, подававшую самоваръ.

— Видно больна еще, сударыня, отвѣчала та съ особеннымъ выраженіемъ въ голосѣ.

— Да что у ней за болѣзнь такая? Принимала ли она лекарство, что я послала?

— Отъ такихъ болѣзней лекарствами не вылечишь.

— Да ты что загадками-то говоришь? что рожи-то корчишь? Знаешь, такъ прямо правду барынь говори. Барыней еще рано пренебрегать, еще погодите: улита ѣдетъ, когда-то будетъ.

— Я кажется, Анна Федоровна, вамъ служу вѣрой и правдой; а только это и выслужила.

— Ну, ты еще нови распусти!

— Изъ-за всякой дряни обиду принимай! Да что она мнѣ? вѣдь не дочь родная.

— Что, видно болѣзнь-то ея живая?..

— Я не знаю-съ...

— Врешь, ты все знаешь. Вотъ и видно твое усердіе!

— Какъ говорить, Анна Федоровна! грѣха надѣлаешь — пенявить пойдеть.

— А передъ барыней скрывать не грѣхъ? всякимъ мерзостямъ потакать не грѣхъ?

— Извольте сами призвать да посмотреть. Можетъ въ добрый

часъ и повинится. Молчала я, барыню жалѣючи, потому что онѣ къ ней привязанность имѣють.

— Хороша привязанность — къ эдакой мерзавкѣ! Мирья Петровна! обратилась она къ вошедшей Машѣ: — знаешь ли? наперсница-то твоя съ прибылью...

Маша очень хорошо поняла эту деликатную фразу, потому что слыхала ее изъ устъ Арины Дмитревны. Она поблѣднѣла и невольно произнесла:

— Не можетъ быть!

— Чего не можетъ быть! я велѣла позвать ее, полюбуйся сама. Вотъ, прибавила она, урокъ тебѣ — съ дѣвками не дружиться.

Лицо Маши приняло суровое, беспощадное выраженіе. Она вспомнила обѣщаніе Матрешы, свои совѣты и увѣщанія, и увидѣла себя какбы пренебреженной, принесенной въ жертву.

Между тѣмъ послали за Матрешой съ приказаніемъ отъ барыни «тащить ея хоть полумертвую». Приказаніе было исполнено, и вскорѣ въ комнату вошла Матреша, сопровождаемая матерью, дрожащая отъ страха, покрытая позоромъ, несчастная до послѣдней крайности... Она въ оцѣпененіи остановилась у дверей.

— Подойди поближе, красавица! прошипѣла Анна Федоровна.

Матреша не двигалась,

— Подойди, барыня зоветъ, тихо проговорила ей мать, утирающая рукавомъ неудержимо лившіяся слезы.

Матреша автоматически сдѣлала шагъ впередъ.

— Ты это барыню вздумала обманывать? Ты это за всѣ барышнинны милости такъ себя довела? Хорошо, голубушка! прекрасно! Признавайся, винись сейчасъ, бестія! закричала Анна Федоровна такимъ страшнымъ голосомъ, стуча кулаками по столу, что Матреша невольно, вмѣстѣ съ матерью, повалилась ей въ ноги.

— А ты любуйся на дочку! продолжала Анна Федоровна, обращаясь къ Маврѣ, немного успокоенная этимъ знакомъ покаянія и покорности: — хорошо воспитала! безстыжая твоя рожа! да еще и покрываетъ!

— Матушка! тоже своя провъ, кому свое дѣтище не жаль?

— Еще ты смѣешь это говорить! Да я барыня, а сдѣлай-ка это моя дочь — я бы ее на порогъ не пустила.

Во все продолженіе этой возмутительной сцены, въ Машѣ происходило что-то страшное: невозможное чувство жестокаго осужденія, злобно съ матерью, бушевало въ ея оскорбленномъ сердцѣ. И хоть она все время сдѣла отвернувшись къ окну, но не могла отказать себѣ въ наслажденіи упиться чувствомъ удовлетвореннаго мщенія. Это было дикое, темное чувство неравнотой души, неиспытанной положительнаго, глубокаго горя, нечувящей еще великой тайны любви и прощенія.

— Ну, чтобъ духу ея здѣсь не было! рѣшила Анна Федоровна. — Пусть идетъ куда хочетъ, хоть по міру обираетъ, хоть въ работницы нанимается. А тамъ, послѣ, ужъ я придумаю ей наказанье. Пошла вонъ отсюда, съ глазъ моихъ долой, негодяйка!

Матреша устремила мутный отъ наступившихъ слезъ взоръ на Машу; быстро приблизилась къ ней, и бросилась съ громкими рыданіями къ ея ногамъ, проговорила прерывистымъ, задыхающимся голосомъ:

— Матушка-барышня! простите!

При этомъ она съ любовью и отчаяніемъ ловила полу ея платья.

Маша поднялась съ своего мѣста, гордая и безпощадная. Она сознавала себя безгрѣшной и потому считала себя нетолько вправѣ, но какъ бы обязанной поднять камень.

— Прочь! крикнула она такъ, что сдѣлала бы честь трагической актрисѣ. — Прочь! не дотрогивайся до меня! Я тебя знать не хочу и видѣть не хочу!..

Матреша порывисто встала; глаза ей сверкнули; она произнесла съ неожиданной смѣлостью горькаго упрека:

— Богъ съ вами, сударыня! — и вышла за матерью, а Маша прошла въ пустую гостиную, бросилась на диванъ и судорожно громко зарыдала...

— Ненила Павловна вдутъ! доложила ей Федосья, приотворяя дверь.

На другой день Арина Дмитревна, сопровождаемая Тимоѣй, входя на дворъ Граняиной, немало удивилась, увидя передъ крыльцомъ дома городскую колеску четверной и возлѣ нея Аграфену, укладывающую узелки и подушки.

Арина Дмитриевна даже поблѣднѣла, когда обратился съ вопросомъ къ Аграфенѣ: кто уѣзжаетъ?

— Барышня къ Ненилѣ Павловнѣ гостить ѣдутъ, отвѣчала Аграфена съ примѣсю гордости и пренебреженія.

— Да какъ? да давно ли собралась? говорила Анна Дмитриевна, между тѣмъ какъ Тима сохранялъ мрачное молчаніе. — Мы ничего и не знали. Вѣдь меня это время все дома не было — у дядюшки гостила...

И она, немного растерявшись, отправилась во внутреннія комнаты, гдѣ и присутствовала при сценѣ прощанья.

Когда Анна Федоровна, послѣ приличнаго, преддорожнаго молчаливаго сидѣнья, тяжело подвигалась съ своего кресла и перекрестилась нѣсколько разъ, обратилась къ Машѣ съ родительскимъ благословеніемъ, Маша вся взволнованная, въ слезахъ, припала къ ней на грудь и тихонько проговорила:

— Вы сердитесь, маменька?

— Смотри же, не забывай матери, вмѣсто отвѣта проговорила Анна Федоровна, цѣлуя ее въ лобъ и глаза.

Ненила Павловна утѣшала обѣихъ словами и ласками.

Арина Дмитриевна и Тима, вмѣстѣ съ дворовымъ людомъ, вышли на крыльцо (Анна Федоровна смотрѣла на отъѣзжающихъ изъ окна), и когда коляска выѣхала за ворота и повернула въ сторону по дорогѣ къ лѣсу, Арина Дмитриевна глубоко и влобно вздохнула. Вскорѣ на крыльцѣ осталась только она съ Тимой, который, отпавивъ губы, насмѣшило свиснувъ, повернувъ голову къ дорогѣ.

— Вотъ вамъ, маменька, и юрьевъ день! сказалъ онъ: — много взяли!

— Погоди, баяюшка, каркать преждевременно: те на дѣкъ уѣхала, воротится.

— Уѣхала воронкой, а воротится соколомъ... Ждите! она тамъ замужъ выйдеть.

— Сейчасъ и выйдеть! эку невидаль привезутъ! такъ всѣ на нее и бросятся! Погоди, еще прилетѣтъ и наша очередь.

— Не свихнулась бы она тамъ. У Ненилы Павловны все молодежь въ домѣ вертится.

— А свихнется, такъ намъ лучше: мы тутъ рыбку въ мутной водницѣ и половимъ.

— Скажите, маменька, что это вамъ въ голову втепелилось?

Привалялись все къ этой мысли, только вы меня мутите. Натолковами мнѣ, теперь Машенька такъ мнѣ въ глаза и лѣзетъ; даже иногда сердце замираетъ, какъ вспомню объ ней. Вы меня издравили теперь, а какъ толку не будетъ? вѣдь это можно лопнуть съ досады. И съ чего вы это взяли?

— И сама не знаю, Тима. Точно мнѣ кто въ уши шепчетъ, что быть Машѣ за тобой. А ужь скажу тебѣ всю правду: сонъ я видѣла на этотъ счетъ необыкновенный. Вижу это я, что къ намъ въ горницу голубка влетѣла, вел бѣлая и какъ точно серебромъ отливаешь, а ты ее и начать ловить, да ловивши—то себѣ руку поранишь, кровь пошла, значить родная будетъ. И только бы тебѣ схватить ее, — я проснулась.

— Мало ли что пригрезится, возразилъ Тима.

— Ай нѣтъ, голубчикъ, этотъ сонъ не даровой!..

И они пошли утѣшать Анну Федоровну въ одиночествѣ.

— Какъ, Марья Петровна! говорилъ Налетовъ Машѣ, сидя въ гостиной Ненилы Павловны, недѣли двѣ спустя послѣ ея прїѣзда въ городъ:—вы и этого не слышали, не читали? Эго однако ужасно! Я ужь не говорю о современныхъ успѣхахъ науки, искусства; но не знать, что у насъ былъ поэтъ Пушкинъ, который бросилъ новый свѣтъ на русскую литературу, открылъ новую дорогу въ области творчества; не читать Гоголя, не имѣть понятія о Шекспирѣ! не знать, что были и есть въ мїрѣ великіе ученые, художники, артисты, не слыхивать ихъ именъ! да что я говорю!—не знать ровно ничего, спать умомъ и сердцемъ, когда другіе въ ваши годы кипятъ дѣятельностью, служатъ великимъ мировымъ идеямъ, трудятся, учатся, быстро шагаютъ по пути развитія — и оставаться такой несвѣдущей, такой отсталой! это ужасно! Что они съ вами сдѣлали? Вы всгуните въ мїрѣ какъ глухонѣмая. Все идетъ впередъ, все проникнуто живымъ сочувствіемъ прогресса; вы захотите принять участіе въ общемъ движеніи умовъ — и ничего не поймете, и васъ не поймутъ, потому что вы отсталая. Вы до сихъ поръ лежали въ гробу подъ свицовой крышей допотопныхъ предрассудковъ и кривыхъ, темныхъ идей. Да еще лучше бы было, еслибъ они оставили васъ на производѣ вашего собственного душевнаго чутья: такъ

нѣтъ, они испортили васъ, они дали вамъ готовый хламъ съ-
вѣхъ жалкихъ шокятій; они убили, придавили, окочали вашу
душу; они облыли васъ, вынѣжили и засторонили свѣтъ позна-
нiя и правды. Я въ жизнь мою не встрѣчалъ еще такой отста-
лой дѣвушки!

Все время, какъ онъ говорилъ, Маша сидѣла, устремивъ въ
землю неподвижный взоръ, выраженiе котораго нельзя было
видѣть; но судя по тому, какъ вспыхивалъ и пропадалъ рыва-
нецъ на ея щекахъ, какъ вздрагивали ея плечи, по судорожно-
му, едва замѣтному движенiю рукъ, можно было угадать, что
слова Налетова подымали въ душѣ ея цѣлую бурю. Она каза-
лась себѣ и въ самомъ дѣлѣ дотога жалкой и несчастной, до-
того обиженной жизнью, что съ трудомъ удерживала подсту-
пившiя горькiя слезы стыда и негодованiя.

— Я невиновата, сказала она дрожащимъ голосомъ: —
меня ничему не учили. Въ нашемъ глухомъ углу какое можетъ
быть образованiе? маменька сама вѣкъ прожила необразован-
ной. Чтѣ вы надо мной ужасаетесь! это все равно какъ бы аха-
ли и удивлялись, зачѣмъ вищiй не ѣздитъ въ щегольской ка-
ретѣ.

— Bravo, Марья Петровна! сказалъ Арбатовъ, все время за-
думчиво сидѣвшiй, облокотясь на столъ: — это сказано умно
и справедливо. Вы его убили наповалъ.

— Не радуйтесь, сказалъ Налетовъ съ безпощадной настой-
чивостью: — я не отступаю такъ скоро отъ начатаго дѣла.
Надо поражать зло въ самомъ корнѣ, иначе оно разрастется.
Моя обязанность, какъ человѣка, приносить пользу ближнему
по мѣрѣ силъ и возможности.

— И вы думаете, что приносите пользу слѣпому, говоря ему
поминутно, что онъ слѣпъ? съ горечью произнесла Маша.

— Эта дѣвочка неглупа, подумалъ Арбатовъ: — въ ней такъ
много жизни и кипучей, молодой, еще несовсѣмъ пробудившейся
силы. И какая она хорошенькая! прибавилъ онъ мысленно,
взглянувъ на оживленное, взволнованное личико дѣвушки. — На-
летовъ силится пробудить ея умъ, ея способности, а я... о,
еслибъ я могъ пробудить ея сердце!

— Да, если говорить это съ цѣлью заставить слѣпого упо-
требить всѣ силы, всѣ средства къ прозрѣнiю, отвѣчалъ Налетовъ
Машѣ. — Вы говорите, что васъ ничему не учили: поло-

жимъ такъ, въ этомъ виноваты другіе; но вы, вы сами что сдѣлали для вашего спасенія? Боролись ли вы съ темнымъ невѣжествомъ? приступали ли вы рѣшительно къ вашей матери съ просьбами дать вамъ образованіе? Ломоносовъ бѣжалъ пѣшкомъ за тысячи верстъ изъ-подъ родного крова къ свѣту науки, терпѣлъ нужду, холодъ и голодъ, не струсилъ опасностей и препятствій. Онъ сдѣлалъ настолько, насколько хватило у него силъ. Сдѣлали ли вы по возможности какое-нибудь усиліе, выстрадали ли себѣ оправданіе? Отвѣчайте по совѣсти.

— Я ничего не знала, проговорила Маша: — мнѣ никто не говорилъ дѣльнаго слова.

— Обвините хоть немного себя, Марья Петровна, непременно обвините; начните ваше умственное развитіе съ этого акта безпристрастнаго суда надъ собой.

Маша молчала.

— Вамъ это тяжело? продолжалъ Налетовъ: — а все оттого, что вамъ покойно было кушать слобные пироги, ничего не дѣлать и барствовать. Около васъ, я думаю, тамъ цѣлый штатъ Дуняшекъ и Марфушекъ, которыхъ вы и людьми-то, я думаю, не считаете и съ гордостью признаете себя передъ ними какими-то высшимъ существомъ другой породы. Что, неправду я говорю, Марья Петровна?

Маша опять не отвѣчала.

— Вотъ видите, вы не отвѣчаете, значить правда. Вы и тутъ скажете, что васъ никто не училъ. Да вѣдь вы въ церковь ходили, поклонны земные клали, слушали ученіе Христа о томъ, что всѣ люди — люди, что передъ Богомъ нѣтъ ни Марфушекъ, ни Дуняшекъ, а есть во всякомъ живая, человѣческая душа, равно вѣющая право на жизнь и ея блага, какъ всѣ Марьи Петровны и Софьи Ивановны, называющія себя барышнями. А какъ, я думаю, вы фарисеевъ-то и книжниковъ бранили! вотъ, думали, какіе они гадкіе, а я то какая славная!

— Но однако ты богъ-знаетъ чего хочешь, какихъ гигантскихъ усилій! вмѣшался Арбатовъ. — Ты всю вину сваливаешь на Марью Петровну и забываешь, что человѣкъ невольно подчиняется средѣ его окружающей, что пошлость сильна, и не такіе характеры, какъ ея, вязли въ этомъ болотѣ предрасудковъ. А другіе что сдѣлали? Я не говорю о тебѣ: ты еще у входа, ты готовишься въ путь; не говорю и о себѣ: у меня свой взглядъ

на жизнь ; а другіе что выработали изъ своихъ вопросовъ и стремленій ? Краснорѣчиво стонали, жарко возмущались и не могли склониться , чтобъ поднять хоть одинъ камень съ узкой, тѣсной тропы, по которой шли!..

— Они учились, мыслили, отвѣчалъ Налетовъ.

— Такъ ли учились какъ слѣдовало ? трудились ли въ потъ лица, до истощенія силъ , исключая нѣкоторыхъ избранныхъ, о которыхъ я здѣсь не говорю ? Что вынесли они изъ своего мышленія ?

— Отвращеніе отъ житейской неправды да вѣру въ человечество ; этого развѣ мало ?

— А почему ты знаешь , что Марья Петровна не вынесетъ изъ своего сердца высокой любви , великихъ жертвъ , безконечный источникъ женственной прелести , которая повѣсть отрады и подкрѣпленіемъ другому человѣку и всѣмъ ея окружающимъ ?

— Не вынесетъ , если останется въ теперешнемъ темномъ состояніи ума и сердца ! Не вынесетъ , если не слѣдуетъ рѣшительнаго шага , если не встрепенется всей волей , всѣми желаніями ! Я бы не нападалъ на нее, еслибъ видѣлъ въ ней мелкую, пустую натуру : нѣтъ, у ней много ума и способностей , какъ я могъ замѣтить со времени нашего знакомства. Она натура не дюжвинная. Это-то и досадно.

— Но боже-мой , что я буду теперь дѣлать ! Я знаю , что я отсталое , бесполезное существо : пусть же я такъ и останусь, пусть заглохну въ своемъ темномъ углу ! Теперь начинать съ азбуки поздно.

— Не поздно , Марья Петровна ; была бы охота да добрая воля. Читайте, вдумывайтесь, трудитесь.

— А жизнь сердца ? сказалъ Арбатовъ. — Вы еще не испытали ее. Какой новый міръ блаженства откроетъ она для васъ : какой чудный, разумный смыслъ дастъ существованію... Вы полюбите и васъ полюбятъ. Полюбятъ глубоко, страстно.

— Кто меня такую полюбить ! сказала Маша съ отчаяніемъ въ голосъ.

Арбатовъ посмотрѣлъ на нее глубокимъ , долгимъ , выразительнымъ взглядомъ ; Маша выдержала этотъ взглядъ неопускающая глазъ , въ которыхъ загорѣлся краснорѣчивый , страстный отвѣтъ... Она была такъ взволнована , такъ потрясена , что въ эту минуту чувствовала себя способной броситься въ пропасть,

только бы искупить свое бесполезное прошлое. Этотъ взглядъ, это выразительное лицо, этотъ задушевный, сочувствующій голосъ во время грознаго, хотя и справедливаго суда, не могли не имѣть на нее чарующаго вліянія.

— А хоть бы и любовь, снова заговорилъ Налетовъ: — какое понятіе имѣете вы о ней? Подумали ли вы объ этомъ предметѣ серьезно? Послѣ поздно уже думать.

— Я до сихъ поръ не любила и не думала объ этомъ, сказала Маша съ такимъ выраженіемъ лица и голоса, что Арбатовъ могъ перевести ея слова такимъ образомъ: если я полюблю, то полюблю тебя перваго...

Онъ такъ и перевелъ; лицо его оживилось, взоръ засвѣтлелъ тѣмъ опаснымъ огнемъ, который в жготь, и притягиваетъ молодую душу.

— Вотъ вѣдь вы готовы этимъ хвастаться, воскликнулъ Налетовъ, ничего незамѣчая, — а хвастаться тутъ нечѣмъ. Вы съ вашими понятіями исковеркаете въ себѣ всякое истинное чувство, покроете его ложью, какъ всю жизнь вашу. Я увѣренъ, — встрѣтятся вамъ человѣкъ, который бы стоилъ любви, да встань между нимъ и вами расчетъ и приличіе — конечно! вы его и свою собственную душу такъ и положите на костеръ всесожженія въ жертву чужой, самодурной волѣ и собственнымъ вашимъ кумирамъ. Вы поплачете, пожалуетесь на судьбу и не задумаетесь разбить сердце любимаго человѣка и свое въ угоду богъ-знаетъ кого и чего, можетъ-быть призрака, который кажется вамъ грозенъ только потому, что пустой страхъ мѣшаетъ вамъ разглядѣть его поближе; а разглядѣли бы, такъ бы увидали, что это ничто иное какъ простыня на вѣшалкѣ.

— Однако, возразила Маша, — любовь къ матери, страхъ огорчить, убить ее... это ужъ не простыня на вѣшалкѣ!

— Ну положимъ, что и такъ. А еслибъ мать ваша захотѣла васъ выдать замужъ за нелюбимаго? Вы бы пошли! Вы совершили бы надъ собой самоубійство! Тѣфу! прибавилъ онъ, — это не лучше крѣпостнаго права! Тутъ совсѣмъ растеряешься.

— Ты ужъ кажется и любви хочешь учить Марью Петровну? сказалъ Арбатовъ.

— Любовь все искушаетъ, отвѣчалъ Налетовъ. — Для иныхъ натуръ она благотворный свѣточъ, указывающій все лучшее, прямое въ жизни. Я хотѣлъ только спросить, думала ли когда-ни-

будь объ этомъ Марья Петровна. Любовь налагаетъ серьезныя обязанности.

— Какія? спросила Маша.

— Добросовѣстно и честно пережить это чувство, отвѣчалъ Налетовъ. — Не лгать передъ собой и другимъ, сумѣть прощать и благословлять въ тяжкія минуты... вынести всю полноту женскаго достоинства въ случаѣ ошибки или неудачи...

— Ахъ, люби меня безъ размышленій,
Безъ тоски, безъ думы роковой,
Безъ упрековъ, безъ пустыхъ сомнѣній!
Что тутъ думать? — *ты мол, я твой!*

продекламировалъ Арбатовъ съ увлеченіемъ, слегка склоняясь къ Машѣ черезъ столъ, такъ что жаркій трепетъ пробѣжалъ по всему ея существу и грудь заняла первой тоской любви и томленья... Она не читала Фортунаты и не могла замѣтить передѣлки послѣднихъ четырехъ словъ послѣдняго стиха.

— Ты мастеръ читать, сказалъ Налетовъ, тоже незамѣтившій передѣлки. — Мнѣ визачто такъ не прочитать. Я не умѣю читать стиховъ, особенно нѣжныхъ. Вы никогда не видали влюбленныхъ? обратился онъ къ Машѣ.

— Нѣтъ... кажется нѣтъ... отвѣчала она усталымъ, упавшимъ голосомъ.

— Раздѣ у васъ не было подругъ?

— Порядочныхъ не было...

— Опять порядочныхъ! Ну хоть какая-нибудь простая дѣвушка, изъ вашихъ приближенныхъ, не говорила ли вамъ о своей любви?

Маша вдругъ поблѣднѣла чуть не до обморока: чья-то печальная тѣнь пронеслась передъ ней, чей-то молящій, отчаянный голосъ раздался въ ухахъ ея...

— Пожалуйста, сказала она съ трудомъ, — не спрашивайте меня объ этомъ...

Налетовъ посмотрѣлъ на нее съ участіемъ.

— Я васъ утомилъ, сказалъ онъ, — я безсовѣстно воспользовался отсутствіемъ Ненилы Павловны. Я сейчасъ уйду; не сердитесь на меня за горькія истины. Можетъ-быть придетъ время, — вы вспомните обо мнѣ тепло и дружески.

— Я вамъ и теперь благодарна, сказала Маша, протягивая ему на прощанье руку.

— Видите, вы взволнованы, и рука у васъ холодная.

— Въ самомъ дѣлѣ холодная! сказали Арбатовъ, крѣпко сжимая въ свою очередь ея руку. — Это все ты виноватъ.

Маша слабо, едва замѣтно улыбулась. Ей стало вдругъ такъ страшно и тоскливо; ей чувствовалось, что надъ ней совершается что-то новое, непостижимое ей самой... До нея коснулась рука судьбы; къ ея устамъ кто-то невидимо подносилъ чашу волшебнаго напитка и неотразимый голосъ шепталъ: пей!

Весь этотъ разговоръ происходилъ въ отсутствіе Ненилы Павловны, за которой прислала ея пріятельница, по случаю помолвки своей дочери. Ненила Павловна можетъ-быть и не рѣшилась бы оставить молодую дѣвушку наединѣ съ какимъ бы то ни было молодымъ человѣкомъ; но такъ какъ ихъ было двое и притомъ же на диванѣ осталась на весь вечеръ дремать одна ея знакомая, бѣдная, глухая старушка, гостившая у ней по цѣлымъ недѣлямъ, то она и не сочла неприличнымъ попросить гостей подождать ее и оставить съ ними Машу на томъ основаніи, что ничего вѣтъ полезнѣе для женщины общества образованныхъ мужчинъ.

Маша недаромъ не спала всю ночь. Въ эту ночь она передумала и переживала столько, сколько иному не удастся во всю жизнь. Она слышала наконецъ живой голосъ человѣка, непохожаго ни на кого изъ знаемыхъ ею прежде. Онъ звалъ ее на дорогу добра и правды, и въ этомъ суровомъ призывѣ была для нея неотразимая сила. На нее подулъ свѣжій вѣтеръ, и стоячій туманъ раздвинулся и далъ ей увидѣть, хотя вдали, хотя неясно, широкій божій міръ, кипящій движеніемъ и жизнью, и у самаго входа въ этотъ міръ стоялъ другой человѣкъ съ ласкающимъ, одобрительнымъ взглядомъ, съ яркими проблесками смѣлой, страстной нѣжности къ ней. къ Машѣ, къ такой простой, необразованной дѣвушкѣ!.. Онъ тоже звалъ ее въ этотъ міръ, но звалъ на счастье и наслажденіе, — и какой это былъ сладкій, чарующій голосъ!.. Въ молодой душѣ ея возникла страстная, живая борьба, горячій протестъ противъ всего ложнаго, неправдаго, что до сихъ поръ казалось ей непреложнымъ и законнымъ.

Первое время пребыванія своего у Ненилы Павловны, до предыдущаго разговора, Маша съ безотчетнымъ страхомъ лож-

наго стыда своего необразованія уклонялась отъ нападокъ Налетова, хотя и вслушивалась въ его рѣчи съ жаднымъ любопытствомъ, довѣрчивостью и уваженіемъ; но только теперь поддавалась исполнѣ его нравственному вліянію. Съ Арбатовымъ они были съ первыхъ свиданій почти друзьями.

Въ сердцѣ Маши быстро росло новое чувство, до котораго она еще не смѣла коснуться собственнымъ сознаніемъ. Она осторожно обходила его, какъ спящаго чудовища, и замирала при мысли, что рано или поздно оно проснется и поглотитъ ее...

— Что вы такъ задумались, Марья Петровна? обратился въ одинъ вечеръ Налетовъ къ Машѣ, сидѣвшей задумчиво поодаль отъ собравшагося кружка гостей Ненилы Павловны.

— Я? да такъ, богъ-знаетъ какая-то путаница мыслей въ головѣ. Впрочемъ, главная мысль была та, что вотъ вы скоро уѣдете, и я уѣду, останусь одна...

— Я вамъ по почтѣ книгъ пришлю.

— Благодарю васъ.

— Вѣдь согласитесь, что это большое утѣшеніе.

— Конечно; я буду ихъ читать, пока не пойму и не выучу наизусть... А тамъ что послѣ? спросила она.

— Ахъ, люби меня безъ размышленій,
Безъ тоски, безъ думы раковой...

запѣлъ Арбатовъ въ другой комнатѣ, будто въ отвѣтъ. Онъ недавно сочинилъ музыку на эти слова.

— Слышите? сказалъ Налетовъ: — послѣ будетъ любовь, равныя встрѣчи въ жизни, умственный трудъ, борьба...

Они умолкли и задумались.

— Отчего такъ грустно бываетъ подчасъ? спросила Маша.

— Оттого что жизнь сложилась ложно.

Къ нимъ подошелъ Арбатовъ.

— Вотъ Марья Петровна спрашиваетъ, отчего ей грустно, обратился къ нему Налетовъ.

— Оттого что сердце требуетъ своихъ правъ и хочетъ счастья, отвѣчалъ Арбатовъ. — Вѣдь такъ? спросилъ онъ Машу.

— Ктожь не хочетъ счастья? отвѣчала она, отходя къ окну

и приглашая за собой улыбкой и взглядом Налетова и Арбатова.

— Но не всякій понимаетъ его, отвѣчалъ Арбатовъ.

— Вы, Никашоръ Васильичъ, какъ понимаете счастье? обратилась Маша къ Налетову.

— Трудный вопросъ. Долго вамъ объяснять мое счастье. Счастье лукаво. Я за нимъ не гонюсь.

— А по-моему, сказала Арбатовъ, — то счастье, когда душа, проникнутая блаженствомъ высокаго чувства, становится выше мелочныхъ заботъ, мелкихъ печалей; когда человѣку дѣлается такъ хорошо, что онъ ничего не помнитъ и не знаетъ кромѣ этого; когда внутри и извиѣ все поетъ для него и сіяетъ, все припрядается и сливается въ одинъ чудный, звучный, восторженный акордъ...

— Ну, это не по моей части: что-то слишкомъ высоко, сказалъ Налетовъ и отошелъ.

— Онъ этого не понимаетъ, сказала Маша.

— Онъ ужъ черезчуръ сурово смотритъ на жизнь, отвѣчалъ Арбатовъ: — онъ набрасываетъ на все слишкомъ мрачный покровъ. Нѣтъ, есть въ жизни свѣтлые праздники, незамѣнимыя минуты...

— Когда жъ это бываетъ?

— Что? спросилъ Арбатовъ разсѣяннымъ голосомъ человѣка, подавленнаго женой, тайной мыслью, которую онъ боится высказать.

— А вотъ это счастье, о которомъ вы говорите?

— Когда любишь и когда любимъ, отвѣчалъ онъ, поглядывая на нее пытливо и тревожно.

— А любить и не быть любимой... вѣдь это ужъ несчастье?

— О, вы этого не испытаете!

— Почему же?

— Я не знаю и самъ почему, но я въ этомъ увѣренъ. Мнѣ съ некоторыхъ поръ какъ-то вѣрится во все прекрасное, лучшее въ жизни человѣка. О, вѣчная загадка жизни—любовь! блаженство и мука, сомнѣнье и надежда... все такъ перепутано.

— А разрешить сомнѣнье нельзя?

— Можно, но ошибка страшить.

Оба замолчали.

— Какъ вы блѣдны и грустны! заговорилъ онъ съ нѣж-

нымъ участіемъ. — Здоровы ли вы? Вы себя не бережете, неосторожничаєте. Третьяго дня, когда мы катались въ лодкѣ, вы были такъ легко одѣты, а вечеръ былъ сырой, прохладный. Не затворить ли окно? и теперь довольно сыро. Вѣдь наше сѣверное лѣто неласково. Ахъ, такъ бы я васъ и перенесъ на югъ, подъ другое небо. Право я затворю окно.

— Нѣтъ, пожалуйста не беспокойтесь; вечеръ такъ хорошъ: сколько звѣздъ! и какъ луна спокойно и тихо плыветъ. Ужъ теперь августъ, скоро и осень. Какая тоска!

— Вотъ, сказалъ Арбатовъ: — мы разстанемся, и вы обо мнѣ скоро позабудете.

— Не скорѣй вашего вѣроятію.

— Благодарю васъ за это слово. Я вамъ обязанъ многими отрадными минутами.

— Вы? Ужъ кому говорить это, такъ мнѣ. А что я для васъ такое? Чужая, жалкая, необразованная дѣвушка.

— Вы не вѣрите въ родство души, въ симпатію чувствъ?

— Вѣрю! отвѣчала Маша и голосъ выдавалъ ея волненіе.

— Ну, такъ вы мнѣ не чужая, вѣрите.

Она посмотрѣла ему въ отвѣтъ такимъ взглядомъ, что у Арбатова упало сердце и захватило дыханіе. Онъ быстро придвинулъ къ ней свой стулъ; Маша вздрогнула и сдѣлала невольное движеніе отъ него.

— Я васъ испугалъ? спросилъ онъ тихо. — Вы точно боитесь меня.

— Иногда себя боишься, сказала Маша. И сказавъ это, отошла отъ него и присоединилась къ кружку разговаривающихъ. Арбатовъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ съ той выразительной улыбкой, въ которой мелькаетъ и пріятная догадка, и желаніе узнать еще болѣе...

Маша была какъ въ туманѣ; она говорила и дѣйствовала автоматически. Ей было хотѣлось сказатьсь больной и удалиться, но она боялась потерять и минуту его дорогого для нея присутствія. Ей казалось въ тотъ вечеръ, что еслибъ ее обрекли цѣлый вѣкъ смотрѣть на него и слушать его, она почла бы себя счастливѣйшей изъ смертныхъ. Налетовъ сурово указывалъ ей на жизнь и ея требованія; онъ разоблачалъ передъ ней все темное, ложное, трудное; вызывалъ ее на борьбу, пробуждалъ ея умъ; отгонялъ рой обманчивыхъ грезъ и звалъ навстрѣчу зна-

нiя и труда. А онъ, Арбатовъ, какъ-будто вводилъ ее въ роскошный, свѣтлый храмъ, гдѣ должна была разгадаться для нея великая тайна существованiя, та вѣчная загадка мiра, которая мучитъ и притягиваетъ, и даетъ смѣлость дрожащей рукой поднять темную завѣсу неизвѣднаго блаженства.

— Боже! что это со мной! думала Маша нѣсколько дней спустя, ходя по своей комнатѣ, которую Ненила Павловна постаралась ей устроить со вкусомъ и комфортомъ. — Это точно болѣзнь какая! Все онъ, вездѣ онъ! Что бы я ни дѣлала, о чемъ бы ни думала — все онъ! Съ тѣхъ поръ какъ увидала его, точно я заколдованая. И недумать о немъ стараюсь. Вчера утромъ даже не вышла въ гостиную, когда онъ былъ; ничто не помогаетъ, — еще хуже, еще тошнѣе! Умереть было бы можетъ лучше. Вотъ видно угадалъ Никаноръ Васильичъ, что я исковеркаю, взломаю свою душу. А изъ чего, для чего? Неужели такъ и разстаться въ сомнѣнiи! И не будетъ онъ даже знать, люблю ли я его. Можно съ ума сойти. Нѣтъ, не совладѣть мнѣ съ собой; нѣтъ, ужъ это роковое. Пусть такъ и будетъ. Вѣкъ прожить и счастья не узнать — это ужасно! А кто мѣшаетъ? Можетъ-быть и правъ Никаноръ Васильичъ!..

Она вышла въ гостиную. Ненилы Павловны не было дома. Маша опустилась на диванъ усталая, точно разбитая. Блѣдный, позднiй лучъ осенняго заката пробивался въ комнату и такъ кроткой мягко отражался на предметахъ... Молодая дѣвушка закрыла глаза. Чудная нѣга разлилась по всему существу ея. Передъ ней замелькали заманчивыя картины; ей послышался знакомый голосъ. Полусонъ, полубредъ оковалъ ее.

— Милый! произнесла она вдругъ, склоняясь къ кому-то невидимому, но близкому: — милый! какъ я люблю тебя!..

Она опомнилась отъ своего движенiя, любопытнo осмотрѣлась кругомъ и снова закрыла глаза.

— Я сама въ себѣ невластна! прошептала она про себя. — Мнѣ кто-то говорилъ, что это такъ бываетъ, да я не вѣрила. А вотъ сама...

— Можетъ-быть я не въ пору, некстати? послышался уже чужой голосъ Арбатова, остановившагося въ нерѣшимости по-

серединѣ комнаты. — Миѣ сказали, вы дома; я зашелъ безъ спросу. Вы извините?

Маша встрепенулась, но невдругъ могла говорить. Сердце у ней забилось до боли, почти до дурноты. Арбатовъ едва видѣть, что ничего не замѣчаетъ.

— А мы съ вами давно не видались. Марья Петровна, сказалъ онъ. — Я вчера заходилъ утромъ, васъ не было.

— Вы такъ скоро ушли.

— Миѣ сказали, что вы нездоровы и не выйдете. Ну, какъ теперь вы себя чувствуете, лучше? прошло?

— Прошло, сказала она.

— Прошло! повторилъ онъ съ улыбкой. — Все проходитъ въ жизни... Иногда и хорошо, что проходитъ.

— Нѣтъ, не все, отвѣчала она.

— Это такъ только кажется. Не безпокою ли я васъ? Прогоните меня пожалуста.

— Вамъ этого хочется? вамъ скучно со мной?

— Вотъ еще что придумали! сказалъ онъ съ дружеской, вѣжливой фамильярностью. — Не грѣхъ вамъ? Миѣ такъ рѣдко удается поговорить съ вами безъ помѣхи.

— За мной скоро приплюютъ изъ деревни, я думаю.

— Какъ! произнесъ онъ съ испугомъ. — Но... вы позволите прѣхать къ вамъ въ деревню?

— Ваша усадьба такъ близко отъ насъ, всего въ двухъ верстахъ.

— Какая усадьба?

— Голубково.

— Неужели? это чудесно! А впрочемъ зачѣмъ? не лучше ли не ѣхать? Какъ вы думаете?

Онъ сѣлъ съ ней рядомъ.

— Что пользы? продолжалъ онъ вкрадчиво. — Пожалуй Налетовъ и правъ: или все, или ничего!

Онъ будто нечаянно, между прочимъ, взялъ ея руку и придвинулся ближе.

— Вы позабудете меня? сказалъ онъ тихо и страстно, какъ бы невольно склоняя голову на ея плечо.

Она съ минуту оставалась неподвижна, точно очарованная: потомъ сама склонилась лицомъ къ его лицу и проговорила чуть слышно:

— Пріѣзжай! Неужели столько счастья... Пріѣзжай, если любишь!

И она не отклонялась отъ руки, охватившей ея талію; и когда на щецкѣ ея загорѣлся первый поцѣлуй любимаго, она чувствовала, что пѣлый рядъ туманныхъ, однообразныхъ дней, безъ надеждъ и счастья, нестоитъ одной такой минуты... Яркій лучъ прошолъ по темной тропѣ ея существованія... Пусть онъ скоро погаснетъ, что за дѣло! но онъ освѣтилъ путь, и ей уже не такъ страшно идти впередъ.

— Вотъ кажется и Ненила Павловна возвратилась, сказала Маша, опомнившись и овладѣвъ собой. — Итакъ до свиданія! прибавила она съ улыбкой любви и счастья и пошла встрѣчать Ненилу Павловну.

— Нѣтъ, это не Ненила Павловна, а я къ вашимъ услугамъ, сказалъ Налетовъ, сталкиваясь съ Машей въ дверяхъ.

— А, Никаноръ Васильичъ! сказала она радушно, протягивая ему руку.

— Арбатовъ здѣсь? Ну, Марья Петровна! то-то, я думаю, вы зарасуждались съ нимъ о любви, подъ сумерки, въ поэтическомъ полусвѣтѣ... Я думаю, онъ перечиталъ всѣ страстные стихотворенія, начиная съ Державина и до нынѣшнихъ. А я какъ тутъ явился. Не въ пору гость хуже татарина, говорятъ.

— Вотъ ужъ правда! подумалъ Арбатовъ. — Вотъ и не угадалъ, сказалъ онъ вслухъ: — мы стиховъ совсѣмъ не читали...

— А, тѣмъ лучше... Я вамъ принесъ Бѣлинскаго, Марья Петровна. Въ особенности рекомендую вамъ, какъ женщицѣ, одну статью о Пушкинѣ, гдѣ критикъ разсуждаетъ о любви и бракѣ.

— Это тамъ, гдѣ онъ говоритъ, что бракъ есть гробъ любви и поэзіи жизни? спросилъ Арбатовъ.

— Да, кажется, отвѣчалъ Налетовъ: — но это не главное, а главное — почему такъ бываетъ и должно ли такъ быть... Вотъ ужъ это кажется настоящая Ненила Павловна воротилась, прибавилъ онъ.

Ненила Павловна точно воротилась и очень обрадовалась, что нашла у себя гостей, которые остались на весь вечеръ.

— Такъ вотъ она, любовь!.. думала Маша, раздѣваясь и ложась въ постель

Мысли ея путались; она будто грезила на яву... а вотъ опять чей-то блѣдный, знакомый образъ пронесся передъ ней; чей-то

голосъ и упрекъ заставилъ болѣзненно сжаться ея сердце и внести отраву въ ея новорожденное счастье, влилъ тоску въ ея первую, свѣтлую радость.

— О, на моей душѣ грѣхъ, большой грѣхъ!.. проговорила она почти въ просонкахъ.

— Право, mon ange, мнѣ это очень досадно, что ты у меня похудѣла и поблѣднѣла. Что скажетъ мамаша? Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ ты у меня цвѣла какъ роза, говорила Ненила Павловна Машѣ, снимая шляпку и отряхивая съ нея пыль. Онѣ только что воротились съ загородной прогулки. — А какъ ты стала интересна, Маша — чудо! Анна Федоровна не узнаетъ тебя. Это платьице такъ мило, такъ идетъ къ тебѣ. Ты ужь, дружокъ, не скучаешь ли у меня?

— О нѣтъ, напротивъ; мнѣ такъ пріятно у васъ, такъ хорошо! отвѣчала Маша. — Я переживаю лучшіе дни моей жизни...

— Ты такъ грустно это говоришь... Машечка, ангелъ мой! продолжала Пенила Павловна, лаская дѣвушку: — скажи по правдѣ, ты равнодушна къ Арбатову? Заговорило сердечко? О, плутовка! вижу, все вижу! И краснѣеть, и блѣднѣть. Не бойся, душа моя, я не строгій судья, — я очень повимаю порывы молодого сердца. Сама была молода, сама любила. Ахъ, Маша, чего мнѣ стоило съ нимъ разстаться, выдти замужъ противъ сердца!

— Зачѣмъ же вы выходили? Зачѣмъ принесли себя въ жертву расчета или эгоизма?

— Ахъ, другъ мой, какъ можно такъ говорить! Это Налетову легко толковать, а что могла я сдѣлать, бѣдная, молоденькая, запуганная дѣвочка? Всѣ родные были противъ. Конечно, еслибъ тогда у меня была теперешняя опытность, не сгубила бы я своего счастья... Онъ тогда былъ очень незначительный человекъ, а послѣ какъ далеко пошолъ, Маша! Голова-то у него свѣтлая.

— Вы такъ и разстались? Вы не видались съ нимъ?

— Нѣтъ. Ужъ онъ давно женатъ на другой; давно позабылъ обо мнѣ. Онъ — мнѣ сказывалъ одинъ знакомый — сперва былъ въ отчаяніи, потомъ сталъ называть меня пустой, безхарактер-

ной; говорилъ, что у меня не достало силъ принести жертву, что я не любила его, а такъ только, увлекалась... Миѣ это было очень горько — такая несправедливость! Ахъ, еслибъ онъ зналъ, сколько слезъ пролила я, какіе тяжкіе дни и ночи проводила! Сколько разъ проклинала жизнь... однажды отравиться было хотѣла, но какъ-то страшно стало, не рѣшилась.

— Бѣдная Ненила Павловна! сказала Маша, устремивши на нее полный состраданія взоръ: — вы были сами виноваты; вамъ бы бѣжать съ нимъ.

— Не рѣшилась, мой ангелъ; шутка — бѣжать!

— Но если вы такъ любили? Кому вы принесли пользу, что измучили себя?

— Конечно, глупа была, характеру не достало.

Маша глубоко задумалась.

— Ужъ теперь все прошло, продолжала Ненила Павловна, — нечего и вспоминать... Ахъ, душечка моя, всѣ они требуютъ жертвъ, доказательствъ...

— Такъ чтоже? миѣ кажется иѣтъ выше счастья, какъ чѣмъ-нибудь доказать свою любовь... Подъ вѣнецъ, безъ препятствій и горя, всякая пойдетъ съ любимымъ человѣкомъ. Это еще не доказательство.

— Ой-ой, Маша, да ты у меня отчаянная! Бѣда, какъ ты влюбишься серьезно!

Маша какъ-то странно, почти насмѣшливо улыбнулась.

— Еслибъ ты знала, подумала она: — какъ серьезно и страстно люблю я!

— Арбатовъ увлекательный человѣкъ; я боюсь, что онъ закружитъ твою головку. Берегись, дружокъ.

— Для чего и для кого?.. подумала снова Маша ей въ отвѣтъ.

— А впрочемъ, продолжала Ненила Павловна, — теперь, когда ты вернешься въ свое уединеніе, тебѣ по крайней мѣрѣ есть о чемъ вспомнить, помянуть немножко.

Передъ Машей вдругъ страшнымъ призракомъ встала вся ея деревенская жизнь, пустая, праздная, одинокая.

— Миѣ отъ васъ ѣхать не хочется, сказала она.

— Милка моя! миѣ самой грустно съ тобой разстаться. Я скоро опять выпрошу тебя къ себѣ; зимой тебѣ еще будетъ у

меня веселѣе, теперь въ городѣ еще пусто. Вѣдь нельзя и старушку оставить надолго; она и такъ скучаетъ по тебѣ.

— Я не знаю, какое веселье доставляю я маменькѣ: она постоянно занята то хозяйствомъ, то заботами, то разговорами съ Ариной Дмитревной.

— Ахъ, другъ мой! да ужь ты тутъ, такъ она и покойна.

— Да вѣдь еслибы положили я вышла замужъ и уѣхала далеко, — она погрустила бы и успокоилась.

— Ну это другое дѣло; это ужь необходимость. Конечно это тяжело, Маша, да вѣдь что дѣлать? Вотъ я теперь и свободна, да ужь поздно; а все слава-богу конечно; еслибъ живъ былъ мой мужъ, я все бы въ неволѣ была. Миѣ теперь и подумать объ этомъ страшно... Вонъ кажется Яковъ Ивановичъ пріѣхалъ.

Маша бросилась къ нему навстрѣчу.

— И здороваться-то бы съ вами ненадо: сколько времени не бывалъ! говорила Маша, обнимая Якова Ивановича. — Вотъ кто меня истинно любитъ! прибавила она, подходя съ нимъ вмѣстѣ къ Ненилѣ Павловнѣ, которая ласково встрѣтила его. — Давно ли вы маменьку видѣли?

— Третьяго дня видѣлъ ее, отвѣчалъ Яковъ Ивановичъ.

— Ну что она?

— Все попрежнему — все хвораетъ, все кашляетъ. Полнота ее одолѣла. По тебѣ скучаетъ... и думаю, она скоро прилетѣть за тобой. «Будетъ, говорить, — ужь нагостилась, навеселилась; пожалуй и отъ дому отвыкнетъ.» А что, Маша, вотъ ужь больше мѣсяца какъ ты здѣсь.

— Развѣ это такъ много? сказала Маша, блѣднѣя при мысли о возвратѣ.

— Да конечно немного; молодому человѣку удовольствія нужны... Боюсь я, что ты скучать станешь.

— Изъ-за этого нельзя же лишать себя всего!

— Кто говорить! весело — такъ и слава-богу. Ты однако похудѣла отъ веселья-то: видишь, талийка-то стала какая тоненькая, стройная; такъ городской барышней и смотришь. Ахъ, что я, Машенька, узналъ! вообрази: Тима-то, дубина эдакая, надѣялся жениться на тебѣ.

— Вотъ фантазія! воскликнула Ненила Павловна: — узнала бы Анна Федоровна!

— А что Анна Федоровна? она бы, вы думаете, это горько

привыла? Подлите! она послѣднее время только и думаетъ, какъ Маша одна, безъ нея останется. Она бы и за Тиму пожалуй отдала. Будутъ дескать на глазахъ, состояннице есть — проживуть. Ужъ старушка такъ засидѣлась и одичала, что ей и Тима человѣкомъ кажется. Ужъ извини ты меня, Маша: послѣдній разъ я даже побранился съ ней, какъ объ этомъ разговоръ зашелъ.

— Кого жъ мнѣ больше ждатель, какъ не Тимы, при моемъ образованіи? сказала Маша съ горькой насмѣшкой. — О, какъ много, какъ много обязана я Неканору Васильчу! прибавила она съ жаромъ.

— Это Налетову? Добрый онъ человѣкъ, Маша, и умный, да что-то умъ-то его тяжело. Все онъ съ плеча такъ и рубить. Вѣдь это тоже нехорошо. Ну какъ такъ-таки все и сбросить съ себя? Точно онъ въ другую вѣру тебя переводить.

— А вѣдь часто, почти всегда говорить правду, сказала Маша.

— Да, правду, конечно... Только все какъ-то рубить, рубить съ плеча.

— А васъ бы все по головкѣ гладить, — вотъ какъ я теперь? сказала Маша, проводя рукой по сѣдымъ волосамъ Якова Ивановича. — Рубить съ плеча! прибавила она: — онъ дѣла хочетъ, а не словъ.

— Да вѣдь онъ только и кричить: лети въ пропасть, если правду любишь... Вѣдь на кого попадетъ — и погубить недолго.

— Ну чтожъ? и лети, если точно любишь...

Старикъ посмотрѣлъ на нее съ тоскливымъ безпокойствомъ.

— Онъ и самъ полетитъ, прибавила Маша.

— Ну еще увидимъ какъ полетитъ; можетъ и шею свернетъ... Что пользы-то?

— Какъ что пользы? А какую пользу дѣлали мученики, умирая за вѣру?

— То, Маша, другое дѣло: то для Бога.

— А это развѣ не для Бога? развѣ въ правдѣ не Богъ?

— Какъ однако, Маша, твой умъ развился! вмѣшалась Невилла Павловна: — такія сужденія у тебя смѣлыя! Вотъ что значить общество образованныхъ мужчинъ!

Яковъ Ивановичъ опустил глаза и глубоко вздохнулъ. Маша замѣтила его тревогу и постаралась успокоить его лаской и ве-

селостью. Яковъ Иванычъ заглядѣлся и заслушался ее и сознавался неволью, что теперъ она стала не та, что манеры ея слѣлались мягче, пріятнѣй и самая рѣчь лилась стройнѣе и свободнѣй.

Вечеромъ пріѣхали гости, между прочими Налетовъ и Арбатовъ. Первый былъ не въ духѣ и все почти молчалъ; зато послѣдній былъ необыкновенно оживленъ; онъ пѣлъ, говорилъ, рассказывалъ, — и все это такъ пріятно, такъ увлекательно, что даже Яковъ Иванычъ подумалъ, уѣзжая:

— Батюшки! не влюбилась бы въ него Машенька!

— Погляди-ка, Аграфена, не ѣдутъ ли? говорила Анна Федоровна своей ключницѣ.

Аграфена высунулась въ окошко, поглядѣла съ минуту въ сторону, на дорогу, и безнадежно произнесла:

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Чгой-то онѣ запоздали? — ужь скоро семь часовъ; я къ обѣду ждала. Ужь не запилъ ли братецъ твой? вѣдь ему только была бы оказія — сейчасъ наглохтитя. Хоть бы ты его пощуняла.

— Чгò мнѣ, сударыня! у него самого борода сѣдая; слава-богу, не молоденькій.

— Эка старая пьяница!

— Что дѣлать, матушка, слабость человѣческая. Далъ бы ума, да своего мало...

— Чу! собаки лають, проговорила тревожно Анна Федоровна.

— Ну, это никакъ онѣ! сказала Аграфена и хотѣла выйти.

— Прибери со стола-то. Экая розиня, не догадается! закричала Анна Федоровна. — Вѣрно Ненила Павловна съ ней.

— Да ужь я очень обрадовалась! умильно отвѣчала Аграфена, снимая со стола тарелку съ огуречными сѣменами и пучки калуфера.

Анна Федоровна всегда сама разбираала овощныя сѣмена и вязала калуферъ.

Между тѣмъ старая, дребезжащая коляска, запряженная четырьмя клячами, управляемыми сѣдымъ кучеромъ, вѣхала на

дворъ и остановилась у крыльца. Анна Федоровна заколыхалась на мѣстѣ, но встать безъ помощи не имѣла силъ.

Въ комнату вошла Маша. Ненила Павловна сказала правду: мать не узнала ея, пока она не бросилась цѣловать ея руку.

— Машечка, дружокъ! вѣдь я было не узнала тебя. Отчего же Ненила Павловна не пріѣхала? понастоящему ей бы можно было самой проводить тебя.

— Вотъ письмо отъ нея, маменька: — она нездорова. Она пріѣдетъ послѣ.

— А, это другое дѣло... Ну, мать моя, нагостились ли, навеселились ли? спросила Анна Федоровна Машу съ легкимъ отѣикомъ колкости въ голосѣ. — Узнала теперь свѣтъ, каково-то въ родномъ домѣ покажется... Вѣдь тамъ, я думаю, бархатная мебель да дорогіе обои...

Съ тѣхъ поръ какъ Анна Федоровна замѣтила, что Маша рвется вонъ изъ родного гнѣзда, она съ ней стала гораздо раздражительнѣе и постоянно къ ней придиралась.

— Мнѣ не мебель дорога, маменька, а порядочное общество, отвѣчала Маша, на которую тонъ Анны Федоровны произвелъ непріятное впечатлѣніе и уничтожилъ всю теплоту ея чувства къ матери.

— Вотъ ужъ какъ! мы значить не порядочные, съ нами нечего и знаться.

— Ахъ, маменька, вы хоть бы на первое-то свиданіе не упрекали меня!

— Вотъ тебѣ разъ! ужъ нынче мать и правды не можетъ сказать! Ужъ и отъ матери каждое лыко въ строку! Этому тебя тамъ чтоли научили?

— Меня тамъ многому научили, отвѣчала Маша, дрожащей рукой развизывая ленты шляпки.

— Это и видно. Хорошо ученье!

— Ужъ вы, матушка, не гнѣвайтесь; не огорчайте ихъ на первый разъ, льстиво вмѣшалась Аграфена, находившаяся тутъ же.

— А она меня эдакими отвѣтами не огорчаетъ! Откуда у тебя нынче эта дерзость взялась?

Маша глубоко и нетерпѣливо вздохнула.

— Позвольте на васъ полюбоваться, ручку поцѣловать, сказала Аграфена подходя къ Машѣ, которая, спрятавъ руку, ко-

торую прежде протянула бы безъ замѣшательства, поцѣловала ее.

Анна Федоровна замѣтила это.

— Ты ужь напрасно у Аграфены—то ручку не поцѣловала! сказала она Машѣ, когда ключница вышла. — Это что за новости, что ты ужь нынче руки не даешь? погоди, матушка, еще рано! еще успеешь съ ними на одну ногу встать...

— Маменька! съ какой стати старухѣ у меня руку цѣловать! мнѣ совѣстно...

Анна Федоровна ужь ничего и не отвѣчала на это, а только выразительно и горько покачала головой.

Маша тихо вышла и сошла въ садъ. Деревья глухо зашумѣли надъ ея головой; протоптаная ею тропинка заросла. Старая ива уныло хлестала о заборъ своими низкими, висячими вѣтвями. Листья начинали желтѣть и падать на густую, отцвѣтшую траву; кусты репейника и крапивы угрюмо возвышались надъ ней, обѣщая обильно разростись на будущій годъ и будто гордиться своими безчисленными созрѣвшими сѣменами...

Маша сѣла на знакомую скамеечку, отвела порывисто отъ лица густыя, шелковистыя пряди волосъ, тоскливо посмотрѣла вокругъ себя, облегчила грудь громкимъ вздохомъ и склонивъ голову, тяжело задумалась. Все ея протекшее, беззаботное, хотя и безплодное, но все-таки ясное, тихое дѣтство пронеслось передъ ней въ живыхъ образахъ и воспоминаніяхъ... Боже мой! гдѣ она, что съ ней, съ Матрешей? Не тутъ ли она? не пришла ли съ ней поздороваться?.. Не она ли это поетъ заунывную пѣсню:

Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить...

Нѣтъ, не она! Ужь она бы прибѣжала съ горячей лаской, веселая и довольная, что барышня возвратилась, — барышня, которой она такъ довѣрчиво передавала и слово тайное, и думу свою крѣпкую... Можетъ-быть она теперь въ нищетѣ, въ крайности, бродитъ вымаливая подаліе; можетъ лежить гдѣ-нибудь при дорогѣ, больная, усталая, измученная... ее прогнали... ей не велѣли и въ сторонѣ здѣшней показываться... А она-то, Маша, какъ съ ней поступила въ критическую, страшную минуту... О, не забыть ей этого голоса, этой мольбы о прощеніи!.. въ ней бѣдная видѣла послѣднюю надежду — и она погасила

эту надежду. Не было въ надменной душѣ ея жалости къ падшей, несчастной, озоренной сестрѣ... «Я тебя знать не хочу и видѣть не хочу!» — вотъ что сказала она ей... Зато теперь въ ея сердцѣ пробудилась такая мучительная, такая жгучая, невыносимая жалость, что все существо ея ныло и болѣло. Она упала на колѣна и склоняясь лицомъ къ землѣ, обливаясь потоками горячихъ, спасительныхъ слезъ, произнесла изъ глубины пораженной, страдающей души :

— Боже! прости великій грѣхъ мой!.. Боже! пошли искупленіе вины моей!..

И долго плакала, и долго горячо молилась она... Но тоски не выплакала совсѣмъ, грѣха не замолила вполне...

Возвратясь домой, она спросила Федосью : гдѣ Матреша? Та отвѣчала, что Богъ ее знаетъ гдѣ; что слышали, будто она за Покровомъ намялась въ няньки или работницы...

— Яковъ Ивановичъ! вотъ вы говорите, меня любите — и знаю, что любите; а что, еслибъ я какой-нибудь большой грѣхъ сдѣлала, такъ чтобы люди отъ меня отвернулись и всѣ бы осуждать стали: что бы вы ко мнѣ тогда чувствовали? какъ бы обошлись со мной? говорила Маша спустя нѣсколько времени послѣ своего возвращенія домой Якову Ивановичу, сидя съ нимъ въ гостиной, куда долеталъ повременамъ хрипъ отдыхавшей въ смежной комнатѣ Анны Федоровны.

— Чего тебѣ только, голубушка моя, въ голову не придетъ! это ты все меня, старика, испытываешь, а не знаешь, какъ ты меня этимъ мучишь... Да и говорить-то какъ! такъ что меня точно ножомъ по сердцу рѣзнуло. Ну, какой ты можешь эдакой грѣхъ сдѣлать? Ты еще ангелъ небесный, певинность голубиная. Это тебя все этотъ космачъ-Налетовъ возмутитъ. Не слушай ты его. Эку штуку отпустила — «такой грѣхъ, чтобы люди отвернулись!»! Чтоже это ты, человекъ убила чтоли?

— Ну хоть бы и такъ, положимъ...

Яковъ Ивановичъ даже плюнулъ съ досады.

— Да вѣдь это не вправду, Яковъ Ивановичъ, а вы такъ только воображаете. Ну что бы вы тогда?

— Ну конечно... ну, неужто бы сердце мое повернулось от-

толкнуть тебя! Плакать бы стала надъ тобой; ты бы мнѣ казался еще жалче, милѣе сдѣлалась. Вѣкъ бы не утѣшился, такъ бы и въ сырую землю легъ съ тоской...

Маша обняла его и долго смотрѣла ему въ лицо съ глубокой нѣжностью.

— Ну вотъ, мнѣ только это и нужно... сказала она. — А вы знайте, что я никогда васъ, моего добраго друга, не забуду; что за вашу любовь заплатить я не могу, только цѣню ее и чувствую.

— Можетъ современемъ тебѣ будетъ кого лучше меня любить, Маша.

— Васъ мнѣ никакая другая любовь не помѣшаетъ любить и помнить.

— Спасибо тебѣ за доброе слово.

Послѣ этого они оба замолчали. Маша ходила по комнатѣ.

— Какая сырая погода, сказалъ наконецъ Яковъ Ивановичъ:— мнѣ еще ѣхать надо; я по дорогѣ заѣхалъ взглянуть на тебя да провѣдать здорова ли. Къ одному помѣщику ѣду: прислалъ за мной, планы да бумаги какіе-то разбирать.

— Я отъ Ненилы Павловны письмо получила.

— Арбатовъ въ Голубково пріѣхалъ, сказалъ Яковъ Ивановичъ отрывисто. — Ты не знаешь?

— Знаю, онъ ужъ пятый день какъ пріѣхалъ; Налетовъ остался въ той усадьбѣ.

— Тебѣ кто сказывалъ?

— Я встрѣтилась съ Арбатовымъ... Гуляла да и встрѣтилась...

— Ты, Маша, одна далеко не ходи: теперь къ осени волки показались, то и дѣло овецъ рѣжутъ... Неровенъ часъ... Да чтоже это Арбатовъ къ вамъ не побываетъ, визита не сдѣлаетъ?

— Да что ему? онъ скоро уѣдетъ.

— Ну, и Богъ съ нимъ!

— Что онъ вамъ помѣшалъ?

— Мнѣ что! я такъ сказалъ... Знаешь, Маша: нехорошо, что ты съ нимъ встрѣчаешься: толки бы не пошли.

— Кто будетъ толковать? Калявинскіе дворяне!

— Ну, ангелъ мой, и въ городъ дойдетъ; тамъ ужъ тебя теперь знаютъ. Что хорошаго? Дѣвушка, что первый снѣгъ: всякая соринка видна на ней.

— Кому до меня дѣло? Я никого не трогаю.

— Люди, ангель мой! Всѣ мы люди, всѣ человѣки. Ближняго осудить падки... Однако прощай! Анна Федоровна разошлась, ее недождешься. Дай-ка я тебя перекрещу, голубушку мою.

Маша смиренно, почти благоговѣнно, склонила передъ благословляющей рукой старика свое юное, цвѣтущее чело и жарко, въ первый разъ въ жизни, крѣпко прижалась губами къ этой рукѣ... Яковъ Иванычъ такъ и обомлѣлъ... только ничего не сказалъ, а поцѣловалъ ее въ лобъ и въ глаза, и еще разъ перекрестилъ.

На другой день, когда уже почти стемнѣло, Маша возвратилась домой съ дальней прогулки. Она послѣднее время особенно полюбила ходить къ лѣсу, отдѣлявшему Голубково отъ ихъ усадьбы. Ни холодъ, ни дождь, ни вѣтеръ не останавливали ея. Тамъ дождался ее Арбатовъ; тамъ она переживала всю горячку первой, страстной любви, весь бредъ юности, волшебный сонъ весенней поры жизни. Да, въ ней все пѣло и сіяло радужными лучами. И страстный поцѣлуй, и горячее пожатіе руки, и вдохновенный, неотразимый взглядъ, — все это набѣжало какимъ-то крутящимъ ураганомъ на молодую дѣвушку, и будто влекло и несло ее въ невѣдомый океанъ, къ далекимъ, желаннымъ, завѣтнымъ берегамъ...

Въ окнахъ дома свѣтились уже огоньки и только замѣта ихъ. Маша подумала, что она поздно загулялась, что въ домѣ о ней вспоминають, толкують. Вчера была Арина Дмитревна, и Анна Федоровна что-то шепталась съ ней и послѣ этого какъ-будто сердится на Машу. Третьяго дня посылали даже за Варварой Капитоновной и та гадала Аннѣ Федоровнѣ. Все это показалось Машѣ противно. Мать судила о ней съ посторонними, жаловалась на нее; между ей и дочерью воцарилось разъединеніе вслѣдствіе полного непониманія другъ друга... По мѣрѣ того какъ Маша приближалась къ дому, въ ушахъ, въ душѣ ея замирали сладкія рѣчи, отлетали блаженные грезы, вставали другія думы, слышался иной голосъ — и Налетовъ являлся передъ ней, облеченный какой-то властью и силой... Чѣмъ ближе подходила она къ дому, тѣмъ гуще крутились надъ ней свинцовыя

облака, тѣмъ чаще становились крупныя капли дождя, тѣмъ унылѣе и безотвѣтнѣе тонули въ вечернемъ мракѣ всѣ предметы: туманное, безразсвѣтное пространство раздвигалось передъ ней все шире, все безграничнѣе, будто хотѣло поглотить ее — и только два освѣщенные окна дома глядѣли на нее какъ два огненные, зоркіе глаза...

Маша торопливо вбѣжала на крыльцо и отворила дверь въ дѣвпчью, гдѣ при сальномъ огаркѣ свистали веретена прившихъ горничныхъ и дымясь грѣлся тусклый самоваръ.

— Чтой-то, сударыня, какъ поздо! обратилась къ ней Аграфена. — Хоть бы вы маменьку-то пожалѣли, вѣдь онѣ безпокоятся. Ужь посылать за вами хотѣли. Брали бы кого-нибудь съ собой, сударыня; какъ можно однѣмъ, прибавила она, видя, что Маша не отвѣчаетъ.

— Я лучше люблю одна, отвѣчала Маша, медля идти къ матери. — Маменька сердита?

— Да, въ неудовольствіи-съ.

Маша храбро пошла къ матери.

— Я тебѣ говорю серьезно, Марья Петровна, заговорила тотчасъ же Аніа Федоровна: — чтобъ ты по вечерамъ одна не шаталась! Долго я смотрѣла, думала что изъ тебя вылететь, не опомнишься ли? ну, а теперь я *приказываю* тебѣ одной изъ дому не выходить. Нѣтъ, ты еще погоди, ты изъ материнской воли еще не вышла; я проказы-то твои да самовольство укрощу! Чтобъ не смѣть одной по лѣсамъ шататься, какъ дѣвкѣ какой-нибудь! Слышишь?

— Слышу, отвѣчала Маша.

— Господи-боже! ужь до чего дошло! всѣ даже говорить стали... Скрывай, скрывай больше отъ матери, неблагодарная! Это за всѣ-то мои попеченія!

И пошла, и пошла ворчать Анна Федоровна все на одинъ ладъ. Маша хранила упорное, глубокое молчаніе. Сперва голось матери раздражалъ ее, такъ что ее неразъ полдергивало отъ нетерпѣнія; но такъ какъ исторія эта длилась цѣлый вечеръ, то Маша невольно стала думать о другомъ; думы понесли ее на причудливыхъ волнахъ своихъ все дальше и дальше... Дѣйствительность исчезала, слова Анны Федоровны слышались точно гдѣ вдали и теряли для дѣвушки всякій смыслъ.

— Маменька! сказала наконецъ Маша спокойно, безъ всякой досады: — я спать пойду, мнѣ нездоровится.

— Ступай, отвѣчала ей мать сердито.

— Благословите меня.

— Зачѣмъ тебѣ материнское благословеніе? тебѣ оно не нужно.

— Маменька! сказала Маша кротко и примирительно: — какъ знать, можетъ-быть я нынѣшней ночью умру: сами же измучитесь, что и проститься со мною не хотѣли.

— Нечего глупости выдумывать! Ужь это мнѣ пора о смерти думать... Чтѣ ты мнѣ пики изволишь говорить?..

— Вы меня не благословите?

— Ну прощай, Богъ съ тобой.

И она перекрестила Машу.

— Мнѣ здѣсь не жить, говорила Маша самой себѣ, укладываясь въ постель: — лучше живой въ гробъ лечь... Жаль мнѣ только Якова Иваныча, да такъ что-то сердце замираетъ... Недаромъ я никогда птицъ въ клѣткахъ держать не могла и гдѣ увижу бывало, такъ выпустить и хочется... Бѣдныя птички!

— Что-то придетъ ли она, моя милая дѣвочка? думалъ Арбатовъ, пробираясь въ сторонѣ отъ дороги, густой чащей сосноваго лѣса, къ обычному мѣсту свиданій его съ Машей. — Пусть строгіе философы, вроде Налетова, толкуютъ чтѣ хотятъ, а я еще никогда не проводилъ такихъ пріятныхъ минутъ, какія провожу съ ней, въ этомъ дикомъ перелѣскѣ... И какъ-будто я виноватъ, что она любитъ меня! Я не обманывалъ ее ложными обѣщаніями... Что такое любовь? — свѣтлый праздникъ души, пышный цвѣтокъ сердца, уповительная минута вдохновенія... Тамъ, подъ голубымъ небомъ Италіи, звучалъ мнѣ чудный голосъ Анжелики; здѣсь мнѣ улыбается милое личико Маши — и тамъ и здѣсь отражается все тотъ же вѣчно искомый и никогда неуловимый идеалъ человѣческаго блаженства... А жаль мнѣ разстаться съ ней! Такъ и увезъ бы ее!.. Да вѣдь поди не рѣшится? начнутся хвыканья, ломанья — прощай, поэзія! Когда я намекалъ ей объ этомъ послѣдній разъ, она промолчала и перемѣнила разговоръ... А, вотъ и она!

Онъ пошолъ навстрѣчу мелькавшаго между деревъ сѣрева-
каго платица.

— Ты устала, мой ангелъ? сказалъ онъ, взявъ Машу за обѣ
руки.

— Я скоро шла и слѣлала большой обходъ; мать сердится
и подозрѣваетъ; она запретила мнѣ ходить одной вечеромъ: вотъ
я сегодня раньше и пришла, какъ обѣщала.

— Какое у тебя озабоченное выраженіе лица, Маша.

— Ты когда ѣдешь? спросила Маша, не обращая вниманія
на его слова.

— Позабудемъ о разлукѣ, моя милая! сегодня и то мнѣ на-
помнилъ о ней прїѣздъ Налетова.

— Я не могу забыть... Можегъ-быть тебѣ легко...

— Маша! не грѣхъ ли? Я какъ помѣшанный всѣ эти дни.
Мнѣ такъ тяжело уѣзжать, такъ тяжело!..

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну такъ возьми меня съ собой... Я не
стѣсню тебя?

Арбатовъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ на нее съ восторжен-
нымъ удивленіемъ.

— О милая! вѣрить ли!..

— Мнѣ нечего жалѣть, мнѣ этой жизни ненужно... Все
равно, я не перенесу ее безъ тебя, и ты для меня — все!

— Маша!..

— Ты говоришь, Налетовъ прїѣхалъ? сказала она, уклоняясь
отъ его объятій: — онъ знаетъ про нашу любовь?

— Да, знаетъ.

— Ну что, какъ онъ на это смотреть?

— Что намъ за дѣлю до чужихъ взглядовъ!

— Нѣтъ, что онъ говорить?

— Да какъ всегда: съ ироніей, съ недоувѣрчивостью.

— Почему же съ недоувѣрчивостью?

— Вѣдь ты его знаешь... это, говорить, хорошо — потрево-
жить, пошекотать душу недурно... Чудакъ!

— Онъ видно никогда не любилъ?

— Кто его знаетъ!

Маша задумалась.

— Ну, такъ когда же ты ѣдешь? спросила она.

— О, теперь, когда хочешь, хоть сейчасъ...

— Завтра, въ ночь. Остановись у полянки, ты знаешь? и

жди меня, я приду... А Налетову до тѣхъ поръ ничего, не говоря; пусть онъ ничего не знаетъ и не ожидаетъ. Прощай пока, до свиданія! Дальше не ходи; мѣсто открытое, увидать. Ты вѣришь теперь?.. прибавила она съ грустной и кроткой улыбкой и побѣжала внизъ по тропинкѣ съ пригорка, которымъ заканчивался лѣсъ.

— Помилуй! говорил Налетовъ Арбатову, выѣзжая съ нимъ въ крытомъ, покойномъ, щегольскомъ тарантасѣ со двора его старой, запущенной усадьбы Голубкова: — кто въ теперешнее время ночью пускается въ путь! По здѣшнимъ дорогамъ неумудрено шею сломить.

— Какъ-нибудь доѣдемъ... отвѣчалъ Арбатовъ какъ-то уже слишкомъ беспечно и весело. — Какая скверная погода!

— Еще сквернѣй для тѣхъ, кто идетъ пѣшкомъ, сказалъ Налетовъ. — Что тутъ такое, батюшки! вскричалъ онъ спустя нѣсколько минутъ при сильномъ толчкѣ тарантаса, по которому хлеснуло вѣтками старыхъ сосенъ: — тутъ трущоба какая-то! вѣтъ, ужъ пожалуй лучше бы пѣшкомъ идти...

Арбатовъ захохоталъ.

— Трусъ же ты порядочный! сказалъ онъ.

— Будешь трусъ! я не привыкъ ѣздить закупоренный, да и потемокъ терпѣть не могу! У всякаго своя слабость...

— Вотъ только бы этотъ лѣсикъ поганый проѣхать, вмѣшался кучеръ: — а тамъ дорога гладкая; фонари зажжешь.

— Оно и дѣло! воскликнулъ Налетовъ: — по гладкой дорогѣ фонари зажечь, а въ трущобѣ, гдѣ можно на каждомъ шагу полетѣть вверхъ ногами, фонарей неужно... Ну вотъ стали! Что еще сдѣлалось?

— Полянка? спросилъ Арбатовъ кучера тревожно и пылливо.

— Полянка-съ, отвѣчалъ тотъ съ обычнымъ хладнокровіемъ русскаго челоуѣка.

— Фонарь засвѣти. Дай сюда, я засвѣчу; на вѣтру не засвѣтишь.

— Да что ты, увозишь чтоли кого? спросилъ Налетовъ: — или проститься ждешь? Неужели?.. Нѣтъ, въ такую потьму и невастье она не рѣшится...

— Вонъ кто-то идетъ, сказалъ кучеръ.

Арбатовъ выскочилъ изъ экипажа и побѣжалъ навстрѣчу Машѣ, дрожащей отъ холода и страха.

— Марья Петровна! воскликнулъ Налетовъ, ошалѣвъ такъ, что не подумалъ подать руки на помощь влѣзавшей въ тарантасъ Машѣ. — Какъ! вы рѣшились уѣхать съ нами... бѣжать съ нимъ... сдѣлать такой шагъ!?

— Я отсталая, отвѣчала Маша: — мнѣ нужно дѣлать большіе шаги, чтобъ догнать жизнь...

— Марья Петровна! еслибъ можно было, я бы сталъ передъ вами на колѣна... но все равно, я мысленно передъ вами на колѣнахъ!

— Дайте мнѣ вашу руку и будьте лучше мнѣ другомъ, сказала она ему.

— Навсегда, на всю жизнь! отвѣчалъ онъ, цѣлуя протянутую ему холодную, маленькую ручку. — Призовите меня когда я вамъ буду пуженъ, а я ужъ не потеряю васъ изъ виду... И вся эта жертва для тебя, Арбатовъ!.. Счастливецъ!

И когда Арбатовъ страстно обнялъ молодую дѣвушку и покрывъ ея лицо и руки жаркими поцѣлуями, Налетову стало какъ-то досадно и неловко...

Тарантасъ между тѣмъ выкатился изъ «поганаго лѣсишка», по выраженію кучера, и поѣхалъ по большой, широкой дорогѣ.

— Съ которымъ, съ которымъ? восклицала Арина Дмитриевна въ неописанномъ волненіи, стоя безъ чепца, на крыльцѣ своего дома передъ мрачнымъ Тимой, только-что успѣвшимъ объявить ей, что «Маша бѣжала». — Да кто тебѣ сказывалъ, кто? говори, злодѣй, не мучь!

— Кто сказывалъ! извѣстно кто — человѣкъ... Сейчасъ Васютка прибѣгалъ...

— Да гдѣ же онъ? какъ же я не видала?

— Вы цыплятъ кормили. Онъ торопился.

— Да съ которымъ?

— А чортъ ее знаетъ! — можетъ съ обоими... Съ кѣмъ на свиданье въ рошу-то бѣгала, съ тѣмъ и улетнула.

— Да какъ же это? чтоже это? Что съ Анпой-то Федоровной будетъ? Надо идти:

— Разуѣтся надо.

— Батюшки! представить не могу!

— Какъ однако сны-то ваши, маменька, сбываются!

— Отстань, до сновъ ли теперь!

Вскорѣ по всему селу разнеслась любопытная вѣсть. Дворяне нахлынули къ Аринѣ Дмитревнѣ, кто съ сожалѣніемъ, кто съ удивленіемъ, а кто и съ легкими насмѣшками надъ несбывшимися надеждами Тимы. Дворяне толковали цѣлый день непрерывно, собираясь кучками въ домахъ и на улицахъ; даже всѣ работы были оставлены. День этотъ обратился будто въ праздникъ для обитателей Калявина, — будто каждый изъ нихъ получилъ или подарокъ, или какую-нибудь большую радость.

Всякій можетъ себѣ легко представить, какую кутерьму надѣлала побѣга Маши въ усадьбѣ Малыя-Пустыньки; какъ волновалась, акала, стенала, жаловалась и сердилась Анна Федоровна; какой глубокой, молчаливой, угрюмой горестью пораженъ былъ Яковъ Ивановичъ... Ненила Павловна была также немало встревожена, даже раздражена. Не гости у ней Маша, она можетъ-быть одобрила бы въ душѣ ея поступокъ; но теперь на нее падало обвиненіе и Ненила Павловна должна была выносить намеки и насмѣшки отъ строгихъ дамъ за вольность своихъ мнѣній и понятій. Строгія, нравственные дамы горячо ухватились за этотъ случай, чтобъ навести Ненилу Павловну на путь истинный и сдѣлать ее одной изъ ревностныхъ жрицъ храма самыхъ утонченныхъ приличій.

Годъ спустя послѣ побѣга Маши Анна Федоровна умерла, сдѣлавъ Якова Ивановича своимъ душеприказчикомъ и передавъ ему въ полное распоряженіе свое имѣніе. О дочери она не хотѣла и слышать, считала ее какбы умершей и только передъ кончиной вмѣла о ней продолжительный, тайный разговоръ съ Яковымъ Ивановичемъ.

Время шло; о Машѣ не было ни слуху, ни духу... Умолкли разговоры и пересуды; всѣ даже въ ея собственной усадьбѣ позабыли о ней; только въ Калявинѣ, собираясь по вечерамъ, бѣдвыя дворянки предполагали разные ужасы насчетъ Маши и сочиняли въ своемъ воображеніи необыкновенныя съ ней приключенія.

Вслѣдствіе перемѣнъ въ хозяйствѣ, сдѣланныхъ Яковомъ Ивановичемъ, дворовые люди получили свободу и разошлись. Только въ сердцѣ старика Маша не умирала, не забывалась... Онъ думалъ о ней день и ночь; онъ ждалъ ее, жилъ и дѣйствовалъ для нея, бѣдной, заблудшей... Его любовь легла на бѣлыхъ крыльяхъ отыскивать бѣглянку въ пространномъ, шумномъ мірѣ...

Прошло около трехъ лѣтъ. Жаркій іюньскій день разливалъ свѣтъ и жизнь на цвѣтущую землю. Яковъ Ивановичъ сидѣлъ на балконѣ; птицы чирикали и шныряли по вѣткамъ рябинъ и клеонъ Машинаго сада, мягкія дымчатыя облака расплылись въ фигурныхъ, затѣйливыхъ группахъ по голубому, веселому лѣтнему небу; съ полей доносился говоръ работающихъ. Яковъ Ивановичъ всталъ, чтобъ идти къ пимъ, посмотрѣть какъ идетъ дѣло; онъ отыскивалъ уже свою фуражку, какъ изъ двери гостиной вбѣжалъ полвенькій, свѣженькій, хорошенькій мальчикъ лѣтъ семи, пріемышъ Якова Ивановича.

— Что ты, Федя? спросилъ Яковъ Ивановичъ: — въ садъ что ли захотѣлось? Ступай погуляй, да не шали.

— Крестный! тамъ барыня стоитъ!

— Какая барыня?..

Но едва успѣлъ онъ это выговорить, какъ кто-то сзади обвилъ его шею руками и покрылъ поцѣлуйми его старческое лицо.

— Маша! Ма...шень...ка!.. могъ только выговорить Яковъ Ивановичъ, задыхаясь отъ волненія и неожиданной радости. — Ты ли это?..

— Да, это я, ваша Машенька!

— Маша! голубушка!.. Господи! Ахъ, Маша, какъ ты рѣшилась тогда? Все сердце мое по тебѣ изныло!

— Помните, разъ я спрашивала у васъ, въ чемъ жизнь состоитъ, какъ я вѣкъ прожить должна? Вы мнѣ не могли дать отвѣта, да и никто изъ окружавшихъ меня не могъ. Вотъ я и пошла отвѣтъ искать, какъ въ сказкахъ Иванъ-царевичъ Елену прекрасную. Сколько я чоботовъ износила, сколько желѣзныхъ просвирокъ изглодала — объ этомъ послѣ, а теперь скажу только, что я отвѣтъ нашла и жизнь узнала.

— А гдѣ же онъ, Маша, твой-то ?

— Кто ? мой мужъ ? Онъ здѣсь со мной. Онъ за садомъ остался ; я прѣсила его погоды придти ; мнѣ сперва васъ одной хотѣлось увидеть. Я все знаю, прибавила она : — обо всемъ слышала, ко мнѣ доходили вѣсти.

— Такъ Арбатовъ женился на тебѣ ? Ну , это онъ хорошо, благородно поступилъ.

— Арбатовъ ? заговорила было Маша и вдругъ смолкла ; на губахъ у нея заиграла странная улыбка. — А гдѣ Матреша ? спросила она вдругъ Якова Иваныча.

— Да она съ зимы у меня служить , Маша... ведетъ себя тихо, смирно и ничего за ней неслышно. Однако я пойду распорядиться. Вѣдь ты здѣсь хозяйка. Какая ты красавица стала, Маша !

Съ этими словами онъ вышелъ. Во все время разговора съ Машей Яковъ Иванычъ точно ослабѣлъ , опустился ; онъ совсѣмъ растерялся, незная за что приняться.

Оставшись одна, молодая женщина съ любопытствомъ и вниманіемъ разсматривала окружавшіе ее предметы. Все попрежнему : и домъ , и садъ... но она !.. О , какъ далеко она не та , жалкая , отсталая , несвѣдущая дѣвушка ! Но вотъ кто-то нерѣшительно и тихо приотворилъ дверь. Маша обернулась ; мелькнуло чье-то грубое женское платье и дверь снова затворилась.

— Кто тутъ ? войдите ! сказала Маша , подходя къ двери и сама отворяя ее.

За дверью , робко прижавшись къ косяку , стояла блѣдная, худая женщина.

— Матреша ! вскричала Маша , взявъ ее за руку и вводя въ комнату.

— Матушка-барышня ! заговорила Матреша , заливаясь слезами : — васъ ли я вижу !.. ужъ я виновата передъ вами , такъ и войти не смѣла. Простите вы меня , красавица моя !

И Матреша сдѣлала движеніе , чтобъ стать передъ ней на колѣна ; Маша поддержала ее и остановила.

— Нѣтъ , сказала она : — ты прости меня ! Я виновата передъ тобой , прости меня , Матреша !.. И Маша неожиданно , рыдая , упала къ ея ногамъ.

Матреша съ невольнымъ крикомъ бросилась къ ней , и такъ , опустившись на полъ , онѣ обнялись , и плакали , и цѣловались ,

объ переполненныя неизъяснимымъ, божественнымъ чувствомъ христіанской любви и святого смиренія, и даже не замѣтили, что кто-то смотритъ на нихъ въ открытую дверь: а смотрѣлъ мужчина съ большими бакенами, смѣлымъ лицомъ, которое можно бы было назвать суровымъ, еслибы глаза его не блестяли слезами и не сіяли глубокимъ умиленіемъ.

Маша наконецъ замѣтила его.

— Матреша! сказала она, вставая и идя навстрѣчу къ Налетову: — вотъ мой мужъ. А вотъ это Матреша, подруга моего дѣтства, сестра моя по сердцу, обратилась она къ нему. — Я тебѣ, пошнись, о ней говорила. Мы съ ней уже больше не разстанемся, прибавила она.

— О, какъ ты ушла впередъ, моя милая! сказалъ Налетовъ, съ чувствомъ пожимая руки жены.

— Только бы не отстать отъ тебя! отвѣчала она обнимая его и подводя къ вошедшему Якову Ивановичу, все еще смущенному и растерянному отъ избытка радостнаго волненія.

Ю. ЖАДОВСКАЯ

АФРОТЕНБУРГЪ

(Подражаніе Гейне)

Н. С. Г—ну

Проклятое мѣсто! Донинѣ въ груди
Ношу я къ нему озлобленье...
Тамъ въ мрачныхъ стѣнахъ, среди блѣдной толпы,
Тянулось мое заключенье.

Другъ съ другомъ никто не хотѣлъ говорить,
Несправившись съ вѣтромъ. Боюлась
Сѣдого Борей толпа разсердить
И каждаго звука пугалась.

Всѣ знали, что эхо, въ проклятыхъ стѣнахъ
Ничтожное, скорбное слово
Фальшивымъ своимъ языкомъ повтора,
Озлобить Борей готово...

Колодезь, обложенный камнемъ, въ саду
Стоялъ; но на днѣ его шало
Воды оставалось, хоть горестныхъ слезъ
Такъ много туда упало!

Въ проклятомъ саду не найти уголка,
Гдѣбъ, полонъ тоски и мученья,
Не пролилъ горячихъ я слезъ безъ числа
Въ тупомъ и нѣмомъ озлобленьи.

Какъ много насмѣшекъ безсмысленныхъ, злыхъ,
Достойныхъ змѣйнаго жала,

Въ томъ замкѣ проклятомъ и ночью, и днемъ
Въ ухахъ моихъ бѣдныхъ звучало !

Изъ грязныхъ щелей даже жабы ползли
Позоромъ моимъ любоваться,
Чтобъ съ теткой своєю, ехидной, потомъ
Надъ горемъ людскимъ посмѣяться.

Родня ихъ поганая — крысы, ужи
И мыши, что всюду сновали, —
Съ восторгомъ узнали, что въ замкѣ меня
Позорно и тяжело терзали !..

Унылая роза въ безмолвномъ саду,
Лишь только весна наступала,
Хотѣла цвѣсти, но цвѣсти не могла
И вѣчно безъ цвѣту стояла.

Кругомъ было мрачно, какъ въ сердцѣ моемъ,
Въ зеленыхъ кустахъ не звучали
Отрадныя пѣсни ночныхъ соловьевъ ;
Нѣтъ ! птицы, какъ люди, молчали.

О, проклять да будетъ навѣки тотъ садъ !
Въ немъ тѣсной и мрачной толпою
Ночныхъ привидѣній таинственный рядъ
И днемъ возставалъ предо мною !

Я видѣлъ какой-то болѣзненный ликъ,
Озлобленный тяжкимъ страданьемъ,
И слышалъ предсмертный неистовый крикъ
Съ невольнымъ въ душѣ трепетаньемъ.

Терасою къ морю кончался тотъ садъ,
А подлѣ скала возвышалась ;
Объ камень упорный сѣдая волна
Въ алмазную пыль разбивалась.

И часто, о милой свободѣ грустя,
Глядѣлъ я съ терасы на море ;
А волны вставали, и въ сердцѣ моемъ
Вставало тяжелое горе.

Далеко, далеко рвалась душа,
И мрачныя думы, что волны,
Въ душѣ подымались одна за другой,
Тоскливаго мщенія полны.

И сколько вдали я судовъ различалъ,
Сквозь слезы, въ нѣмомъ наслажденьи...
Но замокъ проклятый меня не пускалъ,
И длилось мое заточенье!

Н. СТРАННОПОЛЬСКИЙ

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

ПРИГОТОВИВШІЯ ОПАДУ ЭРНЕСТА-ІОАННА БИРЕНА

ГЕРЦОГА КУРЛЯНДСКАГО

ВМѢСТО ВСТУПЛЕНІЯ

Слѣдующая статья принадлежит перу самого герцога Бирена. Бывшій регентъ писалъ ее пошѣмецки, въ Ярославлѣ, для свѣдѣній императрицы Елизаветы Петровны. Но когда именно писалъ онъ, въ точности неизвѣстно. Мнѣніе же, почему-то до сихъ поръ принятое, будто бы герцогъ началъ и кончилъ свой трудъ въ начальные годы царствованія Елизаветы Петровны (1741—1761, и вѣрнѣе въ 1743 г.), отнюдь невѣрно: приводитъ въ одномъ мѣстѣ имя Елизаветы-Христины, жены римскаго императора Карла VI, Биренъ пишетъ «покойная»: а Елизавета-Христина умерла 1750 года. Твореніе герцога Бирена, переведенное на французскій языкъ, впервые явилось печатно не ранѣе 1757 года. Тогда иѣкто M. L. P. D. S., «officier de considération, qui par dégoût s'est exilé du grand monde» (значительный чиновникъ, оставившій большой свѣтъ по чувству отвращенія), издалъ въ Monct (?) книгу: «*Reflexions critiques sur divers sujets, entremêlées de contes, appropriées aux mœurs du siècle présent*» (критическія размышленія о различныхъ предметахъ, въ смѣси съ повѣстями, принаровленными къ нравамъ настоящаго вѣка), и тутъ между прочимъ включилъ сочиненіе Бирена, переведенное съ нѣмецкаго подъ названіемъ «*Motifs de la disgrâce d'Ernest-Jean Biron, duc de Courlande*» (обстоятельства, приготовившія опалу Эрнеста-Іоанна Бирена, герцога курляндскаго), давно знакомое всѣмъ любителямъ исторіи. Перелыстывая это изданіе, Антошъ-Фридрихъ Бюшингъ (1724—1793), извѣстный и трудолюбивый собиратель всѣхъ вообще историко-ге-

ографическихъ матерьяловъ, пашолъ статью «*Motifs etc.*» настолько интересно, что не оставилъ перенечатать ее, съ нѣкоторыми впрочемъ опущеніями, въ свой драгоценный «*Magazin für die neue Historie und Geographie*» (магазинъ новой исторіи и географіи), гдѣ далъ ей мѣсто на стр. 381—398 тома IX, приложивъ рядомъ же и *Antwort auf diese «Motifs etc.»* (отвѣтъ на статью «*Motifs*» и т. д.), стр. 399—414, — сочиненіе, приписываемое однимъ родственнику, другимъ сыну фельдмаршала Миниха. Въ этомъ-то видѣ, сообщенномъ ему Бюшингомъ, твореніе бывшаго регента сохранилось до сихъ поръ. Но «*Магазинъ*» Бюшинга, заключающій въ себѣ между прочимъ немало замѣчательныхъ статей о Россіи, давно уже исчезъ изъ нашей книжной торговли, составляетъ почти библиографическую рѣдкость; наконецъ во всѣхъ двадцати-двухъ томахъ своихъ, наполненныхъ разноязычными статьями, не содержитъ ни одной русской строки. Последнее обстоятельство уже само по себѣ для многихъ служить у насъ препятствіемъ къ знакомству по крайней мѣрѣ съ тѣми статьями «*Магазина*», которыя, трактуя исключительно о Россіи, могли бы, въ переводѣ на русскую рѣчь, приобрести себѣ въ Россіи кругъ читателей несравненно обширнѣйшій того, какой имѣютъ онѣ теперь, оставаясь въ своей чужезычной формѣ. Это какъ нельзя лучше доказывается вниманіемъ, дѣйствительно заслужоннымъ, съ которыми русская публика приняла «*Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца*», прекрасно переведенный г. Аммономъ съ нѣмецкаго, изъ того же бюшингова «*Магазина*». Можно думать, что и другія статьи «*Магазина*», касающіяся русской исторіи, не будутъ излишни въ русскомъ переводѣ. Вотъ почему мы попробовали извлечь изъ сокровищницы Бюшинга статью «*Motifs de la disgrâce d'Ernest-Jean de Biron, duc de Courlande*» и представляемъ ее русскимъ читателямъ на ихъ родномъ языкѣ. Легко можетъ случиться, что это единственное твореніе страшнаго нѣкогда регента будетъ новостью для многихъ, кому давно уже знакомы имя и дѣятельность герцога Бирена, до сихъ поръ живущія въ народной памяти. Само собою разумѣется, что сочиненіе Бирена, автора пристрастнаго и даже нерѣдко искажающаго факты, не имѣетъ значенія историческаго матерьяла въ строгомъ смыслѣ; но оно интересно по самому своему содержанию, относящемуся къ одной изъ драматичнѣйшихъ эпохъ русской исторіи.

Мы не сочли излишнимъ приложить къ сочиненію герцога Бирена наши собственныя «*Примѣчанія*». Въ нихъ читатель найдетъ важнѣйшія разнорѣчія свидѣтельствъ Бирена съ свидѣтельствами о томъ же другихъ источниковъ; указаніе фактовъ, искажаемыхъ Биреномъ; наконецъ — краткія извѣстія о событіяхъ, лицахъ, мѣ-

стахъ и нѣкоторыхъ предметахъ, упоминаемыхъ въ сочиненіи бывшаго регента.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

ЗАПИСКА БИРЕНА

Въ 1730 г. пріѣзжалъ въ Москву Эммануилъ, инфантъ португальскій, предпринимавшій это путешествіе съ цѣлью расположить къ себѣ сердце императрицы Анны Іоанновны и сочетаться съ нею бракомъ. Однакоже, прежде какихъ бы то нибыло объясненій, первоначальное намѣреніе Эммануила исчезло внезапно и вниманіе гостя обратилось на принцесу Анну, дочь герцогини мекленбургской, Екатерины Іоанновны. Но инфанту посовѣтовали — не думать о принцессѣ ⁽¹⁾.

Съ этого времени вице-канцлеръ графъ Остерманъ ⁽²⁾ и обер-гофмаршалъ графъ Левенвольдъ ⁽³⁾ часто начали заговаривать съ императрицею о порядкѣ престолонаслѣдія въ Россіи, вкрадчиво изъясняясь, что необходимо было бы принять надлежащія къ тому мѣры. Императрица, настроенная подобными внушеніями, поручила Остерману и Левенвольду обсудить этотъ вопросъ вдвоемъ и доложить ей о результатахъ своихъ совѣщаній.

Нѣсколько дней спустя, Остерманъ и Левенвольдъ представили государынѣ слѣдующій планъ :

1) Такъ какъ ея величеству не угодно избрать себѣ супруга ⁽⁴⁾, то надлежитъ принцессу Анну Леопольдовну ⁽⁵⁾ выдать за одного изъ иностранныхъ принцевъ.

2) Ея величество избереть своимъ наслѣдникомъ одного изъ дѣтей, рожденныхъ отъ этого брака, нестѣсняясь правомъ первородства ⁽⁶⁾.

3) Имперія должна присягнуть въ признаніи наслѣдникомъ престола того лица, которое избереть ея величество.

4) Чрезъ это заблаговременно устранятся всѣ недоразумѣнія и разрушатся интриги, которыя могли бы возникнуть и затѣяться въ Россіи или заграницею.

5) Предпочтеніе дѣтей матери легко оправдывается : а) надеждою видѣть на тронѣ потомство мужской линіи ; б) какъ средство удалить принцессу Анну отъ мысли, что она, какъ старшая племянница императрицы, имѣетъ личныя права на престолъ ; в) избѣжаніемъ неудобства видѣть большее почтеніе къ принцессѣ, нежели къ императрицѣ ; наконецъ г) безопасностью отъ предпріятій отца

принцессы, человека завѣдомо безпокойнаго, который не упустилъ бы случая внушать дочери гибельныя покушенія на снохоуство императрицы (7).

6) Подобное учрежденіе престолонаслѣдія не можетъ никому казаться страннымъ, потому что въ австрійской имперіи уже утверждено точно такое же (8).

7) Если ея величество соизволить принять предлагаемый планъ, то нужно будетъ отправить къ нѣкоторымъ европейскимъ дворамъ довѣренную особу, съ порученіемъ — вымотрѣть и избрать супруга, достойнаго руки принцессы Анны.

Таковы были мнѣнія, представленныя въ 1730 г. императрицѣ. Она приняла ихъ однакоже довольно равнодушно. И каждый разъ, когда Остерманъ и Левенвольдъ заводили рѣчь о своемъ планѣ, государыня отзывалась, что еще много времени впереди и принцесса слишкомъ молода для замужства.

Что касается герцогини мекленбургской (9), то хотя и ничего не сообщали ей о существованіи плана, но она вѣроятно уже кое-что знала. По крайней мѣрѣ часто видѣли, какъ со слезами умоляла она императрицу принять ко двору ея дочь, позаботиться о ея образованіи, воспитать ее въ православной вѣрѣ. Герцогиня въ этомъ случаѣ не была безъ опоры: ее поддерживалъ троицкій архимандритъ, духовникъ императрицы (10). Пользуясь собственнымъ кредитомъ у государыни, герцогиня старалась извлечь всю пользу и изъ вліянія духовника. Соединенныя усилія ихъ увѣнчались успѣхомъ, но главная цѣль не была еще достигнута.

Съ другой стороны Остерманъ и Левенвольдъ сильно содѣйствовали учрежденію кабинета (11), членами котораго императрица назначила: канцлера графа Головкина (12), Остермана и кн. Черкаскаго (13). Тутъ Остерманъ достигъ цѣли; но вопросъ о престолонаслѣдіи все еще не разрѣшался. Тогда Остерманъ склонилъ на свою сторону архіепископа новгородскаго, человека весьма уважаемаго императрицею, и Θεофанъ, представивъ всю необходимость мѣры, задуманной Остерманомъ, подѣйствовалъ на государыню (14).

Черезъ два или три дня по учрежденіи кабинета, Остерманъ тайно составилъ манифестъ о присягѣ будущему наслѣднику. Трудъ Остермана удостоился высочайшаго утвержденія (15). Придворная типографія перемѣщена въ домъ Θεофана (16), туда же заперты наборщики и форму присяги велѣно печатать во многихъ тысячахъ экземпляровъ. Затѣмъ назначенъ день и часъ, когда высшіе сановники, духовные и свѣтскіе, должны были собраться во дворецъ. Во время выхода императрица объявила присутствующимъ, что она признала за благо потребовать отъ нихъ и всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ

присягу, которую они должны принести въ соборѣ. Саповники повиновались (17). Въ этотъ и слѣдующіе дни происходило рукоприкладство къ печатнымъ присяжнымъ листамъ.

Успокоенный насчетъ престолонаслѣдія, Остерманъ не переставалъ изливаться въ похвалахъ благоразумію императрицы, поступившей по его совѣту, а Левенвольдъ весь погрузился въ мысль объ отправленіи въ Германію посла, для скорѣйшаго выбора жениха Аннѣ Леопольдовнѣ. Архіепископъ новгородскій, такъ хорошо успѣвшій въ одной половинѣ дѣла, былъ приглашонъ Остерманомъ и Левенвольдомъ къ содѣйствию въ другой. Θεοфанъ не только склонилъ императрицу къ исполненію желанія Остермана и Левенвольда, но даже умѣлъ ее убѣдить, что такъ какъ присяга уже совершена, то весь успѣхъ благихъ ея послѣдствій зависитъ единственно отъ двухъ вышеозначенныхъ графовъ. И Левенвольду было приказано совѣщаться съ Остерманомъ о томъ, кого именно отправить въ Германію. Остерманъ предложилъ генералъ-адъютанта графа Левенвольда, вполнѣдствіи оберъ-шталмейстера (18), а еслибы Левенвольдъ негодился, то брата своего, Остермана мекленбургскаго (19).

Но какъ ни была убѣждена императрица, что затѣявшееся дѣло находится въ добрыхъ рукахъ, она не могла вполнѣ полагаться на скромность посла, не могла рѣшиться оставить его безъ своего собственнаго, ближайшаго надзора. Генералъ-адъютанту Левенвольду велѣно приготовиться къ отъѣзду «нарочнымъ», посѣтить германскіе дворы, не дѣлать нигдѣ ни малѣйшихъ предложеній и возвратиться возможно скорѣе съ донесеніемъ о томъ, какихъ и гдѣ принцевъ онъ видѣлъ и каковъ каждый изъ нихъ ему показался.

Едва успѣлъ Левенвольдъ выѣхать изъ Москвы, открылось, что иностранные министры вовсе не чужды предполагаемой тайнѣ.

Побывавъ, неизвѣстно для чего, и въ Вѣнѣ, Левенвольдъ возвратился съ подробнымъ донесеніемъ о привазахъ, которыхъ ему случилось видѣть. Отзѣвы его о маркграфѣ Карлѣ (20) и принцѣ Бевернскомъ (21) были особенно лестны: Левенвольдъ очень хвалилъ характеры и достоинства обоихъ. Оставалось сдѣлать выборъ. Императрица склонилась въ пользу принца Антона Бевернскаго (22). Рѣшено было пригласить принца въ Россію, дать ему чинъ кирасирскаго полковника и назначить приличное содержаніе. Левенвольдъ, по высочайшему повелѣнію, сообщилъ объ этомъ роднымъ принца. Родные незамедлительно прислали избранника въ Россію. Явившись при дворѣ, принцъ Антонъ имѣлъ несчастье не понравиться императрицѣ, очень недовольной выборомъ Левенвольда. Но промахъ былъ уже сдѣланъ; исправить его, безъ огорченія себя или другихъ, не оказывалось возможности. Принцу дали полкъ (23).

обезпечили все его содержаніе и кромѣ того назначили ему по нѣскольку тысячъ рублей въ годъ жалованья.

Принцъ безпрестанно бывалъ при дворѣ, гдѣ усердіе его вознаграждалось такою холодною, что втѣченіи нѣсколькихъ лѣтъ овъ не могъ льстить себя ни надеждою любви, ни возможностью брака. Тому и другому одинаково препятствовали нерѣшительность императрицы и отвращеніе къ принцу ея племянницы. Смерть Левеволя, случившаяся въ этотъ промежутокъ времени, и болѣзнь Остермана, мѣшавшая ему энергически поддерживать начатое предпріятіе, повергли все дѣло принца какбы въ забвеніе. Императрица или не оказывала этому дѣлу никакого вниманія, или весьма малое, не любила даже говорить о немъ. Напротивъ, вѣнскій дворъ держался за начатое дѣло серьезно и не упускалъ ничего, что могло клоняться къ осуществленію его видовъ. Въ это-то самое время покойная императрица австрійская (24), чрезъ министровъ своихъ графа Остейна и резидента Гогенгольца, просила меня похлопотать о бракосочетаніи принца, предлагая, въ знакъ высокаго своего ко мнѣ уваженія, выдать за сына моего, наследнаго принца курляндскаго (25), одну изъ принцессъ вольфенбиттельскихъ, съ ежегоднымъ доходомъ по 100,000 червонцевъ изъ собственной кассы ея величества. Хотя я и благодарилъ императрицу, отклоняясь молодостью моего сына, но все-таки успѣлъ впасть въ подозрѣніе, что ищу женить его на принцессѣ Авинъ, чего никогда не приходило мнѣ въ голову (26).

Императрица Анна была уже нездорова. Однажды, и можетъ-быть подѣ влияніемъ усилившагося недуга, ея величество говорила мнѣ: «никто не хочетъ подумать о томъ, что у меня на рукахъ принца, которую надо выдать замужъ. Время идетъ; она уже въ порѣ (27). Конечно принцъ не нравится ни мнѣ, ни принцессѣ; но особы нашего состоянія не всегда вступаютъ въ бракъ по склонности. Ктому же принцъ ни въ какомъ случаѣ не приметъ участія въ правленіи, и принцессѣ все равно, за кого бы ни выйти. Лишь бы мнѣ пмѣть отъ нея наследниковъ и не огорчать императора отсылкою къ нему принца. Да и самъ принцъ кажется мнѣ человѣкъ скромный и сговорчивый. Посмотримъ, что скажетъ Остерманъ (28)». Послала не помню кого къ Остерману. Онъ объявилъ, что партія принцессы съ принцемъ тѣмъ благоразумиѣе и выгодиѣе, что она утѣшитъ императора, огорченнаго своими собственными обстоятельствами (29).

Отданы повелѣнія о приготовленіяхъ къ свадьбѣ — и бракосочетаніе совершилось (30).

Принцеса родила сына. Возникъ вопросъ о томъ, какое званіе

принадлежитъ новорожденному и слѣдуетъ ли на эктеніяхъ, за именемъ императрицы, произносить его имя, съ титуломъ великаго князя? Потребовали мнѣнія Остермана. Согласись на первое, Остерманъ отвергъ послѣднее. Принца крестили, и по совершеніи таинства императрица взяла новорожденнаго къ себѣ (31).

Вовсе время пребыванія своего въ Петергофѣ, императрица принимала лекарство и чувствовала себя гораздо лучше; но по возвращеніи въ Петербургъ не переставала жаловаться на бессонницу. Врачи, очевидцы постоянной испарины ея величества, не предрекали ничего хорошаго (32).

Наконецъ въ одно изъ воскресеній государыня почувствовала слабость, сопровождаемую тошнотою и рвотою, и была привуждена лечь въ постель (33). Первый медикъ, Фишеръ (34), сказалъ мнѣ, что припадокъ императрицы — дурной знакъ, и если болѣзнь разовьется быстро, Европѣ скоро предстоить трауръ. Саухецъ (35), придворный медикъ, былъ совѣтъмъ другого мнѣнія, полагалъ случившееся бездѣльней, но говорилъ, что послѣ такихъ усилій природы, государыня должна остаться на нѣсколько часовъ въ совершенномъ покоѣ.

Всѣ вышли. Я удалился изъ первыхъ, чтобы сообщить о происшедшемъ принцесѣ Авнѣ, тогда тоже нездоровой. Но она не приняла старшаго изъ сыновей моихъ и велѣла ему идти къ Фрейлинѣ Менгентъ, которой онъ и передалъ событіе съ императрицею (36).

Неудовольствовавшись этимъ, я послалъ за княземъ Черкасскимъ, Бестужевымъ-Рюминымъ (37) и фельдмаршаломъ Минихомъ (38). Когда они явились на мой зовъ, я представилъ имъ обоихъ врачей, которые и объяснили гг. министрамъ положеніе государыни. Мнѣ оставалось увѣдомить о томъ же графа Остермана. Я поручилъ это оберъ-гофмаршалу графу Левенвольду, а самъ тотчасъ же поспѣшилъ къ императрицѣ. «Я чувствую себя очень дурно», сказала мнѣ государыня, и боюсь, не близокъ ли мой конецъ. Однако же покоряюсь волѣ божіей. Но что будетъ съ имперіей! Страшно подумать, какимъ безпорядкамъ подвергнется она безъ меня. Знаю, какъ будутъ упрекать меня за то странное стеченіе обстоятельствъ, въ которомъ оставляю Россію!» Я отвѣчалъ, что Богъ умиосердится къ ея величеству; что государыня не должна такъ тревожиться судьбою Россіи; что безпокойство только увеличиваетъ ея страданіе и что все земное ведется рукою провидѣнія. Минуту спустя, императрица приказывала мнѣ увѣдомить принцесу, но отъ самого себя, о крайнемъ положеніи ея величества; спрашивала, съѣхались ли министры и что они дѣлаютъ; просила послушать что они говорятъ. Спрошенный вскорѣ же объ исполненіи всѣхъ

этихъ повелѣній, я доложилъ императрицѣ, что министры, по случаю куртага ⁽³⁹⁾, уже собрались и готовы приступить къ совѣщанію, что они очень опечалены извѣстіемъ о болѣзни ея величества и что тоже самое чувство, какъ мнѣ извѣстно отъ Фрейлины Менглевъ, испытываетъ ея высочество принцеса Анна.

Пока всѣ находились въ такомъ смущеніи, возвратился отъ Остермана Левенвольдъ, посланный къ вице-канцлеру съ запросомъ: что слѣдуетъ дѣлать? Остерманъ чрезъ Левенвольда отвѣчалъ, что прежде всего слѣдуетъ подумать о престолонаслѣдіи, то есть учредить и утвердить порядокъ его возможно скорѣе и на прочныхъ основаніяхъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ Остерманъ передавалъ, что онъ не сомнѣвается въ постоянствѣ образа мыслей императрицы насчетъ новорожденнаго принца, а потому совѣтуетъ повторить примѣръ Петра I, провозгласившаго младенца, сына своего, наследникомъ престола ⁽⁴⁰⁾.

Одобреніе императрицею мысли Остермана послѣдовало тотчасъ же и было самое полное. Два кабинетъ-министра немедленно отъправились къ Остерману. «Я хочу, говорила мнѣ императрица, слѣзть все что зависить отъ меня. Остальное — во власти божіей. Знаю напередъ, что оставляю ребенка въ грустныхъ обстоятельствахъ: онъ не въ состояніи, а родители его не въ правѣ дѣлать что-нибудь. Отецъ въ особенности не имѣетъ никакихъ дарованій, чтобъ быть поддержкою сына. Принцеса правда неглупа, но у нея живъ отецъ, тиранъ своихъ подданныхъ; онъ тотчасъ же явится сюла, начнетъ поступать въ Россіи какъ въ своемъ Мекленбургѣ, вовлечетъ наше государство въ пагубныя войны и приведетъ его къ крайнимъ бѣдствіямъ. Да, я вполнѣ увѣрена, что когда умру, — память моя пострадаетъ». Я умолялъ ея величество быть мужественнѣе, надѣяться, съ божіею помощію, на выздоровленіе — и вышелъ на нѣсколько минутъ, чтобы сообщить министрамъ все слышанное мною отъ императрицы.

Фельдмаршалъ Минихъ заговорилъ первый. Онъ изъяслялъ опасеніе, что первымъ дѣломъ герцога мекленбургскаго будетъ овладѣть военачальствомъ, произвести чрезъ то множество смуть и потомъ, навѣрное, отщипать Россію Австріи и Ганноверу. Эти опасенія Миниха долгое время обсуждались всѣми министрами ⁽⁴¹⁾.

Снова позванный къ императрицѣ, я оставался у ея величества нѣсколько часовъ; но возвратившись вечеромъ домой ⁽⁴²⁾, нашолъ у себя множество особъ, въ томъ числѣ и фельдмаршала Миниха ⁽⁴³⁾. Отъ него я узналъ, что присутствующее у меня собраніе — ревностные патріоты, которые, разсуждая по совѣсти, кому бы приличнѣе было вручить правленіе на время малолѣтства императора, въ

случаѣ если Господь воззоветъ къ себѣ государыню, — послѣ многихъ размышленій и единственно въ видахъ государственной пользы, наши способнѣйшимъ къ управленію Россіею меня. Въ дѣлѣ этого избранія, объясняли Минихъ, патриоты, кромѣ личнаго качества моихъ, извѣстныхъ всѣмъ съ самой выгодной стороны, руководились убѣжденіемъ, что никто точнѣе меня не знаетъ положенія имперіи, никто ближе моего не знакомъ съ дѣлами внутренними и внѣшними, никто не можетъ быть такъ пріятенъ народу какъ я. — Министры же — заключилъ фельдмаршалъ — уже привыкшіе къ моему образу дѣйствій, никому кромѣ меня подчиняться не желаютъ.

Взволнованный такимъ объясненіемъ, я отвѣчалъ собранію: «Еслибы я не былъ уже твердо убѣжденъ, что имѣю въ васъ друзей, то долженъ бы былъ получить такое убѣжденіе съ этой самой минуты. Но я боюсь думать, что ваша дружба потребуетъ отъ меня обязанностей, исполненіе которыхъ мнѣ не по плечу. Плохое состояніе моего здоровья, истощеніе силъ, наконецъ домашнія заботы — все это въ настоящее время вынуждаетъ меня думать только объ одномъ: какъ бы мнѣ устраниваться отъ государственныхъ дѣлъ и провести спокойно остатокъ жизни. И если будетъ угодно промыслу пресѣчь дни императрицы, — я сочту себя свободнымъ отъ всего, и надѣюсь, вы позволите мнѣ остаться среди васъ, пользоваться моимъ положеніемъ, ни во что невмѣшиваясь, и — быть вашимъ другомъ. Благодарю васъ, господа, за довѣренность ко мнѣ, но не рѣшаюсь ею воспользоваться». Фельдмаршалъ, возразивъ въ присутствіи всѣхъ, что предложенія его не ограничиваются однимъ простымъ желаніемъ собравшихся ко мнѣ вельможъ, но составляютъ волю великаго и могущественнаго государства, пригласилъ меня обратиться на это вниманіе и сообразить, что упорствуя въ своемъ отказѣ, я очень дурно заплачу за всѣ милости государыни, до сихъ поръ на меня излившіяся. Я отвѣчалъ, что моя признательность окончится съ моею жизнью, но что собственную неспособность я повимаю лучше нежели кто-нибудь. Въ эту минуту меня потребовали къ государынѣ — и тѣмъ прервалось совѣщаніе, происходившее въ тоже самое воскресенье, когда ея величество слегла въ постель (44).

Государыня спросила меня, съ кѣмъ я говорилъ. Я назвалъ Миниха, Черкаскаго, Бестужева-Рюмина, Ушакова (45), оберъ-штальмейстера кн. Куракина (46), кн. Трубецкого (47), адмирала гр. Головина (48), оберъ-гофмаршала гр. Левенвольда, Бреверна (49) и многихъ другихъ.

Весь этотъ день я не выходилъ изъ моихъ переднихъ покоевъ

иначе какъ по приказанію государыни, пославшей меня къ министрамъ, съ которыми я оставался недолго и возвращался опять къ ея величеству. При ней я пробылъ до полуночи.

Въ понедѣльникъ утромъ я доложилъ государынѣ о Минихѣ, двухъ кабинетъ-министрахъ⁽⁵⁰⁾ и другихъ сановникахъ, собравшихся у меня и испрашивавшихъ высочайшей аудіенціи. Ночью у Остермана они составили прислугу великому князю.

Изъявивъ императрицѣ свое соболѣзнованіе, министры прочли присягу и предложили ее къ высочайшему утвержденію. Минихъ, удалившійся послѣднимъ, отъ имени всѣхъ благодарилъ императрицу, а всѣ вмѣстѣ они умоляли ея величество объявить меня регентомъ имперіи. Императрица не разсудила за благо отвѣтствовать. Но возвратясь къ ней, я нашолъ ее сильно опечаленною и грустною. «Присягу, говорила она мнѣ, я подписала дрожащею рукою, чего не было со мною, когда я подписывала объявленіе войны Порты оттоманской». Минуту спустя, государыня меня спросила: давно ли служу ей? и на мой отвѣтъ, что уже двадцать два года имѣю счастье находиться въ службѣ ея величества, сказала: «намѣреніе мое не исполнилось: я не успѣла наградить васъ по заслугамъ. Но не сомнѣвайтесь, что вамъ воздастъ Господь. Фельдмаршалъ сказалъ мнѣ такую вещь, что я продумала всю ночь»⁽⁵¹⁾. Я понималъ въ чемъ дѣло — и не нуждался въ объясненіи.

День или два спустя, въ опочивальню государыни вошло множество сановниковъ. Остерманъ, бывший съ ними, отвелъ меня въ сторону и сказалъ мнѣ, что они цѣлымъ обществомъ пришли просить меня, именемъ государства, согласиться на ихъ предложеніе. Остерманъ добавлялъ, что согласіемъ съ моей стороны я заслужу себѣ тысячи благословеній и пожеланій всякаго благополучія. Дѣло шло о регентствѣ. Я всячески тому противился⁽⁵²⁾. Но сановники настаивали на своемъ, давали честное слово раздѣлить со мною тягость предстоящаго мнѣ бремени, и такъ какъ я рѣшительно не склонялся на ихъ представленіе, — требовали отъ меня отвѣта, съ которымъ могли бы пойти къ императрицѣ. Между тѣмъ они прочитали мнѣ письменный актъ, ими же заготовленный⁽⁵³⁾. Невидавни вѣроятности, ни возможности увернуться отъ возлагаемыхъ на меня обязанностей, я потребовалъ прибавленія къ акту по крайней мѣрѣ того заключительнаго пункта, что въ случаѣ если нездоровье или другія побудительныя причины воспрепятствуютъ мнѣ править государствомъ, за мною остается право — сложить съ себя достоинство регента. Это заключеніе, какъ извѣстно, было присоединено къ акту. Наконецъ гр. Остерманъ, нѣсколько лѣтъ не видавшійся съ императрицею, отиравился къ ея величеству, гово-

рять съ нею безъ свидѣтелей и передалъ ей актъ. Въ минуту входа моего къ государынѣ, она держала актъ въ рукахъ и готовилась подписать его. Я умолялъ императрицу не дѣлать этого, представляя, что отказъ ея величества утвердить актъ — почтѣ полнымъ вознагражденіемъ за всѣ мои службы и услуги. Государыня взяла бумагу и положила се къ себѣ подъ изголовье ⁽⁵⁴⁾.

Всѣ нетерпѣливо желали знать подписанъ ли актъ, но узнали, что нѣтъ. И хотя втеченіи слѣдующихъ дней императрица нѣсколько разъ была готова исполнить желаніе министровъ, но я, несмотря на продолжительныя настоянія ея величества, отклонялъ ее отъ такого исполненія ⁽⁵⁵⁾.

Убѣдясь наконецъ, что втеченіи нѣсколькихъ дней все еще не произошло никакого рѣшенія, государственные сановники согласились сдѣлать меня регентомъ даже и въ томъ случаѣ, еслибы государыня скончалась неуспѣвъ утвердить акта о регенствѣ и слѣдовательно несдѣлавъ никакихъ распоряженій о государственномъ правленіи. Для того же, чтобы лучше успѣть въ своемъ намѣреніи, сановники пригласили въ собраніе всѣ чиновныя лица, до капитанъ-поручиковъ гвардіи. Такимъ образомъ около 190 лицъ, собравшихся въ кабинетъ, добровольно обязались дѣйствовать въ пользу назначенія моего къ регентству.

Я узнавъ объ этомъ наканунѣ сутокъ спустя, отъ нѣкоторыхъ сановниковъ — и изъявилъ имъ мое удивленіе, что дѣло, зашедшее такъ далеко, совершено безъ моего вѣдома. Но члены собранія твердо стояли въ своемъ рѣшеніи, и даже болѣе: они сговорились подать ея величеству прошеніе, которымъ, въ выраженіяхъ самыхъ патетическихъ, хотѣли умолять государыню о дарованіи государству милости — назначеніемъ меня къ регентству до совершеннолѣтія императора ⁽⁵⁶⁾. Прошеніе подписали: фельдмаршалъ Трубецкой ⁽⁵⁷⁾, фельдмаршалъ Минихъ, гр. Остерманъ, кв. Черкасскій, генералъ-фельдцейхмейстеръ принцъ Гессенъ-Гомбургскій ⁽⁵⁸⁾, генералъ-аншефъ Чернышовъ ⁽⁵⁹⁾, генералъ-аншефъ Ушаковъ, оберъ-гофмаршалъ гр. Левенвольдъ, адмиралъ гр. Головинъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ гр. Головкинъ ⁽⁶⁰⁾, кабинетъ-министръ Бестужевъ-Рюминъ, оберъ-шталмейстеръ кн. Куракинъ, генералъ-прокуроръ кн. Трубецкой, — всего тринадцать человекъ.

Императрица, прочитавъ наединѣ представленное ей прошеніе, рано утромъ послала Остерману повелѣніе явиться во дворецъ. Всѣ собрались и ожидали Остермана; но въ девять часовъ его еще не было. Явившись по вторичному приглашенію, Остерманъ сидѣлъ у государыни въ то самое время, когда я, входя въ опочивальню, засталъ ея величество вынимающею актъ изъ подъ изголовья. «Я

утверждаю актъ, говорила императрица, — а вы, Остерманъ, объявите господамъ, чтобъ они успокоились: прошеніе ихъ исполнено». Съ этими словами императрица взяла перо и подписала бумагу; а Остерманъ тотчасъ же завернулъ подписанное въ конвертъ и запечаталъ у самой постели ея величества. Императрица передала конвертъ подполковницѣ Юшковой ⁽⁶¹⁾, которая спрятала его въ шкапу съ драгоценностями. Долго еще разговаривала государыня съ Остерманомъ, а когда его вынесли, потребовала къ себѣ генерала Ушакова, спрашивала его о разныхъ дѣлахъ и въ заключеніе сказала ему: «я подумала о всѣхъ васъ; вы будете мною довольны. Передайте мои слова тѣмъ, кто заговоритъ съ вами объ этомъ» ⁽⁶²⁾.

Втеченіи своей болѣзни императрица ежедневно принимала приворныхъ дамъ и кавалеровъ; посѣтители проводили у постели ея величества по нѣскольکو часовъ. Въ первые дни бывала у государыни и принцеса Анна, тоже больная, почему ея величество часто говорила о племянницѣ съ докторомъ послѣдней ⁽⁶³⁾; но докторъ постоянно старался увѣрить государыню, что состояніе здоровья принцесы отнюдь не опасно. Однакоже принцеса совершенно неожиданно поручила однажды подполковницѣ Юшковой доложить императрицѣ, что чувствуя большую слабость, она, принцеса, желала бы приобщиться св. таинъ. Юшкова передала желаніе принцесы безъ надлежащей осторожности, а на другой день, точно такъ же, объявила безъ обвиняковъ, что принцеса хочетъ собороваться. Императрица сильно встревожилась и выговаривала докторамъ, которые оправдывались тѣмъ, что невидя никакой опасности, они докладывали мнѣніе свое принцесѣ, но ея высочество имъ не повѣрила. Два дня спустя, принцеса сама явилась къ императрицѣ, очень разсерженной продѣлками племянницы ⁽⁶⁴⁾. Съ этого времени тетка и племянница видались ежедневно. Каждый разъ, когда принцеса являлась въ опочивальню ея величества, мы всѣ почтительно удалялись. Но государынѣ, ослабѣвавшей болѣе и болѣе, не нравилось наше отсутствіе; а насчетъ принцесы у ея величества часто вырывались такіа выраженія, что я о нихъ умалчиваю.

Императрица сохранила разумъ и память до послѣдней минуты, допустила къ рукѣ всѣхъ присутствовавшихъ, собравшихся въ весьма маломъ числѣ, называла каждого по имени, потомъ велѣла себя соборовать и скончалась весьма покойно ⁽⁶⁵⁾.

При этомъ печальномъ событіи первою моею заботою было — запечатать драгоценности императрицы. Я сидѣлъ въ антикаморѣ, когда пришли ко мнѣ сановники и спрашивали, гдѣ завѣщаніе государыни. Я направилъ ихъ къ подполковницѣ Юшковой, которая и

указала спрашивавшимъ известную шкатулку съ драгоценностями. Шкатулку отпечатали въ присутствіи принца брауншвейгскаго, вынули изъ нея завѣщаніе, сняли съ него конвертъ и генераль-прокуроръ кн. Трубецкой во всеуслышаніе прочелъ содержаніе акта о регентствѣ. Что касается до меня, больного и проникнутаго скорбію ⁽⁶⁶⁾, я затворился у себя, вынесъ ночью жестокой болѣзненный припадокъ и поэтому не выходилъ изъ моихъ комнатъ всю субботу. Слѣдовательно я не принималъ ни малѣйшаго участія ни въ чемъ, тогда происходившемъ ⁽⁶⁷⁾. Кабинетъ-министры вершили самонужнѣйшія дѣла и разсылали повелѣнія, подписывать которыя я не былъ въ состояніи.

Принцеса Анна была ко мнѣ очень благосклонна, много меня благодарила за согласіе принять на себя такую тяжкую заботу, какъ правленіе государствомъ, и обѣщала мнѣ честь дружбы своей и своего супруга. Неуклоняясь отъ исполненія моихъ обязанностей къ нимъ обоимъ, я просилъ ихъ высочества, въ случаѣ полученія ими какихъ-нибудь донесеній, которыя могли бы посягать на добрыя наши отношенія, не удостоивать того ни малѣйшимъ вниманіемъ, но, для разъясненія истины, объявлять мнѣ доносителей. Съ своей стороны я обязывался дѣйствовать точно такъ же. Ихъ высочества и я, въ присутствіи многихъ высшихъ сановниковъ, укрѣпились на томъ взаимнымъ словомъ.

Незная, будутъ ли ихъ высочества имѣть все общее съ дворомъ или пожелаютъ ежегодно получать на свое содержаніе опредѣленную сумму, я поручилъ оберъ-гофмаршалу узнать мнѣніе о томъ принцесы и ея супруга. Они изъявили желаніе получать ежегодно двѣсти тысячъ рублей. Сообразно съ этимъ, я написалъ два опредѣленія: одно — объ отпускѣ ихъ высочествамъ назначенной ими суммы, другое — о выдачѣ императорскому величеству, нынѣ царствующему, 50,000 рублей ⁽⁶⁸⁾. Оба опредѣленія были отпрáвлены въ надлежащія мѣста кабинетъ-министрами.

Позднимъ вечеромъ того же дня ко мнѣ явился кабинетъ-министръ Бестужевъ-Рюминъ съ извѣстіемъ, что два поручика преображенскаго полка затѣваютъ что-то недоброе. Я отложилъ изслѣдованіе до утра, а утромъ сказалъ о томъ Миниху, который, въ качествѣ преображенскаго подполковника, вызвался допросить обоихъ офицеровъ и поступить съ ними какъ потребуютъ того обстоятельства дѣла; потомъ довелъ мнѣ, что находятъ необходимымъ арестовать допрошенныхъ и произвести розыскъ по формѣ ⁽⁶⁹⁾. Тогда же получилъ я свѣдѣніе и отъ кн. Черкаскаго, что къ нему являлся одинъ отставной капитанъ и сообщилъ разговоръ свой съ гр. Головкинымъ — о правахъ родителей императора на ре-

гентство, причемъ не скрывалъ, что онъ, капитанъ, былъ съ подобными же объясненіями посланъ гр. Головкинымъ къ принцу брауншвейгскому, отъ лица 300 дворянъ, офицеровъ и солдатъ, недовольныхъ существующимъ правительствомъ. За донесеніемъ кн. Черкаскаго послѣдовало извѣщеніе о томъ же отъ самого принца брауншвейгскаго, съ добавленіемъ того обстоятельства, что его высочество приказалъ являвшемуся у него офицеру придти къ себѣ вторично, около полудня. Генералъ-прокуроръ кн. Трубецкой, увидѣвъ минутой, поговорилъ съ офицеромъ и спросилъ у него имена недовольныхъ; но князю стали извѣстны только два поручика ⁽⁷⁰⁾, одинъ унтеръ-офицеръ ⁽⁷¹⁾ да самъ старый отставной капитанъ ⁽⁷²⁾, имѣвшій разговоръ и съ графинею Ягужинскою ⁽⁷³⁾. Наконецъ захватили этого капитана и съ нимъ обонхъ офицеровъ.

Такъ какъ гр. Головкинъ былъ женатъ на племянницѣ покойной императрицы ⁽⁷⁴⁾, то я сначала полагалъ, что открывавшійся теперь замыселъ былъ прелюдіей заговора въ пользу графини Головкиной ⁽⁷⁵⁾. Я тотчасъ же отправился къ принцу брауншвейгскому и сказалъ ему, что въ силу взаимно-даннаго нами обѣщанія не скрывать ничего, что могло бы касаться нашихъ дружескихъ отношеній, я считаю своею обязанностью предостеречь его высочество насчетъ людей, затѣвающихъ возмущеніе, о чемъ ему уже извѣстно; но если закрывать глаза на это бѣдствіе, то оно, едва возникая теперь, будетъ возрастать со дня на день и неизбежно приведетъ къ самымъ гибельнымъ послѣдствіямъ. — «Да вѣдь кровопролитіе должно произойти во всякомъ случаѣ», замѣтилъ мнѣ принцъ. Я спросилъ его высочество, не считаетъ ли онъ кровопролитія такую бездѣлицею, на которую можно согласиться почти шута? «Представьте себѣ, говорилъ я ему, всѣ ужасы подобной развязки. Не хочу думать, чтобы ваше высочество желалъ ее». — «Могу васъ увѣрить, три раза повторилъ принцъ, я никогда не начну первый». — «Такой отвѣтъ, возразилъ я принцу, дурно облуманъ. Не одно ли и тоже заражать разномысліе и сообщать движеніе мятежу? Впрочемъ легко можетъ случиться, что ваше высочество первый же и пострадаете за это». Принцъ повторялъ одно, что онъ ничего не начнетъ первый и не подниметъ прежде другихъ знамени возмущенія. Я спросилъ еще, что думаетъ его высочество выиграть путемъ мятежа? и если онъ недоволенъ чѣмъ-нибудь, то чѣмъ именно? — Наконецъ принцъ объяснился, что несовсѣмъ вѣритъ въ подлинность завѣщанія покойной императрицы, даже подозреваетъ, что подпись ея величества — подложная. Тогда я сказалъ принцу, что объ этомъ онъ вѣрнѣе всего можетъ узнать отъ Остермана, который въ дѣлѣ по завѣщанію императрицы можетъ рочитаться лицомъ отвѣтственнымъ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ я заявилъ принцу и мое мнѣніе, что его высочество, напрасно пороча завѣщаніе, вредитъ сыну своему, который именно этому завѣщанію обязанъ престоломъ. Доводы свои я заключилъ тѣмъ, что собственною моею особою не мѣшаю его высочеству развивать и осуществлять его планы, желая впрочемъ, чтобы принцъ самъ могъ предвидѣть ихъ исходъ; мнѣ же не остается сказать ничего болѣе, какъ удостовѣрить его высочество, что основанія плановъ, ему угодныхъ, вовсе не такъ прочны, какъ можетъ-быть его высочество предполагаетъ. — «Ваше высочество, добавилъ я, конечно не должны бы были затѣвать смуты; напротивъ, вамъ слѣдовало бы молить небо объ отвращеніи обстоятельствъ, открываемыхъ въ настоящее время, а не порождать ихъ собственною вашею фантазіею». Отозвавшись обо всемъ этомъ какъ о пустякахъ, принцъ сказалъ мнѣ, что я прекрасно бы сдѣлалъ, еслибъ уволилъ старыхъ гвардейскихъ солдатъ и офицеровъ, служившихъ еще великому Петру. Я отвѣчалъ, что сдѣлать это вовсе не легко и такое увольненіе будетъ соединено съ рискомъ еще болѣе увеличить опасность; потому что его высочеству должно быть извѣстно впечатлѣніе, оставленное Петромъ не только въ умахъ старыхъ воиновъ, но и въ сердцахъ всѣхъ его подданныхъ (76). Уговаривая его высочество не слушать людей неблагонамѣренныхъ, но объявлять ихъ, я сдѣлалъ еще одну напрасную попытку измѣнить образъ мыслей принца и закончилъ вопросомъ: совѣтовался ли онъ съ принцессою и знаетъ ли она о намѣреніяхъ своего супруга? Принцъ отвѣчалъ отрицательно (77).

Послѣ обѣда я потребовалъ къ себѣ министровъ, кн. Черкаскаго съ Бестужевымъ, и передалъ имъ мой разговоръ съ принцемъ. Непосредственно затѣмъ ко мнѣ вошелъ камеръ-юнкеръ Менгенъ (78) и доложилъ, что принцесса, заподозривъ поведеніе своего русскаго секретаря, присылаетъ его ко мнѣ на испытаніе. Секретарь допрошенъ гг. кабинетъ-министрами (79). Отъ него узнали, что принцъ брауншвейгскій замышляетъ возстаніе, что адъютантъ принца — самое довѣренное лицо его высочества (80) и что Андрей Яковлевъ тоже участникъ тайны (81). Андрей Яковлевъ признался въ своемъ преступленіи; адъютантъ въ свою очередь сообщилъ, что былъ избранъ орудіемъ къ возбужденію мятежныхъ движеній толпы, а принцъ въ минуту смѣны карауловъ долженствовалъ стать въ главѣ бунтовщиковъ, захватить всѣхъ, кто сталъ бы сопротивляться, и провозгласить себя вторымъ лицомъ въ государствѣ послѣ императора. Къ исполненію этого плана принцъ намѣревался приступить въ самый вечеръ дня, назначеннаго для похоронъ императрицы (82), хотя вольфенбиттельскій совѣтникъ Кейзерлингъ (83)

и совѣтовалъ обождать, представляя, что принцу прежде всего необходимо добиться званія генералиссимуса, съ чѣмъ уже все остальное совершится безъ затрудненія и согласно желаніямъ его высочества.

Оба кабинетъ-министра разсудили, что настояла непремѣнная надобность пригласить въ собраніе всѣхъ особъ первыхъ двухъ классовъ. Приглашеніе послѣдовало въ тотъ же вечеръ и въ собраніе явились: фельдмаршалы Минихъ и кн. Трубецкой, три кабинетъ-министра, принцъ Гессенъ-Гомбургскій, генералы Ушаковъ и Чернышовъ, адмиралъ гр. Головинъ, оберъ-штальмейстеръ кн. Курakinъ и генераль-прокуроръ кн. Трубецкой. Я откровенно изъяснилъ собранію все что касалось принца брауншвейгскаго, затѣмъ въ присутствіи всѣхъ тоже самое изложилъ письменно. Мой вѣдѣцкій текстъ былъ переведенъ порусски статскимъ совѣтникомъ Бреверномъ⁽⁸¹⁾ и переводъ тутъ же громогласно прочитанъ присутствующимъ. Всѣ они тѣмъ болѣе были поражены слышанною новостью, что никто изъ нихъ не ожидаетъ такой опасности и ея послѣдствій. Вольфенбиттельскій посланникъ Кейзерлингъ⁽⁸²⁾ находился въ собраніи налицо, и вскорѣ сюда же явилась принцеса Анна. Я сообщилъ ей причину собранія. Ея высочество казалась встревоженною поведеніемъ принца, объявила, что ей ничего не было извѣстно и удаллась для объясненія съ своимъ супругомъ. Но въ то самое время, когда члены собранія разговаривали о всемъ происшедшемъ, къ нимъ вошелъ принцъ, сопровождаемый совѣтникомъ вольфенбиттельскаго посольства Кейзерлингомъ.

— Я намѣренъ, госнода, сказалъ принцъ собранію, — сложить съ себя всѣ мои должности и пришолъ объявить вамъ объ этомъ.

Я отвѣчалъ принцу, что никогда невозлагавъ на его высочество никакихъ должностей, не вижу, какихъ именно могу лишать его и теперь; но что въ настоящее время рѣчь не о должностяхъ и званіяхъ, а о спокойствіи имперіи; что я наконецъ не могъ не сообщить гг. присутствующимъ моего разговора съ его высочествомъ. Этотъ разговоръ, повторенный мною отъ слова до слова и безъ малѣйшаго противорѣчія со стороны принца, произвелъ ропотъ въ собраніи. Генераль Ушаковъ, слишкомъ взволнованный всѣмъ слышаннымъ, подошелъ очень близко къ принцу и сказалъ ему прямо въ лицо:

— Могли ли мы думать, сударь, чтобы вы были способны вводить у насъ то, чего здѣсь не бывало видано? Какъ! вы хотите вознаградить вашу службу убійствами и кровопролитіемъ, вами уже зачисленнымъ? Хотя вы и отецъ императора, но вамъ не слѣдовало бы забывать, что старшій подполковникъ во всей гвардіи — я; и я

же командиръ того самаго семеновскаго полка, на который вы опираетесь, желая имъ располагать по вашему произволу. Разувайтесь, если воображаете, что я пересталъ быть честнымъ человекомъ. Клянусь, останусь такимъ до самой смерти.

При этихъ словахъ принцъ заплакалъ. Онъ проклиналъ тѣхъ, кто ввелъ его въ заблужденіе, просилъ прощенія въ присутствіи всего собранія и клятвенно обѣщалъ не возобновлять никакихъ покушеній⁽⁸⁶⁾. Составили актъ, содержаніе котораго я забылъ. Помню только, что всѣ присутствующіе утвердили этотъ актъ приложеніемъ своихъ гербовыхъ печатей⁽⁸⁷⁾.

Нѣсколько дней спустя вѣбжала ко мнѣ баронеса Менгенъ, весьма смущенная. Она поспѣшила сообщить, что ея величество нынѣ царствующая императрица, показывала ей портретъ и мѣру роста герцога голштинскаго⁽⁸⁸⁾, причемъ очень выхваляла баронессѣ этого государя, между тѣмъ какъ при жизни покойной императрицы никто не видалъ этого портрета, который — что ей, баронессѣ, извѣстно — намѣрены показывать теперь съ удовольствіемъ всѣмъ и каждому⁽⁸⁹⁾. Фельдмаршалъ Минихъ трубилъ мнѣ въ уши тоже самое, утверждая, что объ этомъ было говорено и его племянницѣ⁽⁹⁰⁾. Онъ обдумывалъ, соображалъ, и увѣренный, что во всемъ этомъ кроется что-то намѣренное, совѣтовалъ мнѣ воспользоваться моими правами и запретить показываніе портрета⁽⁹¹⁾. Я отвѣчалъ фельдмаршалу, что каждый воленъ имѣть у себя портреты родныхъ и слѣдовательно странно бы было лишать этого права ея императорское высочество. Принцеса Анна тоже говорила со мною объ этомъ, но полусловами. Затѣмъ шумъ стихнулъ разомъ. Тишина и спокойствіе продолжались нѣсколько дней.

Передъ самою эпохою моего несчастья, фельдмаршалъ Минихъ предупредилъ меня, что камеръ-юнкеры двора нынѣ царствующей императрицы весьма нерѣдко посѣщаютъ французскаго посланника⁽⁹²⁾. Это обстоятельство казалось Миниху подозрительнымъ. Я отвѣчалъ фельдмаршалу, что подобныя знакомства и связи не могутъ имѣть никакихъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что какъ ему, фельдмаршалу, извѣстно—ея высочество цесаревна всегда можетъ рассчитывать на помощь преданнаго ей народа. Минихъ возражалъ, что въ расположеніи къ цесаревнѣ народа онъ сомнѣвается, а въ преданности ея высочеству войска совершенно увѣренъ⁽⁹³⁾. «Нѣтъ, говорилъ я: войско и народъ, сановники и простолудины—всѣ искренно и одинаково любить ея высочество. Это такъ вѣрно, что даже гвардія, невключая полка, которымъ вы теперь командуете⁽⁹⁴⁾, вполне предана цесаревнѣ». Минихъ увѣрялъ, что именно теперь всѣ въ восторгѣ отъ того, что на тронѣ императоръ, который упрочитъ наконецъ престолона-

свѣдѣ въ мужской линіи, и что еслибы даже было иначе, то онъ, фельдмаршалъ, все-таки находить издѣланный столько угожденій цесаревнѣ, которую напротивъ мнѣ слѣдовало бы схватить и заключить въ монастырь. Изумленный такимъ образомъ мыслей фельдмаршала, я едва могъ вѣрять своимъ ушамъ. «Ну ужь это было бы слишкомъ!» проговорилъ я Мишю, оробѣвъ совершенно. Онъ замѣтилъ послѣднее и оставляя меня, сказалъ: «предположимъте наконецъ, что цесаревна могла бы быть заключена не навсегда, а на вѣсколько лѣтъ» (95).

Фельдмаршалъ конечно не сомнѣвался, что въ этомъ мы не согласимся; онъ не могъ ожидать, чтобы я попался въ ловушку, очертя голову. Волѣ вѣрнѣе, что Мишихъ предлагалъ мнѣ такую мѣру или въ видахъ ея ускоренія съ моей стороны, или съ цѣлью заставить меня современемъ раскаться въ ея отерочкѣ, еслибы даже я и не вполнѣ пренебречь ею.

Какъ бы то ни было, фельдмаршалъ встрѣтилъ во мнѣ совершенное противорѣчіе и чувствовалъ, что заволакъ слишкомъ далеко. Онъ боялся, чтобы я не заставилъ его при случаѣ поплатиться за такую неосторожность, — и не колебался принести мени въ жертву своему личному спокойствію (96).

Я былъ схваченъ въ постели, въ ночь съ 8 на 9 ноября (97), поднятъ въ одной рубашкѣ гренадерами, выхваченъ ими къ каретѣ, приготовленной Мишихомъ, и подъ конвоемъ мишихова адъютанта Манштейна (98) отвезенъ въ зимній дворецъ. Тутъ меня ровно ни о чемъ не спрашивала.

9 ноября послѣ обѣда меня и все мое семейство отправили въ одной каретѣ въ Шлиссельбургъ, гдѣ я пробылъ до 13 юня. Тутъ меня допрашивали три раза. При второмъ и третьемъ допросахъ предлагались мнѣ слѣдующіе пункты:

До какой степени простиралось отношенія мои съ нынѣшней императрицею, нынѣшня цѣлью удаленіе отъ престола тогда царствовавшего императора?

Какимъ образомъ приглашалъ я въ Россію нынѣшняго великаго князя (99)?

Кто именно зналъ объ этомъ?

Какимъ образомъ принимался я за дѣло о бракосочетаніи нынѣшняго великаго князя съ женою дочерью (100)?

Остальные пункты заключались въ мелочахъ: зачѣмъ говорилъ я, что если принцеса Анна достигнетъ регенства, то семейство Менделѣвъ будетъ управлять всею Россіею? Какъ могъ я отзыватья, что все включенное Менделѣями въ манифестъ есть ткань лжи и нечестія?

Я отвѣчалъ лаконически, что все это мнѣ совершенно неизвѣстно. Но заявилъ, что со мною поступаютъ безчеловѣчно и неслыханнымъ образомъ; что вездѣ, а также и въ Россіи, существуетъ обычай уличать обвиняемаго письменными доказательствами или изустными показаніями достовѣрныхъ свидѣтелей; что самъ я лицо владѣтельное, вассалъ короля польскаго, и слѣдовательно нельзя меня допрашивать и выслушивать безъ депутата со стороны Польской республики. Мнѣ довольно грубо отвѣчали, что упорствуя въ подобномъ для себя исключеніи, я напрасно буду стараться воспрепятствовать юрисдикціи моихъ судей; что напротивъ мнѣ вовсе бы не мешало отказаться отъ своихъ требованій, которыя отнюдь не помогутъ, а свидѣтелей для моего обвиненія найдется достаточно. Я уступилъ, ждалъ, былъ доволенъ.

Наконецъ мнѣ дали очную ставку съ Бестужевымъ-Рюминымъ⁽¹⁰¹⁾, самый видъ котораго уже возбуждалъ сожалѣніе. Встрѣтивъ меня, Бестужевъ мнѣ поклонился и воскликнулъ: «Я согрѣшилъ, обвиняя герцога. Все что мною говорено — ложь. Мнѣ не въ чемъ уличить его. Кромѣ хорошаго я ничего не могу сказать о герцогѣ. Прошу гг. слѣдователей внести настоящее показаніе мое въ протоколъ. Признаюсь торжественно, я былъ подкупленъ фельд-маршаломъ Минихомъ: онъ обѣщалъ мнѣ свободу, но съ условіемъ — запутать герцога. Жестокость обращенія и страхъ угрозъ вынудили меня къ ложнымъ обвиненіямъ герцога.»

Совсѣмъ тѣмъ обвинительные пункты вовсе не были важны. Они касались поведенія принца брауншвейгскаго, семейства Мендентъ, вызова на дуэль, которую я долженъ былъ имѣть съ принцемъ, и прочихъ, подобныхъ же пустяковъ. Всѣ поздравляли меня. Въ Петербургъ былъ отправленъ нарочный курьеръ, съ возвращеніемъ котораго всѣ ожидали благопріятнаго для меня оборота моего дѣла. Но вмѣсто того слѣдователи были встревожены полученіемъ строжайшихъ предписаній на мой счетъ, съ присоединеніемъ выговора за неточное исполненіе своего долга. Меня и семейство мое повелѣвалось заключить еще тѣснѣе, а Бестужева-Рюмина тотчасъ же отправить въ Петербургъ.

Въ концѣ апрѣля прибыли: бывший кабинетъ-секретарь Яковлевъ, гвардіи майоръ Соковнинъ⁽¹⁰²⁾ и капитанъ Ямышъ. Они дѣлали мнѣ третій допросъ слѣдующимъ образомъ:

Опасныя намѣренія мои — такъ начали новые судьи — уже открыты. Но милосердіе принцесы Анны превосходитъ громадность моихъ преступленій. Если я добровольно и безъ утайки объясню все, о чемъ меня будутъ спрашивать, то мнѣ обѣщается отъ имени принцесы не только свобода, но и значительная награда. Если

же напротивъ я захочу упорствовать въ прежнихъ моихъ показаніяхъ и не идти далѣе, то мнѣ съ семействомъ неслѣдуетъ ожидать никакой пощады: мы погибнемъ безъ помощи и невозвратно. Затѣмъ слѣдовали пункты:

1) Такъ какъ сама цесаревна Елизавета показала, что я не переставалъ побуждать ее къ низверженію съ престола тогда царствовавшего императора, съ цѣлью воцарить на его мѣсто герцога голштинскаго, то отъ меня требовались объясненія: для чего я покушался на такую революцію? какими средствами думалъ привести ее въ исполненіе? кто были мои сообщники?

2) Въмѣсто того чтобы оставить мои покушенія, зачѣмъ я надѣлалъ ими цесаревнѣ, которая, неодобряя ничего подобнаго, милостиво старалась отвлечь меня отъ исполненія моихъ преднамѣреній?

3) Въ какихъ выраженіяхъ заявлялъ я мысль о бракосочетаніи вышшняго великаго князя и какіе располагалъ употребить къ тому способы?

4) Что дѣлывалъ я у нынѣшней царствующей императрицы, посящая ее секретно, ночью?

5) Для чего такъ часто прихаживала ко мнѣ цесаревна и какія мѣры предпринимали мы, запершись съ нею наединѣ?

Слѣдователи повторяли, что все это обнаружено самою цесаревною и мнѣ остается только объяснить, по пунктамъ, всѣ обстоятельства.

Я отвѣчалъ вкратцѣ, что хотя у меня отнято все, кромѣ чести и совѣсти, которыхъ не дамъ никому похитить, но не знаю ничего того, о чемъ меня спрашиваютъ, отроду не замышлялъ ничего подобнаго; никогда не посѣщалъ цесаревну ночью; былъ у ея высочества всего одинъ разъ, и то среди бѣлаго дня, когда цесаревна благосклонно позволила мнѣ явиться къ ней съ соболѣзнованіемъ о кончинѣ императрицы (103). Чтоже касается до визитовъ, которыми вногла удостоивала меня цесаревна, то они были знакомъ милости, постоянно оказываемой ея высочествомъ моему семейству. Я заключилъ тѣмъ, что совершенно увѣренный въ сердечной справедливости цесаревны, не разумѣю ея высочество способною неблаговидно воспользоваться особенностями, которыя предлагаются ей къ моему обвиненію, и готовъ понести бремя моего несчастія, представшись волѣ Бога, верховнаго судіи и истиннаго сердцеѣдца.

Послѣ этого объясненія кабинетъ-секретарь Яковлевъ, надѣясь убѣдить меня успѣшнѣе, выслалъ своихъ сочленовъ и еще разъ пригласилъ меня къ сознанію, если желаю уйти отъ бѣды. Но

услышать, что на приобретѣніе свободы такую цѣною согласія моего никогда не будетъ. Яковлевъ объявилъ мнѣ, что я пропаду.

Мнѣ пришлось убѣдиться въ этомъ на дѣлѣ. Юня 13 прибылъ за мною конвой, и меня съ семействомъ довлекли изъ Циллсельбурга въ Сибирь. 5 ноября мы достигли мѣста, гдѣ должно было окончиться наша жизнь и гдѣ смерть вѣроятно предупредила бы продолжительность нашихъ страданій, еслибъ Господь не явилъ милости своей ея величеству нынѣ царствующей государынѣ (104).

20 декабря — день нашего освобожденія. Къ намъ прибылъ курьеръ съ радостною вѣстью, что наше заключеніе окончилось. Тогда же были мы снабжены всѣмъ необходимымъ. Восемь дней спустя, загорѣлся домъ, въ которомъ мы содержались и сгорѣлъ до основанія (105). Насъ перевели къ воеводѣ. У него жили мы до 27 февраля слѣдующаго 1742 г., потомъ отправились въ путь и чрезъ четыре недѣли пріѣхали сюда (106). Бисмаркъ (107) и мои братья (108) соединились съ нами, спустя нѣсколько мѣсяцевъ.

Теперь мы здѣсь въ постоянномъ ожиданіи милосердія божія и ея императорскаго величества, славное царствованіе которой да утвердитъ небо и да продлитъ оно дни государыни (109).

Съ французскаго м. ХМЫРОВЪ

ПРИМЪЧАНІЯ

Донъ-Эммануилъ, инфантъ португальскій, младшій сынъ короля Петра II и братъ короля Іоанна V, родился 23 іюля 1697 года. Восемнадцати лѣтъ отъ роду онъ уѣхалъ въ Голландію, а оттуда въ 1716 году въ Венгрію, на мѣста военныхъ дѣйствій съ турками. Въ 1719 году опредѣлился въ австрійскую службу. Пріѣхалъ въ Москву 1 августа 1730 года, оставался здѣсь около трехъ недѣль, и думалъ пробыть еще долѣе, надѣясь успѣть въ исканіяхъ руки если не императрицы Анны Іоанновны, то племянницы ея, двѣнадцати-лѣтней принцессы Анны. Но графъ Биренъ, носившій тогда званіе оберъ-камергера и пользовавшійся уже огромнымъ вліяніемъ, противодѣйствовала выдашъ инфанта, въ которыхъ принималъ участіе цесарскій посланникъ графъ Вратиславъ. Послѣдній съ большимъ трудомъ уговорилъ инфанта уѣхать изъ Москвы. Пропальная аудіенція Эммануилу дана императрицею 16 августа 1730 года. Ея величество подарила инфанту дорогую соболью шубу и хотѣла возложить на него андреевскій орденъ; но инфантъ отозвался, что будучи кавалеромъ Золотогоруна, не можетъ носить знаковъ св. Андрея, и вмѣсто ордена получилъ осыпанную алмазами тлугу Петра II, чѣмъ были недовольны русскіе придворные, находившіе, что Эммануилу довольно и шубы. Раздавъ больше чѣмъ на 12,000 руб. подарковъ, изъ которыхъ одному Бирену достался перстень тысячи въ три, Эммануилъ выѣхалъ изъ Москвы 19 августа. До ливонской границы его должны были сопровождать камергеръ, два камеръ-юнкера, капитанъ гвардіи и нѣсколько придворныхъ служителей, а путевыя издержки инфанта императрица приняла на свой счетъ. Но, къ неудовольствію русскаго двора, инфантъ ѣхалъ очень медленно и къ концу октября достигнулъ только Риги, гдѣ пробавлялся насчетъ города, затруднявшагося его содержаніемъ. Презираемый за это русскими дворянъ, Эммануилъ убѣждалъ русскую свиту оставаться при немъ въ Ригѣ, представляя, что такъ угодно самой императрицѣ. Но свита отъивалась повелѣніями состоять при инфантѣ известное время, по истеченіи котораго — вернуться въ Москву, и изъявляла готовность сопровождать инфанта до ливонской границы только въ та-

комъ случаѣ, если онъ опредѣлитъ день выѣзда своего изъ Риги, причѣмъ представляла, что въ Митавѣ, находившейся тогда внѣ русскихъ владѣній, онъ можетъ медлить сколько ему угодно. Эммануиль не внималъ ничему, громко говорилъ, что проживеть въ Ригѣ всю зиму, и отпавилъ въ Вѣну курьера, объявивъ, что станетъ дожидаться его возвращенія. Это обстоятельство еще болѣе усилило существовавшіи при русскомъ дворѣ подозрѣнія, что поступки инфанта въ Россіи одобряемы вѣнскимъ кабинетомъ, и всѣ увѣренія Австріи въ противномъ были нѣкоторое время недѣйствительны. Несмотря на то, что Эммануиль оставилъ Ригу гораздо ранѣе, нежели предполагалъ. Послѣ побѣдки въ Россію, Эммануиль являлся въ Варшаву, съ претензією на польскій престолъ и снова былъ въ Венгріи. Въ 1743 году Эммануиль вступилъ въ доминиканскій орденъ, но никогда не снималъ свѣтскаго платья.

(См. Исторія Государства Польскаго, Георга Самуила Бандтке, Спб. 1830, ч. II, стр. 442, пр. 95, и Materialien zu der russischen Geschichte, von Chr. Schmidt, genannt Phiseldek, Riga, 1784, II, 48—51.)

2

Андрей Ивановичъ Остерманъ, сынъ пастора, родился 30 мая 1686 года въ вестфальскомъ мѣстечкѣ Бовунѣ, но другимъ въ Эсселѣ учился въ Іенѣ, имѣлъ тамъ дуэль, на которой убили соперника своего студента, и спасся бѣгствомъ въ Голландію, гдѣ въ 1703 году познакомился съ русскимъ вице-адмираломъ Крюйсомъ и поступилъ къ нему въ камердинеры, по другимъ въ секретари, что вѣрнѣе, такъ какъ старшій братъ Остермана *Дмитрій* былъ уже въ то время воспитателемъ царевнѣ, дочерей умершаго царя Іоанна Алексѣевича, а родственникъ *Гюйссънъ* — наставникомъ царевича Алексѣя Петровича. Скорымъ и усѣбнымъ изученіемъ русскаго языка Остерманъ обратилъ на себя вниманіе государя Петра I, который въ 1707 году опредѣлилъ его въ посольскую канцелярію письмоводителемъ. Здѣсь, покровительствуемый Шафировымъ, Остерманъ быстро подвигался впередъ, и за участіе въ мирныхъ переговорахъ на рѣкѣ Прутѣ, 12 іюля 1711 года, произведенъ въ тайные секретари, а черезъ два года назначенъ русскимъ повѣреннымъ въ Берлинъ. Въ 1718 году Остерманъ, уже совѣтникъ посольской канцеляріи, былъ отправленъ вмѣстѣ съ генералъ-фельдцейхмейстеромъ Брюсомъ на аландскій конгрессъ, съ шведскими полномочными, прерванный смертью Карла XII. Въ 1719 году былъ посыланъ въ Стокгольмъ съ мирными предложеніями Петра, уступавшаго шведамъ всю Лифляндію, но возвратился безъ успѣха: предложенія не были приняты. Въ слѣдующемъ 1720 году Брюсъ и Остерманъ назначены русскими полномочными на конгрессъ въ Нейштаатъ, и тутъ, 30 августа 1721 года, подписали знаменитый нейштаатскій миръ, выгодами котораго Россія преимущественно обязана искусству и находчивости Остермана. Возведенный тогда въ баронское достоинство, Остерманъ получалъ еще

чиль тайнаго совѣтника, награжденъ деревнями и деньгами. Въ 1722 году вице-канцлеръ Шафировъ поссорился съ княземъ Меншиковымъ и дальновидный Остерманъ, втайнѣ завидовавшій своему благодѣтелю, вице-канцлеру, незамедлилъ передаться на сторону князя. Съ паденіемъ Шафирова, Остерманъ сдѣланъ сенаторомъ и членомъ иностранной коллегіи, участвовалъ въ 1723 году въ договорѣ съ Персіей, а по воцареніи Екатерины I произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и 24 ноября 1725 года пожалованъ вице-канцлеромъ. Въ 1726 году, при учрежденіи верховнаго тайнаго совѣта, превысившаго сенатъ, Остерманъ сдѣланъ однимъ изъ членовъ его. 1 января 1727 года получилъ андреевскую ленту и назначенъ, по предстательству Меншикова, обер-гофмейстеромъ и воспитателемъ внука Петра I, великаго князя Петра Алексѣевича. Тогда Остерманъ сочинилъ для своего питомца «Начертаніе ученій» и предложилъ императрицѣ сочетать великаго князя бракомъ съ цесаревною Елизаветою Петровною, несмотря на близкую степень родства и неравенство дѣтъ. Пользуясь до сихъ поръ покровительствомъ Меншикова, Остерманъ, съ воцареніемъ воспитанника своего Петра II (1727 г.) увидѣлъ себя при однихъ титулахъ, а всю власть и значеніе въ рукахъ одного Меншикова — и такъ же скоро извѣдиль этому благодѣтелю своему, какъ нѣкогда преждему, Шафирову. Орудіе Остермана, молодой князь Долгорукій, любимецъ Петра II, низвергъ Меншикова — и князь-генералиссимусъ, уже обручившій дочь свою съ императоромъ: былъ лишонъ чиновъ, имущества, сосланъ въ Березовъ (1727 г.). Въ кратковременное правленіе Петра II Остерманъ сблизился съ новыми временщиками Долгорукии и былъ въ тѣсномъ союзѣ съ Минихомъ противъ Голицыныхъ, замышлявшихъ изгнаніе изъ Россіи всѣхъ иностранцевъ. Неожиданная кончина императора Петра II 19 января 1730 г.), помолвленнаго на княжнѣ Долгорукой, смутила дворъ, раздѣлила его на партіи, подала поводъ къ разнымъ планамъ и предположеніямъ. Удаляясь отъ всего этого, осторожный Остерманъ сказался больнымъ и не принималъ никакого участія въ дѣлахъ до самаго избранія на престолъ императрицы Анны Іоанновны, весьма благоволившей къ Остерману, единственному члену верховнаго тайнаго совѣта, подписи котораго не было на актѣ объ ограниченіи самодержавія, уничтоженномъ съ пріѣздомъ императрицы въ Москву. Игралъ чрезвычайную роль во все десятилѣтнее царствованіе Анны Іоанновны. Остерманъ былъ сдѣланъ графомъ (27 апрѣля 1730 г.), членомъ ново-учрежденнаго кабинета (1731 г.), канцлеромъ (1734 г.), присовѣтовалъ императрицѣ объявить своимъ наследникомъ младенца Іоанна, сына Анны Леопольдовны, а регентомъ Россіи герцога Бирена, и по уничтоженіи регентства былъ ревностнымъ поборникомъ пользы Анны Леопольдовны, пожаловавшей Остермана въ генералъ-адмирала (1740 г.), пожертвовалъ своимъ видамъ старымъ другомъ, Минихомъ, котораго удалилъ отъ дѣлъ, наконецъ сочинилъ актъ о воцареніи Анны Леопольдовны, за что, по восшествіи на престолъ императрицы Елизаветы Петровны, провозглашенной войсками (1741), пострадалъ, былъ

судимъ, ввѣденъ на плаху, но помилованъ, сосланъ въ Березовъ и умеръ тамъ 20 мая 1747 года.

Остерманъ обладалъ умомъ рѣдкимъ, но хитрымъ и изворотливымъ, зналъ до тонкости состояніе современной ему Европы, никогда не ошибался въ своихъ политическихъ соображеніяхъ, съ неподражаемымъ искусствомъ велъ государственныя дѣла и обдѣлывалъ свои; говорилъ, особенно съ иностранными министрами, не иначе какъ загадками и полусловами, никогда не смотрѣлъ никому въ лицо, умѣлъ притворно плакать, изумлялъ всѣхъ своимъ трудолюбіемъ и безкорыстіемъ, но не терпѣлъ никого выше себя. Примѣрный отецъ и мужъ, Остерманъ въ домашней жизни своей былъ неопытенъ до отвращенія и скукъ, но любилъ хорошей столъ, продавалъ три четверти своего годового дохода, простиравшагося за 20,000, и обѣдая въ гостяхъ, возилъ съ собою свое вино, а за столомъ ставилъ собственнаго слугу. Никто и никогда не видалъ Остермана пьянымъ. Въ кругу друзей онъ слылъ *куцымъ* и, любя тайственность всякаго рода, утѣшался латинскою анаграммою своей фамиліи: *Nam resio* (въ такомъ случаѣ я остаюсь). Петръ I на смертномъ одрѣ сказалъ, что Остерманъ лучше другихъ министровъ зналъ истинную пользу русскаго государства и былъ для Россіи необходимъ. При Авиѣ, Остерманъ съ 1736 года не выѣзжалъ за болѣзнію со двора, но никакое государственное дѣло не обходилось безъ его главнаго участія. Графъ Остерманъ былъ женатъ на Марѣ Ивановнѣ Стрѣшневой (ум. 1781 г.), отъ брака съ которою имѣлъ двухъ сыновей, Федора и Павла, и дочь Анну, выданную, по изгнаніи отца, за подполковника Толстого, съ приданымъ въ 20,000 рублей, пожалованнымъ самою императрицею Елизаветою. Оба сына знаменитаго канцлера были впоследствии дѣйствительными тайными совѣтниками и андреевскими кавалерами, занимали мѣста одинъ — сенатора при Екатеринѣ II, другой — канцлера при Павлѣ I, и немѣтя дѣтей, ходатайствовали о дозволеніи передать свою фамилію съ титуломъ внуку родной ихъ сестры, подполковнику Александру Ивановичу Толстому, что и утверждено указомъ 27 ноября 1796 года. Старшій изъ братьевъ Остермановъ, еще при жизни отца и въ силу его значенія, получилъ александровскую ленту на восемнадцатомъ году своего возраста, послѣ и него отобранную и снова пожалованную много лѣтъ спустя. Этотъ Остерманъ прославился впоследствии между современниками своею необычайною разсвѣтностью.

(Словарь достопамятныхъ людей русской земли, Дм. Бантышъ-Каменскаго, Москва, 1836 г., ч. IV. — Записки локка Липійскаго, пер. Д. Языкова, Спб., 1845 г., стр. 118. — Записка англійскаго резидента Рондо о русскихъ вельможахъ 1730 г., въ Чтен. Общ. Истор. и Древн. Росс. при моск. унвер., 1861 г., II. — Россійская родословная книга, кн. II. Долгорукова, Спб. 1855, ч. II. — Историч. собраніе списковъ кавалеровъ русскаго ордена, 1814. — *Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français*. Berlin, 1858. — *Magazin für die neue Historie und Geographie*, von A. F. Büsching. Hamburg, 1769. II, 407—514. — Die

teilige Historie von Russland, v. E. K. Reihard Altona, 1752. S. 359—363).

3

Баронъ, потомъ графъ Карлъ Рейнгольдъ Левенвольдъ, сынъ тайнаго совѣтника и оберъ-гофмейстера двора супруги царевича Алексѣя Петровича, родился въ Ливоніи, смолodu служилъ камеръ-юнкеромъ при дворѣ императрицы Екатерины I и былъ любимцемъ этой государыни, которая, сдѣлавшись единодержавною, произвела Левенвольда въ камергеры (1725 г.), сдѣлала его графомъ (24 октября 1726 г.), кавалеромъ Александровскаго ордена (24 ноября 1726 г.) и украсила своимъ портретомъ (1727 г.). Незанимая особенно виднаго мѣста при дворѣ Петра II, графъ Левенвольдъ, по воцареніи Анны Іоанновны, сдѣланъ оберъ-гофмаршаломъ, получилъ въ 1732 г. андреевскую ленту, но кромѣ всякаго рода угожденій Бирену, не вмѣшивался въ постороннія дѣла. Съ паденіемъ регента, графъ Левенвольдъ противъ воли принялъ участіе въ занятіяхъ политическихъ, къ которымъ принадлежала его сама правительница, очень часто съ нимъ совѣщавшаяся и требовавшая его мнѣній. Изъявлявъ обще съ другими вельможами желаніе видѣть правительницу императрицею, графъ Левенвольдъ пострадалъ вмѣстѣ съ ними при переворотѣ, доставившемъ престолъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ (1741 г.), былъ сосланъ въ Соликамскъ (1742 г.), а оттуда переведенъ въ Ярославль, гдѣ и умеръ въ 1758 году. Графъ Левенвольдъ, обязанный своимъ счастіемъ женщинамъ, былъ уменъ, очень красивъ и благороденъ въ манерахъ, но чрезвычайно тщеславенъ и лукавъ; атеистъ и эгоистъ, онъ славился готовностію, привлекалъ къ себѣ обходительностію, носилъ личину вельможи великодушнаго, низкопоклонничалъ предъ всемогущимъ Биреномъ и разстроивалъ состояніе свое картежною игрою. Никто лучше Левенвольда не умѣлъ устраивать придворныхъ праздниковъ и никто успѣшнѣе его не одерживалъ побѣдъ надъ женщинами. Замѣчательно, что де-Лирія, Манштейнъ и князь Шаховской, лично и близко знавшіе графа Левенвольда, дѣлаютъ о немъ въ запискахъ своихъ отзывы совершенно противорѣчащіе одинъ другому.

(Словарь Баттышъ-Каменскаго, III. — Списокъ кавалеровъ россійскихъ орденовъ. — Записки дюка Лирійскаго, 123. — Записки кн. Якова Петровича Шаховскаго. Москва, 1810. I. 105—107. — Mémoires histor., polit. et milit. sur la Russie, par le général de Manstein. Leipzig, 1771, p. 419—436. — Anecdotes intéressantes de la cour de Russie. Londres, 1792.)

4

Овдовѣвъ (9 января 1714 года) послѣ 70-дневной брачной жизни съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, герцогомъ курляндскимъ, Анна Іоанновна имѣла многихъ жениховъ, но брачные переговоры, по равнымъ молч-

тическимъ обстоятельствамъ, не оканчивались ничѣмъ. Такъ въ 1717 году къ вдовствовавшей герцогинѣ курляндской сватался Іоаннъ-Адольфъ, герцогъ вейсенфельскій, а вскорѣ послѣ того Фридрихъ-Вильгельмъ, маркграфъ бранденбургъ-шведскій. Въ 1726 году чуть-чуть не женился на герцогинѣ курляндской графъ Морицъ-саксонскій, побочный сынъ польскаго короля Августа II, единственный женихъ, явившійся самой невѣстѣ: во этой свадьбѣ и избранію Морица въ герцога курляндскіе помѣшалъ сильный тогда Меншиковъ. Послѣ избранія Анны Іоанновны на русскій престолъ, являлся еще одинъ претендентъ на ея руку—Эммануэль, инфантъ португальскій. Этотъ былъ послѣдній, и отказавъ ему, императрица положила не выходить въ замужество.

(Дѣянія Петра Велик., Голикова, изд. 2, Т. VII и IX.—Mémoires du règne de Cathérine, La Haye, 1728. — Anecd. intéress. Londres, 1794.)

5

Анна Леопольдовна, по другимъ, и преимущественно иностраннымъ писателямъ—Карловна, дочь царевны Екатерины Іоанновны, сестры императрицы Анны и герцога мекленбургскаго Карла-Леопольда, родилась 7 декабря 1718 года, въ Ростокѣ, названа Елизаветою-Екатериною-Христиною, и въ 1722 году вывезена матерью въ Россію. Здѣсь дочь Екатерины Іоанновны, не пользовавшаяся никакою извѣстностью до самаго избранія тетки своей на престолъ, начала съ того времени упоминаваться въ официальной печати, но глухо, подъ именемъ принцессы мекленбургской, и только въ декабрѣ 1731 года впервые явилось въ Спб. Вѣд. имя принцессы Анны. Императрица приняла племянницу къ своему двору, избрала ея воспитательницею вдову французскаго генерала Адеркасъ, поручила Теофану Прокоповичу наставлять принцессу въ ученіи православной вѣры, и 12 мая 1733 года принцесса была миропомазана, наречена Анною, получила екатерининскій орденъ. Мѣсяцъ спустя Анна Леопольдовна потеряла мать (см. прил. 9), и на этомъ-то событіи иностранные писатели основываютъ небывалое усыновленіе племянницы теткою, опровергаемое тѣмъ, что Анна Леопольдовна до самой кончины императрицы называлась не иначе какъ принцессою мекленбургскою, и нося титулъ высочества, пользовалась прибавленіемъ къ нему *императорское* только въ тѣхъ случаяхъ, когда упоминалось о ней вѣстѣ съ цесаревною Елизаветою Петровною. Оставаясь нѣкоторое время цѣлью честолюбивыхъ намѣреній герцога Бирена, замышлявшаго женить на принцессѣ своего старшаго сына, Анна Леопольдовна 3 июля 1739 года была обѣнчана съ принцомъ Антономъ-Ульрихомъ брауншвейгъ-бевебергъ-люнебургскимъ, къ которому не чувствовала ни малѣйшей склонности, и 12 августа 1740 года родила сына Іоанна, объявленнаго 6 октября того же года великимъ княземъ и наследникомъ всероссійскаго престола, а 17 октября, въ день кончины Анны Іоанновны, провозглашеннаго императоромъ подъ опекою регента

Бирена. Регентъ тогда же предложилъ матери императора титулъ императорскаго высочества и 200.000 руб. годового содержанія. Но въ дни регентства Анна Леопольдовна вмѣстѣ съ мужемъ подверглась разнымъ стѣсненіямъ и оскорбленіямъ со стороны герцога Бирена, арестовала его, съ помощію Миниха, въ ночь на 9 ноября 1740 года, была въ тотъ же день объявлена правительницею государства, и 10 ноября, возложивъ на себя андреевскій орденъ, приняла титулъ великой княгини. Правленіе Анны Леопольдовны ознаменовалось кротостью и мѣръ внутри государства и успѣхами русскаго оружія въ предѣлахъ Швеціи, но вслѣдствіе беспорядочнаго теченія дѣлъ и неудержимой борьбы придворныхъ партій, не было продолжительно. Въ ночь на 25 ноября 1741 года Анна Леопольдовна, готовившаяся, по предложенію Остермана и нѣкоторыхъ вельможъ, провозгласить себя со-императрицею, была арестована именемъ новой императрицы Елисаветы Петровны и лишена титула правительницы. Сначала ее съ мужемъ и двумя дѣтьми отправили было за границу, но остановили въ Ригѣ и заключили въ тамошней цитадели; черезъ годъ перевели въ Динамиль, гдѣ Анна Леопольдовна родила вторую дочь; еще черезъ годъ отвезли въ Раниенбургъ и отсюда, по разлученіи съ младенцемъ-сыномъ, бывшимъ императоромъ, — въ Холмогоры. Здѣсь Анна Леопольдовна пробыла полтора года, дала жизнь еще двумъ принцамъ и скончалась 7 марта 1746 года. Тѣло ея, немедленно перевезенное въ Петербургъ, погребено 21 марта съ большою церемоніею въ благовѣщенской церкви Александроневскаго монастыря. При статномъ ростѣ и иловидныхъ чертахъ лица, отличавшагося бѣлзною, еще выгодиѣе отбѣляемою темнокаштановыми волосами, Анна Леопольдовна имѣла характера слабый, кроткій, безпечный, не была способна властвовать, избѣгала занятій государственныхъ дѣлами, боялась и удалила Миниха, не любила мужа, чувствовала неодолимую страсть къ саксонскому посланнику графу Динару, сосрелоточивала всѣ симпатіи свои на одной камеръ-фрейлинѣ Юліанѣ Менгенъ, и до самаго 25 ноября не вѣрила многократнымъ предостереженіямъ о близости готовившагося переворота. Доброта души и степень легкомыслія Анны Леопольдовны видны изъ того, что она въ самую ночь своего низложенія объявляла искреннюю радость о совершеніи переворота по крайней мѣрѣ безъ кровопролитія, а нѣсколько дней спустя, на запросъ отъ имени императрицы: какой желаетъ милости? просила, забывая и себя и семейство, объ одномъ — не разлучать съ нею Юліаны Менгенъ. По памяти бывшей правительницы, какъ страдалницы, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ участія.

(Записки гр. Миниха, сына фельдмаршала. С. Петерб. 1817.—О портретахъ Анны Леопольдовны, статья г. Куника, въ Уч. Зап. Имп. Акад. Наукъ, по I и II отд., 1859, т. I, вып. 4. — Описи секретнымъ бумагамъ, до принца и принцессы брауншвейгъ-люнебургскихъ относящихся, въ Чтен. Общ. Истор. и Древн., 1861 г. II, смѣсь. — С. Пет. Вѣд. 1740—1741 г. — Extraits des dépêches. Berlin, 1858. — Mémoires de Hanstein, 1771. — Voyage en Sibérie, par M. l'abbé Chappe d'Auteroche.

Amsterdam, 1760, II. — Geschichte des russischen Staats, v. E. Hermann, Hamburg, 1853, IV—V. — Denkwürdigkeiten des petersburger Hofes Leipzig, 1845.)

6

Право набирать себѣ наследника было предоставлено русскимъ самодержцамъ известнымъ узаконеніемъ императора Петра I, обнародованнымъ 5 февраля 1722 года, съ приложеніемъ къ нему особо сочиненнаго на этотъ случай трактата, подъ названіемъ «Правда воли монаршей», авторъ котораго, новгородскій архіепископъ Феофанъ Прокоповичъ, приводилъ въ подкрѣпленіе царской мысли *сорокъ семь* свидѣтельствъ изъ священнаго писанія, философовъ древнихъ и новыхъ, и разныхъ другихъ сочиненій.

(См. Полное Собраніе Законовъ, изд. 1830, Т. VI. — Правда воли монаршей, въ опредѣленіи наследника державы своей и пр. Москва, 1722, въ листъ, церковн. буквами.)

7

Карлъ-Леопольдъ, герцогъ мекленбургъ-шверинскій, родился 1/10 ноября 1677 года; вступилъ въ бракъ съ царицею Екатериною Ивановною 8 апрѣля 1716 года въ Данцигѣ, разведясь предварительно съ первою своею женою, Софьею-Гелвигой, принцессою пассау-фрисландской. Человѣкъ нрава безпокойнаго и крайне взбалмошный, герцогъ былъ ненавидимъ своими подданными, обращался съ ними чрезвычайно дурно и грубыми поступками удалилъ отъ себя Екатерину Ивановну, которая въ 1722 году оставила мужа и съ младенцемъ-дочерью прѣѣхала обратно въ Россію. Послѣ того императоръ Петръ I нѣсколько разъ приглашалъ герцога въ Россію, обѣщая ему почетъ и хорошее содержаніе, даже посылалъ за нимъ нарочныхъ, напримѣръ въ 1723 году генерала Бона; но герцогъ въ Россію не былъ. Въ томъ же 1723 году германскій императоръ Карлъ VI намѣревался лишить Карла-Леопольда владѣній за его непокорность и отдать Мекленбургію брату герцога, Христиану-Людвигу; а между собственными подданными герцога открылся заговоръ на его жизнь и стоилъ головы тайному совѣтнику Вольфрату, казненному Карломъ-Леопольдомъ въ Демницѣ. Въ 1730 году, когда члены верховнаго тайнаго совѣта недоумѣвали кого призвать на русскій престолъ, осиротѣвшій смертью Петра II, избраніе царицы Екатерины Ивановны, старшей дочери царя Іоанна Алексѣевича, не состоялось потому собственно, что опасались вѣшательства въ государственныя дѣла мужа ея, герцога Карла-Леопольда, дурной нравъ котораго былъ всѣмъ извѣстенъ. Переживъ жену и дочь, несчастную Анну Леопольдовну, Карлъ Леопольдъ умеръ въ Демницѣ 1/10 ноября 1747 г.

(Поденная записка Петра-великаго 1772. т. II. — О портретахъ Анны Леопольдовны, статья г. Куника, въ Уч. Зап. Имп. Акад. Наукъ, 1859. —

Мѣсяцесловы с. петербург. академіи за разные годы первой половины XVIII в. — С. Пет. Вѣд. 1747 г.)

8

Здѣсь подразумѣвается *прагматическая санкція* — знаменитое узаконеніе римскаго императора Карла VI, изданное въ 1713 году и состоявшее въ томъ, что императоръ, у котораго не было сыновей, объявлялъ наследницею австрійскихъ владѣній свою старшую дочь Марію-Терезію, впоследствии королеву венгеро-богемскую и императрицу римскую. Это узаконеніе, тогда же принятое имперскими чинами, было еще при жизни императора гарантировано многими европейскими державами. Но по смерти Карла VI въ 1740 году, прагматическая санкція произвела множество недоумѣній и несогласій и вовлекла половину Европы въ войну, окончившуюся въ 1748 году ахенскимъ миромъ.

9

Екатерина Іоанновна, старшая сестра императрицы Анны, дочь царя Іоанна Алексѣевича и царицы Прасковьи Федоровны, изъ рода Салтыковыхъ, родилась 29 октября 1692 года, а 8 апрѣля 1716 года выдана въ замужество за Карла-Леопольда, герцога мекленбургъ-шверинскаго, котораго оставила въ 1722 году, и съ дочерью возвратилась въ Россію. Съ тѣхъ поръ герцогиня уже не выѣзжала изъ отечества, не выдалась съ мужемъ и жила то въ Измайловѣ, то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, но востановивъ при своей матерѣ, которой была любимицею. Въ 1730 г., когда члены верховнаго тайнаго совѣта искали преемника умершему императору Петру II, герцогиня Екатерина Іоанновна, мужа которой никто не любилъ и всѣ описали, была обойдена избраніемъ, и императрицею объявлена младшая ея сестра Анна, вдовствовавшая тогда герцогиня курляндская. Окончательно переселись въ 1732 году въ Петербургъ, Екатерина Іоанновна пользовалась здѣсь содержаніемъ по 30,000 рублей въ годъ и здѣсь же скончалась 14 іюня 1733 года, а десять дней спустя, погребена въ благовѣщенской церкви Александроневскаго монастыря. Герцогиня мекленбургская имѣла характеръ живой и чрезвычайно веселой, не могла похвалиться красотою, была низка ростомъ и очень толста, не отличалась скромностью, особенно въ разговорахъ, и очень любила шарды.

(Древняя Россійская Вивліюника, изд. Новикова. Т. XI. — Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца, переводъ Аммона. Москва, 1859—1860, ч. II—IV. — Зап. дюка Лирійск., перев. Языкова. 1845, 116. — Иньема деи Рондо. С Петерб., 1836, 45. — О портретахъ Анны Леопольдовны, ст. Буника, въ Учен. Зап. Имп. Ак. Наукъ, 1839. — Полн. Собр. Зак., изд. 1830 г., Т. VIII, ук. 4 дек. 1731. — Materialien zu der russischen Geschichte, v. Schmidt-Phiseldk. Riga. 1784. S. 9)

Баренъ говоритъ о *Варлаамъ*, прежнемъ начальникѣ Троицкаго-Данилова монастыря, что въ Переславль-Залѣскомъ, переведенномъ оттуда съ 1726 года архимандритомъ въ Троицко-Сергіевъ монастырь, нынѣшнюю Лавру, и здѣсь въ 1730 году избранномъ въ духовники къ императрицѣ. Этотъ Варлаамъ, чрезъ котораго разнымъ иѣстамъ и лицамъ объявлялись многіе высочайшіе указы, былъ въ свое время человекомъ весьма вліятельнымъ. Такъ наиримѣръ по его просьбѣ, указомъ 15 іюля 1730 года, возвращены Троицкой лаврѣ все села и деревни, отчисленные при Петрѣ I на обзаведеніе новоустроеннаго въ Петербургѣ Александроневскаго монастыря, а въ 1733 году, когда 5 апрѣля императрица утвердила росписаніе, кому изъ петербургскихъ знатныхъ лицъ должны быть отпускаемы по востребованіямъ казенныя суда отъ адмиралтейства, показанъ въ числѣ знати и Варлаамъ: ему положена одна восьмивесельная шлюпка, безъ гребцовъ. Въ 1732 году, императрица подарила Варлааму приморскую дачу сестры своей царевны Прасковьи Іоанновны, умершей въ 1731 году, и Варлаамъ въ 1734 году соорудилъ здѣсь возлѣ каменнаго домика царевны деревянную церковь съ кельями для монашествующихъ. Такъ произошла нынѣшняя Сергіевская пустынь въ 18 верстахъ отъ Петербурга, первоначально приписанная Варлаамомъ къ Троицко-Сергіеву монастырю. Архимандритъ Варлаамъ, носившій званіе члена святѣйшаго синода, умеръ въ 1737 году и погребенъ въ созданной имъ пустыни, съ правой стороны алтара Сергіевской церкви. Въ порядкѣ архимандритовъ Троицко-Сергіевскаго монастыря, духовникъ императрицы Анны значится Варлаамомъ II.

(Историческое описаніе Святотроицкія Сергіевы лавры. Москва, 1850, с. 123. — Свѣдѣніе о существующихъ въ Россіи лаврахъ и монастыряхъ. Москва, 1850, с. 127. — Полн. Собр. Закон., изд. 1830 г. Т. IX, ук. 5 апр. 1733 г.; т. X, ук. 23 апр. 1740 г.)

Высочайшій указъ о бытіи кабинета послѣдовалъ 10 ноября 1731 года. Это учрежденіе получило первенство надъ сенатомъ, который остался при одномъ титулѣ правительствующаго, возвращенномъ ему императрицею Анією 4 марта 1730 года, послѣ четырехлѣтняго именованія высокимъ (съ 12 марта 1726 года). Иногда кабинетъ посылалъ указы въ губерніи и провинціи, вовсе не увѣдомляя о томъ сенатъ, и послѣдній долженъ былъ отъ себя уже предписывать губернскимъ и провинціальнымъ начальствамъ о высылкѣ къ нему, для вѣдома, копій съ кабинетскихъ указовъ. Составъ кабинета всегда былъ трехчленный, и вымершіе члены немедленно замѣщались другими: все оны назывались кабинетъ-министрами. Что касается штата канцелярскихъ чиновниковъ при кабинетѣ, онъ цѣмѣнялся. Такъ до сентября 1739 года

кабинетскую канцелярію составляли: 1 секретарь, 1 камериръ, 2 канцеляриста и нѣсколько помѣщиковъ, а съ сентября 1739 года въ ней назначено присутствовать: 2 секретарямъ, 1 камериру и 4 канцеляристамъ, копіистамъ же повелѣно не быть. 3 декабря 1741 года, т. е. чрезъ 9 дней по воцареніи императрицы Елизаветы Петровны, сенатъ подалъ ея величеству докладъ, въ которомъ между прочимъ значилось, что по причинѣ учрежденія кабинета произошло многое упущеніе дѣлъ государственныхъ, внутреннихъ, всякаго званія, а правосудіе уже и весьма въ слабость пришло. Вслѣдствіе этого доклада, высочайшимъ указомъ 12 декабря 1741 года повелѣно кабинетъ, бывший до сего времени, отставить.

(Шолн. Собр. Законовъ, изд. 1830 г., т. VIII, ст. 5871.; т. IX, 7078. — Севастскіе указы 1741 г.).

12

Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ, впоследствии графъ, сынъ боярина Ивана Семеновича и Марьи Васильевны, по отцу Лихаревой, родился въ 1660 году. Происходя изъ семьи небогатыхъ алексинскихъ помѣщиковъ, Головкинъ съ отрочества жилъ въ домѣ князя Ивана Никитича Хованскаго и обязанъ началомъ своего возвышенія браку двоюродной племянницы и крестницы своей, Натальи Кириловны Нарышкиной, съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Въ 1677 году Головкинъ былъ взятъ ко двору въ спальники; въ 1682 году былъ сдѣланъ постельничимъ; въ 1686 году комнатнымъ стольникомъ; въ 1689 году окольнымъ и управляющимъ мастерскою палатой, что нынче оружейная, въ Москвѣ; наименованъ потомъ верховнымъ комнатнымъ и въ 1692 году получилъ боярское достоинство. Давно уже близкій къ царю Петру, Головкинъ сопутствовалъ ему въ азовскихъ походахъ, подвизался съ нимъ въ началѣ шведской войны, особенно отличился 17 мая 1703 года при разбитіи въ устьяхъ Невы флотиліи шведскаго вице-адмирала Нумберса, и въ тотъ же день получилъ андреевскую ленту. По смерти графа Головина въ 1706 году, Головкинъ началъ исправлять должность посольскихъ дѣлъ президента; возведенъ 1707 года императоромъ Іосифомъ I въ графское римской имперіи достоинство, а 15 іюля 1709 года объявленъ графомъ российской имперіи и въ тотъ же день пожалованъ канцлеромъ. Въ 1711 году Головкинъ былъ съ Петромъ у рѣки Прута, и тамъ заключилъ мирный договоръ съ визиремъ; въ 1713 г. назначенъ председателемъ комиссіи для изслѣдованія и искорененія злоупотребленій по казеннымъ подрядамъ; въ 1717 г., во время высочайшаго путешествія за границу, выходилъ съ Екатериной I въ Амстердакъ, и въ 1719 г. сопровождалъ Петра въ Финляндію. Въ день торжественнаго иейштатскаго мира, 22 октября 1721 г., Головкинъ отъ лица сената, чиновъ и народа, подалъ Петру титулъ отца отечества, Петра Великаго, императора, и говорилъ государю рѣчь. При Екатеринѣ I Головкинъ, сохранивъ званіе канцлера, поклонился Меншикову, и въ день утвержденія

верховнаго тайнаго совѣта, 8 февраля 1726 г., сдѣлавъ третьимъ его членомъ; въ царствованіе Петра II велъ дружбу съ сильными тогда Долгорукими. Въ 1730 г., когда избирали на престолъ Анну Іоанновну, Головкинъ подписалъ сначала актъ ограниченія власти, потомъ прошеніе о воспріятіи самодержавія, былъ 10 ноября 1731 г. назначенъ первымъ членомъ учрежденнаго въ тотъ день кабинета и 20 января 1734 г. умеръ въ Петербургѣ, а похороненъ въ Серпуховскомъ Высоцкомъ монастырѣ, съ предками. Втеченіи канцлерской службы своей графъ Головкинъ заключилъ и подписалъ *сорокъ девять* договоровъ и трактатовъ съ дворами и министрами тринадцати еуропейскихъ державъ. Соединяя здравый разсудокъ съ хорошимъ по тому времени образованіемъ, графъ Головкинъ былъ скромнень, честень, дѣтеленъ, остороженъ, искусень въ дѣлахъ дипломатическихкихъ, мужественъ въ битвѣ, пріятень въ обращеніи, придерживался старыхъ обычаевъ, и хотя докъ де-Лирія отъзывается о Головкинѣ, что его упрекнуть ни въ чемъ нельзя, но несправедливое рѣшеніе дѣла Искры и Кочубея въ пользу Мавены останется навсегда упрекомъ памяти канцлера, извѣстнаго кромѣ того своею необычайною скупостью и такою же любостыжательностью. Канцлеръ графъ Головкинъ былъ женатъ на Домнѣ Андреевнѣ Дивовой (ум. 1727 г.) и имѣлъ отъ нея шесть человекъ дѣтей: 1) Ивана, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, умершаго въ 1734 году; 2) Александра, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и андреевскаго кавалера, ум. 1760 года, 3) Михаила (о немъ см. прим. 60); 4) Наталью, умершую въ 1726 году, за генераль-аншефомъ княземъ Борятинскимъ; 5) Анну (о ней см. прим. 73); 6) Анастасью, ум. 1733 года за княземъ Никитой Юрлевичемъ Трубецкимъ.

(Словарь достопамят. люд. рус. земли, Бантыша-Каменскаго Москва, 1836, ч. II. — Исторія Малой Россіи, его же. Москва, 1842, ч. III, 58—82. — Историческое обозрѣніе объ Уніи, Н. Бант.-Каменск. Москва, 1805, с. 159—191; 212. — Дѣян. Петр. Вел., Голикова. — Опытъ жизни сановниковъ, управлявшихъ иностр. дѣлами въ Россіи, соч. Терещенко. С. Петерб. 1837, II. — Дневникъ Берхгольца. I, II, IV. — Записки дюка Лирійскаго, 117. — Зап. англ. резид. Ровдо о рус. вельможахъ 1730 г., въ Чтен. Общ. Истор. и Древн., 1861, II. — Росс. родослов. книга, князя Н. Долгорукаго, 1857, IV. — Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français. Berlin, 1858, 23.)

Князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, сынъ боярина князя Михаила Яковлевича и Марѣи Никитичны, по отцу княжны Одоевской, родился 28 сентября 1680 года, и въ 1702 году, будучи уже ближнимъ стольникомъ, опредѣленъ въ помощники къ своему отцу, тобольскому воеводѣ, при которомъ служилъ десять лѣтъ, а въ 1714 году вызванъ Петромъ I въ Петербургъ и здѣсь назначенъ членомъ комиссіи городскихъ строеній. Съ 1719 года по 1724 годъ, князь Черкасскій снова служилъ

въ Сибирь губернаторомъ. Екатерина I сдѣлала его въ 1720 году сенаторомъ, а Петръ II въ 1727 году пожаловалъ въ тайные совѣтники. Въ эпоху избранія на русскій престолъ Анны Иоанновны, въ 1730 году, князь Черкасскій, богатѣйшій по количеству душъ помѣщикъ въ Россіи, предводилъ партіей дворянъ, просившихъ императрицу объ уничтоженіи ограниченій царской власти, условленныхъ членами верховнаго тайнаго совѣта. Тогда же произведенный въ дѣйствительные тайные совѣтники, князь Черкасскій, 22 марта 1730 года, первый изъ всѣхъ, въ царствованіе Анны Иоанновны, получилъ андреевскую ленту, а въ 1731 году сдѣланъ однимъ изъ трехъ кабинетъ-министровъ. Мѣтливый, но осторожный, князь Черкасскій ни въ чемъ не противорѣчилъ Бирену, и заискивая его расположеніе, успѣлъ, втеченіи трехмѣсячнаго регентства, подслужиться герцогу тѣмъ, что выдалъ ему тайну многихъ лицъ, довѣрчиво обратившихся къ князю съ просьбою помочь ему въ низложеніи страшнаго регента. Несчастные подверглись чудовищнымъ пыткамъ, и несмотря на это, князь Черкасскій при новомъ переворотѣ облеченъ правительницею въ санъ великаго канцлера (10 ноября 1740 года), сохранилъ это званіе и по воцареніи Елизаветы Петровны, но около года спустя, умеръ въ Москвѣ 4 ноября 1742 года, и 7 декабря погребенъ въ высочайшемъ приустройствѣ, подъ знаменской церковью московскаго новоспасскаго монастыря. Князь Черкасскій былъ честенъ, безкорыстенъ, застѣчивъ до робости, но лѣнивъ, самолюбивъ, сухъ, мелоченъ, не терпѣлъ совѣстничества, не любилъ заниматься дѣлами, презиралъ европейскія нововведенія, и поддаваясь всѣмъ и каждому, умѣлъ удержаться при всѣхъ перемѣнахъ, въ то время весьма частыхъ. Историкъ Щербатовъ изъясняется о Черкасскомъ: «сей человекъ молчаливый, тихій, коего разумъ никогда въ великихъ чинахъ не блисталъ, повсюду являлъ осторожность», а Вольфскій добавляетъ къ этому: «нынѣ его (Черкаскаго) поставятъ, а на завтра постригутъ; онъ за все, про все молчитъ и ничего не говоритъ». Какъ кабинетъ-министръ, князь Черкасскій подписалъ торговый договоръ съ Англіею (1734 г.), а въ званіи канцлера — два трактата: съ прусскимъ дворомъ, 16 апрѣля 1740 года, и съ англійскимъ, 3 апрѣля 1741 года. Князь Черкасскій былъ женатъ два раза: 1) на Аграфѣѣ Львовѣ Нарышкиной (ум. въ 1700 г.), 2) на княжнѣ Марьѣ Юрьевнѣ Трубецкой (ум. 1747 г.), имѣлъ всего четырехъ дѣтей и оставилъ, отъ втораго брака, одну дочь, Варвару Алексѣевну, которая состояла камеръ-фрейлявою высочайшаго двора, считалась самой богатой невестой въ Россіи, была сватана отцомъ за славнаго сатирика князя Антиоха Дмитриевича Кантемира, отказавшагося отъ женитьбы на комъ бы то ни было и вышла, съ приданнымъ въ семьдесятъ тысячъ душъ, за графа Петра Борисовича Шереметева, имѣвшаго столько же, вслѣдствіе чего и образовалось громадное шереметевское состояніе.

(Словарь достопамя. людей русск. земли, Бант.-Каменск. 1836, ч. V. — Опытъ обзорѣнія жизни сановниковъ, управлявш. иностран. дѣлами въ Россіи, Терещенко. 1837, ч. II. — Записки дюка Дирійскаго. 1845,

с. 122. — Письма леди Рондо. 1836, с. 98. — Записки Нащокина, 1842, с. 32. — Россійск. родослови. книга, кн. П. Долгорукаго. 1855, ч. II. — Сиб. Вѣд. 1740. — Списокъ кавалер. росс. орденовъ, 1814. — Anecdotes intéress. Londres, 1792. — Extraits des dépêches. Berlin, 1858. — Hermann's Geschichte des russischen Staats. Hamburg, 1853. V, S. 13—14.)

Феофан Прокоповичъ, архіепископъ новгородскій, принадлежать къ числу извѣстѣйшихъ сотрудниковъ Петра I и ученѣйшихъ русскихъ іерарховъ. Онъ происходилъ изъ кулическаго званія, родился 8 іюня 1681 года въ Кіевѣ и названъ Елеазаромъ. Осиротѣвъ въ младенчествѣ, онъ на 8 году возраста потерялъ пріютившаго его дяю, кіевскаго іеромонаха Феофана Прокоповича, и былъ призрѣвъ однимъ изъ сердобольныхъ кіевскихъ гражданъ, который платилъ за ученіе Елеазара въ кіевской академіи. Въ 1698 году Елеазаръ отправился въ Литву, гдѣ процвѣтали тогда униатскія училища, но небывъ принятъ ни въ одно, какъ православный, назвался униатомъ, вступилъ даже въ братство Битевскаго базилианскаго монастыря, причемъ нарѣченъ Елисеемъ, и вскорѣ переведенъ въ главное училище, бывшее въ г. Владимірѣ-Волынскомъ. Здѣсь отличные успѣхи новаго самозванца-униата обратили на него вниманіе провинціала и Елисей отправленъ въ римскую академію, гдѣ пробылъ три года, но по обстоятельствамъ не окончилъ курса. Оставивъ Римъ, Елеазаръ-Елисей подъ видомъ путешественника возвратился чрезъ Венецію и Австрію въ Польшу, пришло въ православный Почаевскій монастырь и тутъ постригся, принявъ имя Самуила. Въ 1704 году кіевскій митрополитъ Варлаамъ Ясинскій перевалъ Самуила къ себѣ и сдѣлалъ его учителемъ стихотворства въ кіевской академіи. Академическая служба Самуила — переименовавшася съ 1705 года, въ честь благодѣтеля-леди, Феофаномъ — продолжалась около 7 лѣтъ и состояла въ преподаваніи духовному юношеству реторики и философіи, ариметики и геометріи, даже физики. По втеченіи этого времени Феофанъ, съ 1707 года преемствъ академіи, успѣлъ проложить дорогу и къ собственному возвыщенію: въ 1706 году онъ въ присутствіи Петра, посѣтившаго Кіевъ, отличился весьма краснорѣчивою проповѣдью; въ 1709 году, въ томъ же Кіевѣ, привѣтствовалъ полтавскаго побѣдителя великодушнымъ панегирикомъ, а потомъ всенародно произнесъ «похвальное слово» князю Меншикову, сказавъ между прочимъ гордому временщику: «мы въ Александрѣ видимъ Петра, и его священнѣйшему величеству въ твоёмъ лицѣ поклоняемся». Карьера Феофана была сдѣлана. Въ 1711 году онъ сопровождалъ государя въ прутскій походъ, назначенъ игуменомъ кіево-братскаго монастыря и ректоромъ академіи, а въ 1716 году, уже страдая каменною болѣзью, переселился по высочайшему повелѣнію въ Петербургъ, и тутъ начался рядъ проповѣ-

лей краснорѣчиваго витія, которыми съ того времени ознаменовывались всѣ торжественные случаи эпохи Петра и ближайшихъ его преемниковъ. 2 іюня 1718 года Ѳеофанъ, въ высочайшемъ присутствіи, протоиссанъ въ епископы псковскіе и новгородскіе, и тогда же, въ званіи есобаго отличія, получилъ саккосъ, котораго не имѣли всѣ прочіе епископы, священнодѣйствовавшіе въ челони, съ однимъ только омоворомъ. Въ 1719 году Ѳеофанъ по порученію государя написалъ «Духовный регламентъ», воздвигъ на себя гоненіе мѣстоблюстителя патриаршаго престола Стефана Яворскаго, былъ имъ занодозрѣвъ въ неправославіи, но защищенный государемъ, остался непримиримымъ врагомъ Стефана и въ 1720 году возведенъ въ санъ архіепископа, а въ 1721 году сдѣланъ вице-президентомъ новоучрежденнаго святѣйшаго синода. Въ 1722 году Ѳеофанъ, повинувшись волѣ Петра, писалъ «о духовномъ причтѣ», «монахахъ», монастырскихъ доходахъ и россійскихъ іерархахъ вообще, что все исправлялось и утверждалось самими государемъ. Въ 1724 году Ѳеофанъ былъ первымъ священнодѣйствующимъ лицомъ при коронованіи императрицы Екатерины I, несмотря на то, что въ Россіи находилось тогда нѣсколько іерарховъ, старѣйшихъ архіепископа новгородскаго. Утѣшивъ и пріобщивъ на смертномъ одрѣ своего монарха и благодѣтеля, Ѳеофанъ, связанный тѣсною дружбою съ Меншиковыми, былъ по кончинѣ Петра однимъ изъ главнѣйшихъ виновниковъ провозглашенія самодержицею императрицы Екатерины I, короновалъ преемника ея, императора Петра II, и два раза обручалъ его то съ княжонъ Меншиковой, то съ княжонъ Долгорукой. Въ 1730 году, при избраніи императрицы Анны Іоанновны, Ѳеофанъ, тайно отъ членовъ верховнаго совѣта, отправилъ въ Митаву увѣдомленіе о замыслахъ вельможъ, недовѣрлялъ присяжнымъ формамъ, изготовленнымъ въ тайномъ совѣтѣ, явился однимъ изъ первыхъ противниковъ мысли объ ограниченіи самодержавія, заслужилъ тѣмъ наибольшее довѣріе новозбранной императрицы, ликовалъ, когда дворяне просили Анну властвовать «по примѣру предковъ» и торжественно короновалъ ее, 28 апрѣля. Сохраняя при Аннѣ все вліяніе свое, Ѳеофанъ, авторъ «Правды воли монаршей», убѣдилъ императрицу подписать манифестъ о признаніи наследникомъ того, кого избересть ея величество, занесивалъ въ Биренѣ, дружилъ Остерману, водился со всѣми нѣмцами-вельможами, предавалъ суду и пыткамъ Ѳеофилакта, архіепископа тверскаго, сочлена своего по синоду и опаснаго соперника по сочиненіямъ духовнаго содержания, и умеръ 8 сентября 1736 года отъ каменной болѣзни. Тѣло его погребено въ ризничной палатѣ новгородскаго софійскаго собора. Архиабство умный и весьма просвѣщенный, писатель едва ли не плодотвѣннѣйшій изъ всѣхъ русскихъ іерарховъ, Ѳеофанъ имѣлъ характеръ хитрый, властолюбивый, мстительный и жестокой, обвинялся современниками въ неправославіи и склонности къ ученію лютеранскому. Но постоянно развивав правительственныя идеи Петра, въ формахъ по тому времени увлекательныхъ, Ѳеофанъ умѣлъ производить сильное впечатлѣніе на

слушателей и читателей, предубѣждалъ въ пользу царскихъ нововведеній мнѣніе общественное, и такимъ образомъ шолъ впередъ преобразованій, былъ ревностнымъ сподвижникомъ преобразователя. Изъ множества сочиненій Теофана, въ родахъ поучительномъ, историческомъ, юридическомъ, ученомъ и изящномъ, издано на русскомъ и латинскомъ языкахъ до 50 книгъ и трактатовъ, да осталось въ рукописи 26, не считая стихотвореній, пѣсней и романсовъ. Знаменитѣею изъ проповѣдей Теофана считается та, которую началъ, но не договорилъ витія въ день погребенія Петра. «Что се есть? воскликнулъ тогда Теофанъ: — до чего мы дожили, о россияне? Что видимъ? что делаемъ? Петра Великаго погребаемъ!» — и не могъ продолжать, залгся слезами, соединивъ ихъ съ рыданіями всѣхъ слушателей. Есть преданіе, что умирая, Теофанъ приставилъ ко лбу указательный палецъ и произнесъ: «о главо, главо! разума упившись, куда ся приклонишь?»

(Словарь достопамят. людей рус. земли, Бант.-Каменскаго. Москва, 1847, ч. VIII. — Словарь историч. о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина, соч. митроп. Евгенія. С. Петерб., 1818, ч. II. — Древн. Рос. Вивлюенка, Новикова. IX, с. 484 и д. — Vie d'Alexandre I, empereur de Russie. Paris 1826, 244. (Fragments sur la Russie).)

15 .

Манифестъ о присягѣ будущему наслѣднику подписанъ государыней 17 декабря 1731 года. Онъ отпечатанъ церковными буквами. — См. Пол. Собр. Законовъ, изд. 1830, т. VIII, ст. 5909 и 5910.

16

Московская придворная типографія, о которой говоритъ Биренъ, была, подъ названіемъ *верхней*, учреждена въ кремлевскомъ дворцѣ Симеономъ Полоцкимъ, въ царствованіе питомца его Федора Алексѣевича, и первая книга, отпечатанная здѣсь, въ 1680 году, была «Тестаментъ Василія, царя греческаго». Домъ же Теофана Прокоповича, находившійся въ 1731 году въ части Москвы, называемой Бѣлымъ-городомъ, между улицами Срѣтенской и Мясницкой, въ приходѣ церкви святыхъ мучениковъ Фрола и Лавра, сгорѣлъ въ страшный троицкій пожаръ 1737 года, и съ нимъ вѣроятно погибла *верхняя* типографія; о ней по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ нигдѣ и ничего не упоминается.

(Опытъ россійской библиографіи, Вас. Сопикова. С. Петерб. 1813, ч. I, стр. LXXXI—LXXXII. — Описаніе новгородскаго архіерейскаго дома, соч. архим. Макарія. С. Петерб., 1857, с. 65—66.)

17

Это происходило въ Москвѣ, 19 декабря 1731 года; а 9 января 1732 года императрица выѣхала въ Петербургъ, и въ Москву больше не возвращалась.

(Дѣла архива 1.-го. измайловскаго полка, приказный журналъ 1731 г. — С. Петерб. Вѣдомости 1732 г.)

Карль-Густавъ Левенвольдъ, впоследствии графъ, старшій братъ Карла-Рейнгольда (см. прим. 3), былъ, въ чинѣ подполковника, генераль-адъютантомъ императора Петра I, и не одинъ разъ посылался государемъ за границу, съ разными дипломатическими порученіями. Такъ въ 1718 году онъ ѣздилъ въ Вѣну, просить объ отзывѣ изъ Россіи австрійскаго резидента Шейера, вмѣшивавшагося въ семейныя дѣла Петра, а въ 1723 г. привезъ въ Петербургъ двухъ юныхъ принцевъ гессенъ-гомбургскихъ, родныхъ братьевъ, тогда же определенныхъ въ русскую службу. Въ царствованіе Екатерины I, особенно благоволившей къ младшему Левенвольду, Карль-Густавъ, уже бригадиръ, возведенъ вмѣстѣ съ братомъ въ графское достоинство российской имперіи, 24 октября 1726 года, и по кончинѣ императрицы удалился въ Днѣляндію, гдѣ проживалъ ни при чемъ теченіи всего кратковременнаго царствованія императора Петра II. Но въ 1730 году, получивъ отъ брата своего, каморгера, вѣсть о избравшіи на русскій престолъ герцогини курляндской и готовившихся ей условіяхъ, Левенвольдъ поскакалъ въ Митаву, поздравилъ и предвѣрилъ обо всемъ Анну и успѣлъ выѣхать оттуда ранѣе пріѣзда московской депутаціи. Таково усердіе не осталось безъ награды. Императрица объявила Левенвольда своимъ генераль-адъютантомъ, генераль-майоромъ и полковникомъ лейбъ-гвардіи измайловскаго полка, учрежденнаго 22 сентября 1730 года, а 1 января 1731 года пожаловала новаго любимца генераль-поручикомъ, и Левенвольдъ, облеченный правами полномочнаго министра, тогда же отправился въ Вѣну, хлопотать о православыихъ въ Польшѣ, притѣсняемыхъ поляками. 1 января 1732 года Левенвольдъ, невозвращавшійся еще изъ-за границы, слѣланъ оберъ-штабмейстеромъ, и вскорѣ по прибытіи въ Петербургъ снова поѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ 13 декабря 1732 года заключилъ съ цесарскимъ и прусскимъ министрами тайный договоръ о будущихъ судьбахъ Польши и Курляндіи. Плодомъ этого путешествія Левенвольда былъ вызовъ и пріѣздъ въ Россію, 11 февраля 1733 года, принца Антона-Ульриха брауншвейгъ-бевеиъ-люнебургскаго, будущаго супруга Анны Леопольдовны. Когда же въ 1733 году умеръ польскій король Августъ II, Левенвольдъ, едва успѣвшій прибыть въ Петербургъ, отправленъ въ Варшаву, — съ жалованьемъ по 100 р. на день и повелѣніемъ, — объявить Рѣчи-Посполитой, что Станиславъ Лещинскій, рекомендованный въ польскіе короли французскимъ министромъ, кардиналомъ Флѣри, не можетъ и не долженъ быть избранъ. Но въ Варшавѣ Левенвольда не слушали, и онъ въ маѣ пріѣхалъ въ Петербургъ, а въ іюлѣ отправился въ Варшаву съ новыми наставленіями, заключилъ тамъ въ августѣ союзный договоръ съ министрами цесарскимъ и саксонскимъ, и въ сентябрѣ, несмотря на противодействие приверженцевъ Лещинскаго,

успѣлъ согласить избирательный сеймъ къ провозглашенію королемъ польскимъ курфирста саксонскаго, который подъ именемъ Августа III и былъ коронованъ въ Краковѣ, въ январѣ 1734 года. Исполнивъ свое дѣло, Левенвольдъ награжденъ 21 декабря 1733 года орденомъ святого Андрея, проѣхалъ изъ Кракова въ Вѣну, склонять цесаря къ содѣйствию Россіи въ предназначаемой войнѣ съ турками, возвратился въ Петербургъ больной, и получивъ дозволеніе лечиться, умеръ въ Ряпинской мызѣ своей, подъ Дерптомъ, 30 апрѣля 1735 года. Человѣкъ завѣдомо отважный и рѣшительный, министръ весьма способный, начальникъ хотя и строгій, но за справедливость любимый подчиненными, Карлъ-Густавъ-Левенвольдъ, льстецъ и фаворитъ Бирева, былъ постояненъ какъ нѣмецъ въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, вездѣ и всегда выдвигалъ впередъ однихъ иностранцевъ, славился извѣстностью игрока и въ тоже время скряги, преданнаго взяточничеству; но, раздѣляя съ патрономъ своимъ, Биреномъ, страсть къ лошадямъ, оказалъ нѣкоторыя услуги русскому коннозаводству. Испанскій посолъ дюк де-Лирія, знавшій Левенвольда по дворцу, свидѣтельствуетъ, что онъ былъ живъ, а Нащокинъ, офицеръ измайловскаго полка, говоритъ въ своихъ запискахъ, что такой человѣкъ, какъ оный графъ Левенвольдъ, съ справедливыми поступками и зѣло съ великимъ постоянствомъ, съ силой, съ столь великими добродѣтелями, рѣдко рожденъ быть можетъ.

(Словарь достопамят. людей рус. земли, Бант.-Каменскаго, 1847, ч. III. — Дневникъ Берхольца, 1858 г., ч. I и II. — Записки дюка Лирійскаго, 1845, 123. — Записки Нащокина, 1842, с. 34, 40. — Записки Мивиха-сына, 1817. — Списокъ военнымъ генераламъ съ Петра I до Екатерины II, 1809. — Историч. собр. списковъ кавалерамъ росс. орденовъ, 1814. — Дѣла архива г.-в. измайловскаго полка за 1730—1735 годы. — Anecdotes intéress. de la cour de Russie. Londres, 1792. — Materialien zu der russischen Geschichte, v. Schmidt-Phiseldk. Riga, 1784).

Іоаннъ-Христофоръ-Дитрихъ-Остерманъ. старшій братъ канцлера, прибылъ въ Россію ранѣе 1703 года и опредѣлился учителемъ къ царевнамъ Екатериѣ, Аннѣ и Прасковѣ Іоанновнамъ. Когда старшая изъ нихъ, Екатерина, вышла въ 1716 году замужъ, то супругъ ея, герцогъ Карлъ-Леопольдъ мекленбургскій, возвелъ бывшаго воспитателя молодой герцогини въ баронское достоинство, пожаловалъ его своимъ тайнымъ совѣтникомъ и призналъ мекленбургскимъ посломъ въ Россію. Далѣе этого званія, не пользовавшагося большимъ почетомъ ни при Петрѣ, ни послѣ Петра, Дитрихъ Остерманъ не пошолъ, хотя въ царствованіе Петра II и получилъ александровскую ленту (25 февраля 1729 года). По востшествіи на престолъ Анны Іоанновны, герцогъ мекленбургскій, давно уже разставшійся съ женою, но негодовавшій на предпочтеніе ей младшей сестры, не считалъ нужнымъ имѣть посланника

при дворѣ свояченицы, и оставилъ Дитриха Остермана безъ всякаго содержанія. Сжался надъ положеніемъ экс-министра, немѣшаго никакихъ средствъ, императрица Анна Іоанновна повелѣла выдавать бывшему наставнику своему по 300 рублей въ мѣсяць. Этою суммою, въ то время весьма немалою, Остерманъ безбѣдно и уединенно проживалъ до новаго переворота, доставившаго корону императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Тогда обстоятельства перемѣнились, и 29 декабря 1741 года, Дитриху Остерману, брату обвиненнаго канцлера, велѣно немедленно оставить Россію. Бѣднякъ, лишѣнный послѣднихъ средствъ къ жизни, поспѣшилъ исполнить повелѣніе, отправился въ какую-то нѣмецкую землячку, и тамъ въ 1744 году умеръ. Немѣша никакихъ дарованій своего брата, Дитрихъ Остерманъ не пользовался никакимъ значеніемъ, не приобрѣлъ ничьего уваженія, предпочиталъ всему спокойствіе частнаго человѣка, и любя подобно брату объясняться загадками, почиталъ себя весьма умнымъ человѣкомъ, хотя, по мнѣнію дюка де-Лирія, былъ величайшій глупецъ.

(Дневникъ Вергольца. 1858, II, с. 288, 303. — Записки дюка Лирійскаго, 1845, с. 134. — *Russische Günstlinge*. Tübingen, 1809, S. 83—84.)

20

Карлъ-Фридрихъ-Вильгельмъ, маркграфъ бранденбургъ-ансбахскій, родился 1713 года, умеръ до 1758 года. Былъ женатъ на Фридерикъ-Луизѣ, сестрѣ прусскаго короля Фридриха II, и имѣлъ сына Христиана-Фридриха-Вильгельма-Александра, который родился въ 1736 году, а въ 1790 году продалъ свое владѣніе Пруссіи.

(Мѣсяцословы академическіе за равные годы первой половины XVIII вѣка. — *Dictionnaire universel d'histoire et de géographie*, par M. N. Bouillet. Paris, 1857, p. 83)

21

Названіе *бевеискаго* впервые принялъ нѣкто *Кламоргъ*, владѣвшій въ 903 году помѣстьемъ *Бевеормъ*, нынѣшнимъ городкомъ въ голландскій округъ герцогства брауншвейгскаго, лежащимъ по дорогѣ изъ Гольдмюдена въ Эшергаузенъ, неподалеку отъ рѣки Везера. Помѣстье *Кламора* утало въ исходѣ XVI вѣка и бевеиское помѣстье, по праву наслѣдства, перешло къ владѣтелямъ минхаузенскимъ, а отъ нихъ, въ половинѣ XVII вѣка, въ домъ брауншвейгъ-люнебургъ-вольфенбиттельскій. Фердинандъ-Альбрехтъ, принадлежавшій къ этому дому, переселился въ Бевериъ и тамъ положилъ начало новой герцогской линіи брауншвейгъ-люнебургъ-бевеиской, прекратившей свое существованіе въ 1809 году.

(*Dictionn. univers. d'hist. et de géogr.*, par Bouillet. Paris, 1857, p. 213. — *Allgem. histor. Lexicon*, Leipzig. 1730, T. I., S. 517).

Принцъ Антонъ-Ульрихъ брауншвейгъ-бевеиъ-люнебургскій, сынъ герцога Фердинанда-Альбрехта и герцогини Амалии-Антуанеты вольфенбиттельскихъ (см. прим. 21), родился 21 августа 1714 года въ Бевеиъ. Римскій императоръ Карлъ VI, за которымъ была родная сестра матери Антона-Ульриха, желалъ устроить къ лучшему судьбу женина племянника и при первыхъ слухахъ о надѣвевіи русской императрицы прислать племянницѣ жениха, началъ дѣйствовать въ видахъ собственной политики и вслѣдствіе стараться, чтобы выборъ русскаго двора палъ на Антона-Ульриха. Представленія о томъ вѣискаго кабинета, поддержанныя выгодною рекомендаціею графа Левенвольда (см. прим. 18), имѣли успѣхъ, и принцъ брауншвейгъ-бевеиъ-люнебургскій былъ приглашонъ въ Россію, пріѣхалъ въ Петербургъ 2 февраля 1733 года, и въ томъ же году сдѣланъ полковникомъ кирасирскаго полка, названнаго бевеиъскимъ (см. прим. 23). Въ 1737 году принцъ служилъ волонтеромъ въ арміи Миниха, и за отличіе при взятіи Очакова произведенъ въ генералъ-майоры. За участіе въ походѣ 1738 года пожалованъ премьеръ-майоромъ семеновскаго полка и орденами: святаго Александра невскаго (8 ноября) и святаго Андрея первозваннаго (28 ноября). Въ 1739 году іюля 3 принцъ обвѣчанъ съ Анной Леопольдовной, произведенъ 14 февраля 1740 года въ подполковники семеновскаго полка, съ чиномъ генералъ-лейтенанта, и 12 августа былъ обрадованъ рожденіемъ сына — принца Іоанна, который 6 октября былъ признакъ наследникомъ всероссійскаго престола, а 17 декабря, во случаю кончины императрицы Анны Іоанновны, провозглашонъ императоромъ. Это обстоятельство не спасло принца Антона отъ разныхъ притѣсненій и оскорбленій, которымъ подвергся онъ со стороны Бирена, въ трехвѣдѣльное регентство герцога. 9 ноября 1740 года Биренъ былъ арестованъ и низложенъ, и на другой же день принцъ Антонъ объявленъ генералиссимусомъ, съ титуломъ императорскаго высочества. Новый государственный переворотъ, произведенный 25 ноября 1741 года въ пользу цесаревны Елизаветы, лишилъ младенца Іоанна короны, а отца его — свободы. Арестованный со всѣмъ семействомъ, принцъ Антонъ былъ отправленъ въ Ригу и тамъ заключенъ; послѣдовательно перевозился отсюда въ Динамидъ, Раніенбургъ и Холмогоры, потерялъ здѣсь жену (умершую въ 1746 году), оплакалъ сына, бывшаго императора, давно уже разлученнаго съ отцомъ и погибшаго съ 1764 году въ Шмиссельбургѣ; хотомъ ослабъ и скончался въ 1774 году мая 4. Остатки несчастнаго узника погребены въ Холмогорахъ, у алтара усненской церкви, но на могилѣ его нѣтъ памятника. Дѣти Антона-Ульриха, принцы *Петръ* и *Алексій* и принцесы *Екатерина* и *Елизавета* освобождены перанѣ 1780 года и отпущены въ городъ *Горзенскъ*, въ Ютландіи, съ пенсіею, на всѣхъ около 32,000 рублей въ годъ. Принцеса Екатерина жила долѣе всѣхъ своихъ братьевъ и сестеръ и умерла въ

1807 году въ Горзенсѣ, 66 лѣтъ. Принцъ Антонъ-Ульрихъ имѣлъ доброе сердце, былъ храбръ на ратномъ полѣ, но въ совѣтѣ робокъ и застѣнчивъ; заключеніе свое переносилъ сначала вѣтерпѣливо и безпрестанно укорялъ жену въ постигшемъ ихъ несчастіи; но овдовѣвъ, вооружился мужествомъ, посвятилъ себя дѣтямъ и не хотѣлъ разстаться съ ними, когда въ 1762 году императрица Екатерина II предлагала свободный выѣздъ изъ Россіи ему одному. Кромѣ четырехъ принцевъ и принцесъ, принцъ Антонъ-Ульрихъ оставилъ нѣсколько побочныхъ дѣтей, котораз не были перевезены въ Ютландію и остались въ Россіи на особой пенсіи.

(Біографіи російскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршала, Д. Баттышъ-Каменскаго. Спб., 1840, ч. I. — Письма леди Рондо, Спб., 1836, с. 116 и д. — Записки Митиха-сына. Спб., 1817, с. 115, 133 и д. — О портретахъ Анны Леопольдовны, Кунина, въ Уч. Зап. Им. Ак. Наукъ за 1850. — Описи секрети. бумагана, до принца и принцесъ Брауншвейгъ-люнебургскихъ относящихся, въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. за 1861, кн. II. — О брауншв. фамиліи, ст. Волынова, въ Труд. Росс. Ак. за 1840 г., ч. I, с. 108. — С. Петерб. Вѣдомости 1733—1741 г. — Mémoires de Manstein. Leipzig, 1771. — Extraits des dépêches. Berlin, 1858. — Hermann's Geschichte des russischen Staats. Hamburg, 1858, IV. — Geschichte Peters des Dritten, Kaisers von Russl. 1700, II, S. 28 u. s. w.)

23

Этотъ полкъ былъ первоначально учрежденъ при Петрѣ I въ 1704 г. и названъ тогда драгунскимъ князя Григорія Волконскаго, потомъ ярославскимъ драгунскимъ полкомъ. Екатерина I переименовала ярославскихъ драгунъ въ новгородскіе, но въ томъ же 1727 году Петръ II возвратилъ полку прежнее его наименованіе, а императрица Анна Иоанновна, указомъ 1 ноября 1732 года, повелѣла переформировать ярославскій драгунскій полкъ въ *третій кирасирскій*, что и исполнено Милекомъ. Съ назначеніемъ принца Антона-Ульриха подполковникомъ третьяго кирасирскаго полка, посаданій, указомъ 21 іюля 1733 года, названъ безврасскимъ кирасирскимъ полкомъ, потомъ въ 1738 году брауншвейгскимъ кирасирскимъ, и сѣмьинъ еще восемь разъ свое именованіе, называется теперь лейбъ-гвардіи кирасирскимъ его величества полкомъ. По званію полковника, принцъ Антонъ-Ульрихъ долженъ былъ получать въ годъ 840 рублей жалованья и 30 раціоновъ, или са мнѣхъ денегъ 162 рубль.

(Хроника російской императорской арміи. Спб., 1852, ч. I, с. 168 и д. — Исторія лейбъ-гв. кирасирскаго его имп. вел. полка. Спб., 1833 г.)

24

Елизавета-Христина, дочь герцога брауншвейгъ-вольфенбиттельскаго Лудвига-Рудольфа, жена римскаго императора Карла VI и родная сестра Антона-Ульриха. Это мѣсто записки Бирена служитъ между прочимъ

указаніемъ времени; въ которое она составлена. Герцогъ называетъ императрицу покойною, а Елизавета-Христина умерла 21 дек. 1750 г., 59 лѣтъ. Слѣдовательно записка Бирена составлена вѣроятно 1750 года.

Петръ Биренъ, наслѣдннй принцъ, а впоследствии герцогъ курляндскій, родился 4 февраля 1724 года въ Митавѣ, гдѣ отецъ его былъ ближайшимъ придворнымъ вдовствовавшей герцогини курляндской Анны Леопольдовны. Избраніе послѣдней на русскій престолъ проложило семейству Биреновъ, пользовавшемуся въ Курляндіи даже правами дворянства, путь къ непомятому возвышенію. 12 августа 1730 года императоръ Карлъ VI возвелъ оберъ-камергера Бирена съ дѣтьми въ графское достоинство римской имперіи, а 16 февраля 1731 года осыпавшій Петръ Биренъ пожалованъ прямо въ ротмистры мннхова яросирскаго полка. Съ избраніемъ оберъ-камергера графа Бирена въ герцоги курляндскіе, послѣдовавшимъ 2 іюня 1737 года, сынъ его Петръ сталъ именоваться наслѣднмъ принцемъ; въ 1739 году былъ сватанъ отцомъ въ принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, но неудачно, и 14 февраля 1740 года, при празднованіи турецкаго мира, получилъ алмазные знаки андреевскаго ордена. Въ самый день кончины императрицы Анны Леопольдовны, 17 октября 1740 года, Петръ Биренъ назначенъ подполковникомъ конной гвардіи и носилъ это званіе до переворота 9 ноября, прекратившаго преемство герцога курляндскаго. 2 января 1741 года герцогъ Биренъ признавъ государственнымъ преступникомъ, достойнымъ смерти, и 13 іюля отправленъ изъ Шлиссельбурга, гдѣ содержался со всѣмъ семействомъ, въ Пельмъ, на вѣчное житье. Петръ, лишенный чиновъ и орденовъ, послѣдовалъ за отцомъ, и въ 1742 году вмѣстѣ съ нимъ перевезенъ изъ Пельмы въ Ярославль, назначенный, по повелѣнію императрицы Елизаветы Петровны, мѣстомъ заключенія изгнанниковъ. Въсѣ Петръ прожилъ около двадцати лѣтъ. Императоръ Петръ III, взошедшій въ 1761 году, даровалъ прощеніе Биренамъ, призвалъ ихъ въ Петербургъ, и 2 апрѣля 1762 года пожаловалъ Петра генерал-майоромъ, съ назначеніемъ въ шефъ-одного изъ кирасирскихъ полковъ, а 9 іюня возвратилъ ему александровскій орденъ. Императрица Екатерина II, сдѣлавшись самодержицею 22 августа 1762 года, отдала бывшему герцогу его герцогство, а Петру — титулъ наслѣднаго принца, и Бирены на другой же день выѣхали изъ Петербурга въ Курляндію. 13 іюля 1764 года, при посѣщеніи императрицею Митавы, Петръ Биренъ получилъ изъ рукъ ея величества андреевскій орденъ, въ 1766 году женился на принцессѣ вальдекской, а въ 1769 году замѣнилъ въ управленіи герцогствомъ своего одрачлившаго отца и сталъ писаться въ календаряхъ владѣющимъ. По смерти герцога въ 1772 году, Петръ Биренъ наслѣдовалъ его титулъ, двадцать три года былъ герцогомъ курляндскимъ, и 20 марта 1795 года уступилъ свое владѣніе императрицѣ Екатеринѣ II, которая, издавъ 4 апрѣля того же года манифестъ

о присоединеніи Курляндіи на вѣчныя времена къ Россіи, заплатила Петру Бирену 500,000 червонцевъ за его помѣстья въ герцогствѣ и опредѣлила ежегодно выдавать ему по 25,000 червонцевъ. Тогда эскерцогъ купилъ себѣ помѣстье Саганъ, въ ливонскомъ округѣ прусской Силезіи, и умеръ тамъ 2 января 1800 года, а бальзамированный трупъ его перевезенъ въ Митаву, гдѣ, наряду съ тѣлами прочихъ членовъ регента семейства, долго хранился безъ погребенія въ зданіи такъ называемаго митавскаго замка и даже въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія показывался всѣмъ желающимъ. Герцогъ Петръ Биренъ, имѣвшій право «еще погорячѣ отцовскаго», былъ женатъ три раза: 1) на принцессѣ Каролинѣ-Луизѣ вальдекской (род. 1749 г., ум. 1772 г.); 2) на княжнѣ Евдокии Борисовнѣ Юсуповой, умершей 1780 года и 3) на графинѣ Аннѣ-Шарлоттѣ-Доротей фонъ-Медемъ (род. 1761 г., ум. 1822 г.), но имѣлъ дѣтей только отъ третьей жены — сына *Петра*, умершаго въ младенчествѣ, и четырехъ дочерей: 1) *Юанну-Екатерину*, за Францемъ Пиньятели де-Бельмонтъ, герцогомъ ачерензскимъ (d'Assenza); 2) *Марію Луизу-Паулину*, за принцемъ гогенцоллернъ-герингенскимъ Фердинандомъ-Германомъ-Оттономъ; 3) *Шарлотту-Фредерику* и 4) *Доротейю*, за французскимъ генералъ-лейтенантомъ княземъ Талейраномъ-Перигоромъ, герцогомъ Дино. Старшая и младшая изъ дочерей Петра Бирена въ 1836 году были еще въ живыхъ.

(Письма ееди Рондо. Спб., 1836, 117. — Записка объ Артеміи Волынскомъ, въ Чтен. Общ. Ист. и Древн., 1858, кн. II. — Дѣянія Екатерины II, соч. Колотова. Спб., 1811, ч. VI, с. 57 и д. — Исторія 1-го коннаго полка, соч. Анненкова, Спб., 1849, ч. III. — Списокъ военнымъ генераламъ, 1809. — Списокъ кавалер. рос. ордена, 1814. — С. Петерб. Вѣдомости 1730 — 1741 г. — Anecd. intéress. de la cour de Russie. Londres, 1792. — Extraits des dépêches. Berlin, 1838, p. 51, 53. — Gothaischer genealogischer Hof Kalender за разные годы.)

26

Въ этомъ случаѣ нельзя на-слово вѣрить герцогу: извѣстное его честолюбіе сильно говоритъ за возможность такого намѣренія, приписываемаго Бирену большею частью источниковъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

27

Г. Куникъ, имѣвшій въ рукахъ сочиненіе Бирена, на нѣмецкомъ языкѣ, переводитъ это мѣсто такъ: «пора выдать замужъ принцессу: она начинаетъ сильно поляѣтъ». — См. о портретахъ Анны Леопольдовны въ Уч. Зап. Имв. Ак. Наукъ за 1859 годъ, т. I вып. 4.

28

Этотъ образъ мыслей императрица заявляла герцогу въ 1739 году.

Несчастія императора Карла VI, пользанъ котораго востоянно сочувствовала Россія, начался съ 1733 года, когда императоръ, взявъ сторону польскаго короля Августа III, былъ вовлеченъ чрезъ это въ войну съ Франціею, Испаніею и Сардиніею, стоявшими за Станислава Лещинскаго; узнавъ о пораженіи арміи своихъ, сначала при Парижѣ, потомъ при Гвасталлѣ (1734 г.); лишился знаменитаго полководца принца Евгенія (1736 г.); потерялъ Лотарингію и Неаполь, уступленные вѣвскихъ трактатомъ 1738 года Франціи и дошъ-Карлосу, а въ 1739 году увидѣлъ въ своихъ придунайскихъ владѣніяхъ многочисленную турецкую армію и съ ней цѣлыя орды татаръ. Это новое нападеніе стоило Карлу VI новыхъ уступокъ, и къ туркамъ, по Бѣлградскому миру, заключенному въ томъ же году, отошли отъ имперіи Валахія и Сербія, съ городами Бѣлградомъ и Сабачемъ.

(См. Dictionn. univers. d'hist. et de géogr., par Bouillet. Paris, 1857, p. 358.)

Вѣнчаніе принца и принцесы происходило 3 іюля 1739 года, въ церкви рожества Богородицы, стоявшей на мѣстѣ нынѣшняго Казаискаго собора, и отправлялась съ великолѣпіемъ, невиданнымъ до того въ Петербургѣ.

(См. письма леди Рондо, Спб., 1836, с. 122 и д — Камеръ-фурьерскій журналъ за 1739 годъ).

Это былъ принцъ *Іоаннъ Антоновичъ*, извѣстный своею печальною судьбою. Онъ родился 12 августа 1740 года. 6 октября того же года объявленъ великимъ княземъ и наследникомъ всероссійскаго престола, а 17 октября, въ день смерти Анны Іоанновны, — императоромъ. Три первыхъ недѣль его царствованія отмѣчены въ русской исторіи именемъ *регента* герцога *Бирена*, а все остальное время, продолжавшееся вѣдь и двѣ недѣли, составляетъ эпоху *правленія принцесы Анны Леопольдовны брауншвейгъ-люнебургской*, матери императора. Въ ночь на 25 ноября 1741 года преобразенцы провозгласили цесаревну Елизавету Петровну императрицею, и младенецъ Іоаннъ, лежавшій еще въ колыбели, былъ лишился короны. Тогда начался его несчастія. Перевозимый, со всѣмъ брауншвейгскимъ семействомъ, изъ Петербурга въ Ригу, изъ Риги въ Динамиду, изъ Динамиды въ Равенбургъ, Іоаннъ былъ здѣсь разлученъ съ отцомъ и матерью, отправленъ отдѣльно отъ нихъ въ Холмогоры, и тамъ, невидимый никѣмъ, сохранился подъ именемъ *извѣстнаго младенца*, а потомъ *извѣстной персоны* до пятнадцатилѣтняго возраста. Около 1756 года Іоаннъ, какъ думаютъ въкоторыя, былъ подстрекнутъ къ побѣгу какими-то монахомъ,

доль съ нимъ изъ Холмогоръ, достигъ Смоленска, но здѣсь сквачень, и въ 1756 году привезень въ Шлиссельбургъ. Относительно жизни Иоанна въ этой крѣпости показанія писателей расходятся: одни утверждаютъ, что принцъ содержался добродѣтельно и даже былъ просвѣщаемъ науками, въ которыхъ неуспѣвалъ; другіе, и большая часть, свидѣтельствуютъ, что Иоаннъ содержался въ полномъ одиночествѣ, не слышалъ человѣческаго голоса, не видалъ въ своемъ казематѣ дневного свѣта. Но извѣстно, что въ царствованіе Елизаветы Петровны принцъ Иоаннъ былъ два раза привозимъ въ Петербургъ, гдѣ въ домахъ Шувалова и Воронцова видѣлся и говорилъ съ императрицею, некая кто его собесѣдница, а въ царствованіе Петра III удостоился даже посѣщенія самого императора, который, тронувшись положеніемъ несчастнаго молодого человѣка, желалъ, но не успѣлъ облегчить его участь. По восшествіи на престолъ императрицы Екатерины II, къ принцу Иоанну были приставлены два старые инвалида, капитанъ Власевъ и поручикъ Чекинъ, получившіе предписаніе призирать и соблюдать принца, но снабженные ктому же и особыми секретными инструкціями. Въ 1764 году, когда Василій Мировичъ, подпоручикъ смоленскаго пѣхотнаго полка, намѣревавшійся освободить узника и возвратитъ ему престолъ, сталъ 5 іюля осаждать съ своею караульною командою казематъ принца, приставы испугались мятежа, и выполняя данную имъ инструкцію, немедленно закололи Иоанна. Тѣло несчастнаго правнука царя Иоанна Алексѣевича, положенное сначала въ шлиссельбургской крѣпостной церкви, привлекало къ себѣ толпы сострадательныхъ посѣтителей и потому было заперто, а впоследствии отвезено въ большой тихвинскій-богородицкій монастырь, гдѣ, по сказанію старожиловъ, погребено въ паперти усненскаго собора, при самомъ входѣ. Пишутъ, что принцъ Иоаннъ Антоновичъ былъ юноша весьма дѣльнаго сложенія и красивой наружности, но не умѣлъ ни писать, ни читать, сдѣлался отъ постоянного одиночества задумчивымъ, походилъ на помѣшаннаго и развлекался однимъ — холилъ свою бороду, которою обросъ въ заключеніи. Ревнитель принца, Мировичъ также окончилъ трагически: 15 сентября 1764 года ему въ Петербургѣ отрублена голова и тѣло сожжено съ ашафотомъ.

(Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи, съ кончины Петра-великаго до вступленія на престолъ Елизаветы Петровны, Ведомейера. С. Петерб., 1835, ч. III. — Дѣянія Екатерины II, Колотова. 1811, ч. I, стр. 162. — Обзоръ царствованія и свойствъ Екатерины великой, Сумарокова. 1832, ч. I, с. 114—119. — Зерцало российскихъ государей, Мальгина. С. Петерб., 1794, с. 506. Труды Росс. Акад., 1840, ч. I, с. 108. — Описи секретныхъ бумагамъ, до принца и принцесы брауншвейг-люнебургск. относящ., въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1861, кн. II. — О портретахъ Анны Леопольдовны, въ Уч. Зап. Импер. Академіи Наукъ за 1859. — С. Петерб. Вѣдомости 1740—1741. — Историко-статистич. описаніе тихвинскаго богородицкаго монастыря, С. Петерб., 1859, с. 109 и прим. 100. — Полн. Собр. Зак., изд. 1830, т.

XVI, стр. 12,228 и 12,241. — Mémoires de Manstein, 1771, p. 423. — Histoire de la vie, du règne et du détronement d'Iwan III. Londres, 1766. — Extraits des dépêches, Berlin, 1858, p. 234 etc. — Denkwürdigkeiten des petersburger Hofes. Leipzig, 1853. — Geschichte Peters des Dritten. II, S. 81—174.)

32

Последнюю болѣзнь императрицы, давно страдавшей камнемъ, Рихтеръ объясняетъ летучею ломотою, къ которой передъ самой смертью присоединилось кровохарканье. — См. исторію медицины въ Россіи, В. Рихтера, изд. 1820 г., ч. III, стр. 232.

33

Это случилось 5 октября 1740 года, въ то самое время, когда императрица по обыкновенію сидѣла за обѣдомъ съ Биреномъ и его женою.

34

Іоаннъ-Бернардъ Фишеръ, сынъ врача, служившаго впоследствии въ Россіи, родился 1685 года въ Любекѣ, учился въ Галле, Іенѣ и Лейденѣ, въ 1710 году возвратился съ докторскою степенію къ отцу, въ Ригу, занимался здѣсь практикою; въ 1733 году сдѣланъ штатдт-физикомъ, а въ 1734 году произведенъ въ лейбъ-медики и назначенъ архіатеромъ, то-есть начальникомъ всего медицинскаго вѣдомства въ Россіи, съ жалованьемъ по 7,000 рублей въ годъ. Въ этой почетной должности Фишеръ исполнялъ обязанность свою съ большимъ усердіемъ, учредилъ уѣздныхъ лекарей, создалъ полевыя аптеки, возобновилъ древній аптекарскій садъ въ Москвѣ и завелъ новый въ Петербургѣ, остановилъ чуму, свирѣпствовавшую въ 1738 году въ Украинѣ, но удаленъ изъ службы въ 1742 году, когда воцарившаяся императрица Елизавета Петровна назначила приверженца своего, Лестока, главнымъ директоромъ медицинской канцеляріи, — и умеръ въ 1792 году въ помѣстьѣ своемъ Гинтербергенѣ, около Риги. Четвертый и послѣдній русскій архіатеръ, Фишеръ былъ извѣстенъ какъ врачъ весьма ученый и чрезвычайно добросовѣстный и стяжалъ уваженіе своихъ современниковъ. Императоръ Карлъ VI прислалъ Фишеру грамоту на дворянское достоинство, а императрица Анна Іоанновна подарила ему домъ на Фоптанкѣ, принадлежавшій до того герцогинѣ мекленбургской Екатериинѣ Іоанновнѣ. Послѣ Фишера осталось болѣе двадцати напечатанныхъ сочиненій и одно въ рукописи. Сынъ его *Іоаннъ-Венѣминъ* воспитывался съ дѣтьми Бирена и умеръ въ 1759 году, козжскимъ ассессоромъ. — См. Исторія медицины въ Россіи, В. Рихтера. Москва, 1820 г., ч. III, с. 270—279.

Антоніо-Рибейро Санхецъ, родомъ изъ Португаліи, опредѣлился въ русскую службу въ 1731 году; былъ въ 1737 году главнымъ докторомъ кадетскаго корпуса, а въ 1740 году пожалованъ правительницею Анною Леопольдовною въ лейбъ-медики и назначенъ состоять при младшии императорѣ Іоаннѣ, для врачебныхъ услугъ которому получилъ 5 ноября особую письменную инструкцію. Съ паденіемъ правительницы Санхецъ не потерялъ ничего, оставаясь вторымъ лейбъ-медикомъ двора императрицы Елизаветы Петровны, пожалованъ въ 1744 году чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, но въ 1747 году испросилъ увольненіе, уѣхалъ изъ Россіи и до самой смерти жилъ въ Парижѣ. Санхецъ, какъ врачъ, пользовался особымъ довѣріемъ правительницы, которая даже изъ Риги присылала на его просмотръ рецепты, прописываемые состоявшимъ при ней докторомъ Аццаритти (см. прим. 63). Онъ же былъ домовымъ врачомъ извѣстнаго несчастливца, кабинетъ-министра Вольнскаго, котораго посѣщалъ и въ заточеніи. Многотомная бібліотека Санхеца, купленная у него Елизаветой Петровной, вошла впоследствии въ составъ императорской публичной бібліотеки и значительно обогатила ея медицинскій отдѣлъ. Изъ сочиненій Санхеца особенно замѣчательны два: *о русскихъ баняхъ* и *о происхожденіи сифилитической болѣзни*, изданныя оба на латинскомъ языкѣ, съ переводомъ впоследствии перваго на русскій языкъ.

(Исторія медицины въ Россіи, Рихтера. 1820, ч. III, с. 263—266.— Записка объ Артеміи Вольнскомъ, въ Чтен. Общ. Ист. и Др. 1858, кн. II. — Описи секретн. бумагъ, до пр. браушв. относящ., въ Чтен. Общ. Ист. и Дрени, 1861, кн. II. — С. Петерб. Вѣд. 1744 г.)

Юліана Мендгенъ, извѣстная наперсница Анны Леопольдовны, дочь голландскаго ландмаршала Густава Магнуса Менгдена отъ брака его съ Доротеею-Софіею фонъ-Розенъ, родилась 22 мая 1719 года. Когда именно поступила она въ придворный штатъ, достовѣрно неизвѣстно; но чрезвычайная привязанность къ ней Анны Леопольдовны заставляетъ предполагать, не была ли Юліана совоспитанницею принцессы мекленбургской и товарищемъ ея дѣтскихъ игръ, а потомъ невеселой молодости. Ближайшій другъ Анны Леопольдовны, Юліана по кончинѣ императрицы приняла на свои руки младенца Іоанна, и послѣ ноябрьскаго переворота въ 1740 году, низвергнувшаго регентство герцога Бирена, наименована первою статсъ-фрейлиною правительницы. Съ тѣхъ поръ Юліана, мелюбившая Антова Ульриха, стала между супругами, старалась поддерживать ихъ взаимную холодность и всѣми возможными способами потворствовала страсти Анны Леопольдовны къ саксонскому посланнику графу Линару. — для прикрытія

которой рѣшилась сама выйти за красиваго графа и была торжественно помолвлена съ нимъ 13 августа 1740 года. Но этому браку не пришлось состояться. Линаръ уѣхалъ въ Саксонію и Польшу для устройства, передъ свадьбою, своихъ домашнихъ дѣлъ, и въ его отсутствіе, въ Петербургѣ совершился переворотъ, при которомъ въ ночь на 25 ноября 1741 года были арестованы все семейство правительницы и камеръ-фрейлины Юліана, спавшая у колыбели императора, рядомъ съ комнатою правительницы. Отвезенная, какъ и всѣ другіе арестанты этой ночи, въ собственный дворецъ Елизаветы Петровны, Юліана, по просьбѣ самой правительницы, была отпущена за границу вмѣстѣ со всѣми членами брауншвейгскаго семейства, и сначала раздѣляла ихъ заключеніе, жила съ Анной Леопольдовной и въ Ригѣ, и въ Динаминдѣ, и въ Раніенбургѣ. Но когда въ сентябрѣ 1744 года раниковъ повели отсюда въ Холмогоры, Юліана разлучилась съ Анною Леопольдовною и по высочайшему повелѣнію была оставлена въ Раніенбургѣ, подъ строгимъ карауломъ. Здѣсь Юліана содержалась всѣ остальные годы царствованія императрицы Елизаветы, и это заключеніе, обезпеченное отъ казны содержаніемъ, удовлетворявшимъ только самымъ первымъ потребностямъ жизни, тѣмъ болѣе тяготило Юліану, что она была принуждена безвыходно раздѣлять свою тюрьму съ волковникомъ Геймбургомъ, бывшимъ адъютантомъ Антома-Ульриха, человекомъ ею ненавидимымъ. Императоръ Петръ III въ 1762 году возвратилъ свободу бывшей камеръ-фрейлины, которая поселилась въ Ригѣ, гдѣ два года спустя, въ проѣздѣ Екатерины II чрезъ городъ, была представлена государынѣ, съ участіемъ выслушивавшей разговоры недавней изгнанницы о ея раніенбургской ссылкѣ. Менгденъ умерла въ 1786 году. Съ прекрасною наружностью Юліана соединяла умъ необширный и совершенную неспособность къ государственнымъ дѣламъ; но безпечная и лѣнивая, она сообщила эти недостатки Аннѣ Леопольдовнѣ, смотрѣвшей на все глазами своей наперсницы, и такимъ образомъ приготовила, хотя и несумыленно, паденіе самой правительницы. Вліяніе Юліаны было чрезвычайно; полагаютъ даже, что безъ ея заступничества Минихъ, уволенный правительницею отъ всѣхъ дѣлъ, не избѣжалъ бы Сибири. При арестованіи Юліаны у нея найдено: алмазовъ на 300 тысячъ руб., бѣлья на 40 тыс. р., кружевъ на 20 тысячъ рублей.

(Обзоръ главнѣйш. происшеств. въ Россіи, съ конч. Петра-великаго до вступленія Елизаветы, Ведомствъ. 1835 г., ч. III, с. 71. — Дневныя записки Як. Марковича. Москва, 1859, ч. II, с. 153. — Росс. родословная книга, кн. II. Долгорукаго. 1856 г., ч. III. — Описаніе секретн. бумаг., до пр. брауншв. относящ., въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1861 г., кн. II. — С. Петерб. Ведомости 1741 г. — Mémoires de Maistre, 1771, p. 382—417. — Extraits des dépêches. 1858, p. 81. — Voyage en Sibirie, par l'abbé Chappe, Amsterd., 1769, II. — Materialien zu der russisch. Geschichte, v. Phiseldk. 1784, II, 315—379.)

Графъ *Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ*, сынъ тайнаго совѣтника графа Петра Михайловича и Евдокии Ивановны, по отцу Талызиной, родился 22 мая 1693 года въ Москвѣ, учился въ Берлинѣ, оказалъ отличные успѣхи въ языкахъ французскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и въ 1712 году былъ отправленъ въ посольской свитѣ на утрехтскій конгрессъ, а потомъ, съ дозволенія Петра I, опредѣлился въ службу ганноверскаго курфирста Георга-Людвига, который сдѣлалъ Бестужева своимъ камеръ-юнкеромъ. Вступивъ въ 1714 году на англійскій престолъ подъ именемъ Георга I, бывшій ганноверскій курфирстъ отправилъ съ вѣстью о томъ къ Петру своего русскаго камеръ-юнкера, въ званіи посланника, и Бестужевъ, почетно встрѣченный государемъ въ Петербургѣ, отпущенъ обратно въ Лондонъ, причемъ щедро одаренъ. Въ 1717 году Петръ отозвалъ Бестужева отъ двора Георга I, опредѣлилъ его въ 1718 году оберъ-камеръ-юнкеромъ къ вдовствовавшей герцогинѣ курляндской Аннѣ Іоанновнѣ, а въ 1720 году отправилъ резидентомъ въ Данию. Здѣсь Бестужевъ явилъ ревность свою къ славіи русскаго государя и въ 1721 году получилъ отъ Петра I осыпанный брилліантами царскій портретъ, для ношенія на груди, а въ 1724 году пожалованъ дѣйствительнымъ камергеромъ. Бестужевъ оставался въ Копенгагенѣ до 1731 года, переведенъ оттуда резидентомъ же въ Гамбургъ, переименованъ въ 1732 году чрезвычайнымъ посланникомъ при нижнемъ саксонскомъ округѣ, досталъ въ это время изъ кильскаго архива многія любовитныя бумаги, въ томъ числѣ духовную Екатерины I, и въ 1734 году назначенъ опять въ Данию. Получивъ здѣсь чины тайнаго совѣтника (1736 г.) и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника (1740 г.), Бестужевъ былъ вызванъ въ Петербургъ, сдѣлавъ кабинетъ-министромъ, заслужилъ особе довѣріе императрицы, оставался по кончинѣ ея усерднымъ слугою Бирена, назначенію котораго въ регенты способствовалъ всѣми силами, и въ первый же вечеръ трехдѣльнаго регентства сообщилъ герцогу о заговорѣ двухъ преображенскихъ оовидеровъ. Съ паденіемъ Бирена, 9 ноября 1740 года, былъ заключенъ въ шассельбургскую крѣпость преданный ему Бестужевъ, который, спасая себя, изводилъ на бывшаго регента разные обвиненія. Имъ дана очную ставку, и Бестужевъ признался въ своей неправдѣ, отрекся отъ своихъ показаній, просилъ у Бирена прощенія, требовалъ, чтобы все это было замесено въ протоколъ. Оправданный изъ свою очередь и освобожденный, Бестужевъ не занималъ однакоже никакихъ должностей до самаго воцаренія императрицы Елизаветы Петровны, которая, пожаловавъ ему 30 ноября 1741 года андреевскій орденъ, назначила его, по просьбѣ лейбъ-медика своего Лестока, дружнаго съ Бестужевымъ, вице-канцлеромъ (11 декабря 1741 г.). Въ день коронаціи императрицы, 25 апрѣля 1742 года, Бестужевъ вмѣстѣ съ отцомъ и братомъ получилъ графское достоинство, а въ день празднованія

абовскаго мира, 15 июля 1744 года, объявленъ великимъ канцлеромъ. Преданный душою интересамъ австрійскаго двора, Бестужевъ возненавидѣлъ благодѣтеля своего Лестока, сильнаго тогда временщика, державшаго сторону Пруссіи, устроилъ его паденіе и ссылку, поселилъ въ императрицѣ непріязнь къ Фридриху-великому, и тѣмъ возбудилъ къ себѣ ненависть наслѣдника русскаго престола, сочувствовавшаго прусскому королю, вовлекъ Россію въ разорительную войну, стоившую государству болѣе трехсотъ тысячъ народа и тридцать мильоновъ рублей. Но дорожа своимъ вліяніемъ и ненадѣясь сохранить его при воцареніи племянника императрицы, Бестужевъ затѣялъ лишить объявленнаго наслѣдника его правъ и возвести на престолъ трехлѣтняго цесаревича Павла. Тяжкая болѣзнь императрицы, случившаяся въ 1757 году, казалась Бестужеву самымъ удобнымъ моментомъ для того, чтобы привести въ исполненіе задуманное намѣреніе, и онъ, полагая Елизавету на смертномъ одрѣ, отписалъ къ другу своему, Апраксину, успѣшно дѣйствовавшему въ Пруссіи, чтобы тотъ со всѣмъ войскомъ немедленно возвратился въ Россію. Побѣдитель Фридриха, Апраксинъ началъ, къ удивленію Европы, поспѣшное отступательное движеніе, но императрица выдоровѣла и справедливо негодуя на Бестужева, велѣла его арестовать, лишила въ февралѣ 1758 года чиновъ, должностей, отличій и предала суду, который приговорилъ Бестужева къ смерти. Императрица помиловала преступника, и Бестужевъ, названный въ высочайшемъ манифестѣ бездѣльникомъ, состарѣвшимся въ злодѣяніяхъ, въ 1759 году удаленъ въ свою подмосковную, Горетово, гдѣ до высочайшаго разрѣшенія построилъ себѣ домъ, жилъ въ курной избѣ и носилъ крестьянское платье, потомъ похоронилъ любимую жену и посвящалъ все свое время чтенію священнаго писанія или сочиненію разныхъ назидательныхъ трактатовъ. Императоръ Петръ III не вызывалъ изъ заточенія своего личнаго врага, зато императрица Екатерина II вспомнила о бывшемъ канцлерѣ, котораго уважала, пригласила Бестужева въ Петербургъ, возвратила ему все, чего онъ былъ лишенъ четыре года назадъ, и 31 июля 1762 года переименовала его въ генералъ-фельдмаршала, но уволила за старостью отъ всѣхъ дѣлъ, съ пенсіею по двадцати тысячъ рублей въ годъ, сверхъ жалованья по чину и сенаторскаго содержанія. Тщетно стараясь вмѣшаться въ дѣло избранія польскаго короля, происходившее въ 1764 году, Бестужевъ не оставался празднымъ: издавалъ свои сочиненія, писанныя въ ссылкѣ, переводилъ ихъ на другіе языки, придумывалъ, выбивалъ и дарилъ знакомымъ золотыя и серебряныя медали, съ разными эмблематическими воспоминаніями и предвѣщаніями, и послѣ трехлѣтней болѣзни умеръ, 20 апрѣля 1766 года. Министръ искусный и опытный, графъ Бестужевъ-Рюминъ обладалъ умомъ свѣтлымъ и гибкимъ, принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени, отличался прилежнымъ трудолюбіемъ, сдѣлалъ много полезнаго, но имѣлъ и большіе недостатки: былъ гордъ, мстителенъ, неблагодаренъ, велъ жизнь невоздержную. Вреченіи своєю дипломатической службы, Бестужевъ имѣлъ дѣла съ пра-

вительствами и министрами восьми европейских державъ и подписалъ шестнадцать договоровъ и трактатовъ. Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ былъ женатъ на Маріи Ивановнѣ Беттигеръ (умерла 1761 г.), дочери русскаго резидента въ Гамбургѣ, и имѣлъ одного сына, графа Андрея, который нисколько непоходя на отца ни дарованіи, ни заслугами, былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и элексадровскимъ кавалеромъ, велъ праздную, безпутную жизнь, и женатыи два раза, умеръ въ 1768 году, неоставивъ потомства. Церковь Бориса и Глѣба въ Москвѣ, у Арбатскихъ воротъ, служить памятникомъ благочестія канцлера Бестужева: онъ выстроилъ ее въ 1764 году на свое изданіе. Въ медицинѣ графъ Бестужевъ извѣстенъ своими капплими.

(Словарь достопамят. люд. русс. земли, Д. Бант.-Каменск. 1836 г., ч. I. — Опытъ обзорѣнія жизни сановниковъ, Терещенко. 1837 г., ч. II. — Биографіи россійск. генералиссимус. и генер.-фельдмарш., Д. Бант.-Каменск. 1840 г., ч. II. — Исторія медицины въ Россіи, Рихтера, 1820 г. ч. III, 429. — Записки Порошина, 1844 г., с. 76, 209 — Спб. Вѣд. 1740 гг. — Mémoires de Manstein, 1771. — Extraits des dépêches. Berlin, 1858. — Magazin für die neue Historie und Geographie, v. A. F. Büsching. Hamburg, 1779, II. S. 415—432 — Hermann's Geschichte des russischen Staats. Hamburg, 1853, V.)

Бурхардъ-Христофоръ Минихъ, впоследствии графъ, сынъ датскаго тайнаго совѣтника Антона Гинтера и Софіи-Екатерины Эткенсъ, родился 9 мая 1683 года, въ помѣстьѣ своей Нейенъ-Гунторфъ, близъ Ольденбурга, получилъ въ домѣ отца прекрасное воспитаніе, на шестнадцатомъ году возраста зналъ уже математику, инженерную часть и нѣсколько языковъ, а потомъ отправился учиться за границу своей родины. Въ 1701 году вступилъ въ гессенъ-дармштадтскую службу капитаномъ, въ 1702 году былъ при взятіи Юсифомъ I крѣпости Ландау и вслѣдъ затѣмъ опредѣленъ главнымъ инженеромъ княжества остъ-фрисландскаго, гдѣ женился. Въ 1706, году въ чинѣ гессенъ-кассельскаго майора, сражался подъ знаменами принца Евгенія въ Нидерландахъ, произведенъ 1709 года въ подполковники, раненъ при Деневѣ, во Фландріи, въ 1712 году половенъ французами и будучи отправленъ въ Парижъ, познакомился тамъ съ славнымъ Февеломъ. Возвратясь въ Германію, получилъ чинъ полковника, а въ 1716 году вступилъ въ польскую службу и въ 1717 году произведенъ Августомъ II въ генерал-майоры и инспекторы польскихъ войскъ. Несимпатизируя съ графомъ Флемингомъ, тогда первымъ лицомъ въ Польшѣ, Минихъ думалъ вступить въ шведскую или русскую службу, и сначала колебался въ выборѣ; но Карлъ XII умеръ, предложенія князя Долгорукаго, русскаго посла при польскомъ дворѣ, были выгодны, и Минихъ въ 1721 году явился въ Россію. Петръ I принялъ Миниха въ свою службу ге-

генерал-майоромъ, съ голомъ старшинства, поручилъ ему проектировать укрѣпленія Кронштадта и Риги, но въ томъ же году уволилъ его въ отпускъ на родину, потому что у Миниха умеръ тогда отецъ. Привезъ въ порядокъ свои домашнія дѣла, Минихъ возвратился въ Россію и пронаведенный въ 1722 году въ генералъ-лейтенантъ, получилъ высочайшее порученіе облегчить судоходство по Невѣ, расчисткою пороговъ. Тогда Минихъ осмотрѣлъ Рогервикскій заливъ и начерталъ планъ гавани, извѣстной теперь подъ именемъ Балтійскаго порта. Въ 1723 году на Миниха возложено новое порученіе, продолжать работу ладожскаго канала, начатую въ 1719 году, и исправить ошибки прежняго его строителя, Скорнякова-Писарева. Петръ I, посѣтивъ въ 1724 году работы ладожскаго канала, такъ былъ доволенъ трудами Миниха, что взялъ его съ собою въ Петербургъ, привезъ въ сенатъ и, представляя присутствующимъ, сказалъ: «изъ всѣхъ иностранцевъ, бывшихъ въ моей службѣ, онъ лучше всѣхъ умѣетъ предпринимать и производить великія дѣла: помогайте ему во всемъ». Въ царствованіе Екатерины I Минихъ, нелюбимый Мейнижовымъ, былъ защищаемъ Остерманомъ и благодаря послѣднему, получилъ въ 1726 году александровскую ленту. Въ день восшествія на престолъ императора Петра II, 7 мая 1727 года, Минихъ получилъ чинъ генералъ-аншефа, въ 1728 году награжденъ деревнями въ Финляндіи, а 23 февраля 1729 года возведенъ въ графское достоинство россійской имперіи, потомъ назначенъ генералъ-губернаторомъ с.-петербургскимъ, нидерландскимъ, корельскимъ и финляндскимъ. При избраніи на престолъ Анны Іоанновны, Минихъ, не присутствовавшій въ Москвѣ, не подишался на актъ объ ограниченіи самодержавія, принесъ въ Петербургъ вѣроподданнѣйшее поздравленіе императрицѣ, преобладавшей въ Москву, и заслуживъ ея милость, былъ пожалованъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ (1736 г.), андреевскій кавалеромъ (28 апрѣля 1731 г.) и президентомъ военной коллегіи съ чиномъ генералъ-фельдмаршала (25 февраля 1732 г.). Между тѣмъ Минихъ начерталъ новое положеніе для гвардейскихъ и полевыхъ войскъ, и принималъ главное участіе въ основаніи кадетскаго корпуса въ Петербургѣ и 1 мая 1731 года открылъ судоходство по ладожскому каналу. Онъ же, какъ полагаютъ, присовѣтовалъ императрицѣ оставить Москву и возвратити Петербургу званіе императорской резиденціи. До сихъ поръ Минихъ былъ друженъ съ Остерманомъ и пользовался расположеніемъ Бирена: во съ этого времени онъ возстановилъ противъ себя и того и другого: Остерманъ завидовалъ быстрому возвышенію своего друга, а Биренъ, по наветамъ графа Густава Левенвольда, досадовавшаго на фельдмаршала за преобразование по военной части, сталъ разумѣть въ Минихѣ соперника весьма опаснаго. Велѣдствіе этого Миниха обошли участіемъ въ подписаніи договора съ Вѣною, не назначили главнокомандующимъ русской арміи въ Польшѣ и самъ онъ пересталъ ѣздить въ кабинетъ, даже былъ переселенъ изъ казеннаго помѣщенія вблизи дворца на Василевскій островъ, гдѣ ему подарили нарочно для него купленный домъ. Между тѣмъ русскій главнокомандующій Ласси осаждалъ Данцигъ и тщетно

старался взять этотъ городъ, въ которомъ скрывался король Станиславъ Лещавскій. Биренъ нашолся вынужденнымъ предложить начальствованіе арміею Миниху, и фельдмаршалъ поѣхалъ къ осаждаемому городу, пѣ-
вилъ 24 мая французскій десантъ и 18 іюня 1734 года взялъ Давцигъ, въ котораго однакоже, къ досадѣ Миниха, нападунѣ бѣжалъ Лещавскій. Король Августъ III прислалъ побѣлителю шпагу и трость, осыпанныя брилліантами. Съ окончаніемъ этого подвига, Миниху предстояли другіе подобныя же, потомучто русскій дворъ, раздразонный набѣгами на Украину крымскихъ и кубамскихъ татаръ, подданныхъ Турціи, рѣшился объявить султану войну. Миниху снова вѣрено командованіе арміею, и тогда-то произошло цѣлый рядъ его знаменитыхъ турецкихъ походовъ, покрывшихъ лаврами русское оружіе, стяжавшихъ фельдмаршалу славу лучшаго полководца въ Европѣ, но существенно бесполезныхъ Россіи и только напрасно потратившихъ ея народъ, силы и деньги. Начавъ компанію 1736 года обложеніемъ Азова, осада котораго поручена генералу Левашову, Минихъ направился въ Крымъ, взялъ приступомъ Перекопъ (1 іюля), занялъ Козловъ (Евпаторію) и Бахчисарай, выжегъ Ахмечеть (нынѣче Симферополь), вошелъ въ Кинбурнъ, но задержанный здѣсь недостаткомъ воды и невыносимыми жарамъ, возвратился къ Перекопу, взорвалъ его укрѣпленія и сталъ на зимнія квартиры въ Украинѣ. Первая кампанія была кончена, половины арміи не существовало. Фельдмаршалъ получилъ богатыя похвѣстья въ Украинѣ и Лифляндіи. Новый походъ 1737 года ознаменовался взятіемъ Очакова (2 іюля) и славцею Хотина. Третій, произведенный въ 1738 году къ рѣкѣ Днѣстру, не ознаменовался ничѣмъ, кромѣ передвиженія арміи по безводнымъ степямъ, съ чрезвычайною потерею людей отъ чумы, распространившейся и свирѣпствовавшей тогда на всея театрѣ войны. Минихъ однакоже не допустилъ ее въ Малоросію. Четвертый и послѣдній походъ Миниха, въ 1739 году, громкій побѣдою фельдмаршала на поляхъ ставучанскихъ, сопровождался движеніемъ Миниха за Дунай, въ Молдавію, и былъ неожиданно прерванъ бѣлградскимъ миромъ союзныхъ Россіи австрійцевъ съ турками, къ которому 7 сентября 1739 года приступилъ и петербургскій кабинетъ. Въ день мирнаго торжества, 14 февраля 1740 года, Минихъ сдѣлавъ подполковникомъ преображенскаго полка, получилъ брилліантовые знаки андреевскаго ордена, такую же шпагу и пенсію въ 5 тысячъ рублей. Вынужденный обстоятельствами согласиться на регентство герцога Бирена, Минихъ 17 октября стоялъ у постели умирающей императрицы, выслушалъ именно къ нему обращенныя послѣднія слова Анны: «прощай, фельдмаршалъ!» присягнувъ младенцу-императору и регенту Бирену, смиренно велъ себя цѣлыя три недѣли, дружелюбно отобѣдалъ у регента 8 ноября, а семейство его тамъ осталось и ужинать, — и въ ту же ночь, предводивъ преображенскими гренадерами, приехалъ къ своему, вчерашнему ампіатрону, разбудилъ и арестовалъ его, приездъ въ своей каретѣ въ зимній дворецъ — и регентство кончилось (9 ноября 1740 г.). Новая правительница объявила фельдмаршала первымъ министромъ (9

ноября, пожаловала ему 100 тысяч рублей, серебряный сервизъ и вартенбергское помѣстье Бирена, въ Шлезіи (10 ноября). Никогда не былъ Минихъ въ такой силѣ, какъ теперь. Но это весьма несправедливо ни Остерману, вѣкогда покровителю Миниха, ни мужу правительницы, генералиссимусу безъ власти, оставшейся въ распоряженіи фельдмаршала. Правительственное недоразумѣніе о томъ, — Пруссіи или Австріи, воевавшимъ между собою, слѣдуетъ оказать помощь, просимую обѣими державами, еще болѣе раздуло вражду вельможъ: Остерманъ, въ противность договора, уже заключеннаго съ Пруссіей, стоялъ за Австрію, а Минихъ, недовольный бѣградскимъ миромъ, за Пруссію; но послѣднее мнѣніе почтено пристрастнымъ. Фельдмаршалъ обидѣлся, подалъ въ отставку и къ изумленію своему получилъ ее. 6 марта 1741 года, съ ежегодной пенсіею по 15 тысячъ рублей. Жестоко обманутый собственнымъ убѣжденіемъ въ томъ, что онъ необходимъ Россіи и ея правительству, дѣятельный Минихъ съ досадою покинулъ свое министерское поприще и, какъ думаютъ, долженъ былъ еще оставаться за это благодарнымъ, потому что безъ заступничества Юліаны Менгенъ, очень легко могъ попасть въ Сибирь: такъ были сильны внушенія, поселенныя въ правительницѣ къ невыгодѣ Миниха. Почетная отставка въ петербургской средѣ не могла приходиться по-сердцу фельдмаршалу, и онъ задумалъ оставить Россію, тѣмъ болѣе, что въ Кенигсбергѣ, по повелѣнію прусскаго короля, все уже было готово къ принятію Миниха. Но фельдмаршалъ не успѣлъ до новаго переворота выѣхать изъ Петербурга, и въ ночь на 25 ноября 1741 года былъ схваченъ въ постели, подвергся аресту и преданъ суду. Обвиненный въ неслыханныхъ жестокостяхъ, какъ полководецъ, и въ государственной измѣнѣ, какъ министръ, Минихъ со всѣми товарищами своего несчастья былъ выведенъ на сенатскую площадь 17 января 1742 года, выслушалъ тутъ, въ виду эшафота, свой приговоръ, и вмѣсто четвертованія, повезенъ въ тотъ же день на вѣчное житіе въ Сѣлыи, куда добровольно послѣдовали за фельдмаршаломъ его жена и вѣрный другъ, пасторъ Мартенсъ. Получая съ женою по два рубля на день, бывший фельдмаршалъ обрабатывалъ въ Сѣлыи двѣ огорода, чертилъ фортификаціонные планы, сочинялъ различные проекты и между прочимъ — изгнанія турковъ изъ Европы, пугалъ донесеніями и держалъ въ страхѣ сибирскія власти, обучал желающихъ грамотѣ, а состоявшую при немъ команду — военной экзерциціи: наконецъ два раза въ день слушалъ со всѣми служителями чтеніе молитвъ пастора Мартенса, по смерти котораго (1749 г.) самъ занималъ его мѣсто, и такимъ образомъ прожилъ въ изгнаніи цѣлыи двадцать лѣтъ Императоръ Петръ III, вступивъ на престолъ, вызвалъ Миниха изъ ссылки — и по всей дорогѣ изъ Сѣлыи до Петербурга мѣстные чиновники добровольно сѣдѣли привѣтствовать полководца различными почестами, а за двадцать верстъ отъ Петербурга маститаго старца встрѣтили его дѣти и внуки. Указомъ 24 марта 1762 года Петръ III возвратилъ Миниху всѣ чины, отличія и подарилъ ему неблизированный домъ, а 9 іюня наименовалъ фельдмаршала сибирскимъ

генераль-губернаторомъ и главнымъ директоромъ ладожскаго и кронштадскаго каналовъ, съ повелѣніемъ присутствовать въ Петербургѣ. Благодарный своему избавителю государю, Минихъ былъ искренно преданъ Петру, безпрестанно бывалъ при дворѣ, гдѣ встрѣчался и съ Биреномъ, тоже возвращеннымъ изъ ссылки, предлагалъ императору свои мѣтвія, иногда принимаемыя холодно, состоялъ членомъ комиссіи, учрежденной подъ предѣлательствомъ самого императора, для разныхъ улучшеній; въ день 28 іюня находился въ Ораниенбаумѣ, въ свитѣ государя и шавалъ съ нимъ въ Кронштадтъ; по смерти императора Петра III, заслуженный фельдмаршалъ явился къ императрицѣ. «Вы хотѣли противъ меня сражаться, фельдмаршалъ?» сказала Екатерина Миниху. — «Я отдалъ жизнь моему избавителю, отвѣчалъ старецъ: теперь его нѣтъ, и я полагаю ее къ вашимъ ногамъ». Екатерина оставила маститаго полководца главнымъ директоромъ каналовъ, присоединивъ къ этому и главное директорство надъ гаванями ревельскою, нарвскою, рогервикскою. И Минихъ еще четыре года неуспѣшно трудился надъ вѣренной ему частью, пользовался особеннымъ расположеніемъ Екатерины, непрерывно переписывался съ нею, входилъ безъ доклада въ ея кабинетъ, былъ избранъ государынею въ главные судьи великобѣннаго петербургскаго каруселя, и спустя три мѣсяца послѣ этого праздника, умеръ въ Петербургѣ, 16 октября 1766 года, по погребенъ въ помѣстьѣ своемъ Луни, близъ Дерпта. Одаренный величественнымъ ростомъ и геройскою осанкою, графъ Минихъ являлъ въ чертахъ своего лица остроуміе, неустрашимость и твердость характера, вселялъ къ себѣ уваженіе и страхъ, былъ трудолюбивъ, предприимчивъ, дѣятеленъ, любезенъ въ обществѣ, пылокъ къ женщинамъ, но вмѣстѣ мелоченъ въ отношеніяхъ съ подчиненными, взыскателенъ, жестокъ, лукавъ, гордъ, жаденъ къ своей личной славѣ, для достиженія которой не берегъ солдатомъ, «купааясь въ ихъ крови»: казался другомъ всѣхъ, но не любилъ никого. Несмотря на такіе недостатки, Минихъ, подвизавшійся на разнообразныхъ поприщахъ государственной дѣятельности, долженъ быть отнесенъ къ числу полезнѣйшихъ и дѣльнѣйшихъ чужеземцевъ, которыхъ когда-нибудь принимала къ себѣ Россія. Какъ писатель, Минихъ извѣстенъ своимъ сочиненіемъ: *Ébauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'Empire de Russie*. Copenhagen, 1744. — Переводъ этого очерка помѣщенъ въ Рус. Вѣст. — 1842 г. — Графъ Бурхардъ-Христофоръ Минихъ былъ женатъ два раза: 1) на Христинѣ-Дукреціи Вицлебень, умершей въ 1727 году и 2) на Варварѣ-Элеонорѣ, изъ дома Вольда, бывшей до брака съ Минихомъ въ замужествѣ за Мальцанъ, потомъ за Салтыковымъ, но дѣтей имѣлъ только отъ перваго брака, всего тринадцать человекъ, и оставилъ одного сына и трехъ дочерей: *Софію*, за полковникомъ барономъ Мальцанъ; *Христину-Елизавету*, за барономъ Менгденъ, и *Луизу-Доротю*, за графомъ Сольмсъ-Вильденфельсомъ. Сынъ Миниха, графъ *Іоаннъ Эрнстъ*, женатый на баронессѣ Аннѣ-Доротеевѣ Менгденъ, служилъ оберъ-гофмейстеромъ при дворѣ Анны Леопольдовны, съ паденіемъ ея былъ

сославъ въ Вологду, жилъ тамъ во все время царствованія Елизаветы Петровны, былъ возвращенъ Петромъ III и умеръ въ 1788 году, восьмидесяти лѣтъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и андреевскимъ кавалеромъ, оставивъ большое потомство. Онъ извѣстенъ какъ авторъ любопытныхъ «Записокъ», писанныхъ имъ (понѣмецки) для дѣтей своихъ и изданныхъ въ русскомъ переводѣ. Ему же приписываются нѣкоторыми не только «Отвѣтъ» на оправдательную записку Бирена, помѣщенный въ IX томѣ бюшингова «Магазина», но и извѣстныя любителямъ отечественной исторіи «Замѣчанія на записки Манштейна о Россіи», напечатанныя въ «Отеч. Зап.», издававшихся П. П. Свиньинымъ. Существуетъ ли въ настоящее время прямое потомство фельдмаршала Миниха, неизвѣстно.

(Словарь достопамят. люд. рус. земли, Д. Бант.-Каменск. 1836, ч. III. — Біографіи рос. генералиссимус. и генер. фельдмарш., его же. 1840, ч. I. — Дневникъ Берхгольца, 1858—1860, ч. I, III, IV. — Записки дюка Лярійск. 1845, с. 125. — Письма леди Рондо. 1836, с. 73. — Записки Нащокина, 1842. — Записки кн. Шаховского, 1810. — Записки Порошина, 1844, с. 20, 223, 505. — Жизнь гр. Миниха, соч. Галемз. Москва, 1806. — Собраніе списк. воен. генер. 1809. — Собр. списк. кавалерамъ, 1814. — Mémoires de Manstein. Leipzig, 1771. — Relation exacte et circonstanciée de la guerre entre la Moscovie et la Suède. Utrecht, 1742, t. II, p. 29—30. — Voyage en Sibérie, par l'abbé Chappé. Amsterd., 1769. — Extraits des dépêches. Berlin, 1858. — Büsching's Magazin. Hamburg, 1769, III, S. 383—336. — Schreiben eines Freundes wegen der Exécution, so an denen gewesenen Staats-Ministern zu St. Petersburg. den 29 Jan. 1742 ist vollzogen worden.)

39

Въ буквальной переводѣ съ нѣмецкаго языка на русскій, слово *kurtag* значитъ *избранный день* (отъ *kur* — избраніе и *tag* — день). Это слово ввелось въ русское придворное нарѣчіе XVIII вѣка съ того времени, когда императоръ Петръ II (1727—1730), учредивъ для вечернихъ съѣздовъ къ высочайшему двору извѣстные дни недѣли, наименовалъ самые дни *куртагами*. Право съѣзжаться на куртаги предоставлялось особамъ первыхъ четырехъ классовъ обоеихъ половъ и гвѣрдій офицерамъ. Въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны куртажными днями были воскресенья и четверги. Присутствующіе на куртагахъ могли забавляться въ карты и слушать камерную музыку, разыгрывавшую концерты и симфоніи. Высочайшимъ указомъ 18 февраля 1732 года повелѣно: на куртагахъ не бить челомъ императрицѣ, о чемъ бы то нибыло. Куртаги отличались отъ *банкетовъ*, называвшихся въ царскіе, орденскіе и другіе торжественные дни.

(Дѣла архива л.-гв. измайловскаго полка за 1730—1741. — Камеръ-фурьерскіе журналы того же времени. — Пол. Собр. Зак., изд. 1830, т. VIII, ст. 5963.)

40

Въ 1718 году, во время суда надъ старшимъ сыномъ Петра I, несчастнымъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, государь, явившись 3 февраля, объявилъ наследникомъ всероссійскаго престола второго своего сына, цесаревича Петра Петровича, которому было всего 2 года 4 мѣсяца, и повелѣлъ всѣмъ присягнуть ему. Но объявленнаго наследника умеръ съ небольшимъ чрезъ годъ, именно 23 апрѣля 1719 года, и погребенъ въ Петропавловскомъ соборѣ. Этого Петра Петровича, называемаго *большимъ* и родившагося 29 октября 1715 года, отъ брака Петра I съ Екатериной I, не слѣдуетъ свѣшивать съ братомъ его Петромъ Петровичемъ *меньшимъ*, родившимся позже его, неизвестно когда, а умершимъ 24 октября 1723 года и погребеннымъ въ благовѣщенской церкви Александровскаго монастыря.

41

По свидѣтельству Записокъ Миниха-сына, опасенія насчетъ герцога мекленбургскаго были заявлены не фельдмаршаламъ Минихомъ, а самимъ Биреномъ, и въ то именно время, когда герцогъ курляндскій впервые объявилъ кабинетъ-министрамъ о внезапной болѣзни императрицы.

(См. Записки Миниха-сына. С.-Петербург., 1817, с. 164.)

42

Слѣдуетъ замѣтить, что Биренъ съ семействомъ всегда жилъ въ томъ же самомъ дворцѣ, гдѣ присутствовала императрица.

43

О собраніи у Бирена множества особъ въ первый же день болѣзни императрицы Минихъ-сынъ не говоритъ ни слова и указываетъ на первое собраніе въ апартаментахъ герцога перантѣ утра слѣдующаго дня, т. е. 7 октября.

(См. Записки Миниха-сына, 1817, с. 187—188.)

44

Изъ сличенія этого разказа герцога съ показаніями Миниха-сына, видно, что нѣчто вродѣ рѣчи, приписываемой Биреномъ фельдмаршалу, говорилъ князь Черкасскій, и не въ присутствіи множества особъ, а только при кабинетъ-министрахъ, призванныхъ Биреномъ для первоначальнаго сообщенія имъ о болѣзни императрицы. Впрочемъ Галемъ, жизнеописатель фельдмаршала Миниха, думаетъ, что послѣд-

ній, не считая безвыгоднымъ для себя поддержать притязанія Бирена на регентство, поддерживалъ ихъ. Что касается самого фельдмаршала Миниха, онъ, въ извѣстномъ сочиненіи своемъ Ebauche etc. почти слагаетъ съ себя какое бы то нибыло участіе въ дѣлѣ избранія Бирена на регентство. Бюшингъ рассказываетъ по этому поводу слѣдующее любопытное обстоятельство: недовѣряя фактамъ, изложеннымъ въ оправдательной запискѣ Бирена, по-французски изданной, Бюшингъ вручилъ Миниху самое изданіе и просилъ фельдмаршала сдѣлать собственноручныя отмѣтки тамъ, гдѣ Биренъ удаляется отъ истины. Но Минихъ, продержавъ у себя книгу нѣсколько недѣль, возвратилъ ее Бюшингу безо всякихъ отмѣтокъ.

(Записки Миниха-сына, 1817, с. 165. — Жизнь гр. Миниха, Гадема, 1806, ч. I, с. 173. — Büsching's Magazin. Hamburg, 1769, T. III, S. 496.)

45

Андрей Ивановичъ Ушаковъ, впоследствии графъ, сынъ бѣднаго дворянина Ивана Алферьевича, родился 1670 года, въ Мегринскомъ погостѣ новгородской губерніи, и осиротѣвъ въ ранней молодости, до тридцатилѣтняго возраста жилъ здѣсь съ четырьмя братьями, владѣлъ обще съ ними всего однимъ крестьяниномъ Анохою (Онофріемъ), и однимъ же холстиннымъ балахономъ съ парюу лаптей-семеричковъ, ходилъ съ дѣвками по грибы, и отличался большою тѣлесною силою, переваливалъ деревенскихъ красавицъ черезъ грязь и лужи, за что слылъ въ околоткѣ дѣтминою. Въ 1700 г. Ушаковъ, въ числѣ прочихъ недорослей явился на царскій смотръ въ Новгородѣ, и написанный государемъ въ солдаты преображенскаго полка, усердіемъ и расторопностью обратилъ на себя вниманіе Петра, скоро попалъ въ унтер-офицеры, въ 1705 г. произведенъ въ прапорщики, въ 1707 году въ поручики и въ 1708 г. былъ уже гвардіи капитаномъ. Около этого времени Ушаковъ неожиданно удостоился посѣщенія Екатерины I, принималъ государыню съ восхищеніемъ и на другой же день пожалованъ немалымъ числомъ крестьянскихъ дворовъ въ комарицкой волости. Находясь адъютантомъ при государѣ, Ушаковъ въ 1712 г. былъ посланъ въ Польшу, для тайнаго надзора за русскими офицерами и вывода армии въ Померанію, а въ 1713 г. ѣздилъ въ Москву изслѣдовать вкравшіяся между купечествомъ злоупотребленія. Произведенный 1714 г. въ майоры преображенскаго полка, Ушаковъ занимался до 1717 г. ревизіею въ московской губерніи судебныхъ мѣстъ, наблюдалъ до 1719 г. за судовою постройкою въ Нижнемъ-Новгородѣ, а съ 1720 г. и въ Петербургѣ, вѣдалъ здѣсь арестантовъ, пожалованъ 21 октября 1721 г. генералъ-майоромъ, съ оставленіемъ майоромъ преображенскаго полка, состоялъ членомъ адмиралтействъ-коллегіи, а также тайной канцеляріи, и въ 1724 г. назначенъ сенаторомъ. Императрица Екатерина I, вступивъ на престолъ, учредила 21 мая 1725 г. орденъ

Александра-невскаго, и въ тотъ же день пожаловала знаки новаго ордена Ушакову, котораго 3 февраля 1727 г. произвела въ генераль-поручики. Тогда, въ бытность князя Меншикова въ Курляндіи, Ушаковъ вмѣстѣ съ Девиеромъ, Скорняковымъ-Писаревымъ и другими со-гласовалъ императрицѣ удалить сильнаго временщика отъ двора, и за то, по кончинѣ Екатерины, въ 1727 г., былъ арестованъ 22 мая, обвиненъ, что зная о злоумышленіи, не донесъ о томъ, и 27 мая переселенъ изъ майоровъ гвардіи къ другой командѣ. Императрица Анна Іоанновна, избранная на русскій престолъ въ 1730 г., пожаловала Ушакова сенаторомъ (4 марта) и генераль-аншефомъ (28 апрѣля), а въ 1733 году подполковникомъ гвардіи семеновскаго полка. Управляя во все время царствованія этой государыни страшною тайною канцеляріею, Ушаковъ пользовался расположеніемъ герцога Бирена, и 10 ноября 1740 г., черезъ день по уничтоженіи регента, получилъ отъ правительницы андреевскій орденъ. Императрица Елизавета Петровна, подарившаяся 25 ноября 1741 г., оставила за Ушаковымъ пожалованный ему орденъ и 15 июля 1744 г. наименовала стараго слугу своего отца графомъ россійской имперіи, а 13 декабря того же года — *первымъ* изъ трехъ своихъ генераль-адъютантовъ. Этими отличіями сподвижникъ Петра пользовался недолго: онъ умеръ 20 марта 1747 года въ Петербургѣ и похороненъ въ благовѣщенской церкви Александроневскаго монастыря. Графъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ былъ смѣль, честоуверенъ, некорыстолюбивъ, отличался очаровательнымъ обхожденіемъ и даромъ вывѣдывать чужія мысли, но его обвиняютъ въ пристрастныхъ дѣйствіяхъ по тайной канцеляріи и въ жестокости, съ какою онъ производилъ ужаснѣйшія истязанія. Одно имя Ушакова заставляло трепетать каждаго. Единственная дочь графа Андрея Ивановича *Екатерина*, род. 1715 г. ум. 1779 г., была выдана за графа Петра Григорьевича Чернышова, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, андреевскаго кавалера и русскаго посланника при дворахъ датскомъ, прусскомъ, великобританскомъ и французскомъ.

(Словарь достопамятн. людей русск. земли, Бант.-Каменскаго, 1847, ч. VIII. — Дневникъ Берхгольца, 1859—1860, ч. III и IV. — Царствованіе Екатерины I, Арсеньева, 1859, с. 222 и д. — Исторія преображенскаго полка, Азанчевскаго, 1859. — Валовой списокъ офицеровъ преображенскаго полка, рукопись. — С.-Петербург. Вѣдомости 1740 годовъ. — Списокъ военнымъ генераламъ, 1809 г. — Списокъ кавалерамъ росс. орденовъ, 1814. — Исторія 1.-го семеновскаго полка Карцова, 1854, ч. II. — *Anecdotes intéress. de la cour de Russie*, Londres, 1792. — *Russische Günstlinge*, v. Helbig Tübingen, 1809, S. 223 etc.)

Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, сынъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Бориса Ивановича и Аксиньи Федоровны, по отцу Лопухиной, свояченицы Петра I, родился 2 іюля 1697 г., учился загра-

лицем; въ 1723 г., въ чинѣ подполковника, былъ посланъ Петромъ I къ Голландскимъ штатамъ, съ приглашеніемъ завести торговлю шёлкомъ въ провинціяхъ, приобрѣтенныхъ тогда Россіею отъ Персіи; при Петрѣ II, былъ посланникомъ въ Парижѣ; при Аннѣ Іоанновнѣ и ея преемникѣ носилъ званіе оберъ-штабмейстера; въ царствованіе Елизаветы Петровны сдѣланъ кромѣ того сенаторомъ и конференцъ-министромъ; ум. 20 октября 1749 г., и похороненъ въ московскомъ Чудовѣ монастырѣ. Князь Куракинъ, бывшій владѣлецъ нынѣшняго города Гатчины, не отличался дарованіями государственнаго человѣка, лѣстилъ Бирону и старался угождать ему лошадами или пьянствомъ въ его компаніи, былъ извѣстенъ своимъ пристрастіемъ ко всему французскому, и въ 1743 г., когда лейбъ-компанцы именно за это собирались уничтожить его видѣтъ съ Лестокомъ и Шуваловымъ, онъ явилъ робость необыкновенную, боялся нѣсколько времени ночевать въ собственномъ своемъ домѣ. Отъ жены своей, графини Александры Ивановны Паниной, сестры извѣстныхъ графовъ, князь Куракинъ имѣлъ одного сына, служившаго гофмейстеромъ и нѣсколько дочерей; а внуки его князя Александръ и Алексѣй Борисовичи пользовались большимъ значеніемъ въ царствованіе императора Павла I и впоследствии были канцлерами.

(Россійск. родосл. книга, кн. Долгорукаго. 1854, ч. I. — О поврежденіи нравовъ въ Россіи, кн. Щербатова, Чт. Общ. Ист. и Др. 1858, кн. II. — Пол. Собр. Зак., изд. 1830, т. VII, ст. 4032. — Hermann's Geschichte des russischen Staats. Hamburg, 1853, B. V.)

Князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, сынъ боярина и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Юрія Юрьевича отъ брака съ княжною Еленою Григорьевною Черкасскою, родился 12 мая 1700 г.; состоитъ 1719 г. при высочайшемъ дворѣ волонтеромъ, а въ 1722 г. зачисленъ въ преображенскій полкъ сержантомъ. Въ этомъ званіи Трубецкой занималъ караулы въ квартирѣ герцога голштинскаго, причѣмъ бывалъ приглашаемъ къ его столу, и женился на дочери канцлера Головкина, а 10 мая 1724 г. произведенъ въ преображенскіе прапорщики. 24 ноября 1726 г. императрица Екатерина I сдѣлала Трубецкого своимъ камеръ-юнкеромъ, а императрица Анна Іоанновна назначила его подпоручикомъ кавалергардскаго корпуса, съ чиномъ генералъ-майора (10 марта 1730 г.) и премьеръ-майоромъ преображенскаго (8 июля 1731 г.). Во время дѣйствій Ласси и Миниха подъ Дяцигомъ въ 1734 г., Трубецкой исполнялъ должность генералъ-кригс-комисара, и сохраняя ее во время всѣхъ турецкихъ кампаній Миниха (1736—1739), выполнялъ несовсѣмъ удовлетворительно, хотя и былъ награжденъ: 22 января 1738 г. утвержденіемъ въ званіи генералъ-кригс-комисара, а 30 марта 1740 г. александровскою левою. Назначенный тогда же губернаторомъ въ Сибирь, Трубецкой умѣлъ съгати отказать отъ этой должности, и по переименованіи въ дѣйствительнаго тай-

Въо свидѣнники занималъ другую — генераль-прокурора, въ которой состоялъ 20 лѣтъ. Втеченіе этого времени Трубецкой получилъ андреевскій орденъ (25 апрѣля 1742 г.), деревни въ Лифляндіи (15 іюля 1744 г.), чинъ генераль-фельдмаршала (5 сентября 1756 г.); предсѣдательствовалъ въ слѣдственныхъ комиссіяхъ надъ Остерманомъ, Минихомъ и другими (1741 г.), надъ Лопухиною съ товарищами ея несчастія (1743), потомъ надъ канцлеромъ Бестужевымъ и фельдмаршаломъ Апраксинымъ (1756), наконецъ самъ едва не пострадалъ во время суда надъ другомъ своимъ Лестокомъ (1748), и первый доложилъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ о существованіи въ Ярославлѣ театра, вслѣдствіе чего вся труппа ярославскихъ актеровъ, въ числѣ которой находились знаменитые Волковъ и Дмитревскій, немедленно была вытребована въ Петербургъ, къ высочайшему двору (1752). Въ 1760 г. князь Трубецкой оставилъ генераль-прокурорство, сдѣлавъ президентомъ военной коллегіи и пользовался отъѣзнымъ благоволеніемъ императора Петра III, который 27 декабря 1761 г. наименовалъ Трубецкого подполковникомъ преображенскаго полка, а 10 іюня 1762 г. въ томъ же полку полковникомъ. Но это званіе, до того исключительно высокое царствующими государями, Трубецкой долженъ былъ уступить императрицѣ Екатеринѣ II, вочарившейся 28 іюня 1762 г.; оставался подполковникомъ преображенскаго полка до 9 іюня 1763 г., получилъ тогда увольненіе отъ службы и умеръ 16 октября 1763 г. въ Москвѣ, гдѣ тѣло его погребено въ Чудовѣ монастырѣ. Князь Трубецкой имѣлъ дарованія и нѣкоторыя научныя свѣдѣнія, любилъ просвѣщеніе, считался въ числѣ людей образованныхъ, извѣстенъ короткими отношеніями съ княземъ Шаховскимъ и тѣсною дружбою съ княземъ Кантемиромъ, нашими писателями, славился неподкупностію, но былъ нестойчивъ, подлобострастенъ, коваренъ, ненавидимъ петербургскою чернью, жестоко обращался съ подсудимыми и собственноручно билъ ихъ, въ комиссіи надъ Остерманомъ и Минихомъ подалъ голосъ о колесованіи и четвертованіи ихъ живыми, безъ вины гналъ зятя своего графа Головкина и засудилъ его, въ чемъ на смертномъ одрѣ казался вдовѣ изгнанника. Князь Трубецкой, женатый два раза, на графинѣ Анастасѣ Гавриловнѣ Головиной (ум. 1735 г.) и на Аннѣ Даниловнѣ Херасковой, рожденной княжнѣ Друцкой, имѣлъ отъ обохъ браковъ семь сыновей и три дочери. Изъ дѣтей фельдмаршала Трубецкого сыновья Юрій и Николай были дѣйствительными тайными свидѣниками, а дочь княжна Елена вышла за князя Александра Александровича Вяземскаго, знаменитаго генераль-прокурора въ царствованіе императрицы Екатерины II. Извѣстный писатель нашъ Мих. Матв. Херасковъ былъ пасынокъ кн. Н. Ю. Трубецкаго.

(Словарь достопамят. людей русск. земли, Бант.-Каженоваго. 1836, ч. V. — Росс. полосл. книга, кн. Долгорукаго, 1854, ч. I. — Списокъ воен. генер., 1809. — Собр. списковъ кавалер. ордена, 1814 — Дневникъ Берхгольца. 1858, ч. I и II. — Anecd. intéress. de la cour de

Russie. Londres, 1792. — Russische Günstlinge, v. Helbig, 1809, S. 223 etc.)

Графъ Николай Ѳедоровичъ Головинъ, сынъ боярина, фельдмаршала, генераль-адмирала и перваго андреевскаго кавалера графа Ѳедора Алексѣевича, родился въ 1695 г., и по кончинѣ отца, послѣ котораго остался 11 лѣтъ, помѣщенъ Петромъ I въ московскую математико-навигацкую школу, потомъ отправленъ въ чужіе края, служилъ въ Голландіи, ходилъ на англійскомъ военномъ кораблѣ до Португаліи, былъ въ Смирнѣ, Кипрѣ и у береговъ египетскихъ, и во время пребыванія своего въ Лондонѣ, вмѣстѣ съ постельничимъ Салтыковымъ, зазывалъ и покупалъ корабли для русскаго флота, а въ 1714 г. тамъ же за долги посаженъ въ тюрьму. Возвратившись въ отечество въ 1715 г., графъ Головинъ былъ произведенъ въ лейтенанты (1717 г.), ходилъ изъ Ревеля въ крейсерство въ 1719 г.; но вопреки данной ему инструкціи не высадился на Аландъ, о чемъ представилъ законное объясненіе, и въ томъ же году посланъ съ открытымъ письмомъ къ англійскому адмиралу Норрису, котораго долженъ былъ пригласить — удалиться отъ русскихъ береговъ, если не желаетъ быть встрѣченъ непріязненно. Въ 1720 г. Головинъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, а въ 1721 г. въ капитаны 3 ранга — не въ очередь. По кончинѣ Петра I въ 1725 г., императрица Екатерина I отправила графа Головина посланникомъ въ Швецію и назначила ему по 5 тыс. руб. жалованья, а въ 1726 г. произвела его въ шаутбенахты и назначила генераль-адъютантомъ отъ флота, съ прибавкою еще одной тысячи рублей къ получаемому имъ годовому содержанию. Въ Стокгольмѣ графъ Головинъ постановилъ съ шведскимъ министерствомъ дѣлъ деклараціи, утвержденныя Петромъ II и Анною Іоанновною, и въ 1732 г. былъ отозванъ въ Петербургъ, гдѣ 9 апрѣля того же года получилъ александровскій орденъ, а 13 апрѣля — произведенъ въ вице-адмирала, съ назначеніемъ генераль-инспекторомъ отъ флота, и съ того же времени началъ постоянно присутствовать въ адмиралтейской коллегіи, успѣшно соглашая своихъ сочленовъ къ разнымъ полезнымъ перемѣнамъ и улучшеніямъ русскои морской части. Труды гр. Головина были награждены императрицею; которая 25 марта 1733 г. произвела недавняго вице-адмирала въ адмирала и наименовала его президентомъ адмиралтейской коллегіи, съ жалованьемъ по 3564 руб. въ годъ ему, и по 55 р. 34 коп. его 11 лѣнщикамъ. Въ 1736 г. гр. Головинъ былъ членомъ «вышняго суда», учрежденнаго подъ предсѣдательствомъ самой императрицы, по дѣлу о наслѣдствѣ князей Кантемировъ, и въ 1737 г. самъ сдѣланъ предсѣдателемъ комиссіи о возведеніи зданій на погорѣлыхъ мѣстахъ С. Петербурга. Правительница Анна Леопольдовна 10 ноября 1740 г. возложила на гр. Головина андреевскую ленту, а императрица Елизавета Петровна въ декабрѣ 1741 г. присоединила къ прежнимъ его должно-

стивъ достоинство сенатора, чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, званіе конференцъ-министра, повелѣла Головину предсѣдательствовать въ комиссіи описыванія пожитковъ Остермана, Миниха и друг., а во время поѣздки императрицы въ Москву для коронаванія быть первоприсутствующимъ въ с. петербургской сенатской канторѣ. Но тогда продолжалась еще война съ шведами и бездѣйствіе вице-адмирала Мишукова, сваржотнаго въ походы гр. Головинымъ, побудило императрицу сдѣлать вице-адмирала самимъ адмираломъ. Гр. Головинъ вывелъ въ море флотъ изъ 17 линейныхъ кораблей, 6 фрегатовъ, 26 галеръ и 70 канчибасовъ, но все это въ жалкомъ состояніи, съ солдатами вмѣсто матросовъ, и 27 мая соединился съ эскадрою главнѣйшаго командующаго фельдмаршала Ласси. Тщетно приказывалъ фельдмаршалъ адмиральскому флоту атаковать 12 шведскихъ кораблей: Головинъ, опираясь на нѣкоторые пункты морского устава, не трогался съ мѣста до 18 іюня, а тогда взялъ у Ласси нѣсколько мелкихъ судовъ съ солдатами, подошелъ къ шведамъ, общіялся съ ними нѣсколькими выстрѣлами, заставилъ ихъ скрыться въ Карлскрону, и самъ отплылъ къ острову Гохланду, гдѣ и пробылъ до заключенія мира. Этотъ образъ дѣйствій, признаваемый многими благоразумнымъ, разсорилъ адмирала съ фельдмаршаломъ, и благодаря донесеніямъ послѣдняго, весьма не понравился императрицѣ. Думали, что адмирала, обвиняемаго въ потворствѣ шведамъ, съ которыми сдружился онъ въ свое семилѣтнее пребываніе въ Стокгольмѣ, ожидаетъ Сибирь. Но канцлеръ Бестужевъ спасъ своего друга, и гр. Головинъ, сказавшійся больнымъ, получилъ въ 1744 г. увольненіе отъ службы, отправился за границу, и 15 іюля 1745 г. умеръ еноропостижно въ Гамбургѣ. Тѣло его привезено въ Россію и предано землѣ за соборною церковью московскаго Симонова монастыря. Считаюсь однимъ изъ образованнѣйшихъ и воспитаннѣйшихъ русскихъ людей своего времени, гр. Головинъ прекрасно владѣлъ языками французскимъ и англійскимъ, былъ трудолюбивъ и сострадателенъ, но слишкомъ остороженъ, какъ адмиралъ, мотовать и небережливъ, какъ хозяинъ, и не умѣлъ принаравливать къ обстоятельствамъ, какъ придворный. Графъ Головинъ, женатый неизвѣстно на комъ, оставилъ кромѣ единственной дочери, графини Натальи, выданной за русскаго фельдмаршала принца Петра-Августа голштейнъ-Бека, нѣсколько побочныхъ дѣтей, которымъ вмѣстѣ съ ихъ матерью, шведкою, завѣщалъ все свое состояніе. Но императрица Елизавета Петровна уничтожила волю завѣщателя и предоставила пользоваться его имѣніемъ законнымъ наследникамъ, вдовѣ и дочери графа. Одинъ изъ побочныхъ сыновей гр. Головина, Петръ-Густавъ Головинъ поселился въ Даніи и въ царствованіе короля Христіана VII былъ генераль-майоромъ датской службы.

(Словарь достопамят. людей русс. земли, Бант.-Каменск., 1836, ч. II. — Дневникъ Берхгольца, 1838—1839, ч. II и III. — Россійск. родосл. книга, ии. Долгорукаго, 1856, ч. III. — Записки Порошина, 1844, т. VI. — Отд. I.

с. 41. — Русс. Вѣстникъ, 1841, № 8, с. 667. — Собран. списк. кавалер. росс. орденовъ, 1814.)

Карлъ Фонтъ-Бревернъ, сынъ вице-президента юстицъ-колегіи Германа Фонтъ-Бреверна и Екатерины Фонтъ-Рейтернъ, пасынокъ русскаго генералъ-аншефа Бона, родился въ 1704 г., получилъ образованіе за границею и служилъ въ иностранной коллегіи при Остерманѣ. Въ 1740 г. былъ уже дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и камергеромъ; а 14 февраля, при торжествованіи мира съ Турціею, получилъ александровскій орденъ; иллюминація его дома въ тотъ день была одною изъ самыхъ замѣчательныхъ въ Петербургѣ. 21 апрѣля того же года Фонтъ-Бревернъ женился на Фрейлинѣ баронессѣ Фонтъ-Кейзерлингъ; ихъ свадьба праздновалась при дворѣ съ немалымъ великолѣпиемъ; друзьями жениха и невесты были сыновья герцога Бирена, принцы Петръ и Карлъ, а изъ дворца въ свой домъ новобрачные сопровождался блестящимъ придворнымъ кортежемъ. На другой день новобрачный дѣлалъ у себя трапезу для всѣхъ придворныхъ, послѣ котораго и хозяева и гости отправились къ императрицѣ, назначившей балъ во дворцѣ собственно по этому случаю, а нѣсколько дней спустя, Фонтъ-Бревернъ наименованъ президентомъ с. петербургской академіи наукъ, — третьимъ по счету, со времени ея основанія. Высочайшимъ указомъ 19 сентября, ровно за мѣсяць до смерти императрицы, дѣйствительному статскому совѣтнику Фонтъ-Бреверну повелѣно докладывать ея величеству одновременно съ кабинетъ-министрами, и 10 ноября 1740 г. Анна Леопольдовна, объявленная правительницею государства, произвела президента академіи въ тайные совѣтники и прикомандировала его къ иностраннымъ дѣламъ. При новой перемѣнѣ русскаго правительства, случившейся черезъ годъ, Фонтъ-Бревернъ уцѣлѣлъ, и благодаря рекомендаціи о немъ новаго временщика, Лестока, указомъ 12 декабря 1741 г. былъ приданъ въ помощники къ вице-канцлеру Бестужеву, вслѣдствіе чего оставилъ свое президентство въ академіи наукъ. Но руководимый собственными личными видами, Фонтъ-Бревернъ скоро измѣнилъ Лестоку, передался его врагу, а своему начальнику Бестужеву, и въ 1743 г., при изслѣдованіи извѣстнаго дѣла о заговорѣ маркиза де Ботта, былъ вмѣстѣ съ Бестужевымъ заподозрѣнъ въ излишнемъ доброжелательствѣ Австріи, къ которой охладѣла тогда императрица Елизавета. Вслѣдствіе этого Бестужевъ и Бревернъ въ декабрѣ 1743 г. писменно представляли свои оправданія самой государынѣ — и записка Бреверна, искуснаго ученика Остермана, явилась истиннымъ политическимъ руководствомъ въ дальнѣйшихъ отношеніяхъ Россіи съ Австріею. Императрица Елизавета милостиво обнадежила вице-канцлера и его помощника въ своемъ благоволеніи, но нѣсколько дней спустя, именно 3 января 1744 г., Фонтъ-Бреверна уже не было въ живыхъ. Иные объясняютъ его внезапную

смерть самоубійствомъ, другіе, и между ними мекленбургскій посолъ Кёппель, жившій тогда въ Петербургѣ, свидѣтельствуютъ, что Броверъ былъ отравленъ. Человѣкъ образованный и подававшій большія надежды, какъ министръ, фойе-Броверъ былъ прежде всего придворнымъ и умеръ неоставивъ потомства. Вдова его Доротея-Амалія, родилась 1715 г., ум. 1800, была во второмъ бракѣ за Бухгольцомъ, и въ третьемъ — за польскимъ генералъ-лейтенантомъ барономъ Гольцъ.

(Россійск. родосл. книга, кн. Долгорукаго. 1856, ч. III. — Сичев. кавалер. россійск. орденъ, 1814. — Камеръ-фурьерскій журналъ 1739 г. — С. Петерб. Вѣдомости 1740—1743 гг. — Hermann's Geschichte des russischen Staats, 1853, V. — Büsching's Magazin, XV, S. 135)

50

Странно, что Биренъ упоминаетъ только о *двухъ* кабинетъ-министрахъ — Черкасскомъ и Бестужевѣ, тогда какъ Минихъ-сынъ, описывая этотъ утренній сѣздъ, положительно говоритъ: «даже самъ графъ Остерманъ, первый изъ трехъ кабинетъ-министровъ, не оставилъ туда явиться, котораго принесли въ креслахъ». — См. Записки Миниха-сына, 1817, с. 169—170.

51

Трудно понять это мѣсто. Императрица, по самому рассказу Бирена, видѣлась съ Минихомъ только 7 октября утромъ: этотъ день еще продолжается, когда она разговариваетъ съ Биреномъ. Въ какое же время и что такое могъ сказать Минихъ императрицѣ, о чемъ она продумала бы всю ночь — и какую?

52

Само собою разумѣется, что Биренъ, такъ писавшій, поступалъ совершенно иначе.

53

Фельдмаршалъ Минихъ, въ сочиненіи своемъ *Ébauche* и т. д. называетъ составителями этого акта: графа Остермана, князя Черкаскаго и самого герцога Бирена.

54

Вотъ что рассказываетъ фельдмаршалъ Минихъ въ своемъ *Ébauche* etc. объ этой любопытной аудіенціи Бирена и Остермана у императрицы. Когда Остерманъ испрашивалъ дозволенія прочесть государынь актъ о регентствѣ, ее величество спросила: «а онъ уже готовъ? кто сочинялъ его?» на что привставъ и кланяясь, Остерманъ отвѣтство-

валъ: «я, преданный рабъ вашего императорскаго величества». И Минихъ дѣлаетъ замѣтку, что слѣдовательно императрица никому не отдавала предварительныхъ приказаній о составленіи акта. Далѣе, когда Остерманъ, вслухъ читавшій актъ, дошелъ до того мѣста, гдѣ говорится о назначеніи Бирена регентомъ государства до 16-лѣтняго возраста Іоанна, императрица обратилась къ герцогу и спросила его: «развѣ тебѣ это нужно?» — Доказательство, замѣчаетъ фельдмаршалъ, что императрица вовсе не готовила Бирена въ регенты. — См. *Ébauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie*. Copenhagen, 1774.

55

Императрица Анна Іоанновна, какъ извѣстно, всегда и чрезвычайно боялась всякаго напоминанія, малѣйшаго намека о смерти. Въ царствованіе этой государыни изданъ былъ указъ 10 апрѣля 1740 г. о «непровозѣ покойниковъ» мимо императорскихъ дворцовъ. И вѣрите, что Биренъ, очень хорошо знавшій всѣ отгѣнки характера своей повелительницы, вовсе не осмѣливался заводить рѣчь о завѣщательномъ актѣ, не только постоянно отклонять государыню отъ его утвержденія.

56

Минихъ-сынъ, отъясъ фактъ подписки прошенія ко времени, предшествовавшему первой аудіенціи Остермана у императрицы, говоритъ, что это прошеніе имѣло цѣлю заявить желаніе избирателей не императрицѣ, а только самому Бирену. Всѣ дальнѣйшія событія въ промежуткѣ времени отъ дня первой аудіенціи Остермана до дня, въ который императрица подписала актъ, рассказываются у Миниха-сына совершенно иначе, нежели въ запискѣ Бирена. Такъ напримѣръ о собраніи 190 человекъ, съ гвардейскими капитанами включительно, и всѣхъ дѣйствіяхъ этого собранія, описанныхъ Биреномъ, Минихъ-сынъ не упоминаетъ ни слова, но свидѣтельствуетъ, что Биренъ, смущенный безотвѣтнымъ задержаніемъ акта подъ изголовьемъ императрицы, обратился къ принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ; упрашивалъ ее чрезъ баронесу Менгденъ о его назначеніи, присылалъ къ ней съ тѣмъ же особою депутацію — и съ этой стороны не успѣлъ нисколько, потому что принцесса рѣшительно отказалась напоминать теткѣ о близкой смерти.

(См. Минихъ-сынъ, 1817, с. 169—172.)

57

Князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, сынъ боярина князя Юрія Петровича и княжны Ирины Васильевны Голицыной, родился 18 августа 1667 г., служилъ въ потѣшныхъ Петра I, въ 1693 г. былъ уже прео-

браженскимъ капитаномъ, участвовалъ въ козюховскихъ маневрахъ (1694 г.) и обоихъ азовскихъ походахъ (1695—1696) и назначенъ стражемъ царевны Софїи въ Дѣвичьемъ монастырѣ. Послѣ стрѣлецкаго бунта 1698 г. Трубецкой наименованъ бояриномъ и новгородскимъ наѣстникомъ; въ чинѣ генераль-майора командовалъ дивизіею во время пораженія русской арміи подъ Нарвою 19 ноября 1700 г., причѣмъ выѣстъ со всѣми почти русскими генералами взять въ плѣнъ шведами и отправленъ въ Стокгольмъ, гдѣ пробылъ до 1718 г., когда, развѣщенный на шведскаго фельдмаршала Эреншильда, плѣнника подъ Полтавою, возвратился въ отечество. Петръ опредѣлилъ Трубецкаго генераль-губернаторомъ въ Кіевъ, съ чиномъ генераль-лейтенанта, и 28 января 1722 г. произвелъ его въ полные генералы, съ назначеніемъ присутствовать въ военной коллегіи. Пожалованный Петромъ II въ генераль-фельдмаршалы (25 февр. 1728 г.), князь Трубецкой въ эпоху избранія Анны Іоанновны явился противникомъ партіи верховнаго тайнаго совѣта, собиралъ въ своемъ домѣ недовольныхъ сю. и 24 февраля 1730 г. подалъ императрицѣ прошеніе о воспріятіи самодержавія, сочиненное княземъ Кантеміромъ и подписанное 276 дворянами, сопровождавшими фельдмаршала. За эту услугу Трубецкой слѣзанъ сенаторомъ, а 26 апрѣля 1730 г. получилъ андреевскую и александровскую ленты, обѣ выѣсты. 23 мая 1739 г. императрица назначила фельдмаршала генераль-губернаторомъ въ Москву, но онъ отказался отъ этой должности и 23 декабря того же года получилъ увольненіе отъ всѣхъ дѣлъ. Императрица Елизавета Петровна 14 декабря 1741 г. повелѣла Трубецкому быть сенаторомъ, но старецъ рѣдко ѣздилъ въ присутствіе и умеръ 16 января 1750 г. въ Петербургѣ, гдѣ тѣло его погребено въ лазаретской церкви Александровскаго монастыря. Послѣдній бояринъ на Руси, пережившій боярство цѣлымъ полувѣкомъ, князь Трубецкой не отличался блестящими дарованіями, не понималъ иностранной политики, сильно занкался, но имѣлъ здравый смыслъ, былъ добръ, мягокъ, миролюбивъ, учтивъ, обязательенъ, и по выраженію Нащокина «человѣкъ житія воздержнаго, добродѣтельнаго». Князь Трубецкой былъ женатъ два раза: 1) на княжнѣ Анастасьѣ Степановнѣ Татевой, ум. 1690 г.; 2) на Иринѣ Григорьевнѣ Нарышкиной, ум. 1749 г., — и оставилъ отъ втораго брака одну дочь, княжну Анастасію (род. 1700, ум. 1755 г.) выданную сначала, на 12 г. возраста, за молдавскаго господара и русскаго сенатора, князя Дмитрія Константиновича Кантеміра, потомъ по смерти его вышедшую за русскаго генераль-фельдмаршала, князя Лудвига-Вильгельма Гессенъ-Гомбургскаго. Кромѣ дочери, князь Трубецкой оставилъ побочнаго сына, прижитого въ Стокгольмѣ и столько известнаго впоследствии — Ивана Ивановича Бецкаго.

(Словарь достопамят. люд. рус. земли, Вагт.-Каменскаго, 1836, ч. V. — Росс. родосл. книга, кв. Долгорукаго, 1854, ч. I. — Собран. списк. кавалер. рос. орденовъ, 1814. — Списокъ воен. генер., 1809 — Дневникъ Берхгольца, 1858, ч. I и II. — Записки люка Ливійскаго, 1845,

с. 122. — Записки Нащокина, 1842, с. 95. — Камеръ-фурьерскіе журналы 1730 годовъ.)

Лудвигъ-Иоганнъ-Вильгельмъ, наследный принцъ гессенъ-гомбургскій, сынъ ландграфа Фридриха-Лаква и Христинны, принцессы мессау-отвейлерской, родился 4 января 1703 г., прибылъ въ Россію въ 1723 г., вмѣстѣ съ младшимъ братомъ своимъ Карломъ, и тогда же принять въ службу полковникомъ (а Карлъ гвардіи капитаномъ). Петръ I предполагалъ женить принца Лудвига на цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, но этотъ бракъ не состоялся по случаю кончины государя. Въ 1727 г., когда возникъ вопросъ о порядкѣ наследованія въ Курляндіи, принцъ Лудвигъ Гессенъ-Гомбургскій, какъ ближайшій родственникъ бездѣтнаго Фердинанда, герцога курляндскаго, предъявилъ свои притязанія на это герцогство, но безуспѣшно, потому что встрѣтилъ сильныхъ соперниковъ, сначала въ князѣ Меншиковѣ, потомъ въ графѣ Морицѣ саксонскомъ. 20 ноября 1727 г. императоръ Петръ II произвелъ принца Лудвига въ генералъ-майоры, а въ 1730 г. императрица Анна-Юанновна пожаловала его генералъ-лейтенантомъ и премьер-майоромъ преображенскаго полка, съ наименованіемъ членомъ военной коллегіи. Тогда принцъ Лудвигъ сблизился съ Биреномъ, въ 1732 г. назначенъ главнокомандующимъ русскихъ войскъ въ Персію, и здѣсь покусался съ 4 тыс. русскихъ солдатъ удержать 25 тыс. татаръ крымскаго султана Тертигирея, сразился съ ними у селенія Горячя, но былъ окруженъ татарами, едва успѣлъ ускокаты съ поля битвы. Отозванный въ Петербургъ въ исходѣ 1733 г., принцъ Лудвигъ 10 февраля 1734 г. былъ награжденъ за свою службу орденами св. Андрея и св. Александра-невскаго, а въ юлѣ 1735 г. сдѣланъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ. Въ этомъ званіи принцъ Лудвигъ отправился съ Миникомъ въ Крымъ, былъ при взятіи Перекопа, взятіи Бахчисарая и сожженіи Ахмечети, но разошелся въ мѣтніяхъ съ главнокомандующимъ, не сочувствовалъ движенію цѣлою арміею, предпочиталъ дѣйствія малыми отрядами, привлекъ на свою сторону нѣсколько генераловъ, собирался лишить Миниха команды и тайно жаловался на него Бирену, который варадилъ надъ фельдмаршаломъ судъ, подъ председательствомъ Ласси, окончившійся безъ послѣдствій, прибытіемъ въ Петербургъ самого Миниха. Въ исходѣ 1737 года принцъ Лудвигъ занемогъ и выздоровѣлъ только въ день взятія Очанова, а въ 1738 году сдѣланъ директоромъ военной коллегіи. Нелюбя Миниха, принцъ Лудвигъ, мучимый честолюбіемъ, сильно желалъ занять мѣсто фельдмаршала, и сбѣдился съ Остерманомъ, немало способствовалъ увольненію Миниха при вранительницѣ. Съ объявленіемъ войны Швеціи, принцъ Лудвигъ снова обнажилъ мечъ, но, по свидѣтельству Менштейна, «находился въ почтительномъ разстояніи отъ непріятеля». Въ день восшествія на престолъ Елизаветы Петровны, 25 ноября 1741 г., принцъ Луд-

двигъ, содѣйствовавшій этому перевороту, объявленъ капитанъ-поручикомъ учрежденной тогда лейбъ-компаніи, званіе капитана которой приняла на себя ея величество; а въ день коронаванія императрицы, 25 апрѣля 1742 г., пожалованъ генераль-фельдмаршаломъ, директоромъ шляхетнаго кадетскаго корпуса и подполковникомъ измайловскаго полка; наконецъ при торжествованіи шведскаго мира, 13 іюля 1744 года, получилъ 49¹/₂ гановъ въ Лифляндіи. Вслѣдъ затѣмъ принцъ Лудвигъ по возникшимъ у него неудовольствіямъ съ канцлеромъ Бестужевымъ-Рюминымъ, рѣшился оставить Россію и жить въ своемъ княжествѣ, но выхавъ за границу, умеръ въ Берлинѣ 12 октября 1745 г. Принцъ Лудовикъ Гессель-Гомбургскій имѣлъ нравъ безпокойный, слабый, сварливый, былъ въ ссорѣ со всемъ Петербургомъ и друженъ съ однимъ жестокомъ, ненавидѣлъ канцлера Бестужева, заставилъ пострадать фельдмаршала Миниха и князя Василія Владиміровича Долгорукаго, привелъ въ совершенное разстройство въѣзженную ему русскую артилерію, но донесъ императрицѣ въ 1733 г. о сиротѣ въ Астрахани, нечаянно сдѣлался главнымъ виновникомъ учрежденія въ губернскихъ городахъ полиціи. Онъ былъ женатъ на вдовѣ молдавскаго господара княгинѣ Анастасіи Ивановнѣ Кантеміръ, рожденной княжнѣ Трубецкой, получившей въ день востшествія на престолъ императрицы Елизаветы Петровны сватерининскую ленту и умершей въ 1755 году.

(Биографіи россійскихъ генералиссим. и генераль-фельдмаршаловъ, Вант-Каменскі, 1840, ч. I. — Мѣсяцесловы академическіе за разные годы XVIII в. — *Memoires de Manstein*, 1771 г. — *Hermann's Geschichte des russischen Staats*. Hamburg, 1853, B. V.)

Григорій Петровичъ Чернышовъ, впоследствии графъ; сынъ полковника Петра Захаровича, родился 11 января 1672 г., смолоду служилъ въ столическѣмъ царемъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ; потомъ вступилъ въ военную службу, записанъ въ солдаты 1699 г., былъ при взятіи Кюкенгаузена и Давалиндшанца 1701 г., Шляссельбурга 1702 г. и шведскаго Канцова, у нынѣшней Охты; въ 1703 г. Произведенный въ 1706 г. въ майоры, Чернышовъ командовалъ тобольскимъ пѣхотнымъ полкомъ; былъ съ нимъ при осадѣ Парвы, половилъ коменданта Горна, звалъ Ивангородъ, и за всѣ подвиги пожалованъ 1705 г. подполковникомъ. Во время измѣны Мазепы полковникъ Чернышовъ воспрепятствовалъ королю Карлу XII овладѣть городомъ Новгородомъ-Сѣверскимъ (1708); потомъ участвовалъ въ полтавскомъ сраженіи и получилъ чинъ бригадира (1709), былъ при взятіи Выборга, гдѣ самъ занялъ одно изъ городскихъ предмѣстій, за что пожалованъ царскимъ портретомъ съ орденами и назначенъ выборгскимъ комендантомъ (1710); произведенъ за взятіе Гельсингфорса въ генераль-майоры (1713), а въ слѣдующемъ 1714 разбилъ шведовъ у оз. Пелкина, раненъ въ этомъ бою три раза, получалъ вторично драгоценный царскій портретъ и знатную сумму

денегъ, но за ранами опредѣлень въ адмиралтейство. Екатерина I назначила Чернышова генераль-кригсъ-комисаромъ, въ чинѣ генераль-поручика, и въ тотъ же день 21 мая 1725 г. пожаловала ему Александровскій орденъ, тогда учрежденный, а потомъ опредѣлила Чернышова губернаторомъ въ Воронежъ, откуда Петръ II перевелъ его въ Ригу. Императрица Анна Иоанновна, принявъ самодержавіе 1730 г., сдѣлала Чернышова сенаторомъ (4 марта), полнымъ генераломъ (28 апрѣля), и московскимъ генераль-губернаторомъ (1732 г.). Но эту должность Чернышовъ оставилъ скоро; занимался въ 1736 г. пріемомъ лошадей, собираемыхъ съ государства для кампаніи Миниха и присутствовалъ въ Москвѣ; потомъ былъ первымъ членомъ комиссіи о разборѣ жлобанныхъ земель въ Ингерманландіи и 14 февраля 1740 г., въ день празднованія мира съ Турціею, получилъ отпущеніе 12,000 руб. недоимки съ своихъ имѣній. Елизавета Петровна 30 ноября 1741 г. возложила на Чернышова андреевскую ленту и 25 апрѣля 1742 г. воззела его въ графское російской имперіи достоинство. Но три года спустя гр. Чернышовъ умеръ въ Петербургѣ 30 іюля 1745 г. и погребенъ на старомъ лазаревскомъ кладбищѣ Александровской лавры. Мало образованный, но искренно преданный Петру, гр. Чернышовъ, по отзыву дюка Лирійскаго, «былъ уменъ, храбръ, служака, чрезвычайно скупъ, живъ и не любилъ иноземцевъ». Иностранные писатели считаютъ его наобрѣтателемъ ревнѣй въ Россіи. Гр. Чернышовъ былъ женатъ на вѣстной любимицѣ Петра I, Авдотѣ Ивановнѣ Ржевской (1693—1747) и оставилъ отъ брака съ нею четырехъ сыновей, изъ которыхъ трое были потомъ андреевскими кавалерами, и четырехъ дочерей. Старшая правнучка его, гр. Софья Григорьевна, послѣдняя въ родѣ, передала своему мужу, тайному совѣтнику Ив. Гавр. Кругликову титулъ и фамилію своего отца. Такъ произошли настоящіе графы Чернышovy-Кругликовы, огромное имѣніе которыхъ, указами 2 января 1774 г. и 6 янв. 1832 г., обращено въ майоратъ.

(Словарь достопамятн. людей русской земли, Бантышъ-Каменскаго. 1847, ч. VIII. — Списокъ военнымъ генераламъ, 1809. — Списокъ навал. російск. орленовъ, 1814. — Россійск. родослов. книга, ии. Долгорукаго. 1855, ч. II. — Дневникъ Берхгольца, 1858—1860, ч. I, II, IV. — Записки дюка Лирійскаго, 1845, с. 126. — *Anecdotes intéress. de la cour de Russie*. Londres, 1792.)

Гр. Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ, сынъ канцлера гр. Гавриила Ивановича и Домны Андреевны, по отцу Дивовой, родился около 1700 г.; указомъ 5 мая 1712 г. посланъ для образованія за границу, учился въ Лейпцигѣ и Галле. — По возвращеніи въ Россію Головкинъ пожалованъ сержантомъ гвардіи; женился въ 1722 г. на единственной дочери князекесаря Ромодановскаго и тогда же назначенъ резидентомъ въ Берлинъ, съ переименованіемъ въ камеръ-юнкеры. Отправившись туда на смѣну

брата своего, посланника, призваннаго Петромъ въ Петербургъ, Головкинъ въ 1723 г. пожалованъ камергеромъ и командированъ изъ Берлина въ Парижъ, привѣтствовать короля Людовика XV съ восшествіемъ на престолъ. Въ Берлинѣ, Головкинъ находился по самую кончину Петра; былъ въ 1725 г. вызванъ Екатериною I въ Россію, и въ 1726 г. сдѣланъ дѣйствительнымъ камергеромъ, а при Петрѣ II получилъ александровскій орденъ (29 іюня 1727 г.). Императрица Анна Іоанновна, вступивъ на престолъ въ 1730 г., назначила Головкина, женатаго на ея двоюродной сестрѣ, сенаторомъ (4 марта), произвела его въ тайные совѣтники (2 апр.), возложила на него 28 апрѣля 1731 года андреевскую ленту и повелѣла ему вѣдать ему денежный дворъ. Въ 1733 году Головкинъ сдѣланъ членомъ комиссіи объ улучшеніи мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ въ Россіи, а въ 1734 г. наименованъ главнымъ директоромъ монетной канцеляріи. — Усердно занимаясь вѣренною ему частью, Головкинъ въ 1739 г. былъ пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, но не искалъ почестей, не терпѣлъ Бирена, прямо возставалъ противъ его жестокостей, едва не погибъ въ эпоху регентства (17 окт. — 8 ноябр. 1740 г.), и 10 ноябр. 1740 г., на другой же день по низверженіи Бирена, поздравленъ отъ правительницы званіемъ вице-канцлера, сдѣланъ, съ согласія всемогущаго тогда Миниха, кабинетъ-министромъ, и въ этомъ качествѣ, 16 дек. того же года, подписалъ союзный договоръ съ Пруссіею. — 28 янв. 1741 г., при раздѣленіи вѣдѣній между кабинетъ-министрами, Головкинъ обще съ Черкасскимъ получилъ на свою долю всѣ внутреннія дѣла — по сенату, синоду, камеръ-коллежскимъ сборамъ, государственнымъ доходамъ, комерціи и юстиціи; пользовался особеннымъ расположеніемъ правительницы, двоюродной племянницы его жены; первый задумалъ провозгласить Анну Леопольдовну соимператрицею, но борясь съ Остерманомъ и враждуя съ принцемъ Антономъ-Ульрихомъ, содѣйствовалъ раздѣленію двора на партіи, а потому — и самому паденію правительницы. Въ ночь на 25 ноября 1741 г. Головкинъ былъ арестованъ именемъ новой императрицы Елизаветы, потомъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость и преданъ суду, приговоренъ къ смерти за сочиненіе нѣкотораго отъииваго о наследствѣ имперіи опредѣленія, выведенъ 17 янв. 1742 г. на сенатскую площадь, услышалъ здѣсь о дарованіи ему жизни, и лишонный чиномъ, орденомъ, имуществомъ, — сосланъ на вѣчное житье въ Собачій-Острогъ (паче Средне-Кольмскъ, якутской обл.), куда за своимъ мужемъ добровольно послѣдовала добродѣтельная дочь князя-кесаря Ромодановскаго. Больше 15 лѣтъ бѣдствовалъ Головкинъ въ Собачьемъ-Острогѣ, выходя изъ дома пешаче какъ въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ съ ружьями. споря съ яствыми казаками за рыболовныя межи въ Колымѣ и ежевоскресно являясь въ приходскую церковь, гдѣ разъ въ годъ онъ былъ обязанъ, выпрямляя и сирестивъ на груди руки, выслушивать какую-то бумагу, а за ней увѣщаніе священника. 10 ноября 1756 г. ударила последнѣйшая часть Головкина; вдова-графиня отвезла тѣло мужа въ Москву и похоронила его въ бывшемъ георгиевскомъ монастырѣ, что теперь приход-

ская церковь, между переулками Камергертскимъ и Георгіевскимъ, неподалеку отъ дома благороднаго собранія. Истинный патріотъ и искусный министр; гр. Головкинъ имѣлъ научныя свѣдѣнія, отличался добросердечіемъ, справедливостію, гостепріимствомъ, но не былъ чуждъ гордости, упрямства, настойчивости, иногда злости, любилъ предаваться дѣли и вѣгѣ, ненавидѣлъ Бирена и Остермана, незаслуженно презиралъ всѣхъ безъ изыатія иноземцевъ. Отъ брака своего съ княжною-кесаревною Екатериною Ивановною Ромодановскою (о ней см. прим. 75), гр. Головкинъ дѣтей не имѣлъ.

(Словарь достопамят. людей русск. земли, Д. Бант.-Каменск. 1636, ч. II — Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, Терещенко, 1837, ч. III. — Русская старина, въ памяти. перк. и гражд. зодчества, Мартынова и Снегирева. Москва, 1853, IV, 41. — О ссылкѣ въ восточную Сибирь замѣчательн. лицъ, Сельскаго, въ журн. «Русское Слово» за 1861 г., авг. — Записки кн. Шаховскаго, 1810, ч. I, с. 62—70; 112—116. — Дневникъ Верхгольца, 1858, ч. I, II.)

61

Фамилія Юшковыхъ была одною изъ самыхъ приближенныхъ къ семейству императрицы Анны Іоанновны. Бояринъ Борисъ Гавриловичъ Юшковъ (ум. 1719) служилъ дядькою при царѣ Іоаннѣ Алексѣевичѣ, отцѣ императрицы; а Василій Алексѣевичъ Юшковъ состоялъ спальникомъ и считался любимцемъ царицы Прасковьи Федоровны, матери императрицы. Подполковнику, о которой говоритъ Биренъ, звали Анной Федоровной.

(Московскія губернскія вѣдомости 1844 г., № 14, прибавленіе. — Древняя Россійск. Визіюшка, изд. 2, т. XVII, с. 67. — О поврежденіи правды въ Россіи, кн. Щербатова, въ Чтен. Общ. Истор. и Древн., 1858 г.)

62

Тутъ слѣдуетъ привести одно анекдотическое событіе, фактъ котораго Биренъ, независимо почему, опускаетъ. Когда замышляно было поддѣлано и Биренъ съ Остерманомъ перешли изъ опочивальни императрицы въ сердечные апартаменты, Биренъ, въ восторгѣ отъ перспективъ бананаго регентства, сказалъ собравшимся вельможамъ: «Господа! вы поступили какъ древніе римляне».

(См. санатскіи Миниха-сына, 1817, с. 174.)

63

Докторомъ принцессы Анны Леопольдовны былъ тогда Аруицци Азаритти (или Аваретти), изъ Апуліи. Онъ учился въ Падувѣ; получилъ тамъ степень доктора медицины и въ 1721 году прибылъ въ Россію,

въ свѣтъ графа Саввы Рагузинскаго. Тогда же опредѣленный профессоромъ анатоміи въ медико-хирургическое училище, Аццаритти втеченіи всего цѣлствованія Петра II (1727—1730) состоялъ полевымъ врачомъ при фельдмаршалѣ Сакербѣ, а въ 1737 году при фельдмаршалѣ Миннихѣ. Нѣсколько разъ съ архіатеромъ Фитеромъ, Аццаритти былъ оставленъ, но по ходатайству Минниха снова опредѣленъ на службу въ 1738 г., съ назначеніемъ генераль-штабъ-докторомъ арміи и содержаніемъ по 900 рублей въ годъ. Въ регентство Вирена Аццаритти, кромѣ медицинской службы при Аннѣ Леопольдовнѣ, былъ въ качествѣ консултанта призываемъ на совѣщанія Финсера съ Санхецомъ, состоявшихъ собственно при младенцѣ-императорѣ. 1 января 1741 года Аццаритти пожалована была. Послѣ паденія правительницы, 24 ноября 1741 года, Аццаритти сопровождалъ ее изъ Петербурга и раздѣлилъ съ нею заключеніе въ Ригѣ. Но здѣсь же, по высочайшему повелѣнію отъ 23 мая 1742 года, Аццаритти былъ арестованъ и повезенъ камеръ-юнкеромъ Воронцовымъ въ Москву. Чтò сталося потомъ съ Арунцїемъ Аццаритти, когда и гдѣ умеръ онъ — неизвѣстно.

(Исторія медицины въ Россіи, Рихтера, 1820 г., ч. III, 171—173; 304 — Описаніе секретн. бумаг., до прии. брауншвейг. относящихся, въ Чтен. Общ. Ист. и Древн., 1861 г., кн. II. — С. Петербургскіи вѣдомости 1741 г.).

64

О болѣзни принцессы именно въ это время, никто кромѣ Вирена не говоритъ ни слова. Но упоминается, что императрица, подхитывая ея о регентствѣ, сказала Вирену: «Сожалѣю тебя, герцогъ: ты стремишься въ своей гибели!»

(См. обзоръ главнѣйшихъ событій въ Россіи съ кончины Петра-великаго до вступленія на престолъ Елизаветы, Веденейера, 1835 года, ч. II, с. 135.)

65

Кончина императрицы послѣдовала въ пятницу, въ девять часовъ вечера, 17 октября 1740 года. — Дочь царя Іоанна Алексѣевича и царицы Прасковьи Федоровны, изъ фамиліи Салтыковыхъ, Анна Іоанновна родилась 28 января 1694 года въ Москвѣ, и въ отрочествѣ обучалась языкамъ нѣмецкому и французскому — у своихъ наставниковъ, Остерманна и Риббурха. Петръ I, заключая договоръ съ прусскимъ королемъ въ Мариенвердерѣ 11 октября 1700 года, условили выдать племянницу свою Анну за королевскаго племянника Фридриха-Вильгельма, герцога курляндскаго, створилъ ее 10-го и обручилъ 18 іюня 1710 года, а 31 октября же года вѣнчалъ бракосочетаніе царевны, въ Петербургѣ, въ палаткѣ вблизи Меншикова. Но 9 января 1711 года герцогъ, на пути въ Курляндію умеръ въ Кишинѣ, оставивъ сорокъ черствъ отъ Петер-

бурга, и овладевшая герцогиня, довольствуясь весьма ограниченными содержаніемъ, проживала съ этого времени въ Митавѣ, прѣѣзжала въ Петербургъ и Москву и была предметомъ нѣсколькихъ брачныхъ договоровъ (см. прим. 4), разрушенныхъ политическими обстоятельствами. Въ ночь на 19 января 1730 года скончался императоръ Петръ II, и въ тотъ же день состоялось избраніе герцогини курляндской на русский престолъ, съ нѣкоторыми впрочемъ ограниченіями. Въ Митаву отправилась особая депутація, герцогиня приняла условія, 15 февраля прибыла въ Москву, 25 февраля объявила себя самодержавною и короновалась 28 апрѣля 1730 года. Къ извѣстнѣйшимъ событіямъ десятилѣтняго правленія императрицы Анны Иоанновны принадлежать: *въ 1730 году*: уничтоженіе верховнаго тайнаго совѣта и возвращеніе сенату именовавшаго «правительствующій», вмѣсто бывшаго «высокій» (4 марта); изгнаніе и удаленіе отъ двора фамилии князей Долгорукихъ (апрѣль и іюнь); учрежденіе третьяго гвардейскаго полка, измайловскаго (22 сентября); союзный договоръ съ Даніею (20 октября); *въ 1731 году*: открытіе судоходства по ладожскому каналу (1 мая); учрежденіе кадетскаго корпуса (27 іюля); учрежденіе кабинета (10 ноября) и полка конной гвардіи (31 декабря); добровольное принятіе русскаго подданства среднею и мешьшою киргизскими и нижнею каракалпакскою ордями; *въ 1732 году*: договоръ съ Персіею въ Рязцѣ и уступка шаху провинцій, завоеванныхъ Петромъ I (21 января); *въ 1733 году*: вооруженная помощь королю польскому Августу III противъ притязаній Станислава Лещинскаго; *въ 1734 году*: взятіе Минихомъ Данцига (18 іюня); торговый трактатъ съ Англіею (4 декабря); персидскій, бухарскій и казанскій послы въ Петербургъ; *въ 1735 году*: движеніе русской арміи, подъ предводительствомъ Ласси и Кейта, къ Рейну, на помощь королеви венгеро-богемской Маріи Терезіи противъ ея враговъ; разрывъ съ Турціею и походъ генерала Леонтьева въ Крымъ, но безъ военачныхъ дѣйствій; бунтъ башкировъ по Яику; застроенъ городъ Оренбургъ; *въ 1736 году*: взятіе Минихомъ Перекопа, въ Крыму (21 мая), занятіе Бахчисарая и Ахмечети; Ласси покорилъ Азовъ (14 іюня); дворянству определенъ двадцати-пяти-лѣтній срокъ службы, считая съ двадцати-пяти лѣтняго возраста (31 декабря); *въ 1737 году*: Минихъ взял приступомъ Очаковъ (2 іюля); покорилъ Хотинъ (3 іюля); избраніе оберъ-камергера графа Бирена въ герцога курляндскіе; страшные пожары въ Москвѣ и Петербургѣ; *въ 1738 году*: походъ Миниха къ рѣкѣ Днѣпру; впаденіе крымскихъ татаръ въ Украйну; самозванецъ въ Малороссіи, Иванъ Миницкій, привалъ имя царевича Алексѣя Петровича въ казенъ; *въ 1739 году*: Минихъ разбилъ турковъ при Ставучанахъ (17 августа); бѣлградскій миръ съ Турціею (18 сентября); бракъ принцессы Анны Леопольдовны съ принцемъ Антономъ-Ульрихомъ (3 іюля); казнь князей Долгорукихъ въ Новгородѣ (8 ноября); *въ 1740 году*: мирныя торжества въ Петербургѣ и ледяной домъ (14 февраля); казнь кабинетъ-министра Вольфскаго (27 іюня); рожденіе принца Іоанна (12 августа); объявленіе его великимъ княземъ и наследникомъ всерос-

сийскаго престола (7 октября).—Женщина роста высокаго и наружности величественной, Анна Иоанновна не принадлежала къ числу красавицъ, имѣла работатое лицо, большой носъ, каріе, острые глаза, темныя волосы и сильный, мужской голосъ. Образъ жизни императрицы распредѣлялся такъ: отъ 11 до 12 часовъ дня и потомъ отъ 4 до 9 вечера, ея величество принимала, играла въ карты, забавлялась шутами или стрѣляла въ цѣль, ѣдила верхомъ, травила звѣрей, но въ 10 часовъ вечера непременно ложилась спать и всегда вставала въ 6 часовъ утра. Обладая яснымъ умомъ и богатою памятью, императрица твердо вѣрила, что правосудіе есть здравіе и цѣлость государства, постоянно преслѣдовала несправедливость, хлопотала о внутреннемъ порядкѣ и внѣшнемъ значеніи Россіи, не жалѣла издержекъ на приданіе блеска своему двору, сама же отличалась воздержностью, одѣвалась просто, любила соблудности экономію. Но лишонная отъ природы мягкихъ свойствъ, составляющихъ общій уделъ женщинъ, Анна Иоанновна, къ несчастію Россіи, слѣпо довѣрялась одному Бирену, человѣку съ истинными жесткими, всегда кровожадному. Потому-то въ Россіи втеченіи цѣлыхъ десяти лѣтъ слышались, по выраженію Мальгина, «сердечное сътованіе, томныя воздыханія и молчній вопль изнуренныхъ до костей россиявъ». Тѣло императрицы Анны Иоанновны погребено 23 декабря 1760 года въ Петербургѣ, въ Петропавловскомъ соборѣ.

(Зерцало россійскихъ государей, Т. Мальгина, 1794 г., с. 564 и д. — Обзоръ главнѣйшихъ событій въ Россіи, Ведемейера. 1835 г., ч. I, с. 117 и д., ч. II — Записки Миниха-сына, 1817 г., с. 175—187. — Записки люка Ларійскаго, 1645 г., с. 114. — Письма леди Ровдо, 1836 г., с. 45. — О поврежденіи правовъ въ Россіи, князя Щербатова, въ Чтен. Общ. Ист. и Древн., 1858 г., кн. II. — Extraits des dépêches, Berlin, 1858. — Anecdotes intères. de la cour de Russie. Londres, 1792. — Peter von Hawens Reise in Russland, Copenhagen, 1744. — Materialien zu der russischen Geschichte, Schm.-Phischdek. Riga, 1784, В. Н.).

66

Больной и провинутый скорбью герцогъ, замѣтивъ во время чтенія акта княземъ Трубецкимъ, что принцъ Антошъ-Ульрихъ невольничко стоялъ за стуломъ Анны Леопольдовны, — подошелъ къ принцу и ласкательно спросилъ его: не желаетъ ли онъ его высочество послушать по слѣдую волю покойной императрицы? Въста отвѣта, отецъ императора подошелъ къ толпѣ, окружавшей чтенца.

(См. Записки Миниха-сына, 1817 г., с. 148.)

67

Происходило слѣдующее: кабинетъ, синодъ, сенатъ, фельдмаршалы и генералитетъ, будучи въ собраніи, по довольнономъ разсужденіи согласно опредѣлили и утвердили: — именовать Бирена *ex officio*

регентамъ всероссійской чмвръи, герцогу курляндскому, инфляндскому и самгальскому, о чемъ 19 октября падеиъ и манифестъ. Есть однакоже извѣстiе, что 18 октября, то-есть въ субботу, Биронъ былъ въ придворной церкви, лично принималъ отъ всѣхъ присягу и поздравленiе.

(С. Петербургскiя Вѣдомости 1740 г., № 86. — Записки Минихсына, 1817 г., 188.)

68

Биронъ говоритъ объ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, которой онъ, какъ цесаревнѣ, опредѣлилъ 19 октября 1740 года ежегодное жалованье въ 50,000 рублей.

69

Эти преображенскiе офицеры были не два поручика, какъ пишетъ Биронъ, а капитанъ Петръ Ханьковъ и поручикъ Василiй Аргамаковъ. Любопытствовавъ узнать, что сталося въслѣдствiи съ первыми жертвами регентства, мы отыскали въ старинномъ рукописномъ спискѣ преображенскихъ офицеровъ слѣдующее: Ханьковъ, 21 марта 1741 года, чрезъ четыре мѣсяца послѣ пытки, уклоненъ за негодностью къ службѣ, армiи подковникомъ; Аргамаковъ же, вѣроятно болѣе крѣпкiй, продолжалъ служить и умеръ веранѣ 14 лѣтъ спустя, 28 октября 1754 года, въ чинѣ гвардiи капитанъ-поручика.

70

Несмотря на всѣ наши поиски, мы затрудняемся съ увѣренностью назвать этихъ двухъ поручиковъ. Замѣтимъ однакоже, что при слѣченiи списка прикрытыхъ знаменемъ по указу 4 апрѣля 1741 года съ спискомъ преображенскихъ офицеровъ того же времени, оказывается почти одно и то же лицо — Андрей Вельяминовъ-Зерновъ, названный въ указѣ гвардiи: адъютантомъ, а въ преображенскомъ спискѣ: квартирмейстеромъ. Впрочемъ квартирмейстеръ и адъютантъ того времени занимали въ полковой иерархiи степень одинаковую и всегда состояли въ рангѣ поручичествъ. Противъ имени поручика-квартирмейстера Андрея Вельяминова-Зернова въ преображенскомъ спискѣ помѣчено: 1741 г. мая 28 умре. Поэтому мы готовы думать, что именно онъ былъ однимъ изъ поручиковъ, показавшихся на этотъ разъ регенту и слѣдовательно въ застѣнокъ.

71

Этотъ уцѣлѣвшiй офицеръ былъ гвардiи преображенскаго полка сержантъ Нилъ Петровъ Акциновъ. Прикрытый знаменемъ 4 апрѣля 1761

года, наряду со всѣми, которые шли къ службѣ ревность и будучи въ розыскахъ неповинно страдали, и намъ яко природному и истинному государю своему вѣрно служила, Акинфовъ въ 1743 году былъ уже преображенскимъ подпоручикомъ. Но тогда, по указу 29 августа, за нѣкоторое преступленіе, написанъ тѣмъ же чиномъ въ армію. Нѣкоторое преступленіе» Акинфова состояло въ прикосовѣнности къ извѣстному дѣлу о заговорѣ маркиза де-Ботта д'Адорно, бывшаго венгеро-богемскаго посла въ Россію. Любопытное, что весьма многіе, пострадавшіе въ эпоху регентства за усердіе къ Аннѣ Леопольдовнѣ, увлечены въ томъ же и по дѣлу де-Ботта.

(С. Петербургскія Вѣдомости 1741 г., извѣстіе подъ 4 апрѣля. — Валовой списокъ офицеровъ преображенскаго полка, рукописн. — Опытъ обзорной жизни сановниковъ, Терещенко, 1837 г., ч. II, с. 73).

72

Кромѣ того, что этотъ капитанъ назывался Василій Аристовъ, мы ничего не можемъ добавить къ показанію Бирена.

(См. С. Петербургскія Вѣдомости 1741 г., извѣстіе подъ 4 апрѣля).

73

Графиня Анна Гавриловна Ягужинская, потомъ графиня Бестужева, Рюмина, была рожденная графиня Головкина, дочь канцлера (см. прим. 12), а въ описываемое время — вдова извѣстнаго П. И. Ягужинскаго, перваго генераль-прокурора въ Россіи, одного изъ усердѣйшихъ сподвижниковъ Петра I. Въ молодости Анна Гавриловна принадлежала къ числу образованнѣйшихъ петербургскихъ дѣвицъ, прекрасно говорила по-французски, отличалась любезностью, слыла первою въ танцахъ, и въ 1722 году вышла за графа Ягужинскаго. Цѣль свадьба была, 10 ноября и вся императорская фамилія присутствовала при дѣчаніи, потомъ ужинала у новобрачныхъ. 21 мая 1725 года, въ день свадьбы десатревны Анны Петровны съ герцогомъ голштинскимъ, Ягужинская пожалована статсъ-дамою. Послѣ этого еще одиннадцать лѣтъ продолжалась она счастливымъ супружествомъ, оловѣла въ 1736 г., и переставъ являться ко двору, начала жизнь уединенную, занималась дѣтьми, питала нѣжную привязанность къ брату, Михаилу Гавриловичу Головкину (см. прим. 69). Арестъ брата въ 1741 г. и ссылка его въ 1742 г. чрезвычайно волѣнствовали на сестру. Ягужинская вознегодowała на настоящій порядокъ вещей и сдѣлалась тайною недоброжелательницею новаго правительства; но думала ли она дѣйствительно предпринимать что-нибудь — осталось неизвѣстнымъ. Въ маѣ 1743 г. графиня Ягужинская вступила во второй бракъ — съ оберъ-гофмаршаломъ графомъ Михаиломъ Петровичемъ Бестужевымъ-Рюминымъ, къ которому не чувствовала ничего кромѣ холодности, а въ іюлѣ была уже арестована, подвергнута допросамъ и пыткамъ. Дѣца оберъ-гофмаршала случалась

нашъ соучастница въ заговорѣ маркиза де-Ботта д'Адорне, которому приписывали намѣреніе лишить императрицу Елизавету престола. Въсѣтъ съ многими другими, вовлеченными въ дѣло, графиня Бестужева-Рюмина была приговорена къ смерти, но вмѣсто того 31 августа 1743 г. выдана на Васильевскій островъ и здѣсь публично бита кнутомъ, причѣмъ ей урѣзанъ языкъ, а затѣмъ отправлена на вѣчное житье въ Якутскъ. Въ ссылкѣ графиня Бестужева-Рюмина пользовалась полною свободою, имѣла всегда деньги, одѣвалась богато, много проигрывала въ карты, говорила совершенно вразумительно и чрезъ нѣсколько лѣтъ получила позволеніе возвратиться изъ Сибири. Когда и гдѣ умерла графиня Бестужева-Рюмина, неизвѣстно. Двѣ дочери ея отъ перваго брака были замужемъ: 1) Анна, въ юности Августы (1732—1801), за генераль-лейтенантомъ графомъ Федоромъ Петровичемъ Апраксинымъ; 2) Марья (1732—1735) за генераль-аншефомъ графомъ Андреемъ Михайловичемъ Ефимовскимъ.

(Словарь достопамятныхъ людей русской земли, Д. Бантышъ-Каменскаго, 1836 г., ч. II. — Дневникъ Берхгольца, 1858—1860 г., ч. I, III IV. — Опытъ обзорѣнія жизни сановниковъ, Терещенко, 1837, II, 73. — О ссылкѣ въ восточную Сибирь замѣчательныхъ лицъ, Сельскаго, въ журналѣ Русское Слово, 1861, августъ. — Россійская родословная книга, князя Долгорукаго, 1854—1857 г., ч. I, II, IV. — Voyage en Sibirie, par M. l'abbé Chappé d'Auteroche. Amsterdam, 1769, II. — Russische Günstlinge, v. Helbig. Tübingen, 1809, s. 229 etc.)

74

Слѣдуетъ исправить ошибку герцога: Графиня Головкина и императрица Анна Ивановна доводились между собою не племянница и тѣтка, а двоюродныя сестры, и вотъ на какомъ основаніи: матери обѣихъ, княгиня Настасья Федоровна Ромодановская и царица Ираксилья Федоровна, супруга царя Иоанна Алексѣевича, — были родныя сестры, по отцу Салтыковы, дочери боярина Федора-Александра Петровича Салтыкова (ум. 1697).

(См. Россійская родословная книга, князя Долгорукаго, 1855 г., ч. II.)

75

Графиня Екатерина Ивановна Головкина, дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, московскаго генераль-губернатора и андреевскаго кавалера князя-кесаря Ивана Федоровича Ромодановскаго, отъ брака его съ Настасьей Федоровною Салтыковою, родилась 22 ноября 1701 г. въ Москвѣ, получала прекрасное по тому времени воспитаніе, была постоянно ласкаема Петромъ I, и въ силу кесарскаго достоинства, принадлежавшаго дѣду, потомъ отцу ея, пользовалась исключительнымъ почетомъ между всѣми своими сверстницами-аристократками. Одна изъ богатѣйшихъ въ Россіи невѣстъ, княгиня-кесаревна

ишла за графа Михаила Гавриловича Головкина (см. прим. 60) и на въ свадьбѣ, 8. апр. 1732 г., самъ Петръ исправлялъ обязанность маршала, предводилъ танцами, подносилъ гостямъ напитки. При избраніи на русскій престолъ вдовствующей герцогини курляндской графиня Головкина, побывавшая до этого съ мужемъ за границею, назначена 4 марта 1730 г. второю въ число четырехъ статсъ-дамъ императрицы, своей двоюродной сестры. Но избѣгая столкновеній съ Биреномъ, Головкины рѣдко бывали во дворцѣ и графиня посвящала все свое время уходу за подагрякомъ-мужемъ. Въ эпоху трехлѣтняго регентства Головкины, въ домѣ которыхъ собирались всѣ недовольные герцогомъ-регентомъ, едва не пострадали; но ихъ гости, сваченыи и преданы вытѣкамъ, ни однимъ словомъ не выдали ни графа, ни графиню. Съ переходомъ власти въ руки правительницы, двоюродной племянницы графини Головкиной, положеніе послѣдней казалось устроеннымъ какъ нельзя лучше: пользовалась уваженіемъ матери императора и почтеніемъ всего двора, графиня Головкина, небольшая охотница до придворной жизни, спокойно уединилась у себя дома и благотворила бѣднымъ. Скоро однакоже все переѣнилось. Ночью на 25 декабря 1741 г. графъ Головкинъ былъ арестованъ, потомъ преданъ суду и въ январѣ 1742 г. приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь. Императрица велѣла объявить графинѣ Головкиной, что жена, виновная въ преступленіи мужа, остается при всѣхъ своихъ правахъ. Но графиня, отказавшись отъ всего, не хотѣла обвинить большого мужа, и добровольно послѣдовала за нимъ въ ссылку, безропотно переносила изгнаническую жизнь въ Собачьемъ-Острогѣ, на отдаленныхъ предѣлахъ якутскаго края, холила своего графа, излечила его совершенно — и пережила. Овдовѣвъ 10 ноября 1756 г., графъ Головкина еженочно молилась на могилѣ мужа, котораго погребла въ сѣняхъ своей хижины; потомъ съ высочайшаго разрѣшенія перевезла тѣло бывшего вице-кавалера въ Москву, вторично похоронила его въ Георгіевскомъ монастырѣ, продолжала существовать единственно для немущихъ, пріобрѣла уваженіе всѣхъ современниковъ и умерла 20 мая 1791 г., почти девятилѣтнею. Вся жизнь ея была служеніе добру и ближнимъ. Тѣло графини Головкиной погребено въ Знаменской церкви московскаго Спасо-андроникова монастыря.

(Словарь достопамят. людей русскаго царства, д. Бант.-Камовскаго, 1836, II. — Дневникъ Берхгольца, 1858, ч. I, II. — Записки князя Шаховскаго, 1840, ч. I, с. 65, 67, 115. — Русская старина, Мартынова и Снегирева, 1853, ч. IV, с. 48. — Спасо-Андрониковъ, сочин. Иванова-Писарева, 1842, с. 36—38. — Россійск. родосл. книга, князя Долгорукаго, 1855, ч. II, с. 51.)

некаль пометить дочери Петра I, императрица Елизавета Петровна, для свиданія которой было написано и самое сочиненіе:

77

Францъ, бывший въ то время английскимъ посланникомъ при петербургскомъ дворѣ, рассказываетъ эту сцену Бирена съ принцемъ несколько иначе. По его словамъ, регентъ пошелъ къ Антону Ульриху собственно для того, чтобы выразить ему неудовольствіе за мителкины покушенія офицеровъ семеновскаго полка, о чемъ уже носились слухи. Францъ, слушая угрозы регента, не только не возражалъ, но мнуганчивымъ и снобуженнымъ робко просилъ пощадить офицерамъ, которыхъ повинялъ молодостью. — См. *Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français*. Berlin, 1868, p. 68—69.

78

Эрнестъ Рейнгольд Мендель, родной братъ известной Юліаны, одѣланъ камеръ-юнкеромъ императрице 1 января 1741 г., а въ то время, на которое указываетъ Биренъ, Мендель находился въ числѣ камеръ-памей принцессы. Этотъ Мендель, служившій впоследствии шведскимъ ландротомъ, былъ возведенъ императоромъ Юсифомъ II въ графское рыцарской имперіи достоинство 1/2 июля 1776 г., и женатый три раза, пережилъ своего единственнаго сына Готгарда Юліана, генералъ-майора польской службы. — Графъ Эрнестъ Рейнгольд Мендель умеръ въ 1798 году.

79

Этотъ секретарь былъ Петра Грамотинъ. О томъ, что его прислала сама принцесса, говоритъ только одна Биренъ. Авторъ замѣчаній на манштейновы Записки о Россіи (въ которыхъ, замѣтливъ, г. Щербальскій видитъ того же Мишка-сына) свидѣтельствуетъ, что Грамотинъ былъ схваченъ за похищенія графа Головкина, хлопотавшаго въ пользу принцессы. Истязуемый цѣтками, Грамотинъ признавалъ себя участникомъ не только Головкинскаго замышля, но и другого, принадлежавшаго самому принцу, и въ мукахъ назвалъ одного изъ своихъ соучастниковъ, семеновскаго капитана князя Ивана Шувалова; а этотъ, покаявъ въ заступствѣ, выдалъ еще троихъ однопомочей: капитановъ Янниту Соколовина и Василія Чичерина и капитанъ-поручикъ Андрея Колударова. Всѣ они были схвачены и востраждош. Что касается самого Грамотина, то его, по изложеніи регента, произвели въ полковники и назначили директоромъ канцеляріи принца брауншвейгскаго, а по воцареніи Елизаветы предали суду, обвинивши въ «бравіи вѣстонъ за похищеніе», и по указу 22 января 1742 г., лишили чиновъ, но отпустили «въ домъ», съ запрещеніемъ однекоже поступать

шовъ на службу, — по немъ; до сего былъ въ матежнхъ рукавхъ; съестъ
 вытанъ чрезъ палача: Князь Путятину тоже довелось пострадать что-
 рично; въ 1743 г., обанувшій по дѣлу маркиза ди-Ботти, онъ битъ
 кнутомъ, лишонъ имущества и сосланъ въ Сибирь. Еще ранѣе Путятинъ
 испытала новую невзгоду. Чищеринъ, пожалованный правительни-
 цей въ секундъ-майоры гвардіи, али что тоже — въ армейскіе полков-
 ники: по указу 22 января 1742 г., онъ назначенъ премьеръ-майоромъ
 въ армию, зато что, исполняя порученіе принца брауншвейгскаго, на-
 блюдалъ, съ переодѣтыми нижними чинами семеновскаго полка, всѣхъ,
 кто посѣщаетъ цесаревну и доноситъ принцу. И только Соковиницъ
 съ Колударовымъ; уцѣлѣвъ при новой переимѣнѣ правленія, продолжали
 свою карьеру въ царствованіе Елизаветы Петровны. О Соковиницѣ мы
 знаемъ ниже (см. шри. 102), а Колударовъ въ 1744 г. былъ уже пол-
 ковникомъ, а тогда, въ числѣ прочихъ награжденных по случаю праз-
 днованія абоскзго мира, получилъ 27 іюля увольненіе отъ службы;
 съ придачею 170 душъ крестьянъ.

(«Отечественныя записки», изд. Свиньина. 1828, ч. XXXV, с. 368.—

Опытъ обзорѣнн жизни сановниковъ, Терещеню. 1837, ч. II, с. 73.—
 Нош. Собр. Зак., изд. 1830, т. XI, ст. 8506. — С. Петерб. Вѣдом-
 сти 1744 г.)

Адъютантомъ принца Августа-Ульриха былъ тогда армейскій его гувер-
 неръ, брауншвейгскій подполковникъ фонъ-Геймбургъ (называемый и
 Геймбурготъ), прекрасный кавалерійскій офицеръ, но плохой воспитатель
 и придворный человекъ съ характеромъ тяжелымъ, нерѣанительнымъ, по-
 дозрительнымъ. Пожалованный, при низложеніи регента, въ полковники и
 генеральскъ-адъютанты принца-генералиссимуса, Геймбургъ не пользо-
 вался расположеніемъ правительницы, потому что былъ ненавидимъ ка-
 неръ-Фрейлиною и любимицею ея высочества, Юліаною Менгденъ. Ко-
 гда правительство Анны Леопольдовны пало, Геймбургъ, непереста-
 вавшій числиться полковникомъ, былъ удаленъ изъ Петербурга вмѣстѣ
 съ принцемъ и раздѣлялъ въ Ригѣ и Динамидѣ заточеніе бывшихъ
 правителей, причежъ всѣ письма; адресуемыя на его имя; отпраля-
 лись ко двору, какъ подозрительныя, а податели задерживались
 подъ стражею, до полученія разрѣшительнаго именнаго указа. Но
 Геймбургъ не сопровождалъ брауншвейгскую фамилю въ Холмогоры
 онъ былъ въ Равенбургѣ заточенъ въ одно и тоже помѣщеніе съ
 Юліаною Менгденъ и вмѣстѣ съ нею отданъ подъ крѣпкій караулъ
 команды великолуцкаго полка. Тамъ въ неволѣ, Геймбургъ писалъ
 временамъ нѣмецкія письма то къ кабинетъ-секретарю императри-
 цы Черкасову, то къ камергеру Корфу и человекъ, какъ видно, бо-
 лѣзливый — часто выписывалъ себя чрезъ кабинетъ лекарства. Такъ
 4 сентября 1750 г. въ медицинскую канцелярію было послано пове-
 дѣніе отпрать къ Геймбургу: «штадербыхъ порошковъ десять;» птн-

левыхъ пидюль пять дозисовъ, ревеняго порошку пять дозисовъ, соли сибирской полуонта . — Свѣдѣнія о Геймбургѣ не простираются далѣе 1754 г.; и выѣхалъ ли онъ когда-нибудь изъ Раниенбурга, или тамъ умеръ, неизвѣстно.

(Описи секретнымъ бумагамъ, до принца брауншвейгскаго относящимся, въ Чтен. Общ. Ист. и Дреш., 1861, кн. II. — С. Петерб. вѣдомости 1741 г. — Mémoires de Manstein. 1771, p. 425.)

81

Андрей Яковлевъ, родомъ изъ Астрахани, служилъ въ тамошнемъ духовномъ приказѣ приставомъ; въ 1723 г., за вина, написавъ мѣстнымъ губернаторомъ Волынскимъ въ солдаты, но успѣвъ почему-то вкрасться въ довѣренность князя Меншикова и въ 1727 г. былъ употребленъ къ описи бумагъ арестованнаго генералиссимуса. Въ царствованіе Анны Иоанновны Яковлевъ достигъ званія секретаря военной коллегіи, сдѣланъ около 1737 г. кабинетъ-секретаремъ, сохранивъ казні въ турецкую войну болѣе 1,300,000 р., но по наѣтамъ того же Волынскаго, указомъ 1 сент. 1739 г., переведенъ за непорядочные поступки попрежнему въ военную коллегію. Вскорѣ однакоже Яковлевъ опять возвращенъ въ кабинетъ и въ августъ 1740 г. произведенъ въ статскіе совѣтники. Регентъ Биренъ, при первыхъ слухахъ о заговорѣ въ пользу брауншвейгской фамиліи, велѣлъ, 24 октября, схватить и пытать Яковлева, жена котораго, чрезвычайно походившая лицомъ на Анну Леопольдовну, считалась фавориткою принцессы. По прекращеніи регентства, Яковлевъ, уже приговоренный къ публичному наказанію кнутомъ, которое долженствовало совершиться 11 ноября, былъ за день до того пожалованъ правительницею въ дѣйствительные статскіе совѣтники, но въ 1741 г. получалъ увольненіе и награжденъ деревнями. Новая перемена правительства въ томъ же 1741 г. навлекла Яковлеву новыя бѣды: онъ тогда же былъ арестованъ, преданъ суду, обвиненъ какъ кофидентъ Меншикова, подававшій ему разные вредительные проекты безъ подписи, и по сентенціи 22 января 1741 г. лицомъ чиномъ, деревень, разжалованъ въ писаря астраханскаго гарнизона. Чтò стало съ Андреемъ Яковлевымъ впоследствии, мы не знаемъ.

(Записка объ Артеміи Волынскомъ, въ Чтен. Общ. Ист. и Дреш., 1858, кн. II. — Пол. Соб. Зак., изд. 1830, т. XI, ст. 8506. — С. Петерб. вѣдомости 1740—1741 г. — Anecdotes intéress. de la cour de Russie. Londres, 1792.)

82

Погребеніе тѣла императрицы Анны Иоанновны было предположено совершить 23 декабря 1740 г., чтò и состоялось по назначенію, съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ.

83

Мы не знаем, о котором именно Кейзерлингъ говорить Биренъ. При петербургскомъ дворѣ было тогда нѣсколько лицъ этой фамили, между собою родственныхъ.

84

Въ октябрѣ 1740 года — время, о событіяхъ котораго рассказываетъ Биренъ, — при петербургскомъ дворѣ находились только два Бреверна, братья Карлъ и Петръ, но ни одинъ изъ нихъ не былъ тогда статскимъ совѣтникомъ. Карлъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники еще до 1740 г. (см. прим. 49); а Петръ Бревенъ въ янв. 1740 г. пожалованъ изъ секретарей въ эстляндскіе губернаторскіе совѣтники и неравнѣ 1746 г. получилъ чинъ статскаго совѣтника. Мы думаемъ однакоже, что Биренъ, ошибаясь въ чинѣ переводчика, указываетъ именно на дѣйств. стат. сов. Карла Бреверна, всегда состоявшаго при иностранныхъ дѣлахъ вообще.

(Россійск. родосл. книга, кн. Долгорукаго, 1856, ч. III. — С. Петерб. вѣдомости 1740 и 1746 годовъ).

85

Геггардтъ Іоаннъ, родомъ курляндецъ, сначала гувернеръ принца Антоны-Ульриха, въ Петербургѣ, потомъ брауншвейгъ-вольфенбиттельскій дѣйствительный тайный совѣтникъ и статсъ-министръ, человекъ ограниченный, но интриганъ и лазутчикъ герцога Бирена. 23 апрѣля 1744 г. Кейзерлингъ получилъ графское достоинство прусскаго королевства, и сочетавшись третьимъ бракомъ съ владѣтельною графинею Трухсесъ фонъ-Вальдебургъ, принесшей ему въ приданое нѣстность Раутенбургъ, въ восточной Пруссіи, — сдѣлался родоначальникомъ старшей вѣтви нынѣшнихъ графовъ Кейзерлингговъ. Онъ умеръ въ 1761 году, 62 лѣтъ.

(Россійск. родосл. книга, кн. Долгорукаго, 1856, ч. III. — Mémoires de Manstein. 1771, p. 425).

86

Подробности сцены, происходившей въ собраніи вельможъ между регентомъ и принцемъ, излагаются въ нѣкоторыхъ источникахъ иначе. Разнорѣчіе этихъ источниковъ съ показаніями Бирена состоятъ въ слѣдующемъ: 1) Принцъ явился въ собраніе не добровольно, но регентъ посмалъ за нимъ. 2) Желаніе принца сложить съ себя всѣ должности изъявлено не въ самомъ собраніи, а на другой день, и также было дѣломъ регента, который съ этимъ предложеніемъ посмалъ къ принцу

дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Миниха, брата фельдмаршала. 3) Принцъ, вызволенный выговоромъ регента, ненаѣреинно положилъ руку на эфесъ шпаги, что Биренъ принялъ за вызовъ и отоказалъ, что онъ и этимъ путемъ готовъ дать удовлетвореніе принцу. 4) Рѣчь Ушакова принцу, вовсе неупоминаемая нынѣ, состояла въ выраженіяхъ несравненно умѣреннѣйшихъ, чѣмъ тѣ, какия приводитъ въ своемъ сочиненіи Биренъ.

(Записки Миниха-сына, 1817, с. 198—199. — *Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français*. Berlin, 1858, p. 69).

87

Если вѣрить Финчу, то актъ, содержаніе котораго забылъ Биренъ, не составлялся вновь, но остался тѣмъ же самымъ заѣщательнымъ актомъ императрицы, къ которому присутствующіе въ собраніи только приложили свои печати, — для удостовѣренія принца, сомнѣвавшагося въ подлинности подписи покойной государыни.

(См. *Extraits des dépêches*, Berlin, 1858, p. 74.)

88

Карлъ-Петръ-Ульрихъ, герцогъ голштинскій, племянникъ Елизаветы Петровны, сынъ ея старшей сестры, цесаревны Анны Петровны, а Карла Фридриха, герцога голштинскаго, родился 10 февраля 1728 г., въ Килѣ. Потерявъ мать въ самый годъ своего рожденія, а отца въ 1739 году, отрокъ-герцогъ наследовалъ безраздѣльно все герцогство цесаревичъ-голштинское, и въ эпоху, описываемую Биреномъ, жилъ въ Любекѣ, у своего дяди и опекуна, принца-администратора Адольфа Фридриха, епископа любскаго (съ 1751 г. король шведскій), воспитывался подъ надзоромъ гофмаршала Брюммера, которому помогали въ этомъ дѣлѣ камергеры: Адлерфельдтъ, Вахтмейстеръ, Вольфъ и Малдфельдтъ. Впоследствии Карлъ-Петръ-Ульрихъ царствовалъ въ Россіи подъ именемъ Петра III. (23 дек. 1661 г. — 28 іюня 1762). См. *Geschichte Peters des Dritten, Kaisers von Russland*, 1799.

89

Рѣчь идетъ о Юліанѣ Менгенѣ (см. прим. 36). Юліана была известна своею непріязнью къ цесаревичу Елизаветѣ Петровнѣ. Впоследствии эта непріязнь доходила до смѣшнаго. Замѣтивъ напрямѣръ, что цесаревна, посѣщая Анну Леопольдовну, не оставалась у правительницы далѣе 7 часовъ вечера, Юліана тщательно переводила всѣ дворцовые часы и ставила ихъ получасомъ впередъ, — что, говорятъ, анала и цесаревна. (*Materialen zu der russischen Geschichte seit dem Tode Kaisers Peter des Grossen*. v. Chr. Schmidt, genannt Phiseldck. Riga, 1784, Th. II, S. 364.)

90

Фельдмаршалъ уважалъ регенту на Христину Менгденъ, рожденную Вильдеманъ, женоу камеръ-коллегіи президента и двоюроднаго брата Юліаны — Карла-Людвига Менгдена. Мать Христины, Елизавета Доротея, была родная сестра фельдмаршала Миниха, выданная за прусскаго генералъ-майора фонъ-Вильдемана, сынъ котораго, служившій генералъ-адъютантомъ при фельдмаршалѣ Минихѣ, дядѣ своемъ, привезъ въ Петербургъ извѣстіе о взятіи Очакова (1737). Сама же Христина Менгденъ, племянница Миниха, ознаменовала себя примѣрною преданностью мужу — въ ту эпоху, когда все семейство Менгденовъ было постигнуто неожиданнымъ несчастіемъ. Страдая съ родичами, президентъ Менгденъ, лишенный въ 1742 году всего, кромѣ жизни, былъ приговоренъ къ ссылке въ Нижнеколымскъ, въ семидесяти верстахъ отъ Ледовитаго моря, — и Христина, несмотря на полусумашествіе, въ которое ввергло ее горе, добровольно, съ груднымъ ребенкомъ, послѣдовала за Менгденомъ, жила въ тундрахъ, тренеща при тѣхъ частыхъ случаяхъ, когда президентъ собственною особою отражалъ нападенія чучекъ, — и умерла подъ сѣвернымъ полюсомъ, жертвою любви, вѣрности и климата.

(Россійск. родосл. книга, изд. Долгоруцкаго, 1855—1856, ч. II и III. — О ссылкѣ въ восточную Сибирь замѣчательныхъ лицъ, Сельскаго, въ журналѣ «Русское Слово», 1861, авг.)

91

Злобясь на Миниха, сокрушившаго регентство, герцога до гроба враждовавъ на фельдмаршала, встигъ ому, гдѣ и чѣмъ могъ, и предкавказная сочашеніе свое для свѣдѣнія императрицы Елизаветы Петровны, не упустилъ случая неблагоприятно выставить Миниха, уже давно изгнаннаго въ ссылку. Эта черта весьма достаточна для опредѣленія началъ, преобладавшихъ въ характерѣ герцога курляндскаго.

92

Камеръ-юнкерами двора цесаревны Елизаветы Петровны тогда были: Алексѣй Григ. Разумовскій, Михаилъ Лар. Воронцовъ, Александръ и Петръ Иван. Шуваловы, баронъ Сергѣй Григ. Строгановъ, Алексѣй Григ. Жеребцовъ и Вас. Ермол. Скворцовъ. Всѣ они, считаясь степенью ниже камеръ-юнкеровъ двора принцессы, состояли въ рангѣ армейскихъ полковниковъ и — если вѣрить Миниху — посѣщали маршала де-ла Шетарди, съ декабря 1739 г. занимавшаго постъ французскаго чрезвычайнаго посла при петербургскомъ дворѣ.

Въ то время, когда Минихъ это высказывалъ, онъ едва ли ошибался. Утро 25 ноября 1741 г. оправдало слова фельдмаршала, не крайней мѣрѣ въ отношеніи Петербурга: тогда ликовали только гвардейцы, а народъ, по свидѣтельству всѣхъ очевидцевъ событія, не изъяслялъ никакой особенной радости и мало походилъ на тотъ же народъ, который въ ночь арестованія Бирена обнимался и цѣловался какъ въ свѣтлое воскресенье.

Фельдмаршалъ Минихъ командовалъ тогда преображенскимъ полкомъ, въ которомъ съ 14 февраля 1740 г. состоялъ подполковникомъ. Въ старое время, званіе преображенскаго полковника всегда принадлежало царствующему въ Россіи государю. Но имени младенца-императора Іоанна нѣтъ въ списокѣ парственныхъ преображенскихъ полковниковъ. Слѣдовательно въ минуту разговора своего съ регентомъ, Минихъ именно командовалъ преображенцами, потому что былъ первымъ, старѣйшимъ лицомъ ихъ полка. Любопытно, что въ старинномъ рукописномъ списокѣ преображенскихъ офицеровъ, который у насъ передъ глазами, дѣла кончины императрицы Анны означены такъ, какъ-будто бы періодъ регентства не существовалъ вовсе, т. е. въ графѣ полковниковъ, около имени Анны Іоанновны помѣчено: «а преставилась въ 740 г. ноября 10 числа». Періоду правленія Анны Леопольдовны сдѣлана большая честь: онъ по крайней мѣрѣ видѣнъ въ пробѣлѣ времени — такъ что рядомъ съ именемъ императрицы Анны стоитъ имя императрицы Елизаветы, при которомъ помѣта: «741 г. ноября 25 соизволила себя объявить полковникомъ и въ бомбардирскую роту капитаномъ».

Вся эта трактація о Минихѣ обрисовываетъ какъ нельзя лучше самого Бирена. Лживый и мстительный, герцогъ является въ этомъ мѣстѣ своего сочиненія истиннымъ Биреномъ. Что касается до плана заключить цесаревну въ монастырь, то онъ хотя и дѣйствительно существовалъ впоследствии, но, вопреки показанію Бирена, никогда не приписывался Миниху. Даже въ то время, когда судили фельдмаршала и припоминалось все что могло служить ему во вредъ, — биреновскаго обвиненія не было. На Миниха напротивъ показывали, будто бы онъ, ведя преображенцевъ арестовать регента, внушалъ имъ, что они призваны дѣйствовать въ пользу цесаревны. Главнымъ же пунктомъ обвиненія фельдмаршала Миниха было и осталось усердное содѣйствіе въ назначеніи регентомъ — того же герцога Бирена.

(Жизнь графа Миниха, Галема. 1806, ч. I, с. 216. — Царствование Елизаветы Петровны, Ведомейера. 1849, ч. I, с. 8. — Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français. Berlin, 1858, p. 92.)

96

Минихъ, человекъ честолюбивый и властолюбивый, конечно не могъ быть искренно расположенъ къ Бирену, хотя по чувству самохраненія далъ голосъ свой на избраніе герцога въ регенты. Но извѣстно, что главнѣйшимъ и почти мгновеннымъ побужденіемъ фельдмаршала взять на себя арестованіе регента было впечатлѣніе, произведенное на Миниха жалобами Анны Леопольдовны, которая фельдмаршалъ имѣлъ случай выслушать утромъ 8 ноября, когда онъ, представивъ принцесѣ нѣсколькихъ кадетовъ, остался съ нею наединѣ и даже, говорятъ, видѣлъ ея слезы. Живой не по лѣтамъ, Минихъ не хотѣлъ откладывать дѣла далѣе той же ночи, — и къ утру 9 ноября регентства не существовало, а регентъ, обращенный въ арестанта, содержался подъ крѣпкимъ карауломъ.

(Записки Миниха-сына. 1817, с. 163—166. — Extraits des dépêches, Berlin, 1858, p. 76)

97

Это происходило въ 1740 г. Биренъ арестованъ въ деревянномъ лѣтнемъ дворцѣ, существовавшемъ съ 1732 г. въ Лѣтнемъ саду, на мѣстѣ нынѣшней великолѣпной рѣшетки. Здѣсь императрица Анна Иоанновна ежегодно проводила исколь лѣта и начало осени, и здѣсь же умерла, не успѣвъ переѣхать по обыкновенію въ зимній дворецъ. 19 октября младенецъ-императоръ былъ, по повелѣнію регента, перенесенъ изъ лѣтняго дворца въ зимній; самъ же регентъ остался въ лѣтнемъ дворцѣ, располагая быть, до дня погребенія, у гроба императрицы, выставленнаго здѣсь же, въ парадной залѣ.

(Историческое, географическое и топографическое описаніе С. Петербурга, отъ начала заведенія его, съ 1703 по 1751 г., Богданова, изд. Рубана, С. Петерб. 1779 г. — Слб. Вѣдомости 1741 г. и примѣчанія къ нимъ, ч. 18 по 24. — Камеръ-фурьерскіе журналы 1730 годовъ.)

98

Христофоръ-Германъ Манштейнъ, сынъ генераль-лейтенанта русской службы Себастьяна Манштейна и Доротеи Дитмаръ, родился 21 августа 1711 г. въ Петербургѣ, воспитывался въ берлинскомъ кадетскомъ корпусѣ, служилъ въ Пруссіи до поручика, перешолъ въ русскую службу по приглашенію самой императрицы Анны Иоанновны въ 1735 г., и при-

являясь въ с-петербургскій гренадерскій полкъ капитаномъ, участвовалъ въ крымскомъ походѣ этого года, За приступъ къ Очакову въ 1737 г. Манштейнъ произведенъ въ майоры, сдѣлалъ походъ 1738 г., былъ въ ставучанскомъ сраженіи 1739 г., взятъ Минихомъ въ адъютанты и въ 1740 л. пожалованъ въ подполковники. Въ ночь съ 8 на 9 ноября 1740 г., Манштейнъ, по приказанію Миниха, вошелъ въ лѣтній дворецъ, достигъ спальни регента, разбудилъ его, объявилъ ему арестъ, боролся съ нимъ, потомъ велѣлъ гренадерамъ схватить регента и вывести его изъ каретъ, у которой дожидался Минихъ. За это Манштейнъ на другой же день произведенъ въ полковники астраханскаго пѣхотнаго полка и получилъ деревню въ петербургскомъ уѣздѣ. 19 января 1741 г. Манштейнъ женился на дѣвицѣ Финкѣ, отпраздновалъ свадьбу своею въ домѣ Миниха, и отправившись въ шведскую кампанію, рвенъ подъ Вильманотрандомъ, за что награжденъ годовымъ жалованьемъ. Ноябрьскій переворотъ 1741 г. отнял у Манштейна и деревню и полкъ, а самому Манштейну велѣно, выѣхавъ изъ Петербурга въ 24 часа, отправиться на службу въ крѣпость св. Анны, близъ Азова. Но онъ успѣлъ избавиться отъ такого назначенія, получилъ отпускъ, а въ 1743 г. — полкъ, 2-й московскій пѣхотный; отъ котораго вскорѣ отрѣшонъ вслѣдствіе доноса, хотя по суду оказался правымъ. Оскорбляясь этимъ и боясь новыхъ козней сильнаго тогда Бестужева-Рюмина, личнаго своего врага, Манштейнъ уѣхалъ въ Любекъ и оттуда въ 1744 г. прислалъ императрицѣ просьбу объ отставкѣ. Бестужевъ потребовалъ въ Петербургъ манштейнѣва отца, держалъ старика въ явномъ, велѣлъ ему писать къ сыну призывное письмо, требовалъ суда по формѣ надъ бѣглецомъ. Но Манштейнъ получилъ свою отставку, служилъ въ 1745 г. волонтеромъ прусской арміи, принявъ адъютантомъ къ Фридриху-великому, исполнялъ разные дипломатическія порученія короля, въ 1754 г. произведенъ въ генералъ-майоры, сражался въ семилѣтнюю войну, раненъ подъ Коллиномъ, и нѣсколько дней спустя убитъ подъ Вельминомъ, близъ Лейтмерца, въ 1757 г. Мужественный и храбрый воинъ, Манштейнъ былъ преисправно образованъ, зналъ нѣсколько языковъ, отличался неусыпною дѣятельностью, смѣлъ въ Россіи «дежурнымъ», потому что являлся всюду, и работалъ въ особенности какъ авторъ любопытнаго сочиненія «Mémoires historiques, politiques et militaires sur la Russie, depuis l'année 1727 jusqu'à 1744», издавнаго три раза и на русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Записки историческія, политическія и военныя о Россіи съ 1727 по 1744 годъ». По смерти Манштейна въ бумагахъ его найдено нѣсколько извлеченій изъ Полюбія. Отъ брака своего съ дѣвицею Финкѣ Манштейнъ оставилъ двоихъ сыновей и четырехъ дочерей.

(Mémoires de Manstein. Leipzig, 1771. — Русскія изданія того же сочиненія, по каталогу Смирдина, 1829, подъ №№ 2674, 2675, 2676. — Спб Вѣдомости 1740 и 1741 г.)

Это обвиненіе, мало основательное, могло пасть на бывшего регента равнѣ только потому, что онъ, соединясь безвременно съ матерью императора, пригрозилъ ей въ разговорѣ 7 ноября герцогу голландскому, имѣвшему конечно право на русскій престолъ въ силу завѣщанія императрицы Екатерины I, уничтоженнаго императрицею Анною. (См. *Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français. Berlin, 1858, p. 76.*)

Гедвига-Елизавета, единственная дочь Эрнста-Юанна Бирена отъ брака его съ Бенниною Готlieb фонъ-Трейденъ, родилась 23 іюня 1727 г. въ Митавѣ, и по переселеніи отца ея въ Россію воспитывалась какъ царская дочь. Съ 1737 г., когда Биренъ сдѣлался герцогомъ, Гедвига отала именоваться принцессою курляндскою, была окружена чинами собственнаго двора, пользовалась постоянными ласками императрицы Анны и 14 февраля 1740 г., въ день празднованія бѣлградскаго мира съ Турціею, получила брильянтовый портретъ ея величества. Казалось судьба сулила Гедвигѣ блестящую будущность, особенно съ того времени, когда отецъ ея сдѣлался регентомъ имперіи (17 октября 1740 г.). Но не прошло и мѣсяца, — принцесса курляндская ея всѣмъ семействомъ своего отца была уже подъ арестомъ въ Шинсельбургѣ, 13 іюня 1741 г. отправлена съ семействомъ же въ Пельмъ, а въ мартѣ 1742 г. перевезена въ Ярославль. Здѣсь Гедвига жила при отцѣ около 7 лѣтъ, не могла далѣе переносить его деспотизма, бѣжала изъ семейства, и съ жалобами на отцовскія притѣсненія явилась къ ярославскому воеводѣ Пушкину, который немедленно препроводилъ бывшую принцессу въ Москву, гдѣ присутствовала тогда императрица (1749). Снова показавъ ко двору, Гедвига Биренъ возбудила къ себѣ общее участіе, нашла расположеніе со стороны великаго князя Петра Федоровича, приняла православіе, стала называться Екатериною Ивановною, сдѣлана въ 1756 г. надзирательницею фрейлими, была помолвлена за П. В. Салтыкова, потомъ за кн. Хованскаго, и въ 1759 вышла за барона Александра Ивановича Черкасова, впоследствии дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и президента медицинской коллегіи. Умная и находчивая, дочь герцога Бирена считалась одною изъ образованнѣйшихъ женщинъ своего времени, была мастерица говорить, во всему предпочитала деньги. Дѣтей она не имѣла; когда умерла — мы не знаемъ, но въ 1795 г. была еще въ живыхъ.

(Письма леди Рондо, 1836, с. 124. — Росс. родосл. книга, ви. Долгорукова, 1855, ч. II, с. 278. — Спб. Вѣдомости 1730—1741 г. — Мѣсяцесловы академическіе XVIII вѣка. — *Anecdotes intéress. de la cour de Russie. Londres, 1792.*)

Кабинетъ-министръ Бестужевъ-Рюминъ (см. прим. 37) считался самымъ довереннымъ лицомъ Бирена и арестованъ съ нимъ одновременно. Подпадаютъ, что Бестужевъ, клеветавшій на двоюроднаго регента изъ угожденія Миниху, внезапно перемѣнилъ образъ мыслей и дѣйствій своихъ, когда правительница уволила фельдмаршала отъ всѣхъ дѣлъ. (См. *Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français*. Berlin, 1838, p. 82.)

Никита Федоровичъ Соковнинъ, сынъ боярина Федора Прокопьевича и племянникъ казеннаго окольного Алексея Соковнинныхъ, съ молодыхъ лѣтъ служилъ въ семеновскомъ полку; въ 1731 г. былъ уже капитанъ-поручикъ и отправленъ для освидѣтельствованія работъ на петербурго-московской дорогѣ; въ 1732 г. командированъ въ австрійскую армію; въ 1738 г., въ чинѣ гвардіи-капитана, ходилъ съ Минихомъ къ р. Днѣстру и въ 1739 г. раненъ въ ногу картечью при Ставучанахъ. Въ дни регентства Соковнинъ принадлежалъ къ партіи недовольныхъ, былъ схваченъ, пытанъ и отставленъ регентомъ отъ службы (1740); но по указу 4 апрѣля 1741 г. «прикрытъ знаменемъ», т. е. получилъ возвращеніе чести — и произведенъ въ секундъ-майоры гвардіи. При Елизаветѣ Соковнинъ пожалованъ премьеръ-майоромъ гвардіи (24 апр. 1742), получилъ аннинскую ленту (29 іюня 1744) и вступилъ въ командованіе 1.-гв. семеновскимъ полкомъ (1750). На этомъ поприщѣ Соковнинъ постоянно стремился къ улучшеніямъ, доставилъ солдатскимъ дѣтямъ возможность продолжать образованіе въ академіи наукъ (1753), завелъ въ полку образцовыхъ пѣвчихъ, и время командованія его составило въ семеновской полковой исторіи переходную эпоху отъ старыхъ порядковъ къ новымъ. — 25 дек. 1755 г. Соковнинъ былъ произведенъ въ подполковники гвардіи, съ чиномъ генераль-лейтенанта; получилъ 30 августа 1757 г. александровскую ленту, и 30 дек. 1761 г. уволенъ отъ службы генераль-аншефомъ. Онъ умеръ въ 1770 г.

(Словарь достопамят. людей рус. земли, Бант.-Каменскаго, 1836, ч. IV. Исторія 1.-гв. семеновскаго полка, Карцова, 1854. — Списокъ военнымъ генераламъ, 1809. — Списокъ кавалерамъ росс. орденовъ, 1814. — С. Петерб. Вѣдомости 1741 г.)

Во время своего регентства Биренъ дѣйствительно успѣлъ побывать у цесаревны всего одинъ разъ, именно 19, а по другимъ 18 октября, и тогда предложилъ ей высочеству ежегодное содержаніе въ 50 тыс. руб. — (См. Записки Миниха-сына, 1817, с. 190.)

104

Мѣсто, о которомъ говоритъ Биренъ и куда онъ сосланъ былъ первоначально со всѣмъ семействомъ, называется Пельми, тогда (и до 1780 г.) городъ, а теперь слобода въ туринскомъ уѣздѣ тобольской губерніи, на р. Тавдѣ. Здѣсь же цѣлыя двадцать лѣтъ жилъ въ ссылке фельдмаршалъ Минихъ.

105

Этихъ показаніемъ Бирена, въ сущности неважнымъ и которому вѣтъ основанія не вѣрить, весьма рационально опровергается присловье, повторяемое во всѣхъ біографіяхъ Бирена и Миниха, будто бы Минихъ, сосланный въ Пельми, жилъ здѣсь *въ томъ самомъ домѣ*, который по его чертежу былъ выстроенъ для Бирена.

106

То-есть въ Ярославль, откуда Биренъ былъ вызванъ не ранѣе 1762 г., когда въ Россіи царствовалъ уже Петръ III.

107

Людвигъ-Августъ Бисмаркъ первоначально служилъ въ Пруссіи, тамъ произведенъ въ генералъ-майоры и по рекомендаціи гр. Густава Левенвольда принятъ тѣмъ же чиномъ въ русскую службу (1731). Оставаясь преданнымъ гр. Левенвольду, Бисмаркъ чрезъ него приобрѣлъ благоволеніе Бирена, втерся въ милость этого временщика и въ 1732 г. женился на его свояченицѣ, дѣвицѣ Трейденъ, сваташиной фельд-маршаломъ Минихомъ для своего сына. Въ 1736 г. на Бисмарка было возложено порученіе принимать въ русскую службу иностранцевъ, оберъ-офицеровъ, недождааясь высочайшаго соизволенія, а о штабъ-офицерахъ предварительно «отписывать». Въ 1737 году Бисмаркъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, назначенъ рижскимъ генералъ-губернаторомъ и находясь въ этой должности, заботился о разведеніи въ Лифляндіи лучшей породы лошадей, исходатайствовалъ для жителей края уменьшеніе пошаммы съ ячменя, а 14 февраля 1740 г. пожалованъ генералъ-аншефомъ. Паденіе герцога, бывшаго три недѣли регентомъ государства, повлекло за собою несчастіе его свояка. Бисмаркъ отрѣшонъ отъ должности (1741), удаленъ въ изгнаніе (1742) и вмѣстѣ со всѣми Биренами два года содержался въ Ярославлѣ подъ стражею, получая по 1000 руб. въ годъ. Получивъ свободу въ 1744 г. Бисмаркъ былъ принятъ на службу не ранѣе 1747 г., наименованъ тогда командиромъ украинской дивизіи и при отъѣздѣ къ мѣсту своего назначенія пожалованъ 3600 рублей. Когда и гдѣ умеръ своякъ герцога Бирена, — мы не знаемъ.

(Записки Минниха-сына, 1817, с. 63. — Списокъ военнымъ генераламъ, изд. 1809. — С. Петерб. Вѣдомости 1740 г. — Пол. Собр. Зап., ук. 6 сентября 1736 г. и ук. 23 февраля 1737 г. — Die heutige Historie, oder der gegenwärtige Stand von Russland, v. B. N. Reihard. Altona, 1752, S. 339, 376, 392. — Hermann's Geschichte des russischen Staats. Hamburg, 1853, V, S. 181.)

У герцога Бирена было два брата, Карлъ и Густавъ. Карлъ Биренъ, старшій изъ всѣхъ братьевъ, родился въ Курляндіи, гдѣ отецъ его былъ коопшеннымъ чиновникомъ герцогскаго двора. Въ царствованіе Петра I Карлъ Биренъ вступилъ въ русскую службу, былъ произведенъ въ офицеры, пѣшецъ шведами, спасся бѣгствомъ, проникъ въ Подольскъ, отыскавъ тамъ своего родного дядю, генерала польской службы, и сдѣлался польскимъ офицеромъ. Онъ былъ уже подполковникомъ, когда состоялось избраніе на русскій престолъ вдовствовавшей герцогини курляндской Анны Іоанновны, при итавскомъ дворѣ которой братъ Карла Эрнестъ игралъ первую роль. Призванный братомъ, Карлъ Биренъ немедленно явился въ Россію и 19 ноября 1730 г. былъ принятъ въ русскую службу генералъ-майоромъ. Значеніе брата и турецкая война одинаково способствовали возвышенію Карла Бирена: участвуя во всѣхъ крымскихъ походахъ и вездѣ отличаясь запальчивою храбростію, онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты (23 января 1737 г.), въ генералъ-аншефы (5 сентября 1739 г.), а 14 февраля 1740 г., въ день торжественнаго бѣградскаго шара, получивъ брильянтовый портретъ императрицы, для вѣшенія на груди, и брильянтовую шапку. Двѣ медали спусти Карлъ Биренъ былъ уволенъ, за ранами, въ отставку (2 марта); но въ сентябрѣ того же года, по желанію брата-герцога, испуганнаго болѣзненными припадками государыни, снова послужилъ на службу и опредѣленъ генералъ-губернаторомъ въ Москву. Здѣсь Карлъ Биренъ торжественно правдновалъ десь 4 октября, годовщину рожденія императрицы, герцогини; здѣсь узналъ о назначеніи брата своего, герцога, регентомъ государства, и здѣсь же, три медали спусти, былъ свидѣлемъ, какъ москвичи; по вѣстамъ изъ Петербурга, иили портреты регента, уже низверженнаго и арестованнаго, и своего генералъ-губернатора (ноябрь 1740 г.) Вездѣ затѣмъ и самъ московскій генералъ-губернаторъ былъ схваченъ, отправленъ подъ карауломъ въ Ригу, заключенъ въ тамошней цитадели, депрашивавъ, обвиненъ и приговоренъ къ ссылкѣ въ Собачій-Острогъ (Среднеколымскъ), на ардѣлахъ якутскаго края. Въ июнь 1741 г. Карла Бирена повезли въ Сибирь, но возвратили съ дороги, потомучто въ ночь на 25 ноября 1741 г. происходилъ новый правительственный переворотъ, и воцарившаяся тогда Елизавета повелѣла всѣмъ Биренамъ жить въ Ярославѣ Ижмани Карла Бирена, втеченіи котораго онъ получалъ ежегодно 1000 рублей,

продолжалось два года. Въ 1744 г. Карла Бирена освободили; онъ удалился въ свои мейландскія помѣстья и тамъ умеръ 24 января 1746 года. Храбрый и мужественный въ бою, Карлъ Биренъ отличался грубостью свойствъ, привычекъ и неумѣренными употребленіемъ крѣпкихъ напитковъ. Никѣмъ не любимый, онъ былъ постоянно неблагомыслимъ потому что въ наклонъ возбуждалъ опасеніе — подвергнувшись нападѣнью генерала Бирена, не уйти, въ случаѣ ссоры, отъ преслѣдованій брата его, герцога. Мнѣжество ранъ и увѣчій, приобретенныхъ Карломъ Биреномъ въ хитрыхъ дракахъ, дѣлали его совершенно негоднымъ ни къ какому роду службы. Калѣва сей — пишетъ архіепископъ Георгій Ковиескій о Карлѣ Биренѣ — квартируетъ въсибирскѣмъ съ войскомъ въ Стародубѣ, съ многочисленнымъ штатомъ, уподоблялся пышностію и надменностію самому гордому султану азійскому; поведеніе его и тогожъ больше имѣло въ себѣ варварскія странности. И неговоря объ обширномъ сараѣ, сформированномъ и комплектуемомъ насиліемъ, хватала женщинъ, особенно морщилицъ, и отбирали у нихъ грудныхъ дѣтей, а вмѣсто ихъ грудью своею заставляли кормить малыхъ щенковъ изъ лсовой охоты сего неверга; другіе же его снаредства мерзавъ самое воображеніе человѣческое.

(Списокъ военнымъ генераламъ, 1809 г. — С. Петербургскія Вѣдомости 1740 г. — Исторія д.-гв. семейскаго полка, Карцова, 1856, ч. II, с. 447—455. — Исторія русовъ, Георгія Ковиескаго, въ Мѣст. Общ. Ист. и Древн. 1846, кн. IV, с. 243 — Mémoires de M. de Stein, 1774, p. 52. — Anecdotes intéress. de la cour de Russie. Londres, 1792. — Materialien zu der russischen Geschichte, v. Schm. Phiseldek, 1784, II, S. 594. — Russische Günstlinge, v. Helbig, 1809, S. 179. — Die heutige Historie, v. Reihard. Altona, 1752, S. 376.)

Густавъ Биренъ, младшій изъ братьевъ, до избранія на русскій престолъ герцогини курляндской Лины Іоанновны служилъ въ Польшѣ, былъ капитаномъ войскъ республики и вызванный въ Россію, опредѣленъ 1 ноября 1730 г. майоромъ въ гвардейскій немайловскій полкъ, учрежденный 22 сентября того же года. Неимѣя недостатковъ старшаго своего брата, Густавъ Биренъ, благодаря вліянію другого брата, оберъ-камергера, необходимо долженъ былъ приобрести въ Россіи положеніе весьма видное. И Густавъ Биренъ, оставшись немайловскимъ майоромъ, 1 янв. 1732 г. пожалованъ генералъ-майоромъ, 4 мая обвѣнчанъ съ младшею дочерью генералиссимуса кн. Мещерякова, только что возвращающую изъ березовской ссылки; 29 іюня того же года объявленъ генералъ-адъютантомъ императрицы, и 28 января 1734 г. произведенъ въ подполковника гвардіи. Въ этомъ званіи Густавъ Биренъ въ 1735 г. бѣжалъ волонтеромъ въ армию королевы венгеро-богемской Маріи Терезіи; пробылъ около четырехъ мѣсяцевъ подъ непосредственнымъ начальствомъ знаменитаго Евгенія, принца саксонскаго, и возвратясь въ Россію, оловѣлъ (1736). Тогда уже начались крымскіе походы Миниха, и Густавъ Биренъ, принявъ участіе во второмъ, 1737 года, вывелъ изъ Петербурга сводный гвардейскій

отрядъ, пришолъ съ нимъ къ Очакову, былъ при штурмѣ этого города (2 июля) и за оказанное мужество произведенъ въ генераль-поручикъ (21 ноября). Послѣ этого Густавъ Биренъ командовалъ гвардією въ походѣ 1738 года, участвовалъ съ нею въ ставучанскомъ сраженіи (17 августа 1739 года) и 27 января 1740 года торжественно ввелъ ее въ Петербургъ, гдѣ 14 февраля, при торжественномъ бѣградскомъ мирѣ съ турками, былъ произведенъ въ генераль-аншефы и пожалованъ брилліантовою шпагою. Въ это время Густавъ задумалъ жениться вторично, избралъ Якобину Менгенъ, сестру известной Юліаны, и обручился съ нею. Но браку не было суждено совершиться: болѣзнь и смерть императрицы, назначеніе герцога Бирена регентомъ, его регентство и его низверженіе, — все это, быстро слѣдуя одно за другимъ, совершенно измѣнило судьбу Густава Бирена, арестованнаго въ ночь на 9 ноября 1740 года тѣмъ же самымъ Манштейномъ, который захватилъ и герцога. Одновременно съ низверженнымъ регентомъ, Густавъ Биренъ былъ отвезенъ подъ караулomъ въ Шлиссельбургъ, преданъ тамъ суду, обвиненъ, лишонъ чиновъ, приговоренъ къ ссылке въ Нижнеколымскъ, но также какъ братъ его Карлъ, не успѣвъ пріѣхать въ мѣсто назначенія, и по указу новой императрицы Елизаветы Петровны обращенъ на жительство въ Ярославль (1742 г.), съ ежегоднымъ содержаніемъ во тысячѣ рублей. Здѣсь Густавъ Биренъ прожилъ два года, получилъ свободу въ 1744 году, былъ обиадеженъ обѣщаніемъ служебнаго назначенія, но не дождался опредѣленія и умеръ въ Петербургѣ, 25 февраля 1746 года. Густавъ Биренъ, съ 1737 года именовавшійся барономъ, непоходилъ душевными свойствами ни на котораго изъ своихъ братьевъ. Ограниченный отъ природы, онъ заслужилъ имя честнѣйшаго человека, пользовался привязанностью къ нему подчиненныхъ, и хотя отъ совершеннаго недостатка воспитанія казался грубымъ и жесткимъ въ манерахъ и выраженіяхъ, но былъ добръ, снисходителенъ, щедръ, принадлежалъ къ числу храбрѣйшихъ генераловъ и добросовѣстнѣйшихъ начальниковъ своего времени. Измайловскій караулъ, находившійся при домѣ Густава Бирена (въ Милонной) въ ночь его арестованія, не хотѣлъ сначала выдавать Манштейну своего любимаго подполковника-командира.

(Историческое обозрѣніе л.-гв. измайловскаго полка, Висковатова, 1830, с. 1—56. — Дѣла архива л.-гв. измайловскаго полка за 1730—1740 гг. — Исторія л.-гв. семеновскаго полка Карцова, 1854, ч. II, с. 417—455. — Списокъ военнымъ генераламъ, 1809. — Письма леди Рондо, 1836, с. 70—72. — Записки Нащокина, 1842, с. 34, 42, 44. — Спб. Вѣд. 1732 и 1740 г. — Mémoires de Manstein. 1771, p. 53. — Anecdotes intéress. de la cour de Russie. Londres, 1792. — Die heutige Historie, v. Reihard. Altona, 1752, S. 376. — Materialeu zu der russischen Geschichte, v. Schm. Phiseldek, 1784, II, s. 57—58. — Russische Günstlinge, v. Helbig. 1809, S. 180—181.)

Въ заключеніе нашихъ примѣчаній мы не находимъ лишнимъ присоединить тутъ же краткій очеркъ жизни и дѣятельности автора того сочиненія, которое въ русскомъ переводѣ мы представили нашимъ читателямъ.

Эрнстъ-Іоаннъ Биренъ, впоследствии герцогъ курляндскій, происходилъ изъ простолюдиновъ и родился 13 ноября 1690 года въ Курляндіи на мызѣ Каленцемъ (Kalenzest). Эту мызу получилъ въ свое владѣніе первый Биренъ, дѣлъ Эрнста, за службу, въ званіи конюха, при герцогѣ курляндскомъ Іаковѣ, изъ дома Кеттлеровъ. Отецъ Эрнста служилъ въ той же должности при сынѣ герцога, принцѣ Александрѣ, и по смерти его въ 1686 году переименованъ въ лѣсничіе. Самъ Эрнстъ, средний изъ трехъ сыновей своего отца, былъ по достиженіи известнаго возраста отправленъ въ кенигсбергскій университетъ, учился тамъ хорошо, но замѣшанный въ какую-то грязную исторію, долженъ былъ спастись бѣгствомъ и неокончивъ курса возвратиться въ Курляндію. Говорятъ однакоже, что онъ успѣлъ приобрести въ Кенигсбергѣ любовь къ чтенію и страсть къ собиранію книгъ, изъ которыхъ впоследствии у него составила очень хорошая бібліотека. Въ 1714 году Эрнстъ Биренъ явился въ Россію, гдѣ служилъ уже старшій братъ его Карлъ, сталъ искать камеръ-юнкерскаго мѣста при дворѣ супруги царевича Алексѣя Петровича, и не успѣвъ въ этомъ, опять возвратился въ Курляндію. Тамъ въ это время жила на правахъ герцогини русская царевна Анна Іоанновна, вдова наследнаго герцога курляндскаго Фридриха Вильгельма, а главнымъ при ней лицомъ былъ Михаилъ Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, оберъ-гофмаршалъ ея двора. Эрнстъ Биренъ отправлялъ гувернерскую должность въ разныхъ домахъ, встрѣтился гдѣ-то съ Бестужевымъ, обратилъ на себя его вниманіе, понравился ему и получалъ какую-то неизвестную должность при дворѣ герцогини (1718 г.). Но съ продолженіемъ покровительства оберъ-гофмаршала, Эрнстъ восходилъ по степенямъ придворной іерархіи, и во прошествіи нѣкотораго времени сдѣлался лично известнымъ самой герцогинѣ, которая нашла бывшаго кенигсбергскаго студента способнымъ занять мѣсто собственнаго ея секретаря. Такимъ образомъ начало карьеры будущаго герцога было сдѣлано, и Биренъ сталъ однимъ изъ постоянныхъ посѣтителей *Аннебург*,—замка подъ Митавою, служившаго резиденціею Анны Іоанновны. Увѣряясь наконецъ въ прочности своего новаго положенія, Биренъ прежде всего затѣялъ вредить своему благодѣтелю и до того въ этомъ успѣлъ, что герцогиня отправила камергера Корфа нарочнымъ въ Петербургъ съ жалобами на Бестужева, и оберъ-гофмаршалъ подвергся большому непріятностямъ. Но для большаго обезпеченія своей дальнѣйшей карьеры Бирену нужны были связи съ курляндскимъ дворянствомъ, къ которому онъ не принадлежалъ, и потому былъ пренебрегаемъ всѣми, кто имѣлъ доступъ къ герцогинѣ. Этихъ связей Биренъ надѣлалъ

ся достигнуть бракомъ, и послѣ ряда отказовъ женился на дѣвицѣ Бенигнѣ Готлибъ, изъ рода фонъ-Трейденъ (1723), причѣмъ былъ пожалованъ герцогиней камеръ-юнкеромъ курляндскаго двора. Въ этомъ звании Биренъ, въ эпоху вѣдранія Екатерины I (1725), пріѣзжалъ въ Петербургъ съ поздравленіемъ отъ имени герцогини, но не былъ допущенъ на аудіенцію императрицы. Есть даже извѣстіе, что Фитингофъ, одинъ изъ депутаціи, наряженной въ Петербургъ съ Биреномъ, обидѣлся сравненіемъ себя съ сыномъ и внукомъ коноховъ—и подалъ въ отставку. Вскорѣ по возвращеніи изъ Петербурга Биренъ былъ отправленъ герцогиней въ Кенигсбергъ, для закупики молъ, встрѣтился тамъ съ старыми товарищами по университету, закутилъ съ ними, попалъ въ уличную исторію, сопровождавшуюся дракой и убійствомъ, подвергся слѣдствію, едва избѣжалъ бѣды, и заплативъ большую пеню, поспѣшилъ уѣхать изъ Кенигсберга. Между тѣмъ на русской престоли вступилъ Петръ II, и въ его время московскому двору такъ хорошо была извѣстна степень вліянія Бирена при дворѣ митавскомъ, что когда камергеръ Корфъ явился въ верховный тайный совѣтъ съ прошеніемъ герцогини объ увеличеніи ей пенсіи, ему отказали и дали замѣтить, что безъ присутствія въ Митавѣ Бирена желаніе герцогини было бы исполнѣ удовлетворено. Ненависть, которую умѣлъ возбуждать къ себѣ Биренъ, выразилась еще торжественнѣе въ 1730 г., когда депутаты, пріѣхавшіе въ Митаву объявить герцогинѣ курляндской шабраніе ея величества на русской престоли, предлагали государынѣ просьбу не вывозить съ собою изъ Курляндіи Бирена. И государыня поѣхала въ Москву безъ него. Но въ Москвѣ обстоятельства перемѣнились, митавскія ковадціи перестали существовать, и Биренъ явился въ кремлевскомъ дворцѣ, наименованъ въ томъ же году оберъ-камергеромъ (24 апрѣля), возведенъ императоромъ Карломъ VI въ графское достоинство римской имперіи (12 августа), получилъ андреевскую ленту (1 окт.), выписалъ изъ Польши братьевъ, изъ Курляндіи и отсюду разныхъ родичей, вывелъ ихъ въ люди, и началъ властвовать именемъ императрицы. Первую пробу силы новаго оберъ-камергера испытали на себѣ Долгорукіе, лицовные всего что имѣли и разосланные въ самыя отдаленныя мѣста Россіи. Загѣмъ и вся Россія, ознакомившись съ духомъ учрежденій, созданныхъ или пересозданныхъ внушеніями Бирена, удостовѣрилась, что Бирена должно только бояться и можно только ненавидѣть. Такъ возникали одно за другимъ судебныя и сыскныя приказы (20 марта 1730 г.), то ужасной дошвычный приказъ (4 дек. 1730 г.), то страшная канцелярія тайныхъ розыскныхъ дѣлъ (24 марта 1731 г.), уничтоженная было Петромъ II (4 апр. 1729 г.). Народъ приходилъ въ ужасъ, а Биренъ спокойно вриобрѣталъ богатую мѣстность Бегень, подаренную ему прусскимъ королемъ (1731), зачислялъ малолѣтнихъ сыновей своихъ офицерами въ гвардію, и съ перѣѣздомъ двора въ Петербургъ (1732) явился истиннымъ бичемъ Россіи. Покровитель исключительно своихъ креатуръ и не врагъ возвышенія людей ему преданныхъ, Биренъ возненавидѣлъ фельдмаршала Миниха,

непринадлежащаго ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, и отдалъ его отъ участіи въ государственныхъ дѣлахъ первой важности (1733 г.), объѣзжалъ въ тоже время Курляндію за защиту отъ Польши, за что получилъ отъ курляндскихъ чинцовъ давно-желанную грамоту на дворянство, присланную въ Петербургъ въ золотомъ ящикѣ, и наконецъ, постоянный и жестокій преслѣдователь хищничества и ущерба казны, самъ обогащаясь долго, что былъ въ состояніи купить собственно для себя больше участки земель за границею, на сумму въ нѣсколько миліоновъ рублей (1733). Воляте Дашинга, возвратившее Миниху благоволеніе императрицы (1734), и смерть графа Густава Лесенвольда, въ которомъ Биренъ потерялъ вѣрнѣйшаго друга (1735), заставили оберъ-камергера изыскивать средства къ новому удаленію фельдмаршала, болѣе почетному и болѣе увлекательному для самого Миниха. Крымскіе и кубанскіе татары, состоявшіе въ зависимости турецкаго султана и вторгавшіеся отъ времени до времени въ русскія пограничныя линіи, послужили Бирену предлогомъ къ объявленію Турціи войны (1735), и главнокомандующимъ русскихъ армій былъ назначенъ самолюбивый Минихъ, юнкерскій такимъ назначеніемъ. Послѣдовали непрерывные рекрутскіе наборы, подналезъ налоги деньгами и лошадьми, произошли утомительныя крымскіе походы, взяты и уничтожены многіе города, гибло еще болѣе народа, — и война, существенно бесполезная для Россіи, тянулась четыре года (1736—1739), удовлетворяя единственно личнымъ влеченіямъ Бирена и Миниха, но болѣе Бирена, избраннаго въ продолженіе этой войны герц. курляндскимъ (2 іюня 1737). Бѣлградскій миръ, заключенный съ турками 7 сент. 1739 г., прекратилъ наконецъ тягостныя для всѣхъ крымскіе походы, и въ день празднованія этого мира, 14 февр. 1740 г., Биренъ, перелавшій военнаго труда, но намучившій Россію пытками и казнями, былъ пренебреженъ наградами со всѣмъ своимъ семействомъ. Герцогъ получилъ тогда огромный золотой бокалъ, обшпанный брилліантами, съ указомъ внутри на полученіе изъ статсъ-конторы 500,000 руб. деньгами; на герцогиню императрица возложила екатерининскую ленту съ брилліантовою закладкою, стоившею 30,000 р.; обоимъ сыновьямъ Бирена пожалованы алмазные знаки андреевскаго ордена, а дочери — портретъ императрицы, украшенный драгоценными каменьями. Биренъ тогда привилъ уже къ вѣчестямъ, приличнымъ лицу владѣтельному, имѣлъ при себѣ собственныхъ придворныхъ изъ курляндскихъ чинцовъ, но хотѣлъ большего, замышлялъ о доставленіи русскаго престола которому-нибудь изъ своихъ дѣтей, не переселился поэтому въ свое курляндское герцогство, и рассчитывая на несомнѣнный успѣхъ, склонилъ умиравшую императрицу Анну Іоанновну объявить своимъ наследникомъ двухлѣтняго младенца Іоанна, а его, герцога, регентомъ Россіи до совершеннолѣтія императора. — 17 октября 1740 года императрицы не стало, и Петербургъ съ Россіею присягнули императору и регенту. Но регентство Бирена, заявившее себя продолженіемъ, въ усиленной степени, десятилѣтней кровавой дѣятельности герцога курляндскаго и ознаменовавшее уничтоженіемъ послѣ секретныхъ дого-

воромъ съ саксонскимъ дворомъ, не продолжалось болѣе двадцати двухъ дней. Тотъ же Минихъ, свидѣтель жалобъ матери императора, высказанныхъ 8 ноября 1740 года, въ ту же ночь арестовалъ регента и доставилъ его узникомъ во дворецъ новой правительницы государства. На другой же день Биренъ и все его семейство были отвезены въ Шлисельбургъ; тамъ низвергнутый регентъ преданъ суду, и 18 апрѣля 1741 года обнародованъ манифестъ о винахъ бывшаго герцога курляндскаго, а въ июнѣ всѣ Бирены удалены въ ссылку и Эрнстъ съ семействомъ отправленъ въ Целзъ, откуда при новой перемѣнѣ правительства вскорѣ переселенъ императрицею Елизаветою Петровною въ Ярославль (1742 г.). Здѣсь, кромѣ казеннаго содержанія, Биренъ съ семействомъ получалъ ежегодно 5 тысячъ рублей, имѣлъ при себѣ двухъ наставровъ, двухъ камердинеровъ и пятнадцать человекъ прислуги, пользовался своею прекрасною библіотекою, которая не была копеекскою, принималъ посѣтителей, ходилъ на охоту, но потомъ занялся исключительно чтеніемъ библіи, впалъ въ глубокія размышленія, сталъ тяготиться живнью, желать смерти. Въ 1762 году императоръ Петръ III даровалъ свободу бывшему регенту, призвалъ Бирена въ Петербургъ, возвратилъ ему андреевскій орденъ и золотую шагу (24 марта), но не успѣлъ прихирить его съ Минихомъ, тоже пріѣхавшимъ изъ ссылки. Императрица Екатерина II, вступившая на престолъ въ томъ же году, отдала Бирену герцогство (22 августа) и отпустила его въ Курляндію (23 августа), гдѣ герцогъ, возстановленный немедленно во всѣхъ прежнихъ правахъ, принималъ у себя въ 1764 году императрицу, и несмотря на старость, скакалъ верхомъ подлѣ ея кареты; но одрахлавъ совершенно, передалъ управленіе герцогствомъ своему сыну Петру (1769 г., и умеръ 17 декабря 1772 года въ Митавѣ. Бальзамированный трунъ его, съ горбатымъ носомъ и жесткими чертами лица, одѣтый въ шитый бархатный фиолетовый кафтанъ, едвали и не теперь еще хранится меногребенный въ митавскомъ замкѣ. Биренъ, человекъ средняго роста и прекраснаго сложенія, имѣлъ черты лица пріятныя и выразительныя, но взглядъ отталкивающій (леди Рондо); обладалъ острымъ умомъ и даромъ нѣкотораго краснорѣчія, любилъ чтеніе, уважалъ людей просвѣщенныхъ, но былъ чрезвычайно властолюбивъ, самолюбивъ, алченъ къ корысти, въ обращеніи дерзокъ и грубъ, всегда лукавъ, въ высшей степенн коваренъ, жестокъ и безчеловѣченъ до лютой завѣри. Презрѣніе герцога курляндскаго ко всему русскому, открыто выражавшееся на каждомъ шагѣ, и дѣлая система стѣсненій, которыми онъ десять лѣтъ подавлялъ и кровавилъ Россію, — слѣдами ния Бирена ненавистнымъ каждому русскому и отиѣтили всю эпоху императрицы Анны мрачнымъ прозвищемъ *биреновщины*. Ненасытныи въ пріобрѣтеніяхъ, нестоимыи въ подозрѣніяхъ и неутомимыи въ преслѣдованіяхъ, Биренъ спокойно расхищалъ казну, дѣятельно наблюдалъ народъ глазами своихъ безчисленныхъ сыщиковъ, и не зналъ жалости къ мужику, съ котораго приходилось «править» медовику. Императрица исполнѣ и безгранично довѣряла герцогу, а при дворѣ

все преклонялось предъ нимъ, все трепетало его; и первое покушеніе нарушить этотъ порядокъ вещей стоило головы умному кабинетъ-министру Вольнскому. Жена времянщика, герцогиня Биренъ, жевачина пустая и желчная, но любимица императрицы, при которой состояла статсъ-дамою, своимъ высококріемъ, а также неуиѣренною роскошью много способствовала общему нерасположенію къ семейству Биренъ. Беннига-Готтлибъ (има герцогини) инаиначе напримѣръ показывалась поспѣтителямъ, какъ свѣдя на высокомъ креслѣ, напоминавшемъ тронъ; протягивала для цѣлованія обѣ руки и оскорблялась, если цѣловали одну; свое платье ея стоило сто тысячъ рублей, а въ торжественные дни она надѣвывала на себя брильянтовъ почти на два мильона рублей. Богатства Биреновъ, нажитыя казнокрадствомъ, картежною игрою и послугами иностраннѣмъ дворамъ, развивали въ мужѣ и женѣ одинаковую страсть къ ослѣпляющему великолѣпію и были дѣйствительно мильоновъ рублей деньгами и на столько же драгоценностями; къ этому надо прибавить цѣлыя области заграницю, приобрѣтенныя разными даяніями и покушками.

Эрнстъ-Юганнъ Биренъ, герцогъ курляндскій, ливонскій и семигальскій, самозванно именовавшійся Вирономъ, отъ брака съ Беннигою-Готтлибъ фонъ-Трейденъ (1703—1783) оставилъ сыновей Петра и Карла и дочь Гедвигу-Елизавету, въ православіи Екатерину Ивановну. О первомъ и послѣдней изъ нихъ мы говорили выше (см. прим. 25 и 100). Что касается младшаго сына герцога курляндскаго, принца Карла Бирена, онъ родился 4 октября 1708 г. въ Митавѣ; былъ и оставался всегда любимцемъ императрицы Анны; 29 іюня 1732 г., на четвертомъ году возраста, пожалованъ преображенскимъ отъ бомбардиръ-капитаномъ; получилъ 14 февраля 1740 года брильянтовые знаки андреевскаго ордена и невозвратно лишился его въ эпоху паденія отца; раздѣлилъ съ герцогомъ его заключеніе и дважды покушался бѣжать изъ Ярославля, но оба раза неудачно; по освобожденіи Петромъ III семьи Биренъ, признанъ 2 апрѣля 1762 г. генералъ-майоромъ и назначенъ шефомъ пѣхотнаго полка; получилъ 9 іюня александровскую ленту; уѣхалъ при Екатеринѣ II съ отцомъ въ Курляндію; бывалъ потомъ въ Петербургѣ, являлся ко двору, посѣщалъ цесаревича Павла Петровича (1764), въ присутствіи котораго говорилъ — по выраженію Порошина — вздоръ или такое, что пересказать нечего; женился въ 1778 г. на княжнѣ Понинской и умеръ 4 октября 1801 г., оставивъ по себѣ память шалуна и повѣсы нетолько свѣтлѣйшаго, но и пресвѣтлѣйшаго (Порошинъ). Внучата принца Карла Бирена владѣють въ настоящее время княжествомъ вартебергскимъ, въ прусской Шлезіи, и потому зовутся князьями биренъ-вартебергскими; а дочь Карла, Луиза (1791—1853) была замужемъ въ Россіи за оберъ-шенкомъ графомъ Михаиломъ Юрьевичемъ Віельгорскимъ.

(Дневникъ Берхгольца, 1860, ч. IV. — Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи, Ведемейера, 1835, I, 117 и д.; II; III, с. 1—33. — За-

писки дюка Лирійскаго. 1945, с. 122. — Записки Миниха-сына. 1817. — Письма едн. Ровдо. 1836, с. 46. — Записки ин. Шаховскаго, 1610, I. 1—56. — Артемій Петровичъ Вольскій, Шишкина, въ журналѣ - Отеч. Записки. 1860. — Шлиссельбургъ, Томилана. 1847, с. 88—89. — Исторія губ. города Ярославля, Троицкаго, с. 76. — Записки Наместника. 1842, с. 77. — Записки о родѣ князей Голицыныхъ. Сергеевскаго. 1853, 64—74. — Дѣянія Екатерины II, Колотова. 1814, I, 124—129. — Записки Порошина, 1844, с. 368, 441, 453. — Списокъ кавалер. росс. орденовъ, 1814. — Списокъ воен. генераловъ, 1809. — Россійск. родосл. книга, ин. Долгорукаго. 1856, ч. III, с. 96. — С. Петерб. Вѣдомости 1730—1740 г. — Камеръ-фурьерскіе журналы 1730 г. — Мѣсяцесловы академическіе за разные годы XVIII вѣка. — Mémoires du règne de Catherine, la Haue, 1726. — Ébauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'Empire de Russie. Copenhagen, 1774. — Mémoires de Manstein, 1771. — Anecdotes intéress. de la cour de Russie. Londres, 1792. — Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français. Berlin, 1858. — Materialien zu der russischen Geschichte, v. Schm. Phiseldek. 1784, II. — Hermann's Geschichte. Hamburg, 1853, IV и V. — Denkwürdigkeiten des petersburger Hofes. Leipzig, 1843. — Gothaischer genealogischer Hof-Kalender, за разные годы.)

ОЧЕРКЪ ПРОВЖАГО

(РЕМОНТЕРЫ ПРОВЖАГО ВРЕМЕНИ)

Ремонтирование кавалерійскихъ полковъ прежняго времени, составляя одну изъ существенныхъ частей полкового хозяйства, требовало всегда людей, обладающихъ спеціальностью и извѣстныхъ своей честностью, и потому въ ремонтеры выбирались офицеры, которые, кромѣ знанія толку въ лошадахъ, заслуживали довѣріе въ расходованіи значительной суммы, отпускаемой имъ ежегодно. Въ эту должность обыкновенно назначались люди опытные изъ штаба или оберъ-офицеровъ, которые, заявивъ свои познанія въ лошадахъ, приобрѣли также отличную репутацію въ дѣлахъ денежныхъ. Больше никакихъ условій отъ ремонтера не требовалось, и будь онъ графъ, князь или выслужившійся изъ рядовыхъ, отличный фронтовикъ или офицеръ неумѣющій командовать взводомъ, — все равно, два описанныхъ выше качества служили ему патентомъ на хорошую, прибыльную и завидную должность. Несмотря на незначительность прежнихъ цѣнъ, отпускавшихся на лошадь съ содержаніемъ и провозомъ, ремонтеры старыхъ временъ умѣли составлять себѣ порядочное состояніе; и потому весьма многіе добивались этой должности, которая кромѣ матеріальныхъ выгодъ представляла еще веселое независимое положеніе и свободу развѣзжаться съ казенной подорожной по всѣмъ губерніямъ російской имперіи, а главное по всевозможнымъ ярманкамъ западнаго края, Малороссіи, Новороссіи, земли войска донскаго и въ некоторыхъ великорусскихъ губерніяхъ, славящихся конными заводами. Ремонтеръ совершенно избавлялся отъ службы, за исключеніемъ какихъ-нибудь двухъ недѣль сдачи ремонта, и имѣлъ полное право проводить время гдѣ и какъ ему было угодно. Ремонтеру полагались помощники, но этихъ можно раздѣ-

лить на двѣ категоріи : были офицеры , которые дѣйствительно желали изучить ремесло и дѣятельно помогали начальникамъ ; были и такіе , которые , отлавъ ремонтеру свое жалованье , не встрѣчались съ нимъ круглый годъ и на свой счетъ катались въ свое удовольствіе съ казенной подорожной по всѣмъ губерніямъ російской имперіи. Были еще ремонтеры , богатые люди , которые брали у полкового командира покушку ремонта лошадей на двадцать и рыскали тоже круглый годъ внѣ службы , но все-таки принося полку значительную пользу , потомучто обязывались приводить половину лошадей унтеръ-офицерскихъ , т. е. отборныхъ. Разумѣется подобный ремонтеръ дѣйствовалъ въ ущербъ своего кармана , но богатый человекъ не заботился объ этомъ , покупая себѣ цѣлый годъ безграничной свободы , что много значило для молодого человека и еще въ ту эпоху , когда военный мундиръ вообще , а кавалерійскій въ особенности имѣлъ свое обаяніе. Ремонтеръ-специалистъ и ремонтеръ-дилетантъ были совершенно два различные типа , и если на ярманочныхъ кутежахъ сходились они подъ одинъ уровень , то въ гостиныхъ и на паркетѣ рѣзко отличались другъ отъ друга.

Извѣстныя ярманки , а особенно лебедянская , коренная , харьковская , роменская и бердычевская были главными мѣстами ремонтерскихъ съѣздовъ , гдѣ конная площадь представляла арену для искусныхъ состязаній , а трактиры и прочія увеселительныя заведенія поглощали у иного не только весь годовой барышъ , но и часть казенной сѣммы. На этихъ съѣздахъ , куда собирались ремонтеры всѣхъ полковъ , какъ специалисты , такъ и дилетанты , непоследнюю роль занимали и азартныя игры , по какому случаю на большихъ ярманкахъ присутствовали цѣлыя шайки шулеровъ , начиная отъ грязныхъ до самыхъ утонченныхъ , пользовавшихся громкой извѣстностью. Неменѣе замѣчательны въ то время были и лошадиные барышники , какъ на примѣръ знаменитые Сапожковъ , Масорко и др. , которые знали всѣхъ ремонтеровъ вообще , но дилетантовъ въ особенности , потомучто дилетанты , неимѣя понятія въ лошадяхъ , но нежелая привести дряни въ полкъ , поручали барышникамъ заготовку своего ремонта , за что разумѣется платили приличную дань ловкимъ торговцамъ. Встарину бывали и такіе ремонтеры , которые брали на аренду цѣлыя имѣнія , устраивали въ нихъ депо , за сѣвали поля , торговали хлѣбомъ въ южныхъ портахъ , имѣли два-три комплекта лошадей , которыхъ , если было выгодно , продавали товарищамъ и наживали значительныя деньги. Другіе обдѣлывали

дѣла инымъ образомъ. Зная помѣщиковъ, владѣльцевъ конныхъ заводовъ большихъ и маленькихъ въ разныхъ губерніяхъ, ремонтеръ, получивъ сумму, отправлялся въ извѣстномъ направленіи и закупалъ какъ ремонтныхъ лошадей, такъ и двухлѣтокъ, а иногда и жеребятъ, съ условіемъ, чтобъ заводчикъ кормилъ послѣднихъ до условленнаго срока. Въ случаѣ надобности ремонтеръ ссужалъ деньгами помѣщиковъ и когда не могъ получить вовремя, то отбиралъ долгъ лошадьми, разумѣется по цѣнамъ, какія были ему выгодны. Случалось, что ремонтеры проматывались въ нухъ, но надо правду сказать — это бывало весьма рѣдко.

Каждый ремонтеръ, покупалъ ли онъ полный ремонтъ, или двадцать лошадей, имѣлъ свою опредѣленную команду рядовыхъ и унтеръ-офицеровъ, которые находились въ безусловномъ его распоряженіи, убирали лошадей, доставляли ихъ въ депо съ ярманокъ и съ заводовъ и слѣдовали за ремонтомъ при отправленіи его въ полкъ къ сдачѣ. Нижніе чины состояли по большей части изъ неспособныхъ къ фронтовой службѣ или невесьма удовлетворительнаго поведенія, и поступая въ завѣдыванье ремонтеровъ, скоро привыкали къ новому своему назначенію, формировались не по днямъ, а по часамъ, особенно съ помощью старыхъ усачей, которые всю службу свою провели за ремонтомъ. Команды эти, исполняя прямую свою обязанность, служили вмѣстѣ начальнику вродѣ крѣпостныхъ и занимались всевозможными работами, за что ремонтеръ смотрѣлъ сквозь пальцы на всѣ ихъ продѣлки, защищалъ отъ полиціи, покрывалъ шадости, и если по духу времени подвергалъ ихъ палочнымъ выговорамъ, то собственно за унущеніе по службѣ или за неисполненіе приказаній. За воровство солдата и тогда наказывали, но ему говорили сплошь и рядомъ, отпуская сотню-другую: «не зато бьютъ, что укралъ, а зато, что поймали.» Воровство въ арміи было весьма обыкновенно, и хотъ оно преимущественно распространялось на съѣстное, куда впрочемъ входили бараны, телята и проч., а въ кавалеріи и артилеріи фуражъ, однако встрѣчались случаи и болѣе серьезной кражи, приводившіе къ столкновенію власти мѣстныхъ и военныхъ. Что касалось до предметовъ цѣнныхъ, начальники строго принимались за розыскъ; относительно же съѣстного, а болѣе фуража, виновные почти никогда не отыскивались. Въ то блаженное время попадались и такіе эскадронные командиры, которые преспокойно клали въ карманъ четыре пятыхъ фуражной суммы, и покупая сѣно и овесъ въ ничтожномъ количествѣ для соблюденія

приличій, ничего знать не хотѣли о продовольствіи эскадрона. Разумѣется при подобной системѣ солдаты должны были изыскивать средства, потомучто худоба лошади оставалась на ихъ отвѣтственности. Солдаты по возможности остерегались красть въ мѣстахъ расположенія эскадрона и взводовъ, зато въ сосѣднихъ селахъ исчезали цѣлые полуекирды сѣна, цѣлые запасы овса, и напрасно хозяева жаловались, — имъ бывалъ одинъ отвѣтъ: «поймайте и представьте вора.» Но послѣднее было немислимо, принявъ во вниманіе хитрость и единодушіе похитителей, которые не только употребляли ловкіе приемы, но старались даже усовершенствовать эти приемы, чтобъ сбить съ толку преслѣдователей. Интересно крали солдаты сѣно зимою, когда предательскіе слѣды изобличаютъ похитителя чужой собственности. Надобравъ изъ скирды сколько было нужно, кавалеристы надѣвали сапоги носками назадъ и шли до какой-нибудь дороги, такъ что слѣдъ видѣлся только по направленію къ сѣну, словно никто и не отправлялся обратно. Это впрочемъ вблизи селеній; но гдѣ-нибудь въ степи, обыкновенно въ мятель, цѣлые взводы навьючивали сѣно на лошадей или просто побирали въ большія сани. О сѣвѣтномъ я уже и не говорю, особенно во время полковыхъ и дивизьонныхъ сборовъ, когда нижніе чины поступали на продовольствіе «съ котла» и нерѣдко довольствовались одной кашницей, въ которой, по мѣткому солдатскому выраженію, «крупинка за крупинкой гоняется съ дубинкой». Неразъ мнѣ лично (а это уже въ гораздо позднѣйшую эпоху) случалось, дежуря по дивизьону, заходить на кухни. Кипятъ котлы, изъ которыхъ торчатъ бараньи ноги или гусиные лапки.

— Съ чѣмъ сегодня кашница, ребята?

— Извѣстно, в. б—іе, пустая: крупка и водица.

И проходишь бывало равнодушно мимо, словно и не видѣшь бараньихъ ногъ или гусиныхъ лапокъ, потомучто знаешь каково голодному солдату выходить въ четыре часа утра на ученіе и возвращаться назадъ черезъ полсутки. Были такіе мастера, что во время похода на маршѣ крали ягнятъ, поросятъ, тутъ же разрывали ихъ на части и прятали такъ ловко, что въ случаѣ жалобы пропая не находилась послѣ самаго тщательнаго обыска.

Если подобныя продѣлки нерѣдко происходили въ арміи вообще, то можно представить себѣ какое развитіе получали они въ ремонтерскихъ командахъ, дисциплинированныхъ слабѣе, состоявшихъ изъ людей болѣе или менѣе двусмысленной нравственности, нерѣдко

по полугоду остававшихся безъ всякаго присмотра, особенно у ремонтеровъ—дилетантовъ, которые поставляли лошадей посредствомъ барышниковъ. Депо (стоянка, мѣстопробываніе ремонтера и его команды, конюшни и все вообще хозяйство) находилось обыкновенно въ Малороссіи, рѣже въ Новороссіи, въ курской или воронежской губерніяхъ. Въ окрестности депо старались по возможности не размѣщать прочихъ войскъ, квартировавшихъ въ той губерніи или уѣздѣ, такъ что ремонтерь имѣлъ свой особый районъ и господствовалъ въ казенныхъ селеніяхъ почти на правѣ помѣщика. Считаю нужнымъ разъ и навсегда предупредить читателей, что настоящій рассказъ обнимаетъ эпоху двадцатыхъ годовъ, когда военный постой имѣлъ особенный характеръ и ложась всей тягостью на жителей, налагалъ на нихъ разныя незаконныя обязанности, носившія однакоже, вслѣдствіе обычая, форму законности. Порядочные солдаты изъ ремонтерской команды, если имъ нечего было дѣлать, занимались ремеслами, крестьянскими работами, а другіе — и конечно большая часть, — пользуясь баснословной дешевизной водки, пьянствовали и лежали на боку, что составляетъ особую прелесть для нашего простолюдина, если онъ противъ воли обреченъ на какую-нибудь обязательную работу. Но надо быть справедливымъ: и въ то время, когда иные офицеры, для поддержанія дисциплины, насилывали свою натуру и въ силу ложнаго убѣжденія считали необходимымъ строго обходиться съ нижними чинами, — и тогда уже проявлялись индивидуумы, которые шли въ разрѣзъ съ установившимися правилами и умѣли управлять солдатами силою слова и гуманнаго направленія. Разумѣется эти личности только и могли проявляться въ сословіи ремонтеровъ, потому что въ полку подобный образъ дѣйствій, неговоря уже о порицаніи товарищей, обращалъ на себя вниманіе начальства, и гуманный офицеръ могъ лишиться своей части «за слабое смотрѣніе».

Но если съ одной стороны ремонтерь—дилетантъ (специалистъ постоянно держался палки и фуктеля) умѣлъ привязать къ себѣ команду и порой жертвовалъ собственныя деньги на улучшеніе ея быта, то съ другой, предаваясь самъ, по духу времени, буйству, кутежу и другимъ неблаговиднымъ поступкамъ, — дѣлалъ нижнихъ чиновъ соучастниками такихъ происшествій, которыя теперь не только не мыслимы, но самая возможность которыхъ представляется невѣроятною. Лѣтъ десять на задъ по провинціямъ ходили еще анекдоты о разныхъ подвигахъ извѣстныхъ буйповъ, анекдоты, прини-

мавшіе и тогда уже миеологическій колоритъ, но въ двадцатыхъ годахъ еще дѣйствовали герои этихъ разсказовъ и молва о нихъ далеко переносилась изъ одной губерніи въ другую. Разумѣется всѣ эти продѣлки происходили преимущественно въ кавалеріи и не только въ захолустьяхъ, но и въ мѣстахъ расположенія полковыхъ и дивизионныхъ штабовъ; ремонтеры же, какъ свободные колонисты, варьировали только забубенныя шалости, возникавшія въ отдаленной метрополіи. Подобной славой пользовались въ особенности гусары, и были полки, составившіе себѣ извѣстность своего рода молодецствомъ, выходявшимъ изъ границъ всякаго приличія, но которое считалось принадлежностью каждаго порядочнаго офицера. Я помню какъ уже въ мое время у насъ въ полку одинъ скромный офицеръ, порядочно образованный мальчикъ, назывался красной дѣвушкой за то, что на его совѣсти не было ни одного замѣчательнаго скандала. Правда, онъ для штуки оторвалъ фалды у фрака одному уѣздному учителю и доставилъ много смѣха товарищамъ, но это случилось подъ пьяную руку и на какихъ-то бѣдныхъ именинахъ и ровно ничего не значило передъ подвигами болѣе или менѣе размашистаго свойства. Надъ нимъ постоянно трунили. Сбираясь однажды покутить въ Х...въ, юноша далъ слово возвратиться съ оконченной репутаціей. И онъ исполнилъ свое обѣщаніе. Въ нѣмецкомъ, такъ называемомъ шустеръ-клубѣ, изъ котораго многіе наши офицеры бывали выводимы *mit grossen Skandal* или *mit Trompetten*, онъ встрѣтилъ знакомаго приказчика изъ магазина военныхъ вещей, пригласилъ его *vis-à-vis* и придравшись за что-то, публично побилъ ему фізіономію. Его назвали за это молодцомъ, и репутація молодого человека упрочилась. Или напимѣръ въ томъ же городѣ юнкера нашей дивизіи выкинули штуку, теперь невѣроятную, но принадлежащую къ совершившимся фактамъ. Одинъ кавалерійскій генералъ вздумалъ сдѣлать смотръ юнкерамъ, преставленнымъ въ офицеры, и какъ ему не хотѣлось ѣхать для этого въ поселеніе, онъ отдалъ приказъ собрать юнкеровъ изъ всей дивизіи въ Харьковъ, гдѣ, какъ въ одномъ изъ лучшихъ провинціальныхъ городовъ, былъ и комфортъ, и хорошее общество. Юнкера прибыли. Разумѣется смотръ былъ не тотчасъ, дали время на необходимыя приготовления, и можно себѣ представить какъ молодежь, по большей части со средствами, бросилась на удовольствія хорошаго губернскаго города послѣ однообразной жизни въ поселеніи. Порядочно подкутивъ далеко за полночь, человекъ двадцать юнкеровъ шли чрезъ одну торговую площадь, пробираясь

куда-то въ дальнія улицы. Навстрѣчу имъ попался обходъ изъ нѣсколькихъ будочниковъ и гарнизонныхъ рядовыхъ подъ начальствомъ квартальнаго. На несчастье обходъ этотъ поспѣшалъ для прекращенія какого-то скандала, затѣяннаго юнкерами гдѣ-то недалеко. Проходи онъ своей дорогой, шумная ватага и не тронула бы его. Но вотъ квартальный, послѣ краткихъ, но круныхъ переговоровъ, велѣлъ брать подгулявшую молодежь и вести къ начальству. Произошла схватка, вслѣдствіе которой полицейскіе чины бѣжали съ поля битвы, оставивъ въ рукахъ у юнкеровъ своего предводителя. Какъ нарочно, вблизи стояли чаны съ дегтемъ; юнкера торжественно опустили въ одинъ изъ нихъ квартальнаго въ полной формѣ и не выпускали до тѣхъ поръ пока бѣднякъ не далъ клятвы молчать объ этомъ происшествіи.

Еслибы припомнить все происшествія одной какой-нибудь кавалерійской дивизіи прежняго времени, то можно бы исписать цѣлые томы: такъ распущены были нравы. Сдержанность армейской кавалеріи можно отнести уже развѣ къ концу сороковыхъ годовъ, да и то еще проскакивали случаи неточнаго пониманія своихъ правъ офицерами, дѣйствовавшими по преданіямъ. Это я говорю относительно сценъ болѣе или менѣе вреднаго свойства, а о легкихъ шалостяхъ и упоминать нечего, потому что онѣ продѣлывались молодежью сплошь и рядомъ, и гдѣ только напримѣръ въ мѣстахъ квартированія войскъ находилось еврейское племя, тамъ непремѣнно случались каждый день гвалты, жалобы, скандалы и всевозможныя развлеченія этого рода. И все извинялось общественнымъ мнѣніемъ, которое утверждало, что «молодому человѣку извинительна шалость, лишь бы не заключалось въ ней подлости». Относительно послѣдняго общественное мнѣніе было довольно либерально, такъ что его обсужденію подвергались развѣ уже самыя вопіющія продѣлки, но и тутъ смягчающимъ обстоятельствомъ являлось условіе: «въ пьяномъ видѣ»; а надо замѣтить, что пьянство въ то время, если и начинало уже въ некоторымъ образомъ подламываться, то все еще было въ значительномъ развитіи. Встрѣчались эскадроны, гдѣ все пило, начиная отъ командира до молоденькаго юнкера, и пило мертвую съ утра вплоть до «положенія ризъ» цѣлые дни безъ просыпу. Невзирая на такое всеобщее поклоненіе Бахусу, изъ этого кружка питуховъ иногда рѣзко выдѣлялись личности, слава которыхъ гремѣла по дивизіи и по корпусу, личности, умѣвшія довести свой организмъ до того, что никакой спиртъ не въ состояніи былъ на нихъ дѣйствовать, и

только послѣ огромнаго количества выпитаго вина у нихъ измѣнялся цвѣтъ глазъ, да порой отказывались служить ночи, а память и языкъ не поддавались одуряющему вліянію. У насъ въ полку былъ напрімѣръ штабсъ-ротмистръ Б...въ, который, проснувшись, посылалъ за пріятелемъ своимъ ветеринаромъ и оба, осушивъ по штофу водки вмѣсто чаю, заходили къ кому-нибудь на закуску, гдѣ тоже не обходилось безъ чарки, посѣщали потомъ акуратно-аптекаря, который подчивалъ ихъ нѣсколькими унцами самаго крѣпкаго спирту, возвращались домой къ обѣду, выставляли снова по штофу и потомъ уже проноживали у кого вечеромъ соберутся товарищи. Однажды этотъ Б...въ собирался отпраздновать свои именины и потѣхалъ въ ближайшій городокъ для необходимыхъ закупокъ. На возвратномъ пути ему сдѣлалось очень скучно, и онъ выпилъ двѣ бутылки рому, не знаю сколько прочихъ винъ и три бутылки шампанскаго. Отъ подобной смѣси у него сдѣлалась такая изжога, что при вѣздѣ въ деревню онъ остановился у перваго кабака и осушилъ полуштофъ простой сивухи. Нашъ полковой командиръ былъ очень скупъ, и обыкновенно кто попадалъ къ нему на обѣдъ, тотъ велѣлъ готовить дома или назывался къ кому-нибудь изъ товарищей. Разумѣется и питья подавались у него въ ограниченномъ количествѣ. По какому-то случаю Б...въ попалъ на обѣдъ къ полковнику. На столѣ съ закуской стоялъ графинъ водки рюмокъ въ десять. Пока шли разговоры, Б...въ ловко подобрался къ столу, схватилъ графинъ и разомъ осушивъ его, поставилъ на мѣсто. Когда пришлось прочимъ пить водку, ея не оказалось. Полковникъ, разругавъ деньщика, велѣлъ подать другую порцію. Въ это время пріѣхалъ какой-то помѣщикъ, и полковой командиръ пошелъ къ нему навстрѣчу; Б...въ снова осушилъ графинъ, и когда хозяинъ предложилъ пріѣзжему водки, необходимо было потребовать новаго подкрѣпленія. И между тѣмъ офицеръ этотъ, испивавшій постоянно, пропившій наконецъ имѣніе, вездѣ исполнялъ свою обязанность, бывалъ на всѣхъ ученьяхъ, смотрахъ, въ караулахъ, однимъ словомъ никуда не опаздывалъ и ни отъ чего не отказывался. Но это натуры исключительныя, и я заговорилъ о немъ потому, что какъ-то пришлось къ слову.

Пьянство, кутежъ и буйство въ мое время были еще порядочныя, но задолго прежде, въ эпоху предлагаемаго разсказа, когда мое поколѣніе сидѣло еще на школьныхъ скамейкахъ, пьяное ухарство считалось въ числѣ первыхъ добродѣтелей и несносилось безчестья, какіе ни происходили бы результаты. Больше всѣхъ

славилась въ этомъ отношеніи N гусарская дивизія, всѣ четыре полка которой, храбрые въ дѣлѣ, состояли изъ такихъ забубенныхъ кутилъ и дуэлистовъ, что вызывали въ свое время серьезныя мѣры для приведенія ихъ въ порядокъ. Корпусный командиръ не могъ совладать съ ними, и какъ они не любили его, то однажды и сыграли съ нимъ замѣчательную штуку. Генеральъ этотъ, изъ нѣмцевъ, притомъ же истый шѣхотинецъ, ни аза въ глаза непонимавшій кавалерійской службы, разъ на смотру, оставшись недоволенъ маневрами дивизіи, выразился какъ-то неловко о гусарахъ. Затѣмъ досаду, отчаянные рубаки сговорились. Подъ вечеръ, когда генеральъ сидѣлъ у окна своей квартиры, мимо по улицѣ потянулася похоронная процессія съ трубачами, конвоемъ и всѣми офицерами въ полной парадной формѣ. Корпусный командиръ полюбопытствовалъ и выслалъ адъютанта узнать кого хоронятъ. Ему отвѣчали: «корпуснаго командира такого-то»; и назвали его собственную фамилію. Въ великолѣпно обитомъ гробѣ помѣщались нѣсколько дюжинъ шампанскаго. Разумѣется демонстрація эта вызвала цѣлую исторію. Но дѣло какъ-то уладилось такъ, что его окончили безъ особенно важныхъ послѣдствій.

Кому изъ прежнихъ служивыхъ неизвѣстенъ также поступокъ одного эскадроннаго командира, въ которой-то изъ западныхъ губерній, переходившій изъ полка въ полкъ по преданію и можетъ-быть теперь затерявшійся уже по совершенной неприложимости къ современнымъ нравамъ и обычаямъ. Ловкій гусаръ, лихой малый по тогдашнимъ повятіямъ, ротмистръ этотъ на балѣ оскорбилъ какую-то даму или дѣвицу. Оскорбленіе, какъ говорили, не было значительно, скорѣе невѣжливость полупьянаго гусара, по большей части сходявшая съ рукъ извиненіемъ или оканчивавшаяся дуэлью. Но на этотъ разъ родственники обиженной принялись довольно серьезно за ротмистра, который какъ-то одинъ очутился среди общества помѣщиковъ. Пацы взволновались, сперва хотѣли было рубиться, но послѣ разсудили окончить процессъ болѣе чувствительнымъ образомъ для ротмистра. Зазвавъ его въ отдѣльную комнату, гдѣ ожидали слуги съ розгами, ему предложили два условія: первое, если онъ добровольно позволить себя высѣчь, его высѣкутъ больно, онъ извинится передъ дамой и никто кромѣ посвященныхъ не узнаетъ катастрофы; если же будетъ сопротивляться, его свяжутъ и застѣкутъ до полусмерти при всей публикѣ. Ротмистръ согласился на первое условіе, получилъ ударовъ сто, одѣлся и выйдя въ залъ какъ

ни въ чемъ не бывало, извинился передъ обиженной дамой. Въ это время заиграла музыка, и гусаръ, чтобъ вполне показаться свѣтскимъ джентльменомъ, подошелъ къ этой самой дамѣ просить ее на мазурку.

— Я съ битымъ не танцую, отвѣчала она насмѣшливо и отворотилась.

Гусаръ вспыхнулъ : значить помѣщики не сдержали слова. Онъ къ другой, къ третьей — тѣже самые отвѣты и еще съ приправой разныхъ оскорбительныхъ остротъ, поминутно облетавшихъ залу. Только одна молоденькая дѣвица подала ему руку и привѣтливо разговаривала. Гусаръ не счелъ нужнымъ напоминать хозяину о его коварствѣ, и чтобъ выдержать роль до конца, остался ужинать. Когда онъ уѣзжалъ, хозяинъ проводилъ его въ переднюю и употребляя во зло известную фразу просилъ извинить, если угощеніе было недостаточно. По провинціальному обычаю, сохранившемуся еще и доселѣ, помѣщичьи пиры, особенно у богатыхъ людей, продолжались по нѣскольку сутокъ. Ротмистръ явился на другой день вечеромъ, въ разгаръ бала. Хозяинъ принялъ его съ той же насмѣшливой вѣжливостью, съ какой проводилъ, дамы отказывались танцевать съ нимъ подъ тѣмъ же предлогомъ, за исключеніемъ молоденькой дѣвушки, дочери эконома, оказавшей ему вчерашнюю привѣтливость. Дѣло подходило къ полуночи. Ротмистръ потихоньку совѣтовалъ своей дамѣ уѣзжать съ бала и увозить своихъ родителей. Та не принимала.

— Ничего не скажу больше; но за вашу доброту, зато что вы однѣ изъ всѣхъ дамъ пошли танцевать со мною, дружески вамъ совѣтую уѣзжать и какъ можно скорѣе. Могу только прибавить, что дѣло нешуточное.

Дѣвушка послушалась, сказала родителямъ, и какъ это было бѣдное семейство, то и удаленіе его не было замѣтно для пирующихъ, которые собирались на мазурку. Ротмистръ стоялъ одиноко.

— А вы же что? сказалъ ему хозяинъ съ насмѣшливой улыбкой : — кажется вы нашли себѣ даму?

— Да, но моя дама уѣхала, а другія не хотятъ танцевать со мною.

— Это уже не моя вина : женщины вѣдь ужасно капризны.

Нѣкоторые изъ помѣщиковъ, присутствовавшихъ при известной расправѣ съ ротмистромъ, тоже подходили къ нему и спрашивали отчего онъ не танцуетъ.

— Я все равно посмотрю какъ танцуютъ другіе , отвѣчалъ онъ.

Въ большой залѣ растворены были окна , сквозь которыя видѣлось лѣтнее небо , усыпанное звѣздами , и легкій полуночный вѣтерокъ привосилъ прохладу. Ротмистръ подошелъ къ угловому окну и выстрѣлилъ изъ маленькаго пистоleta. Мужчины бросились было къ нему... Но въ каждое уже окно лѣзли десятки гусаръ при сабляхъ и каждый съ значительнымъ пучкомъ розогъ. Изъ внутреннихъ дверей вездѣ показались гусары. Иные были съ карабинами. Музыка умолкла. Ротмистръ вышелъ на средину.

— Господа ! скáзалъ онъ. — До сихъ поръ я былъ вамъ неровень , потому что среди васъ всѣхъ одинъ только я былъ высъченъ и нахожу , что это очень скучно. Я привыкъ быть въ обществѣ равныхъ , и потому предлагаю вамъ два условія : если вы добровольно позволите высъчь себя , васъ выдерутъ порядочно и все останется между нами ; за гусаръ и за себя я отвѣчаю : мы не последуемъ вашему примѣру. Еслиже будете сопротивляться , васъ заporюютъ на-смерть. Выбирайте любое.

Суматоха сдѣлалась ужасная , и всѣ были высъчены , неразбирая возраста и пола.

Не знаю , занесенъ ли этотъ фактъ въ какія-нибудь лѣтописи , но что онъ былъ въ числѣ совершившихся , это не можетъ подлежать сомнѣнію , по крайней мѣрѣ для тѣхъ , кому знакомы прежніе нравы и обычаи. Нѣсколько позднѣйшихъ выходокъ , много утратившихъ первобытной дикости , все-таки доказываютъ , что офицеры , особенно кавалерійскіе , даже любившіе бывать въ обществахъ , любили самоуправствовать въ этихъ самыхъ обществахъ. Такъ на примѣръ въ одногъ помѣщичьемъ домѣ , куда офицеры приглашены были на вечеръ , кому-то изъ нихъ показалось , что дуетъ изъ-подъ полу ; тотъ сообщилъ товарищамъ , относя это обстоятельство къ невнимательности хозяина , и всѣ отправились въ переднюю , надѣли теплые сапоги и пустились въ танцы... Подобные подвиги можно встрѣтить въ хроникахъ полковъ , и можно бы собрать значительное множество матерьяловъ для былаго молодчества. Все это продѣлывалось добродушно , въ полной увѣренности , что иначе быть не могло , и если приходилось кому поизагнаться вълѣдствіе особенныхъ условий , на того смотрѣли какъ на жертву явной несправедливости. Въ заключеніе не могу не разсказать событія , случившагося съ однимъ изъ моихъ товарищей Ю... Это былъ отчаянный , но честный малый , лихой товарищъ , готовый отдать собрату послѣднюю рубашку , но «не дуракъ вы-

питья; какъ говорилась въ то время, и немощій терпѣть Кинтафоронъ». Юнкеромъ онъ котъ и производилъ дѣскіе скандалы, однако выходы его окончивались пустыми, по-тогдашнему, послѣдствіями. Съ производствомъ въ офицеры его назначили въ другую дивизию. Отъѣхавъ верстъ пятьдесятъ отъ нашего полка по дорогѣ къ мѣсту новой службы, онъ въ одномъ уѣздномъ городкѣ сильно избилъ станціоннаго смотрителя. Я полагаю, лишнимъ будетъ рассказывать, что личность станціоннымъ смотрителямъ, огражденных *de jure* давно уже чиномъ четырнадцатаго класса, можетъ быть дѣтъ какити-нибудь пять, да и того нѣтъ, сдѣлалась неприкосновенною *de facto*, и то не для всѣхъ, потому что есть у насъ дантисты отъ природы, которыхъ никакой законъ не удерживаетъ отъ нулачной расправы, тѣмъ болѣе на почтовыхъ станціяхъ. Ю... принадлежалъ къ числу послѣднихъ, но видно уже и по его словамъ «распорядился неумѣренно», такъ что смотритель побѣжалъ къ почтмейстеру, и молодого корнета задержали. Дѣло дошло до составленія акта, и для этого Ю... попросилъ въ полицію. Геройствуя среди чуждой ему сферы, онъ считалъ себя совершенно правымъ и употреблялъ непечатныя выраженія, нетерпимыя въ обществѣ, а тѣмъ болѣе въ судѣ. Секретарь просилъ его удержаться и объявилъ, что за каждое подобное выраженіе взимается пять рублей штрафа. Ю... въ горячности втеченіи четверти часа наговорилъ непозволительныхъ словъ на двадцать рублей, и когда уходилъ, то секретарь, предъявивъ ему счетъ, требовалъ уплаты. Ю... молча подалъ двадцатипятирублевую бумажку и попросилъ сдачи. У секретаря мелкихъ не оказалось. Забубенный корнетъ выпрямился молодцомъ и сказалъ:

— Если у васъ нѣтъ сдачи, а пяти рублей я дарить не намѣренъ, то...

И онъ пустилъ, обращаясь ко всѣмъ, одну весьма энергическую фразу и разсмѣявшись вышелъ изъ присутствія.

Дѣло это однакожь стоило корнету довольно дорого.

Я нарочно привожу эти примѣры, чтобы нынѣшній читатель смотрѣлъ на мой рассказъ какъ на отраженіе тогдашнихъ нравовъ, и видѣлъ изъ какой среды выходили ремонтеры — народъ, который, отправляясь за ремонтомъ, пользовался безусловной свободой дѣйствій и въ своемъ районѣ былъ гарантированъ мѣстными властями.

На одной из красивых почтовых дорог Малороссии, обсаженной роскошными деревьями, стояла приземистая, выкачавшаяся станция, отбиваясь от кабака только нестрыми форменными столами и почтовыми телегами, стоявшими внутри двора, и перед воротами. Вокруг далеко не было видно никакого жилья за исключением кабака, торговавшего въ несколько десятках саженьяхъ, какъ потому, что этого рода заведенія весьма часты на малороссійскихъ дорогахъ, такъ и потому, что они нецрѣмьно возникаютъ въ сосѣдствѣ почтовыхъ станцій. Хотя ямщики на разстояніи обихъ перегоновъ имѣютъ возможность въ разныхъ мѣстахъ пропить деньги, полученныя на водку, однако и сосѣднихъ кабаковъ не лишаются дохода, тѣмъ болѣе, что въ годину безденежья находятъ готовый кредитъ и кромѣ того источникъ наслажденія всего подъ рукою.

Невыносимые жары стояли около десятаго іюля. Хотя солнце и поворотило съ полудня, однако зной былъ дотогу удушливъ, что вороны и вороны, зажмуривъ глаза, сидѣли по вѣтвямъ и тяжело дышали съ раскрытыми носами. Вблизи станціи подѣ развѣсистыми вербами, въ разныхъ направленіяхъ стояли обозы, и дорожныя то лежали въ растяжку, то сидѣли группами, покуривая трубки или приготавливая скромную трапезу. Волы и лошади лѣниво бродили, щипля скудную траву, иные жевали сѣно и овесъ, а другіе, отыскавъ прохладу, сбивались въ кучу и отмахивались хвостами отъ докучливыхъ насѣкомыхъ. Повременамъ тянулись большіе транспорты воловьихъ подводъ преимущественно съ шерстью, холстами и другими хозяйственными произведеніями. Шествіе этихъ транспортовъ нарушалось проѣздомъ какого-нибудь экипажа, потому что въ нравахъ той эпохи существовало непрѣмьное условіе — что несмотря на привольную ширину дороги, мужикъ былъ обязанъ сворачивать, а не то кучерской или фореиторскій кнутъ сумѣлъ оставить на сннѣ или на лицѣ дерзкаго ощутительное воспоминаніе о неуваженіи къ барскому экипажу. Случались конечно и примѣры другого рода, особенно если какой-нибудь быстрый господинъ встрѣчался съ чумаками, да еще въ безлюдномъ мѣстѣ; но подобныя катастрофы происходили довольно рѣдко, а чаще тяжелые обозы разсыпались въ стороны при звукахъ колокольчика или при видѣ помѣщичьяго экипажа.

Къ описанной выше станціи подѣехала двумѣстная коляска, запряженная усталой четверкой. Изъ нея вышелъ молодой пущаръ

скій офицеръ , и отдавъ слугѣ приказаніе внести закуску, вѣбжалъ на ступеньки небольшого крыльца , сѣвѣтоннаго перилами и двумя скамейками. Въ это время на порогѣ показалась фигура смотрителя, при взглядѣ на которую гусарь не могъ не расхохотаться и потребовавъ лошадей голосомъ, дрожавшимъ отъ смѣха.

— Повремените маленько, пусть съѣдятъ шкурку оса.

— Даю сроку пока позавтракаю.

— Да вы же казенной?

— Во всѣ концы имперіи!

И офицеръ торжественно подавъ еще новенькую подорожную.

Фигура смотрителя была дѣйствительно смѣшна до крайности. Длинные ноги шли у него какъ-то врозь, жидкіе волосы торчали вверху, а шрамы, разбросанныя по лицу въ разныхъ направленіяхъ, придавали необычайное выраженіе блѣдной и нѣсколько одутой физиономіи. Когда онъ раскрывалъ ротъ для произнесенія слова, то дѣлалъ странную гримасу, изъ которой вы не могли понять, собрался ли онъ смѣяться или плакать. Въ довершеніе всего правый глазъ у него былъ разорванъ и хотъ зажилъ, однако ямка удлинилась значительно, придавая правой сторонѣ что-то звѣрское, въ то время какъ лѣвая изображала добродушіе.

Офицеръ вошелъ въ единственную, но очень скверную комнату для прѣзжающихъ, и снявъ шинель, сѣлъ на косою диванъ, передъ которымъ стоялъ овальный столъ, тоже покачнувшійся въ одну сторону. Слуга внесъ ему трубку, щегольской погребецъ и ящикъ съ хлѣбомъ и холодной закуской. Выпивъ рюмку водки, гусарь принялся завтракать.

— Хлѣбъ да соль! раздалось у него надъ самымъ ухомъ.

Офицеръ поднималъ глаза и снова разсмѣялся. Передъ нимъ стоялъ смотритель и подавалъ ему подорожную.

— Съ вашего благородія четыре рубля (асигн.), сказалъ онъ, мигая правымъ глазомъ.

— Какъ четыре! А сколько верстъ?

— Ровно двадцать.

— Я плачу и то за три лошади, хотъ у меня подорожная на пару.

— По положенію — родъ экипажа.

— Вотъ я дамъ тебѣ родъ экипажа! говорилъ офицеръ, отжиливалъ по тогдашнему обычаю лишнюю лошадь, но все-таки не былъ въ состояніи удержаться отъ смѣха.

Но смотритель стоялъ храбро передъ новичкомъ-ремонтеромъ, приемы котораго еще выказывали много мягкости.

— Въдь я не для себя, я обязанъ смотрѣть за хозяйскимъ добромъ, сказалъ онъ.

— Знать ничего не хочу!

— Какъ угодно. Если, какъ вы говорите, экипажъ легкій, я велю заложить тройку.

— И думать не смѣй! Четверню, я самыхъ лучшихъ.

— У насъ все лучшія.

— Ты мошенникъ, надуваешь, хочешь сорвать.

— Гдѣ уже намъ срывать! Притомъ же вы по казенной надобности.

— Ну, чучело, я тебѣ дамъ гривенникъ на водку.

— Чувствительно благодарю... А вотъ еслибъ ваша милость...

— Что такое?

Смотритель умильно взглянулъ на погребецъ и щелкнулъ языкомъ.

— Въ этомъ штофикѣ я думаю такая настойка, какой въ жизни я не пилъ... еслибы хоть рюмочку.

— Вишь чего захотѣлъ! Ну, дѣлать нечего, принеси рюмку, я налью. У тебя такая уморительная рожа, что нехотя смѣешься.

Смотритель юркнулъ за перегородку и вынесъ большой, невымытый стаканъ.

— Извините, ваше благородіе, рюмки нѣтъ.

— Все равно; только ты не думай, чтобъ я налить полный: жирно будетъ. Держи!

Гусаръ налилъ полстакана какой-то душистой апельсиновой водки. Смотритель взглянулъ на свѣтъ, попохалъ, и какъ истый любитель, долго втягивалъ въ себя маленькими глотками настойку.

— Ну ужъ водочка! сказалъ онъ, облизываясь: — покорнѣйше благодарю. Я думаю только вельможи пьютъ такую.

Офицеръ отрѣзалъ кусокъ булки и подалъ смотрителю.

— А чтоже лошади, любезный?

— Набираютъ. Пока выкурите, — будутъ готовы.

— Скажи мнѣ, отчего у тебя лицо такъ уморительно изуродовано? спросилъ гусаръ, набивая трубку.

Смотритель махнулъ рукой.

— Оспа чтоли?

— Какад оспа! Это все по службѣ.

— Какъ? —

— Да такъ. Разъ больно дерутся офицеры, ваши же ремонтеры, а вторые — эти проклятые фельд-егеры...

— Неужто провѣзжающіе такъ тебя разрисовали?

— И не доведи-богъ, что вытерпѣлъ за семнадцать лѣтъ можно сказать безпорочной службы. У меня вотъ и кончикъ уха оторванъ, и глазъ было выкололи...

— И такъ всё и пропало?

— Все пропало. За ухо только заплатилъ ремонтеръ, спасибо, десять рублей, а за прочее хоть бы тебѣ копейку... А сколько поломали реберъ, какъ валяли по спинѣ — это не въ счетъ, ваше благородіе.

— Значить ты порядочный плутъ?

— Какое плутъ! Гдѣ уже тутъ плутовать съ курьерами да съ фельд-егерами! И прогоновъ не возьмешь, и пожалуй попотчешь, а всё есть такіе звѣри, что прежде и подорожной не покажетъ, пока не натѣшится надъ нашимъ братомъ... Особенно есть одинъ... У! какъ заввижу, себя не помню... Онъ вышибъ мнѣ глазъ; онъ разъ пять поколачивалъ меня въ-смерть... И если случится, что провѣзжаетъ, — какъ увижу издали, тотчасъ бѣгу въ лѣсъ, потому что можетъ меня искалѣчить, да и кажется не вытерплю и самъ убью его какъ собаку.

— Да вѣдь съ вашимъ братомъ, говорятъ, лаской ничего не сдѣлаешь.

Въ это время послышался колокольчикъ. Смотритель смѣшался немного, а въ комнату вошелъ высокій уланскій офицеръ, весь заросшій усами и бакенбардами, и слегка поклонился провѣзжему.

— А! это ты? произнесъ онъ, увидя смотрителя.

— Я, в. в—іе, проговорилъ послѣдній дрожащимъ голосомъ.

— Рекомендую: это мой крестникъ, говорилъ уланъ, обращаясь къ гусару.

Смотритель переминался съ ноги на ногу.

— Очень радъ встрѣтиться, а тебѣ конечно будетъ пріятно узнать, что со мной тотъ же самый Зозуленко и у него таже самая пагайка. Ха-ха-ха! Маршъ, и чтобъ черезъ десять минутъ лошади стояли у крыльца!

Уланъ взглянулъ на часы, а смотритель ни живъ, ни мертвъ вышелъ изъ комнаты.

Офицеры познакомились, узнали, что вѣдутъ съ одной цѣлью и

по одному тракту, и гусарь предложил товарищу позавтракать. Смотритель Авидия съездил с подорожной.

— Вот, батюшка, рекомендую вам мошенника, сказал улань. — Сколько лѣтъ я ремонтеромъ, эта бестія cereбывала по крайней мѣрѣ на десяти станціяхъ, и не проходитъ года, чтобы при каждой встрѣчѣ не отлупилъ его собственноручно или не велѣлъ утеръ-ошцеру влить ему десятка три нагаекъ.

— Да вѣдь онъ кажется распорядился скоро.

— Еще бы! Последній разъ я его валялъ не на живое, а на смерть, и далъ слово, что если еще разъ попадетсѣ, чтобы писалъ духовное завѣщаніе. Ха-ха-ха!

— Ейбогу, в. в—е, последнюю курьерскую отдаю.

— Иначе и не смѣешь: ты вѣдь знаешь, что я умѣю возвращаться. Ха-ха-ха!

— А въ случаѣ фельдъ-егерь?

— Ну чтожъ? не найдешь лошадей, задасть взлупку. Можете себѣ представить, продолжалъ улань, обращаясь къ товарищу: — какую онъ сыгралъ со мной послѣдній разъ штуку на кievскомъ трактѣ. Бду я по спѣшному дѣлу. Колочу смотрителей, ямщиковъ, и все идетъ благополучно. Пріѣзжаю на одну станцію, смотрю — выходитъ этотъ сахаръ, котораго я лушилъ года два подъ Кіевомъ. Ни слова неговоря, я стараго знакомаго по рылу и скомандовалъ лошадей ту же минуту. Ну, правда, лошади были готовы — не успѣлъ я закурить трубку. Сажусь въ телѣгу, ямщику подзатыльникъ и велѣлъ Зозуленкѣ почаще навѣдываться къ нему съ нагайкой. Лошади едва передвигаютъ ноги. — Что за исторія? спрашиваю. — Ничего, говоритъ: подождите маленько, разомнуетсѣ. Точно, бываютъ и такія лошади. Но и на второй верстѣ ямщикъ не могъ ихъ догнать даже мелкой рысцою. Тогда я возвратился назадъ и такую задалъ трепку этой ракаліи, что его водой отливали. Ха-ха-ха! А теперь ненадо будетъ возвращаться? спросилъ улань у смотрителя.

— Помилуйте, курьерскія.

— А на меня ты не жаловался?

— Гдѣ уже на васъ жаловаться! проговорилъ смотритель со слезами. — А недѣль пять пролежалъ, да и мѣста было липилсѣ.

— Ага! Въ другой разъ попадешься, сдержу слово. Получай деньги.

Улань отдалъ прогону въ-обрѣзъ, посмотрѣлъ на часы и сказалъ:

— Срокъ давно прошолъ.

— Неудбно ли състь со мной въ коляску? предложилъ гусаръ:— мы такъ и до мѣста дождемъ, будетъ веселѣе.

— Пожалуй. Да вы бонтонный, — въ коляскѣ! Значить поѣхали лошадокъ по двадцать?

— И въ томъ числѣ восемь унтеръ-офицерскихъ.

— А откуда же полковому командиру закрасить фронтъ, какъ во отъ вашего брата : у насъ не много поживится.

— Вы на весь полкъ?

— На всю N дивизию. Значить вы вновь испеченный новичекъ, когда не знаете Бубняшева. Можетъ-быть слышали?

— Слышалъ.

— Ну, вотъ я на лицо. Однако ѣдемъ, будемъ балагурить въ дорогѣ.

Явился смотритель.

— Готово, в. в—іе ! Ямщикъ садится.

— То-то. Ну, какъ же мы будемъ съ тобою : вѣдь это первый разъ въ жизни, что я тебя встрѣчаю и не поколотилъ морды.

Смотритель поятился.

— Нѣтъ, ужъ значить на этотъ разъ обошлось и такъ, а буду ѣхать назадъ, — вѣрю отлуплю какъ сидорову козу

Передъ крыльцомъ стояли коляска четверней и перекладная тройкой.

— Знаете что, сказалъ Бубняшевъ : — пускай вашъ человекъ садится на тройку, а Зозуленко съ нагайкой къ намъ на козлы: вѣдь я терпѣть не могу, если ямщикъ зѣваетъ. У меня правило: лу пить ихъ за каждую малость.

Ремонтеры усѣлись и съ мѣста поскакали въ карьеръ, унося за собою клубы пыли.

Нѣсколько минутъ смотритель стоялъ безъ шанки, потомъ надѣлъ ее, погрозилъ кулакомъ вслѣдъ отъѣзжавшимъ и сказалъ ямщику, убиравшему лишнюю упряжь :

— А вѣдь правду сказалъ, подлець: болѣе пятнадцати разъ проѣзжалъ онъ у меня по станціямъ, и каждый разъ валялъ что-называется сколько влѣзеть.

— И я его знаю, сказалъ ямщикъ улыбаясь : — считалъ онъ и мнѣ зубы.

— А! такъ мы значить сводни. Возьми же гривенникъ; сбѣгай къ Лейбъ и скажи, чтобъ отпустилъ самой лучшей. Такъ и быть, дамъ и тебѣ чарку.

Бросивъ хомуты и возжи, ямщикъ стремглавъ побѣжалъ на станцію, вынесъ штофчикъ и пустился въ кабакъ по утопанной тропинкѣ.

Закуривъ трубки, ремонтеры пораговорились.

Корнетъ Солоницынъ былъ юноша лѣтъ двадцати двухъ, довольно недурень собой. Сынъ достаточныхъ родителей, онъ получилъ кое-какое домашнее воспитаніе, и подобно большинству тогдашней молодежи, поступилъ въ гусары, на томъ основаніи, что дворянину необходимо служить въ военной службѣ. За два года юнкерской службы онъ успѣлъ, какъ говорилось, вышолироваться, приобрѣлъ нужные познанія для офицера, научился пить, играть въ карты, а главное дѣлать долги, хотя мать и посылала ему значительное содержаніе. Онъ былъ уже сильно влюбленъ въ одну шляхтянку на Волыни и хотѣлъ жениться, но мать не позволяла, а больше товарищи, которые со времени существованія полка, насчитывали только двухъ или трехъ женатыхъ офицеровъ, и совѣтовали Солоницыну не пятнать цѣлаго общества, дозволяшаго всякія волокитства, оязи, самый безграничный развратъ и потерѣвшаго женитьбы, которая, въ силу господствовавшаго мнѣнія, отдавала лихого кореннаго гусара подъ башмакъ, во власть вѣчки. Товарищи вызывали Солоницыну помочь украсть и скрывать въ полку отъ преслѣдованія его любезную, но никто не соглашался быть у него шаферомъ. Конечно подобный обычай не былъ общимъ: въ кавалеріи, хоть изрѣдка, встрѣчались женатые офицеры, но полкъ, въ которомъ служилъ Солоницынъ, крѣпко держался своего принципа, и хоть въ немъ было много записныхъ волокитъ и танцоровъ, однако всѣ безъ исключенія, если требовалъ кто изъ подкутившихъ товарищей жертвы, готовы были выкинуть какую-нибудь каверзу своимъ возлюбленнымъ. Такъ уже полкъ этотъ и извѣстенъ былъ въ окрестности, и подъ конецъ стоянки офицеры переставали бывать у помѣщиковъ, учреждая лишь между собою шумныя сборища и порой буйныя оргіи. Съ перемѣною квартиръ молодежь снова заводила знакомство, волокитства, выпивалась нѣкоторое время, а потомъ снова прекращались посѣщенія, а собесѣдники тѣснѣе собирались вокругъ пуншевой

чашки. Главными учредителями этого так-сказавъ ордена были свѣдѣ штабъ-офицеры, эскадронные командиры, «ребра полка»; а какъ эти люди всю молодость провели на конѣ и въ бою, вели себя честно, могли кутить по суткамъ безъ пресмыкутливъ службы; въ противоположность съ дѣхотой, забывали чиновничатисе, то возат нихъ и группировалась молодежь и при вступленіи въ полкъ тотчасъ же получала данное направление. Эксцентричностью преимущественно отличались гусары, и на всѣ роды войскъ смотрѣли съ какимъ-то сознаниемъ собственного величія, такъ что когда одну драгунскую дивизию переименовали въ гусарскую, старинные гусары долго не признавали новыхъ собратами по оружію, вследствие чего происходили весьма непріязненные столкновения. Соловницынъ слышалъ въ полку искони гусарокомъ, гдѣ было двѣ трети богатыхъ офицеровъ; да и остальные получали кое-что изъ дому, только развѣ нѣсколько человекъ не имѣли состоянія, которыхъ общество терпѣло по какимъ-нибудь уважительнымъ причинамъ. Дѣйствительно, въ то время гусарская форма стоила очень дорого: блаженной мишуры не употребляли; а непрерывныя пирушны, на которыхъ гусаръ не могъ обойтись безъ шампанскаго, требовали извѣстныхъ субсидій. Удаливость всякаго рода, смѣлая, бѣшеная ѣзда, безстрашіе, бравада — были главными достоинствами офицера, а шрамы отъ дуэлей (тогда преимущественно рубились на сабляхъ) считались самымъ почетнымъ знакомъ достоинства, безъ разбора причинъ дуэли, которая въ нашъ вѣкъ не принесла бы чести ни вызванному, ни вызывателю. Долго еще средневѣковой этотъ обычай не выходилъ изъ правилъ нашей арміи, и если съ одной стороны бывають случаи, влекущіе за собою пролитіе крови на поединкѣ, то съ другой общественное мнѣніе возвысилось настолько, что отвергаетъ бесполезную рѣвню за каждый косой взглядъ или неосторожно сказанное слово. Прже было не такъ, и я отношу это убѣжденіе къ знакомству нашей арміи съ нравами и обычаями французовъ на мѣстѣ. Французъ, не только прежній, но и современный, послѣ всѣхъ пережитыхъ тревоженій, отъ колыбели бредить двумя вещами: «gloire» и «point d'honneur». Слава непремѣнно для него должна быть кровавая, потому что въ воображеніи его не представляется иной лавръ какъ обрызганный кровью. Это едвали не единственный примѣръ кровожадности въ цивилизованной, передовой націи. Французу по временамъ необходимо биться съ кѣмъ бы то нибыло, и самый ревностный, натолкнѣ отчаянный клерикалъ, толкующій объ ишмаку-

дѣлными зачатіи, летѣть съ восторгомъ проливать кровь нашего угодно народа и штыкомъ и пулей проповѣдывать одиному христіанство, другому гуманность. Въ частной жизни французъ руководитъ умъ же истинными: толкните его печально на улицу, извинитесь передъ нимъ не достаточно вѣжливо по его манеру, и онъ вызоветъ васъ на дуэль; взгляните пристально на его любовницу — онъ ужъ требуетъ поединка, и не считаетъ преступленіемъ убить васъ; лишь бы убійство это совершилось при свидѣтеляхъ и было облечено известными условными формами. Самые старыя служаны наши говорили, что количество дуэлей въ нашей армии утроилось по возвращеніи изъ Франціи: дрались преимущественно гусары, потомъ прочая кавалерія; въ артиллеріи тоже зачастую были дуэли, даже самая скромная пѣхота кололась на шпагахъ; наконецъ, хоть и очень рѣдко, проскакивали дуэли въ гарнизонѣ, иниціатива которыхъ разумѣется принадлежала людямъ, переведеннымъ туда изъ войскъ разнаго оружія. Надобно однакоже сказать, что поединки происходили въ арміи всегда почти между военными и вызвать на дуэль статскаго считалось даже неприличнымъ, потому что статскаго можно было побить и безъ дуэли; а если случался вызовъ, то развѣ при какихъ-нибудь исключительныхъ условіяхъ. Въ позднѣйшую эпоху, когда поединки строго преслѣдовались, ничто не могло укротить этой кровавой расправы, и само начальство смотрѣло на нее сквозь пальцы, ограничиваясь арестомъ или переводомъ провинившихся въ другіе полки, чему бывали примѣры и въ мое время. Point d'honneur въ этомъ отношеніи былъ такъ развитъ въ кавалеріи, что въ нашемъ корпусѣ уже въ тридцатыхъ годахъ случилось небывалое событіе. Извѣстно, что юнкеръ, какъ нижній чинъ, — лицо безответное, и если допускалась иногда возможность дуэли между юнкеромъ и офицеромъ, то никакъ не съ полковымъ командиромъ, который, пользуясь самостоятельной, почти неограниченной властью, стоялъ въ всякихъ оскорбленій. Командиръ — скаго кирасирнаго полка, горячій нѣмецъ, что впрочемъ можетъ казаться анахронизмомъ, какъ-то на ученьи вытянулъ фуктелемъ юнкера, нарочно или по ошибкѣ, принявъ его за простаго унтеръ-офицера. Юнкеръ выскочилъ изъ фронта и бросился съ палашомъ на полковника, успѣвшаго уйти, а офицеры удержали обиженнаго отъ дальнѣйшей катастрофы. Происшествіе, чисто-уголовное, могло стоять юнкеру вѣчной лямки и пожалуй вѣчныхъ цѣпей въ арестантскихъ ротахъ. Но полковой командиръ одумался, просилъ извиненій у обиженнаго и пред-

давать послѣднему, если угодно, и благородное удометвореніе. Но это случай исключительный:

Солоницынъ рубился уже съ товарищемъ за какое-то выраженіе во время игры и мѣсяца два носилъ на перевязкѣ лѣгко оцарапанную руку. Онъ любилъ рассказывать объ этомъ подвигѣ и увѣрялъ, что имѣлъ возможность убить своего противника, но оскорбленіе такъ незначительно, что было бы безчестно лишать жизни товарища. Изъ него сформировался настоящій гусаръ своего времени, и только еще страсть къ прекрасному полу и происходящая отъ того увлеченія мѣшали ему серьезно заняться составленіемъ себѣ репутаціи. Мальчикъ съ добрыми наклонностями, онъ долго возмущался нѣкоторыми выходками товарищей, и ни одуряющія испаренія рому, мадеры, шампанскаго, ни аэиинскіе вечера со вѣвмъ разнузданнымъ разгуломъ, передѣланные на русскіе нравы, не могли заглушить въ немъ природной мягкости сердца и какого-то инстинктивнаго пониманія человѣческихъ обязанностей. Но постоянное вліяніе окружающей среды, дружное общество товарищей, стремившихся образовывать полный замкнутый кружокъ, въ которомъ проводились извѣстныя убѣжденія, начинали уже дѣйствовать на юношу, получившаго домашнее, чисто-женское воспитаніе. Поводомъ къ этому послужило одно маловажное обстоятельство. Въ то время нѣкоторые мужчины занимались вышиваньемъ по канвѣ, и противъ насмѣшекъ бѣлаго общества оправдывались тѣмъ, что безъ гостей надо же было какъ-нибудь убивать время. О серьезной дѣятельности начали думать и теперь немногіе, а тогда сплошь и рядомъ каждый хлопоталъ какъ бы убить время. Выростая въ обществѣ сестеръ, матери и гувернантокъ, Солоницынъ усвоилъ и многія женскія работы; въ особенности онъ отлично вышивалъ шелками, и занятіе это обратилось у него въ привычку. При отправленіи его въ полкъ шоль совѣтъ родственницъ: прилично ли юнкеру имѣть небольшія цыльцы? и совѣтъ рѣшилъ единодушно, «что гораздо же приличнѣе молодому человѣку въ свободное время вышивать въ пальцахъ, нежели напиваться и ночи просиживать за картами. Конечно, вышиванье дѣло не мужское, но и Петръ Петровичъ, и Павелъ Ильичъ, и даже артилерійскій полковникъ вышиваютъ, не стыдятся за свое мирное занятіе, никому не вредящее». Вслѣдствіе этого Солоницынъ былъ снабженъ хорошенькими плечками, шелками и узорами, что и самогo его тѣшило при мысли объ одиночествѣ и сиротствѣ послѣ разлуки съ домашними. Но на дервыхъ же порахъ эти неважные

предметы развлечения навлекли на него такі добродушныя насмѣшки, послужили цѣлью такихъ безобидныхъ, но неурядныхъ нападеній, что однажды, во время веселой пирושки, онъ все это предалъ торжественному всеожженію и не очистился иначе отъ прозвища «любочнаго гусара», какъ давъ клятву никогда не брать въ руки ни иголки, ни вязальной спицы. Но этого мало: какъ новичку, съ характеромъ еще неопредѣлившимся, ему слѣдовало хоть чѣмъ-нибудь заявить сѣмя будущаго «бры», такъ-сказать заложить фундаментъ какимъ-нибудь замѣчательнымъ скандаломъ. Два самыхъ забубенныхъ товарища, подстрекали его на разные шалости; но все продолжали выходяли какими-то дѣтскими, которыя, по мнѣнію ареопага, могли быть значительны для школьника, а не для гусара. Солоницына задѣло за живое, и онъ рѣшился вочто бы то нистало показать, что онъ не мальчишка. Вслѣдствіе этого онъ подержалъ пари, что публично поцѣлуетъ одну хорошенькую барышню, дочь уважаемаго помѣщика. Такъ и случилось: юнкеръ сдержалъ слово, но тутъ же наткнулся на родственника ея артилериста, зачто и рубился съ послѣднимъ. Послѣ второй дуэли онъ возвысился въ глазахъ товарищей, и съ тѣхъ поръ употреблялъ все усилія идти впередъ на поприщѣ молодечества и скандаловъ. Серьезное увлеченіе, о которомъ говорилъ я выше, останавливало въ немъ на нѣсколько времени воинственные стремленія, но какъ заслуженные ветераны уже сильно вліяли на молодого человѣка, то и чувство раздѣленной любви, жестоко осмѣянное пьяной компаніей, разрѣшилось порядочнымъ скандаломъ. Въ день именинъ корнета Солоницына, когда у него гремѣлъ пиръ на весь міръ, онъ увлекся товариществомъ дотога, что завтра же обѣщавъ послать своей возлюбленной письмо, съ очень вѣжливымъ объясненіемъ, что намѣренія его вовсе не были серьезны, а что онъ только шутилъ для препровожденія времени. Письмо было послано. Послѣ такихъ блистательныхъ похвощей, служившихъ задаткомъ будущей карьеры, товарищи уговорили его ѣхать на годъ за ремонтъ провѣтриться, а на родинѣ заняться отъ мѣсть, гдѣ молодому человѣку предстояло нѣчто иное, какъ скучное кновеніе.

Все это Солоницынъ на первомъ же перегонѣ передалъ своему новому дорожному товарищу. Бубняшевъ слушалъ, смѣясь и кивая «браво» и между прочимъ приказывалъ Зозуленку «наѣдываться», послѣ чего ямщикъ сильнѣе понукалъ четверку, разгонялъ

обозы и въ свою очередь надѣлалъ ударами кнута неповоротливыхъ извозчиковъ.

Ротмистръ Павелъ Павловичъ Бубняшевъ былъ совершенно изъ другого рода. Происходя изъ турокъ (его мальчикомъ захватили гдѣ-то въ плѣнъ), онъ попалъ въ услуженіе къ одному полковому командиру, который окрестилъ его, положилъ на его имя небольшую сумму въ ломбардъ и потомъ записалъ въ полкъ вольноопредѣляющимся. Бубняшевъ скоро обратилъ на себя вниманіе исправностью, усердіемъ, а главное необыкновеннымъ искусствомъ лечить лошадей, почерпнутымъ у какого-то бродячаго цыгана. Его взяли къ себѣ извѣстный ремонтеръ, и Бубняшевъ всю свою унтеръ-офицерскую службу проходилъ за ремонтомъ, а когда былъ произведенъ въ корнеты, тотчасъ же поступилъ помощникомъ къ ремонтеру. Бубняшевъ былъ безграмотенъ (что въ тотъ вѣкъ не казалось удивительнымъ), т. е. читать могъ не иначе какъ по складамъ, а писать выучился только свою фамилію, которую могъ подмахнуть довольно правильно и только въ чинахъ дѣлалъ ошибки. Такъ надпримѣръ онъ не могъ написать штабсъ-ротмистръ, а писалъ *штапротмистръ*, и когда за отличіе получилъ ротмистерскій чинъ, то востоянно уже усвоилъ себѣ подпись: *ротмистръ* Бубняшевъ. На это никто не обращалъ вниманія, потомучто Бубняшевъ слылъ едва ли не первымъ ремонтеромъ во всей кавалеріи, и если встрѣчалъ достойныхъ себя соперниковъ, то старался тотчасъ же сбивать авторитеты. При обширномъ природномъ умѣ и тонкой смѣтливости, онъ зналъ лошадей какъ свои пять пальцевъ и надувалъ что-называется отца родного. Его любили и боялись. Его любили и боялись какъ ремонтеры и заводчиці, такъ и всѣ барышники, и до его пріѣзда на ярманку рѣдко кто рѣшался продавать лошадей, потомучто Бубняшевъ обыкновенно устанавливалъ цѣны. Задолго еще до обязанности дивизионнаго ремонтера, покупая только лошадей для одного полка, онъ не стѣснялся мастью, бралъ цѣлые косяки, барышничалъ, выручалъ изъ бѣды товарищей и наживалъ славу и деньги. Слѣдуя методѣ самаго утонченнаго надувательства, пріобрѣтеннаго на всевозможныхъ ярманкахъ, Бубняшевъ при расчетахъ пользовался репутаціею самаго честнаго человѣка, никогда не давалъ и не бралъ росписокъ, имѣлъ за барышниками по нѣскольку тысячъ, раздавалъ бездну денегъ помѣщикамъ, и помнилъ до копѣйки всѣ свои расчеты. Но самою главною чертою его характера была особенная черта, сродная впрочемъ нѣкоторымъ русскимъ натурамъ, по крайней мѣрѣ въ

прежее время. Знакомъ, онъ надувалъ самымъ невозможнымъ образомъ, барышниковъ тоже, но чуть какой-нибудь ремонтёръ-диетантъ обращался къ нему съ просьбой и заявлялъ совершенно неважные ремесла, Бубняшевъ давалъ ему отличныхъ лошадей и бралъ сравнительно малые проценты. Такъ его знали на югъ и западъ Россіи, но знали по-своему и на станціяхъ, какъ мы имѣли случай видѣть очень недавно. Къ характеристикѣ этого ремонтёра слѣдуетъ добавить, что онъ по обычаю велъ жизнь довольно трезвую, включая пребыванія въ полку разъ въ годъ, до ярманокъ, гдѣ уже собственно ремонтёрскій этикетъ требовалъ иной разъ непойми или чудовищной оргіи. Но онъ если и пилъ, то дѣло разумнаго; въ свѣтъ появлялся изрѣдка, по необходимости, предпочиталъ мужскую холостую бесѣду, любилъ порыскать въ отъѣзжемъ полѣ и перекинуться въ банчикъ; но главною его цѣлью были лошади. Конюшня, манежъ, заводъ, табуны — вотъ гдѣ заключалась для него вся вселенная, и наполненная доверху червонцами шкатулка не производила въ немъ такихъ пріятныхъ и сильныхъ ощущеній какъ северный жеребенокъ, осуждаемый знатоками на долю крестьянской клячи, въ которомъ онъ подглядывалъ породу и занимался его воспитаніемъ. Въ эпоху, когда Бубняшевъ появился въ нашемъ развѣздѣ, у него уже былъ собственный хуторъ въ одной изъ южныхъ губерній, полное хозяйство, то-есть огромныя конюшни; манежъ, собственный заводъ и необозримые луга, на которыхъ паслись лошади, приготовляемыя къ ремонту и для спекуляцій. Бубняшевъ построилъ хорошенкій домикъ, завелъ хорошую экономку, но если бывалъ въ дѣло, то приходилъ только домой обѣдать и ночевать: все же остальное время проводилъ въ конюшняхъ и въ манежѣ, куда ему приносили чай, завтракъ, и гдѣ онъ считалъ себя въ свойственной ему сферѣ. Команда отъ всей дивизіи составлялась не малая; надо было распорядиться и съ нею, то-есть нѣсколькихъ выѣзть, нѣсколькихъ покототить собственноручно, иныхъ отправить съ открытымъ листомъ, другихъ разослать по окрестностямъ; потомъ посмотреть манежную тѣду, выводку, сѣсть на лошадь, облетать табуны. Однимъ словомъ Бубняшевъ не видѣлъ какъ проходили недѣли. Но большую часть времени онъ употреблялъ на рысканье по ярманкамъ и заводамъ, и нужны были истинно-железная натура и безпримѣрная энергія, чтобы носить вездѣ и обдѣлывать дѣла, какъ онъ ихъ обдѣлывалъ. Красивый собою, полный, большого роста и огромной физической силы, съ капиталомъ, конечно утроеннымъ молвою, онъ служилъ также и предме-

томъ замкнута: со стороны чадлюбивыхъ родителей, у которыхъ были дочери невѣсты; но Бубняшевъ отклонялъ всѣ искательства, а товарищамъ говорилъ, что если уже рискнуть жениться, то иначе какъ на миллионъ (асс.), хотя бы невѣста была просто «дохлая конка». Конечно его нельзя было назвать ненавистникомъ женщинъ; напротивъ, онъ восхвалялъ иногда жирныя мяса какой-нибудь барыни и говорилъ, что это «чортъ-возьми разлили малина», и порою къ подобной представительницѣ своего идеала подѣзжалъ съ казенной любезностью, но атаки вести не умѣлъ, чувствовалъ робость и стѣзжалъ на разговоръ о лошадяхъ, пускаясь въ подробности о качествахъ той и другой кобылы, того или другого жеребца и мерина. Съ поступленія на службу и вѣроятно еще по своей турецкой породѣ Бубняшевъ не могъ отрѣшиться отъ обыкновенія произносить въ обществѣ нѣкоторые неприличные фразы, что называлось «вызрнуть» или «заговорить полатыни», и отъ этого происходили съ нимъ неприятныя сцены; но знакомые помѣщики извиняли такое краснорѣчіе, а незнакомые убѣждались, что Бубняшевъ не имѣлъ намеренія никого оскорблять привычкой русскаго человѣка, необходимой «какъ соль ко щамъ, какъ масло къ кашѣ». Бубняшевъ впрочемъ сознавалъ въ себѣ этотъ недостатокъ, и на именинахъ или на другихъ помѣщичьихъ празднествахъ всегда просилъ кого-нибудь дергать его за рукавъ въ извѣстные моменты. Съ дамами впрочемъ далъ онъ честное слово никогда не играть въ карты, послѣ знаменитаго анекдота, облетѣвшаго армію и уже передѣланнаго новѣйшими редакціями.

Выслушавъ исповѣдь Соловницына, Бубняшевъ въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ свою біографію и прибавилъ, что если молодой человѣкъ не смыслитъ толку въ лошадяхъ, то обратился бы прямо въ нему; если же самъ знатокъ, то дѣлалъ бы какъ знаетъ.

— Я немного понимаю, отвѣчалъ Соловницынъ покраснѣвъ, потому что не зналъ ни аза въ глаза, но совѣтился уронить достоинство гусара.

— Ну, это и лучше.

— Я присмотрюсь самъ; притомъ же у меня лихой унтеръ-офицеръ.

— Тогда другое дѣло, сказалъ Бубняшевъ и приказавъ Возуленку навѣдаться, началъ накладывать нѣжковую трубку.

Проѣхавъ всю ночь, впродолженіе которой товарищи дремали въ коляскѣ, они поручили свои подорожныя унтеръ-офицеру и снаб-

днѣ его полномочіемъ дѣйствовать по усмотрѣнію, часу въ десятомъ утра уже подѣзжали къ рѣкѣ Сулѣ, на высокомъ нагорномъ берегу которой раскинулись Ромны, выдвинувшіе на первый планъ свои лучшія строенія.

Знаменитая ильинская ярманка, переведенная впоследствии въ Полтаву, для улучшенія губернскаго города, существовала въ Ромнахъ съ 184* года. Несмотря однакожь на большое стеченіе народа, на огромныя цифры товаровъ и оборотнаго капитала, на разнообразность купечества, съѣзжавшагося изъ всѣхъ концовъ Россіи и даже изъ-за границы, Ромны оставались плохимъ городкомъ до самаго послѣдняго времени. На ильинскую собирались помѣщики изъ окрестныхъ губерній какъ за покупками, такъ еще больше для веселостей, потому что въ Ромны пріѣзжала изъ Харькова труппа Штейна, появлялись какіе-нибудь концертисты, а по вечерамъ въ дворянскомъ домѣ устраивались собранія, т. е. балы съ извѣстною платою за входъ, гдѣ барышни и молодыя барыни могли наплясаться отъ души съ интересными заѣзжими кавалерами. Въ Ромнахъ, по крайней мѣрѣ въ описываемую эпоху, помѣщики усвоивали новыя моды, новые обычаи; кто любилъ читать, запасались книгами изъ двухъ московскихъ книжныхъ лавокъ; покупали новые московскіе и варшавскіе экипажи, дѣлали приданое, сбывали и находили невѣсты, а нѣкоторые и проигрывали состояніе. Купечество, особенно московское, по окончаніи дѣла кутило во всю ивановскую, купеческіе сынки и приказчики кутили во время самой ярманки, пуская въ ходъ кто отцовскія, кто хозяйскія денежки, и цѣлыя ночи напролетъ въ трактирахъ и другихъ увеселительныхъ заведеніяхъ блестящее освѣщеніе, гремѣла музыка, лилось и пѣнилось шампанское, раздавались хоровыя пѣсни, а извозчики, наѣзжавшіе изъ Полтавы, Кременчуга, Курска и Харькова, скакали изъ улицы въ улицу, унося сѣдоковъ, по большей части въ блаженномъ состояніи. О самомъ кутежѣ прежней ильинской трудно составить себѣ понятіе ни по кутежу нынѣшней, ни крещенской въ Харьковѣ, ни даже нижегородской. Это была какая-то бурная, постоянная оргія, съ гикомъ, съ отчаянной пѣснью промотавшагося гуляки, съ предсмертными криками жертвы, съ хохотомъ челоуѣка, предававшагося звѣрскимъ наслажденіямъ, подъ звуки еврейскихъ цымбаловъ, придикомъ завываньи табора московскихъ цыганъ знаменитаго иѣкогда

Ильюшки. Послѣ спектакля, чѣмъ ближе къ конной, тѣмъ больше дрожекъ, тѣмъ ярче огни за заставой, тѣмъ слышнѣе хоровыя пѣни и неистовый топотъ пляски... Но когда оканчивалось обрваніе, и усталыя барышни съ мечтами о красивыхъ офицерахъ спѣшили склонить разгоряченную головку на походное ложе, — эти самые красивые офицеры и вообще мужчины, кому только можно было улизнуть изъ-подъ родительской или супружеской опеки, уносились туда... *Dahin! Dahin!* Съ приливомъ новой волны, жаждущей наслажденій, пасовало иногда купечество, особенно если вваливалось десятка два ремонтеровъ.

Среди городской ярманочной площади, обстроившей огромный гостинимъ дворомъ, къ которому придѣлывалось втрое больше временныхъ балагановъ, стоялъ такъ-называемый дворянскій домъ, гдѣ одинъ кременчугскій купецъ, извѣстный подъ именемъ египетскаго дворянина, устраивалъ ресторанъ, клубъ, кондитерскую, собраніе, и отворялъ, или лучше-сказать незатворялъ своихъ гостепримныхъ дверей втеченіе всей ярманки. Туда приходили завтракать, обѣдать, пить чай; съ утра садились за карты, а по вечерамъ, когда не бывало собраній, дилетанты сходились наслаждаться цыганскимъ пѣніемъ. Разумѣется тамъ господствовали ремонтеры, и какое бы ни было общество прїѣзжихъ офицеровъ, всѣ обязаны были подчиняться ремонтерскимъ распоряженіямъ, иначе могли произойти порядочныя исторіи. Всѣ эти Маши, Саши, Груши, Любаши и сама великолѣпная Матрена, бывшая въ апогеѣ славы, — смотрѣли на ремонтеровъ съ нѣкотораго рода страхомъ. За цыганокъ тогда происходили дуэли, оканчивавшіяся, по тогдашнему обычаю, легкими царапинами и солидными попойками, отъ которыхъ бывало выгодно лишь цыганамъ да содержателю ресторанаціи. Но какъ московское купечество, особенно придя въ задоръ, швыряло денегъ вдесятеро больше, чѣмъ могъ швырнуть какой-нибудь богатый офицеръ, то вслѣдствіе этого случались столкновенія болѣе серьезныя чѣмъ фехтованье на сабляхъ, потомучто офицеру нельзя же было вызвать на дуэль какую-нибудь бороду, да какая-нибудь борода и не согласилась бы на поединокъ, а съ обѣихъ сторонъ хотѣлось бы сорвать сердце: вотъ и выходили пассажи, какъ говоритъ гоголевская городничиха. Но и эти пассажи при одуряющемъ визгѣ и нестройномъ, но захватывающемъ духъ пѣньи бывалыхъ цыганъ нерѣдко оканчивались мирною; и тогда-то надо было посмотреть что происходило въ залѣ, гдѣ еще вчера раздавались звуки большого

оркестра и говорились полушопотомъ влюбленные рѣчи стройнаго гусара съ какой-нибудь сентиментальной барышней...

Въ такъ-называемомъ панскомъ ряду, т. е. въ длинномъ корпусѣ, съ обѣихъ сторонъ наполненномъ магазинами моды, роскоши, съ утра толпились тысячи разряженныхъ помѣщичьихъ семействъ, и если половина изъ нихъ занималась покупками, то смѣло можно сказать, что другая пріѣзжала познакомиться, пококетничать, пошмѣяться, посмотреть и вообще провести время въ толпѣ до обѣда и послѣ обѣда до вечера. Визиты хоть и дѣлались, но неохотно: во-первыхъ невозможно было въ Ромнахъ найти приличной квартиры; во-вторыхъ въ знойный день каждый и каждая, добравшись домой, снѣжили разоблачиться и отдохнуть хоть немного, потому что вечеромъ предстояли танцы, концертъ или собраніе.

Солоницынъ много слышалъ объ ильинской ярманкѣ, и въѣзжая въ Ромны, на все посматривалъ съ большимъ вниманіемъ. Но Бубняшевъ сказалъ ему, что красная ярманка еще не открывалась, а шла только между купечествомъ, да на конной площади.

— Такъ помѣщики еще не съѣзжались?

— Нѣтъ. А что, скучно по юпкамъ?

— Все, знаете, веселѣе.

— Дней черезъ нѣсколько начнутъ съѣзжаться и помѣщики, а теперь прибыли разеѣ коннозаводчики. Но не безпокойтесь, скучать не будемъ. Сегодня же увидите всѣхъ ремонтеровъ арміи и гвардіи; мы выхлопочемъ открытіе театра; Ильюшка, бестія, вѣроятно давно пріѣхалъ, египетскій дворянинъ тоже открылъ свое заведеніе, и разныя варшавскія кофейни и проч. ожидаютъ насъ съ вами.

И Бубняшевъ захохоталъ.

— Вы говорите — послали своего унтеръ-офицера? продолжалъ онъ: — значитъ велѣли вытребовать квартиру?

— Нѣтъ, я приказалъ ему явиться къ ремонтеру —скаго полка нашей дивизіи, у котораго и остановлюсь.

— А, у Молоданова! Старый знакомый. Я знаю гдѣ онъ всегда останавливается; это мнѣ по дорогѣ. Я васъ сдамъ съ рукъ на руки Молоданову.

Бубняшевъ велѣлъ послѣдній разъ Зозуленку навѣдаться, но ящикъ все-таки не могъ погнать лошадей, потому что чѣмъ дальше въ городъ, тѣмъ чаще толпились огромные обозы, такъ что коляска принуждена была ѣхать тоже шагомъ. На ярманочной площади вы-

гружались товары, устраивались временные магазины, мелькали уже легковые извозчики, но еще не было вблизи ни одного помѣщичьяго экипажа. Площадь походила на театральную сцену незадолго до представлѣнія, и новичекъ не могъ еще себѣ представить, что должно было выйти изъ этого гама, этой возни и сумбура. Бубняшевъ велѣлъ остановиться возлѣ одного домика вблизи конной площади и послалъ унтеръ-офицера узнать — здѣсь ли остановился штабсъ-ротмистръ Молодановъ. Черезъ минуту самъ штабсъ-ротмистръ въ голубой ермолкѣ съ трубкой выскочилъ за ворота и привѣтствовалъ товарищей.

— Ну что? спросилъ Бубняшевъ.

— Пока плохо.

— Врешь?

— Держатся, словно все сговорились, мошенники!

— А гвардейцы?

— Задаютъ тону. Ну, да ты, я думаю, распорядишься по-своему. Хорошо что прѣхалъ. Отчего такъ поздно?

— Дѣло было. Однако прощайте! говорилъ Бубняшевъ, пересаживаясь въ телѣгу.

— А водки?

— Чортъ съ нею! Выходите же поскорѣе на конную.

Бубняшевъ къ прискорбію увидѣлъ, что Зозуленку не было уже никакой возможности навѣдаться, и онъ тихо поѣхалъ за заставу.

Солоницынъ пошелъ вслѣдъ за Молодановымъ. Квартира штабсъ-ротмистра состояла изъ двухъ комнатъ, изъ которыхъ въ одной помѣщались люди и вещи, а въ другой приготовлены были двѣ кровати и помѣщалась кое-какая мебель. На столѣ разставлены и разбросаны разныя туалетныя принадлежности, на диванѣ и стульяхъ валялась въ беспорядкѣ гусарская форма. Нѣсколько хлыстовъ и длинныхъ бичей валялись на окнахъ и торчали за хозяйскимъ зеркаломъ.

— Ну, вотъ тебѣ кровать, сказалъ Молодановъ: — можешь располагаться какъ удобнѣе. Вели сносить вещи, умывайся, хочешь — ложись спать, хочешь — пойдѣмъ на конную.

— Спать не хочется, а умоюсь и маршъ! Явился ли мой унтеръ-офицеръ?

— Два дня уже какъ прибылъ съ двумя гусарами. Давотъ и онъ торчитъ въ передней.

Приземистый унтеръ-офицеръ въ кителѣ и при саблѣ подошелъ

къ корнету, отранпортовалъ о благополучіи и ожидалъ дальнѣйшихъ приказаній. Корнетъ вынулъ ему десятирублевую и велѣлъ помочь вынести вещи изъ коляски.

Прошла недѣля. Солоницынъ ежедневно выходилъ на конную и познакомился со всѣми ремонтерами, изъ которыхъ не понравились ему иные гвардейцы своимъ тономъ и какой-то ледовитой вѣжливостью, всегда бывшей непонутру армейскому офицеру. Въ сертукѣ безъ эполетъ, съ хлыстомъ или бичемъ въ рукахъ, кто въ форменныхъ рейтузахъ, кто въ канаусовыхъ шароварахъ, въ кителяхъ, въ фуражкахъ съ галуномъ вмѣсто околышка — расхаживали ремонтеры по конной, преслѣдуемые ватагой барышниковъ и факторовъ, хотя разумѣется не всѣ выходили съ намѣреніемъ заняться покупкой, потомучто иной являлся на площадь именно съ цѣлью хлопать только длиннымъ бичемъ да показаться въ канаусовыхъ шароварахъ. Можетъ-быть человекъ десять и было настоящихъ бойцовъ, изъ которыхъ первое мѣсто принадлежало ротмистру Бубняшеву. Съ перваго же появленія его на площадь самые крѣпкіе, спѣсивые продавцы спустились тономъ ниже и самъ знаменитый Сапожковъ, почуявъ силу, началъ суетиться больше обыкновеннаго. И надо было посмотреть на Бубняшева на конной арманкѣ: онъ словно выросъ еще вершка на два. Съ длиннѣйшимъ бичемъ, съ огромной трубкой ходилъ онъ по конной площади, словно по собственному владѣнію, замѣчалъ нужныхъ себѣ лошадей, вполне увѣренный завладѣть ими, тѣшился надъ маневрами неопытныхъ и мало-опытныхъ ремонтеровъ, и въ первый же день пріѣзда успѣлъ надуть одного знатока изъ помѣщиковъ. Лишнимъ будетъ и говорить, что въ день его пріѣзда къ нему на квартиру являлись всѣ барышники, а извѣстный факторъ Мошка еще за два дня пропадалъ у порога его квартиры. Всѣ лучшія лошади ремонтныя и неремонтныя были имъ если не куплены, то приторгованы, а барышники такъ уже знали Павла Павлыча, что не рѣшались дѣйствовать вопреки его желанію. Дѣйствительно иной ремонтеръ сулилъ больше Бубняшева, но барышнику дорога была дружба Павла Павловича, потомучто барышникъ, въ случаѣ нужды, могъ поймать Бубняшева гдѣ-нибудь по большой дорогѣ и безъ росписки взять у него нѣсколько тысячъ. Бубняшевъ не прочь былъ и отсрочить, если видѣлъ невозможность уплаты. Случалось, что деньги его и погибали. Всѣ барышники знали это, большая часть мел-

нихъ заводчиковъ считались должными Бубняшеву, и вотъ почему онъ игралъ первостепенную роль на всѣхъ ярманкахъ.

Павель Павлычъ живо уладилъ дѣло съ барышниками и ремонтерами, только не могъ справиться съ однимъ гвардейцемъ Балуновымъ, который, непонимая толку въ лошадахъ, отбилъ у него двѣнадцать сѣрыхъ, на которыхъ Бубняшевъ думалъ нажить порядочную копѣйку. Этихъ лошадей привелъ первый разъ какой-то новый заводчикъ и познакомился съ Балуновымъ еще по дорогѣ. Обстоятельство повидимому неважное и очень обыкновенное, но оно сильно подѣйствовало на Бубняшева. Не потому Павель Павлычъ былъ уязвленъ, что у него не прибавилось нѣсколько сотъ лишнихъ рублей въ карманѣ, но потому, что его поддѣлъ гвардеецъ, и слава Бубняшева могла пошатнуться во мнѣнїи барышниковъ и товарищей, а Бубняшевъ слишкомъ дорожилъ своей славой. Несмотря на то, что онъ ходилъ гордо поднимая голову и отлично обдѣлывалъ прочія дѣла, что всѣ ему кланялись, все шло какъ по маслу, — червь оскорбленнаго самолюбія точилъ ремонтерское сердце Бубняшева, и Павель Павлычъ вочто бы то нистало рѣшился завладѣть «проклятыми» двѣнадцатью сѣрыми. Обстоятельство было щекотливое и такой важности, что невѣряя никому своей тайны, онъ придумывалъ отчаянную и еще небывалую штуку. На обѣдахъ, на пирахъ товарищи посамостоятельныѣ, т. е. тѣ, которые считали себя равными Павлу Павлычу, начинали надъ нимъ подсмѣиваться, что «явился — де молодецъ, который самъ на обухѣ рожь молотить», и Бубняшевъ, по обыкновенію вспыльчивый, на этотъ разъ самъ посмѣивался и какъ могъ отдѣлывался шутками. Балуновъ почивалъ на лаврахъ побѣды и чаще другихъ посылалъ Бубняшеву бокалъ съ шампанскимъ, называя его «патриархомъ ремонтеровъ».

По совѣту Молоданова, Солоницынъ покаялся Павлу Павлычу въ хвастовствѣ насчетъ знанія лошади, и просилъ снабдить его хорошимъ ремонтомъ на совѣсть, за сходную цѣну. Бубняшевъ, какъ водится, принялъ подобное признаніе дружелюбно, повелъ его по разнымъ конюшнямъ, и тотчасъ назначилъ лошадей, изъ которыхъ въ числѣ унтеръ-офицерскихъ смѣло можно было выбрать пару офицерскихъ. Солоницынъ незамедлилъ отправить ремонтъ въ дело и отдалъ деньги Бубняшеву тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что не надѣялся удержаться отъ разныхъ соблазновъ, которые уже и безъ того стоили ему недешево. Солоницынъ нето-что имѣлъ страсть къ картамъ, — онъ только былъ непрочъ перекинуться съ товаря-

щами, — но игралъ неудачно, вслѣдствіе чего ему часто повторяли извѣстную поговорку: «кто несчастливъ въ картахъ, тотъ счастливъ въ любви»; и это нѣкоторымъ образомъ утѣшало молодого корнета.

Недѣля прошла незамѣтно въ разныхъ пирушкахъ, нескончаемыхъ обѣдахъ. Въ театрѣ ремонтеры хлопали и свистали по своему усмотрѣнію, а въ антрактахъ ходили къ Штейну за кулисы пить шампанское и любезничать. Послѣ театра все сперва устремлялось къ египетскому, въ общество цыганъ, а потомъ большинство несло еще за заставу.

Ремонтская ярманка кончилась, началась общая, и уже по разнымъ дорогамъ появились помѣщичьи обозы съ поварами, прислугой, разной рухлядью, а иные съ музыкантами и пѣвчими. По случаю окончанія дѣлъ ремонтеры собрались отобѣдать и приказали египетскому никого не пускать въ залу, гдѣ приготовленъ былъ столъ приборовъ на сорокъ, оркестръ музыкантовъ и цыганскій таборъ въ лучшихъ праздничныхъ нарядахъ. На всѣхъ молодыхъ цыганкахъ пестрѣли дорогія шали, а у иныхъ хорошенькихъ на рукахъ и въ ушахъ сверкали довольно крупные брильянты. Часамъ къ двумъ начали собираться ремонтеры, подходили къ цыганамъ, составляли группы и въ ожиданіи товарищей начинали любезничать. Павелъ Павлычъ расходился и предложилъ одному кирасиру единоборство на славу на шампанскомъ въ переплетъ съ портеромъ. Недоставало двухъ-трехъ человѣкъ и въ томъ числѣ гвардейца Балунова, нанесяго чувствительную рану самолюбію Бубняшева. По воть явились и остальные. Балуновъ былъ не въ духѣ, какъ говорится не въ своей тарелкѣ. Онъ прямо подошелъ къ Бубняшеву, и отозвавъ въ сторону, сказалъ нѣсколько словъ потихоньку:

— Слышалъ, проговорилъ Павелъ Павлычъ: — да можетъ-быть это вздоръ?

— Нѣтъ, не вздоръ; ни одинъ коновалъ не понимаетъ, а все хуже.

— Гм! это непріятно.

— Бога-ради, поѣдемъ взглянуть.

— Пожалуй.

— Господа! сказалъ громко Балуновъ: — подарите намъ съ Бубняшевымъ полчаса: есть экстренное дѣло. Зато съ меня лишняя люжина шампанскаго.

Всѣ изъявили согласіе, а съдой конно-егерскій майоръ, державшій на колѣнахъ молоденькую цыганку, прибавилъ :

— Хоть къ самому чорту и на цѣлый часъ: намъ весело и безъ обѣда.

Каждому было любопытно узнать причину, вызвавшую почти изъ-за стола двухъ соперниковъ, и начались разные предположенія, которыя однакожъ ничѣмъ не разрѣшились, потому что впервыхъ человѣчество принялось за завтракъ, а вовторыхъ каждый считалъ обязанностью полюбезничать съ цыганками, не пугаясь уже никакой посторонней конкуренціи. Черезъ полчаса вернулись Бубняшевъ и Балуновъ. Последний былъ блѣдный и нахмуренный, и повидимому избѣгалъ участія и распросовъ товарищей. Но любопытство сорока челоѣкъ не бездѣлица и не могло оставаться неудовлетвореннымъ. Балуновъ принужденъ былъ сказать, что часть его ремонта и почти всѣ сѣрыя лошади заболѣли никому непонятною болѣзью: на мордахъ и преимущественно въ ноздряхъ образовалась особенная сыпь, которая не только не уступала леченію коноваловъ, а еще больше усиливалась. Бубняшевъ, по его словамъ, видѣлъ эту болѣзнь одинъ только разъ въ Крыму, но прибавилъ, что она опасная и заразительная. Онъ прибавилъ еще, что вылечить ее еще можно, но тотчасъ же и неначе какъ строго отдѣливъ больныхъ лошадей отъ здоровыхъ — по причинѣ ея прилипчивости.

— Чтоже ты думаешь дѣлать? спросилъ Балунова товарищъ.

— Перестрѣлять и баста, чтобъ не заразить остальныхъ. Я уже предлагалъ барышникамъ за полцѣны: никто брать не хочетъ.

— Вотъ почему ты такъ долго не отпраивляя своего ремонта!

— Плохо дѣло, замѣтилъ конно-егерь: — какъ бы ты, братъ, насъ не подкузьмилъ; у кого остались лошадки; ужь лучше бы поскорѣй услать ихъ съ ярманки. Ты богачъ, тебѣ ничего потерять тридцать животинъ, а намъ голякамъ придется плохо.

— Не въ томъ дѣло, я уведу и кажется велю пристрѣлить; но чтоже я стану дѣлать? говорилъ Балуновъ, занимая мѣсто, потому что уже подавали супъ.

— Объ этомъ не безпокойся, сказалъ длинный кирасиръ: — мы выручимъ. Кажется Бубняшевъ не отпраивляя своего ремонта?

— Павелъ Павлычъ сердить на меня немного.

Бубняшевъ ударилъ ложкой о стаканъ, такъ что тотъ разлетѣлся въ дребезги.

— За кого же въ самомъ дѣлѣ вы меня принимаете? сказалъ

онъ. — Что я вамъ дался барышникъ какой! Неужто для товарища я неспособенъ на порядочное дѣло? Сердить! Мало ли что бываетъ. Ну поддѣлъ онъ меня — эка важность! Сколько тебѣ нужно лошадей, Балунувъ? спросилъ онъ обращаясь къ гвардейцу.

— Да у меня больныхъ двадцать шесть.

— Ну, послѣ обѣда... Нѣтъ, чортъ возьми! послѣ обѣда насъ хоть выжми, а завтра утромъ присылай ко мнѣ на конюшню своихъ расписанныхъ гвардейцевъ и выбирай сколько нужно; барышъ небольшой возьму.

— Bravo! bravo!

— Да я готовъ заплатить что угодно, только не шутишь ли ты, Бубняшевъ? спросилъ Балунувъ.

— Кто? я шучу? Я вамъ докажу что значитъ Павелъ Павлычъ Бубняшевъ. Тебѣ за больныхъ, говоришь, не давали и полцѣны?

— Да.

— Изволь, я принимаю всѣхъ твоихъ больныхъ лошадей за полцѣны.

Ремонтеры раскрыли рты отъ удивленія.

— Чтоже ты будешь съ ними дѣлать? отозвались нѣкоторые.

— Лечить. Вы думаете Бубняшевъ какъ вы обращается къ каждому пройдохѣ-коновалу?

Балунувъ всталъ съ мѣста и подошелъ обнять великодушнаго соперника.

— Благодарю, сказалъ онъ: — я согласенъ.

— А если согласенъ, то зѣвать нечего, надо дѣло кончать тотчасъ же. Завтра получишь свой ремонтъ; если денегъ нѣтъ, — обожду до крещенской, а больныхъ надо взять сію же минуту. Эй! послать моего извозчика, чтобъ унтеръ-офицеръ Теличка явился немедленно. А ты, Балунувъ, посылай за своимъ вахмистромъ.

Обѣдъ сдѣлался шумнѣе, заиграла музыка, и послѣ супу начались тосты въ честь Бубняшева. Черезъ полчаса явились оба унтеръ-офицера и получили нужныя приказанія. Теличкѣ вѣрно было, отаѣливъ больныхъ лошадей, угнать ихъ за надлежащимъ присмотромъ въ поле, стараясь избѣгать прикосновенія съ другими лошадьми, потомъ каждой обмывъ морду холодной водой, дать блага заливня и оставить до утра до дальнѣйшихъ распоряженій.

Послѣ этого ремонтеры задали такой пиръ, что только человекъ пять-шесть были въ состояніи любезничать, а остальные успокои-

лись кто гдѣ попало. Мужская половина табора тоже находилась въ положеніи своихъ амфитріоновъ.

Дня черезъ три Ромны приняли совершенно другой видъ, и на ярманочной городской площади вмѣсто извозчичьихъ и еврейскихъ фуръ съ товарами, съ одиннадцати часовъ утра и до сумерокъ стояли и проѣзжали блестящіе и нелѣпые экипажи и даже такъ называемые ноевы ковчеги. Помѣщиковъ собралось больше обыкновеннаго и никто не помнилъ, чтобы столько съѣхалось красивыхъ невѣстъ изъ полтавской, черниговской, харьковской и курской губерній. Разумѣется и въ офицерахъ не было недостатка, потому что въ то время молодежь, особенно кавалерійская, неслишкомъ—то соблюдала обычай проситься въ отпускъ, если разстояніе не превышало верстъ двухсотъ; да тогда самые полковые командиры безъ всякихъ формальныхъ рапортовъ отпускали офицеровъ на честное слово. Военная молодежь тогда составляла общество провинціальныхъ кавалеровъ, потому что каждый спѣшилъ записаться въ какой-нибудь полкъ, а если кто и рѣшался служить въ статской службѣ, то въ провинціи фрачнику рѣшительно не было ходу, если этотъ фрачникъ не служилъ прежде въ военной службѣ. Итакъ офицества разныхъ оружій съѣхалось довольно и кромѣ того оставались всѣ почти ремонтеры, за исключеніемъ нѣсколькихъ человекъ, неигравшихъ въ карты, нетанцовавшихъ, и которые устали отъ безпрерывныхъ кутежей съ начала до конца конной ярманки. Изъ послѣднихъ впрочемъ танцоровъ было немного; остальные же по цѣлымъ суткамъ не вставали изъ—за карточныхъ столиковъ, играя больше между собою и съ знакомыми помѣщиками, но попадались и тонкимъ шулерамъ, которыхъ въ то время водилось вездѣ значительное количество.

Знакомый нашъ корнетъ Солоницынъ не могъ еще отрѣшиться отъ болѣе благородныхъ увлеченій молодости и бредилъ любовью, хотя ему и казалось, что онъ достаточно уже успѣлъ изгнать изъ своего сердца эту слабость, неприличную коренному гусару. Недавно еще, когда онъ сильно увлекался одной цыганкой, Молодановъ похвалялъ его и говорилъ:

— Эдакъ можно, пожалуй и вздохнуть втихомолку не запрещается; но свѣтскимъ барышнямъ ввѣряться не слѣдуетъ. Если же

придеть блажь *обабиться*, то не иначе какъ на *полмиллионъ*. Деньги — вотъ прямое счастье челоѣка, съ ними все купишь; а хижина и сердце — вещь прескверная.

Солоницынъ согласился съ опытнымъ товарищемъ, любезничалъ съ Любашей, которая была нѣжна съ красивымъ корнетомъ, но принимая отъ него деньги и подарки, не доходила съ нимъ, по тогдашнему обычаю московскихъ цыганъ, до слишкомъ интимныхъ отношеній. Можетъ-быть корнетъ зашелъ бы слишкомъ далеко и сильно опустошилъ карманъ, увлекаемый надеждой на побѣду, но его спасъ Павелъ Павлычъ Бубняшевъ, открывъ ему настоящее его положеніе. Какъ-то вечеромъ Павелъ Павлычъ понтировалъ удачно, выигралъ тысячи двѣ, забастовалъ и подошелъ къ цыганамъ. Солоницынъ сидѣлъ въ уголкѣ весьма дружелюбно съ Любашей и велъ интимную бесѣду. Въ залу явился пріѣзжій адъютантъ, который дня два уже строилъ куры Любашѣ. Окинувъ глазами цыганъ и не видя ея, адъютантъ прошелъ въ уголъ и замѣтилъ Солоницына и его смуглую очаровательницу. Неговоря ни слова, онъ облокотился о колонну и устремилъ глаза на молодую дѣвушку. Сила ли его взгляда, простой ли случай, но цыганка оборотилась, увидѣла новаго обожателя и оставила Солоницына подъ предлогомъ, что пора въ хоръ, начинать пѣсни. Но вмѣсто хора она направилась прямо къ адъютанту, тотъ обнялъ ее за талію и тихо пошелъ съ ней по залѣ. Солоницынъ измѣнился въ лицѣ, приподнялся съ своего мѣста, но въ этотъ моментъ его схватилъ за руку Бубняшевъ.

— Куда, гусарь? спросилъ онъ.

— Такъ, безъ цѣли.

— Э, братъ! знаю я это безъ цѣли: втюрился!

— Нѣтъ, я такъ...

— Да что тутъ рассказывать! Только братъ, мой совѣтъ — хочешь не хочешь слушать, брось ты эту черномазую!

— Она такая миленькая...

Бубняшевъ махнулъ рукою.

— Повѣрь мнѣ, я долго трусъ между людьми, я знавалъ еще матерей этихъ красавицъ: если думаешь жениться или выкупить ее изъ табора — слова нѣтъ; но если рассчитываешь иначе, ни чорта не получишь.

— Она кажется расположена ко мнѣ...

— Вытянетъ всѣ денежки, приколдууетъ, пожалуй въ долги втащить, — и ни шиша въ волнахъ...

Солоницыну, увѣренному, что Любаша влюблена въ него, хотѣлось увѣрить въ этомъ и Павла Павлыча, которому съ выигрыша пришла благая мысль образумить молодого товарища.

— Нешто у тебя глазъ нѣтъ? сказалъ Бубняшевъ : — развѣ ты не видишь сколько за ней увивается прихвостней и молодыхъ и старыхъ?

— Она говоритъ, что нельзя же ей не быть привѣтливой со всѣми, а что любить меня одного...

— Бьюсь объ закладъ, она тоже самое говоритъ и этому адъютанту, и десятку другихъ офицеровъ, и какому-нибудь купчику, у котораго туго набить бумажникъ. Ты себѣ поступай какъ хочешь, мое дѣло предостеречь. Видалъ я, братъ, дуэли изъ-за цыганокъ, видалъ богатыхъ людей, которые шли чрезъ нихъ по міру, но еще не видѣлъ цыганку, которую соблазнилъ бы кто-нибудь. Плюнь, братъ, на эту черноглазую, а то ейбогу выдешь дуракъ дуракомъ.

Кто-то потребовалъ пѣсенъ, и зала скоро огласилась заунывно-дикими звуками. Бубняшева уже не было. Солоницынъ стоялъ задумчиво и не сводилъ глазъ съ Любашы, которая рѣзко отдѣлялась отъ своихъ подругъ и красотой, и какимъ-то особеннымъ выраженіемъ. Большіе черные глаза ея, овальное лицо, маленькій красивый ротикъ и распущенные черные волосы, перевитые ниткой жемчуга — все это дѣйствительно могло нетолько врэзаться на памяти, но глубоко затронуть сердце, способное отдаваться обаянію красавицы, обладающей тайнами самаго неодолимаго кокетства. Любаша была дѣвушка лѣтъ семнадцати, стройная, и хоть на ней, подобно другимъ, пестрѣли яркіе наряды, ярко бросавшіеся въ глаза, однако все на ней надѣто было какъ-то особенно, и она съ сознаниемъ пользовалась всѣми своими преимуществами. Ни одна изъ молоденькихъ ея подругъ, красивыхъ и кокетливыхъ, не доставляла табору такихъ выгодъ какъ Любаша, зато же ни за кѣмъ не было и такого строгаго присмотра какъ за нею, хотя вообще дѣвушки у цыганъ опутывались сѣтями самаго хитраго, неусыпнаго надзора. Иная впрочемъ могла уходить хоть на нѣсколько минутъ въ другую комнату съ своимъ обожателемъ, Любаша не могла сдѣлать и этого, потому что самый невинный, но нѣсколько продолжительный поцѣлуй съ ея стороны уже подзывалъ къ ней или старую мегеру, или какого-нибудь усатаго гитариста, которые конечно не говорили ей ни слова, но безцеремонно располагались недалеко. Обо-

жатели цыганокъ вообще и Любаши въ особенности тратили сумашедшія деньги за удовольствіе обнять свою красавицу, выслушать дорого-купленное «люблю», вынудить какое-нибудь неясное, неопредѣленное обѣщаніе; но еще жертвовали немало и старымъ надсмотрщицамъ, которыя при первомъ знакомствѣ ни на шагъ не отходили отъ молоденькихъ. Положимъ эта странная комедія происходитъ отчасти и теперь, но въ нашъ положительный вѣкъ и пожилая цыганки иначе исполняютъ свою роль, да и молоденькія неслишкомъ строго слѣдуютъ преданіямъ старины; а тогда всѣ эти волокитства сплошь и рядомъ оканчивались опустошеніемъ кармановъ, нерѣдко дуэлью или просто дракой между соперниками, не принося волокитамъ никакого существеннаго вознагражденія.

Когда хоръ исполнилъ двѣ-три пѣсни, и для подкрѣпленія силъ подали ему нѣсколько бутылокъ шампанскаго, въ залу вошелъ среднихъ лѣтъ купецъ и прямо направился къ цыганкамъ. Весь хоръ привѣтствовалъ его поклонами чуть не до земли, но купецъ, будто незамѣчая этого, подошелъ къ Любашѣ. Неговоря ни слова, вынулъ онъ изъ кармана футляръ и подалъ красавицѣ. Любаша раскрыла, и бросилась обнимать вновь прибывшаго. Она безъ церемоніи усѣлась на колѣнахъ у купца и начала показывать подарокъ цыганкамъ, которыя сгруппировались возлѣ нея и ахали отъ восхищенія.

Солоницынъ видѣлъ все это, и слегка затронутое сердце глухо заболѣло въ груди молодого человѣка. Недавнія слова Бубняшева, которыя нѣсколько минутъ назадъ считалъ онъ обыденной моралью пожилого товарища, имѣли теперь для него болѣе глубокой смыслъ, и Солоницыну стало жаль своихъ издержекъ и стыдно за свое самолюбіе. Правда, Любаша шептала ему слова любви и говорила, что обязана принимать подарки ото всѣхъ по законамъ своего табора; но кто могъ поручиться, что не говорила она того же и адъютанту, и нѣсколькимъ офицерамъ, и наконецъ богачу-купцу, который привезъ ей брилліантовыя серьги? Досада охватила Солоницына; онъ готовъ былъ броситься въ средину табора... но удержался и только подошелъ ближе и очутился возлѣ адъютанта, который въ свою очередь наблюдалъ за поведеніемъ Любаши. Молодые люди обмѣнялись взорами безъ той уже нѣмой ненависти, съ которою прежде смотрѣли другъ на друга. Любаша, оставивъ купца, хотѣла занять свое мѣсто въ хорѣ. Солоницынъ подошелъ къ ней и потихоньку дернулъ за платье. Цыганка оборотилась.

— Такъ вотъ какая ты, Любаша! сказалъ тихо корнетъ.

— А чтоже мнѣ дѣлать, когда онъ принесъ серьги въ тысячу двѣсти?

— Значить кто больше, тому больше и ласки?

— Нельзя же, миленькій! А тебя я люблю, и если купишь те часики, что я говорила, и тебя также обниму при всѣхъ...

— А безъ всѣхъ?

— Нельзя, голубчикъ, самъ знаешь.

Въ это время адъютантъ слегка уцилинулъ ее съ другой стороны. Любаша оглянулась, но неподавъ виду, что замѣтила близкое сосѣдство, наклонилась къ Солоницыну.

— Я еще посижу съ тобою, а теперь уходи: замѣтять.

Простодушный юноша удалился со вздохомъ, а цыганка уже прижималась къ адъютанту.

— Скверная дѣвченка! говорилъ ей адъютантъ на ухо: — а что ты мнѣ давеча сказывала?

— Нельзя, мой красавецъ, самъ знаешь — нельзя: купецъ привезъ дорогія серьги, офицерчикъ общалъ часы, — какъ же мнѣ быть-то?

— Да вѣдь ты же общала посидѣть у меня на колѣняхъ!

— Подари, голубчикъ, нашихъ старшихъ, да привези мнѣ хоть нитку жемчугу, а то не позволяютъ. Я тебя люблю, соколикъ, а смотри — надо мной смѣются наши, говорятъ, что ты мнѣ покунаешь одни конфеты...

— Я же сказалъ тебѣ, что я не богатъ.

— Таборъ знать ничего не хочетъ, голубчикъ. Мы подначальныя.

— Любаша! Любаша! раздались голоса: — тебя Сысой Меркулычъ спрашиваетъ.

— Поди-ка сюда, красоточка, на свое законное мѣсто, говорилъ купецъ, ударяя себя по колѣнамъ, — да спой самую забористую, а мы завтра еще и не такъ уважимъ. Серьги — это левое дѣло, мы тебѣ найдемъ не такую обновочку. А вотъ на братію!

И Сысой Меркулычъ швырнулъ двѣ или три сотенныя.

Любаша сидѣла уже у купца на колѣняхъ и обвивъ его одною рукою за шею, другою откинула назадъ свои пышные волосы, перебитые жемчугомъ, и чистымъ, звучнымъ голосомъ завела какую-то удалую пѣсню...

Каждый вечеръ, когда не бывало собраній у египетскаго, на

квартирѣ у цыганъ появились новыя лица, и всѣ наперерывъ оустояли свои бумажники и кошельки, покупая поцѣлуи и другія позволительныя ласки у смуглыхъ красавицъ. Солоницынъ скоро опомнился и увидѣлъ, что правъ былъ Павелъ Павлычъ, тѣмъ болѣе, когда Любаша, встрѣтивъ нѣсколько обожателей побогаче, перестала почти сидѣть съ нимъ и только повременамъ нѣжно на него поглядывала да цѣловала иногда на-лету, поспѣвая къ другому, болѣе капитальному поклоннику. Одинъ польскій графъ хотѣлъ ее выкупить, и по этому случаю начались уже переговоры съ таборомъ... Солоницынъ уговорилъ нѣсколькихъ товарищей прочитъ графа, вслѣдствіе чего одинъ натянувшійся драгунъ затѣялъ съ полякомъ ссору у цыганъ и вызвалъ его на поединокъ. Но полякъ оцарапалъ саблей драгуну лобъ, потомъ предложилъ ящикъ шампанскаго, и тѣмъ кончилась исторія. Такъ разыгралась новая страсть Солоницына, которая можетъ-быть продолжалась бы еще нѣсколько времени, но въ Ромнахъ появилась одна богатая невѣста, хорошенькая собою, воспитанная потогдашнему блестящимъ образомъ, и многіе занялись неутомимымъ ея преслѣдованіемъ. На первыхъ порахъ ему однакожь было очень грустно видѣть Любашу, которая, получивъ съ него около тысячи рублей и даже, по его мнѣнію, чувствуя какое-нибудь влеченіе, иногда подходила къ нему попрежнему. Но, познакомясь съ богатой невѣстой, онъ пересталъ бывать у цыганъ и позабылъ коварную смуглянку.

Молодое, мягкое сердце его просило любви, и богатая невѣста такъ понравилась Солоницыну, что онъ готовъ былъ отказаться отъ своего полка и даже совѣмъ выдти въ отставку, еслибъ удалось увлечь гордую красавицу. Но за послѣдней ухаживало слишкомъ много поклонниковъ, и гусарскій корнетъ не до такой степени былъ красивъ собою, а въ качествѣ жениха не представлялъ слишкомъ много выгоды, чтобъ семнадцатилѣтняя дѣвушка съ полумиллионнымъ приданымъ, бредившая Петербургомъ, гдѣ воспитывалась, и Парижемъ, куда собиралась на зиму, имѣла возможность отдать предпочтеніе Солоницыну. Она ожидала его на балахъ, привѣтливо встрѣчала дома, любила съ нимъ вальсировать, потому что онъ ловко вальсировалъ, но болѣе кокетничала съ однимъ молодымъ генераломъ и уже сблизилась съ нѣсколькими ловкими гвардейцами. Солоницынъ не могъ не видѣть поведенія Коробовской (богатой невѣсты), и когда прошолъ пылъ увлеченія, то-есть когда прошло нѣсколько дней, пока корнетъ влюблялся *crescendo*, и въ этомъ чаду каждое прикосновеніе.

руки молодой дѣвушки, каждую улыбку перетолковываетъ въ свою пользу; когда стремленія богатой невѣсты передъ нимъ выяснились, его схватила за сердце таже холодная грусть, которая томила его передъ разрывомъ съ Любашей. И тамъ и здѣсь желанія его не увѣчались; одна предпочла ему богача, другая людей, поставленныхъ выше на общественной лѣстницѣ. Но Солоницынъ по крайней мѣрѣ могъ сердиться на цыганку за ея коварство, хотя оно было въ ней весьма естественно при известной обстановкѣ, а богатой невѣстѣ не имѣлъ даже права показать своего гнѣва, потому что она ему ничего не обѣщала, не завлекала его, и обращалась просто какъ съ хорошимъ танцоромъ.

На одномъ изъ послѣднихъ собраній, самомъ шумномъ и блестящемъ, на которомъ, надобно правду сказать, Коробовская была лучше нежели когда-нибудь и рѣшительно затмѣвала двухъ-трехъ хорошенькихъ дѣвицъ, постоянно съ нею соперничавшихъ, Солоницынъ хотѣлъ выдержать характеръ и неистово предался танцамъ, увлекаясь одной блестящей барыней. Но этотъ маневръ не удался ему вдвойнѣ: арманочныя волокитства не остаются тайной, и барыня подтрунивала надъ нимъ, намекая о богатой невѣстѣ, а Коробовская рѣшительно не замѣчала нетолько его уловки, но даже присутствія. Это вывело Солоницына изъ терпѣнія, и онъ, уѣхавъ раньше домой, раздѣлся, легъ и заплакалъ. Казалось бы, это движеніе было нелогично въ человѣкѣ, который очень хорошо понималъ, что ему не удавали никакой надежды на взаимность; но тутъ произошло обстоятельство, способное вызвать слезы у юноши. Въ первое время знакомства съ Коробовской эта особа чаще танцевала съ Солоницынымъ, и какъ изъ всѣхъ кавалеровъ онъ одинъ былъ знакомъ въ домѣ, то нѣкоторые товарищи поздравляли корнета, а на пирушкахъ увѣряли его, что онъ задѣлъ красавицу и пророчили ему счастливую будущность. Солоницынъ отпѣкивался, однакоже тѣмъ тономъ, который противорѣчитъ высказываемой неувѣренности, и между прочимъ неразъ у него срывалось выраженіе:

— Ну чтожъ? Любаша надула, можетъ-быть не надуетъ Александрина!

По всѣмъ вѣроятіямъ и любовь-то его усилилась и воспламенилась отъ поздравленій и увѣреній товарищей, и когда Коробовская, сойдясь ближе съ гвардейцами и завладѣвъ сердцемъ молодого и холостого генерала, ^{тѣмъ}исключительно начала заниматься этими спутниками, и понимая или непонимая чувствъ и нѣкоторыхъ рѣчей мо-

молодогъ корнета, давала разговоръ совершенно другой оборотъ, — Солоницынъ едва удерживался, чтобъ не надѣлать глупостей. Вотъ была настоящая причина его слезъ, которыхъ онъ успѣшилъ отереть, и вотъ возвратившійся Молодановъ подлилъ масла на огонь, замѣтивъ, что Коробовская чуть ли не будетъ ея превосходительствомъ, однако у корнета достало духу сказать :

— Чтожъ, и прекрасно: можно поволочиться съ большимъ успѣхомъ.

— А небось досадно? сказалъ штабсъ-ротмистръ, вѣшая часы на гвоздикъ.

— Ни крошки, отвѣчалъ Солоницынъ, поворачиваясь къ стѣнѣ, потому что новый потокъ слезъ готовъ былъ изблечить состояніе души корнета.

— Вотъ это погусарски! Чортъ ли вздыхать по этимъ юбкамъ! Оно конечно, полмиліона — вещь; а красота, братъ, какая-бъ ни была — надѣдаетъ.

Солоницынъ не отвѣчалъ и притворился спящимъ.

Ярманка замѣтно рѣдѣла. Много помѣщиковъ развѣзжалось, не оставаясь даже на послѣднее собраніе, о которомъ хлопотали записные танцоры и танцорки, а болѣе влюбленные обонкъ половъ. Ремонтеровъ тоже большая половина развѣхалась, за исключеніемъ молодежи, жаждавшей завершить роменскія удовольствія, и картежниковъ, которые рѣзались съ утра до утра у египетскаго или на квартирахъ. Солоницынъ оставался конечно вслѣдствіе первой причины, хотя ему не было слишкомъ весело, а такъ, наперекоръ судьбѣ, словно изъ желанія посмотреть — что изъ этого выйдетъ. Онъ былъ впрочемъ сильно затронутъ Коробовской и питалъ еще повременамъ какую-то надежду: по крайней мѣрѣ онъ не утѣжалъ отъ послѣдняго собранія, съ цѣлью если не завоевать сердце гордой красавицы, по крайней мѣрѣ порисоваться передъ нею во всеоружіи разочарованія, наговорить колкостей, засыпать остроуміемъ и показать богатой невѣстѣ — кѣмъ пренебрегла она для своихъ гвардейцевъ. Однимъ словомъ у него вертѣлись замыслы, неимѣвшіе ровно никакого основанія, но присушіе юности, создавая которые, молодой человѣкъ вѣритъ въ ихъ дѣйствительность и самъ наивно старается обмануть себя несбыточными фантазіями. Непринебрежа ни къ чи-

ему танцеровъ, ни къ числу записныхъ игроковъ, Бубняшевъ тоже оставался въ Ромнахъ по непредвидѣнному случаю. Одинъ его знакомый помещикъ, проигравъ всѣ наличныя деньги въ вѣнци, перешелъ у Павла Павлыча: три тысячи съ тѣмъ, что уступитъ ему на выборъ лучшия лошадей съ завода, но только съ условіемъ отдать его и вмѣстѣ ѣхать. Спекуляція была слишкомъ выгодна, чтобъ это не воспользоваться; и Бубняшевъ волею-неволею посѣщалъ театръ, собранія, холостыя пирушки, цыганъ и проч., собственно отъ нечего дѣлать, для сокращенія времени. Иногда онъ тоже ставилъ карты и такъ какъ игралъ неувлекаясь, то и выигрывалъ на своихъ армячиные расходы.

Передъ послѣднимъ собраніемъ, за обѣдомъ у египетоваго, прѣсобралось все что было порядочнаго, въ залу вошелъ среднихъ лѣтъ уланскій ремонтеръ и весело привѣтствовалъ своихъ, которые какъ то рядомъ звяжи одинъ конецъ большого стола, накрытаго покоемъ. Раздались дружескія восклицанія и распросы: какъ и почему вы были на ильинской и явился только при разѣздѣ?

— Позвольте, позвольте, господа! сказалъ вновь прѣзжіи ротмистръ Перелыгинъ, помѣщаясь между Бубняшевымъ и сѣдымъ конно-егеремъ: — сытый голодному не товарищъ.

— Ну, выпей водки и садись обѣдать.

— Разузнѣтся выпью, и еще выпью; что-нибудь съѣмъ и паку выпью, тогда пожалуй удовлетворю и любопытство.

— Гей, шампанскаго! раздались нѣсколько голосовъ, и скоро съ всѣхъ сторонъ слуги понесли полныя бокалы Перелыгину.

— Это, братъ, тебя угощаемъ зато, что не перебивалъ намъ коммерціи! сказалъ Бубняшевъ.

— Чорта съ два, братъ, Павелъ Павлычъ, у тебя отобьешь тебѣ и отца родного надуть позволается.

— Вотъ вы и ошиблись, сказалъ весело Балунновъ: — на этой армянкѣ Бубняшевъ показалъ великодушіе и вмѣстѣ безкорыстіе, а прямо въ этому ванъ покорный слуга.

Перелыгинъ взглянулъ на Бубняшева, потомъ на Балуннова, выпилъ залпомъ бокала три или четыре, вытеръ усы и принялся за ложку.

— Что-нибудь да не такъ, молвилъ опъ: — или это было одно безкорыстіе безъ великодушія, или наоборотъ.

— Защищайся же, Бубняшевъ, проговорилъ кто-то.

— А что мнѣ защищаться? онъ извѣстный болтунъ, мнѣ съ

ниги не стоворить... Пусть прежде расскажет зачѣмъ споспалъ на ярманку.

— Вышелъ казусъ, да такой, что оменя оквернаны пяхло. Знаете вунца Колодѣйкини? онъ-кадувалъ-было выграть со мной краснаерную штуку. Я, признаться, всегда давалъ ему деньги за порядочные вронены, лѣтъ уже десять.

— И я давалъ, перебилъ Бубняшевъ, — но онъ всегда честно размачивался.

— Правда, что размачивался. Ну, а передъ ильинской поблалъ на время по дѣланъ въ Таганрогъ и заболѣлъ. Ждентъ-помдентъ — не возвращается! Я эстафету въ Таганрогъ: какъ въ воду кануло. Я просто рвалъ на себѣ волосы, тысячи вѣдь тридцать отдалъ не одной простой росписи на клочки бумага, а тутъ пера вытѣжеть на ярманку. Дней черезъ пятнадцать приходитъ письмо, что онъ отчаянно боленъ. Я на тройку и безъ отдыху въ Таганрогъ. Прѣѣжаю. Мой Колодѣйкини сталъ уже поправляться, и только дня черезъ три могъ раздобыть нужную сумму. Вотъ вамъ и ярманка. Но все-таки я оттуда прямо въ Ромны, потомучто двадцать лѣтъ постоянно бывалъ на ильинской, нельзя же не кутнуть, не повидаться съ друзьями и не приобрести десяткомъ врехъ лошадокъ у Бубняшева или у кого найдется.

— И у Бубняшева найдется, молвилъ Павелъ Павловичъ.

— А я, братъ, видѣлъ твой ремонтъ. Что за бестія ты, Павелъ Назлычи! я какой чортъ наталкиваетъ тебя на самыхъ лучшихъ коней? Вѣдь кажется на ярманкѣ были всѣ ремонтеры, а между ними не одинъ же ты собаку съѣлъ, а?

Многіе засмѣялись.

— Онъ колдунъ, проговорилъ какой-то помѣщикъ съ другого конца, — и ужь съ нимъ лучше не спорить.

— Пожалуй и я готовъ назвать его колдуномъ, продолжалъ Перемышникъ: — въ его ремонтъ пошло такихъ двѣнадцать сѣрихъ, что на половину сѣицеракя — хоть въ гвардію.

— А вы смотрѣли сѣрихъ? спросилъ Балуновъ, котораго это близко касалось.

— Еще бы! Просто орды. Бубняшевъ ни одной не сдать въ полки, я увѣренъ.

— И чтожъ, онъ сколько-нибудь поправился? сказалъ Балуновъ.

— Какъ поправился?

— Давѣдь на нихъ была какая-то странная, приващивая болѣзнь.

— Вы шутите, господа, чтоли? —

— Какія шутки! сказали конно-егерь: — съ ними тутъ была какая-то история.

— Надѣюсь, господа, вы согласитесь, что и для немалого смысла лошадаяхъ, поддержку царя сто противъ одного, что вои двѣнадцать стрыхъ въ ремонтъ Бубнишева здоровешеньки, болѣзнь на нихъ была кой-какая, исключая у одного жеребца въ яблосахъ и у кобылки, которая — поменьше — вои, на мордахъ замѣтна какая-то сыпь, но и та клудивается.

— Своре же они выходились! а сыпь-то и была причиной, что онѣ достались Бубнишеву, сказалъ Балунъ, нахмурившись и кося поглядывая на Павла Панлыча.

— У васъ, господа, тутъ какая-то загадка. Да ужъ не на стрыхъ ли Павелъ Павлычъ показалъ свое безкорыстие и великодушье?

— Именно.

Перелькинъ разразился громкимъ хохотомъ и хватался за бока отъ смѣху. Всѣ смотрѣли на него съ недоумѣниемъ.

— Гей! дюжину шампанскаго! прокричалъ онъ. — Пойте, господа, здоровье Бубнишева. Узнаю теперь его штуки.

Павелъ Павлычъ только улыбался.

— Шила въ мѣшкѣ не утаишь, сказалъ онъ: — узнать итсѣмъ раньше или позже для васъ все равно.

— Но это безсовѣстно...

— Господа! сказалъ съдой конно-егерь, ударивъ кулакомъ по столу: — мы офицеры, это правда; мы должны поступать благородно и не марать мундира, — тоже святая истина; но вмѣстѣ мы и купцы; а гдѣ дѣло касается торговли, тамъ извините. Намъ лучше другихъ должны быть известны пословицы: «не кладь пальца въ ротъ, откусять», или «на то щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ». Такъ ли?

— Bravo, bravo! раздалось вокругъ.

— Старфа меня лѣтами: адсь нѣтъ никого, продолжалъ конно-егерь: — мы сами на обухѣ рожи молотимъ, а если кто-нибудь изъ васъ меня надуеъ, я первый въ ножки поклонюсь и поставлю дюжину шампанскаго. Дѣло другое, надуъ повинка — неблагоприятно, да и то если онъ повинится и не будетъ корчить знатока, что дѣлають изъ

нихъ много... Такихъ не тронуть ни одинъ порядочный ремонтёръ. Такъ ли?

— Такъ, такъ! Браво!

Базуновъ немного смѣшался; созналъ ли онъ правоту принципа, проповѣданнаго старымъ ремонтёромъ, или увидѣлъ, что трудно ему ожидать поддержки отъ армейскихъ офицеровъ, только велѣлъ подать шампанскаго и съ бокаломъ подошёлъ къ Бубняшеву.

— Извините, Павелъ Павлычъ, за нескромное выраженіе.

— Мы не гонимся за выраженіями, гдѣ идётъ дѣло о торговлѣ.

— Позвольте вынуть ваше здоровье.

— Покорно благодарю.

— Только съ однимъ условіемъ.

— Напримѣръ?

— Разсказать какъ вы меня надули.

— Непремѣнно! непременно! раздались голоса.

— А вотъ что, замѣтилъ конно-егерь: — обѣдъ конченъ; мы перенесемъ всѣ батареи въ особую комнату, сертуки долой, сядемъ своей семьей, и тогда разрѣшаются всякіе разсказы.

— Дѣло, дѣло! зашумѣла веселая компанія.

И скоро ремонтёры ушли въ особую комнату, обставленную огромнымъ количествомъ бутылокъ.

— Я прошу одного, сказалъ Перелыгинъ: — разскажите мнѣ всю исторію сначала.

— Садись и слушай, молвилъ Бубняшевъ; у котораго разгорѣлись глаза, не отъ лишняго бокала — Павелъ Павлычъ не поддавался вліянію вина, а отъ удовольствія блистательно закончить ильинскую.

Всѣ смѣяли.

— Я тоже немного опоздалъ на ярманку, началъ Бубняшевъ, обращаясь къ Перелыгину, — но съ перваго же дня удачно купилъ ремонтъ и штукъ сорокъ подходящихъ лошадей, на всякій случай. Представь же себѣ, одинъ разъ ѣду я мимо Процовки (прибродная деревня) и вижу—гвардейцы ведутъ на воловой двѣнадцать сѣрыхъ, да такихъ, что у меня жилки задрожали. Мнѣ одинъ барышникъ докладывалъ о нихъ, но я сказалъ ему дурака. Подзываю унтеръ офицера и узнаю, что сѣрыя куплены на дорогѣ. Вамъ извѣстно, что это для меня ударъ прямо въ сердце. Я знаю всѣ заводы, я шныряю по всѣмъ губерніямъ, я съ нижняго чина барышничая лошадьми, — и у меня изъ-подъ носу выхватываютъ двѣнадцать чисто-офицерскихъ

лошадей, и не на ярмаркѣ, а на дорогѣ! Ну, думаю себѣ: надобно вочто бы то нистало приполучить этихъ лошадокъ. Ужъ я подыскалъ какихъ докъ, просто всесвѣтные мошенники — ничто не помогаю, предлагалъ самую выгодную мѣну: нѣтъ и нѣтъ! Я потерялъ уже надежду, и сказать откровенно, еслибъ Балуновъ только упирася, а не трунилъ надо мною, я можетъ-быть и не придумалъ бы своей штуки. А то каково же мнѣ, Бубняшеву, котораго боятся всѣ барышники, знаютъ ремонтеры, заводчики, мнѣ, извѣстному по всей Россіи, переносить насмѣшки!.. Вотъ начто корнетъ Соловьицынъ, моложе его кажется нѣтъ, и въ лошадяхъ только и знаетъ, я думаю, что отличить кобылу отъ мерина, — а и тотъ неравъ подъ пьяную руку подтрунивалъ надъ поддѣтымъ Бубняшевымъ! Согласитесь, что это въ состояніи взбѣсить скотину, не только челоуѣка. Ну, я и задумалъ удружить благопріятелю, и разъ не спалъ цѣлую ночь, да зато же недаромъ ворочался съ боку на бокъ. Чортъ знаетъ откуда мнѣ пришла въ голову одна штука.

— Зозуленко! крикнулъ я на весь домъ.

Унтеръ-офицеръ явился.

— Позвать мнѣ, говорю, сію минуту Ставчука, а если пьянъ, то приставить караулъ, чтобъ не уходилъ эпохмѣяться.

У меня, знаете, есть въ командѣ цыганъ Ставчукъ. Коновалъ онъ плохой, но мошенникъ и пьяница — какихъ миръ не производилъ. У него, я думаю, нѣтъ столько волосъ на головѣ, сколько съѣлъ онъ розогъ, да все не унимается. Я не держалъ бы его ни минуты, но если гдѣ надо подпустить машину какую, безъ Ставчука не обойдешься. Это бестія изъ бестій. Приходитъ Ставчукъ заспанный, протираетъ глаза; видно что былъ сильно пьянъ наканунѣ.

— Послушай, черномазая харя, говорю: что хочешь получить отъ меня: двадцать пять рублей, или пятьсотъ розогъ?

Онъ усмѣхнулся.

— Ужъ лучше двадцать пять рублей, в. б.—іе.

— Если исполнишь какъ слѣдъ мое приказаніе, тотчасъ выдамъ деньги, и все остальное время ярманки позволю пьянствовать безъ просыпу.

Цыганъ переминался съ ноги на ногу.

— Но если не одѣлаешь какъ скажу, пятьсотъ розгачей на первый разъ, а тамъ можно и прибавить.

— Нѣтъ, ужъ лучше постараюсь исполнить, в. б.—іе.

— Знаешь ты, говорю, кого-нибудь изъ команды Балунова?

— Какъ не знать, в. б—іе.

— А видѣлъ ты у нихъ двѣнадцать сѣрыхъ одна въ одну?

— У! лошади, в. б—іе! Видѣлъ. Только трудновато...

— Что трудновато? говори.

— Украсть, в. б—іе. Еще бы штуки двѣ-три...

Я разсмѣялся.

— Ахъ ты бестія, говорю: да развѣ ты меня считаешь воромъ?

— Виновать, в. б—іе.

— Ну, слушай же. Я составляю тебѣ мазь, которую ты и возьмешь въ карманъ. Вотъ десять рублей; это не въ счетъ. Заберись съ вечера, какъ знаешь, на конюшню Балунова и перенеси часовыхъ, однимъ словомъ всю команду. Дѣлай тамъ какъ хочешь, но только чтобъ этой мазью ты намазалъ губы и въ ноздрахъ вѣшалъ сѣрыхъ. Понимаешь?

— Понимаю, в. б—іе. И больше ничего?

— Нѣтъ, ты кромѣ сѣрыхъ помажь еще десятокъ на удачу.

— Слушаю. Я думалъ что-нибудь труднѣе.

— Да вѣдь надо дѣлать такъ, чтобъ ни одна шельма не примѣтила. Если догадается хоть кто-нибудь, — все дѣло пропало. Какъ только намажешь, приходи прямо ко мнѣ, еслибъ я даже спалъ. Да смотри еще, чтобъ и самъ забылъ объ этомъ, а пикнешь коть одно слово — запорю на смерть.

— Слушаю, в. б—іе. Будетъ исполнено.

Въ тоже утро я заѣхалъ въ аптеку, взялъ что нужно, составилъ мазь, и вечеромъ Ставчукъ обдѣлалъ дѣло. На другой день я уже зналъ, что Балуновъ всполошился, что конюшны лечили лошадей, а я подсмѣивался, потому что леченіе это только помогало моему выдумѣ. Кончилось тѣмъ, что Балуновъ попросилъ моего совета, и потомъ уступилъ мнѣ лошадей за полцѣны. Вотъ и все.

— Ну, молодецъ такъ молодецъ! раздались годоса.

Балуновъ покраснѣлъ, и съ языка его готова была сорваться какая-нибудь выходка... Но ремонтеры такъ шумно начали пить за здоровье Бубняшева, что оставалось предать дѣло забвенію.

Бубняшевъ всталъ съ своего мѣста.

— Господа! сказалъ онъ. — Штука моя удалась отлично, и я добился своего; а главное поддержалъ славу ремонтера. Я тогда же рѣшился возвратить половину денегъ Балунову, какъ скоро онъ узнаетъ мою продѣлку. Балуновъ! получите ваши деньги: мнѣ му-

жны были только сѣрыя лошади , а я еще заработалъ отъ васъ и на ремонтъ.

Балуновъ хотѣлъ было поддержать достоинство и сталъ отказываться , но ремонтеры приступили , уговорили принять деньги и окончательно примириться съ Павломъ Павлычемъ. Громкое ура огласило комнату , и бокалы въ дребезгахъ летѣли по всеѣмъ направленіямъ.

— Ай да Бубняшевъ ! сказалъ Перелыгинъ . — Вотъ это называется «сихъ дѣлъ мастеръ» , ейбогу правда . Ну братъ , Павелъ Павлычъ , расскажи такъ и быть , какъ прошлою осенью ты меня поддѣлюилъ .

— Эка штука тебя поддѣлюить !

— Равскажи , равскажи ! посыпалось со всеѣхъ сторонъ : это должно быть очень интересно .

— Пожалуй . Надо вамъ знать , что Перелыгинъ считаетъ себя знатокомъ .

— И конечно понимаю дѣло .

— Я и не спорю , что нѣкоторые пороки въ лошади ты разберешь , иногда угадаешь и породу ; а тонкостей , братъ , еще не прозошолъ — правды дѣвать некуда . Мы были знакомы лѣтъ десять , а надуть другъ друга неприходилось .

— А помнишь , продалъ мнѣ пару караковыхъ попорченныхъ ?

— А ктоже тебѣ виноватъ : смотрѣлъ въ оба ! Но не объ этомъ рѣчь . Я никогда не боялся Перелыгина ; хоть онъ человекъ и денежный , но онъ иногда досаждаетъ и мѣшаетъ сдѣлать выгодное дѣло . У него привычка юлить вездѣ еще издавна . Съѣхались мы прошлый годъ подъ осень въ Харьковъ , остановились у Мотузка , нашли множество офицеровъ , и пошла потѣха . Перелыгинъ игралъ удачно , я такъ-себѣ , но не отставалъ отъ компаніи . За картами познакомился съ нами молодой екатеринославскій помѣщикъ , владѣлецъ порядочнаго коннаго завода . Я зналъ этотъ заводъ , но не ѣздилъ туда , потомучто цѣны неподходящія . Теперь же помѣщикъ сказалъ , что рѣшилъ заняться овцеводствомъ , а лошадей намѣренъ продать и уступилъ бы дешево , еслибы только въ однѣ руки и на чистыя деньги . Ремонтеровъ было хоть и нѣсколько , но все больше плясуны , матушкины сынки ; денежныхъ и мастаковъ только и случилось , что мы съ Перелыгинымъ . Разумѣется мы оба подумали , что дѣло очень выгодное , но сказали , что неспедручно покупать весь заводъ , а ремонтъ взять вепрочъ . Помѣщикъ однако умерся на

своемъ и просилъ заѣзжать, если не для покупки, то потостить и поиграть въ картишки. У меня собралось довольно денегъ, и заводъ не выходилъ изъ головы: мнѣ рѣшительно хотѣлось купить его, а въ случаѣ не хватило бы суммы, я надѣялся призапять нѣскольکو тысячъ. Ну, дня черезъ два заводчикъ уѣхалъ. Я тотчасъ же сталъ замѣчать за Перельгинымъ, пригласилъ его обѣдать, завелъ картежъ у себя въ номеръ и не спускалъ глазъ съ пріятеля. Оказалось, что оба мы въ ночь намѣрены были выѣхать.

— Ты куда? спрашиваю: — можетъ быть по дорогѣ? ъдемъ вмѣстѣ.

— Не знаю, говорить, куда ты, а я въ Курскъ.

— Вона! зачѣмъ несеть туда нелегкая?

— Мнѣ, говорить, нужно въ воронежскую губернію. А ты, спрашиваетъ, по какому тракту?

— Я, говорю, на Ахтырку: мнѣ нужно въ сумской уѣздъ кое къ кому.

Часовъ въ одиннадцать начали мы собираться. Я осторожно въ коридорѣ научилъ Зозуленка взять тройку на Екатеринославъ, но дать писарю пять рублей, чтобъ записалъ подорожную на Босодуховъ, и потомъ кликнувъ его въ номеръ и громко приказалъ привести лошадей по тракту на Сумы. Перельгинъ тоже позвалъ немного спустя своего унтеръ-офицера и послалъ за лошадьми на Бѣлгородъ. У меня была отличная коляска, но я нарочно велѣлъ приготовить перекладную, подъ предлогомъ какой-то починки въ экипажъ, который я оставилъ въ трактирѣ. Перельгинъ вхалъ въ коляскѣ. Не успѣлъ я выбраться за ворота, какъ я говорю ямщику:

— Полтинникъ на водку и съ мѣста марш-маршемъ, а вето нажда пять минутъ — нагайка.

Но кони попались добрые; и хоть по екатеринославской дорогѣ пески, однако на первую станцію прискакалъ я въ часъ съ небольшими. Смотрителя въ морду, старосту тоже, Зозуленку вальяетъ ямщиковъ; и мнѣ живо подлетѣла перекладная. Выхожу — а къ станціи, греми, подѣзжаетъ коляска Перельгина. Я такъ и думалъ. На другомъ перегонѣ онъ догналъ меня и подозоровался какъ ни въ чемъ не бывало.

— А ты, говорю, не на Курскъ?

— Нѣтъ, раздумалъ. Встрѣтилась надобность. А ты, спрашиваетъ, тоже не въ Сумы?

— Забылъ, что надобно въ Константиноградъ. Можетъ-быть ъдемъ вмѣстѣ?

— Нельзя, говорить, не могу, долженъ свернуть въ сторону.

— Ну, какъ знаешь.

Мнѣ удалось выѣхать раньше. Я и говорю потихоньку Зоуленкѣ:

— Нельзя ли, братъ, какъ-нибудь на станціи подпортить Перелыгину гайки въ коляскѣ или что-нибудь другое?

— Я самъ думалъ объ этомъ, в. б—іе, догадавшись, что у васъ какія-нибудь штуки; да вѣдь у штабсъ-ротмистра унтеръ-офицеръ такая собака, что и нашъ цыганъ Ставчукъ ничего не подѣлаетъ.

— И то правда.

Летѣлъ я какъ вихрь, давалъ на водку по цѣлковому, исколотилъ кулаки о морды писарей, и мнѣ таки удалось на полчаса опередить Перелыгина. Была еще надежда—не сломается ли у него коляска; но на это рассчитывать трудно. Разсвѣло, пора бы и чай пить, такъ не до чаю: мнѣ нужно было выиграть по крайней мѣрѣ часа два, чтобъ порѣшить дѣло. За Константиноградомъ я началъ дѣлать иначе, пересталъ бить морды писарямъ, а прискачу и говорю:

— Пять рублей на водку, если въ пять минутъ будутъ готовы лучшія лошади, и пять рублей прибавки на возвратномъ пути, если хоть на четверть часа задержите Перелыгина.

— Я это зналъ, отозвался Перелыгинъ: — я тоже морды билъ и бросалъ деньги, а все не могъ поспѣть за тобою.

— Ну, такимъ образомъ, продолжалъ Бубняшевъ, — прискакавши на послѣднюю станцію, отауда поворотъ въ деревню къ помѣщику, требую двѣ перекладныхъ. У меня уже въ головѣ мелькнула штука. Дѣлалъ я по двадцать верстъ въ часъ, слѣдовательно порядочно опередилъ непріателя, но все не настолько, чтобъ совсѣмъ усвокоенться. Въ сторону мнѣ дали лошадей тотчасъ же, а я поручилъ Зоуленкѣ нанять трехъ мужиковъ съ топорами, чтобъ ѣхали со мною часа на два, за что выдалъ впередъ по полтиннику и постольку же общалъ по окончаніи работы. Охотники нашлись, и мы выѣхали. Я зналъ, что верстахъ въ четырехъ отъ имѣнія моннозаводчика прелегаетъ глубокая балка, черезъ которую проѣзжаютъ по мосту, и я тутъ-то придумалъ подкузьмить Перелыгина. Переклавши этотъ мостъ, я велѣлъ остановиться и приказалъ мужикамъ разобрать его до основанія. Мужики сначала было зауцрамялись, но я вонервыхъ пригрозилъ не отдать денегъ, а вонторыхъ общалъ въ

пить ее эту навагу. Они вѣдѣли же присутствіи въ дѣлу. Я оставилъ при нихъ Зозуленка съ тройкой и велѣлъ по окончаніи работъ забрать плотниковъ, привезти въ деревню и напоить на мой счетъ въ кабацѣ. Не успѣлъ я добраться къ помѣщичьему двору, огмываюсь—а подъ гору спускается коляска Перемыгина. . . Я только засидѣлъ: черезъ проклятую балку невозможно было переправиться безъ мостика, а приходилось дѣлать по крайней мѣрѣ верстѣ по семь кругу. Пріѣзжаю и тотчасъ говорю, что очень спѣшу, но хотѣлъ бы осмотрѣть заводъ. Правду сказать осматривать было нечего, потому что лошади отличныя. Однимъ словомъ мнѣ удалось выторговать огуломъ недорого, и въ то время, когда выходя изъ конюшни, я по обычаю давалъ задатокъ помѣщику, съ тѣмъ что остальные выну изъ шкапули, до слуха моего долетѣлъ колокольчикъ Перемыгина. Мы жили дня два съ нимъ у помѣщика во Флигелѣ.

— И я тебя наказалъ на тысячу двѣсти въ банкъ, замѣтилъ Перемыгинъ.

— А я на заводъ выигралъ ровно семь тысячъ, сказалъ съ нѣкоторой гордостью Бубняшевъ.

Выспавшись послѣ своего шумнаго обѣда, молодые ремонтеры-дилетанты приготавливались къ балу, и зная что дамы не съѣдутся раньше десяти часовъ, неслишкомъ спѣшили съ своимъ туалетомъ. Молодановъ лежалъ въ постели, несовѣсть еще отрезвившись, а Солоницынъ сидѣлъ передъ зеркаломъ, погруженный въ глубокую думу.

— Держу пари, что думаешь о ней, сказалъ Молодановъ, потребовавъ себѣ трубку.

— Нѣтъ, такъ задумался: припоминаю какъ глупо провелъ ярманку, истратилъ пропасть денегъ...

— И остался съ носомъ! Непріятное, чортъ возьми, положеніе!

— А знаешь, Молодановъ, что мнѣ пришло на мысль?

— Подсмотримъ.

— Мнѣ хотѣлось бы прочесть Коробовскую какъ-нибудь по-гусарски, чтобъ не утѣшили ее никакіе гвардейцы, никакіе генералы...

— Вот дабыло же обмчал! Нить тебя будешь прать, Солоницынъ. Давно бы сдѣловало!

— Да только что же сдѣлаешь? Одинъ въ полъ не воинъ.

— А я?

— Согласишься ли?

— Странный вопросъ! Почему же нтъ? Выдумывай штуку, а я не выдамъ товарища. Чтожъ въ самомъ дѣлѣ гвардейцы! Эка не видали!

— Тутъ дѣло не въ гвардейцахъ, а мнѣ хотѣлось бы показать этой вѣтренной дѣвчнкѣ, что я не изъ тѣхъ, кого можно водить на привязи.

— А! забрало! Я всегда думалъ, что она съ тобой зашла далеко, а ноль бросила для этихъ шитыхъ воротниковъ. Валяй, душа! во выдумывай что-нибудь подѣльнѣе.

— Надобно вдвоемъ придумать. Времени довольно. Однако твоя графинька уѣхала.

— А хорошенькая, братъ.

— Хорошенькая. Ты кажется завертѣлъ ее.

— Мы, братъ, маху не даемъ. Надо будетъ захватить въ деревню... Да чортъ ли въ ней, Солоницынъ? Только что графство, да тряпье, а приданое — шиншъ.

— По крайней мѣрѣ весело ухаживать.

— Еще бы! Двѣ записочки есть, бантикъ съ плеча и перчатка. Ну, жалъ ей ручку.

— Вы были неразлучны, это всѣ замѣтили. Можетъ-быть что-нибудь и дальше ручки?..

— Что было, то слыло, весело проговорилъ Молодановъ, приподымаясь съ постели, весьма довольный словами товарища. — Ну, такъ какъ же, дружище, чтожъ мы сотворимъ съ богатой невѣстой?

— Какую-нибудь исторію.

— Какую же? Взять на вальсъ и оставить среди залы — это, братъ, школьничество, и потомъ дуэль...

— Я не боюсь дуэли, да толку мало.

— Обрызгать платье.

— Это глупость. Нтъ, не обрызгать, а сдѣлать то, что у насъ въ полку сдѣлали одной княжнѣ, которая подымаива носъ не хуже Коробовской.

— Что же ей сдѣлали? уронили?

— Нѣтъ, лучше. Божале, повторило, нужно товарищъ и не одинъ.

— Мы пригласимъ Хвостикова.

— Знаю.

— Это малый отличный, теплый, ни надъ чѣмъ не задумается. Онъ какъ урѣжетъ немного, да расходится, такъ все и пристаётъ къ товарищамъ: «укажите, говорить, какую угодно штафирку, побью морду!» Ейбогу.

— Такого намъ и надо. Онъ же кажется кстати и незнакомъ съ Коробовской.

— Онъ, я думаю, ни съ кѣмъ незнакомъ. Этотъ, братъ, не по-нашему съ тобою, а чисто гусарски. Красивъ, богатъ, образованъ, а на юбки смотритъ какъ Бубняшевъ или Перельгинъ.

Явился Хвостиковъ, молодой гусарскій поручикъ и тотчасъ же былъ посвященъ въ тайну. Послѣ долгихъ споровъ рѣшено было наконецъ уронить Коробовскую поэффективѣе во время вальса.

— Нѣтъ, Солоницынъ, сказалъ вдругъ Хвостиковъ, словно озаренный вдохновеніемъ. — Упасть-то я упаду съ нею очень живописно, но я придумалъ гораздо лучшую штуку. Ура! шампанскаго!

— Нѣтъ ужъ, Хвостиковъ, замѣтилъ Молодановъ: — шампанскаго послѣ, а теперь выпей одинъ пуншъ и баста. Чтоже за штука?

— Гусарская штука!

— Гей! Подавайте же скорѣе чаю! Ну, рассказывай!

— Позвольте не говорить: мнѣ кочется, чтобъ это и для васъ было сюрпризомъ, а ужъ Солоницынъ останется доволенъ.

— Если ты придумалъ что-нибудь половче, сказалъ послѣдній, — я тебѣ очень благодаренъ, ты и угости ее по-своему, а все же и мнѣ нельзя остаться въ сторонѣ: я долженъ хоть упасть съ нею.

— Да ты сумѣешь ли?

— Упасть-то! Вотъ нашолъ мудреное дѣло!

— И очень мудреное. Не въ томъ главное, что ты илелнешься со своей дульцивейей, а въ томъ, чтобъ она произвела какъ можно больше эффекта... понимаешь?

— Я постараюсь.

— А если ты надѣнешься ловко повалиться, то падай самъ и

увлекай ее за собой, а подумай, можно ли безопасно скватиться... понимаешь? Ха-ха-ха!

— Ухъ какая ты выжига, Хвостикова! сказала Молодой: — какъ же до сихъ поръ ты не сбѣгалъ ни одной штуки?

— Дѣлалъ я ихъ довольно, только не въ собраніи. Чортъ знаетъ, какъ-то все дѣйствовало, рѣзался въ карты... Притомъ же у меня здѣсь была богатая тетка, отъ которой жду наслѣдства...

— Это резонъ.

— А теперь я вольный козакъ. Однако, ребята, пора одѣваться, да мнѣ же надо и домой, — приготовить вамъ сюрпризъ.

Хвостиковъ ушелъ, а товарищи начали приступать къ туалету.

Зала роменскаго собранія послѣдній разъ блистала огнями. Было часовъ около десяти. Музыка гремѣла, но въ залѣ ходили только мужчины, а дамы не являлись, вслѣдствіе провинціального обычая, изъ боязни пріѣхать прежде всѣхъ. При входѣ, кромѣ дежурнаго квартальнаго стоялъ еще и другой, имѣвшій специальное назначеніе оберегать дамскіе наряды. Въ описываемую эпоху въ Ромнахъ нѣсколько лѣтъ сряду повторялись странныя продѣлки, а именно: при входѣ въ театръ и собраніе, во время толкотни неизвѣстные люди опрыскивали ядовитую жидкостью дамскія платья такъ, что платье покрывалось не только пятнами, но и дырками, и разумѣется пропадало. Многія дамы принуждены бывали уѣзжать съ вечера. Сперва относили это къ шалости молодыхъ людей, но послѣ дотлались или какъ-то узнали, что продѣлки эти принадлежали торговцамъ модными матеріями, которые подкупили разныхъ негодяевъ и вели отлично свои торговые обороты. Мѣстное начальство распорядилось наблюдать за подобными зѣристами, и въ послѣдній разъ собраніи произошло весьма немножко этихъ скандаловъ.

Но вотъ экипажи начали подъѣзжать одинъ за другимъ, и въ какихъ-нибудь полчаса собралось все общество, за исключеніемъ двухъ-трехъ семействъ, которыя сочли бы униженіемъ явиться вмѣстѣ съ прочими и не заставить себя подождать, тѣмъ болѣе что безъ нихъ въ какомъ случаѣ никто не рѣшился бы начинать танцы. Разумѣется Коробовская была въ числѣ этихъ послѣднихъ и пріѣхала въ то время, когда у публики уже истощилось терпѣніе и нѣкоторые ремонтеры начали требовать открытія бала. Богатая не-

вста одѣлась великолѣпно, и желая послѣдній разъ оставить благоприятное впечатлѣніе, старалась быть любезной и поубавила себѣ, что приобрѣла ей нѣсколько мѣстныхъ поклонниковъ. За столомъ у ней помѣстилась обычная свита: два гвардейца, молодой генералъ и одинъ изъ кузеновъ; записанный въ канцелярію генералъ-губернатора и носившій лорнетъ на дѣпочкѣ, что проводило въ то время иныхъ въ негодованіе, а другихъ просто въ ужасъ.

Скрѣпя сердце, Солоницынъ подошелъ къ богатой невѣстѣ и пригласилъ на кадрили. Ему очень любезно дали слово и замѣтили, что онъ необыкновенно задумчивъ. Кавалеровъ было очень мало сравнительно; такъ что дѣвицы начали обращать вниманіе на нѣкоторыхъ статскихъ, по случаю отъѣзда многихъ отпусковыхъ офицеровъ.

Первые танцы прошли безъ особыхъ приключеній. Общество успѣло уже расположиться, сгруппировалось то въ отдѣльные кружки отцовъ и матерей семействъ, то за карточными столами, и танцующіе спѣшили воспользоваться послѣднимъ базомъ. Молодые ремонтеры шептались и навѣдывались въ буфетъ, пожилые тоже присутствовали въ залѣ, вѣроятно кто внимательно прослѣдилъ за ними, то на ихъ лицахъ можно было прочесть какое-то оживленіе.

И вотъ заиграли вальсъ. Съ разныхъ концовъ столпились пары и неслись въ общемъ вихрѣ. Солоницынъ стоялъ у дверей и не могъ скрыть волненія. Ремонтеры смотрѣли на него и подавали глазами одобрительные знаки. Коробовская дала себѣ слово никому не отказывать, танцевала очень много и наконецъ опустилась на стулъ въ изнеможеніи. Въ это время подошелъ къ ней Солоницынъ.

— Ахъ, я очень устала, проговорила она: — но вы такъ ловко вальсируете, что я не въ состояніи отказать. Пойдемъ одинъ туръ... Впрочемъ позвольте мнѣ отдохнуть нѣсколько минутъ, и мы повальсируемъ подолѣе.

Солоницынъ поклонился и остался возлѣ богатой невѣсты. Генералъ подалъ ей щегольской вѣеръ и отпустилъ какую-то крупную любезность.

— Пойдемъ, сказала наконецъ Коробовская, подымая руку, чтобы тусару ловче было взять ее за талію.

Первый разгаръ вальса прошелъ, и по залѣ кружились всего двѣ или три пары. Моментъ былъ самый удобный. Хорошій танцоръ, Солоницынъ граціозно повелъ свою даму у самаго ряда

стульевъ , а Коробовская , небрежно цоложивъ руку на плечо кавалеру , была чрезвычайно интересна . Ремонтеры , выдвинулись впередъ изъ-за колонъ , изъ-за стульевъ , да и прочая публика обратила исключительное вниманіе на молодую , стройную цару , которая словно не прикасалась къ полу . И вдругъ на поворотъ въ углу эта цареденного зашаталась , какбы потерявъ равновѣсіе . Секунда — и Солоницынъ замѣтно покачнулся въ одну сторону , и невыпускная дамы , покатылся на полъ . Коробовская сдѣлала отчаянное усиліе приподняться , но бывъ удерживаема , привела еще въ большій безпорядокъ свой туалетъ , который и безъ того пришолъ въ разстройство при самомъ паденіи , потомучто шпора корнета задѣла за подолъ платья...

«Браво! браво!» и аплодисменты раздались по залъ , а кавалеры со всѣхъ сторонъ бросились на помощь къ богатой невѣстѣ и впереди всѣхъ ея свита . Кое-какъ выпутали Коробовскую , а Солоницынъ , кромеа подошолъ къ ней .

Богатая невѣста сильно сконфузилась , генералъ и гвардейцы бросали сердитые взгляды на корнета и на толпу ремонтеровъ , зашавшихся смѣхомъ , но эти взгляды ни на кого не дѣйствовали , потомучто защитники не имѣли права придтаться ни къ упавшему кавалеру , ни къ сибывшейся публикѣ . Красная и въ слезахъ побѣжала Коробовская въ уборную поправить безпорядокъ . Товарищи увели Солоницына въ буфетъ , посмотрѣть , не свихнулъ ли онъ ногу , и Молодановъ съ Хвостиковымъ шопотомъ выразили ему удовольствіе . Въ буфетъ вошелъ гвардеецъ , одинъ изъ неразлучныхъ спутниковъ богатой невѣсты .

— Однако , г . корнетъ , сказалъ онъ обращаясь къ Солоницыну , — вы оскорбили даму .

— Оскорбленія , г . поручикъ , тутъ никакого не было , а за печальную неприятность я извинился . Что вамъ еще отъ меня угодно ?

— Мнѣ ничего не угодно , но такая неосторожность...

— Вы кажется пришли читать мнѣ наставленія , такъ я покорнѣйше прошу побережь ихъ для себя или для кого-нибудь другого .

— Что онъ въ самомъ дѣлѣ расхорохорился ! раздались голоса подальше...

Гвардеецъ оглянулся и поспѣшилъ изъ буфета . Въ это время Коробовская показалась изъ уборной , и всѣ наперерывъ спѣшили

изъявить ей участие, въ особенности тѣ дамы, которыя больше другихъ радовались ея паденію.

Въ числѣ статскихъ кавалеровъ появился незнакомый молодой человѣкъ, блѣдный, интересный, и хоть онъ одѣтъ былъ довольно пестро, однако такъ ловко держалъ себя и обладалъ такими манерами, что многіе завидовали ему, неисключая и кузена Коробовской, записаннаго въ канцелярію генералъ-губернатора. Никто не зналъ его, что еще болѣе придавало ему интереса. Онъ протанцовалъ одну кадрили и увлекъ многихъ дамъ граціозностью своихъ движеній. Сама Коробовская обратила на него вниманіе и послала кузена разговариваться съ этимъ молодымъ человѣкомъ. Кузень вооружился жорнетомъ, подошелъ къ незнакомому и тонкимъ образомъ пустился въ распросы. Черезъ нѣсколько минутъ губернской дипломатъ принесъ извѣстіе кузинѣ, что это французъ, гувернеръ князя ***, пріѣхалъ съ княжескимъ управляющимъ посмотреть ярманку, и прибавилъ, что ему рѣдко удавалось слышать такой настоящей парижскій выговоръ.

— Ахъ какая досада, сказала Коробовская, — что я дала слово на седьмую кадрили мальчишкѣ-гимназисту: пріятнѣе было бы протанцовать съ парижаниномъ.

— Да вы откажитесь отъ гимназиста, охота съ нимъ возиться! Исторіи не бойтесь никакой.

— А въ самомъ дѣлѣ, подведите и представьте мнѣ француза. Если онъ ангажируетъ, я дамъ слово, но только извольте уже сами раздѣливаться съ гимназистомъ.

Кузень взялъ подъ руку парижанина и спросилъ, не желаетъ ли онъ представиться его кузинѣ. Тотъ съ восторгомъ принялъ предложеніе и черезъ минуту разсыпался уже передъ богатой невѣстой въ пошлыхъ, но чисто-французскихъ фразахъ. Его представили подъ именемъ Мг. Лубо. Разумѣется ловкій парижанинъ непременно освѣдомиться, нѣтъ ли у Коробовской свободной кадрили, и получивъ утвердительный отвѣтъ, тотчасъ же ангажировалъ. Ему дали слово.

Многіе ремонтеры сидѣли въ буфетѣ, но къ седьмой кадрили вышли оттуда всѣ, за исключеніемъ Хвостикова и Солоницына, которые прохаживались по хересамъ и ликерамъ. И вотъ наконецъ заиграли сигналъ. Мг. Лубо подлетѣлъ къ Коробовской, подавъ руку и повелъ ее на средину залы. Vis-à-vis былъ у него кузень богатой невѣсты, которая такъ сильно захотѣла полюбезничать съ на-

рижаниномъ, что оставила навремя свою свиту и отчаянно картавила. Первая и вторая фигуры прошли очень весело. Мг. Лубо изъ всѣхъ силъ старался понравиться и рассказывалъ кучу парижскихъ анекдотовъ, конечно довольно скандальныхъ, но какъ они выражены были пофранцузски, то благовоспитанная дѣвица могла ихъ слушать некрасивъ. Ей только страннымъ казалось, что молодой человекъ порядочнаго тона безпрестанно употреблялъ слова: «*rag-bleu!*» «*lichtre!*» и многія другія, попадающіяся въ романахъ Поль де-Кока. Но вотъ, во время третьей фигуры прямо противъ Коробовской остановились Хвостиковъ и Солоницынъ. Они оба хотѣли такъ громко, что обратили на себя всеобщее вниманіе. Нѣкоторые отнесли эту веселость къ лишней бутылкѣ, но Хвостиковъ смѣялся пристая и потомъ началъ указывать пальцемъ на Коробовскую и Мг. Лубо, который выдѣлывалъ передъ своей дамой, по обычаю того времени, па-де-ригодонъ и па-де зефиры. Богатая невеста первая это замѣтила и покраснѣла съ досады. Она мигомъ поняла, что Солоницынъ нарочно уронилъ ее въ вальсъ и вѣроятно отпускалъ на ея счетъ какія-нибудь плоскости. Она хотѣла было пожаловаться генералу, но какъ нарочно, кадрили окружили ремонтеры и весело разговаривая, стучали саблями. Хохотъ Солоницына и Хвостикова мало-помалу сообщался товарищамъ и доходилъ до такой степени, что едва слышна была музыка. Ремонтеры сдвинулись еще тѣснѣе. Въ четвертой фигурѣ, когда Коробовская отдыхала, пока танцовали поперечныя пары, Хвостиковъ подошелъ прямо къ ней, и поклонясь очень вѣжливо, сказалъ ей пофранцузски:

— Извините, если я отыму у васъ кавалера.

— Но какое вы имѣете право мѣшаться не въ свое дѣло? спросила вспыхнувъ богатая невеста.

— Какъ угодно. Я считалъ обязанностью сдѣлать это безъ шума для васъ же; но теперь долженъ поступить иначе.

И Хвостиковъ подошелъ къ Мг. Лубо.

— Послушай, Прощка, сказалъ онъ ему: — я прощаю уже твои проделки въ Харьковѣ, а здѣсь строго запретилъ оскорблять общество. Какъ же ты смѣлъ уйти въ собраніе, обмануть порядочныхъ людей, и еще рѣшился танцовать съ одной изъ нашихъ красавицъ! Вонъ сію минуту, а завтра я съ тобой раздѣляюсь!

Мг. Лубо исчезъ въ одно мгновеніе.

Коробовская упала въ обморокъ. Кадриль смѣшалась. Кто-то остановилъ музыку. Залу огласили хохотъ и крики негодованія.

Гвардейцы, генералъ и кузень пристунили къ Хвостикову за объясненіями.

— Очень просто, господа, сказалъ онъ: — это Прошка, мой человекъ, отличный парикмахеръ и камердинеръ, воспитывавшійся лѣтъ восемь у лучшаго куафера, но страшный ловеласъ. Это уже не первая его продѣлка. Я одѣваю его хорошо, и вотъ, понадѣясь, что я закучусь и незамѣчу, онъ пробрался на балъ. Эдакая скотина!

Многіе помѣщики вломились въ амбицію, многіе хохотали, но ремонтеры дружною стѣною окружили Хвостикова, который нѣ терялъ присутствія духа и сказалъ, что если кто обижентъ, то онъ за своего Прошку готовъ дать удовлетвореніе. Сторонники Коробовской утверждали, что скандалъ былъ сдѣланъ нарочно, вслѣдствіе мщенія за неудавшееся волокитство Солоницына; однако сторонникамъ богатой невѣсты предстояли далеко не равныя силы, тѣмъ болѣе въ то время, когда директоры существовали номинально, а полиція уходила едвали не первая, какъ только начинали бушевать офицеры. Гвардейцы хотѣли было затѣять дуэль, но Балуновъ уговорилъ ихъ, доказавъ, что они не имѣли никакого права; генералъ ограничился угрозой написать начальству, а кузень, единственное лицо, который могъ бы вступиться за оскорбленіе двоюродной сестры, умѣлъ только горячиться въ другой комнатѣ. Однимъ словомъ скандалъ произошолъ странный. Всѣ дамы разѣхались и такимъ образомъ закончилось собраніе. Зато же ремонтеры и прочіе теплые ребята встали въ залъ, выписали цыганъ и пировали до восьми часовъ утра. Хвостиковъ единогласно получилъ названіе «угара», а подвигъ Солоницына и тутъ поблѣднѣлъ, потому что его штука передъ штукой товарища казалась чисто школьничествомъ.

Бѣдняжка Солоницынъ пришолъ въ унынье, тѣмъ болѣе когда явился хоръ и занялъ обычное мѣсто, а между молоденькими цыганками неказалось Любаши.

Когда на другой день онъ проснулся раньше Молоданова, и окативши голову холодной водой, сѣлъ пить чай у окна, мимо котораго проѣзжали помѣщичьи дорожные экипажи, вчерашній вечеръ представился ему во всемъ безобразіи. Онъ ничѣмъ не могъ оправдать себя въ оскорбленіи, нанесенномъ Коробовской. Положимъ, самолюбіе его страдало отъ неудавшагося волокитства, отъ предпочтенія, оказаннаго другимъ богатой невѣстой; но она не заслуживала мщенія со стороны корнета, который нисколько не былъ ею обиженъ.

Однимъ словомъ Солоницынъ пришолъ къ сознанию , что надѣлалъ глупостей , хотя ему оставалась утѣшеніе разсказать о своей протѣлкѣ товарищамъ , разумѣется прикрасивъ ее разными небывалыми приключеніями.

Вдругъ раздался громкій звонъ колокольчика , и у оконъ остановилась щегольская коляска , въ которой сидѣлъ Бубняшевъ въ сопровожденіи неизмѣннаго Зозуленка.

— Ну что , вы скоро ?

— Думаемъ завтра.

— А Молодановъ ?

— Спать.

— Экая нѣженка ! Ну братъ , ты вчера лихо , погусарски отдѣлалъ бѣдную Коробовскую , но Хвостиковъ еще лучше. Ха-ха-ха !

— Нельзя же , Павелъ Павлычъ.

— Да за что же вы взѣлись на нее ?

— Видите ли , она прежде со мной кокетничала , а послѣ бросила для гвардейцевъ.

— Подѣломъ вору и мука. А каковъ бестія Прошка ?

— Молодецъ.

— Ты же куда ?

— Хочу въ Харьковъ , а оттуда право не знаю.

— Значить въ Харьковѣ еще увидимся : мнѣ нужно собрать въ Харьковѣ кое-какіе долгишки. А то пріѣзжай съ кѣмъ-нибудь ко мнѣ въ депо , будемъ рѣзаться въ карты. Прощай , и впредь когда нужно будетъ лошадокъ , помни что есть на свѣтѣ Бубняшевъ.

И Павелъ Павлычъ отправился къ знакомому помѣщику , съ которымъ онъ долженъ былъ выѣхать.

День былъ прекрасный. Солнце еще неуспѣло развести зноя послѣ ночного дождика , очищенные отъ пыли листья блестяли на деревьяхъ , окаймлявшихъ улицу , и Солоницынъ жадно вдыхалъ свѣжій воздухъ , располагавшій молодого человѣка къ мечтаніямъ. Но вотъ показались щегольскія дрожки , запряженныя парой сѣрыхъ ; на дрожкахъ мелькнула разряженная дама. Солоницынъ высунулся въ окно и узналъ Любашу , которая словно вихрь промчалась по улицѣ по направленію къ лавкамъ. Взглянувъ на товарища , который слегка спалъ оборотаясь къ стѣнѣ , Солоницынъ тихонько кликнулъ челоуѣка , велѣлъ подать себѣ новый сертукъ , взялъ хлысть , надѣлъ свѣжія перчатки и быстро вышелъ изъ квартиры.

Возлѣ гостиннаго двора экипажей было очень мало. Въ такъ на-

зываетъ панскомъ ряду, настоящей выставкѣ невестъ, гдѣ съ утра до вечера прогуливались разряженныя помѣщичьи семейства, взаимнѣ послѣднихъ теперь толпились, иныя многочисленные покупатели — попы, мѣщане и простоаролье. Изрѣдка только передъ моднымъ или предъ серебрянымъ магазиномъ останавливалась какая-нибудь барыня, да осиротѣлый денди пробѣгалъ вдоль по галерей, отыскивая знакомыхъ. Войдя въ толпу, Солоницынъ былъ пораженъ огромной массой темныхъ покупателей. Ему и въ голову не приходило, чтобъ эти блестящія магазины, возлѣ которыхъ недавно какъ вчера прохаживались цѣлыя вереницы барышень, могли быть наполнены женщинами въ мѣщанскихъ костюмахъ. Ему показалась однакоже вдали Коробовская, и корнетъ, употребивъ усилія обратиться къ ней ближе, убѣдился въ своей ошибкѣ, встрѣтя лицомъ къ лицу высокаго роста поповну, которая выбирала бантики чуть не въ поларшина длиною. Но вотъ въ магазинѣ извѣстнаго брильянтика, у котораго, и во время самаго разгара, посетителей какъ-то было меньше сравнительно, — Солоницынъ увидѣлъ на табуретѣ Любашу. Цыганка сидѣла облокотясь о прилавокъ, а услужливый купецъ раскрывалъ передъ ней коробочки съ красивыми модными драгоценностями. Солоницынъ нѣсколько дней уже не видѣлъ Любашу, знавшей впрочемъ о его волокитствѣ за Коробовской, и при взглядѣ на цыганку, увлекавшую его на первыхъ порахъ довольно серьезно, онъ почувствовалъ легкую дрожь и подошелъ къ прилавку.

— Ну что ваша невеста? спросила Любаша, несводя глазъ съ изумруднаго фермуара.

— У меня нѣтъ никакой невесты.

— Рассказывайте! Мнѣ говорили ваши же товарищи, что вы цѣлые дни проводите подъ окнами у Коробовской.

— Отличная барышня, вмѣшался купецъ, — такихъ покупателей не много было на ярманкѣ: я уторговалъ у нихъ тысячъ двѣнадцать.

— Зачѣмъ мнѣ пропадать передъ окнами? сказалъ Солоницынъ: — я за нею не ухаживалъ.

— Ну ужъ извините, я сама видѣла въ окно въ собраніи, какъ вы умирали передъ нею.

— Ты видѣла то, чего не было, шепнулъ наклоняясь къ ней гусарь, — а не видала того, какъ я страдалъ, только не передъ Коробовской...

И ворнеть слегка прикоснулся къ талии цыганки. Любаша не сдѣлала никакого движенія.

— Ктоже это? спросила она тоже тихо, устремляя на гусара одинъ изъ тѣхъ жгучихъ взглядовъ, отъ которыхъ таяли сердца самыя крѣпкія.

— Пойдемъ, пройдемся по лавкамъ.

— Подожди немного. Вася! прибавила она громко: — купи мнѣ на память эти сережки; посмотри какія хорошенькія!

— Куплю, только пойдемъ прежде погуляемъ.

— Я уступлю недорого, сказалъ купецъ: — онѣ тоже мои постоянныя покупательницы.

— Купи, Вася, миленькій! я всегда буду носить твои сережки.

Солоницынъ поспѣшилъ отдать деньги и торопилъ Любашу изъ магазина, неимѣя никакой опредѣленной цѣли, но увлекаемый желаніемъ поговорить наединѣ съ цыганкой. Въ немъ какбы проснулось прошлое, или вѣрнѣе — заговорило неудовлетворенное самолюбіе, которое словно требовало какой-нибудь женской ласки, за все пережитыя въ нѣсколько дней неудачи.

— Куда же мы пойдемъ? спросила Любаша, когда они очутились въ густой толпѣ.

— Ты вѣдь одна?

— Одна-то одна, а надо скоро ѣхать домой: меня ждуть.

— Ужели ты не можешь мнѣ подарить хоть полчаса?

— Пожалуй что и не могу, миленькой.

— Зайдемъ въ кондитерскую.

— Не зайду, голубчикъ.

— Скажи мнѣ по крайней мѣрѣ, крѣпко ли ты влюблена въ своего графа?

— Надо любить, миленькій: онъ много тратитъ на меня денегъ; въ одинъ таборъ заплатилъ сколько.

— Значитъ любишь за деньги?

— Чтожь дѣлать, голубчикъ: онъ на всю жизнь сдѣлалъ меня счастливой... А ужъ какъ любить!..

— По крайней мѣрѣ хоть бы не рассказывала этого! проговорилъ съ упрекомъ Солоницынъ, расталкивая толпу и самъ незная что дѣлаетъ.

— Да куда же мы идемъ, Вася?

— Любаша! скажи какъ передъ-богомъ: любишь ли ты меня хоть каплю?

— И ты хорошій человекъ, даришь меня...

— Эхъ, она только о деньгахъ! Понимаешь ли, я спрашиваю: тебѣ не жаль меня нисколько?

— Какъ тебѣ сказать? не знаю... Когда ты ходилъ къ намъ въ таборъ, мнѣ было весело съ тобою.

— Ну, такъ поѣдемъ въ кондитерскую, хоть на полчаса, хоть на десять минутъ!..

— Не поѣду, голубчикъ... И! боже-сохрани!

— Неужели ты на прощанье не хочешь подарить мнѣ хоть пять минутъ?

— Я же хожу съ тобой, Вася.

— Ну, пять минутъ, Любаша, душка! Я только велю подать шоколаду.

— Вася, какой ты право! Можно ли мнѣ днемъ ѣхать съ тобой по городу? подумай!

Они выходили изъ панскаго ряда. Любаша остановилась. Солоницынъ словно потерялъ голову.

— Куда же мы? спросила цыганка.

— Все равно, куда-нибудь.

— Не пойду дальше. Мнѣ домой.

— Какъ! Хочешь меня оставить?

— Не могу.

— Да вѣдь мы больше не увидимся.

— Такая ужъ доля!

Корнетъ вспыхнулъ.

— Доля? Вздоръ! никакой нѣтъ доли.

Въ это время изъ-за угла показались Хвостиковъ и еще одинъ ремонтеръ съ хлыстами и на расшашку.

— Bravo, Солоницынъ! Да онъ не теряетъ, какъ я вижу, времени, сказалъ Хвостиковъ: — подцѣпилъ черномазую богиню.

Любаша потупила глаза и была дивно хороша въ эту минуту.

— Видишь, Вася, проговорила она сквозь слезы Солоницыну: — я послушалась тебя, прошлась съ тобою, а твои товарищи богъ-знаетъ что подумаютъ.

— Да что же о тебѣ подумать? О тебѣ и думать печего, сказалъ разгоряченный молодой человекъ: — всѣ тебя хорошо знаютъ.

— Конечно знают, сказала цыганка, — и въ глазахъ, полныхъ слезъ, блеснуло негодованіе.

Вновь прибывшіе офицеры не сказали ни слова.

— Всѣмъ извѣстно, что ты...

Губы Солоницына задрожали.

— Распутная...

— Кто? я? сказала Любаша, подскочивъ къ Солоницыну: — я?

А ты? Дѣкажешь? а?

Корнетъ захохоталъ неестественнымъ смѣхомъ.

— А я даромъ чтоли купилъ тебѣ сейчасъ сережки?

Мгновеннымъ движеніемъ Любаша выхватила изъ-за платья карбочку съ серьгами и бросила въ лицо Солоницыну.

— Вотъ онѣ, твои серьги, подлецъ! Подавись ими!

И прежде чѣмъ офицеры опомнились, она въ три прыжка была отъ нихъ далеко и бѣжала къ своимъ дрожкамъ. И когда Солоницынъ бросился съ хлыстомъ догонять ее, она уже вскочила въ экипажъ и мигомъ скрылась въ облакахъ пыли.

Хвостиковъ съ товарищемъ начали спрашивать Солоницына въ чемъ дѣло; корнетъ, взявъ грѣхъ на душу, сочинилъ имъ скандальную исторію, вслѣдствіе которой ремонтеры рѣшили, что надобно проучить цыганку, а если придется, то и ея обожателя. Тотчасъ же отправились они къ Египетскому собрать судъ изъ наличныхъ ремонтеровъ и составить планъ, который въ тотъ же день привести въ исполненіе. Но у Египетскаго ремонтеровъ оказалось мало, потомучто многіе уѣхали ночью, другіе собирались, а добратся до Любаша въ небольшомъ числѣ не представлялось возможности даже самому отчаянному Хвостикову. Осиротѣлая семья ремонтеровъ предварительно потребовала подюжины шампанскаго, и удаляя молодежь рѣшила дать послѣдній вечеръ цыганамъ съ тѣмъ, чтобы таборъ пригласилъ Любашу, пожалуй съ ея возлюбленнымъ, и на этомъ вечерѣ отмстить за оскорбленіе товарища. Тотчасъ же разосланы были гонцы по всѣмъ ремонтерскимъ квартирамъ, клинуди кличъ, и оказалось, что къ вечеру можетъ быть готова дружина человекъ въ двѣнадцать, подъ предводительствомъ сѣдого Церелыпина, который, опоздавъ на ярманку, желалъ воспользоваться хоть ея шумными послѣдками.

По Ромнамъ однакоже разнеслась вѣсть объ исторіи цыганки съ офицеромъ, потомучто дѣло происходило у панскаго ряда при многочисленныхъ свидѣтеляхъ. Любаша затѣжала въ таборъ жаловаться,

и рассказала потомъ графу о своемъ оскорбленіи, разумѣется красками болѣе выгодными для себя, хотя собственно она и не заслуживала порицанія и даже нельзя было назвать ея поступокъ вѣтреностью, принявъ во вниманіе нравы и обычаи ея племени. Любаша сдѣтства была приучена выпрашивать какъ можно больше, кокетничать для этого съ кѣмъ угодно, позволять съ собою самое свободное обращеніе. Опека табора требовала отъ нея только одного — не переходить извѣстной границы отношеній, и на все прочее смотрѣла сквозь пальцы; еслиже пожилыя цыганки старались мѣшать интимнымъ бесѣдамъ молодыхъ людей гдѣ-нибудь въ уголкѣ, то собственно съ корыстной цѣлью — сорвать какой-нибудь подарокъ съ влюбленнаго. Солоницынъ съ перваго же свиданія началъ ухаживать за Любашей, пользовался ласками, разумѣется напрасно добиваясь полной взаимности. Иногда она говорила ему, что любить его, что готова была бы уйти и проч.; но все это дѣлалось изъ расчета, безъ малѣйшаго сердечнаго участія, не потому, что Любаша была безъ сердца, а потому, что въ Москвѣ покинула она молодого человѣка, котораго любила со всей дикой, необузданной страстью своего племени. Если она и пошла жить къ польскому графу, то продала себя на нѣсколько лѣтъ съ единственной цѣлью пріобрѣсти побольше денегъ, потомъ выйти замужъ, и пылкой любовью и безграничной преданностью искупить грѣхи, объ искупленіи которыхъ и не думаютъ многія барыни блестящаго свѣта. Наши московскія цыганки, особенно прежняго времени, на всѣхъ ярманкахъ были настоящими сиренами, завлекавшими человѣчество до отчаянія, иногда до самоубійства. Да и трудно себя представить что-нибудь опаснѣе хорошенькой цыганки. Сохраняя она строгость нравовъ, окруженная недоступностью, охлаждай суровыми приѣмами толпу обожателей, — и изъ десяти влюбленныхъ можетъ-быть оинъ только, сильнѣе затронутый, добивался бы невозможнаго, безумствуя и незадумываясь ни предъ какими средствами. Но цыганка той эпохи поступала иначе. Подмѣтивъ обожателя, разумѣется достаточнаго, она пускала тотчасъ же въ ходъ все кокетство, шептала сладкія рѣчи, показывала вдали надежду, окруженную вѣрными упонтельными случайностями, и главное — позволяла много, продавая ласки какъ можно дороже и постепенно, завлекая такимъ образомъ жертву въ безвыходной лабиринтъ, если жертва эта не имѣла средствъ завладѣть ею съ согласія табора. А купить таборъ требовалась значительная сумма, располагать которою могли далеко не многіе. Сколько мнѣ случалось

видѣть знакомыхъ, которые тратили не одну тысячу для того только, чтобы добиться отъ Саши или Паши пятиминутнаго свиданія безъ свидѣтелей, неприносившаго имъ ничего кромѣ поцѣлуевъ, нѣсколько продолжительнѣе нежели при всѣхъ, да можетъ-быть какой-нибудь ласки, безплодной, но невозможной при прочихъ цыганахъ!.. Любаша, какъ и всѣ другія, пользовалась своими преимуществами и при первой встрѣчѣ съ Солоницынымъ подмѣтила, какое произвела на него впечатлѣніе. Она ласкала его, просила подарковъ, но тоже дѣлала она съ другими офицерами и купцами, не оказывая никому предпочтенія, а любовь къ далекому другу спасала ее отъ всякихъ увлеченій, свойственныхъ молодежи. Приѣздъ богатаго польскаго графа, который серьезно влюбился въ нее, рѣшилъ участь Любаши. Молодой человекъ этотъ, только еще начавшій мотать большое состояніе, привыкшій удовлетворять всѣ свои желанія, прямо присталъ къ цыганкѣ, рассчитывая уладить дѣло съ помощью какой-нибудь тысячи. Но онъ не зналъ цыганскихъ нравовъ, и когда послѣ двухъ вечеровъ, проведенныхъ въ таборѣ, бросилъ довольно денегъ, одна старая цыганка рассказала ему въ чемъ дѣло и взялась уладить отношенія за весьма значительную сумму. Самой Любаши никто не спрашивалъ: таборъ располагалъ личною дѣвушкой словно вещью, и каждая самая энергическая индивидуальность исчезала предъ неумѣнной волей общины. Были моменты, когда Любаша хотѣла отказаться наотрѣзъ отъ самыхъ выгодныхъ предложеній, когда любовь заговорила въ ней до пониманія чести и человѣческаго достоинства... Но опытные старухи представили ей такія доказательства, въ такомъ обольстительномъ свѣтѣ описали свободу выдти изъ-подъ власти табора, приобрести независимое положеніе, роскошную обстановку, что у дѣвочки закружилась голова — и мододенькая цыганка отдалась обольстителю. Надобно еще прибавить, что и графъ взялъ ее не какъ обыкновенную любовницу, которая ему дорого стоила, но не доставляла истиннаго наслажденія. Онъ еще никогда не встрѣчалъ женщины, которая съ оригинальной красотой и безукоризненнымъ сложеніемъ вмѣщала бы столько мягкости, покорности и которая умѣла бы притворяться такъ какъ притворялась Любаша. Съ первыхъ же дней графъ говорилъ ей, что онъ независимъ, что состоянія его хватитъ надолго, и окруживъ Любашу изящною роскошью, началъ намекать, что если они сойдутся, то никто не можетъ помѣшать ей сдѣлаться графиней. Какъ ни была неразвита Любаша, какъ ни крѣпко спади въ ней благородныя инстинкты, но видя столько любви

и преданности, она дала себѣ слово — не измѣнять своимъ обязанностямъ, еслибы даже и тотъ встрѣтился ей по какому-нибудь случаю. Одѣтая роскошно, украшенная разными драгоценностями, въ прекрасныхъ экипажахъ Любаша ежедневно ѣздила въ таборъ и не могла нахвалиться подругамъ своимъ положеніемъ. При встрѣчѣ съ Солоницынымъ въ лавкахъ, какъ и при встрѣчѣ съ другими обожателями, въ ней тотчасъ зашевелились цыганскіе инстинкты, и она попросила подарка не изъ особеннаго желанія, а по привычкѣ. Солоницынъ, разволнованный неудачнымъ ухаживаньемъ за Коробовской и вчерашними сценами, при видѣ Любаши вспомнилъ вечера, проведенныя съ нею въ таборѣ, и увлекся этими воспоминаніями. Корнету мгновенно пришло на мысль положеніе Любаши, которая могла быть строго-нравственной дѣвушкой, но успѣла измѣниться сдѣлавшись любовницей, — и надежда разомъ охватила молодого гусара. Когда Любаша попросила у него подарка и потомъ пошла съ нимъ по лавкамъ, онъ былъ въ полной увѣренности совершенной побѣды и только растерялся, не зная куда бы пригласить ее на свиданіе. Расталкивая толпу, онъ ощущалъ уже дихорадочный трепеть, нападающій иногда на человѣка при исполненіи цѣли, къ которой долгу стремились и которая готова наконецъ осуществиться. Но когда цыганка нешутя начала отказываться, когда онъ увидѣлъ, что сопротивленіе ея не одна маска, имъ вдругъ овладѣла злость, и сильно заговорило самолюбіе при нечаянной встрѣчѣ съ двумя товарищами.

Разгорячившись, Солоницынъ даже не сознавалъ своей вины, и видѣлъ только фактъ, что Любаша бросила ему въ лицо подарокъ, какъ-будто не самъ онъ вызвалъ этотъ поступокъ со стороны дѣвушки, и словно эта дѣвушка когда-нибудь была его любовницей. По крайней мѣрѣ онъ объяснялъ товарищамъ, что цыганка принадлежала ему и что видѣнная ими сцена произошла вслѣдствіе ревности.

Ремонтеры постарше и поблагоразумиѣе, хотя и не отказывались помочь товарищу, однако уговаривали его плюнуть на все и не связываться съ дрянью, изъ-за пустяковъ. Но молодежь рѣшительно требовала проучить цыганку, которая осмѣлилась публично оскорбить офицера, неговоря уже о томъ, что поведеніемъ своимъ заслуживала мщенія. Самые крайніе присудили высѣчь ее, умѣренныя думали заставить ее просить прощенія у Солоницына, а Перелыгинъ, покручивая усы, останавливалъ тѣхъ и другихъ малочислен-

ностью товарищей, силой табора и боязнью какого-нибудь скандала, въ случаѣ еслибъ пришлось неуснѣть и осрамиться.

— Да и кромѣ того, сказалъ онъ, — увѣрены ли вы, господа, что Любаша пріѣдетъ?

— Мы скажемъ цыганамъ, что иначе не даемъ имъ вечера, отозвалась молодежь.

— А отчего же вы полагаете, что если она пріѣдетъ, то цыгане не примутъ мѣръ предосторожности? Вѣдь происшествіе вѣроятно давно уже извѣстно табору.

— Мы ихъ переколотимъ.

— И, нѣтъ, господа! Дѣлю другое, будь мы въ полномъ составѣ.

— Такъ неужели же ты хочешь, чтобы всякая встрѣчная публично бросала вещь въ лицо офицеру, и это проходило ей даромъ? Какое же уваженіе можно имѣть послѣ этого къ нему?

— Согласенъ, но выдумайте другую штуку, и я не скажу ни слова. Ни высѣчь ее, ни заставить просить прощенія — нельзя по моему.

— По крайней мѣрѣ можно публично плюнуть въ харю, сказалъ Хвостиковъ: — и если Солоницынъ будетъ такой бабой, что не рѣшится, я дамъ честное слово заплевать ей глаза.

— Bravo! bravo!

Съ этимъ рѣшеніемъ ремонтеры разошлись и отправили депутацію въ таборъ, съ предложеніемъ дать вечеръ цыганамъ, на которомъ общали сыпать деньги, но съ однимъ условіемъ, чтобъ пѣла Любаша, потомучто всѣ хотѣли съ ней попрощаться. Старшина поблагодарилъ и общалъ привезти любимую пѣвицу.

Но Перельгинъ былъ правъ. Цыгане знали о происшествіи въ лавкахъ и смекнули, что недаромъ ремонтеры требовали присутствія Любаши, которой таборъ никогда не далъ бы въ обиду, тѣмъ боже теперь, когда она обогатила его и могла еще принести огромную пользу. Самъ Ильюшка поспѣшилъ къ Любашѣ, и послѣ краткаго совѣщанія рѣшено было, чтобъ она съ своимъ графомъ выѣжала какъ можно скорѣе изъ Ромновъ и даже на противоположный трактъ, для скрытія слѣдовъ, въ случаѣ еслибы ремонтеры вздумали догонять ее по дорогѣ. Черезъ два часа Любаши не было въ городѣ.

Вечеръ однакоже состоялся. Перельгину удалось утишить бурю, и хоръ пѣлъ такъ хорошо, шампанскаго было выпито столько, что подконецъ самъ Солоницынъ ухаживалъ уже за Грушей и умолялъ ее о взаимности.

На другой день развѣхались ремонтеры, кто въ депо, кто по заводамъ, а кто самъ незная куда, безъ цѣли, но большая часть назначала рандеву на усненской въ Харьковѣ, куда собирались для кутежей и веселаго препровожденія времени.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. На одной изъ почтовыхъ станцій Земли войска донскаго съѣхались Бубняшевъ и Молодановъ. Оба они возвращались изъ Черноморья, гдѣ какъ-то не встрѣтились, рыская по заводамъ. Было время обѣда, и хоть по обычаю отвѣчали, что достать ничего невозможно, однако ремонтерскій аппетитъ требовалъ хоть какого-нибудь подкрѣпленія. Кухарка наконецъ взялась приготовить жидкую уху и яичницу. Въ ожиданіи обѣда товарищи прошли по водкѣ и мадерѣ, и сидя на неудобномъ диванѣ съ трубками, бесѣдовали послѣ долговременной разлуки.

— Ахъ да! молвилъ Бубняшевъ: — я и позабылъ тебѣ сказать, что пировалъ на свадьбѣ у Коробовской. Она таки угодила за пѣхотнаго генерала.

— Значитъ теперь ваше превосходительство.

— А гдѣже пропадаетъ Солоницынъ? ему теперь значитъ открылась вакансія?

— Такъ ты ничего не слыхалъ?

— Помнишь, въ Бердычевѣ на ярманкѣ онъ встрѣтилъ графа и свою цыганку?

— Ну, помню. Онъ все собирался ее выстѣчь... Я впрочемъ уѣхалъ раньше.

— Это была презабавная исторія. Мы таки подкараулили Любашу, какъ она ѣхала изъ театра, остановили коляску, накинули красавицѣ шаль на голову и принесли полумертвую на квартиру Солоницына. Свили мы хорошенькіе джуты и собирались потѣшиться... Но въ это время ворвался графъ съ пріятелями, человекъ двѣнадцать. Произошла свалка, однако Любашу у насъ отняли. На другой день Солоницынъ рубился съ графомъ. Дуэль происходила по всѣмъ правиламъ, я былъ у товарища секундантомъ.

— Да вѣдь они рубились уже не въ первый разъ, замѣтилъ Бубняшевъ.

— Во второй. Вотъ, знаешь, Солоницынъ дерется на сабляхъ слабовато, притомъ же разгорячился и лѣзетъ, очертя голову, на

противника. Тотъ парируетъ хладнокровно и требуетъ одного: чтобъ Солоницынъ просилъ у цыганки прощенія. Это еще болѣе разсердило корнета, и онъ просто бросился на графа раскрывать ему чепецъ. Полякъ отвелъ ударъ и чортъ знаетъ, нарочно или случайно, отрубилъ Солоницыну-бѣдняжку носъ до самаго корня.

— Какъ? въ самомъ дѣлѣ?

— Такъ что кровь брызнула, и носъ отлетѣлъ шага на два.

— Фу, какая мерзость! Ну?

— Не выдержалъ малый, заревѣлъ и отъ боли, а главное оттого, что изуродованъ, однако не могъ продолжать дуэли. Я сталъ на его мѣсто, рѣшась убить графа какъ собаку. Бились-бились и не могли ничего сдѣлать; я ранилъ его по плечу, онъ царапнулъ меня въ руку. Порѣшили сойтись на другой день. Но графъ тотчасъ же уѣхалъ въ Варшаву. Конечно, жаль товарища; однако если разсудить, онъ былъ неправъ — и потому дѣло оставили.

— А Солоницынъ?

— Остался безъ носа, уѣхалъ лечиться и вѣроятно 1 сентября подастъ въ отставку.

— Скверная исторія, чортъ побери! Оно и безъ носа прожить можно, кто не нюхаетъ табаку, сказалъ Бубняшевъ засмѣявшись, — да какъ молодому человѣку являться въ обществѣ?..

— Говорятъ, въ Парижѣ придѣлываютъ носы.

— Должно-быть враки...

— Нѣтъ не враки, докторъ нашъ рассказывалъ: придѣлаютъ, говорятъ, какой хочешь — римскій или греческій. Солоницынъ имѣетъ состояніе и вѣроятно побѣдетъ за границу.

— Жаль, а впрочемъ изъ него никогда не было бы ремонтера. Нѣтъ ли еще чего новаго?

— Въ Харьковѣ обыграли навѣрную Сухарскаго.

— И подѣломъ: онъ всегда любилъ связываться съ шулерами.

А на сколько нагрѣли?

— Тысячъ на сорокъ.

— Значить и казенныя?

— Все до нитки. Ахъ да! Хвостиковъ удралъ отличную штуку.

— Этотъ безъ штукъ не бываетъ.

— Можешь себѣ представить: у него была любвишка. Помнишь, какъ онъ первый вездѣ кутилъ, заводилъ скандалы, съ барышнями обращался какъ съ горничными, и все время былъ влюбленъ какъ кошка и хотѣлъ жениться.

— Быть не можетъ !

— Какъ не можетъ. Родители невѣсты только не соглашались. Тамъ была какая-то исторія. Дѣвушку предостерегали. Хвостиковъ стрѣлялся, а одного помѣщика недавно высѣкъ съ командой, и какъ было безъ свидѣтелей и сквозь мокрую простыню, то и жалобы не было. Хвостиковъ долго не могъ уломать дѣвушку, чтобъ съ нимъ бѣжала, наконецъ она согласилась, и вышелъ цѣлый романъ. Какъ-то долго не находили они священника и Хвостиковъ возилъ съ собою невѣсту переодѣтую мальчикомъ.

— И ты видѣлъ ее ?

— Какже. Славная, братъ, дѣвочка ; смазливая и добрая. Жаль только Хвостикова : обабится, и пропала гусарская удаль.

— Не онъ первый, не онъ и послѣдній ; это бабье многихъ съ ума сводить.

— Только не насъ съ тобою, Павелъ Павлычъ.

— За тебя не знаю, а за себя ручаюсь, Молодановъ. Въ одномъ бы случаѣ проигралъ пари : еслибы встрѣтилъ полмиліона приданого ; но такіе куши не валяются на улицѣ... Ха-ха-ха ! А Бубняшевъ вѣдь сморкается не лѣвою ногою... Однако чтоже намъ не подають обѣдать ?

Въ это время вошла кухарка, въ одной рукѣ неся миску, а другую тащила грязную салфетку, и ремонтеры успѣлись за трапезу. Черезъ четверть часа они уже неслись по тракту на Воронежъ.

А. ЧУЖВИНСКІЙ

МОЛОДИЦА

Во свѣтлицѣ во дубовой ,
На постели на пуховой
Засыпасть молодица.
Рдѣютъ щеки словно розы ,
И надъ нею вьются грезы ,
Сновъ летаетъ вереница.

Все въ свѣтлицѣ этой строго :
Говорятъ всегда про Бога ,
На стѣнахъ святые лики...
Всѣ здѣсь молятся , крестятся ,
А кто вздумалъ размѣяться , —
Тотъ ужъ грѣхъ свершилъ великій.

Жонку мужъ не выпускаетъ ,
Четь-минсю ей читаетъ ,
А нето псалмы святые...
« Чтѣ на сторону зѣваешь
И глаголамъ не внимашь ?
Вѣдь глаголы неземныя !

« Не худому поучаю :
Царство божье объясняю ,
Молода бо и не вѣси ,
Что плотскія наслажденья
Не дадутъ тебѣ спасенья , —
Это все смущаютъ бѣси... »

Жонка будто бы внимаетъ ,
Но мужъ въ книгу — и мечтаетъ

Тотчасъ жонка молодая...
Только взглянулъ мужъ сурово —
Грезы прочь, предъ нею снова
Борода его сѣдая...

Но едва начнется чтенье —
Жонкѣ видится селенье,
Въ божій праздникъ хороводы,
Поступь парня удалого
И веселой пѣсни слово, —
Все, что было въ прежив годы.

Парень въ гости къ ней приходитъ,
Отъ сожителя уводитъ...
Все онъ снится ей!.. А знала,
Что она лишь только бредитъ,
Что тотъ парень не пріѣдетъ,
Что его и не бывало!..

Но сожитель умолкаетъ
И креститься начинаетъ.
Погодилъ потомъ неможко —
И подъ пальцами большими,
Искривленными, сухими,
Глухо щелкнула застежка...

Свѣчка гаснетъ. Мглою одѣты,
Архипастырей портреты
Смотрятъ набожно и свято.
Мужъ съ женою молодою
Отправляются къ покою,
Словно кровные два брата...

Молодой женѣ не спится:
Голова ея кружится,
И глаза у ней сверкають...
А перины пуховыя
Грѣютъ члены молодые,
Въ нихъ желанье разжигаютъ...

Дремлетъ жонка молодая.
Снится ей волна рѣчная,

И по той волнѣ по зыбной
 Вотъ плаваетъ она, играя,
 Плесомъ воду разбиная,
 Золотою вольной рыбною...

Эхъ, проснуться бымебъ жанко!..
 Снится ей: она русалка,
 Молодца защемотала
 И потомъ его съ тоскою
 Прямо въ око голубое
 Долго, долго цѣловала...

Сонъ шной ее лелѣть:
 Снится садъ ей. Солнце грѣть
 Землю жаркими лучами.
 Съ вѣтки яблоки срываетъ
 Молодица — и встрѣчаетъ
 Парня съ русыми кудрами...

Ну, а рядомъ мужъ вздыкестъ,
 Полсицею страдаетъ,
 И болѣзненные стоны
 По свѣтлицѣ разлаютъ...
 А лучи лампы льются
 На богатые иконы...

ВЛАДИМИРЪ ТРЕХАНОВИЧЪ

Не здѣсь, гдѣ вѣчный трескъ и шумъ
Пугаютъ сердце, давятъ умъ,
Не въ нихъ, не въ этихъ своевольныхъ,
Самоувѣренныхъ, девольныхъ,
Безгрѣшныхъ — братьевъ вижу я.
Они меня пугаютъ вѣчно...
Живетъ привольно и безопасно.
Счастливецъ гордая семья!
А въ тѣхъ отверженныхъ, опальныхъ,
Пренебрегаемыхъ, печальныхъ —
Они, смиренные, несутъ
Тяжелый крестъ, тяжелый трудъ;
Ихъ, недоувѣренныхъ, — я знаю —
Печаль темна и глубока
И радость бѣдная робка;
Я только съ ними отдыхаю,
Въ нихъ сердцемъ братьевъ признаю,
И руку жаркую мою
Я къ нимъ съ любовью простираю!

Да, братья! къ вамъ иду въ слезахъ,
Да я и слабъ, и малъ, и грѣшенъ,
И передъ Богомъ о грѣхахъ
Мой плачь сердечный неутѣшенъ;
Болятъ, взывала грудь моя...
Не осудите, не гоните!
И все что вамъ ни сдѣлалъ я, —
Простите, братья, мнѣ, простите!

О. ВЕРГЪ

Когда я въ глубокой могилѣ
Сномъ крѣпкимъ засну навсегда, —
Придешь ли, моя дорогая,
Ес навѣстить ты тогда?

Быть-можетъ я снова заслышу
Шаговъ твоихъ милай мнѣ звукъ,
И сердце мое затрещеть,
И слова припомню я вдругъ. —

Тѣнистый нашъ садъ, двѣ березы,
Румянецъ даладой вари,
Объятья, лобзанья и слезы,
И первая клятвы твоя,

Что бѣдное сердце живило,
Что счастьемъ дарило меня...
Приди же ко мнѣ на могилу,
Приди, дорогая моя!

И. СУРЯВКОВЪСКИЙ

Исторія английскихъ университетовъ. В. Игнатовича. Спб. 1861 г.

Не безъ нѣкотораго страха взялись мы за книжку г. Игнатовича объ английскихъ университетахъ. Ужь если говорить откровенно (а не быть такими предъ нашими читателями мы вовсе не имѣемъ особенныхъ причинъ), такъ этотъ страхъ возбужденъ былъ въ насъ «Русскимъ Вѣстникомъ». Извѣстна англоманія этого почтеннаго журнала. Извѣстенъ намъ тотъ идеалъ порядковъ, о какихъ мечтаетъ «Русскій Вѣстникъ», идеалъ, который при ближайшемъ его разсмотрѣннн оказывается просто английскій. Намъ помнится, съ какимъ благороднымъ жаромъ почтенный вышеупомянутый журналъ защищалъ нѣкоторые английскіе порядки противъ германскихъ публицистовъ. Согласитесь, что голосъ такого журнала, каковъ «Русскій Вѣстникъ», не долженъ же оставаться среди нашей публики гласомъ вопіющаго въ пустынь. Ктому жъ мы положительно знаемъ, что английскіе взгляды раздѣляются не одной только редакціей «Русскаго Вѣстника.» Есть много англомановъ и въ публикѣ. У насъ на примѣръ есть знакомый, который при разговорѣ объ английскихъ порядкахъ всегда неизмѣнно становался только въ одно, сознательное или безсознательное къ нимъ отношеніе: онъ бѣдный вздыхалъ, почему Русь не Англія. Какъ же послѣ всего этого приступить безъ нѣкотораго страха къ анализу такихъ вещей, каковы английскіе университеты? Ну что — серьезно подумали мы — если разберешь порядки английскихъ университетовъ, да придешь къ взгляду вовсе не раздѣляемому «Русскимъ Вѣстникомъ», а съ нимъ имѣсть и нашими англоманами? Представьте себѣ человека, который въ первый разъ поцалъ въ оперу: предъ нимъ видѣются въ почтительномъ отдаленіи картины, одна другой изящнѣе, живописнѣе; воды, деревья, замки, гроты — все это такъ хорошо, такъ обаятельно. Ну а что, еслибъ вы подвели его поближе къ этимъ изящнымъ декорациямъ и осязательно убѣдили бы его, что эти прозрачныя ручки,

эти тѣнистыя рощи, гроты — грубыя масляныя краски, безобразныя вблизи; что эти тѣнистыя рощи и ручейки скоро рукой безобразнаго сторожа отнесутся въ кладовую, дожидаться новыхъ очарованныхъ зрителей? Мы потому привели этотъ примѣръ, что сами теперь находимся въ положеніи такого зрителя. Англія далеко отъ насъ, но относительно не дальше, чѣмъ въ оперѣ — отъ зрителя декораціи. При искусственномъ освѣщеніи, которое устроивается машинами отечественными и иностранными блестя, англіиское воспитаніе кажется чѣмъ-то ужь очень хорошимъ, образцомъ человѣческаго воспитанія; ну что, если теперь ближе подойти къ этимъ прословутымъ декораціямъ да пощупать самимъ, что это за вещь англійское воспитаніе, пораздумать, годится ли эти декораціи переносить въ нашу угрюмую, скромную, вовсе не отбѣланную еще, неприготовленную квартиру, а главное не дряхлы ли, не устарѣлы ли эти декораціи настолько, что пожалуй донесешь до дому одиѣ трапки и ветхость?

А между тѣмъ какъ ни тягостно, а видно придется угостить себя такимъ неудобнымъ положеніемъ. Пора наконецъ убѣдиться, что не все то золото, что блеститъ. Говорятъ, что Французъ народъ самый модный въ мірѣ. Мало ли что говорятъ; а мы думаемъ, что вы, русскіе, не часто модѣ порецаголемъ самихъ французовъ. У насъ моды не на одни узоры, ариволины: мы дошли до моды въ дѣлѣ мыслей. Модныя мысли господствуютъ у насъ словно какъ какое-то повѣтріе (мы говоримъ здѣсь о большинствѣ). Найдеть у насъ чашку, полюбятся французскіе порлаки, литературныя и общественыя, — давай все мыслить пофранцузски; и то хорошо во Франціи, а другое, а у насъ ни того ни другого нѣтъ: вѣтъ корешекъ завести эти славныя вещи на Русь! И такъ мы восхищаемся нѣсколько лѣтъ. Но такъ какъ все въ мірѣ тѣнно и скоропреходяще, какъ французскія балыныя моды, то и потокъ нашихъ мыслей, текущій въ одномъ направленіи, скоро весь истощается. Истощившись въ этомъ пунктѣ, наведши на себя и почтенныхъ собратовъ, шибкихъ несчастіе держать съ жани рѣчи, порядочную скуку, мы съ дружбы поворачиваемъ на вражду; потокъ нашихъ мыслей получаетъ новое направленіе: вылиются новыя моды, которая становится въ прошлой модѣ въ отрицательное положеніе и воздають для себя новый идолъ. Франція дурна, а рядомъ съ ней видѣ Англія, она должна быть хороша; и модѣ доходятъ очередь чести и до Англіи. Одни журналы хотѣлъ даже выдумать Америку. И вотъ начинаются вздохи по англійскимъ учрежденіямъ, даже такимъ, которые самими же англичанами признаются несовершенными. Но чашка до этого дѣла нѣтъ; и мы, гдѣ не нужно,

оказываемся до того свиходательными и вѣжливыми, что готовы быть гостепріимными и для старей, лишь бы иностранной рухляди. Гостепріимство — вещь чудесная, слова вѣтъ; оно издавна отличало славянскую натуру; но всему наконецъ вѣтъ мѣра. У насъ авторитетъ молдъ: пойдеть вѣвтріе въ одну сторону — и вѣтъ мы заворачиваемъ въ эту сторону. Это вовсе не то, что мы обыкновенно разумѣемъ подъ направлевіемъ вѣтъ; это мелкое направлевіе, слѣдствіе не лука, не понатій времени, а слѣдствіе нашего невѣжества, неправильннхъ мало-малыски недурно мыслить. Еслибы мы взялись за перо съ цѣлюю наговорить чадамъ Руси комплиментовъ, мы бы конечно въ легкости распространенія у насъ молдъ нашли бы восхитительныя стороны; кромѣ факта гостепріимства, тутъ можно было бы видѣть фактъ добродушія, довѣрливости, съ какою мы вѣрнмъ всему, что на скажутъ намъ люди пишущіе и печатающіе, особенно если они предпосылаютъ вѣтъмъ своимъ поученія ту общую мысль: дескать такой-то народъ развитѣе насъ, у него такія и такіа-то отличнѣйшія учрежденія и т. д., а мы народъ неразвитый и т. д., слѣдовательно намъ нужно учиться у него... Въ концѣ концовъ выходятъ у нихъ: такъ какъ мы люди неразвитые, такъ и него конфузится и ролью обезьянъ.

Вѣтъ эти и подобныя джентльмены забываютъ кажется одну небольшую штучку, которую они должны узнать, заглянувъ въ исторію... такую угодно, только не Кайданова. Исторія скажетъ прежде всего, что каждый народъ развивается подъ вліяніемъ особнхъ своихъ прирочденныхъ условій, имѣетъ неодинаковую историческую судьбу, имѣетъ свои исключительныя особенности (каждый народъ отличается отъ другого своей нравственной фзіономіей), подъ вліяніемъ особнхъ условій развиваетъ у себя свои особенныя порядки и учрежденія. Это такая общезвѣстная истина, для узнанія которой не нужно очень большаго знакомства съ исторіей; она такъ и бросается въ глаза: стоитъ только раскрыть глаза на божій свѣтъ да зачистись способомъ умозаключеній, который въ логикѣ Карпова называется аналогіей.

Англія развилась самобытно, развила свои учрежденія, верокопія наши. Англичанинъ повидимому такой же человекъ, какъ и славянннъ; да вовсе не такой, если повнимательнѣй его рассмотреть: и направлевіе-то мыслей у него совѣтъмъ особое, и судить-то онъ о многихъ вещахъ какъ-то по-своему, да и холъ жизни у него особый, свой чѣтъмъ у славянннн. Раса англосаксонская въ началѣ своего существованія можетъ-быть была сходна со славянскою; но вѣтъствіе географическихъ особенностей мѣтъствота, которую заселяла, историческихъ обстоятельствъ, жизнь развилась

тамъ иначе, чѣмъ у насъ. Ходъ исторической жизни Англіи былъ ровнѣй, чѣмъ всѣхъ другихъ народовъ. Англійскій народъ имѣлъ уже нѣкотораго рода конституцію, свое законодательство, свой народный судъ. Его домашнія учрежденія мало подвергались различнымъ иностраннымъ вліяніямъ, ихъ развитіе шло безостановочно; народъ измѣнялъ ихъ и развивалъ когда того требовало время. Если что онъ и заимствовалъ отъ другихъ народовъ въ своемъ общественномъ быту, такъ съ теченіемъ времени онъ претворялъ иностранныя учрежденія въ свои, клалъ на все національную печать и изъ иностраннаго дѣлалъ своимъ собственнымъ, домашнимъ, національнымъ. Развитія вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ учрежденія, по силѣ обратнаго вліянія, опять взаимодействовали на развитіе общественной національной жизни. Отсюда возникли новыя условія развитія и т. д. въ безконечность. Особенное, завидное отличіе англійской жизни отъ всякой другой заключается въ томъ, что почти весь теперешній общественный и домашній бытъ Англіи возникъ естественно, самобытно. Если хотите, такъ Англію со всѣмъ, что есть въ ней, можно сравнить съ флорой новооткрытой страны, куда посторонній человѣкъ еще не вторгся съ своими затѣями, искусственными улучшеніями, и гдѣ все составляетъ естественный плодъ произволительныхъ силъ самой страны. На этомъ вліяніи географическихъ особенностей страны на образованіе быта народа — ея жильца, намъ слѣдовало бы остановиться нѣсколько подробнѣе и особенно на вліяніи ихъ на развитіе быта Англіи. Но раскрытіе этого предмета мы отлагаемъ до будущаго времени, когда будемъ разбирать историческіе труды Бѣкла, историка англійской цивилизаціи.

Но флора извѣстной страны — на ея почвѣ только и живуча; развѣ ужъ особенныя благоприятныя обстоятельства помогутъ ей акклиматизоваться въ другой странѣ, и то если въ ней будутъ найдены такія же совершенно-равныя условія, какъ и въ той странѣ. Наши англومانъ, какъ кажется, именно это и забываютъ. Что хорошо въ Англіи — не будетъ такимъ у насъ на Руси. Ужъ сколько разъ кажется твердили міру, что учрежденія одного народа какъ-то слишкомъ туго прививаются къ другому, потому именно, что у всякаго народа своя почва развитія, и что растеть на одной, то завянетъ послѣ пересадки на другую. Но вѣдь тутъ пожалуй насъ обвинять въ отрицаніи общечеловѣчнаго значенія развитія извѣстныхъ народовъ, въ отрицаніи передачи однимъ народомъ результатовъ своего развитія другому; затѣмъ въ отрицаніи дружественнаго шествія всего человѣчества, какъ суммы всѣхъ народовъ, по пути прогресса, въ отрицаніи взаимнаго вліянія народовъ

другъ на друга, въ отрицаніи пожалуй самаго прогреса. Пожалуй еще заключать изъ нашихъ словъ, что мы хлопочемъ о развитіи національной исключительности, однимъ словомъ въ стремленіи укрѣпить въ публикѣ тѣ взгляды, которые господствовали на Руси въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Да успокоятся ревностные защитники прогреса. Мы не противъ усвоенія славянской средой общечеловѣческихъ началъ, которыя развились на европейскомъ западѣ. Побольше намъ давайте ихъ. Да только дайте же намъ время претворить ихъ въ свою плоть и кровь; пусть это претвореніе совершится естественно, а не насильно; мы сами возьмемъ ихъ и водворимъ у себя, коли они нужны для нашего развитія. Общечеловѣческое тогда только принесетъ намъ пользу, когда оно станетъ національнымъ, и оно прежде всего должно стать національнымъ, чтобы усвоилъ его извѣстный народъ; иначе оно будетъ только хорошей вещью, которую и видятъ глаза, да зубъ неиметь. Не отъ такого ли невѣжественнаго прививанья хорошихъ западно-европейскихъ вещей къ намъ и потеряно авторитетъ многое хорошее, что принесло бы намъ пользу при другихъ болѣе благоприятныхъ условіяхъ? Главное, неслѣдуетъ горячиться. Вы говорите, что у васъ есть хорошая вещь, славная вещь, которую вы подсмотрѣли гдѣ-то. Прежде нежели навязывать мнѣ эту вещь; давайте посмотримъ ее, разберемъ, что она за штука; но прежде всего спросимъ — вѣрно ли вы знаете, что она славной штукой оказывается тамъ, дома, у себя? Не обманулись ли вы? Нѣтъ ли ужъ гдѣ-нибудь еще лучшей вещи, чѣмъ та, за которую вы такъ стоите? То только и крѣпко, что долго дѣлается; а что рубится, какъ говорятъ, съ плеча — то непрочно, хрупко, хотя дѣлается и съ благонамѣренными цѣлями.

Университеты въ Англіи, какъ и многое другое, развились само-бытно. Во многомъ они непохожи на континентальныя университеты; у нихъ свое устройство, свои методы воспитанія и образованія. При всемъ томъ первый по времени англійскій университетъ устроился по образцу парижскаго. Идея университета впервые зародилась на континентѣ, а въ Англіи она принята какъ нѣчто данное, готовое, уже развитое. Очень интересно прослѣдить, какъ и когда въ Англіи возникли университеты, и какъ они постепенно выработали порядокъ, во всемъ отличный отъ вышшихъ порядковъ древней своей alma mater и вообще континентальныхъ университетовъ. Г. Игнатовичъ очень хорошо изложилъ исторію возникновенія и образованія англійскихъ университетскихъ порядковъ, хотя я имѣлъ въ виду только ихъ исторію. Напрасно не занялся оныя болѣе подробнымъ изложеніемъ современнаго быта англійскихъ университетовъ. Намъ нуженъ этотъ краткій очеркъ ихъ

исторіи для того, чтобъ читатель легко понялъ въ современный бытъ, которымъ мы ниже займемся съ особливою подробностью.

Прежде всего считаемъ необходимымъ сказать, что въ Англіи не всѣ университеты имѣютъ одно и то же устройство. Ихъ можно подраздѣлить на два рода: одни собственно университеты, въ томъ общественномъ значеніи, какое мы обыкновенно соединяемъ съ понятіемъ объ университетѣ вообще; таковы университеты оксфордскій и кембриджскій въ особенности. Другіе университеты совсѣмъ не то, что оксфордскій и кембриджскій. Составъ ихъ слагается не изъ студентовъ, получающихъ въ заведеніи образованіе, а изъ однихъ професоровъ, которые только экзаменуютъ всѣхъ желающихъ получить ученые степени. Они образовались недавно и какъ бы въ оппозицію старымъ англійскимъ университетамъ, которые, проникнутые духомъ релігіозной нетерпимости, не допускали въ свою среду людей, непринявшихъ въ епископальной церкви. А между тѣмъ ученые дипломы и въ Англіи, какъ и у насъ, никогда не составляли излишней для молодого человѣка принадлежности, и въ желающихъ экзаменоваться на ученые степени никогда не было недостатка. Но въ Оксфордѣ ипримѣръ желавшій получить степень бакалавра (bachelor of arts) долженъ былъ предварительно принести присягу или публично заявить, что онъ раздѣляетъ мнѣнія господствующей церкви. Конечно подобная присяга была очень большимъ неудобствомъ не для однихъ только диссидентовъ, для которыхъ такимъ образомъ безнадлежно запирались университетскіе ворота. Нужда требуетъ удовлетворенія и изобрѣтаетъ для того средства. Составились коллегіи или корпораціи професоровъ, спеціальнымъ занятіемъ которыхъ было именно удостоиваніе молодыхъ людей степени, послѣ предварительнаго экзамена. Таковы на примѣръ университеты лондонскій и новодублинскій. При лондонскомъ университетѣ есть школа, которая называется университетской школой, но собственно сама не составляетъ университета, а спеціально назначается для подготовки студентовъ къ экзаменамъ. Университетомъ же въ строгомъ смыслѣ называется корпорація професоровъ-экзаминователей. Потому, говоря объ англійскихъ университетахъ, мы будемъ разумѣть подъ ними старыя университеты, нѣкоторые шотландскіе и вообще тѣ, которые устроены по образцу старыхъ англійскихъ университетовъ. При этомъ мы еще должны сдѣлать необходимое замѣчаніе: большая часть англійскихъ университетовъ образовалась по образцу оксфордскаго. Оксфордъ славится у англичанъ за святыню науки. Его порядки были положены въ основы устройства и кембриджскаго университета, образовавшагося нѣсколько позже оксфордскаго, не протѣе впрочемъ

1229 года. На Оксфордъ мы можемъ смотрѣть какъ на типъ англійской университетской жизни; всѣ другіе университеты только копія, иногда несовсѣмъ удачная, съ главнаго прототипа. Поэтому мы и будемъ, говоря объ англійскихъ университетахъ, жить въ виду Оксфордъ по преимуществу.

А самый Оксфордъ тоже не всецѣло-самородное произведение англійской жизни. На его образование и развитіе имѣлъ огромное вліяніе парижскій университетъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ тоже *alma mater* всѣхъ университетовъ въ мірѣ. Основа собственно университетскаго быта положена въ парижскомъ и современно образовавшихся съ нимъ болонскомъ и салернскомъ университетахъ. При началѣ XII столѣтія мы находимъ парижскій университетъ уже съ ясно образовавшимися формами, съ нѣскольکو выработаннымъ уже бытомъ. Откуда возникли университеты, вообще какъ они мало-по-малу образовались въ благоустроенныя общины и въ частности какъ образовался парижскій университетъ, — объ этомъ мы помолчимъ, потому что въ противномъ случаѣ стали бы распространяться безъ цѣли и тѣмъ безъ нужды увеличивать свою статью. Съ насъ довольно будетъ обрисовать тѣ общія черты парижскаго университета, которыя, бывъ перенесены на англійскую почву, легли потомъ въ основу англійской университетской жизни. Такъ къ началу XII столѣтія парижскій университетъ уже выработалъ нѣкоторый бытъ, сообразный съ жизнью ученой общины. Всѣ лица, принадлежащія къ университету, раздѣлялись тогда на два вида: учащихъ и учащихся. Къ первому сословію, въ собственномъ смыслѣ ученому, принадлежали профессора, читавшіе съ кафедры свои лекціи, производившіе экзамены и удостоившіе претендентовъ степеней магистровъ, докторовъ и проч. Въ это время сословіе профессоровъ уже составило въ нѣкоторомъ смыслѣ ученую аристократію. Это сословіе имѣло право законодательства относительно школьной дисциплины и пріобрѣло уже, соединеніемъ въ своихъ рукахъ этого права съ правомъ производить экзамены для удостоенія степеней, перевѣсь надъ схоластами. Каждый профессоръ былъ независимъ отъ другого, имѣлъ свою школу, въ которой занимался съ схоластами. Другая часть учащихся называлась схоластами. Наука — costly monopoly; она не алкоетъ ни мѣстности, ни націй; яриютъ во вездѣ; гдѣ есть свобода, усердіе къ занятіямъ и дарованіе. Поэтому въ средніе вѣка университеты, святилища науки, были космополитами въ самомъ обширномъ смыслѣ. Парижскій университетъ по мѣсту былъ французскимъ, а учился въ немъ и англичанинъ и нѣмецъ, итальянецъ и испанецъ. Такъ какъ въ университеты, славившіяся отащившими преподавателями, стекались всѣ молодые люди, искав-

шіе образованія, со всѣхъ концовъ Европы, то въ нихъ очень много набиралось школяріевъ изъ каждой націи и они естественно стали дѣлиться по національностямъ. Каждая нація пользовалась самоуправленіемъ, выбирала изъ сословія професоровъ своего прокуратора. Такъ въ парижскомъ университетѣ были націи: 1) французская, 2) англійская, послѣ назвавшаяся нѣмецкой, 3) пикардійская и наконецъ 4) нормандская, съ четырьмя же прокураторами. Во главѣ же всей университетской общины стояли совѣтъ прокураторовъ и ректоръ, избравшійся всѣми націями вмѣстѣ. Старые университеты, въ томъ числѣ и парижскій, всѣ образовались изъ монастырскихъ школъ, вышли нѣкоторымъ образомъ изъ нѣдръ церкви; такимъ образомъ церковь не могла уже отказаться отъ своего вліянія на вышедшую изъ нея ученую колонію; да и для самихъ университетовъ невыгодно было становиться внѣ покровительства церкви, потому что въ средніе вѣка только могуществомъ церкви могло защищать такихъ мирныхъ людей, каковы ученые, отъ насилія и произвола бароновъ, городовъ и королей. А потому надъ университетомъ наблюдалъ еще канцлеръ или намѣстникъ мѣстнаго епископа. Онъ имѣлъ право давать лиценціи или позволенія учить, или *de jure* утверждалъ степени магистровъ, докторовъ, — степени, которыя въ старыя времена указывали только на компетентность извѣстнаго лица учить; онъ же былъ представителемъ университета и защитникомъ его правъ въ случаѣ какихъ-либо посягательствъ со стороны.

При ученіи, профессора главнымъ образомъ старались возбудить въ школярахъ самодѣтельность, и вотъ отсюда-то ведутъ начало эти споры (*disputationes*) и опредѣленія (*definitiones*). Между парижскими школярами какъ-то непривилась жизнь коллегіальная. Правда, были и у нихъ такъ называемыя подворья (*hospitia aulae*), гдѣ они жили по нѣскольку человекъ; но такого развитія корпоративной жизни, какое представляютъ англійскіе университеты, парижскій никогда не достигалъ.

Основы парижскаго университета въ главныхъ чертахъ перенесены были в на англійскую почву, хотя и тутъ мы должны замѣтить, что онѣ почти тотчасъ же подверглись уже нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ. Здѣсь намъ не мѣсто заниматься тѣмъ спорнымъ вопросомъ, кто въ собственномъ смыслѣ долженъ считаться основателемъ оксфордскаго университета: Алфредъ ли Великій, или кто другой. Какъ бы то ни было, только еще до половины XII столѣтія оксфордская школа имѣла общій видъ средневѣкового университета, во многомъ сходный съ первообразомъ своимъ, парижскимъ университетомъ, но нѣсколько отъ него и отличный. Дѣловіе университет-

сваго сословія на ученыхъ и школяровъ было также и въ Оксфордѣ, какъ и въ Парижѣ. Такъ же во главѣ цѣлой университетской общины стоялъ канцлеръ, бывшій намѣстникомъ линкольнскаго епископа, въ епархіи котораго находился Оксфордъ. Но въ Оксфордѣ канцлеръ университета получилъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ въ Парижѣ. Парижскій университетъ образовался изъ соборной школы, слѣдовательно своимъ происхожденіемъ онъ обязанъ былъ чисто церкви и слѣдовательно не могъ сразу пріобрѣсть себѣ независимости отъ нея. Церковь, считавшая университетъ своимъ ученымъ сыномъ, чрезъ своего епархіальнаго епископа назначала канцлера, который собственно—говоря не принадлежалъ къ университетскому сословію, и былъ только не болѣе какъ посторонній посредникъ между церковью и университетомъ. Оксфордская школа, изъ которой образовался университетъ, была основана не церковью, а свѣтскимъ лицомъ, положимъ хоть Альфредомъ-великимъ; потому у него связь съ церковью была гораздо меньшая, чѣмъ у парижскаго. Уже тогда только, когда Оксфордъ подвергся тяжкимъ испытаніямъ во время вторженія норманновъ, когда онъ самымъ дѣломъ испыталъ на себѣ, что значить не имѣть на всякій случай сильнаго патрона, онъ обратился къ церкви за покровительствомъ и нашолъ себѣ патрона въ лицѣ линкольнскаго епископа. Оставивъ для себя титулъ канцлера линкольнскаго, этотъ епископъ для ближайшаго надзора за университетомъ сталъ опредѣлять особаго оксфордскаго канцлера. Такъ какъ въ университетѣ не было, какъ въ Парижѣ, ректора, который выбирался тамъ обыкновенно всѣми націями, то канцлеръ, назначаемый епископомъ, сдѣлался такъ—сказать частью университета, а потому всегда оказывался ревностнымъ защитникомъ его правъ и привилегій.

Въ Парижѣ, какъ мы видѣли, школяры дѣлились по націямъ. Въ Оксфордѣ собственно не было націй въ томъ смыслѣ, въ какомъ онѣ существовали въ университетѣ парижскомъ. Дѣленія школяровъ были и тамъ: на австральныхъ и бореальныхъ, или южныхъ и сѣверныхъ, смотря потому, съ юга или сѣвера Англии былъ тотъ или другой школяръ. Если въ университетѣ хотѣли учиться иностранцы, то вѣнѣя права по разнымъ національностямъ составляли отдѣльныя корпораціи, они должны были приставать къ той или другой націи, австральной или бореальной: и надобно замѣтить, что такой равній обычай не допускать официально иностраннаго элемента въ университеты, обычай не давать иностранцамъ права составлять изъ себя корпораціи, удержался въ Оксфордѣ и другихъ старыхъ англійскихъ университетахъ до самыхъ позднѣйшихъ временъ. Затѣмъ самая жизнь школяровъ въ Оксфордѣ слишкомъ

много отличалась отъ парижской университетской. Въ Парижѣ они жили въ разбивку, а не коллегіями; жизнь коллегіальная — справедливо замѣчаетъ г. Игнатовичъ — въ Парижѣ скорѣй была исключеніемъ, чѣмъ правиломъ, въ Оксфордѣ наоборотъ. Здѣсь съ самаго почти открытія университета стала строиться такъ называемая дворья, гдѣ жили бѣдные и богатые люди и составляли послѣдними приношеніями общій расхолащій фондъ. Можетъ-быть здѣсь уже можно видѣть зачатки того духа ассоціаціи, безиримѣнное развитіе котораго мы видимъ теперь въ Англіи.

Главное отличіе оксфордскаго и другихъ старыхъ англійскихъ университетовъ отъ парижскаго и вообще континентальныхъ составляло въ средніе еще вѣка безиримѣрное развитіе корпоративныхъ правъ, корпоративнаго устройства. Уже одно то, что Оксфордъ и Кембриджъ были основаны вдали отъ столицы, помогло этимъ университетамъ развивать учрежденія, которыя они находили болѣе съобразными съ требованіемъ времени. Въ средніе вѣка университеты были далеко не то, что вышшіе. Теперь можетъ-быть еще въ Германіи только жизнь университетовъ тѣсно связана съ жизнью окружающей среды. Въ средніе же вѣка вліяніе университетское на жизнь общественную доходило до громаднхъ размѣровъ. Число цколяровъ, учившихся въ известномъ университетѣ, доходило при благопріятныхъ условіяхъ до тридцати тысячъ, — цифра громаднѣйшая, особенно если принять во вниманіе, что всѣ эти 30.000 молодыхъ людей были цвѣтъ всей Европы, развитые, рѣшительные. И между тѣмъ это громадное населеніе находилось въ столицѣ. Могла ли какимъ-нибудь образомъ средневѣковая власть отказаться отъ попытокъ подчинить своему вліанію эту огромную силу? Вотъ почему континентальные университеты не пошли далеко въ развитіи у себя корпоративнаго устройства, въ расширеніи своихъ корпоративныхъ правъ и привилегій и въ пріобрѣтеніи болшей самостоятельности; тогда какъ Оксфордъ и Кембриджъ въ уединеніи, въ дали имѣли полную возможность развиваться самобытно и самостоятельно. Да притомъ же города, гдѣ они помѣщались, были ни болѣе, ни менѣе какъ университетскими городами. Въ Англіи судьба университетовъ и городовъ, гдѣ они находились, были соединены самымъ тѣснѣйшимъ образомъ. Небольшой городъ жилъ университетомъ, цколяры покупали у города весь провіантъ. Но такъ какъ интересы ихъ были противоположны: одному нужно было дешево купить, другому дороже продать и т. п., такъ какъ пылкость молодыхъ людей часто встрѣчала противниковъ себѣ въ гражданахъ, — то городъ и университетъ весьма часто поднимали между собой борьбу, и эта борьба всего болѣе приносила пользы старымъ англійскимъ университетамъ.

Въ борьбѣ постоянно поднимались вопросы объ университетскихъ правахъ и привилегіяхъ, и постоянно представлявшіеся случаи къ этой борьбѣ только увеличивали самостоятельное значеніе университета. Англійскіе университеты за непримѣрное развитіе своихъ правъ должны прежде всего быть благодарны городамъ, враждовавшимъ съ ними нѣсколько столѣтій. Постоянные стычки канцлеровъ съ горожанами и горожанъ съ школярами обыкновенно кончались дарованіемъ отъ короны или отъ церкви какой-либо новой привилегіи. Къ концу XIV столѣтія оксфордскій университетъ не только пользовался уже полнымъ правомъ юрисдикціи во всемъ, что касается внутренней жизни, но даже въ лицѣ своего канцлера пользовался правомъ суда и расправы надъ самымъ городомъ, въ которомъ онъ находился.

Здѣсь мы остановимся нѣсколько, чтобы указать главную характеристическую черту средневѣковыхъ университетовъ вообще въ частности англійскихъ XIV столѣтія. Въ основѣ ихъ тогдашняго устройства лежали чисто-демократическія начала. Этотъ демократизмъ проявлялся въ принципѣ самоуправленія. Главные начальники университетскіе были избираемы обществомъ школяровъ. Наклонность къ аристократизму стала проявляться въ университетскомъ быту уже тогда, когда профессоры присвоили себѣ право производить экзамены и раздавать ученые степени. Но эта ученая аристократія вовсе еще не отнимала фактической силы у школяровъ, въ рукахъ которыхъ все-таки оставалось право избирать прокураторовъ и главнаго ректора. Оттого такъ много и было жизни въ средневѣковыхъ университетахъ, оттого такъ много поэтического въ разсказахъ средневѣковой университетской жизни. Жизнь каждого средневѣкового студента была полна самыхъ романтическихъ приключеній; онъ вѣрно выражалъ въ себѣ духъ средневѣковой эпохи, эпохи юности человечества, полной неудержимой отваги, пыла и страстности. Если шоль учиться этотъ средневѣковой студентъ, такъ онъ хотѣлъ прежде всего, и болѣе всего, исключительно науки и не хотѣлъ знать той, часто пошлой морали, которая кладется иногда въ основу школьной дисциплины. Говорятъ, что въ средніе вѣка эпоха феодализма была эпохой безграничнаго развитія личной свободы: если такъ, то понятно, почему демократизмъ былъ въ основѣ университетскаго тогдашняго быта.

Но демократизмъ, какъ начало средневѣковой университетской жизни, съ теченіемъ времени понемногу исчезалъ и замѣнялся началами аристократическими. Развитіе коллегіальной жизни въ Оксфордѣ и Кембриджѣ понесобходимости вводило въ университетскую жизнь аристократическія начала. А образованіе между послѣдней

половиной XIV столѣтія и эпохой реформаціи попечительства еще рѣшительнѣй опредѣляло аристократическое направленіе англійскихъ университетовъ. Мы выше замѣтили, что университеты считались сыновьями церкви. Чтобы не оставить безъ хлѣба людей, которымъ дано ученіе, образованіе и воспитаніе, церковь издавна устроила раздачу кончившимъ курсъ университетскаго образованія такъ-называемыхъ бенефіцій. Были онѣ и при оксфордскомъ университетѣ. Но такъ какъ и въ средніе вѣка имѣла всю силу пословица, что «гдѣ до барышей коснется, тамъ не только-что гусьмъ, но и людямъ достается», то бенефіціи не всегда назначались сообразно той цѣли, съ какою они заведены были, и вмѣсто магистровъ онѣ зачастую доставались людямъ постороннимъ. Нерасчитывая поэтому на бенефіціи, кончившіе курсъ понеобходимости оставались въ университетѣ, дожидая тутъ праздноі вакансіи, и пробивались кое-какъ, пытаясь вмѣстѣ съ школярами частію подаваніемъ, а частію своими преподавательскими трудами. Эти оставшіеся джентльмены естественно должны были, по своей большей развитости, пріобрѣсти вѣсъ и вліяніе въ университетѣ, особенно сравнительно съ школярами. Такимъ образомъ они составили новый аристократическій элементъ, отличавшійся отъ другихъ магистровъ и докторовъ тѣмъ, что противъ воли сидѣли въ университетѣ, ожидая какой-либо праздноі бенефіціи или вакансіи, тогда какъ старые магистры и доктора оставались въ университетѣ по влеченію своихъ педагогическихъ талантовъ. Такъ какъ коллегіи и схолярии были устроены съ благотворительной цѣлью, то естественно, они не могли, или лучше не хотѣли выгонять на улицу этихъ бѣдныхъ людей, неимѣвшихъ ни хлѣба, ни денегъ. Вотъ и образовалось *de facto* правило пользоваться такимъ кандидатамъ выгодами конвикторскихъ учреждений. Они составили сословіе людей, причисляемыхъ къ университету, и стали называться fellows или товарищами. Изъ сталъ поручаться надзоръ за меньшими конвикторами, и вотъ отсюда ведетъ свое начало такъ крѣпко привившаяся къ англійскому университетскому воспитанію система попечительства.

Англійскіе университеты подверглись важнымъ преобразованіямъ при Генрихѣ VIII, особенно когда былъ въ силѣ его любимецъ кардиналъ Вольсей, и при Елисаветѣ. Неостанавливаясь долго на этихъ преобразованіяхъ, мы скажемъ только о главномъ, что сдѣлано было въ это время. Въ это время въ Оксфордѣ и Кембриджѣ утвердились гуманитарныя науки, или то что мы называемъ классическимъ образованіемъ. XV вѣкъ считается вѣкомъ возрожденія. Къ этому времени схоластика уже сильно ослабѣла въ Европѣ. Средніе вѣка не имѣли полъ рудами подлинныхъ сочиненій

греческихъ авторовъ. Аристотель и Платонъ, сочиненія которыхъ полагались въ основы схоластическихъ школъ, были извѣстны только по переводамъ, и то крайне испорченнымъ, такъ что въ этомъ отношеніи можно сказать, что схоластики подлиннаго-то Аристотеля и Платона вовсе и не знали. Послѣ разгрома Константинополя турками, многіе изъ образованныхъ грековъ бѣжали въ Италію съ драгоценнѣйшими классическими сокровищами. Вотъ тогда-то западный міръ познакомился съ подлиннымъ Аристотелемъ и Платономъ; въ немъ пробудилось стремленіе изучать древній классическій міръ. Это-то гуманитарное направленіе не могло конечно не перейти и въ англійскіе университеты, такъ какъ они все-таки стояли въ связи съ континентальными. Возникла борьба между старыми схоластиками и новыми гуманистами, кончившаяся въ пользу послѣднихъ. Окончательному утвержденію въ Оксфордѣ и Кембриджѣ гуманитарнаго направленія способствовали кардиналъ Вольсей и Георихъ VIII. Затѣмъ королева Елисавета окончательно, уже на вѣчныя времена утвердила пріобрѣтенныя университетами права и привилегіи.

Въ настоящемъ своемъ видѣ англійскіе университеты въ весьма многомъ отличаются отъ германскихъ. Цѣли германскихъ университетовъ вовсе не педагогическія; они не берутъ на себя трудной обязанности воспитанія; главная ихъ цѣль — образовывать челоѣка, разрабатывать, двигать науку, приготавливая для нея спеціалистовъ. Дѣло воспитанія въ Германіи лежитъ на гимназіяхъ, реальныхъ школахъ; въ нихъ-то будущій студентъ получаетъ общее образованіе. До сихъ поръ еще нѣмецкіе педагоги не могутъ окончательно рѣшить, какія науки должны входить въ кругъ общаго образованія. По крайней мѣрѣ всѣ они единодушно соглашаются, что въ настоящее время нельзя ограничивать образованія челоѣка какой-либо особой наукой или какой-либо одной отраслью наукъ: всѣ они тоже признаютъ необходимость для современнаго челоѣка знанія наукъ естественныхъ и неразлучной съ ними математики. По окончаніи общаго образованія молодой челоѣкъ поступаетъ въ университетъ, и здѣсь-то посвящаетъ себя тѣмъ спеціальнымъ занятіямъ, какія онъ находитъ всего болѣе сообразными съ мѣрою своихъ силъ и способностей. Но англійскіе университеты совсѣмъ не то, что германскіе. Если хотите, такъ они — и гимназія и университетъ вмѣстѣ. Въ высшихъ отдѣлахъ дается молодымъ людямъ общее образованіе, подъ которымъ англичане разумѣютъ классическое; затѣмъ въ высшемъ классѣ устроено нѣчто вродѣ факультетовъ, конечно гораздо высшихъ сравнительно съ германскими фа-

путытетамъ. Главнѣйшее отличіе англійскихъ университетовъ отъ континентальныхъ заключается въ слѣдующемъ:

1) Въмѣсто германскаго общаго образованія, англійскіе университеты даютъ образованіе классическое. Воспитаникъ начинаетъ свое университетское образованіе изученіемъ Гомера, Демосоена, Виргилія, Цицерона, Эвклида и кончаетъ Эуклидомъ, лѣтовисью Тацита.

2) Но всего болѣе характеристиченъ въ англійскихъ университетахъ самый способъ занятій студентовъ. Наблюдается главный образомъ то, чтобъ студентъ самъ одолевалъ напримѣръ Гомера или Цицерона; во все время изученія классиковъ, для него главное пособіе — лексиконъ греческій и латинскій. Онъ долженъ при этомъ дѣлать письменныя упражненія, которыя состоятъ или въ простомъ переводахъ съ греческаго на англійскій языкъ и обратно, или же въ развитіи и уясненіи мыслей классиковъ. Но такъ какъ лексиконъ въ рукахъ неопытнаго, молодого изучателя оказывается ненадежнымъ средствомъ противъ трудностей, встрѣчаемыхъ при занятіяхъ древними авторами, то студенту тутъ помогаютъ тьютеры, попечители, о которыхъ мы выше уже упоминали. Тьютерство есть самая характеристическая черта англійскаго университетскаго воспитанія. Тьютеры наблюдаютъ за ходомъ занятій студентовъ, за ихъ нравственностью, поведеніемъ въ стѣнахъ университета, а иногда и за стѣнами. По идеѣ они — довѣренныя молодыхъ людей; къ нимъ они должны обращаться за совѣтами, разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній и т. п. Ихъ бываютъ по нѣскольку человекъ на каждую коллегию, и бываютъ они официальные и частныя. Первые получаютъ извѣстное определенное жалованье отъ университета за труды присмотра надъ студентами. Но такъ какъ въ Англіи есть люди, у которыхъ есть лишніе деньги и особенное желаніе сдѣлать изъ своихъ, иногда тупыхъ, дѣтей даровитыхъ студентовъ, да притомъ же въ составѣ университета есть много лишнихъ людей, которые, недобившись даже до вакансіи тьютерской, рады заработать денегу, то есть еще частныя тьютеры. Это нѣчто вродѣ нашихъ домашнихъ учителей, которыхъ нанимаютъ бѣдные родители для воспитанія своихъ дѣтей. Большею частью они нанимаются родителями для дѣтей, когда они прѣбываютъ домой на вакаціи. Тутъ дополняется то, чего студентъ за лѣтностью, болѣзнию, или другими какими-либо причинами не могъ себѣ усвоить въ продолженіи учебнаго «терма» (*). Когда тьюторъ становится ненужнымъ, онъ снова возвра-

(* Термъ на университетскомъ языкѣ называется учебный сезонъ, продолжающійся около восьми недѣль.

щастемъ въ университетъ, дожидать новой рекомендаціи на тѣ же мѣста.

Для студентовъ обязательно посѣщеніе kolegіальныхъ классовъ, на которые опредѣлено известное время. Но эти учебныя часы — именно классы, а не университетскія лекціи, какія обыкновенно заведены при континентальныхъ университетахъ. Классы проходятъ не въ слушаніи студентами лекціи, а въ спрашиваніи ихъ профессорами. Поэтому тамъ господствующій методъ преподаванія не акроматическій, а эротематическій⁽¹⁾, который иначе называется экзаминаторскимъ методомъ. Весь методъ преподаванія направленъ къ тому, чтобы студентъ съ одной стороны самъ доходилъ до известныхъ понятій, съ другой изучалъ книги со всею тщательностью, во всѣхъ подробностяхъ. Такое качество занятія называется у англичанъ *thoroughness* и поставляется необходимымъ условіемъ для студента, желающаго мало-мальски порядочно кончить университетскій курсъ.

3) Третья характеристическая черта англійскихъ университетовъ — жизнь kolegіальная, корпоративная. Первоначально kolegіи были основаны съ благотворительной цѣлью. Лишь только положены были основанія университета въ Оксфордѣ, какъ тогда же были построены особые дома, специально назначенные для схоляріевъ. Такъ какъ церковь всегда считала себя покровительницею университетовъ, то она для того, чтобы дать средства жить бѣднымъ схоляріямъ и заниматься своимъ образованіемъ, дарила на содержаніе kolegій фундаши, или доходы съ помѣстій, угольевъ и т. п. Или же бѣдные схоляріи, ненадѣясь и на поддержку церкви, соединялись между собою въ корпораціи для того, чтобы облегчить для себя заботы содержанія и какъ можно его удешевить для себя. Отъ цѣлой корпораціи нанимались повара, прислуга, расходчики и т. п. Съ теченіемъ времени такіе дома, прежде называвшіеся подворьями (*aula hospitii*), приняли названіе kolegій. И жизнь kolegіальная сдѣлалась уже обязательною для всякаго студента, приходящаго въ университетъ за образованіемъ. Выстъ съ тѣмъ и богатые люди, особенно короли, понимавшіе всю важность образованія, заводили на свой счетъ kolegіи, какова на примѣръ, kolegія *Christ-church college*, устроенная Генрихомъ VII⁽²⁾. Каждая kolegія

(1) Акроматическій — отъ греческаго слова *ἀκροαται* (слушать) — методомъ называется методъ непрерывнаго чтенія, а эротематическій — отъ *ἑρωτάω* (спрашиваю) называется вопрошательный методъ.

(2) О доходахъ и объ устройствѣ kolegій можно судить по слѣдующимъ даннымъ. *Christ-church-college* имѣеть дохода до 24,000 ф.; изъ нихъ расходуетъ на жалованье начальнику 2,000 ф., восьми экономамъ по 1000 ф., семнадцати

имѣетъ свои доходы, свои порядки, своихъ тѣторовъ и профессоровъ; каждая есть какбы особый мѣръ, существующій отдѣльно и самостоятельно отъ всего его окружающаго. Такихъ коллегій въ Оксфордѣ и Кембриджѣ очень много.

Теперь мы изложимъ общій ходъ ученья, въ Оксфордѣ (1) напри- мѣръ: весь университетскій курсъ раздѣляется тамъ по экзаме- намъ, которыхъ всего полагается четыре. Каждый, кто хочетъ до- стигнуть степени бакалавра искусствъ (bachelor of arts), долженъ подвергнуться четыремъ публичнымъ испытаніямъ, кромѣ еще вступительнаго экзамена или такъ называемой имматрикуляціи въ коллегію. Эти экзамены не называются первымъ, вторымъ, третьимъ и четвертымъ, какъ слѣдовало бы ожидать, а особыми, такъ ска- зать техническими названіями.

1) Responsions (отвѣты), или такъ называемый «малый ходъ».

2) Первый публичный экзаменъ, или moderations.

3) Второй публичный экзаменъ, первый классъ, или первый окончательный, обыкновенно называемый «большимъ ходомъ».

4) Второй публичный экзаменъ, второй классъ, или второй окон- чательный классъ, раздѣляется на три спеціальныхъ класса: мате- матическій классъ, юридическій и новоисторическій, и классъ есте- ственныхъ наукъ.

Отвѣты — такой же публичный экзаменъ, какъ и три осталь- ные; производится въ томъ же мѣстѣ, такими же, назначенными отъ университета экзаминаторами, и состоитъ какъ изъ письмен- ныхъ задачъ, такъ и устныхъ отвѣтовъ. Его дозволяется держать молодымъ людямъ въ первый же термъ ихъ пребыванія въ универ- ситетѣ. Онъ очень сходенъ съ экзаменомъ, который обязательенъ для каждаго новичка при имматрикуляціи въ коллегію. Экзаминую- щійся долженъ сдѣлать письменно четыре задачи: одна задача со- стоитъ въ переводѣ англійскаго отрывка на латинскій языкъ; остальные три состоятъ въ рѣшеніи самыхъ простыхъ вопросовъ изъ грамматики, ариѳметики и алгебры. Кромѣ того нужно сдѣлать письменный и устный переводъ изъ одного латинскаго и изъ одво- го греческаго авторовъ. Грамматическіе вопросы здѣсь предлагаются тѣже, какіе заключаются въ обыкновенныхъ училищныхъ учебни- кахъ; ариѳметическіе не восходятъ выше обыкновенныхъ дробей и

чиновникамъ — 3.000 ф. всѣмъ, на содержаніе товарищамъ и студентамъ свыше 10,000 ф.; сверхъ того къ патронату коллегій принадлежатъ 94 бенефиціи, соста- вляющія доходъ съ 28,200 ф.

(1) Свѣдѣнія о немъ мы заимствовали изъ -An Oxford guide book through the courser of literae humaniores, mathematics, natural science, and law modern hi- story, by Montagu Burrows.- M. A., 1860.

десятичныхъ чиселъ, алгебраическія — не выше простыхъ уравненій; при этомъ нужно знать двѣ первыя книги Эвклида. По части классиковъ студентъ, подвергающійся этому экзамену, долженъ знать не болѣе двухъ какихъ-либо греческихъ трагедій, обыкновенно софокловыхъ и эврипидовыхъ, и три книги одъ Горация.

Первый публичный экзаменъ или второй классъ заключаетъ въ себѣ два частныя класса: гуманитарныхъ наукъ (*litterae humaniores*) и математики. Первый классъ обязательенъ для всѣхъ.

Студентъ, готовящійся къ этому экзамену, долженъ изучить четыре греческихъ и четыре латинскихъ авторовъ. Знаніе слѣдующихъ двухъ греческихъ и двухъ латинскихъ обязательно для студента, — т. е. Гомера, Демосфена, Виргилія и Цицерона. Выборъ остальныхъ четырехъ предоставляется на волю студента, хотя обычно и тутъ почти обязательно рекомендуетъ для выбора Эсхила или Софокла изъ греческихъ авторовъ, и Горация изъ латинскихъ. Затѣмъ выбираются остальные: или Аристофанъ и Ювеналь, или Теренцій (*). Въ учебное время до экзамена студенты занимаются простыми переводами, сравнительнымъ изученіемъ вышепомянутыхъ классиковъ и письменнымъ изложеніемъ ихъ мыслей. Тутъ же студенты занимаются и элементарной логикой. Экзамены *moderations* можно держать студенту между седьмымъ и десятымъ терминами со времени его поступленія въ университетъ, значить не раньше четырнадцати мѣсяцевъ и не позже двухъ лѣтъ. Такимъ образомъ на второмъ публичномъ экзаменѣ студенты испытываются въ знаніи осьми греческихъ и латинскихъ авторовъ; должны сдѣлать четыре письменныхъ упражненія: трудный англійскій отрывокъ перевести латинской прозой, затѣмъ латинскими стихами, далѣе на греческую прозу, наконецъ греческими стихами. По грамматикѣ — сдѣлать на бумагѣ нѣсколько критическихъ и филологическихъ опытовъ. По логикѣ — знать то, какъ она излагается въ учебникахъ, принятыхъ въ англійскихъ университетахъ. По математическому отдѣленію студенты экзаменуются по чистой математикѣ, т. е. по алгебрѣ, эвклидовымъ книгамъ, тригонометріи, геометрическимъ коническимъ

(*). Вотъ списокъ книгъ, предлагаемыхъ на выборъ студенту: Гомеръ, *Иліада* или *Одиссея*, двѣнадцать книгъ; Эсхилъ, пять тетрадей; Эврипидъ, пять драмъ; Аристофанъ, пять комедій; Пиндаръ, Демосфенъ — *De corona*, съ Эхиномъ — *in Ctesiphontem*; или *De corona* съ олинѣиками и филиппиками, или *in Leptinem*, *Meidiam*, *Aristocratem*. Фукидидъ, четыре подрядъ книги. Геродотъ, пять; Виргилій, Гораций, Лукрецій, Теренцій, Ювеналь (за исключеніемъ сатиръ II, VI, IX); Цицеронъ — рѣчи противъ Вера (или восемь другихъ рѣчей, такъ же главныхъ). Тацитъ, первая шесть книгъ *Лѣтописи* или *исторій*. Ливій, шесть подрядъ книгъ.

сѣченіямъ, дифференціальнымъ и интегральнымъ вычисленіямъ. Тотъ, кто не занимался логикой, обязанъ только знать изъ алгебры 10 квадратныхъ уравненій и первыя четыре книги Эвклида. Кроме того для всѣхъ обязательно знаніе греческаго текста четырехъ евангелій.

Затѣмъ отъ двѣнадцатаго до восемнадцатаго термина студентъ можетъ держать второй публичный экзаменъ. Этотъ классъ, какъ мы видѣли, называется первымъ окончательнымъ классомъ, и здѣсь-то вѣнецъ классическаго образованія. Предметы, которые требуются для этого экзамена, можно раздѣлять на три рода: исторія, науки (science) и классики. Впрочемъ студентъ долженъ приготовить къ этому экзамену не всю исторію, а только одну древнюю, да и то главное здѣсь вниманіе обращается на то, чтобы студентъ болѣе зналъ факты, чѣмъ общій смыслъ древней исторіи. Выборъ историческихъ книгъ для занятій слѣдующій: Геродотъ, Фукидидъ, Ливія первая декада, лѣтопись I, VI, или повѣствованія Тацита, Ксенофонта, Hellenics. Творенія Геродота, Фукидида, первая декада Ливія и лѣтопись или повѣствованіе Тацита, необходимо обязательны для студента. При изученіи Геродота рекомендуются въ помощь труды Раулинсона и другихъ изучателей древности. Здѣсь немнѣшаетъ замѣтить, что всѣ свѣдѣнія по древней географіи сообщаются вовсе не научнымъ образомъ, а только какъ средство къ пониманію Геродота; даже исторія Египта напримѣръ и Персія для оксфордскаго студента имѣютъ интересъ не сами по себѣ, а настолько, насколько знаніе ихъ можетъ облегчить изученіе греческой исторіи. Съ этой цѣлью тутъ изучаются творенія Грота или Терлуолля. Требуется знаніе и римской исторіи, особенно въ отношеніи къ Тациту и Ливію, причемъ студентъ долженъ быть знакомъ съ изысканіями Нибура и Арнольда и друг. По части science или наукъ студентъ долженъ выбирать для своихъ занятій какі-либо изъ слѣдующихъ сочиненій: Аристотеля — логика, политическая реторика, метафизика, органонъ; Платона — республика и другіе разговоры; Ботлера — рѣчи и аналогія; Бэкона *Novum organon*.

Какъ видно, выборъ этихъ сочиненій имѣетъ цѣлью познакомить студента съ логикой, въ особенности съ «Органомъ» Аристотеля и Бэкова, съ нравственной философіей, насколько ея есть въ поникъ Аристотеля, республикѣ Платона и рѣчахъ Ботлера; съ политической философіей въ политикѣ Платона и республикѣ Аристотеля; съ общей философіей — между прочимъ «новаго органа» Бэкона, и съ исторіей древней и средней философій. Между тѣмъ классическія занятія идутъ своимъ порядкомъ, такъ какъ изученіе источниковъ древней исторіи есть вѣсть и изученіе классиковъ. Ю

богословію — по этому экзамену требуется знаніе текста Дѣяній, вообще главныхъ библейскихъ фактовъ, доказательствъ христіанства и сорокъ девять членовъ. Испытаніе бываетъ по богословію и устное, и письменное. Затѣмъ для студента остается пройти только еще одинъ классъ до приобрѣтенія степени, или подвергнуться второму публичному экзамену во второмъ окончательномъ классѣ. Этотъ классъ подраздѣляется на три частныхъ класса или факто вродѣ факультета: на математическій, факультетъ права и новой исторіи, и естественныхъ наукъ. Каждый можетъ избирать тотъ или другой факультетъ по собственному желанію, причемъ желающій можетъ заниматься по двумъ факультетамъ, и при этомъ рекомендуется студентамъ, желающимъ записаться на два факультета, заниматься естественными науками виѣсть съ правомъ и новѣйшей исторіей, предпочитая послѣднимъ факультетъ математическій. Этотъ обычай уже ниско въ англійскомъ вкусѣ, такъ какъ на континентѣ всегда признавались неразлучными занятія естественными науками съ математикой. На математическомъ факультетѣ преподается цѣлый курсъ частой и смѣшанной математики. Факультетъ права и новой исторіи подраздѣляется на два отдѣленія, изъ которыхъ студентъ можетъ выбирать одно, или заниматься по обоимъ виѣсть, смотря по желанію. Въ первомъ отдѣленіи во части права студентъ долженъ знать сочиненія Блекстона «о собственности»; при этомъ разсужденіе о международномъ правѣ. По исторіи нужно знать всю англійскую исторію до вступленія на престолъ Генриха VIII, Галлама, средніе вѣка, Гиббона съ XXXVIII главъ до конца, Гизо исторію цивилизаціи во Франціи, и специально исторію ев. Людовика — по исторіи Франціи Сисмонди, и мемуары Жуанвиля. По второму отдѣленію: по части права — Блекстона, о личной собственности и правахъ лицъ; международное право Гуэтона. По исторіи: англійская исторія съ востановленія на престолъ Генриха VIII до царствованія королевы Анны; Галлама исторію; Робертсона Карлъ V; «Шаны» Ранке; царствованіе Людовика XIV изъ Сисмонди; жизнь Карла I, какъ специальный періодъ, по Клэрвуду и другимъ авторамъ. Кромѣ знанія всей средней исторіи или новой, для студента какъ по первому отдѣленію, такъ и по второму, обязательно специальное знаніе какого-либо періода изъ той или другой исторіи, какъ, напр. св. Людовика или Карла I. По факультету естественныхъ наукъ нужно знаніе механики, химіи и физиологіи.

Мы изобразили ходъ занятій оксфордскаго студента; но можно съ утвердительною сказать, что въ общихъ чертахъ этотъ оксфордскій учебный порядокъ удерживается во всѣхъ старыхъ англійскихъ университетахъ. Въ своемъ эскизѣ мы хотѣли быть новоз-

можности краткими, и читатели вѣроятно не посягуютъ на васъ, что мы здѣсь опустили многія, неважныя впрочемъ подробности. А сдѣлать этотъ эскизъ мы считали необходимымъ потому, что съ порядками англійскихъ университетовъ мы слишкомъ мало знакомы, и если хвалимъ ихъ или осуждаемъ, такъ дѣлаемъ это не потому, чтобъ были слишкомъ коротко знакомы съ ними, а просто со словъ какого-либо борзописца. Теперь факты налицо, и трудъ анализа ихъ для насъ весьма *облегчается*.

Мы видѣли, что въ основу англійскаго университетскаго образованія положено изученіе классиковъ. Изученіе древнихъ авторовъ составляетъ главный предметъ занятій для студента въ первыхъ трехъ классахъ. Оно составляетъ ядро, около котораго группируется все что студентъ узнаетъ изъ другихъ наукъ. Если онъ изучаетъ Грота, то потому особенно, что Гротъ можетъ пособить при изученіи Гомера и Фукидида; если онъ изучаетъ труды Раулинсона, исторію Египта и Персіи, то опять потому, что это нужно для вѣрнаго пониманія Геродота; Нибуръ, Гиббонъ настолько нужны для англійскаго школяра, насколько они помогаютъ уразумѣнію Тацита и Ливія. Исторія для него не потому важна, что знакомить съ ходомъ развитія челоуѣчества во всѣ времена его исторической жизни, а потому, что съ ней легче понимать классиковъ. Классическое образованіе, по мнѣнію англичанъ, есть единственная цѣль занятій студента; къ этой цѣли долженъ быть направленъ весь ходъ его развитія. Изъ сентябрьской книжки нашего журнала читатели знаютъ мнѣніе наше о классическомъ образованіи. Намъ поэтому казалось бы нечего и касаться этого предмета, но для большей связи мы опять возвратимся къ нему. Защитники классическаго образованія въ заслугу его приводятъ то обстоятельство, что классики въ эпоху возрожденія были единственными двигателями, выведшими Европу изъ умственнаго коснѣнія. Конечно, ради доброй цѣли отчего не преувеличить дѣла! Мы вовсе не отрицаемъ того, что классики между прочимъ были одною изъ причинъ, выведшихъ Европу изъ умственнаго коснѣнія. Но отчего бы не принять во вниманіе хоть бы слѣдующаго рода обстоятельство. Эпоха возрожденія замѣчательна тѣмъ, что въ ея время духъ изслѣдованія, анализа, сомнѣнія овладѣваетъ челоуѣчествомъ. Западъ Европы обращается къ изученію древняго міра и старается перенести его извѣстное въ свою жизнь. Это совершеннѣйшая правда. Но неволью задаешь себѣ вопросъ: не было ли изученіе классиковъ только однимъ изъ симптомовъ того развитія умственной жизни въ Европѣ, причины котораго надобно искать очень и очень глубоко, по крайней мѣрѣ глубже, чѣмъ въ изученіи классиковъ? Вѣдь согласитесь, что изобрѣтеніе

книгопечатанія, пореха, открытіе Америки—такіе факты, которые едва ли можно сопоставить хоть въ какую-либо связь съ изученіемъ классиковъ. Вѣдь нужно же согласиться, что ни Геродотъ, ни Фукидидъ, никто-либо другой изъ древнихъ авторовъ, не могъ навести хоть бы того же Гутенберга на мысль изобрѣсти литыя буквы, или французскаго монаха на мысль о порохѣ, или Колумба объ Америкѣ. А между тѣмъ, если чему особенно обязано человѣчество своимъ выходомъ изъ умственнаго коснѣнія, такъ это прежде всего этихъ безсмертныхъ изобрѣтеній. Они сразу измѣнили условія жизни человѣка, создали для него новыя жизненныя положенія; слѣдовательно самымъ настоятельнымъ образомъ вызывали его на мысль, будили въ немъ спавшія душевныя силы. Перестроивъ во многихъ частяхъ тогдашнюю жизнь, изобрѣтенія XV вѣка указали тѣмъ *de facto* новое направленіе дѣятельности человѣка, физической и умственной, доколѣ не явился гениальный мыслитель и не возвелъ новыя, уже *de facto* установившіяся въ жизни отношенія человѣческой мысли къ природѣ, въ теорію и тѣмъ заставилъ человѣчество сознательно употреблять новыя, данныя уже жизнью методы изслѣдованій. Не вслѣдствіе ли этого духа изслѣдованій, пробудившагося отъ глубокихъ историческихъ причинъ, люди эпохи возрожденія обратились къ изученію классиковъ? А вѣдь если такъ, то при всемъ томъ, что классики и способствовали развитію мысли, они все-таки становятся въ рядъ уже вторыхъ причинъ развитія европейской мысли, сами составляя продуктъ пробужденія мысли. Не слишкомъ ли уже много защитники классическаго образованія преувеличиваютъ значеніе классиковъ въ дѣлѣ ново-европейскаго образованія?

Но положимъ даже и то, что классики способствовали пробужденію мысли въ Европѣ. Пусть такъ. Слѣдуетъ ли отсюда, что теперьшній человѣкъ долженъ начинать свое образованіе исключительно съ классиковъ? Кажется вовсе не слѣдуетъ. Изучать древній классическій міръ нужно было для человѣка эпохи возрожденія; скажемъ болѣе; физически необходимо было, если онъ хотѣлъ что-нибудь изучать. Умственное богатство въ эпоху возрожденія, извѣстно, дѣлилось на два рода: одинъ остался въ наслѣдство отъ схоластиковъ, это ихъ ученые труды; другой, съ которымъ въ подлинникъ познакомили западъ греки, бѣжавшіе изъ Константинополя, былъ наслѣдованъ отъ древняго міра. Кромѣ этихъ источниковъ образованія, классическаго и схоластическаго, больше ничего не было. Но схоластика уже настолько къ тому времени успѣла наскучить людямъ, что изъ нея черпать познанія рѣшились только немногіе. Оставался классическій міръ, куда дѣйствительно и обращался за образованіемъ тогдашній человѣкъ. Классики потому слѣ-

дали великую историческую услугу человечеству, что для пробужденнаго духа изслѣдованій они представляли изъ себя лучшую въ то время умственную пищу. Но въ такіа ли условія относительно образованія поставленъ современный человѣкъ? Если онъ въ молодости не займется Демосфеномъ или Геродотомъ, неужели онъ долженъ за недостаткомъ лучшаго обратиться къ сложностямъ, чтобы какъ-нибудь образовать себя? Навѣ думаете, что въ настоящее время при такой массѣ знаній человеческихъ, человѣкъ, невидавши Демосфена, Геродота, Фукидида въ греческихъ текстахъ, нисколько не будетъ уступать по развитію, по знаніямъ и по нравственному пожалуй образованію, человѣку, взрослому на классикахъ. Подобнаго рода выводы, какими укрываются защитники классицизма, походятъ на такого рода умозаключенія: Представьте себѣ человѣка, который питался мякиной. Вслѣдствіе худой, недостаточной пищи онъ былъ худъ, вялъ, безэнергиченъ. А потомъ привезли ему издалека черный, положимъ вашъ русскій хлѣбъ. Каковъ бы онъ ни былъ, нечего и говорить, что онъ не чета мякинѣ. Вотъ этотъ бѣднякъ бросился съ жадностью на такой хлѣбъ, и чтоже? Вслѣдствіе лучшей пищи онъ поздоровѣлъ, сдѣлался развязнѣе, энергичнѣе, оправился нѣсколько душевно и физически; такъ съ тѣхъ поръ онъ и сталъ питаться ржанымъ хлѣбомъ. Представьте теперь, что съ теченіемъ времени наши пшеницу и стали изъ нея готовить бѣлый пшеничный хлѣбъ. Опять ужъ этотъ хлѣбъ далеко не родня ржаному: и питательнѣе его, и легче для желудка. Но сколько бы вы ни навязывали ему этотъ хлѣбъ, этотъ человѣкъ упорно отказывается отъ него и хочетъ непремѣнно остаться при ржаномъ хлѣбѣ. А доказываетъ онъ справедливость своихъ отказовъ слѣдующими соображеніями: пшеничный хлѣбъ можетъ-быть и хорошъ, да вы забываете, что меня черный хлѣбъ спасъ отъ неминуемой смерти, онъ поправилъ мой тѣлесный организмъ, и вывелъ меня, какъ говорится, въ люди. Нѣтъ, я ужъ самъ не стаю, да и дѣтямъ не велю ѣсть пшеничный хлѣбъ. Зачѣмъ ихъ кормить прямо пшеничнымъ хлѣбомъ? пусть начнутъ съ чернаго, потому что нѣкогда онъ поправилъ мое здоровье. Ну смажите на милость, стали бы вы своихъ дѣтей растить на черномъ хлѣбѣ не потому, что у васъ нѣтъ пшеничнаго, а потому только, что когда-то питаніе чернымъ хлѣбомъ, замѣнивъ питаніе мякиной, поправило человеческій организмъ? Въ это значить — вмѣсто того чтобы прямо идти къ цѣли, ходить околесицей, чтобы наконецъ чего-нибудь добиться.

Говорятъ, что классическій міръ дорогъ намъ по дѣлности, законченности своего развитія, что онъ уже осуществилъ на себѣ

идеальнаго человѣческаго развитія, что онъ оставилъ намъ огромное умственное богатство, которымъ мы не должны пренебрегать. Мы согласны, что древній міръ достигъ такой высоты эстетическаго развитія, до какого не достигалъ міръ христіанскій, и что образцы греческаго искусства останутся навсегда несосягаемыми образцами. Но вѣдь согласиться нужно, что ограничить воспитаніе и образованіе человѣка только развитіемъ его эстетической стороны, не значитъ еще сдѣлать его полнымъ человѣкомъ. Но можетъ-быть вы скажете, читатель, что древній міръ оставилъ творенія, изученіе которыхъ можетъ образовывать не одну эстетическую сторону, что въ нихъ заключается огромное умственное богатство. Какое же это, смѣемъ спросить? Общественныя понятія древняго міра извѣстны: въ основѣ ихъ лежитъ самый глубокій общественный эгоизмъ. Ни одно древнее государство не признавало правъ личности, какъ личности; оно хотѣло контролировать ее даже въ мелочахъ ея частной жизни, недоувѣряло ей и требовало отъ нея всецѣлаго посвященія себѣ. Можетъ-быть, да и дѣйствительно такъ, потому и палъ древній міръ, что юридическое непризнаніе обществомъ правъ личности заставляло ее какъ-нибудь фактически, незаконно вымогать свои права, и при этомъ естественно избирать своею цѣлью анти-общественныя интересы. На такихъ ли понятіяхъ древняго міра нужно воспитывать современнаго человѣка? Или огромны были свѣдѣнія древнихъ въ разныхъ наукахъ? Но вѣдь научное древнее развитіе извѣстно всякому, кто только мало-мальски изучалъ древнюю исторію. Не говоримъ, въ жизненномъ комфортѣ древній человѣкъ далеко превосходилъ нынѣшняго. Но вѣдь вопросъ еще, — изученіе идеала жизненнаго комфорта составляетъ ли цѣль жизни человѣка и средство для его развитія? Впрочемъ, пусть древніе оставили намъ огромное умственное богатство, въ чемъ конечно крѣпко можно сомнѣваться. Въ такомъ случаѣ должно согласиться, что вѣдь едва ли человѣку въ пятнадцать, шестнадцать или восемнадцать лѣтъ подлѣ силу это богатство; доросъ ли молодой человѣкъ до того, чтобъ понимать древняго человѣка? и не ограничивается ли знакомство съ нимъ только знакомствомъ съ его языкомъ, да съ тѣми развѣ мыслями, которыя и безъ того онъ узналъ бы и пріобрѣтеніе которыхъ стоить не богъ-знаетъ какихъ трудовъ. Знаемъ мы, какъ цитуются классики въ англійскомъ парламентѣ и что цитующіе конечно понимаютъ дѣло, — а они бывшіе студенты англійскихъ университетовъ; что есть сочиненія англійскихъ авторовъ, которыхъ огромнѣйшее и основательнѣйшее знакомство съ классиками такъ и поражаетъ васъ на каждомъ шагѣ. Но вѣдь это уморительно было бы, еслибъ изъ англійскихъ университетовъ выходили люди съ

классическимъ образованіемъ и кромѣ языка не знали бы въ классикахъ толку. Вопросъ у насъ въ томъ: способны ли всѣ молодые люди, которые читаютъ классиковъ, понимать ихъ? дотога ли они, классики, просты, чтобы ихъ возможно было пережевать молодому еще только развивающемуся человѣку? А вѣдь въ противномъ случаѣ дѣло не пойдетъ дальше изученія формъ языка, схоластики и т. в.

Никто не говоритъ противъ того, что древній міръ представляетъ собой цѣлое, законченное въ самомъ себѣ развитіе, что съ нимъ нужно быть знакомымъ современному человѣку. Но не будутъ ли излишними вольтеровскія кресла для того, у котораго нѣтъ еще обыкновеннаго стула? Ктѣ говоритъ, для человѣка полезны и бифтекстъ и котлеты; да чтожъ вы сдѣлаете съ нимъ, когда у него нѣтъ обыкновеннаго хлѣба? Дайте ему прежде хлѣба, а потомъ будемъ разсуждать, въ какой мѣрѣ ему нуженъ и бифтекстъ. Классическое образованіе — хорошее образованіе, но ужъ извините, дорогое. Фукидидъ для меня можетъ-быть очень полезнымъ; но нельзя отрицать того, что смѣшно было бы изучать Фукидида, когда я, при теперешнемъ развитіи естественныхъ наукъ, не знаю заодно съ Фукидидомъ ни теоріи движенія земли, ни давленія паровъ, ни электричества и т. п. Это, видите ли, можно видѣть на слѣдующемъ примѣрѣ. Идемъ мы примѣромъ изъ Новгорода въ Русу, куда намъ нужно придти; чтожъ? съ толкомъ развѣ сталибъ мы поступать, когда вмѣсто того, чтобы узнать прямую дорогу въ Старую-Русу, начали бы узнавать, какой дорогой можно доѣхать до Москвы, а отътуда до Русы? вѣдь согласитесь, что тогда бы мы стали нести околесицу. Коли путь держимъ до Русы, такъ мы и должны идти туда прямой дорогой; и когда туда придемъ, такъ можно узнать и дорогу на Москву.

Все это мы говоримъ къ тому, что классическое образованіе в хорошо, да несовременно. Современный міръ едва ли можетъ ожидать серьезныхъ для себя плодовъ отъ распространенія классическаго образованія. Сила современнаго человѣка заключается въ изученіи природы, въ знаніи ея силъ и законовъ ихъ дѣятельности. Поборошь онъ природу не знаніемъ классиковъ, а знаніемъ физики да естественной исторіи. Задачи науки теперь поставлены ясно и доказательства возможности ихъ рѣшенія уже есть у человѣка. Какъ бы ни было, главная его цѣль теперь — развѣдать тайны природы и перевести ихъ на свой языкъ. Задача велика, слова нѣтъ; ее рѣшать будетъ человѣчество всю свою жизнь; а рѣшать все-таки должно, если хочетъ оно себѣ добра. Значитъ, должно полагать, чѣмъ раньше человѣкъ начнетъ изучать природу, — его настоящую задачу, тѣмъ лучше: тѣмъ больше онъ сдѣлаетъ

для науки. Согласитесь, что немного дико посадить молодого человѣка за Оукидида или Гомера, когда предъ нимъ владѣть и впервѣйшій снютъ локомотивы, и онъ бѣднѣе не знаетъ еще, какъ это движутся повозки безъ лошади; у него на глазахъ электрическія телеграфы, а онъ не слыхалъ еще про электромагнетизмъ. Узнаетъ послѣ? Зачѣмъ же послѣ? зачѣмъ не тогда, когда человѣкъ только что встрѣтился съ непонятнымъ для него явленіемъ, когда въ немъ — живѣйшій интересъ познакомиться съ нимъ? Съ природой-то онъ приходитъ въ соприкосновеніе сразу, какъ родится на свѣтъ божій, и лишь только придетъ въ сознаніе, онъ начинаетъ стремиться познать ее. А вы тутъ подвѣртываетесь съ Цицерономъ или Геродотомъ. Зачѣмъ же, спрашивается, искусственно воспитывать въ немъ слухоту къ голосу желающей познать души, и эту тупость къ окружающему міру? Воспитаніе современнаго человѣка должно быть начато именно съ того, въ чемъ заключается главная его сила, что разрабатывать онъ главнымъ образомъ долженъ впоследствии.

Дорого стоитъ классическое образованіе и потому еще, что оно совершенно негодится для воспитанія и образованія массы. Заставите ли вы массу читать Гомера, Ливія или Геродота, когда она не знаетъ самыхъ обыкновенныхъ вещей, не имѣетъ самаго элементарнаго знакомства съ природой? Чтобы заботиться надъ своимъ развитіемъ, нужно имѣть нѣкоторую обезпеченность въ жизни, по крайней мѣрѣ обезпечить себя въ матеріальномъ отношеніи. А масса слишкомъ страдаетъ подъ гнетомъ матеріальныхъ нуждъ, предрасудковъ и суевѣрія. Чтобы вывести ее изъ этого состоянія, нужно предлагать ей не Оукидида и Илиаду, а хоть элементарное знакомство съ природой, которой она не знаетъ, которая господствуетъ надъ ней. Цицеронъ не уничтожитъ въ массѣ предрасудковъ и суевѣрія. Древній человѣкъ самъ былъ подъ гнетомъ предрасудковъ и крайняго суевѣрія, и развѣ только научить чему-либо новому въ этомъ родѣ, а не то что освободить ее отъ дури. Скажутъ, что всякій молодой человѣкъ изучивъ классиковъ, потомъ станетъ учиться и естественнымъ наукамъ. Хорошо такъ дѣлать англійскому лентльмену, у котораго 600 ф. доходу, а не бѣдному простолудину; молодость-то всю онъ уберетъ на Гомера да Оукидида, а потомъ, когда нужда заставитъ взяться его можетъ-быть за соху, то онъ будетъ знакомиться съ физикой, естественной исторіей и агрономіей? Нѣтъ, ужь это что-то слишкомъ мудро.

Говорятъ дальше, что классическое образованіе воспитываетъ прекрасныхъ государственныхъ мужей, общественныхъ дѣятелей, что оно главнымъ образомъ воспитываетъ *человѣка*. Что касается до перваго, то едвали когда кто-либо изъ новѣйшихъ государ-

ственныхъ людей руководило правилами древней государственной политики. Тамъ совѣтъ другія были условія дѣятельности, тамъ условія жизни были совѣтъ иного рода, чѣмъ теперешнія. Что было возможнымъ для древняго государственнаго мужа, то едва ли возможно для нынѣшняго. Древніе вовсе не имѣли никакого понятія о политическихъ наукахъ, или имѣли, но совѣтъ слабе. А теперь, поговариваютъ, что политическія науки, по своей обширности, должны составлять особую область знанія. Зачѣмъ же, сирдшивается, ходить на топціи руней, часто грязной, за водой, когда, подь боккомъ широкая рѣка съ чистой водой? Вѣдь ужь это значить просто *самодурствовать*! Что касается до того, что классическое образованіе образуетъ людей въ особенностяхъ, то уже само собой понятно, послѣ всего нами сказаннаго, каковъ долженъ быть современный человѣкъ и насколько можетъ способствовать къ образованію его классическое образованіе. Объ этомъ говорить больше мы не намѣрены.

Опять таки не повторяемъ, что мы не противъ классическаго образованія, что оно — вещь хорошая, но говоримъ, что оно несовременно. Мы готовы заодно съ нашими англоманами благословлять Англію за то, что она разработала классиковъ, подвинула впередъ изученіе классическаго міра. Все это вещи очень хорошія. Но мы также увѣрены, что не будь классическаго образованія въ основѣ воспитанія современнаго человѣка, все-таки найдутся люди, которые, воспитавшись на естественныхъ наукахъ, будутъ изучать классическій міръ, что найдутся специалисты, которые тоже будутъ разрабатывать творенія Эсхила, Софокла, Эврипида, Оукилида, Ксенофонта и другихъ. Главное дѣло, тутъ неужно слишкомъ воображать большихъ опасностей отъ неизученія нынѣшнимъ человѣчествомъ древняго классическаго міра... Если классическія творенія такъ понятны, дотою умы, что въ томъ и другомъ составляютъ идеаль, — будьте покойны, найдутся и любители; они будутъ изучать ихъ, только изучать свободно, съ большей любовью, чѣмъ когда бы мы сдѣлали обязательнымъ для нихъ это изученіе.

Вторую отличительную черту англійскаго университетскаго воспитанія составляетъ туторство. Ктѣ эти туторы, какъ они появились въ университетахъ, мы это уже видѣли. Туторъ для англійскаго студента въ нѣкоторомъ родѣ тоже что отецъ, учитель и другъ, какъ говорятъ нѣкоторые. Онъ присматриваетъ за поведеніемъ студента въ стѣнахъ университета, а иногда и внѣ стѣнъ.

Она дѣлаетъ ему замѣчанія, помогаетъ ему при занятіяхъ классиками, выражаетъ въ предѣлахъ, при которыхъ главное достигается слѣдствительностью студента. Хорошая сторона tutorства заключается въ томъ, что у студента сохраняется нѣсколько времени. Вѣдь того чтобы морщить надъ трудными мѣстами какого-либо автора и часто безуспѣшно, студентъ обращается къ тотору и онъ поспѣваетъ ему. Все это хорошо... При теперешней системѣ англійскаго воспитанія, tutorство для студента при учебныхъ занятіяхъ и необходимо. Студентъ долженъ знать набравное имъ классическое сочиненіе подробно: это thoroughness, которое такъ много гордится англичане. А при такихъ требованіяхъ отъ студента, ласово дѣло, ему нужны помощники; при всякой же другой системѣ воспитанія и образованія тоторы должны были остаться ва-штатомъ. Но знаемъ, въ какой мѣрѣ нравственно-полезны для студента эти помощники. Поворить, что tutorство нѣсколько не задерживаетъ образованія самостоятельности въ характерѣ англійскаго студента. Да конечно лордъ, имѣющій нѣсколько тысячъ фунтовъ ежегоднаго дохода, живущій въ коллегіи какъ богатый джентльменъ, занимающій огромную квартиру въ нѣсколькихъ комнатахъ, и по выходѣ нѣ-много омыи тоторовъ можетъ быть съ независимымъ характеромъ. Философы еще не рѣшили, въ какой мѣрѣ сознаніе обезличности въ материальномъ отношеніи можетъ способствовать образованію въ человѣкѣ независимаго и самостоятельнаго характера. Мы не философы, потому рѣшать не беремся этого вопроса, а выскажемъ только кой-какія соображенія. Нигдѣ не цѣнятся такъ богатство, какъ въ Англій: тамъ богатому человѣку и почетъ и уваженіе; въ богатомъ человѣкѣ предполагается умъ и всѣ качества, какія должны быть у джентльмена. Сынъ богатого человѣка, еще малютка, ужъ сознаетъ, что онъ человѣкъ богатый, независимъ ни отъ кого. Ему эти вещи забываются въ голову еще дома и родителями, и вянущиками и проч. и проч. Съ такими-то мыслями въ головѣ онъ поступаетъ въ университетъ; и тутъ тоже фактическое поклоненіе его богатству. Отношенія здѣсь тотора къ нему таковы, что никогда уже не могутъ ослабить въ немъ совнанія своей самостоятельности, потому что самъ же тоторъ уважаетъ богатство наравнѣ съ прочимъ англійскимъ миромъ. При такихъ условіяхъ тоторская система не вредитъ образованію самостоятельности характера въ англійскомъ студентѣ. А любопытнѣе было бы знать, какъ бы стала дѣйствовать тоторская система при другихъ условіяхъ. Тоторъ къ студенту въ Оксфордѣ относится какъ слѣдъ къ слѣдъ, и потому ни одна не уничижается другую! Но какъ бы эти тоторы образовали независимость характера въ бѣдныхъ людяхъ, какихъ впрочемъ въ Оксфордѣ

нѣтъ? Тѣхъ отношеній къ бѣдному студенту тюторы не могутъ сохранить, въ какии они къ богатому. Богатаго они уважаютъ, а бѣднаго не всегда; съ богатымъ они пожалуй друзья, а съ бѣднымъ опять не всегда. Для бѣдныхъ студентовъ они должны быть чѣмъ-то вроде начальства. Оттого и бываетъ въ Англіи, что джентльменъ дѣйствительно человѣкъ съ независимымъ характеромъ и проч. достоинствами, а прочая братія такая же какъ и многіе изъ насъ грѣшныхъ, воспитанныкъ подъ гнетомъ матерьяльныхъ нуждъ. Впрочемъ быть-можетъ тюторы не начальство, а дѣйствительно друзья для всякаго студента, кто бы онъ ни былъ. Вотъ это-то и странно, какъ ни увѣряютъ насъ въ томъ наши англomаны. Замѣьте, что у тютора перебиваетъ, во время его службы, такое количество друзей, о какомъ мы, по нашему невѣднію, еще не слыхали. Мы знаемъ много заведеній, гдѣ завсены въ бѣдныхъ копѣяхъ эти друзья; и знаемъ навѣрное, что они вовсе не друзья подчиненнымъ. Эти друзья часто воспитываютъ въ пріятеляхъ своихъ только наклонность къ лжи, лицемерію, наклонность только казаться. И это естественно, даже необходимо, все равно какъ на реагентѣ ужъ необходимо окажется присутствіе кислоты. Человѣкъ тогда только дѣйствуетъ со всею искренностью, свободно, когда за нимъ нѣтъ наблюдающаго глаза или онъ не предполагаетъ постороннихъ за собой наблюденій; а если на него смотрятъ со стороны, то ужъ у него возникаетъ самое естественное желаніе показаться лучшимъ, чѣмъ каковъ онъ на самомъ дѣлѣ. Это ужъ такая истина, о которой и говорить много нечего; она всякому извѣстна по собственному опыту. Возможно ли предположить, чтобъ эта причина не дѣйствовала въ Англіи, гдѣ такіе же люди, какіе я у насъ? Мы увидимъ дальше, что она дѣйствительно даетъ себя чувствовать въ англійской жизни.

Защитникамъ тюторства не мѣшало бы обратить вниманіе еще на какое обстоятельство. Не слишкомъ ли уже много личность воспитывающагося студента поставляется въ зависимость отъ другой личности? Вѣдь вѣроятно въ Англіи подъ мантией магистра, доктора тоже бьется человѣческое сердце? И ему тоже вѣдь доступны чувства симпатіи и антипатіи? Тоже есть, надо полагать, и у тютора свои любимцы? При другой, напримѣръ германской системѣ образованія, эти чувства професора не могутъ имѣть вліянія на судьбу студента. Тамъ професоръ не имѣетъ такихъ близкихъ къ нему отношеній, какъ тюторы въ Англіи. Професору до студента дѣла нѣтъ: его обязанность прочитать дѣльную лекцію. Развѣ ужъ на экзаменахъ, гдѣ они водятся, онъ можетъ такъ или иначе обнаруживать свои чувства по отношенію къ студенту. Но и тутъ въ возможной степени ограниченъ его произволъ, потому что экзамены

всегда производится кологіально. Другое дѣло въ англійскомъ университетѣ. Тамъ титоръ постоянно въ столкновеніи со студентомъ. Онъ смотритъ за его занятіями и за его поведеніемъ; естественно, въ немъ могутъ возбудиться тѣ или другія чувства по отношенію къ студенту... вѣдь не камень же онъ! А если такъ, то у него бездна случаевъ на дѣлѣ обнаружить свою расположенность или нерасположенность къ личности студента. Любимцу онъ болѣе будетъ и растолковывать, и пожалуй сдѣлаетъ снисхожденіе къ его слабостямъ. Вообще смотря потому, слабый ли титоръ, или нѣтъ, хорошо ли понимаетъ дѣло воспитанія и образованія, онъ будетъ и дѣйствовать на студента съ пользою для него, или со вредомъ. Для нелюбимаго студента онъ уже не можетъ быть такимъ. Какъ бы титоръ ни былъ остороженъ и благоразуменъ, а для него невозможно скрыть своего нерасположенія студенту. Тысячи случаевъ при постоянномъ обращеніи титора со студентомъ могутъ дать знать этому, каковы чувства къ нему титора: и не такъ-то онъ взглянетъ на студента, и съ рѣзкимъ тономъ отвѣтитъ на вопросъ, и т. п. А воспитанникъ всегда очень чутокъ къ своему воспитателю. По одному жесту онъ угадаетъ расположеніе духа своего воспитателя. Исве дѣло, нелюбимый студентъ будетъ сколько возможно избѣгать частыя сношеній съ титоромъ: лишній разъ онъ не пойдетъ къ нему за совѣтомъ, за повѣркой своего труда, будетъ бѣгать его присмотра. И въ Англіи, какъ и вездѣ, есть титоры любимые и нелюбимые. Хорошо, первые окажутъ много пользы своимъ питомцамъ; а вторые? сколько они принесутъ зла! Въ сколькихъ студентахъ они разовьютъ привычку къ лицемерію, лжи и т. п. При титорской системѣ все зависитъ отъ случая. Хороша личность титора — и дѣло будетъ идти порядкомъ; худо — и вмѣсто пользы будетъ зло. Скажутъ, въ Англіи невозможно держаться худымъ титорамъ? — такъ же возможно держаться, какъ и вездѣ держатся худые люди; худой титоръ худъ только для студентовъ, а для начальства онъ можетъ-быть кажется чистымъ золотомъ. Вѣдь ужъ кому другому, а намъ извѣстно то двуличіе, съ какимъ могутъ являться люди предъ своими начальниками и подчиненными; или же случится и такъ, что слабый титоръ можетъ обратиться въ поборателя разныхъ нехорошихъ стремленій своихъ питомцевъ. Нѣтъ! дѣло воспитанія нельзя до такой степени поставять въ зависимость отъ одной личности. Шансовъ-то мало на усѣхъ. Хорошая дорога одна, а кривыхъ много; какія есть гарантіи тутъ, что дѣло пойдетъ хорошо? Опять скажутъ, что при какомъ угодно воспитаніи, личность воспитателя ужъ будетъ играть важную роль; вѣдь и для валютки тоже нуженъ учитель, или воспитатель, при-

смотрящихъ. Это такъ. На первой порѣ образованія и воспитанія человѣка нужны они. Но чѣмъ скорѣй можно поставить воспитанника на собственные ноги, тѣмъ лучше; тѣмъ скорѣй образуется въ молодомъ человѣкѣ и самостоятельность характера, и любовь къ труду, чѣмъ раньше перестануть опекать его и постоянно присматривать за нимъ. А вѣдь въ Англїи то ужъ студентъ не малютка, а все еще живетъ и образуется подъ присмотромъ тьютора. Кажется что нужно для малютки, то несомнѣнно идетъ къ человеку взрослому. Вѣдь такъ же невозможно разсуждать: англійскій студентъ долженъ опекаться тьюторами, потому что малютки, начинающіе свое образованіе и воспитаніе, нуждаются въ воспитателяхъ и учителяхъ. По этому примѣру можно строить и такого рода мысли: взрослому человѣку нужно сосать материнскую грудь, потому что малютка нуждается въ материнскомъ молокѣ.

Право не худо бы имѣть побольше довѣрія къ молодой натурѣ и побольше знать ее, когда хотимъ образовывать ее. Мы такъ невѣрчивы вообще къ человѣческой природѣ, что не считаемъ возможнымъ направить ее къ добру безъ сильной опеки надъ нею. Плодомъ же такого стремленія опекать ее всегда бываетъ самая сильная регламентація. Но общему соображенію, не запретить молодому человѣку жить живо, не устроить его отъ развлеченій, не ограничить преднамѣренно его чувственныхъ порывовъ, — такъ ужъ онъ непремѣнно пустится на все дурное. Онъ будетъ пьяница и развратникъ, и все что вамъ угодно, если не предотвратитъ его отъ искушеній разными искусно составленными и мудро регламентированными правилами. А вѣдь эти-то наши регламентаціи производятъ совсѣмъ другое дѣйствіе. Любой психологъ вамъ скажетъ и докажетъ реактивность человѣческой природы. Запрещенный плодъ потому-то и сладокъ, что онъ запрещенъ. Строго-настрога запрещаетъ молодымъ людямъ живѣтныя воцы, обезпечьте нарушение закона страшными наказаніями, — неужели вы думаете, что молодымъ людямъ вовсе не станутъ стремиться къ запрещенному? Попробуйте, станутъ, да еще сильнѣй, какъ-будто ихъ что-то влечетъ къ нему. Всякій жьтъ насъ знаетъ это по собственному опыту. Когда человѣку предоставлена свобода дѣйствій, онъ дѣйствуетъ по собственнымъ соображеніямъ, а собственные соображенія направляютъ его къ совершенію только того, что нужно для него. Когда мои дѣйствія судятся по регламентаціи, — я дѣлаю не то, что мнѣ нужно дѣлать, а а то, что можно, какъ говорится — урвать противъ регламентаціи. Мое поведеніе принимаетъ искусственное направленіе, а не естественное, какое было бы при отсутствіи опеки. Искусственность — нять формы, и вотъ козцомъ козцовъ такого воспитанія можетъ

быть то, что я сдѣлаюсь тупѣйшимъ формалистомъ, когда привыкну къ одному внѣшнему выполненію предписаній, или же просто ветодлѣмъ, потому что развился реактивно. Бѣда-то вся въ томъ, что никакая регламентація, плодъ опеки, ни отъ чего не предохранитъ, ничего не создастъ въ человѣкѣ. Создастъ развѣ только дурную привычку поступать формально, руководиться обычаемъ, а не какими-либо сознательными побужденіями, принципами. Тутъ мы приходимъ къ великому принципу свободы въ дѣлѣ образованія, о которомъ мы поговоримъ ниже. Регламентація создастъ развѣ непамять къ формѣ, которая отзовется въ жизни воврѣдъ самому человѣку, воврѣдъ обществу, среди котораго невозможно же уничтожить всякую форму. А все это происходитъ отъ недовѣрія къ человѣческой природѣ. Неужели и вправду она такъ грязна и дурна въ самомъ дѣлѣ, что рѣшительно не можетъ идти къ какому-нибудь добру? Да ужь если не довѣрять ей, такъ зачѣмъ же регламентаторы вѣрятъ въ собственную природу? Зачѣмъ же они думаютъ, что ихъ правила — результатъ не испорченности человѣческой природы, а непременно ея цѣльности? Вотъ «Русскій Вѣстникъ» все толкуетъ объ единствѣ человѣческаго рода. А оказывается, такъ родъ человѣческій вовсе не произошелъ отъ одного корня: видите ли, одна его часть испорчена, а другая цѣльна... Какъ это не знать, что человѣкъ только тогда строго исполняетъ правила, когда они плодъ его собственнаго ума, когда онъ самъ сдѣлалъ ихъ для себя обязательными, т. е. когда они — его собственная плоть и кровь. А вѣдь тогда они только наипнутъ на него, прочно ли будутъ держаться? Не то мы хотимъ сказать этимъ, что въ дѣлѣ воспитанія ненужны никакія правила, а то, что эти правила, сохраняя великій принципъ свободы, должны давать всякой молодой натурѣ возможность самовоспитываться, чтобы такимъ образомъ оставалось для нея мѣсто сознанію, что она живетъ и руководится въ жизни своими правилами.

Впрочемъ мы заговорились... Намъ хотѣлось сказать, что англійское туторство есть явленіе только мѣстное, что идея его вовсе не основана на общечеловѣческомъ опытѣ; она плодъ устарѣвшихъ теперь взглядовъ на человѣческую природу; худо контролируемое, туторство можетъ производить самыя уродливыя явленія въ педагогическомъ мѣрѣ.

Теперь перейдемъ къ третьему недостатку англійскихъ университетовъ и вѣстѣ ихъ отличительной чертѣ — коллегіальной жизни.

Университетское устройство въ Англіи, какъ мы уже видѣли — коллегіальное. Каждая коллегія — свой особый мірокъ съ своими средствами существованія, съ своими порядками, обычаями и своимъ характеромъ. Коллегія не то что ассоціація: ассоціація устроивается на свободныхъ началахъ; ихъ правила составляются самими членами, ихъ легко измѣнить, лишь стоитъ большей части членовъ ассоціаціяи дойти до убѣжденія въ негодности правилъ. Да и правила эти въ ассоціаціяхъ всегда бываютъ такого рода, что они вовсе не стѣсняють свободной дѣятельности ея члена; потому и возможны ассоціаціяи между людьми, что онѣ не стѣсняютъ ничьей свободы. Совсѣмъ другое въ корпоративномъ устройствѣ англійскихъ университетовъ. Каждая коллегія представляетъ замкнутую общину, для члена которой обязательны правила, принятыя той общиной; дѣятельность каждаго ея члена заранѣе опредѣлена до самыхъ мелочей; о свободѣ тутъ много и говорить нечего. Въ защиту подобнаго устройства обыкновенно приводятъ разнаго рода соображенія. Изъ нихъ часто приходится слышать особенно слѣдующее: всякій вступающій въ подобнаго рода коллегію для образованія, напередъ знаетъ объ условіяхъ, на какихъ обыкновенно принимается новый членъ: не хочетъ кто соблюдать коллегіальныхъ правилъ, тотъ и не поступаи; а если поступилъ въ коллегію и потомъ начнешь кричать противъ ея устройства, жаловаться на стѣсненіе свободы, то это уже безсовѣстно. А какъ же быть-то? Для студента въ Англіи пожалуй и тяжелы коллегіальныя правила, да чтожъ онъ будетъ дѣлать, коли безъ исполненія ихъ нельзя получить и образованія? Извѣстно какъ въ Англіи дѣлится старо-университетское образованіе, какъ обязательно оно по общественному мнѣнію для всякаго, желающаго быть порядочнымъ джентльменомъ: значить тамъ слишкомъ тяжело для молодого человѣка остаться безъ школьнаго образованія. Ну и вступаетъ онъ въ коллегію, лишь бы его получить.

Да и самая-то мысль о подобныхъ коллегіяхъ теперь уже не современна. Теперь все стремится къ обобщенію, вездѣ сглаживаются, исчезаютъ маленькіе мірки съ устарѣлыми воззрѣніями, замкнутые въ тѣсныя кружки, которые любятъ себя не ради великихъ цѣлей своихъ (ихъ-то большею частію и недостаетъ имъ), а просто ради того, что они особыя кружки. Они стремятся вовсе не къ тому, чтобы каждый членъ ихъ развивался естественно и свободно, а къ тому, чтобы наложить на него свой типъ, сдѣлать изъ него адепта, всѣмъ жертвующаго въ пользу замкнутого кружка. Это наследіе среднихъ вѣковъ, остатки старыхъ, средневѣковыхъ орденовъ и цеховъ. Ну, да въ средніе вѣка эти мірки еще имѣли

кой-какой смыслъ, часто полѣный, да все-таки смыслъ. А въ XIX вѣкѣ эти мірки ужь никакого не имѣютъ смысла. Теперь ужь человечество страшиваетъ съ себя эти узы, которыя наложило на себя, когда было глупо еще; теперь хлопчутъ не о расширеніи правъ и преимуществъ разныхъ мірковъ, а объ уничтоженіи ихъ самихъ, такъ какъ они скоро испошливаются; въ нихъ скоро вымираетъ жизнь; они застыиваютъ въ неподвижныхъ формахъ, совершенно исключаютъ всякое свободное развитіе личности. Можетъ-быть въ англійскихъ университетахъ дурныя слѣдствія коллегіальнаго устройства, коллегіальной жизни сглаживаются противодѣйствующими причинами? Можетъ-быть мірки-коллегіи не такъ пошлы, какъ пошлы они бывають въ другихъ мѣстахъ, а можетъ-быть и несовсѣмъ пошлы? Но какія же есть гарантіи, что эти коллегіи не заразятся пошлостью? Вѣдь нѣчто подобное этому уже есть въ англійскихъ коллегіяхъ: что же поручится, что онѣ не преуспѣють болѣе на такомъ поприщѣ? А вѣдь тогда дѣло выйдетъ несовсѣмъ хорошее.

Какъ на слѣдствіе коллегіальнаго характера англійскихъ университетовъ должно смотрѣть, что въ составѣ ихъ много лишнихъ членовъ. Коллегіи тамъ въ нѣкоторомъ родѣ богоугодныя заведенія. Такія заведенія сами по себѣ хороши, потомучто доставляютъ помощь человѣчеству и облегчаютъ его страданія. Но помощь тогда только достигаетъ своей цѣли, когда она подается такимъ людямъ, которые сами не въ силахъ добыть себѣ кусокъ хлѣба. Совсѣмъ другое дѣло въ англійскихъ коллегіяхъ: ихъ первоначальная благотворительная цѣль — доставить образованіе и воспитаніе бѣднымъ студентамъ. Но съ теченіемъ времени коллегіи стали держать у себя бѣдныхъ людей, кончившихъ уже университетское образованіе. Такихъ джентльменовъ, питающихся отъ коллегій, бываетъ очень много. Сначала конечно это было сообразно съ цѣлью коллегій и даже необходимо, потомучто нужно же молодому человѣку, кончившему курсъ образованія, но непріобрѣтшему еще никакихъ средствъ къ жизни, дать возможность жить до приисканія себѣ угла въ мірѣ. Но вонервыхъ эти лиценціи должны бы были даваться съ строжайшей разборчивостью, да и на кратковременный срокъ, потомучто въ противномъ случаѣ останется въ университетѣ и тотъ, кому неслѣдъ оставаться, и будетъ онъ какъ-говорится бить баклуши на готовомъ хлѣбѣ. Такъ дѣйствительно и случалось въ англійскихъ университетахъ. Много изъ bachelors of arts, магистровъ, все непопадаютъ въ тьюторы, непопадаютъ и къ доходному мѣсту, а остаются себѣ жить въ университетѣ при коллегіяхъ. Это-то вотъ и есть праздные люди, съ надеждой или безнадежно высматриваю-

щие себѣ доходное мѣстечко въ университетѣ или внѣ его; классическое образованіе слѣдало ихъ способными только быть тьюторами въ коллегіяхъ, засѣдать въ парламентѣ, занимать какую-либо духовную должность. А такъ какъ такихъ мѣстъ немного, по крайней мѣрѣ меньше, чѣмъ претендентовъ на нихъ, то многіе и остаются за штатомъ. Попастъ въ какія-либо другія должности, на фабрику напримѣръ или въ компанію, они или не могутъ, потомучто для того нужно быть специалистомъ кое въ чемъ другомъ, кромѣ Гомера или Эукидида, или же не хотятъ сами, потомучто тогда они не были бы джентльменами. Тамъ нужно работать, чтобы достать себѣ кусокъ хлѣба, можно насидѣться голоднымъ, а въ коллегіи при бездѣйствіи или маломъ трудѣ можно бездѣдно прожить. Вотъ и заѣдаютъ они чужой кусокъ хлѣба, потомучто не держи коллегіи при себѣ лишнихъ членовъ, онѣ могли бы доставлять образованіе гораздо большому числу людей. Тогда не трагилась бы совершенно непроезвительно огромныя суммы, не поблажались бы бездѣйствіе и лѣность. А что все это ученое сословіе въ Англіи, питающееся отъ крупницъ студентовъ, лѣнливо и бездѣйственно, на это мы представимъ слѣдующее доказательство. По нѣкоторымъ предметамъ у студентовъ вовсе нѣтъ сносно-хорошихъ руководствъ; да большая часть учебниковъ, какими они пользуются, написаны лицами вовсе не принадлежащими къ университетскому ученому сословію. Ну что бы ждется дѣлать этимъ остающимся за штатомъ, образованнымъ людямъ, какъ не трудиться въ пользу меньшей своей братіи? Можетъ быть дисциплина потому и строга въ англійскихъ университетахъ, что у нихъ на рукахъ много праздныхъ молодыхъ людей; оставить ихъ безъ присмотра нельзя, потомучто примѣры увлекаютъ, а въ бездѣльи рождаются въ головѣ разныя эдакія предпріятія, — надо же гарантировать порядки университетскіе, да обезпечить отсутствіе худыхъ примѣровъ. Вотъ и создается порядокъ, при которомъ сами же бакалавры искусствъ подлежатъ строгому надзору.

Слѣдствіемъ такихъ университетскихъ порядковъ бываетъ то, что расходуются чрезвычайно большія суммы совершенно даромъ. Это видно изъ слѣдующей таблицы, показывающей чего стоить странѣ англійскіе университеты и сколько денегъ расходуетъ произвительно и сколько непроезвительно:

	Оксфордъ	Кембриджъ
жалованья профессорамъ и лекторамъ университета	5,400 ф. ст.	5,630 ф. ст.
чиновникамъ университета	3,000 —	2,000 —
чиновникамъ коллегій	15,000 —	17,750 —
начальникамъ коллегій	18,350 —	12,650 —
содержаніе феллов. товар.	116,500 —	90,330 —
академ. стипендіи	1,188 —	1,330 —
колег. стипендіи	6,030 —	13,390 —
академ. награды	160 —	342 —
колег.	—	1,038 —
академ. церков. бенефиціи	2,400 —	600 —
колег.	136,500 —	93,300 —
безъ означенія предметовъ	6,642 —	4,238 —
Итого въ годъ	311,170 ф. ст.	242,568 ф. ст.

Вотъ мы жалуемся, что у насъ бюрократія поглощаетъ чрезвычайно много денегъ. Посмотрите: въ англійскихъ университетахъ, гдѣ всего меньше должно быть бюрократіи, поглощается ею въ одномъ 12%, а въ другомъ около 15%, да причтите къ этому содержаніе феллововъ (въ это число входятъ и тьюторы, и праздные бакалавры и магистры, и директора), такъ выйдетъ около 50%, такъ что только половина расходуется на студентовъ. А жалованья профессорамъ и лекторамъ въ томъ и другомъ университетѣ полагается не болѣе 1½ процентовъ изъ всего бюджета. Отсюда уже можно судить въ какомъ положеніи профессорское званіе въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, и какое развитіе дано тамъ профессорскимъ лекціямъ.

Въ Оксфордѣ содержаніе студентовъ коллегій втеченіи трехъ съ половиною лѣтъ академическаго курса обходится въ 1000 ф. ст., или на наши деньги 6,300 р. сер., въ Кембриджѣ 750 или 4,725 р. сер. Но болѣею частью въ Оксфордѣ издержки студента, въ томъ числѣ и на шалости, доходитъ до 1,500 ф. ст. или 9,450 р. сер. Въ другихъ университетахъ издержки студента менѣе. Въ Дублинѣ и Лондонѣ содержаніе студента стоитъ 200 ф. или 1260 р.; самое малое содержаніе въ университетѣ St. Andreu только 50 ф. или 315 р. Такииъ образомъ какой угодно студентъ, а ужъ самый бѣдный, и тотъ долженъ имѣть 100 р. въ годъ на свое содержаніе. Замѣйте, что въ университетѣ лондонскомъ издержки на курсъ студенческаго образованія сравнительно малы, потомучто онъ самъ основанъ на континентальныхъ началахъ, потомучто нѣтъ при немъ лишнихъ людей, объѣдающихъ студентовъ. А вѣдь дѣло-то образованія идетъ вѣдь не хуже оксфордскаго. Въ Оксфордѣ же воспитываться нѣтъ рѣшительно никакихъ средствъ для бѣднаго человѣка. По 3,000 р.

сер. не каждый может тратить въ годъ. Можетъ-статься такія траты для отцовъ возможны только въ Англіи, въ которой огромное богатство сосредоточено въ рукахъ банкировъ, негодяивъ и помѣщиковъ. Зато въ Оксфордѣ и Кембриджѣ воспитывается только меньшинство англійскаго юношества, потому что и въ Англіи не все же богатые люди.

Если теперь поставить вопросъ: должны ли всѣ въ мірѣ университеты быть устроены на манеръ англійскихъ? то этотъ вопросъ будетъ значить слѣдующее: должно ли образование быть удѣломъ всѣхъ людей, имѣютъ ли всѣ право на образование, или оно удѣломъ однихъ только богатыхъ, тѣхъ, кого случайности судьбы поставили въ особія обстоятельства и надѣлили матерьяльными средствами? Вопросъ самый пегуманный, теоретически давно уже рѣшенный, но фактически постоянно возникающій. Мы уже сказали выше о томъ, какъ нужно теперешнимъ лучшимъ дѣателямъ заботиться дать образование выдвигающимся на сцену исторіи массамъ. Больше говорить объ этомъ мы ненамѣрены. Теперь представимъ кое-какія соображенія по этому предмету. Каждый человѣкъ имѣетъ право быть человѣкомъ; образование не роскошь, которой можно пользоваться, и нѣтъ. Въ природѣ каждая сила развивается целесообразно и все въ ней тогда только пользуется полнымъ бытіемъ и можно-сказать дѣйствительно живетъ, когда развивается и обнаруживается наружу таящіяся внутри силы. Нужно ли и говорить, что человѣкъ долженъ тоже развить всѣ свои силы, сдѣлаться полнымъ человѣкомъ, и для этого достигнуть нѣкотораго образованія.

Роль университетовъ въ дѣлѣ образованія массъ ясна. На выхото, т. е. на университетахъ, по преимуществу должна лежать задача прежде всего популяризировать науку. Она не должна быть собственностью только избраннаго меньшинства, потому что тогда она будетъ чѣмъ-то вродѣ средневѣковой алхиміи и чародѣйства, тогда она падетъ; разрабатывать науку всегда конечно будетъ меньшинство, но это потому только, что не всѣ даровиты и не всѣ находятся въ положеніи, обезпеченномъ матерьяльно; кому-нибудь да нужно же будетъ заботиться и добывать хлѣбъ на прокормъ ученыхъ. Но что она должна быть известной всѣмъ въ своихъ послѣднихъ выводахъ, должна быть популярна, это такъ же несомнѣнно, какъ несомнѣнно то, что для всякаго нуженъ свѣтъ солнечный, хотя и не всякій долженъ работать надъ открытіемъ сущности свѣтового начала. Университеты и должны быть популяризаторами науки: тогда только

они будутъ соответствовать своему имени и своей цѣли. Они такъ же могутъ быть часты, какъ наши гимназій, лишь только всѣ мы придемъ къ сознанию необходимости обширнаго знакомства съ наукой, полного развитія самихъ себя. Но для этого нужно возможное удешевленіе университетскаго образованія; вотъ тутъ-то и должно общество позаботиться, чтобъ сколько возможно болѣе народу могло образовываться въ университетахъ и открыть для бѣдныхъ людей средства къ тому; все что ни будетъ употреблено на дѣло образованія, будетъ израсходовано *совершенно производительно*. Объ этомъ справьтесь въ любой политико-экономической системѣ и она скажетъ вамъ тоже самое, что и мы говоримъ. А въ англійской университетской системѣ большой недостатокъ къ такому стремленію къ общенародности. Они замкнулись для бѣдности и открываются только для богатства.

Самый методъ занятій англійскихъ студентовъ не возбуждаетъ особеннаго къ себѣ сочувствія. Беретъ студентъ напримѣръ Гомера Илиаду или Одиссею и переводить ее, заучивая значеніе словъ и самаго смысла; при этомъ же онъ изучаетъ лучшіе комментаріи къ тексту; за рѣшеніемъ встрѣтившихся недоумѣній обращается къ тьютору. Или беретъ напримѣръ за Фукидида или Геродота; при изученіи ихъ онъ пользуется Гротомъ, Раулинсономъ и т. п. Не говоримъ о достоинствѣ такого чисто механическаго метода; предположимъ даже, что студенту при изученіи классиковъ приходится много передуумать, многое перечитать, придется и узнать кое-что. Но какъ онъ при этомъ приобретаетъ свѣдѣнія? Совершенно случайно: не потому, что онъ *долженъ* знать извѣстные факты ради внутренней ихъ важности, а потому, что они помогаютъ понять классиковъ, которые толкуютъ о томъ же самомъ предметѣ. У студента познанія не прививаются къ душѣ, не соединяются внутренней необходимой связью, а просто наслояются, или лучше—сказать—прицѣпляются. Онъ знаетъ общія черты египетской цивилизаціи не потому, что въ поступательномъ движеніи человѣчества къ развитію египетская цивилизація составляетъ степень, которую историкъ не можетъ и не долженъ обходить, не потому, что эта цивилизація для изучателя имѣетъ внутренней самостоятельный интересъ, а потому, что Геродотъ писалъ объ Египтѣ; и не познакомься студентъ съ нимъ изъ другихъ источниковъ, онъ не могъ бы понять всего Геродота. Съ другой стороны, изученіе книгъ, собственно изученіе авторовъ, какъ хотите, пахнетъ буквоѣдствомъ. Студентъ заботится не о томъ, чтобъ изучать цѣлую науку, а о томъ, чтобъ изучить книгу, и чѣмъ скорѣй покончить онъ дѣло съ ней, тѣмъ лучше. Эта пресловутая *thoroughness*, подробность, тоже отзывается буквоѣд-

ствомъ. Въ защиту его англичане приводятъ то, что гораздо лучше меньше знать да лучше, чѣмъ больше да хуже. Принципъ хороший, но крайность въ чемъ бы то ни было, ужь какъ хотите, не достоинство. Англійскій студентъ до того изучитъ книгу, что какъ-будто съѣдаетъ ее; но съѣсть книгу не богъ-знаетъ какою достоинство. Замѣтите, что подробное знаніе книги на англійскомъ университетскомъ языкѣ значитъ имовно знаніе ея отъ корки до корки. Оттого англійское воспитаніе дѣлаетъ изъ студента только энциклопедиста; фактовъ, и то впрочемъ одного только порядка, онъ знаетъ много, да факты эти не собраны въ одно цѣлое, не осмыслены, а просто сцѣплены одинъ съ другимъ. Въ статьѣ объ энциклопедическомъ словарѣ мы говорили, что фактъ самъ по себѣ не богъ-знаетъ какъ важенъ, что кучи фактовъ неосмысленныхъ, несоединенныхъ другъ съ другомъ органической связью, походятъ на кучу песка, глыбы, камней, которые дожидаются еще руин архитектора, чтобъ вышло изъ нихъ что-нибудь дѣльное. А то эта куча будетъ лежать до перваго вѣтра: подуеъ онъ, и все раскидается... Думаете ли вы, что изслѣдованія Раулинсона такъ-таки цѣлкомъ и останутся въ головѣ на всю жизнь въ оксфордскомъ студентѣ? Хорошо, если онъ самъ впослѣдствіи будетъ самостоятельно заниматься наукой: тогда конечно они останутся, потомучѣ неразъ ему придется встрѣтиться съ ними, неразъ придется подумать о нихъ и попытаться ихъ осмыслить. А то возьмите много пожилого джентльмена, который только и дѣлалъ въ жизни, по окончаніи курса въ Оксфордѣ, что проживалъ тысячи фунтовъ дохода: онъ такой же грѣшный какъ и прочіе люди, такъ же много перезабылъ, какъ и всѣ мы. Скажутъ: исторія, какъ наука, все-таки читается въ англійскихъ университетахъ, что энциклопедическія свѣдѣнія студентъ успѣетъ осмыслить... Но о томъ, какъ тамъ читается исторія, мы скажемъ нѣсколько ниже. Теперь скажемъ о томъ, что вотъ, говорятъ, студентъ успѣетъ еще осмыслить факты... Нѣтъ, пожалуй что и не успѣетъ. Извѣстна изъ опыта сила привычки, особенно въ молодомъ человѣкѣ. Послѣ того какъ два года съ половиной продержите его на буквоѣдствѣ, продержите *студента*, которому уже давно пора знакомиться съ наукой, то напрасно будете рассчитывать въ годъ возбудить въ немъ любовь, интересъ и уваженіе къ наукѣ. Такъ и останется онъ энциклопедистомъ, пожалуй съ силой анализа, которому научился онъ при разбираниіи классиковъ, да не будетъ у него того, что особенно важно, — синтеза. И недостатки синтетическихъ взглядовъ сплошь да рядомъ встрѣчаются въ англичанахъ: ужь начто Джонъ-Стюартъ Миль, кажется голова не въ урядѣ другимъ, а и то, поражая васъ глубиной своего анализа, онъ въ тоже

время удивляетъ сравнительной бѣдностью своего синтеза. Онъ даже возвелъ въ теорію простое сдѣленіе фактовъ и назвалъ это причинной связью, даже отвергнувъ въ идеѣ существовашіе причины, какъ образовательной силы. Очень естественно англичанину придти къ такой теоріи, послѣ своего образованія, во время котораго не соединялись въ немъ познанія логическою связью, а просто сдѣлялись.

А вѣдь отъ подобнаго рода занятій страшно страдаютъ интересы науки. Англійскій студентъ кажется ужь долженъ очень бы успѣть по археологіи, исторіи и математикѣ. Но по математикѣ напримѣръ не выходятъ изъ англійскихъ университетовъ такіе глубокіе спеціалисты, какъ изъ германскихъ. Студентъ тамъ изучаетъ болѣе Эвклида, чѣмъ математику; онъ долженъ знать что говоритъ Эвклидъ, какія у него теоремы и какъ онъ рѣшаетъ ихъ. Отличнѣйшіе математики изъ англичанъ гораздо рѣже, чѣмъ изъ французовъ или нѣмцевъ. Кажется исторію-то англійскій студентъ долженъ знать во всей обширности; но какъ наука, исторія въ англійскихъ университетахъ опять ниже исторіи германской: мы уже сказали, какъ приобретаются историческія свѣдѣнія англійскимъ студентомъ. У него нѣтъ даже послѣдовательности въ приобретеніи этого рода познаній. Возьмется онъ за Геродота прежде, а ужь потомъ по нуждѣ за Раулинсона и другихъ антикваріевъ; возьмется за Гомера и Оукидида, — обратится къ Гроту, и при этомъ къ тѣмъ главамъ, гдѣ толкуется о временахъ Гомера и Оукидида. Сама филологія англійская уступаетъ германской въ связи, послѣдовательности и полнотѣ даже, и опять оттого, что методъ филологическаго знакомства есть буквѣдство, Филологія, какъ наука, почти не читается студенту, а ему сообщаются разрозненныя филологическія свѣдѣнія, нужныя для него въ данное время; онъ филологъ въ предѣлахъ восьми или двѣнадцати книгъ, изученныхъ имъ въ продолженіи своего академическаго курса, но къ филологіи, какъ наукѣ, онъ еще недалекъ. До какой степени педантично его занятіе филологіей древнихъ языковъ, это можно видѣть изъ того, какъ дѣлаетъ онъ иногда переводы съ англійскаго языка на греческій или латинскій. Для него обязательны напримѣръ переводы съ англійскаго не на простую греческую прозу, а еще подѣ ладъ извѣстнаго писанія. Это просто поддѣлка, приравливанье, которое не имѣетъ никакой серьезной цѣли. Студента заставляютъ даже переводить съ отечественнаго языка греческими или латинскими стихами: это вѣдь просто уже дѣланье стиховъ. Да утѣшатся наши русскіе риемоплеты: и въ Англіи стихи дѣлаются *по-заказу*. Можно ли подозрѣвать, что подобнаго рода факты указываютъ на солидный характеръ фи-

логическихъ занятій английскихъ студентовъ? Но скажутъ намъ, что тамъ есть и профессорскія лекціи? Пожалуй поговоримъ и о нихъ.

Въ английскихъ университетахъ дѣйствительно ведутся профессорскія лекціи. Но въ какомъ они тамъ почетѣ, и въ какомъ развитіи, это мы видѣли уже изъ бюджета двухъ университетовъ, гдѣ на профессоровъ полагается только 1½ процента изъ всей суммы. Да и что тамъ можетъ сдѣлать профессоръ, когда для прочтенія цѣлыхъ наукъ, напримѣръ исторіи, полагается всего не болѣе сорока лекцій, а для другихъ и того менѣе, такъ что minimumъ доходитъ до двадцати. Въдѣ въ такой короткій срокъ можно сообщить только самыя общія свѣдѣнія. О наукѣ въ ея цѣломъ тутъ и рѣчи быть не можетъ. А главное здѣсь дѣло-то не въ томъ. Профессора спьяно неглижируютъ своими лекціями, потому что быть-можетъ сами не имѣютъ къ нимъ уваженія. А еще рѣже посѣщаются профессорскія лекціи студентами. Заведенные порядки заставляютъ студента всего болѣе дорожить экзаменами, а на экзаменахъ главнымъ образомъ требуютъ знанія книгъ, а не лекцій. Въ такомъ отношеніи студента къ лекціямъ можетъ-быть проглядываетъ положительный английскій характеръ, ищущій прежде всего непосредственной пользы, а можетъ-быть и то отсутствіе любви къ наукѣ, интереса ко всякому живому слову о ней, — отсутствіе, на которое мы можемъ смотрѣть какъ на прямой результатъ метода студенческихъ занятій.

Англичане говорятъ, что профессорскія лекціи нужны были только тогда, когда не было книгъ, сносныхъ руководствъ, и когда нуженъ былъ живой голосъ, какъ напримѣръ это было въ средніе вѣка до изобрѣтенія книгопечатанія. Такого рода возраженія однозначительны съ вопросомъ: можно ли замѣнить устную, живую рѣчь письменной, печатной? Въдѣ можно надѣяться, что книгопечатаніе, стенографія до того разовьются, до того войдутъ во всеобщее употребленіе, что при посредствѣ ихъ можно будетъ человеку изгнать изъ употребленія устную рѣчь. Мертвая буква никогда не можетъ высказать того, что скажетъ живая рѣчь; книга никогда не будетъ имѣть такого живого, непосредственнаго вліянія на душу, какъ рѣчь живого человѣка. Впрочемъ это вещи общеизвѣстныя. Мы не хотимъ здѣсь сказать того, что нужно отнять у студента всякія руководства и оставить его при однихъ профессорскихъ лекціяхъ. Пусть онъ пользуется и учебниками; профессоръ долженъ указать ихъ ему, какъ вспомогательныя средства къ образованію. Но всегда и вездѣ должна остаться профессорская рѣчь, какъ главная руководящая нить для студента въ его занятіяхъ наукой. Тогда только за-

внѣ студента будутъ вполне благотворны. Профессоръ, какъ живой человѣкъ, особенно если онъ даровитъ, всегда сумѣетъ возбудить интересъ къ наукѣ, увлечь къ ученымъ занатіямъ. А это очень можетъ принести пользу наукѣ. Нечего говорить, что если средніе вѣка имѣли профессоровъ, такъ неужно ихъ теперь. Не все старое худо. Отношенія средневѣкового профессора къ своимъ слушателямъ можетъ—быть навсегда останутся идеаломъ такихъ отношеній, и много нужно условій для того, чтобы снова ввести ихъ въ практику. Тутъ дѣйствительно видишь живыхъ людей, жившихъ для науки и братавшихся во имя ея.

Вообще о методѣ образованія англійскихъ студентовъ должно сказать, что оно нисколько не приспособлено къ интересамъ науки. Интересъ развитія науки требуетъ, чтобы прежде ее понимали, а потомъ любили. А если такъ заниматься буквобдствомъ, какъ занимается англійскій студентъ, то не воспитаешь въ себѣ ни пониманія науки, ни любви къ ней. И еслибы англійская университетская система стала распространяться въ образованномъ мірѣ, то любителямъ науки стоило бы подумать о будущихъ ея судьбахъ. Наука составляетъ главный предметъ гордости современнаго человѣка. Положимъ, что она далека еще отъ истины во всей ея полнотѣ; еще много придется ей трудиться надъ изслѣдованіемъ силъ природы, доколь дойдетъ она до познанія ея тайнъ; но уже положено тому начало. Шагъ сдѣланъ; направленіе, которому она должно слѣдовать въ своемъ развитіи, уже опредѣлилось; да найденъ и методъ, которымъ она должна руководиться при своихъ изслѣдованіяхъ? Теперь уже въ нѣкоторомъ смыслѣ наука—копія природы, хотя и блѣдная. Но все-таки и въ копіи нужно понимать смыслъ, нужно понимать общій строй ея частныхъ. Представьте себѣ картину, на которой, выражаясь риторическимъ слогомъ, рука художника еще несовсѣмъ выразила художественную мысль; на ней обрисованъ одинъ только контуръ предмета, есть одни только штрихи. Но подошедши къ ней, вы уже видите главную мысль художника; положимъ вы не удовлетворяетесь ею, но вы терпѣливо готовы ожидать, когда трудъ художника окончится; пусть на это требуется много времени (скоро вѣдь ничего не дѣлается), но вы твердо можете быть увѣрены, что это время будетъ тако, когда художническая мысль выразится на картинѣ несравненно яснѣй и полнѣй, чѣмъ какъ видите вы теперь. Для насъ ручательствомъ въ послѣднемъ случаѣ служить то, что художникъ понимаетъ собственную мысль, знаетъ способы изобразить ее кистью, есть въ немъ художническій тактъ эстетическое чутье, эстетическій синтезъ. Но что бы вы сказали, еслибъ увидали картину, въ которой

есть частности великолѣпно отдѣланныя, но рядомъ же съ ними есть вещи, которыя ни о чемъ не говорятъ, какъ-то насильно втиснуты въ картину? Есть ли у насъ надежда, что этотъ художникъ (если только можно его назвать художникомъ) когда-либо сумѣетъ выразить свою мысль, что онъ понимаетъ *суть* самаго дѣла и когда-нибудь доберется до цѣлаго? Можетъ-быть—говорите вы—да, а можетъ и нѣтъ; можетъ статься съ художникомъ, что онъ и будетъ упражняться въ частностяхъ, и никогда не дойдетъ до цѣлаго, испрошаетъ и кончитъ просто вывѣсками для мелочныхъ лавокъ. Вотъ тоже самое и въ наукѣ. Главное въ ней — пониманіе ея строя, цѣлей, смысла и направленія. Нужно знать и подробности, и частности: противъ этого никто вѣдь не говоритъ; но ихъ нужно осмыслить, нужно, чтобъ изъ нихъ выходило какое-нибудь цѣлое; иначе выйдетъ ненадежный сумбуръ. Пусть нельзя еще создать изъ научныхъ наблюдений ничего цѣлаго и законченнаго, но по крайней мѣрѣ стремитесь къ тому, не удовлетворяйтесь простымъ анализомъ, который потому-то и важенъ, что онъ орудіе синтеза, хоть поймите нужду, необходимость цѣлаго. А вѣдь вотъ этого-то и нѣтъ въ англійскихъ университетахъ. Тамъ студентъ лѣпшитъ частности на частности, лишь бы не застояться на экзаменахъ, а до цѣлой науки во всей ея обширности и подробности ему дѣла нѣтъ. коли о томъ не спросятъ на экзаменахъ. Тогда какъ на континентѣ професоръ главнымъ образомъ старается возбудить въ студентѣ пониманіе науки, любовь къ ней, въ Англїи почти нѣтъ этихъ органовъ науки, популяризирующихъ ее, пріобрѣтающихъ ей любителей. Непридавая значенія синтезу науки, ваучному цѣлому, англійскіе студенты хлопчутъ объ энциклопедизмѣ, который никогда не разовьетъ въ нихъ пониманья науки и любви къ ней. Такая система образованія пожалуй уничтожитъ науку, когда не сумѣетъ и не успѣетъ привлечь на сторону ея молодыхъ натуры.

Но наука должна сказаться и въ жизни. Что хочетъ называть себя пристанищемъ науки, то должно само запечатлѣться характеромъ науки. А наука любитъ свободу, требуетъ отъ своего адепта полной самостоятельности, не любитъ ничего формальнаго. Только при свободѣ возможно исканіе истины и пріобрѣтеніе убѣжденій. Убѣжденія вовсе не такая легкая вещь, какъ представляется съ перваго взгляда: иной всю жизнь хлопочетъ о томъ, чтобъ пріобрѣсть истинныя убѣжденія, и только съ трудомъ, ужасными усиліями пріобрѣтаетъ ихъ. Иной всю жизнь думаетъ, что у него есть убѣжденія, а ихъ у него нѣтъ и вполонину. Вся задача образованія и воспитанія и состоитъ въ томъ, чтобъ родить въ человѣкѣ истинныя убѣженія, — именно *родить*, а не навязать ихъ. А для

этого мало только воспитывать человѣка въ известномъ направленіи, для этого мало сообщать ему только известныя мысли и всѣмъ стараться ограждать его отъ знакомства съ другими противоположными мыслями. Хорошо бы человѣку не знать зла, а вѣдать одно только добро. Но жизнь—то ужь устроена такъ, что нужно каждому знать и истину и ложь, чтобъ возбудилась въ человѣкѣ любовь къ истинѣ; въ жизни такое смѣшеніе истины и лжи, что никакъ не обережете отъ нея своего питомца; лучше наперелъ познакомить его со всѣмъ, чтобъ и то и другое завѣдомо было ему: такое смѣшеніе, что не ручайтесь за себя, когда вы думаете указывать молодому человѣку истину, что ужь непремѣнно вы и знакомите его съ одной истиной. Не говоримъ, что въ молодомъ человѣкѣ вы не возбуждаете борьбы, не повергнете его въ уныніе и сомнѣніе. Но то-то и хорошо, что вы въ немъ возбуждаете борьбу, возбуждаете мысль, повергнете его въ муки сомнѣнія и исканія истины. Раяо вы возбуждаете въ немъ борьбу, — она и кончится скоро; по крайней мѣрѣ онъ успеетъ найти хоть что-нибудь успокоительное для себя и пріобрѣсть убѣжденія. Въдъ тогда только и можно пріобрѣсти ихъ, когда ищешь истины, мучишься; только послѣ шатанья изъ стороны въ сторону можно крѣпко устояться: вотъ и нужно зашатать молодого человѣка, когда въ немъ есть силы устояться. Бѣда, если молодой человѣкъ во время своего образованія не испытаетъ этихъ мукъ сомнѣнія, этой борьбы, когда онъ съ quasi-пріобрѣтенными убѣжденіями вступить въ жизнь и здѣсь—то зашатается. Тутъ ужь помогать ему устояться будетъ болѣе всего жизнь, жизнь часто пошлая... Онъ подумаетъ, что принципы, руководящіе этой пошлой жизнью и вправду вѣрны и непреложны, что убѣжденія пошлаго большинства и есть истинныя убѣжденія. И вотъ онъ обманется изъ популярностью, усвоитъ себѣ и устоится, да только не на прямой дорогѣ. Только борьба, повторяемъ, воспитываетъ истинныя убѣжденія; она сглаживаетъ крайности во всякомъ направленіи. А борьба возможна только на свободѣ, все равно какъ и наука возможна только на свободѣ. Подъ сѣнью науки возможна самая широкая свобода убѣжденій; она терпитъ всякія направленія, лишь бы цѣль ихъ была — постигнуть истину; у ней нѣтъ никакого пристрастія. Только при свободѣ возможна самостоятельность, это вѣрное выраженіе личности человѣка. Никто не долженъ быть принуждаемъ непремѣнно къ раздѣленію известныхъ взглядовъ; не говоримъ, есть взгляды обязательные, потомучто за нихъ говорить общечеловѣческой опытъ. Но если личность создастъ свой особый, отличный отъ общепринятаго взглядъ, — *laissez faire, laissez passer!* Не уничижайте его невыслушавши, не отрицайте отъ него правъ

на существованіе потому только, что заранѣе въ силу своего взгляда осудили всѣ другіе. Уничтожьте его разумнымъ оружіемъ, снимите съ него личину истины, и это будетъ святое дѣло. Но прибѣгать къ другимъ какимъ-либо средствамъ нисколько не разумно, а главное — совершенно безуспѣшно. Матерьяльная сила никогда не давитъ нравственной: подъ давленіемъ она только сожмется, но не уничтожится. А когда признаете за каждой личностью право выработать себѣ убѣжденія, тогда будетъ развиваться и будетъ крѣпнуть сама наука. Вотъ и долженъ молодой человѣкъ, при своемъ ознакомленіи съ наукой, приучаться къ самостоятельности... Наука не любитъ формы опять-таки потому, что она любитъ свободу, а форма — врагъ свободы. Мы знаемъ, что нужна въ обществѣ и форма для того, чтобы обезпечить членовъ его отъ неумѣреннаго проявленія свободы нѣкоторыхъ его членовъ. Но опять-таки въ мѣру нужно напускать на свободу врага ея, — настолько, насколько нужно это для выгодъ самой свободы. Иначе вмѣсто духа и жизни, наука, окруженная формой, исполнится, обратится въ слугу для какихъ-либо цѣлей. Тогда прощай наука, потому что тамъ, гдѣ нѣтъ содержанія, — ничего нѣтъ, тѣмъ болѣе нѣтъ науки. Вотъ англійскимъ университетамъ и недостаетъ именно этихъ-то условій развитія и процвѣтанія науки въ какомъ-либо мѣстѣ. Тамъ страшная регламентація: для студента обязательны извѣстные взгляды, для него невозможна свобода убѣжденій; все противоположное общепринятому считается запрещеннымъ плодомъ, до котораго не смѣй онъ и коснуться. Оксфордскій студентъ — мальчишкѣ, за которымъ ходить заботливая няня, чтобы не ушибъ онъ ножекъ или ручекъ, не услышалъ чего дурного и т. д. Таковъ ли въ самомъ дѣлѣ долженъ быть университетъ, пристанище науки?

Но вѣдь какже? — скажутъ — англійскіе университеты и хотятъ именно только воспитать людей; ихъ спеціальная цѣль педагогическая. Пожалуй, поговоримъ и о томъ, не слишкомъ ли въ большой мѣрѣ англійскіе университеты берутъ на себя педагогическія задачи. Въ университетъ тамъ вступаетъ уже не малютка, не такіе мальчишки, за которыми нуженъ ближайшій присмотръ, каждый шагъ которыхъ долженъ быть опредѣленъ и которые сильно нуждаются въ опекѣ. Если нужно блюсти строго за поведеніемъ воспитанника, стараться направлять его по прямой дорогѣ, постоянно внушать ему правила благоповеденія, такъ пусть это дѣлается тогда, когда это дѣйствительно нужно. А нужна опека тогда, когда человѣкъ дѣлаетъ первые шаги въ своей жизни, когда для него легко попасть на ложную дорогу. Поступившій же въ университетъ вовсе не требуетъ отеческихъ о себѣ заботъ. Скажутъ: человѣкъ долго

долженъ самоусовершенствоваться, долго воспитывать себя, чтобъ попасть на прямую дорогу, и что еще въ университетѣ нельзя оставить его безъ ближайшаго присмотра. Такъ. И мы говоримъ, что долго долженъ человѣкъ самоусовершенствоваться; скажемъ болѣе: всю жизнь онъ долженъ воспитывать себя въ добрѣ. Но отчего же въ силу этого принципа нѣтъ педагоговъ, наблюдающихъ за поведеніемъ взрослыхъ людей, годовъ въ сорокъ? Отчего жъ ихъ не окружаютъ отеческими заботами и покровительствомъ, а предоставляютъ самихъ себя? Можетъ-быть въ англійскихъ университетахъ потому нужна строгая школьная дисциплина, что молодость скоро на увлеченія... А чтожъ изъ этого? Вѣдь увлеченія-то и дороги въ человѣкъ; потому-то молодость и привлекательна и дорога каждому, что она кинитъ увлеченіями. Не такъ же испорчена человѣческая природа, чтобы уже рѣшительно молодость увлекалась только худымъ, только зломъ. Вѣдь какъ часто сплошь да рядомъ молодость увлечается добромъ? Да и когда, какъ не въ молодости всего живѣе бываетъ сочувствіе къ добру, всего живѣе рѣшимость принести всего себя въ жертву идеѣ, постоять за правду?.. Опять повторимъ, что за-увлеченіями только настаетъ время спокойствія, ясное сознаніе необходимости выработанныхъ на практикѣ правилъ дѣятельности. Бѣды большой не было бы, еслибъ англійскіе университеты не осаживали безжалостно увлеченій молодости, не стѣсняли ея порывовъ строгой формой. Да и напрасно они хлопочуть о воспитаніи силой своей дисциплины. Вѣдь въ этомъ ихъ усиліи—силой формы заставить молодость быть законной въ своей дѣятельности, проглядываетъ одно только недоверіе къ наукѣ. Можно ли сомнѣваться, что есть лучшая сила, гуманизирующая человѣка, воспитывающая его, чѣмъ сила науки? Бѣкъ говоритъ, что по мѣрѣ умственнаго развитія человѣчества, шло впередъ и нравственное, что успѣхъ наукъ развиваетъ и улучшаетъ человѣка и въ нравственномъ отношеніи. Мысль, какъ намъ кажется, вовсе не лишонная правдоподобности. Наука развиваетъ силы человѣка, следовательно расширяетъ его умственный кругозоръ; развитый человѣкъ дальше видитъ и больше соображаетъ, чѣмъ человѣкъ неразвитый, хотя и нравственный; онъ сумѣетъ отличить простую схоластику отъ истинныхъ правилъ нравственности, необходимое отъ случайнаго и т. д. Возбудите въ человѣкѣ любовь къ наукѣ—и этому влюбленному некогда будетъ дебоширничать, ему едва достанетъ времени въ волю повозиться съ предметомъ своей любви. Въ наукѣ болѣе, чѣмъ во всемъ другомъ есть сила гуманизирующая; она дѣлаетъ человѣка серьезнымъ, выравниваетъ характеръ, развиваетъ силу воли, вызывая человѣка на борьбу съ ложью, невѣжествомъ,

на существованіе потому только, что заранѣе въ силу своего взгляда осудили всѣ другіе. Уничтожьте его разумнымъ оружіемъ, снимите съ него личину истины, и это будетъ святое дѣло. Но прибѣгать къ другимъ какимъ-либо средствамъ нисколько не разумно, а главное — совершенно безуспѣшно. Матерьяльная сила никогда не задавить нравственной: подъ давленіемъ она только сожмется, но не уничтожится. А когда признаете за каждой личностью право выработывать себѣ убѣжденія, тогда будетъ развиваться и будетъ вѣрнѣе сама наука. Вотъ и долженъ молодой человекъ, при своемъ ознакомленіи съ наукой, приучаться къ самостоятельности... Наука не любитъ формы опять-таки потому, что она любитъ свободу, а форма — врагъ свободы. Мы знаемъ, что нужна въ обществѣ и форма для того, чтобы обезпечить членовъ его отъ неумѣреннаго проявленія свободы нѣкоторыхъ его членовъ. Но опять-таки въ мѣру нужно напускать на свободу врага ея, — настолько, насколько нужно это для выгодъ самой свободы. Иначе вмѣсто духа и жизни, наука, окруженная формой, исполнится, обратится въ слугу для какихъ-либо цѣлей. Тогда прощай наука, потому что тамъ, гдѣ нѣтъ содержанія, — ничего нѣтъ, тѣмъ болѣе нѣтъ науки. Вотъ англійскіе университеты и недостаетъ именно этихъ-то условій развитія и процвѣтанія науки въ какомъ-либо мѣстѣ. Тамъ страшная регламентація: для студента обязательны извѣстные взгляды, для него невозможна свобода убѣждений; все противоположное общепринятому считается запрещеннымъ плодомъ, до котораго не смѣй онъ и коснуться. Оксфордскій студентъ — мальчикъ, за которымъ ходитъ заботливая няня, чтобы не ушибъ онъ ножекъ или ручекъ, не услышалъ чего дурного и т. д. Таковъ ли въ самомъ дѣлѣ долженъ быть университетъ, пристанище науки?

Но вѣдь какже? — скажутъ — англійскіе университеты и хотятъ именно только воспитать людей; ихъ специальная цѣль педагогическая. Пожалуй, поговоримъ и о томъ, не слишкомъ ли въ большой мѣрѣ англійскіе университеты берутъ на себя педагогическія задачи. Въ университетъ тамъ вступаетъ уже не малютка, не такіе мальчики, за которыми нуженъ ближайшій присмотръ, каждый шагъ которыхъ долженъ быть опредѣленъ и которые сильно нуждаются въ опека. Если нужно блюсти строго за поведеніемъ воспитанника, стараться направлять его по прямой дорогѣ, постоянно внушать ему правила благоповеденія, такъ пусть это дѣлается тогда, когда это дѣйствительно нужно. А нужна опека тогда, когда человекъ дѣлаетъ первые шаги въ своей жизни, когда для него легко попасть на ложную дорогу. Поступившій же въ университетъ вовсе не требуетъ отеческихъ о себѣ заботъ. Скажутъ: человекъ долго

долженъ самоусовершенствоваться, долго воспитывать себя, чтобъ попасть на прямую дорогу, и что еще въ университетѣ нельзя оставить его безъ ближайшаго присмотра. Такъ. И мы говоримъ, что долго долженъ человѣкъ самоусовершенствоваться; скажемъ болѣе: всю жизнь онъ долженъ воспитывать себя въ добрѣ. Но отчего же въ силу этого принципа нѣтъ педагоговъ, наблюдающихъ за поведеніемъ взрослыхъ людей, годовъ въ сорокъ? Отчего жъ ихъ не окружаютъ отеческими заботами и покровительствомъ, а предоставляютъ самимъ себѣ? Можетъ-быть въ англійскихъ университетахъ потому нужна строгая школьная дисциплина, что молодость скоро на увлеченіи... А чтожъ изъ этого? Вѣдь увлеченія-то и дороги въ человѣкъ; потому-то молодость и привлекательна и дорога каждому, что она кишитъ увлеченіями. Не такъ же испорчена человѣческая природа, чтобы уже рѣшительно молодость увлекалась только худымъ, только зломъ. Вѣдь какъ часто сплошь да рядомъ молодость увлскается добромъ? Да и когда, какъ не въ молодости всего живѣе бываетъ сочувствіе къ добру, всего живѣе рѣшимость привести всего себя въ жертву идеѣ, постоять за правду?.. Опять повторимъ, что за-увлеченіями только настаетъ время спокойствія, ясное сознаніе необходимости выработанныхъ на практикѣ правилъ дѣятельности. Бѣды большой не было бы, еслибъ англійскіе университеты не осаживали безжалостно увлеченій молодости, не стѣсняли ея порывовъ строгой формой. Да и напрасно они хлопочутъ о воспитаніи силой своей дисциплины. Вѣдь въ этомъ ихъ усиліи—сплошь формы заставить молодость быть законной въ своей дѣятельности, проглядываетъ одно только недоверіе къ наукѣ. Можно ли сомнѣваться, что есть лучшая сила, гуманизирующая человѣка, воспитывающая его, чѣмъ сила науки? Бѣкъ говоритъ, что по мѣрѣ умственнаго развитія человѣчества, шло впередъ и нравственное, что успѣхъ наукъ развиваетъ и улучшаетъ человѣка и въ нравственномъ отношеніи. Мысль, какъ намъ кажется, вовсе не лишонная правдоподобности. Наука развиваетъ силы человѣка, слѣдовательно расширяетъ его умственный кругозоръ; развитый человѣкъ дальше видитъ и больше соображаетъ, чѣмъ человѣкъ неразвитый, хотя и нравственный; онъ сумѣетъ отличить простую схоластику отъ истинныхъ правилъ нравственности, необходимое отъ случайнаго и т. д. Возбудите въ человѣкѣ любовь къ наукѣ—и этому влюбленному некогда будетъ дебоширничать, ему едва достанетъ времени въ волю поюзиться съ предметомъ своей любви. Въ наукѣ болѣе, чѣмъ во всемъ другомъ есть сила гуманизирующая; она дѣлаетъ человѣка серьезнымъ, выравниваетъ характеръ, развиваетъ силу воли, вызывая человѣка на борьбу съ ложью, невѣжествомъ,

съ трудностями исканья истинны. Ктоже лучше ея можетъ руководить молодость въ нравственномъ развитіи? Вотъ объ этомъ-то и забываютъ въ англійскихъ университетахъ. Неужели англійское юношество дѣйствительно бросилось бы въ омутъ разврата, еслибъ его больше знакомили съ наукой собственно, чѣмъ со школьной дисциплиной? Для формы англійскіе университеты отодвинули теперь интересы науки. А поставь ихъ первую цѣлью образованія студента: какъ-будто и невыработается въ немъ нравственный характеръ? Напротивъ, будь это сдѣлано — англійскій характеръ можетъ-быть имѣлъ бы въ себѣ больше общечеловѣческихъ высокихъ чертъ.

Впрочемъ уже въ самой англійской средѣ поднимаются голоса противъ всей университетской системы. Сами англичане находятъ ее устарѣвшею, несоотвѣтственною съ современными понятіями. Чѣмъ кончатся эти возгласы, неизвѣстно. Извѣстенъ національный англійскій эгоизмъ. Англичанинъ до такой степени привыкъ смотрѣть на себя какъ на челоѣка не въ урядъ другимъ, до такой исключительной степени привязанъ ко всему національному, что ему трудно придти къ сознанію необходимости измѣнить его, хотя оно и дурно. И тѣмъ болѣе тяжело для національнаго эгоизма англичанъ сдѣлать университетскую реформу, что въ основу новаго университетскаго устройства придется положить германскіе принципы. А вѣдь извѣстно, до какой степени свысока, чуть не съ презрѣніемъ, смотритъ англичанинъ на всѣ другія націи въ мірѣ. Онъ привыкъ такъ хвастаться своими учрежденіями, находить ихъ лучшими въ мірѣ, что ему трудно сознаться, чтобъ какой-нибудь другой народъ въ чемъ-либо опередилъ его. Вотъ почему трудно надѣяться, чтобъ скоро совершилась въ Англии университетская реформа.

Трудность ея еще болѣе увеличивается тѣмъ, что защитники нынѣшняго университетскаго устройства ссылаются на пользу его для жизни. Они говорятъ, что университеты и при худыхъ порядкахъ воспитываютъ умныхъ людей, хорошихъ администраторовъ, что они-то главнымъ образомъ помогали образованію тепершняго англійскаго характера, англійской жизни, что типъ джентльмена, которымъ хотятъ сдѣлать университеты всякаго студента, есть типъ челоѣка въ самомъ благороднѣйшемъ его значеніи. На это мы отвѣтимъ анализомъ англійскаго характера, англійской жизни, англійскаго джентльменства. Мы привыкли смотрѣть на все англійское какъ на самое лучшее въ свѣтѣ. А между тѣмъ, если съ безпристрастіемъ разобрать такъ богъ-знаетъ, найдется ли тамъ столько прекраснаго, сколько кажется его на страницахъ

«Русскаго Вѣстника». Англія болѣе чѣмъ всякая другая страна въ Европѣ, есть страна господства авторитета, преданія, формы. Эти въ ней вещи можетъ-быть выработались подъ вліяніемъ самихъ университетовъ. Студентъ старается изучить авторовъ, книги, и вотъ онъ пріучивается цѣнить авторитеты. Для зрѣлаго человѣка авторитетъ не такъ нуженъ, какъ для малютки, а для человѣка совершенно развитого онъ пожалуй и совсѣмъ не нуженъ. Слишкомъ большое господство авторитета — тоже своего рода рабство. Человѣкъ, который постоянно обращается къ нему, пріучается цѣнить мысли не по внутреннему ихъ достоинству, а по тому, насколько они раздѣляются авторитетами. Уваженіе къ великимъ мыслителямъ — вовсе не рабство предъ авторитетомъ; чужія мысли уважаешь не потому, что онѣ сказаны такимъ-то великимъ лицомъ, а потому, что видишь въ нихъ высокое внутренне достоинство; тутъ въ дѣлѣ — критика, повѣрка. Задача воспитанія въ томъ и состоитъ, чтобъ пріучить молодого человѣка пробавляться собственными, а не чужими мыслями, превращать чужое хорошее въ собственную плоть и кровь, принимать чужія мнѣнія не на-слово, а съ большой критикой. А въ англійскихъ университетахъ прежде всего спрашиваютъ у студента, какъ думаетъ о такомъ-то предметѣ такой-то авторъ. Неудивительно поэтому, что университеты поддерживаютъ въ странѣ господство преданія и авторитета. Все образованіе молодого человѣка тамъ основано на изученіи преданія. А постепенное наблюденіе за исполненіемъ студентами формы, строгое преслѣдованіе нарушеній школьной дисциплины порождаетъ формалистовъ. Оттого-то въ Англии такъ сильно господствуютъ авторитетъ, преданіе и форма. Такъ называемое чувство законности, въ основѣ хорошая вещь, доходитъ тамъ до самаго пустого педантизма, хотя и вездѣ прикрывается сознаніемъ долга. Для англичанина вѣдь все равно, имѣетъ ли смыслъ извѣстная форма, нѣтъ ли; но доколѣ она держится, онъ безусловно подчиняется ей, часто въ ущербъ нравственнымъ интересамъ. Оттого-то такъ развито въ Англии ханжество и лицемеріе. Англійскіе джентльмены тоже не особый типъ людей. Весьма часто бываетъ, что общеуважаемый джентльменъ развратенъ у себя дома такъ же, какъ и многіе другіе люди, хотя и слыветъ за человѣка не въ урядъ другимъ. Для того, чтобъ быть джентльменомъ въ Англии, пужно прежде всего имѣть хорошій годичный доходъ, положеніе въ обществѣ, пріобрѣсть хорошее о себѣ мнѣніе окружающихъ людей строгою законностью своихъ дѣйствій. Вообще джентльменъ долженъ хорошо *поставить* себя. Объ этомъ-то главнымъ образомъ и хлопочетъ всякій англичанинъ; для того и воспитывается и образуется, для

того и приобретаетъ богатство. А намъ кажется, что человекъ прежде всего въ самомъ себѣ долженъ находить отраду и награду, заботиться о томъ, чтобы успѣть хорошо поставить себя нравственно, а не матерьяльно. Хорошее мнѣніе свѣта будетъ слѣдовать за нравственнымъ человекомъ, какъ въ лѣтній солнечный свѣтъ за нимъ слѣдуетъ тѣнь. У каждаго на первомъ планѣ цѣлью жизненной дѣятельности должно быть не мнѣніе свѣта, а то внутреннее спокойствіе, которое бываетъ слѣдствіемъ нравственно-безукоризненной дѣятельности. Между тѣмъ англійскій джентльменъ прежде всего хлопочетъ о соблюденіи формы; онъ боится эксцентричности въ чемъ бы то ни было; это человекъ безъ увлеченій, это типъ спокойнаго, благоразумнаго — именно *благоразумнаго* въ житейскомъ смыслѣ человекъ. Оттого такъ трудны въ Англійи реформы, особенно если устарѣвшее имѣетъ за себя авторитетъ и преданіе. Особенно трудно тамъ живое слово, идущее противъ какого-либо преданія, авторитета, и такъ трудно, что даже ученые люди дѣлаютъ имъ уступку, какъ это недавно случилось съ естественнымъ испытателемъ Дарвиномъ. Жизнь личности тамъ закована въ форму такъ, что ей трудно сквозь нее пробиться и она кончаетъ свои усилія большею частью примиреніемъ съ нею.

И если университеты *только* удовлетворяютъ такой англійской жизни, то погодимъ ставить имъ это въ заслугу. Даже положимъ, что хороша Англійа, хороша ея жизнь. Но для университетовъ мало только слѣдовать за жизнью. Наука должна руководить жизнью, давать ей направленіе, указывать новые пути, новыя средства выйти изъ тягостнаго, пошлаго устройства... А университетъ по идеѣ — жилище науки; тамъ долженъ быть центръ, гдѣ группируются лучшія силы страны, какими она можетъ располагать въ пользу науки въ данное время. Слѣдовательно... слѣдовательно университетъ долженъ по устройству своему не только соответствовать жизни, но и опережать ее.

Такъ вотъ нехудо бы нашимъ англоманамъ обратить вниманіе на то, что не все въ Англійи хорошо и не все потому можетъ имѣть общечеловѣчное значеніе. Мы готовы заодно съ ними хвалить то въ англійской жизни, что дѣйствительно есть въ ней хорошаго, но недостаточное, хотя бы и англійское, мы смѣло назовемъ недостаточнымъ и несовременнымъ. И если наши англомавы между хорошими въ Англійи вещами указываютъ намъ на тамошніе университеты, то пусть не обижаются на насъ, если мы скажемъ, что классическое тамошнее воспитаніе несовременно, турская система воспитанія и корпоративное устройство далеко расходятся съ современными понятіями, методъ занятій студенческихъ совѣтъ

не приспособленъ къ принципу систематическаго развитія, какое нужно для современнаго человѣка, и къ интересамъ науки; что ихъ нельзя назвать пристанищами свободной науки, и что въ самой странѣ они поддерживаютъ господство только авторитета, преданія и формы.

Итакъ, въ виду всего этого, мы должны считать, что въ настоящее время въ Россіи не только не существуетъ свободной науки, но и не существуетъ науки вообще. Наука въ Россіи существуетъ только въ формѣ преданія, въ формѣ авторитета, въ формѣ формы.

Въ виду всего этого, мы должны считать, что въ настоящее время въ Россіи не только не существуетъ свободной науки, но и не существуетъ науки вообще. Наука въ Россіи существуетъ только въ формѣ преданія, въ формѣ авторитета, въ формѣ формы. Мы должны считать, что въ настоящее время въ Россіи не только не существуетъ свободной науки, но и не существуетъ науки вообще. Наука въ Россіи существуетъ только въ формѣ преданія, въ формѣ авторитета, въ формѣ формы.

Физиологія обыденной жизни. Соч. Г. Г. Льюиса.
Переводъ съ англійскаго профессоровъ московскаго универси-
тета С. А. Рацінскаго и Я. А. Борзенкова. Москва. Изд.
книгопродавца А. И. Глазунова. 1861. Т. I.

Въ послѣднее время у насъ выходитъ множество книгъ по ча-
сти естественныхъ наукъ, книгъ большею частью переводныхъ и
почти исключительно популярныхъ. Москва въ этомъ дѣлѣ сопер-
ничаетъ съ Петербургомъ и едва ли даже не имѣетъ преимущества
на своей сторонѣ. Въ самомъ дѣлѣ, замѣтимъ мимоходомъ, что ха-
рактеръ двухъ столицъ выразился и въ изданіи сочиненій, о кото-
рыхъ мы говоримъ. Выборъ московскихъ изданій почти всегда очень
строгъ, переводъ сдѣланъ добросовѣстно и людьми знающими дѣло,
изданіе акуратно и имѣетъ невысокую, а часто и дешовую цѣну.
Совсѣмъ не то въ Петербургѣ. Здѣсь вмѣстѣ съ прекрасными изда-
ніями въ огромномъ количествѣ являются издѣлія книжной про-
мышленности всѣхъ степеней достоинства. Нерѣдко выбираются
плохія книги, переводятся иногда невообразимо дурно, продаются
дорого, и вмѣсто существенныхъ достоинствъ изданія, блистаютъ
одною фальшивою роскошью. Подобныя явленія конечно нехоро-
ши, но если хотите, мы, жители Петербурга, можемъ радоваться,
что на нашемъ нингерманландскомъ болотѣ книжная промышлен-
ность принялась вполне, сдѣлалась туземною и развивается теперь
во *всѣхъ возможныхъ формахъ.*

Какъ бы то ни было, все это указываетъ на то, что въ нашей
читающей публикѣ существуетъ сильная потребность въ свѣдѣніяхъ
по части естествознанія. Можетъ-быть это потребность заносная;
можетъ-быть въ нашей страсти къ естественнымъ наукамъ мы по-
лучаемся Германіи, вліянію которой, какъ замѣчено было, мы уже
давно постоянно слѣдуемъ въ нашемъ умственномъ движеніи; но
во всякомъ случаѣ пріятно, что потребность существуетъ.

Какого рода эта потребность? Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что она — чисто-теоретическая, умственная потребность. Практикамъ, людямъ, занимающимся приложеніемъ естественныхъ наукъ на дѣлѣ, нужны не популярныя книги, а спеціальныя сочиненія. Масса же обыкновенныхъ читателей ищетъ въ популярныхъ сочиненіяхъ только одного удовольствія любознательности, только рѣшенія извѣстныхъ вопросовъ, занимающихъ ихъ умъ. Отсюда слѣдуетъ, что книги такого рода такъ и должны быть составляемы, чтобы чисто-научный, если хотите философскій или метафизическій интересъ въ нихъ преобладалъ.

Книга Льюиса, о которой мы намѣрены говорить, какъ нельзя лучше доказываетъ это. Она прекрасно составлена въ указаномъ отношеніи, и именно потому, что она такъ составлена, она уже успѣла возбудить у насъ большое вниманіе. Въ самомъ дѣлѣ, эта книга уже имѣетъ у насъ свою исторію. Едва она вышла, «Отечественныя Записки» схватились за нее, чтобы на основаніи физиологій опровергать разныя отвлеченныя ученія г. Чернышевскаго; можно было подумать, что до появленія Льюиса, физиологія была ввѣсе довѣдома въ русскіи государствѣ: такъ неожиданно она востала въ первый разъ противъ г. Чернышевскаго. Г. Чернышевскій, который подобно всѣмъ другимъ смертнымъ, очень невѣрою отъ авторитетовъ, отвѣчалъ, что «Отечественныя Записки» совсѣмъ не понимаютъ Льюиса, а что онъ, Чернышевскій, вполне его понимаетъ и совершенно съ нимъ согласенъ. Тогда «Русскій Вѣстникъ» сталъ предостерегать г. Чернышевскаго, чтобы онъ не слишкомъ довѣрялся Льюису, что есть вещи, въ которыхъ онъ съ Льюисомъ никакъ не сойдется. Замѣчаніе весьма справедливое. Намъ кажется вообще, что г. Чернышевскій только по излишней скромности признаетъ для себя авторитетами нѣкоторыхъ писателей. Онъ до того оригиналенъ, самоубытенъ, что безъ сомнѣнія встрѣтитъ себя противорѣчіе въ каждомъ изъ собственныхъ же авторитетовъ. Въ особенности мы бы совѣтовали ему остерегаться англичанъ. Надежнаго между ними почти ни одного нѣтъ. Всѣ эти Льюисы, Боуны, Миллы, Дарвины — преопасный народъ; они такъ хладнокровны, осторожны, недоувѣрчивы, такіе скептики и малоувлекающіеся люди, что съ ними далеко уйти нельзя. Сначала г. Чернышевскому можетъ показаться, что они съ нимъ согласны, но пусть онъ не довѣряется; они продадутъ его самымъ извѣщившимъ образомъ гдѣ-нибудь на самой серединѣ дороги и оставятъ его ѣхать впередъ одного. Тамъ гдѣ дорога раздѣляется и идетъ направо, влѣво и прямо, г. Чернышевскій, какъ истый русскій

богатырь, конечно поѣдетъ прямо, а они остановятся и будутъ жрать болѣе точныхъ свѣдѣній.

И такъ вступленіе книги Льюиса въ нашу книжный миръ свершилось блистательно. Какъ мы сказали, она вполне этого стоить; мало найдется популярныхъ книгъ равнаго съ нею достоинства. Достоинство ея состоитъ въ строго-научномъ направленіи, которое достигается вовсе не такъ легко, какъ это обыкновенно думаютъ. Наука, какъ и все на свѣтѣ, имѣетъ свои искаженія, свои уродливыя, фальшивыя формы; въ чистомъ своемъ видѣ она встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ въ своихъ неправильныхъ проявленіяхъ.

Настоящая наука всегда занимательна, потому что въ ней присутствуетъ живая дѣятельность ума, живой интересъ познанія. Между тѣмъ этотъ интересъ часто терлется; когда воображаютъ, что наука есть *собраніе фактовъ* и начинаютъ ставить фактъ возлѣ факта, подробность подлѣ подробности, заботясь только о полномъ подобнаго собранія и упуская вовсе изъ виду его внутреннюю связь. Книга Льюиса написана какъ-говорится въ *свободной* формѣ, то-есть именно въ той формѣ; когда изложеніе не приспособляется къ вѣтшной, напередъ заданной рамкѣ, а слѣдуетъ естественному теченію мыслей и захватываетъ собою больше всего то, что всего тѣснѣе связано съ предметомъ.

Но еще важнѣе то отношеніе, въ которое писатель ставитъ науку къ читателямъ. Всего чаще здѣсь господствуютъ два приема: или наука вовсе не обращаетъ вниманія на читателей, или же она относится къ нимъ свысока. И въ томъ и въ другомъ случаѣ она обращается съ ними не какъ съ равными. Первое отношеніе, то-есть когда ученый вовсе не обращаетъ вниманія на читателей, есть еще самое лучшее, несмотря на всю свою эгоистичность. Въ этомъ случаѣ ученый работаетъ чисто для науки, и въ этомъ его оправданіе. Но несравненно хуже и никакъ неизвинительно второе отношеніе, то-есть когда ученый смотритъ свысока на своихъ читателей. Между тѣмъ именно это отношеніе господствуетъ въ книгахъ популярнаго изложенія. Оно принимаетъ разнообразнѣшнія формы и однакоже одинаково дурно во всѣхъ этихъ формахъ. Ученый становится иногда чрезвычайно любезнымъ, даже вѣжливымъ, и всеми силами старается забавлять своихъ читателей; онъ шутитъ, дѣлаетъ игривыя отступленія, сравненія, приводитъ стихи и т. д. И все это разумѣется отзывается натянутостью и фальшью. Главнѣе же, коренное зло состоитъ въ томъ, что при подобныя приемы читатель постоянно ставится въ роль ученика, ребенка, а ученый разыгрываетъ роль мудреца и наставника. Слѣдствіемъ такого

убѣдѣнаго, *догматическаго тона*, при которомъ писатель обнаруживаетъ глубокую увѣренность въ своемъ многовѣдѣніи и внушаетъ читателямъ глубокую скромность относительно ихъ силъ и свѣдѣній, бываетъ то, что читателями овладѣваетъ *мистическое благоговѣніе къ наукѣ*, имѣющее для нихъ всѣ дурныя послѣдствія мистицизма. Они почти теряютъ способность узнать что-нибудь; начинаютъ подозрѣвать, въ наукѣ богъ-знаетъ какія тайны и глубины; самымъ простымъ словамъ даютъ какое-то глубокое и важное значеніе; словомъ, теряются и сбиваются съ толку совершенно. Послѣ чтенія такихъ популярныя книги или слушанія такихъ популярныхъ лекцій, они все-таки не имѣютъ возможности судить о чемъ-нибудь сама, а только съ благоговѣніемъ повторяютъ какія-нибудь отрывочныя фразы или таинственно звучащія научныя термины.

Подобныя отношенія ученыхъ къ обыкновеннымъ читателямъ, къ такъ-называемымъ образованнымъ людямъ, вытекаютъ изъ человѣческихъ слабостей, изъ наивности, изъ тщеславія; въ сущности же они прямо противоположны самому духу науки. Въ настоящее время науки чужды всякаго догматизма; въ нихъ господствуетъ полная свобода отъ авторитетовъ, полный доступъ критики и собственнаго изслѣдованія. Если естественныя науки часто выставляются рымъ за образецъ наукъ, то именно вслѣдствіе *общедоступности метода*, по которому онѣ дѣйствуютъ; *яскій* можетъ повѣрить то, что наблюдатель и что нашолъ натуралистъ. Не требуется никакой вѣры въ чужое вдохновеніе, въ усилія чужого ума, потому что повѣрка должна стоять рядомъ съ каждымъ добытымъ результатомъ; пути и приемы изслѣдованія должны быть очевидны, осязательны. Естественныя науки потому привлекаютъ къ себѣ общюю любовь, что въ нихъ нѣтъ никакого аристократизма, никакой исключительности; всѣ наблюдатели, всѣ изслѣдователи имѣютъ совершенно одинаковыя права въ наукѣ, и каждый натуралистъ признаетъ себя отвѣтственнымъ, обязаннымъ дать отчетъ всякому того желающему.

Духъ критики, господствующій въ настоящее время въ наукахъ, безъ сомнѣнія заключаетъ въ себѣ признаніе полноправности каждаго въ отношеніи къ истинѣ, признаніе свободы каждаго ума. Науки стремятся нынче популяризоваться; но въ чемъ должна состоять истинная популяризація? Конечно не въ томъ, что непосвященнымъ людямъ вдругъ откроются и сообщатся глубокія тайны и великія сокровища, открытыя и накопленныя науками. Еслибы это было возможно, то ученые были бы похожи на благодѣтельныхъ богачей, которые по своей милости и прихоти раздають золото кому

хотятъ. Но золото науки нельзя такъ легко ни раздавать, ни приобретать. Истинная популяризація можетъ состоять только въ томъ, что ученый научить непосвященнаго *разсуждать* точно такъ, какъ разсуждаетъ самъ ученый, что онъ поставитъ непосвященнаго наряду съ собою, дастъ ему тѣже права судить и рѣшать, какія самъ имѣетъ. Посвященъ въ науку не тотъ, кто знаетъ что думали другіе, а тотъ, кто самъ можетъ думать о тѣхъ же предметахъ; не тотъ кто знаетъ содержаніе науки, а тотъ кто владѣетъ ея методомъ, не покорный ученикъ, а свободный исследователь.

Книга Льюиса въ этомъ отношеніи выполняетъ всѣ требованія. Какъ онъ самъ пишетъ, «онъ отступилъ отъ обычая другихъ популярныхъ писателей, считающихъ себя обязанными ограничиваться ролью посредниковъ между научными авторитетами и публикою, и передавать факты и ученія въ томъ видѣ, въ какомъ сами ихъ найдутъ. Я не могъ — продолжаетъ онъ — принять такого легкаго и удобнаго способа дѣйствовать. Поэтому критика играетъ значительную роль въ моей книгѣ и въ ней есть много оригинальнаго.»

И въ самомъ дѣлѣ во всей книгѣ виденъ не давнишній ученый, сообщающій другимъ свою мудрость, а какбы свѣжій человекъ, который самъ учится на глазахъ читателей и старается самостоятельно овладѣть истинами науки. Видѣтъ съ авторомъ и читатель становится понемножку физиологомъ.

Критика и скептицизмъ проникаютъ собою всю книгу. Читатель узнаетъ какъ много вопросовъ нерѣшенныхъ физиологіею, какъ шатки и слабы многія ея рѣшенія, какое множество исследованийъ предстоитъ еще совершить впереди. Отъ этого великій страхъ перель глубиною премудрости исчезаетъ, и мы увѣрены, что послѣ книги Льюиса громкія слова: *физиологи доказали то-то и то-то*, значительно потеряютъ свою силу зажимать ротъ малосвѣдущимъ. Оказывается, что физиологи твердо доказали очень мало.

Но это не все. Еслибы книга Льюиса была порожденіемъ одного скептицизма, еслибы она способствовала только недовѣрію къ наукѣ и сомнію въ ней, то это была бы дурная книга. Гольій скептицизмъ противенъ духу науки и въ немъ нельзя сдѣлать упрека Льюису. Въ самомъ дѣлѣ Льюисъ жертвуетъ разными убѣжденіями и такими выводами не духу сомнія, а высшей истинѣ, болѣе глубокой и вѣрной идеѣ. А въ такомъ случаѣ онъ совершенно вѣренъ строго-научному направленію.

Въ чемъ же состоитъ эта болѣе высокая идея? Зерно ея безъ сомнія заключается въ томъ положеніи, которое было употреблено какъ оружіе въ битвѣ журналовъ съ г. Чернышевскимъ и кото-

рате вовсе не мешалъ легковѣрный авторъ «иолимпическихъ красотъ» хотя и объявлялъ печатно, что онъ съ нимъ совершенно согласенъ. Это положеніе Льюисъ высказываетъ на одной изъ первыхъ страницъ и затѣмъ оно проникаетъ собою всю его книгу. Оно выражено такъ :

• Есть одно основное правило, нарушение котораго никогда не можетъ остаться безнаказаннымъ, и которое несмотря на это, постоянно нарушается при нашихъ попыткахъ добиться истины. Это правило состоитъ въ слѣдующемъ: *не должно никогда пытаться рѣшать вопросы одной науки помощью рѣда понятій, исключительно свойственныхъ другой.*

• Есть рядъ понятій, свойственный только физикѣ, другой — принадлежащій химіи, третій физиологіи, четвертый психологіи; пятый свойственъ социальнымъ наукамъ. Хотя всѣ эти науки тѣсно связаны между собою, однакоже каждая имѣетъ свою независимую сферу и эта независимость должна быть уважаема. Такъ химія предполагаетъ физику, а физиологія химію; но одни только физическіе законы не могутъ объяснить химическихъ явленій; одни химическія законы не могутъ объяснить явленій жизненныхъ; такъ же точно и наоборотъ, химія не можетъ рѣшать физическихъ вопросовъ, а физиологія — химическихъ. При совершеніи всякаго жизненнаго явленія играютъ роль физическіе и химическіе законы, и знаніе ихъ необходимо; но кромѣ этихъ законовъ и выше ихъ стоятъ особенные законы жизни, которые не могутъ быть выведены ни изъ физики, ни изъ химіи.

Предметъ такъ важенъ, что нельзя на немъ не остановиться. Очевидно въ словахъ Льюиса, несмотря на ихъ простоту, много недоказаннаго и неопредѣленнаго. Онъ не говоритъ, что онъ разумѣетъ подъ понятіями (conceptions), не показываетъ въ чемъ можетъ состоять ихъ особенность, ихъ коренное различіе; наконецъ онъ только утверждаетъ, а не доказываетъ, что каждая наука имѣетъ такіа особенныя понятія. По его словамъ можно подумать, что разница между психологіею и химіею точно такая же, какъ между химіею и физикою; да такъ навѣрное и подумалъ г. Чернышевскій; но Льюисъ этого не говоритъ; онъ остановился только на общемъ положеніи, что и тамъ и здѣсь есть *разница*. Какъ же объяснить Льюисъ степеней и сущности различія между понятіями отдѣльныхъ наукъ; точно также не опредѣляетъ онъ сущности и степеней ихъ необходимой связи; онъ ограничивается только утвержденіемъ, что знаніе одной науки бываетъ необходимо для другой.

Итакъ слова Льюиса, хотя вполне вѣрныя, необходимо ведутъ ~~ошибкамъ во многихъ~~ *ошибкамъ во многихъ* вопросамъ и требуютъ многихъ объясненій и

доказательствъ. Самъ Льюисъ впрямую былъ въ известной степени правъ, не вдаваясь въ общее рѣшеніе этихъ вопросовъ; въ самомъ дѣлѣ, слова свои онъ могъ всего лучше пояснить и доказать на частномъ примѣрѣ, именно на физиологіи, которую полагалъ. Дѣйствительно, во всей своей книгѣ онъ отстаиваетъ самостоятельность физиологіи отъ притязаній физики и химіи, всюду старается указать особыя физиологическія понятія и разъяснить ихъ значеніе. Много ли онъ успѣлъ — другой вопросъ; но онъ остался вѣренъ своему направленію.

Есть ли физиологія самостоятельная, особая наука? Вотъ вопросъ, рѣшеніемъ котораго опредѣляется это направленіе. Нельзя сказать, что всякій отдалъ знаній, который носитъ имя особой науки, имѣетъ и особыя понятія; но наука дѣйствительно особая, дѣйствительно самостоятельная, необходимо представляеть и особыя понятія. Потому что сущность науки не въ чемъ новомъ не заключается, какъ въ тѣхъ понятіяхъ, которыя она образуетъ и подъ которыя подводитъ явленія. Если при изслѣдованіи предмета понятія остаются тѣже, какія были, то новой, особой науки не образуется, а только расширяется поприще старой. Возьмите на примѣръ глазъ животнаго. Физикъ можетъ изслѣдовать его со своей точки зрѣнія, можетъ опредѣлить въ немъ ходъ лучей свѣта; но его изслѣдованія, будутъ относиться все къ той же оптикѣ. Мы дѣйствительно находимъ, что глазъ рассматривается въ курсахъ физики; но оцъ стоитъ въ нихъ совершенно наравлу съ микроскопами и телескопами, такъ какъ въ физическомъ отношеніи онъ отъ нихъ ни въ чемъ не отличается. Точно также химикъ не дойдетъ до новыхъ понятій; если будетъ изслѣдовать химическій составъ глаза. Но если мы станемъ рассматривать глазъ не какъ оптическій инструментъ или химическій составъ, а какъ *organъ зрѣнія*, то мы тотчасъ же почувствуемъ нужду въ новыхъ понятіяхъ, которыя мы всегда легко отличимъ отъ физическихъ и химическихъ понятій и которыя будутъ *чисто-физиологическія* понятія. Вообще физиологія никакъ не могла бы считаться особою наукою, еслибы представляла только объясненіе явленій тѣла помощію физики или химіи. Грудь при дыханіи дѣйствуетъ какъ вѣхъ, сердце при кровообращеніи какъ насосъ, кости при движеніи какъ рычаги и т. д. Совокупность подобныхъ явленій не давала бы никакого права на образованіе для нихъ особой науки; все это были бы частные случаи, маленькіе примѣры законовъ и явленій, рассматриваемыхъ другими науками.

Образовать свои особыя понятія, какъ слѣдуетъ развить и сн-

зять ихъ въ систему, есть главная цѣль и внутренняя вѣдѣла важной самостоятельной науки. Понятно, что эта цѣль достигается нелегко, и что ея достиженіе сопряжено съ цѣлымъ движеніемъ науки впередъ. После того какъ Льюисъ такъ ясно высказалъ, что физиологія имѣетъ свои понятія, отличныя отъ понятій другихъ наукъ, казалось бы онъ долженъ былъ прямо перечислить и опредѣлить физиологическія понятія. Онъ долженъ былъ по крайней мѣрѣ указывать ихъ постепенно и слѣдить за ихъ связью и отношеніемъ, чтобы видно было, что они не противорѣчатъ другъ другу и дополняютъ другъ друга. Ничего подобнаго у Льюиса нѣтъ. Поэтому общая мысль его проявляется въ неопредѣленныхъ, неточно обозначенныхъ формахъ. Онъ безпрестанно напоминаетъ читателю, что дѣло идетъ о живыхъ существахъ, объ организмахъ, о которыхъ нельзя судить по химіи и по физикѣ; онъ прекрасно поясняетъ эту мысль частными примѣрами; но общія формулы, полныя почти не оставлены.

Главное, коренное понятіе физиологіи есть понятіе *организма*. Организмы суть существа живые, то-есть живущія и развивающіяся. Развитие представляетъ рядъ степеней жизни и высшихъ и слѣдовательно заключаетъ въ себѣ элементъ совершенства. Совершенный организмъ то-есть организмъ вполне развитой, есть *человекъ*. Развитие можетъ быть ускорено, задержано или уничтожено, но оно всегда совершается по внутреннему *закону* и слѣдовательно идетъ *самостоятельно*. Развитие необходимо образуетъ *циклъ* и потому оканчивается, т.е. организмъ смертенъ. Вотъ въ которыхъ изъ тѣхъ общихъ понятій, которая принадлежитъ физиологіи и не имѣютъ ничего общаго ни съ физикою, ни съ химіею. Опредѣлить и уяснить ихъ стремится физиологія, а имѣется съ этою Льюисъ. Физиологія есть ничто иное какъ наука объ органической жизни, то-есть наука, исследующая *процессъ развития*, процессъ совершенно особенный, непохожій на химическіе и физическіе процессы.

Могло показаться, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда Льюисъ отступаетъ отъ объективности физиологіи, дѣло идетъ именно объ этомъ процессѣ. Нипричь очень часто Льюисъ обращаетъ вниманіе на то, что организмъ *неодинаково* отъвѣчаетъ на одинъ и тѣ же вѣдѣнія и вѣдѣнія, что его *реакція* бываетъ различна. Такъ Льюисъ старается доказать опытами и примѣрами справедливость старой англійской пословицы: *что одному пшца, то другому яды*; по-нашему это будетъ: *что русскому здорово, то нѣмцу смерть*. На этомъ основаніи онъ не признаетъ того общепринятаго положенія, что

главное въ пищу — ея химическій составъ. Точно такъ въ связи о дыханіи онъ приводитъ любопытные факты, которые показываютъ какъ легко организмъ приспособляется къ дурному воздуху. Если воздухъ портится около животнаго постепенно, то оно остается живымъ даже въ такомъ воздухѣ, въ которомъ такое же животное, взятое съ свѣжаго воздуха, тотчасъ задыхается. Кровь того воздуха, въ которомъ не могутъ дышать одного рода животныя, можетъ удобно служить для дыханія животныхъ другого рода. На этомъ основаніи Льюисъ отвергаетъ то понятіе о дыханіи, по которому оно состоитъ въ одномъ физическомъ процессѣ поглощенія газовъ.

Чтоже доказываютъ подобныя явленія? Въ чемъ состоитъ ихъ опредѣленный смыслъ? Очевидно въ томъ, что различію условій нисколько не соответствуетъ различію въ развитіи, то-есть что развитіе совершается самостоятельно. Два человѣка съѣдаютъ два одинаковыхъ куска; одинъ умираетъ, другой не чувствуетъ ни малѣйшаго расстройствъ. Въ чемъ заключается удивительное? Для химика или физика тутъ не должно быть ничего страннаго; онъ прямо и безошибочно объявитъ, что эти два субъекта были различны *ex vivo* *in vivo*, различны по состоянію желудка, составу крови и пр. Слѣдовательно таже пища должна была произвести различныя дѣйствія. Но для физиолога эта разница между двумя людьми никакъ не рѣшаетъ дѣла, потому что въ его глазахъ эти два человѣка безконечно сходны между собою именно какъ люди, какъ одинаковыя высшіе, сложнѣйшіе организмы. Его задача не въ томъ, чтобы найти между ними различіе, а прямо въ томъ, чтобы объяснить себѣ, почему же при всевозможномъ различіи получаютъ одинаковыя результаты, почему титъ организмъ самостоятельно сохраняется, несмотря на равнообразіе обстоятельствъ. Не въ томъ дѣло, что отъ куска пищи, отъ дурнаго воздуха или чего-нибудь подобнаго умираетъ человѣкъ. Здѣсь не можетъ быть никакого дѣла. Мы знаемъ, что тысячи обстоятельствъ могутъ прекратить жизнь. Человѣкъ есть существо матеріальное и потому подверженъ всѣмъ условіямъ матеріальности. Какъ умираетъ человѣкъ, если его разорвать, раздавить или сжечь, такъ точно онъ умираетъ и отъ нарушенія вѣжества другихъ матеріальныхъ условій. Но удивительно то, что одинъ человѣкъ можетъ жить при тѣхъ самыхъ условіяхъ, при которыхъ другой умираетъ. Въ каждомъ фактѣ такого рода можно надѣяться легче доискаться, почему одинъ умеръ; но главное и труднѣйшая задача состоитъ въ томъ: почему другой живъ? То-есть какимъ образомъ организмъ спасъ себя отъ гибели, какъ онъ при-

способился къ новымъ обстоятельствамъ, какимъ образомъ онъ остался существенно тѣмъ же организмомъ?

Здоровье и болѣзнь, потребность и удовлетвореніе, возбужденіе и ослабленіе силъ — все это понятія, которыя также необходимо предполагаютъ главное понятіе жизненнаго процесса, процесса развитія. Всѣ вопросы, которыя къ нимъ относятся, не могутъ быть ни выражаемы, ни разрѣшаемы химическими или физическими понятіями. Разсматривая различныя вліянія на организмъ, пищу, воздухъ, температуру и пр., Льюисъ постоянно имѣетъ въ виду вопросъ: что здорово и что нѣтъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ получается у него почти всегда неопредѣленный: все можетъ быть и полезно и вредно; одно и тоже вліяніе можетъ быть и здоровымъ и нездоровымъ. Льюисъ обыкновенно кончаетъ тѣмъ, что совѣтуетъ прибѣгать къ инстинкту или къ личному опыту. А что значить прибѣгать къ инстинкту или къ личному опыту? Значить употреблять для измѣренія предметовъ, для опредѣленія ихъ свойства, не вѣсы, не аршинъ или термометръ, а прямо *свой собственный организмъ*. Организмъ есть та опредѣленная единица, та мѣрка, съ которою все сравниваетъ фізіологъ. Всѣ другія измѣренія, какъ бы они точны и акуратны ни были, не имѣютъ для фізіолога никакой цѣны, какъ скоро онъ не знаетъ ихъ отношенія къ своей мѣркѣ, къ организму. Въ одномъ мѣстѣ Льюисъ совѣтуетъ людямъ со слабымъ желудкомъ употреблять *вкусную* пищу. Вотъ фізіологическое правило, которое привело бы въ большое затрудненіе химикъ или физикъ. Химикъ можетъ опредѣлить только составъ пищи; физикъ можетъ измѣрить ея теплоемкость, степень прозрачности, вѣсъ и т. д. Но вкуса пищи опредѣлить они не могутъ; для этого нужно совершенно особенный инструментъ — языкъ; вкусъ пищи опредѣляется только *на вкусъ*.

Подобныя соображенія можно бы развить очень далеко. Предметъ такъ важенъ и труденъ, что здѣсь, само собою разумѣется, мы касаемся его только слѣгка.

Замѣтимъ вообще, что содержаніе фізіологическихъ понятій чрезвычайно обширно. Содержаніе жизненнаго процесса вполне обнаруживается въ высшемъ его представителѣ, т. е. въ человѣкѣ. Человѣкъ есть совершеннѣйшій организмъ, слѣдовательно только въ немъ вполне раскрылись всѣ явленія органической жизни. Поэтому полное пониманіе органической жизни возможно только при пониманіи жизни человѣка.

Такъ мы необходимо должны предположить, что такъ называемыя животныя отправления, ощущеніе, произвольное движеніе вы-

текаютъ изъ самой сущности организма, а не придаютелъ къ этой сущности извнѣ. Только организмы могутъ имѣть животныя отправления, и съ другой стороны организмы необходимо должны были достигнуть до животныхъ отвлеченій. Следовательно физиология должна стараться отыскать связь между животною жизнью и общею органическою. Ей предстоитъ разрѣшить напримеръ такіе вопросы: почему существо чувствующее необходимо должно быть существо развивающееся? почему на известной степени развитія организмъ становится произвольно-движущимся?

Такимъ образомъ полная сфера физиологическихъ понятій несравненно сложнѣе и обширнѣе сферы всякой другой науки о природѣ.

Чтобы показать, какъ важно признавать особыя понятія въ каждой самостоятельной наукѣ, упомянемъ здѣсь о понятіи, которое долго было предметомъ горячихъ споровъ. Многіе физиологи признавали иѣкогда, что въ организмахъ существуетъ особая *жизненная сила*. Въ настоящее время эта сила изгнана изъ физиологии и совершенно справедливо. Въ самомъ дѣлѣ она очевидно представляла только *особое слово*, а вовсе не особое понятіе. Понятіе было старое, именно понятіе силы, заимствованное изъ физики. Такъ точно еще въ болѣе давнія времена ученые думали, что организмы отличаются отъ другихъ тѣмъ особеннымъ веществомъ, именно *органическою матеріею*. Это было также понятіе не особое, а прямо взятое изъ химіи. Физика, изслѣдуя различныя явленія, приписывала ихъ различнымъ силамъ; химія, изслѣдуя различныя вещества, находила въ нихъ различные элементы. Но мы не имѣемъ никакого права переносить понятія этихъ наукъ въ физиологію; для жизненныхъ явленій мы должны образовать другія понятія.

Такъ какъ образованіе новыхъ понятій есть дѣло трудное, то понятно, что очень обыкновенно должна встрѣчаться ошибка, о которой мы сейчасъ говорили. То-есть очень обыкновенно понятія одной науки, составляются наподобіе понятій другой, иди даже просто факты одной науки подводятся подъ понятія другой.

Для того, кто критически не разбираетъ своихъ понятій, то *слѣдуетъ не замѣчать какъ онъ мыслитъ*, не только не существуетъ разницы между понятіями, но не существуетъ и самихъ понятій. И потому здѣсь могутъ встрѣтись множество возраженій такого рода: да что такое ваши понятія? Да развѣ есть разница между понятіями? Развѣ не все они одинаковы? Развѣ не долженъ каждый приступать къ изслѣдованію всякаго предмета съ одинакою тѣмъ

же понятіями? Не это ли называется не измѣнять своимъ убѣжденіямъ, твердо слѣдовать своимъ принципамъ?

Трудно отвѣчать на все это; но замѣчу прямо, что подвижность понятій и измѣнчивость принциповъ именно необходима для полнаго успѣха дѣла. Человѣкъ, воображающій, что онъ вполне *умѣетъ думать*, едва ли не коснѣетъ въ самомъ жестокомъ заблужденіи, какое только помрачаетъ человѣческой умъ. Успѣхъ наукъ всякаго рода умственной дѣятельности состоитъ не только въ расширеніи предметовъ познанія, но и въ углубленіи самыхъ способовъ познанія. Прогрессъ въ познаніи состоитъ не только въ новыхъ предметахъ, но и въ новыхъ мысляхъ, въ новыхъ понятіяхъ.

Въ послѣднее время, намъ извѣстно, очень въ ходу то мнѣніе, котораго между прочимъ держится и г. Чернышевскій, именно что неѣ физиологическія явленія можно будетъ современемъ объяснить физическими и химическими законами. Такимъ образомъ физиологія, какъ наука самостоятельной, современемъ существовать не будетъ. Если судить не а priori, не по теоретическимъ соображеніямъ, а по нынѣшнему собранію естественныхъ наукъ, то никакъ нельзя придти къ подобному заключенію. Конечно физиологія еще не успѣла развить и укрѣпить своихъ понятій, но она уже близка къ этому. Кроме того вообще науки объ организмахъ все больше и больше принимаютъ научную форму. Анатомія, палеонтологія, систематика все тверже и всеѣ обрисовываютъ черты органическаго міра. Въ средніе вѣка, когда природа являлась уму какъ смутное и таинственно-безпорядочное зрѣлище, весьма естественно, что органическое было смѣшиваемо съ неорганическимъ, что тотъ же философскій камень, который превращалъ металлы въ золото, могъ считаться источникомъ жизни и здоровья для организмовъ. Подобное смѣшеніе двухъ областей природы возможно было еще въ прошломъ вѣкѣ, когда относительно неорганическаго міра науки уже сдѣлали значительные успѣхи и потому легко впадали въ ошибку — подводить подъ знакомыя понятія явленія еще мало-исслѣдованной области. Но въ настоящее время чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе становятся возможны подобныя ошибки. Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія уже перестали дѣлить природу на *три* царства, а правила дѣленіе на двѣ области, органическую и неорганическую. Съ тѣхъ поръ все исслѣдованія органическаго міра тѣснѣе и тѣснѣе сближаются между собою и приходятъ въ крѣпкую внутреннюю связь. Этотъ разнообразный, сложный, многосодержащій міръ начинаетъ обозначаться въ главныхъ своихъ чертахъ. Его единство

и особенность, его связь и границы уже теперь для насъ ясны. Чѣмъ единство и связь неорганическаго міра. Наши понятія объ организамахъ организуются все полнѣе и опредѣленнѣе и стремятся образовать такую правильную систему, которая конечно будетъ служить образцомъ для наукъ о неограниченной природѣ. Вотъ въ чемъ состоитъ *новѣйшій* духъ наукъ, самое *передовое* ихъ направленіе; стараніе же свести науки объ организамахъ на физику и химию есть *старовѣрство*, направленіе ретроградное, руководимое идеями не нашего, а прошлаго вѣка.

Кто хочетъ быть причастнымъ новому духу, вѣющему въ жизни, тотъ долженъ, какъ это давно было сказано, *вновь родиться духомъ*. Условіе тяжкое и многими забываемое. Кто хочетъ проявиться новымъ духомъ наукъ, тотъ долженъ — *измѣнить свои понятія*. Нѣкогда были новыми такія слова какъ *сила*, *законъ*, *причина*, *дѣйствіе* и пр. Но тѣ, которые въ настоящее время такъ гордятся пониманіемъ этихъ словъ и умѣньемъ ихъ употреблять, оказываются отстающими въ множествѣ случаевъ. Нельзя говорить о *силахъ* организмозъ, потому что сила есть физическое понятіе; нельзя говорить о *законѣхъ* организмозъ, потому что подлѣ закономъ разумѣется математическая формула; нельзя говорить объ *однѣхъ причинахъ* и *дѣйствіяхъ* въ организамахъ, потому что подлѣ причинами и дѣйствіями разумѣется только механическая необходимость.

Многимъ конечно такія положенія покажутся удивительными. А между тѣмъ не только справедливо, что такъ нельзя говорить, но во многихъ случаяхъ уже такъ и не говорятъ. Въсто того чтобы сказать: «тутъ много силы», говорятъ «тутъ много жизни». Въсто слово: «это произошло отъ такой-то причины» часто говорятъ: «это *органически* развилось». Въсто выраженія «эти дѣленія связаны такимъ-то закономъ» вы слышите: «между ними есть *органическая связь*». Прежде говорили *части*, нынче говорятъ *органы*; прежде старались *все устроить*, нынче стараются *организовать*, и прочее и прочее.

Конечно, не вѣдаютъ-бо люди что творять, т. е. а хотѣлъ сказать не всѣ понимаютъ, что они сами говорятъ; но тѣмъ неменѣе эти измѣненія, входящая въ нашу рѣчь, указываютъ на распространяющееся вліяніе новыхъ понятій. И въ самомъ дѣлѣ, кто, вникнувъ бы внимательно въ самые приемы мысли, употребляемые въ настоящее время, тотъ безъ сомнѣнія убѣдился бы, что они измѣнились, даже въ сравненіи съ очень недавнимъ временемъ, напримѣръ съ прошлымъ вѣкомъ. Успѣхъ умственнаго движенія очевиденъ, разительнъ. Наука идетъ впередъ широкимъ и твердымъ путемъ. Дѣ-

люкъ тотъ , кто при этомъ блистательномъ прогресѣ суживаетъ и измельчаетъ свои понятія до того , что начинаетъ глядѣть назадъ , а не впередъ , и лишается всякой возможности выдти изъ однажды принятаго положенія , лишается способности *органическаго развитія*. Сообразно съ новымъ духомъ нашего времени , мы для науки , какъ и для всего другого , ищемъ принциповъ не неподвижныхъ , а живыхъ , способныхъ развиваться ; мы не торопимся исчерпывать вопросы , а стараемся *раскрывать* ихъ ; повсюду ищемъ не мертвенной опредѣленности и законченности , а живой глубины ; вездѣ таинственную жизнь предпочитаемъ ясному , но мертвому механизму.

Переводъ и изданіе книги Льюиса во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненны. Общаемъ читателямъ много удовольствія отъ второго тома , который скоро долженъ выдти и который трактуетъ о предметахъ еще болѣе важныхъ и любопытныхъ , чѣмъ первый.

РЯДЪ СТАТЕЙ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

СТАТЬЯ ПЯТАЯ

ПОСЛѢДНІЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЯВЛЕНІЯ

ГАЗЕТА «ДЕНЬ»

Когда дѣла нѣтъ, настоящаго, серьезнаго дѣла, тогда дѣтели живутъ какъ кошки съ собаками и начинаютъ между собою разные дразги за принципы и убѣжденія. Одинъ упрекаетъ другого, что тотъ не такъ вѣруеть, другой упрекаетъ перваго, что тотъ у себя подъ носомъ ничего не видитъ; третій кричитъ о книжкахъ и объ оберткахъ книжекъ, четвертый ко всему кромѣ себя равнодушенъ, пятый успокоился на неизблемыхъ міровыхъ законахъ, подводитъ все и всѣхъ подъ міровую ватерпасъ и свиститъ на всѣхъ глядя. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Всего не перечтешь. Вотъ явилась газета «День», всего только пять нумеровъ, а уже полнялась ругань. Явился «новый вопросъ» объ университетахъ и вотъ полился на насъ цѣлый водопадъ статей объ университетахъ. Вотъ и мы хотимъ сказать свое слово объ этихъ послѣднихъ литературныхъ явленіяхъ, и мы будемъ спорить о принципахъ, и мы будемъ упрекать другихъ, что они не такъ вѣрують... Чтò дѣлать! одна для всѣхъ колея. А сказать свое слово надо: всѣ участвуютъ... во всеобщемъ движеніи и т. д. и т. д.

«День» — это таже покойная, но неуспокоившаяся «Русская Бесѣда», разбитая на газетные листки. Тѣже имена, тѣже мысли, тѣже принципы. Редакторомъ Ив. Аксаковъ, статьи въ первомъ номерѣ Хомякова, Константина Аксакова (покойниковъ). Въ журналѣ всего замѣчательнѣе «славянскій» и «областной» отдѣлы. Этого нѣтъ

почти ни въ одномъ теперешнемъ русскомъ изданіи, по крайней мѣрѣ въ такой непрерывности, и это ставить газету на довольно любопытное мѣсто. Вообще изданіе очень любопытное.

Кое-гдѣ оно уже очень насолило; Аскоченскій, говорятъ, восторженно похвалилъ его, а нѣкоторые такъ даже поспѣшили похоронить новый «День» (печатно разумѣется). Въ одномъ петербургскомъ журналѣ нѣкоторые погребальщики уже *догадались* и о томъ отдѣленіи, къ которому надо причислить журналъ.

Но господа могильщики неправы.

Тутъ и слова не можетъ быть о раздѣлѣ по отдѣленіямъ.

Мы не за «День» заступаемся и не за взгляды его. Но имя Аксаковыхъ, всѣхъ трояхъ, слишкомъ извѣстно, чтобъ не знать съ кѣмъ пѣшешь дѣло. И наконецъ, что за тероръ мысли? Чуть мыслить чловѣкъ не по-вашему — губить его, — чѣмъ другимъ нельзя, такъ хоть клеветой. Что за домашніе деспотики! Что за домашній тероризмъ, вспоенный на кисломъ молочкѣ!

Но довольно... Скажемъ и наше слово о новой газетѣ.

Это все тѣже славянофилы, тоже чистое, идеальное славянофильство, вимало неизмѣнившееся, у котораго идеалы и дѣйствительность до сихъ поръ такъ странно выѣсть смѣшиваются; для котораго нѣтъ событій и нѣтъ уроковъ. Тѣже славянофилы, съ тою же неутомимою враждою ко всему, что не ихнее и съ тою же неспособностью примпренія; съ тою же ярою нетерпимостью и мелочною, совершенно нерусскою формальностью. Вотъ для образчика изъ перваго номера «Дня»:

И на какомъ же широкомъ просторѣ разгулялась, да еще и разгуливаетъ эта ложь! Все внутреннее развитіе, вся жизнь общества, какъ проказой, поражены и растлѣны ею. Ложь! Ложь въ просвѣщеніи, чисто выѣщнемъ, лишонномъ всякой самодѣтельности и творчества. Ложь въ вдохновеніяхъ искусства, силащагося воплотить чуждые, случайные идеалы. Ложь въ литературѣ, съ надменною важностью разрабатывающей задачи, созданныя историческими условіями, чуждыми нашей народной, исторической жизни; въ литературѣ, болѣющей чуждыми болѣзнями и равнодушной къ скорблямъ народнымъ. Ложь въ порицаніи нашей народности, не въ силу несодующей, пылкой любви, но въ силу внутренняго нечестія, истинкично враждебнаго всякой святости и чести и долга. Ложь въ самовосхваленіи, сопряженномъ съ упадкомъ духа и съ невѣріемъ въ свои собственныя силы. Ложь въ поклоненіи свободѣ, уживающемся рядомъ съ побужденіями самаго утонченнаго деспотизма. Ложь въ религіозности, преданности вѣрѣ, прикрывающей грубое безвѣріе. Ложь въ торжествѣ дикихъ ученій, созданныхъ безстыднымъ невѣжествомъ, безбоязненно оскорбляющимъ общественную совѣсть и несмиряющимся предъ очевидною несокрушимою крѣпостью коренныхъ ос-

новъ народной жизни. Ложь въ легкомысленной гонѣбѣ за новизною подѣ чужестранною фирмою прогресса и цивилизаціи. Ложь въ гуманности и образованности, которыми, въ своей систематической неслѣдовательности, щеголяютъ наше общество, допускающее безъ разбора самыя несовѣстимыя начала, закрывающее глаза отъ выводовъ, обходящее сознательно все основные вопросы, рабѣствующее всѣмъ моднымъ кумирамъ современности, и выдающее за подвигъ высокаго благородства и терпимости — дешовое умѣнье замазывать, неразрѣшная, самыя непримиримыя противорѣчія!... Страшное, невиданное сочетаніе ребяческой незрѣлости со всѣми недугами дряхлой старости, — и при всемъ томъ — исцѣленіе возможно и даже несомнѣнно! Мы это все чувствуемъ, мы даже не можемъ и усомниться въ томъ искренно, и зря нашего спасенія уже брезжить.

Не думаемъ, чтобъ эта заря брезжила для славянофиловъ. Славянофилы имѣютъ рѣдкую способность не узнавать своихъ и ничего не понимать въ современной дѣйствительности. Одно худое видѣть — хуже чѣмъ ничего не видѣть. А если и останавливается ихъ когда что хорошее, то если чуть-чуть это хорошее непохоже на разъ отлитую когда-то въ Москвѣ формочку ихъ идеаловъ, то оно безвозвратно отвергается и еще ожесточеннѣе преслѣдуется, именно за то, что оно смѣло быть хорошимъ не такъ, какъ разъ навсегда въ Москвѣ приказано. Впрочемъ и собственный-то идеаль у нихъ еще вовсе не выясненъ. Есть у нихъ вногда сильное чутье, тонкое и мѣткое, въ которыхъ (но отнюдь не всѣхъ) основныхъ элементовъ русской народной особенности. Ни одинъ западникъ не понялъ и не сказалъ ничего лучше о мирѣ, объ общинѣ русской, какъ Константинъ Аксаковъ въ одномъ изъ самыхъ послѣднихъ своихъ сочиненій, къ сожалѣнію неоконченномъ. Трудно представить себѣ пониманіе болѣе точное, ясное, широкое и плодотворное. Но тотъ же К. Аксаковъ пишегь статью о русской литературѣ, помѣщенную теперь въ первомъ номерѣ «Дня»... Но объ ней послѣ. Отвѣтимъ на приведенную выше выписку.

Скажемъ прямо: предводители славянофиловъ извѣстны какъ честные люди. А если такъ, то какъ можно сказать обо всей литературѣ, что она «равнодушна къ скорбямъ народнымъ»? Какъ смѣть сказать: «о порицаніи нашей народности, не въ силу негодующей, пылкой любви, но въ силу внутренняго несчастія, инстинктивно враждебнаго всякой святинѣ чести и долга»? Что за фанатизмъ вражды! Что за рѣзкая увѣренность въ самыхъ сокровенныхъ помысленіяхъ противниковъ, въ сердцахъ и въ совѣсти ихъ! Неужели любить родину и быть честными дано въ вилѣ принуденія только однимъ славянофиламъ? Кто могъ сказать это, кто бы рѣшился написать это,

кровъ чловѣка въ послѣдней степенн фанатическаго изступленія!.. Да, тутъ почти пахнетъ кострами и пыткой... Мы не преувеличиваемъ. Въ концѣ статьи нашей мы приведемъ еще одну тираду изъ «Дня»: она на многое намекаетъ...

Да, конечно; у насъ лжи было много; это правда. Чужіе интересы перазъ принимались за свои, но если и принимались, то именно потому, что казались *своими*, родными, кровными, а вовсе не потому, что будто бы двигало западниками одно «внутреннее нечестіе, инстинктивно враждебное всякой святинѣ чести и долга». (Какъ поднялась у васъ рука написать это! Нужно во многомъ сперва заручиться, чтобъ извести такое ужасное обвиненіе!) Но зачѣмъ же не замѣчать правды, зачѣмъ выпускать изъ виду возрождающуюся со всѣхъ сторонъ жизненность, стремленіе къ дѣйствительности, къ почвѣ? Если есть ложь, если была она, то наша художественная литература, за десятки послѣднихъ лѣтъ, почти сплошь, относилась къ этой лжи *отрицательно*, а не *положительно*. Для славянофиловъ кажется не существуетъ подобнаго напримѣръ факта, что во время самаго яраго западничества, доходившаго чуть не до послѣднихъ крайностей, вся художественная литература наша, Гоголь (до болѣзни его) и всѣ за нимъ слѣдовавшіе, относились къ плодамъ и результатамъ того же самаго западничества — отрицательно. Исчезъ для нихъ и тотъ фактъ, что именно эта самая литература, страстно-отрицательная, съ неслыханной ни въ какой еще литературѣ силою смѣха и добровольнаго самоосужденія, — благородная и съ энтузіазмомъ шедшая прямо къ тому, что считала доблестнымъ и честнымъ, — что эта самая литература восторженно помергивалась самыми крайними западниками. Но славянофилы до сихъ поръ упорно хотятъ видѣть въ западникамъ своихъ враговъ и говорятъ о нихъ не иначе какъ съ презрѣніемъ и проклятіемъ, забывая или лучше не хотя понять, что западничество и даже самая послѣдняя его крайности были вызваны непремѣннымъ желаніемъ самопробирки, самопознанія, послѣдней внешкой жизни въ умиравшей петровской реформѣ и первой внешкой сознанія, его осудившаго, т. е. было вызвано самимъ процесомъ жизни. Будто въ западникахъ не было такого же чутья русскаго духа и народности, какъ въ славянофилахъ? Было, но западники не хотѣли по-факирски заткнуть глазъ и ушей передъ нѣкоторыми непонятными для нихъ явленіями; они не хотѣли оставить ихъ безъ разрѣшенія, и *вочто бы ни стало* отнестись къ нимъ враждебно, какъ дѣлали славянофилы; не закрывали глазъ для свѣта и хотѣли дойти до правды умомъ, анализомъ, понятіемъ. Западничество перешло бы свою черту и со-вѣстливо отказалось бы отъ своихъ ошибокъ. Оно и перешло ее

наконецъ и обратилось къ *реализму*, тогда какъ славянофильство до сихъ поръ еще стоитъ на смутномъ и неопредѣленномъ идеалѣ своемъ, состоящемъ, въ *сущности*, изъ нѣкоторыхъ удачныхъ изученій стариннаго нашего быта изъ страстной, но нѣсколько книжной и отвлеченной любви къ отечеству, изъ святой вѣры въ народъ и въ его правду, а вмѣстѣ съ тѣмъ (зачѣмъ утаивать? отчего не высказать?) — изъ панорамы Москвы съ Воробьевыхъ горъ, изъ мечтательнаго представленія московскихъ баръ половины семнадцатаго столѣтія, изъ осады Казани и Лавры и изъ прочихъ панорамъ, представленныхъ во французскомъ вкусѣ Карамзинныхъ, изъ впечатлѣній его же Марфы-посадницы, прочитанной когда-то въ дѣтствѣ, и наконецъ, изъ мечтательной картины полного будущаго торжества надъ нѣмцами, нѣсколько даже физическаго, — надъ нѣмцами непрощеными и даже, уже послѣ торжества надъ ними, непрекаемыми. Мы вовсе не хотимъ смѣяться говоря это, да и смѣяться-то не надъ чѣмъ; но мы хотѣли только заявить о нѣсколько мечтательномъ элементѣ славянофильства, который иногда доводитъ его до совершеннаго неузнанія своихъ и до полнаго разлада съ дѣйствительностью. Такъ что во всякомъ случаѣ западничество все-таки было реальнѣе славянофильства, и несмотря на всѣ свои ошибки, оно все-таки дальше ушло, все-таки движеніе осталось на его сторонѣ, тогда какъ славянофильство постоянно не двигалось съ мѣста и даже выѣняло это себѣ въ большую честь. Западничество смѣло задало себѣ послѣдній вопросъ, съ болью разрѣшило его и черезъ самосознаніе, воротилось-таки на народную почву и признало соединеніе съ народнымъ началомъ и спасеніе въ почвѣ. Мы, съ своей стороны, заявляемъ какъ фактъ и твердо вѣримъ въ непреложность его, что въ теперешнемъ, чуть не всеобщемъ (кромя нѣкоторыхъ крайнихъ и смѣшныхъ исключеній) поворотѣ къ почвѣ, сознательномъ и безсознательномъ, влияніе славянофиловъ слишкомъ мало участвовало, а даже можетъ-быть и совсѣмъ не участвовало. Партія движенія шла собственнымъ путемъ и осмыслила свой путь собственнымъ анализомъ. Но и признавъ необходимость почвы, она прежнею жизнью, прежнимъ развитіемъ убѣдилась, что дѣло не въ проклятіи, а въ примиреніи и въ соединеніи, что реформа, отжившая вѣкъ свой, все-таки внесла къ намъ великій элементъ общечеловѣчности, заставила насъ осмыслить его и поставила его въ нашемъ будущемъ какъ главное назначеніе наше, какъ законъ природы нашей, какъ главнѣйшую цѣль всѣхъ стремленій русской силы и русскаго духа. И замѣйте себѣ: западникамъ сочувствовала всегда у насъ масса общества. Не презирайте ее, эту зарождающуюся массу! не говорите о ней, какъ ужь и слы-

шится съ нѣкоторыхъ сторонъ , что масса нашего общества слишкомъ ничтожна, слишкомъ невѣжественна, слишкомъ изуродована на европейскій ладъ и уже подгнила, прежде чѣмъ хоть во что-нибудь успѣла сложиться. Не утѣшайте себя этимъ, не пренебрегайте инстинктами общества, каковы бы они ни были. Вспоминимъ, что общество страстно сочувствовало западникамъ и раздѣляло всѣ ихъ ошибки и увлеченія, тогда какъ постоянно принимало славянофильство за маскарадъ. А гдѣ тайна этого сочувствія массы? Тайна въ томъ, что жизнь, хоть какал-нибудь, что дѣйствительность, что обновленіе, что залогомъ будущаго, что даже самый возвратъ на родную почву и первый шагъ къ тому — все-таки въ рукахъ реалистовъ, потому что европеизмъ, западничество, реализмъ — все-таки это возрожденная жизнь, начало сознанія, начало воли, начало новыхъ формъ жизни. Западничество шло путемъ беспощаднаго анализа и за нимъ шло все, что могло идти въ нашемъ обществѣ. Реалисты не боятся результатовъ своего анализа. Пусть ложь въ этой массѣ, пусть въ ней сбродъ тѣхъ лжей, которыя съ такимъ яркимъ наслажденіемъ вы пересчитываете. Мы не боимся этого злораднаго исчисленія нашихъ болѣзней. Всѣ эти лжи, если есть онѣ; — заранѣ опредѣленныя судьбою станціи пытливаго ума и анализа. Пусть это лжи, но движеть насъ правда. Мы въ это вѣруемъ. Движеніе остановиться не можетъ и общество дойдетъ-таки до окончательнаго результата по крайней мѣрѣ теперешнихъ усилій своихъ; будьте въ этомъ увѣрены.

Но вы являетесь съ газетой. Вы не хотите стоять въ сторонѣ отъ всеобщаго движенія. Вы хотите отзынаться на современныя явленія жизни живымъ, неустаннымъ словомъ, войти съ усиленною противъ прежняго дѣятельностью въ эту толчею почти чуждыхъ вамъ (какъ вы сами заявляете) интересовъ. Мы рады товариществу; но вѣдь товарищемъ вы не будете. Вы все-таки будете насъ учить нестерпимо свысока... учить, непрерывно учить; смѣяться надъ нашими ошибками; не признавать нашихъ мукъ и страданій; осуждать ихъ со всею жестокостью изступленнаго идеализма и... и... Но вы ужъ и начали. Смотрите какъ тотъ же К. Аксаковъ, въ статьѣ своей, въ 1 № «Дня», отпосится сплоть ко всей русской литературѣ. Онъ смотритъ на нее враждебно-скенитически, онъ отрицаетъ въ ней все свое, съ легкостью нестерпимую отъ серьезно-болѣющаго сердцемъ человѣка, съ уловкой свысока-оскорбительной. Даже еслибъ онъ былъ правъ совершенно въ сужденіи своемъ, то легкость, скенитизмъ статьи, это самообожаніе въ величавомъ отдѣленіи себя отъ всего съ нимъ рядомъ живущаго, этотъ презрительный взглядъ, скользящій сверху и недостойнающій ни надъ чѣмъ

серьезно остановиться, недостойная ничего оценивать. — уж одно это было бы в высшей степени безсердечно и легкомысленно. У него вся литература наша — сплошь подражаніе и стремленіе къ иноземному идеалу. Онъ отрицаетъ всякое проявленіе созданія общественаго въ нашей литературѣ, не вѣрять анализу въ ней проявившемуся, самоосужденію, мукамъ, смѣху, въ ней отражавшимся. Нѣтъ, господа; вы съ нами не жили, вы въ нашихъ радостяхъ и скорбяхъ не участвовали; вы пріѣхали изъ-за моря!

Да, конечно, европейскій идеалъ, европейскій взглядъ и вообще европейское вліяніе сильно отозвалось въ созданіяхъ нашей литературы, отражается и до сихъ поръ. Но развѣ мы рабски воспринимали ихъ, развѣ не переживали ихъ жизненнымъ процессомъ, развѣ не выработывали своего русскаго взгляда на эти иноземныя явленія, развѣ не убѣдились, не почувствовали самую жизнь, что общечеловѣчность есть можетъ-быть самое важнѣйшее и святѣйшее свойство нашей народности? Развѣ наконецъ мы не сознавали народности, не сознали необходимости почвы и обращенія къ ней? К. Аксаковъ говоритъ, что всѣ попытки обращенія къ народности оказались въ литературѣ нашей неудачными. «Портретъ купца похожъ — говоритъ онъ — у Островскаго; рѣчь сходна: говоритъ *должонъ*, а не *должемъ*.» Неужели жъ К. Аксаковъ у Островскаго только и замѣтилъ это *должонъ*, а не *должемъ*? По смыслу и по тону статьи такъ выходитъ. Нѣтъ, мы не довѣримъ въ этомъ К. Аксакову; онъ прикидывается. Вѣдь случается иногда съ самымъ серьезнымъ человѣкомъ какой-то капризъ, какая-то потребность избочениться, вставить въ глазъ стеклышко и посмотреть на вселенную, — ну хоть такъ какъ смотреть у насъ иногда на вселенную, въ четвертомъ часу по полудни, на Невскомъ проспектъ... И какъ вы думаете, чего требуетъ К. Аксаковъ: «гдѣ же — говорятъ — настоящій купецъ? Гдѣ душа его? гдѣ то, что въ немъ жить должно?» Т. е. ни больше ни меньше, требуетъ изображенія положительныхъ сторонъ русскаго человѣка, съ патетической его стороны. А; каково? то есть послѣдняго слова признанія, послѣдней степени красоты мелькающего намъ и манящаго насъ идеала. Бездѣлица! Мы не упрекаемъ К. Аксакова, что онъ не разглядѣлъ въ Островскомъ слѣдовъ положительной русскаго красоты, уже кое-гдѣ намѣченной во всемъ его «Темномъ царствѣ», что онъ не подивился на то: какъ это такъ рано удалось, такъ рано случилось, такъ рано начало высказываться это новое слово, — вмѣсто того чтобъ попрекать и подсмѣиваться? Мало ли что человѣкъ можетъ незамѣтить, особенно подъ вліяніемъ извѣстнаго идеальнаго настроенія. Но намъ нестерпимо сужденіе Аксакова, какъ было бы нестерпимо сужденію барача

въ жолтыхъ перчаткахъ и съ хлыстикомъ въ рукѣ надъ работою чернорабочаго: «А что урока отчего не сработалъ? По восьми пудовъ не можешь носить? Нѣжецка!» Да чтожь вы то дѣлали, К. Аксаковъ? а не вы, такъ всѣ ваши славянофилы? Читаете инья ваши мѣнья и наконецъ поневолѣ придешъ къ заключенію, что вы рѣшительно въ сторонѣ себя поставили, смотрите на насъ какъ на чуждое племя, точно съ луны къ намъ пріѣхали, точно не въ нашемъ царствѣ живете, не въ наши годы, не ту же жизнь переживаете! Точно опыты надъ кѣмъ-то дѣлаете, въ микроскопъ кого-то разсматриваете. Да вѣдь это ваша же литература, ваша, русская? Что же вы свысока-то на нее смотрите, какъ козявку ее разбираете? Да вѣдь вы сами литераторы, г-да славянофилы. Вѣдь вы хвалитесь же знаніемъ народа, ну и представьте намъ сами ваши идеалы, ваши образы. Но сколько намъ извѣстно, выше князя Луповицкаго вы еще не подымались. Вы скажете: нелѣпно и грубо намъ такъ разсуждать. Извольте, мы согласимся съ вами, но только тогда, когда вы не будете разсматривать вашихъ же русскихъ свысока какъ букашекъ, какъ кучу какихъ-нибудь муравьевъ, и забавляться надъ нашими усиліями, муками и ошибками. Бросьте вашъ тонъ свысока, и вспомните, что вы сами русскіе и принадлежите къ тому же самому обществу, однимъ фатализмомъ насъ связалъ, и *свысока, со стороны* вы судить не можете, себя выпораживая. Вы какъ-будто хвалитесь, что у васъ есть *свое, особое*, не такое какъ у насъ. Вѣдь согласитесь, въ словахъ «*должонъ*, а не *долженъ*» лежитъ столько насмѣшки, столько лукавой про себя насмѣшки: «Вѣдь вотъ дескать чего этотъ жалкій народъ не знаетъ! какихъ основныхъ вещей не понимаетъ! Какъ совратился, какъ отучься!» Ну и покажите намъ то что у васъ есть, не скрывайте сокровище; да не въ наставленіяхъ, не въ надгробныхъ надъ нами рѣчахъ покажите его, а въ настоящемъ дѣлѣ,—ну хоть въ искусствѣ, такъ какъ это всего невиннѣе и... сподручнѣе. Иначе вѣдь странно со стороны: чтожь это въ самомъ дѣлѣ, подумаешь, люди говорятъ постигли тайну русскаго назначенія, русскаго духа, привилегированно отмежевали себѣ знаніе русскихъ судебъ русскаго человѣка и то, «*какъ онъ быть долженъ*», а смотривъ — на дѣлѣ отъ нихъ и нѣтъ ничего. И не могутъ сами-то показать, «*какъ онъ быть долженъ*!» И добро бы не было у нихъ литераторовъ!

Литераторы-то есть, да жизни-то нѣтъ!

Да, ея нѣтъ! Чутья дѣйствительности нѣтъ. Идеализмъ ослѣпляетъ, увлекаетъ и — мергвиль, и вы сами не ясно понимаете то, понимаемъ него хвалитесь передъ нами. Вотъ почему мы и скажемъ, что у васъ есть чутье нѣкоторыхъ основныхъ элементовъ

русской жизни, но не всёхъ. Чутья какъ не быть: вы русскіе, люди честные, любите родину; но идеализмъ губитъ васъ и иногда вы даете ужасные промахи, даже въ пониманіи именно этихъ-то основныхъ элементовъ русской жизни. Ну вотъ напримѣръ еще тирада, изъ 2 № «Дня». Полюбуйтесь:

• Что видимъ мы... хоть въ нашей литературѣ? Какія — *теоріи*? Съ одной стороны пустое, голое отрицаніе, волненіе безъ содержанія и безъ цѣли, какой-то призракъ жизни и движенія, — а въ сущности нѣтъ ни жизни, ни движенія, все полумертво и гнило, и заимствуетъ силу только отъ силы враждебнаго напора; съ другой — грубая, тупая, бессмысленная сила, только въ насиліи и бездушнои механизмѣ полагающая спасеніе! Съ одной стороны ложь разрушенія, съ другой ложь созиданія; съ одной стороны невѣріе, поклоняющееся, какъ богамъ, людскимъ, временнымъ кумирамъ; съ другой — мнимая вѣра, поклоняющаяся и Богу какъ кумиру, и силою божьяго имени служащая своимъ корыстнымъ цѣлямъ и выгодамъ! Тутъ рабство предъ каждымъ послѣднимъ словомъ науки; тамъ грубое презрѣніе къ наукѣ, къ мысли, къ подвигамъ разума и духа; тутъ злоупотребленіе, нечестное обращеніе со словомъ; тамъ преслѣдованіе слова, любовь тѣмноты и мрака, тайное сочувствіе съ безсловесными! И тутъ и тамъ одинаковое умерщвленіе духа: тамъ черезъ внѣшнее насиліе, а тутъ — черезъ оскудѣніе и огрубленіе духа. И тутъ и тамъ одинаковое подобострастное, рабское отношеніе къ ипоземному, бессмысленная покорность подражанія, измѣна народному духу, при наружной грубой полдѣлкѣ подъ русскую народность. Въ безысходный мракъ погружены обѣ враждующія стороны, во мракѣ терзаютъ и истребляютъ другъ друга! — И если народъ наконецъ подыметъ усталыя отъ долгой дремоты очи, и взглянетъ — на нашихъ литераторовъ и всякаго рода художниковъ (кромѣ нѣкоторыхъ исключеній), взглянетъ на этихъ незваныхъ гостей, устроившихъ свой буйный пиръ у его ложа, прислушается къ ихъ оглушительнымъ кликамъ, къ треску и грому ихъ велѣній и вѣщаній, — что скажетъ онъ? • Куда дѣвали вы порученные вамъ дары нашей родной, богатой земли? Куда расточили ея духовныя сокровища? Что стало съ моимъ обычаемъ, вѣрою, преданіемъ, моею прожитою жизнью, моимъ долгимъ и горькимъ опытомъ? Что совершили вы на досугѣ? Гдѣ цѣльность и единство жизни и духа? Гдѣ наука, вами взрожденная? Гдѣ мое живое, изобразительное, свободное слово? Какого хлама повесли вы на мою почву?... Нѣтъ, вы не мои, вы безобразные снимки съ чужихъ народовъ! подите къ нимъ, если они васъ примутъ: — я не знаю васъ, вы мнѣ ненужны, вы чужды мнѣ... • скажетъ народъ, пробуждаясь къ созванію, — и смететъ ихъ, какъ соръ, свѣжая струя воскресшаго народного духа!

• Но еще не наступила пора. И хотя мы почти увѣрены, что голосъ нашъ раздастся напрасно, но принялись къ предмету настоящей рѣчи

нашей, скажемъ и мы: Гласъ волюющаго въ пустыи: уготовайте путь Господень... Покайтесь!..»

Хорошо-съ. Но такъ ли скажетъ народъ? Такъ ли (и это главное) разсудитъ онъ? Не приписываете ли вы ему своего суда, своихъ мнѣній? Вы говорите про нашихъ художниковъ и литераторовъ. Про художниковъ мы теперь ничего не скажемъ и не будемъ гадать о томъ, какая участь постигнетъ нашу академию художествъ. Но другимъ, о которыхъ вы говорите, онъ скажетъ, по нашему, вотъ что: «Успокойтесь! вы тѣже русскіе, и я признаю васъ русскими за то, что вы меня сами наконецъ признали и догадались, что безъ меня вамъ жить плохо, и что безъ меня вы ничего не сдѣлаете. Честь и слава вамъ, что какъ только проснулась ваша мысль, какъ только вы выросли и возмужали, тотчасъ же вспомнили обо мнѣ. Честь и слава вамъ, что вы скорбѣли моими скорбями и другихъ научали скорбѣть; что вы заступались за меня и рѣшили сообща — воротиться ко мнѣ, на родную почву. Научите-жъ вы меня теперь тому, что вы за моремъ узнали, и опишите мнѣ въ точности всѣ ваши странствованія и страданія. Я же васъ научу тому, что вы своего позабыли. Во многомъ вы ошибались; но ошибку въ фальшь не ставьте. Ошибокъ умышленныхъ вы промежъ себя не терпѣли и не хотѣли терпѣть, а я это выше всего цѣню. Всѣ мы изъ одной благородной почвы и, какъ русскіе, всѣ мы другъ передъ другомъ равны...» И ужь если пошло на тексты, то не грозный текстъ пророка приведетъ онъ тогда, а милосердное слово безконечной любви... Такъ намъ кажется. Намъ кажется, что мы заслужимъ въ его сознаніи, а сознательно онъ не смететъ насъ какъ соръ... Вѣдь и у васъ онъ говоритъ сознательно: какъ же вы сознательно вложили ему такія слова въ уста! Нѣтъ, господа, не клеветайте на русскій народъ, не приписывайте ему своего суда!

Есть у васъ и еще тирады; но объ нихъ какъ-то неприходится намъ судить (чтобъ не распространять статью разумѣется). И тѣмъ болѣе странно для насъ, что вѣдь вы сами знали, что объ этихъ тирадахъ не будутъ судить и на нихъ не будутъ вамъ возражать. Но несмотря на то, вы увлеклись и — судили до конца. И вѣдь какъ судили-то, какимъ судомъ! Сами же признавались, начиная судъ, что будете говорить только объ одной сторонѣ, выслушаете только одного подсудимаго. Въ какомъ же судѣ выслушиваютъ только одну сторону? А вы выслушали, да еще положили рѣшеніе, то-есть осудили — одну сторону. Хорошо это вы сдѣлали? Оставляемъ это на вашу совѣсть. Дѣло конечно шло объ русской литературѣ. Это еще не такъ важно. Ну, а если бы шло о чемъ поважнѣе? Повѣрьте, что

это нехорошій приёмъ. Дурные «Дни» вы сулите намъ впереди. Мы съ симпатіей думали встрѣтить журналъ вашъ, но вы хоть какую симпатію потушите. Или вотъ еще: Проявился у васъ въ 4 номерѣ оливъ корреспондентъ Н. Б. Пишетъ онъ о крестьянахъ. Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе ограниченнаго и самодвольнаго, какъ сужденія господина Н. Б. Редакторъ «Дня» самымъ обязательнѣйшимъ образомъ возится съ нимъ въ продолженіе всей статьи, возражаетъ ему поминутно; увѣрить его, что тамъ гдѣ г. Н. Б. видитъ одну личь, глупость и невѣжество крестьянина, не только нѣтъ личи и глупости, но что даже напротивъ, видно много ума. На нѣкоторыя возмущающія душу сужденія г-на Н. Б. редакторъ возражаетъ необыкновенно снисходительно и деликатно, и даже снѣжить, въ одномъ мѣстѣ, заявить, что г. Н. Б. совсѣмъ не обскурантъ. «Намъ слишкомъ хорошо извѣстенъ образъ мыслей и дѣйствій автора, — замѣчаетъ редакторъ, — чтобы допустить возможность подобнаго объ немъ отзыва.» Ну да положимъ... т. е. не то что г. Н. Б. не обскурантъ: этого мы никакъ допустить не можемъ, несмотря на отзывъ редактора; а положимъ, что у всякаго своя фантазія, что редакція нравится помѣщать такія статьи, на которыя она сама припуждена писать въ томъ же номерѣ критику. Ну а вотъ это какъ вамъ покажется: На одно мнѣніе г-на Н. Б. редакторъ уже самъ дѣлаетъ слѣдующую замѣтку о бывшемъ крѣпостномъ состояніи:

• Мы даже думаемъ, что *въ общей сложности*, личные отношенія помѣщиковъ и крестьянъ были довольно человѣчны. Покоясь на лонѣ, по видимому пезыблемаго, крѣпостнаго права, наивно увѣренный въ его совершенной человѣческой и божеской законности, помѣщикъ не имѣлъ надобности оправдывать это право клеветами на крестьянъ, и относился къ нимъ довольно дружелюбно и простосердечно. Этому де-казательствомъ служить между прочимъ и то, что помѣщики допустили образованіе и развитіе крестьянскихъ общинъ и міра, совершившесся вовсе не вопреки ихъ волѣ, и не въ огражденіе только отъ помѣщичьяго произвола. У насъ никогда не было ничего подобнаго отношеніямъ феодальныхъ владѣльцевъ къ ихъ вассаламъ. Крестьянинъ не былъ для помѣщика «виланемъ» (vilain), а «работъ божіимъ» такимъ-то, «христіанскою же душою», хотя полчасъ и «съ глупымъ крестьянскимъ разумомъ»! Совершались иногда страшныя злоупотребленія, но они не возводились *въ законъ*, какъ на западѣ. Такія пошлины, какія взимались тамъ, такія «права» владѣльцевъ, какъ знаменитое *jus p. m.* у насъ просто невысмыслимы. Когда же критика общественнаго сознанія обличила всю внутреннюю неправду крѣпостнаго права и нарушила блаженный миръ безсовзательныхъ, деспотическихъ и въ тоже время наикихъ-то простодушвыхъ отношеній, возникли дѣйствительно со сто-

ровы многихъ помѣщиковъ клеветы на крестьянъ, и вообще ложныя оцѣнки крестьянскаго права, — непомѣшавшія впрочемъ совершиться дѣлу освобожденія.

Гораздо сильнѣе клеветъ крѣпостнаго права были клеветы на руской народъ, создаваемыя неистовыми поклонниками западной образованности, отрицавшими въ народѣ всякое право на свободное и само-бытное народное развитіе.

Хорошо? «Покоясь на ложѣ, повидимому неизбежнаго, крѣпостнаго права, наивно увѣренный въ его совершенной человѣческой и божеской законности, помѣщикъ относился къ крестьянамъ довольно дружелюбно и простосердечно»...

Вопервыхъ, до какой же отупѣлости долженъ быть чело-вѣкъ, чтобъ быть увѣреннымъ въ божеской законности крѣпостнаго права. А если такъ, то какъ же можно ручаться, что такой чело-вѣкъ могъ относиться къ своему крестьянину дружелюбно? Вы говорите, что у насъ не было ничего подобнаго феодалнымъ отношеніямъ на западѣ? Ну итъ-сь; одно другого вѣрно стоило. Спросите у мужиковъ.

«Крестьянинъ—говорите вы—не былъ для помѣщика *виленаемъ*, а рабомъ божіимъ, христіанскою душою». А холопъ, хамъ, хадуя, хамлетъ: — что эти названія, по-вашему благородію вилена? Но позовьте, что вы разумѣете подъ именемъ дружелюбныхъ помѣщиковъ? Да помѣщикъ, при тѣхъ правахъ, которыми онъ обладалъ, даже самый добрый, самый добрѣйшій, не могъ относиться въ вѣкоторыхъ случаяхъ къ своимъ крестьянамъ «дружелюбно и простосердечно». Но что говорить!.. Объ этомъ такъ уже много сказано и это такъ для всѣхъ ясно, что трудно въ настоящее время не понимать этого.

Вы замѣчаете наконецъ, что клеветы западниковъ на русскій народъ были сильнѣе клеветъ помѣщиковъ на крестьянъ, когда блаженный міръ «простосердечныхъ» отношеній нарушился услоннымъ присмотромъ правительства. Ну итъ-сь, это вамъ только кажется...

Но довольно. Въдъ намъ еще можетъ-быть нѣскольکو разъ придется повстрѣчаться съ газетою «День» на дорогѣ.

II

ВОПРОСЪ ОБЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ

-Стой, братцы, стой! кричать мартышка: погодите!
Какъ музыкъ идти, вѣдь вы не такъ сидите! -

I

Въ первомъ номерѣ газеты «День» помѣщена была статья объ университетахъ покойнаго Хомякова. Статья эта отрывочная, недоконченная. Она и помѣщена какъ отрывокъ. Въ ней много чрезвычайпо дѣльныхъ мыслей, но рядомъ съ ними встрѣчаются и удивительные недосмотры, явившіеся какбы умышленно, какбы съ затаенною цѣлью. Объ этой чрезвычайно важной статьѣ мы теперь не будемъ распространяться. Но по поводу ея профессоръ Костомаровъ написалъ свою статью объ университетахъ. Разумѣется статья Хомякова была только поводомъ, предлогомъ для начатія рѣчи объ университетахъ. Университетскій вопросъ самъ по себѣ уже начался въ нашемъ обществѣ. Какъ только г. Костомаровъ появился съ своей статьёй въ 237 № «С. Петербургскихъ вѣдомостей», такъ тотчасъ же со всѣхъ сторонъ, какъ водопадъ, полились статьи объ университетахъ. Кажется нѣтъ журнала, газеты, которые не заявили бы своего мнѣнія объ этомъ новомъ вопросѣ. А тѣ, которые не высказали своего, пересказывали чужое. Мы не хотимъ предположить, чтобъ одна только мода на новый вопросъ заставляла всѣхъ говорить о немъ; чтобъ одно только желаніе неотстать отъ другихъ было причиною повсемѣстныхъ толковъ объ университетахъ. По нашему, смыслъ этого явленія гораздо глубже, чѣмъ даже кажется съ перваго взгляда. Вопросъ объ университетахъ въ послѣднее время вѣроятно былъ на умѣ у всей Россіи. Онъ явился самъ собою и потребовалъ разрѣшенія. Но однакожъ представившій сперва въ порядкѣ ходъ всего этого дѣла въ нашей литературѣ, начиная съ самой статьи г. Костомарова подробно и съ выписками. Для тѣхъ кто незнакомъ съ этимъ вопросомъ, или знакомъ отрывочно, полное изложеніе его, по фактамъ, будетъ весьма не лишнее. Мы посвящаемъ этому изложенію цѣлую главу.

Разумѣется вся сущность вопроса состоитъ въ преобразованіяхъ. Г. Костомаровъ отрицаетъ теперешнюю форму университета. Онъ находитъ ошибку въ самомъ ея основаніи. Онъ требуетъ, чтобъ

университетъ былъ образовательно-ученымъ заведеніемъ, а не воспитательно-учебнымъ.

Университеты наши представляютъ собою что-то неопредѣленное, неустановившееся, какую-то середину между школою и ученою академіею, и очень многіе не рѣшили себѣ задачу, чѣмъ они должны быть: воспитательно-учебными или образовательно-учеными заведеніями? До сихъ поръ они имѣютъ претензію быть тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, а въ самомъ дѣлѣ—они ни то, ни другое, потому что то и другое несовмѣстимо, по своей сущности.

Слѣдовательно какъ скоро, по мнѣнію г. Костомарова, мы придемъ университетъ за образовательно-ученое заведеніе, то стало-быть немало будетъ и всѣхъ тѣхъ воспитательныхъ предосторожностей, феруль, пазоровъ за учащимися, присмотровъ за ихъ образованіемъ и поведеніемъ, особыхъ правъ и правилъ и пр. и пр., а слѣдственно неужно будетъ и корпоративнаго устройства университета. Корпорация студентовъ, какъ особое званіе, бесполезна, по мнѣнію г. Костомарова.

Корпорация студентовъ, какъ особое званіе, бесполезна. Употребляя слово «корпорация», мы не разумѣемъ здѣсь свободнаго сближенія между собою людей, заматыхъ однимъ дѣломъ, идущихъ къ одной обязательной дѣли, ищѣмъ другъ къ другу необязанныхъ, кромѣ взаимнаго соглашенія убѣжденій и потребности взаимнаго труда. Корпорация напротивъ связуетъ своихъ членовъ во всѣхъ фазахъ жизни, налагаетъ на нихъ обязанности поступать такъ, а не иначе, вслѣдствіе заранѣе поставленнаго правила, даже противъ индивидуальныхъ требованій и убѣжденій, принадлежать къ извѣстному сообществу, а не къ другому, и держаться своихъ сочленовъ какъ братьевъ. Такая корпорация можетъ имѣть мѣсто тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о взаимной защитѣ общаго дѣла или о сохраненіи извѣстныхъ привилегій. Понятно, что въ средніе вѣка въ Европѣ жизнь вызывала образованіе корпораций, когда личность каждаго подвергалась случайностямъ, когда каждый поневодѣ долженъ былъ искать въ другомъ опоры и охраненія. Понятно, что у насъ въ XVII вѣкѣ, въ южной и западной Руси, образовались братства, корпорации, для защиты отъ ультра-римскаго католичества. Чѣмъ общество благоустроеннѣе, тѣмъ менѣе представляется необходимости корпораций: съ одной стороны — съ развитіемъ мѣръ общаго охраненія безопасности каждаго изъ согражданъ, съ другой — съ прекращеніемъ исключительности привилегій, которое всегда бываетъ слѣдствіемъ распространяющагося просвѣщенія.

И далѣе:

Если смотрѣть на университетъ какъ на образовательно-ученое заведеніе, то корпорация слушателей лишаетъ его этого высокаго значенія: онъ перестаетъ быть органомъ прямого сообщенія со стороны науки

сь общественной жизнью, и дѣлается школою. Корпорация эта въ нравственномъ отношеніи даже вредна, ибо она отрываетъ слушателей отъ остального общества, побуждаетъ ихъ говорить о себѣ мы, въ противоположность съ тѣми, которые находятся за ея предѣлами; а это ведетъ скорѣе къ заблужденіямъ, къ незнанію общества, къ отчужденію отъ его интересовъ, чѣмъ къ согласной съ нимъ дѣятельности. Корпорация вредна для науки, ибо дѣлаетъ ее какъ-будто особой привилегіей избранныхъ, тогда какъ идеалъ ея есть наибольшее распространеніе въ обществѣ ея благотѣльныхъ результатовъ. Корпорация будетъ въ этомъ случаѣ стѣсненіемъ общественной свободы въ самомъ достойнѣйшемъ уваженіи человѣческому дѣлу — просвѣщенію; она склоняетъ науку къ отршенію отъ жизни, тогда-какъ посвящающій себя наукѣ долженъ помнить, что его занятія именно тогда и будутъ плодотворны, когда онъ будетъ трудиться въ прямомъ интересѣ для общества.

Въ отвѣтъ на это мнѣніе, въ Современной Лѣтописи «Русскаго Вѣстника» въ № 44 тотчасъ же явилось возраженіе. «Русскій Вѣстникъ» отзывается, по обыкновенію своему, свысока, извительнымъ тономъ. Онъ подсмѣивается надъ г. Костомаровымъ.

«Если мы не ошибаемся, передовому человѣку поставлено у насъ въ обязанность отрицать воспитательное значеніе университетовъ. Можетъ ли въ самомъ дѣлѣ русскій передовой человѣкъ не отрицать того, что признается всѣмъ свѣтомъ? Этихъ онъ обнаружилъ бы свою несамостоятельность. показали бы, что онъ недостаточно прогрессивный человѣкъ».

Вслѣдъ затѣмъ «Русскій Вѣстникъ» особенно старается отстоять воспитательное значеніе университета и увѣряетъ, что г. Костомаровъ предлагаетъ учредить подл имѣніемъ университетовъ то, что кое-гдѣ существуетъ на бѣломъ свѣтѣ. Онъ увѣряетъ, что университетъ г. Костомарова обращается самъ собою въ заведеніе для публичныхъ лекцій, неимѣющихъ чисто-ученаго значенія, а имѣющихъ цѣлью только популяризировать науку между людьми взрослыми.

«Отъ университетскихъ лекцій онъ отличаются составомъ аудиторій, но также какъ и университетскія лекціи, имѣютъ учебное значеніе. Ученые, читающіе эти публичныя лекціи, служатъ посредниками между наукой и обществомъ; поэтому очевидно, что публичныя лекціи этого рода могутъ быть полезны для народнаго просвѣщенія только въ тѣхъ странахъ, гдѣ уже есть истинная наука. Безъ этого условія не было бы повода къ посредничеству, и популяризованіе науки неизбежно превратилось бы въ популяричанье. Сперва нужна строгая наука; и лишь вслѣдъ затѣмъ можетъ придти ея популяризованіе; требующее отъ ученаго высшей степени зрѣлости.»

Въ Парижѣ есть Collège de France, — говорить «Современная Лѣтопись», — гдѣ читаются публичные курсы, и гдѣ, особенно въ дурную погоду, бываетъ очень много публики самой разнохарактерной.

Въ Петербургѣ напримѣръ, были тоже устроены публичныя лекціи, но публика на слѣдующій же годъ выказала равнодушіе къ нимъ, и онѣ не пошли въ ходъ, вслѣдствіе чего мы и теряемъ надежду на процвѣтаніе образовательно-ученаго университета въ нашемъ прогрессивномъ городѣ Петербургѣ.

Г. Костомаровъ говоритъ въ своей статьѣ, что умноженіе у насъ въ Россіи воспитательныхъ заведеній съ болѣе широкимъ преподаваніемъ чѣмъ въ гимназіи, принесетъ намъ пользу, но въ такомъ случаѣ требуетъ отдѣленія этихъ новыхъ заведеній отъ университета, заведенія не воспитательнаго, а образовательно-ученаго. «Современная Лѣтопись» по этому поводу замѣчаетъ:

Такииъ образомъ самъ г. Костомаровъ опять приходитъ къ университетамъ, то есть къ тому, что вездѣ называется этимъ именемъ. Сущность его предложенія состоитъ стало-быть въ слѣдующемъ: теперешніе университеты сдѣлайте не университетами, а учреждениями для чтенія публичныхъ лекцій, удержавъ за ними однакоже имя университетовъ; но наряду съ этими учреждениями устройте новыя высшія воспитательно-учебныя заведенія, которыя соответствовали бы иностраннымъ университетамъ, но не носили бы этого имени. Не понимаемъ, къ чему такой маскарадъ, но съ самымъ дѣломъ были бы готовы согласиться, еслибъ авторъ указалъ средства избѣгнуть слѣдующихъ затрудненій: при нашемъ недостаткѣ въ людяхъ мы не видимъ возможности основать въ Россіи нѣсколько новыхъ университетовъ, если наши теперешніе университеты превратятся въ учреждения для публичныхъ лекцій; поэтому мы опасаемся, что при преобразованіи русскихъ университетовъ по плану г. Костомарова, Россія нѣкоторое время останется вовсе безъ высшихъ воспитательныхъ заведеній, а *воспитательныя заведенія съ болѣе широкимъ преподаваніемъ чѣмъ въ гимназіяхъ* гораздо нужнѣе для русскаго просвѣщенія, чѣмъ тѣ образовательно-учебныя органы, которые проектируетъ г. Костомаровъ.

Вслѣдъ за двумя этими противоположными мнѣніями явилось третье мнѣніе — г. профессора Стасюлевича, помѣщенное въ № 241 «С. Петербургскихъ вѣдомостей». Г. Стасюлевичъ раздѣляетъ вполне мнѣніе г. Костомарова о необходимости преобразования — но не университетовъ, а въ университетахъ, — и думаетъ, что преобразование должно состоять не въ уничтоженіи того вида, въ какомъ находился преобразуемый предметъ; что всякое такое преобразование рискуетъ вмѣстѣ со зломъ уничтожить и доброе, и замѣчаетъ, что было бы лучше ограничиться уничтоженіемъ одного зла и притомъ

именно настолько, насколько оно зло. Слѣдственно г. Стасюлевичъ очевидно полагаетъ, что основная форма устройства теперешнихъ университетовъ отнюдь не есть зло. Онъ говоритъ, что г. Костомаровъ ищетъ причинъ неудовлетворительности университетовъ въ неправильномъ составѣ аудиторій, а слѣдовательно и преподаванія, и предлагаетъ для реформы именно то положеніе, въ которомъ мы уже находимся. Г. Стасюлевичъ утверждаетъ, что напримѣръ нашъ петербургскій университетъ въ своихъ аудиторіяхъ и безъ того уже соединялъ лица всѣхъ возрастовъ отъ юношества до старческаго, всякаго званія, всякой спеціальности и иногда даже обоего пола, что вопросъ долженъ повидимому идти не о преобразованіи университетовъ, а о сохраненіи того состоянія и процвѣтанія, котораго они достигли. Въ этомъ случаѣ кажется консерваторъ былъ бы намъ нужнѣе реформатора, замѣчаетъ г. Стасюлевичъ.

Что обязывало профессора имѣть до сихъ поръ въ виду однѣ воспитательно-учебныя цѣли? спрашиваетъ Стасюлевичъ. Онъ утверждаетъ, что не было ни одной официальной жалобы на то, что существованіе званія студента препятствовало образовательно-ученому характеру лекцій какого-нибудь профессора. Что обязывало профессора имѣть въ виду воспитательно-учебныя цѣли? спрашиваетъ онъ. «Были ли мы должны наблюдать за порядкомъ въ аудиторіи, или прибѣгать къ элементарному объясненію?»

По опредѣленію Н. И. Костомарова, приемъ въ воспитательно-учебныхъ заведеніяхъ состоитъ въ урокъ, руководствѣ, наставленіи... То что даетъ учитель ученику, имѣетъ для послѣдняго качество необходимости; ученикъ долженъ принимать сказанное учителемъ на-вѣру, такъ-сказать жить умомъ учителя, руководствоваться буквально его наставленіями, развиваться подъ его указаніемъ. Все это справедливо само по себѣ, но развѣ было что-нибудь подобное въ положеніи профессора у насъ до сихъ поръ? развѣ мы задавали уроки, подчиняли слушателей какому-нибудь одному руководству, и читали имъ наставленія? Въ чемъ же заключался воспитательно-учебный характеръ нашей аудиторіи, который долженъ быть уничтоженъ по предложенію Н. И. Костомарова?

Высказавъ это, г. Стасюлевичъ крѣпко отстаиваетъ корпорацію и званіе студента. Онъ признаетъ, что званіе студента имѣетъ въ себѣ воспитательное значеніе; но признаетъ тоже, что такое значеніе совершенно необходимо для университетской жизни. Разница только въ томъ, — говоритъ онъ, — что воспитательный характеръ университета долженъ быть совершенно отличный отъ воспитанія такъ-называемыхъ среднихъ учебныхъ заведеній; что студенту предстоитъ трудъ *самовоспитанія*. Для составленія полнаго типа

студента — говорить ояъ — недостаточно однихъ лекцій: его развитію немѣнѣе содѣйствуетъ то самовоспитаніе, которое можетъ совершиться только при существованіи студентскаго міра.

Неудовлетворительность университетовъ должна искать свои причины въ отсутствіи правильнаго самовоспитанія студентовъ. Уничтожить званіе студента значило бы совершенно уничтожить такое самовоспитаніе. А главное дѣло состоитъ въ томъ, что и самое уничтоженіе званія студента не было бы уничтоженіемъ самовоспитанія; оно проявилось бы снова и въ университетѣ безъ студентовъ, но въ какой-нибудь произвольной и, часто, безобразной формѣ. Не лучше ли было бы уничтожить въ томъ или другомъ явленіи именно его дурную сторону? Исправить что-нибудь уничтоженіемъ — дѣло весьма легкое; но тогда нужно отказаться отъ надежды создать что-нибудь прочное. Наше творчество всегда ограничивается формами, но матерьялъ, снабженный извѣстными законами, дается намъ готовымъ, и большая часть творчества всегда не удается именно потому, что самихъ себя принимаютъ за матерьялъ творчества. Потому я предлагаю не радикальное преобразование, а рациональное; аудиторіи наши имѣли уже образовательно-ученый характеръ, слѣдовательно преобразование не относится къ нимъ; можно сказать многое противъ самовоспитанія студентовъ, въ томъ видѣ, какимъ оно представлялось до сихъ поръ, а именно руководимое однимъ полицейскимъ надзоромъ университетскаго начальства; реформировать его уничтоженіемъ значило бы перенести зло съ одного мѣста на другое; но учрежденіе напямѣръ университетскаго суда сдѣлало уже первый шагъ къ рациональной реформѣ; университетскій судъ будетъ однимъ изъ важныхъ *воспитательныхъ* учрежденій, какъ то можетъ быть допущено въ университетѣ. Не наше дѣло говорить о томъ, что еще можетъ быть сдѣлано, но мы позволимъ себѣ указать на то, что уже приведено въ исполненіе.

Вслѣдъ за этой статьей г. Барсовъ въ № 245 «Сиб. Вѣдомостей», совершенно соглашаясь съ г. Костомаровымъ, утверждаетъ, что изъ русскихъ университетовъ надобно сдѣлать *tabula rasa*, дабы сама жизнь выработала новое устройство. «Русскій Вѣстникъ» въ № 45 «Современной Лѣтописи» сильно возстаетъ противъ этого мнѣнія.

Нѣтъ ничего ошибочнѣе того взгляда, будто бы для свободнаго движенія нуженъ разрывъ съ прошедшимъ. Нѣтъ ничего противоположнѣе истинному движенію какъ эта малодушная готовность, при первой неудачѣ, бросать начатое дѣло и мачинать работу снзнова. Нѣтъ ничего убійственнѣе для жизни какъ этотъ духъ ломки и презрѣнія къ прошедшему, признающій всѣ права за несуществующимъ и только возможнымъ и отказывающій въ нихъ тому, что уже существуетъ.

Наша русскіе университеты конечно далеко не идеальныя учрежденія, но намъ жаль, что съ ними обращаются такъ слегка и такъ

высока: Мы несогласны съ г. Стасюлевичемъ насчетъ высокаго процвѣтанія русскихъ университетовъ, но каковы бы они ни были, они занимаютъ въ русскомъ бытѣ такое мѣсто, что говоря о ихъ преобразованіи, никакъ непозволительно разумѣть подъ преобразованиемъ — разрушеніе. Что-нибудь да найдется въ нихъ такого, что можетъ упрочить за ними въ послѣдствіи мѣсто въ ряду европейскихъ университетовъ, по образцу которыхъ они были устроены.

Однимъ словомъ, «Современная Лѣтоспись» и въ этой второй статьѣ своей отстаиваетъ и корпорацію, и воспитательное значеніе университетовъ. Она замѣчаетъ, что невозможно требовать, чтобы каждый отдѣльный профессоръ дѣйствовалъ на студентовъ въ воспитательномъ смыслѣ, что это невозможно, что не ферула, не школьный надзоръ составляютъ это воспитательное значеніе, а университетъ, взятый какъ цѣлое; что вліяніе профессоровъ на слушателей очень велико, но особенно плодотворно бываетъ вліяніе не отдѣльныхъ профессоровъ, а общаго духа, живущаго въ университетской корпораціи.

Мѣра воспитательнаго значенія университета зависитъ отъ того, въ какой степени университетъ есть корпорація, въ какой степени онъ хранитъ въ себѣ живой духъ добрыхъ преданій, выработанныхъ его исторіей. Этотъ-то общій, исторически выработывающійся университетскій духъ и оказываетъ на студентовъ то нравственное дѣйствіе, котораго нельзя ожидать отъ отдѣльныхъ профессоровъ, если всѣ они, вмѣстѣ взятые, по выраженію императора Калигулы, не болѣе какъ *песокъ безъ извести*. Этого общаго духа нельзя предписать закономъ, но тѣмъ неменѣе онъ оказываетъ дѣйствіе, всеми чувствуемое, всѣхъ сдерживающее, для всѣхъ благотворное, оживляющее и спасающее всѣхъ, какъ профессоровъ, такъ и студентовъ. Во всѣхъ процвѣтающихъ университетахъ есть этотъ общій, могущественно-дѣйствующій духъ, есть эта университетская атмосфера, оказывающая воспитательное дѣйствіе на молодежь, и *ассимилирующая* всѣ разнообразныя элементы, которые ежегодно притекаютъ къ университету съ разныхъ сторонъ. Сущность дѣла показываетъ, что этотъ общій духъ долженъ храниться преимущественно въ сословіи профессоровъ, но опытъ показываетъ также, что несмотря на постоянный приливъ и отливъ обучающагося юношества, студенческій бытъ неменѣе способенъ хранить университетскія преданія. Университетъ безъ студентовъ перестанетъ быть университетомъ: уничтожая студенчество, вы убиваете университетъ. Университетское корпоративное устройство должно обнимать собой не только профессоровъ, но и студентовъ. Студенческій бытъ есть одинъ изъ воспитательныхъ элементовъ этого устройства. Если онъ дуренъ въ томъ или другомъ университетѣ, то надобно заботиться объ его улучшеніи, но уничтожать его вслѣдуетъ.

Міръ студенческихъ отношеній есть особенный міръ, въ тысячу разъ менѣе сложный чѣмъ общество, и потому въ тысячу разъ болѣе удобный для пріобрѣтенія первыхъ опытовъ жизни. Товарищескія связи, товарищескія столкновения, происходящія въ тѣсномъ кругу студенческаго быта, подъ вліяніемъ вѣковыхъ студенческихъ преданій и на глазахъ доброжелательной корпораціи наставниковъ, воспитываютъ и развиваютъ нравственныя силы молодого человѣка. Студенческая жизнь не даромъ принадлежитъ къ дорогимъ воспоминаніямъ всякаго, учившагося въ порядочномъ университетѣ. Это пора безкорыстнаго раздѣла первыми мыслями и чувствами, та пора, когда легко завязывается дружба, когда проза жизни еще не вступаетъ въ свои права, когда человѣкъ только предвкушаетъ тяжкую борьбу, ожидающую его въ дальнѣйшей жизни, и собираются съ силами, чтобы успѣшно выдерживать житейское испытаніе. *Пульверизація* студенческаго быта значительно уменьшила бы ту нравственную пользу, которую получаютъ студенты отъ пребыванія въ университетѣ. Но чтобы не было пульверизаціи, для этого необходимы болѣе тѣсныя связи между студентами, а не одно слушаніе университетскихъ лекцій; необходимо, чтобы и въ студенчествѣ были корпоративныя связи, не тѣ конечно же-корпоративныя связи, которыя нуждаются во внѣшней одеждѣ или внѣшнихъ мѣткахъ, возбуждающихъ реакцію противъ себя въ самомъ студенчествѣ европейскихъ университетовъ, а тѣ истинно-корпоративныя связи, благодаря которымъ корпоративное начало составляетъ такой важный элементъ въ общественномъ и политическомъ бытѣ. Сущность корпораціи состоитъ въ храненіи преданій; непрерывная преемственность преданій, постоянная работа ассимиляціи обуславливаются вліяніемъ, которое старшіе члены корпораціи оказываютъ на младшихъ. Оканчивающіе курсъ должны дѣйствовать на нововступающихъ, окончившіе курсъ — на оканчивающихъ, и такъ далѣе до профессоровъ. Между всѣми должны быть и взаимныя связи, и въ этихъ связяхъ должны быть степени, отъ профессора до нововступающаго студента.

Этѣмъ «Современная Лѣтопись» сильно заботится о томъ, чтобы усилить корпоративную связь въ университетахъ и прямо говоритъ, что успѣхъ преобразованій долженъ состоять именно въ усиленіи, а не въ ослабленіи корпораціи. При этомъ она дѣлаетъ одно довольно дѣльное замѣчаніе:

Трудность заключается здѣсь въ томъ, что наши университеты возникали не сами собой, не вслѣдствіе потребностей общества, которому естественно принадлежитъ право воспитывать молодыхъ поколѣнія, а благодаря волѣ правительства, нуждавшагося въ людяхъ, годныхъ для государственной службы. Такое происхожденіе нашихъ университетовъ отзывается на всемъ ихъ характерѣ; оно даетъ университетской наукѣ видъ чужеземнаго растенія, искусственно пересаженнаго

на русскую почву, оно затрудняет попытки къ улучшенію русских университетовъ. Но съ другой стороны несладуетъ и преувеличивать затрудненій.

И затѣмъ, какъ-будто для того, чтобъ доказать это, «Современная Лѣтопись» сама въ свою очередь пускается въ преобразованія.

Такъ какъ уже довольно было ломки, — говорить она, — такъ какъ пора остепениться и начать пользоваться какъ нравственными, такъ и денежными средствами университетовъ съ меньшею поспѣшностью и съ большимъ уваженіемъ къ существующему, то на первый случай, въ видахъ усиленія корпоративной связи и облагороженія, возвышенія корпоративнаго духа, слѣдовало бы обратить вниманіе именно на тѣ элементы, которые уже есть въ университетахъ и этими элементами подкрѣпить университеты. Въ московскомъ наиримѣръ университетѣ есть стипендіаты изъ лучшихъ студентовъ, окончившихъ курсъ въ университетѣ и оставляемыхъ теперь при университетахъ; такъ какъ эти стипендіаты уже оказывали помощь студентамъ въ ихъ занятіяхъ древними языками, то въ такомъ случаѣ налобно усиливать сближеніе стипендіатовъ съ студентами и способствовать ему всѣми средствами. На самихъ же стипендіантовъ обратить особое вниманіе. Отборные изъ нихъ уже посылались за границу; но чтобъ за границей они не теряли даромъ времени, не разлѣзжали тамъ въ качествѣ туристовъ, то желательно обратить особое вниманіе, чтобъ они поступали за границей подъ руководство къ извѣстнымъ ученымъ, по выбору русскаго правительства, какъ уже и было дѣлаемо графомъ Сперанскимъ.

Но и кромѣ этихъ стипендіатовъ есть множество лицъ, получившихъ ученныя степени магистра и доктора, и остающихся съ московскимъ университетомъ только въ идеальныхъ связяхъ. Для этого надо эти связи матеріализировать. А именно: безвозмездно эти молодые ученые не могутъ заниматься съ студентами, подобно стипендіатамъ, поэтому развить бы приватъ-доцентство и ввести профессорскій гонорарій. Да кромѣ того обсудить бы вопросъ: нельзя ли слѣлать ихъ членами университетской корпораціи и дать имъ нѣкоторое участіе въ управленіи университетомъ, наиримѣръ въ выборѣ ректора, въ избраніи профессоровъ на пятилѣтія, въ повышеніи изъ экстраординарныхъ въ ординарные... И такъ далѣе; все въ этомъ духѣ реформы.

Наконецъ по «Современной Лѣтописи» есть много хорошихъ элементовъ въ самихъ студентахъ; но они скрываются, прячутся отчасти изъ скромности, отчасти изъ страха, отчасти изъ ложно-принимаемаго товарищества. А между тѣмъ тонъ даютъ люди плохо

ущаііеся. Поэтому надо позаботиться о томъ, чтобъ лучшіе студенты пользовались почетомъ между своими товарищами.

Не въ одномъ университетѣ случается, что безграмотные получаютъ шагъ впередъ передъ грамотными. Но университетъ долженъ заботиться о томъ, чтобы лучшіе студенты пользовались почетомъ между своими товарищами. Въ прежнія времена эта цѣль достигалась мліаніемъ попечителя. Графъ С. Г. Строгановъ лично зналъ всѣхъ лучшихъ студентовъ, постоянно слѣдилъ за ними, оказывалъ имъ вниманіе во время студенчества и поддержку по выходѣ ихъ изъ университета. Мы можемъ засвидѣтельствовать, что такая внимательность попечителя сильно помогала университету. Но этотъ порядокъ былъ связанъ съ лицомъ попечителя и слѣдовательно не могъ быть проченъ.

Слѣдственно случайную дѣятельность одного лица, говорить «Современная Лѣтопись», нужно замѣнить какими-нибудь общими мѣрами. Эти мѣры, по мнѣнію ея, должны быть на первый случай: раздача стипендій и экзамены, переводные и вступительные, которыхъ ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ видомъ ненадо уничтожать.

Но все это только усиленіе внѣшней формы корпорацій, по словомъ «Современной Лѣтописи». Главное же состоитъ въ духѣ этой корпораціи, а этотъ духъ есть духъ науки. Духъ этотъ долженъ связывать профессоровъ и студентовъ. Но само собою разумѣется, что этотъ духъ науки можно встрѣтить только тамъ, гдѣ наука пользуется уваженіемъ.

И вотъ, чтобъ наука пользовалась уваженіемъ и, главное, чтобъ достойнымъ образомъ заключить свои реформы въ университетѣ, «Современная Лѣтопись» уже въ 46 своемъ номерѣ придумываетъ чрезвычайно хитрую вещь.

До сихъ поръ — говорить она — живой и дѣятельной связи между членами университета не было, университетская корпорація была лишь отдаленнымъ, слабымъ и едва вразумительнымъ намекомъ на то, чѣмъ ей быть слѣдуетъ.

Университетскій совѣтъ былъ болѣе формою нежели серьезнымъ дѣломъ; члены совѣта не сознавали ни правъ, ни обязанностей своихъ. Все что касалось науки, преподаванія, университетскаго устройства, совершалось помимо ихъ и падало имъ на голову; и когда представлялась надобность въ ихъ серьезномъ содѣйствіи, они весьма естественно оказывались не очень способными къ совокупной дѣятельности. Чувство общаго дѣла не одушевляло ихъ, и все распадалось на мелкіе интересы, на тѣсныя кружки, все превращалось въ интриги. Каждый, дурно ли, хорошо ли, отправлялъ свое дѣло, съ разныхъ кафедръ преподавались разные науки, но духъ науки не жилъ самостоятельною

жизнью въ университетской средѣ и не складываеъ ея членовъ въ одно живое цѣлое. Всякій знаетъ только себя и мало интересовался дѣлами, имѣющими общее значеніе. Въ университетахъ нашихъ повторялось въ маломъ видѣ то, что происходило во всей нашей общественной жизни.

Есть въ этихъ отношеніяхъ что-то неправильное, говорить «Современная Лѣтопись», есть какая-то вуждая примѣсь, препятствующая имъ установиться надлежащимъ образомъ. Что это за примѣсь и откуда она?

Вотъ откуда: «Университеты у насъ служатъ не просто высшими учебными заведениями, но и мѣстами, сообщающими молодымъ людямъ права на чинъ. Такимъ образомъ наши университеты, вѣсть съ собственнымъ своимъ назначеніемъ, соединяютъ еще характеръ служебнаго мѣста, въ которомъ выслуживаются въ чины. Это конечно нехудо, замѣчаетъ «Современная Лѣтопись», но въ томъ-то и дѣло, что лишній и несвойственный учрежденію элементъ не увеличиваетъ, а уменьшаетъ его силу, не обогащаетъ его организацію, а ослабляетъ и портитъ ее. Такъ стало-быть надо отнять у университетовъ тѣ привилегіи, которыми они пользуются относительно государственной службы? Нѣтъ, совѣмъ не надо, отвѣчаетъ сама себѣ «Современная Лѣтопись», и предлагаетъ особый проектъ для разрѣшенія этого чрезвычайнаго затрудненія.

• Не лишайте университетскаго образованія тѣхъ служебныхъ преимуществъ, которыми оно до сихъ поръ пользовалось, но постарайтесь освободить эти преимущества отъ всего того, что сообщаетъ имъ несвойственный характеръ и вредитъ университетскому образованію. Пусть преимущества остаются; но пусть будетъ устраненъ характеръ монополіи, который до сихъ поръ составляетъ ихъ принадлежность. Пусть университетскій экзамень сообщаетъ, если нужно, мавѣстныя служебныя права; но тѣмъ менѣе университетскій экзамень долженъ возвратитъ свой чисто-педагогическій характеръ.

• Какъ же это сдѣлать? А вотъ какъ:

У насъ молодой человекъ, вступающій въ университетъ, не имѣетъ, какъ въ нѣмецкихъ университетахъ, права выбора, кого ему слушать по той или другой наукѣ. Студенты у насъ по необходимости становятся въ обязательныя отношенія къ преподавателю. Наконецъ профессоръ есть рѣшитель участи студента. Отъ профессора зависитъ участіе вся будущая его карьера. Студентъ приучается видѣть въ профессорѣ притѣснителя.

• Въ студентѣ, подходящемъ къ экзаминаціонному столу, складывается совѣмъ не то чувство, котораго требуетъ это важное педагогическое пособіе. Онъ забываетъ о пользѣ экзамена и видитъ въ немъ толь-

но практическую помѣху на своемъ пути. Это не педагогическая прорава его завятій, возбуждающая и поддерживающая его молодую дѣятельность; нѣтъ, въ глазахъ студента это испытаніе, которое рѣшается житейскій вопросъ, неимѣющій ничего общаго съ наукой и университетскимъ образованіемъ. Строгость экзамена, самая справедливость его, чувствуется студентомъ съ оттѣнкомъ чего-то несправедливаго и злого; не съ благодарностью, а съ досадой и озлобленіемъ принимаетъ онъ заботливость педагога объ его образованіи, — заботливость, которая можетъ имѣть тѣмъ худшія житейскія послѣдствія для студента, чѣмъ она дѣлательна и добросовѣстна. «Сдѣлайте милость, думаетъ про себя молодой человѣкъ, стоя передъ профессоромъ-экзаминаторомъ, оставьте ваши заботы о моемъ умственномъ образованіи да только не придирайтесь ко мнѣ и не вредите моему карьерѣ».

Такимъ образомъ, замѣчаетъ «Современная Лѣтопись», отношенія между профессорами и студентами не могутъ сохранять правильный и добрый характеръ; экзамены тоже теряютъ свою настоящую пользу. Чтоже дѣлать? Ничего другого какъ учредить особые экзамены на государственную службу и оставить за кончающими университетскій курсъ только преимущество обходиться безъ этихъ особыхъ экзаменовъ.

• Но легко сказать: учредите экзаминаціонныя комиссіи. Экзаменъ на государственную службу долженъ соответствовать окончательному университетскому экзамену; гдѣ же найти экзаминаторовъ для такихъ комиссій, — не говоримъ въ губернскихъ городахъ, — даже въ столицахъ? Какъ найти экзаминаторовъ по всемъ университетскимъ наукамъ, когда съ такимъ трудомъ замѣщаются у насъ университетскія кафедры?

• Мы думаемъ, что учрежденіе комиссій съ вышесказанною цѣлью не такое трудное дѣло, какъ кажется съ перваго взгляда. Мы думаемъ даже, что нѣтъ невозможности устроить подобныя комиссіи не только въ столицахъ, но и въ губернскихъ городахъ, еслибъ это потребовалось, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ нашего общественнаго образованія.

• Экзаминаторовъ, которые соответствовали бы университетскимъ преподавателямъ по своему ученому образованію, дѣйствительно было бы трудно набрать для такихъ комиссій. Но этого и не требуется. Нужны не испытатели въ разныхъ наукахъ, а три-четыре человѣка, которые могутъ даже вовсе не быть посвящены въ тайна университета наукъ, во великомъ случаѣ могутъ не отличаться особыми учебными достоинствами, — три-четыре человѣка, способные добросовѣстно и отчетливо исполнить данное имъ предписаніе. Экзаменъ на государственную службу въ подобныя комиссіи долженъ быть письменный, по общей обнародованной программѣ для каждаго предмета. Вся обязанность членовъ комиссій должна состоять только въ соблю-

денія, чтобы письменные отвѣты на выпавшіе по жребію вопросы были писаны самимъ испытуемымъ безъ всякой посторонней помощи и безъ подлога. Это не экзаминаторы въ собственномъ смыслѣ, а присяжные, которые не одобряютъ отвѣтовъ, а только препровождаютъ ихъ куда слѣдуетъ, съ ручательствомъ за ихъ подлинность. Отѣвка же отвѣтовъ можетъ принадлежать или университетскимъ совѣтамъ, или центральной комиссіи, членами которой могутъ быть отчасти и профессора, но уже не въ качествѣ профессоровъ, а съ особымъ служебнымъ назначеніемъ. Экзаминаціонныя комиссіи должны быть постоянно открыты, и экзамены на государственную службу должны производиться во всякое время, чтобъ одновременно стеченіе множества лицъ не могло затруднить комиссію въ добросовѣстномъ отправленіи ея присяжной обязанности.

Ну-съ, каковъ проектикъ? Но удержимся до времени. Мы излагаемъ покаместъ только простую исторію нашего вопроса объ университетѣ, сообщаемъ читателю, повозможности ясно и полно, все что скавали до сихъ поръ объ этомъ вопросѣ наши журналы и газеты. Разумѣется мы не беремъ сообщать непременно *все*, что у насъ явилось по этому поводу во всѣхъ газетахъ. Мы представляемъ читателю обзоръ только статей замѣчательнѣйшихъ. И намъ остается еще передать статью «Педагога» и профессора А. Бскетова. Обѣ статьи были помѣщены въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ.

Но прежде статьи «Педагога» упомянемъ еще о замѣткѣ, слѣданной г. Сухомлиновымъ въ 245 № «Петербургскихъ Вѣдомостей». Г. Сухомлиновъ допускаетъ корпорацію студентовъ, но свободную, которая сама собою составилась, и отрицаетъ, виѣстѣ съ г. Костомаровымъ, всякую *узаконенную* корпорацію. По поводу того, что виѣшательство закона въ то, что само собою должно выходить изъ правовъ и обычаевъ, онъ приводитъ слова Екатерины II: «весьма худая та полятика, которая передѣлываетъ то законами, что надлежитъ перемѣнять обычаями. Мы ничево лучше не дѣлаемъ, какъ то, что дѣлаемъ вольно, непринужденно и слѣдуя природной нашей склонности».

Виѣніе «Педагога» въ 252 № «С. Петербургскихъ Вѣдомостей» довольно замѣчательно. Онъ полагаетъ самымъ необходимымъ условіемъ развитія нашихъ университетовъ какъ можно большее ослабленіе студентской корпораціи. Въ то же время онъ предлагаетъ возможности укрѣпить связь профессорской корпораціи. Между прочимъ онъ говорить:

«Связью профессорской корпораціи, по уставу 1835 года, служатъ одинаковыя права и преимущества службы, одинаковость условій для вступленія въ корпорацію, коллегіальное рѣшеніе дѣлъ въ факультет-

ешихъ собраній и совѣтъ, и особыя привилегіи, принадлежащія университету какъ ученой корпораціи.

• Студентская корпорація, по тому же уставу, основывается также на одинаковости условій, требуемыхъ для полученія званія студента, для успѣшнаго прохожденія курса и для пріобрѣтенія ученой степени, на одинаковости правъ, преимуществъ и даже одежды, и на одинаковомъ подчиненіи студентовъ университетской полиціи какъ въ самомъ званіи университета, такъ и внѣ университета (*).

• Единственною связью между тою и другою корпораціею, т. е. профессорскою и студентскою, служатъ научные интересы. Затѣмъ, внѣ этихъ корпорацій, какъ ибчто постороннее, стоитъ университетская полиція, состоящая не изъ членовъ, принадлежащихъ къ учебному сообщенію университета.

Затѣмъ онъ выводитъ, что хотя и нельзя сомнѣваться въ томъ, что сила науки заключается въ хорошихъ профессорахъ, но что только полное собраніе ученыхъ, взаимно дополняющихъ другъ друга, подвергающихся взаимному контролю, дѣйствующихъ по одному, сообща обдуманному плану, можетъ доставить наукѣ достаточную гарантію и силу. Но совѣмъ другое дѣло, по его мнѣнію, корпорація студентовъ. Занята она у насъ изъ Германіи. Возникла она тамъ вначалѣ по необходимости обороны отъ внѣшнихъ вліяній; впослѣдствіи же, съ развитіемъ государственнаго устройства, первоначальная цѣль студентской корпораціи прекратилась и замѣнилась другою, принявъ характеръ воспитательный. Характеръ этотъ, по уставу 1835 года, имѣетъ студентская корпорація въ нашихъ университетахъ. Поэтому защитники корпоративнаго устройства, какъ замѣчаетъ «Педагогъ», совершенно логически считаютъ университетъ воспитательно-учебнымъ заведеніемъ. «Педагогъ» тоже признаетъ главною цѣлью университетскаго ученія воспитаніе, но, по его мнѣнію, сила воспитательная должна заключаться почти исключительно въ наукѣ, а вовсе не въ надзорѣ университетскаго начальства за студентами внѣ университета. Надзоръ же въ стѣнахъ университета «Педагогъ» считаетъ необходимымъ.

Сочувствуя ослабленію студентской корпораціи, «Педагогъ» дѣлаетъ довольно любопытное разсужденіе. Онъ говоритъ, что студенту прежде всего надо учиться. Дѣло его изучать науку по профессорскимъ лекціямъ и тѣмъ источникамъ, которые будутъ ему указаны профессоромъ или отысканы имъ самимъ. На все это нужно много доброй воли и усидчивости. Но до того ли студенту, чтобы тратить дорогое время на предметы чуждые его занятію? Къ числу

(*) Мы не включаемъ сюда дерптскаго университета, гдѣ студентская корпорація ближе прочихъ нашихъ университетовъ подходитъ къ германскимъ.

этих чуждых предметов «Педагогъ» съ рѣзкостью относитъ даже необходимыя сходки студентовъ, чтобы цѣлою корпораціею обсуживать какъ научныя, такъ и разныя другіе вопросы. Онъ отрицаетъ даже, что въ такого рода разсужденіяхъ и диспутахъ развивается ихъ мыслительность и образуется самостоятельность сужденій. Кружки студентовъ онъ допускаетъ, и то кажется по самой естественной необходимости, потому что невозможно, чтобы три-четыре человѣка не сошлись вмѣстѣ. Но этими кружками онъ ограничиваетъ все право сходокъ. Онъ допускаетъ даже кружки большіе, какъ напримѣръ музыкальныя, литературныя и прочіе, т. е. вообще соединенія студентовъ по однородности занятій, по взаимной симпатіи, по единству происхожденія и т. д. Но чуть только дѣло коснется до общей сходки студентовъ, то ужъ тутъ «Педагогъ» совершенно противъ нея.

• Отдѣльные кружки не то что корпорація: каждый членъ кружка вступаетъ въ него свободно, съ опредѣленною цѣлю; такъ же свободно онъ и оставляетъ кружокъ, если цѣль, съ которою онъ вступилъ, не достигается въ немъ. Въ корпораціи же, какъ въ юридической единицѣ, имѣющей общія всѣмъ права и обязанности, каждый членъ порабощается общему духу; въ ней люди различныхъ мнѣній обязываются къ одинаковымъ дѣйствіямъ, преслѣдованіе одного члена возбуждаетъ противодѣйствіе всей массы, оскорбленіе, причиненное одному, принимается всѣми. Отсюда въ обширныхъ студентскихъ корпораціяхъ необходимо возникаютъ столкновенія съ лицами, принадлежащими къ нимъ, и съ разными мѣстными властями, и въ самыхъ корпораціяхъ, безъ руководителей, въ которыхъ всегда будетъ недостатокъ, являются всѣ элементы раздора между членами, ихъ составляющими. За доказательствами этой истины ходить недалеко. •

Вслѣдствіе всего этого «Педагогъ» вполнѣ сочувствуетъ пріятнымъ у насъ въ послѣдніе годы мѣрамъ къ ослабленію студентской корпораціи, заключающимся въ подчиненіи студентовъ вѣдъ университета общей полиціи и въ уничтоженіи ихъ форменной одежды. Однимъ словомъ онъ желаетъ теперь совсѣмъ порѣшить студентскую корпорацію, уничтоживъ въ университетахъ всѣ испытанія, кромѣ испытанія на ученія степеней, и сдѣлавъ университетъ открытымъ для всѣхъ учебнымъ заведеніемъ. Развивая эту идею далѣе, онъ старается доказать (и не безосновательно), что надзоръ надъ студентами вѣдъ университета почти невозможенъ, что для этого слишкомъ много надо надъ ними надзирателей, а сдѣлать надо ихъ всѣхъ подчинить общей полиціи; пріемные экзамены тоже уничтожить; переводные экзамены, по «Педагогу», совершенно бесполезны, что они больше ничего какъ принудительная

мѣра къ унацію и что въ этомъ опредѣленіи ихъ заключается ихъ смертныи примоворъ, что они наконецъ почти невозможны. Возможно ли — спрашиваетъ «Педагогъ» — профессору произвестн строгое испытаніе тремстамъ напримѣръ студентамъ въ одинъ или въ два дня?

«Если онъ будетъ удѣлять на это, втеченіи двухъ дней, въ каждый день по пяти часовъ, при полномъ вниманіи (а больше нельзя), то на каждаго экзаменующагося придется только по двѣ минуты. Спрашивается, к чему послужитъ такой экзамень? не будетъ ли онъ пустою формою, при которой и совершенно-слабые будутъ легко переходить въ слѣдующіе курсы? Если же на переводныя испытанія назначать столько времени, сколько нужно, то въ такомъ случаѣ пришлось бы двѣ трети годичнаго курса употреблять на одни только экзамены (что легко доказать), и затѣмъ, у профессоровъ не осталось бы времени на самое существенное, т. е. на чтеніе курсовъ. Нѣкоторые предполагаютъ, частью для устранения этого неудобства, частью въ видахъ усиленія строгости испытаній, учредить особыхъ экзаменаторовъ, не изъ профессоровъ. Но для осуществленія такого плана у насъ нѣтъ во первыхъ достаточнаго числа ученыхъ — такъ-какъ и при замѣщеніи различныхъ профессорскихъ кафедръ встрѣчаются неодолимыя затрудненія: вторыхъ такое учрежденіе было бы нескончаемымъ источникомъ столкновеній между профессорами и экзаменаторами; третьихъ, и такимъ экзаменаторамъ нужно было бы столько же времени на испытанія какъ и профессорамъ, т. е. двѣ трети учебнаго года, и наконецъ четвертыхъ, все это потребовало бы, безъ всякой пользы, затраты огромныхъ суммъ».

Послѣ всѣхъ этихъ разсужденій «Педагогъ», оканчивая свою статью, еще разъ формулируетъ всѣ свои мнѣнія слѣдующимъ образомъ:

- а) Корпорация профессоровъ сохраняется во всей силѣ.
- б) Студентская корпорация уничтожается отлѣною пріемныхъ и переводныхъ испытаній, обязательнаго посѣщенія лекцій и всѣхъ особыхъ студентскихъ правъ.
- в) Къ слушанію лекцій допускаются всякаго рода лица, безъ различія заднія, пола и возраста; съ извѣстною умѣренною за то платою отъ которой было бы однако желательно освободить лицъ дѣйствительно недостаточнаго состоянія.
- г) Опредѣленныхъ сроковъ на слушаніе курса не полагается.
- д) Испытанія слушателей на ученые степени производятся съ усиленною строгостью, и къ испытаніямъ этимъ допускаются только лица, предъявившія свидѣтельства, выданныя имъ изъ гимназій, о знаніи полнаго гимназическаго курса.

Не можемъ не замѣтить при этомъ, что приведеніе всѣхъ этихъ мѣръ въ исполненіе не было бы и рѣзкимъ переворотомъ; на такомъ

почти основаніи въ нашихъ университетахъ и теперь слушаютъ лекціи такъ-называемыя вольнослушающіе; значитъ вся реформа состояла бы только въ томъ, чтобы положеніе о вольнослушающихъ сдѣлать общимъ для всѣхъ слушателей лекцій, безъ различія.

• Наконецъ замѣчательно еще мнѣніе профессора А. Н. Бекетова. Онъ совершенно противъ организаціи и официальной корпораціи студентовъ.

• Многіе думаютъ, что въ нашихъ университетахъ студентскія корпораціи отнюдь не должны походить на корпораціи студентовъ западной Европы; многіе думаютъ, что *русскіе студенты должны нести особыя обязанности, неимѣя особыхъ правъ*. Обязанности эти должны заключаться въ слѣдующемъ: ходить постоянно на лекціи и учиться; нести себя внутри и внѣ университета согласно особымъ правиламъ; платить деньги за слушаніе лекцій; повиноваться особому начальству. Однимъ словомъ студенты, по этому мнѣнію, уже составляютъ не корпорацію, а *ученическое сословіе*, неотличаясь нисколько отъ гимназистовъ. Мнѣніе это основано на слѣдующемъ: въ Россіи образованіе и цивилизація вообще находятся на весьма низкой степени развитія, главная часть небольшого учащагося общества не имѣетъ серьезнаго стремленія къ наукѣ, а между тѣмъ для Россіи необходимы ученые спеціалисты и серьезно-образованные люди вообще, слѣдовательно необходимо даже *насильственными педагогическими средствами заставить учиться*. Пусть университеты будутъ пока высшими гимназіями, пусть упрекаютъ насъ въ этомъ Европа; иначе мы дѣйствовать не можемъ, ибо наше общество стоитъ еще чересчуръ низко и не можетъ обходиться въ дѣлѣ образованія безъ *строгой опеки*.

И затѣмъ онъ опровергаетъ это.

• Если студенты не что иное, какъ гимназисты высшихъ классовъ (положимъ 8, 9, 10 и 11), то между ними и гимназистами не должно быть никакихъ существенныхъ отличій. Впервыхъ, каждому бросается тутъ въ глаза различіе лѣтъ. Въ университетѣ слушаютъ лекціи молодые люди отъ 17-ти до 23-хъ и 25-ти лѣтъ, въ гимназіи учатся дѣти. Кончившій курсъ въ гимназіи можетъ поступить, и часто поступаетъ, на дѣйствительную службу, если не вступаетъ въ университетъ. Слѣдовательно студенты признаны государствомъ зрѣлыми гражданами, способными приносить дѣйствительную пользу правительству; гимназисты являются и тутъ дѣтьми. Студенты, по закону, владѣютъ недвижимою собственностью — гимназисты нѣтъ; слѣдовательно государство и тутъ признаетъ студентовъ зрѣлыми членами гражданского общества. Спрашивается: возможно ли послѣ этого, логично ли принуждать къ ученію, школьными педагогическими средствами, людей, пользующихся самыми существенными гражданскими правами? я могу участвовать въ администраціи государства, могу покупать и продавать имѣніе, а учиться долженъ по указкѣ!

• Превращеніе совершеннолѣтнихъ, хотя и юношей, въ дѣтей, превращеніе гражданина въ школьника есть источникъ всѣхъ университетскихъ безпорядковъ, а вслѣдствіе этого главная причина остановки просвѣщенія. Между студентами есть дѣти, это несомнѣнно; но слѣдуетъ ли поэтому держать взрослыхъ какъ дѣтей? Долженъ ли профессоръ превращать свою лекцію въ урокъ, если къ нему въ аудиторию кромѣ студентовъ придутъ и гимназисты? Взрослые всегда имѣютъ перевѣсъ надъ дѣтьми, они всегда улекутъ дѣтей за собою, какъ въ дѣлѣ науки, такъ и во всемъ остальномъ. Должно ли стараться, чтобы дѣти не ходили въ университетъ, или изгонять оттуда взрослыхъ? Одно изъ двухъ: если университетъ высшая гимназія, то его должны населять дѣти: въ противномъ случаѣ въ него нельзя вводить школьныхъ учрежденій.

Однимъ словомъ г. Бекетовъ полагаетъ, что нельзя и не слѣдуетъ заставлять учиться въ университетахъ насильственными педагогическими правилами. Пусть лекціи отличаются ученостью и дѣльностью, говоритъ онъ, какъ это требуется для окончившихъ уже курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; пусть экзамены на степени будутъ строги и взыскательны: вотъ все, что слѣдуетъ со стороны университета. Если, вслѣдствіе этого, государство и общество будутъ оказывать людямъ съ университетскимъ образованіемъ больше довѣренности чѣмъ остальнымъ, то это заставитъ заниматься студента несравненно дѣйствительнѣе, чѣмъ всякія принудительныя педагогическія мѣры.

Развивая свою мысль, авторъ статьи говоритъ далѣе, что университетъ приготовляетъ молодыхъ людей къ жизни, а гимназія подготавливаетъ дѣтей къ дальнѣйшему образованію воспитаніемъ. Слѣдственно студентъ отнюдь не долженъ удаляться отъ жизни и педагогическія правила не должны устанавливать для него искусственныхъ отношеній. Юноша, котораго ведутъ на помочахъ къ житейской цѣли, предохраняя его искусственно отъ житейскихъ соблазновъ, непремѣнно утратитъ часть своихъ способностей.

• Общество предлагаетъ студенту многія выгоды, а для достиженій ихъ даетъ средства и ставитъ условія; средства заключаются въ посѣщеніи лекцій, условія — въ сдачѣ экзаменовъ. За это оно обѣщаетъ ему умноженіе его нравственнаго и матерьяльнаго благосостоянія; отъ него не требуется ни малѣйшаго подчиненія; онъ можетъ не пользоваться предлагаемыми средствами, если они ему не нравятся — но ученая степень и сопряженныя съ нею выгоды суть необходимыя слѣдствія лишь одного факта: хорошо выдержаннаго экзамена, также какъ доходъ честнаго ремесленника есть слѣдствіе хорошо исполненной работы. Отъ студента требуется только, чтобы онъ умѣлъ разсуждать, какъ купецъ, какъ ремесленникъ, какъ всякій членъ гра-

жданскаго общества. Университетъ есть общественное заведеніе, въ которомъ учатся по собственному побужденію, вследствие собственныхъ соображеній. Тотъ, кто хочетъ слушать университетскія лекціи, долженъ уметь разсуждать слѣдующимъ образомъ: наука въ соединеніи съ жизнью способна развить мои умственные силы, насколько я самъ къ тому способенъ, снабжая меня, этимъ самымъ, нравственными и матеріальными выгодами. Кто не уиѣтъ этого сознать, тотъ не студентъ — ему мѣсто въ гимназій. Если же въ университетъ и будутъ ходить иныя, вслѣдствіе постороннихъ побужденій, то они или скорѣе прекратятъ свои посѣщенія, или дойдутъ черезъ годъ, черезъ два, пусть даже черезъ три, до сознательнаго занятія науками, сдѣлавшись *настоящими студентами*. Изъ послѣдняго слѣдуетъ между прочимъ, что курсы не должны быть ограничиваемы какимъ бы то ни было числомъ годовъ.

• Постоянство, твердость и усилія, требуемая для достиженія ученой степени — вотъ главные воспитательные элементы, вводимые университетомъ въ среду, образующую характеръ студента; общеніе съ товарищами — вотъ еще одинъ сильный элементъ воспитанія; а кромѣ того жизнь въ университетѣ со всѣми ея приманками и тяжкими испытаніями — вотъ могучій воспитательный элементъ, неоставляющій человека до гробовой доски.

• Изъ всего сказаннаго я считаю возможнымъ вывести, что всѣ педагогическія принудительныя средства въ университетахъ должны замѣниться *обязательною дѣльностью лекцій и обязательною строгостью экзаменовъ на ученую степень*. Мнѣ кажется, что весь ключъ для поднятія уровня нашего высшаго образованія заключается въ двухъ высказанныхъ правилахъ, съ присоединеніемъ третьяго: строгости выпускныхъ гимназическихъ экзаменовъ. Слѣдовательно все зависитъ отъ учителей и профессоровъ. Къ нимъ нужно обратиться, ихъ должно просить о примѣненіи этихъ трехъ правилъ. Я полагаю, что пока все или хотя *большая часть* преподающаго сословія не предприметъ этого, до тѣхъ поръ никакія искусственныя мѣры не въ состояніи будутъ поднять, ни на одинъ волосъ, уровня высшаго образованія въ Россіи; оставаясь же на одной точкѣ, оно естественно будетъ все болѣе и болѣе отставать.

• Наконецъ г. Бекетовъ заключаетъ къ совершенному уничтоженію университетской корпораціи, и формулируетъ всѣ свои реформы слѣдующимъ образомъ:

• Къ слушанію лекцій допускаются всѣ, безъ различія возрастовъ и половъ. Плата за лекціи — если она взимается — распределяется по числу курсовъ и предметовъ, которые каждый желаетъ слушать.

• Приемные экзамены уничтожаются; остаются одни экзамены на дѣйствительнаго студента, кандидата и проч.

• Устройство университетскаго сословія и факультетовъ остается прежнее, со всѣми его правами и обязанностями, за исключеніемъ

тѣхъ, которыя отходятъ сами собою, вследствие умноженія официальныхъ экзаменовъ студента.

Экзамены на степени производятся со всевозможною строгостью; въ нихъ допускаются всѣ желающіе, на тѣхъ же основаніяхъ и въ томъ же порядкѣ, въ какомъ это производится до сихъ поръ для вольнослушателей, съ тою разницею, что дозволяется держать и на дѣйствительнаго студента, что впрочемъ само-собою разумѣется.

Экзамены производятся публично: присутствовать при нихъ допускаются всѣ лица, имѣющія какую-нибудь ученую степень и занимающія какую-нибудь ученую специальность.

Нелишнее будетъ замѣтить, что такъ какъ лекціи и экзамены публичны, то общество весьма легко и удобно можетъ контролировать профессоровъ и экзамираторовъ съ помощью журналовъ — т. е. гласности.

II

Вотъ мы выписали и положили, по возможности подробнѣйшимъ образомъ, почти всѣ мнѣнія, высказанныя по новому вопросу тѣмъ, которые наиболѣе способны судить о немъ. Почти всѣ авторы статей, нами изложенныхъ, знакомы съ вопросомъ объ университетскихъ спеціально. Удовлетвориться ли намъ этимъ изложеніемъ, въ сознаніи совѣстливо исполняемой передъ читателями обязанности журнала (потому что журналъ все-таки исполняетъ свою обязанность: онъ тщательно изложилъ всю исторію вопроса и познакомилъ съ нимъ своихъ читателей), или *непрѣменно* высказать и свое мнѣніе, подать в-овой проектъ реформы, — хоть какой-нибудь, да реформы? Въ нейной пожалуй судить, что неприлично даже, въ настоящее время, журналу выйти безъ своего проекта. Мы знаемъ это. Мы даже слышали подобныя мнѣнія. Мундирность и официальность насъ проѣла до костей. Статью! хоть для парада, а подавай статью о томъ, какъ перестроить университетъ.

Но увы, читатель! мы рѣшаемся выйти безъ проекта объ университетскомъ вопросѣ. Не потому, чтобы ужъ совсѣмъ у насъ ничего не было сказать объ университетахъ, а потому, что мы на весь вопросъ этотъ смотримъ съ совершенно другой точки зрѣнія.

— А коли такъ, стало-быть у васъ ужъ и есть проектъ? скажутъ намъ.

— Вотъ то-то и есть, отвѣчаемъ мы, что даже самый взглядъ нашъ на все это дѣло совершенно противорѣчитъ всей этой *проектировкѣ*. Мы именно думаемъ, что дѣло не въ одной только перестройкѣ университетовъ. Не въ томъ только дѣло, думаемъ мы,

что вотъ тутъ законопатить щель, а тутъ открыть новую отдушину. Требования университетовъ гораздо глубже, преобразованія ихъ гораздо кореннѣе чѣмъ кажется, и мы очень ошибемся, если только одной перемѣной мѣстъ и нѣкоторыми домашними передѣлками думаемъ достигнуть цѣли, такъ что

• У насъ пойдетъ ужь музыка не та! •

Но объяснимся по возможности.

Именно то, что возникъ вопросъ объ университетахъ и такъ глубоко откликнулся въ нашемъ обществѣ, — именно это показываетъ, что наступило для нашихъ университетовъ то время, когда они сами стремятся созвать себя частью живого организма всей Россіи, а не искусственной пересадкой изъ иностранной земли, чѣмъ они и были долгое время, т. е. по крайней мѣрѣ столько же, сколько была этимъ пересадкомъ наша литература, нашъ европеизмъ и весь новый русскій человѣкъ, только теперь, только въ нашъ вѣкъ начавшій понемногу сознать себя, свою личность, свое положеніе; только недавно осмотрѣвшійся кругомъ и спросившій себя, точно проснувшись отъ сна: «гдѣ жъ я и кто такой я самъ?» и наконецъ, еще недавнѣе почувствовавшій, что онъ дѣйствительно живетъ и имѣетъ неотъемлемое право жить.

Университетъ тѣсно связанъ съ организмомъ всей земли нашей, какъ неотъемлемая часть ея. Слѣдственно болѣзни всего организма — его болѣзни, процвѣтаніе всего организма — и его процвѣтаніе. Если все тѣло здорово — и онъ здоровъ; если же оно больное, то нельзя вымечить наприимѣръ одинъ только носъ.

Вотъ почему всѣ средства улучшить университеты, превосколныя, обдуманныя и искреннія, средства выше-предложенныя и нами изложенныя, по нашему мнѣнію имѣютъ характеръ какой-то паллятивности. Мы сплошь хвалимъ всѣ эти выше изложенныя мнѣнія, хотя большая часть изъ нихъ одно съ другимъ несогласны. Но зато въ каждомъ мнѣніи есть своя доля правды; главное, что всѣ эти мнѣнія — плодъ добросовѣстнѣйшихъ изученій: а добросовѣстность въ этомъ дѣлѣ чрезвычайно важная вещь. Кто говоритъ! множество изъ предложенныхъ мыслей могло бы и должно бы было даже сейчасъ быть приложено къ дѣлу о передѣлкѣ университетовъ. Вотъ почему мы такъ и цѣнимъ всѣ эти мнѣнія, такъ подробно и изложили ихъ публикѣ. Но все-таки мы съ своей стороны крѣпко увѣрены, что еслибъ измѣнился въ нашемъ организмѣ основнымъ образомъ взглядъ на дѣло просвѣщенія и развитія нашего вообще, — измѣнился бы радикально и взглядъ на преобразование университета, и многія изъ очень дѣльныхъ теперь предло-

женій по части реформъ оказались бы совершенно всуежными, механическими, паллятивными, слабыми и почти бездушными.

Напримѣръ: многіе, то-есть почти всѣ изъ этихъ проектовъ новыхъ реформъ имѣютъ задачей возвысить науку, усовершенствовать профессоровъ, а главное, возвысить бодрый духъ, жажду образованія и уваженіе къ наукѣ въ самихъ студентахъ. Безъ сомнѣнія нѣкоторыя изъ предложенныхъ къ тому мѣръ могутъ сильно тому и теперь способствовать. Но возьмите вопросъ хоть немного поглубже: вотъ напримѣръ учащійся юноша, сгорающій жаромъ къ наукѣ, съ энтузіазмомъ изучающій свой предметъ. Онъ готовится быть чиновникомъ, юристомъ напримѣръ; вотъ онъ кончилъ курсъ, онъ стремится на службу — и чтожь? съ перваго шагу онъ видитъ, что чуть ли не напрасны были всѣ его хлопоты. Къ чему въ самомъ дѣлѣ было такое глубокое изученіе? Передъ нимъ заведенная административная машина, на все готовая издревле форма, канцелярская тайна, порядки. На него смотрятъ недоумѣрчиво. Старшіе начальники говорятъ, что всѣ его стремленія вовсе не къ мѣсту и не по мѣсту, младшіе надъ нимъ даже посмѣиваются... «Прытокъ больно дескать». Но положимъ юноша терпѣливъ и благоразуменъ, недоумѣрлетъ первому впечатлѣнію; онъ рѣшается ждать, онъ самъ нарочно втягивается въ колею: «хоть черезъ десять, хоть черезънадцать лѣтъ, думаетъ онъ, — достигну того, что въ состояніи буду приносить пользу!» Но черезъ десять лѣтъ онъ настолько пріобрѣтаетъ опытности, что ужъ и самъ видитъ всю невозможность своихъ юношескихъ мечтаній. Административное колесо заведено разъ навсегда и — много-много если онъ будетъ только снудей въ этой колесницѣ... А для такой цѣли нечего и было

изучать Санхоньятона,
Зубрить «республику» Платона и т. д., и т. д.

Такъ точно и во всемъ. Наука у насъ почти не требуется на практикѣ. Есть у насъ нѣкоторыя спеціальныя требованія, въ весьма несложномъ видѣ, но тѣ исполняются спеціальными заведеніями. И кому же отъ нашего научнаго дѣятеля практика первымъ условіемъ требуетъ отсутствія само-малѣйшей оригинальности, малѣйшаго само-начала, что съ самаго перваго шагу подавляетъ всякое развитіе, всякую струйку гениальности и двигаетъ прямо дѣятеля въ общую колею, въ условныя формы, для соблюденія порядка. Кому же и общественныя требованія ничтожны. Уровень образованія до крайности низокъ. Въ дѣйствительную жизнь наука не перешла и ее еще покамѣсть не требуется. Собственного взгляда у насъ нѣтъ ни на что, собственной дѣятельности тоже. Денегъ наука

получаетъ ужасно мало. Кромѣ того до сихъ поръ еще какъ-будто опасаются у насъ науки въ большомъ количествѣ. Ей какъ-то недо-вѣряютъ. Что за жалкая судьба быть на примѣрѣ у насъ педагоговъ! Взгляните на участь учителей. А между тѣмъ вѣдь педагогика можетъ возбудить въ себѣ страстное стремленіе въ дѣятель, желающій непременно приносить пользу. А между тѣмъ дѣйствительность страшно отрезвляетъ все эти стремленія: ни преподавать, ни самому изучать предмета нельзя. Какая ужъ тутъ иной разъ наука, тут склады позабудешь! И какъ иные наши лекаря, иногда даже много обѣщающіе по выпускѣ изъ университета и даже дѣйствительно способные, забываютъ иногда науку въ своемъ уединеніи, такъ и ученый нашъ, даже профессоръ, даже наконецъ даже всякой другой науки — способенъ просто забыть ее хоть бы черезъ одну только апатію, неговоря уже о другихъ неудобствахъ.

Образованіе требуетъ къ себѣ довѣрія. Надобно, чтобъ само общество сознало всю силу его, не подозрѣвало его, не становилось къ нему въ враждебныя отношенія. Говорятъ: отчего нѣтъ промышленности, отчего нѣтъ торговли? Но на все на добны гарантіи и общія гармоническая связь съ тѣмъ, что въ данную минуту движетъ обществомъ. Положимъ промышленность и торговля требуютъ науки. Наука въ промышленности и торговлѣ находитъ свое примѣненіе. Нѣтъ торговли и промышленности — науки теряютъ огромную часть своихъ примѣненій, и мы даже не подозрѣваемъ ея полезности, и смотримъ на нее отвлеченно. У насъ все смотрятъ на науку какъ-то отвлеченно.

Но вѣдь я знаю, что на эту тему можно написать тридцать пять печатныхъ листовъ, а потому лучше и не писать, потому что всего не напишешь... Замѣчу только одно: неужели въ университетахъ не знаютъ объ этихъ всѣхъ обстоятельствахъ? Конечно знаютъ, потому что все это прямо до университета касается. Да хоть бы даже и не знали, все-таки это и безсознательно отразилось бы на университетахъ, потому что университетъ есть неотъемлемая часть всего организма, а не забавная оранжерейная пересадка для одной только красоты. Если образованіе принимаетъ видъ какой-то отвлеченности, если наука не можетъ укорениться въ дѣйствительности, если въ дѣйствительности нѣтъ на нее никакихъ непосредственныхъ требованій, если она не можетъ сейчасъ найти себѣ примѣненія и заявить себя, — спрашивается, не замретъ ли она сама собою? Если не замретъ совершенно, то во всякомъ случаѣ не разовьется нормально. Вотъ почему и ослабѣваетъ духовная корпорація учащихся. Но еще въ учащихся не такъ скоро: неопытность, юношескій жаръ, любовь къ наукѣ, взглядъ на нее сквозь европейскую призму,

разныя несбыточные надежды, — все это еще поддерживает юность. Но въ словеса учащихся, профессоровъ, разумеется все это недоумѣніе способно отразиться сильнѣе. Наклонность къ отвлеченности, апатія, равнодушіе и наконецъ привычка, пробираются потихоньку и въ ихъ корпорацію... Духовная связь всѣхъ членовъ университета ослабѣваетъ, потому что ея нѣтъ съ дѣйствительностью. Уровень образованія, инициативы въ наукѣ, открытій, самостоятельности падаетъ, и... и по крайней мѣрѣ наши университеты въ настоящее время ни при какихъ собственныхъ усиліяхъ не могутъ сравняться съ европейскими...

Вотъ почему мы и сами не предлагаемъ никакихъ реформъ, да и о предложенныхъ реформахъ не очень распространимся. Впрочемъ что-нибудь и скажемъ. Напрямѣръ, насъ ужасно поражаетъ во всѣхъ этихъ реформахъ одно обстоятельство, чрезвычайно важное, именно: этотъ духъ ломки, перестройки, вырыванья съ корнемъ, пересадки, эта готовность хоть сейчасъ же ломать и перестраивать сызнова, и можетъ быть даже не легкомысленная. По нашему это многозначительный и отчасти очень грустный фактъ. Значитъ мы не прижились ни къ чему, ничего еще не цѣнимъ, ко всему своему равнодушны, ничто намъ не мило, свой уголъ постыль, ничего мы не растили, ничего не поливали, были какими-то наемщиками, а не дѣятелями. Какой хозяинъ не любитъ дерева, которое онъ посадилъ, дома, который онъ выстроилъ, въ которомъ онъ жилъ и вывелъ дѣтей? По-нашему хоть сейчасъ ломать, хоть сейчасъ и на переселеніе. Какое равнодушіе! А кто виновать?

Но однакъжь всѣ хлопочуть объ образованіи: видно что ужъ всѣхъ живо заираетъ новый вопросъ. И хоть всѣ предлагаютъ только одинъ внутренній перестройки, но за спасеніе самаго зданія нашей науки всѣ стоятъ горячо. Всѣ желаютъ ей роста и укорененія на нашей землѣ. Вездѣ видна страстная, горячая преданность дѣлу. Хоть это отрадно. Вѣдь это все-таки обнадеживаетъ. А мы и безъ того такіе мечтатели! Безъ практической дѣятельности человекъ поневолѣ станеть мечтателемъ.

Но скажемъ хоть что-нибудь... Конечно всѣ наши прожектеры и реформисты университетовъ совершенно не берутъ въ соображеніе главнаго: это того практическаго состоянія (если только можно такъ выразиться) и положенія, въ которомъ находится теперь наша наука. Но чтобъ начать сначала, то-есть съ г. Костомарова, скажемъ, что по нашему мнѣнію онъ слишкомъ произволенъ, теоретиченъ и отвлеченъ въ своемъ дѣленіи всѣхъ русскихъ учебныхъ заведеній, съ высшаго до низшаго, на воспитательно-учебныя и

образовательно-ученыя. Конечно, въ высшихъ заведеніяхъ, какъ напримѣръ въ университетахъ, совершенно негодятся тѣ воспитательныя приемы, которые употребляются въ среднихъ и низшихъ заведеніяхъ; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что кромѣ *тѣхъ* приемовъ нѣтъ уже совершенно другихъ. Она есть, и главное потому, что воспитаніе юноши, во всемъ объемѣ этого слова, вовсе не оканчивается какъ только юноша перешагнулъ въ университетъ. Это ужъ что-то слишкомъ по щучьему велѣнію, и разграниченіе слишкомъ произвольно и рѣзко. Г. Костомаровъ ломаетъ все и совершенно уничтожаетъ почти всякую форменную корпорацію (кромѣ естественной, духовной корпорація, научной, если можно такъ выразиться). Онъ бы и былъ можетъ-быть даже и очень правъ въ этомъ, въ нѣкоторомъ отношеніи разумѣется, еслибы только не придавалъ такого важнаго значенія и такихъ огромныхъ послѣдствій всей этой лонкѣ. Кажется по мнѣнію г. Костомарова только въ этомъ, и единственно въ этомъ и состоитъ вся бѣда университета. Впрочемъ, разбирая одну только идею г. Костомарова, намъ кажется, что онъ не во всемъ справедливъ, гоня всякую форменную корпорацію. Ужъ она тѣмъ однимъ заслужила хоть отчасти, что защищала во имя науки учащагося мѣщанина отъ полицейскихъ розогъ. Говорятъ иные, поддерживающіе идею г. Костомарова, что студенту нужна дѣйствительная жизнь, что въ ея школѣ онъ благодатнѣе, практичнѣе разовьется, не уйдетъ въ маленькій мірокъ тѣсныхъ университетскихъ интересовъ да не пожертвуетъ своимъ гражданствомъ своей корпораціи; что корпорація обезличиваетъ. Можетъ-быть тутъ есть и много справедливаго, но намъ кажется, что и при корпораціи нашъ студентъ былъ вовсе не чуждъ дѣйствительной жизни, даже много переносилъ отъ нея. Что не такой духъ русскаго студента, чтобъ онъ обезличился для своей корпораціи; что это ужъ болѣе по-германски, гдѣ прежде всего царитъ форма, а нѣмецкія формы намъ и вчужь то надобли. И наконецъ: чѣмъ гарантируетъ г. Костомаровъ, что и между преобразованными по его плану студентами не заведется корпорація, если ужъ у насъ это такъ въ духѣ? То-то и есть, что кажется все эти корпоративныя исключительности не въ нашемъ духѣ. А впрочемъ, что касается излишнихъ стѣсненій, излишнихъ отчетовъ и обязанностей, отъ которыхъ г. Костомаровъ хочетъ избавить студента, то въ этомъ онъ совершенно правъ. Науку неслѣдуетъ вести на помочахъ и присматривать за нею. Ей надо дать побольше инициативы.

Не будемъ разсматривать въ подробности и совершенно противоположныхъ костомаровскимъ идей «Русскаго Вѣстника», страстно отстаивающаго корпорацію. Насчетъ усиленія корпоративнаго духа

«Русскій Вѣстникъ» сказалъ нѣсколько хорошихъ, но уже слишкомъ отвлеченныхъ словъ. Какъ дошло дѣло до практическихъ проектовъ «Русскаго Вѣстника», отвлеченность его проявилась довольно сильно... Мы разумѣемъ здѣсь отвлеченность въ томъ ея смыслѣ, когда человѣкъ при всякомъ удобномъ случаѣ начинаетъ ужасно много и красно говорить, такъ-сказать даже парить выше облака ходячаго; когда же дойдетъ до самаго дѣла, то онъ очутится уже гораздо ниже дѣсу стоячаго, подъ какой-нибудь кочкой, въ трясинѣ, и изъ-за этой кочки ничего не видать. Въ одномъ слишкомъ воспарилъ, въ другомъ заслонился. Поэволь придется разсуждать въ иныхъ случаяхъ отвлеченно. Впрочемъ чтожь? мы не хотимъ разбирать трехъ статей «Современной Лѣтописи» подробно. Авторъ этихъ статей часто слишкомъ вехладнокровенъ, слишкомъ горячъ. Онъ даже ужасно любитъ преувеличивать. Вотъ онъ напримѣръ говорить о храненіи преданій. Преданія конечно прекрасная вещь, они славявають; они дороги, какъ все въ самомъ дѣлѣ выжитое: не фиктивною, но дѣйствительною жизнью. Но преданія и мертвыя, преданія уже слишкомъ ассимилируютъ и обезличиваютъ, и во всемъ есть мѣра. А вы ужъ нажеться слишкомъ заходите. Напримѣръ: вѣдь ужъ конечно вы разумѣете одни *хорошія преданія*. А вѣдь чтобъ знать во всякой моментъ, что хорошо, надобно и во всякой моментъ разсуждать и относиться къ дѣлу критически: ну а такое отношеніе исключаетъ исключительную цѣль сохраненія преданій; иначе ихъ придется сохранять *вочто бы нистало* потому только, что онѣ преданія. Вотъ напримѣръ вы говорите насчетъ стипендіатовъ. Все это конечно немного искусственно; но положимъ, что все это дѣйствительно хорошо, для университета, хотя немного и пальятливо. Вы желаете, чтобъ стипендіатовъ посылали за границу; для того чтобъ они не обращались въ туристовъ, требуете, чтобъ правительство само выбирало имъ тамъ хорошихъ профессоровъ въ руководители. Такъ дѣлалъ графъ Сперанскій, прибавляете вы. Замѣйте, что вы посылаете кандидатовъ, а еще *отборныхъ*. Неужели вы ужъ и на *отборныхъ*-то не надѣетесь? Вспомните: вѣдь вы сами ихъ *отбирали*. Вѣдь это грустно, если и изъ *отборныхъ*-то нельзя ничего выбрать путнаго. Чуть отвернулось отъ него бдительное око надзора, какъ ужъ онъ тотчасъ въ bal-Mabile и за гризетками! Если ужъ отбирали, сами ваши, что онъ изъ достойнѣйшихъ, то ужъ и не оскорбляйте его недоверіемъ, имѣйте хоть къ его юношеской-то чистотѣ уваженіе. Вѣдь если вся русская наука не можетъ образоватъ ни одного молодого человѣка достойнаго уваженія и довѣрія, то нестоитъ и хлопотать такъ много изъ-за нея, и за границу посылать нестоитъ, Шаповай и за границей не исправитъ

сл. Неуваженіемъ къ нему, въ видѣ неустаннаго надзора за дѣлѣмъ, вы его не исправите и отнюдь не заставите его смотрѣть на самого себя съ уваженіемъ. Оливъ-нѣмецъ-профессоръ не образуется изъ чего-либо чужаго, какъ вы надѣетесь. Онъ только надѣется ему подѣлать вашу ферулу, а стипендіатъ будетъ на него рисовать карикатуры, да еще пожалуй займется его дочкой. Что же касается: собственнаго выбора за границей профессора, то въль вашъ стипендіатъ — стипендіатъ. Онъ достаточно пресвѣщенъ, что можетъ и самъ одѣлать выборъ, даже лучше всякаго посторонняго, хотя бы этотъ восторженный былъ и самъ графъ Сперанскій. Тутъ поможетъ преданность къ наукѣ, энтузіазмъ, профессоръ, который наиболѣе симпатиченъ. Неужели и въ наукѣ-то лучшаго кандидата все еще волицѣ на помочахъ? Въдь мы дойдемъ наконецъ до того, что намъ хлѣбъ будутъ въ ротъ класть чужіе, хлѣбъ наши же заработанный. Хотъ науку-то уважайте, гг. профессора.

Вы вотъ говорите о переводныхъ экзаменахъ, и главное, о томъ, чтобъ не шалопанъ и негодяи между студентами давали общій тонъ всему университету, а дуншіе. Да мы просто возмущаемся противъ этой идеи. Вы въ высшей степени неуважаете юношество: какъ же вы хотите послѣ этого, чтобъ оно само себя уважало? Какъ могли вы подумать, что негодяи могутъ давать общій тонъ и имѣть на него вліяніе? Мы рѣшительно не вѣримъ этому; если это и бываетъ случайно, то обманомъ, слишкомъ невадно, да и берутъ-то эти негодяи именно чѣмъ-нибудь тѣмъ, что драпшуются во что-нибудь благородное и ослѣпляютъ остальныхъ, слишкомъ имъ довѣряющихся. Слѣдовательно благороднымъ же ослѣпляютъ. Юношество чуще, благороднѣе, чѣмъ вы думаете. Оно еще не такъ привыкло къ гадости и не смотритъ на предметы такимъ пошло-матерьяльнымъ взглядомъ, какъ иные взрослые мурацы. Вы требуете отличій между студентами, требуете, чтобъ отличались начальствомъ тѣ, которые оказали несомнѣнные усилія въ благоустроеніи и прилежаніи къ наукѣ. Отличенные начальствомъ естественно будутъ въ почетѣ и между студентами, говорите вы. Итакъ мы входимъ въ систему награды и похвальныхъ листовъ.

Наконецъ, говоря о противорѣчій между чисто-научнымъ интересомъ экзаменовъ и раздачею патентовъ на чинъ черезъ эти же экзамены, «Современная Лѣтопись», чтобъ разрѣшить это неловкое, предлагаетъ младенческій проектъ особенныхъ экзаминационныхъ комиссій, открытыхъ вездѣ и даже по губерніямъ. «Молодой человѣкъ», желающій поступить на службу, идетъ въ эти комиссіи экзаменуется письменно. Комиссіи не должны состоять изъ ученыхъ и знающихъ дѣло людей, говорите вы: иначе недостало бы

экзаменаторовъ неосмысленно; а достаточно, чтобъ они были только люди честные, правдивые и гарантировали правительству, что поступающій на службу молодой человекъ все это самъ написалъ.» Читаемъ и не вѣривъ. Да какъ же гарантировать, что молодой человекъ это все самъ написалъ? А заказные отвѣты? Чтожъ, онъ такъ и долженъ будетъ писать на ихъ глазахъ, а онъ слѣдуетъ какъ онъ меромъ водить? Да живали-ль вы въ губерніяхъ? Знаете ли, что ваша проектъ материально невозможенъ? Мы вовсе не хотимъ сказать, что ужъ такъ трудно найти четырехъ честныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ научныхъ людей въ каждомъ губернскомъ городѣ. Но знаете ли вы губернскую жизнь? Знаете ли сколько можно сотворить сдѣлокъ при такомъ отвѣтѣ? Да и найдется ли хоть одна такая коммиссія, которая не стала бы наконецъ смотрѣть на всѣ эти экзамены, какъ на забавную шутку, сквозь пальцы? И вовсе бы это не считалось безчестіемъ. Есть много честнѣйшихъ людей изъ докторовъ; а между тѣмъ врядъ ли кто-нибудь изъ этихъ честнѣйшихъ докторовъ почтетъ себя за безчестіе выдать медицинское свидѣтельство о болѣзни своему знакомому, да даже и незнакомому, и безъ всякихъ денегъ, безъ всякаго подкупа. Такъ точно будетъ и при новыхъ экзаменаторахъ. А провинціальное гостеприимство? а партійка въ преферансъ, въ видѣ взяточекъ? а дочки, которыхъ надо выдать замужъ, и тысяча другихъ домашнихъ обстоятельствъ, и въ довершеніе всего комическое и нѣсколько униженное положеніе экзаменаторовъ, честныхъ, но не ученыхъ, передъ молодымъ человекомъ совершенно ученымъ и поневолѣ смотрящимъ на всю ихъ честность, но неученость съ высоты одной только своей учености...

Не будемъ много говорить и о замѣчательной статьѣ «Педагога» въ «Спб. Вѣд.», который тоже не за корпорацію и горячо желаетъ уничтоженія ея. Не скажемъ и про то, что онъ напиримѣръ допускаетъ кружки между студентами — музыкальные, литературные, научные и т. д., и т. д. А чуть дѣло дойдетъ до большого кружка, то-есть до соединенія всѣхъ студентовъ между собою съ какою-нибудь цѣлью, хотя бы во имя науки, то ужъ онъ этого и боится. Впрочемъ мы такъ подробно изложили эту статью и сдѣлали столько изъ нея выписокъ, что читатель навѣрное познакомится съ ней надлежащимъ образомъ самъ, особенно разсматривая ее въ связи съ другими статьями. Статья профессора Бекетова еще замѣчательнѣе; это горячее и честное убѣжденіе. Невозможно не согласиться въ очень многомъ съ г. Бекетовымъ. Конечно мы не можемъ съ нимъ во всемъ согласиться, какъ можетъ быть уже и понялъ читатель. По-нашему, не совсѣмъ справедлива мысль г. Бекетова, что

все зависитъ отъ учителей и профессоръ и вовсе не достаточно просить ихъ и даже *обязать ихъ дѣльностью лекцій* и т. д. Профессоръ есть только часть университетскаго организма, а университетъ есть часть всеобщаго организма. Слѣдовательно не въ одномъ профессорѣ дѣло. Впрочемъ дѣльностью лекцій и строгостью экзаменовъ А. Н. Бекетовъ хочетъ замѣнить только одни принудительныя педагогическія средства въ университетахъ. Онъ правъ, говоря, что плохо водить науку на помочахъ и учиться чуть ли не изъ-подъ розги. Но если несостоятельна принудительная система, то несостоятельны и системы *яльтижныя*... однимъ словомъ, вопросъ университетскій достигъ живого, дѣйствительнаго своего значенія, и мы этому очень рады. Значить пустило корни, значить живетъ!..

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛИ

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ «ВРЕМЕНИ», ПО ПОВОДУ СТАТЬИ: «ЛИТЕРАТУРНЫЕ РАБОЧИЕ» (Современникъ. № 10)

Мужайся, презирай обманъ,
Стезю правды бодро слѣдуй,
Люби сиротъ, и мой коранъ
Дрожащей твари проповѣдуй.

ИЗЪ КОРАНА.

Наша литература, какъ извѣстно, очень молода. Въ этомъ конечно нѣтъ еще никакой бѣды, никакого порока. Но не справедливо ли будетъ сказать, что по нѣкоторымъ своимъ сторонамъ наша литература молода не по лѣтамъ? Она какъ-будто поражена недугомъ, который нѣшастъ ей крѣпнуть и развиваться. Въмѣсто того чтобы расти и мужать, она только тянется и остается при этомъ все тѣмъ же долговязымъ ребенкомъ. Напрасно она иногда принимаетъ на себя видъ опытнаго и благоразумнаго мужа; часто у нея недостаетъ той сдержанности, того умѣнья вести себя и соблюдать приличія, которые хранятъ отъ промаховъ и не даютъ проговориться. Поэтому отъ времени до времени у насъ попадаются образцы такого дѣтскаго простодушія, такой доходящей до послѣдняго края наивности, что тотчасъ же обнаруживается истинный смыслъ и возрастъ литературы.

Вы понимаете, почему я особенно люблю вникать и углубляться умомъ въ такія явленія. Чтѣ за удовольствіе вслушиваться въ официальные рѣчи человека, когда онъ надѣваетъ на себя маску и прикидывается ученымъ, философомъ, филантропомъ; когда онъ постоянно насторожѣ и непроронитъ лишняго слова, чтобы не испортить своей роли? Для меня гораздо интереснѣе его искреннія, дѣйствительныя чувства и мнѣнія. Выберите минуту, когда онъ будетъ спокойнѣе, свободнѣе на языкъ, когда въ немъ будетъ больше сладкой самоувѣренности и меньше опасеній. Ничего неподозрѣвал,

онъ вдругъ вамъ откроетъ чѣмъ онъ живетъ, чѣмъ дышетъ, и вы можете заглянуть на самое дно его души.

Недавно было испытано мною вѣчто похожее на подобное удовольствие. Рекомендую вамъ статью: *Литературные рабочие*, помещенную въ октябрьской книжкѣ «Современника» и подписанную двумя буквами Т. З. Такой прозрачной статьи, такой статьи, которая, какъ эта, была бы видна насквозь, увѣрю васъ вы не скоро найдете.

Авторъ, какъ это обыкновенно случается, есть человекъ сострадателный, гуманный, не занимающійся пустяками, а стремящійся принести дѣйствительную пользу. Въ своей статьѣ, какъ легко догадаться уже по самому заглавію, онъ имѣетъ въ виду искорененіе нѣкотораго зла, именно литературнаго пролетаріата. Намъ кажется, что *литературный фондъ*, какъ учрежденіе для пособія пуждающимся литераторамъ, долженъ обратить особенное вниманіе на эту статью. Въ ней, если не ошибаемся, въ первый разъ является теоретическое обсужденіе вопроса, составляющаго для фонда главный вопросъ.

Метода фонда извѣстна. Извѣстно, какія мѣры онъ употребляетъ противъ нужды, иногда претериваемой литераторами. Метода г. Т. З. существенно уклоняется отъ мѣръ фонда. Мѣры, предлагаемыя этимъ писателемъ, неоравнѣнно болѣе энергичны и могутъ быть названы дѣйствительно радикальными. Если мы выразимъ кратко, но точно его стремленія, то увидимъ, что онъ желаетъ:

1) уменьшить число выходящихъ книгъ и журналовъ;

2) уменьшить число лицъ, занимающихся литературою.

Вы понимаете, что если эти условія будутъ осуществлены, то остальнымъ—то книгамъ и авторамъ будетъ очень хорошо, такъ что пожалуй литературному фонду некому будетъ и помогать.

Но какже однакожь? восклицаете вы. Уменьшить число книгъ и журналовъ! Что за варварство! Что за кандализмъ! Какъ могла подобная мысль придти въ голову современному человеку!

Напрасно вы удивляетесь. Еслибы вы прилежно изучали статью г. Чернышевскаго, то вы бы давно уже знали, что варварство и глубокая цивилизація должны имѣть одніи и тѣ же формы. Статья г. Т. З. есть только новое доказательство этой общій истинѣ. Эта статья необыкновенно послѣдовательна; притомъ совершенно ясно, что она прямо истекаетъ изъ глубокой образцованности автора. Ни того ни другого нельзя отвергнуть, и иначе нельзя объяснить и самой статьи.

Судите сами. Г. Т. З. хотѣло развить, что онъ достигъ — чего бы вы и умели? — истины. Онъ достигъ полной, совершенной истины.

въ которую и вѣрять неизбежно. Всѣ вопросы получили въ умѣ его ясное и отчетливое рѣшеніе. Вамъ не вѣрится? Послушайте же, что онъ самъ говоритъ :

«Въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія было такъ сильно умственное движеніе, явилось столько новыхъ плей и обновленныхъ теорій, что для практическаго ихъ примѣненія, даже хоть на-половину, нужно помялуй не одинъ и не два вѣка. Сказать что-нибудь новое по общественнымъ вопросамъ теперь трудно; запасъ заготовленныхъ идей великъ, его хватитъ для популяризаціи на двѣсти, триста, а можетъ-быть и больше дѣтъ; имена дѣятелей, прокладывавшихъ дорогу въ дѣлѣ мысли, извѣстны всѣ наперечетъ, — ихъ немного; о чемъ же хлопоты, о какомъ новомъ еще говорить, когда изъ задуманнаго несдѣлано и десятой доли? Разрѣшать новые вопросы? Да какіе?» (Соврем. 1861, окт. стр., 194)

У г. Т. З., какъ вы видите, вопросовъ не существуетъ. Существуютъ только одни рѣшенія. Онъ даже знаетъ наивѣрное, что предстоящіе, нерѣшенные вопросы явятся раньше какъ черезъ двѣста или триста дѣтъ. Выкиньте теперь изъ душу человѣка, достигающаго какой чистой истинны; постарайтесь войти въ положеніе того, кто дошелъ до такихъ мыслей. Боже мой, какое блаженное состояніе! *Запасъ идей заготовленъ; дѣятелей немного и имена ихъ извѣстны*: что можетъ быть отрады и благополучіе? Признаюсь вамъ, часто я томился завистью, помышляя объ этой глубокой мудрости, которою, какъ очевидно, обладаютъ многіе изъ нашихъ писателей. Откуда они берутъ ее? Кто эти непогрѣшимые дѣятели мысли, въ которыхъ можно вѣровать, какъ турки вѣруютъ въ свой коранъ? А что такіе рѣшители всѣхъ вопросовъ существуютъ, въ этомъ кажется нельзя сомнѣваться. Вы вѣроятно помните случай, когда г. Чернышевскій предлагалъ свои книжки г. Юркевичу для обращенія его на путь истинный. Эти книжки конечно принадлежатъ къ тому же разряду все-разрѣшающихъ книжекъ. Спустя мѣсяць, когда г. Чернышевскій боролся съ г. Буслаевымъ, опять на сцену явились какія-то книжки. Грозясь разбить зановалъ г. Буслаева, г. Чернышевскій писалъ: «такъ и быть, соберу я свои книжки, которыя пораздавалъ знакомымъ и тогда — горе вамъ!» Любопытство мое возрасло до крайности. Чтоже это, думалъ я, на чудодѣйственныхъ книжки? Стоить только имѣть ихъ, и можно разрѣшать всѣ вопросы, не бояться никакихъ противниковъ и вообще имѣть ума настолько, насколько допускаютъ это условія нашей планеты.

Теперь вы видите, что варварство и цивилизація дѣйствительно сходятся. Въ эпоху варварства часто восподствуетъ вѣра въ ложь, въ

коранъ, въ то, что разъ навсегда рѣшено и записано; на высшихъ степеняхъ цивилизаціи является столь же неизбѣжная вѣра въ мажорный клим. Теперь совершенно ясно, что если «Современникъ» такъ смело ратовалъ противъ авторитетовъ всякаго рода, то этому нельзя давать общаго смысла; подобно многимъ другимъ онъ отвергалъ только чужіе авторитеты, чтобы тѣмъ крѣпче держаться *своихъ*.

Итакъ всѣ вопросы разрѣшены и новыхъ не предвидятся раньше, чѣмъ черезъ двѣсти или триста лѣтъ. Тѣ, которые еще не родились, люди грядущихъ столѣтій не будутъ имѣть предмета для новаго умственнаго движенія и будутъ жить уже по готовымъ идеямъ. Спрашивается: какія мнѣнія порождаетъ такая глубокая вѣра въ дуплѣ твердо-вѣрующихъ? Известно всѣмъ, какія мысли выразилъ калифъ Омаръ, когда ему предложили вопросъ, что дѣлать съ александрійскою библіотекою. «Если въ этихъ книгахъ, говорилъ онъ, содержится тоже что въ коранѣ, онѣ бесполезны; если въ нихъ есть что-нибудь другое, онѣ вредны: сжечь ихъ!» И онъ въ самомъ дѣлѣ будто бы сжогъ библіотеку.

Статья г. Т. З. написана на тему омаровой рѣчи; авторъ приходитъ къ заключеніямъ, вполне сходнымъ съ мнѣніями калифа.

Существующія на свѣтѣ книги онъ вообще считаетъ излишними и бесполезными. Бываютъ, говоритъ онъ, между ними и хорошія, но рѣдко; онѣ считаются единицами и «въ цѣломъ составляютъ какъ-нибудь тридцать сочиненій, и то далеко не ежегодно, а въ десять-пятнадцать лѣтъ».

«Для чего же исписывается — спрашиваетъ онъ — эта масса бумаги, которой въ одной Англіи выходитъ ежегодно двѣсти миліоновъ фунтовъ? Въ остальныхъ книгахъ и разныхъ литературныхъ издѣліяхъ выворачиваются, перекраиваются и перешиваются на тысячу ладовъ все одиѣ и тѣже давно известныя мысли, распускается въ многословіе сказанное прежде гораздо короче и сильнѣе.»

Калифъ Омаръ говорилъ съ древнею краткостью и простотою; поэтому его выраженія точнѣе чѣмъ у нашего автора. Въ самомъ дѣлѣ, я осмѣлюсь поправить г. Т. З. Зачѣмъ это онъ жалѣетъ бумаги? На страницѣ 197 онъ опять повторяетъ жалобу, что «вызодитъ очень много печатной бумаги». Мнѣ кажется, тутъ маленькое недоразумѣніе. Печатной бумаги много потому, что много читателей. И слѣдовательно жалѣть ее нечего. Если Англія требуетъ двѣсти миліоновъ фунтовъ, то столько и нужно отпустить на нее; необходимо только печатать на этой бумагѣ не то, что теперь печатается, а нашъ коранъ, то-есть тотъ запасъ идей, котораго хватитъ на два или на три столѣтія. Или можетъ-быть самое чтеніе безо-

лезно, и нужно сократить его раздѣры? Вопросъ глубокій; Омаръ его не касался, а г. Т. З. слѣдовало бы опредѣлительнѣе высказать свое мнѣніе.

Продолжая разсуждать по методу Омара, г. Т. З. находитъ, что если книги вообще бываютъ бесполезны и излишни, то журналы и газеты еще безполезнѣе и излишнѣе. Онъ доказываетъ примѣрами и ссылками, что различныя газеты сообщаютъ однѣ и тѣ же новости. «Зачѣмъ же, спрашиваетъ онъ, такое множество газетъ и журналовъ? Зачѣмъ одна Россія издаетъ ихъ до двухсотъ?»

Пойдемъ далѣе. «Если въ этихъ книгахъ, говорилъ Омаръ, содержится что-нибудь другое, чѣмъ въ коранѣ, то онѣ вредны». Такое мнѣніе о вредности книгъ вполнѣ раздѣляетъ и г. Т. З. Онъ не выражаетъ его съ простотою и ясностью Омара; но вотъ что онъ говоритъ объ авторахъ этихъ *остальныхъ книгъ и разныхъ литературныхъ издѣлій*.

«Къ несчастію — говоритъ онъ — очень и очень расплодился эти жалкіе литераторы, которые мѣшаютъ дѣлу, которые заслоняютъ собою свѣтъ, которые пишутъ ложь и обманъ, которые сбиваютъ съ пути и вмѣсто здоровой пищи предлагаютъ гниль».

Совершенно справедливо и послѣдовательно. Да, мѣшаютъ и очень мѣшаютъ дѣлу многіе; вмѣсто здоровой пищи читателямъ предлагается нето-чтобы смертоносный ядъ, а просто фальшивыя блюда пустяковъ, безсодержательныя подобія мыслей, такъ что аппетитъ читателя только обманывается, а не раздражается и не удовлетворяется надлежащимъ образомъ. Все это справедливо. Кто не согласится, что глупостей и вздору печатается больше, чѣмъ хорошихъ вещей; кто не знаетъ, что мракъ и хаосъ даже особенно господствуютъ въ нашей литературѣ?

Но какъ же быть? Какія средства можно употребить противъ этого зла? Хорошо было Омару: онъ былъ калифъ и распорядился очень просто — приказалъ сжечь негодную бібліотеку. А мы что сдѣлаемъ? Признаюсь, я съ недоумѣніемъ и страхомъ слѣдилъ за мыслями разбираемой статьи и ждалъ рокового рѣшенія. И дѣйствительно, рѣшеніе хотя никакъ не могло совпасть съ омаровскимъ, сильно его напоминаетъ. Вотъ оно:

«Немѣшало бы — заключаетъ г. Т. З. — порастрасти нашу журналистику, разъяснить принципы и стремленія каждаго изданія, указать цѣль, которую преслѣдуютъ каждый журналъ и газета. Пусть только и живутъ на свѣтѣ такіе журналы, около которыхъ, какъ извѣстныхъ, опредѣленныхъ органовъ, должны группироваться люди извѣстнаго и опредѣленнаго образа мыслей; а остальнымъ журналамъ, отъ которыхъ

тепло только для издателей, незачѣмъ имѣть читателей, незачѣмъ существовать.

Вотъ какое рѣшеніе. Я опять-таки замѣчу, что въ немъ недостаетъ ясности и точности, свойственной Омару. Это рѣшеніе необходимо требуетъ дополненія; очевидно въ немъ даже забытъ главный предметъ статей—литературные пролетаріи. Другая половина рѣшенія, составленная по образцу первой, будетъ конечно гласить такъ:

Немъшило бы порастрясти нашихъ литераторовъ; разъяснить таланты и званія каждому, указать его цѣль и направленіе. Пусть только и живутъ на свѣтъ такіе литераторы, которыхъ образъ мыслей, таланты и знанія могутъ доставить дѣйствительную пользу читателямъ; а остальные, которые безъ всякой пользы работаютъ, имъ бы было имъ тепло, конечно могутъ существовать, но имъ незачѣмъ быть литераторами.

Нельзя не признать, что рѣшеніе истинно мудрое и милосердное. Прекрасно! Но трудно не замѣтить, что въ немъ нѣсколько отражена калифская точка зрѣнія на дѣла и потому исполненіе его встрѣтитъ большія затрудненія въ современныхъ нравахъ. Нужно, говоритъ Т. З., *порастрясти*: совершенно справедливо; но какъ же это сдѣлать — порастрясти? Нѣкоторымъ газетамъ и журналамъ, опредѣляетъ г. Т. З., незачѣмъ существовать: святая истина; но какъ же прекратить ихъ существованіе? Еслибы г. Т. З. имѣлъ власть надъ русской литературой, то конечно онъ легко бы расправился; онъ бы свободно порастрясъ кого слѣдуетъ; онъ бы сказалъ газетѣ или журналу: «тебѣ незачѣмъ существовать!» — и газетѣ или журналъ исчезли бы.

Но какъ же быть теперь, въ нашъ вѣкъ скептицизма и недоверія? Очень жаль, что г. Т. З., произнесши такой справедливый приговоръ, такъ мало сказалъ о мѣрахъ для его исполненія. Все что онъ предлагаетъ, мелькомъ, мимоходомъ, состоитъ въ томъ, что содрудники должны сами бросить издателей.

Почему бы—нишекъ онъ—литераторамъ извѣстныхъ именъ и убѣжденій не составить литературной ассоціаціи, не сжаться плотно въ литературное товарищество, вмѣсто того чтобы подчиняться и работать на одного редактора или издателя?

Словомъ, дѣло кажется идетъ о систематическомъ возстаніи содрудниковъ на редакторовъ и издателей. Нельзя сказать, чтобы эта мысль была новая или особенно блестящая; но мысль дѣловая. Очень жаль, что она неразвита какъ слѣдуетъ и что всѣ усилія потрачены на омаровскія соображенія.

Одно худо. Еслибы г. Т. З. могъ распорядиться поомаровски, то при его глубокой и нами доказанной мудрости, онъ уничтожилъ бы у насъ литературный пролетаріатъ и учредилъ бы въ нашей литературѣ совершенное благочиніе. А теперь, употребляя обыкновенныя средства, возбуждая сотрудниковъ противъ издателей, онъ явно содѣйствуетъ — о ужасъ! — къ увеличенію литературнаго пролетаріата.

Я докажу это его собственными словами. Г. Т. З. невозможно знать, что и какъ дѣлается въ нашей литературѣ. «Явилось, говорить онъ, множество охотниковъ-издателей потому, что нѣкоторые прежніе редакторы построили себѣ дома, облавелись экипажами». Признаюсь, я не вижу здѣсь ничего печальнаго, ни въ разсужденіи прежнихъ редакторовъ, ни въ отношеніи къ новымъ охотникамъ-издателямъ. Что литература даетъ доходъ — фактъ отраднѣйшій и насколько не противный для того, кто сильно соболѣзнуеть о бѣдныхъ литераторахъ. А что касается до новыхъ охотниковъ-издателей, то въ настоящее время, если не ошибаюсь, есть факты, доказывающіе, что однѣ деньги да охота издавать еще ничего не значатъ. Съ удовольствіемъ можно видѣть, что умъ и талантъ въ литературѣ отчасти важны и необходимы.

Но мнѣвію г. Т. З., отъ этихъ охотниковъ-издателей происходятъ однакоже все зло. Потому что ими «набираются сотрудники, вербуются корреспонденты, создаются повѣствователи», и изъ этихъ новобранныхъ литераторовъ образуются литературные рабочіе, пролетаріи, люди излишніе или даже вредные. У г. Т. З., какъ у нашего Омара, все дѣлается сверху, все зависитъ отъ старшихъ. Но положивъ такъ; спрашивается, что же можно намъ-то сдѣлать противъ охотниковъ-издателей? Г. Т. З. совѣтуетъ возстаніе сотрудниковъ. Но еслибы у насъ совершилось это желаемое возстаніе, что бы вышло? Слѣдствіемъ его безъ сомнѣнія было бы не уменьшеніе, а умноженіе газетъ и журналовъ. Ассоціаціи сотрудниковъ образовали бы новыя органы; какъ говорятъ оффициально. А между тѣмъ охотники-издатели продолжали бы — *набирать сотрудниковъ, вербовать корреспондентовъ, создавать повѣствователей*; притомъ чѣмъ сильнѣе былъ бы наборъ, тѣмъ больше пошло бы негодныхъ рекрутовъ; такъ что умноженіе литераторовъ вообще и дурныхъ литераторовъ въ особенности было бы непоколебимѣе.

Такъ это бывало и прежде, когда какой-нибудь кружокъ распался и образовывалъ новый журналъ; такъ «Современникъ» отделился отъ «Отечественныхъ Записокъ», такъ «Атеней» и «Русская Рѣчь» были отпрысками «Русскаго Вѣстника»; такъ это будетъ не-

премѣнно и впередъ. Спрашивается: чтоже такое вы намъ предлагаете? Всѣ мы знаемъ, что если распорядиться промаровски, то все можно устроить прекрасно; нѣтъ, вы научите насъ какъ устроить дѣло, не будучи калифомъ?

Признаться вамъ, никогда я не воображалъ себя калифомъ и совершенно не понимаю этой роли. Всѣ соображенія и тонкости г. Т. З., можетъ-быть имѣющія полный смыслъ, если взять ихъ съ этой точки зрѣнія, для меня, человѣка простого, показались пустыми и лямбовыми всякаго значенія. Я не питаю желанія распоряджаться чужими дѣлами; я хочу просто работать. Для меня первый и важнѣйшій вопросъ: что я могу сдѣлать? Крувицу дѣйствительной мысли, дѣйствительной пользы я предпочитаю самымъ пышнымъ мечтаніямъ о всеобщемъ искорененіи зла на земномъ шарѣ.

Почитаю излишнимъ присоединять сюда еще множество поясненій, которыя вызываетъ статья г. Т. З. Объяснять законность и нѣкоторую правильность нынѣшняго порядка литературныхъ дѣлъ я не вижу нужды. Еслибы г. Т. З. шолъ послѣдовательно до конца, онъ увидѣлъ бы, что всѣ его желанія сводятся на рѣшеніе двухъ вопросовъ:

1) какъ заставить не писать каждого, кто негодится въ писателя?

2) какъ воспрепятствовать быть редакторомъ каждому, кто негодится въ редакторы?

Неужели же нужно пускаться въ подробное объясненіе того, что средства для этого нѣтъ и быть не можетъ? Что дурные писатели и дурные редакторы составляютъ зло столь же неизбежное, какъ дурная погода или глупая рѣчка? Что единственное спасеніе отъ этого зла можетъ заключаться въ публикѣ, если она не станетъ читать глупыхъ сочиненій и не будетъ подписываться на плохой журналъ? Что наконецъ въ этомъ отношеніи гораздо полезнѣе самому умно писать, чѣмъ жаловаться на глупое писанье другихъ?

Говорить обо всемъ этомъ я нахожу затруднительнымъ. Я еще не знаю, чего хочетъ г. Т. З.: одного ли уничтоженія литературнаго пролетаріата, или притомъ и процвѣтанія русской литературы? Можетъ-быть это процвѣтаніе онъ считаетъ пустяками, которыми можно пренебречь. Для него, для человѣка имѣющаго свой коранъ, особенной прелести въ этомъ процвѣтаніи быть не можетъ. Какъ же я стану ему доказывать, что чѣмъ больше у насъ книгъ и журналовъ, тѣмъ лучше для литературы? Что тѣмъ свободнѣе и многостороннѣе можетъ выражаться каждая мысль? Что тѣмъ большій просторъ дается всѣмъ талантамъ, всѣмъ способностямъ? Что тѣмъ легче публика можетъ цѣнить и поощрять писателей?

Возьму примѣръ изъ журнальной же сферы. Недавно «Русское Слово» заявило съ рѣдкою положительностью, что оно держится того же направленія, какъ и «Современникъ». Тамъ употреблялись фразы такого рода: *мы и Современникъ*, *Современникъ и Русское Слово*. Г. Писаревъ говорилъ тамъ: *я и Чернышевскій*, *мы съ Чернышевскимъ* и т. п. Но теорія г. Т. З. выходитъ, что одинъ изъ этихъ журналовъ нужно уничтожить, и даже, пожалуй, что кому-нибудь изъ двухъ — или г. Писареву, или г. Чернышевскому — нужно перестать писать. Вотъ куда ведетъ этотъ взглядъ! Ужаси же мнѣ нужно доказывать, что оба эти журнала, какъ и оба писателя, важны и полезны? Здѣсь не можетъ быть и сомнѣнія; они даже совершенно необходимы для широкаго развитія русской литературы, для полнаго ея раскрытія. Вамъ и вашимъ читателямъ извѣстно, что я напримѣръ особенно дорожу дѣятельностью г. Писарева.

Но кто вѣритъ только въ себя, тому ничто не дорого. Вы скажете: различныя изданія существуютъ, потому что удовлетворяютъ извѣстнымъ потребностямъ; а онъ вамъ отвѣтитъ: я знаю, какія потребности долженъ имѣть человекъ и какихъ не долженъ. Вы скажете: умъ требуетъ простора, свободнаго развитія, разнообразнаго проявленія; а онъ вамъ отвѣтитъ: я знаю всѣ проявленія ума и напишу вамъ такой журналъ, что всѣ они тамъ будутъ.

Обо всемъ этомъ я не буду говорить. Вы знаете, что я вообще чуждаюсь полемикъ. Опровергать чужія мнѣнія, вступать въ борьбу на попримѣръ какого-нибудь важнаго предмета, напримѣръ литературы, философіи, паденія Рима и т. п., по-моему есть дѣло вовсе не такое плодотворное и законное, какъ многие склонны полагать. Всему есть мѣра. Зачѣмъ же я буду преувеличивать значеніе своей дѣятельности и воображать, какъ Донъ-Кихотъ, что веду борьбу съ гигантами? Вотъ почему, какъ вамъ извѣстно, я не стремлюсь къ блистательнымъ подвигамъ и ограничиваюсь скромными характеристиками, легкими очерками и наблюденіями. Если я теперь такъ долго остановился на статьѣ г. Т. З., то именно потому, что она съ необыкновенной ясностью характеризуетъ многія мнѣнія «Современника». Будучи примѣнены въ этой статьѣ къ литературнымъ дѣламъ и отношеніямъ, эти мнѣнія обрисовались какъ нельзя выпуклѣе. Литература, миръ умственнаго движенія, есть самое опасное поприще, пробный камень многихъ теорій.

Для доказательства укажу вамъ еще на одно мѣсто въ той же книгѣ «Современника», въ статьѣ г. Чернышевскаго: *Экономическій прогрессъ* (по Миллю). Забудьте вообще, что каждый разъ, когда г. Чернышевскій касается въ своихъ статьяхъ до міра науки, искусства, литературы, онъ подвергается явной опасности попасть въ та-

кіе закоулки, изъ которыхъ и выходу нѣтъ. Нѣчто подобное случилось и теперь.

Если г. Т. Э. обнаружилъ желаніе похозяйничать въ нашей литературѣ, то г. Чернышевскій, какъ видно, пятаетъ болѣе возвышенныя стремленія того же рода. Онъ непрочъ предписать нѣкоторые законы всеобщему движенію наукъ, по-своему распорядиться явленіями всемірной умственной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ какъ рассуждаетъ г. Чернышевскій, стараясь объяснить, *отчего земледѣліе развивается медленно.*

• Отсталость земледѣльческаго искусства отъ фабричнаго дѣла имѣетъ свои причины только въ томъ, что до недавняго времени никому изъ людей первокласснаго ума не было охоты подумать объ усовершенствованіи земледѣльческихъ процессовъ, да и теперь почти никто изъ нихъ еще не занимается этимъ. Всѣмъ готовы заниматься гениальныя люди: живописью и литературой, исторією и медициной, а земледѣльцѣмъ теперь занимается только одинъ изъ нихъ — Либихъ, да и то занимается такъ себѣ, почти что только въ свободное время отъ другихъ трудовъ: а до Либиха не укажете вы ни одного великаго ученаго по теоріи земледѣлія. Даже изъ людей второстепенныхъ, чуть ли не первый завялся этимъ дѣломъ Таэ; въ концѣ прошлаго вѣка. Вотъ это отчего, скажите намъ? Отчего напримѣръ Локкъ, вздумавъ сдѣлать экскурсію за границы своего спеціального предмета, своихъ отвлеченныхъ философскихъ изслѣдованій, чтобы помочь добрымъ совѣтомъ житейскому быту, отчего онъ написалъ замѣтки о чеканкѣ монеты, а не о какомъ-нибудь земледѣльческомъ предметѣ? Отчего напримѣръ Лейбницъ, хватавшійся кромѣ своей математики за все на свѣтѣ — и за китайскій языкъ, и за генеалогическія таблицы, и за дипломатическіе вопросы, и богъ знаетъ за сколько другихъ предметовъ, — отчего онъ не подумалъ о земледѣліи? Отчего Кювье писалъ доклады по юридическимъ или административнымъ вопросамъ и не написалъ ни разу ни о какомъ земледѣльческомъ вопросѣ? Отвѣтъ простой, и это будетъ уже коренной отвѣтъ: что у кого болитъ, тотъ о томъ и говорить; кто чѣмъ не безпокоится, тотъ о томъ и не думаетъ. Тѣ классы, интересами которыхъ направлялась до сихъ поръ наука, не нуждаются въ хлѣбѣ. • Усовершенствованіе земледѣлія нужно только одному простолудину.

Не знаю какъ вамъ, а мнѣ эта тирада живо напомнила знаменитыя разсужденія Кифа Мокіевича. «Вотъ напримѣръ звѣрь, говорилъ онъ ходя по комнатѣ: — звѣрь родится нагишомъ. Почему же именно нагишомъ? Почему не такъ какъ птица?» «Ну, а еслибы слонъ родился въ яйцѣ? Въ скорлупѣ чай сильно бы толста была, — пушкой же прошибешь; вужно какое-нибудь новое огнестрѣльное орудіе выдумать».

Развѣ не совершенно такъ же рассуждаетъ г. Чернышевскій?

Вотъ — говорить онъ — Локкъ отличился въ философіи ; Лейбницъ преуспѣлъ въ математикѣ , а Кюмье сдѣлалъ большія открытія въ зоологіи. Отчего же именно такъ ? Отчего никто изъ нихъ не подумалъ о земледѣліи ? Ну а что, продолжаетъ г. Чернышевскій, что еслибы они занялись хорошенько земледѣліемъ ? Вѣдь великихъ бы изобрѣтеній надѣлали. Хлѣба некуда было бы дѣвать. Нужно бы было новые магазины построить.

Подобныя разсужденія увлекательны. Еслибы кто-нибудь пожелалъ толстой скорлупы , то конечно ему трудно было бы заставить слона родиться въ яйцѣ. Но здѣсь этого маленькаго затрудненія повидимому не существуетъ. Если человѣкъ очень уменъ , то что ему стоитъ приложить свой умъ къ чему онъ ни вздумаетъ ? Тутъ нужна только одна добрая воля.

Безъ сомнѣнія такъ. Но вопросъ кажется совсѣмъ иного рода. Не могу сказать, основательно ли Кюмье Мокіевичъ предполагалъ, что скорлупа слонаго яйца должна быть очень толстая ; но предположеніе г. Чернышевскаго, что земледѣліе оказало бы великіе успѣхи вслѣдствіе трудовъ Локка, Лейбница и Кюмье , совершенно неосновательно. Человѣчество уже довольно давно живетъ на земномъ шарѣ и уже успѣло собрать нѣкоторые поучительные опыты. Одинъ изъ нихъ приходитъ мнѣ на умъ. Есть наука, въ которой всѣ нуждаются, богатые и бѣдные, именно наука о сохраненіи и возстановленіи здоровья, медицина. Но именно потому, что въ этой наукѣ во всѣ времена чувствовалось *наибольшая* нужда, именно потому, что эта наука была практической по самому существу дѣла, что для нея практическая цѣль всегда стояла впередъ чисто-научной, именно поэтому она есть безобразнѣйшая изъ всѣхъ наукъ, и исторія ея есть цѣпь самыхъ разительныхъ уродивостей. А между тѣмъ мало ли людей посвящали себя медицинѣ ? Мало ли было между ними всякихъ второстепенныхъ и первостепенныхъ умовъ ? Какая литература сравнится съ литературою медицины ? Какая наука можетъ считать у себя столько ученыхъ членовъ ? И чтоже, далеко мы ушли въ медицинѣ ? Толстая вышла скорлупа ? Много мы знаемъ и умѣемъ ?

Примѣръ, приводимый мною, хорошъ тѣмъ, что имѣетъ громадные размѣры, такъ что сущность дѣла въ немъ обнаруживается съ совершенной отчетливостью и полнотою. Ни въ какой другой области наука такъ не унижалась, такъ не ошоливалась, такъ не утрачивала всякаго своего достоинства, какъ въ медицинѣ. Все ятѣ на почвѣ науки могло вырости дикаго, смѣшнаго, вреднаго, все что могло заражать собою науку извнѣ,—все это встрѣчается въ исторіи медицины въ такихъ широкихъ и крупныхъ чертахъ, до ко-

торыхъ далеко всякой другой наукѣ. Никакое ученое сословіе, отъ древности и до нашихъ дней, не подвергалось такимъ постояннымъ нареканіямъ и справедливымъ насмѣшкамъ, какъ сословіе врачей.

Спросите же теперь медиковъ, въ какомъ положеніи ихъ наука? Они скажутъ вамъ, что они всего *ждутъ* отъ физиологій, отъ химіи, отъ физики; они еще ждутъ настоящей науки, и это ожиданіе едва ли не составляетъ ихъ высшей мудрости. Я вовсе не думаю отвергать искусство и знаніе врачей; они безспорны; я хочу только сказать, что результаты вовсе не соотвѣтствуютъ усиліямъ, что много было доброй воли и очень немного добрыхъ слѣдствій.

Не такъ легко дѣла на свѣтѣ дѣлаются, какъ воображаетъ г. Чернышевскій. Не такъ легко заставить слона родиться въ яйцѣ; и почти такъ же трудно измѣнить ходъ человѣческаго ума сообразно съ нашими желаніями. Въмѣсто того чтобы подчиняться нашимъ прихотямъ, умъ человѣскій слѣдуетъ своей собственной природѣ и прирѣняется къ сущности вещей. Конечно такъ и слѣдуетъ, такъ и лучше! Геніямъ слѣдуетъ удивляться не только по причинѣ силы ихъ ума, но и потому, что они знали за что взяться, палъ тѣмъ работать.

Отвергать это значило бы неумѣть цѣнить ихъ великихъ дѣлъ, значило бы ставить эти дѣла наравнѣ съ тѣми, что человѣкъ можетъ сдѣлать, когда вздумаетъ. Тотъ же Локкъ былъ медикомъ; подвигомъ былъ Шиллеръ, и много другихъ людей принадлежали къ медикамъ, а прославились на другомъ поприщѣ. Медицина отъ нихъ не выиграла, едва ли много и могла выиграть; но еслибы они остались ей вѣрны, какъ наукѣ полезной, у насъ не было бы философа Локка и поэта Шиллера. А если вы возьмете предметъ прямо, то вы увидите его еще яснѣе. Нужно рассуждать такъ: не знаю сколько бы выиграло земледѣліе, еслибы Галилеи или Ньютоны, вмѣсто своихъ открытій, употребили на него свои труды; но знаю твердо, что ихъ открытія въ физикѣ и астрономіи принесли земледѣлію величайшую пользу. Потому что эти открытія дали глубокое движеніе всѣмъ наукамъ о природѣ: и химіи, и ботаникѣ, и проч. Такъ что если мы дождемся когда-нибудь чудесныхъ усовершенствованій въ земледѣліи, то оно будетъ обязано ими прямо Ньютону и Галилею.

Не чувствуете ли вы наконецъ, что разсужденія нашихъ авторовъ, г. Т. З. и г. Чернышевскаго, имѣютъ какой-то странный, особенный характеръ? Они какъ-то лишены всякаго содержанія, они какъ-то висятъ на воздухѣ и ни до чего дѣйствительнаго не касаются. Какимъ образомъ является эта непроизводительная чрота мыслей; эта безплодная игра въ вопросы: что было бы, еслибы

случилось одно; что случилось бы, еслибы не было другого? Признаюсь, въ этой пустотѣ для меня есть даже что то отталкивающее. Что за тасованіе всѣхъ предметовъ, что за символическое хозяйничанье со всѣмъ, что ни попадетъ: съ русскою литературою, съ гениальными людьми, съ земледѣліемъ? Люди — это положительный предметъ удобный для хозяйничанья. Не послушаются насъ русскіе литераторы, или тамъ гениальные люди, — вы станете на нихъ сердиться и бранить ихъ. Но почему же можно думать, что насъ непремѣнно послушается земледѣліе? Вы вѣдь и нимъ верните въ вашихъ мечтахъ какъ попало. Вы воображали, что оно совершенно въ вашей власти, что стоитъ *вздумать* — и оно процвѣтаетъ; а если не процвѣтаетъ, такъ оттого, что это не *вздумано*.

Эта игра соображеній проникнута такой глубокой наивностью, что теряетъ всякую серьезность, всякій характеръ настоящей мысли, потому что мысль по самой сущности всегда серьезна и плодотворна. И дѣйствительно это не мысль, а какія-то попытки мыслить. Наивный теоретикъ всматривается въ дѣйствительность и съ изумленіемъ видитъ, что жизнь не подходитъ подъ его понятія. Онъ находитъ, что на свѣтѣ много глупцовъ, что печатается много плохихъ книгъ, что земледѣліе идетъ не такъ успѣшно, какъ желалось бы. Какія въ самомъ дѣлѣ важныя и новыя открытія! Наивный теоретикъ однакоже не замѣчаетъ этого и продолжаетъ разсуждать. Нельзя ли, думаетъ онъ, зажать ротъ глупцамъ и принудить ихъ не писать? Нельзя. Нельзя ли заставить Либиха поприлежибѣ заниматься земледѣліемъ? Онъ, говорятъ, хорошій химикъ. Нельзя. Нельзя ли хоть уничтожить нѣкоторые безполезныя газеты и журналы? Нельзя. Новое изумленіе, новое неудовольствіе для наивнаго мыслителя!

Въ сущности же вѣдь онъ удивляется только тому, что онъ не одинъ на свѣтѣ со своими мыслями, а что есть и другіе; что существуетъ не одна только его играющая фантазія, а есть также что-то твердое, ей противостоящее, жизнь, дѣйствительность. Онъ удивляется тому, что жизнь обнаруживаетъ передъ нимъ свои настоящія, непослушныя его фантазіи свойства. Жизнь, какъ оказывается, совсѣмъ не то, что его мысль. Она заключаетъ въ себѣ что-то крѣпкое, тяжелое, глубокое, нѣчто болѣе бѣдкое и жгучее, чѣмъ безплотныя и тихія движенія вашей мысли. Жизнь не даетъ собой распоряжаться и въ этомъ случаѣ она права, потому что сила на ея сторонѣ.

И однакоже вѣдь справедливо говорятъ, что мысль управляетъ жизнью. Вѣдь дѣйствительно можно зажать ротъ глупцамъ — но только умными рѣчами. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ можно усовершенить

земледѣіе — но только дѣйствительными изобрѣтеніями. Въдѣ можно даже убить дурные журналы и газеты — но только хорошими журналами и газетами. Значить мысль выѣтъ—таки силу, но только дѣйствительная, *настоящая* мысль. И вотъ объ этомъ, объ отсутствіи этой живой мысли, — мысли принадлежащей къ самой жизни, къ дѣйствительности, объ этомъ можно пожалѣть ото всей души. Только родить ее, распоряжаясь похозяйски книгами и гениальными людьми, невозможно.

И приходится ждать ее отъ самой же жизни. Не будемъ же стѣснять жизнь, не будемъ ее насиловать. Пусть свободно разрастается русская литература. Положимъ, что въ ней иногда попадаютъ разсужденія во вкусѣ Омара или Кифа Мокиевича; положимъ, что она перѣдко занимается плетеніемъ тонкой и низачто негодной паутины, изобильно извлекаемой ею изъ собственнаго чрева; все-таки трогать ее неслѣдуетъ. А съ умиленіемъ и нѣжностью смотрю на всякую убогую книжку, на самый плохой номеръ самаго плохого журнала. Что-то будетъ, что будетъ? думаю я. Не слышится ли живой голосъ? Не видно ли откуда-нибудь свѣта?

И никого не желаю бы я стѣснять. Пусть всѣ трудятся по мѣрѣ силъ и умѣнья. Самого г. Чернышевскаго, несмотря на его блестящія дарованія, я не рѣшился бы заставить писать о земледѣліи. Самому г. Т. Э., порѣшившему всѣ вопросы, я не далъ бы права сказать кому бы то вышло: «тебѣ незачѣмъ писать!» Нѣтъ, низачто не свѣтъ!

И. КОСМ...

ЖИЗНЬ ГРАФА СПЕРАНСКАГО

Два тома. Изд. императорской публичной библиотеки.
Соч. барона М. Корфа. Спб. 1861 г.

Съ именемъ Сперанскаго мы привыкли соединять что-то необыкновенное. Человѣкъ темнаго какъ-говорится происхожденія, въ какія-нибудь двѣнадцать лѣтъ своей службы, вдругъ достигаетъ перваго мѣста въ ряду государственныхъ дѣятелей своей эпохи, становится приближеннѣйшимъ человѣкомъ къ императору, получаетъ обширную власть въ государствѣ... Затѣмъ подвергается несчастіямъ, тѣмъ болѣе тяжкимъ, чѣмъ большее имъ предшествовало счастье, и потомъ снова возвращается въ прежнее мѣсто своего служенія. Для лицъ, всего болѣе мечтающихъ о карьерахъ, Сперанскій представляется какимъ-то недостижимымъ идеаломъ. Безпримѣрное въ чиновничьихъ лѣтописяхъ движеніе Сперанскаго по службѣ, бурная, энергическая дѣятельность съ такими романтическими првключеніями, какъ-то горячатъ молодого человѣка, мечтающаго *сослужить* человѣчеству службу и своей личностью занять современные умы. И дѣйствительно, въ судьбѣ Сперанскаго есть что-то романтическое. Онъ представляется какимъ-то метеоромъ, который горѣлъ по преданію очень ярко, но недолго; горѣлъ-горѣлъ и потомъ вдругъ, неизвѣстно отъ какихъ причинъ, погасъ; затѣмъ снова зажегся и догоралъ какимъ-то блѣднымъ, умирающимъ пламенемъ. Преданіе связало съ личностью Сперанскаго извѣстныя идеи и убѣжденія, потому что онъ былъ главнымъ государственнымъ дѣтелемъ въ эпоху, замѣчательную по своимъ стремленіямъ и цѣлямъ. Не преувеличиваетъ ли преданіе тутъ дѣла — это другой вопросъ, которымъ мы займемся въ этой статьѣ. Но что образъ Сперанскаго, сложившійся въ преданіи, слишкомъ позитивенъ, это кажется несомнѣнно.

Поэзія хороша, только на своемъ мѣстѣ, и то въ основѣ всякой

хорошей поэзіи должна лежать жизненная, историческая, какая угодно, только правда. Тѣмъ болѣе утрировка, идеализація, нетерпимая въ поэзіи, не должна имѣть мѣста въ исторіи. Не споримъ, быть-можетъ когда-нибудь образъ Сперанскаго, какъ онъ сложился въ преданіи, найдетъ для себя вдохновеннаго поэта, который возведетъ его въ перлъ созданія и сдѣлаетъ типомъ. Но если возникнуть вопросъ: этотъ поэтический типъ можно ли назвать тѣмъ Сперанскимъ, который жилъ на Русѣ съ 1772 года до 1839? — то положительный на него отвѣтъ будетъ находиться подъ большимъ сомнѣніемъ. Преданіе слишкомъ услужливо — это фактъ; а исторія, достояніемъ которой сталъ Сперацкій, слишкомъ серьезна и безцеремонна. Въ кругъ обязанностей ея, во отношеніи къ Сперанскому, не входитъ — воспроизвести его поэтическую личность; ея долгъ — показать, въ какихъ отношеніяхъ онъ находился къ своему времени, въ какой мѣрѣ олицетворялъ въ себѣ тогдашнія стремленія, что онъ сдѣлалъ въ пользу ихъ, какія имѣлъ къ тому средства, что это была за личность — Сперацкій, какими путями онъ выдвинулся изъ толпы, что за время было, когда онъ жилъ и т. д. А если эти вопросы историкъ станетъ рѣшать съ полнымъ безпристрастіемъ, окажется, что преданіе куда какъ много прислужилось Сперанскому.

Сперацкій нуждается именно въ добросовѣстной исторіи своей жизни и дѣятельности, а не въ голословныхъ похвалахъ или порицаніяхъ. Такіе факты въ нашей политической жизни, каковъ весь Сперацкій, глубоко поучительны... ихъ вужно изучать да разъяснять. И вотъ почему съ удовольствіемъ мы останавливаемся на трудѣ барона Корфа: «Жизнь графа Сперацкаго», который поднимаетъ вопросъ о нашемъ замѣчательномъ государственномъ дѣятелѣ.

Баронъ Корфъ извѣстенъ по другой своей монографіи, касающейся первой четверти настоящаго столѣтія. По обстоятельствамъ, онъ находится въ особыхъ условіяхъ для подобныхъ трудовъ, и ему болѣе чѣмъ всякому другому доступны для нихъ матеріалы. Тѣмъ болѣе отъ него можно было ожидать правдиваго слова о графѣ Сперацкомъ, что онъ былъ лично знакомъ съ нимъ, съ лицами, современными Сперацкому и къ нему близкими. Но къ несчастію, то обстоятельство, что баронъ лично былъ знакомъ съ графомъ Сперацкимъ, отразилось и на его трудѣ. Онъ видимо находится подъ вліяніемъ личности, біографію которой взялся составлять. Часто видишь барона Корфа на сторонѣ Сперацкаго даже въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ невозможно его оправдать. Изъ біографіи баронъ сдѣлался сторонникомъ его, и если хотите, то на трудъ почтеннаго автора можно смотрѣть какъ на защитительную рѣчь за Сперац-

скаго. А подобнаго рода вещи, какъ хотите, уже недостаткомъ. Требовать отъ историка подлаго сирьтія въ трудѣ своей личности, подлаго безстрастія къ описываемой имъ эпохѣ — можетъ-статься чистая утопія. Человѣкъ вездѣ и всегда человѣкъ съ чувствами симпатіи и антипатіи; въ каждой исторической эпохѣ историкъ найдетъ личности, которымъ повелюль онъ станетъ сочувствовать или которымъ онъ будетъ ненавидѣть; въ каждой эпохѣ онъ найдетъ такіа нечая жизни, проведенію которыхъ въ тогдашнюю эпоху онъ будетъ радоваться, или наоборотъ. Люди самыхъ древнихъ временъ были такіе же люди какъ и мы въ своихъ страстяхъ, достоинствахъ или недостаткахъ. Можетъ-быть на этой-то личности всей исторіи и основывается возможность изученія прошедшей жизни человѣчества, возможность воспроизведенія ея въ историческомъ трудѣ. Возьмите какого угодно гениальнѣйшаго живописца, оставившаго намъ портреты современныхъ ему людей. Какъ бы кажется ему проявить свою личность въ подобнаго рода вещахъ? а и то опытный глазъ отличить пошибы разныхъ портретистовъ. Одинъ съ особеннымъ умѣньемъ и любовью отдѣлывалъ одни части портретовъ, другой — другія. Воспроизвода дѣйствительность, каждый недюжинный живописецъ находитъ въ ней особія черты, которыя любилъ представлять наиболѣе выпуклыми, на отдѣлкѣ которыхъ онъ особенно часто любилъ останавливаться. Такъ точно и въ историческомъ трудѣ историкъ невозможно совершенно скрыть свою личность. Но и тутъ должна же быть мѣра. Можно и неслишкомъ сильно заботиться о томъ, чтобы быть объективнымъ въ воспроизведеніи известной эпохи, но все-таки историкъ долженъ стараться не обращать своего труда въ защитительную или обвинительную рѣчь, въ пользу или противъ кого-нибудь или чего-нибудь. Предметъ біографіи, известная личность, долженъ быть представленъ въ ней весь съ его достоинствами и недостатками, оцѣнками, фальшью, если она только есть и т. д. Подобнаго рода безпристрастія можетъ-быть мы и не вправѣ требовать отъ труда барона Корфа. Зато мы и смотримъ на него только какъ на слово о Сперанскомъ одного изъ его сторонниковъ.

Съ другой стороны мы не можемъ не упрекнуть автора и за то, что онъ не постарался болѣе выяснитъ идеи и стремленія Сперанскаго, государственнаго секретаря. Можно бѣ было отъ него ожидать, что онъ дастъ намъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ убѣжденіяхъ Сперанскаго. Если можно хвалить и осуждать его, то только не имя его же идей, убѣжденій. Они-то собственно выдвигаютъ его изъ круга рядовыхъ государственныхъ чиновниковъ. А между тѣмъ баронъ Корфъ ужъ слишкомъ, по нашему мнѣнію, остано-

рожно обходить подобнаго рода мѣста и слишкомъ опасается показать намъ Сперанскаго, каковъ онъ былъ въ главную эпоху своей государственной дѣятельности. Потому человекъ, незнавшій его и неслыхавшій о немъ, нисколько и не узнаеть Сперанскаго, если онъ будетъ знакомиться съ нимъ только по труду барона Корфа. Какъ чиновникъ, графъ Сперанскій для насъ не богъ-знаеть какъ важенъ; какъ человекъ, желавшій провести въ нашу жизнь современныя ему идеи, желавшій обновить эту жизнь новыми государственными формами, Сперанскій имѣеть для насъ большое значеніе. Исторія должна произнести свой судъ надъ этою личностью, въ свое время дѣлавшею много шума. А для этого она должна въ оправданіе своего безпристрастнаго суда вывести на сцену всего Сперанскаго, разъяснить его идеи и стремленія, во имя ихъ оправдать или осудить его дѣятельность. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ баронъ Корфъ отговаривается отъ подобныхъ объясненій недостаткомъ для того матерьяловъ, такъ что ему въ подобныхъ случаяхъ возможно было гадать, а *заданія* въ историческомъ трудѣ несовершенство у мѣста. Напрасно... Мы придали бы цѣну даже гаданіямъ барона Корфа, потомучто онъ лично, коротко, какъ видно, зналъ Сперанскаго, зналъ его знакомыхъ, современниковъ лучшей эпохи его жизни. Впрочемъ, быть-можетъ такъ и нужно было сдѣлать, какъ поступилъ баронъ Корфъ...

Зато мы благодарны ему за матерьялы къ біографіи Сперанскаго, и слѣдовательно и ко всей эпохѣ, въ которую онъ жилъ, которыхъ есть такъ довольно въ его трудѣ и которые даютъ возможность судить о внутренней сторонѣ какъ Сперанскаго, такъ и общества, среди котораго онъ жилъ и дѣйствовалъ. Можетъ-быть, по целостности для другихъ біографовъ, нѣкоторые изъ этихъ матерьяловъ остались бы гдѣ-нибудь подъ спудомъ... Баронъ Корфъ по крайней мѣрѣ собралъ все что писано у насъ о Сперанскомъ. Такимъ образомъ дѣло изслѣдованія много облегчается для будущихъ его біографовъ.

Пользуясь этими-то матерьялами, данными въ біографіи барона Корфа, мы сдѣлаемъ попытку дать свой отзывъ о личности Сперанскаго, какъ человека и какъ государственнаго мужа. Мы прослѣдимъ для этой цѣли его жизнь, насколько позволятъ это намъ тѣсныя границы критической статьи.

Сперанскаго разгадать довольно трудно: Какъ человекъ, занимавшій чрезвычайно важное въ имперіи мѣсто, много трудившійся въ жизни, онъ приобрѣлъ себѣ много друзей, да немало и враговъ. Принужденный прокладывать себѣ дорогу съ необыкновенными усиліями воли — скизозъ всегда завистливую ко всякому счастью толпу,

онъ весьма естественно нажилъ себѣ многихъ недоброжелателей. Съ другой стороны, необыкновенная близость къ государю, давшая въ его руки много власти и силы, а главнымъ образомъ огромныя умственныя способности и умѣнье дѣйствовать на окружающую среду, образовали многихъ почитателей его личности. Въ отзывахъ однихъ слышится часто худоскрываемая зависть, личная злоба, или даже просто непониманье, невѣжество. Въ отзывахъ другихъ видна лесть, неперестающую преслѣдовать уже умершее лицо. Гдѣ тутъ найти путеводную нить, которая привела бы къ разгадкѣ характера Сперанскаго? Въ немъ же самомъ, въ его жизни часто встрѣчаются поразительнѣйшіе контрасты. «J'ai trois ennemis à combattre: la paresse, la timidité et la vanité», говаривалъ онъ часто. А между тѣмъ этотъ лѣнивый, по собственному сознанию, человѣкъ иногда трудился недѣли по двѣ, неразгибая спины, работая по восемнадцати часовъ въ сутки. Этотъ боязливый человѣкъ главнымъ руководящимъ принципомъ государственнаго реформатора считалъ: не бояться мелкихъ неудобствъ нововводимой системы и не смотрѣть много на крики людей, неодобряющихъ ее. Человѣкъ, неспускавшій съ губъ фразы о необходимости безотлагательной ломки всего стараго, видѣвшій всю пустоту и нравственную ничтожность среды, въ которой пришлось ему вращаться, — этотъ человѣкъ при первыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ отказывался отъ настоящаго проведенія своихъ идей въ жизнь и употреблялъ всѣ усилія возвратиться въ ту среду, съ которой разлучили его обстоятельства. Человѣкъ, искавшій себѣ безсмертія въ обновленіи Россіи, хлопотавшій о томъ, чтобъ придать государственнымъ учрежденіямъ, по выраженію барона Корфа, публичныя формы — слишкомъ иногда презрительно отзывался объ общественномъ мнѣніи и однажды жарко вооружался противъ того, чтобъ «вмѣсто двухъ профессоровъ университета публика не стала пересуживать двухъ членовъ государственнаго совѣта». Человѣкъ, хлопотавшій объ удаленіи произвола изъ государственной жизни и строгой отвѣтственности каждаго государственнаго дѣятеля, можетъ-быть всего болѣе послужилъ тому самому, противъ чего вооружался... Можетъ-быть это болѣе какъ насмѣшка судьбы надъ Сперанскимъ... А можетъ-статься причина тутъ кроется весьма глубоко... въ самомъ личномъ характерѣ Сперанскаго.

Изъ соображенія всѣхъ отзывовъ о Сперанскомъ, а главнымъ образомъ изъ дѣйствій его видно, что онъ не былъ тѣмъ, кого мы называемъ дѣльною личностью. Есть родъ людей, дотога проникнутыхъ извѣстными идеями и стремленіями, что они составляютъ какбы плоть и кровь ихъ. Ихъ задушевныя убѣжденія просвѣчи-

ваютъ во всей ихъ жизни такъ, что вся дѣятельность этихъ людей принимаетъ характеръ безустанныя стремленія къ одной определенной цѣли. Вся ихъ жизнь есть ничто иное какъ воплощеніе известной идеи. Они не измѣняютъ ей ни для кого и ни для чего, въ жизни своей стараются проводить ее со всею искренностью и со всею честностью служить ей. Конечно, и эти люди могутъ мѣнять свои убѣжденія, какъ мѣнялъ ихъ наиримѣръ Бѣлиевскій. Но прежде всего подобныя личности мѣняютъ свои убѣжденія со всею искренностью, но глубокому сознанію ихъ внутренней несостоятельности; мѣна убѣжденій у нихъ бываетъ слѣдствіемъ не обстоятельствъ, къ которымъ они вовсе не примѣняются, а слѣдствіемъ того порыва стараго стремленія найти истину, которое особенно живо чувствуется въ некоторыми щедро надѣленными натурами. Въ мѣнѣ ихъ убѣжденій всегда замѣчается прогрессъ; они идутъ отъ менѣе широкихъ къ болѣе широкимъ, слѣдовательно тутъ измѣненіе дѣлается во имя лучшаго. Но цѣльями личности такъ же рѣдки, какъ между растеніями рѣдки совершенно нормально развившіяся особи, которые нисколько не уклонились отъ своего типа. Всего чаще попадаются обыкновенныя, такъ-сказать рядовыя личности. Въ ихъ жизни повторяются тѣ же исторіи, какія бываютъ съ обыкновенными маляками. Такіе люди могутъ увлекаться духомъ своего вѣка, современными имъ понятіями; они либеральничаютъ, когда есть для того нѣ благоприятныя условія; они прогрессисты и пожалуй радикалы, если только это современно, въ модѣ... Мѣняются обстоятельства, общество вступаетъ въ состояніе реакціи прежнему направленію — и во внутренней жизни обыкновенныхъ личностей тоже дѣлается переноротъ; они тоже вступаютъ въ состояніе реакціи и не только возвращаются къ старой рутинѣ, но даже, по свойству тѣхъ умругихъ, тѣмъ глубже погружаются въ нее, чѣмъ далѣе прсиде заходятъ въ противную сторону. Подобнаго рода люди несовѣстны-то надежны для прогресса: они точно гости, которые заѣзжаютъ навремя, такъ себѣ, побывать только, чтобъ снова надолго, быть-можетъ навсегда, засѣсть въ насиженное уже безопасное мѣстечко. Или, если хотите, подобнахъ людей можно сравнить съ мальчиками, которые пошалить, потомъ ихъ за то пощѣкутъ и они успокоятся. Не говоримъ, что тяжкія обстоятельства иногда заставляютъ и несовѣстныхъ обыкновенныхъ личностей дѣлать уступки въ своихъ убѣжденіяхъ: это бываетъ тогда, когда личность попадаетъ въ такое нешлюе общество, что ей рѣшительно нѣтъ возможности освѣжать себя чистымъ воздухомъ. Человѣкъ чрезвычайно уживчивъ; въ этомъ его свойствѣ можно видѣть достоинство, а можно видѣть и недостатокъ. Какъ ни тяжела для человѣка, только лишь пришедшаго съ улицы, душная

атмосфера комнаты, чрезъ часъ она становится для него не такъ тѣжела, а потомъ онъ ужъ и привыкаетъ къ ней. Дѣйствительно бы-ваютъ общества, гдѣ всякой личности неминуемо грозитъ нравственная смерть, которыя до того затхлы и гнилы, что неизбѣжно заражаютъ все здоровое, попавшее въ ихъ среду. Потому безусловно вивить челоуѣка въ переиѣиѣ имъ своихъ убѣжденій никакъ нельзя. Челоуѣкъ не каменъ; онъ всегда воспримчивъ къ впечатлѣніямъ, и на этомъ его свойствѣ основывается возможность безостановочнаго прогресса челоуѣчества. Это обстоятельство должно имѣть между прочимъ въ виду историкъ при сужденіи о нравственной переиѣиѣ въ известной личности.

Въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ цѣльность личности, мы не можемъ назвать личность Сперанскаго цѣльною. Въ немъ слишкомъ многихъ недоставало къ тому условій. Всю жизнь свою онъ служилъ лицамъ, а не идеямъ. Онъ былъ поборникомъ прогрессивныхъ идей, когда онѣ нашли себѣ сочувствіе въ императорѣ Александрѣ I. Онъ брался заново переиѣлать весь государственный строй Россіи и не считалъ несбыточнымъ ввести новую государственную машину разомъ въ дѣйствіе, когда это было согласно съ мыслями Александра I, и онъ же согласился прибѣгнуть къ переходнымъ мѣрамъ, къ осуществленію прежде всего второстепенныхъ частей своего плана, *de facto* дать переиѣсъ идеѣ централизаціи и бюрократіи предъ другими лучшими своими идеями, когда это пужно было по измѣнившимся понятіямъ времени. Зная, какія идеи, противоположныя прежнимъ его убѣжденіямъ, пошли въ ходъ съ 1814 года, Сперанскій въ эпоху своего изгнанія о томъ только и старался, чтобъ снова возвратиться въ прежнюю среду. Съ тѣхъ поръ какъ онъ въ 1821 году возвратился ко двору, онъ какбы откажался отъ прежнихъ своихъ политическихъ убѣжденій и былъ усерднымъ дѣятелемъ 20-хъ и 30-хъ годовъ, замѣчательныхъ по многимъ контрастамъ первому десятилѣтію XIX вѣка. Надобно прочесть многія письма Сперанскаго, приведенныя барономъ Корфомъ въ своемъ трудѣ, чтобъ видѣть, что Сперанскій дѣйствительно былъ слугою лицъ, а не идей, и что онъ именно объ этомъ хотѣлъ дать знать тѣмъ, гдѣ считалъ это особенно для себя полезнымъ. Сперанскій безспорно имѣлъ необыкновенныя способности. Его широкій умъ въ тотъ періодъ жизни, когда онъ былъ государственнымъ секретаремъ, касался всѣхъ частей государства; нездѣ и въ государственной организаціи, въ законодательствѣ и въ финансахъ имъ произведены какія-либо реформы. Въ то же время онъ былъ статсъ-секретаремъ Финляндіи и устраивалъ на новыхъ основаніяхъ духовно-училищное вѣдомство. Только при умѣ и трудолюбіи Сперан-

скаго можно было занимать центръ государственной жизни Россіи въ эпоху, когда она стремилась къ обновленію. Но чувство правды побуждаетъ насъ сказать также, что Сперанскій, при большомъ умѣ, не обладалъ тѣмъ твердымъ и крѣпкимъ характеромъ, который такъ нуженъ государственному человѣку. Можетъ-быть этотъ именно недостатокъ въ немъ стойкаго характера и былъ причиною того, что изъ всѣхъ идей его осуществлялось только нѣчто, и то со-всѣмъ въ иномъ духѣ и характерѣ, чѣмъ какъ онъ самъ хотѣлъ осуществить ихъ. Онъ былъ слишкомъ уступчивъ въ высшихъ обстоятельствахъ и не могъ бороться съ несчастіями, опираясь только на самого себя. Быть-можетъ по этой податливости своей натуры онъ мѣнялся въ своихъ убѣжденіяхъ. Охотникъ смолоду до французскихъ энциклопедистовъ, затѣмъ по духу вѣка мистикъ, вмѣстѣ съ нимъ англоманъ и послѣ галломанъ, онъ подъ конецъ своей жизни пришолъ къ тому же, чѣмъ и началъ ее. Въ полтавской его жизни относительная слабость воли выразилась недостаткомъ цивизма, политической честности — тоже необходимато украшенія всякаго государственнаго человѣка. Въ минуты несчастій, время пробы всякаго человѣка, онъ не нашолъ въ себѣ силъ отвернуться отъ коварныхъ лобзаній своихъ враговъ, бывшихъ причиною его несчастій, и чтобъ какъ-нибудь снова возвратиться въ сферу, гдѣ прежде вращался, онъ рѣшился на самоуниженіе. «Я никогда не былъ въ толпѣ и конечно не буду», еще въ молодости писалъ Сперанскій къ одному своему другу... И въ жертву своему честолюбію онъ приносилъ и свои идеи, и свою славу въ потомствѣ... Съ 1825 года по 1839 годъ онъ былъ такимъ же, какъ и въ первое десятилѣтіе настоящаго столѣтія; для него слишкомъ страшно было возвращеніе въ толпу. — Сперанскій не остался вѣренъ самому себѣ въ своей жизни. Отъ молодости, полной благородныхъ увлеченій, идей и стремленій къ государственному благу, — въ послѣдствіи времени, подъ старость, остались у него одни только развалины. Можетъ-быть жизнь Сперанскаго настолько принесла пользы его нѣкоторымъ идеямъ, сколько повредила имъ, удалила надолго ихъ приложеніе къ нашему быту. Для политическихъ старовѣровъ неудачныя попытки Сперанскаго, въ свое время вооружившія противъ него русское большинство, стали доказательствомъ несостоятельности его стремленій. Вообще Сперанскій былъ одинъ изъ тѣхъ государственныхъ умовъ, которые могутъ производить политическія чудеса, но только при благоприятныхъ условіяхъ. Это тѣ умы, которые могутъ быть весьма полезны и вредны для политической жизни народа: все дѣло въ томъ, какое направленіе дадутъ имъ обстоятельства. Они нуждаются въ хорошихъ общихъ идеяхъ,

а предлагать ихъ къ жизни и проводить въ нее—на это они большіе мастера. Настоящее время требуетъ уже не такихъ дѣятелей. Теперь для государственнаго человѣка мало одного только ума: онъ долженъ обладать крѣпкой волей, долженъ имѣть настолько цѣльный характеръ, чтобъ у него никогда не отдѣллось слово отъ дѣла.

Говорятъ, что Сперанскій имѣлъ необыкновенное искусство привлекать къ себѣ всѣхъ, кто ни приближался къ нему. Это очень естественно. При слабомъ характерѣ Сперанскій обладалъ необыкновеннымъ умомъ: а силѣ ума необходимо покоряются. Ктому же Сперанскій былъ чрезвычайно вкрадчивъ, ловокъ въ обращеніи, мягокъ и примѣрно въжливъ. Можетъ-быть эти качества образовались въ немъ подъ влияніемъ сферы, въ которой онъ жилъ. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на свое воспитаніе, онъ приобрѣлъ придворный лоскъ и аристократическое умѣнье обращаться съ людьми: фактъ, который указываетъ на чрезвычайную усвоительность его природы и умѣнье приспособляться къ обстоятельствамъ. Б. Корфъ замѣчаетъ, что Сперанскій въслѣдствіи дотога освоился съ блестящимъ обществомъ, что никто, глядя на него, не могъ бы подумать, что онъ изъ бѣдныхъ семинаристовъ, такъ цѣловкихъ большею частію въ салонныхъ разговорахъ. При необыкновенномъ умѣ онъ былъ очень хорошій диалектикъ и съ совершеннымъ искусствомъ владѣлъ даромъ слова. На докладахъ, на письменномъ изложеніи уставовъ онъ чувствовалъ себя на своемъ мѣстѣ, соединяя съ искусствомъ слова, гдѣ нужно, пылъ, пафосъ; онъ былъ необыкновенно убѣдителенъ: качество довольно рѣдкое въ сферѣ, гдѣ онъ дѣйствовалъ. Можетъ-быть сознаніе пустоты и бездариности большинства, его окружавшаго, и было причиною того, что онъ былъ злорѣчивъ, сатирически ѣдокъ въ своихъ отзывахъ о немъ. Потому-то и упрекали Сперанскаго въ двоедушіи: онъ въ глаза искусно льстилъ тѣмъ, надъ кѣмъ за глаза рѣдко насмѣхался. Впрочемъ и въ этой, повидному мягкой натурѣ, была нѣкоторая доля деспотизма, вообще нѣрѣдкая въ людяхъ, находящихся въ блестящемъ положеніи Сперанскаго. Надобно прослѣдить его отношенія къ своему домашнему эконому Мосальскому, чтобъ видѣть, какъ свысока иногда Сперанскій поступалъ съ этимъ человѣкомъ, совершенно ему преданнымъ.

Такимъ образомъ Сперанскій былъ человѣкъ съ умомъ необыкновеннымъ, но съ обыкновеннымъ характеромъ, мягкимъ, легко гнувшимся при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. Нестойкій въ своихъ убѣжденіяхъ, онъ былъ болѣе слугою лицъ, а не идей... Мягкій, ловкій въ обращеніи, онъ былъ съ нѣкоторой долей двоедушія и деспотизма. Но, при всемъ томъ, что онъ не былъ

государственнымъ гениемъ, воплиъ государственнымъ человекомъ, онъ былъ тѣмъ неменѣе замѣчательнымъ дѣятелемъ своего времени. Представьте, что вы заброшены въ пустыню, гдѣ неводится вамъ на глаза никакой растительности; только одинъ кустикъ, уединенно растущій среди безжизненной, сухой плоскости, напоминаетъ вамъ о жизни. Какъ вы станете радоваться и этому малому растеню въ пустомъ, безжизненномъ мѣстѣ, съ какой любовью вы будете смотрѣть на этотъ кустикъ, напоминающій вамъ о жизни и тѣмъ болѣе замѣтный для васъ, что кругомъ васъ страшнѣйшій контрастъ; много-много что гдѣ-нибудь высовынается неприглядный какой-то стебелекъ. Это сравненіе можетъ-быть имѣть приложение и въ настоящемъ случаѣ.

Мы полюбѣ охарактеризуемъ личность Сперанскаго въ краткомъ очеркѣ его жизни. Мы попреимуществу будемъ касаться его общественной дѣятельности, будемъ касаться его жизни настолько, насколько это можетъ служить намъ къ разгадкѣ его характера и характеризовать общество, въ которомъ онъ жилъ и дѣйствовалъ. Та эпоха, въ которую Сперанскій былъ въ центрѣ нашей государственной жизни, особенно замѣчательна, и на нее-то мы думаемъ обратить особенное вниманіе.

Михаилъ Михайловичъ Сперанскій происходилъ изъ духовнаго званія, и образованіе потому получилъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Отецъ его былъ священникомъ въ селѣ Черкуминѣ, владимірской губерніи. Онъ обучался во владимірской семинаріи, откуда какъ отличный студентъ, былъ отправленъ въ петербургскую главную александроневскую семинарію; здѣсь оставленъ былъ, по окончаніи курса, учителемъ математики, затѣмъ физики и наконецъ определенъ префектомъ семинаріи, который въ тогдашнее время былъ въ семинаріи тѣмъ же, что въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ теперешніе инспекторы. Таковъ краткій формулярный списокъ Сперанскаго — ученика, студента и затѣмъ учителя. Для насъ онъ слишкомъ важенъ; а важна для насъ эта эпоха воспитанія и первой его общественной службы потому, что въ это время образовывался нравственный характеръ, складъ головы Сперанскаго, имѣвшій впоследствии важное вліяніе на всю будущую его государственную дѣятельность. Разказовъ о малолѣтствѣ Сперанскаго дошло до насъ немного, да и тѣ, которые дошли, слишкомъ общи и неопредѣлены. Для насъ гораздо важнѣй разказы о той эпохѣ воспитанія Сперанскаго, когда въ немъ уже начиналъ слагаться кое-какой характеръ. Но и тутъ мы должны замѣтить, что подобныя свидѣнія соби-

рались уже тогда, когда Сперанскій прослылъ за великаго человѣка. А извѣстно какъ лесть, преслѣдующая великихъ людей даже за гробомъ, старается подкрасить и ихъ малолѣтство, какъ съ неохотою припоминаются обыкновенно темныя черты характеровъ подобныхъ людей, еще когда они были дѣтьми. О Сперанскомъ, еще малюткѣ, говорятъ вамъ рассказы его воспитателей, что онъ былъ необыкновенно услужливъ: это видно изъ его отношеній къ своей двоюродной сестрѣ, когда еще оя семинаристомъ жилъ съ нею въ домѣ ея отца, а своего дяди. Здѣсь же въ малолѣтствѣ уже были въ немъ задатки той вкрадчивости, которая впоследствии такъ много помогла ему выйтѣ въ люди. Можетъ-быть благодаря этому умѣнью обходиться съ людьми, семинаристъ Сперанскій умѣлъ еще въ юности обходить Сциллу и Хариду, — умѣлъ понравиться начальникамъ, сохраняя въ тоже время доброе расположеніе къ себѣ товарищей. Такой фактъ много говоритъ въ пользу житейскаго *благоразумія* Сперанскаго. Интересы педагоговъ и при тогдашней системѣ воспитанія такъ же сильно расходились съ интересами ихъ питомцевъ. И тогда педагогическая мудрость главнымъ образомъ полагалась въ томъ, чтобъ *присматривать* за юными питомцами и печально наказывать ихъ за увлеченія. Потому и тогда близость къ начальству была несомнѣнъ безопасная вещь для воспитанника. Не знаемъ впрочемъ, въ какой мѣрѣ Сперанскій могъ при своей близости къ начальникамъ сохранить любовь къ себѣ товарищей. Нельзя ли тутъ подозревать просто лести къ памяти недюжиннаго человѣка, желающей сдѣлать его необыкновеннымъ еще въ отрочествѣ? А близко оя къ своему начальству былъ дотога, что былъ посопникомъ у владимірскаго архіерея, что и тогда, какъ и теперь, достигалось не всякимъ счастливецомъ; былъ келейникомъ у своего владимірскаго ректора и его домашнимъ экономомъ. Будущій финансистъ имперіи, еще семинаристъ, учитывалъ сколько бочекъ квасу вышло у ректора, сколько стоялъ семинарскій сертукъ и т. д. Отъ этой эпохи его жизни остался дневникъ, гдѣ онъ записывалъ различныя достопримѣчательныя событія. Но и тутъ онъ болѣе официаленъ и скрытенъ, чѣмъ искрененъ. Юное вниманіе его занималось тогда подобнаго рода событіями: въ дневникѣ подъ 27 іюля помѣчено: «преосвященный служилъ въ соборѣ. Говорилъ проповѣдь отецъ Кириллъ о томъ: для чего человѣкъ рождается въ міръ? для того, чтобы познать божія Богови, а кесарева кесареви». Соображая по дневнику кругъ его міросозерцанія, по качеству тамошнихъ замѣтокъ, мы думаемъ, что не будь Сперанскій по особымъ обстоятельствамъ вызванъ въ Петербургъ, онъ кончилъ бы безъ всякихъ историческихъ слѣдовъ свою жизнь въ какомъ-нибудь селѣ дякономъ или

священникомъ, тѣмъ болѣе что за нимъ уже было закрѣлено одно дьяконское мѣсто.

Про семинариста Сперанскаго рассказываютъ, что онъ былъ добръ, ласковъ, смѣтливъ, словоохотливъ, мастеръ говорить красиво и увлекательно: слѣдовательно уже въ семинаріи онъ началъ проявлять свои драгоцѣнные въ жизни качества. На товарищѣ онъ имѣлъ вліяніе потому, что былъ даровитъ, имѣлъ хорошія способности. Онъ скорѣй другихъ выучивалъ уроки и въ спискахъ постоянно занималъ первое мѣсто. Быть-можетъ это раннее превосходство его надъ окружающимъ міромъ имѣло вліяніе на образованіе въ немъ взгляда на себя какъ человѣка высшаго предъ толпой, и постоянного въ немъ стремленія стоять непремѣнно выше ея. Такимъ образомъ еще съ раннихъ поръ обстоятельства питали въ немъ самолюбіе, поддерживали и возбуждали честолюбіе, которое играетъ немалую роль въ жизни государственныхъ людей. Чѣмъ шире впоследствии становился кругъ его дѣятельности, тѣмъ труднѣй становилась для него задача стать выше толпы, и вѣроятно здѣсь можно найти ключъ къ разъясненію его безпримѣрнаго трудолюбія, хотя онъ сознавалъ себя по природѣ дѣшнымъ. Именно этотъ врагъ его — тщеславіе былъ сильнымъ стимуломъ, возбуждавшимъ его къ самой усиленной дѣятельности. Будучи уже въ богословіи, т. е. окончательномъ семинарскомъ классѣ, онъ былъ настолько благоразуменъ, что могъ давать дѣльные житейскіе совѣты Ивану Тимофеевичу, своему дядѣ, у котораго онъ жилъ съ самаго поступленія своего въ семинарію и который много терпѣлъ неприятностей по своей прото-дьяконской службѣ.

Въ январѣ 1790 года, слѣдовательно 18-тилѣтъ Сперанскій, какъ отличный студентъ, былъ отправленъ въ главную александровскую семинарію въ Петербургъ. И здѣсь благоразуміе, ловкость и способности поставили его высоко въ глазахъ начальства. Здѣсь уже самъ тогдашній митрополитъ Гавріилъ обратилъ на него вниманіе, и по окончаніи имъ курса ходатайствовалъ предъ синодомъ, чтобъ его оставить при главной семинаріи, а не отправлять въ родную семинарію наставникомъ, какъ это дѣлали съ другими, и на первый разъ ему поручили кафедру математики, въ которой онъ успѣлъ болѣе другихъ и къ которой съ самыхъ раннихъ поръ своего образованія чувствовалъ особенную любовь. Еще въ главной семинаріи онъ обнаружилъ большое самообладаніе. Тогдашняя жизнь семинарская была самая разгульная, и Сперанскій пристрастился въ карточной игрѣ, но тотчасъ же и оставилъ ее, когда сталъ замѣчать, что привязанность къ картамъ обращается въ страсть. Можетъ-быть это былъ симптомъ умѣнья сдерживать себя,

которое такъ замѣтно въ его послѣдующей жизни. Сперанскій по-видимому не имѣлъ страстей; въ своей жизни онъ какъ-будто руководился одной только страстью — честолюбіемъ, да и ту онъ очень искусно скрывалъ отъ недалководивныхъ взоровъ.

Объ этомъ времени жизни Сперанскаго есть одно замѣчательное извѣстіе въ книгѣ барона Корфа. «Въ главной семинаріи—разсказывалъ самъ Сперанскій, когда уже былъ въ Шерми—мы попали къ одному такому учителю, который или былъ пьянь, или трезвый проповѣдывалъ намъ Вольтера или Дидерота». Фактъ замѣчательный: онъ указываетъ на то, какъ ученіе энциклопедистовъ легко распространилось въ тогдашней Руси и достигало такихъ уголковъ, каковы напр. главная семинарія, а съ другой — онъ указываетъ, съ какого времени началось новое направленіе въ мысляхъ Сперанскаго. Мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ усердно онъ слушалъ этого пьянаго учителя. Въ вышеприведенныхъ словахъ Сперанскій отзывается о немъ съ нѣкоторой презрительностью. Но о чемъ могъ говорить свысока бывший государственный секретарь, мистикъ, то можетъ-быть съ большимъ удовольствіемъ слушалъ молодой семинаристъ, и кажется это можно положительно утверждать, потому что въ доказательство того мы можемъ указать на фактъ, близкій по времени къ вышеприведенному. Когда Сперанскій былъ домашнимъ секретаремъ у Куракина, то познакомился съ однимъ изъ учителей его дѣтей, Брикнеромъ, тоже жаркимъ послѣдователемъ энциклопедистовъ; съ нимъ онъ очень сошелся, и часто оба проводили вечера въ дружескихъ разговорахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что заманчивый матеріализмъ XVIII вѣка нашолъ себѣ доступъ къ молодому уму. Конечно, это увлеченіе скоро и прошло, тѣмъ неменѣе слѣды его все-таки остались, и внослѣдствіи изъ-подъ руки государственнаго секретаря, сочинявшаго уложеніе, явился въ немъ отдѣлъ о правахъ лица или гражданскихъ правахъ, до того еще неслыханныхъ на Руси. А можетъ-быть матеріализмъ и подготовилъ Сперанскаго къ принятію внослѣдствіи мистическаго ученія. Онъ возбудилъ въ молодомъ человѣкѣ реакцію и помогъ ему вдаться въ другую крайность...

Вообще то обстоятельство, что Сперанскій получилъ образованіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, чрезвычайно важно при объясненіи его послѣдующей государственной дѣятельности. Тогда схоластика и сухой формализмъ были въ большомъ ходу. Диспутаціи или споры, опредѣленія, остатки средневѣковаго схолярства, процвѣтали въ тогдашнихъ мѣстахъ духовнаго воспитанія. Недалеко молодой дунгъ какого-либо содержанія, воспитывая умъ на словопрепіи, они образовывали формалистовъ-мыслителей, всего болѣе стравившихся о рубрикахъ, раздѣленіяхъ да подраздѣленіяхъ. Форма-

лизмъ и схоластика воспитанія отразились и на реформахъ Сперанскаго. Какъ государственный дѣятель, онъ слишкомъ придавалъ много силы формѣ въ ущербъ содержанію. Формально онъ перестроилъ многое, неизмѣнивъ сущности дѣла. На уставы, гдѣ такъ нужны рубрики дѣленія да подраздѣленія, онъ былъ неподражаемый мастеръ. Умственною превосходство надъ собою, гдѣ онъ находился, сильная діалектика и умѣнье говорить — тоже слѣды того формальнаго развитія, которое онъ получилъ въ семинаріи, слѣдѣтъхъ словопривій частныхъ и публичныхъ, въ которыхъ упражнялся онъ, будучи семинаристомъ. Вооруженный такимъ развитіемъ, правда слишкомъ формальнымъ, но все-таки развитіемъ, Сперанскій смѣло могъ идти на борьбу съ людьми, или вовсе непонимающими никакаго образованія или получившими, только слишкомъ недалекое. Съ природными отличными дарованіями, съ кое-какимъ, но все-таки сравнительно лучшимъ образованіемъ, при вкрадчивости и умѣнии обращаться съ людьми, съ нѣкоторымъ запасомъ житейскаго опыта, Сперанскій смѣло пустился въ жизненную борьбу и нельзя сказать, что онъ *совсѣмъ* ошибся въ своихъ расчетахъ.

Вступая въ тогдашнюю гражданскую службу, Сперанскій рассчитывалъ очень много. Тогдашнее время было горячее: можно было или провалиться какъ-говарятъ изъ-за пустяковъ, чисто по чьимъ-либо капризамъ, или же выйти въ чины, въ люди, тоже совершенно неожиданно. Тогда особенно нужны были для каждаго служебнаго авантюриста — милостивцы, патроны. При помощи ихъ можно было подняться на такую высь въ лѣстницѣ чиновъ, что она превосходила самыя смѣлыя ожиданія. Не знаемъ въ какой мѣрѣ рассчитывалъ на подобныя шансы Сперанскій, но что онъ сколько-нибудь да рассчитывалъ на нихъ, — это болѣе чѣмъ несомнѣнно. Онъ успѣлъ хорошо уже поставить себя въ духовномъ вѣдомствѣ; его любило начальство и особенно тогдашній митрополитъ Гавріилъ. За такой даровитой личностью, каковъ былъ Сперанскій, тщательно слѣдили, чтобъ не упустить ее изъ рукъ. Ему косвенно и прямо дѣлались разныя внушенія вступить въ монашество. Но Сперанскій уже успѣлъ въ это время, какъ самъ говорить въ письмѣ къ прежнему своему ректору архимандриту Евгению, «вкусить житейской суеты» и какъ-видно нашелъ ее болѣе вкусно чѣмъ монашество. Будучи уже префектомъ, онъ случайно познакомился съ Алексѣемъ Борисовичемъ Куракинъ, которому былъ представленъ однимъ изъ своихъ знакомыхъ какъ человекъ со способностями, годный ему въ домашніе секретари. Послѣ пробы (онъ приготовилъ 11 писемъ въ одну ночь послѣ того какъ Куракинъ коротко на словахъ рассказалъ ему объ ихъ предметѣ), оставившей въ Куракинѣ отличное для Сперанскаго впечатлѣ-

ніе, онъ поселился въ домѣ своего будущаго патрона, соединивъ въ себѣ должность домашняго секретаря съ должностію учителя въ главной семинаріи. Это странное соединеніе вѣроятно придумано самимъ Сперанскимъ, какъ переходная мѣра къ окончательному своему увольненію изъ духовнаго званія. Примѣры такихъ увольненій были тогда довольно рѣдки, а для такихъ шлохипныхъ личностей, каковъ Сперанскій, едвали возможны. Впрочемъ для человѣка, покровительствуемаго всесильнымъ патрономъ, нашлц все возможнѣе. 1796 года 24 декабря митрополитъ Гавріилъ выдалъ Сперанскому аттестатъ, въ которомъ найдено было, что Сперанскій, родившійся въ 1772 году, въ 1796 году уже десять лѣтъ обучалъ въ главной семинаріи, слѣдовательно 16 лѣтъ былъ учителемъ... Какъ бы то ни было, только въ генераль-прокурорскомъ представленіи Сперанскаго къ чину титулярнаго совѣтника значилось, что Михайла Сперанскій *десять лѣтъ* находился въ званіи магистра.

Для Сперанскаго пошли очень усиленно. Куракинъ сдѣлалъ для своего любимца все, что можетъ сдѣлать для своего фаворита любимецъ государевъ. 18 сентября 1798 года, слѣдовательно чрезъ полтора года послѣ поступленія на службу онъ былъ уже коллежскимъ совѣтникомъ. Примѣры такихъ необычайныхъ служебныхъ повышеній тогда не составляли впрочемъ большой рѣкости. Кто успѣлъ сдѣлаться *случайнымъ*, какъ говорилося тогда, кого разыскало счастье, тотъ хваталъ его, по принципу кабинетъ-министра Волюнскаго и глазами, и ртомъ, и руками. Самъ Куракинъ — примѣръ быстрого повышенія. Въ царствованіе императрицы Екатерины II онъ былъ не болѣе какъ начальникомъ третьей экспедиціи государственныхъ счетовъ и былъ силенъ только при маломъ гатчинскомъ дворцѣ. Зато сряду по воцареніи императора Павла I онъ былъ пожалованъ въ сенаторы, а потомъ вдругъ генераль-прокуроромъ — въ необычайно тогда важную должность. На него градомъ сыпались чины и звани отличія и съ небольшимъ въ годъ человѣкъ, занимавшій какую-то невидную должность и имѣвшій аннинскую закладу, дослужился, какъ говоритъ б. Корфъ, до перваго чина, перваго званія и перваго ордена въ имперіи. Такой же примѣръ представляетъ и бывшій генераль-прокуроръ Кутайсовъ. Черты любопытныя тогдашняго времени! Но сылавшеся градомъ такъ же было непрочно, какъ градъ въ лѣтній день. Куракинъ въ 1798 году, слѣдовательно два года спустя послѣ своего назначенія въ генераль-прокуроры былъ смѣненъ Лопухинымъ. А Лопухинъ чрезъ годъ уступилъ свое мѣсто Беклешову, лучшему человѣку своего времени. А Беклешовъ, зато что не уважалъ требованій случайныхъ людей при дворѣ, былъ замѣненъ Обольвиновымъ. Какъ любопытный фактъ, мы приведемъ здѣсь разсказъ

Беклешова Аверину, одному изъ его приближенныхъ, помѣщенный въ книгѣ б. Корфа. «Знаешь ли ты прежнихъ генераль-прокуроровъ? спросилъ Беклешова Павелъ I при первомъ ихъ свиданіи: — какой генераль-прокуроръ Куракинъ! какой Лопухинъ! Ты да я, я да ты: впередъ мы одни будемъ дѣла дѣлать!» Обольяниновъ, дѣлецъ почти безграмотный, въ одинъ годъ получилъ чинъ генерала отъ пифантеріи, андреевскую ленту, табакерку съ брилліантами и слишкомъ на 120,000 фарфоровыхъ и серебряныхъ сервизовъ и другихъ вещей.

Служить при такой быстрой смѣнѣ начальниковъ необыкновенно трудно для каждаго подчиненнаго. Но Сперанскій уже былъ настолько опытенъ и благоразуменъ, что не оборвался и въ это время. Онъ до такой степени умѣлъ сдѣлаться для каждаго генераль-прокурора необходимымъ, что всякій держалъ его при себѣ. Умѣвъ изучать характеры и привариваться къ нимъ, вкрадчивость, умѣвъ говорить бойко и убѣдительно, гибкое перо, — качества такъ пригодныя на докладахъ, сохранили Сперанскаго отъ всѣхъ случайностей судьбы. При генераль-прокурорѣ Беклешовѣ онъ былъ сдѣланъ секретаремъ комисіи для снабженія столицы съѣстными припасами. Всего труднѣе для него было служить при генераль-прокурорѣ Обольяниновѣ, который неслашкомъ-то цѣнилъ ученость, потому что самъ былъ безграмотенъ. Знаніе средствъ, какъ дѣйствовать на людей различныхъ степеней образованія, подсказало ему при вступленіи Обольянинова въ должность, какъ произвести благопріятное впечатлѣніе на эту грубую натуру. Императоръ Павелъ I приказалъ ему: «уволить всѣхъ беклешовскихъ чиновниковъ и набрать новыхъ»; лично даже предостерегалъ, какъ рассказывалъ самъ Сперанскій, противъ него Обольянинова. Но Сперанскій дотога зналъ людей и умѣлъ на нихъ дѣйствовать, что и Обольяниновъ нашолъ, что Сперанскій ему нуженъ. Опасностей въ житейскомъ морѣ, въ которое смѣло онъ пустился, было много; но Сперанскій какъ-то умѣлъ изъ нихъ выпутываться. Мы приведемъ вѣдь другой довольно характеристичный случай съ Сперанскимъ, чуть было не уничтожившій его карьеру. Императоръ Павелъ I однажды приказалъ составить въ двѣ недѣли коммерческой уставъ, и Сперанскій, вмѣстѣ съ набранными для этой цѣли купцами, долженъ былъ безвыходно работать во дворцѣ. Но товарищи Сперанскаго очень мало помогали ему сочинять коммерческой уставъ, о которомъ прежде они можеть-быть и не слышали. Сперанскій долженъ былъ самъ все *сочинить* къ сроку. Государь остался доволенъ уставомъ, но только одно въ немъ сильно ему не понравилось: это то, что въ текстѣ коммерческаго устава при титулѣ императорскаго

величества не было приложено мѣстоименія *его*. Но Сперанскій счастливо отдѣлался отъ бѣды объясненіемъ...

Какъ бы то нибыло, только Сперанскій, служа при пяти генераль-прокурорахъ, былъ доволенъ своей службой и не жалѣлъ, что оставилъ духовное вѣдомство. Да и жалѣть-то было нечего, потому что произволъ вездѣ тогда господствовалъ, съ тѣмъ только различіемъ, что въ одномъ мѣстѣ подчиненіе ему не приносило никакой существенной пользы, а въ другомъ оно было выгодно. Впрочемъ первые шаги Сперанскаго на гражданскомъ поприщѣ были слишкомъ робки, нетверды. Какъ видно, поступивъ на службу, Сперанскій еще неслишкомъ былъ проникнутъ сознаніемъ своего достоинства и не ясно предвидѣлъ, а можетъ-быть вовсе не предвидѣлъ той роли, которую впоследствии онъ долженъ былъ играть въ обществѣ. Когда Куракинъ, очарованный блестящими способностями новаго своего секретаря, предложилъ ему обѣдать вмѣстѣ съ собою, Сперанскій предпочелъ обѣды съ нимъ обѣдамъ съ его прислугой и другими домашними секретарями. Будущій государственный секретарь игралъ въ ламушъ съ камердинеромъ Куракина. Вообще первыя отношенія Сперанскаго къ своимъ начальникамъ были очень похожи на отношенія подчиненныхъ къ знатнымъ вельможамъ времени Екатерины. Чванство, деспотизмъ и тщеславіе съ одной стороны и раболѣпство съ другой, процвѣтали и въ годы царствованія Павла I. Можетъ-быть приведенные нами факты указываютъ только на недостатокъ воспитанія, непривычку вращаться въ порядочномъ обществѣ, что въ Сперанскомъ, какъ семипарствѣ, очень было естественно. Но у насъ подъ рукой есть другіе факты, которые какъ нельзя лучше доказываютъ вышеприведенную нами мысль. Такъ для Сперанскаго особенно была трудна служба при Оболяниновѣ. То былъ человекъ всныльчивый, горячій, грубый. Въ порывахъ гнѣва онъ часто грозилъ Сперанскому тюрьмой и кандалами. Сперанскаго иногда заставляли въ слезахъ послѣ подобныхъ сценъ. Но тѣмъ неменѣе умѣнье сдерживать себя, самообладаніе, какъ видно, были однимъ изъ качествъ Сперанскаго. По внѣшнему своему положенію Сперанскій въ это время былъ недурно обставленъ: начальникъ экспедиціи въ канцеляріи генераль-прокурора, коллежскій совѣтникъ, секретарь комиссіи, гдѣ президентомъ былъ великій князь Александръ Павловичъ, съ недурнымъ по тогдашнему времени жалованьемъ — около трехъ тысячъ рублей — недурно очень. И теперь много ли найдется людей, которые предпочтутъ бездоходное человѣческое достоинство одному мѣсту съ виднымъ чиномъ и недурнымъ жалованьемъ? А Сперанскій слишкомъ былъ для этого благодаренъ.

Уже въ это время своей служебной карьеры Сперанскій стал мало-помалу обращать на себя вниманіе публики. Масса всего болѣе цѣнить во всякомъ человѣкѣ успѣхъ; по успѣху каждый цѣнится публикой. Можетъ-быть въ основѣ такого приѣма оцѣнки людей лежитъ предположеніе публики, что строй общества таковъ, что въ немъ успѣхъ имѣютъ люди только съ дѣйствительными дарованіями и способностями и что нешибаясь можно тутъ заключать отъ одного къ другому. А можетъ-быть и что-нибудь другое... Успѣхъ же Сперанскаго былъ огромный. Если въ полтора года онъ сдѣлался значительнымъ начальникомъ и коллежскимъ совѣтникомъ въ 27 лѣтъ отроду, что же будетъ дальше? Въ январѣ 1801 года Сперанскій могъ, несмѣясь палъ самимъ собою, писать къ одному своему другу даже слѣдующія строки: «пожалѣй о человѣкѣ, котораго *всѣ просятъ*, который *всѣмъ* хочетъ добра и рѣдкимъ сдѣлать его можетъ, и рвется тѣмъ самымъ, что положеніе его многихъ обманываетъ... пожалѣй о человѣкѣ, которому *всѣ завидуютъ*». Неудивительно, что о немъ, какъ о человѣкѣ необыкновенномъ, дѣлались тогда разные, самые противорѣчивые отзывы. Блестящіе успѣхи по службѣ приобрѣли ему многихъ почитателей, равно какъ и жили ему враговъ. Изъ отзывовъ тѣхъ и другихъ можно вывести заключеніе, что Сперанскій слишкомъ былъ благоразуменъ для того, чтобы раскрываться предъ людьми. Для однихъ онъ былъ привѣтливъ, признателенъ, милъ, съ другими неоткровененъ и недовѣрчивъ. Всѣ отзывы о Сперанскомъ за это время его жизни показываютъ вопервыхъ, что публика уже тогда начинала интересоваться имъ; во вторыхъ, что онъ привыкъ въ жизненной борьбѣ и зналъ, гдѣ и какъ нужно дѣйствовать; въ третьихъ то, что онъ уже прочно утвердился въ чиновничьемъ мірѣ, хорошо обставивъ себя по службѣ и сдѣлавъ себя необходимымъ для многихъ. Знакомство его уже тогда было широко, и разбирая его видишь, что Сперанскій главнымъ образомъ знакомился съ людьми или богатыми, или знатыми. Онъ брался за все и своими услугами знатымъ людямъ болѣе и болѣе основывался въ аристократическомъ мірѣ. У Лазарева наиримѣръ, тогдашняго богача, онъ былъ домашнимъ секретаремъ и между прочимъ много помогалъ ему по дѣламъ армянскимъ. Князю Аргутинскому, верховному патріарху, исправлялъ русскій переводъ «Исповѣданія христіанской армянской церкви». Денежное вознагражденіе для Сперанскаго вѣроятно не такъ было важно тутъ, какъ *нѣчто другое*. Затѣмъ выступаютъ на сцену Амбуреры и Кремеры, чрезвычайно значительныя тогда фамиліи, Казариновы, Столыпины, Злобины. Сперанскому конечно нельзя ставить въ укоръ, что онъ, какъ и сдѣлалъ бы всякій благора-

дѣльный человѣкъ на его мѣстѣ, заводилъ хорошія связи и знакомства. Онъ понималъ, что безъ нихъ однимъ своимъ лбомъ да плечами, какъ и всегда, не много выработаешь; что строй общества сохъмъ другой и дастъ видныя у себя мѣста не талантамъ и способностямъ прежде всего, а кое-чему другому...

При всемъ томъ Сперанскій былъ и человѣкъ. Его человѣческая натура часто брала верхъ надъ чиновничьей. Онъ имѣлъ привязанности, какъ это доказываетъ исторія его несчастнаго брака. Было время, когда онъ позабылъ о своей карьерѣ, о своихъ связяхъ и чуть не валъ отъ своей же руки подъ давленіемъ сильной горести. Онъ имѣлъ привязанность къ Цейеру, Масальскому, Магницкому, тогдашнему Магницкому... привязанность человѣческую. Б. Корфъ не объясняетъ намъ, что за убѣжденія связывали со Сперанскимъ его друзей и знакомыхъ, на чемъ собственно основывалась его дружба, или если хотите, знакомство. Объ этомъ б. Корфъ умалчиваетъ; онъ не выясняетъ его внутренней жизни. А между тѣмъ, признаться ли? насъ всего болѣе интересуютъ тѣ мѣста въ книгѣ б. Корфа, гдѣ видишь Сперанскаго человѣкомъ, гдѣ читаешь объ его душевныхъ человѣческихъ движеніяхъ и чувствахъ; какъ-то немного интересу возбуждаютъ тѣ мѣста, гдѣ Сперанскій является какъ чиновникъ, развѣ ужь въ нихъ есть матерьялы для характеристики тогдашняго вѣка.

Но для Сперанскаго все должно было скоро перемѣниться...

Извѣстно, въ какомъ неурействѣ были наши дѣла еще въ концѣ царствованія Екатерины II. Въ царствованіе Павла I они нисколько не поправились, по многимъ обстоятельствамъ. Отжившія свой вѣкъ коллегіи, въ которыхъ сосредоточены были всѣ государственныя дѣла, только запутывали ходъ ихъ. Недостатокъ контроля, смѣшеніе дѣлъ, а главное недостатокъ честности тогдашнихъ государственныхъ дѣателей довели государство до того плачевнаго состоянія, о которомъ писалъ великій князь Александръ Павловичъ въ извѣстномъ письмѣ къ нашему тогдашнему константинопольскому послу графу Кочубею. Каждый тогда держался того житейско-мудраго правила кабинетъ-министра Вольнскаго, которое мы привели нѣсколько выше. Кого выкинуло наверхъ колесо фортуны, тотъ пользовался своимъ счастьемъ, въ свою очередь надалъ и уступалъ мѣсто другому. Императоръ Александръ Павловичъ вступилъ на престолъ съ живѣйшимъ желаніемъ принести пользу Россіи. Онъ понималъ, что не много можно сдѣлать добра съ прежними

коллегіями, при прежнемъ государственномъ устройствѣ, и потому задумалъ устроить свое государство на новыхъ основаніяхъ. И на бѣду, лучшимъ желаніямъ не всегда приходится осуществляться. Чѣмъ покончились всѣ его намѣренія de facto, это извѣстно читателямъ. Многое было начато, нѣчто началось уже приводиться въ исполненіе, но ничего не кончено, и въ концѣ концовъ все переделалось съ теченіемъ времени совершенно на другой ладъ, можетъ быть несовсѣмъ согласный съ духомъ и намѣреніемъ самихъ творцовъ. Было бы слишкомъ трудно пускаться въ лихвыя объясненія, почему все это случилось такъ; мы ограничимся только кое-какими указаніями.

Впрочемъ нечего много удивляться тому, что въ человѣческомъ мірѣ многое часто кончается ничѣмъ, или кончается худшимъ. Иному, вотъ видите ли, нужно прокопать каналъ, чтобы дать новое направленіе водѣ, сдѣлать ея теченіе болѣе быстрымъ, дать возможность судамъ обходить пороги, на которыхъ они, безъ обходнаго канала, часто разбивались. Цѣль, какъ видите, отличная... Но какъ иногда кончаются подобныя предпріятія, оттого, что они неосновательно затѣваются? Часто бываетъ, что подобные предприниматели не уясняютъ для себя надлежащимъ образомъ, какое именно направленіе дать каналу, и постоянно измѣняютъ его: то здѣсь закопаютъ, то тамъ дѣло не клеится; они не дадутъ себѣ отчета, куда имъ вести этотъ каналъ, и какъ говоритъ Крыловъ, суются въ воду неспросившись броду; затѣять вести каналъ, неизслѣдовавъ почвы, по которой его нужно вести. Вотъ и бываетъ, что вдругъ нечаянно встрѣтятся съ огромными камнями, которыхъ пробить нельзя, и за невозможностью вести дѣло дальше, останавливаются; а еслибы они знали заранѣе подобнаго рода трудности, они повели бы каналъ нѣсколько иначе, или же позаботились бы сначала объ этихъ камешкахъ, а потомъ о прорытіи канала. А то и еще часто случается съ подобнаго рода предпріятіями, что начнутъ ихъ безъ всякой энергіи, безъ рѣшимости дѣло вести прямо, какъ слѣдуетъ; вмѣсто того чтобы прямо вести глубокую канаву, они успокоятся на томъ, что сначала снимутъ только верхній пластъ на всемъ пространствѣ, назначенномъ подъ каналъ, а потомъ уже примутся за глубь. Но тутъ подскочатъ неблагопріятныя обстоятельства; они обратятъ вниманіе совсѣмъ на другое, у нихъ пропадаетъ прежняя энергія и рѣшимость. Вотъ и кончается дѣло о каналѣ простой дренажной канавой. Чему тутъ удивляться? Дѣло велось просто, безъ знанія цѣли, къ какой нужно вести его, свойства мѣстности, а главное — при отсутствіи хорошихъ работниковъ... Или же примѣрно хозяинъ хочетъ сломать старый домъ и выстроить новый. Дѣло хо-

зубее; надоѣлъ, видите ли, ему тотъ : постоянная въ немъ гвиль да счъ. Но чему удивляться, если его намѣреніе сооронить новый домъ кончилось ничѣмъ? Онъ, видите ли, худой положилъ фундаментъ; вмѣсто того чтобы изъ бревень строить себѣ жилище, полагалъ какихъ-то палокъ; да когда и строили домъ, такъ только одинъ хозяинъ да его близкій приказчикъ и хлопотали о томъ, чтобы домъ вышелъ порядочнымъ, а большая часть работниковъ вали палки какъ хотѣли, каждый тянулъ свое бревно несоображаясь съ другими, и каждый на данное бревно смотрѣлъ какъ на свою собственность. А главное-то дѣло въ томъ, что зданіе и не достроили: слѣлал кой-какой фундаментъ, положили нѣсколько вѣнцовъ, да такъ и бросили. Удивительно ли, если за отбытіемъ хозяина придетъ кто-нибудь другой къ этому дому и начнетъ строить на старомъ фундаментѣ новое зданіе, совершенно по назначенію своему отличное отъ прежняго? Вѣдь мало ли чего не бываетъ!

Императоръ Александръ I вошелъ на престолъ съ живѣйшимъ, говоримъ, желаніемъ дать государству новый бытъ, обновить Россію. Но сразу же по вступленіи на престолъ увидѣлъ, что это дѣло не такое легкое, какъ представлялось съ перваго взгляда. Еще прежде онъ жаловался (напримѣръ въ письмѣ къ Кочубеву) на недостатокъ въ окружающемъ его мѣрѣ честныхъ, добросовѣстныхъ и умныхъ людей. Теперь же, вступивъ на престолъ, онъ сразу увидѣлъ на самомъ дѣлѣ правдивость своихъ жалобъ. На первый разъ выбралъ себѣ въ сотрудники Троицкаго, въ царствованіе Екатерины бывшаго у принятія прошеній, и въ царствованіе Павла президентомъ главнаго почтоваго управленія. По вступленіи Александра на престолъ онъ былъ назначенъ начальникомъ удѣловъ, главнымъ директоромъ почтъ, и что всего важнѣе, докладчикомъ и главнымъ редакторомъ при лицѣ государя. Это былъ старый дѣлецъ, не получившій никакого систематическаго образованія; грамотъ онъ научился у приходскаго дьячка, но, какъ говоритъ г. Корфъ, запасся чтеніемъ всего, что можно было пайти хорошаго на русскомъ языкѣ: а много ль было тогда хорошаго? (онъ не зналъ ни одного иностраннаго языка); хорошей головой, прилежаніемъ и неутомимой дѣятельностью проложилъ себѣ дорогу. Онъ держался старыхъ принциповъ и слѣдовательно всего менѣе могъ удовлетворять молодого, многое замышлявшаго государя, а потому очень скоро былъ отрѣшонъ отъ дѣлъ. Манифестъ 8 сентября 1802 года объ учрежденіи министерствъ былъ составленъ безъ Троицкаго. Государь уже успѣлъ окружить себя людьми молодыми, пламенно вмѣстѣ съ ними желавшими обновить Русь; съ ними онъ совѣтовался главнымъ образомъ о государственныхъ дѣлахъ, и съ ними замы-

спялъ перемѣны. Это были достопамятныя личности въ исторіи русскаго прогресса: графъ Викторъ Павловичъ Кочубей (послѣ князь), съ отличнымъ образованіемъ, благородными чувствами и намѣреніями, но очень мало знавшій Россію; Николай Николаевичъ Новосильцевъ — болѣе знакомый впрочемъ съ Англіей, чѣмъ съ Россіей; князь Адамъ Чарторяжскій, котораго всѣ стремленія, самыя горячія надежды уже и тогда были обращены къ будущности Польши, и графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ, съ прекрасной, благородной душой. Трое послѣднихъ образовали триумвиратъ, по выраженію Александра I — «*comité du salut public*». По выраженію Державина, эти люди были набиты французскимъ и польскимъ конституціоннымъ духомъ. Ихъ пламеннымъ желаніемъ было примѣнить къ Россіи новыя формы жизни, только-что выработавшіяся на западѣ. Идеаломъ тогдашняго государственнаго порядка, какъ извѣстно, для вышеупомянутыхъ молодыхъ людей была Англія... Тогда у насъ была въ модѣ англоманія. Но главное-то дѣло было въ томъ, что всѣ эти англомамы слишкомъ мало знали Россію. Недостатка въ благихъ желаніяхъ у нихъ не было, но какъ видно, былъ большой недостатокъ въ знаніи мѣстности, на которой они хотѣли строить новое государственное зданіе. Они хотѣли чего-то, къ чему-то шли, но къ чему? этого ясно никто не сознавалъ. По мысли этого-то триумвирата и были основаны министерства 1802 года. Окончательное учрежденіе они получили уже при Сперанскомъ. Но на первыхъ порахъ они очень худо были согласены съ правами сената и коллегій. Здѣсь мы должны замѣтить, что 26 марта 1801 года былъ уничтоженъ совѣтъ, существовавшій при дворѣ, а 30-го, подъ начальствомъ Троцинскаго учрежденъ новый, для разсмотрѣнія важныхъ государственныхъ дѣлъ. Обширная власть министровъ сдѣлала ненужнымъ этотъ совѣтъ, и Троцинскій остался съ нимъ за штатомъ — рѣшать судебныя тяжбыныя дѣла. Кочубей былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а члены триумвирата сдѣлались простыми товарищами министровъ. Личнымъ докладчикомъ у государя былъ Новосильцевъ.

Какимъ звеномъ въ ряду тогдашнихъ преобразованій назначалось быть учрежденію министровъ, неизвѣстно: должно полагать, что оно было только началомъ, первымъ звеномъ. Почему императоръ Александръ считалъ необходимымъ ввести новый правительственный элементъ въ русскую государственную жизнь, неизвѣстно. Власть министровъ на первыхъ порахъ была слишкомъ обширна, но не была административною. Впрочемъ вѣроятно сами тогдашніе министры плохо понимали границы ихъ собственной вла-

сти в неясно представляли кругъ предметовъ, подлежащихъ ихъ вѣдѣнію. Потому на первый разъ новое учрежденіе только производило путаницу въ государственномъ строѣ. Точнѣйшаго развитія оно дождалось уже при Сперанскомъ.

Б. Корфъ намъ не объясняетъ, но мы имѣемъ всѣ шансы предположить, что новыя идеи скоро нашли доступъ къ Сперанскому, или лучше—сказать онъ уже имѣлъ ихъ еще во время своей службы при павловскихъ генералъ-прокурорахъ. Знакомство съ Брикнеромъ, бывшимъ у Куракина домашнимъ учителемъ — любителемъ энциклопедистовъ, не прошло даромъ для усвоительнаго и пылкаго ума Сперанскаго. Старый знакомый Сперанскаго Аверинъ, братъ прежняго правителя генералъ-прокурорской канцеляріи при Беклешовѣ, рекомендовалъ Трощинскому Сперанскаго, какъ человѣка съ головою и съ порядочнымъ перомъ, годнаго для него при исполненіи ихъ должности главнаго редактора и докладчика при государѣ. Потому Сперанскій 19 марта 1801 года былъ уже назначенъ къ Трощинскому въ званіи статсъ-секретаря съ жалованьемъ въ 2000 руб. и обращеніемъ прежняго жалованья по должности секретаря комиссіи о снабженіи столицы съѣстными припасами — 2000 руб., въ пожизненную пенсію. Молодой семинаристъ уже считался въ это время первою знаменитостью молодого поколѣнія и сдѣлался нужнымъ человѣкомъ въ государствѣ. Для Трощинскаго онъ былъ правой рукой, потому что для него составлялъ доклады государю. Молодые преобразователи не могли отказать отъ такого совершенно необходимаго для нихъ человѣка. Дѣло кончилось тѣмъ, что Сперанскій, конечно по собственному желанію, былъ именованъ указомъ опредѣленъ къ Кочубею министромъ внутреннихъ дѣлъ въ званіи директора департамента. Въ это время онъ былъ уже статскимъ совѣтникомъ, а 9 июня 1801 года былъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, слѣдовательно чрезъ четыре съ половиною года послѣ опредѣленія на службу.

Главная бѣда Сперанскаго и Кочубея была въ томъ, что они учились на самыхъ реформахъ. Въ это время Сперанскій уже былъ отрицателемъ прежняго порядка вещей. Новыя идеи, какъ видно, быстро и сильно привились къ молодому уму; онъ былъ такимъ яримъ ихъ послѣдователемъ, что Кочубей долженъ былъ его сдерживать во многомъ. Можетъ-быть именно участію Сперанскаго нужно приписать то, что тогдашнее министерство внутреннихъ дѣлъ опередило въ образованіи своего устройства всѣ прочія. Но дѣло-то все было въ томъ, что оба они, при желаніи лучшаго порядка, неясно представляли себѣ тотъ путь, какимъ они должны были водворить его; у нихъ, какъ оказывается, не было опредѣлено

плана дѣйствій, а потому оба они какъ-будто металсь изъ стороны въ сторону, порываясь къ лучшему. Это какъ нельзя яснѣй видно изъ того, что сдѣлало за этотъ періодъ министерство: имъ учрежденъ классъ свободныхъ хлѣбонашцевъ, сдѣлано положеніе о евреяхъ въ свободнѣйшемъ духѣ, распространено тонкорунное овцеводство, сдѣлано пособіе государственному казначейству почтовымъ сборомъ, установленъ вольный промыслъ солью, возвышена Одесса и учреждено новое управленіе медицинскою частью... Министерство дотого пошло впередъ, что даже завело при себѣ изданіе официальнаго журнала. Все это хорошо, но спрашивается: видѣли ли тутъ какой-либо опредѣленный планъ дѣйствій? Что попадалось на глаза, то и исправляли. А за второстепеннымъ упускалось изъ виду главное и оставалось нетронутымъ, безъ всякаго движенія.

Въ это же время въ 1803 году Сперанскому чрезъ министра были поручены работы по общему образованію судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ имперіи. Эти работы, а частію уже личное знакомство съ государемъ, къ которому часто онъ являлся за близкію Кочубей и котораго онъ успѣлъ уже очаровать собою, положили Сперанскому дорогу къ занятію главнаго мѣста въ тогдашней государственной жизни. Уже въ октябрѣ 1807 года Александръ I взялъ его съ собою, отправляясь въ Витебскъ для осмотра первой арміи. Кочубей къ этому времени уже подалъ, по одному случаю, прошеніе объ отставкѣ, и сверхъ собственнаго ожиданія былъ уволенъ. Сперанскій тоже былъ уволенъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ съ оставленіемъ въ прочихъ должностяхъ. Въ 1804 году онъ получилъ двѣнадцатилѣтнюю аренду (мызу Аабофъ въ ливонской губерніи), съ ежегоднымъ доходомъ въ 12,000 руб.; 18 ноября 1806 года получилъ прямо орденъ Владиміра 3 степени, а 15 марта 1807 года — Анны 1 степени. Все это ему исходатайствовано было Кочубеемъ, къ которому онъ былъ очень за то признателенъ.

Отсель Сперанскій перестаетъ быть канцеляристомъ—чиновникомъ и становится уже государственнымъ дѣятелемъ.

Уже семь лѣтъ протекло со времени вступленія Александра на престолъ, а изъ политическихъ желаній его почти еще ничего не исполнилось. Черный опытъ реформъ былъ несомнѣнъ удаченъ, потому что недостаточно былъ обдуманъ и сдѣланъ на скорую руку. Новое зданіе стояло наряду съ старыми хижинами и только рябило въ глазахъ; оно только путало нити государственнаго механизма. Александру I не доставало хорошихъ работниковъ. Къ людямъ времени очаковскихъ и покоренія Крыма онъ естественно не могъ

имѣть довѣрія; отъ нихъ можно было ожидать только опозвціи, а не горячаго содѣйствія въ пользу новыхъ идей. А тѣ, кто уже носилъ ихъ въ себѣ, только умѣли сочувствовать имъ, но не отличались ни особенной инициативой весьма важной для государственныхъ дѣятелей, ни обширнымъ государственнымъ умомъ. Не говоримъ, что они были люди весьма умные, съ благородными чувствами, съ обширными учеными познаніями: но въѣз этого еще слишкомъ мало было для того, чтобы быть реформаторами въ государствѣ. Сомнѣніе въ состоятельности идей, или по крайней мѣрѣ въ ихъ возможности приложить къ Россіи, кажется уже начало прокрадываться въ душу самого Александра I. Неудалая отъ себя людей новаго поколѣнія, онъ не отдалялъ людей и стараго закала. Подлѣ новаго все видѣлось старое, которому суждено было играть впоследствии такую важную роль. Для идей Александра нуженъ былъ человѣкъ, который съ горячимъ сочувствіемъ къ этимъ идеямъ въ тоже время обладалъ бы умомъ государственнымъ, инициативой, твердою рѣшимостью, настойчивостью и яснымъ пониманіемъ, съ чего начать дѣло и куда вести его. Такимъ былъ или показался Александру I Сперанскій.

Между тѣмъ въ понятіяхъ тогдашняго времени уже произошла нѣкоторая переиѣна. Наполеонъ I уже занималъ собой всѣ умы. Онъ былъ императоръ самый блестящій изъ всѣхъ дотогѣ виданныхъ Европой, и съ блескомъ важнѣйшей въ Европѣ короны соединялъ славу величайшаго военнаго генія. Воспользовавшись тѣми элементами, какіе выработаны были французскою революціей, онъ соединилъ ихъ въ своей мощной рукѣ и основалъ централизованное могучее государство. Наполеону всѣ удивлялись тогда, точно такъ какъ всѣ и боялись его. Неудивительно, если удивленіе и подражаніе наполеонизму проложило себѣ дорогу и въ Россію, потому что, какъ мы уже сказали, западныя движенія и тогда уже отдавались у насъ. Такимъ образомъ англомація замѣнилась у насъ французоманіей. Французская централизація стала тогда въ модѣ. И вотъ французскія идеи начали прилагаться и къ русской жизни.

Эрфуртское свиданіе, бывшее, какъ извѣстно, въ 1808 году, произвело рѣшительный переворотъ въ мысляхъ Александра I о Наполеонѣ. Въ свитѣ его находился уже совершенно близкій тогда къ нему Сперанскій. Оба они возвратились изъ-за границы очарованные Наполеономъ, проникнутые большимъ къ нему уваженіемъ. Достоверно, что Наполеонъ обратилъ вниманіе на Сперанскаго при этомъ свиданіи. Что касается до того, будто бы Наполеонъ предлагалъ Александру промѣнять на Сперанскаго королевство, то фактъ этотъ не имѣетъ никакого основанія. Онъ приведенъ

Булгаринимъ въ его воспоминаніяхъ о Сперанскомъ. Здѣсь мы нѣсколько коснемся отношеній этого господина къ Сперанскому. Вотъ что писала къ г. Корфу дочь Сперанскаго, Фролова-Багреева: «Не могу достаточно натвердить всѣмъ друзьямъ и недругамъ, что батюшка никакихъ отношеній не имѣлъ съ Булгаринимъ, считалъ его пустымъ и даже опаснымъ человѣкомъ, видѣлся съ нимъ какъ можно рѣже, не представлялъ его мнѣ, т. е. не считалъ достойнымъ быть принятымъ въ нашемъ кругу и тяжело вздыхалъ о преслѣдованіи себя на прогулкахъ, гдѣ Булгаринъ иногда поджидалъ его, чтобы входить въ длинныя и, по словамъ батюшки, немилосердые разговоры и разсужденія. Къ счастью, прибавлялъ батюшка, онъ какъ и многіе больше любитъ говорить нежели слушать.» Со времени эрфуртскаго свиданія настало и для Сперанскаго время славы, время вѣнчанія вѣнчанаго. Масса всего сдѣланнаго Сперанскимъ такъ велика, что мы, по примѣру г. Корфа, разсмотримъ дѣла Сперанскаго, сначала организаціонныя, потомъ законодательныя и затѣмъ финансовыя.

Давнишняя мысль государя о преобразованіи своего государства теперь казалось должна была исполниться. У него подъ руками былъ теперь человѣкъ, совершенно преданный его идеалъ и обладавшій замѣчательнымъ государственнымъ умомъ. Сперанскій смѣло и горячо принялся за планъ новаго русскаго государственнаго устройства. Въ основу его должны были лечь новыя идеи, выработанныя на западѣ. Что такое были эти идеи, б. Корфъ не объясняетъ; но что эти идеи были прогрессивныя, въ томъ мы не можемъ сомнѣваться. Но здѣсь-то практика и показала, что мало имѣть идеи, чтобы создавать прочныя реформы, что нужно для этого знать народъ, его дѣйствительныя потребности, нужно начинать дѣло съ основанія, а не съ верхушки, нужно давать новыя формы жизни въ государствѣ прежде всего тому элементу, который дѣйствительно составляетъ его центръ, дать ему болѣе простору и свободы, дать выходы дѣйствительно свѣжимъ силамъ: тогда только реформы будутъ прочны. Къ-несчастью тогда это было забыто; сдѣлали форму, которой для того чтобы быть хорошею, недоставало еще нѣсколькихъ дѣйствительно важныхъ условій, и эту форму пополнили неудачнымъ содержаніемъ. Вышло ничто иное какъ заковопатка старата, которое обезобразить и которому дать другой видъ и духъ совершенно успѣло время, руководимое другими понятіями.

Работа Сперанскаго по дѣлу преобразованія государственнаго устройства шла изумительно скоро. Къ октябрю 1809 года все уже было готово. Октябрь и ноябрь прошли въ разсмотрѣніи новаго проекта и поправкахъ его. Но когда пришло время предлагать его

къ дѣлу, начались колебанія и сомнѣнія. Вотъ тутъ-то и оказалось, что Сперанскій никогда не былъ слугою своихъ идей, а только слугою лицъ, что онъ не былъ похожъ на тѣ великіе государственный характеры, которымъ суждено пролагать новые пути человечеству. Ненастаивая на приведеніи своего проекта въ исполненіе вѣроятно потому, что идеи не были его собственною плотью и кровью, а важныи духомъ времени, Сперанскій, соображаясь съ вѣявшимися мыслями государя, предложилъ ему нечто вроде переходнаго состоянія, предполагая окончательный срокъ совершеннаго введенія новыхъ порядковъ 1 сентября 1811 года. Самъ Сперанскій въ пермскомъ своемъ письмѣ къ государю говорилъ, что «можетъ-быть полезнѣе было бы, всѣ установленія плана приуготовивъ вдругъ, открыть одновременно: тогда они всѣ явились бы въ своемъ размѣрѣ и стройности и не произвели бы никакого въ дѣлахъ смѣшенія.» Такимъ образомъ, разсуждая на свободѣ, самъ Сперанскій пришолъ къ сознанію того, что лучше бы было тогда весь планъ привести сразу въ дѣйствіе. На первый разъ были бы вѣкотораго рода затрудненія — это тоже несомнѣнно, но къ лучшему новому человѣкъ привыкаетъ легко и легко же отвыкаетъ отъ тяжелаго стараго. Приведенныя всѣ вдругъ разомъ въ исполненіе новыя формы стали бы одна другую поддерживать; въ сознаніи народа скорѣй бы разъяснился смыслъ плана правительства и несомнѣнно, что нашъ добрый, смысленный народъ повялъ бы хорощее, еслибы въ немъ, въ этомъ планѣ, дѣйствительно было хорощее. *Но при этомъ новыя формы должны быть въ полномъ смыслѣ хорощими, должны быть дѣйствительно лучше замѣняемыя.* Когда онъ таковы, бояться нечего: люди скоро полюбятъ правду, хотя бы рабодѣнства ради на первый разъ и отказались отъ нея. Вотъ тутъ-то гласность и есть первое необходимое вспомогательное средство для реформатора. Невозможно устроить газовое освѣщеніе въ Одессѣ, составивъ для того планъ въ Петербургѣ. Если нужно наприимѣръ дать побольше свѣту Одессѣ, то необходимо побывать въ ней, узнать мѣстность, посовѣтоваться о планѣ съ мѣстными жителями, и тогда дѣло пойдетъ отлично. А какъ же можно надѣяться на успѣхъ, когда, ходя по набережной Фонтанки и непобывавъ въ Одессѣ, выведутъ на картѣ, гдѣ провести газовыя трубы и гдѣ устроить газовую фабрику. Только побывавши въ Одессѣ да потолковавши съ тамошними жителями, можно узнать, что нужно освѣтить газомъ сначала самыя темныя и грязныя улицы, такъ какъ тамъ дѣйствительно чувствуется потребность свѣта, а затѣмъ самыя многочеловѣчныя... А вѣдь безъ того пожалуй освѣтится газомъ домъ тамошняго богатаго откупщика, и безъ того освѣщенный. Можно имѣть отлич-

вѣйшія намѣренія, но испортить приложение ихъ къ дѣлу неу-
мѣньемъ и незнаніемъ мѣстныхъ условій, съ чѣмъ могутъ позна-
комить только мѣстные жители. Когда такимъ образомъ дѣло приго-
товлено, реформаторъ смѣло можетъ прилагать свои планы къ прак-
тикѣ, смѣло пускать человѣка въ воду: онъ выучится самъ пла-
вать. А переходное состояніе, изобрѣтенное Сперанскимъ, особенно
такого рода, какое онъ долженъ былъ изобрѣсть, прямо вело къ
тому, что новыя формы, заражаясь старымъ зломъ, теряли тотъ
смыслъ и идею, съ какими вводились, и поеволѣ принаравлива-
лись къ старому ходу вещей, вмѣстѣ съ ними существовавшему.
Дѣйствительно дисгармонія, произведенная подобными реформами,
бывшая слѣдствіемъ неправильныхъ реформаторскихъ приемовъ,
бросалась въ глаза какъ зло, произведенное новой формой, обманы-
вала неразсуждающее большинство, заставляла его скептически отно-
ситься къ ихъ полезности, ослабляла энергію и разочаровывала въ
надеждахъ на успѣхъ самихъ нововводителей.

Къ сожалѣнію, при умѣ и похвальныхъ качествахъ сердца, Сперанскій не имѣлъ твердой воли, рѣшимости, настойчивости, что
крайне нужно для государственнаго человѣка и что, замѣтимъ,
дается только людямъ совершенно убѣжденнымъ въ своихъ идеяхъ.
Правда, Сперанскій признавалъ однимъ изъ руководящихъ принци-
повъ своихъ тотъ, что нужно производить реформы, не обращая
вниманія на мелкія неудобства и непріятности... Но этотъ прин-
ципъ прилагался только къ мелкимъ неудобствамъ. Преодолѣть
встрѣтившееся главное неудобство Сперанскій не могъ, во недо-
статку характера. Сбившись въ главномъ пунктѣ, онъ потерялъ
цѣль, къ которой прежде стремился и которая сначала была, для
успокоенія совѣсти, только временно отодвинута, а потомъ и окон-
чательно задвинута. А потому все дѣло, погнбшее въ цѣломъ, кон-
чилось только пальятивами, принявшими еще на глазахъ Сперан-
скаго другой характеръ. А главное, главное — Сперанскій всего бо-
лѣе цѣнилъ форму и далъ перевѣсъ предъ лучшими своими идеями
идеѣ бюрократіи и централизаціи. Онъ думалъ, что когда введетъ
форму, тогда явится и дѣльное содержаніе; думалъ даже, что *на
первый разъ* можно ввести хотя *какую-нибудь* форму...

Дѣло преобразованія государства началось съ расширенія преж-
няго, или лучше, какъ выражается б. Корфъ, съ образованія но-
ваго государственнаго совѣта. Вотъ какія Сперанскій въ докладной
своей запискѣ представлялъ два обстоятельства, нетерпѣвшія отла-
гательства :

- 1) Положеніе финансовъ требуетъ непременно новыхъ и весьма

норочитыхъ налоговъ, безъ чего никакъ и ни къ чему приступить не возможно. Налогъ тягостенъ бываетъ особенно потому, что кажутся произвольными. Нельзя каждому съ очевидностію и подробностію ихъ доказывать. Слѣдовательно очевидность сію должно замѣнить убѣжденіемъ въ томъ, что не дѣйствіемъ произвола, а токмо необходимостію, признанною и представленною отъ совѣта, налагаются налоги. Такимъ образомъ власть державная сохранить къ себѣ всю цѣлость народной любви, нужной ей для счастья самого народа; она сохранить себя отъ всѣхъ неправыхъ нареканій, заградить уста злонамѣренности и злословію, и самые налоги не будутъ казаться столь тягостными съ той минуты, какъ призваны будутъ необходимыми. 2) Смищеніе въ сенатѣ дѣлъ, суда и управленія дошло уже до такого безпорядка, что независимо отъ общаго преобразованія, нельзя болѣе отлагать нужныхъ мѣръ исправленія, а мѣры сіи во всѣхъ предположеніяхъ не могутъ быть иначе приняты, какъ отдѣленіемъ части управленія и назначеніемъ особеннаго порядка.

Предлогомъ къ преобразованію совѣта Сперанскій предлагалъ принять разсмотрѣніе гражданскаго уложенія и положеніе нашихъ финансовъ.

На первый разъ совѣту не дано было, какъ предполагалось прежде, публичныхъ формъ и онъ былъ только номинально расширенъ. Ему дано было право разсуждать о тѣхъ дѣлахъ, которыя будутъ предложены государственнымъ секретаремъ. Какую помощь дѣлашъ, уже обсужденнымъ и рѣшковымъ до разсмотрѣнія ихъ совѣтомъ, могъ онъ принести — это было неизвѣстно вѣроятно даже самому Сперанскому; онъ самъ же впоследствии самымъ дѣломъ доказалъ неполное его участіе въ дѣлахъ государственныхъ, самъ докладывая дѣла и поднося ихъ на утвержденіе. Оказалось еще при его жизни до 1812 года, что совѣтъ, которому предназначено было расширеніе и которому думалъ онъ дать публичныя формы, былъ только послушнымъ орудіемъ въ рукѣ Сперанскаго, и онъ дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію отъ его имени. Составъ государственнаго совѣта дѣйствительно былъ расширенъ, но 35 человекъ, засѣвшихъ въ новомъ учрежденіи, такъ неудовлетворяли цѣлямъ его, что самъ же Сперанскій не могъ не упомянуть о томъ въ своемъ отчетѣ о состояніи государственнаго совѣта за первый годъ. О качествахъ этого состава можно судить по тому приводимому б. Корфомъ факту, что долго не могли разсадить предсѣдателей различныхъ департаментовъ государственнаго совѣта, то-есть графа Завадовскаго, Мордвинова, Лопухина и Аракчеева, — факту, подавшему случай къ остроумной баснѣ Крылова «Квартетъ».

1 января былъ открытъ новый государственный совѣтъ самимъ государемъ — торжественною рѣчью, весьма замѣчательною по

своему духу и по многимъ мыслямъ, впервые провозглашавшимся съ престола. Александръ говорилъ въ рѣчи, что «безъ государственныхъ установленій законы гражданскіе, сколько бы они ни были совершенны, не могутъ быть тверды»; выразилъ сознаніе, что положеніе государственныхъ доходовъ и расходовъ требуетъ неукоснительнаго разсмотрѣнія и опредѣленія и т. п.

Всѣ организаціонныя реформы Сперанскаго основывались, какъ видно, на раздѣленіи другъ отъ друга учреждений законодательныхъ, судебныхъ и исполнительныхъ или административныхъ. Государственный совѣтъ долженъ былъ стать въ главу законодательства. Администрація, по мысли Сперанскаго, должна быть въ рукахъ министровъ. Но министерства 1802 года далеко не удовлетворяли той цѣли, для которой они предназначались. Какъ мы уже выше сказали, имъ недоставало строгаго взаимнаго разграниченія другъ отъ друга, границъ власти и т. д. Да и самые предметы, внесенные въ кругъ власти каждаго министерства иногда были слишкомъ неоднородны. Такъ наприимѣръ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ къ народной промышленности (а замѣтимъ, что существовало еще министерство комерціи) отнесена полиція и часть финансовъ — соль, да и полиціи не дано было надлежащаго устройства. Далѣе, по мысли Сперанскаго, министры должны были быть отвѣтственны не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ, а этой отвѣтственности не было. Наконецъ, по недостатку организаціи, въ каждомъ департаментѣ министерства всѣ дѣла стекались въ однѣ руки и, по словамъ Сперанскаго, производили только многодѣліе и беспорядокъ. Сперанскій задумалъ дать новое образованіе министерствамъ. Онъ предлагалъ: 1) опредѣлять положительными правилами отвѣтственность министровъ; 2) министерство комерціи соединить съ министерствомъ финансовъ; учредить департаментъ путей сообщенія, какъ такой былъ учрежденъ для народнаго просвѣщенія; 3) особо отъ министерства финансовъ учредить государственное казначейство и государственный контроль. Наконецъ Сперанскій считалъ нужнымъ дать каждому министерству въ отдѣльности внутренней порядокъ.

Сперанскій, какъ видимъ, стремился къ строгой централизаціи, работалъ объ устроеніи такой административной машины, которая бы совершенно была стройна въ цѣломъ и частяхъ, чтобы каждая изъ этихъ частей занимала свое опредѣленное мѣсто и точно разграничивалась одна отъ другой. Его предположенія были приведены въ дѣйствіе сперва по манифесту 25 іюля 1810 года, опредѣлившему кругъ предметовъ каждаго министерства, затѣмъ по манифесту 25 іюня 1811 года, опредѣлившему точнѣе министерскій механизмъ въ цѣломъ, взаимныя отношенія министерствъ другъ къ

другу отношеній ихъ къ другимъ мѣстамъ и лицамъ и т. д. Независимъ въ какой мѣрѣ въ фактическомъ преобразованіи министерствъ отразилась идея Сперанскаго: на фактъ мы видимъ, что осуществлено только одна именно идея централизаціи. Читатели наши могутъ сами видѣть это. Нѣкоторые изъ указанныхъ самимъ Сперанскимъ весьма важныхъ недостатковъ прежнихъ министерствъ остались и въ преобразованныхъ имъ. Чувствовалъ ли онъ себя въ положеніи человека, который замышляетъ многое, но видитъ осуществленіе только второстепенныхъ частей своего плана, или точнѣе—сказать сознавалъ ли Сперанскій, что de facto онъ осуществляетъ только идею централизаціи — этого опять—таки мы не знаемъ, по крайней мѣрѣ этого невидво изъ книги Б. Корфа. Смѣемъ утверждать, что такое неполное осуществленіе въ каждой состоявшейся реформѣ идеи Сперанскаго замѣло отъ него же самого. При его дарѣ слова, при той убѣдительности, съ какой онъ обыкновенно защищалъ что-нибудь, онъ могъ бы успѣть въ дѣйствительномъ приложеніи къ нашей жизни лучшихъ своихъ идей. Но ему—то самому, какъ видно, недоставало для того многихъ условій, — прежде всего цѣльнаго, твердаго убѣжденія въ своихъ идеяхъ исключая идеи централизаціи и бюрократіи, сознанія своихъ непремѣнныхъ обязанностей по отношенію къ нимъ, неизмѣнныхъ ни при какихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, и силы воли твердой и настойчивой.

Наконецъ, по мысли Сперанскаго, должна была быть отдѣлена в часть судебная отъ всѣхъ другихъ частей, — а для того преобразованъ онъ сенатъ. По его плану, онъ долженъ быть раздѣленъ на сенатъ судебный и правительствующій. Этотъ долженъ состояться изъ государственныхъ министровъ, главныхъ начальниковъ разныхъ частей, и товарищей министровъ, и долженъ быть во всей имперіи одинъ; такимъ образомъ онъ долженъ былъ быть административнымъ бюрôцентромъ администраціи. Въ сенатъ судебный, по мысли Сперанскаго, долженъ быть внесенъ элементъ и выборный, ограничивъ право выбирать туда сенаторовъ однимъ сословіемъ дворянъ; вмѣстѣ съ выборными сенаторами должны быть и сенаторы отъ короны. Такихъ судебныхъ сенатовъ должно было быть четыре: въ петербургскомъ, московскомъ, казанскомъ и кievскомъ округахъ.

Проектъ образованія сенатовъ былъ внесенъ въ государственный совѣтъ. Здѣсь голоса раздѣлились. Партія консервативная не соглашалась на принятіе его. Очень характеристичны тѣ возраженія, которыя они направили противъ новаго проекта. Нѣкоторые члены государственнаго совѣта нападали не на недостатки выборнаго элемента въ судебныхъ сенатахъ, а совѣтъ на другое. Мы

приводимъ эти возраженія кратко, заимствуя ихъ изъ книги барона Корфа. Сущность этихъ возраженій заключалась въ слѣдующемъ: 1) Перемена учрежденія, великими монархами установленнаго, цѣлый вѣкъ существовавшаго, произведетъ печальное впечатлѣнiе на умы. 2) Раздѣленiемъ сената уменьшится его важность. Если въ глазахъ монарха это верховное судилище пристрастно, то чѣмъ же оно будетъ за тысячу верстъ? Затѣмъ издержки съ раздѣленiемъ сената должны были быть увеличены. 3) Назначенiе сенаторовъ по выбору противно разуму самодержавнаго правленiя, и въ однихъ мѣстахъ оно будетъ производиться подъ влiанiемъ мѣстныхъ чиновниковъ, въ другихъ — богатыхъ помѣщиковъ. 4) Нѣтъ основанiй удѣлять судебному сенату одну изъ существенныхъ принадлежностей самодержавной власти — окончательное, безъ права жалобы государю, рѣшенiе тяжбныхъ дѣлъ. 5) Выраженiе, въ проектѣ употребленное: «державная власть несвойственна Россiи, потому что мы знаемъ только власть самодержавную или императорскую». — Но подобныя словопренiя кончились впрочемъ тѣмъ, что всѣ говорившiе оказались, по словамъ Дмитрiева, на сторонѣ домашнихъ расчетовъ. Утвержденное на бумагѣ не осуществилось на дѣлѣ. Много тому попрепятствовали наши плохiя тогдашнiя денежныя обстоятельства.

На этихъ-то организационныхъ реформахъ всего болѣе отразилось влiанiе полученнаго Сперанскимъ школьнаго и политическаго воспитанiя. Нельзя не сознаться, что бюрократическiй элементъ своимъ развитiемъ у насъ очень много обязанъ Сперанскому. Какъ видно, онъ все спасенiе тогдашней Россiи полагалъ въ формѣ... Безспорно, что хорошiя формы полезны для страны; но при этомъ нужно позаботиться и о томъ, чтобы обезпечить соотвѣтствiе ея той идеѣ, съ какой онѣ вводятся, нужно застраховать ее отъ того испoшливанья, которому она неминуемо подвергнется съ теченiемъ времени, если ее не пополнить духомъ и жизнью. А въ созданныхъ Сперанскаго всего болѣе выдѣляются тѣ ихъ части, которыя принадлежать къ области формы. Идея централизацiи достовѣрно не была одной только идеей Сперанскаго, но работая въ пользу этой идеи, онъ мало работалъ для другихъ своихъ идей, или упоминалъ о нихъ только на бумагѣ. А между тѣмъ, если приложенiе ихъ и могло принести пользу странѣ, то не иначе какъ приложенiе всѣхъ ихъ вмѣстѣ, а не одной какой-либо. Понималъ ли это Сперанскiй — мы незнаемъ. Но если онъ понималъ, то неправъ предъ судомъ потомства въ томъ, что не употребилъ всѣхъ своихъ успiй (а это для него было возможно) въ пользу всецѣлаго приложенiя лучшихъ своихъ идей. Государственная машина, имъ составленная, была

изумительно стройна въ дѣломъ и частяхъ... Но что можетъ сдѣлать машина въ нравственной области, — въ человѣческомъ царствѣ? Надобно вдохнуть въ нее живыя силы и заставить ее дѣйствовать на глазахъ живыхъ силъ: тогда будетъ она и удовлетворять своей дѣли. Но объ этомъ-то и не позаботился Сперанскій. Да и могъ ли позаботиться? Схоластическое воспитаніе развило въ немъ любовь къ формализму, не выпускало изъ области формы... Удивительно ли, что о формѣ-то онъ главнымъ образомъ и заботился въ жизни? Затѣмъ, эпоха, слѣдовавшая за школьнымъ воспитаніемъ была для него періодомъ канцелярской дѣятельности: удивительно ли, если онъ внесъ въ свои реформы канцелярскій духъ? Учасъ на самыхъ реформахъ, могъ ли онъ знать, съ чего начать свои преобразования, какія условія нужны для благопріятнаго ихъ впечатлѣнія на общество?.. Дѣлая все самъ, могъ ли онъ знать, что многое сдѣлаетъ не такъ какъ слѣдуетъ, и что для того, чтобы дѣлать какъ слѣдуетъ эти дѣла, нужно посоветоваться съ живымъ голосомъ, который нетрудно было и тогда услышать? Оттого отдѣлка канцелярскихъ уставовъ Сперанскимъ поражаетъ насъ изумительною подробностью и законченностью. Но въ отдѣлкѣ сущности реформъ, гдѣ всего-то болѣе и должны бы отразиться идеи Сперанскаго, слишкомъ большая небрежность. На глазахъ Сперанскаго уже тогда были достойные примѣры подрыванія, а между тѣмъ изъ всего западнаго одна только французская централизація особенно увлекла Сперанскаго... А почему? Конечно тутъ много виноватъ и тогдашній духъ времени, тогдашніе люди, но главнымъ образомъ мы полагаемъ то, что Сперанскій способенъ былъ всего болѣе увлечься ею по своему школьному и политическому образованію.

Публика съ недовѣріемъ отнеслась къ реформамъ Сперанскаго. Не знаемъ, источникъ этого недовѣрія не заключался ли въ томъ, что Сперанскій представилъ первый опытъ своихъ реформъ довольно неудачно. Каковъ былъ личный составъ тогдашняго государственнаго совѣта — извѣстно. Если законодательная власть въ государствѣ вѣрялась ему, то чего не могла подумать публика? Можетъ-быть замыслы Сперанскаго были гораздо шире... Но вѣдь кто же зналъ ихъ, когда они были хранимы въ тиши кабинета? Общество видѣло только дѣла его, а на дѣлѣ что-то слишкомъ смутно отражались эти идеи. Не отсюда же родилось то неудовольствіе общества на Сперанскаго, которое впоследствии принесло такіе громадные результаты. Намъ думается, что общественное мнѣніе возставало не противъ нѣкоторыхъ лучшихъ идей Сперанскаго, а противъ его дѣлъ, которыя далеко не соответствовали этимъ идеямъ. Фактическия реформы почти не измѣнили прежняго

порядка, только составлялись учрежденія съ новыми именами, новыми пропорціями изъ старыхъ величинъ. А между тѣмъ эти реформы выдавались за новее... Лучшие люди легко могли предугадывать, что все это могло кончиться худшимъ... Они не могли быть довольны тѣмъ, что при реформахъ несколько не обращаютъ вниманія на свойства народа, на его пользы и интересы, что имъ не предшествуетъ изученіе страны и дѣйствительныхъ ея потребностей. Съ такой точки зрѣнія намъ кажется можно объяснить и записку Карамзина, который явился органомъ недовольныхъ людей въ государствѣ. (Вотому-то онъ плавающимъ образомъ нападаетъ въ ней на то, что новаго-то въ сущности реформы ничего не создали, если не сдѣлали худшаго. Намъ кажется, что Карамзинъ въ запискѣ своей стоялъ противъ реформъ Сперанскаго, потому что видѣлъ неудачные опыты приложенія идей, что большой шумъ кончается пустяками, или изъ-за пустяковъ подымается большой шумъ. Намъ думается, что проекты Сперанскій сразу лучше свои планы утѣочи дѣльно къ вашей государственной жизни, раскрой ихъ советамъ, — можетъ-быть не Карамзинъ, а кто другой, вопреки интѣнціи барона Корфа, не стали бы ихъ много чернить. Въ томъ-то и бѣда Сперанскаго, что онъ заставилъ публику судить свои идеи и себя самого по двумъ-тремъ неудачнымъ отрывкамъ.

Теперь послушаемъ, что говорили тогда въ Россіи объ организаціонныхъ реформахъ Сперанскаго, насколько этотъ говоръ отразился въ запискѣ Карамзина «о старой и новой Россіи». Онъ былъ москвичъ, а въ Москвѣ издавна собирались люди недовольные правительствомъ. Туда на жительство отправлялись лица, по какимъ-нибудь обстоятельствамъ получившіе отставку. Тамъ верѣяко раздавался оппозиціонный гелось, слышалась критика. Конечно, въ основѣ критики часто лежало личное чувство неприязни. Реформами Сперанскаго главнымъ образомъ недовольна была Москва, и въ ней-то былъ центръ тогдашняго недовольства правительствомъ. Оттуда вышелъ и Карамзинъ. Его приблизила къ себѣ очень умная и образованная великая княгиня Екатерина Павловна, имѣвшая резиденцію въ Твери вмѣстѣ съ своимъ супругомъ принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ, тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ тверскимъ, новгородскимъ и ярославскимъ. Въ 1811 году Карамзинъ представился Александру въ Твери, и здѣсь-то представилъ ему записку «о старой и новой Россіи». Государь было разсердился на него, но сообразивъ, что гелось Карамзина было честнымъ, искреннимъ гелосомъ, онъ успокоился. Мы не будемъ приводить всего изъ записки, что сюда относится. Прежде всего Карамзинъ напалъ на учрежденіе министерствъ, на неурядицу, которая сначала была въ нихъ;

на то, что они отѣснили сенатъ, сдѣлавъ его только простымъ обнародователемъ правительственныхъ распоряженій; прездо посылался надъ комитетомъ министровъ, гдѣ вслѣжъ, по его мнѣнію, изъ угожденія другому, для извѣстныхъ цѣлей, могъ только соглашаться съ распоряженіями своего собрата. Вообще въ своихъ нападкахъ на министерства Карамзинъ проводитъ ту мысль, что учрежденіемъ ихъ правительство создало безконтрольныхъ лицъ, заслонившихъ государя отъ народа. Вспоминая при этомъ о старыхъ коллегіяхъ, Карамзинъ находить, что какъ ни худы онѣ были, все-таки онѣ лучше, чѣмъ новосозданная власть. Затѣмъ онъ переходитъ къ учрежденному государственному совѣту и язвительно замѣчаетъ объ его какихъ-то двусмысленныхъ отношеніяхъ къ сенату; говорить, что это довольно странное учрежденіе въ странѣ, гдѣ господствуетъ самодержавіе, и что напрасно учредитель имъ хочетъ возстановить древнюю боярскую аристократію, заодно съ царемъ московскимъ правившую Россіей. Вообще Карамзинъ явился органомъ общественнаго недовольства произволомъ, съ которымъ зволгалась тогдашняя система. Въ иныхъ мѣстахъ онъ порицаетъ реформы во имя устарѣлыхъ принциповъ. Но потому ли онъ дѣлаетъ это, что ужъ слишкомъ былъ убѣжденъ въ ихъ состоятельности, или по чему другому, того рѣшать мы не беремъ. Въ напа-дкахъ Карамзина есть много правды. И потому намъ думается, что голосъ его никакъ не можетъ служить доказательствомъ тогдашней преждевременности идей Сперанскаго. И тогда уже русскій умъ опогобенъ былъ понимать все хорошее, и если былъ недоволенъ Сперанскимъ, то именно потому, что своими реформами онъ не давалъ никакого выгоднаго понятія о своихъ идеяхъ и возбуждалъ озабоченія худшаго въ будущемъ. Ничего подобнаго не было бы, еслибъ только его идеи централизаціи и бюрократіи, о приложеніи которыхъ къ русской жизни онъ особенно заботился, были дѣйствительно хороши, и еслибъ приложеніе ихъ къ жизни вызывало не ея арены новыхъ живыхъ силы, а не способствовало предавію ея въ руны иного начала. Для подобныхъ предпріятій и тогда гласность могла быть самымъ могущественнымъ средствомъ къ популяризованію идей, новыхъ формъ: тогда бы ясно обнаружилась дѣйствительныя потребности народа и тотъ видъ, въ какомъ новыя формы должны быть введены въ нашу государственную жизнь. Тогда пожалуй бы обнаружилось, что начать реформы нужно снизу, съ быта народа, снять съ него крѣпостное состояніе, позаботиться объ его образованіи, дать ему болѣе свободы улучшеніемъ близкихъ къ нему правленій, судовъ и т.п. Тогда Сперанскій увидѣлъ бы, что нужно строить покрывъ прочный фундаментъ и класть зло-

ровое дерево, а не какія-то палочки въ основу обширнаго зданія...

Да не посягуютъ на насъ читатели, что мы слишкомъ можетъ быть строги къ Сперанскому, передъ памятью котораго они быть-можетъ привыкли благоговѣть. Мы сами высоко цѣнимъ Сперанскаго, какъ лучшій умъ изъ всѣхъ современныхъ ему умовъ. Но въ интересѣ тѣхъ же идей, которымъ какъ-будтобы Сперанскій хотѣлъ служить, мы находимъ государственную его дѣятельность слишкомъ незрѣлою, необдуманною, противъ его собственной воли вредившею въ некоторымъ его же идеямъ. И тѣмъ болѣе мы считаемъ себя вправѣ строго судить Сперанскаго, что онъ былъ умъ не дюжинный и слѣдовательно могъ предвидѣть всѣ далекіе результаты своихъ реформъ. Служеніе идеямъ требуетъ отъ человѣка полной рѣшимости прилагать ихъ къ жизни, настойчивости, не допускаетъ никакого предпочтенія ихъ интересовъ какимъ-либо другимъ расчетамъ. И если мы находимъ, что Сперанскій въ государственной своей дѣятельности не хотѣлъ прямо, честно служить лучшимъ своимъ идеямъ, бороться со всѣми препятствіями, какъ бы значительны они ни были, и если онъ заставлялъ публику знакомиться съ своимъ планомъ только по блѣднымъ, неудачнымъ отрывкамъ, то мы отказываемъ его дѣятельности въ названіи служенія идеямъ. Сперанскій былъ, повторяемъ, только слугою лицъ, человѣкомъ примѣнявшимся къ обстоятельствамъ, особенно когда мы сообразимъ послѣдующую его жизнь. Намъ нужны уроки, и мы думаемъ, что безпристрастный анализъ государственной дѣятельности Сперанскаго можетъ дать самыя дѣльные уроки государственнымъ людямъ, желающимъ проводить свои идеи въ жизнь.

Первое десятилѣтіе настоящаго столѣтія всегда будетъ занимать не одну страницу въ исторіи русскихъ попытокъ къ прогрессу. Оно очень достопамятно по многимъ благороднымъ стремленіямъ, по ошибкамъ, по многому кой-чему другому. Долгій застой смѣнился кишучею дѣятельностью. Послѣ долгаго усыпленія лучшіе люди увидали вокругъ себя многое несовсѣмъ хорошее... и вотъ принялись починивать обветшавшее зданіе; они брелись за все, хотя быть-можетъ нигдѣ вполне не успѣли. Только тогдашнія наши ошибки очень характеристичны.

Много обстоятельствъ помѣшали полному приложенію идей Сперанскаго къ нашей государственной жизни, между прочимъ и плачевное положеніе нашихъ тогдашнихъ финансовъ. Введеніе новыхъ

порядковъ требовало денегъ, а ихъ-то и не было въ казніѣ. Тогдашнее безденежье было приготовлено неразуміемъ прежнихъ лѣтъ. Войны, широкія безплодные траты требовали множества денегъ; расходовъ не могли покрыть тогдашніе доходы. Потому, когда правительство рѣшилось ввести у себя асигнаціи (въ 1787 году), оно покрывало постоянно открывавшійся дефицитъ выпусками асигнацій. А такая система современемъ могла довести государство до самаго плачевнаго разстройства. Къ 1810 году количество бумажныхъ знаковъ было страшно велико, совершенно несоразмѣрно съ нуждами народа. Явилась общая дороговизна, а оттого много страдали и частные люди, особенно жившіе опредѣленными доходами, и само правительство. Номинальные доходы у правительства оставались тѣже, какіе были и прежде, а внутренняя ихъ цѣна далеко уменьшилась. Прежде 100 миліоновъ руб., когда экономической бытъ государства не былъ въ разстройствѣ, положимъ стоили 10 миліоновъ четвертей ржи; а когда въ государствѣ отъ излишка денежныхъ знаковъ они пали на $\frac{1}{3}$ часть своей цѣны, 10 мил. четвертей ржи стали стоить уже 120 мил. руб. Значитъ цѣна прежнихъ 100 мил. уже уменьшилась на $\frac{1}{3}$ часть, и слѣдовательно на новые 100 мил. руб. можно приобрѣсть столько вещей, сколько по прежнему курсу асигнацій приобрѣталось на 80 мил. Представимъ, что расходы на содержаніе войска при курсѣ асигнацій 95% стоили казнѣ 30 мил.; вдругъ казна увеличиваетъ количество денежныхъ знаковъ на одну треть болѣе, чѣмъ ихъ прежде было; цѣны, при всѣхъ другихъ неизмѣнившихся условіяхъ, поднимаются на цѣлую треть, и къ прежнимъ 30 мил., чего прежде стоило казнѣ содержаніе войска, она должна присоединить еще цѣлую треть ихъ — 10 мил., всего 40 мил. руб., чтобъ содержать войско попрежнему. Значитъ въ подобныхъ случаяхъ терпитъ всего болѣе сама же казна. Такимъ образомъ правительство, постоянно увеличивая съ 1787 года количество денежныхъ знаковъ, дошло до того, что прежніе 125 мил. стали имѣть цѣнность только половинную. Къ 1810 году положеніе нашихъ финансовъ имѣло такой видъ: 125 мил. дохода, 230 мил. расхода, 577 мил. долга, нисколько запаснаго фонду. Открывался огромнѣйшій дефицитъ въ 105 мил.; покрыть ихъ, какъ дѣлалось прежде, новымъ выпускомъ асигнацій не было никакой возможности, потому что это значило бы еще уменьшить свой доходъ, увеличить расходъ. Въ бесѣдахъ съ государемъ Сперанскій убѣдился, что подобное финансовое неустройство произошло отъ ложныхъ началъ, которыми руководились прежніе финансисты. И тогда-то въ первый разъ мы обратились за помощью къ наукѣ — политической экономіи.

Предупреждаемъ читателей, что мы можетъ-быть слишкомъ будемъ кратки въ изображеніи финансовой дѣятельности тогдашняго правительства. Дѣло исправленія финансовъ разумѣется началось съ проектовъ, и душою всего опять-таки былъ Спераанскій. Обратились къ тогдашнимъ ученымъ: Балугьянскому, Вирсту и Якоби. Планъ Балугьянскаго, пересмотрѣнный и исправленный самими Спераанскимъ, былъ врученъ государемъ, при открытіи государственнаго совѣта, его предсѣдателю. Въ манифестѣ, тогда произнесенномъ, говорилось, что «настоящее положеніе нашихъ финансовъ требуетъ неукоснительнаго разсмотрѣнія и опредѣленія» и что главныя основанія плана, представленнаго совѣту, состоятъ въ томъ, чтобы возможно сократить издержки, ввести порядокъ въ управленіи и положить твердое основаніе уплатѣ государственныхъ долговъ. Планъ, отданный на разсмотрѣніе департамента экономіи, былъ разумѣется утвержденъ: слѣдствіемъ того былъ всеобщій манифестъ, въ которомъ всѣ находящіеся въ обращеніи асигнаціи признавались дѣйствительнымъ государственнымъ долгомъ, обеспеченнымъ всеми богатствами имперіи; пресѣченіе новаго выпуска асигнацій, уменьшеніе расходовъ на 20 мил. руб., строгая отчетность въ расходахъ, прибавки къ существующимъ податямъ, сборъ съ помѣщичьихъ имѣній по 50 коп. съ каждой ревизской души. Нужно замѣтить, что всѣ прибавки къ податямъ были единственно на 1810 годъ. вмѣстѣ съ манифестомъ разосланъ и такъ называемый «разумъ» манифеста, гдѣ говорилось, что истинную государственную монету у насъ составляетъ серебро, а не мѣдь, что асигнаціи утратили свою цѣнность отъ излишка ихъ выпусковъ и что такое уменьшеніе можно произвести вынѣномъ асигнацій на серебро. 1810, 11 и начало 12 года были временемъ огромнѣйшихъ финансовыхъ операций. Но онѣ почти неудались, — не потому, что въ финансахъ была введена новая система, рекомендованная наукой, а потому, что непослушались тогда главныхъ уроковъ науки, наиболѣе нужныхъ для нихъ. Первое условіе успѣха финансовыхъ операций — полнѣйшая ихъ гласность; а скрывать и маскировать это до послѣдней минуты, по выраженію барона Корфа, считалось тогда государственною мудростью: оттого правительство потерѣло неуспѣхъ въ такихъ мѣрахъ, которыя при другихъ условіяхъ были бы несомнѣнно удачны. При тогдашней безгласности всякій съ недовѣріемъ относился къ правительству, которое говорило только, что асигнаціи — долгъ, и слѣдуетъ ихъ уничтожить. Чтобы ирещѣло, нужно прежде всего остановить его дальнѣйшее развитіе: денежныхъ знаковъ много, слѣдовательно умножать ихъ болѣе нельзя. Но въ первый годъ по объявленіи манифеста, открывшійся дефи-

цять безгласно покрыли вымускомъ ассигнаціи на 43 мил. руб., и слѣдовательно ассигнаціи еще болѣе должны были пасть. А между тѣмъ правительство гласно заявляло въ манифестѣ, что дальнѣйшій выпускъ ассигнацій прекратится... Новое паденіе ассигнацій публика, незнавшая истиной тому причины, могла приписать и введенію новой системы финансовъ, и такимъ образомъ подрывалось общее довѣріе къ правительству. — Затѣмъ нужно было, увеличивъ доходъ, сократить расходы. А расходы только увеличивались съ каждымъ годомъ. Въ 1810 году расходъ былъ 240 мил., а доходы были доведены до 209 мил.: слѣдовательно открывался дефицитъ въ 32 мил. Въ 1811 году расходъ былъ на 274 мил., а въ 1812 г. расходъ предвидѣлось на 340 мил. Ясно, что съ прогрессивнымъ увеличеніемъ расходовъ, вмѣсто прогрессивнаго ихъ уменьшенія, никакъ не могли поправиться наши финансы. Нужно было увеличить доходы... Но чѣмъ тогда увеличивали ихъ? прежде всего увеличеніемъ налоговъ (сборъ съ помѣщичьихъ пѣвній отмѣненъ въ 1811 году, и только онъ одинъ). Но отъ увеличенія налоговъ терѣла опять казна, потому что съ увеличеніемъ ихъ поднимались цѣны, и казна, какъ главный покущикъ, должна была сама же себѣ выплачивать новые налоги. Да кромѣ того большіе налоги сокращаютъ массу производительнаго труда, отвлекая руки отъ обложеннаго налогомъ труда къ болѣе легкому, слѣдовательно опять-таки уменьшаютъ доходы казны: доходы казны увеличиваются при расширеніи производительнаго труда, что можетъ быть только при его свободѣ и возможномъ облегченіи лежащихъ на немъ налоговъ. Отъ недостатка гласности неудались тогдашнія операціи и по части погашенія государственныхъ долговъ. Чистый долгъ этотъ въ началѣ 1810 года доходилъ до 286 мил., которые непременно требовалось погасить. Но опредѣленная для этой цѣли продажа государственныхъ имуществъ почти несостоялась, вслѣдствіе недостатка гласности и преувеличенія оцѣнки и по нѣкоторымъ другимъ обстоятельствамъ; ктому же весь капиталъ погашенія, составившійся отъ новыхъ, спеціально для того назначенныхъ налоговъ, отъ продажи государственныхъ имуществъ былъ обращенъ, вопреки обѣщаніямъ, на покрытие текущихъ государственныхъ расходовъ. Затѣмъ выѣзшая торговля была обложена тарифомъ, клонившимся къ сокращенію привоза иностранныхъ товаровъ, къ облегченію и поощренію вывоза нашихъ. А эта покровительственная система, стѣсняя свободу торговли, опять-таки приносила убытокъ казнѣ, потому что сокращала привозъ и слѣдовательно таможенные доходы, тогда какъ вывоза она не могла сразу увеличить, по недостатку у насъ развитія труда. Подробнѣй разъяснить эти вещи мы не имѣемъ,

потому что это увеличило бы только нашу статью. И того, что мы уже сказали, достаточно, думаемъ, чтобы наши читатели повалили истинную причину неуспѣха финансовыхъ операцій Сперанскаго. Впрочемъ нѣкоторыя идеи Сперанскаго не пропали даромъ. Такова напримѣръ мысль о погашеніи государственныхъ долговъ и постепенное уничтоженіе асигнацій замѣномъ ихъ консолидированными бумагами, основанными на серебрѣ.

Такимъ образомъ планъ финансоваго благоустройства, предпринятый Сперанскимъ, неудался потому, что въ немъ съ дѣйствительно хорошими мѣрами было много и ложныхъ: однѣ другихъ варьировали. Безгласность мѣръ, невѣрность обѣщаніямъ, отсюда — недовѣріе къ нимъ, все это конечно не могло помочь тогдашнему правительству въ улучшеніи имъ нашихъ финансовъ. Всеобщее безденежье, дороговизна, страхъ банкротства произвели сильнѣйшій ропотъ на главнаго финансоваго реформатора — Сперанскаго; всѣ неудачи сваливались на него. При такихъ условіяхъ онъ конечно не могъ долго держаться, особенно если вспомнить, какъ сильно подкапывалась подъ него злоба и зависть.

Трудно было бы перечислять всѣ дѣла Сперанскаго за эпоху отъ 1809 до 1812 года. Слѣдя за всѣмъ, что дѣлалъ онъ за это время, невольно поражаетъ чрезвычайно, безустанною его дѣятельностью. Не оттого ли и было мало прочности въ дѣлахъ Сперанскаго, что за все онъ принимался и все хотѣлъ дѣлать самъ? Если хотите, Сперанскаго за это время можно назвать политическимъ дилетантомъ. А дилетантизмъ и въ жизни, какъ и въ наукѣ, несовсѣмъ полезная вещь. При необыкновенномъ умѣ и трудолюбіи Сперанскаго, онъ могъ бы оставить весьма замѣчательный историческій слѣдъ въ нашей политической жизни, еслибъ онъ взялся за одно какое-нибудь дѣло и имъ бы занялся.

Сперанскій, сказали мы, не могъ долго держаться, какъ ни случайно повидимому его паденіе; оно — весьма естественный результатъ ошибокъ Сперанскаго. Школьное и политическое воспитаніе развило въ немъ схоластицизмъ и формальность. Въмѣсто того чтобы хлопотать главнымъ образомъ о дѣлѣ, онъ большую часть силъ своихъ убивалъ на введеніе формы, уставовъ. Подъ вліяніемъ наполеонизма онъ главное старался о развитіи централизаціи и бюрократіи. О сокровенныхъ идеяхъ Сперанскаго никто не зналъ, кромѣ кружка самыхъ близкихъ къ нему людей, а реформы, которыя явно указывали на его любовь къ централизаціи и бюрократіи, всякій видѣлъ и по нимъ судилъ объ идеяхъ Сперанскаго. Такіе люди, какъ напримѣръ Карамзинъ, не могли не видѣть, что подобныя реформы не могли впоследствии привести пользы Россіи,

особенно когда иной дух сталъ бы одушевлять новыя формы. Они понимали, что какъ ни хороши французскіе порядки, а на русской почвѣ имъ непремѣнно угрожало вырожденіе, омертвѣніе... Они понимали, что если о чемъ нужно хлопотать нашимъ дѣтелямъ, то ужь вовсе не о приложеніи къ нашей жизни цѣлкомъ чужихъ формъ. Въ тогдашней русской жизни было чрезвычайно много хорошаго, много такого, чѣмъ могъ бы воспользоваться Сперанскій для своихъ реформъ. Но онъ забылъ о русскихъ элементахъ, и введеніемъ французскихъ думалъ оживить нашу государственную жизнь. Потому онъ былъ дѣтель безъ почвы; за плечами его не стояла масса народа, зато и большая часть дѣлъ его пошла прахомъ. Народъ не зналъ и теперь не помнитъ Сперанскаго, какъ организатора, финансиста и законодателя. Но лишь только прошелъ одинъ слухъ, можетъ-быть и не безосновательный, о томъ, что Сперанскій хлопочетъ о *воль*, — имя его сразу явилось на устахъ народныхъ. А между тѣмъ это былъ одинъ только слухъ... Что же было бы, еслибъ *всѣ* дѣятельность Сперанскаго была основана на народныхъ интересахъ? Въ негодованіи народа на него выразился народный инстинктъ... Онъ не хотѣлъ простить лучшему своему дѣтелю того, что онъ былъ слишкомъ *произволенъ* въ своихъ реформахъ, думалъ все перестроить по французскимъ книжкамъ и сформировать нашу жизнь не на русскихъ, можетъ-быть гораздо лучшихъ чѣмъ французскія, основаніяхъ. А если чего не можетъ простить народъ, такъ именно презрѣнія къ себѣ, своимъ обычаямъ, интересамъ...

Но при всемъ томъ, что Сперанскій хотѣлъ построить русскую жизнь на чужихъ основаніяхъ, не обращалъ вниманія на чисто народные интересы, не остался вѣренъ даже самому себѣ, онъ все-таки хотѣлъ добра Россіи, хотя *по-своему*, но все-таки хотѣлъ. Въ другихъ его современникахъ и того не было. Корыстолюбіе, безпринципный произволъ, зависть ко всякому успѣху, интриги были украшеніемъ многихъ его современниковъ. Уже то одно можетъ удивлять насъ въ Сперанскомъ, что онъ *всѣмъ*, и своимъ положеніемъ и своимъ могуществомъ, обязанъ самому себѣ. Рожденный въ невзвѣстномъ русскомъ уголкѣ, отъ бѣдныхъ и невысокихъ по своему званію родителей, онъ въ короткое время заставилъ говорить о себѣ въ томъ или другомъ смыслѣ всю Россію и превзошелъ славныхъ по своему рожденію и богатству счастливецевъ. На верху своего могущества онъ по крайней мѣрѣ не хотѣлъ наживаться, что очень было для него возможно, да не хотѣлъ, чтобъ и другіе обирали казну, какъ это было прежде, и не хотѣлъ входить ни въ какія по этому предмету соглашенія. Безкорыстіе Сперанскаго мо-

жеть-быть самая лучшая его черта, и очень жалѣешь, что одного безкорыстія мало для того, чтобъ быть полезнымъ странѣ. На него негодовали сослуживцы, потому что, какъ онъ писалъ въ персикомъ письмѣ, «вмѣсто того, что прежде каждый министръ могъ почерпать свободно изъ такъ называемыхъ экстраординарныхъ суммъ, въ новомъ порядкѣ надлежало все вносить въ годовую смету, потомъ каждый почти рубль подвергать учету въ двухъ инстанціяхъ совѣта, часто терпѣть отказы и всегда почти уменьшеніе, и въ концѣ всего еще ожидать ревизіи контролера. Самъ министръ финансовъ подвергся тому же правилу. Могъ ли кому правиться сей вещей порядокъ?» Его ненавидѣла аристократія, потому что онъ, какъ нововводитель, нѣсколько посягнулъ на ея права. Его ненавидѣли мелкіе чиновники, потому что онъ помѣшалъ имъ быть асессорами и совѣтниками. Его не любилъ народъ и называлъ измѣнникомъ отечеству можетъ-быть потому, что онъ стоялъ за свои интересы и во имя ихъ судилъ Сперанскаго, да сверхъ того ему главнымъ образомъ приходилось платить новые налоги и терпѣть угнетенія бюрократіи; но этотъ безмолвный протестъ былъ безсознательнъ и таился подъ обвиненіемъ Сперанскаго въ измѣнѣ отечеству ради Наполеона. Они ненавидѣли Сперанскаго, какъ посягателя на ихъ привилегіи. Они не могли простить ему того, что онъ не дѣлится съ ними своимъ могуществомъ и только сокращаетъ ихъ силу. Дѣятель безъ почвы, безъ народной поддержки, онъ не могъ долго противостоять клеветѣ и придворнымъ подкопамъ. Его ошибки давали сильное противъ него оружіе, которымъ незамедлительно воспользовались зависть и злонамѣренность. Предложеніе къ удаленію Сперанскаго отъ дѣлъ было заявлено много, но въ нихъ мы не видимъ того, что могло бы служить дѣйствительнымъ предлогомъ. Все было основано на мелкой клеветѣ, зависти, почти сплетничествѣ.

Было бы слишкомъ долго пересказывать всю исторію паденія Сперанскаго. Желающіе знать ее найдутъ довольно подробныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ въ книгѣ б. Корфа. Противъ Сперанскаго употреблено было все, что можетъ сдѣлать огромнѣйшая, сильная по своему положенію партія. Она представила государю Сперанскаго какъ противника всей нашей политической системы, какъ злонамѣреннаго человѣка, который ведетъ государство къ разрушенію, какъ тайнаго агента Наполеона и т. д. По ея мнѣнію даже *предположенія* подобнахъ вещей достаточно было для того, чтобъ удалить его. Они только разжигали накопившеся вездѣ въ удовольствіе на Сперанскаго, и можетъ-быть по ея-то хлопотамъ справедливое негодованіе народа на Сперанскаго приняло такую

уродливую, грубую форму. Какъ бы то нибыло, только Сперанскій не могъ уже держаться, и вотъ онъ лишился всего, 17 марта 1812 года.

Съ этой минуты начинается уже совсѣмъ другая жизнь для Сперанскаго. Такой силы и могущества, какую имѣлъ въ 1810 году, онъ уже никогда не достигалъ и по своему возвращеніи. Послѣ удаленія Сперанскаго начали возникать уже другія условія для власти и могущества въ государствѣ; прежній Сперанскій при нихъ негодился, а новому въслѣдствіи недовѣрили...

Мѣстомъ ссылки Сперанскаго былъ назначенъ Нижній-Новгородъ (*). Народная ненависть къ Сперанскому дошла до того, что на каждой станціи семейство, ѣхавшее въ мѣсто его заточенія, подвергалось оскорбленіямъ со стороны народа. Сочли нужнымъ даже удвоить полицейскій надзоръ за Сперанскимъ, потому что разнеслись слухи о намѣреніи нѣкоторыхъ людей будтобы убить его. Подобный фанатизмъ народный понятенъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ. — Жизнь Сперанскаго въ Нижнемъ-Новгородѣ, послѣ бурной, прелестествовавшей ей дѣятельности была самая спокойная, тихая. Его носѣщали только нѣкоторые друзья, оставшіеся вѣрными ему и въ самомъ его паденіи. Это были Столыпинъ, Злобинъ и др. Но спокойствіе — то и было слишкомъ тягостнымъ для Сперанскаго... За нимъ сильно присматривали; всѣ письма его были распечатываемы. Тогдашній нижегородскій губернаторъ Руновскій долженъ былъ каждую недѣлю доносить министру юстиціи Балашову о всѣхъ знакомствахъ и о всѣхъ дѣйствіяхъ Сперанскаго. Самъ Сперанскій еще не унывалъ: онъ продолжалъ надѣяться, что эта катастрофа, съ нимъ случившаяся, — только минутная, что его правота и невинность скоро отируется и онъ съ честью будетъ возвращенъ на прежнее свое мѣсто. Въ нижегородскомъ Сперанскомъ еще проглядывалъ нѣкоторый цинизмъ, нѣкоторая прямота характера. Онъ еще не умѣлъ тогда, или лучше не рѣшался льстить своимъ отъявленнымъ врагамъ и у нихъ искать себѣ милости... Въ это время своего заточенія Сперанскій еще казался человѣкомъ, страдавшимъ за свои убѣжденія, и если искавшимъ выхода изъ своего положенія, то прямыми только и честными путями. Но скоро все должно было перемѣниться.

(*). Здѣсь мы должны замѣтить, что судьба Сперанскаго какъ-то тѣсно связалась съ судьбой Магницкаго. Можетъ-быть онъ сильно раздѣлялъ убѣжденія Сперанскаго въ это время, и какъ человѣкъ одинаковыхъ съ нимъ убѣждений тоже сосланъ — въ Вологду. Въ послѣдствіи времени онъ сдѣлался врагомъ Сперанскаго, когда сильно коснувшаяся его реакція привела его къ самымъ уродливымъ воззрѣніямъ на вещи.

На томъ основаніи, что «les morts seuls ne reviennent pas», злоба враговъ старалась какъ-говорится добить несчастнаго Сперанскаго. Въ его разговорахъ постоянно искали подтвержденія своей клеветы на Сперанскаго. У Моисея, епископа нижегородскаго, Сперанскій имѣлъ неосторожность сказать, что «Наполеонъ при завоеваніи вѣмецкихъ областей щадилъ духовенство, оказывалъ ему уваженіе, и храмовъ недопускалъ до разграбленія, но еще для сбереженія ихъ приставлялъ караулъ»; эти слова, прилично перетолкованныя, были причиною того, что Сперанскій былъ заточенъ въ Пермь, куда онъ пріѣхалъ 23 сентября 1812 года.

Пермская жизнь не представляла Сперанскому даже тѣхъ жизненныхъ удобствъ, какія представляла нижегородская. Презрѣніе къ нему, какъ измѣннику отечества, въ этомъ отдаленномъ уголкѣ Россіи было гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Недостатокъ матерьяльныхъ средствъ, дурной, холодный климатъ, безнадѣжное состояніе духа подъ вліяніемъ новой неожиданной катастрофы — все это произвело очень сильное вліяніе на Сперанскаго. Силы воли бороться съ такими превратностями судьбы у него было. При отсутствіи сильной внѣшней поддержки, онъ не могъ находить внутренней поддержки въ самомъ себѣ, въ своихъ убѣжденіяхъ. Съ этого времени начинается въ немъ сильный поворотъ къ мистицизму. Охотный слушатель энциклопедистовъ въ молодости, онъ уже въ 1810 году, слѣдуя за духомъ своего времени, слѣдался склоннымъ къ мистицизму. Правда, онъ тогда только-что зараждался въ Европѣ, какъ реакція направленною энциклопедистовъ. Какъ новое и необыкновенное ученіе, онъ нашолъ себѣ отголосокъ и въ Россіи. Знаменитый Фесслеръ, ревностнѣйшій масонъ и плюминатъ, былъ вызванъ нарочно въ Россію, подъ предлогомъ преподаванія еврейскаго языка въ петербургской духовной академіи. Сперанскій близко сошелся съ нимъ, и какъ говоритъ самъ, съ вѣдома правительства, а по преланію, приведенному въ книгѣ б. Корфа, — по приказанію императора Александра I, вступилъ въ масонскую ложу. Но тогда, какъ видно, при множествѣ занятій въ немъ не могъ сильно пустить корни мистицизмъ, и онъ посѣтилъ ложу только два раза. Конечно, недостатка въ сочувствіи къ новому ученію въ Сперанскомъ не было. Теперь же, въ пермскомъ и скоро послѣдовавшемъ за нимъ великопольскомъ заточеніи, — на свободѣ, подъ давленіемъ нравственнымъ и матерьяльнымъ, Сперанскій охотно искалъ въ мистицизмѣ для себя успокоенія. Здѣсь-то онъ съ любовію занялся переводомъ книги Оомы Кемпійскаго «о подражаніи Христу» и восхищался тѣмъ, что слѣдалъ самый точный переводъ ея. А въ Великопольѣ онъ занялся изученіемъ твореній св. отцовъ, и какъ самъ гово-

ридъ, «отъ гоненій уходилъ въ небо». Тогда же въ немъ особенно развилось религіозное направленіе: находясь въ Великопольѣ, онъ часто посѣщалъ сосѣвній монастырь Саввы Вишерскаго...

Въ пермскомъ и великопольскомъ заточеніи Сперанскій не кажется намъ твердымъ мученикомъ своихъ убѣжденій, который съ стоическою твердостью переноситъ свое несчастіе, не находя вполнѣ благородныхъ и честныхъ средствъ къ выходу изъ своихъ стѣсненныхъ обстоятельствъ. Обвинять въ этомъ Сперанскаго мы не рѣшаемся, потому что на его мѣстѣ чрезвычайно много людей сдѣлала бы тоже самое, если не хуже. Но если потребуютъ отъ васъ читатели, чтобъ всякая вещь называлась своимъ именемъ, мы скажемъ, что Сперанскому не доставало многихъ условій быть вполнѣ честнымъ и благороднымъ, а главное цѣльнымъ человѣкомъ. Зналъ ли Сперанскій, за кого онъ считался, когда былъ въ центрѣ государственной дѣятельности? Конечно зналъ, что онъ былъ дѣятелемъ во время прогрессивныхъ стремленій правительства и что имя его свяжется съ исторіей перваго десятилѣтія XIX вѣка. Зналъ Сперанскій и то, что послѣ него произошелъ важный переворотъ и что востаютъ другія времена. Аракчеевъ, по образу своихъ мыслей, мало сходилъ съ Сперанскимъ: а Аракчеевъ, послѣ его удаленія, сдѣлался главной силой (какъ называли его подчиненные). Но Сперанскій не имѣлъ настолько твердости духа, чтобъ отвернуться отъ того міра, который становился нѣсколько чуждымъ ему, и не могъ иначе сдѣлать, потому, что не былъ цѣльною личностью, не былъ служителемъ идеи, а слугой лицъ, много пріятнавшимися къ обстоятельствамъ. Потому и не наполю онъ въ себѣ столько цинизма, чтобъ отвернуться отъ коварныхъ лобзаній заклятыхъ враговъ своихъ, не нашолъ мужества безстрашно противостоять и нравственно побѣдить обстоятельства.

Въ Великопольѣ, село новгородскаго уѣзда, Сперанскій былъ переведенъ 31 августа 1814 года. Но тутъ онъ ошибся въ своихъ расчетахъ. Великопольское заточеніе въ сущности было только продолженіемъ пермскаго. А Сперанскій, приближившись по мѣсту къ Петербургу, думалъ, что снова возвратится къ нему старыя времена и его изгнаніе кончится. Съ великопольскаго заточенія, его стремленія въ Петербургъ ко двору принимаютъ характеръ тоскливаго желанія. Что лежало въ основѣ этихъ стремленій, — честолюбіе ли, или что-либо другое, того мы не знаемъ. Подъ кровомъ христіанскаго смиренія и упованія, при всемъ наружномъ спокойствіи и довольствѣ, онъ далеко не пользовался истиннымъ покоемъ. Ему хотѣлось вочто бы то вистало *возвратиться* въ Петербургъ. И вотъ, вмѣстѣ съ письмомъ къ государю онъ счелъ *нужнымъ* обра-

тнуться къ Аракчесву. Но, какъ видно, тогда онъ только въ первый разъ рѣшился согнуться предъ обстоятельствами, и потому явился къ нему Сперанскаго провиннута благороднымъ тономъ и сознаніемъ своего достоинства. Впослѣдствіи главнымъ украшеніемъ его писемъ стала лесть къ такимъ лицамъ, милость къ нему которыхъ не могла не бросать двусмысленный свѣтъ на его убѣжденія. И въ одной *свободы и забвенія* просилъ себя Сперанскій въ великоколесномъ письмѣ, какъ писалъ онъ въ перискомъ: онъ просилъ средствъ оправдаться или судомъ, или службой. Аракчесвъ выбралъ посабѣе средство, и прежній государственный секретарь былъ посланъ въ *Ценау губернаторомъ!*

Съ этого времени Сперанскій уже перестаетъ быть государственнымъ дѣвателемъ. Онъ становится чиновникомъ, который старается *чѣмъ-нибудь* да выслужиться, заслужить милость и расположеніе людей случайныхъ, не жаждетъ ниъ лести, чтобъ не попортитъ своей карьеры. До этого времени онъ былъ человѣкомъ, съблѣзшимъ большія ошибки, но но крайней мѣрѣ искупающимъ ихъ своими страданіями. Онъ пошеволъ могъ возбудить во всякомъ чловѣкѣ уваженіе къ себѣ, какъ жертвѣ людской клеветы и злобы. Съ того же времени, какъ онъ принялъ назначеніе пензенскаго губернаторства, онъ становится «*miserable Speransky*», какъ называлъ его Расстопчинъ въ одномъ своемъ письмѣ къ государю. Сперанскій дѣствительно становится жалкимъ человѣкомъ, который для какикто дѣлей выбивается изъ силъ... Понималъ ли теперешній Сперанскій, что назначеніе его пензенскимъ губернаторомъ было горькой насмѣшкой надъ прежнимъ Сперанскимъ? Кажется понималъ, но достоверно и то, что въ основѣ этого факта таился самый тонкій расчетъ Сперанскаго. Онъ предположилъ вочто бы то настало возвратиться въ Петербургъ ко двору. Отказаться же отъ пензенскаго мѣста значило бы отказаться навсегда отъ мысли быть въ Петербургѣ, являвъ ужъ надѣяться на какин-нибудь особая обстоятельства. И у него не стало на это твердости духа. На пензенскую службу онъ смотрѣлъ какъ только на временную; мысль осл, во его расчетамъ, должна была смѣловать петербургская служба.

Принявъ назначеніе, шль котораго была очистить себя отъ прежнихъ клеветъ, Сперанскій употребилъ воѣ съ своей стороны мѣры къ тому, чтобъ пожертвованіе его не было безплоднымъ для его будущаго блага. Въ Ценаѣ все еще сильно было негодованіе на прежняго Сперанскаго, какъ опаснаго нововольителя, посягающаго на права архаизированныхъ сословій. Потому Сперанскій свѣдилъ успокоить всѣхъ своимъ добрымъ поведеніемъ. Его намѣренія предупредительность и любезность обращенія обворожили всѣхъ.

а особенно губернскихъ аристократическихъ старушекъ. Его энергическія мѣры противъ взбунтовавшагося помѣщичьяго села Кутли раскрыли глаза тамошнему дворянству на взгляды мнимаго защитника крестьянскихъ интересовъ. Особенно раскрывается душу Сперанскаго тогдашняя переписка его съ Петербургомъ. Поздравительныя письма его къ государю проникнуты чувствомъ глубокаго благоговѣнія къ его особѣ, и въ нихъ онъ главнымъ образомъ старался доказать, что несмотря на все случившееся между нимъ и государемъ, онъ въ глазахъ Александра I долженъ оставаться прежнимъ Сперанскимъ. Тоже между нимъ и Аракчеевымъ занялась дѣлательная переписка, въ которой Сперанскій кажется обыкновеннымъ ступо-ванскимъ придворнымъ, который ищетъ милости у сильнаго временщика и чуть-чуть не величаетъ его своимъ милостивцемъ.

«Я увѣренъ, — писалъ Аракчеевъ къ Сперанскому, — что вы и въ Цевзѣ вспомните какъ сію пустынь (Грузино, новгородской губерніи и уѣзда), такъ и игумена оной, который ничею такъ не желаетъ, какъ жить съ оной спокойно и тогда, ваше превосходительство, будетъ пріятно приидти и поселеніе ваше, въ чемъ я надеюсь не сомнѣваюсь».

А Сперанскій писалъ къ нему:

«Письмо вашего сіятельства изъ пустыни Грузина весьма мною меня обрадовало. Всякій знакъ памяти вашей для меня драгоцененъ, но воспоминаніе изъ Грузина еще драгоценнѣе. Въ сей святой обители вся мысль идетъ отъ сердца чистою, отъ побужденій благородныхъ, одиельныхъ прихотливыхъ и изкогда не претмѣляемыхъ. Я должна сіе собственными опытами и ничто, никакая перемена мѣста не истребитъ во мнѣ тѣлой сдры въ сей обители».

На томъ основаніи, что только мертвые съ погосту не ворочаются, а Сперанскій былъ живъ и слѣдовательно грозилъ новымъ возстаніемъ или ничтожествомъ, начался зацѣкиванья. Теперь, когда онъ былъ уже на службѣ и задвигался кое-какъ пробраться въ Петербургъ, съ нимъ завели переписку лица, которые въ жизни выказываютъ только на лестн къ равнымъ милостивцамъ. Многие спѣшили оправдаться предъ Сперанскимъ въ своей будтобы враждѣ къ нему, некоторые старались возобновить прерванное съ нимъ знакомство, въ надеждѣ, что уйдя все можетъ случиться въ жизни. Минотры стали свисаться съ губернаторомъ не какъ съ подчиненнымъ, а какъ съ прежнимъ Сперанскимъ; и даже требовали соавтства по своимъ проектамъ. Это обстоятельство не могло не щекотать пріятно честолюбія Сперанскаго. Но уже разъ пошелъ по одной дорогѣ, онъ не могъ остановиться. Онъ съ такою увереніемъ рсточалъ леть мужавымъ для нечю людямъ, что иногда совѣмъ такъ-говорится пересаливалъ. Вотъ что онъ писалъ къ министру

финансовъ Гурьеву о присланномъ къ нему для совѣтовъ финансовомъ проектѣ :

• Вы поставили весьма высокую цѣну моею къ вамъ приверженности, давъ мнѣ сей знакъ нашего довѣрія. Сім превосходнымъ учрежденіемъ (сообщеннымъ ему въ проектѣ) ставятъ наше правительство на такой высотѣ финансовыхъ соображеній, къ которой сама Англія доходила вѣками !!!

Нѣсколько позже (16 марта 1818 года), по поводу присылки Гурьевымъ рѣчи, произнесенной имъ при открытіи совѣта кредитныхъ установленій, Сперанскій писалъ къ нему :

• Изложеніе, при открытіи совѣта слѣланное, составлено не въ словъ, но въ дѣлъ. Тутъ каждая мысль заключаетъ въ себѣ или важную государственную истину, или практическое ея доказательство. Въ одной Англіи можетъ министръ говорить съ такимъ достоинствомъ, сказать столь много и сказать одну правду.

Тоже самое видно и въ сношеніяхъ его съ Голлицынымъ, тогдашнимъ министромъ духовныхъ дѣлъ и народного просвѣщенія.

Но тогдашнее время было таково, что Сперанскому нужно было долго льстить, чтобъ выпутаться изъ провинціи. На его просительное письмо о позволеніи ѣхать въ отпускъ въ Петербургъ, Аракчеевъ прислалъ самое извѣстное, проницательное, въ которомъ поздравлялъ его съ новымъ знакомъ довѣренности къ нему государя и съ новымъ случаемъ окончательно очистить себя отъ прежнихъ клетекъ службой въ должности генералъ-губернатора Сибири.

Но и въ этой должности Сперанскій остался тоже чиновникомъ, правда дѣльнымъ, но все-таки чиновникомъ. Официальная цѣль, для которой Сперанскій долженъ былъ отправиться въ Сибирь, состояла въ томъ, чтобы произвести строгое слѣдствіе о тамошнихъ злоупотребленіяхъ и представить новый планъ устройства Сибири. Тогдашнее положеніе ея было самое плачевное. Въ Сибири особенно процвѣтали лихоимство, деспотизмъ. Правительственный контроль ничего не могъ сдѣлать за тысячи верстъ; нѣтънаго или не было, или на него не обращали вниманія. Главная дѣятельность тогдашняго генералъ-губернатора Пестеля состояла только въ томъ, чтобы преслѣдовать двухъ сибирскихъ имъ-губернаторовъ, Хвостова и Корнилова, и еще генералъ-майора Куткина, управлявшаго тобольской иривянской комиссіей. До какой степени просирали проиаволь и злоба Пестеля; можно судить по тому, что дѣль и подлая фабрика Куткина были секвестрованы на случай возможнаго открытія изысканій, а гнѣзъ Куткина разоренъ въ камень. Но въ предлогомъ злоупотребленій Куткина Пестель отчалъ его возъ

первый судъ и десять дѣтъ держалъ этого несчастнаго подъ арестомъ въ его собственномъ домѣ. А такое злобное преслѣдованіе и подвигало дѣла того, что Куткинъ на одномъ обѣдѣ читалъ неслучайно, пошпорить съ Пестелемъ и одержать въ спорѣ верхъ. Конечно, подлѣ начальствомъ такого лица могли совершаться самыя страшныя дѣла. И действительно, что дѣлалъ Трескинъ, Иркутскій губернаторъ, съ мѣстнымъ исправникомъ Лоскутовымъ, — про то одна ахлахъ вѣдаетъ. До какой степени Лоскутовъ былъ подновластенъ въ своемъ имѣніи, это доказываютъ слѣдующіе два факта: первый тотъ, что узнавъ о назначеніи Сперанскаго сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, онъ отобралъ всю бумагу, перья и чернила во всемъ уездѣ и сложилъ ихъ въ волостныхъ правленіяхъ; второй — когда два старика рѣшились отъ имени своей волости подать прощеніе на Лоскутова Сперанскому и увидѣвъ рядомъ съ нимъ Лоскутова, то отъ страха растаулились на землѣ. А когда Сперанскій тутъ же и отрѣшилъ его, то они трясясь всѣмъ тѣломъ схватили Сперанскаго за руку, и сами едва помня что говорятъ, зашептали: «братанко, вѣдь это Лоскутовъ, что ты это баешь? чтобъ тебѣ за ахля-наго худого не было; вѣрно ты не знаешь Лоскутова...». Въмѣсто того чтобъ долго распространяться о тогдашнемъ положеніи Сибири, мы приведемъ слѣдующій отрывокъ изъ письма Сперанскаго къ своей дочери: «не жалѣю однакожь ни трудовъ, ни усталости: ибо я видѣлъ бѣдствіа человѣческія кажется на послѣдней линіи». Но опять характеристичная черта того времени. — Пестель былъ обвиненъ и надъ злоупотребленіями его было назначено слѣдствіе, но не по какому-либо важному причинамъ, а просто потому, что онъ имѣлъ неосторожность гдѣ-то несовсѣмъ почтительно выразиться объ Аракчеевѣ и тѣмъ разгнѣвать сильнаго тогдашняго вельможу...

Въ Сибири Сперанскій пробылъ до начала 1821 года, слѣдовательно около двухъ лѣтъ. Все это время онъ провелъ въ разъѣздахъ по Сибири для изслѣдованія дѣлъ на мѣстѣ. Онъ былъ снабженъ обширѣйшими полномочіями: «по дѣламъ сибирскимъ — писемъ въ нему Кочубей — располагайтесь пожалуйста местельскія себѣ, какъ вамъ и со всевозможною твердостью. Сіе будетъ принято наилучшимъ образомъ и произведетъ пользу, такъ какъ ходъ нѣсколькихъ застѣнчивыхъ приписанъ будетъ къ прежнимъ заключеніямъ о верности, о должномъ управленіи». Такимъ образомъ *строгая ревность* имѣлась ему въ заслугу... И Сперанскій действительно строго ревновалъ, соблюдая конечно нѣкоторую осторожность при своей строгости. Въ планахъ своихъ будущаго устройства Сперанскій нѣсколько возвратился къ прежней коллегіальной идеѣ, но вмѣ-

ствъ съ тѣмъ остался вѣреть прежнему бюрократическому укладу, идеѣ централизаціи, надѣлать множество инстанцій и начальствъ. Сибирь уставами и положеніями, которые неизвѣстны въ какой мѣрѣ основаны были на знаніи мѣстности и обычаевъ народонаселенія. Сибирь тогда нуждалась главнымъ образомъ въ дѣятельн., а Сперанскій умножалъ въ ней чиновниковъ. Много впрочемъ и нельзя было ожидать отъ Сперанскаго:.. Два года жизни въ странѣ, почти неизмѣримои, едвали достаточны для уснанія ея производительныхъ силъ, потребностей и т. п. Поэтому и тутъ Сперанскій остался только чиновникомъ, хотя и порядочнымъ, который произвелъ слѣдствіе, какого требовало отъ него начальство и потому представилъ свои соображенія по устройству края. Главные плоды ея сибирской дѣятельности: уставы объ управленіи сибирскихъ родовъ, сибирскихъ киргизовъ, о ссыльныхъ и объ этапныхъ и т. д. «Всѣ эти проекты, сопровождавшіеся подробными объясненіями, ведомостями, табелями и проч., — говоритъ б. Корень, — содержали себѣ больше трехъ тысячъ параграфовъ». Но не въ параграфахъ дѣло и не въ количествѣ ихъ. Хорошо бы было, еслибъ въ своей биографіи б. Корень коснулся вопроса, въ какой мѣрѣ Сперанскій хлопоталъ въ параграфахъ о развитіи внутренней жизни Сибири, открытіи въ ней къ тому средствъ, о развитіи громаднѣйшихъ и производительныхъ силъ и т. п. Иначе параграфы станутъ указывать только на то, что Сперанскій гонялся за формой, упуская изъ виду дѣло. При всемъ томъ Сперанскій чуть ли не до сихъ поръ памятенъ Сибири, и это конечно зависѣло прежде всего отъ обстоятельствъ, при какихъ онъ занялъ генераль-губернаторскую должность. Послѣ Пестеля легко было и не такому человеку, каковъ Сперанскій, заслужить въ странѣ популярности; разумеется относительную. А Сперанскій ктому же производилъ строгое слѣдствіе по дѣламъ ненавидимыхъ страной личностей. Съ достовѣрностію мы можемъ сказать только то, что Сперанскій былъ лучшимъ генераль-губернаторомъ Сибири и что съ него начинается вѣрный поворотъ сибирскихъ дѣлъ въ лучшее.

И въ Сибири также, даже болѣе чѣмъ въ Пензѣ, Сперанскій учился по Петербургѣ. Чѣмъ ближе подходило время, когда можно было ему ѣхать туда, тѣмъ сильнѣе становилось у него желаніе ступить подъплать петербургской атмосферой. Баронъ Корень называетъ это вучительное чувство въ Сперанскомъ чѣмъ-то «родъ мысли и откликъ». Дѣло во всякомъ случаѣ не въ названіяхъ. Сперанскій сильно хлопоталъ, чтобъ какъ можно скорѣй покинуть свои сибирскія дѣла. Онъ находилъ, что его дѣльнейшее присутствіе въ Сибири будетъ сопровождаться самымъ гибельнымъ слѣдствіемъ

даже отъѣзду, потому что сибирскимъ жителямъ нужны доказательства Петербургской милости къ ихъ доброму защитнику, а новая отсрочка его пребывания въ Сибиря будетъ знакомъ немилости къ нему, что болѣе ему дѣлать въ ней нечего, что онъ боленъ, старъ и хотѣлъ бы кончить свою жизнь въ покой и т. д.; что Трескинъ и Пестель вѣдь, кто недолюбезнъ имъ, могутъ надѣвстать заочно на него въ Петербургѣ и ему невозможно за такую дальностью мѣста давать умолительныя объясненія. Все это понятно, если взять во вниманіе то, что Сперанскій былъ человѣкъ придворный, привыкшій къ царствному кружку, и вѣдь его не могъ быть спокоенъ; притомъ же ему хотѣлось окончателно оправдаться въ клеветѣ, а можетъ-быть онъ надѣялся занять прежнее мѣсто въ государственной дѣлѣ. За это время онъ казался уже человѣкомъ расчеловѣчимъ, деувлекшимся, человѣкомъ вполне приспособившимся къ обстоятельствамъ и т. п.

Наконецъ Сперанскій послѣ девятилѣтняго странствованія по Россіи пріѣхалъ въ Петербургъ 22 марта 1821 года.

Общество, въ которое возвратился Сперанскій, прекрасно описано въ письмѣ къ нему Кочубея, тогдашняго министра полиціи. Вотъ оно:

Но мѣрѣ расположенія сего (т. е. императора Александра I къ вызову Сперанскаго въ Петербургъ) обращаются уже всѣ желанія *на-ружска* къ возвращенію вашему, въ прочному вашему въ дѣлахъ водворенію. Явишу тѣхъ, кои самому мнѣ утверждали, что вы не вѣруете во Христа и что всѣ ваша распоряженія клонились къ пагубѣ отечества и пр., утверждающихъ нынѣ, что правила вашн христіанскія перемѣнились и что пріятыя вами даже о дѣлахъ правленія не суть прежія. Несчастіе заставило всѣхъ размышлять. Многие забѣгаютъ ко мнѣ спрашивать: будетъ ли Михайло Михайловичъ сюда? какъ вы думаете? Надобно бы обратитъ стараніе къ тому, чтобъ его вызвали сюда и пр. На все сіе отвѣтъ мой: не знаю, хорошо бы было и т. п. Знаете ли вы: исторія ваша открыла мнѣ новый свѣтъ въ семъ мірѣ, но свѣтъ самый убійственный для чувствъ, сколько-нибудь насъ возвышающихъ. Я до сѣйки вышей мыль какъ монастырна. Мнѣ болѣе или менѣе казалося, чебъ люди говорятъ то, что чувствуютъ и думаютъ, но тутъ я увидѣлъ, что они говорятъ сегодня одно, а завтра другое, и говорятъ некрестіянъ и смотря какъ въ глаза, какъ ни въ чемъ не бывало. При-видясь, служеніе мое прельщаетъ мѣру...

А Сперанскій въ отвѣтъ между прочимъ жаловался Кочубею на то, что люди нынче стали въ провинціи взыскательнѣе.

Прямое слово въ провинціяхъ одно дѣйствіе власти: нынѣ требуютъ законности, а когда худо ее принимаютъ, то послѣдній крестьяд-

никъ готовъ спорить съ широкимъ головою, а дворянскъ съ туберкулезомъ.

Эти два отрывка очень характеристичны!

Но Сперанскій ошибся въ главномъ своемъ расчѣтѣ: для императора Александра онъ никогда уже не былъ прежнимъ Сперанскимъ. Мѣсто его было занято другимъ человѣкомъ.

Въ остальной своей жизни Сперанскій кажется намъ обыкновеннымъ придворнымъ, гдѣ нужно расточавшимъ лесть, гдѣ можетъ гнушимся предъ обстоятельствами. Въ убѣжденіяхъ Сперанскій сильно перемѣнился, и этотъ-то фактъ доказываетъ какъ нельзя вѣрнѣй, что онъ никогда не былъ служителемъ идеи, а только обстоятельствъ, и потому мѣнялся вмѣстѣ съ ними. До какой степени Сперанскій перемѣнился за это время, можно судить по слѣдующему факту. Съ пріѣздомъ его въ Петербургъ снова пробудилась мысль о составленіи уложенія, или по крайней мѣрѣ о пересмотрѣ стараго, *сдѣланнаго* Сперанскимъ. Когда въ государственномъ совѣтѣ проходила глава о бракѣ и министръ духовныхъ дѣлъ А. Н. Голицынъ сдѣлалъ на нес замѣчанія, Сперанскій жаловался изъ него государю (этотъ фактъ приведенъ въ книгѣ б. Корфа), зато что онъ присоединялъ его къ числу профессоровъ, проповѣдующихъ начала, противныя ученію церкви, съ тѣмъ только различіемъ, что она проповѣдуетъ въ университетѣ, а онъ въ совѣтѣ. — «Должно ли, чтобы я былъ выставленъ — писалъ Сперанскій къ государю по этому случаю — какъ противникъ церкви, а онъ какъ поборникъ? Должно ли, чтобы наша публика, всегда готовая ко всѣмъ нелѣпымъ разглашеніямъ, нашла новую пищу въ соблазнительномъ спорѣ, и вмѣсто двухъ профессоровъ пересуживала двухъ членовъ вашего совѣта? Я знаю свое мѣсто въ сей публикѣ. Святоши запишутъ меня въ безбожника, а противники ихъ причислятъ къ своему стаду: а я гнушаюсь тѣми и другими, принадлежу и желаю принадлежать единственно, исключительно вамъ».

До такой степени Сперанскій былъ робокъ за это время! Онъ боялся, чтобы какъ-нибудь снова не попасть въ немилость, въ заточеніе. Замѣтимъ при этомъ, что эти строки писаны человѣкомъ, который въ свое время хлопоталъ о расширеніи государственнаго совѣта и дарованіи ему публичности формъ.. Когда онъ былъ наверху своего могущества, между прочимъ требовалъ, чтобы вслѣдствіе благомыслящій человѣкъ во всѣхъ мѣстахъ помогалъ государственному дѣтелю. Но какъ видно тогда были другія обстоятельства. Теперь же онъ изъ угожденія Аракчееву рѣшился даже написать общій взглядъ на военныя поселенія, чтобы какъ-нибудь помирить съ вами общественное мнѣніе. Между тѣмъ, когда онъ по просьбѣ Аракчеева

ниги счастье достигать ихъ, то не осмотрѣвъ онъ записалъ о нихъ въ своемъ дневникѣ: *fumus ex fulgore!*

И въ новое царствованіе императора Николая I Сперанскій уже не игралъ такой роли, какъ въ 1810 году. Тутъ для него нужно было ориентироваться къ другимъ условіямъ жизни и ея понятіямъ. Службу свою императору Николаю Павловичу Сперанскій началъ съ представленіемъ манифеста объ его восшествіи на престолъ. Затѣмъ онъ уведомлялъ въ сочиненіи доклада государю отъ имени верховнаго суда по повѣстному дѣлу 14 декабря 1825 года. По словамъ барона Керля, эти аднатія по самому характеру своему, чрезвычайно подѣйствовали на духъ Сперанскаго. Положеніе его было тѣмъ болѣе умасно, что въ некоторые изъ несчастныхъ, подпавшихъ обвиненію и осужденію, были лично съ нимъ знакомы и *схожи* въ его домъ, и одинъ изъ нихъ даже жилъ въ собственномъ домѣ Сперанскаго и пользовался его пріязнью и доверенностью... Если чѣмъ особенно Сперанскій памятенъ за эту эпоху своей жизни, то несомнѣнно своимъ участіемъ въ работахъ по собранію законовъ и составленію новаго свода. Впрочемъ въ этой работѣ, какъ и въ другихъ дѣлахъ, онъ былъ уполномоченъ императоромъ Николаемъ не потому, чтобъ онъ имѣлъ особенное довѣріе къ нему, а по необходимости, потому что нѣкого взять было для такихъ работъ, кромѣ Сперанскаго. Императоръ Николай, по прежнимъ слухамъ, сначала сильно не довѣрялъ Сперанскому. Но умѣнье Сперанскаго принаровляться къ обстоятельствамъ понравило дѣло. Успѣшный ходъ работъ Ц отдѣленія канцларіи государя, гдѣ были сосредоточены законодательныя работы, блестящее исполненіе разныхъ порученій государя совершенно въ его духѣ и по его мыслямъ, заставили его наконецъ убедиться, что теперь Сперанскаго опасаться нельзя и что онъ можетъ такъ же усердно работать для него, какъ въ свое время работалъ для императора Александра I.

Иногда Сперанскій уже дотога увлекался тогдашними понятіями, что назрѣвалъ себѣ даже оппозицію въ людяхъ, далеко расходившихся съ прежними его убѣжденіями. Такъ напр. это случилось съ его проектомъ полицейскаго суда, которымъ, сверхъ установленнаго новаго моряка полицейскаго *дѣлопроизводства*, дополнялись и исправлялись самыя постановленія о *преступленіяхъ* и *проступкахъ* противъ благочинія. Онъ былъ составленъ въ такомъ духѣ, что государственный совѣтъ долженъ былъ его отвергнуть, какъ слишкомъ стѣснительный для жителей столицы. Послѣднее дѣйствительное его службой Россіи было юридическое воспитаніе наследника престола, сына царствующаго государя императора. Сперанскій умеръ 11 февраля 1839 года.

Послѣднимъ теперь закончить свою статью о Сперанскомъ общаго его характеристикою.

Сперанскій обладалъ безспорно большими умомъ. Онъ владѣлъ тѣмъ именно его качествомъ, которое англичане называютъ *strong sense*. Но это достоинство, безвѣрно возвысивъ его надъ прочими сотрудниками, въ тоже время, по недостатку предшествоващаго образованія, помогало Сперанскому только увлекаться духомъ вѣка, современными понятіями. Охотный слушатель энциклопедистовъ, онъ скоро подъ вліяніемъ вѣка свѣдѣлъ ихъ на истинномъ и до конца жизни удержалъ въ себѣ истиническое направленіе, потому что оно шло въ уровень съ вѣкомъ. Англоманъ, когда была въ модѣ англоманія, онъ сдѣлался галломаномъ, когда встрѣтился съ Наполеономъ и когда наполеонизмъ сталъ тоже модой. Поэтому о Сперанскомъ никакъ нельзя сказать, что онъ былъ выше своего вѣка. Все умъ, положившій годный для государственной дѣятельности не принадлежалъ къ тому роду государственныхъ умовъ, которые указываютъ новыя задачи политической жизни народа, предлагаютъ ей новыя пути, становятся средоточіемъ лучшихъ, уже совершавшихъ въ жизни *de facto* требованій и въ своей дѣятельности выражаютъ ихъ *de jure*. Нѣтъ, Сперанскій былъ далеко не то: онъ былъ шестѣтъ увлекющагося умомъ, который способенъ усвоить готовое, и если для нихъ удобно, пересадить готовые начала на чужую почву. Такие люди неспособны пристально разглядывать причину, которая подъ нихъ вогаяла, не ищутъ въ ней себѣ опоры...

И этой-то способностью Сперанскаго увлекаться духомъ времени объясняются всѣ его ошибки, когда онъ былъ въ центрѣ государственной дѣятельности. Обрешивъ себя при благоприятныхъ обстоятельствахъ на энергическую работу въ пользу поставленной тогда цѣли обновить Россію, онъ думалъ обновить ее французскими порядками. Мы охотно вѣримъ той искренности, съ какою Сперанскій раздѣлялъ убѣжденія своего кружка въ пользу централизаціи бюрократіи. Къ этому онъ былъ подготовленъ всѣмъ своимъ воспитаніемъ. Молодость его прошла подъ гнетомъ самой сухой германности; школьное воспитаніе изъ него самого сдѣлало форму, въ которую можно помѣстить какое угодно содержаніе. Политическое свое воспитаніе Сперанскій началъ въ канцеляріи... Прежде чѣмъ онъ узналъ положеніе государственныхъ дѣлъ, онъ познавалось съ худшимъ положеніемъ нижнихъ канцелярій; прежде чѣмъ онъ изучалъ жизнь государства, онъ узналъ тайны канцелярщины. Удивительно ли, если онъ въ послѣдствіи болѣе всего работалъ для свѣ-

дееспособныхъ уставовъ, и если эти работы всего болѣе отличаются отъѣтливостью, знаніемъ и т. п.? Воспитанный такимъ образомъ на ссриѣ, онъ легко поддастся духу времени, которое хотѣло взять готомеи. формами перенести ихъ на чужую почву. Принципъ формы естественно сталъ главнымъ его принципомъ, который онъ проводилъ во всѣхъ понятіяхъ своихъ трудахъ. Онъ думалъ, что прежде всего нужно ввести форму, а потомъ ввести у ней и дѣльное содержаніе. Хотѣлъ дѣлать, если онъ жестоко ошибся!

Своими формами Сперанскій не могъ улучшить сущность дѣла. Какъ говорилъ въ свое время Карамзинъ, — тогда переимѣнились только названія, а само дѣло пошло опять попрежнему. Ужь такое дущество формы, что она отъ себя ничего не приносить къ тому дѣлу, къ которому прилагается. Иное дѣло, когда сама форма *рождается* сущностью вещи: тогда она бываетъ результатомъ внутренней ея дѣтельности, тогда она — естественное ея выраженіе, вѣщная оболочка. Безспорно, очень важно отыскать именно такого рода форму для каждой вещи; давать же ей форму, несомванную на сущности ея, значитъ только вредить самому дѣлу. Поставьте молодое дерево въ ящикъ уродливой формы. Ростъ его совершенно не остановится, оно будетъ гнуться въ ящикѣ, его вѣтви будутъ соваться во всѣ углы. А поставьте дерево въ большой ящикъ, гдѣ ему былъ бы полный просторъ: форма ящика несколько не будетъ помогать росту дерева. Такое вообще отношеніе формы къ дѣлу. Она можетъ на него только обратительное вліаніе, т. е. можетъ вредить ему, если сама непереша; и если такую услугу она можетъ оказать дѣлу, такъ не имѣвать только его развитію, давать просторъ росту. Сперанскій забывъ объ этомъ значеніи формы въ жизни, даже позабылъ и то, что ссрия способна принимать какое угодно содержаніе. И онъ горько разочаровался. (Быть-можетъ, жесточайшая насмѣшка судьбы надъ Сперанскимъ и заключается въ томъ, что при своей жизни онъ долженъ былъ видѣть, какъ своимъ духомъ, своимъ содержаніемъ, наполненнымъ созданіемъ ивъ формы, какъ онъ вели совѣтъ къ другимъ результатамъ, чѣмъ для ящика онъ предвзначалъ ихъ, какъ онъ самъ оказался послужившимъ всего болѣе въ пользу того, о наравкованіи чего хлопоталъ въ лучшую пору своей дѣтельности.)

А между тѣмъ Сперанскій могъ послужить лучшую службу Россіи, еслибъ онъ узналъ напередъ, что за страна, которую онъ хотѣлъ обновлять. Тогда бы онъ узналъ, откуда начать свои реформы, что собственно нужно сдѣлать для народа; онъ узналъ бы, что не Русь есть начала не хуже англійскихъ или французскихъ, а которыхъ стоитъ только вспомнить, что эти начала чшото-народныя, выработаны историческою жизнью страны и служатъ залогомъ

дальнѣйшаго политическаго ея развитія, что на этомъ фундаменте можно и должно строить всякія нововведенія. Тогда бы Сперанскій узналъ бы и то, что значитъ быть дѣтелемъ, опирающимся на народъ; и онъ не такъ бы скоро палъ, какъ это случилось съ нимъ при другихъ условіяхъ.

А можетъ-быть и нуженъ былъ для насъ Сперанскій. Его ошибки чрезвычайно пручительны для насъ. Все это дѣлательство какъ нельзя лучше напоминаетъ намъ ту истину, что самая лучшая намѣренія, лучшія заботы и усилія, въ нѣкихъ случаяхъ могутъ поврени казаться блестящимъ совершеномъ и кончиться съ собою ни чѣмъ!..

РАЗСКАЗЫ Н. В. УСПЕНСКАГО

Г. Успенскій издалъ всѣ свои разсказы отдельной книгой. Это онъ хорошо сдѣлалъ: какъ-то смѣло выступая теперь впередъ нами въ дѣятельность этого новаго писателя. Г. Успенскій дѣлаетъ впрочемъ довольно давно, уже нѣсколько лѣтъ, и печатается почти всегда въ «Современникѣ». Стало-быть, не вправдѣ сказать, онъ уже не новый писатель; но мы не можемъ рѣшиться отнестись къ г. Успенскій къ дальнѣйшему развитію и скажемъ ли онъ маршецъ или хотя что-нибудь новое? По крайней мѣрѣ до сихъ поръ онъ новаго не сказалъ еще ничего, во всѣхъ своихъ додѣланныхъ четырехъ разсказахъ. Несмотря на то онъ пользуется въ рублѣ и некоторымъ вниманіемъ, особенно благодаря рекомендаціямъ «Современника». Онъ вѣрно описываетъ сцены изъ народнаго быта, а вѣрныхъ описывателей народнаго быта у насъ всегда было мало. Но если начать судить о г. Успенскомъ съ этой точки зрѣнія (единственной впрочемъ точки зрѣнія, съ которой его можно судить), то надо тотчасъ же принять во вниманіе, что онъ явился послѣ Островскаго, Тургенева, Писемскаго и Толстого. Хотя и о немъ великаго польза сдѣлалъ еще г. Успенскій нашей литературѣ, но если бы онъ первый, раньше упомянутыхъ писателей, явился къ намъ съ своими картинками изъ народнаго быта, мы бы судили о немъ совершенно по-другому. То-то и есть, духа была начало! И говоря съ

словомъ; въ его же рѣснѣхъ «Грушка»: — «Цѣна ему, теперь совсѣмъ не та».

Да мы подумаетъ впрочемъ читатель что мы хоть сколько-нибудь сравниваемъ его съ Островскимъ, Тургеневымъ, Цицерскимъ и т. д. Предшествовавшіе ему замѣчательные писатели, о которыхъ мы сейчасъ говорили, сказали во сто разъ болѣе чѣмъ онъ, и сказали шире, и въ этомъ ихъ сила. И хоть она всѣмъ вѣстѣмъ взглянула на народъ всею не такъ умъ слишкомъ глубоко и обширно (народъ тутъ скоро разглядѣть шельма, да и эпоха не доросла еще до широкое и глубокаго взгляда); но по крайней мѣрѣ они взглянули шире, взглянули съ новыхъ и по многому вѣрныхъ точекъ зрѣнія, зашли въ литературѣ сознательно новую мысль высшихъ классовъ общества о народѣ, а это для насъ всего замѣчательнѣе. Въдѣль этикъ взглядакъ наше все: наше развитіе, наши надежды, наша исторія.

Впрочемъ некоторые хотятъ непременно видѣть въ г. Успенскомъ окрестности какого-то новаго взгляда въ описаніяхъ народного быта, изобрѣтателя какой-то новой точки зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на народъ. Говорятъ: «г. Успенскій подходит къ народу просто, безъ всякихъ предубѣжденій и заранее составленныхъ взглядовъ; онъ разбираетъ дѣло прямо, какъ оно есть, потому что общество въ вѣрному взгляду на народъ еще не приговорило; и даже, на теперешней степеніи своего развитія, стоитъ выше настоящаго новатія о народѣ; а слѣдовательно и всякій литературный предзаданный взглядъ будетъ ошибоченъ. Удовольствуемся пока матеріаломъ и проч. и проч.» Этого хоть и не говорить съ такою откровенностью, но мы старались формулировать самую сущность этого взгляда. Отвѣтимъ: предзаданный, заранее составленный взглядъ конечно ошибоченъ, хотя и трудно писателю отъ него отказаться.

Но взглядъ и идея писателя, выведенные уже вслѣдствіе разработки матеріала, совсѣмъ другое дѣло, совсѣмъ не предзаданный и идеальный взглядъ, а реальный взглядъ, выражающій, суя по силѣ писателя, иногда даже всю современную обществу мысль о народной жизни, въ данный моментъ. Да оно и естественно. Нельзя сказать человѣку: удовлетворишься анализомъ и наполненіемъ матеріала и не смѣй мыслить и выводить заключенія. Это все равно, если сказать: не гляди глазами, не шрай носомъ. Въ такомъ предписаніи будетъ насиліе, а всякое насиліе неестественно, ненормально, преступно. Конечно даже и не въ предзаданномъ взглядѣ, а въ такомъ, который составилъ уже вслѣдствіемъ подробнѣйшаго изученія матеріала, можетъ вкратцѣ ошибка,

Но чрезъ ошибку приходятъ къ истинѣ. Все-таки это великая дѣйствительною жизнью мысль. А сидѣть и ждать на одномъ Петербургѣ покажется идея слѣзти къ намъ сама собою съ какого-то верха, значить подражать тому господину, который повелѣлъ не прикасаться къ водѣ, пока не выучится плавать. Такъ поступаетъ иногда и газета «День», которая серьезно утверждаетъ, что въ настоящую минуту мы, русскіе, не можемъ присутствовать ни въ какихъ внутреннихъ и самыхъ необходимыхъ для насъ реформахъ, пока лежатъ помѣщики и дворяне въ одинъ соборъ, совершенно и безусловно не перейдутъ въ земство (№ 9-й «Даль»). Идея о переходѣ въ земство великолѣпнѣйшая и плодотворнѣйшая. Но жди пока это случится само собою... Но нечего откладывать. Обратимся къ г. Успенскому.

Мы вполнѣ соглашаемся, что въ идеѣ смирненія передъ народомъ, въ идеѣ всеобщаго сознанія, что мы еще не доросли до понятія о народѣ, и до того отъ него отрываемся, что теперь иному нашему мудрецу общественныя особенности Англіи несравненно знакомѣ чѣмъ русскія, которыхъ еще не только не видятъ и не понимаютъ, но даже потеряли всякую способность чувствовать и понимать ихъ, — въ этой идеѣ, которую мы, было бы много отраднѣе, еслибы она вошла во всеобщее сознаніе и потребность. Намъ понятно, что еслибы наши описыватели народнаго быта одушевлялись этой идеей, то она скоро бы привела ихъ на вѣрный и плодотворный путь. Но смирненіе передъ народомъ вовсе не ведетъ къ боязни составить о немъ хоть какой-нибудь вымыселъ вслѣдствіе поверхностнаго изученія матеріала. Нужно только остерегаться отъ идей предвзятыхъ; смирненіе же передъ народомъ само собою поможетъ этому. Но намъ кажется, что г. Успенскому напрасно и ошибочно приписываютъ исключительность этого признанія нашего отчужденія отъ родной почвы, и смирненнаго мудраго сознанія въ томъ, что мы не въ состояніи теперь, безъ болѣе глубокаго изученія, вѣрно взглянуть на народъ и составить о немъ себѣ вѣрное и точное понятіе. Въ самомъ дѣлѣ наше заключеніе о г. Успенскомъ вполнѣ оправдывается, какъ только мы чуть-чуть на него внимательнѣе посмотримъ. Еслибы онъ имѣлъ такой взглядъ исключительно, не потерялъ бы онъ того, что до него уже было сказано сто разъ, и несравненно вынуждѣе, тѣмъ чѣмъ, а главное шире и глубже и съ несравненно болѣею правдой. Тѣ изъ нашихъ писателей, которые изучая по возможности и по способностямъ своимъ матеріалъ, не побоялись высказать передъ нами свой взглядъ, свою идею о народномъ бытѣ; да и намъ даже относительно этого матеріала несравненно болѣе, чѣмъ г.

Успенскій. У г. Успенскаго есть нарисованъ малюшкой и проми-
 ленькой разсказъ изъ мелко-душевнаго быта, подъ названіемъ
 «Грушкы». Этотъ разсказъ одинъ изъ лучшихъ во всей книгѣ. Изъ
 чужихъ? Все одно только кажется вышедшимъ изъ третьестепенныхъ ладъ
 Островскаго. Большею частью г. Успенскій вотъ такъ дѣлаетъ.
 Они приносятъ нарисованъ на площадъ и даже выписываетъ точныя
 зрѣнія, право, гдѣ понамо, усталамъ знаетъ свою «отогрѣвную»
 кашку. Тѣмъ же образомъ все, что дѣлается въ какомъ-нибудь угоду
 и площадѣ, будетъ передано вѣрно, какъ есть. Въ картину, если
 можно войдетъ и все совершенно пошумное въ этой картинѣ, иди
 лучше сказать въ нѣтъ этой картины. Г. Успенскій обилъ очень мало
 заботится. Ему нарисованъ хотѣлось бы изобразить въ своей «ото-
 грѣвнѣ» рынокъ, и дать намъ повѣіе о рынкѣ. Но если бы на этотъ
 рынокъ въ это мгновеніе спустился воздушный шаръ (что можетъ
 когда-нибудь случиться), то г. Успенскій никакъ бы и эта случившаяся
 и совершенно неотносился до характеристичнаго рынка илюстраціи.
 Если бы не за рамкой картины приглядывалъ въ это мгновеніе не-
 чинъ-королькаго восте; если бы оставалъ и королькаго восте, рѣшилъ
 только не заботиться о его неужности въ картинѣ. Такъ почти и во
 всѣхъ разсказахъ г. Успенскаго: Онъ дѣлается въ всѣхъ неужности
 и даже не заботится какъ сколько-нибудь связать эти неужности
 съ дѣломъ, чтобъ объяснить ихъ по крайней мѣрѣ читателю; чтобъ
 не притали эти неужности и своимъ неожиданнымъ появленіемъ
 не повернули въ столбикъ читателя. Скажутъ вы: «да это-то и
 хорошо, всѣхъ именно эта точность хороша». Да развѣ это точность,
 и развѣ въ этой дѣлится точность? Это путаница, а не
 точность. И что бы передадите исключительно однимъ описательнымъ
 матеріаломъ? Эдакъ пришло бы нарисованъ Островскаго разсказу
 на работѣ томовъ, да и тогда эти дѣлится томовъ не передали бы
 нашъ того, что передали Островскій въ двухъ. Мало того, и самое
 матеріала-то однимъ лагеромъ вѣрно не передадите.

Мы вовсе не хотимъ сказать, что у г. Успенскаго одна только
 дѣлится. У него есть взглядъ, и канонъ бы онъ ни былъ, если
 только бы еста, то ужъ одна фактъ его существованія при
 Островскаго предположенія всѣхъ тѣмъ, которую уфриваютъ, что
 г. Успенскій бонтея взгляда и въ ожиданіи составятъ его неужности
 ому-среду. Мало того: у г. Успенскаго есть даже и предположеніе
 взгляда. Вотъ нарисованъ весь разсказъ «Обсѣдъ» написанъ для
 того, чтобъ повѣряться надъ мужиками; что онъ не уфранъ отчитать.
 Намъ кажется, что если ужъ просто, совершенно просто, безъ
 всякихъ предположеній идей войдуть въ дѣла, то ужъ по крайней
 мѣрѣ иши-двоемъ бы маленько разсказъ только къ тому, или

мужички считают. Не вбрыжь ны де и вемешетъ позбрыть, скабзъ ничего: кромѣ этого въ дѣйствительности, въ самомъ матерьялѣ-то, небыло. Скажутъ: сваружи только это было на простенномъ дворѣ и большае ничего. Да разбѣ это неможеть-быть? неможеть, бѣздо в другое, во г. Успенскій не замѣтилъ другого, нѣтъ-подъ своего взгляда, потому что ему важно было то, о чемъ онъ хотѣлъ писать; взглянулъ бы другой, — другой навѣрно еще бы что-нибудь нашалъ, третій-третье, и у всѣхъ была-бы правда. Даже и такъ могло-бы быть: въ чемъ-т. Успенскій нашолъ одне только оиѣшное, въ томъ другой могъ бы отыскать пожалуй только трагическое, и оба были бы правы. Въ томъ-то и дѣло, что передъ нами бессознательно лежить природа. Если бессознательно описывать одинъ матерьялъ, то ны ничего неузнаемъ; но приходитъ художникъ и передаетъ намъ свой взглядъ объ этой матерьялѣ, и расскажетъ намъ какъ это явление называется и назоветъ намъ людей въ немъ участвующихъ, и иногда такъ скажетъ, что именз эти переводить въ тинъ; и скажетъ, когда сѣ повбратъ этому тину, то название его переводитъ въ ния нарицательное для всѣхъ, относящихся къ этому тину людей. Чѣмъ сивнѣе художникъ, тѣмъ вбрыжь и глубже-выскажетъ свой свою мысль, свой взглядъ на общественное явление и тѣмъ болѣе неможеть общественному сознанию. Разумѣется тутъ почти вося важнѣе какъ самъ-то художникъ способенъ оиотрѣть; маъ чего составляетъ его собственный взглядъ, — гуманенъ ли онъ, презрѣдѣе ли, гражданинъ ли наконецъ самъ художникъ? Въ этомъ заключаетъ задача и назначеніе художества, а выветъ съ тѣмъ опредѣляется вося и роль, которую имѣеть искусство въ общественномъ развитіи. Кстати: нашъ журналъ обвиняютъ въ томъ, что мы хотимъ поаать слыучить современность однимъ искусствомъ и левини-то-еще возсторгани художниковъ и поэтовъ. Мы никогда не говорили такого вздара; мы всегда только отстаивали и зывали самостоятельное значеніе искусства, естественность его самостоятельности и такимъ образомъ его полную необходимость въ дѣлѣ общественного развитія и сознания, но вося не исключительность. Впрочемъ мы писали для тѣхъ, которые способны хоть что-нибудь понимать. Искусство немогаетъ сильнѣмъ и могуществомъ своимъ образочъ человеческому развитію, дѣйствуя на человека-пластично и образно. Но врата такъ же естественна и такую же имѣеть законную роль въ дѣлѣ развитія человеческого, какъ и искусство. Она совсѣтливо разбираетъ то, что искусство представляетъ намъ только въ образочъ. Въ критикѣ выражается вся сила, весь сокъ общественныхъ возводоъ и убвжденій въ данный моментъ. Но вромѣ неааетъ в еще томе совсѣтливо-самостоятельная сила, томе служащая къ развитію челове-

челвкъ и полюбившему его сознанию. Это — наука, сила страшная, рожденная съ человѣкомъ и которая оставитъ его.. да тѣхъ народъ, немъ человекъ будетъ жить на землѣ. Мы все это признавали и признаемъ и наррасомъ обещаемъ вамъ, что мы все принадлежатъ раздѣлѣ и общественнаго сознанія, вѣлаемся только на одно искусство, Впрочемъ не хотѣли бы же намъ на всеъ цѣлѣвства, которыя на насъ извѣдать!

Но закончимъ же о г. Успенскомъ.

Все что мы написали въ этой статьѣ до сихъ поръ, клонитъ все только къ тому, чтобъ отвергнуть бездарную и тупую мысль ребенка и взрослого приложенія перелъ материаломъ и задѣлать, что на дѣлѣ этого и бытъ не можется. Кстати, чтобъ ужъ не копаться съ этимъ, скажемъ: Воздержность къ посвященности дѣла въ изъ нашихъ изученій народнаго быта полезна и необходима; она спасаетъ отъ идеализаціи и многихъ другихъ ошибокъ; но излишняя осторожность и недоувѣрчивость къ себѣ да атдѣхъ выводѣтъ почти точно также вредна. Мы боимся ошибокъ, боимся чести изъ одного самолюбія, а между тѣмъ изученіе народнаго быта необходимо. Пусть будутъ ошибки, но ошибки долге не предвѣдутъ и только черезъ ошибки мы придемъ къ истинѣ. Истина всегда друа, не доставалась. Кто убѣждаетъ въ своемъ мнѣніи, въ своемъ дѣлѣ, — пусть заливаетъ его. Это благороднѣе трусливаго молчанья. Сильно думать, что мы разомъ достигнемъ всей правды. Какъ текъ дѣлалось? Когда это бывало? Пусть только не будетъ неудобъ существенныхъ выводовъ и вотъ все, что покажется нужно. Г. Успенскій тоже не можетъ писать безо всякой мысли, и у него есть ми одъ. Выводовъ окончательныхъ онъ правда не представляетъ, ми хвалитъ гипотезныхъ, ми сознательныхъ, можетъ быть потому, что тѣмъ же его не такъ силенъ, чтобъ формулировать всю мысль, егъ дѣлѣ, нуа, ясно и опредѣлительно. Но все-таки у него есть зачатокъ мысли, широкой и плодотворной, и слѣдовъ ея нельзя не видѣть прочтѣ егъ книгу. Г. Успенскій впервые любитъ народъ, на все зато-то, и поэтому-то, а любить его какъ онъ есть. Далъ шло все дорого, въ народѣ, шлоша черта; вотъ почему онъ какъ а дорожить каждой чертой. Съ виду его разсказъ какъ будто безстрастенъ: г. Успенскій никого не квалитъ, видно что и не хочеть вѣлать; не выставляеть на видъ хорошихъ сторонъ народа и не ширеть ихъ на повѣствіи, общеринатыа и вышнатыа идеализаціей широва добродѣтели. Онъ и не бранитъ за это, даже какъ будто шне серяется, но доумывается. Сознательный выводъ онъ предлагаетъ сѣлать самому читателю. А между тѣмъ есть слѣды, что безотрастіе это все на отъ, развѣдушія и внутреннего спокойствія. Это можно прослѣдвать въ самыхъ

Все это мы говоримъ не потому, чтобы намъ такъ особенно дорога была художественная отдѣлка вещицы (хотя и краснота отдѣлки въ этомъ случаѣ слишкомъ не мѣшаетъ), но потому что эта самая художественность отдѣлки придаетъ мысли ясность, выпуклость, осязательность, правду: а художническая сила и состоитъ въ правдѣ и въ яркомъ изображеніи ея. Тоже простодушіе въ любви къ народу у г. Успенскаго замѣчается и въ прекрасномъ его рассказѣ «Поросенокъ». Въ продолженіе всего рассказа смѣтается, но не исключительнымъ смѣхомъ; а если такъ, то на насъ уже подѣйствовало идею писателя. Мы знаемъ: Инымъ скороспѣлымъ поспѣваетъ этотъ рассказъ именно потому, что вотъ дескать, «посмотрите добрые люди, какъ легко у бѣдной женщины, живущей своимъ трудомъ и простодушнымъ отнаряманіемъ пероселтъ, упрестъ, въ нашемъ обществѣ, перосенка и такимъ образомъ получить бѣдную женщину нѣсколькихъ рублей, необходимыхъ для ея пропитанія. Посмотрите, наконецъ, какъ затруднительно въ нашемъ обществѣ отыскать петерянаго перосенка; сколько неправды, сколько востокъ должна была она дать, а перосенокъ все-таки не отыскался, да въ сѣ неа же заковецъ взяла штрафъ... Нѣтъ! позавѣсть законъ... матеріальное обезпеченіе... ясность взгляда на вещи... развитіе и т. д. и т. д.» Все это очень хорошо; и дѣйствительно сириведливо; но намъ важно болѣе то, что г. Успенскій позволяетъ намъ дѣйствительную, настоящую суть дѣла. Отдаленное негодование на злодѣйство (почему же слово: «злодѣйство» не можетъ быть употреблено и относительно пропавшаго поросенка? Въ дѣлѣ тутъ не совсѣмъ въ поросенка дѣло) — можетъ быть возбуждено и одна изъ чтоніемъ статистическихъ таблицъ. Но художникъ позволяетъ намъ какъ именно дѣло происходило, и тѣмъ, чрезвычайно объясняетъ, можетъ быть, даже самыя статистическія таблицы. Г. Успенскій исполнилъ задачу свою великодушно. Мало того, что мы видимъ окончателъную форму и состояніе нашей администраціи, основанной между простонародьями, а въ паразитовъ и по, великъ образомъ, такая полная невозможность, такая идеальная утопія можетъ ужиться въ средѣ простонародья и такъ же твердо опредѣлиться въ ней, какъ самый неотразимый фактъ въ мірѣ. Добродушіе отношеній, охватывающихъ администрацію и народъ, всего болѣе въ этомъ случаѣ удивительно. Это-то добродушіе и составляетъ задачу, нашу претивовенію, серьезнѣйшіи предметъ изученія, а уличная, совершенно фризая картина дѣйствительности чрезвычайно дополняетъ въ этомъ случаѣ дѣла дѣла. Перосенка въ провалъ не споримъ уже о томъ безконечномъ простодушіи рассказу, а дѣйствительности этой честной, врасе не глумою женщины, которая не до-

зрѣваетъ даже и тѣмъ смѣшного въ своемъ разсказѣ, (по театрку, слушающая этотъ разсказъ, и не можетъ смѣяться. Имъ не такъ какъ намъ, не до смѣху; со всякой изъ нихъ тоже можетъ случиться), но посмотрите: бабенка вродѣ знаетъ, а если не знаетъ, то предчувствуетъ, *должна предчувствовать*, — (всларомъ же она жила сорокъ лѣтъ на свѣтѣ), — что черезъ начальство трудно отыскать поросенка. Между тѣмъ она идетъ къ начальству. Всѣ съ нея берутъ; но это бы еще ничего, такъ водится, сразу не выскоблишь, но важно то, что берутъ съ нея не за то, чтобъ сыскать ея поросенка, а для того, что ее какбы самое считаютъ виновною. Пошла въ лапы; такъ ужь себя одну вини. По всѣмъ прісмамъ видно, что баба сама наконецъ считаетъ себя въ чемъ-то виноватою. И все это наказать, но совершенно безгрѣшно, потому что всѣ совершенно увѣрены, что такъ и должно быть. Въ этомъ-то и величайшій кощунствъ разсказа. Ей наконецъ даютъ выговоръ: какъ она смѣетъ безпокоить начальство, пишутъ разумѣется, — (ну какъ не перевести при такомъ случаѣ двухъ-трехъ листовъ бумаги), и отлучаютъ наконецъ, разумѣется безъ поросенка, но съ солдатами, которыхъ всѣмъ таи съ нея требуютъ взятку, не за что-нибудь, не изъ злобы какой-нибудь, а такъ, чтобъ остаться вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ: у него и въ мысляхъ не можетъ быть, чтобъ съ нея не взять. Простодушіе, добродушіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ возвращеніе самыхъ обыкновенныхъ, самыхъ естественныхъ понятій; добродушиѣешее признаніе необходимости такихъ фактовъ, которыхъ и просто-то за фактъ нельзя признать, и напротивъ надо причислить къ горьчайшему брежу, къ болѣзни мозга, эта незлобность разсказчицы, принимающей все это за необходимость и даже за законъ природы, объясняется только однимъ: совершенною отчужденностью духа народнаго отъ духа административнаго. Еслибъ административный порядокъ вынуждалъ изъ духа народнаго, изъ свойствъ народныхъ, сколько-нибудь былъ бы среди народа, то онъ былъ бы ему и понятенъ, силъ бы возмущалъ его въ случаѣ злоупотребленій, споръ бы онъ понималъ его, всѣ его извращенія и недостатки. Но секретность, таинственность, мистическая замкнутость административнаго до сихъ поръ еще является напередъ, стоять предъ нами какой-то загадкой. Намъ вѣрно нравится наконецъ, что г. Успенскій выбралъ такой обыденный случай для своей критики. Обыденныхъ случаевъ больше, чѣмъ необыденныхъ: изъ нихъ ослается возмущанъ простонародья. Да и дерзновенность, неоскверненность духа народнаго, при такой обстановкѣ становится еще понятнѣе, несмотря на умерительную кощунность разсказа.

Есть у г. Успенскаго еще разсказъ «Старуха», по нашему мнѣ-

нiю самый значительный — изъ всѣхъ двадцати четырехъ разсказовъ. Эта старуха смѣренно рассказываетъ все, самое дорогое души своей, самому безучастному человѣку въ мiрѣ, немного уже цивилизованному дураку, который считаетъ себя несравненно выше ея и слушаетъ ее отъ нечего дѣлать. Добровольное, вполнѣ бессознательное приниженіе старухи, понимающей, что ея горе надобливо для слушателя, извиняющей потому этого слушателя и даже и не думающей роптать на грубую его неумѣтельность, даже считающей, что ей дѣлаютъ огромное оложеніе позволяя ей поплакать о своей великой, материнской скорби — все это передано даже художественно.

Вы чувствуете, что это вѣрно, и васъ невольно поражаетъ мысль о внутренней правотѣ народной нравственности, о глубинѣ сердца народнаго и о прирожденной широкости его человѣческихъ воззрѣній и, главное, все это отражается такъ ярко, — повидному въ послѣднемъ изъ созданий, забытой, загнанной и полу-помѣшавшейся деревенской бабѣ. Слушатель ея уже отдѣлился отъ народа. Онъ уже на первомъ шагѣ цивилизаціи. А на первомъ шагѣ цивилизаціи человѣкъ грубѣе и несравненно разъединеннѣе съ народомъ чѣмъ на послѣднемъ.

Незнаемъ разовьется ли далѣе г. Успенскій. То, что движетъ его внутренно, — вѣрно и хорошо. Онъ подходитъ къ народу правдиво и искренно. Вы это чувствуете. Но можетъ ли онъ взглянуть глубже и дальше, сказать собственно *свое*, не повторять чужого, и наконецъ суждено ли ему развиваться художественно? Суждено ли ему развить въ себѣ *свою* мысль и потомъ ясно, осознательно ее высказать? Все это вопросы. Но заплатки очень хороши; будемъ надеяться.

Литературныя Воспоминанія М. Панаева

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

(Соврем. 1861 г. кн. IX, X, XI)

Читатели могут вознегодовать на насъ за слишкомъ пристальное вниманіе, которое мы обращаемъ на «Воспоминанія» г. Панаева. Въдъ мы разъ уже говорили о нихъ и пробовали характеризовать ихъ. Ужь не измѣнились ли во второй части взглядъ и манера автора? Нѣтъ, они все тѣже и кажется не общають ничего новаго впередъ. Тоже отсутствіе глубины, таже страсть къ поверхностной карикатурѣ, таже брезгливость относительно внѣшней обстановки и раздражительность въ отношеніи къ рѣзкимъ манерамъ. Но чтоже дѣлать! Своя рубашка къ тѣлу ближе. Мы говоримъ о «Воспоминаніяхъ» г. Панаева потому, что дѣло касается литературы. Эти «Воспоминанія» составляютъ у насъ исключительное явленіе; мы такъ мало знаемъ исторію нашей литературы, такъ мало имѣемъ для нея источниковъ, что рассказы г. Панаева, раздаваясь безъ повѣрки и противорѣчія, могутъ имѣть больше значенія, чѣмъ сколько имъ слѣдуетъ имѣть по самой сущности дѣла. Мы очень желали бы, чтобы хорошій примѣръ г. Панаева нашолъ себѣ подражателей между литераторами много жившими и видѣвшими. Какихъ бы они направленій и мнѣній ни были, если они рѣшатся писать воспоминанія, мы получимъ болѣе всесторонніе и полные очерки лицъ и явленій нашей литературы; тогда станетъ возможно болѣе правильное пониманіе ея исторіи и труднѣе будетъ исказить ее въ чьихъ-нибудь глазахъ неполнымъ или карикатурнымъ рассказомъ.

Да не пустое-ли это дѣло? спроситъ иной читатель. На первый разъ можно отвѣчать, что когда оно будетъ слѣдано, только тогда и можно будетъ рѣшить пустое ли оно или нѣтъ. Въ томъ и была, что если судить напримѣръ по «Воспоминаніямъ» г. Панаева, то неумудрено признать литературу и ея исторію большею частію за

великіе пустяки. Но не его «Воспоминанія», а только настоящей, подлинной исторіи принадлежит сила рѣшить, какое значеніе имѣла и имѣетъ литература въ нашей жизни. Вопросъ вообще интересный, въ особенности интересный для литераторовъ, и наконецъ попросту животренещущій по своей современности. Въ настоящее время, какъ вѣроятно не разъ замѣчали читатели, литераторы нерѣдко очень свысока смотрятъ на свое собственное дѣло, на литературу. И въ самомъ дѣлѣ, что это за занятіе? Читать книги да водить перомъ по бумагѣ, извлекая на всепародвыя очи то, что создается въ собственной головѣ, — развѣ это есть настоящее дѣло? Развѣ можно составить изъ него главное занятіе, преимущественную дѣятельность своей жизни? Какъ есть разница между словомъ и дѣломъ, такъ есть большое различіе между жизнью и литературою. Писатели чувствуютъ это различіе и какъ-будто томятся стремленіемъ выйти изъ своей сферы и войти въ потокъ жизни. Возникаетъ странная борьба съ самимъ собою, сопровождаемая то страданіемъ, то мечтательными надеждами. Писатель съ нѣкоторымъ презрѣніемъ смотритъ на свои труды, начинаетъ думать, что онъ былъ достоинъ лучшей участи, наконецъ надѣется, что современемъ судьба укажетъ ему болѣе высокія цѣли.

Какъ судить объ этой борьбѣ? Гдѣ и какъ она можетъ найти свое примиреніе? Вопросы болѣе глубокіе, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Источникъ этой борьбы заключается глубоко въ самомъ руслѣ человѣческой исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, — у древнихъ ея не было. У древнихъ, въ цвѣтущую эпоху древности не было писателей, а были только мудрецы, законодатели; не было поэтовъ, а были только слагатели молитвъ и священныхъ сказаній; не было художниковъ, а были только строители общественныхъ зданій и ваятели статуй боговъ. Каждый человѣкъ служилъ общему дѣлу жизни и слѣдовательно не могъ пожаловаться на свою участь и позавидовать судьбѣ другого. Когда же въ первый разъ явился человѣкъ, который усомнился во всецѣлой своей принадлежности этому общему духу, который богохульно утверждалъ, что онъ дѣйствуетъ по внушеніямъ своего собственнаго генія, который свое право поставилъ наравнѣ съ правомъ государства, — словомъ, когда явился Сократъ, то афиняне отравили его цикутой.

Съ тѣхъ поръ воды много утекло. Когда долго слагавшаяся жизнь опять стала развертываться, одно изъ первыхъ ея изобрѣтеній было книгопечатаніе. Очевидно жизнь страшнымъ образомъ усложнилась и уже искала себѣ выхода во всѣ стороны, по всѣмъ путямъ. Книгопечатаніе по сущности дѣла есть стихія свободнаго развитія, при которой всякая централизація стала невозможною.

Говорить можно только съ согражданами или вообще съ тѣмъ, съ кѣмъ имѣешь прямое дѣло; печать открыла возможность говорить со всѣмъ свѣтомъ. Слушать можно было только людей близкихъ, имѣющихъ непосредственное вліяніе; читать можно всякаго, хотя бы живущаго на другомъ полушаріи. Такимъ образомъ книгопечатаніе разорвало тѣсную связь между жизнью и мыслью, и мысль образовала свою особую сферу, въ которой уже не могла быть ничѣмъ стѣсняема и свободно принимала разнообразнѣйшія формы.

Итакъ тѣ, кто вслѣдъ за Руссо готовъ нападать на книги вообще, кто жалѣеть о слишкомъ большомъ количествѣ времени, употребляемомъ людьми на чтеніе и писаніе, должны наконецъ убѣдиться, что они спохватились слишкомъ поздно, что дѣло зашло слишкомъ далеко и воротиться назадъ нельзя. Начинать опять снова человѣческую исторію невозможно.

Но если намъ необходимо покориться своей участи, то нужно до крайней мѣры переносить ее какъ возможно разумнѣе. Если отънынѣ и до конца времени намъ суждено имѣть множество писателей и читателей, то нужно, чтобы эти люди понимали свое значеніе. Если уже необходима литература, то лучше, если у насъ будетъ хорошая, а не дурная литература. Если множество людей убиваютъ свое время на недѣятельное занятіе — чтеніе, то лучше, чтобы они читали хорошія, а не дурныя вещи.

А что нужно для того, чтобы этого достигнуть? Мы любимъ дѣлать то, что хорошо дѣлаемъ, и можемъ хорошо дѣлать только то, что любимъ. Нужно любить свою литературу; писатель долженъ съ любовью заниматься писательскимъ дѣломъ, а читатель съ любовью слѣдить за писателемъ.

Литература не есть выдумка, мечта, проектъ: она есть фактъ. Слѣдовательно ее возможно любить, не одною платоническою, но дѣйствительною, живою любовью. Чтобы почувствовать къ ней такую любовь, нужно именно взять ее въ ея дѣйствительности, въ ея жизненной, фактической сторонѣ, нужно вникнуть въ ея исторію. Наша родина, какъ извѣстно, сторона печальная. Много мы ждемъ отъ нея впереди; есть у насъ горячія симпатіи къ ея неподвижнымъ и глухимъ равнинамъ, и все-таки мы съ горечью оглядываемся назадъ. Что мы построили, что создали? Гдѣ наши памятники, гдѣ наша живая исторія? Какіе досадно темные и неопредѣленные отвѣты мы должны давать на эти вопросы! Но есть у насъ одинъ отвѣтъ ясный и вполне опредѣленный: у насъ уже есть литература; жизнь пробилась къ ней свѣтлою, текущею струею.

Поэтому писатель, любя литературу, и у насъ любить вѣчто дѣйствительное, а не призрачное и мечтательное. Значеніе своей

дѣятельности онъ можетъ понимать на живомъ неизгладимомъ примѣрѣ. Исторія литературы указываетъ ему, что такое литература, въ чемъ состоитъ существенная сторона дѣла, которымъ онъ занимается. Эта исторія учитъ его, въ какомъ отношеніи литература находится къ жизни, какимъ образомъ литераторъ, поэтъ можетъ быть важенъ, полезенъ, необходимъ въ общемъ строѣ жизни. Какъ ни молода наша литература, какъ ни коротка ея исторія, но въ этомъ отношеніи она намъ безконечно дорога. Рѣдко счастливая судьба выпадаетъ на долю русскимъ людямъ на попримѣ ихъ дѣятельности. Проживаютъ они свою жизнь обыкновенно безъ всякаго слѣда, совершивши ничего прочнаго, побывши ничѣмъ для своей исторіи и своего народа. Если и литераторы будутъ убѣждены, что они ничто для своей среды и своего времени, то разумѣется не будетъ у нихъ любви къ своему призванію; если и литература наша такая же голая степь, какъ многія другія попримѣ нашей жизни, то безотрадно будетъ каждому изъ писателей, какъ бываетъ безотрадно человеку покинутому въ степи, вдали отъ всякой жизни.

Вотъ почему мы такъ цѣнимъ историческіе очерки, касающіеся нашей литературы; вотъ почему обращаемся къ «Воспоминаніямъ» г. Панаева. Какъ мы замѣтили, читатель выноситъ изъ нихъ убѣжденіе, что литература пустяки, а литераторы — люди, занимающіеся вустыками. Г. Панаевъ щадитъ немногихъ, напримѣръ Бѣлинскаго, Грановскаго; мудро бы было впрочемъ не пощадить ихъ. И безъ г. Панаева мы имѣемъ нѣкоторое понятіе объ ихъ значеніи. Отъ г. Панаева мы могли бы ожидать совершенно другого — именно что онъ раскроетъ намъ значеніе другихъ лицъ, менѣе важныхъ и извѣстныхъ. Вѣдь мы народъ современный, старыхъ книгъ не читаемъ и гордимся за новизною; что за услугу оказалъ намъ г. Панаевъ, выставляя въ смѣнномъ видѣ прежнихъ дѣятелей? Для насъ они и безъ того не существовали; что же мы выиграли, если повѣримъ расскажемъ г. Панаева, изображающимъ ихъ ничтожество?

Во второй части «Воспоминаній» рѣчь идетъ о концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ. Г. Панаевъ рассказываетъ намъ о тогдашнихъ московскихъ кружкахъ. Больше или менѣе всѣмъ извѣстны два знаменитые кружка того времени, именно славянофильскій, центромъ котораго былъ Константинъ Аксаковъ, и философскій, въ главѣ котораго стоялъ Станкевичъ. Это были живыя, не замерзлыя явленія, которыхъ вліяніе простиралось далеко и обнаруживается дониндѣ. Наша нынѣшняя литература связана съ ними кровнымъ родствомъ и можно бы указать множество нитей, соединяющихъ лучшія явленія нашего времени съ этими малоизвѣст-

ными въ свое время кружками. Посмотримъ же какъ отнесся къ нимъ г. Панаевъ.

Разсказывая про свою дружбу съ славянофилами, г. Панаевъ даетъ понять, что онъ самъ былъ чѣмъ-то въ этомъ родѣ. «Всякій разъ — говоритъ онъ — когда я выѣзжалъ изъ Петербурга, мнѣ становилось легче. Я никогда не чувствовалъ къ нему особенной привязанности. Москва всегда нравилась мнѣ своею картинностью и оригинальностью.»

Читатель можетъ замѣтить, что этого еще мало, для того чтобы назвать г. Панаева того времени славянофиломъ. Но судя по его разсказу, ничего больше не нужно. Изъ его словъ невозможно вывести о славянофилахъ никакого понятія, кромѣ того, что они любили Москву за ея картинность, что они ходили любоваться ею съ Воробьевыхъ горъ и съ другихъ мѣстъ, и вообще безпрестанно восхищались ею. Больше г. Панаевъ ничего не нашолъ у нихъ, хотя бывалъ у Аксаковыхъ почти всякій день. Въ одномъ мѣстѣ онъ впрочемъ попробовалъ характеризовать мнѣнія Константина Аксакова; но вотъ что изъ этого вышло:

«Онъ любилъ—писать г. Панаевъ—не человѣка, а исключительно русскаго человѣка, да и то такого только, которой родился на Москвѣ-рѣкѣ или на Клязьмѣ. Русскихъ, имѣвшихъ несчастіе родиться на берегу финскаго залива, онъ уже не признавалъ русскими.»

И только; и больше не говорится о его взглядахъ на слова. Хорошая характеристика! Москва-рѣка, Клязьма и финскій заливъ. выручили г. Панаева изъ бѣды. При помощи ихъ онъ хоть немного, а сказалъ таки о направленіи славянофильства. Въ другомъ случаѣ ему помогъ сертукъ. Это случилось такъ. Г. Панаевъ и К. Аксаковъ лежали на травѣ на берегу Москвы-рѣки у Драгомиловскаго моста и предавались славянофильству, т. е. любовались Москвою. Аксаковъ одушевился, вскочилъ съ земли и вотъ что сказалъ:

«Пора намъ сознать нашу національность, а сознать ее можно только здѣсь; пора сблизиться намъ съ нашимъ народомъ, а для этого надо сначала сбросить съ себя эти глупыя, кургузья иѣмецкія платья, которыя раздѣляютъ насъ съ народомъ (и при этомъ Аксаковъ склонился къ землѣ, поднявъ свой сертукъ и презрительно отбросилъ его отъ себя).»

Вотъ все, что вынесъ г. Панаевъ изъ своихъ личныхъ отношеній съ славянофилами. Такъ онъ ихъ понималъ, такъ глубоко запали ему въ душу ихъ рѣчи! Съ этой точки зрѣнія понятно, что настоящимъ героемъ, служащимъ для характеристики славянофильства, у г. Панаева выходитъ — угадайте кто? Хомяковъ? Аксаковъ? Не тутъ-то было. Герой г. Панаева — М. Н. Загоскинъ. Изъ

славянофиловъ ему посвящено наибольшее число страницъ драгоценныхъ воспоминаній. Какіе смѣшныя анекдоты! Подробно разсказывается какъ онъ бранилъ новыя идеи, какъ учился французскому языку, какъ подчивалъ автора русскимъ виномъ, какъ восхищался лукутинскими табакерками и проч. и проч. Смѣшно, очень смѣшно.

Давно ли вышли эти проникательныя воспоминанія, а какъ видно они уже приносятъ плоды. Славянофилы, къ крайнему соблазну многихъ, существуютъ до сихъ дней. Они издаютъ газету *День*. «День» есть современное явленіе, о которомъ слѣдуетъ говорить и имѣть нѣкоторое усиленное мнѣніе. Объ немъ отъивались многіе журналы, и въ «Библіотекѣ для Чтенія» (ноябрь) отозвался недавно вѣкто З—ъ, въ статьѣ подъ заглавіемъ «Порой межъ волка и собаки». Г. З—ъ громитъ славянофильскую газету безъ милосердія и ворадовалъ насъ многими успѣхами російской литературы въ сознаніи крѣпкихъ выраженій. Статья впрочемъ замѣчательна и многими мнѣніями, которыя удивительны неменѣе сужденій самого «Русскаго Слова», столь обыкновенно доносящаго изумленіе читателей до послѣдней возможной стѣпени. Но самое удивительное во всей статьѣ безъ сомнѣнія то, что авторъ для своихъ мнѣній о славянофилахъ ищетъ основанія и опоры... въ чемъ? — въ «Воспоминаніяхъ» г. Панаева!

Что вы, о поздніе потомки,
Помыслите о нашихъ дняхъ?

Дѣло такъ любопытно, что мы рѣшаемся представить его вполне на судъ читателей. Г. З—ъ говоритъ, что главный предметъ, пониманіемъ котораго хвалится «День», есть *русская народность*, именно «понятая и опредѣленная Кирѣевскими, Хомяковыми и Аксаковыми Константиномъ».

— Эти три имени новый органъ славянофильства выбрасываетъ своимъ флагомъ.

— Русская народность! Знаешь ли ты, кто такой Константинъ Аксаковъ, который такъ хорошо понялъ и опредѣлилъ тебя (по крайней мѣрѣ таково мнѣніе объ немъ его родного брата)? (1)

— Знаю, и могу поразсказать кое-что:

(1) Этотъ попрекъ въ родствѣ (г. З—ъ дѣлаетъ его Ив. Аксакову не первый) указываетъ на всю силу родственныхъ связей на святой Руси. Самые просвѣщенные люди не могутъ повѣрить, чтобы братъ безпристрастно хвалилъ брата. Такое невѣріе можетъ основываться конечно только на сознаніи совершенной невозможности такого безпристрастія въ своей собственной душѣ. Какое несчастье для г. Ив. Аксакова, что одинъ изъ главныхъ представителей славянофильства былъ — его родной братъ!

• Въ половинѣ обѣда (Совр. 1861 г. Октябрь. Литер. Воспом. г. Наинаева) начались тосты. Первый тостъ былъ за Грановскаго, сопровождавшійся громкими единодушными криками западниковъ и славянофиловъ; Грановскій благодарилъ и предложилъ тостъ за Ш—ва. Третій тостъ былъ за университетъ.

• Послѣ этого Константинъ Аксаковъ, съ энергически сжатымъ кулакомъ и сверкающими глазами, громкимъ торжественнымъ голосомъ, ударивъ кулакомъ по столу произнесъ:

— Милостивые государи! я предлагаю вамъ тостъ за Москву!

• Тостъ этотъ былъ принятъ всеми съ энтузіазмомъ... И въ ту самую минуту раздался звонъ колоколовъ, призывавшихъ къ вечернѣ.

• Ш—въ, воспользовавшись этимъ, произнесъ своимъ пѣвучимъ и тоненькимъ голоскомъ:

— Слышите ли, господа, московскіе колокола отвѣтствуютъ на этотъ тостъ!

• Эта эффектная выходка съ одной стороны возбудила улыбку, съ другой — восторгъ. Константинъ Аксаковъ произнесъ съ необыкновеннымъ пафосомъ извѣстные стихи свои къ Москвѣ, начинающіеся такъ:

• Столица древняя, родная!
Тебя ль не вѣдаетъ страна?
Тебя назвать — и Русь святая
Съ тобою вмѣстѣ названа • и т. д.

• Послѣ этихъ стиховъ, Ш—въ въ свою очередь полошолъ къ Аксакову и началъ прижимать его къ груди своей...

• Когда шумъ и славянофильскіе восторги смолкли, кто-то изъ западниковъ сказалъ:

— Милостивые государи! я предлагаю тостъ за всю Русь, исключая и Петербурга...

• Г. Ш—въ вдругъ измѣнился въ лицѣ при этихъ словахъ...

— Позвольте, я прошу слова! воскликнулъ онъ...

• Милостивые государи! позвольте замѣтить, что тостъ, предложенный намъ сейчасъ — бесполезенъ, ибо уже въ тостѣ за Москву заключался тостъ всей Россіи: Москва — ея сердце, мм. гг., ея представительница. Москва, какъ справедливо замѣтилъ Константинъ Сергѣичъ Аксаковъ въ превосходной статьѣ своей, помѣщенной въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», поминала ежедневно на переключкѣ всѣ русскіе города... И пошолъ и пошолъ.

Тутъ кончается выписка. Начинаетъ говорить г. З—ъ.

• Богѣ этого русская народность ничего не знаетъ о Константѣ Аксаковѣ; а пока она не знала объ немъ этого (*), онъ былъ ей извѣстенъ не болѣе извѣстнаго финикійца Санхоньятона.

(*). То-есть до октября 1861, когда вышла книжка «Современника».

Сколь лестно для г. Панаева узнать, что русская народность знает все что онъ пишетъ, столь же убійственно должно быть для славы К. Аксакова замѣчаніе, что русская народность знаетъ его только по рассказамъ г. Панаева. О печальная судьба! На чемъ могутъ быть основаны такія соображенія? Г. З—ъ съ злобною радостью замѣчаетъ, что славянофильскіе органы *обыкновенно умираютъ*. Въ настоящемъ случаѣ, собственно говоря, дѣло имѣетъ обратный видъ: «День» только что родился. Но еслибы онъ и не нашолъ большой поддержки, развѣ это что-нибудь доказываетъ? Слишкомъ легко было бы цѣнить людей и мнѣнія, еслибы для этого нужно было только сосчитать число подписчиковъ на журналы. Славянофиламъ можно въ этомъ отношеніи искренно позавидовать. Ихъ мало читали, но ихъ всегда уважали. Мало ли было журналовъ, которые шли во сто разъ усиѣннѣе, мало ли писателей, которые читались въ тысячу разъ болѣе? А между тѣмъ многіе изъ нихъ исчезли, не оставивъ по себѣ доброй памяти; много именъ, нѣкогда знаменитыхъ, покрыты теперь безславіемъ. Славянофилы же, эти Кирѣевскіе, Хомяковы, Аксаковы — чѣмъ дальше, тѣмъ знаменитѣе, тѣмъ свѣтлѣе и чище ихъ память. Это какія-то живучія имена, и кто любитъ истинную жизнь, тотъ не отвернется отъ нихъ съ презрѣніемъ, какъ отворачиваются тѣ, кто изъ-за минутнаго шума и треска не слышитъ ничего менѣе громкаго, но болѣе постояннаго. Знаемъ мы очень хорошо, что въ мнѣніяхъ этихъ людей и въ проявленіяхъ этихъ мнѣній есть многое, что и можно и должно оспаривать; но тѣмъ неменѣе нельзя не признавать ихъ за важныя и органическія явленія нашей литературы.

Объ этомъ странно даже и говорить. Но какъ ни странно твердить азы, какъ ни неловко при всякомъ случаѣ возвращаться къ азбукѣ предмета, нынѣ подобныя толкованія требуются безпрестанно. То, что можно сказать о славянофилахъ въ шутку, въ видѣ карикатуры ихъ мнѣній, тѣ принимается нынѣ за самую сущность дѣла. Не иронически, не по методѣ свиста, а серьезно, въ самомъ прямомъ смыслѣ насъ стараются увѣрить, что Константинъ Аксаковъ есть нуль въ нашей литературѣ, и что славянофильство состоитъ въ исповѣданіи живописности Москвы и въ ношеніи бороды и кафтана.

Посмотримъ теперь, какъ г. Панаевъ отнесся къ кружку Станкевича. Здѣсь дѣло обнаруживается яснѣе. Авторъ «Воспоминаній» увѣряетъ насъ, что этотъ кружокъ, въ то время какъ онъ съ нимъ познакомился, *запутался* въ гегелевскихъ опредѣленіяхъ и формахъ, что пропагандистомъ нѣмецкой философіи и именно Гегеля были въ этомъ кружкѣ нѣкто Б—цъ, что Бѣлинскій незамѣтно за-

путывался въ сѣтяхъ теоріи Б—на, и что этотъ Б—нъ самъ *дрожжно* путался (подливныя рѣчи г. Панаева) въ философскихъ категоріяхъ и формулахъ. Словомъ, сами путались и другіихъ путали — и въ этой путаницѣ состоитъ у г. Панаева вся характеристика кружка Станкевича.

По счастью несравненное прямодушіе и искренность г. Панаева открываютъ намъ, что собственно въ этомъ дѣлѣ онъ не могъ быть судьей. Тотъ же Б—нъ, самъ путавшійся и путавшій другихъ, вздумалъ попутать и г. Панаева.

Б—нъ — ишьеть г. Панаевъ — съ какимъ-то ожесточеніемъ бросался на каждое новое лицо, и сейчасъ посвящалъ его въ философскія тайны. Въ этомъ было много комическаго, потому что онъ не разбиралъ, приготовлено или нѣтъ это лицо къ воспринятію проповѣдываемыхъ имъ отвлеченностей.

Замѣчаніе справедливое. Дѣйствительно нужно было быть разборчивѣе. Вслѣдствіе недостатка такой разборчивости съ В—нымъ случилось вотъ что.

«Вскорѣ послѣ моего знакомства съ нимъ, онъ приполъ ко мнѣ и цѣлое утро толковалъ мнѣ о *примиреніи* и *прекраснодушіи*. Утро было жаркое, потъ лился съ меня градомъ, я усиливался понять хоть что-нибудь, но къ моему отчаянію, не понималъ ничего, стыдился однакоже признаться въ этомъ.»

Изъ этого комическаго случая (замѣтите страсть г. Панаева къ комическому) читатель можетъ вывести правильное слѣдствіе, что г. Панаевъ самъ не могъ судить о томъ, путались или не путались Б—нъ и Бѣлинскій въ гегелевой философіи. Вѣроятно онъ повторяетъ въ этомъ случаѣ чье-нибудь чужое слово, котораго значеніе для него самого неясно... (Ставимъ точки въ подражаніе автору).

Такъ или иначе, по конецъ концовъ одинъ у г. Панаева: кружокъ Станкевича въ его разсказѣ имѣетъ столь же мало значенія, какъ и кружокъ Аксакова. Въ заключеніе онъ восклицаетъ:

«Сколько молодости, свѣжести силъ, усилій ума потрачено на разрѣшеніе вопросовъ, которые теперь, черезъ 20 слишкомъ лѣтъ кажутся смѣшными! Сколько кипѣнія крови, сколько увлеченій и заблужденій!.. Но все это не пропало даромъ. До истины люди добиваются невдвугъ...»

Можно сердечно порадоваться, что г. Панаевъ новидимому добрался наконецъ до истины; насъ смущаетъ только то, что по его словамъ, пока люди не доберутся до истины, они непремѣнно должны заниматься смѣшными вопросами. Что за бѣдовое житье на свѣтѣ! Трудисься, полагая всю душу на свое дѣло, а черезъ 20

лѣтъ какой-нибудь человѣкъ доберется до истины, и окажешься въ глазахъ его смѣшнымъ и гонимымъ на одиѣ карикатуры.

Вопросъ, по случаю котораго г. Панаевъ нашолъ смѣшными вопросы, занимавшіе Бѣлинскаго и его друзей, есть вопросъ о Лермонтовѣ. Нельзя не замѣтить, что этотъ выборъ смѣшного вопроса весьма неудаченъ. Можетъ-быть г. Панаевъ никакъ не запутается въ Лермонтовѣ и порѣшилъ вполне вопросъ объ этомъ поэтѣ; но вѣдь никто этого не знаетъ. Что касается до всѣхъ извѣстныхъ статей о Лермонтовѣ, то мы находимъ, что критика далеко не вполне его разъяснила. Статьи Бѣлинскаго далеко не все сказали и даже явнымъ образомъ оставляли пока въ сторонѣ окончательную и характеристическую оцѣнку загадочнаго поэта.

Кромѣ московскихъ кружковъ г. Панаевъ много говоритъ въ этой части о Грановскомъ и Бѣлинскомъ. Въ отношеніи къ Грановскому съ авторомъ «Воспоминаній» случилось маленькое несчастіе. Глава, посвященная знаменитому профессору, наполнена всевозможными похвалами ему. Казалось бы дѣло законное, противъ котораго нечего возражать, а между тѣмъ чтоже вышло? Москва обидѣлась за Грановскаго этими похвалами. Въ «Русской рѣчи» (№ 94) явилось небольшое возраженіе противъ этой главы «Воспоминаній», проникнутое сдержаннымъ, но горячимъ негодованіемъ.

«Дѣло въ томъ, — говоритъ авторъ «Возраженія», — что никакія усилія, никакой талантъ не вызовутъ изъ груди нѣкоторыхъ звуковъ, если въ этой груди нѣтъ способности къ нимъ... Вопреки всего звучитъ фальшивая нота и пуще грубаго крика раздражаетъ чуткое ухо... Истина не терпитъ поддѣлки».

Но кромѣ общей фальши тона г. Панаева, авторъ «Возраженія» указываетъ еще на нѣкоторыя ошибки, необходимо требующія объясненія со стороны г. Панаева. Извѣстно, что «Современникъ» очень неодобрительно отзывался о трудахъ Сергѣя Аксакова, заслужившихъ съ другихъ сторонъ такія громкія похвалы. Говоря о Грановскомъ, г. Панаевъ естественно вспомнилъ его сужденія объ этомъ спорномъ предметѣ. Г. Панаевъ утверждаетъ, что Грановскій смѣялся надъ тѣмъ, что С. Т. Аксаковъ возведенъ былъ въ литературные патриархи и что изъ него сдѣлали кумиръ. «Это было (для большей точности прибавляетъ г. Панаевъ) на вечерѣ у Ар—ова, черезъ два года послѣ выхода «Воспоминаній» Аксакова.»

Московскій почитатель Грановскаго замѣчаетъ на это, что «Семейная хроника» и «Воспоминанія» вышли въ началѣ 1856 г. Теперь спрашивается, говоритъ онъ, какъ могъ Грановскій, скончавшійся въ 55 г., говорить о книгѣ, вышедшей въ 56-мъ, да еще черезъ два года послѣ ея появленія?

Не знаемъ чѣмъ это объяснить г. Панаевъ¹⁾. Прибавимъ только, что во всякомъ случаѣ ссылка его на авторитетъ Грановскаго очень неудачна. Пріятно всякому знать мнѣніе знаменитаго человѣка о какомъ-нибудь предметѣ, но пужно чтобы это дѣйствительно было мнѣніе. А что приводитъ г. Панаевъ? Что Грановскій не признавалъ С. Аксакова *патріархомъ русской литературы* и не дѣлалъ изъ него для себя *кумира*. Что же это значить? Развѣ есть тутъ хоть одна черта, выражающая мнѣніе Грановскаго объ Аксаковѣ? Кумировъ ни изъ кого творить не должно. Званія патріарха въ видѣ особаго чина въ литературѣ, если не ошибаемся, не существуетъ. Спрашивается: что же такое говорилъ Грановскій, если только говорилъ? И неужели ничего болѣе опредѣленнаго не умѣлъ заимовить г. Панаевъ?

Въ отношеніи къ Бѣлинскому рассказы г. Панаева, намъ кажутся, требуютъ такой же поправки, какая оказалась нужною въ отношеніи къ Грановскому. Очень желательно бы было, чтобы кто-нибудь, хорошо знавшій нашего критика, оцѣнилъ общій тонъ г. Панаева и проверилъ частности его рассказа. Что касается до насъ, то мы считаемъ необходимымъ сдѣлать хотя немногія замѣчанія. Въ рассказѣ г. Панаева замѣтна неполнота, дающая ему, можетъ-быть неумышленно, неправильный смыслъ.

Извѣстно, что Бѣлинскій вступилъ на литературное поприще съ малымъ образованіемъ, за что его называли во время оно вѣдоучившимся мальчишкой. Извѣстно также, что втеченіе своего литературнаго поприща онъ перемѣнялъ свои убѣжденія. Оба эти факта нельзя приводить безъ оговорокъ. Незначительно было его начальное образованіе, но велики были силы духа, которыя даны были ему природою и безъ которыхъ образованіе, какое бы нибыло, остается безплоднымъ. Если измѣнялъ онъ свои убѣжденія, то измѣнялъ ихъ по глубокой внутренней необходимости. Самое это измѣненіе свидѣтельствуетъ о могучей живучести его развитія. Такимъ образомъ оба эти обстоятельства имѣютъ здѣсь смыслъ вовсе не тотъ, какой они могутъ имѣть для людей ничтожной натуры; недостаточность образованія не помѣшала развитію Бѣлинскаго, и перемѣна убѣжденій не была признакомъ ихъ слабости.

Въ какомъ же видѣ изображаетъ оба эти факта г. Панаевъ? Онъ не разъяснилъ ихъ надлежащаго смысла, и потому невольно вводитъ

¹⁾ Въ XII книжкѣ «Современника» г. Панаевъ черезъ своего друга Нового Поэта объявляетъ вполнѣ справедливыми замѣчанія «Русской Рѣчи». Оказывается слѣдовательно, что слова Грановскаго, каковы бы они ни были, вовсе не относятся къ той славѣ и къ тѣмъ похваламъ, какія заслужилъ С. Аксаковъ своею кннгою «Семейная хроника и «Воспоминанія».

читателя въ соблазнъ превратнаго истолкованія. Какъ мы уже видѣли, знакомство Бѣлинскаго съ философіею Гегеля имѣеть у г. Панаева тотъ единственный смыслъ, что Бѣлинскій въ ней путался и запутывался в потому занимался смѣшными вопросами. Въ подобномъ же свѣтѣ выставляется и недостатокъ образованія и перемѣна убѣжденій.

Оказывается, что Бѣлинскій не читалъ ни на какомъ иностранномъ языкѣ. Г. Панаевъ, какъ человекъ знавшій пофранцузски, помогалъ Бѣлинскому въ его знакомствѣ съ французскою литературою, нарочно для него переводилъ отрывки и составлялъ компиляціи. При чтеніи этихъ переводовъ Бѣлинскій, по свидѣтельству г. Панаева, не разъ восклицалъ :

« — Да ! всему виною мое проклятое невѣжество. Еслибы я зналъ все это прежде, я не написалъ бы этихъ безобразныхъ статей, которыя составляютъ несчастіе моей жизни, лежатъ на мнѣ неизгладимымъ пятномъ !.. »

Подобныя рѣчи нельзя оставить безъ строгаго толкованія. Что здѣсь главное ? То ли, что Бѣлинскій признавалъ себя невѣждою ? То ли, что онъ своему невѣчеству приписывалъ глубокіе недостатки первыхъ своихъ статей ? Такъ можно судить только при совершенномъ неумѣнн итти дальше поверхности вещей. Сущность дѣла вовсе не въ этомъ ; что Бѣлинскій сперва незналъ чего-нибудь, а потомъ узналъ, въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго : подобныя случаи очень обыкновенны со всѣми людьми. Главное здѣсь безъ сомнѣнія тотъ необыкновенный жаръ, съ которымъ Бѣлинскій предавался своему знанію, то стремленіе горячо проповѣдывать все, что онъ считалъ истинною въ данную минуту. Вотъ эта способность энтузіазма и воодушевленія всѣмъ, что онъ зналъ, есть дѣйствительно удивительное явленіе, рѣдкое ; своеобразное и глубоко отличавшее нашего знаменитаго критика.

Изъ этой способности къ твердымъ и живымъ убѣжденіямъ прямо объясняются и всѣ страданія, которыя терпѣлъ Бѣлинскій, перемѣнивъ свои убѣжденія на другія, признанныя имъ болѣе истинными. Чѣмъ глубже было первое увлеченіе, тѣмъ сильнѣе должна быть реакція, тѣмъ безпощаднѣе казнь всего, что нѣкогда было дороже жизни. Между тѣмъ г. Панаевъ рассказываетъ о мученіяхъ Бѣлинскаго такъ, какъ-будто тотъ дѣйствительно надѣлалъ дурныхъ дѣлъ.

« — Жизнь моя не должна быть долга, говорилъ онъ мнѣ (пишетъ г. Панаевъ) : — во мнѣ зародышъ заботки, я это очень хорошо знаю; но я охотно отдалъ бы нѣсколько лѣтъ жизни, еслибы могъ искупить

этимъ воплиѣ мое безуміе, до тла истребить воспоминаніе объ этой эпохѣ и уничтожить всѣ нелѣпыя статьи мои, относящіяся къ ней.

Это могъ говорить Бѣлинскій въ пылу увлеченія; но у кого же повернется языкъ сказать, что на Бѣлинскомъ лежитъ хоть какое-нибудь пятно, требующее искупленія? Развѣ не одинаково чистъ и благороденъ былъ его энтузіазмъ и при старыхъ, и при новыхъ убѣжденіяхъ?

Приведемъ здѣсь еще мѣсто, всего лучше характеризующее Бѣлинскаго, и безъ сомнѣнія лучшее мѣсто во всѣхъ «Воспоминаніяхъ» г. Панаева. Дѣло идетъ еще о старыхъ убѣжденіяхъ.

«Онъ (Бѣлинскій) началъ ходить по комнатамъ въ волненіи.

— Да, это мои убѣжденія, продолжалъ онъ, разгораясь болѣе и болѣе... Я не стыжусь, а горжусь ими... И что мнѣ дорожить мнѣніемъ и толками чортъ знаетъ кого? Я только дорожу мнѣніемъ людей развитыхъ и друзей моихъ... Они не заподозрятъ меня въ лести и подлости. Противъ убѣжденій никакая сила не заставитъ меня написать ни одной строчки... они знаютъ это... Подкупить меня нельзя... Клянуся вамъ, Панаевъ — вы вѣдь еще меня мало знаете...

«Онъ подошелъ ко мнѣ и остановился передо мною. Блѣдное лицо его вспыхнуло, вся ирвань прилила къ головѣ, глаза его горѣли.

— Клянуся вамъ, что меня нельзя подкупить ничѣмъ!.. Мнѣ легче умереть съ голода — я и безъ того рискую эдакъ умереть каждый день (а онъ улыбулся при этомъ съ горькой ироніей), чѣмъ потоптать свое человѣческое достоинство, унижить себя передъ кѣмъ бы то нибыло, или продать себя...

«Разговоръ этотъ со всѣми подробностями живо врѣзался въ мою память. Бѣлинскій какъ-будто теперь передо мною...»

Что сказать объ этомъ? Легко можетъ случиться, что кто-нибудь пустится и въ такія толкованія: какъ низко стоялъ тогда Бѣлинскій! И за какія убѣжденія онъ такъ горячился! Не могъ понять сколько въ нихъ фальшиваго и дурного! Слабая должна быть голова.

Но правильное заключеніе кажется будетъ другое. Въ такія минуты едвали Бѣлинскій не поднимался всего выше. Крѣпокъ долженъ быть духъ челоуѣка, который такъ свято цѣнилъ свои убѣжденія. Тотъ, кто такъ горячо любитъ истину, дѣйствительно способенъ стать ея истиннымъ поборникомъ, ея жрецомъ и проповѣдникомъ.

Примѣръ Бѣлинскаго есть для насъ глубоко поучительный примѣръ, потому что показываетъ намъ, что значитъ истинное убѣжденіе. Твердить одно и тоже десятки лѣтъ сряду — не значитъ еще быть твердо убѣжденнымъ. Поддакивать однимъ и идти противъ

другихъ не значить еще быть смѣлымъ и честнымъ бойцомъ. Чтобы сохранять или измѣнять убѣжденія, нужно прежде всего ихъ имѣть. Мало ли людей, которые хвалятся свободою мысли только потому, что не имѣютъ и понятія объ этой свободѣ и постоянно находились въ рабствѣ? Мало ли такихъ, которые кричатъ противъ авторитетовъ только потому, что сами вполне подчинены извѣстнымъ авторитетамъ? Мало ли такихъ, которые считаютъ себя скептиками, потому что имъ незнакома глубокая увѣренность; называютъ себя смѣлыми, потому что для нихъ нѣтъ ничего дорогого?

У Бѣлинскаго въ первую его эпоху уже было нѣчто дорогое, была глубокая увѣренность, было свободное призваніе авторитета. Измѣнивъ своимъ убѣжденіямъ перваго періода, онъ доказалъ дѣйствительную честность, настоящую способность быть свободнымъ отъ авторитетовъ, истинную смѣлость и твердость. Послѣ этого понятны рѣзкія слова, сказанныя помнится самимъ Бѣлинскимъ: «только дураки никогда не измѣняютъ своихъ убѣжденій.»

Мы сочли нужнымъ все это замѣтить, потому что «Воспоминанія» г. Панаева не остаются, какъ видно, безъ вліянія. Въ XI кн. «Современника», въ «Замѣткахъ новаго поэта» повторяются намеки на то, что у Бѣлинскаго образованіе было далеко не прочное и не твердое; что онъ не съ перваго шагу сталъ на прямой путь, шолъ по своей дорогѣ ощупью, увлекался и впадалъ въ юношескій паэосъ... К чему это, спрашивается? Все это нисколько не рѣшаетъ дѣла, если только вы его хотите рѣшить, а не запутать. А что касается до увлеченій и юношескаго паэоса, то первый упрекъ, который можно сдѣлать нашей литературѣ, будетъ именно упрекъ въ недостатокѣ паэоса и увлеченія... Все холодно, вяло; много шуму и треску; а гдѣ слышится горячій и рѣшительный голосъ?..

Много бы другихъ замѣтокъ можно сдѣлать на «Воспоминанія» г. Панаева, но мы ограничимся пока тѣми, которыя считаемъ самыми важными. Какъ мы сказали, характеръ «Воспоминаній» остается тотъ же. Въ одномъ только случаѣ г. Панаевъ измѣняетъ себя. Говоря о г. Красевскомъ въ этой второй части, онъ впадаетъ въ лиризмъ и доходитъ до истиннаго паэоса. Что же? Предметъ достойный!

ДО НѢКОЛЬКУ СЛОВЪ О НѢКОТОРЫХЪ ХОРОШИХЪ КНИГАХЪ

Между читателями (мы говоримъ объ обыкновенныхъ читателяхъ, а ихъ слава-богу на Руси уже много), какъ и вообще между людьми, есть такіе, которые живутъ по преимуществу чувствомъ, — это любители романовъ, драмъ, повѣстей, поэмъ, словомъ такъ-называемой беллетристики. Другіе напротивъ живутъ умомъ, жаждой знанія: это любители книгъ съ научнымъ содержаніемъ. Въ сущности причина, пробудившая въ нихъ любовь къ чтенію, одна и таже: это — неполнота образованія. Но въ тѣхъ и въ другихъ одинъ и тотъ же недостатокъ отозвался различно. Люди съ преимущественно развитымъ чувствомъ, будучи недовольны и собою и окружающей ихъ средой, желаютъ, сознательно или безсознательно, для насъ это не имѣетъ большой важности, сыскать хотя во взятой для прочтенія книжкѣ жизнь, не похожую на ту, на которую они обречены сами, сыскать жизнь полную тревогъ и волненій съ одной стороны и наслажденій съ другой. Читая, они принаравливаютъ къ себѣ развиваемыя авторомъ событія, становятся на мѣсто дѣйствующихъ лицъ, словомъ, хотя въ воображеніи, но живутъ иной, не обыденной жизнью. Люди съ преимущественно развитымъ умомъ, при тѣхъ же обстоятельствахъ, берутся напротивъ за научную книгу. Пораженные всей пошлостью и грязью окружающей ихъ среды, всей бѣдностью окружающей ихъ природы, измѣнчивостью ея, словомъ несостоятельностью всего окружающаго ихъ міра, они стремятся узнать какъ и почему составила именно такая, а не иная среда, таковы ли дѣйствительно ихъ отношенія, какими онѣ должны быть по законамъ природы, да есть ли наконецъ непреложные законы и въ самой природѣ. Рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ оказывается для нихъ невозможнымъ, и вотъ они, чувствуя, что это зависитъ отъ недостаточности образованія, имъ даннаго, стремятся къ самообразованію. Будучи не въ состояніи исключительно предаться ученымъ занятіямъ, тѣмъ бо-

лишь что для авида, заглавіи: необходимо, и чина, подлогое, которой въ ихъ мѣтѣ, они петашо: бы навсегда, всеудовлетворенными, еслибы не популярныя книжки объ предметахъ, замѣтствованныхъ въ міра наукъ.

Какъ повидимому ни разнообразны потребности тѣхъ и другихъ любителей чтенія, однако условія того, чтобы книжка понравилась читателямъ, въ сущности одинаковы. Въ самомъ дѣлѣ, для того чтобы, беллетристическое произведеніе удовлетворило потребности, и дѣламъ настоящихъ любителей чтенія, оно необходимо должно быть хорошимъ; плохое, въ которомъ, неестественная завязка и развязка, невыдержанность характеровъ дѣйствующихъ лицъ, блѣдность красокъ и т. д., не учтетъ никого, а слѣдовательно для любителя, который желаетъ пережить то, о чемъ рассказываетъ ему авторъ, оно будетъ совершенно бесполезно и лучше его не читать. Точно такъ и любитель научнаго чтенія, не приученный къ настоящему ученому труду, тяготеетъ, несмотря на всю свою любознательность, сухимъ и чисто-научнымъ изложеніемъ предмета: оно невольно возбуждаетъ въ немъ заботу и кладитъ его ко сну, — явленіе чисто физическое, какъ слѣдствіе слишкомъ напряженнаго вниманія. Чтобы книга понравилась ему, необходима красота въ ея изложеніи; авторъ долженъ усвоить себѣ эстетическій взглядъ на предметъ, да и рассматривая его съ этой именно точки зрѣнія, долженъ еще дать ему художественную обстановку. Такимъ образомъ какого бы рода ни были предлагаемыя любителямъ чтенія книжки, во всякомъ случаѣ если онѣ имѣютъ претензію вполнѣ понравиться читателямъ, для нихъ необходимо условіе — быть хорошо-написанными произведеніями.

Если у насъ мало охотниковъ до чтенія популярныхъ книгъ серьезнаго содержанія, то главною причиною того безъ сомнѣнія несостоятельность этихъ книжекъ къ отношенію къ самому важному условію ихъ привлекательности, только лишь указанному нами. Да много ли, и было до сихъ поръ популярныхъ книгъ, въ нашей литературѣ! А между тѣмъ, на Руси теперь уже очень верѣдко и очень много, достигшіе наконецъ всю пустоту и нелѣпность плохихъ беллетристическихъ произведеній, ищутъ и охотно берутся за серьезныя книги.

Мы думаемъ пособить въ этомъ нашимъ читателямъ, рекомендуемъ имъ книжки собственно для легкаго чтенія, какого бы содержанія онѣ ни были, беллетристическаго или серьезнаго, но такія, въ которыхъ красота изложенія если и не преобладаетъ, то во всякомъ случаѣ играетъ весьма важную роль, хотя и не отказываемъ себѣ въ правѣ порекомендовать при случаѣ и чисто-ученую

книгу, если только въ ней простота изложения соединяется съ интересностью предмета. Начиная съ того, что можетъ занять всѣхъ и каждого: это.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И КАРТИНЫ. Составлено по Грубе и другимъ источникамъ. Выпуски I и II; 1860 г. Москва. Въ типографіи Грачева и К^о. Цѣна за обѣ 1 р. 50 к.

Грубе педагогъ и писалъ собственно для воспитанниковъ учебныхъ заведеній, но не думайте, что эта книжка тѣмъ самымъ дѣлается неинтересною для взрослыхъ. Бывши воспитанниками мы πολλά не знали о подобныхъ пособіяхъ къ изученію географіи, да кому же онъ предполагаетъ своими читателями дѣтей старшаго возраста и слѣдовательно близкихъ къ окончанію курса, почти взрослыхъ. По выходѣ этой книжки на русскомъ языкѣ, нѣтъ возможности представить себѣ учебное заведеніе, начальство котораго не позаботилось бы о приобрѣтеніи ея даже въ нѣсколькихъ экземплярахъ для учебной бібліотеки. Въ этихъ книжкахъ составитель старается ознакомить читателей съ цивилизаціей народовъ континентальной Европы, переходя съ возможной постепенностью отъ народовъ самыхъ невѣжественныхъ къ народамъ все болѣе и болѣе цивилизованнымъ, такъ что онъ начинаятъ разсказами о тѣхъ, у которыхъ цивилизаціи нѣтъ совсѣмъ и зависимость которыхъ отъ окружающей ихъ природы бросается въ глаза на каждомъ шагу, — о сѣверныхъ номадахъ, а кончаетъ очерками Франціи, гдѣ человѣческія отношенія наиболѣе сложны. Только по поводу лапландцевъ и самоёловъ читатель переносится изъ Европы въ Азію, да по поводу испанцевъ въ Америку; въ ихъ прежнія колоніи, Мексику и Перу. Въ прекрасныхъ очеркахъ, заимствованныхъ у замѣчательнѣйшихъ туристовъ новѣйшаго времени, представлены здѣсь отчасти природа и мѣстность, но главнѣйшимъ образомъ обычаи и нравы сѣвера (Европы и Азіи: лапландцы, самоёды, остяки); австрійскихъ владѣній (венгры, поляки, чехи, придунайскіе славяне); альпійской области (все это составляетъ выпускъ I), Италіи, Испаніи (гдѣ между прочимъ Мексика и Перу), Греціи и Франціи (это выпускъ II). Группировка и выборъ картинъ, назначенныхъ для характеристики каждой страны и народа — превосходны: три, много шести очерковъ такъ прекрасно характеризуютъ мѣстность и народъ, что тотчасъ же совершенно осваиваешься съ ними; напримѣръ Италіи посвящено всего три очерка, но это Римъ, съ его отличительными чертами, карнавалами и страстной недѣлей, Венеція и Геркуланумъ; а зная ихъ вы уже знаете Италію; потому что она вся въ нихъ со всѣмъ своимъ добромъ и зломъ, со всѣмъ прошедшимъ и настоящимъ.

щивъ и даже съ зачатками будущаго. Самый картиннѣе, но лучше всего намъ одна изъ выдержку изъ I выпуска:

КРАСОТА ПОЛЯРНОЙ НОЧИ

Это было въ половинѣ ноября. Погода стояла хорошая и приобрѣла уже то спокойствіе и тотъ опредѣленный характеръ, который она сохраняетъ продолженіе всей зимы. Правда, солнце оставило насъ, но какъ жаль и жалко объ его отсутствіи, смотри на чудную картину съ особенностями! Солнце казалось только для того и скрылось за горизонтъ, чтобы на все положить печать спокойствія и торжественности. всему придать магическій блескъ, все облить уѣвъ роскошными пламенемъ, которое незамѣтно распространилось по всему небу.

Какъ въ природѣ, такъ и въ душѣ моей все было спокойнѣе и тише, солнце унесло съ собою все страсти. Самые слабые звуки были слышны въ значительномъ отдаленіи, и я на противоположномъ берегу Фугленеса прислушивался къ нѣзримому шороху, тогда какъ глѣбой ни одинъ звукъ не долеталъ отсюда. Зрѣлище неба безъ солнца было такъ поразительно оригинально, что я совершенно забылъ землю и все смотрѣлъ только на сіяющій горизонтъ. День былъ похожъ на свѣтлыя сумерки, и мы были въ состояніи весь объѣздъ нашъ не замѣгая свѣчи, хотя это было необходимо для тѣхъ, кто хотѣлъ читать или писать.

Какъ только наступилъ вечеръ, тысячи блуждающихъ огоньковъ таинственно закружились въ воздухѣ, какъ-будто были назначены провидѣніемъ освѣщать своими кроткими лучами часы мрака. Сѣверное сіяніе образуетъ поперегъ неба блестящую дугу изъ блѣднаго, играющаго пламени, которое съ непостижимою быстротою движется, являясь какъ змѣя. Потомъ оно вдругъ исчезаетъ, и ночь закутываетъ все своимъ чернымъ покрываломъ; но вслѣдъ за тѣмъ невнятное пространство эфира мгновенно покрывается снова огнемъ, который принимаетъ совершенно новый видъ и развиваетъ по небу слабый, серебряный свѣтъ; являющій подобно волнамъ или скорѣе облакамъ; темными тѣдрами; Узкія полосы пламени съ непостижимой быстротою прорѣзываютъ воздухъ; въ нѣсколько минутъ пробѣгаютъ всю дугу небеснаго свода и исчезаютъ за южными горизонтъ. Время отъ времени увидишь вдругъ наверху широкую массу свѣта, въ формѣ лучистаго вѣнка сходящаго къ землѣ, и потомъ въ одинъ мигъ исчезающаго.

Сѣверное сіяніе показывается чаще всего въ тихую погоду; однакожь иногда я не видалъ его живѣе, какъ при свѣжѣмъ юговосточномъ вѣтрѣ; который хотя прямо встрѣчался съ сѣвернымъ сіяніемъ; шедшимъ съ большою быстротою съ противоположной стороны; но вѣроятно нисколько не мѣшалъ его движенію, потому что оно въ увѣковъ неизмѣнимомъ потокѣ свѣта продолжало свой путь. Я всегда замѣчалъ, что оно проходило съ сѣверозапада и исчезало на юговосточномъ.

стой. Сначала показывались обыкновенно слабые, неправильные дуги свѣта, востодившіе въ вышинѣ за горами и имѣвшіе большое сходство съ заревомъ отдаленнаго пожара; но они недолго остаются на горизонтѣ, а восходятъ до зенита, и принимаютъ большое разнообразіе формъ и движеній, такъ что простое описаніе не можетъ дать объ нихъ никакого понятія.

Явленіе сѣвернаго сіянія не всегда обусловливалось безоблачнымъ небомъ; я замѣчалъ его и на нѣскольکو пасмурномъ небѣ. Однажды показалось темнокрасное пламя, медленно входящее навстрѣчу облака на сѣверозападѣ, и дѣлъ или три минуты продолжавшее неподвижно, какъ-будто это было огражденіе большого свѣта. Когда я взглянулъ на зенитъ, то замѣтилъ маленькую, едва замѣтную свѣтлую точку, а минуту спустя освѣтилась вся пустыня неба, точно такъ какъ-будто солнце разомъ вышло изъ-за густаго облака. На слѣдующій день погода была пасмурная и грозила снѣгомъ. Къ концу ноября холодъ сѣлся, сидѣть небо прояснилось и свѣтъ, происходящій отъ сѣверной утренней зари (аурога borealis), сталъ иногда такъ силенъ, что при немъ я былъ въ состояніи читать что-нибудь крупно напечатанное и найти иголку, въ случаѣ еслибѣ я уронилъ ее.

4. Вечеръ приближался съ необыкновеннымъ блескомъ. Закажи усадный небосклонъ сіялъ удвоеннымъ свѣтомъ, и зрѣвище было въ высшей степени великолѣпно. Морозъ былъ рѣзокъ; все блестяло и сверкало на небѣ и на землѣ.

Трудно описать необыкновенную яркость мерцанія многихъ небесныхъ тѣлъ; цвѣтъ ихъ переходилъ отъ огненнаго, оранжево-желтаго къ ярко-красному и каждый лучъ ихъ сквозь чистый эфиръ бросался въ глаза. Сѣверное сіяніе начало играть вокругъ насъ и надъ нами. Блѣдные снопы пламени упали сперва изъ верхней точки, потомъ ароматиче огоньки быстро спустились вдоль неба и поколебали голубой воздушный океанъ, между тѣмъ какъ ночная планета (свѣтло?) быстро продолжала свой путь во тверди небесной и кратко и усталю смотрѣла на насъ. Каждая звѣзда, каждый побѣгъ сверкала какъ-будто услащенный драгоценными камнями; свѣтлая искра тысячъ тысячъ кристалловъ напоминала о волшебныхъ сказкахъ; елики и березы и являлись деревьями много, лучшаго міра. Мы пробажали черезъ очарованный эфиръ, выросшій для того, чтобы укоротить для насъ часть долгой ночи. Мы съ нашими странными фигурами, отъ мороза и инея закутанные въ шубы, мы, въ молчаливомъ бѣгѣ везомые вѣтвясто-рогатыми, свѣтловыми конями, пахожи были не на людей, а скорѣе на шайну подземныхъ духовъ, пробажающихъ черезъ думы пространства, чтобы танцовать съ ланландскими вѣдьмами и торжествовать правдикъ полуночи.

Мы взяли этотъ очеркъ не потому, что онъ лучше другихъ, но потому что онъ покороше, а между тѣмъ и въ немъ уже видно какъ

хорошо обрисовывается природа описываемыхъ здѣсь странъ. Не менѣе хороши и описанія самыхъ мѣстностей, напримѣръ Богемія, Женевское озеро и проч. Что же касается до нравовъ и обычаевъ, то нужно отдать справедливость составителю: народы расположены такъ, что соблюдена возможно строгая постепенность въ переходахъ отъ менѣе развитыхъ къ болѣе развитымъ, и быть каждаго изъ этихъ представителей различныхъ степеней европейской цивилизаціи описанъ въ полной подробности. Безъ пощадки народному тщеславію и безъ униженія народной гордости, здѣсь безпристрастно представлены все, и хорошія, и дурныя качества каждаго народа; напримѣръ для характеристики французовъ, націи цивилизованной, въ чемъ отдается ей полная справедливость и почему ей отведено болѣе другихъ мѣста, представленъ между прочимъ и такой очеркъ:

Парижъ и благодѣяніе

Я закутался плотнѣе въ свой плащъ, потому что дулъ холодный сѣверо-западный вѣтеръ и дождь хлесталъ мнѣ въ лицо, когда, направляясь къ Passage de l'Opéra, я переходилъ Pont-au-Change противъ Palais de Justice. Ничто столько не поддастъ прыти, какъ подобная сырая январская погода; ея двойственный характеръ рѣшительно сбиваетъ съ толку зимою. Можно отнестись къ природѣ словами мастера Лотца къ Маслалину: не понимаю, что дѣлается на свѣтѣ! (*) При переходѣ черезъ площадь du Chatelet мое вниманіе было невольно привлечено густой толпою, которая близъ Побѣдной колоны стѣснилась вокругъ повозки, запряженной двумя ослами. Это была карета съ двумя отдѣленіями. На маленькой трибунѣ, устроенной около козелъ, стоялъ какой-то господинъ въ черномъ фракѣ и держалъ рѣчь къ толпѣ; сверху на имперіалѣ экипажа, маленькій мальчикъ въ шутовскомъ балахонѣ билъ въ барабанъ, аккомпанируя двумъ взрослымъ музыкантамъ, въ подобныхъ же костюмахъ, которые извлекали ужасные звуки на какихъ-то жестяныхъ инструментахъ, и несмотря на сырость и следовательно скверный резонансъ, такъ шумѣли, что нельзя было на площади, въ буквальномъ смыслѣ, разслышать своихъ собственныхъ словъ. Господинъ на трибунѣ, канцельмейстеръ этого страшнаго оркестра, колокольнымъ давалъ знать музыкантамъ когда нужно молчать, когда увлечь свое рвеніе. Сначала я было принялъ его за нѣмого, но по окончаніи этого эфемерическаго удовольствія, доставленнаго имъ публикѣ, — ояр, началъ свое вранье. На этомъ господинѣ былъ фракъ, бѣлый галстукъ, очки съ большими синими стеклами, шапка укра-

(*) Въ известной драмѣ Геббеля, съ которой мы уже познакомили читателей.

щевная звѣздочками, золотыми кистями, и если не ошибаюсь, слѣдующей надписью, вышитой серебромъ: «Latrand, ci-devant attaché au service des hopitaux militaires». Изъ ящика козелъ онъ вытащилъ два скелета; блестящія бѣлыя кости одного были связаны желтой проволокой, а другого сухими жилами. Со множествомъ таинственныхъ и многозначительныхъ жестовъ ci-devant attaché, называвшій еще chirurgien de l'empereur de Maroc, поставилъ скелеты въ движалъ костями, соответственно своимъ движениямъ. Потому онъ изображалъ мимически боль, втираніе мази и совершенное выздоровленіе скелета; наконецъ, показавъ съ дюжину свидѣтельствъ въ рамкахъ подъ стекломъ со множествомъ печатей, онъ далъ знакъ музыкантамъ замолчать и началъ говорить почти въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— Господа, кто изъ васъ боленъ? Никто? А это потому, что вы не можете узнать болѣзни. Человѣкъ рожденъ для страданій... Всякій можетъ возбудить боль, но я ее могу уничтожить. Если вы больны, приходите ко мнѣ и скажите: M-r Latrand, ci-devant attaché au service des hopitaux militaires! я боленъ. Хорошо! И я начну васъ лечить, потому что я врачъ, великій врачъ. Да, я учился — о! я много учился! Я лечилъ въ Алжирѣ на полѣ битвы. Взгляните на эти свидѣтельства гг. генераловъ нашей побѣдоносной, покрытой славой арміи. Да, наши храбрые солдаты получаютъ рапы, но я излечиваю эти рапы... Только 50 сантимовъ. Messieurs et mesdames, я лечу и мужчинъ и женщинъ. Видите этотъ флакончикъ, — въ немъ бальзамъ, и что это за бальзамъ! Не хотите ли понюхать, нѣтъ? Онъ нехорошо пахнетъ, но всѣ хорошія лекарства дурно пахнутъ. Я продаю вѣдь не eau de Cologne. Но если у васъ болитъ рука, голова, нога, желудокъ или что-нибудь другое, возьмите пять капель этого бальзама и растирайте больное мѣсто одинъ разъ въ день: мужчины утромъ, женщины вечеромъ. Это единственное различіе основано на томъ, что мужчины находятся подъ вліяніемъ солнца, а женщины подъ вліяніемъ луны. И только 50 сантимовъ! Я народный врачъ, я не хочу и дѣла нѣтъ съ богачами!

Въ этомъ тонѣ онъ говорилъ, говорилъ до тѣхъ поръ пока духъ не захватило. Тутъ началась опять музыка и дала время отдохнуть голосу великаго врача императора Марокко, который опять принялся за мимическія штуки съ скелетами. Я подумалъ было, что игра свѣтъ не стоитъ, но ошибся, потому что на моихъ глазахъ въ нѣсколько мгновеній было раскуплено множество пузырьковъ. Такихъ кочующихъ великихъ врачей можно здѣсь встрѣтить вездѣ. Зубные врачи, бездежно дергающіе зубы, всякій праздникъ появляются на елисейскихъ поляхъ. На козлахъ ихъ экипажа раскладываются выдерганные зубы. Едва успѣтъ сойти одинъ пациентъ, какъ уже взбирается другой. Все дѣло въ томъ, чтобы каждый взялъ какое-нибудь средство отъ зубной боли или зубную мазь.

Рѣчь этихъ господъ иногда возвышается до истиннаго паэоса. Они могутъ говорить по дѣлымъ часамъ не повторяясь: чѣмъ нагѣе они

«Шарлатанъ, выдъ безстыднѣе агуть, тѣмъ лучше агуть ихъ дѣла. Если шарлатанъ усвоился въ огромной практикѣ чудотворнаго доктора, онъ значимаетъ: «а вы думаете, что я пришолъ сюда только для того, чтобы собирать деньги? Какъ-будто ихъ у меня самого мало! Я продаю ежедневно на нѣсколько тысячъ франковъ. Взгляните! (Онъ встряхиваетъ карманъ съ деньгами и начинаетъ рыться въ немъ) вотъ это я собралъ только сегодня. Вы думаете, что это простые су? Та-та-та! Посмотрите-ка, сосчитайте! Нѣтъ? Это золото, чистое золото! Хотите серебри? Да здѣсь его больше чѣмъ у всѣхъ у всѣхъ въ карманнхъ и прі! — Если начинаете смѣяться надъ его безстыдствомъ, это мало значитъ! Разсужденіе его дура! Вы смѣетесь? Вы думаете, явдой шарлатаномъ! Да, посюда, я шарлатанъ, большой шарлатанъ. Но будете ли вы меня душить, если я не буду шарлатаномъ? Но что же вы сами, я что весь міръ? Вездѣ шарлатанство! Взгляните на эту добрую женщину съ земляничкой: не положила ли она лучшія ягоды сверху и пр.»

Подобныя замѣчанія достигаютъ своей цѣли; универсальныя средства раскупаются въ огромномъ количествѣ и доставляютъ огромный избытокъ изобрѣтателю. Конечно дѣйствіе лекарства будетъ — вѣдоръ. Таки же чловки употребляетъ и купецъ. Онъ выстаиваетъ въ ожиданіи цѣлу рожаръ ишиной, за которую продаетъ, чтобы привилъ мушкетера. Вошедшій въ магазинъ непременно купитъ.

Это только нѣкоторые случаи парижской blague, но ее встрѣчаютъ всюду: и въ прессѣ, и въ лавкахъ, и въ модныхъ магазинахъ, и въ мастерскихъ художниковъ. Одинъ продаетъ свернѣнція черъ и пишетъ красивыя буквы, чтобы доказать достоинство перьевъ. Онъ не говоритъ: «посмотрите какъ я пишу», а «посмотрите, какъ пишутъ эти черъ». Тамъ вертится продавецъ отравы для мышей, и чтобы доказать дѣйствительность своего средства, привязалъ съ дюжину веревкыхъ крыкъ къ шесту съ надписью: «pas de prison, guerre implacable aux rats».

Прочтите руководящую статью въ газетѣ, послушайте лекцію въ Collège de France, поблизайте на публичномъ собраніи амалосин — и вы увидите всю возрѣннѣе blague. Вездѣ преувеличеніе, противорѣчія, самообманіе.

Но trotzъ же самый человекъ, который дозволяетъ этой blague продолжать себя и при доуцкѣ бафзама въ 10 су, и при покупкѣ годуса на выборахъ, тотъ же самый человекъ говоритъ: «quelle blague!»

Но данныя нами отрывкамъ читатели легко могутъ судить о привлекательности цѣлаго и цѣтъ сомнѣнія, что книжки эти быстро разойдутся между любителями такъ называемаго серьезнаго чтенія. Что касается до любителей беллетристики, то мы смѣло можемъ сказать, что они нисколько не ошибутся, оставивъ для прочтенія этой книжки, даже и очень хронже беллетристическое произведение. Да и чтобы это не роднитъ (если вы уже такой записной оворъ

никъ до романовъ, что безъ нихъ и жить не можете): тутъ есть и герой — это человекъ въ общемъ значеніи слова, и вы можете прослѣдить всю его жизнь, со всеми ея тревогами, удачами и неудачами, радостями и скорбями, начиная съ его младенчества на дальнемъ сѣверѣ, гдѣ его мать — природа оказывается такой плохой воспитательницей, и переходя по всемъ возрастамъ до возмужалости, при которой онъ хотя и вошелъ въ умъ, хотя и подумаетъ, что ему слѣдуетъ дѣлать и какъ ему слѣдуетъ жить, да воспитаніе, не давшее ему на силы, не дали дѣлать изъ него — *благора*.. Въ самомъ дѣлѣ, *любитель романовъ*, — и *сибл*. потому *самому* человекъ, способный уноситься воображеніемъ даже и въ заоблачныя страны, — при чтеніи этихъ очерковъ можетъ также сильно *экст*-тироваться, какъ и при чтеніи романа: кровь волнуется, возбуждаются мысли и мечты, желанія и чувства самыя разнообразныя, словомъ вы сами переживаете эту жизнь, по большей части несхожую съ нашей, — а не того ли вы и ищете въ романѣ?.. Вся разница въ томъ, что здѣсь вы заняты дѣломъ, что эта книжка (хотя она и не приведетъ васъ къ безотрадному сознанію немощи *человѣческой*) *невозможно* приведетъ васъ къ весьма серьезному вопросу: возможно ли для *человѣка* совершенство? — и если вы *оруды* *своей* *нея* возьмете

Этюды. Популярныя чтенія М. Г. Шлейдена. Переводъ Я. Н. Кадиновскаго. Москва. 1861. Цѣна 2 р. 50 к., —

то сначала пожалуй прилете и къ такому заключенію, что въ общемъ значеніи слова (въ смыслѣ «человѣчество» (!?) стр. 5), человекъ — созданіе самое ничтожное... Въ самомъ дѣлѣ, почтенный профессоръ, *моноворникъ* *вмѣсто* введенія *о* *миражѣ* въ *десчадой* *пустыни*, заканчиваетъ описаніе этого необыкновеннаго *деленія* *тырдана* о ничтожествѣ *усилій* *человѣческихъ* и *невозможности* *прогресса* въ *человѣчествѣ*. Будто бы, г. профессоръ? спрашиваетъ вы *невозможно*: — да такъ ли полно говорить исторій? — Да что тамъ исторія, вы вотъ меня послушайте, — думаетъ въ свою очередь г. профессоръ и начинастъ представлять вамъ *эту* *за* *эту* *домъ* (всего 8), въ которыхъ чрезвычайно элегантно, почтительно доказываетъ, что *человѣкъ* — это ничтожная *поленна*, которая «очутилась *верель* *страсбургской* *колокольней* и съ *благородною*, *мохвальною* *гордостью* *оставила* *себѣ* *заданю* *изучить* *этотъ* *колось*... съ своимъ *замарившимъ* *разумомъ* *пытается* *онъ* *съ* *нашими* *своими* *вознаніями* *развить* *геніальныя* *идеи* *Эрвина* *Фохт-Штайнбаха*. *Блажыя* *дуря* *на* *правдаль?* (стр. 141) и жаловеть о томъ, что *исабоелдвореніе*, *не*

люди, воображаетъ себя чѣмъ-то совершеннѣйш и великѣйш. Эта муха-подевка, едва видяща песчинку передъ своимъ носомъ, разсуждаетъ о наблюденіяхъ, доступныхъ какому-нибудь Чимборазо (стр. 256)». Неправда ли, сильно? — а между-тѣмъ по прочтеніи книги вы окажетесь убѣжденнымъ скорѣе въ обратныхъ положеніяхъ, т. е. что человекъ и теперь вѣчто довольно совершенное и великое и что человечество идетъ постоянно впередъ.

Вы сазовъ гдѣ, чрезвычайно жадъ, что эта книга принадлежитъ такому дикому quasi-философскому возрѣвѣнію и ложному типу мышленія: въ остальномъ она просто великолѣпна! Шлейденъ вообще мастеръ писать: его статьи, о какомъ бы предметѣ онъ ни заговорилъ, читаются всегда легко и свободно, обстановка въ нихъ художественна, впечатлѣніе ихъ сильно и пріятно. А говоритъ онъ, особенно въ настоящей книжкѣ, о весьма разнообразныхъ предметахъ: переселенія въ органическомъ и неорганическомъ мірѣ, эка следствія въ подарочна страны, рассказы о звукахъ, о душѣ растеній, о Сведенборгѣ и суевѣріи, о Валленштейнѣ и астрологіи, о лунѣ, наконецъ: исторія волшебства и суевѣріи. — Все это займетъ васъ не на одну часъ и займетъ чрезвычайно пріятно. Шлейденъ замѣчательный профессоръ ботаники и много трудившійся для своей науки, высказался весь въ этой книжкѣ: вы видите, что это весьма добрый господинъ, немножко жуиръ (стр. 172, 286) и дамскій угольникъ (стр. 119), и вообще человекъ свѣтскій, хороший говорунъ и даже отчасти поэтъ, умѣющий въ искренней, проникнутой теплотою чувства бесѣдѣ поговорить о самыхъ серьезныхъ вещахъ общедоступнымъ языкомъ съ тѣми свѣтскими людьми, которые научились поменьшю чему-нибудь и какъ-нибудь. Самый сухой предметъ описанія въ его медоточивыхъ устахъ дѣлается совершенно живымъ и увлекательнымъ. Повидимому это можно предсказать объи вообще безшаживенно объясненія карты луны, приложенной къ этой книгѣ, и указанія приблизительно вычисленной астрономомъ высоты лунныхъ горъ? — А послушайте, какъ это выходитъ у Шлейдена:

„Aufrechtъ пробоваъ рѣшить этотъ вопросъ (о пълдкѣ на луны) въ своей *Wanderung des Mikroskops*; но его извѣдствія, отличающа обширностью взгляда и основательностью, менше говорятъ чувствами. Они доказываютъ, что на луны вы не можете поваять на съ-почтѣи, ни по желѣзной дорогѣ, ни въ воздушномъ шарѣ, ни метательнымъ орудіемъ; но вы забыли при этомъ движущую силу, вожделѣнія сердца любовной пары, мечтающей при лунномъ сіяніи: Вдохи! тѣснитъ ихъ грудь; стремленіе въ чему-то непонятному въ облачныхъ сферахъ возмываетъ ихъ надъ бронею земною и близко къ ушамъ ихъ

оглянуться, какъ они уже ускользнули отъ насъ; но къ счастью мы еще успѣли вовремя ухватиться за край ихъ одежды, и полетѣли во воздушному пространству съ быстротою мысли... нѣтъ, еще скорѣе — съ быстротою любовнаго вдоха, къ серебряному диску луны. Вотъ мы спустились на самой вершинѣ *Аристарха* (*гора на лунѣ*). Но, сударыня, вы обуты въ атласные башмаки! они негодятся для острыхъ стекловидныхъ утесовъ, между которыми мы должны будемъ карабкаться! (читатель, простите автору эти вѣселки приторности) Наша любимая парочка уже отиралась, однеи восклицается: другиня предостережь. Какимъ? это мы увидимъ скоро. Итакъ мы отираемъ пока одна на проема открытія, предполагая, что запасемся всѣмъ необходимымъ для странствованія по лунѣ. Хотя это путешествіе, какъ увидимъ ниже, довольно затруднительно, но недожно забывать, что на лунѣ мы можемъ нести на себѣ въ семь разъ больше, нежели на землѣ.

Начнемъ наше путешествіе съ *Аристарха*, къ которому мы пристали. Мы не станемъ строго придерживаться дѣйствительно возможнаго горизонта въ нашемъ обзорѣ мѣстности, но крайней мѣрѣ въ описаніи. Нѣтъ, чтобы лучше обогрѣть мѣстность, въ случаѣ надобности мы поднимемся мысленно выше на желаемую вышину. Мы не осмѣлимъ также увеличивать нѣтесовъ нашей журнали: безполезными по

Насурдетъ теперь. Заходящее солнце стоитъ на западномъ горизонтѣ въ такомъ мучительномъ для зрѣнія блескѣ, что мы принуждены защитить наши глаза зѣлками съ собою синими стеклами. Въ странномъ контрастѣ съ этимъ представляется почти черная синева неба, въ сравненіи съ которою наше самое темное ночное небо кажется еще свѣтлымъ; не смотря на то, что еще почти день, эта темная синева позволяетъ намъ различать на небѣ большія звѣзды. Мы стоимъ на краю совершенно круглаго кратера горы, *Кольцовой горы*, какъ называютъ ее на лунѣ. Этотъ кратеръ съ внутренней своей стороны оуслѣтотъ отъ насъ въ глубинѣ на 7,000, гдѣ уже возителъ такая мрачная полнота тѣни, о которой мы не можемъ составить себѣ на землѣ никакого понятія. Изъ среднимъ этой мрачной пучины поднимается конусообразная гора, вершина которой лежитъ полъ нашими ногами на вѣсколку тысячъ футовъ. Съ этимъ мракомъ въ пучинѣ, составляетъ неприяный контрастъ зеркальный блескъ стекловидной поверхности окраины *Кольцовой горы*; отсюда этотъ блескъ гигантскими лучами распространяется особенно къ сѣверу и до на 30—40 миль, по равнинѣ, окружающей *Аристарха*. Эта обширная равнина, южная часть которой названа *стекляною бурей*, а сѣверо-западная — *моремъ дождемъ*, лежитъ полъ нашими ногами всего на 2,500 футовъ. Прежде нежели сойдемъ внизъ съ этого пункта, который можно представить себѣ мысленно еще нѣсколко выше, рассмотримъ очаровательный вечерній ландшафтъ, отирающийся нашимъ взоромъ. Изъ *океана бурь* на югѣ поднимается, почти одиноко, въ яркомъ освѣщеніи, *Келлеръ*, коническая гора, подобная той, на которой мы стоимъ. Слѣдующая гора

отъ *Аристарха*, особенно на з. и с-в., распространяются ярко блестящіе лучи, отражаемые стекловидною поверхностью скалъ; нѣкоторыя изъ этихъ лучей достигаютъ вполнѣ отъ одной горы къ другой. Болѣе на ю-в. тянется града горъ, также соединяющаяся съ *Аристархомъ* свѣтлыми полосами. Главную массу ея составляютъ *Карпаты*, возвышающіяся почти на 6,000. Изъ нихъ поднимаются двѣ большія кольцевыя горы *Комарики* и 4,000. выше ея, *Эратосфенъ*. Прямо на ю. есть море дождей, отдѣленного отъ *Карпатъ* океаномъ бурь, выходятъ нѣсколько еще болѣе высокихъ кольцевидныхъ горъ: Самая большая, именуемая 11 миль въ поперечникѣ, *Архимедъ* соединяется посредствомъ *Апенниновъ* съ *Эратосфеномъ*. Изъ обширнаго моря дождей, окружая его, поднимаются въ туманной дали на с-в. *Альпы*, вышиною въ 11,000., нѣсколько далѣе влѣво — большая кольцевая гора *Платонъ*, и наконецъ почти на с. гора, которая высомъ *Гераклидомъ* глубоко врѣзывается въ море дождей.

Хотя этотъ ландшафтъ освѣщенъ лучами заходящаго солнца, но ничто не напоминаетъ намъ прекрасныхъ ночей на землѣ. Черносиневатый, до послѣдней минуты яркій блескъ отдаленной вершины горы исчезъ, и въ то же мгновение смѣнился глубокимъ мракомъ. Этотъ контрастъ не смѣняется здѣсь переливами желтаго, краснаго и фиолетоваго цвѣтовъ. Хотя уже наступила ночь, но свѣтъ еще виденъ въ пролѣтахъ, ридинду. Нарождающаяся луна, извѣстнае, *королюдиномъ* для земли, которой не было видно въ полдень на черносинемъ небѣ, вдругъ бѣжала свою первую четверть въ послѣднородные часы, и очень скоро будетъ уже въ полномъ своемъ сіяніи, свѣтится надъ землею. И что значить нашъ лунный свѣтъ въ сравненіи съ этимъ земнымъ свѣтомъ! Земля, представляющая въ различное время въ 3—4. раза большій поперечникъ, нежели наша луна, свѣтитъ ночью на лунѣ въ 13. разъ свѣтлѣе, нежели наша полная луна. Земля свѣтитъ здѣсь, какъ это не часто бываетъ у насъ, постоянно во всю ночь — обстоятельство двойнѣ благоприятное, потому что ночь продолжается здѣсь 13 земныхъ дней.

Мы увѣрены, что прочитавъ это сочиненіе Шлейдена (которое, замѣтимъ въ скобкахъ, издано прекрасно: на бѣлой бумагѣ, съ портретомъ автора, съ хромолитографированною картинкою, изображающею миражъ въ пустынѣ, съ картами луны и полярныхъ странъ и таблицами, изъ которыхъ одна представляетъ міръ *Аристарха*, а другая тему для гороскопа), вы непременно попросите другое, и мы очень рады, что можемъ рекомендовать еще лучше, и кому же къ двухъ переводахъ:

РАСТЕНІЕ и его жизнь. Популярныя чтенія М. И. Шлейдена. Пер. Сергѣя Рачинскій. Москва. 1861. Цѣна 3 руб.

РАСТЕНІЕ и его жизнь, Популярныя чтенія Шлейдена. Пер. Павла Ольхина. Сиб. 1861. Ц. 3 руб. 50 коп.

(Оба перевода съ хорошими пояснительными картинами).

Растение — любимый предмет Шлейдена (онъ потому только и сдѣлался профессоромъ ботаники), и вы уже по сказанному нами объ аждахахъ можете вообразить какова должна быть эта книга. Просто не знаемъ что и выбрать для того, чтобы наглядно убѣдить читателей въ привлекательности ея изложенія: выплывающій хвостъ всю аждаху; — такъ все въ ней хорошо. Раскройте наудачу, съ твердымъ намѣреніемъ выписать непроизвольно, что попадетсѣ:

... Кто живетъ на землѣ,
Тотъ жизнь земной веселится!
Но страшно въ подземной таинственной мглѣ...
И смертный предъ Богомъ смирисъ:
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, имъ мудро отъ насъ сокроенной.

«О; узнайте только ужасную глубину! скрывающуюся подъ обманчиво-блестящими зеркалами. Вы погружаетесь, передъ вами исчезаетъ голубое небо и дневной свѣтъ, васъ окружаетъ сначала огненная желтизна, потомъ пламенная краснота, какъ-будтобы вы опустились во кипящую адскую пучину безъ жары, безъ теплоты! Краснота темнѣетъ, становится пурпуровою и переходитъ наконецъ въ черноту ночи; непроницаемый мракъ охватываетъ васъ. А что живетъ и движется во кругъ васъ; то представляется бытіемъ безъ радостей и покоя; здѣсь безпрестанное гоненіе и бѣгство, ловля и проглатываніе, безконечная ненависть, вѣчное убійство; новыя существа проявляются для того только, чтобы доставить жертвы прожорливой, никогда не успокоивающейся смерти. Здѣсь исчезаютъ свѣтъ и блескъ красокъ, и темная ночь скрываетъ безконечную, безмолвную войну, тихое убійство; здѣсь нѣтъ также богатства формъ и прелести образа; съ неуклюжими соединяется безобразное; съ уродливымъ искаженное и отвратительное,

И млатъ воляной, и уродливый скать,
И ужасъ морей однозубъ;
И смертью грозить, зубами сверкая,
Мокой ненасытный, чѣна морская.

Ни одинъ добрый духъ не господствуетъ въ этой глубинѣ, только злобныя чимфы и коварныя, прельщающія улитны блуждаютъ по этому пустынному царству!

Вотъ какъ представляютъ себѣ въ народѣ водное царство по древнѣйшимъ свѣдѣніямъ объ этой области, почти недоступной для человѣка, а мало-помалу развивающаяся наука прибавляетъ къ этой картинѣ новыя, все болѣе рѣзкія черты.

Но для человека, неутомимо стремящагося впередъ, ничто земное не остается навсегда скрытымъ; онъ пролагаетъ себѣ путь повсюду и даже въ темную глубину неизвѣстнаго океана переноситъ онъ свѣтъ

своихъ, изысканій и при этомъ свѣтъ многое получаетъ другое выраженіе и представляетъ другую, болѣе пріятную сторону. Вместе съ прежнимъ мракомъ исчезаютъ и порожденныя имъ страшныя привидѣнія. Правда, нѣкоторыя черты картины вѣрны и неизгладимы; наука должна все болѣе и болѣе подтверждать, что только обоюдное убійство и проглатываніе поддерживаетъ существованіе тварей, живущихъ въ глубинѣ, что между тысячами тысячъ родовъ морскихъ животныхъ до сихъ поръ едва ли можно указать навѣрное на одно существо, которое питалось бы ириро только богатую растительностью моря! Но если мы соединимъ отдѣльныя картины, линии и оттѣнки цвѣтовъ, приобретенныя трудомъ изсѣдвателей, если мы выведемъ изъ наблюденій, сдѣланныхъ счастливыми путешественниками при благоприятныхъ условіяхъ о царствѣ морской глубины, то получимъ картину ландшафтовъ неменѣе разнообразныхъ, неменѣе прекрасныхъ, можетъ быть даже болѣе великолѣпныхъ, болѣе очаровательныхъ и удивительныхъ, нежели какіе можетъ гдѣ-либо представить земля.

Но тогда передъ нами новая загадка. Вся сущность красоты включается только въ чувствующую душу; но для себя, но для окружающаго ея міра блескитъ дѣйствіемъ лучами алмаза и не для чуждаго чуждаго глаза, посредствомъ котораго добудется душа. Не для горы существуетъ долина, не для ручья шеститъ дзакуча, не для мрачнаго соснового лѣса прекрасна, пріятна и мида яркая зелень лужаекъ, но для духа, который обнимаетъ все это взорами любви и благоговѣнія. Если все это такъ, то не вправъ ли мы спросить: для кого же существуетъ все это богатство блеска и красоты, закрытое голубымъ покрываломъ, которое отражаетъ лучи свѣта и показываетъ любознательному наблюдателю, какбы въ насмѣшку, обыкновенно только его собственный образъ?

Но развѣ тамъ въ глубинѣ находятся чувствующія существа, для которыхъ созерцаніе прекраснаго составляетъ наслажденіе или правдннѣ, которыя возвышаютъ соединеніе формъ и цвѣтовъ до прекраснаго гннѣ, что чувствовать и ощущаютъ? Этому мы не знаемъ; но должны только подтвердить: что рыба, коворой, по словамъ поэта, «такъ привольно надѣтъ», не можетъ быть такимъ чувствующимъ существомъ, потому что глаза всѣхъ животныхъ, подлѣиховъ, въ водѣ устроены такъ, что онѣ могутъ видѣть только самыя близкіе предметы; оттого единъ человекъ, чуждый этой стихіи, имѣетъ болѣе глубокое и обширное возрѣніе на ея особенности, нежели ея собственные обитатели. Поэтому намъ возможно понять все это только во являющемуся созображенію. На голландскихъ башенкахъ, миланскаго собора стрѣтъ только для симметріи тщательно сдѣланные статуетки тамъ, гдѣ человѣческій глазъ не можетъ ихъ видѣть, ни восхищаться ими; подобнымъ же образомъ и на землѣ вещество распределено вездѣ такъ, что производитъ впечатлѣніе прекраснаго, и все твореніе является само по себѣ, во всѣхъ частностяхъ, даже безъ отношенія къ мыслящему и чувствующему че-

ловѣку, не только разумно-распределенный, но и эстетически искусно оконченный.

Возвратимся однако на прежній нашъ путь. Рядомъ съ мрачными чертами, которыя море скрываетъ въ своей глубинѣ и которыя мы должны оставить какъ рѣзкія тѣни, существуютъ такія же блестящія свѣтлыя мѣста, а вѣжные полутоны придаютъ всей картинѣ безконечную прелесть.

и т. д. Это начало седьмого чтенія: «Море и его обитатели. Да радишь это ботаника? возразитъ читатель. Конечно нѣтъ, въ томъ и дѣло, что Шлейденъ никакъ не можетъ поспорить о чемъ-нибудь одиофемъ: эта именно особенность и прелесть его писанія, та же непопулярность, что и вѣданы ихъ расходятся одно за другимъ и русскій переводъ съвланъ уже съ 5-го. Незабойтесь, что здѣсь много эпитетовъ и эпизодовъ. — Въ этомъ живомъ разсказѣ Шлейденъ знакомитъ совершенно наглядно со множествомъ растений: онъ разсказываетъ о внутреннемъ устройствѣ растений, о внутренней ихъ жизни, объ ихъ размноженіи, о вѣшнихъ ихъ формахъ, о вѣшнихъ условіяхъ ихъ жизни, объ ихъ географіи, исторіи, даже эстетикѣ; и въ этомъ вы совершенно à propos des bottles незнакомитесь съ микроскопомъ и зрѣніемъ, моремъ и его обитателями, съ тѣмъ, чѣмъ поддерживается жизнь человѣка и т. д. и т. д., словомъ со множествомъ постороннихъ, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно интересныхъ предметовъ. Жаль только, что Шлейденъ неуважительно отзывается о наукѣ и ученыхъ трудахъ и что онъ несомнѣнно новилъ эстетикѣ растений. Большой эгоистъ и любитель цѣлесообразности въ природѣ, онъ даже и красоту растений разсматриваетъ по отношению ея къ человѣку. Не такова эстетика растений на самомъ дѣлѣ; къ сожалѣнію въ фелдетонѣ нацемъ не мѣсто говорить о ея законахъ и требованіяхъ, и намъ приходится ограничиться однимъ только замечаніемъ, что при чистомъ художественномъ изображеніи растенія слѣдовало бы допустить въ него жизнь, дать ему способности и чувства, сообразныя съ его вѣшнимъ видомъ развѣтвется. Впрочемъ во всякомъ случаѣ, эта книга Шлейдена до того интересна для любителей чтенія, что послѣ нея рѣшительно трудно порекомендовать что-нибудь по этой части.

КАРТИНЫ РАСТИТЕЛЬНОСТИ ЗЕМНАГО ШАРА, Людвига Рудольфа. По нѣмецкому подлиннику составилъ А. Векетовъ. Москва. 1861. Съ картинами и политипажами. Цѣна 2 р. 50 к.

Книга вполне достойная вниманія любителей чтенія и даже совершенно необходимая, какъ превосходное дополненіе къ сочиненію Шлейдена; но если вы станете читать ее тотчасъ послѣ предыдущей

ной, что она называется блѣднѣею, нежели доволныя суеверы. Она принадлежит къ числу собственно такъ называемыхъ популярнаго руководства въ видѣ лекцій, подраздѣленія / въ томъ же смысле, что все отечественнаго въ области впечатлѣній и художественности изложенія: (хотя въ томъ же время, какъ увидимъ, отчасти и почитаема; въ этихъ отношеніяхъ), могутъ показаться всемогуще утѣнительны на послѣ многого и нестерпимаго разсказа Шлейдена. Но сама по себѣ книга превосходитъ. Составитель ея, обладая талантомъ автора, дѣлитъ книгу на три отдѣла, изъ которыхъ два первыхъ, выдѣлы съ прекрасною всеобщаго введеніемъ (о научныхъ основаніяхъ ботанической географіи); служить такъ сказать подготовительнымъ курсомъ для чтенія третьяго: именно въ первомъ дается общее понятіе о растеніяхъ, имѣющихъ наибольшее влияние на видъ страны; а во второмъ отдѣлѣ представлены частныя описанія тѣхъ изъ нихъ, которыя вообще называются человѣкомъ и при этомъ иногда естественности значительнаго вида страны. Вотъ эти-то два отдѣла и помянуты въ вступительномъ доволно сухомъ разсказѣ; (вообще прозой и чуждымъ, хотя отрывочно и это вѣроятно утѣмлено вниманіемъ. Но прочтѣте введеніе; читатель, если онъ найдеть эти отдѣлы слишкомъ серьезными: (неинтересными они были не могутъ) / можетъ приступить прямо за третій отдѣлъ (главный).) и два первыхъ, въ тѣхъ случаяхъ когда ему придется натолкнуться на незнакомое растеніе, будутъ служить для него справочной книгой, которой онъ съ полнымъ удобствомъ можетъ воспользоваться при помощи весьма подробнаго оглавленія, помѣщеннаго въ началѣ, и въ которой найдеть не сухія указанія, а по большей части прекрасный и вообще весьма хорошій, разсказъ о наружномъ видѣ растенія и о влияніи этого вида на картину мѣстности, о пользѣ, которую оно приноситъ человѣку, о его первоначальномъ отечествѣ и о мѣстахъ его воздѣлыванія и т. п. Третій, и самый главный, отдѣлъ посвященъ собственно картинамъ растительности. Здѣсь разсказъ живой и чрезвычайно интересный, хотя изложеніе у г. Бекетова вообще немного тяжеловато и хотя въ немъ нѣтъ той пестроты и блеска, которыми отличается разсказъ Шлейдена.

Какъ видите, книга эта не гремитъ и не сверкаетъ, но зато въ ней видно глубокое уваженіе къ наукѣ, результаты и выводы которой представляются вниманію читателей.

Точно тѣми же достоинствами, т. е. простотою и ясностью, а мѣстами и красотою изложенія и уваженіемъ къ наукѣ отличается и

Вода. Э. А. Росмэслера. Пер. А. Андреевъ и М. Яблонскій. Спб. 1862 (?). Цѣна 4 р. (Съ картинами и полнотипажамъ).

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Французскія дѣла. — Заемъ. — Безденежье — передъ деньгами.

Австрійскія дѣла. — Сила права и право силы.

Турецкія дѣла. — Панславянскій союзъ.

Общее положеніе. — Всемирная война. — Способы нападенія и защиты. —
Утопія вѣчнаго мира.

Последнія извѣстія.

Французскія дѣла

Несмотря на то, что французскія газеты въ послѣднія десять или двѣнадцать лѣтъ непрерывно выхваляютъ свои порядки, свою націю, свои успѣхи въ торговлѣ, въ промышленности, въ финансахъ, нельзя не видѣть, что финансовыя дѣла идутъ плохо. Правда, что теперь, въ настоящую минуту, денегъ много, отчеты банка показываютъ весьма дѣятельные обороты, большой металлическій запасъ; кредитъ правительства огромный, почти неограниченный, а все-таки дѣла плохи, и пора подумать о приведеніи ихъ въ порядокъ. Когда во Франціи правленіе было представительное, въ особенности отъ 1820 до 1848 года, палата депутатовъ внимательно слѣдила за смѣтою расходовъ и старалась мало-помалу овладѣть администраціею во всѣхъ подробностяхъ ея дѣятельности. При назначеніи будущихъ расходовъ, палата опредѣляла всѣ малѣйшія частности по разнымъ отраслямъ управленія отдѣльно. Сначала смѣта состояла изъ немногихъ отдѣловъ, а потомъ палата, входя въ подробности, дробила эти отдѣлы на главы. Смѣта обсуживалась за полтора года до приведенія ея въ исполненіе; за это время обстоятельства перемѣнялись, и оказывалось, что иная отрасль была слишкомъ богата, другая слишкомъ бѣдна по новымъ требованіямъ. Случалось, что подобная несоразмѣрность была устроена преднамѣренно, потому что правительство имѣло право дополнять

недостатки добавочными кредитами, безъ предварительнаго участія въ этомъ палаты, а министры часто добавляли свои требованія, чтобы избавиться отъ толковъ въ палатѣ. По правиламъ отчетности, нельзя было остатки отъ одной отрасли управленія переносить для пополненія другой отрасли, такъ что къ концу года въкоторыя суммы были въ остаткѣ, другія были отпущены въ кредитъ, на покрытие необходимыхъ расходовъ. Отъ этого очень трудно было съ точностью опредѣлять финансовое положеніе въ данную минуту и невозможно было держать средства на одномъ уровнѣ съ потребностями иначе, какъ посредствомъ операцій казначейства и движениіи текущаго долга.

Послѣ революціи 1830 года, парламентъ присвоилъ себѣ большую власть и сдѣлался взыскательнѣе прежняго. Онъ сталъ дробить смѣты по разнымъ частямъ управленія на множество главъ, и въ тоже время увеличивалось число главъ, по которымъ правительство имѣло право открывать добавочные кредиты въ промежуткахъ между парламентскими собраніями. Всѣ предосторожности были бесполезны, потому что число этихъ добавочныхъ главъ возрасло наконецъ до семидесяти пяти. Это почти равнялось отсутствію смѣты, и всякій это видѣлъ. Пренія о финансахъ имѣли большую гласность. Газеты нападали на финансовую администрацію и наводили на нее подозрѣніе въ глазахъ публики. Финансовая реформа сдѣлалась оружіемъ противъ правительства во время выборовъ.

Дошло дѣло до того, что потребовалось настоящее, радикальное преобразование въ финансахъ, безъ чего не могло удержаться никакое министерство. Императоръ Наполеонъ III воспользовался этимъ урокомъ. Онъ возвратилъ себѣ все то, что мало-помалу отошло отъ власти черезъ пренія о смѣтѣ, и сверхъ того предоставилъ себѣ инициативу въ предпріятіяхъ общаго интереса. Такимъ образомъ прекратились, продолжительныя пренія напимѣръ о направленіи желѣзныхъ дорогъ. Этотъ важный вопросъ сталъ рѣшаться однимъ императоромъ, вслѣдствіе чего многія направленія оказались выбранными неудачно, и сверхъ того, что немнѣе важно, прекратилась та медленность, съ какою сопряжено публичное обсужденіе такого рода вопросовъ: спекуляціи развязаны были руки, и она — какъ съ цѣли сорвалась. Теперь императорское правительство объявляетъ, что это были безплодныя пренія, пустая потеря времени; что депутаты, представители, свою оппозицію повредили Франціи, оставили ее безъ дорогъ, сдѣлали то, что она была ниже другихъ странъ по своимъ путямъ сообщенія; что палаты изъ вустого пристрастія къ оппозиціи отвергали проекты, представляемые правительствомъ, то

несоглашаясь съ направлеиіемъ, то неодобряя срока уступки. Иные требовали, чтобы желѣзныя дороги строились на счетъ обществъ, другіе — на счетъ государства; происходили замедленія.

Декретомъ 25 декабря 1852 рѣшено было, что всѣ общепользныя работы и всѣ предпріятія, изъющія общій интересъ, будутъ повелѣваемы и разрѣшасмы императорскими декретами, безъ обсуждения. Деньги въ пособіе на эти предпріятія и работы положено выдавать въ качествѣ чрезвычайныхъ кредитовъ, и потомъ уже отдавать ихъ на утвержденіе законодательнаго собранія.

Такимъ образомъ императоръ свободно и безотчетно распорядился финансами страны, и первою заботою его было — цоощреніе всевозможныхъ построекъ. Во Франціи замѣчено, что задѣльная плата каменщикамъ составляетъ вѣрный барометръ общественнаго благостоянія, и при высокой платѣ каменщикамъ, все остальное обстоитъ благополучно. Правительство знало это очень хорошо и не щадило ничего, чтобы каменщикамъ было вдоволь работы. Поэтому и Парижъ перестраивается, и желѣзныя дороги безпрестанно получаютъ и пособія, и облегченія условій. Но вслѣдствіе того же, дѣятельность, вызванная спекуляціей и поддержанная искусственно, перешла всякія границы, и слѣдуетъ ожидать общей остановки, кризиса.

Какъ же теперь быть? Нѣкоторые финансисты предлагаютъ просто возвратиться къ обсужденію смѣты расходовъ по главамъ. Правительство рѣшительно этого не хочетъ, потому что такимъ образомъ обыкновенные смертные будутъ судить о вещахъ, которыя до нихъ вовсе не касаются, будутъ толковать объ употребленіи денегъ на общественныя дѣла. Но это ошибка, и правительство ровно ничего не потеряетъ отъ этого ни въ силѣ, ни въ уваженіи народа. Какъ только допущены будутъ пренія о бюджетѣ по главамъ, — будетъ высказано много лестнаго правительству, сказано будетъ и правда, какъ въ началѣ нынѣшняго года по поводу преній объ адресѣ. Но что же изъ этого? Жюль Фавръ и подобные ему мыслящіе люди остались при своихъ мнѣніяхъ; въ пользу ихъ оказалось пять голосовъ, и дѣла пошли своимъ порядкомъ.

Но правдѣ сказать, равновѣсія въ смѣтѣ расходовъ съ приходомъ не было выдѣржано и въ то время, когда Франція была государствомъ въ высшей степени конститущіоннымъ, именно съ 1840 до 1847 года. Въ эти восемь лѣтъ добавочныя и экстраординарныя выдачи дошли почти до 1200 миліоновъ, или около 150 миліоновъ въ годъ. Надо замѣтить, что годы 1840 и 1841 требовали особенныхъ издержекъ, по случаю восточнаго кризиса, причемъ расходы на

военное и морское министерства были особенно велики. Если сравнить этотъ періодъ съ восемью годами, отъ 1851 до 1858 года, то окажется, что въ послѣдній промежутокъ времени издержки были еще гораздо выше. Но тутъ была крымская война, особенно тяжело отозвавшаяся на французскихъ финансахъ. Отъ 1851 до 1858 добавочныя, чрезвычайныя сверхсметныя выдачи дошли до 2400 миліоновъ, среднимъ счетомъ по 300 миліоновъ въ годъ. Въ этомъ счетѣ заключается расходъ на крымскую войну, доходящій до 1348 миліоновъ.

Причина этого ужасающаго возрастанія расходовъ заключается въ томъ, что расходы, утвержденныя законодательнымъ собраніемъ, могутъ очень удобно переводиться изъ одной статьи въ другую. Одна эта возможность или это право избавляютъ министровъ отъ обязанности составлять точную смету, рассчитанную въ-обрьѣзъ, съ тѣмъ, чтобы назначенной суммы достало на извѣстное дѣло, но также чтобы ничего и не осталось. Только-что исполнители сметы знаютъ, что она составлена не въ-обрьѣзъ, — тотчасъ является у нихъ желаніе сдѣлать тотъ или другой полезный расходъ, надѣясь пополнить его изъ остатковъ по другимъ отраслямъ. Но остатковъ не оказывается, и декретомъ назначается добавочный кредитъ. Были годы, когда такіе добавочные кредиты доходили до десяти и даже до двадцати франковъ съ души.

Теперь во Франціи идетъ рѣчь о томъ, чтобы совершенно прекратить эти добавочные кредиты, по предложенію г. Фульда. Это событіе весьма многозначительное. Тутъ власть отказывается отъ одного изъ важнѣйшихъ своихъ правъ: отъ безусловнаго распоряженія финансами. Такъ и сдѣлано. 14 ноября, въ письмѣ на имя государственнаго министра, императоръ отказывается отъ своего права открывать чрезвычайныя и добавочныя кредиты. «Отказываясь отъ этого права, которое было правомъ государей, даже конституціонныхъ, моихъ предшественниковъ, я считаю, что приношу пользу ходу нашихъ финансовыхъ дѣлъ. Вѣрный своему происхожденію, я не могу смотрѣть на права короны какъ на священное сокровище, къ которому нельзя прикоснуться, ни какъ на наслѣдіе отцовъ, которое прежде всего должно быть передано моему сыну. Избранный народомъ, представитель его интересовъ, я всегда безъ сожалѣнія покину всякое право, бесполезное для общественнаго блага, точно также какъ неколебимо удержу въ своихъ рукахъ всю власть, необходимую для спокойствія и благосостоянія страны»...

Въ своемъ докладѣ г. Фульдъ говоритъ, что «при хорошо со-

ставленной смѣтѣ, гдѣ всѣ статьи будутъ достаточно удовлетворены, прекращеніе этого права не будетъ имѣть никакого неудобства для хода дѣлъ». Но есть страна, гдѣ приходъ съ расходомъ обыкновенно бываетъ почти вѣрнѣе: это Англія. Тамъ исполнительная власть вовсе не имѣетъ права истратить никакой суммы безъ предварительнаго согласія палаты, и каждая сумма безусловно употребляется не иначе какъ на свое назначеніе. Тамъ число главъ смѣты доведено до 240; одни только министры военный и морской имѣютъ право переносить расходы изъ одной статьи въ другую; эти операціи обсуживаются парламентомъ и окружены разными мелкими и подробными ограничивающими условіями. Тамъ, въ случаѣ непредвидѣнной финансовой случайности, какъ было напримѣръ когда положили устроить похороны Веллингтона на счетъ государства, нѣтъ возможности поступить иначе, какъ созвать парламентъ, чтобы получить необходимыя суммы. А между тѣмъ г. Фульдъ увѣряетъ, будто онъ отыскиваетъ примѣровъ, которые могли бы опровергнуть его убѣжденія касательно переноса расходовъ изъ одной статьи въ другую, и не находитъ. Онъ полагаетъ, что эти переносы оставить необходимо. Ему кажется, что если прекратить совершенно добавочные и сверхсмѣтные кредиты, и оставить право переносовъ, все пойдетъ превосходно. И тутъ же самъ онъ говоритъ, что «если въ отсутствіе законодательной палаты разразится какое-нибудь общественное бѣдствіе, то всегда можно, посредствомъ переносовъ, употребить въ дѣло суммы министерства внутреннихъ дѣлъ и министерства земледѣлія и торговли. Въ случаѣ необходимости начать войну, правительство всегда можетъ сосредоточить для одной цѣли всѣ средства военного и морского министерствъ, всего до 600 миліоновъ. Впрочемъ въ подобныхъ обстоятельствахъ императоръ окружитъ себя законодательнымъ корпусомъ, и всегда можетъ рассчитывать на его содѣйствіе, тѣмъ болѣе безусловное, чѣмъ нужда настоятельнаѣе».

Такимъ образомъ возможности останутся все тѣже: точно такъ же легко будетъ затѣять войну и точно такъ же, вслѣдствіе настоятельной нужды, въ данную минуту можно будетъ успѣть вооруженіе. А между тѣмъ газеты встрѣтили новую мѣру съ неописаннымъ восторгомъ и превозносятъ ее до небесъ.

Для удовлетворенія чрезмѣрныхъ расходовъ сдѣлано было нѣсколько займовъ; правительство обращалось къ кредиту во всевозможныхъ формахъ. Въ 1854, 1855 и 1859 годахъ сдѣлано займовъ два миллиарда франковъ, въ качествѣ непрерывныхъ доходовъ. Сверхъ того издержки поглотили 100 миліоновъ изъ бавка, 135

миллионовъ принадлежавшихъ войску, и наконецъ сдѣланъ заемъ по новому способу, въ видѣ тридцатилѣтнихъ облигацій, на 132 милліона. Публика подписывалась на эти займы съ величайшею готовностью; но еще долго рассчитывать на успѣхъ такого рода — невозможно; это было бы самонадѣянностью.

Правильно обдуманнѣй заемъ частнаго человѣка можетъ быть весьма выгоденъ: частное предпріятіе можетъ принести человѣку гораздо болѣе процентовъ, чѣмъ онъ самъ платитъ, и такимъ образомъ онъ можетъ быть въ выигрышѣ отъ своего займа. Государственный заемъ имѣетъ совершенно другой смыслъ. Въ данную минуту правительство считаетъ нужнымъ сдѣлать извѣстную издержку. Если она дѣйствительно нужна, то народъ долженъ бы ее немедленно покрыть. Но правительство не всегда имѣетъ въ своемъ распоряженіи лишнія деньги на лишніе противъ дѣйствительной, народной потребности расходы. Иной разъ эти расходы такъ велики, что невозможно ожидать отъ народа немедленнаго ихъ покрытія, безъ возбужденія большого ропота. Въ такомъ случаѣ правительство относитъ тягость нынѣшней издержки — на потомство, и дѣло считается рѣшнымъ. Оно обращается къ капиталистамъ, беретъ у нихъ наличныя деньги, выдаетъ имъ заемныя письма или билеты государственнаго займа и обязуется вѣчно выплачивать имъ проценты, не возвращая капитала. Иначе это значитъ, что мы распорядимся трудовою кофійкою будущихъ поколѣній. Если мы не можемъ удовлетворить своихъ нынѣшнихъ нуждъ, то какимъ же образомъ будущія поколѣнія будутъ удовлетворять и свои нужды и наши, на которыя теперь у насъ не хватаетъ средствъ? Но этого еще мало: долгъ государственный все растетъ и растетъ. Въ то же время увеличивается и государственный доходъ, но онъ возрастаетъ неравномѣрно съ долгомъ: если бы возрастаніе было равномѣрно, то вовсе не было бы долга, или долгъ былъ бы ненуженъ. Нынѣшній долгъ Франціи — десять милліардовъ, а государственный доходъ около двухъ милліардовъ. Считая по 5% уплату процентныхъ денегъ по займамъ всѣхъ видовъ, или 500 милліоновъ, оказывается, что въ данномъ году, напр. въ 1862 г., французы тратятъ ровно четвертую часть всего своего общественаго сбора на уплату за прежнія, давно прошедшія потребности.

Вдругъ дѣлается новый заемъ, напр. въ полмилліарда, какъ намъ преваются сдѣлать теперь. Въ слѣдующемъ году общественный сборъ или государственный доходъ отъ этого не увеличится, и если увеличится, то лишь настолько, чтобы покрыть уплачиваемые за заемъ проценты. Тогда въ слѣдующемъ году на уплату процентовъ

по займамъ пойдетъ уже не четвертая часть всего общественнаго сбора, а нѣсколько болѣе, именно не 25%, а 27 или 28%. Такимъ образомъ общественный сборъ всегда увеличивается въ арифметической прогрессіи, а государственный долгъ въ геометрической. Въ такомъ порядкѣ дѣла продолжаютъ уже много лѣтъ. Сначала только сотая доля государственнаго дохода шла на вознагражденіе капиталистамъ, давшимъ свои деньги въ прошедшемъ году или нѣсколько лѣтъ назадъ; потомъ, при увеличеніи долга, на тоже дѣло шла пятидесятая доля общественнаго сбора или 2%, потомъ болѣе и болѣе. На такой легкой дорогѣ очень трудно остановиться, потомучто, какъ говоритъ г. Фульдъ, «ничего нѣтъ труднѣе какъ бороться противъ самаго законнаго изъ увлеченій, противъ увлеченія полезными издержками». Но чѣмъ же это кончится? Ясно, что потомъ половина государственнаго дохода пойдетъ на уплату процентовъ, а другая половина останется на дѣйствительный расходъ. Но этого мало, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше должно чувствоваться стѣсненіе какъ въ общественныхъ, такъ и въ частныхъ дѣлахъ. Наконецъ неизбѣжно должно наступить время, когда машина должна остановиться, потомучто одни проценты по государственному долгу поглотятъ большую часть государственнаго дохода, такъ что текущіе расходы покрывать будетъ рѣшительно нечѣмъ.

Поэтому-то г. Фульдъ въ своемъ докладѣ говоритъ, что «изучая финансовый вопросъ, легко предвидѣть, что мы скоро очутимся среди огромныхъ затрудненій, если не перемѣнимъ системы.» Въ 1851 году долгъ былъ шесть миллиардовъ, а нынче десять миллиардовъ. Это составляетъ въ десять лѣтъ четыре миллиарда, а въ годъ четыреста миліоновъ. Общественный сборъ въ 1851 году былъ 1400 миліоновъ, а нынче около 1800 миліоновъ: въ десять лѣтъ сборъ возвысился на 400 миліоновъ; а въ годъ на 40 миліоновъ. Политическая экономія говоритъ, что это ничего, что это даже очень хорошо. Но арифметика говоритъ другое. Въ десять лѣтъ французскій государственный долгъ увеличился на $66\frac{2}{3}\%$, а доходъ только на 14%, и все-таки головой доходъ составляетъ 18% всего долга. Если такимъ образомъ будетъ продолжаться только сорокъ лѣтъ, до конца нынѣшняго столѣтія, то государственный долгъ возрастетъ до 77 миллиардовъ, а доходъ только до 4936 миліоновъ, или положимъ до 5 миллиардовъ. Годовой доходъ тогда составитъ только $6\frac{1}{2}\%$ государственнаго долга, такъ что выплативъ капиталистамъ проценты, государство будетъ имѣть едва четвертую долю своихъ доходовъ на свои дѣйствительныя нужды. Черезъ сто лѣтъ, въ 1961 году, весь государственный доходъ пойдетъ на уплату процентовъ, а на

потребности по управленію неостанется ровно ничего. Очевидно, что это положеніе невозможное.

А деньги на новый заемъ найдутся, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, потому что большая часть прежнихъ займовъ издержана въ самой Франціи; деньги остались дома, и большая часть ихъ теперешнихъ владѣльцевъ неспрочь будетъ обратить свои деньги въ процентныя бумаги. Въ случаѣ новой подписки она покроется съ громаднымъ излишкомъ; желающіе приобрѣсть сто облигацій могутъ-быть получать только по восьми, газеты прокричатъ о благополучіи страны, наслаждающейся блистательнѣйшимъ кредитомъ. Но все это самообольщеніе. Займы нынѣшніе — не простыя займы, какими они кажутся. Дѣйствительность далеко не такъ красива. Когда блистательная Порта дѣлаетъ свои займы, то она беретъ деньги прямо подъ залогъ такихъ или другихъ сборовъ; а цивилизованныя страны занимаютъ подъ залогъ денегъ потомства.

А безъ новаго займа Франціи трудно будетъ обойтись, потому что необходимо покрыть текущій долгъ, составившійся въ переложекъ противъ смѣты. По обыкновенію, во всѣхъ газетахъ финансисты стараются обсудить новый предполагаемый заемъ самымъ многостороннимъ образомъ. Иной говоритъ, что онъ не уадется, потому что капиталисты будутъ брать отъ правительства обратно состоящую за нимъ звонкую монету, чтобы на нее купить облигаціи новаго займа, и все-таки правительство должно будетъ сначала выдать деньги, а потомъ уже получить ихъ въ видѣ займа. Другой говоритъ, что новый министръ финансовъ сначала предложитъ владѣльцамъ срочныхъ облигацій обмѣнить ихъ на бумаги безсрочнаго займа. Третій утверждаетъ, что этотъ заемъ составитъ часть большой операціи, посредствомъ которой всѣ займы будутъ превращены въ одинъ трехпроцентный, то-есть всѣ долги будутъ нынѣче приведены къ одному знаменателю. И въ сущность займа, въ его значеніе относительно будущихъ поколѣній не хочетъ выплнуть вѣтрое племя, и радуется только тому, что г. Фульль высказалъ императору опасность неограниченнаго распоряженія деньгами потомства, а императоръ отказался отъ этого права. Газеты еще находятъ въ этомъ поступкѣ императора и великодушіе, и самоотверженіе, и разныя другія прекрасныя качества. Будто-бы онѣ не знаютъ, что императоръ ни въ какомъ случаѣ не могъ желать Франціи зла, и если склонился на очевидность, то въ этомъ ничего нѣтъ кромѣ простаго и яснаго пониманія собственныхъ и національныхъ выгодъ. Г. Фульль прекрасно пояснилъ это въ своемъ докладѣ:

«Право императора располагать государственными деньгами на-

влекать на него большія затрудненія безо всякаго вознагражденія. Это право въ дѣлахъ внутреннихъ поощряетъ и общины, и частныхъ людей обращаться къ императору со всевозможными просьбами. А какимъ образомъ отказывать, когда прошенія весьма часто бываютъ основательны и сверхъ того подтверждаются бывшими примѣрами? Отказъ возбуждаетъ неудовольствіе, которое обращается на императора, потому что министры ни передъ кѣмъ кромѣ его не отвѣтственны. Передъ иностранными державами, если право располагать въ данную минуту всѣми средствами великой націи составляетъ большую силу, то конечно въ тоже время это и опасность. Это право возбуждаетъ страхъ во всѣхъ нашихъ сосѣдяхъ и вынуждаетъ ихъ къ огромнымъ вооруженіямъ. Они успокоятся только тогда, когда соберутъ силы больше тѣхъ, которыя кажутся имъ страшными и которыхъ значеніе, въ страхѣ, она еще преувеличиваютъ. Этотъ страхъ можетъ-быть составляетъ теперь единственную связь, соединяющую въ одномъ чувствѣ европейскіе народы, тогда какъ ихъ интересы и учрежденія ведутъ ихъ къ разединенію. Нынѣче вѣрять самымъ нелѣпымъ клеветамъ, самымъ страшнымъ предположеніямъ. Если ваше величество добровольно откажетесь отъ этой власти; болѣе кажущейся чѣмъ истинной, болѣе грозной чѣмъ дѣйствительной, то не только возвратите общее довѣріе во Франціи, но уймете безпокойство Европы и отнимете всякій предлогъ къ враждебнымъ проискамъ. Когда народы увидятъ, что расходы на войско и на флотъ подвержены правильному обсужденію законодательнаго собранія, то они не будутъ считать себя подъ вѣчною грозою неожиданнаго и непредвидѣннаго нападенія, а правительства не будутъ владаться въ разорительныя вооруженія. Тогда все станетъ легко: безопасность возстановится, средства разовьются, затрудненія нынѣшняго положенія придутъ въ желанный порядокъ при благоприятныхъ условіяхъ.»

Но вслѣдъ за этимъ встрѣчается противорѣчіе, которое весьма легко опрокидываетъ всѣ вышеприведенныя фразы и радикально разрушаетъ прекрасное впечатлѣніе, ими сдѣланное. Выходитъ такъ, какъ-будто ничего не было сказано.

«Допустивъ даже противъ всякаго ожиданія, что Европа изъ нынѣшняго состоянія общаго мира вдругъ перейдетъ къ войнѣ, и тогда, по-моему, не будетъ опасности въ томъ, что императоръ откажется отъ своего права по отношенію къ общественнымъ расходамъ. Которая нація во всѣ времена раньше другихъ готова была выйти въ поле? Исторія говоритъ, что это всегда была Франція. Въ этомъ несомнѣнно ручаются воинственныя привычки націи, лю-

Бовь ся къ славі и довѣрію къ избранному вождю. Никогда страна наша не оставалась глухою къ первому воинскому клику; она всегда поражала непріятелей быстротою своихъ вооруженій и неожиданнымъ, непреодолимымъ взрывомъ своей энергіи. Императоръ не забылъ громаднаго энтузіазма, сопровождавшаго его отъѣздъ въ Италію. Онъ всегда найдетъ тотъ же восторгъ; онъ можетъ быть увѣренъ въ честномъ и преданномъ содѣйствіи двухъ великихъ государственныхъ собраній, какъ только интересы Франціи или интересы династіи потребуютъ чрезвычайныхъ усилій.»

Императоръ въ рескриптѣ своемъ г. Фульду одобрилъ всѣ его идеи и предположенія и приказалъ ему привести ихъ въ исполненіе, взявъ на себя должность министра финансовъ, а въ рескриптѣ государственному министру г. Валуевскому изъясляетъ твердое намѣреніе «заключить смѣту въ неизмѣнные предѣлы».

Газета «Evening Mail», разматривая эти документъ, выражаетъ по поводу ихъ большое удовольствіе, но съ нѣкоторыми оговорками.

«Наступаетъ для Франціи новая эра. Императорскимъ декретомъ императоръ отказывается отъ права новыми декретами производить займы и открывать сверхсметные кредиты. При этомъ онъ соглашается со всѣми доводами и мыслями г. Фульда. Но все то, что говоритъ г. Фульдъ, довольно старо; все это неразъ говорилось въ газетахъ, и уже очень давно. Еслибы права печати не были угрожаемы, то она обсудила бы это дѣло со всѣхъ сторонъ, выставила всѣ обстоятельства еще съ большею ясностью, нежели могъ это сдѣлать самъ г. Фульдъ и успѣла бы убѣдить правительство, сначала склонивъ на свою сторону общественное мнѣніе. Намъ кажется, что г. Фульдъ до нѣкоторой степени правъ въ томъ смыслѣ, что онъ своимъ нынѣшнимъ докладомъ все-таки хоть немного продвинулъ дѣло впередъ по направленію къ свободѣ. Но хотя это въ настоящую минуту составляетъ наше убѣжденіе, мы никакъ не рѣшимся безусловно утверждать, что это наилучшая мѣра, какую только въ настоящее время можно было придумать. Она рѣшена между двумя очень умными и свѣдущими людьми: самимъ императоромъ и г. Фульдомъ. Поэтому, какъ ни хорошо дѣло, придуманное г. Фульдомъ и одобренное императоромъ, однакоже общество могло бы вѣроятно придумать въ немъ какія-нибудь измѣненія, могло бы принять въ соображеніе какія-нибудь обстоятельства, которыя ускользаютъ отъ вниманія умнѣйшаго человѣка. Напримѣръ общество вѣроятно избѣгло бы вкраившагося противорѣчія въ докладѣ г. Фульда тамъ, гдѣ онъ говоритъ объ усложненіи Евро-

пы ограниченіемъ права правительства неограниченно располагать имуществомъ подданныхъ, и о томъ, что это ничего, что въ случаѣ войны онъ будетъ располагать попрежнему, и еще доставить этимъ несказанное удовольствіе своимъ подданнымъ. Очень хорошо г. Фульдъ говоритъ объ отвѣтственности министровъ. Въ самомъ дѣлѣ, при системѣ, существующей во Франціи, повѣрка сдѣланныхъ расходовъ и пересдержекъ не достигаетъ цѣли, потому что вина всѣхъ происходящихъ неправильностей падаетъ на одного только государя, такъ какъ министры ни передъ кѣмъ кромѣ его не отвѣтственны. Но надо надѣяться, что положеніе теперь измѣнится къ лучшему; въ этомъ ручается назначеніе, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, г. Фульда министромъ финансовъ. Онъ вступаетъ въ должность съ готовою, облуманною, своею собственною программою, публично доводитъ императора до согласія съ нею, и такимъ образомъ уже не есть простой органъ мыслей и воли своего государя. Онъ самъ такъ-сказать требуетъ себѣ права отвѣчать за свои дѣла. Такой человекъ стоитъ того, чтобы дѣйствовать непосредственно на политику правительства.»

Рескриптъ императора и докладъ г. Фульда согласны въ томъ, что дурное положеніе финансовъ происходитъ отъ недостатка дѣйствительнаго контроля со стороны законодательной палаты. Но въ тоже время документы эти показываютъ искреннее желаніе возстановить недостающую повѣрку. Если выраженные намѣренія будутъ откровенно исполнены, то положеніе еще исправимо (по мнѣнію политико-экономовъ) и довѣріе снова возродится. Это значитъ, что опять сдѣлаютъ заемъ миліоновъ въ какихъ-нибудь пятьсотъ, и ввукіи нынѣшнихъ французовъ будутъ платить проценты за увлеченіе Наполеона III *полезными издержками*, то есть вооруженіями и перестройками городовъ.

Австрійскія дѣла

Магьяры не хотѣли, какъ извѣстно, уступить ничего изъ своихъ старинныхъ правъ, и Венгрія вслѣдствіе этого теперь находится на военномъ положеніи. Магьяры протестовали уже противъ этого въ послѣднемъ засѣданіи венгерскаго сейма, и теперь продолжаютъ протестовать краснорѣчивымъ молчаніемъ. Налоги собираются вооруженною силой; рекрутскій наборъ, противъ котораго протестовалъ кардиналъ-примасъ королевства, вѣроятно тоже будетъ происходить насильственно.

Но надо замѣтить, что въ требованіяхъ магьяровъ заключается

воиющее противорѣчіе. Они говорятъ, что Венгрія добровольнымъ актомъ, договоромъ, признала своимъ главою австрійскаго императора, что договоръ такого-то года, хартія такого-то года, манифестъ такой-то подтверждали много разъ права мадьяровъ; что отдавшись добровольно, съ сохраненіемъ всѣхъ правъ, они считаютъ себя союзниками, а не завоеваннымъ народомъ, и потому крѣпко держатся своихъ правъ. При этомъ они прибавляютъ, что еслибъ они были завоеваны, то дѣло было бы совершенно другое, и тогда они не стали бы такъ смѣло и настойчиво предъявлять свои древнія права.

Говоря это, они стало-быть признаютъ право завоеванія или иначе-сказать право силы. Въ отвѣтъ на это, австрійскому правительству стоило бы только ихъ теперь завоевать. Этобыль бы отвѣтъ вполне логическій, доводъ, противъ котораго они не стали бы ничего возражать: сами заранѣе согласились.

Но на силу они могли бы возражать только силой, и взаимныя недоумѣнія разрѣшились бы войною. Право силы одно только неоспоримо, несомнѣнно.

Законники говорятъ, что понятіе силы исключаетъ всякое понятіе права. «Сила не составляетъ права, хотя и служитъ для его поддержанія», говорятъ Гроціусъ. «Право основывается на документахъ, на свидѣтельствахъ, на доказательствахъ; оно только отыскивается силой,» прибавляетъ Ваттель. «Сила и право суть двѣ идеи, которыя взаимно отталкиваются; сила никогда не можетъ быть основаніемъ права», говоритъ Ансильонъ. И цѣлая толпа комментаторовъ, переводчиковъ, издателей и примѣчателей поестъ хоромъ: нѣтъ, сила никогда не можетъ составить права; еслиже иной разъ сила и вмѣшивается въ дѣла права, то лишь для наказанія или принужденія, въ качествѣ веревки, скручивающей назадъ руки, или въ качествѣ орудія казни. Видѣть въ ней основу или выраженіе права было бы ошибочно.

Но на всемъ пространствѣ времени, какое только охватывается памятью человѣчества, на пространствѣ послѣднихъ шести тысячъ лѣтъ, война была необходимымъ, нормальнымъ явленіемъ. Все это время человѣчество было на военномъ положеніи, и недаромъ руководства къ изученію исторіи рассказываютъ только о войнахъ, о подвигахъ, о храбрости и т. д. О древнемъ мірѣ и говоритъ нечего. Средніе вѣка были облиты кровью; XVI, XVII и XVIII вѣка гремятъ семилѣтними, тридцатилѣтними, семнадцатилѣтними и разными другими войнами. Подъ этотъ шумъ Гроціусъ пишетъ свою книгу «О правѣ войны и мира». Но событія не слушаютъ его соображеній и наставленій: грянула революція, и дикія завыванія вой-

ны раздались въ Европѣ съ неслыханнымъ ожесточеніемъ. Революція была приготовлена тремя вѣками философіи, науки, литературы. Она родилась изъ мысли о правѣ, о братствѣ между людьми и народами; она была возстаніемъ права противъ побѣды, мирныхъ завѣтій противъ войны. Но тутъ-то война и разыгралась. Никогда человѣчество не видывало такихъ ужасающихъ похоронъ: въ какіе-нибудь двадцать лѣтъ десять миллионовъ человѣческихъ жертвъ было принесено въ жертву въ этой борьбѣ гигантовъ.

Но послѣ того человѣчество могло перевести духъ. Торжественный миръ подтвержденъ торжественнѣйшею клятвой; между государями, подъ названіемъ «священнаго союза», подписанъ трактатъ взаимнаго обезпеченія. Наступила пора представительныхъ, парламентскихъ учреждений. Посредствомъ искусной комбинаціи храненіе погашеннаго факела войны поручается тѣмъ самымъ интересамъ, которые войну больше всего ненавидятъ. Чудеса промышленности, развитіе торговли и изученіе новорожденной и еще несформировавшейся науки, самой миролюбивой изъ всѣхъ наукъ, — политической экономіи, все ведетъ къ тому, чтобы развить мирные крѣпы, внушить отвращеніе къ войнѣ. Въ Англіи, въ Америкѣ образуются общества мира, обезоруженіе. Мысль эта находитъ сочувствіе; устраиваются митинги, собираются конгрессы, печатаются воззванія, адреса къ правительствамъ. Протестанты и католики, православные и квакеры, денсты и матеріалисты, всѣ единодушно порицаютъ войну. Иногда ихъ краснорѣчіе, ихъ громы противъ войны бывають забавно напряженны и преувеличены, вродѣ примѣръ мирныхъ завываній Эмиля Жирардена: «Война есть убійство, война есть кража... Это убійство, это кража въ почетъ, въ триумфъ, въ лавровомъ вѣнкѣ... Это убійство, это кража, безъ наказанія и стыда, съ прибавкою славы... Это убійство, это кража, избавленный отъ эшафота триумфальною аркой... Это легальная непослѣдовательность: тутъ общество приказываетъ то, что запрещено и запрещаетъ то, что приказано, награждаетъ за то, за что наказываетъ, и наказываетъ за то, за что награждаетъ...»

Война была рѣшительно въ опалѣ; въ воздухѣ было какое-то тихое вѣяніе мира. Даже на мирномъ конгрессѣ, бывшемъ въ Парижѣ (1849), аббатъ Герри и пасторъ Кокерель поладили другъ другу руки въ ознаменованіе того, что двѣ церкви, католическая и протестантская, примиряются въ общемъ проклятій войны. Еще съ вѣнскаго конгресса наступила повидимому пора богатства и безконечнаго, невозмутимаго счастья для всего цивилизованнаго человѣчества. Но это только повидимому. Съ тѣхъ поръ было уже много

безпокойствъ и требованій, а миръ остается только желаемою и напрасно ожидаемою неизвѣстною величиною. Съ тѣхъ поръ были итальянскіе карбонаріи, доктринаризмъ, испанская война, греческая война, турецкая война, завоеваніе Алжира, іюльская революція, отдѣленіе Бельгіи, занятіе Анконы, движеніе 1840 года по поводу восточныхъ дѣлъ, Зундербундъ, галиційскія побѣды, революція 1848 года, коммунизмъ и социализмъ, унитарное движеніе въ Австріи и въ Германіи, остановленное венгерскимъ возстаніемъ и сопротивленіемъ Даніи, наварская война, римская экспедиція, крымская война, ломбардская война, Гарибальди, герцеговинское возстаніе, — не считая мелкихъ войнъ на Кавказѣ, въ Китаѣ, въ Кабилии, въ Марокко, въ Индіи, на Мадагаскарѣ.

Въ послѣднія четырнадцать лѣтъ Европа непрерывно стоитъ подъ ружьемъ и все вооружается. Войственный духъ не остылъ. Храбрость войскъ возвысилась, народы одушевлены энтузіазмомъ. Никогда однакоже не было болѣе кротости нравовъ, менѣе жажды завоеваній, никогда военные не были оживлены болѣе человѣколюбивыми чувствами. Властвіе какой-же непостижимой слѣпоты народы, другъ друга уважающіе, расчитываютъ не на силу права, а на право силы?

Дѣлю въ томъ, что слѣпоты тутъ нѣтъ никакой, и повидному право силы, выражаемое военными дѣйствіями, навсегда должно остаться *ultima ratio* государствъ и точно также послѣднимъ доводомъ народовъ. Въ этомъ случаѣ есть несправедливость только при условіи односторонности.

Въ глубокой древности, когда люди были еще въ состояніи дикости, человѣкъ зналъ, признавалъ и уважалъ только тѣлесную силу. Въ ту темную пору для человѣка сила, разумъ, право были однозначащи. Мѣра силы составляла мѣру достоинства, мѣру права, насколько въ пародахъ зараждалась мысль о правѣ и обязанности. Мало-помалу общества образуются и съ ними растетъ уваженіе къ силѣ; ее уважають, боготворять; являются Самсонъ, Геркулесъ, Торъ. Народы распадаются на два отдѣла: *aristoi*, сильнѣйшіе, а оттуда храбрѣйшіе, добродѣтельнѣйшіе, лучшіе, и чернь, — слабые, невольники, все то, что не имѣетъ силы, *ignari*. Первые составляютъ законную корпорацію; это люди права, то-есть люди, имѣющіе права; остальные — вѣдъ права, *exleges*; они правъ не имѣють; это существа съ человѣческимъ лицомъ, *anthropoi*, а не люди, *andres*.

Въ то время споры, происходящіе изъ-за правъ силы, рѣшаются и оскорбленія вознаграждаются дуэлью, судебнымъ поединкомъ, стало-быть судомъ силы. Но вскорѣ на мѣсто этихъ дракъ стано-

яется власть вождя; предводителя, который въ древности былъ лично самымъ сильнымъ и самымъ ловкимъ воиномъ; онъ представлялъ собою собирательную силу всего народа; противъ него ни у кого нѣтъ силы сопротивляться; онъ не желаетъ, чтобы люди его дрались и брать на себя разрѣшеніе правъ, юстицію. Эта замѣна драки судомъ вождя происходитъ изъ того принципа, что *право принадлежитъ сильнѣйшему* и что передъ судомъ вождя никто не имѣетъ права свое сужденіе имѣть. Но все это не значитъ, будто сила составляетъ все право и будто нѣтъ иного права кромѣ силы. Это значитъ только, что сила составляетъ первое и самое неоспоримое изъ правъ; что ежели впоследствии и явились новыя права, то они всѣ произошли отъ этого. Между лицами одного лагеря судебный поединокъ замѣняетъ судомъ вождя, а между двумя независимыми лагерями только и есть одно признанное право, одинъ судъ, — именно судъ силы. Отъ этого во мнѣніи всѣхъ народовъ, и мадяровъ въ томъ числѣ, завоеваніе считается самымъ законнымъ, самымъ неоспоримымъ поводомъ обладанія, потому что основано на правѣ силы, которое выше права уступки, добровольной передачи, наследства, продажи и т. д.

Такъ мнѣніе общества расхлестается съ ученіемъ мыслителей. Всѣ существующія общества начались и потомъ развились войною, или по крайней мѣрѣ подъ вліяніемъ войны, то-есть подъ вліяніемъ силы. Въмѣстѣ съ обществами развилась и цивилизація, и права международныя, право общественное, право гражданское. Законники говорятъ, будто право силы есть предразсудокъ варварскихъ временъ, злоупотребленіе. Но если такъ, то изъ этого слѣдовало бы, что всѣ наши учрежденія, преданія и законы испорчены насиліемъ и съ самаго корня никуда не годятся; изъ этого слѣдовало бы — страшно подумать! — что всякая власть есть тиранія, всякая собственность — злоупотребленіе, и что общества должны быть перестроены сверху до низу.

Ктому же еще война между людьми далеко не то, что драка между звѣрями. Для человѣка сила не есть только сила, но въ ней заключается также часть права, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ она даже составляетъ право. У медвѣдя нѣтъ никакого понятія о правѣ, происходящемъ изъ его силы. Онъ истребляетъ то что одолеваетъ, и дальше не идетъ. У человѣка напротивъ, есть стремленіе — свое физическое превосходство обратить въ нѣкоторое обязательство для другихъ; онъ требуетъ, чтобы его побѣда была религіозно уважаема другими, онъ требуетъ, чтобы его побѣда считалась правомъ, онъ требуетъ обязанностей, соответственныхъ тому, что называется

своими правами. Этимъ-то война и отличается отъ драки между звѣрьми.

Законники отрицають право силы, называютъ его противорѣчьемъ, нелѣпостью. Но въ такомъ случаѣ пусть же у нихъ достаетъ храбрости требовать распадения того, что составляетъ послѣдствіа права силы, пусть они нападаютъ на Францію, на Англию и на другія державы, которыя не вышли изъ природы такъ, какъ онѣ есть, а составились, образовались и укрѣпились вслѣдствіе принципа силы. Если войну нельзя разсматривать какъ законную борьбу, если не существуетъ право войны, то вся исторія человѣчества необъяснима и нелѣпа. Если нельзя сказать, что есть право войны, и что это право есть положительное своего рода выраженіе справедливости, то нѣтъ смысла въ исторіи: надъ землею царитъ случай; государства основаны на несправедливости; право человѣческое — химера; международные трактаты несостоятельны; вся цивилизація обращается въ трагикомедію. Все это потому, что въ правѣ человѣка, въ правѣ общественномъ и гражданскомъ, въ учрежденіяхъ нашихъ и въ нравахъ, въ религіи и въ экономіи все первоначально основывается на войнѣ.

Законники и такъ называемые мыслители знать ничего не хотятъ. Они бродить въ потемкахъ своихъ противорѣчій, считая свою теорію весьма глубокою; они говорятъ, будто право истекаетъ изъ обязанности, а обязанности въ свою очередь рождаются изъ права и въ тоже время права получены нами собственно для выполненія обязанностей. Можетъ-быть все это и такъ (если только можно это понять), или такъ должно быть; но нѣтъ на свѣтѣ ничего неумолимѣе факта; а фактъ говорить, что права международныя и права междучеловѣческія все истекаютъ изъ одного права войны или силы, нѣсколько видоизмѣненнаго цивилизаціей.

Есть на свѣтѣ право, всеми признаваемое, — право любви. Оно состоитъ въ томъ, что всякій человѣкъ имѣетъ право любить и, если можетъ, быть любимымъ; сверхъ того это право налагаетъ на любящихъ нѣкоторыя взаимныя обязанности, которыхъ нарушеніе уничтожаетъ самую любовь. Всѣ народы пробовали формулировать право любви бракомъ.

Есть также право ума, состоящее въ томъ, что всякій человѣкъ имѣетъ право думать и учиться, вѣрить тому, что считаетъ истиной, отбрасывать все что кажется ложнымъ, размышлять обо всемъ, излагать свои мысли и получать въ обществѣ, сообразно степени своихъ званій, нѣкоторыя работы предпочтительно передъ иными.

дой, еслибы даже этотъ послѣдній былъ трудолюбивѣе, богаче и даже болѣе нравственнаго поведенія.

Есть еще право труда, въ силу котораго всякое произведеніе человѣческаго труда принадлежитъ производителю. Это право принадлежитъ труду, какъ право любви принадлежитъ любви, какъ право ума неоспоримо принадлежитъ уму. Все это отдѣльныя, независимыя одно отъ другого права. Право, въ самомъ общемъ своемъ значеніи, есть уваженіе, какого можетъ требовать всякій челоуѣкъ отъ своего ближняго къ своему лицу, къ своему семейству, къ своей собственности, въ силу общности ихъ природы, въ силу солидарности ихъ интересовъ.

На тѣхъ же основаніяхъ есть и право силы, состоящее въ томъ, что сильнѣйшій, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, долженъ быть предпочтенъ слабѣйшему, получать высшее вознагражденіе, помимо трудолюбія, учености, любви и другихъ правъ. Всѣ эти права совершенно отдѣльны. Право ума не имѣетъ никакого вліянія на права любви и труда; точно также и сила не имѣетъ никакого вліянія на дѣла ума и любви; даже въ дѣло труда она входитъ только какъ орудіе, стало-быть она не замѣняетъ труда и не входитъ въ его права. Но сила составляетъ часть человѣческаго существа, стало-быть составляетъ его право, и отрицать ее невозможно. Поэтому сила не ничто передъ лицомъ права; она сама по себѣ хороша, полезна, необходима и достойна уваженія. Надо только разумно ее примѣнять: вотъ въ чемъ мудрость.

Разглагольствуя вкривь и вкось о силѣ права и не признавая права силы, законники впадаютъ конечно въ противорѣчія. По ихъ мнѣнію, сила противорѣчитъ праву, а между тѣмъ они же допускаютъ силу, какъ необходимое подтвержденіе права.

«Сила — говорятъ они — есть необходимое обезпеченіе права; безъ силы, право было бы пустымъ словомъ, видѣніемъ, галлюцинаціей. Такая сила существуетъ только въ общественномъ порядкѣ, или иначе-сказать сила составляетъ этотъ порядокъ. Не нравственность людей обезпечиваетъ общество противъ злоупотребленій, пороковъ и преступленій; не нравственностью людской подерживается право и справедливость; эта прекрасная цѣль достигается общественною властью или силой».

Тутъ законники явственнымъ образомъ ругаются надъ челоуѣчествомъ, отрицаютъ справедливость, опирая справедливость на одно только основаніе, на силу. Дѣло въ томъ, что справедливость ни отъ чего не заимствуетъ законной силы своей, кромѣ какъ отъ самой себя; что сила слѣдовательно подтверждаетъ только право

силы и служить отдаленнымъ источникомъ всѣхъ другихъ правъ. Юристы впали въ ошибку относительно права силы только потому, что оно такъ-сказать замаскировано различными правами, которые выросли на его древнемъ стволѣ; въ силѣ они поняли только насилие и злоупотребленіе.

Въ обществѣ, достигшемъ высокой степени цивилизации, злоупотребленіе силы уменьшаетъ самую силу и ведетъ ее къ гибели. Нарушая права, выросшія на ея стволѣ, она подкапывается подъ свое собственное существованіе. Въ этомъ смыслѣ право силы само себя убиваетъ въ Венгріи, а сопротивленіе мадяровъ, по своей обдуманности, стойкости, по отсутствію заносчивости и увлеченія, показываетъ, что они совершенно созрѣли для того, чтобы пользоваться силою своего права, и что право силы, употребленное противъ нихъ, повредитъ только самому себѣ.

Въ Венгріи теперь все остановилось, притихло и застыло. Начальники комитатовъ смѣнены и замѣнены новыми, опредѣленными изъ Вѣны; объживенныя суды замѣнены военными, причемъ судьями въ различныхъ округахъ сдѣланы австрійскіе офицеры тѣхъ войскъ, какія въ округѣ расположены. Но въ утѣшеніе австрійское правительство, циркуляромъ къ своимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ, извѣщаетъ, что все это мѣры только временныя, и конституціонный порядокъ долженъ въ свое время восторжествовать. Но когда и по какому поводу нынѣшнее положеніе можетъ измѣниться — неизвѣстно. Сила въ этомъ случаѣ бессильна что-либо предвидѣть или сдѣлать; но по самому существу своему она не въ состояніи разсѣять тьму, которая всегда ее сопровождаетъ и составляетъ вѣчно-присущее ей свойство.

Въ триединомъ королевствѣ происходитъ почти тоже самое. Аграмскій сеймъ распущенъ всемогуществѣющимъ рескриптомъ; сказано только, что онъ совѣщался долго, потерялъ время и пропалъ, ни до чего не договорился, не выбралъ изъ среды себя представителей въ государственный совѣтъ, который все еще остается сокращеннымъ, и потому сеймъ распускается. Впрочемъ предположено съ-временемъ созвать другой сеймъ.

Въ Трансильваніи — совѣтъ другой. По точному смыслу конституціи, слѣдовало тамъ собрать сначала сеймъ, а потомъ самый сеймъ долженъ былъ выбрать изъ среды своей представителей въ государственный совѣтъ. Но Трансильванія считаетъ себя, по правамъ 1848 года, частью Венгріи, и конечно въ сеймѣ своемъ повела бы дѣла точно такъ же, какъ они ведены были въ Пестѣ. Правительство предвидѣло это очень хорошо, и теперь окончательно отло-

жею созваніе сейма; въ скоромъ времени назначены будутъ выборы для непосредственнаго назначенія членовъ въ государственныи совѣтъ. Въ какой мѣрѣ это будетъ успѣшно — неизвѣстно. А покажется изъ этихъ трехъ странъ никакихъ нѣтъ, да и не можетъ быть извѣстий. Слышно только, что то тамъ, то здѣсь одинъ чиновникъ замѣняется другимъ; но эти перемѣненія сущности дѣлъ нисколько не измѣняютъ.

ТУРЕЦКІЯ ДѢЛА

Позднѣе осеннее время не благоприятствуетъ военнымъ дѣйствіямъ. Можетъ-быть поэтому Омеръ-паша, главнокомандующій турецкими силами, посланными для усмиренія герцеговинскаго возстанія, не принимаетъ рѣшительныхъ мѣръ. Да и самое возстаніе какъ-то нерѣшительно, тѣлѣтъ подъ пеломъ и въ пожаръ не разгорается. Надо надѣяться, что вялость эта происходитъ тоже отъ поздняго осенняго времени.

А между тѣмъ положеніе христіанъ въ Турціи становится все болѣе и болѣе невыносимымъ. Нельзя сказать, чтобы ихъ мучили, душили и истребляли собственно зато, что они христіане. Это дѣлается само собою, безъ всякаго особеннаго злого умысла со стороны правительства, можетъ-быть только силою его инерціи, вслѣдствіе отсутствія силы.

При вступленіи на престолъ Абдула-Азиза, европейскіе публицисты очень усердно прокричали о великихъ его добродѣтеляхъ, объ экономіи, и даже многіе туркофилы вѣняли ему въ особенную заслугу, что вінъ распустилъ гаремъ своего покойнаго брата. Конечно, съ точки зрѣнія вкуса, это послѣднее обстоятельство составляетъ немаловажную заслугу, потому что въ гаремѣ было слишкомъ много особъ, выслужившихъ сроки и негодныхъ къ употребленію. Гаремъ дѣйствительно былъ возобновленъ, и пополненъ лучшими субъектами. Но еслибы даже и не былъ возобновленъ, еслибы Абдуль-Азизъ ограничился одною женою, то такое воздержаніе нисколько не считалось бы у турокъ достоинствомъ, ни въ какомъ случаѣ не было бы истолковано въ хорошую сторону. Правда, что онъ уволилъ отъ службы нѣсколько грабителей, которые уже слишкомъ разжирѣли на общественный счетъ; но на ихъ мѣсто поступилъ новый. Онъ не зналъ или не хотѣлъ знать, что человекъ — не очень важенъ на томъ или на другомъ мѣстѣ, а что всего важнѣе система. Когда всѣ дѣла устроены такимъ образомъ, что все кругомъ грабятъ и воруютъ, что дѣлать одному честному человѣку, по-

павшему въ этотъ омутъ? Остается отстраниться отъ дѣла, или оставаться, зная напередъ, что не своситъ головы, что полведутъ, упекутъ подъ судъ, и кончится тѣмъ, что лбомъ стѣны не прошибешь иначе какъ при помощи мѣднаго лба. Но чтобы перемѣнить систему, у новаго султана не достало ни способностей, ни рѣшимости, ни силы воли, ни надлежащаго приготовленія чрезъ образованіе. Такъ, когда остается старая колея въ узкой дорогѣ, всякій проѣзжій непремѣнно заваливается туда колесомъ, какія бы предосторожности онъ ни принималъ, какъ ни ловко умѣлъ бы править или управлять.

Во всей турецкой администраціи осталось прежнее зло, безо всякой перемѣны; это всего лучше доказывается состоявіемъ провинцій. Если султану и дѣйствительно удалось сдѣлать нѣкоторые сбереженія, то это не повело ни къ чему, потому что въ послѣднее время все-таки сдѣланъ былъ насильственный заемъ на самыхъ тягостныхъ условіяхъ. Была сдѣлана разверстка потребной для правительства суммы звонкой монеты; опредѣлено было, поскольку каждый округъ и каждый городъ долженъ внести денегъ въ обмѣнъ на печатныя бумажки или ассигнаціи, съ тѣмъ еще, что каждый владѣтель такой ассигнаціи можетъ пустить ее въ ходъ не иначе какъ въ мартѣ мѣсяцѣ будущаго года; да еслибы кто и хотѣлъ выпустить ее теперь же, то никто не возьметъ. — Такой заемъ (если можно назвать это займомъ) высосалъ изъ страны небольшіе остатки звонкой монеты. Салонскій округъ въ Албаніи долженъ былъ внести 250.000 піастровъ золотомъ или серебромъ. Такъ какъ у несчастныхъ туземцовъ едва есть нѣсколько мѣди, то многіе вынуждены продавать свои земли, чтобы добыть себѣ денегъ на производящейся поборъ. Но такъ какъ всякій хочетъ продать, а покупать некому, то земли сильно упали въ цѣнѣ, и казначейство находится теперь въ опасности получить взамѣнъ своихъ бумажекъ не звонкую монету, а землю, съ которой ему вовсе нечего дѣлать. — Родось, прекраснѣйшій, великолѣбно одаренный природою островъ, долженъ внести 500.000 піастровъ, а денегъ вовсе нѣтъ. — Филиппопольскъ съ своимъ округомъ долженъ внести четыре мильона піастровъ. Паша этой провинціи далъ знать консуламъ, что ихъ соотечественники должны принять участіе въ насильственномъ займѣ. Конечно, эта претензія съ его стороны останется безъ послѣдствій; но еще неизвѣстно, самъ ли онъ это изобрѣлъ, или распорядился согласно волѣ правительства.

Въ Адрианополѣ паша-губернаторъ долженъ былъ произвести слѣдствіе и подробное дознаніе о нуждахъ и желаніяхъ христіан-

скаго населенія, которое не перестаетъ жаловаться на своихъ правителей и на ихъ способъ управленія. Всѣ жители знаютъ очень хорошо, что все зло происходитъ отъ правителя и ближайшихъ къ нему чиновниковъ, и что поручить имъ самимъ разузнать причины зла и степень достовѣрности жалобъ — горькая насмѣшка. Въслѣдствіе этого пятнадцать деревень приготовились переселиться въ Россію, и вѣроятно еще очень многія послѣдуютъ ихъ примѣру. Для Россіи это прекрасно; но каково же имъ, бѣднымъ переселенцамъ, а особливо тѣмъ, у которыхъ нѣтъ средствъ выселиться?

Разбойничьи шайки, состоящія изъ турокъ, грабятъ окрестности Монастира-Витоліи съ полною безнаказанностью. Жители жалуются властямъ, но жалобъ ихъ какъ-будто не бывало: турокъ отвѣчаетъ, что эти шайки существуютъ только въ воображеніи христіанъ, а что впрочемъ нѣтъ Бога кромѣ Бога, а Магометъ его пророкъ. А между тѣмъ дерзость этихъ шаекъ невѣроятна; онѣ дѣлаютъ свое дѣло въ особенностяхи среди бѣла дня и доходятъ до самыхъ воротъ Монастира. Имѣются длинныя списки погибшихъ подъ ударами разбойниковъ, съ именами, прозвищами, днемъ и мѣстомъ гибели. Это по большей части земледѣльцы, пастухи, школьные учителя, священники, богатые и бѣдные безразлично. Иной разъ шайка нападаетъ на цѣлую деревню, и тогда вся деревня разграблена, сожжена, а тѣ, съ кого разбойники надѣются получить выкупъ, уводятся. Въ Хариворахъ уведено семеро, въ Дестенѣ, которая сгорѣла до-гла, десятеро; въ Крусу — тоже самое.

Дѣла остановились и наступила страшнѣйшая нищета. Турція разваливается и до сихъ поръ оказываетъ нѣкоторые признаки жизни только благодаря гальваническому раздраженію, производимому въ Константинополь посланниками великихъ державъ. Англія, Франція и въ особенности Австрія ревниво берегутъ разналичную, и такъ какъ больному позволяютъ иногда капризы, все неприличное зловому, то и Турціи позволяются нѣкоторыя маленькія отступленія, вродѣ нарушеній обѣщаній и договоровъ. Напримѣръ договорами, за которые ручались великія державы, положено, что существовавшее въ 1830 году число землевладѣльцевъ въ Сербіи изъ турокъ — никогда не увеличится, что турки впредь не будутъ имѣть права приобрѣтать себѣ въ Сербіи земли у сербовъ. Сверхъ того положено, что турки будутъ жить только въ Бѣлградѣ, а въ остальныхъ мѣстахъ княжества — только тѣ, у кого есть недвижимая земельная собственность. Теперь это не исполняется, и посланники великихъ державъ терпятъ этотъ капризъ больного. Въ послѣднее время въ Константинополь ѣздилъ г. Гарашанинъ, одинъ

изъ самыхъ уважаемыхъ гражданъ Сербіи , чтобы какъ-нибудь посредствомъ переговоровъ уладить это дѣло ; но побѣдка его не повела ни къ чему , несмотря на крайнюю умѣренность его требованій , умѣренность даже излишнюю. Въмѣсто того чтобы требовать простого, безусловнаго очищенія Сербіи , такъ чтобы турокъ измѣстное лишь количество оставалось въ крѣпостяхъ, сообразно гатташерифу 1830 года, князь Михаилъ соглашался ихъ оставить всѣхъ, съ однимъ только условіемъ , чтобы они подчинились законамъ страны.

Это составляетъ потребность неизбежную : иначе въ Сербіи живеть два народа подъ двумя различными управленіями. Теперь въ сербскомъ государствѣ есть еще турецкое государство , что прямо противорѣчитъ правамъ , полученнымъ Сербіей и утвержденнымъ послѣ адрианопольскаго мира великими державами ; сверхъ того это источникъ непрерывныхъ споровъ между двумя населеніями и двумя властями, споровъ, доходящихъ иногда до кровородитій. Въ такихъ обстоятельствахъ трудно сербскому правительству устроить свои порядки на прочныхъ началахъ и оставаться съ Портой въ хорошихъ отношеніяхъ. Народъ раздражонъ противъ турокъ ; у сосѣдей съ турками вооруженное столкновеніе, и потому очень легко можетъ случиться , что правительство когда-нибудь не въ силахъ будетъ сдержать взрывъ народнаго негодованія и цетерпѣнія. Собственно говоря , дурного не было бы тутъ ничего : Турція отжила своей вѣкъ, живеть только гальванически, такъ что относительно ея никакое насиліе не будетъ насиліемъ. Но великія державы этого не желаютъ, и пуще всего боятся, чтобы угнетенное славянское населеніе не взяло верхъ надъ угнетателями. Вълѣдствіе разложенія послѣднихъ , первые давно уже изъ слабѣйшихъ сдѣлались сильнѣйшими, и право силы проявилось бы въ полномъ своемъ блескѣ и торжествѣ, еслибы постороннимъ, чужимъ державамъ не было выгодно и удобно нынѣшнее ненормальное положеніе дѣлъ во всей Турціи.

Отоманскіе министры не приняли предложеній, сдѣланныхъ Гарашаниномъ. Они сначала сдѣлали различіе между мусульманами, живущими въ странѣ, и тѣми, которые живутъ въ Бѣлградѣ, и согласились, чтобы первые совершенно оставили страну, а городскіе остались. Князь Михаилъ принялъ первую половину этого рѣшенія. Комисары сербскіе вмѣстѣ съ турецкими займутся очищеніемъ страны. Но тутъ Порта заявляетъ новыя требованія. Она настаиваетъ, чтобы комиссія имѣла право постановлять окончательныя рѣшенія въ тяжбахъ между мусульманами и туркамъ относительно

собственности, подъ тѣмъ предлогомъ, что есть много такого рода перъшовыхъ дѣлъ. Съ этимъ не можетъ согласиться сербское правительство. Все земли мусульманъ въ Сербіи были оцѣнены тридцать лѣтъ тому назадъ, и доходы, съ нихъ получаемые, включены въ подать, которую платитъ Сербія Турціи и которая опредѣлена разъ навсегда. Кому же сербскіе уполномоченные не могутъ входить объ этомъ ни въ какія пренія съ своими мусульманскими товарищами до тѣхъ поръ, пока сербскія судебныя мѣста не рѣшатъ возникающіе споры законнымъ порядкомъ.

Порта требуетъ сверхъ того, чтобы комиссія начертала вокругъ крѣостей извѣстный военный кругъ, и очистила его отъ частныхъ построекъ, которыя могли бы вредить оборонѣ, въ случаѣ нужды. Это опять новое требованіе, котораго нѣтъ и слѣда въ прежнихъ гатти-шервахъ. Князь и на это не можетъ согласиться, безъ нарушенія правъ частной собственности.

Въ Бѣлградѣ позволено жить мусульманамъ. Тамъ Порта требуетъ учрежденія смѣшаннаго судилища для всѣхъ уголовныхъ дѣлъ. Опять и съ этимъ согласиться нельзя, потому что въ Сербіи ни одинъ сербъ не можетъ быть судия иначе, какъ по своимъ законамъ и своимъ чиновникамъ. Этимъ турецкіе министры очевидно хотѣли только придать законность вкравшемуся временемъ злоупотребленію, въ силу котораго они смотрятъ на городъ Бѣлградъ какъ на существенную часть крѣпости. Довольно и того, что тамъ незаконно существуетъ двойная полиція.

Такимъ образомъ осталась безъ разрѣшенія важнѣйшая часть того, о чемъ хлопоталъ въ Константинополѣ Гарашаничъ, и Бѣлградъ остается въ положеніи неправильномъ, опасномъ, съ вѣчными столкновеніями, которыя грозятъ опасностью общему миру. Отоманское правительство какъ-будто не хочетъ общихъ и вѣрныхъ выгодъ, правильного хода дѣлъ. Въ этомъ случаѣ, точно также какъ и во всѣхъ вопросахъ, которые въ послѣднее время возникаютъ между христіанскими населеніями разныхъ областей Турціи и дванадцать, въ Сиріи, въ Сербіи, въ Черногоріи, въ Герцеговинѣ, въ Босніи, въ Болгаріи затрудненія не улаживаются, а напротивъ, становятся все сложнѣе и настоятельнѣе.

Тоже самое и въ Молдо-Валахіи: дѣло не кончено, вопросъ о сдѣлкахъ двухъ княжествъ не рѣшёнъ, и вновь открывшіяся нынче конференціи сдѣлали что сдѣлаютъ. Двѣ первыя конференціи, не имѣвшія притомъ оффиціальнаго характера, привели только къ уложенію и опредѣленію намѣреній великихъ державъ. Оказалось, что онѣ почти единодушно согласны насчетъ соединенія кня-

жествъ, но совершенно расходятся касательно порядка, въ которомъ будутъ разсматриваться ими второстепенные вопросы: обратительный законъ, уничтоженіе центральной комиссіи и замѣну ея новою администраціей. Затрудненія по поводу избирательнаго закона уничтожены послѣднею запискою князя Куцы. Онъ пояснилъ, что ежели конференція возвыситъ избирательный цензъ, то вся законодательная власть попадетъ въ руки богачей, которые поголовно противны существующему порядку вещей и тѣмъ измѣненіямъ, которыя необходимо будетъ ввести. Кромѣ того онъ имѣлъ въ виду, что великія державы намѣрены толковать объ избирательномъ законѣ до рѣшенія другихъ вопросовъ, именно о слитіи министерствъ и законодательныхъ собраній, и потому обѣщавъ облегчить дѣла конференцій, взятіемъ назадъ своихъ прежнихъ предложеній. Такимъ образомъ дѣла улаживаются, но, какъ на зло, являюся новыя, неожиданныя препятствія. Уполномоченный Виктора Эммануила акредитованъ для этихъ конференцій не отъ пьемонтскаго, а отъ итальянскаго короля, такъ какъ итальянское королевство признано Турціей еще въ маѣ мѣсяцѣ. Уполномоченный Австріи говоритъ, что итальянскаго королевства нѣтъ, что слѣдовательно представителя сего на конференціяхъ быть не можетъ, но что пьемонтскаго уполномоченнаго, такъ и быть, допустить можно. Эта претензія ставитъ турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ въ очень затруднительное положеніе, ставитъ въ невозможность продолжать переговоры, и ему приходится теперь, не собирая полныхъ конференцій, соглашать каждаго изъ уполномоченныхъ отдѣльно, врозь выслушивать ихъ возраженія и передавать ихъ каждому по одиночкѣ. Это только гораздо длиннѣе, а въ сущности — одно и то же.

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ

Что ни говорили бы простодушные защитники вѣчнаго мира, какъ ни красно разглагольствуютъ они касательно ужасовъ и безобразія войны, какъ ни много доброты въ ихъ прекрасныхъ стремленіяхъ, война покамѣстъ существуетъ, какъ неизбѣжная принадлежность человѣческаго рода. Еслибы вслѣдствіе какой-нибудь роковой воли судьбы война вдругъ перестала существовать, была бы исключена изъ общечеловѣческаго права — что стала бы дѣлать Герцеговина съ своимъ христіанскимъ населеніемъ? Что стало бы со всѣми христіянами, подвластными Портѣ?..

Но приверженцы вѣчнаго мира, несмотря на свою презорливость, какъ-будто не хотятъ видѣть, что у насъ сверѣпствуетъ

война безъ пушечныхъ выстрѣловъ, безъ кавалерійскихъ атакъ, въ тѣ свѣтлыя промежутки, которые обыкновенно называются миромъ. Война эта существуетъ, а на нее не обращаютъ вниманія любители мира.

Они смотрятъ на ходъ дѣлъ въ человѣчествѣ какъ на драму, раздѣленную на акты, гдѣ въ антрактахъ все спокойно, все отбываетъ, собирается съ силами, пьетъ сахарную воду или поправляетъ себя голодомъ избитымъ личнымъ желткомъ. Они полагаютъ, что во время антрактовъ имъ можно, безъ опасенія какой-нибудь помѣхи, предаваться своимъ удовольствіямъ и частнымъ дѣламъ. Они не видятъ, что въ промежуткахъ-то именно и заключаются интереснѣйшіе моменты драмы. Во время этой кажущейся тишины и приготовляются причины взрыва, который потомъ разразится и поразитъ ужасомъ непредусмотрительныхъ и невидящихъ антрактовъ людей. Кто видитъ только крупныя явленія и слышитъ одни только громкіе взрывы, тотъ ровно ничего не понимаетъ въ ежечасномъ, ежеминутномъ ходѣ мѣрныхъ шаговъ исторіи.

Въ такъ называемое мирное время вѣдется война ожесточенная, гораздо страшнѣе и ожесточеннѣе той, которая разыгрывается посредствомъ пушекъ. Въ этой войнѣ, точно также какъ и въ пушечной, заключаются оборонительные и наступательные союзы, а народы предусмотрительные принимаютъ всѣ мѣры для того, чтобы обезпечить себя побѣду. Война точно также вѣдется на жизнь и на смерть, въ ней принимаютъ участіе всѣ граждане безъ исключенія, а жертвы не считаются, потому что имъ счету нѣтъ. Здѣсь даже хуже: здѣсь бьютъ и лежачаго, и равнодушно топчутъ его въ грязь; здѣсь не бываетъ перемирія, не берутъ никого въ плѣнъ, и противники не знаютъ, да и не ждутъ пощады. Горе побѣжденнымъ!.. Ко всѣмъ ужасамъ вышнихъ непріязненныхъ дѣйствій присоединяются еще междоусобія: брать возстаютъ на брата, сынъ на отца, землякъ на земляка, и жертвы падаютъ, падаютъ, падаютъ... А между тѣмъ дальнѣйшія вооруженія и приготовленія продолжаются, и побѣда склоняется на сторону тѣхъ, кто болѣе готовъ встрѣтить случайности, кто лучше приготовленъ. И горе неприготовленнымъ!

Эта война, происходящая въ мирное время, есть вѣчто пролѣ партизанскихъ вѣходовъ, авангардныхъ дѣлъ, которыхъ поводъ и причина все тѣже, что у войны пушечной и штуцерной. Здѣсь война выражается очень разнообразно: дипломатіей, политикой, вооруженіями въ мирное время, дороговизной, тарифами, таможами, откупамъ, монополіями, дѣхами, стачками хозлевъ и рабочихъ, таксами, уставами о торговлѣ и банкротствѣ, государственнымъ займами,

биржевою игрой, акціонерными и благотворительными обществами, спекуляціями, учетами, корпораціями, банками, бѣдностью, пролетариатомъ, промышленностью и всевозможною конкуренціей.

Все это, собственно говоря, военныя дѣйствія или ихъ результаты. Отъ обыкновенной, пушечной войны они отличаются только формой, а сущность таже, съ тою только разницею, что эта война безошаднѣе другой, шумной и кровавой.

Что такое биржевая игра, какъ не война, основанная на глубокомысленнѣйшихъ расчетахъ, съ единственною цѣлью — выиграть? говорятъ биржевые спекуляторы. Но такъ какъ выиграть невозможно такъ, чтобы выигралъ въ то же время и противникъ, то главная цѣль — чтобы противникъ проигралъ. Чтобы выиграть рубль, надо заставить противника или ближняго (эти два понятія въ биржевой войнѣ смѣшиваются) рубль проиграть. Первоначальный поводъ этой войны, какъ и пушечной — борьба противъ пролетариата, стремленіе къ приобрѣтенію — все равно, движимаго или недвижимаго имущества, или къ приобрѣтенію вліянія, власти, потомучто и то и другое связано съ выгодами, съ выигрышемъ.

Что такое промышленность, какъ не таже война противъ нищеты? Работники въ стачкѣ воюють противъ хозяевъ, которые, даже и безъ стачки, извлекають изъ рабочихъ какъ можно больше барышей, платя имъ какъ можно меньше. Нѣтъ работы, или плохо для работы приготовленъ — умирай съ голоду, это твое дѣло! — и побѣдитель-фабрикантъ или побѣдитель-конкурентъ топчетъ въ грязь побѣжденного и съѣдаетъ его порцію насущаго хлѣба.

Что такое таможи и тарифы, какъ не укрѣпленія, поставленные противъ вторженія непріятельскихъ товаровъ; которые могутъ подорвать внутреннюю промышленность? И если государство составляетъ полное, законченное, органическое цѣлое, то какъ ему обойтись безъ подобныхъ укрѣпленій? Конечно, Потенцимеръ-Зигфридену или Шварцбургъ-Мейнингенъ-Гильдбурггаузену никакой нѣтъ возможности; нужды и выгоды считать себя органическимъ цѣлымъ; но оттого-то они в войнѣ въ составъ Цольсрейна не имѣють арміи и не чекать денегъ, словомъ — не имѣють самостоятельности. Всякій безъ исключенія организмъ имѣеть свои непроложныя требованія, свои законы, при нарушеніи которыхъ онъ разрушается, при исполненіи которыхъ онъ крѣпнеть, становится здоровѣе и долговѣчнѣе. Поэтому должно быть прежде всего рѣшено: нужна ли для государственнаго организма промышленность? Но рѣшить это должно безъ предвзятыхъ пред-

циповъ, нетолкуя, будто такая-то страна, одаренная восьмидесятидюймовою — чисто земледѣльческая страна, а такая-то земля съ благораствореннѣйшимъ климатомъ, съ прекрасною почвою — земля будто бы промышленная; не доказывать съ эпическимъ спокойствіемъ, что въ странѣ можетъ процвѣтать земледѣліе безъ всякой другой промышленности, что было бы тоже въ человѣческомъ организмѣ, что здоровый желудокъ при отсутствіи дыхательныхъ органовъ. Денечущая наука должна прежде рѣшить, можетъ ли данное государство быть самостоятельнымъ организмомъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ самостоятеленъ каждый отдѣльный человѣческій организмъ, приготовляющій себѣ самъ и кровь, и слюну, и волосы, и желчь, и ногти; или это государство должно быть только органомъ другого, высшаго организма, причемъ одна страна необходимо будетъ играть роль головы, другая — тоже необходимаго, но низшаго по роду дѣятельности органа, роль чернорабочаго. Пересмотрѣть должна новорожденная, недоношенная, но способная къ жизни наука всѣ гигиеническія условія жизни государствъ, ихъ патологическія состоянія, и опредѣлить, насколько одинъ органъ важнѣе другого, которымъ можно временно пожертвовать для сохраненія или развитія другого. Пусть она опредѣлитъ, если можетъ, относительную цѣнность всѣхъ органовъ государственнаго организма: земледѣлія, скотоводства, фабрикъ, заводовъ, торговли, науки, администраціи, военныхъ силъ, почты, образованности и такъ далѣе; пусть она оцѣнитъ, на основаніи исторіи и статистики, въ какія времена какого рода пожертвованія, запрещенія и поощренія, словомъ какаго дѣла довела извѣстныя земли до извѣстной степени развитія; пусть въ основаніи выводовъ ея лежатъ не предположенія, не догадки, а факты и цифры; пусть она пойметъ и разъяснитъ, почему, когда и въ какой странѣ преобладаетъ какое ученіе, и каковымъ образомъ публицисты извѣстнаго времени, не сговариваясь, проповѣдуютъ одно и тоже, въ извѣстномъ, выгодномъ для своей страны направленіи и находятъ близорукихъ и ревностныхъ послѣдователей-учениковъ даже тамъ, гдѣ ихъ ученіе неприменимо и даже вредно; пусть пойметъ при цѣкоторыхъ условіяхъ способная къ жизни наука, что полезное для одного организма бываетъ вредно для другого, что у каждаго организма есть свои потребности, иногда негармонизирующія съ потребностями другого. Пусть она пойметъ все это и разъяснитъ, прикидая во вниманіе темпераментъ, организацію, привычки, исторію каждаго общества, — тогда она будетъ придавать надлежащее значеніе международному антагонизму, который выражается тарифами и таможами. Но и безъ указній политической

экономіи повѣстно, что каждая томожня назначена для защиты от вторженія чужихъ произведеній, для обезпеченія работы, и стало бытъ насущнаго хлѣба своимъ, причемъ иностранцы, чужіе или непріатели, могутъ умирать съ голоду, если имъ некуда дѣвать своего труда.

Что такое стачка рабочихъ, какъ не каре, построенный труженниками противъ тѣхъ, кто извлекаетъ изъ ихъ труда несоразмѣрныя выгоды? И стоитъ этотъ каре въ боевомъ порядкѣ, но пассивно, стоитъ до тѣхъ поръ, пока всеокрушающій врагъ — голодъ, не разгонитъ согласную, но слабую фалангу, съ явнымъ противорѣчіемъ тому, что говоритъ червонецъ, будто *concordia parva res crescunt*.

И вездѣ, постоянно, ежеминутно ведется эта война. Тамъ дипломаты договариваются о томъ, быть или небыть той или другой области, и за каждымъ ихъ словомъ стоитъ войско и флотъ. Безъ этихъ силъ, помогающихъ словамъ, дипломатическія мѣнія и доводы — звукъ пустой, какъ на примѣръ всѣ вышшіе доводы швейцарскаго союзнаго совѣта по поводу занятія французскими войсками даппской долины, которая, въ силу актовъ вѣнскаго конгресса, считается нейтральною. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣчаетъ на всѣ ноты спокойно и побѣдоносно, потому что за нимъ стоятъ всѣ французскія сухопутныя силы. И сколько бы переговоры ни продолжались, исходъ ихъ не подлежитъ сомнѣнію: побѣда останется на сторонѣ сильнѣйшаго.

Тамъ лавочникъ ведетъ войну противъ покупателя, посредствомъ запроса вытаскивая изъ его кармана въ свой трудовую копѣйку. Тамъ скупщики производятъ на крестьянина нападеніе врасплохъ, сбывая цѣну съ привезеннаго имъ товара, и такимъ образомъ однимъ выстрѣломъ убиваютъ двухъ зайцевъ: и продавца, и своего будущаго покупателя. Здѣсь учреждается корпорація или общество взаимнаго застрахованія отъ конкурентовъ. Тутъ наняатель ведетъ войну съ наемникомъ, съ цѣлью совершенно покорить его своему вліянію, для чего уменьшонвою до послѣдней возможности платой постоянно держитъ его въ черномъ тѣлѣ. Тамъ взрывается подъ цѣлюю толпою непріателей-кредиторовъ искусно поведенная мина банкротства. Здѣсь толпа конкурентовъ бьется между собою изъ-за куска черстваго хлѣба, причемъ разбитый съ свалкѣ платитъ за свое пораженіе голодною смертію.

Вотъ еслибы добродушные друзья мира предупредили эту вирную войну, происходящую подъ видомъ законности, права, но въ формю дружбы, въ предѣлахъ такъ называемаго благоустройства

и благочинія, не забывая покамѣсть слишкомъ много о случайныхъ взрывахъ несогласія, сопровождаемыхъ пушечными выстрѣлами, то человечество въ самомъ дѣлѣ выиграло бы много. А до тѣхъ поръ все будетъ идти непрежнему, и громъ войны будетъ порою очищать воздухъ своими потрясающими взрывами.

Последнія извѣстія

Въ Португаліи случилось несчастье. Скончался отъ тифозной горячки король донъ Педро V. Онъ былъ на охотѣ въ болотистыхъ мѣстахъ, получилъ перемежающуюся лихорадку, которая скоро перешла въ тифъ самаго злокачественнаго свойства, и эта послѣдняя болѣзнь, неуступая никакимъ дѣятельнѣйшимъ врачеваніямъ, свела его въ могилу. Народъ былъ пораженъ неизъяснимою горестью при извѣстіи о такой великой, невознаградивимой уtratѣ. Столица была поражена какъ громомъ, а простой народъ, давно смотрящій враждебно на испанскихъ рабочихъ, нанятыхъ для постройки желѣзной дороги, приписываетъ имъ отравленіе короля. Польша съ трудомъ унимаетъ ихъ нелѣпный патріотизмъ, который грозилъ выразиться дракой. На престолъ вступилъ законный преемникъ короля, и дѣла пошли обычною чередою. Смерть короля принесла однакоже и дѣйствительную пользу. Такъ какъ болѣзнь короля объясняется зловредными испареніями болотъ, то теперь поговариваютъ о ихъ осушеніи, и вѣроятно разговоры эти дойдутъ до дѣла. Тогда Португалія выиграетъ большія пространства прекрасныхъ, плодородныхъ земель.

Въ Туринѣ открылось засѣданіе палаты депутатовъ, безъ тронной рѣчи, потому что парламентъ не былъ распущенъ, а только были отсрочены его засѣданія. Первый министръ г. Риказоли, въ прекрасной рѣчи, объявлялъ, что онъ считаетъ долгомъ дать палатѣ отчетъ, что до сихъ поръ сдѣлало правительство для разрѣшенія римскаго вопроса. По словамъ министра, цѣль правительства состояла въ примиреніи религіи съ свободой, церкви съ государствомъ. Правительство составило въ этомъ смыслѣ проектъ для представленія его папѣ и въ тоже время обратилось къ императору Наполеону для полученія его содѣйствія въ этомъ жизненномъ для Италіи дѣлѣ. Но вслѣдствіе неуступчивости папы и его совѣтниковъ, такое посредничество не могло имѣть успѣха. Г. Риказоли сообщилъ палатѣ документы по этому дѣлу. Проектъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Достоинство и неприкосновенность власти папской сохраняются во всей силѣ. Папа сохраняетъ все преимущества своего сана, отъщепенные обычаемъ. Кардиналы сохраняютъ свои почести съ титуломъ князей церкви. За папою обезпечена полная и совершенная свобода во всѣхъ его дѣйствіяхъ касательно божественнаго права, какъ главѣ церкви, патриарху запада и примасу Италіи. Папа будетъ имѣть право посылать нунциевъ къ иностраннымъ державамъ, взаимно сообщаться съ епископами и прихожанами, причемъ гражданское государство ни въ какомъ случаѣ не будетъ имѣть права какимъ бы то ни было образомъ вмѣшиваться, созывать синоды или соборы. Епископы и священники будутъ пользоваться полною независимостью, оставаясь подчиненными общему праву законовъ и наказаній. Король отказывается отъ *jus patronatus* надъ доходами священниковъ. Правительство отказывается отъ всякаго вмѣшательства въ назначеніе епископовъ. Оно будетъ выплачивать папѣ опредѣленную сумму, которая будетъ назначена впоследствии. — При этомъ проектъ приложенъ адресъ къ папѣ.

Г. Риказоли представилъ еще очень важную ноту къ итальянскому посланнику въ Парижѣ, г. Нигра; въ этой нотѣ посланнику поручается ходатайствовать у французскаго правительства участія въ этомъ дѣлѣ и представленія адреса и проекта папѣ. Въ этой нотѣ важнѣе всего, по послѣдствіямъ, то мѣсто, гдѣ сказано, что ежели предложенія эти будутъ отвергнуты, то итальянское правительство съ трудомъ будетъ удерживать нетерпѣніе народа, который требуетъ, чтобы Римъ былъ его столицей.

Но напрасно г. Риказоли рассчитывалъ на уступку со стороны папской власти. Впервые папа давно объявилъ, что онъ ни въ какіе переговоры съ предавшими проклятiю нарушителями старинныхъ порядковъ въ Италіи вступать не будетъ. А вторыхъ, развѣ г. Риказоли не знаетъ, что вся сила религіи, и въ особенности католической, заключается въ инерціи, въ совершенной неподвижности? Власть, неспособная развиваться дальше, отжила свой вѣкъ, и если она не склоняется къ упадку, то всея вопросъ заключается только во времени, какъ долго она можетъ оставаться въ своемъ *status quo*. Потомъ она или уменьшается мало-помалу, или распадается вдругъ, вынуждаемая могущественными обстоятельствами, или иначе—сказать другою, высшею силой.

Послѣ рѣчи г. Риказоли, г. Цупетта просилъ, чтобы назначенъ былъ день для обсужденія неаполитанскихъ дѣлъ. На это г. Риказоли объявилъ, что онъ готовъ отвѣчать, но пригласилъ палату прежде заняться важнѣйшими административными дѣлами, воорууже-

лість, ошнавсами. Единодушные крики требуютъ , чтобы отложено было предложеніе г. Цунетта. На это г. Феррара возразилъ , что неаполитанскія провинціи находятся почти въ состояніи междоусобной войны, и потому ими необходимо заняться прежде всего. Этотъ ораторъ былъ прерванъ общими криками и протестаціями, а президентъ предложилъ ему возвратиться къ вопросу. Затѣмъ палата рѣшила, что неаполитанскій вопросъ будетъ обсуживаться въ одно время съ римскимъ , такъ какъ между ними имѣется большая , неразрывная связь, по случаю пребыванія въ Римѣ центра той реакціи, которая не даетъ покою неаполитанскимъ провинціямъ.

Передъ открытіемъ палаты , газеты очень много занимались ожидаемою въ Италіи переменою министерства. Президентъ палаты г. Ратацци ѣздилъ въ Парижъ , представлялся его величеству императору французовъ , совѣщался съ его министромъ иностранныхъ дѣлъ и, говорятъ , приобрѣлъ большое расположеніе французскаго двора. Говорили послѣ того , что Риказоли, не справившись съ римскимъ вопросомъ , т. е. съ французскими военными сплешу хочетъ подать въ отставку, а мѣсто его займетъ г. Ратацци, на томъ будто бы основаніи, что онъ въ милости у императора французовъ. Это говорили французскія газеты, въ своей обычной скромности намекая, будто неодолимое вліяніе Франціи простирается на иностранныя министерства, которыя и составляются по указанію Франціи. Газеты итальянскія и преданныя дѣлу итальянскаго единства протестовали противъ такого преувеличенія вліянія Франціи, и произошла великолѣпная буря въ стаканѣ воды. Впрочемъ очень можетъ быть, что министромъ послѣ г. Риказоли будетъ г. Ратацци.

Мексиканская экспедиція благополучно отправилась. Всѣмъ кораблямъ съ войсками назначено собраться на островъ Кубъ , а потому , приставъ къ берегамъ Мексики , немедленно начать непріязненные дѣйствія съ величайшею энергіей. Впрочемъ имѣются слухи, будто въ Мексикѣ есть весьма значительная партія, въ особенности между людьми богатыми, которые будутъ смотрѣть на вторженіе европейцевъ какъ на благодать, какъ на спасеніе отъ беспорядковъ, давно уже раздирающихъ прекрасную, богатую, но разоренную Мексику.

Въ Пруссіи происходятъ выборы представителей въ палату депутатовъ. Судя по тому, что теперь уже извѣстно изъ результатовъ выборовъ , представительство въ палатѣ будетъ имѣть сильный от-

тѣнокъ либерализма. Можно быть въ этомъ увѣреннымъ по однимъ уже сѣтованіямъ газеты «Звѣзды». Когда всѣ результаты будутъ извѣстны, тогда удобнѣе будетъ извѣстить о нихъ нашихъ читателей. Нѣкоторые изъ прежнихъ депутатовъ отказываются отъ чести быть избранными; къ числу ихъ принадлежитъ г. фонъ-Финке, предводитель такъ называемой конституціонной партіи.

Въ Соединенныхъ Штатахъ война продолжается прежними большими стычками, и до сихъ поръ не было рѣшительнаго сраженія. Но принята сѣверными силами такая мѣра, которая стоитъ пяти генеральныхъ сраженій: недавно въ сѣверный лагерь явилась большая толпа негровъ-невольниковъ. Вслѣдствіе этого объявлено было, что пришедшіе негры сдѣлались всѣ свободны по одному уже тому, что явились въ лагерь свободныхъ войскъ. Этого довольно, чтобы сѣверъ въ самомъ непродолжительномъ времени окончательно одержалъ верхъ. Лишаясь невольниковъ, югъ въ тоже самое время теряетъ и поводъ къ войнѣ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Англійскія дѣла. — Трентъ и Сан-Ицинто. — Столкновѣніе съ Соединенными Штатами. — Англійскій ультиматумъ. — Газетныя толки.

Французскія дѣла. — Участіе Франціи въ англійско-американскомъ столкновеніи. — Мексиканскій походъ.

Австрійскія дѣла. — Смерть на 1862 годъ. — Сутторинское вторженіе австрійскихъ войскъ.

Италійскія дѣла. — Неаполитанскіе разбои. — Открытіе палаты. — Неаполитанская оппозиція. — Денежныя дѣла.

Последнія извѣстія. — Общее положеніе.

Англійскія дѣла

Ноября 8. — «Сегодняшняго дня случилось необыкновенное происшествіе. Я всталъ поутру довольно поздно», — пишетъ корреспондентъ одной газеты, ильвшій на пароходѣ Трентъ, — «погода была прекрасная. Наканунѣ отправились мы изъ Гаваны. Въ числѣ пассажировъ были: г. Свидель, посланникъ южныхъ сѣвероамериканскихъ штатовъ, аккредитованный при французскомъ дворѣ, съ женою, съ сыномъ и съ тремя дочерьми; г. Эстесъ, секретарь его посольства; г. Мазонъ, посланникъ тѣхъ же штатовъ при англійскомъ дворѣ, и г. Мак-Фарландъ, секретарь его посольства».

Нельзя при этомъ не замѣтить, что корреспондентъ съ нѣсколькими изъищеніемъ смѣлостью называетъ этихъ четырехъ почтенныхъ джентльменовъ посланниками и секретарями посольствъ. До сихъ поръ принято было въ дипломатическомъ мірѣ, что посланники аккредитуются только отъ государей и державъ, которыя не только существуютъ фактически, но сверхъ того и признаны тѣми кабинетами, къ которымъ назначаются посланники. Южные штаты имѣютъ сильное желаніе быть призванными, но въ мірѣ политическомъ сильнаго желанія часто бываетъ еще слишкомъ мало. Итакъ 8

ноября, въ открытомъ морѣ, между Гаваной и ос. св. Томы, случилось то необыкновенное приключеніе, которое грозитъ огромнѣйшими бѣдствіями. Пароходъ Трентъ спокойно плывъ съ своими пассажирами. Около двухъ часовъ пополудни встрѣтился съ нимъ военный корабль, принадлежащій сѣвернымъ штатамъ. Онъ поднялъ свой флагъ и подтвердилъ этотъ сигналъ пушечнымъ выстрѣломъ. Въ отвѣтъ на это, Трентъ поднялъ тоже свой флагъ. Когда корабли сблизились на разстояніе около ста сажень, встрѣчный корабль пустилъ ядро, которое и пролетѣло передъ носомъ, и въ тоже время выкинулъ американскій флагъ. Вслѣдъ за тѣмъ выпустилъ бомбу, которая лопнула шагахъ во ста отъ Трента. Тогда капитанъ Трента, мистеръ Муръ, спросилъ встрѣчнаго капитана, зачѣмъ онъ его останавливаетъ. Ему отвѣчали, что желаютъ послать къ нему лодку. Въ тоже время лодка была спущена, и въ нее сѣло два офицера и десять человекъ солдатъ. Они приблизились къ Тренту; солдаты остались въ лодкѣ, а офицеры вошли на палубу и потребовали сидокъ пассажировъ. Въ этомъ имъ было отказано. Тогда лейтенантъ Ферфаксъ, командовавшій ироставшей лодкой, объявлялъ, что начальнику его, капитану военного парохода Сан-Яцинто, совершенно достоверно извѣстно, что на Трентѣ находятся гг. Слитель, Маюнъ, Эстесъ и Мак-Фарландъ, которые и должны быть ему выданы. Капитанъ Муръ и почтовый приставъ Вильямъ отказались это сдѣлать, и г. Муръ энергически отрицалъ право корабля Соединенныхъ Штатовъ арестовать кого бы то нибыло, находящагося подъ покровительствомъ англійскаго флага.

Посланники или комиссары, о которыхъ шла рѣчь, были тутъ же. Они объявили, что на англійскомъ кораблѣ они защищены флагомъ. Лейтенантъ объявлялъ тогда, что овладѣваетъ почтовымъ пароходомъ, и сдѣлалъ рукою знакъ, вслѣдствіе котораго съ Сан-Яцинто отправились еще три лодки съ тридцатью матросами и шестьюдесятью солдатами, которые и окружили Трентъ. На это приставъ Вильямъ произнесъ слѣдующій протестъ:

«На этомъ кораблѣ я представитель правительства ея британскаго величества и приглашаю всѣхъ офицеровъ корабля и всѣхъ вообще пассажировъ замѣтить мои слова: во имя британскаго правительства, я называю этотъ поступокъ незаконнымъ, нарушеніемъ международныхъ правъ, дѣйствиельно дерзкаго морскаго разбоя, на которое вы не рѣшались бы, если бы мы имѣли средства защищаться».

Тутъ люди пѣзъ лодокъ залѣзли на палубу Трента, съ обнаженными кортиками, и комиссары, тотчасъ арестованные, были посажены на лодки. Г. Слитель сказалъ только, что вѣтъ надѣется, что событіе будетъ передано совершенно вѣрно.

Американцы объявили, что у нихъ мало провизіи и потребовали провизіу для своихъ плѣнниковъ. Капитанъ Муръ далъ имъ провизіи, но заявилъ, что даетъ это исключительно для арестованныхъ. Потомъ американскій лейтенантъ сказалъ, что ему приказано привезти капитана Мура съ его бумагами на Сан-Яцинто. Но не настаивать на этомъ; вскорѣ объявилъ, что ему больше ничего не нужно, приказавъ своимъ людямъ спуститься въ лодки, и Трентъ продолжалъ свой путь. Комиссары не потеряли своихъ депешъ, онѣ не попали въ руки американцевъ и пришли въ Англію на пароходѣ Ла-Плата. Всѣ пассажиры и прислуга Трента были такъ возмущены поступкомъ Сан-Яцинто, что всѣ готовы были принять участіе въ защитѣ своего корабля, если бы только было приказано. Но объ этомъ не могло быть и рѣчи.

При извѣстіи объ этомъ событіи, вся Англія пришла въ неоправданное возмущеніе. Гордая нація была оскорблена въ томъ, что она считаетъ выше всего на свѣтѣ, — въ своемъ флагѣ, командующемъ морями. Барометръ политическихъ соображеній, биржа, немедленно упала, и газеты опустились въ нескончаемыя догадки, толкованія, предположенія, и ни одна газета не видѣла въ этомъ печальномъ дѣлѣ другого исхода, кромѣ возвращенія свободы захваченнымъ лицамъ и измененій или — войны. Правительство тотчасъ поручило королевскимъ законовѣдамъ обсудить это дѣло и рѣшить, въ какой мѣрѣ правы или виноваты Соединенные Штаты, допустивъ такой неслыханный, чудовищный поступокъ. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что взятіе мирныхъ пассажировъ на нейтральномъ кораблѣ — дѣло непростительное, въ которомъ штаты переступили за предѣлы утвержденныхъ временемъ между-національныхъ обычаевъ. Соединенные Штаты, точно также и всякая другая воюющая держава, имѣетъ право останавливать въ морѣ всякій купеческій корабль и захватывать солдатъ, оружіе, депеши и военную контрабанду. Но американцы не обратили вниманія на депеши комиссаровъ и накупались только на лица. Въ этомъ случаѣ они сдѣлали большую ошибку, но — не первую и не безпримѣрную. Въ началѣ вышшняго столѣтія англійскіе корабли сами дѣлали на морѣ такія несправедливости, передъ которыми кажется ничтожнымъ вышнее примѣчаніе съ Трентомъ: безъ сомнѣнія, правительство Соединенныхъ Штатовъ теперь будетъ выкапывать всѣ эти примѣры, стараясь оправдаться. Но конечно это ни къ чему не поведетъ.

Англійскія газеты прежде всего старались рѣшить вопросъ, какъ распорядился командиръ Сан-Яцинто: по своему ли собственному побужденію или по приказанію своего правительства? Приводя всевозможныя догадки, рѣшено было, что онъ самъ этого придумать

не могъ и правительство г. Линкольна само обрушило на свою голову всю эту бѣду. Но въ какомъ же отношеніи арестъ Мазона и Сиддея помогъ воюющимъ на Потомакъ? Общее негодованіе въ Англіи конечно приведетъ г. Линкольна къ болѣе здравому взгляду на международныя отношенія. Но вопросъ въ томъ: въ состоянн-ли онъ будетъ потомъ исполнить свои миролюбивыя намѣренія? Если бы дѣло было только въ томъ, чтобы составить извинительную ноту, которой выраженія будутъ неочень щепетильно разбираемы англійскимъ правительствомъ, то затрудненій большихъ не было бы. Но первымъ актомъ извиненія должна быть выдача и передача всѣхъ четырехъ плѣнныхъ англійскому военному кораблю. Тутъ придется на глазахъ воспламененной и страстной демократіи совершить актъ, который встрѣтитъ сильныя противорѣчія. Чтобы рѣшиться на это, вашингтонское правительство должно имѣть нравственную силу, которой теперь оно можетъ-быть и не имѣть. Мы въ Европѣ едва имѣемъ понятіе о томъ, какъ правительство теперь слабо въ Америкѣ. Ему даны чуть не диктаторскія права, а между тѣмъ оно въ послѣднее время показало большую слабость тѣмъ, что совершило или допустило разныя неправды: насильственное запрещеніе оппозиціонныхъ газетъ, устрашеніе всѣхъ остальныхъ, отиѣна всѣхъ ручательствъ личной свободы, объявленіе осаднаго положенія, и т. п. Все это повидимому только составляетъ силу правительства, а на самомъ-то дѣлѣ показываетъ, что не оно руководитъ демократическую толпу, а напротивъ, толпа руководитъ правительствомъ. Война съ югомъ раздула страсти до послѣдней степени. Европа еще больше раздражила ихъ объявленіемъ своего абсолютнаго нейтралитета въ этомъ дѣлѣ, и наконецъ еще теперешнюю экспедицію трехъ державъ противъ Мексики, что совершенно несообразно съ знаменитымъ ученіемъ Мювровъ. Надо признаться, что время совсѣмъ неудобно для миролюбиваго вліянія на насъ, особенно если прибавить къ этому, что главный министръ г. Линкольна объявилъ о необходимости укрѣпить границу, отдѣляющую штаты отъ англійскихъ владѣній въ Канадѣ. Есть однакоже надежда. Нерѣдко народъ Соединенныхъ Штатовъ показывалъ величайшее тщеславіе, но доказывалъ также и большой здравый смыслъ. Не можетъ быть, чтобы къ несчастіямъ междоусобной войны народъ захотѣлъ еще прибавить несчастіе войны иностранной. Финансы уже разстроиваются, промышленность парализована, торговля страдаетъ, военный флотъ такъ малъ, что къ прибавку къ нему для блокады южныхъ портовъ пришлось вооружить нѣсколько купеческихъ кораблей: все это такія условія, которыя не дадутъ нова, особенно сильно желать войны съ Англіей, хотя есть любители,

поджигающіе народъ представленіемъ въ перспективѣ пріобрѣтенія Кавалы. Во всякомъ случаѣ война повлекла бы за собою безчеловѣчнѣе пожертвованія и несчастія; къ тому же она противорѣчила бы тому высокому чувству законности, какое воспитала въ себѣ народъ американскихъ штатовъ и какимъ онъ даже любитъ иногда похвастаться. Теперь выгоды силы всѣ на сторонѣ Англіи, и война въ самомъ непродолжительномъ времени принесла бы ей громадныя барыши: стоить ей только, при помощи нѣсколькихъ военныхъ кораблей, снять блокаду съ портовъ Чарльстоуна, Саванна и Нового Орлеана—и хлопчатая бумага рѣкою потечетъ на оскудѣвшіе англійскіе рынки. Барыши прямой; но сплыло такой степени песоразимѣрны, что Англія, не жертвуя своимъ достоинствомъ, могла бы показать большую умѣренность въ своихъ требованіяхъ. Этою умѣренностью она оказала-бы большую услугу и себѣ, и всему торгующему міру, потому что ежели война вспыхнетъ, — никакой нѣтъ возможности предвидѣть, какія отъ нея могутъ быть послѣдствія для цѣлаго земного шара. А что нельзя всего предвидѣть, это лучше всего доказывается пѣвѣшимъ случаемъ: Англія имѣла твердое намѣреніе остаться нейтральною въ ссорѣ, которая раздѣляетъ Соединенные Штаты; она рѣшилась сдѣлать все что могло отъ нея зависѣть, чтобы остаться въ сторонѣ; а тутъ самый неожиданный случай готовъ опрокинуть самыя благородныя намѣренія.

Только что проѣзжа Сап-Ядинто сдѣлалась извѣстною въ сѣверныхъ штатахъ, какъ народъ сталъ восторженно выражать свою радость. Нью-Йоркъ былъ вдругъ иллюминированъ, безо всякаго приказа со стороны полиціи, что и невозможно въ Нью-Йоркѣ. Нѣсколько городовъ поднесли капитану Вильксу, командовавшему пароходомъ Сап-Ядинто, дипломы на гражданство; объявлена была добровольная подписка на поднесеніе г. Вильксу почетной шпаги, и въ одинъ день была собрана громадная сумма, — болѣе ста тысячъ рублей. Но явились и осторожные люди, которые стали поговаривать о могущихъ быть послѣдствіяхъ такого поступка. Президентъ южныхъ штатовъ г. Джефферсонъ Девисъ въ своемъ посланіи къ сепаратистскому конгрессу говоритъ, что ежели такъ будутъ дѣйствовать сѣверные штаты, то почему бы имъ не арестовать Маюка и Слуделя на самой Темзѣ: остановить тамъ Трентъ, и выбравъ изъ числа его пассажировъ кого имъ надо. Неправоту дѣла повидали очень многіе и въ сѣверныхъ штатахъ, и вслѣдъ за выраженіемъ радости и торжества явилась реакція: стали призадумываться о томъ, какъ же все это будетъ принято въ Англіи?

Еще не зная этого, американскіе законопники пустились если не въ оправданія, то въ объясненія. Вопросъ въ томъ, — войну-ли мы

веленъ? инсургенты воюють-ли? имѣемъ ли право осмотра, уступленное воюющимъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ касательно Англїи заключается въ прокламаціи, которою королева признаетъ наше южное возстаніе за войну и стало-быть обѣимъ сторонамъ придаетъ значеніе и права воюющихъ. Прокламація эта, подыавшая въ Америкѣ множество шумныхъ протестацій, было однакоже сообразно съ принципами, которыхъ должны держаться нейтральныя державы. Прокламація королевы Викторїи запрещаетъ англійскимъ военнымъ перевозить офицеровъ, солдатъ, депеши, оружія для одной изъ воюющихъ сторонъ. Нарушающіе это правило сами отвѣчаютъ за свой поступокъ и подвергаются наказаніямъ, какъ обыкновенно, по международнымъ законамъ. Поэтому Трентъ двойнѣ подвергся захвату: во первыхъ потому, что онъ везъ непростительныя депеши, а вторыхъ потому, что капитанъ отказался предъать морабельныя бумаги офицеру военнаго флота Соединенныхъ Штатовъ. Сообразно съ примѣрами, полаганными самою Англїей, онъ долженъ былъ еще быть захваченъ потому, что перевозилъ непростительскихъ посланниковъ. Исторія представляетъ множество такихъ примѣровъ уже въ нынѣшнемъ столѣтіи, и хотя по обычаю, священному призовыми судами, капитанъ Вильксъ долженъ былъ захватить весь пароходъ Трентъ, но правительство не можетъ уркать его за великодушїе и чувство приличїа, съ какими онъ дѣйствовалъ, потому что на почтовомъ пароходѣ было много невинныхъ пассажировъ, которые могли бы очень потерпѣть, если бы заставили ихъ принять другое направленіе. Такое поведеніе капитана Вилькса заслуживаетъ ему со стороны Англїи самой воспрїимчивой благодарности.

Въ Англїи напротивъ коронныя законовѣды рѣшили, что американцы имѣли право остановить Трентъ и осмотрѣть его, но захватить на немъ четырехъ пассажировъ они не имѣли никакого права. Такимъ образомъ различно и діаметрально противоположно толкуется двумя сторонами одно и то же дѣло. Американцы утверждаютъ, что Англїя должна быть искренно благодарна за такой поступокъ, за который она требуетъ удовлетворенїа и чуть ли не прямо объявляетъ войну. Но такого рода нелюбовїе долго продолжаться не можетъ.

Англійское правительство отпранило своему послу въ Соединенныхъ Штатахъ ультиматумъ, который тотъ долженъ представить министру иностранныхъ дѣлъ г. Линкольна, и ежели на все не будетъ удовлетворительнаго отвѣта, т. е. если командиръ корабля Сан-Джидже не будетъ наказанъ, если захваченные комиссары не будутъ выпущены и если правительство не сообщитъ Англїи имен-

пительской ноты, те носилъ обязанъ выхвать изъ Америки медалью напѣть десятый день по доставленіи имъ ультиматума. — Что же сдѣлаетъ правительство Соединенныхъ Штатовъ? Всѣ биржи Европы находятся въ тревожномъ ожиданіи, тѣмъ болѣе что англійское правительство приняло двѣ чрезвычайно важныя мѣры: запретило вывозъ изъ Англіи въ Америку оружія и боевыхъ снарядовъ и объявило капитанамъ купеческихъ кораблей, что они могутъ поступать въ морскую службу: прослужившіе неменѣе десяти лѣтъ — лейтенантами, а другіе — чинами ниже, съ определеннымъ единовременнымъ вознагражденіемъ и съ жалованьемъ по военному положенію. На этихъ условіяхъ будетъ принято на службу до пятисотъ человекъ. Эта послѣдняя мѣра принята, какъ сказано въ объявленіи, потому что Англія должна готовиться къ морской войнѣ.

Такии образамъ остается весьма мало надежды на мирное окончаніе вопроса, тѣмъ болѣе что Англіи теперь очень нуженъ хлопокъ. Она выработываетъ теперь болѣе половинны обыкновеннаго количества пряжи и тканей, и уже видится то ужасное время, когда фабрики совсѣмъ должны будутъ остановиться. По случаю рождества нѣкоторыя фабрики будутъ закрыты двѣ недѣли, другія мѣсяцъ. Надо быстро пособить этому безвыходному положенію нѣсколькихъ сотенъ тысячъ рабочихъ, и самая быстрая помощь будетъ состоять въ снятіи блокады съ южныхъ портовъ и вывозѣ хлопка. Въ случаѣ же если г. Линкольнъ не въ состояніи будетъ справиться съ натискомъ возбужденнаго большинства, и война разразится, — нетрудно сосчитать на чьей сторонѣ будетъ преимущество.

Англія теперь находится въ такомъ положеніи, въ какомъ не бывала никогда при началѣ какой-нибудь войны. У нея на рукахъ нѣтъ теперь никакого затрудненія; финансы ея — самыя сильныя въ свѣтѣ, промышленность развилась до степени еще невиданной, морскія и сухопутныя силы такъ велики, какъ никогда еще не бывали въ мирное время: теперь Англія имѣетъ до 70,000 человекъ въ военномъ флотѣ и до шестисотъ военныхъ паровыхъ кораблей всѣхъ ранговъ, или на водѣ, или могущихъ быть скоро вооружеными.

У Соединенныхъ Штатовъ никогда не было и восьмидесяти военныхъ судовъ, парусныхъ и паровыхъ, да кому еще въ портъ королевскаго арсенала произошли огромныя потери. Кому же у нихъ между военными судами есть еще парусныя, которые теперь, въ войнѣ противъ паровыхъ, никуда негодятся. Какой парусный линейный корабль устоитъ противъ винтового фрегата или даже корвета? Стало-быть нѣтъ никакого сравненія между

регулярными силами обѣихъ сторонъ, тѣмъ болѣе что Соединенные Штаты къ тому же время находятся въ войнѣ съ индiями, и, конечно ихъ несовѣтъ благополучны.

Но въ 1812 году разница между силами Англіи и Америки была не менѣе вынѣшней и однакоже Соединенные Штаты съ частаю идержали войну съ Англіей. Правда, что тогда Англія имѣла болѣе ста линейныхъ кораблей вооруженныхъ, а Соединенные Штаты — ни одного; у нихъ всего было два фрегата. Но надо прибавить, что эти сто линейныхъ кораблей были заняты блокадою саронейскихъ береговъ, и что они уравнивались восьмидесятью тою же линейными кораблями, которые стояли во французскихъ портахъ, такъ что во всю войну ни одинъ англійскій линейный корабль не встрѣчался съ американскимъ судномъ. Тогда англичане сдѣлали ошибку, отъ которой остерегутся нынче: они слишкомъ пренебрегли своихъ противниковъ и посылали драться съ ними только фрегаты и другія легкія суда, которыя всегда встрѣчали подобныя же суда американскія. Теперь обстоятельства уже не тѣ. Нынче существуетъ военный элементъ, до сихъ поръ непользъ испытанный въ дѣлѣ, и о которомъ въ 1812 году никто не смѣживалъ. Въ случаѣ войны паръ скажетъ, годится ли онъ какъ важное орудіе, и какъ велико его военное значеніе. Въ томъ положеніи, какъ расположились обстоятельства послѣдняго времени, паръ никому не былъ такъ выгоденъ какъ Англіи, потомучто, съ одной стороны, онъ сдѣлалъ то, что второстепенные флоты теперь и не считаются, а съ другой — онъ разобьетъ и истребитъ силы такой державы, которая, какъ Соединенные Штаты, имѣла всѣ данныя для морскихъ учрежденій большихъ размѣровъ, но пожалѣла на это усилій и денегъ.

Неимѣя флота и рассчитывая на своихъ корсаровъ для замѣны его, Соединенные Штаты не присоединялись къ положенію парижскаго конгресса, которымъ уничтожено крейсерство между дванадцатью націями. Но они узнаютъ скоро, что корсары съ искуснѣйшимъ въ свѣтѣ экипажемъ не могутъ замѣнить флота, точно также какъ ихъ 400,000 человекъ, собранныхъ на Погромахъ и стоящихъ тамъ неподвижно вотъ уже скоро годъ, непохожи на регулярное войско, еслибы даже каждый изъ этихъ людей былъ храбрымъ, умнымъ и сильнымъ человекомъ. Кому же корсары никогда не вели особенно счастливой войны, а теперь это несравненно труднѣе нежели прежде. Теперь уже никто не вѣритъ годности корсаровъ на нарусахъ. Встарину, когда вѣтеръ дулъ беспрестрастно для всѣхъ кораблей на морѣ, парусные корсары, которые почти всѣ кончили тѣмъ, что были захвачены, все-таки имѣли на-

дѣлау въ некоторое время забѣгать непріятеля; но теперь этого рода корабли, подвергнувшись потоку парового непріятельскаго корабля, будутъ истребляемы почти тотчасъ же. Всякій парусъ на горизонтѣ парового корабля неизбежно будетъ взятъ или уничтоженъ. Стало-быть когда говорить объ американскихъ корсарахъ, надо разумѣть корсаровъ паровыхъ, и тогда является другая сторона вопроса.

Преимущество пара сравнительно съ парусами несомнѣнно; но чтобы преимущество парового корабля было постоянно, надо необходимо, чтобы уголь возобновлялся легко. Безъ угольныхъ запасовъ пароходъ теряетъ всѣ свои свойства атаки и даже защита его становится ненадежна. Нужда возобновленія угля является у парохода приблизительно каждыя восемь или десять дней, и для этой операціи Англія имѣетъ на своей сторонѣ всѣ выгоды. Своими владѣніями Новой Шотландіи, Ньюфаундленда, Бермудскихъ и Антильскихъ острововъ, Англія охватываетъ берегъ Соединенныхъ Штатовъ рядомъ портовъ и крѣпостей, которые даютъ прекрасныя, сильныя базы операцій и мѣста возобновленія всевозможныхъ запасовъ, лежація какъ нарочно на разстояніяхъ важнѣйшихъ для поддержанія дѣйствительной блокады. Соединенные Штаты напротивъ не имѣютъ въ своего материка ни одного пункта для возобновленія запасовъ своихъ пароходовъ; кому же, за исключеніемъ нѣкоторыхъ европейскихъ портовъ, на цѣломъ земномъ шарѣ нѣтъ ни одного значительнаго склада каменнаго угля, который не принадлежалъ бы Англіи, а если на нейтральной почвѣ, то англійскимъ подданнымъ. Стало-быть, еслибы американскимъ корсарамъ и удалось порою прорваться сквозь линію блокады, все-таки они не будутъ смѣть удалиться на большое разстояніе отъ своихъ береговъ ради возобновленія запасовъ, и потому будутъ имѣть весьма немногочисленные случаи брать призы, тогда какъ безчисленные корабли изъ торговаго флота будутъ легкою добычею англійскихъ крейсеровъ.

Вѣроятности сухопутной войны не представляются съ такою ясностью и несомнѣнностью, но обыкновенныя соображенія показываютъ, что и тутъ выгоды не на сторонѣ Америки.

Англійскія владѣнія въ сѣверной Америкѣ граничатъ съ Соединенными Штатами, и граница тянется во всю ширину американскаго материка отъ англійской Колумбіи на Тихомъ океанѣ до устья рѣки св. Лаврентія на Атлантическомъ. Граница идетъ частью по пространствамъ, еще пустыннымъ, частью по озерамъ и по рѣкѣ св. Лаврентія. Стоитъ только взглянуть на карту, чтобы понять, какъ хорошо Канада съ Новыми Брауншвейгомъ, Акадіей и Новою Шотландіей округлила бы границы Штатовъ. Американцы

уже два раза пытались овладеть обширною и богатою страною своих сосѣдей, и два раза они были отброшены мѣстною милиціей, которая едва поддерживалась нѣсколькими регулярными отрядами. Такъ ли кончится дѣло въ случаѣ третьей попытки? Вашингтонскіе политики кажется держатся противнаго мнѣнія, и если можно догадываться о намѣреніяхъ правительства президента Линкольна, то кажется, что оно именно хочет воспользоваться для этого завоеванія рѣдкимъ въ Америкѣ случаемъ, когда собрано нѣсколько сотъ тысячъ людей подъ ружьемъ. Говорятъ, что обстоятельства теперь перемѣнились, и въместо сопротивленія, какое встрѣчали американцы со стороны народонаселенія французскаго происхожденія, теперь они будтобы встрѣтятъ сочувствіе, которое много облегчитъ дѣло. Большинство жителей этихъ провинцій (въ 1800 году до 3 милліоновъ) состоитъ теперь изъ англичанъ, и болѣе изъ ирландцевъ, которыхъ отцы, если не они сами, лѣтъ тридцать или сорокъ тому назадъ были выгнаны изъ отечества коммерческими кризисами, политическими волненіями или голодомъ. Американцы полагаютъ, что въ этомъ населеніи всегда есть слѣды недовольства, ненависти, и если бросить имъ сто или двѣсти тысячъ вооруженныхъ избавителей, то они легко полягутся для присоединенія къ великой республикѣ. Дѣло не совершенно невозможное, но въ то же время и далеко не совсѣмъ достовѣрное. Въ послѣднія двадцать пять или тридцать лѣтъ Англія такъ искусно и либерально ведетъ свою колониальную политику, что можно безъ преувеличенія сказать: Англія съ своими колоніями (за исключеніемъ Индіи) составляетъ настоящую конфедерацію государствъ, въ которыхъ свобода, независимость и внутренняя самостоятельность несравненно лучше гарантированы, чѣмъ въ нынѣшнемъ положеніи Соединенныхъ Штатовъ. И независимо отъ мѣстныхъ привлекій, жители колоній пользуются мнѣнче въ метрополи и во всѣхъ остальныхъ колоніяхъ правами англійскихъ гражданъ, такъ какъ еслибы родились въ Миддлсексѣ или въ Йоркѣ. Для интересовъ материальныхъ это представляетъ выгоды неисчислимыя, и для личнаго тщесловія имѣется удовлетворительная пища. Въ войскѣ, между чиновниками, во флотѣ — множество офицеровъ, которые родились въ колоніяхъ, и даже въ парламентѣ немало членовъ изъ колоній. Генералъ Фенлингъ Вильямъ, нынѣшній губернаторъ Нового Брауншвейга, родился въ этой странѣ и еще въ недавнее время былъ представителемъ въ палатѣ депутатовъ; членъ парламента Галлибуртонъ, — родомъ изъ Канады, и еще многіе другіе находятся въ такомъ же положеніи. Но всѣмъ этимъ соображеніямъ кажется, что американцы выдаютъ въ немалую ошибку, если сильно рассчитываютъ на по-

мощь самихъ жителей Канады для ихъ завоеванія, хотя съ другою стороною также весьма достоверно, что Англія не въ состояніи будетъ, да въ не захочетъ защищать Канаду, если сами жители Канады себя защищать не будутъ.

Но потеря или сохраненіе Канады для Англіи не составляетъ очень важнаго обстоятельства; теперь для нея всего важнѣе — добыть достаточно хлопка, чтобы не оставить безъ хлѣба рабочіе и фабрикантовъ своихъ. Тутъ вопросъ о войнѣ съ удивительною ясностью разрѣшается въ вопросъ о хлѣбѣ насущномъ, такъ что вынѣшнимъ столкновеніемъ защитники мира вочто бы то ни стало поставлены въ довольно щекотливое положеніе: надо отказаться или отъ мира, или отъ хлопка, потому что безъ войны они въ вынѣшнемъ году хлопка не получатъ. Какъ часто люди бываютъ зданнымъ умомъ ирѣшны, такъ и теперь приверженцы мира припоминаютъ, что слѣдовало Англіи слѣдвать прежде и какія давно надо было принять мѣры. Они говорятъ, что давно надо было пересмотрѣть международный морской кодексъ, чтобы упростить его и согласить съ требованіями нынѣшняго прогресса. Противъ этого никогда не возставало вашингтонское правительство. Лѣтъ шесть тому назадъ оно предлагало европейскимъ державамъ освободить частную собственность на морѣ отъ всякаго посягательства вооруженныхъ кораблей всякаго рода, коронныхъ или частныхъ. Президентъ Пирсъ, въ своемъ посланіи конгрессу, говорилъ тогда, что это предложеніе благопріятно принято было Россіей и Франціей, но отвергнуто англійскимъ правительствомъ, которое въ этомъ случаѣ дѣйствовало прямо противъ желаній своихъ комерческихъ населеній. Послѣ того, правительство президента Буханаана еще расширило вопросъ, предложивъ отшѣпить навсегда блокаду портовъ чисто-комерческихъ; но и это предложеніе отвергнуто Англіей. Слѣдовало бы даже слѣдовать еще шагъ: избавить отъ осмотра и отъ другихъ несприятностей на морѣ всѣ нейтральныя купеческіе корабли, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Всемирная торговля стала теперь уже слишкомъ обширна и обороты ея слишкомъ быстры, чтобы купеческіе корабли были на всемъ земномъ шарѣ подвергаемы осмотру и задержкамъ только потому, что двѣ державы въ какой-нибудь части свѣта находятъ удобнымъ воевать между собою. Можетъ-быть это было свѣсно нѣсколько вѣковъ тому назадъ, когда война считалась нормальнымъ состояніемъ общества и когда нейтралитетъ одной какой-нибудь великой державы былъ дѣломъ неслыханнымъ и невозможнымъ; но теперь, при паровомъ мореходствѣ и при допускаемой (помимо только въ принципѣ) свободной торговлѣ, это становится невозможнымъ.

Между безчисленнымъ множествомъ газетныхъ статей, писемъ, рѣчей и брошюръ, авиавидяся въ послѣднее время по случаю столкновенія Трента и Сан-Яцинто, нельзя не упомянуть о мысли Смита О'Брина, на имя г. Севарда, министра иностранныхъ дѣлъ въ Вашингтонѣ. Читателямъ нашимъ извѣстно конечно, что Смитъ О'Бринъ — заклятой ирландецъ, отъ всей души ненавидящій Англію. Онъ начинаетъ съ того, что правительство Соединенныхъ Штатовъ не должно отрекаться отъ поступка капитана Виллькса, потому что онъ составляетъ «добровольное и обдуманное оскорбленіе, нанесенное Великобританіи». Далѣе онъ допускаетъ, что англійское правительство не оставитъ этого дѣла безъ отмщенія и показываетъ, какія ужасныя послѣдствія война будетъ имѣть для Соединенныхъ Штатовъ: снятіе блокады съ южныхъ портовъ, опустошеніе всѣхъ американскихъ береговъ отъ Нового Брауншвейга до Потомака.

«Имѣя это въ виду — говоритъ онъ — стану ли я предлагать вамъ опустить звѣздное знамя и унизиться передъ Англіей? Ни въ какомъ случаѣ. Но я прошу васъ возобновить мирныя, если не дружескія отношенія съ вашими естественными друзьями. Отвѣчайте на требованія Англіи дипломатическимъ языкомъ. Укажите на авторитеты и на примѣры самой Англіи, но ни минуты не медлите освобожденіемъ южныхъ комиссаровъ. Отпустите ихъ въ главную квартиру южныхъ войскъ и разрѣшите имъ вернуться въ Вашингтонъ въ качествѣ уполномоченныхъ для обсужденія условій замедленнаго перемирія и разьясненія спорныхъ пунктовъ между сѣвромъ и югомъ...

«Если вы помиритесь — говоритъ онъ далѣе — то войны не будетъ. Англія найдетъ удобный и благовидный предлогъ не мстить за обиду, нанесенную ея флагу. Англія не задумалась бы напасть на васъ, какъ она пала на китайцевъ, если она считаетъ васъ неспособными защищаться; но когда она будетъ знать, что американскіе берега защищены миліономъ людей, обстрѣленныхъ въ нынѣшней нашей войнѣ; когда она увидитъ, что изъ вашихъ портовъ выйдутъ тысячи корсаровъ, чтобы захватывать ея корабли даже въ астралійскихъ моряхъ; когда она вспомнитъ, что ея полки на канадской границѣ дезертируютъ массами; когда она подумаетъ, что въ случаѣ войны съ Америкой она тамъ встрѣтитъ двѣсти тысячъ ирландцевъ, сгорающихъ желаніемъ отомстить за свои продолжительныя страданія, и что рядомъ съ нею пять миліоновъ ирландцевъ, которые будутъ желать усилій скорѣе Америки, чѣмъ Англіи; когда она подумаетъ, что императоръ французскій только подобнаго случая и ждетъ, чтобы накинуться на Англію при помощи Испаніи

и Италіи;— она не стаяеть слишкомъ торопиться навстрѣчу всѣмъ этимъ случайностямъ.»

Письмо О'Брина кончается слѣдующимъ заключеніемъ: «Это одна изъ важнѣйшихъ статей моихъ національныхъ убѣжденій, что затрудненія Англіи—счастливая случайность для Ирландіи. Потому я и радуюсь перспективѣ войны между Англіей и Соединенными Штатами; что война эта породитъ затрудненія для Англіи.»

Въ нетерпѣливомъ ожиданіи отвѣта изъ Америки, англійскія газеты надѣялись, что дѣло разъяснится посланіемъ президента къ конгрессу, которое должно было выйти, по обычаю, 4 декабря. Вотъ наконецъ дождались этого знаменитаго посланія, и къ величайшему удивленію въ немъ о дѣлѣ Трента нѣтъ ни слова: и это обстоятельство толкуется и перетолковывается въ дурную сторону. Газеты видятъ въ этомъ дѣлѣ дурное прелзnamenovanіe, между тѣмъ какъ морской министръ, въ своемъ рапортѣ конгрессу, ясно собралеть арестованіе южныхъ коммиссаровъ и утверждаетъ, будто командиръ Сам-Дженто имѣлъ право захватить и самый пароходъ Трентъ. Конгрессъ объявилъ благодарность капитану Вильксу, а президента говорить о пользѣ укрѣпленія береговъ и озеръ,—что можетъ прямо относиться къ Канадѣ. Все это заставляетъ опасаться, что посланіе есть только замѣтокъ воинственнаго отвѣта президента Линкольна на ультиматумъ Англіи.

Теперь уже положительно извѣстно, что этотъ ультиматумъ не оставляетъ правительству Соединенныхъ Штатовъ никакой возможности затянуть дѣло перетоворами, и 28 или 29 декабря въ Англіи ожидаютъ прибытія или гг. Мазона и Слэделя, или самого англійскаго посланника лорда Лайонса. Г. Линкольнъ въ своемъ посланіи упоминаетъ о невольничествѣ, но въ такихъ запутанныхъ выраженіяхъ, какъ-будто нарочно старается быть какъ можно далѣе отъ точности и ясности; однакоже сто неясныя фразы въ итогъ показываютъ совершенно отчетливое стремленіе къ аболіціонизму. По поводу закона о конфискаціи и о невольникахъ, которые становятся при конфискаціи свободными, посланіе упоминаетъ «объ отиѣнѣй права, предъвляемаго нѣкоторыми людьми на работу нѣкоторыхъ другихъ лицъ». Нѣтъ возможности выразитись болѣе деликатнымъ образомъ о такомъ тигостномъ вопросѣ, какъ невольничество. По тому же поводу президентъ развиваетъ мысль о колонизаціи какъ нѣмъче освобождаемыхъ невольниковъ, такъ и вообще цвѣтныхъ людей Соединенныхъ Штатовъ. Въ томъ случаѣ, когда законы противъ невольничества будутъ приняты въ тѣхъ штатахъ, гдѣ теперь невольничество существуетъ, г. Линкольнъ допускаетъ начало вознагражденія владельцевъ. О вѣншихъ сношеніяхъ своихъ съ иностранными

державами президентъ говорить съ достоинствомъ, а европейскія газеты находятъ его выраженія гордыми и заносчивыми; онъ видать въ нихъ даже вызовъ къ войнѣ. А между тѣмъ вотъ эти слова: «Я не стану обозрѣвать нашихъ словесеній съ иностранными державами, потомучто несмотря на ихъ желанія и расположенія, неприкосновенность нашей страны и прочность нашего правительства зависить не отъ нихъ, а отъ честности, достоинства, патриотизма и ума американскаго народа».

Но если президентъ ни слова не говоритъ о дѣлѣ Трента, не гораздо ли естественнѣе будетъ объяснить эту воздержность тѣмъ, что онъ не хотѣлъ заранѣе предпрѣшать вопросъ, и такимъ образомъ оставилъ себѣ возможность мирнаго его рѣшенія?

Ко всемъ этимъ тревоженіямъ Англіи присоединилось еще великое горе: умеръ принцъ-супругъ королевы Викторіи, и вся Англія, по случаю его смерти, покрылась трауромъ.

Адбертъ-Францъ-Августъ-Карль-Эмануилъ саксенъ-кобургскій былъ второй сынъ герцога Эрнста саксенъ-кобургскаго. Онъ родился 26 августа 1819 года, черезъ три мѣсяца послѣ рожденія принцессы Викторіи. На семнадцатомъ году онъ въ первый разъ былъ въ Англіи, и тогда познакомился съ своею будущей невестой. Въ январѣ 1840 года королева въ тронной рѣчи объявила парламенту о своемъ намѣреніи вступить въ супружество. Отъ этого брака произошло четыре принца и пять принцессъ. Супругъ королевы былъ очень любимъ въ Англіи! Сначала на него смотрѣли недоумѣнно, какъ на иностранца, и тщетно предохраняли отъ его вліянія всевозможныя дѣла. Но онъ съ большимъ тактомъ началъ свою роль и сталъ самъ воздерживаться отъ вмѣшательства въ государственные вопросы и ограничился только личнымъ своимъ вліаніемъ на королеву и приниманіемъ дѣятельнѣйшаго участія во всѣхъ общественныхъ, неполитическихъ дѣлахъ; въ устройствѣ выставокъ, образовыхъ фермъ, въ раздачѣ наградъ, въ назначеніи конкурсовъ. Такое стороннее положеніе принца очень привязало къ нему англичанъ, которые на другой день послѣ его кончины изъдали искреннее сожалѣніе о потерѣ августѣйшаго супруга королевы. Въ Лондонѣ 15 декабря всѣ до одного магазина были занерты, театры не открывались, корабли спустили свои флаги до половины: матросы и всѣ гареты явились въ черныхъ рамкахъ. Къ счастью, здоровье королевы, почитаемому, не потрясено этою неожиданною потерей. Ея искренняя, глубокая горестъ смягчается присутствіемъ дѣтей.

ФРАНЦУЗСКІЙ ДѢЛЪ

Правительство императора Людовика-Наполеона, безъ веданнаго согласія со стороны англійскаго кабинета, объявило себе тѣмъ же настоятельнымъ дѣломъ Трента. Оно вмѣстѣ съ англійскимъ правительствомъ полагаетъ, что поступокъ командира Сан-Джиджо съ пассажирами Трента составляетъ нарушеніе правъ центрального вѣдана. Тѣмъ же образомъ г. Смитъ О'Бриенъ можетъ совершенно успокоиться и оглянуться свои догадки о томъ, будто бы императоръ Наполеонъ только и жлетъ разрыва между Англійей и Соединенными Штатами, чтобы ввязаться на Англію. Что же касается до того, будто ему стануть помогать въ этомъ Италия и Испанія, то это чистая мечта. Италия, вызванная къ жизни битвами французскъ при Маджентѣ и Сольферино, не очень-то любитъ своихъ, такъ называемыхъ избавителей. Вопервыкъ она имъ заплатила за участіе въ войнѣ валичиши — не деньгами, а провинціями, Савойей и Ниццою, а потому люди, по устройству своему, не любятъ попрекательны отъ всей души предпочитаютъ имъ союзниковъ и даже просто только сочувствующихъ людей. Ктому же еще Франція, по праву покровительницы, притѣсняетъ Италію, не отдавая ей Рима и даже не давая вида, что намѣрена когда-нибудь вывести свои войска изъ вѣчнаго города. И до того ли теперь Италия, чтобы ввязываться еще въ заморскую войну, когда свои внутренніе дѣла далеко не кончены? Къ довершенію внѣшнихъ признаковъ согласія, г. Тушеналь и г. Россоль заявили въ Вашингтонѣ, что Франція и Англія будутъ совершенно между собою согласны касательно американскыхъ дѣлъ.

Чрезвычайно забавны такіе политики, какъ г. Смитъ О'Бриенъ. Имъ кажется, будто они знаютъ всю подноготную убѣжденій императора французскъ, а между тѣмъ они смотрятъ на дѣла какъ на-то глазами XVI или XVII столѣтій. Не то нынѣ время, чтобы война началась ради одного только честолюбія, ради военной славы, даже у такого народа, какъ французы. Развѣ Франція могла бы теперь завоевать, покорить Англію, съ тѣмъ чтобы некогда брать съ нея огромную дань? А если не можетъ, то зачѣмъ же она ставитъ понапрасну разорить богатую сосѣдку, да въ сама разориться? Это все равно что ставить на карту половину всего своего состоянія, пеня въ никакой надежды выиграть, а только затѣмъ, чтобы заставить и своего противника проиграть столько же. Теперь уже не у кого нѣтъ столько бесполезнаго самоотверженія. Гораздо выгоднѣе теперь большаиъ державамъ, точно также, какъ и больш-

шимъ капиталистамъ, соединять свои силы, чтобы эксплуатировать земной шаръ въ свою собственную пользу, конечно стараются при этомъ не давать себя пріятелю обсчитывать. Повидному дѣлу между Франціей и Англіей пойдутъ теперь именно по этому направлению, тѣмъ болѣе что въ послѣднія десять лѣтъ экономическая Франція значительно разстроилась, и ей еще покуда силу самостоятельнымъ крупнымъ предпріятіямъ. Но убавить нѣсколько свои легіоны Франція все еще не рѣшается; въ газетахъ разнаются даже иногда голоса, поддерживающія уменьшеніе войскъ, которое, ради преувеличенія, называется у нихъ прямо обезоруженіемъ. Чтобы усилить борьбу противъ обезоруженія, бойцы не останавливаются ни передъ чѣмъ и допускаютъ на примѣръ такого рода фразы: «Вооруженный миръ, котораго держатся въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ великія державы, обходится Европѣ неменѣе двухъ миллиардовъ. Въ виду этихъ жертвъ, *приносимыхъ миру войны и приносящихъ такую действительную пользу промышленности*, возникаетъ вопросъ объ уменьшеніи войскъ.» — Стало-быть чѣмъ болѣе войска, тѣмъ лучше; стало-быть для развитія своей промышленности, Франція стоитъ только вмѣсто 460 тысячъ войска содержать миллионъ, а если ужъ очень похлопотать о пользахъ промышленности, то довести войска до двухъ или трехъ миллионъ. Но газетчики забываютъ, что у многихъ читателей ихъ здравый смыслъ еще неосвѣщенъ потерянъ, а что въ ихъ громкихъ фразахъ здравый смыслъ весьма часто блистаетъ своимъ отсутствіемъ. Вотъ на примѣръ что еще говорится въ статьѣ «о невозможности обезоруженія»:

«Еслибы вопросъ объ уменьшеніи войска представлялся какъ только съ точки зрѣнія финансовъ, то онъ давно уже былъ бы рѣшонъ; но въ такой странѣ, какъ наша, обезоруженіе имѣетъ совершенно другой смыслъ, кромѣ административной экономіи: это шѣра по преимуществу политическая, отъ которой зависитъ *миръ или война въ мирѣ*, находящаяся въ связи съ международными условіями великихъ европейскихъ державъ. Какъ ни велика тяжесть, возлагаемая на казначейство вышшимъ порядкомъ вещей, самообеспеченіе въ такомъ важномъ дѣлѣ было бы еще одною действительностію, потому что она можетъ подвергнуть опасности наше будущее выживаніе.»

Главная задача газетчика состоитъ повидному въ томъ, чтобы написать какъ можно больше пышныхъ, громкихъ фразъ и поговорить побольше, чтобы озадачить читателя, не дать ему опомниться. Статья, о которой идетъ у насъ рѣчь, доказываетъ, что Австрія не можетъ убавить своего войска, потому что она стоитъ лицомъ къ лицу съ Турціей, лицомъ къ лицу съ Россіей и точно такъ

же лицомъ къ лицу съ Италіей, и при такомъ многолѣтнемъ вѣдѣніи во всѣхъ столкновеніяхъ интересовъ и принциповъ, восточной, средней и южной Европы. Италия тоже не можетъ сократить войско, потому что она должна быть постоянно на сторожѣ противъ Австріи за Венцію. Пруссія тоже не можетъ, потому будтобы, что ей надо войти въ предѣлы, заѣзданныя ей Фридрихомъ-великимъ. Англія тоже не можетъ, потому что ослабѣвающее министерство никогда не захочетъ признаться, что оно напрасно возбуждало національный энтузіазмъ, созывало волонтеровъ и отягощало свои берега страшными цѣнами укрѣпленій.

И въ этихъ-то обстоятельствахъ, когда разсматривается и рѣшается такое множество величайшихъ вопросовъ, Франція рѣшится сломать побѣдоносное оружіе Мадженты и Сольферіно? Это значило бы не обезоруженіе, а отреченіе Франціи. — Далѣе статья догадывается, будто обезоруженіе Франціи не только неутвердитъ европейскаго мира, а еще возбудитъ вездѣ надежды *реакции* и подвергнетъ величайшей опасности многотрудное дѣло второй диссеріи; Франція увидитъ, что ея обаятельное вліяніе пропадетъ, потеряетъ въ общественномъ мнѣніи всѣ выгоды послѣднихъ войнъ и лишится защиты справедливости и права, которыя теперь находятъ ся подъ защитой ея политики въ союзахъ державъ, потому что восторжествовали при помощи ея на поляхъ сраженій.

На эту статью дѣлаютъ нѣсколько замѣчаній газета «Morning Star»; «Благородный рыцарь на помосткахъ маленькаго провинціального театра, въ раздирательной трагедіи, величаво ходитъ по сценѣ, размахивая мечомъ, и увѣряетъ зрителей, будто онъ защитникъ справедливости и права, въ тоже время безчеловѣчно угнетая своихъ домашнихъ, то зрителю невольно становится смѣшно: величавая поступь рыцаря кажется карикатурою на величіе, а возгласы о собственности, великодушій, въ явномъ противорѣчій съ дѣйствительностью домашняго быта, весьма способны развеселить самаго законнаго людохондрика и смѣшника. Но когда дѣйствіе происходитъ на большой, мировой сценѣ, то зрителю не до смѣха. Если маленькая, микроскопическая дождь зайдя, который тоже таетъ за ушко затраченного медвѣдя, забавна, то ложь крупная, наглая, беззаказанная, торжествующая, приводитъ зрителя въ ужасъ, въ оцѣпененіе. Куда же дойдетъ челоуѣчество при помощи такой наглости? Духъ тьмы, приписывающій себѣ распространеніе свѣта, защиту справедливости и правды, заслуживаетъ бы несравненно болѣе довѣрія, чѣмъ французскій журналистъ, толкующій о томъ, что Франція, своими силами, обезвѣдежитъ реакцію. И что же разуметь газетчикъ подъ словомъ реакція? Если только по его мнѣнію это означаетъ

противодѣйствіе существующему порядку, каковъ бы онъ ни былъ то онъ правъ; прекрасно, справедливо. Но въ остальныхъ его формахъ слѣдуетъ принимать совсѣмъ другое. Словомъ реакція зовется обыкновенно, — и онъ хочетъ это дать понять, — противодѣйствіе движению, прогрессу, либеральнымъ идеямъ. И въ этомъ-то смыслѣ онъ говоритъ, что могущество Франціи приводитъ въ отчаяніе реакціонеровъ. Но пусть же онъ лучше разсказываетъ арабскія сказки. Кто только несомнѣнъ еще слѣлъ въ Европѣ, тотъ видитъ очень хорошо, на чьей сторонѣ истинная реакція.

Сообразно съ дѣйствующими во Франціи законами, газеты имѣютъ право обсуживать нѣкоторыя правительственныя мѣры, точно также какъ это дѣлается и въ другихъ странахъ. Правительство, для пользы самихъ подданныхъ, имѣютъ иногда нужду въ многостороннемъ обсужденіи тѣхъ или другихъ вопросовъ. Французскія газеты въ послѣднее время, по поводу недавнихъ измѣненій въ основныхъ своихъ законахъ, именно касательно финансовъ, пустились въ подробныя толкованія о томъ, какъ было бы лучше устроить, что можно было бы съ пользою переимѣнить и т. д. Вдругъ маленькая замѣтка въ официальномъ журналѣ разомъ охладила ихъ невнятный жаръ. Въ этой замѣткѣ сказано, что газеты, обсуживая правительственныя мѣры, не имѣютъ права касаться принциповъ, установленныхъ закономъ. Тѣмъ разсужденіямъ и кончившись, и администрація отправилась по своему прежнему направленію, нестѣсняя газетными толками. Никакого вѣтъ сомнѣнія, что это весьма спокойно; но по мнѣнію англійскихъ газетъ, далеко не такъ полезно. Зато теперь французскія газеты имѣютъ право восхвалять свою страну съ прежнимъ усердіемъ и превозносить свои учрежденія выше всѣхъ остальныхъ учрежденій на землѣ. Такъ на примѣръ недавно напечатанъ былъ во французскихъ газетахъ отчетъ комиссіи, учрежденной для поощренія обществъ взаимнаго вспоможенія и надзора за ними, за 1860 годъ. Известно, что закону взаимности суждено впоследствии принести колоссальную пользу. Между прочимъ это доказывается и въ вышесказанномъ рапортѣ. Къ 31 декабря 1860 года во Франціи было 4327 обществъ взаимнаго вспоможенія съ 559,820 членами. Изъ нихъ 65,137 почетныхъ и 494,683 участвующихъ. Такимъ образомъ на каждое общество приходится среднимъ числомъ по 15 почетныхъ членовъ и по 114 участника, въ числѣ которыхъ около 17 женщинъ. Въ 1860 году прибавилось 209 новыхъ обществъ, а капиталъ всѣхъ ихъ вывѣтъ увеличился на $\frac{3}{4}$ миліона. Стало-быть каждый членъ, считая въ томъ числѣ и почетныхъ, внесъ среднимъ числомъ по 4 фр. 10 сантимовъ. Число больныхъ и число прогуловъ по случаю болѣзни уменьшилось;

госпиталы увеличивать. Общества взаимнаго вспоможенія получили въ даръ отъ правительства 10 миліоновъ франковъ и обратили эти деньги въ непрерывно-доходные билеты, что дастъ имъ 437,500 фр. ежегодно. Положеніе этихъ обществъ, какъ видно, самое благотворительное. «Наконецъ — сказано далѣе въ докладѣ — великодушная императорскаго правительства по отношенію къ обществу взаимнаго вспоможенія прикоснись своимъ ядломъ. Это дѣйствительное покровительство выражается не только прямымъ подобіемъ, но и почетными наградами. Въ 1860 году императоръ пожаловалъ 2 почетные креста, 26 золотыхъ медалей, 104 серебряныхъ и 173 бронзовыхъ медалей.»

Всего трудно не вспомнить при этомъ то, что говорить «Morning Star» по поводу реакціи. Любопытно бы слышать, какаго рода прогрессивное нравственное вліаніе можетъ имѣть раздача медалей за то, что люди вносятъ въ общую кассу нѣкоторую долю своихъ заработковъ съ тѣмъ, чтобы потомъ, въ случаѣ болѣзни, получать изъ этой кассы пособія. И любопытно бы сверхъ того видѣть, какъ услужливыя газеты объяснятъ пользу правительственнаго вниманія въ дѣло совершенно частной складчины? Можно бы объяснить это однимъ только обстоятельствомъ, — именно что все дѣлается свѣдѣніемъ для общественной славы и процвѣтанія народа французскаго.

Для той же цѣли предпринята, какъ извѣстно, нынѣшняя мексиканская экспедиція, звано съ Испаніей и Англіей. Дѣло въ томъ, что одна Испанія имѣетъ довольно уважительные поводы къ неудовольствіямъ съ Мексикою. Франція присоединилась для пріобрѣтенія славы, а Англія для того, чтобы на долю Франціи не выпало славы слишкомъ много. Ктому же тутъ былъ умыселъ гораздо болѣе серьезный: по случаю междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ имѣть тамъ въ готовности, на всякій случай, побольше кораблей. Теперь случай съ Трентомъ представился, а собственно для мексиканской экспедиціи было бы совершенно довольно и нѣтой доли тѣхъ флотовъ, которые туда отправилась.

На рейлѣ Teneriffe контръ-адмиралъ Жюрьеъ де ла Граверъ, главнокомандующій французскими силами, посланными въ мексиканскій заливъ, издалъ 23 ноября слѣдующій приказъ во всадръ: «Моряки и солдаты! Мы идемъ въ Мексикку. Мы обязаны тамъ требовать не только вознагражденія за многія и недавнія обиды: мы должны прежде всего требовать уваженія къ нашему знамени, а къ безопасности нашей торговли, къ жизни нашихъ соотечественниковъ гарантіи болѣе серьезныя, нежели тѣ, какія теперь существуютъ. Мы не имѣемъ никакого гнѣва противъ мексиканскаго на-

рода. Мы знаем, чего следовало бы ожидать от этого благородного и великодушнаго племени; еслибы оно могло прервать свои общіе праздны; то правительство, безслышным для поддержки внутреннего мира, никогда, не должно бы то им было вмешиваться, будутъ плохо обезпечивать безопасность иностранцевъ. Нашъ истинный врагъ въ Мексикѣ— это не та или другая федеративная партія, а безначаліе; а этотъ врагъ таковъ, что съ нимъ ничего неступать въ переговоры. Моряки и солдаты! Въ новой предпринимавшей вами кампаніи судьба вашего права будетъ сочувствіе вашего отечества, помощь и согласіе всего просвѣщеннаго міра; въ скоромъ времени въ Мексикѣ съ вами будетъ сочувствіе всѣхъ порядочныхъ людей. Поймите же обязанности; возлагаемыя на васъ этимъ положеніемъ. Подайте тамошнимъ варварамъ примѣръ порядка и дисциплины, научите ихъ уважать имя нашего славнаго отечества, заидовать благосостоянію и миру, вторымъ намъ наследуемъ, и тогда съ законною гордостью вы можете повторить слова, сказанныя вамъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ императоромъ: «гдѣ ни покажется знамя Франціи, впередъ иавъ идетъ справедое дѣло, за нимъ слѣдуетъ великій народъ».

Надо признаться, что трудно было написать болѣе славный приказъ войскамъ, иаушимъ сражаться. Выходить, что они идутъ въ чужую страну, переплываютъ океанъ, вступаютъ на берегъ, знаменитый ужасающими цоальными болѣзнями; скажутъ соотвѣтственно отъ непріятельскихъ пуль и отъ жолтыхъ горячекъ — собственно для того, чтобы исполнять какую-то помидейскую обязанность; сражаться противъ чужой анархіи.

Прекрасная Мексика, обогрѣмая кровью своихъ гражданъ, скоро ободѣетъ еще потоками крови чужеземной. Въ слѣдующей книгѣ мы посвятимъ отдельную статью описанію Мексики и раскрытію истинныхъ причинъ циньшимаго вихола.

АВСТРІЙСКІЯ ДѢЛА

Пришлось таки представить смѣту на будущій годъ сокращенному государственному совѣту. Въ ея рассмотрѣніи не будутъ участвовать члены отъ Венгріи, отъ Трансильваніи; отъ Кромачи, отъ Далмаціи, отъ воеводинскихъ границъ; сверхъ того допущать отъ Валліи и отъ Богеміи отказались подавать ея, потому что рассмотрѣніе смѣты въ сокращенномъ совѣтѣ не законно. Они даже отказались участвовать въ выборѣ комиссіи, назначенной для предварительнаго рассмотрѣнія смѣты. Недочеты на будущій годъ доходятъ до 275 милліоновъ франковъ. Недочеты на смѣтахъ во всѣхъ вѣсти

государствѣхъ вошли теперь въ обычай, такъ что смѣты теперь безъ недочетовъ какъ-то и вообразить нельзя. Въ Соединенныхъ Штатахъ недочетъ простирается до 1070 милліоновъ франковъ; недочетъ королевства итальянскаго доходитъ до 195 милліоновъ франковъ.

Всѣмъ недочеты. Но что это показываетъ? Не тоже ли это, что житье государствъ выше состоянія? Но развѣ это можетъ быть? Государство, казалось бы, должно всегда быть въ состояніи удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ, какъ органическое тѣло, которое всегда себя довлѣетъ; но крайней мѣрѣ въ нормальномъ, здоровомъ состояніи. Если же что недостаесть, то — не лишнее ли то, что недостаесть? Не показываетъ ли это, что сдѣланы какіе-нибудь безполезные, неужные расходы?

Какъ бы то нибыло, г. фонъ-Шверингъ представилъ смѣту, которая теперь будетъ разсматриваться одними нѣмецкими членами государственнаго совѣта. Но министр-предсѣдатель совѣта министровъ объявилъ, что хотя это и несообразно съ конституціоннымъ порядкомъ, однако его величество императоръ будетъ признавать за престолицими преніями о смѣтѣ всѣ достоинства преній конституціонныхъ. Наконецъ министръ объявилъ, что онъ за эту мѣру принимаетъ отвѣтственность передъ полнымъ государственнымъ совѣтомъ на себя. Какъ бы то нибыло, недочетъ можетъ быть покрытъ только новымъ займомъ и увеличеніемъ налоговъ. Многие ораторы говорили противъ разсмотрѣнія смѣты въ неполномъ государственномъ совѣтѣ, основываясь на томъ, что это нарушаетъ права народовъ, непредставляемыхъ въ палатѣ, что это совсѣмъ разрушаетъ конституцію 26 февраля. Г. Ригертъ сказалъ между прочимъ, что представленіе смѣты теперь совершенно незаконно. «Вы могли — сказалъ онъ — утвердить смѣту административнымъ путемъ, ввести ее въ дѣйствіе, и тогда это было бы голымъ фактомъ силы, которому подчинится всякій, кто не въ состояніи противопоставить ей такую же силу. Но проводить смѣту такъ увертливо, придавать конституціонное значеніе мѣрѣ противоконституціонной — это государственный переворотъ, это попытка спустить на воду государственный корабль. Но чтожъ изъ этого? море бурно, и корабль будетъ толкаться то объ одну скалу, то о другую.»

Положеніе австрійскаго министерства теперь весьма трудное. Дѣльное положеніе, въ которомъ находится государственный совѣтъ или рейхсратъ, отвращаетъ силу у администраціи. Важнѣйшіе законы, которыхъ общественное мнѣніе ждетъ съ нетерпѣніемъ, не составляются. Нѣмецкая половина рейхсрата смѣло смотритъ впередъ; но отъ этого не уменьшаются препятствія, встрѣчаемыя пра-

вительствомъ отъ пассивнаго сопротивленія Кроація, Триестини, Славонія и Далмація. Стремленіе къ сохраненію національности овладѣло теперь въ Австріи малѣйшими центрами населенія, и потому мѣры общія теперь стали неприможимы; правительство вынуждено принять на себя диктатуру, которая особенно невыгодна теперь, когда сами обстоятельства вынудили его допустить начало конституціоннаго устройства.

Нѣкоторыя газеты увѣряютъ, будто недавно графъ Рехбергъ разослалъ представителямъ Австріи циркуляръ для объясненія истиннаго значенія мѣръ, принимаемыхъ императорскимъ кабинетомъ противъ иронсковаго и домогательства, волнующаго Венгрію. Министръ иностранныхъ дѣлъ говоритъ, что императоръ Францъ-Иосифъ принимаетъ эти мѣры съ большимъ прискорбіемъ, но все-таки, держась однажды вѣстановленныхъ конституціонныхъ путей, питаетъ надежду, что вѣрноподанные ономыслятся и поймутъ его законодунныя намѣренія.

Между тѣмъ несмотря на разстроенныя новиданному дѣла свои, австрійскія войска, полъ шумомъ различныхъ европейскихъ событій, совершили великолѣпный подвигъ храбрости въ Сутторинѣ. Чтобы воцѣлеть его, слѣдуетъ вспомнить, что вѣнскій конгрессъ, раздѣливъ Еврону, отдѣлялъ въ пользу Австріи весьма длинное и узкое прибрежье Адриатическаго залива вдоль турецкаго берега, такъ что Герцеговина и Черногорье совершенно отдѣлились отъ моря волосою австрійской земли, которая вошла въ вѣдѣніе управленія Далмаціей. Тамъ вышло у Австріи два округа, Рагуза и Каттаро. Въ одномъ только мѣстѣ полоса австрійскихъ владѣній прерывается небольшимъ клочкомъ земли Сутторина, принадлежащаго Турціи. По этому участку идетъ береговая дорога изъ Рагузы въ Клекъ, дорога, по увѣренію Австріи, военная, но крайней мѣрѣ по ней прохлать вногда австрійскія войска. Такая дорога по чужимъ владѣніямъ — дѣло очень щекотливое, и потому со времени вѣнскаго конгресса она возбуждала нѣсколько разъ споры и недоумѣнія между заинтересованными державами.

Въ 1852 году, когда между Россіей и Турціей возникъ споръ изъ-за релігіознаго покровительства, Черногорье, какъ водится, было въ осадномъ положеніи и продолжало не признавать надъ собою турецкаго владычества. Правительство собрало значительныя военныя силы вонругъ Черногорья, стало быть близъ самой австрійской границы и между прочимъ въ суттеринскомъ округѣ. Тогда австрійское правительство послало въ Константинополь графа Дейшигтена; вонервыхъ для того, чтобы предложить посредничество императора въ пользу черногорцевъ, и вонвторыхъ, чтобы предложить

свои услуги для улаженія столкновеній съ Россіей. Въ январь 1852 года графъ Лейнингенъ пріѣхалъ въ Константинополь. Чтобы только удалить турецкія войска съ сутторинской дороги, онъ заявилъ нѣсколько постороннихъ требованій: заявилъ претензію противъ того, что Турція опять не объявила о своемъ намѣреніи собрать такую массу войскъ близъ австрійской границы, и требовалъ категорическаго объявленія причинъ этой войны, которая тогда принимала характеръ войны религіозной. Потомъ онъ требовалъ, чтобы изъ войска, собраннаго у Черногорья, немедленно удалены были все австрійскіе выходы и бѣдвѣщъ, которыхъ тамъ было немало. Когда при этомъ онъ требовалъ очищенія сутторинской дороги и очищенія нѣкоторыхъ процессовъ по торговымъ дѣламъ австрійскимъ подданныхъ въ Босніи. Порта отвѣчала такъ, что отвѣтъ не имѣлъ испрашенія графу Лейнингену. Касательно Сутторины сказано было, что права Турціи на этотъ участокъ подтверждены были австрійскими деклараціями, которыя сообщены были Портѣ посланникомъ барономъ Оттенфельсомъ въ 1832 и 1833 годахъ. Графъ Лейнингенъ, нелегальнымъ отвѣтомъ, сообщилъ Портѣ проектъ вѣща, который долженъ былъ быть принятъ Портой втеченіи трехъ дней, а въ противномъ случаѣ угрожалъ разрывомъ. Наконецъ его предложеніе было принято: сутторинскій портъ съ участкомъ обѣщано оставить въ томъ положеніи, какъ было до войны.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда изъ Константинополя графа Лейнингена, пріѣхалъ туда князь Меншиковъ съ своимъ ультиматумомъ. Возникла война, и тотчасъ же Австрія стала совершенно иначе смотрѣть на Турцію, на Черногорье, на Боснію. Но касательно сутторинской дороги права Австріи имѣли послѣднимъ и окончательнымъ подтвержденіемъ договоръ, подписанный графомъ Лейнингеномъ. По точному смыслу этого договора весь сутторинскій участокъ долженъ былъ оставаться какъ былъ до войны, стало-быть Австрія имѣла право требовать, чтобы на немъ не было воздѣлкаемо никакихъ укрѣпленій, такъ какъ ихъ прежде не было. Въ послѣднее же время христіане герцеговинскіе, возставшіе противъ турокъ, построили на горахъ, гораздо выше дороги, двѣ батареи, чтобы защититься съ этой стороны отъ отрядовъ Омера-пашы. По общепринятому порядку, австрійское правительство могло по этому поводу обратиться съ нотой къ Портѣ и требовать разрушенія этихъ батарей. Тогда Омеру-пашѣ пришлось бы стеснись нѣтъ нѣсколькимъ пунктамъ Герцеговины войска къ Сутторинѣ, разрушить двѣ батареи, а между тѣмъ возставшіе христіане выдохнуть бы свободнѣе. Это не было сообразно съ расчетами Австріи, и потому она подвинула свое войско къ Сутторинѣ и вступи-

за такимъ образомъ въ турецкія владѣнія. Тамъ австрійскіе отряды придвинулись къ спорнымъ укрѣпленіямъ, Герцеговинскіе христіане увидѣли передъ собою новыхъ непріятелей, тоже повидиному христіанъ, и не оказали имъ никакого сопротивленія, а молча безъ выстрѣла отступили. Австрійскіе отряды съ достохвальною храбростью напали тогда на покинутыя укрѣпленія, разрушали ихъ до основанія, и взявъ въ плѣвъ двѣ пушки, торжественно выступили изъ турецкихъ владѣній обратно въ своя.

Если основываться только на трактатѣ 1853 года, то дѣло вторженія австрійскихъ отрядовъ въ турецкія владѣнія могло бы оставаться домашнимъ дѣломъ между этими двумя державами. Турція могла бы домогаться удовлетворенія за оскорбленіе, за нарушеніе святости чужой границы, еслибы наэтотъ разъ особенныя причины, именно освобожденіе христіанъ, не обязывало Турцію, напротивъ, къ благодарности за это нарушеніе правъ. Но дѣло не такъ просто. Послѣ договора 1853 года былъ еще договоръ 1856; Австрія вѣстѣ съ прочими державами подписала обязательство, въ силу котораго великія державы ни подъ какимъ видомъ не имѣютъ права вмѣшиваться въ дѣла, относящіеся къ Турціи. Нынѣшняя самовольная расправа составляетъ нарушеніе этого договора. Христіанскія державы ручались за то, что турецкое правительство обезпечитъ вѣстныя права своимъ христіанскимъ населеніямъ; а теперешній поступокъ Австріи, совершонный противъ христіанъ, противорѣчатъ такимъ образомъ и буквѣ, и общему смыслу и намереніямъ державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ. Ктому же еще принципъ невмѣшательства, постановленный нынѣ по повелу Игана, не слѣдовало нарушать на востокъ христіанской державы ко вреду христіанскихъ населеній. Въ этомъ поступкѣ Австріи оказалось столько же любви къ самой себѣ, сколько и къ Турціи, такъ что, по особенно удачному стеченію обстоятельствъ, Австрія слыха свои интересы съ турецкими, уполбила себя Турціи, и надо замѣтить это къ чести Австріи, — большой ошибки въ этомъ нѣтъ. Между этими двумя великими державами чрезвычайно много общаго: и та и другая состоитъ изъ разнородныхъ населеній; и тамъ и здѣсь господствующее племя составляетъ меньшинство; и здѣсь и тамъ финансы разстроены; тутъ конституція, а тамъ гатти-гумановы не исполняются; наконецъ обѣ страны въ послѣднее время находятъ одинаково выгоднымъ вредить христіанскому населенію Герцеговины. Все это прекрасно. Но вопросъ въ томъ: согласится ли державы, подписавшія парижскій трактатъ, допустить нарушеніе его только потому, что двѣ эти страны такъ близки одна къ другой въ нравственномъ отношеніи?

ИТАЛЬЯНСКІЯ ДѢЛА

Знаменитѣйшій предводитель неаполитанскихъ разбойниковъ послѣднѣго времени, испанецъ Борхасъ, наконецъ умеръ, тяжело раненый въ схваткѣ съ пьемонтскими берсальерами. Это была важнѣйшая личность, одна изъ безчисленныхъ жертвъ такъ называемаго легитимизма. Слово это очень часто понимается совершенно пристрастно. Въ первый разъ легитимистами сами себя назвали приверженцы старшей линіи Бурбоновъ въ 1830 году, послѣ июльской революціи, которая возвела на престолъ младшую линію этого дома въ лицѣ Людовика-Филиппа. Съ тѣхъ поръ легитимистъ означаетъ и приверженца Бурбоновъ и по точному смыслу слова, членѣка преданнаго законности въ дѣлѣ престолонаслѣдія. Второе значеніе не вѣрно, или лучше сказать, оно совпадаетъ съ первымъ, когда относится до Бурбоновъ. Легитимисты признаютъ основою своего ученія божественное правѣ, въ силу котораго вѣщевосецъ есть помазанникъ божій и наследуетъ корону только божіею милостію, безо всякаго такъ — сказать участія человѣческихъ законовъ. Въ время июльской монархіи во Франціи легитимисты питали надежду на торжество своего ученія и нѣсли свое немаловажное политическое значеніе; во время февральской республики надежды ихъ ограничались; но когда власть привца-президента, а потомъ императора Людовика-Наполеона укрѣпилась; они стали терять и значеніе, и надежды. Многіе изъ нихъ теперь отказались отъ своего ученія, другіе поширили ученіе божественнаго права съ народнымъ избраніемъ на томъ основаніи, что гласъ народа — гласъ божій; третій молчать, итнзможку надѣются, и нѣкоторые изъ нихъ дѣйствуютъ въ пользу Бурбоновъ, если не французскихъ, то какихъ-нибудь. Такъ какъ неаполитанскій царствующій домъ принадлежитъ къ Бурбонамъ, то и его приверженцы зовутъ себя легитимистами. Многіе изъ легитимистовъ релігіозно предались своимъ убѣжденіямъ, и это тѣмъ удобнѣе, что ученіе ихъ опирается на правѣ божественное.

Борхасъ, родомъ испанецъ, былъ одинъ изъ страстныхъ агитаторовъ легитимизма. Католическіе священники увѣрили его, что неаполитанскія провинціи, на минуту увлеченныя обаяніемъ Гарibaldi, раскаяются въ своей опрометчивости, всѣ поголовно желаютъ возвращенія короля Франциска II, такъ что возстаніе въ нихъ вызваетъ нѣждеть только предводителя, чтобы сосредоточиться и восторжествовать надъ притѣснителями-пьемонтцами. Въ этомъ убѣжденіи Борхасъ захватилъ изъ Марсели около 10 сентября въ

Мальту, а оттуда, на английскомъ кораблѣ, съ двадцатью двумя товарищами, высадился въ Калабрін.

При этомъ кстати замѣтить, что английскіе кораблехозяева, пользуясь тѣмъ, что эти люди, принадлежащіе къ могущественнѣйшей морской націи, чаще всего считается неприкосновеннымъ, безпрестанно перевозятъ на неаполитанскій берегъ и орудіе, и любителей разбоя, и доверши отъ бурбонистскихъ комитетовъ, и деньги. Итальянское министерство обращалось къ английскому, съ просьбою прекратить это зло. Въ отвѣтъ на это английскій министръ иностранныхъ дѣлъ пояснилъ, что это дѣло касается собственно интересовъ людей в Италіи, что итальянское правительство имѣеть полное право забирать такіе корабли, акипажъ его разстрѣливать, и вѣшать или поступать съ нимъ по своимъ законамъ, какъ со всякими другими людьми, которые помогаютъ разбойникамъ и стало-быть разбойники сами. Но устроить бдительный надзоръ за этими длинными неаполитанскими берегами чрезвычайно трудно и было бы крайне невыгодно для береговой торговли. Поэтому разбойничьи высадки продолжаютъ. Но Борхеса разбойникомъ назвать нельзя: это была добровольствѣйшій энтузіастъ легитимистскаго дѣла.

Только-что онъ высадился, какъ началось его размаршаніе. Вышло возставшихъ провинцій, вышло организаціонныхъ отрядовъ республканскія волонтеровъ, которымъ будтобы должны были оказывать его, какъ своего желаннаго начальника, онъ прямо встрѣчалъ отряды гражданской стражи, которые усордно встрѣтили его ружейными выстрѣлами и охотились за нимъ по лѣсу, какъ за дикимъ звѣремъ. Огорченный обманомъ, Борхеса едва успѣлъ спастись. Послѣ того онъ присоединился къ шайкѣ разбойничьяго предводителя Миттика. Тотъ началъ съ того, что арестовалъ несчастнаго испанца, который признавалъ свое дѣло въ серьезную сторону. Сначала Борхеса вынужденъ былъ слѣдовать за Миттикомъ и присутствовать при его подвигахъ, которые состояли въ безпоощающемъ и беззаветномъ грабѣжѣ беззащитныхъ деревень. Какъ-какъ увидѣлъ онъ убійствъ. Послѣ того цѣлый мѣсяць считался онъ въ горахъ, безъ всякой другой помощи, кромѣ нѣкоторыхъ эмиссаровъ и ессина рѣдкихъ тайныхъ соумышленниковъ, несмотря на то, что у него были рекомендательныя письма ко всѣмъ предводителямъ отдѣльныхъ шайкъ. «Впродолженіе двѣнадцати дней — разсказываетъ онъ самъ, умирающій — мы терпѣли всевозможныя лишения, потому что не было возможности добыть провіантъ и шаше, какъ грабимъ». Неудачныя шаше письма наперерывъ совѣтовали имъ избратъсь изъ лѣса, называемаго Сила, гдѣ въ окрестные жители, весьма рѣшительные приверженцы единства Италіи, бѣда наша не окружила.

Насловъ былъ соединенъ съ большимъ отрядами Крессо, Делетто и друица, въ Базиллигъ. Но тамъ докъ мавританскы бурбонскы оныя его арестовали, отнеси у него и у его спаниель и дашги, и орудія. Бурбонъ предоскилъ правленю выписать людей съ отрядомъ и изорядити имъ востановлюе жилища; но испанельтамъ не хотѣли этого и слушать, утворила, что такыи образомъ у нихъ не останется ни одного человека. «Стоимы востановляе имъ востановлюе помысли, — говорилъ они, — сколько они могутъ добыть собралъ контрибуціи съ разоренныхъ деревень. Такыи образомъ грабежъ былъ ихъ главныи дѣятельн. Насловъ востановлюе получилъ образе оружіе, только не свое, не английскыи орудя, какии у нихъ были, а тяжелыи древніи индїан, чутъ не съ ошкелью. Бурбонъ рѣшился послѣ этого пробити носъ какъ къ римской гравицѣ и идти въ Римъ, чубы доказать Франциску II. какъ его обманывали, не како дурное употребленіе плути его дѣлать. Маврицъ бышии король и самъ Бурбонъ недостойно обманути. «Я ошкель — говоритъ онъ — встрѣтити возставшіи населеніа, а востановлюе только найде король». На Бурбонъ найдеи инструкціи; шкельныи ружко генерала Коары, оныи его величестое Франциску II. и шкельныи востановлюе на банкротіе дома въ Неаполѣ.

Слѣдуетъ замѣнить, что небла надъ такыи востановлюе, какии Бурбонъ, считается въ Италиі очень важныи событіемъ; обѣ отомъ дѣлѣ почтаются дѣланы релациі, командиръ і батальона бергамеровъ, майоръ Франклинъ, рекомендуетъ въ извѣстѣ отечественнаго въ дѣлѣ взятіи генерала Бурбона лейтенанта Сладриши и представляеть описокъ реловыхъ, оказавшихъ великий хребтати. А все дѣло шло о стѣнѣ съ двадцати вооруженныхъ бурбонскыи, захваченныи на отдаленной острѣ. Это обстоятельство востановлюе, что значати тѣ огромныи отряды бурбонскыи, которыи, не слобавъ востановлюе газетъ, держать чутъ не въ овалѣ востановлюе политическое королевство. Но теперь уже и клерикальныи газетныи востановлюе пугать итальянцевъ фантазмаи реловскыи востановлюе оказавшю, что оветъ востановлюе безвостановлюе, и востановлюе шкельныи востановлюе, какии теперь остались, испанельныи король отечественныи гражданыи страши, которая усердно беретъ себя и свою востановлюе. Можно считать, что дѣло о востановлюе разболѣи кончено. Но востановлюе шкельныи затрудненіе, въ болѣе востановлюе острѣ, въ острѣ самого парламента.

Въ первое по востановлюе шкельныи депутаты изъ южнаныи провинцій старались звать королю министра на объясненіа о востановлюе востановлюе королевствѣ. Неаполитанскыи депутатъ К. Зуплатъ требовалъ разрешенія предложить министрату востановлюе востановлюе

темлю условія южнѣхъ провинцій: Г. Феррари съобщилъ на это, что именно въ виду общаго согласія онъ не проситъ принять въ соображеніе предложеніе г. Дункетта, потому что въ западныхъ провинціяхъ существуетъ нѣчто вроде междоусобной войны. Эти слова были прерваны въслышаннымъ отрицаніемъ и восклицаніемъ, но когда ораторъ продолжалъ говорить въ томъ же смыслѣ, то президентъ напомнилъ ему, что придетъ своя очередь говорить о существіи предложенія г. Дункетта, и тогда онъ не могъ говорить сколько ему угодно, а покаместъ дѣло только въ томъ, поддерживать ли это предложеніе о помощи, или нѣтъ. Въслышавшій г. Феррари возричалъ, что вѣдь существуетъ же междоусобная война. На это съ обеихъ сторонъ закричали: «нѣтъ, нѣтъ!» поднялся репотъ, пшанье, крики. Президента опять попросилъ его возвратиться къ вопросу, но онъ опять упомянулъ о междоусобіяхъ, и опять прервали его криками отрицанія. Весь этотъ шумъ кончился заключеніемъ тѣмъ, что г. Дункетта согласился отложить свой запретъ до ближайшаго разсмотрѣнія римскаго вопроса.

«Нервыи министеръ сообщилъ документы, касающіяся этого послѣдшаго вопроса. Между ними особенно замѣчательно письмо къ папѣ, доказывающее, что для блага Италіи и для блага самой церкви папа долженъ бы отказаться самъ отъ остатковъ своей свѣтской власти. Сначала г. Риказольи изложилъ папѣ о томъ, какъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ Италія, тронутая словами любви, сказанными папой, получила надежду покончить рядъ своихъ вѣковыхъ несчастій и начать новую, обновленную жизнь. Тогда надо было взяться за оружіе, чтобы избавить Италію отъ иностранцевъ; но Пій IX, подъ предлогомъ того, что онъ на землѣ представитель Бога мира и милосердія, отказался принять участіе въ священной войнѣ за независимости. Но итальянцы смотрѣли на него какъ на итальянскаго государя, и очень обидѣлись отказомъ. Тогда снова началась для Италіи рядъ несчастій, изъ-за которыхъ возростала междоусобная война и свѣтской власти папы. Но всякая борьба должна кончиться или побѣдою или уничтоженіемъ одной изъ сторонъ, или ихъ примиреніемъ. Права народности, права папскаго престола неварушимы, и такъ какъ на одинъ изъ этихъ двухъ противниковъ не можетъ исчезнуть съ поля битвы, то ни папѣ не имѣетъ вернуться, чтобы не подвергнуть свѣтъ страшнымъ и безконечнымъ потрясеніямъ. Церковь до сихъ поръ уступала свои свѣтскія отношенія къ свѣтскому миру, гдѣ только съ нами не соприсутствовало, подобно общественнымъ извѣстностямъ. Сначала церковь, невидимая, бѣдная, робко скрывалась въ катакомбахъ. Потомъ, когда върущія стали свободны, выступили наружу и во-

или въ церкви, между собою связи, и тѣмъ перешло изъ храма подземелья въ блестящія базилика, богослуженіе и слушатели акари признавъ въ этомъ блестящ. участіе и уже не ограничивались тайными молитвами, а наоборотъ торжественно стали проповѣдывать міру свое ученіе. Въ средніе вѣка церковь воссоздала, невозможнаго, проводила свое ученіе въ среду семействъ, въ гражданскую въ государственную жизнь. Но когда общество достигло значительной степени развитія, нужда въ опекѣ духовенства прекратилась и потому связь этой опеки порвалась. Люди стали снова отыскивать и малымъ преданія древней цивилизація, и одинъ изъ нихъ, присоединившись къ этому дѣлу, былъ такъ счастливъ, что далъ свое мнѣе своему вѣку возрожденія. Такимъ образомъ церковь, сохранивъ неприкосновенность догмата при помощи искусныхъ и разумныхъ уступокъ, уступавшая съ необходимостью, налагаемою общественными преобразованіями. Ктоже старается сдѣлать церковь веномнимою, отдѣлить ее отъ гражданского общества, сдѣлать изъ нея врага дѣла новѣйшаго времени, тотъ ей скорѣе врагъ, скорѣе оскорбитель, ее, нежели тѣ, кто проситъ у нея только одного: чтобъ она сохранила свое церковное духовное значеніе... Точно также какъ церковь не можетъ быть враждебна извѣстной мѣрѣ политической свободы, такъ она не можетъ противодействовать развитію національностей. Самъ папа Пій IX, когда писалъ въ 1848 году австрійскому императору, — уговаривалъ его прекратить войну, которая не можетъ оружіемъ возвратити имперіи преданность ломбардцевъ и венціанцевъ, справедливо привязанныхъ къ своей народности.

Г. Раппазони сватается доказывать, что обязанности папъ, какъ патриарха западной церкви, часто бываютъ несогласны, расходятся и противорѣчатъ съ его обязанностями государя, и въ особенности итальянскаго, что вълѣдствіе этого происходятъ французскія неудобства; люди стараются избѣжать этихъ неудобствъ, отыскивая объясненія: евангеліе недоумѣній въ евангеліи и находятъ въ священной книгѣ многія слова и многіе примѣры презрѣнія къ земнымъ благамъ и къ моридавіи, и немало совѣтовъ пофѣвать обладанію и власти. Было время, когда всѣ права на свѣтѣ были пофѣваны и подчинены силѣ, когда блескъ свѣтской власти способствовалъ независимости церквей. Но съ тѣмъ перемѣнились подлѣшія государства выжили изъ средневѣковаго хаоса и удрьшились, а европейскіе публичное право стало опираться на основаніяхъ, справедливыхъ и разумныхъ, — церковь, презръ свое обладаніе маленькими государствами, была брошена въ помояхъ, въ противорѣчія; въ политическія затрудненія; земными, свѣтскими интересами стала отвлечена отъ бланш. обязанностей; и подвергалась ревности, чуждостью и патри-

гандзонныхъ властей. Вслѣдствіе этого духовнаго раздѣленія, стало отдѣляется отъ ея оныя пастыри. Есть уже епископы, прелаты, священники, которые явио оказываются принимать участіе въ войнѣ Рима противъ италическаго королевства; еще болѣе число ихъ осмужаются этою войною внутренно. Толпа съ возмеззіемъ власти, какъ служители алтара вѣдываются въ заговоры противъ государства, и закономъ, и дѣломъ такого разленія, можетъ принести самой религіи то, что дѣлаютъ только люди, ея служители, и убывая этихъ людей, можетъ удалиться отъ самой религіи. — «Не бросайте же, святой отецъ, — продолжаетъ г. Риззиоли, — цѣлый народъ въ бездну сомнѣнія; церковь нуждается въ свободѣ, и мы возвратимъ ей эту свободу. Болѣе всѣхъ другимъ мы желаемъ свободы церкви, потому что ея свобода ручается за нашу; но чтобы быть свободною, ей нужно избавиться отъ муть величавъ, которая до сихъ поръ дѣлаетъ изъ нея орудіе притѣсненія нашего въ рукахъ той или другой державы. Церковь должна быть посредницею между быущими, покровительницею слабыхъ и угнетенныхъ; но во сколько разъ голосъ ея будетъ поворѣе возмущаемъ, когда вельза будетъ заподозрять ее въ домогательствахъ сиблинахъ выподѣ! Мы можете, святой отецъ, еще однажды преобразовать церковь: вы можете поднять апостольскій престолъ на высоту, перфланую церкви въ продолженіи многихъ вѣковъ. Если вы хотите быть также королейъ земныхъ, то откажитесь отъ немочейъ королевской власти, которая ея въ приравниваетъ къ королямъ.»

Но вельможа нападъ не видалъ этихъ увѣщанійъ, — императоръ Наполеонъ III даже не смелъ удобнымъ передать это письмо вѣльмъ чрезъ своего посланника, находя это несвоевременнымъ. Но вѣда, при какихъ обстоятельствахъ, почему можетъ поступить шипиное, вѣрное время, этого оны не поворать. И очень понятно, почему не говорить...

... Въ первое же завоѣваніе однихъ изъ депутатовъ невольтанской провинціи, герцога Прато ди-Маддалони, сдѣлалъ предложеніе о немедленномъ прекращеніи несчастнаго положенія ормолитанскихъ провинцій. Но парламенту не нравилась ея предложеніе, какъ не собираются сдѣлать депутаты должно быть: прежде разсмотрѣно въ одномъ изъ бюро или департаментовъ палаты; предложеніе герцога Прато поступило въ первое бюро, и оныя шумно возмущено. Оны врано требовалъ, чтобы парламентъ парламентъ сдѣлалъ, для апробатіи, принять безначалія и междуособной войны по дугѣ, и въ самомъ изложеніи дѣла старался доказать, что бывшее невольтанское королевство должно быть объявлено отъ Италіи и тѣмъ дѣлалъ быть востановленъ король Франческо II. Палеоче-

ны въ предложѣніи герцога Прато на каждомъ шагѣ называютея во-
ражи и разбойниками и сравниваются съ челявкою, который явил-
ся незнающимъ на пирѣ, изъ-за чего обобрали лошадь. — Чтенію предло-
женія присягаво единодушныи: вѣривъ негодности, такъ что досто-
почтенному герцогу Прато оставалось только или взять свое пред-
ложеніе назадъ, или выйти въ отставку и ѣхать въ Римъ, къ двору
своего владыка государя Франциска II. Онъ дѣйствительно сло-
жилъ съ себя званіе представителя. Его просьба объ этомъ жалобѣ
была принята единодушно.

Этотъ маленький эпизодъ съ герцогомъ Прато показываетъ, что
единство Италіи неподвержено въ парламентѣ никакому сомнѣнію
и спору. Приверженцы единства могутъ этому радоваться, тѣмъ
болѣе что въ прошедшее время были сдѣланы попытки въ смыслѣ
федеральномъ. По крайней мѣрѣ попытки неаполитанской партіи
уменьшить министерство слѣдуетъ по справедливости причислить къ
прояскамъ федералистовъ. Съ самаго начала засѣданій, министер-
ство было осаждено запросами, которыхъ внутренній смыслъ за-
ключался въ томъ, что Шьмонть хлопоталъ не о слитіи всей Ита-
ліи въ одно цѣлое, а напротивъ, о *пригодимости* къ себѣ Италіи,
что стало-быть положеніе вещей теперь нехорошо и дѣла ведутся
въ ложномъ направленіи.

Г. Корреали прочелъ длинную рѣчь, въ которой доказывалъ,
что на логѣ много шаекъ воровъ и разбойниковъ только потому, что
министерство не хлопотаетъ, чтобы у народа была работа, и сош-
тывалъ предпринять большія постройки. Г. Риччарди подалъ голосъ
противъ министерства, говоря, что оно вовсе неспособно вести дѣ-
ла, что оно мало держитъ войска, не сумѣло воспользоваться ре-
крутскимъ наборомъ, не допустило въ службу старшихъ неапо-
литанскихъ офицеровъ, которые могли быть очень полезны, и даже
не исполнило обязательствъ газетной камитулліи. Онъ требовалъ
снизсоговаго слѣдствія въ неаполитанскихъ провинціяхъ, говорилъ,
что итальянскій парламентъ не будетъ имѣть никакой власти до
тѣхъ поръ, пока не будетъ засѣдать въ Римѣ, предостерегалъ про-
тивъ разбоевъ, которые могутъ наконецъ принять большіе размѣ-
ры и подвергнуть опасности королевство, упоминалъ о томъ, что
капитанъ Бергаллеровъ безъ суда разстрѣлялъ шесть челявкъ, и
наконецъ требуетъ, чтобы слѣдующее собраніе парламента, въ бу-
дущемъ году, назначено было въ Неаполь. — Г. Зуппегга упрекалъ
министерство въ томъ, что оно дурно распорядилось насчетъ су-
дебнаго устройства, дурно выбрало судей, дѣла идутъ нехорошо,
что правительство мало имѣло оружія гражданской стражи, и тѣмъ
поръ, гдѣ было записано 23,600 челявкъ, да въ всего только 3000

ружей, и предлагать иностранцы или отказаться отъ власти, или поступать совершенно противоположно тому, какъ поступали въ благодѣніе предшествовашии и преобладавшіи въ. — Г. де Чезаре, селлавалъ почти во всемъ съ дѣйствіями министерства, шоридеть его только за уничтоженіе намѣстничества въ Неаполѣ и въ Сициліи. — Г. Милемъ приисывалъ неаполитанскіе разбои той политикѣ, которой держится министерство, онъ упрекалъ правительство за противодѣйствіе революціоннымъ людямъ даже во время Гарибальди, за распушеніе южной арміи, за войну противъ револуціи, вслѣдствіе чего являлись и разбои. Много было и другихъ ораторовъ, говорившихъ противъ министерства, и главнымъ, хотя и повсюду высказаннымъ поводомъ обвиненій было то обстоятельство, какъ министерство до сихъ норъ не сдѣлало Рима столицемъ Италіи и не завоевало Венеціи. Само собою разумѣется, что успѣхъ въ этихъ двухъ дѣлахъ обезоружилъ бы всякую оппозицію, и министерство было бы избавлено отъ докучныхъ допросовъ.

Министры отвѣчали на все это довольно удачно, но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вопросы касались внешней политики, отвѣты были даже вѣданы, довольно неопредѣленны, несильны, хотя и не сбивчивы. Такъ наприимѣръ г. Риназоли сказалъ, что касательно замисловъ южныхъ провинцій, италіанское правительство надлежащимъ образомъ настаивало въ Парижѣ и теперь имѣеть удовольствіе сообщить вслѣдствіе того, что оно имѣеть достаточные поводы быть довольнымъ участіемъ Франціи въ усиліяхъ его къ достиженію этой цѣли. Дѣйствительно, въ то же время получено было извѣстіе, что французы остановили двѣ отправленныя въ Римъ телеги, нагруженныя ружьями и зарядами, и двѣ небольшія пушки, вслѣдствіе чего было арестовано сто восемь человѣкъ разбойниковъ, ожидавшихъ этого оружія. — Правительство уничтожило неаполитанское намѣстничество и такимъ образомъ обратило Неаполѣ въ обыкновенный губернскаго уездъ, назначивъ туда префекта, собственно потому, что оно считаетъ эту мѣру весьма полезною для образованія окончательнаго единія Италіи въ одно цѣлое. Что касается до того, чтобы дать работу неаполитанскому населенію, то это совершенно справедливое желаніе и правительство объ этомъ позаботится, но не для одной неаполитанскихъ провинцій, а также и для всѣхъ итальянскихъ, чтобы не совершить несправедливости исключительнымъ вниманіемъ къ одной провинціи въ ущербъ порядъ другимъ. Касательно судебной части, въ южныхъ провинціяхъ сказано, что министерство хранитъ печать въ Римѣ и отправитъ туда, чтобы лично доставить въ правительству докладъ, и принять мѣры къ исправленію закона, а послужить, многие чиновники уже сдѣланы и назначены.

Военный министр оправдывалъ нѣкоторые довольно сильныя изъ принятыхъ мѣръ, увѣряя, что ихъ въ этомъ случаѣ избѣжать нельзя, точно также, какъ нельзя вступать съ разбойниками въ переговоры. Извѣстія о разбояхъ были преувеличены. Клерикальныя газеты увѣряли, будто изъ Турина для войны противъ разбойниковъ выслано чуть-ли не цѣлое войско въ Базилкату, а между тѣмъ теперь тамъ не болѣе двухъ тысячъ человѣкъ; 28 ноября приказано отправить еще столько же, а въ половинѣ декабря число караванеровъ будетъ доведено до шести тысячъ. По донесеніямъ военнаго начальника въ Базилкату, число разбойниковъ тамъ можно было опредѣлить приблизительно 250 человѣкъ, никакъ не болѣе, и изъ нихъ около ста человѣкъ одѣты въ прежніе неаполитанскіе мундиры. Если бы разбойники не могли съ большою легкостью перебѣгать за римскую границу, когда за ними гонится отрядъ гражданской стражи или регулярнаго войска, то всѣ они давно были бы истреблены. Поэтому—то они и совершаютъ свои подвиги большею частію на самомъ сѣверѣ бывшаго неаполитанскаго королевства, тамъ, гдѣ оно соприкасается съ землею, находящеюся подъ властью и управленіемъ главы католической религіи. Въ войнѣ, происходящей при такихъ условіяхъ, дипломатическія ноты французскому правительству въ состояніи будутъ сдѣлать гораздо больше, нежели оружіе.

Опозиція съ нетерпѣніемъ ожидала, что скажетъ по поводу римскаго вопроса президентъ палаты г. Ратацци. Послѣ путешествія его нынѣшнею осенью въ Парижъ, всѣ были увѣрены, что онъ займетъ мѣсто г. Риказоли въ совѣтѣ министровъ, что онъ даже будетъ стараться опрокинуть существующее министерство. Какое же было общее удивленіе, когда онъ сказалъ, что затрудненія весьма велики, и другія, не нынѣшнія лица у кормила правленія въ это время тоже едва ли достигли бы Рима. Дѣла уладятся, можетъ быть не такъ скоро, какъ хотѣлось бы всѣмъ итальяцамъ, но уладятся. Силою удалить французовъ изъ Рима — нечего и думать; но римское занятіе невыгодно самой Франціи, она сама желаетъ его прекращенія. Занятіе не нравится либеральной партіи во Франціи; точно также оно неудовлетворяетъ реакціонеровъ и клерикаловъ, которые требуютъ отъ этого занятія гораздо больше дѣйствительности, въ своемъ смыслѣ; занятіе не нравится и самому папѣ, который пользуется безопасностью въ своей странѣ только благодаря французскимъ штыкамъ, и въ тоже время страннымъ образомъ за совѣтами обращается къ Австріи. Въ самой Франціи самые сердитые и усердные противники итальянскаго единства, — это клерикалы и усердные протестанты, вродѣ г. Гизо, болѣе усердные чѣмъ

самые фанатическіе католики. Чтобы французскія войска удалились изъ Рима, надо только время, которое слѣдуетъ все въ итальянскомъ дѣлѣ. Нужно время, чтобы во всѣхъ католиковъ проникло убѣжденіе о большей свободѣ духовной власти папы, когда у него не будетъ свѣтской, чтобы это убѣжденіе установилось и окрѣпло, и тогда французское занятіе не будетъ оправдываться ровно ничѣмъ. Противъ такого окончательнаго разъясненія дѣла не устоитъ конечно, и упорство самого императора Наполеона III.

Пренія, продолжавшіяся нѣсколько дней, кончились довольно благополучно для министерства, хотя можетъ-быть и не столь блестящимъ образомъ, какъ оно того хотѣло. Рѣшено предоставить министерству организовать войско и страну, заботиться, какъ оно можетъ, о приобрѣтеніи Рима и Венеціи.

И никакого не можетъ быть сомнѣнія, что дѣла Италіи устроятся благоприятнымъ образомъ, потомучто правительство обращается къ народу прямо, ясно, откровенно, безо всякихъ заднихъ мыслей, неоставляя ничего недосказаннаго, необъясненнаго. Такъ напримѣръ вотъ замѣчательный циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ префектамъ:

«Нижеподписавшійся всегда признавалъ великую важность періодической печати, и неанскивая себѣ въ печати опоры, не принималъ мѣръ, которыя могли бы отнять у политическихъ писателей независимость, а старался только о возможномъ просвѣщеніи общественнаго мнѣнія. Періодическая печать уже оказала дѣлу отечества великія, несомнѣнныя услуги, и конечно будетъ продолжать ихъ оказывать впредь; но она можетъ также причинить и ущербъ и вызвать опасности. Правительство имѣетъ право употребить всѣ честныя средства для предупрежденія этихъ ущербовъ и опасностей. Дѣло не въ томъ, чтобы поддерживать то или другое министерство, но чтобы намѣренія правительства не были постоянно перетолкованы превратно, чтобы не поселялось вражды и не питались дурныя страсти. Журналы, имѣющіе прямыя намѣренія, писатели, понимающіе возвышенность и важность своего дѣла, охотно обращаются къ властямъ, чтобы узнавать истину посреднъ тысячи претвѣличеній и тысячи сказокъ, не стануть судить опрометчиво и неудачу, несправляясь въ первоначальныхъ и законныхъ источникахъ о томъ, что можетъ дать вѣрное направленіе ихъ оцѣнкѣ. На этихъ основаніяхъ нижеподписавшійся приглашаетъ васъ сообщать политическимъ журналамъ вашей провинціи всѣ матерьялы, которые могутъ давать свѣтъ общественному мнѣнію и направлять его въ важнѣйшихъ вопросахъ. Препятствовать распространенію доверія къ ложнымъ слухамъ, бороться со всѣмъ, что можетъ удалить

насть отъ великой цѣли, отъ единства и независимости Италіи, за-
щищать дѣйствія правительства, потомучто оно само исходить отъ
народа, — вотъ что надо совѣтовать печати, съ надеждою на
успѣхъ. Ниженодписавшійся булетъ отъ времени до времени при-
сылать въ префектуру краткія записки съ объясненіемъ политики
правительства, чтобы префектамъ удобнѣе было передавать журна-
ламъ мысль правительства и руководить тѣхъ изъ нихъ, которые
искренно будутъ хотѣть истины, не посягая однакоже на свободу
тѣхъ, которые намѣренно заблуждаются. Истина во всякомъ слу-
чаѣ выйдетъ наружу, еслибы объ этомъ и вовсе не заботились.»

Другой примѣръ. 21 декабря палата выслушала докладъ мини-
стра финансовъ г. Бастоджи касательно смѣты на будущій годъ.
Онъ предвидитъ недочетъ въ 400 миліоновъ франковъ и полагаетъ,
что разными экстренными средствами онъ убавится до 139 миліо-
новъ, которые должны быть покрыты или финансовыми операці-
ями казначейства, или новыми налогами. Министръ предлагаетъ
прібѣгнуть именно къ послѣднему средству. Онъ высчитываетъ,
какіе именно налоги могутъ дать до 139 миліоновъ и уговариваетъ
палату храбро согласиться на нихъ, потомучто это одно средство —
совершенно возстановить итальянскій кредитъ. Рѣчь г. Бастоджи
была принята съ живѣйшими рукоплесканіями. Онъ прямо и от-
кровенно представилъ положеніе дѣлъ, представилъ важность не-
дочета и крайнюю необходимость принести тѣ жертвы, которыхъ
просило правительство. Онъ показалъ, что положеніе Италіи теперь
лучше, нежели положеніе Франціи въ 1830 году, и что Италія мо-
жетъ еще располагать государственными имуществами цѣною въ
500 миліоновъ и сѣтью желѣзныхъ дорогъ, которыя могутъ быть
уступлены, не считая всего того, что можно ожить отъ естествен-
наго увеличенія прихода налоговъ, вслѣдствіе развитія благосо-
стоянія и народной дѣятельности. Рѣчь была выслушана съ боль-
шимъ сочувствіемъ и безъ сомнѣнія будетъ имѣть благопріятное
вліяніе на кредитъ новаго королевства.

Любопытно, кстати, вспомнить что говорилъ и чѣмъ заключилъ
свою рѣчь г. Пленеръ, австрійскій министръ финансовъ, когда за
нѣсколько дней передъ этимъ представлялъ свою смѣту австрій-
скому рейхсрату. Онъ указывалъ на недочетъ двухъ лѣтъ (1860 и
1861), простиравшійся до 204 миліоновъ флориновъ, т. е. около
полумиліарда франковъ, а на слѣдующій годъ опять предвидителъ
недочетъ въ 68 миліоновъ флориновъ, а между тѣмъ налоги и кре-
дитныя операціи доведены до послѣдней крайности, такъ что по-
крыть недочетъ невозможно будетъ иначе, какъ насильственнымъ
займомъ или выпускомъ асигнацій. Въ Италіи, напротивъ, прави-

тельство имѣть основаніе съ довѣрчивостью обратиться къ странѣ за жертвами, которыя будутъ казаться весьма легкими, благодаря любви къ отечеству и благодаря довѣрію къ министерству, исходящему изъ самого народа, составляющему такъ сказать выборныхъ и отвѣтственныхъ посредниковъ между священной властью короля и палатою народныхъ представителей.

Послѣднія извѣстія. Общее положеніе

Въ Парижѣ сенатъ принялъ, большинствомъ 132 голосовъ противъ одного, законъ, внесенный 2 декабря. Извѣстно, что императоръ Наполеонъ любитъ разныя годовщины и совпаденіе чиселъ; а 2 декабря извѣстно каждому французу переворотомъ, который покончилъ февральскую республику. Этотъ день выбранъ для того, чтобы подарить терпѣливой Франціи новый законъ, повидимому составляющій уступку общественному мнѣнію. Этимъ закономъ разрѣшается законодательному корпусу разсматривать смѣту по главамъ, а не по министерствамъ, какъ было прежде. Мы весьма можемъ пропустить безъ вниманія саркастическія замѣчанія нѣкоторыхъ англійскихъ газетъ, которыя глумятся надъ тѣмъ, что дается законъ законодательному корпусу; не въ этомъ сущность дѣла. Мѣра, принятая правительствомъ, была бы весьма важна, еслибы палата, разсмотрѣвъ смѣту по той или другой главѣ, могла убавить цифру. Но этого права палата не имѣетъ; она можетъ только вовсе уничтожить сомнительную главу, совершенно отказать въ ней правительству. Прежде было такъ, что палата никогда не рѣшалась отбросить издержки по цѣлому министерству, вслѣдствіе чего провѣрка законодательнаго корпуса была только кажущаяся. Нынѣ разсматриваться будетъ, вмѣсто десяти большихъ статей по министерствамъ, цѣлыя 68 главъ. Но въ какой мѣрѣ эта перемѣна облегчитъ палатѣ возможность сократить или отмѣнить тотъ или другой расходъ?

Всѣхъ издержекъ, приблизительно, до двухъ миллиардовъ; еслибы даже они были распределены поровну на 68 главъ, то вышла бы средняя цифра 23 мильона на главу, такъ что каждая глава составила бы важный расходъ, въ которомъ нельзя было бы отказать безъ чувствительнаго ущерба для истинно полезныхъ дѣлъ. Но въ смѣтѣ заключается 26 главъ, отъ 2 до 3 мильоновъ каждая; это издержки по центральнымъ администраціямъ, гдѣ отказъ почти невозможенъ. Еще двадцать двѣ главы простираются каждая среднимъ числомъ до 10 мильоновъ. Въ нихъ отказъ тѣмъ болѣе труденъ, что это издержки на юстицію, на народное просвѣщеніе и т. д., соеди-

ценныя въ большіе отдѣлы. Такимъ образомъ въ 48 главахъ заключается едва 300 миліоновъ. Остальные 1700 миліоновъ дѣлятся на остальные двадцать главъ. Тамъ сразу на проценты по государственнымъ займамъ отчислено 638 миліоновъ, на жалованье войскамъ 198 миліоновъ, на генеральный штабъ 65 миліоновъ, на расходы по релігіознымъ дѣламъ католичества 40 миліоновъ, и т. д.

Понятно, что законодательный корпусъ могъ бы съ особенною дѣйствительностью дѣлать убавки расходовъ только по этимъ послѣднимъ главамъ. Но палата имѣетъ право или сполна согласиться на данную главу, или вовсе отказать въ расходѣ на нее. Выборъ чрезвычайно деликатный. Поэтому сенатъ, разсматривая внесенный въ него изъ государственнаго совѣта законъ, долженъ былъ озаботиться болѣе справедливымъ распредѣленіемъ издержекъ на главы, тѣмъ болѣе что правительство приглашало его «разсмотрѣть въ подробности» работу государственнаго совѣта. Второпяхъ государственный совѣтъ пропустилъ даже разные расходы, суммою всего на 87 миліоновъ. Но сенатъ, выслушавъ донесенія г. Фульда и г. Тролона, согласился, и тѣмъ дѣло и кончилось. Одинъ только сенаторъ, г. Бренье, доказывалъ, что старыя добавочныя и экстренныя сверхсметныя выдачи гораздо удобнѣе и выгоднѣе новой предложенной мѣры. Собственно говоря, г. Бренье совершенно правъ, но сенатъ не обратилъ никакого вниманія на его доводы. Другой сенаторъ, изъ клерикаловъ, попробовалъ по поводу новаго закона пуститься въ политику, заговорилъ о Римѣ, объ Италіи, о свѣтской власти папы. Но президентъ, г. Тролонъ, и г. Бильо, министръ безъ портфеля, остановили его, напомнивъ, что вопросы касательно иностранной политики будутъ обсуживаться въ другое время, когда будетъ обсуживаться адресъ сената при открытіи обыкновенныхъ засѣданій 1862 года. Такимъ образомъ пренія о законѣ, данномъ законодательному корпусу, не представляютъ особеннаго интереса; газеты не нашли особеннаго затрудненія рассказать, что рѣчи гг. Фульда и Тролона блистали цидероновскимъ краснорѣчіемъ, глубочайшимъ знаніемъ государственныхъ потребностей, отличались всестороннимъ обсужденіемъ предмета, безконечною предусмотрительностью, неслыханною пронизательностью, невѣроятною находчивостью и т. д.

Дѣйствительно, г. Тролонъ доказывалъ совершенно справедливо, что при дѣйстви новаго закона, точно также какъ и при томъ, который существовалъ донинѣ, государственная смета будетъ составляться не законодательнымъ корпусомъ, а что онъ будетъ въ ней участвовать утвержденіемъ, или вѣрифікаціею—сказать исполненіемъ. Такой порядокъ г. Тролонъ безошибочно называетъ оригинально-

стью нынѣшней Французской конституціи ; онъ ровно нѣсколько не измѣняется нынѣшнимъ новымъ закономъ. Завтра , какъ и вчера , большіе отдѣлы смѣты , опредѣляемые государственнымъ совѣтомъ , будутъ принимаемы (или отвергаемы) въ полномъ своемъ составѣ , или — еще можетъ-быть — измѣняемы будутъ по испрошеніи на это предварительнаго разрѣшенія государственнаго совѣта. Эта система , которая , надо правду сказать , не была предвидѣна учредительнымъ собраніемъ 1789 года , во имя принциповъ котораго дѣлаются всѣ Французскія нововведенія , и новый законъ оставляетъ неприкосновеннымъ нововведеніе 1852 года. Разсмотрѣніе смѣты по министерствамъ или по главамъ — одно и тоже , когда нѣтъ права убавокъ расходовъ по статьямъ , слишкомъ щедро надѣленнымъ.

Но этотъ законъ имѣлъ бы еще нѣкоторое значеніе , какой-нибудь смыслъ , еслибы въ тоже время не былъ введенъ въ дѣйствіе другой законъ : отмѣна добавочныхъ и экстренныхъ сверхсмѣтныхъ расходовъ и замѣна ихъ правомъ переноса расходовъ изъ одной главы въ другую. Здѣсь разумѣется дѣло идетъ не о самомъ невинномъ правѣ переносить экономію , оставшуюся по одной главѣ , на другую главу расхода , гдѣ оказался недостатокъ ; объ этомъ нечего было бы и говорить. Для разъясненія этого вопроса сенаторъ Бонжанъ предложилъ такого рода измѣненіе въ законѣ : «Переносы могутъ производиться только изъ несомнѣнныхъ , совершившихся остатковъ». Комиссія отвергла это помѣненіе , а еслибы приняла , то при отмѣнѣ экстренныхъ сверхсмѣтныхъ расходовъ , это было бы въ самомъ дѣлѣ дѣйствительнымъ финансовымъ контролемъ со стороны палаты. Докладчикъ комиссіи прямо пояснилъ , что право переносовъ именно состоитъ въ совершенномъ опустошеніи одной главы въ пользу другой съ тѣмъ , что законодательный корпусъ немедленно будетъ созываемъ для пополненія образовавшейся пустоты. Право переносовъ въ такомъ смыслѣ (а иначе понимать его нельзя , безъ лишенія всякаго значенія , какъ прекрасно доказалъ это г. Трлонъ) есть слѣдовательно не что иное , какъ тѣже экстренные расходы , на которые деньги берутся изъ суммъ , утвержденныхъ на другіе статьи. Стало быть сущность дѣла остается таже , а измѣняется только форма.

Но какихъ же можно ожидать слѣдствій отъ этого нововведенія ? Первое слѣдствіе заключается въ болѣе частой надобности созывать законодательную палату и стало-быть увеличивать для всѣхъ возможность повѣрять ходъ дѣлъ. Но это выгода болѣе или менѣе важная , смотря по составу и духу палаты , потому что иная палата будетъ засѣдать круглый годъ безъ всякаго результата , а другая и

въ одинъ мѣсяць сумѣетъ всякому внушить къ себѣ уваженіе. Второе и несравненно болѣе важное слѣдствіе новаго порядка состоитъ въ томъ, что всякому министру будетъ труднѣе, опаснѣе дѣлать недостаточно оправдываемые обстоятельствами переносы изъ одной главы въ другую, хотя бы и съ разрѣшенія государственнаго совѣта. Г. Тролонъ самъ дѣлаетъ предположеніе, какъ это будетъ, когда министръ сдѣлаетъ такую перетасовку въ своихъ главахъ, а правительственный ораторъ вдругъ принужденъ будетъ объясняться передъ законодательной палатой, неимѣя достаточныхъ основаній для оправданія. Докладчикъ говоритъ прямо, что это былъ бы случай такой тяжелой *отвѣтственности*, что ни одинъ министръ не захочетъ ей подвергнуться.

«Отвѣтственность передъ однимъ только императоромъ, — торопливо прибавляетъ г. Тролонъ, чтобы кто-нибудь не ошибся. Онъ въ самомъ дѣлѣ настолько остороженъ, «чтобы не склониться на сторону той отвѣтственности, которая была краугольнымъ камнемъ парламентскаго, представительнаго устройства... Отвѣчать онъ будетъ передъ императоромъ, который можетъ-быть лишитъ его своего довѣрія, потому что министръ не удалится передъ натискомъ палаты и передъ стачкой большинства, не отдастъ своего мѣста навязанному преемнику. Одинъ императоръ тогда употребитъ въ дѣло свою власть. Императору не воспрещено вслушиваться въ общественное мнѣніе и въ голоса представителей. Конституція не обязываетъ его быть болѣе капризнымъ господиномъ, чѣмъ просвѣщеннымъ судьей.»

Г. Тролонъ говоритъ очень ясно; но надо замѣтить, что съ практической точки зрѣнія, между его системой и хартіей прежней конституціи нѣтъ такой большой разницы, какъ ему кажется. Въ хартіи нигдѣ не сказано, будто большинство палаты назначаетъ и смѣняетъ министровъ; хартія напротивъ говоритъ ясно, что министровъ назначаетъ король. На что же хартія рассчитывала для поддержанія между министрами и парламентскимъ большинствомъ того постолннаго согласія, какое тогда считалось необходимымъ для хорошаго веденія дѣлъ? Съ одной стороны на разсудительность короля, которому не было никакой выгоды жить съ палатой несогласно, а съ другой стороны на чувство благодѣтельной деликатности, вслѣдствіе которой всякій публичный человекъ считаетъ, что ему неслѣдуетъ удерживать власть въ своихъ рукахъ, если онъ не сходится съ общественнымъ мнѣніемъ и съ представителями страны. То же самое повторится конечно и при императорскомъ правительствѣ въ первый разъ, какъ только палата окажется несоглас-

ною съ министрами , если только при нынѣшнемъ составѣ палаты это когда-нибудь можетъ случиться.

Но г. Тролонъ , рѣшительный противникъ министерской отвѣтственности , во всемъ остальномъ разсуждаетъ точно такъ , какъ-будто эта отвѣтственность теперь существуетъ. Онъ старается на-примѣръ открыть сходство между разсмотрѣи́емъ смѣты въ 1817 году и нынѣшними правилами , и заключаетъ , что закоповъ 1817 года было бы для Франціи совершенно довольно. А всѣ предосторожности , впоследствии развившіяся въ законодательствѣ , онъ считаетъ совершенно излишними и даже возмутительными. Почему старинныя гарантіи должны быть достаточны для нынѣшняго новаго положенія , а гарантіи позднѣйшія должны считаться излишними ? Едва ли не слѣдуетъ заключать , что прежнія подробности и мелочи въ разсмотрѣи́и смѣты были совершенно излишни , потому что несравненно было бы логичнѣе увеличить свободу дѣйствія и контроль со стороны тѣхъ , кто разсматриваетъ смѣту , прямо пропорціонально независимости тѣхъ , кто смѣтой располагаетъ.

Но если предоставить палатѣ составлять смѣту , то это , говорятъ , тоже что отдать ей въ руки управленіе , и потому французскіе министры всѣми силами стараются отыскать способъ — заставить палату утверждать смѣту , съ тѣмъ однакоже , чтобы смѣту составляла не палата. Въ этомъ дѣйствительно заключается великая , неодолимая трудность , потому что она заключается въ самой природѣ вещей. Дѣйствовать значитъ тратить ; а тратить , во всякой странѣ гдѣ смѣта разсматривается и утверждается палатой , значитъ подвергаться контролю палаты ; и несмотря на искуснѣйшія комбинаціи , палата необходимо будетъ имѣть вліяніе на дѣйствія , или — придется изъять расходы изъ-подъ ея контроля. При парламентскомъ порядкѣ вещей , какъ на-примѣръ въ Англіи и въ Италіи , или какъ было во Франціи отъ 1830 до 1851 года , всякое затрудненіе исчезаетъ само собою , потому что министры , которые управляютъ , собственно говоря суть уполномоченные отъ палаты при королѣ , и если съ палатою несогласны , то замѣняются другими. Въ противоположномъ порядкѣ , затрудненія исчезаютъ точно такъ же , потому что все дѣйствіе заключено въ одной рукѣ , и дѣло поданныхъ состоитъ только въ томъ , чтобы платить. Но если не хотятъ ни того , ни другого порядка , если съ одной стороны нравы и законы требуютъ обсужденія смѣты палатой , а съ другой есть расчетъ , чтобы палата и современемъ не принимала дѣятельнаго участія въ управленіи , то затрудненіе оказывается безвыходное , и никакая комбинація не приводитъ къ желаемой цѣли.

Г. Тролонъ выхваляетъ порядки 1817 года и негодуетъ на то ,

что палата впоследствии ихъ измѣнила. По его мнѣнію, порядокъ разсмотрѣнія смѣты во время іюльской монархіи не имѣлъ даже выгоды бережливости, и финансовая система 1852 года совершенно удовлетворительно препятствовала преувеличенію расходовъ. Нечего тутъ возвращаться къ вопросу, прекрасно рѣшонному г. Фульдомъ, ни сравнивать 12 миліоновъ процентныхъ по займамъ денегъ, записанныхъ въ государственную долговую книгу въ восемнадцать лѣтъ правленія короля Людовика-Филиппа, съ 84 миліонами тѣхъ же денегъ, записанныхъ въ девять лѣтъ правленія императора Людовика-Наполеона; не станемъ напоминать о 2 миліярдѣхъ 400 миліонахъ добавочныхъ сверхсмѣтныхъ расходовъ, насчитанныхъ г. Фульдомъ отъ 1851 до 1858 года. Дѣло въ томъ, что ежели система 1852 года была очень хороша, то зачѣмъ же ее разрушать? и ежели новая система тоже очень хороша, то какой смыслъ имѣеть эта перестановка? Г. Тролонъ забываетъ даже и въ древній міръ, и говоритъ, что «большая часть аристократическихъ и демократическихъ республикъ древности и понятія не имѣли объ измѣненіяхъ въ предложенныхъ статьяхъ, а въ нашихъ законахъ измѣненія имѣютъ мѣсто». Нужно же ему было кидаться за сравненіями такъ далеко! Неужели же Европа не созрѣла еще настолько, чтобы ровно ни въ чемъ не завидовать древнимъ грекамъ, которые не имѣли ни малѣйшаго понятія о гражданской свободѣ!

Но сущность всей длинной рѣчи г. Тролона состоитъ въ томъ, что онъ отдалъ полную и совершенно заслуженную честь законодательному корпусу. Онъ сказалъ, что «это собраніе — не изъ тѣхъ, которые стремятся къ всемогуществу». На этомъ несомнѣнномъ фактѣ основаны всѣ доводы и теоретическія соображенія г. Тролона. Но онъ знаетъ очень хорошо, что никакое знаніе не бываетъ прочнѣе своего основанія, и если основаніе до нѣкоторой степени подвижно, если законодательная палата способна пожелать увеличенія своего вліянія, то г. Тролонъ долженъ чувствовать, что въ его теоріяхъ ничего нѣтъ вѣчнаго. Надо надѣяться, что онъ самъ ихъ переживетъ, и конечно весьма удобно въ этомъ утѣшится.

Броженіе умовъ въ Соединенныхъ Штатахъ продолжается съ удвоенною силой. Въ сѣверной половинѣ устроено множество аболіціонистскихъ клубовъ. У нихъ на примѣръ положено: «Подчинить югъ и провозгласить освобожденіе невольниковъ, безъ всякаго условія, кромѣ вознагражденія законнымъ владѣльцамъ, признаннымъ Союзомъ. Часть четырехъ миліоновъ невольниковъ останется на югѣ, чтобы за условное вознагражденіе помогать въ работѣ бѣ-

лымъ, которые тамъ и будутъ главными работниками, несмотря на дождь плантаторовъ, будто имъ тамъ работать невозможно. Остальные невольники распределятся по огромнымъ новымъ территориямъ, ожидающимъ расчистки. Тамъ ихъ полезная колонизація приготовить путь къ колонизаціи бѣлыхъ». — «Но что же толковать о словахъ, — прибавляетъ (Evening Post) — будетъ ли провозглашено освобожденіе невольниковъ, или нѣтъ, когда оно будетъ неизбежнымъ слѣдствіемъ войны? По мѣрѣ того какъ наша война подвигается къ югу, черные являются сотнями, а скоро будутъ прибѣгать тысячами подъ защиту нашихъ знаменъ. Кто придетъ такимъ образомъ да проживетъ нѣсколько мѣсяцевъ съ нами, тотъ останется ли въ цѣпяхъ? Да сами хозяева, честные или нѣтъ, захотятъ ли взять такого? — Нѣтъ, они отдѣляютъ зараженныхъ овецъ, а уцѣлѣвшее стадо отгоняютъ дальше къ югу. Но когда стадо сосредоточится, стѣснится, явится противодействіе, возстаніе, то-есть тоже освобожденіе, которое вамъ страшно объявить? И какое же освобожденіе, боже-мой!.. (Здѣсь журналистъ рисуетъ страшную картину убійствъ и разореній и продолжаетъ): Скоро будетъ миръ. Вопросъ теперь не въ томъ, удержитъ ли югъ свою независимость; вопросъ только въ томъ, что пора несчастному южному народу сдаться, заключить миръ прежде чѣмъ рабство само уничтожится или прежде чѣмъ невольники истребятъ хозяевъ». До сихъ поръ, 16 декабря, не получено еще извѣстій объ окончательномъ рѣшеніи вашингтонскаго кабинета. Европа ожидаетъ его съ нетерпѣніемъ.

А между тѣмъ недавно сдѣлалось извѣстнымъ по телеграфу, что французское правительство сдѣлало распоряженіе, чтобы часть эскадры его, посланной въ Мексику, явилась до 30 января въ водахъ Нью-Йорка. Если это извѣстіе справедливо, то оно показываетъ, что французское правительство не было совершенно спокойно касательно отвѣта, какого можно было ожидать изъ Вашингтона на требованія Англіи. Но на посылку этой эскадры едва ли слѣдуетъ смотрѣть какъ на прямое выраженіе вражды. Можетъ-быть французское правительство хочетъ только оказать покровительство своимъ подданнымъ въ Нью-Йоркѣ, въ случаѣ если вспыхнетъ война. Или можетъ-быть императоръ Наполеонъ задумалъ что-нибудь другое и вовсе не враждебное Соединеннымъ Штатамъ, можетъ-быть враждебное кому-нибудь другому? Или это только мѣра предосторожности противъ излишне быстрыхъ успѣховъ англичанъ въ наступающей войнѣ?

Вѣнскій кабинетъ относительно Венгріи продолжаетъ принимать прежнія мѣры. Всѣ обергешпаны въ Трансильваніи, незаявившіе себя на сторонѣ правительства, увольняются въ отставку, и на службу не принимается никто изъ повергнутыхъ какому бы то ни было политическому приговору послѣ 1849 года. Мадьярскіе комитаты распускаются вслѣдствіе министерскаго распоряженія.

Въ Берлинѣ были небольшія затрудненія, теперь уже устраненныя. Выборы совершались по большей части въ смыслѣ прогрессивно-либеральномъ; старая консервативная партія употребила всѣ мѣры для того, чтобы вооружить короля противъ будущей законодательной палаты. По крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ рѣчахъ, сказанныхъ королемъ по разнымъ обстоятельствамъ, видно было недовольство его величества новыми выборами. Министерство готовилось выйти въ отставку, но теперь извѣстно, что оно остается и будетъ управлять на основаніи либеральной программы.

Недавно провинціальныи совѣтъ Калабріи посылалъ адресъ къ Гарибальди. Каурерскій пустынный отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

«Калабрійцы! Ваша кровь не пропала. Когда ударитъ роковой часъ, я увижу васъ во всеоружіи, къ ужасу враговъ Италіи. Часъ этотъ можетъ-быть недалекъ. Приготовьтесь всѣмъ сердцемъ къ этому послѣднему испытанію. И мы побѣдимъ!

«Всегда вашъ

Гарибальди.»

Общество *Обновленія* и сходъ рабочихъ этой провинціи сообщили это письмо калабрійцамъ при слѣдующемъ адресѣ:

«Калабрійцы! Общество *Обновленія* и сходъ рабочихъ сообщаютъ вамъ слова освободителя Италіи, сказанныя совѣту вашей провинціи. Въ словахъ этихъ заключается пророчество побѣды для насъ и послѣдняго пораженія для враговъ. Пусть народъ это знаетъ. Пусть онъ съ радостью принимаетъ рекрутскій наборъ, который вызываетъ калабрійцевъ подъ знамя Италіи. Близокъ выкупъ Венеціи! Римъ будетъ нашъ! — Когда кликнетъ Гарибальди, кто не кинется къ оружію?»

Между тѣмъ пока Европа занимается болѣе или менѣе своими внутренними дѣлами, Англія понемногу устроиваетъ себѣ прочныя станціи на всѣхъ моряхъ земного шара, охватывая его своею иску-

сно соткавою сѣтью. Въ нынѣшнемъ году она прибавила четыре имени къ длинному списку своихъ нынѣшнихъ владѣній. Она завладѣла извѣстными островами Фиджи или Вити, на Тихомъ океанѣ. Она подняла свой флагъ на мадрелорическомъ островѣ Фаннингъ, открытомъ въ 1798 году американскимъ китоловомъ. Островъ этотъ лежитъ въ самой срединѣ Тихаго океана, на разстояніи 14° прямо къ югу отъ Сандвичевыхъ острововъ. Она завладѣла островомъ Ихабозъ, лежащимъ близъ западнаго берега южной Африки. Мѣтъ двадцать тому назадъ этотъ островъ сдѣлался извѣстенъ огромнымъ количествомъ найденнаго тамъ гуано. Наконецъ уже недавно олимпъ изъ царьковъ гвинейскаго берега уступилъ англійской коровѣ обширную страну Лагосъ, лежащую нѣсколько къ западу отъ устья Куары, рѣки, протекающей въ Тимбукту. Эта страна будетъ играть важнѣйшую роль въ будущихъ сношеніяхъ европейцевъ съ Суданомъ.

Годъ оканчивается при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Общее положеніе натянуто въ высшей степени. Въ Мексикѣ война. Въ Соединенныхъ Штатахъ война междоусобная, и грозитъ еще война внѣшняя. Италия вооружается, готовится къ веснѣ имѣть подъ ружьемъ 400 тысячъ человекъ, и нисколько не скрываетъ, что безъ такой силы нечего думать о завоснаніи Венеціи. Гарибальди пишетъ письмо. По всей Венгріи въ разныхъ направленіяхъ передвигаются войска. Мадзини выздоравливаетъ послѣ тяжкой болѣзни. Вездѣ недочеты въ смѣтахъ. Италия покупаетъ тысячи пудовъ пороху въ Англии. Въ Сиріи арестованъ любимый маронитскій вождь Іосифъ Карамъ, и маронисты волнуются. Австрійцы вторгаются въ турецкія владѣнія при Сутторинѣ. Все это вмѣстѣ задаетъ наступающему году множество трудныхъ задачъ. Что-то будетъ?

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

Отчеты: по министерству внутреннихъ дѣлъ и по комисіи для разбора дѣлъ между рядчиками и рабочими. — Предположенія объ устройствѣ земскихъ повинностей. — По устройствѣ общественныхъ пожарныхъ командъ. — Размышленіе о будущей общности сельскихъ интересовъ. — Два случая изъ сельскихъ выборовъ. — Два слова, мѣшающія введенію уставныхъ грамотъ. — Разсказъ о московскомъ съездѣ. — По части образованія: вопросъ изъ *Розбишекки*; волостныя школы въ порховскомъ участкѣ; сельскія школы въ новгородволинскомъ уездѣ; награда дѣвицѣ *Варской*. — Нѣчто о прочности и годности воскресныхъ школъ. — Измѣненія въ положеніяхъ о строительномъ училищѣ и институтѣ путей сообщенія. — Кончина И. С. Шикитина.

Возвращаясь попрежнему въ сжатый кругъ нашихъ домашнихъ дѣлъ, считаемъ долгомъ остановиться на извлеченіи изъ отчета министра внутреннихъ дѣлъ за 1859 годъ... 1859 годъ — время прошлое; но мы возьмемъ изъ отчета нѣсколько мѣстъ, такихъ, которыя или знаменуютъ въ какомъ-нибудь отношеніи отчетный годъ, или служатъ конечнымъ разъясненіемъ того, о чемъ въ свое время было много разнообразныхъ толковъ, или наконецъ которыя могутъ повести къ новымъ соображеніямъ при изученіи внутреннего быта нашего отечества, который такъ жарко изучается теперь всѣми кто только мыслить.

О полицейской части въ отчетѣ сказано, что потребность въ пересмотрѣ уставовъ городской и земской полиціи ощущалась съ давняго времени, что начальники губерній не переставали представлять о неудовлетворительности устройства полицейскаго управленія, и что поэтому съ давняго же времени (съ 1844 г.) дѣлались въ министерствѣ предположенія. Въ 1859 году, 25 марта, по журналу главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, состоялась высочайшее повелѣніе, опредѣлившее начало будущаго устройства уѣзд-

ной полиціи и учреждений для разбора недоумѣній и споровъ между помѣщиками и крестьянами.

Въ 1859 году были необыкновенно успѣшны торги на содержаніе питейныхъ откуповъ. Министерство финансовъ дало знать начальникамъ губерній, что такъ какъ наддачи на торгахъ основаны главнымъ образомъ на надеждѣ сбыть въ большемъ количествѣ улучшеннаго вина, то неслѣдуетъ считать злоупотребленіемъ со стороны откупщиковъ, если улучшенная пшья будутъ пролаваться по возвышеннымъ противъ обыкновеннаго полугара цѣнамъ. Откупщики воспользовались этимъ распоряженіемъ и истолковали его какъ полное разрѣшеніе продавать по высокимъ цѣнамъ всѣ вообще пшья. Цѣны на вино начали подниматься въ чрезвычайной прогрессіи, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ дошли до десяти рублей за ведро; простого же полугара, который откупщики обязались отпускать по три руб. за ведро, въ продажѣ совсѣмъ не оказывалось. Слѣдствіемъ этого было недовольство народа, которое сначала выразилось рѣшимостью вовсе не пить вина, но скоро потомъ приняло весьма значительные размѣры. Безпорядки начались въ пензенской губерніи и потомъ распространились въ губерніяхъ: московской, тамбовской, саратовской, воронежской, сибирской, оренбургской, тверской, вятской, владимірской, новгородской и самарской. Въ губерніяхъ оренбургской, самарской и московской потребовалось содѣйствіе войскъ.

Лица, командированныя по этому случаю въ пензенскую губернію, удостовѣрили, что безпорядки *дѣйствительно имѣли источникомъ злоупотребленій откупщиковъ, и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть отнесены къ разряду возмущеній или неповиновеній правительству.*

Замѣчено, что многіе изъ участвовавшихъ въ безпорядкахъ не хотѣли брать вино даромъ, но взявши въ питейномъ домѣ такъ называемое *спеціальное* вино, тутъ же оставляли за него деньги какъ за полугаръ.

Упомянутые объѣты не пить вино, или такъ называемыя общества трезвости (какъ извѣстно и какъ сказано въ отчетѣ) начались въ западныхъ губерніяхъ. Изъ великорусскихъ, первая подала примѣръ саратовская губернія; почти въ тоже время тульская, и затѣмъ послѣдовали: калужская, костромская, моголевская, пензенская, рязанская и смоленская.

Теперь мы уже не знаемъ, что стало съ этими объѣтами. Отчетъ, напомнившій намъ о нихъ, говоритъ только, что обыкновенная форма ихъ заключалась въ приговорахъ, опредѣлявшихъ штрафы съ нарушителей, и что министерствомъ было предложено

начальникамъ губерній: «не препятствуя добровольно изъявленнымъ частными лицами стремленіямъ воздерживаться отъ употребленія вина, — наблюдать, чтобы не было при этомъ употребляемо ни съ чьей стороны принудительныхъ мѣръ».

Число другого рода безпорядковъ, именно — въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, въ 1859 году было гораздо меньше, нежели въ 1858 году (въ 1858 году 170, а въ 1859 — 78). Но (сказано въ отчетѣ) формы, въ которыхъ въ 1859 году проявлялись безпорядки, были несравненно рѣзче и прискорбиѣе...

Число преступленій и проступковъ было 31.893 (болѣе 1858 г. на 1.619). Изъ нихъ 23.607 преступленій противъ имущества, т. е. разнаго рода кражи; въ томъ числѣ 8.406 конокрадствъ. Затѣмъ преступленій противъ чести 5.715 и между ними больше половины — преступленій противъ нравственности.

Самое большое число преступленій было въ оренбургской губерніи: за ней слѣдуютъ съ постепеннымъ уменьшеніемъ губерніи: харьковская, московская, бессарабская-область, пермская, орловская, казанская, каменецъ-подольская, вятская и саратовская. Перевѣсъ числа преступленій въ этихъ мѣстностяхъ отчетъ объясняетъ двумя причинами: въ однихъ — густотой населенія, въ другихъ — разноплеменностью жителей.

Разбоевъ и грабежей въ 1859 г. произведено 817.

Бродягъ и бѣглыхъ поймано 21.307 человекъ.

Обращено вниманіе на образъ содержанія арестантовъ въ тюрьмахъ. Въ отчетѣ сказано, что хотя 1859 годъ представляетъ нѣкоторыя улучшенія противъ прежняго времени, но во всякомъ случаѣ общее впечатлѣніе, производимое нашими тюрьмами, далеко не удовлетворительно. Главными недостатками ихъ признаются неудобство помѣщенія и скудость суточного продовольствія — 5 коп. на арестанта. Прежде недостаточность суммы, отпускаемой на продовольствіе, восполнялась отчасти благотвореніями; но замѣчено, что въ послѣднія пятнадцать лѣтъ подавнія въ тюрьмы, при повсемѣстномъ распространеніи другихъ благотворительныхъ заведеній (пріютовъ, богадѣлень и проч.), слѣбались весьма незначительны. Могъ бы этотъ недостатокъ пополняться выручкою отъ работъ арестантовъ; но работы не могутъ быть надлежащимъ образомъ организованы по тѣснотѣ тюремъ. Есть еще экономическіе капиталы тюремныхъ комитетовъ; но они идутъ на другія потребности: жалованье священно-церковнослужителямъ, покупку духовно-нравственныхъ книгъ, содержаніе церквей, больницъ, аптекъ при тюрьмахъ и пр. Все это заставило министерство признать необходи-

мымъ — къ отпускаемой на продовольствіе суммѣ прибавить еще по *три* коп. въ сутки на арестанта.

О пожарахъ выставлены слѣдующія болѣзненные цифры:

Ихъ во всей Россіи (кроме столицъ) было 10.915, больше противъ 1858 г. на 915. Въ томъ числѣ:

отъ молніи	518
отъ поджога	460
отъ дурного устройства трубъ и печей	1.173
отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ	2.343
отъ неизвѣстныхъ причинъ	6.421

Сгорѣло: 56 церквей, 131 казенное зданіе и 55.637 частныхъ домовъ, всего слишкомъ на *двадцать четыре миллиона руб.*

«1859 годъ (говорится въ отчетѣ) составитъ эпоху въ исторіи *приказовъ общественнаго призрѣнія*, которые, вслѣдствіе общаго преобразованій кредитныхъ учрежденій въ имперіи, должны постепенно возвратиться къ первоначальному своему характеру *учрежденій чисто-благотворительныхъ.*»

О заведеніяхъ, состоящихъ въ вѣдѣніи приказовъ, между прочимъ сказано:

«Въ видахъ лучшаго устройства призрѣнія умалишенныхъ, въ 1859 году высочайше разрѣшено, существующія для нихъ заведенія замѣнить постепенно нѣсколькими центральными или окружными домами умалишенныхъ, начавъ открытіе ихъ съ Казани, такъ какъ *приказы общественнаго призрѣнія казанской и сосѣднихъ съ нею губерній имѣютъ, сравнительно съ другими, больше дешевыхъ способовъ.*

«Въ 68 учебно-воспитальныхъ заведеніяхъ было дѣтей 5.810. меньше противъ 1858 года на 64. На содержаніе этихъ заведеній употреблено 256.914 р., болѣе противъ предшествовавшаго года на 28.515 р. (по случаю нѣкоторыхъ одновременныхъ издержекъ). Кроме того *приказы содержали до 400 пансіонеровъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ — университетахъ, медико-хирургической академіи, гимназіяхъ, коммерческомъ училищѣ и др. На это употреблено 80.803 руб.*»

Есть въ отчетѣ статья о земскихъ повинностяхъ; но на ней мы не будемъ останавливаться, потому что земскія повинности составляютъ предметъ готовящагося важнаго преобразованія, о которомъ скажемъ ниже.

Далѣе — объ акціонерныхъ компаніяхъ. Въ 1859 году (говоритъ отчетъ), несмотря на возникшее недовѣріе публики къ акціонернымъ предпріятіямъ и на низкій курсъ акцій, въ разсмотрѣніи

министерства было 22 проекта уставовъ новыхъ компаній на участкахъ, общій капиталъ которыхъ простирался свыше 30 миллионовъ рублей. Изъ нихъ утверждено *семь* уставовъ, именно :

1) общество разработки строительныхъ матерьяловъ порѣчской вотчины (съ капиталомъ въ 400.000 р.)

2) общество разработки лѣсныхъ матерьяловъ и торговли оными (капит. 1.000.000 р.)

3) общество московскихъ общественныхъ экипажей (капит. 500.000 р.)

4) общество публичныхъ прачешныхъ заведеній въ Москвѣ (капит. 250.000 р.)

5) московскаго товарищества сжатаго переноснаго газа (капит. 500.000 р.)

6) общества ростовскаго (на Дону) водопровода (капиталъ 200.000 р.)

7) общество для устройства помѣщеній нуждающагося населенія въ Ригѣ (капит. 200.000 р.)

Такимъ образомъ, если всѣ эти семь компаній осуществились, то 1859 годъ взялъ на акціонерныя предпріятія *три милліона руб.* Между тѣмъ въ томъ же году изъ прежде-учрежденныхъ компаній двѣ закрылись, именно : «Компанія с. петербургскихъ общественныхъ каретъ» и «Общество для шитья мужского платья». Закрылись онѣ — «по неуспѣшной раздачѣ акцій».

Последнее мѣсто приведемъ изъ статьи отчета *о дѣлахъ сословій.* Въ этой статьѣ, въ числѣ состоявшихся въ 1859 году дворянскихъ постановленій, упоминаются между прочимъ слѣдующія : 1) дворянство херсонской губерніи изъявило желаніе производить добавочное содержаніе всѣмъ лицамъ, служащимъ по выборамъ дворянства ; 2) дворянство губерній ковенской, виленской, волынской и минской положило учредить сборъ изъ собственныхъ доходовъ помѣщиковъ, для оказанія пособія лицамъ, возвращеннымъ, по всемілостивѣйшему манифесту, на родину, а также недостаточнымъ студентамъ университета св. Владимира.

Передъ нами еще одинъ отчетъ, обнимающій пространство времени почти до настоящей минуты и говорящій о такомъ учрежденіи, которое у насъ ново и котораго дѣятельность хотя замкнута въ довольно тѣсномъ кругѣ, но результаты этой дѣятельности представляютъ огромный интересъ, въ виду будущихъ преобразованій, стоящихъ теперь едвали не на первой очереди. Это — отчетъ о дѣйствіяхъ дѣлней временной комиссіи для разбора дѣлъ между *рядчанинами и рабочими*, съ 31 іюля 1858 г. по 31 іюля настоящаго 1861 года.

Извѣстно, что комиссія эта служить опытомъ и образчикомъ устнаго судоразбирательства и что она, на основаніи своего положенія, обязана прежде всего стремиться къ примиренію спорящихъ сторонъ, рѣшенія же постановляетъ только въ случаѣ безуспѣшности примиренія. Вотъ цифры ея отчета :

Втеченіи трехъ лѣтъ въ комиссію поступило 2.738 дѣлъ или исковъ отъ разнаго рода рабочихъ, отдѣльныхъ лицъ и артелей, — такъ что по этимъ дѣламъ было истцовъ до 16.000, отвѣтчиковъ до 3.000 человекъ, между которыми были представители всѣхъ классовъ, какъ низшихъ, такъ и высшихъ.

По 31 июля 1861 г. осталось неразмощрѣнныхъ дѣлъ 177, а по 432 дѣламъ отказано въ разбирательствѣ по неподсудности ; стало-быть въ три года размощрѣно и разрѣшено 2.129 исковъ.

Комиссія имѣетъ четыре засѣданія въ недѣлю, или около двусотъ въ годъ, а въ три года — шестьсотъ ; за исключеніемъ же праздниковъ, вѣроятно было ихъ не болѣе пятисотъ. Слѣдовательно приходится по четыре разобраніи иска на каждое засѣданіе.

Изъ общаго числа дѣлъ, по 1.517 искамъ комиссія примирила тяжущіяся стороны, совершая это примиреніе въ одно, два или три засѣданія. Замѣчается, что многія изъ этихъ примиренныхъ сторонъ передъ тѣмъ тянулись въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ по нѣскольку лѣтъ. Были такіе, которые начались въ 1847 году.

На удовлетвореніе истцовъ въ комиссію поступило денегъ 290.031 р. 40½ к. ; въ томъ числѣ только 47.234 р. 14½ к. взысканы полиціей, а остальные 242.797 р. 26 коп. внесены отвѣтчиками добровольно и получены истцами безъ проволочки времени.

Отчетъ утверждаетъ, что число лицъ, обращающихся въ комиссію съ неподсудными ей исками, не уменьшается. Изъ этого можно заключить, что образъ дѣйствій комиссіи — въ нравахъ и духѣ народа ; оттого и желающихъ разбираться въ ней много.

По положенію, жалобы на комиссію въ правительствующій сенатъ допускаются на простой бумагѣ и не влекутъ за собой никакого штрафа. Несмотря на такую легкость, подавно было въ сенатъ только 72 жалобы, и изъ нихъ по двумъ онъ отмѣнилъ рѣшенія комиссіи, а остальные призналъ не уважительными.

Эти цифры отчета такъ же ясны и просты, какъ ясно и просто судопроизводство комиссіи. Частные слухи о ней, сколько мы знаемъ, совершенно согласуются съ тѣми выводами, какіе можно слѣдять изъ этихъ цифръ отчета. Мы прибавимъ еще одно слышанное наблюденіе : говорятъ, что масса истцовъ, болѣею частью рабочихъ, людей заѣзжихъ, являютъ въ комиссію въ положеніи какой-то беззащитности, почти безгласности предъ судомъ, такъ что трудно

была бы иногда добитая сущности жалобы, не только юридических показателей ее справедливости. Следовательно сколько тут нужно терпѣнія и человечности, чтобы помочь просителю уяснить его собственное дѣло и раскрыть свою нравоту!.. Кроме ближайшей цѣли — разбора денежных претензій, кроме защиты обиженных или обсчитанных, коммиссія имѣетъ другое важное значеніе: она все-таки должна поемному воспитывать массу, подготавливая ее къ воспріятію будущихъ, рационально устроенныхъ судовъ. Говорятъ, что на отвѣтчикахъ уже замѣчается вліяніе этого воспитанія: они начинаютъ дѣйствовать прямо; хитрые извороты, въ случаѣ неправоты, употребляются рѣже; люди не простыхъ званій перестаютъ, или даже совсѣмъ перестали обижаться тѣмъ, что ихъ ставятъ на одну доску и лицомъ къ лицу съ простымъ человѣкомъ, что бывало часто въ первые мѣсяцы существованія коммиссіи. Но въ чернорабочей массѣ, какъ слышно, еще мало замѣчается юридическаго прогреса: она все еще остается такою же темною и почти безгласною массой. И какъ же иначе? на воспитаніе ее конечно нужно гораздо больше времени...

Мы говорили о прошедшемъ, а теперь видимъ прямой переходъ къ будущему. Это будущее представляется намъ въ недавнѣ обнаруженномъ докладѣ перваго отдѣленія коммиссіи, учрежденной для пересмотра системы податей и сборовъ. Предметъ доклада — устройство земскихъ повинностей. Предметъ чрезвычайно нужный, касающійся интересовъ земства, т. е. всего народонаселенія, и настоятельно требующій, какъ видно изъ самаго доклада, весьма существеннаго преобразованія. Потребность этого преобразованія конечно извѣстна земству, и для него мы передаемъ сущность изложенныхъ въ докладѣ предположеній.

Прежде всего приведемъ заключительныя слова доклада. Тамъ сказано: «Усиѣха всего этого дѣла (т. е. новаго устройства земскихъ повинностей) можно ожидать въ такомъ только случаѣ, когда съ настоящими предположеніями будутъ соединены предположенія коммиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ (учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ) — объ устройствѣ *земскихъ хозяйственныхъ учреждений*». Эти слова приводимъ мы вѣдь потому, что, по неопредѣленности предположеній о земскихъ учрежденіяхъ, и на настоящія предположенія о земскихъ повинностяхъ слѣдуетъ смотреть условно, такъ какъ степень сривидности и полезности ихъ должна обусловиться устройствомъ будущихъ земскихъ хозяйственныхъ учреждений.

Въ настоящемъ докладѣ предметъ разработанъ во всей подробности. Здѣсь слѣдуетъ историческій обзоръ развитія земскихъ повинностей, указаны недостатки прежняго законодательства, рассмотрѣнъ нынѣ дѣйствующій уставъ о земскихъ повинностяхъ, наконецъ — изложены начала будущаго устройства ихъ.

Историческій обзоръ и рассмотрѣніе дѣйствующаго устава приводитъ къ тому, что главнѣйшій недостатокъ прежняго и нынѣшняго устройства земскихъ повинностей заключается въ неясномъ опредѣленіи ихъ предметовъ: въ составъ ихъ, кромѣ собственно потребностей земства (повинности губернскаія), входятъ — съ одной стороны многія потребности обще-государственныя (почтовая повинность, дорожная, этапная и пр.), съ другой — потребности частныя, т. е. сословныя. Затѣмъ слѣдуетъ неуравнительность раскладки по сословіямъ, и наконецъ самый порядокъ исполненія повинностей, расходованія суммъ и контроль по нимъ, несоотвѣтствующіе значенію земскихъ повинностей.

Обозрѣвая послѣднія фазы предшествовавшаго развитія земскихъ повинностей, докладъ между прочимъ говоритъ :

«Съ изданіемъ, въ началѣ XIX вѣка, временныхъ правилъ о земскихъ повинностяхъ, казалось, что правительство само создало необходимость участія сословій въ исполненіи земскихъ повинностей, такъ какъ въ составъ учреждений о сихъ повинностяхъ назначены были и представители или депутаты отъ земства; но дальнѣйшій опытъ показалъ незрѣлость и потому несостоятельность этого сознанія. Переводы многихъ издержекъ казны на земство, произволь въ составленіи смѣтъ и раскладокъ втеченіи XIX столѣтія осязательно доказываютъ преобладаніе правительственныхъ властей надъ земствомъ, и это преобладаніе, хотя въ меньшей уже мѣрѣ, развито въ послѣднемъ уставѣ (1851 года), по которому распоряженіе и контроль по земскимъ повинностямъ оставлены существенно подъ вліяніемъ высшихъ правительственныхъ властей. Такимъ образомъ потерялся на практикѣ всякій дѣйствительный характеръ земства, повинности коего, смѣшанныя съ государственными и частными потребностями, не имѣютъ еще донынѣ законодательства, вполне соотвѣтствующаго ихъ значенію.»

Разобравъ нынѣшнее устройство земскихъ повинностей, отдѣленіе комиссій поставило къ разрѣшенію слѣдующіе вопросы :

1) Правильно ли къ денежнымъ земскимъ повинностямъ отнесены потребности : 1) государственныя и 2) частныя (сословныя), или же первыя слѣдуетъ отнести къ общимъ государственнымъ налогамъ, а вторыя къ завѣдыванію сословныхъ учреждений?

2) На какомъ началѣ надлежитъ основать дѣйствительный составъ денежныхъ земскихъ повинностей?

3) Какое значеніе должны имѣть натуральныя повинности въ общемъ составѣ земскихъ повинностей?

4) Какимъ образомъ должно быть устроено управленіе земскими повинностями; для распредѣленія ихъ на мѣстахъ по снѣтамъ и раскладкамъ, и засимъ — въ чемъ можетъ состоять вліяніе высшей правительственной власти на дѣла о потребностяхъ земства?

5) Какому порядку должны подлежать исполненіе и контроль по земскимъ повинностямъ?

6) Съ отнесеніемъ государственныхъ земскихъ повинностей въ общую сумму государственныхъ налоговъ, можетъ ли быть допущено и въ какой именно мѣрѣ, участіе мѣстныхъ земскихъ учреждений въ снѣтахъ и раскладкахъ общихъ государственныхъ податей и налоговъ?

Для разрѣшенія этихъ вопросовъ сдѣланы отдѣленіемъ весьма подробныя соображенія. Изъ нихъ мы приведемъ нѣкоторыя мѣста, болѣе наглядныя и убѣдительныя.

Замѣчается напримѣръ, что теперь выполненіе расходовъ, покрываемыхъ государственнымъ земскимъ сборомъ, дѣлается тѣми вѣдомствами, потребности которыхъ удовлетворяются этимъ сборомъ: военнымъ, почтовымъ, путей сообщенія, — почти безъ участія мѣстной власти; надзоръ за исполненіемъ и контролированіе издержекъ принадлежатъ тѣмъ же вѣдомствамъ. Мѣстные представители земства участвуютъ въ контролѣ весьма немного, повѣркою годовыхъ и трехлѣтнихъ отчетовъ, — повѣркою, какъ опытъ доказалъ, составляющею одну только бесполезную формальность, ибо замѣчанія мѣстнаго земскаго управленія представляются лишь для соображеній центральной власти, и едва ли былъ случай, чтобы хотя одно серьезное замѣчаніе получило надлежащій ходъ.

Съ другой стороны — частныя потребности разныхъ сословій и прежде не всѣ входили въ составъ земскихъ повинностей. Невсегда входили напримѣръ отдѣльныя повинности городского сословія; съ 1838 года не входятъ потребности государственныхъ крестьянъ, такъ что остаются собственно въ составѣ земскихъ повинностей частныя потребности дворянскихъ имѣній, идущія на дворянскія учрежденія. Но въ настоящее время (сказано въ докладѣ), при уничтоженіи ирѣвности права и при отнесеніи затѣмъ дворянскихъ потребностей уже не на крестьянъ, а на само дворянское сословіе, исчезаетъ послѣднее основаніе къ оставленію частныхъ повинностей какого-либо одного сословія въ составъ земскаго сбора.

Изъ этихъ двухъ отрывковъ уже видно, какъ долженъ разрѣ-

пятьдеся меръ вопросъ: потребности какъ обще-государственныя, такъ и сословныя не должны конечно входить въ составъ земскаго сбора.

Отсюда же вытекаетъ и рѣшенію втораго вопроса: въ составъ земскихъ повинностей должны оставаться деншныя сборы, лежащіе отдѣльно на каждой губерніи, во всемъ ея составѣ, или на цѣломъ уѣздѣ, и удовлетворяющіе общей потребности всего земства, т. е. всего населенія губерніи или уѣзда. Эти повинности (сказано въ докладѣ), не касаясь средствъ и потребностей государственныхъ, основываясь на интересахъ и соображеніяхъ чисто мѣстныхъ, не должны ни входить въ общую государственную систему финансовъ, ни быть подчиняемы общему финансовому управленію.

По второму вопросу — о значеніи повинностей натуральныхъ, неудобныхъ по трудности уравненія — въ докладѣ между прочимъ излагаются затрудненія, встрѣчавшіяся къ переложенію этихъ повинностей на деньги. Говорится наиримѣръ, что иногда представленія о обращеніи на деньги натуральныхъ повинностей основывались не на дѣйствительномъ желаніи жителей, а на своекорыстныхъ видахъ мѣстныхъ начальствъ. «Повидимому (замѣчаетъ докладъ) централизація въ этомъ случаѣ весьма мало вела къ цѣли: ближайшимъ средствомъ было бы наоборотъ — доставленіе мѣстными жителямъ возможности выражать правильнымъ образомъ свои желанія и нужды». Предполагается, что подобныя опасенія, съ устройствомъ мѣстнаго хозяйственнаго управленія на новыхъ началахъ, не будутъ имѣть мѣста. Но съ другой стороны замѣчаютъ, что и обратное стѣсненіе, т. е. переложеніе на деньги натуральныхъ повинностей противъ воли и желанія мѣстныхъ жителей не должно быть допущено, потому что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ трудно добываются деньги, натуральная повинность удобнѣе

Затѣмъ отдѣленіе останавливается на заключеніи, что «для соблюденія всевозможной осторожности и постепенности въ разрѣшеніи этого вопроса, можно ограничиться установленіемъ общаго начала, что натуральныя повинности должны быть постепенно обращаемы въ денежныя по усмотрѣнію или ходатайству мѣстныхъ хозяйственныхъ учреждений, какъ органовъ земства».

Разрѣшеніе четвертаго вопроса, въ общихъ чертахъ вытекающее само собою изъ предыдущихъ разрѣшеній, заключается потѣмъ въ изложеніи подробностей устройства управленія повинностями, на которыхъ мы останавливаться не будемъ.

По поводу пятаго вопроса говорится объ излишней сложности правилъ и множествѣ формальностей нынѣ дѣйствующаго порядка, и выражается желаніе, что «лучшимъ и дѣйствительнѣйшимъ кон-

контроль над земскою повинностью будетъ всегда контроль общественнаго мнѣнія подъ тою или другою формою. Въ этомъ соображеніи представляется полезнымъ, съ одной стороны подчинить всѣ распоряженія до земскимъ повинностямъ хозяйственному надзору и повѣркѣ представителей той мѣстности, интересовъ которой касаются эти распоряженія, съ другой — гласному и публичному обсужденію общества чрезъ печать.

«Подобная гласность (говорится дальше) възывается въ настоящее время единодушнымъ отзывомъ общественнаго мнѣнія и неоднократно выражаемыми желаніями дворянскихъ собраній; они признавались полезною уже издавна; еще въ 1811 году правительство выражало свое сочувствіе къ этой мысли, постановивъ, что свѣдѣнія о земскихъ сборахъ должны быть «предаваемы тисненію и публикованы во всеобщее свѣдѣніе» (учр. мнн. фин. ст. 285).

Остается *шестой* вопросъ. Здѣсь мнѣніе отдѣленія комиссіи можно выразить въ весьма немногихъ словахъ: оно допускаетъ нѣкоторое участіе земскихъ хозяйственныхъ учреждений какъ въ составленіи смѣтъ, такъ въ надзорѣ за исполненіемъ и въ разсмотрѣніи отчетности по государственнымъ повинностямъ. Но подѣлая конечно изъ этихъ учреждений какихъ-нибудь ревизіонныхъ или иныхъ инстанцій, отдѣленіе придастъ имъ только значеніе «органовъ мѣстнаго общества, могущихъ правильно и сознательно выразить общественное мнѣніе о томъ или другомъ хозяйственномъ вопросѣ». И здѣсь также отдѣленіе полагаетъ необходимымъ «пріданіе этого рода дѣламъ печатной гласности».

Въ заключеніи доклада изложены, въ двадцати пунктахъ, предположенія объ устройствѣ земскихъ повинностей. Объ этихъ пунктахъ читатели совершенно безошибочно могутъ судить по тѣмъ соображеніямъ и мыслямъ, которыя привели мы. Намъ остается повторить слова доклада, что успѣхъ этихъ предположеній будетъ конечно зависѣть отъ будущаго устройства земскихъ хозяйственныхъ учреждений. Если оно сойдется въ духѣ и направленіи съ настоящими предположеніями, то благія послѣдствія преобразования кажутся не могутъ подлежать сомнѣнію.

Нынѣ дѣйствующій уставъ о земскихъ повинностяхъ составленъ, ваваяъ тому только десять лѣтъ, и тогда онъ нѣсколько самими составителями, но и многими исполнителями безъ сомнѣнія казался созданіемъ стройнымъ, прямо ведущимъ къ цѣли и общему, земскому благу... Нѣкоторымъ должно было такъ казаться, но нинѣ явственъ можетъ быть и не общее, а только частное благо... Это напоминаетъ намъ одинъ анекдотическій разговоръ, происхо-

дившій глѣ-то между какимъ-то техническимъ чиновникомъ и мѣстнымъ обывателемъ, купцомъ или кѣмъ-то въ этомъ родѣ.

Купецъ. Вотъ деньги-то собираютъ, и заставляютъ тонуть по колѣно въ грязь. Глѣ онѣ, мостовыя-то? А вѣдь деньги собраны давно.

Чиновникъ. А тебѣ что за дѣло?

Купецъ. Какъ что за дѣло? Деньги-то чай ваши!

Чиновникъ. Кто тебѣ сказалъ, что ваши?

Купецъ. Да чин же? ваши чють?

Чиновникъ. Онѣ были ваши, когда были у васъ въ карманѣ; а когда поступили въ руки казны, то ужъ стали не ваши...

На этомъ разговорѣ и остановился. При послѣднихъ словахъ купецъ, говоритъ, снялъ шапку какъ-будто съ цѣлю почесать въ затылкѣ, въ сущности же потому только, что почувствовалъ въ душѣ почтительную робость.

Вотъ еще: были у насъ такъ называемыя аракчеевскія военныя поселенія... Въ первое время по учрежденіи они также можетъ-быть изумляли кого-нибудь своею стройностью и невообразимо-хорошимъ порядкомъ, а теперь... встрѣчается напримѣръ въ «Одескомъ Вѣстникѣ» корреспонденція изъ Украины, гдѣ говорится, что «съ уничтоженіемъ аракчеевскихъ военныхъ поселеній, селенія харьковской губерніи совершенно преобразились. Препжній солдатъ сталъ домовитымъ сельскимъ хозяиномъ; промыслы процвѣли. Военные поселенцы запустили бороды и стали ѣздить за солью и рыбой въ Крымъ и на Донъ. Во многихъ слободахъ завелись между крестьянами ссыпки хлѣба. Ссыпанный на зиму хлѣбъ весною идетъ съ чумаками къ южнымъ морямъ; вездѣ явилась домовитость, зажитѣчность, и это въ какихъ-нибудь четыре года!»

«Чугуевъ (сказано дальше), этотъ педавно еще мертвенный, чисто прилизанный и одполинейно и одномостно выстроенный городишко, пересталъ напоминать собою сиротствующій безъ настоящаго хозяина номеръ гостинницы, гдѣ каждый входящій на день постоялецъ могъ свободно стекла исписывать смѣлыми надписями и стѣны пачкать своимъ юморомъ. Теперь въ Чугуевѣ уже образовалась хозяйственная дума, явилось десятка два новенькой, обычной архитектуры домиковъ, а городничій, малороссы въ душѣ, сталъ обращать это сиротѣющее гнѣздо бывшаго чугуевского казначества въ подобіе прочихъ старыхъ украинскихъ городовъ.»

Мы приводимъ этотъ скромный, но теплый рассказъ, потому что подобныя рѣчи такъ весело слушать, какъ-будто весна въ дворѣ: и солнышко свѣтитъ, и птички чиркаютъ... ну, а мужичокъ ѣдетъ на Донъ за рыбой...

Къ кому же (опять впадаемъ мы въ размышленіе), къ кому было столько ломки, и тратъ, и гора?.. Sic transit... etc.

Насчетъ учрежденія общественныхъ пожарныхъ командъ есть любопытное извѣстіе изъ кадужской губерніи. Городскія общества обсуждали предложеніе правительства объ этомъ нововведеніи и постановили приговоры, въ которыхъ всѣ выразили свое сочувствіе къ нему и признали его полезность; но воспользовались этимъ предложеніемъ и рѣшились исполнить его только общества трехъ городовъ: Медыни, Месуевска и Воротынска; прочія же городскія общества, именно: серпейское, боровское, козельское, мосальское, тарусское, перемышльское и малоярославецкое, при всемъ своемъ сочувствіи, не согласились образовать изъ среды себя общественныя пожарныя команды... Почему же? А потому что граждане этихъ городовъ, въ особенности молодой народъ, не находятъ дома довольно заработковъ и промысловъ и уходятъ на-сторону; въ городахъ же остается затѣмъ очень мало гражданъ, да и тѣ всѣ заняты хозяйствомъ и промыслами, такъ что не могутъ быть всегда готовыми на случай пожара.

Можетъ-быть оно и такъ; но все-таки ужасно страшно слышать это. Неужели же въ другихъ городахъ — Осташковѣ или Воротынскѣ, есть граждане, которые незаняты ни хозяйствомъ, ни промыслами, и сидятъ сложа руки на случай пожара?.. А если представить себѣ ясно, что цѣлое городское общество признаетъ себя не въ силахъ распорядиться и устроиться собственными средствами для защиты своего достоинства отъ огня, считаетъ необходимымъ, чтобы для спасенія ихъ, какъ малыхъ дѣтей, стоялъ наготовѣ десятокъ старыхъ солдатиковъ, и боится остаться безъ нихъ какъ истый ребенокъ безъ няньки, и если допустить при этомъ, что городское общество говоритъ искренно, непритворно, — то страшно можетъ поразить это безсиліе, — матерьяльное или нравственное, но полное безсиліе, возбуждающее жалость, и какую-то непріятную жалость. Между тѣмъ осуждать это безсиліе, негодовать на него или глумиться надъ нимъ тому, кто не живаль ни въ Тарусѣ, ни въ Малоярославцѣ, нельзя. Ктѣ знаетъ, — подумаетъ небывалый чловѣкъ — что тамъ дѣлается, какъ тамъ живутъ и пробавляются граждане!

Послѣ этого какъ небывалому, такъ и бывалому можетъ придти на мысль, что вообще жизнь нашихъ городовъ и городскихъ обществъ, настоящая гражданская и общественная жизнь, еще

вперед; до того вперед, что прежде ея надлежащаго развитія можетъ еще возникнуть вопросъ: кому быть городомъ, кому селомъ, а кому деревней. Еслибы этому вопросу пришлось разрѣшаться по силѣ и широтѣ дѣятельности, по степени жизненности мѣстныхъ элементовъ, то можетъ-быть иной городъ и устыдился бы своего названія; особенно если принять въ расчетъ жизнь, начинающую кипѣть теперь въ селахъ и деревняхъ; полнота развитія которой также еще въ будущемъ...

Въ журналѣ «Вѣкъ» печатались письма изъ деревни г. В. Безобразова, присылаемые изъ дмитровскаго уѣзда московской губернии. Въ письмѣ восьмомъ («Вѣкъ» № 41) изображаются слѣдующія деревенскія черты.

Помѣщикъ, деревенскій житель, съ приближеніемъ осени начинаетъ скучать и предвидѣть, что съ окончательнымъ наступленіемъ распутицы настанетъ для него скука горшая, несходная. Сосѣдъ, жители столичный, собирающійся скоро оставить деревню и потому непопимающій этой деревенской тоски, утѣшаетъ помѣщика, провозитъ разные питательныя идеи; но помѣщикъ не внемлетъ утѣшеніямъ, замѣчая, что все это только идеи. «А вотъ (говоритъ онъ) какъ проѣздъ не будетъ и поговорить будетъ даже не съ кѣмъ, такъ настанетъ скука смертная. Теперь только бы хлѣбъ убрать съ грѣхомъ пополамъ: уже нынче какое въ деревнѣ веселье! На мирской сходѣ и на волостномъ сходѣ мнѣ нечего дѣлать, на мировой съѣздъ не поѣду, — изъ чего я поѣду на неприятности? Филингъ Васильичъ и безъ меня справитъ свою должность, волостные судьи также безъ меня расудатъ; — да вѣдь васъ нынче и не спрашиваютъ!...»

Эти слова скучающаго сосѣда навели г. Безобразова на такія размышленія: для всякаго образованнаго и сколько-нибудь мыслящаго человѣка необходимы какіе-нибудь умственные интересы жизни. Эти интересы, замкнутые въ чисто-умственныхъ занятіяхъ, въ созерцаніяхъ, доступны немногимъ; для большинства же они должны совпадать съ интересами общественными, съ участіемъ въ общественной жизни.

Сдѣлавъ такое положеніе, г. Безобразовъ говоритъ:

«Въ деревнѣ общественная жизнь сосредоточивается пока исключительно въ крестьянствѣ, въ мирѣ, и только-что возникла въ широкѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ она также ближе къ крестьянству, нежели къ помѣщикамъ. Въ публичныхъ интересахъ крестьянства помѣщики непринимаютъ никакаго участія; съ мировыми учрежденіями они сопрягаются почти исключительно по вопросамъ личнымъ и частнымъ. Вникните въ характеръ всей группы

мировыхъ учреждений, и вы скоро убѣдитесь, что они держатся на почвѣ крестьянскаго быта; ихъ корни, какъ ихъ жившія инстанціи, въ крестьянствѣ. Иначе и быть не могло: потому только они могутъ держатся крѣпно, потому только ихъ корни здоровы. Мировыя учрежденія — чисто публичныя учрежденія, не вотчинныя, не сословныя, не бюрократическія; они должны отыскать для себя основы въ той публичной жизни, въ томъ *эмирлатѣ*, кака есть на-дѣло. Публичная жизнь, безъ всякой примѣси сословныхъ и бюрократическихъ интересовъ, наиболѣе ей враждебныхъ, оказалась въ крестьянствѣ, и на него пока оперлись новыя учрежденія. Остается и другой группѣ народонаселенія, если только дѣйствительно жизнь сдѣлалась ей посылною, прикнунуть къ этой единственной сельской публичной жизни. Созданіе другой публичной жизни, другого земства, поверхъ, или помимо, или подлѣ существующаго — невозможно. Два *разнородныхъ* публичныхъ быта, два замкнутыхъ круга земства не могутъ жить другъ подлѣ друга: можетъ быть въ государствѣ только одна публичная жизнь, одно земство и одна въ немъ система общественнаго управленія... Остается прикнунуть намъ къ существующему публичному кругу, и тогда надо идти на крестьянскую сходку, въ волостной судъ, надо приглашать волостныхъ старшинъ на мировой съѣздъ! Тогда уже нельзя говорить, что намъ нѣтъ дѣла до мировыхъ учреждений: въ нихъ пробудились общественные интересы, безъ которыхъ жить невозможно скучно. И нѣтъ ничего обиднаго идти на крестьянскую сходку... Ничего не можетъ быть обиднаго выиграть самому и помочь выиграть другому. Выигрышъ на сторонѣ помѣщиковъ очевиденъ: исчезаютъ крѣпостное право, господская власть, помѣщичье вліяніе; взаиѣтъ ихъ ярюбрѣтаются общественное вліяніе, публичная власть, публичное право. Крѣпостное право было гранью между двумя необходимыми членами одной стихіи *земства*, — слово, которое было прозвѣто и которое исторія помнить.»

Мы привели это размышленіе съ нѣкоторымъ сокращеніемъ, удерживая только главную мысль о будущей общности интересовъ всѣхъ сельскихъ обывателей; привели его съ желаніемъ, чтобы просвѣщенныя сельскіе обыватели-собственники прочли его и приняли въ соображеніе, какъ мыслящіе люди смотрять на будущность ихъ сельской жизни и какъ они вѣрують въ эту будущность. Изъ дальнѣйшихъ словъ скучающаго помѣщика видно, что имъ не много мѣшаютъ ихъ *привычки* или вѣрше — *непривычка*. Но это уже ихъ дѣло — сладить съ своими привычками. Сознанная цѣль одушевляется челоѡвка, и тутъ уже нетрудно овладѣть привычкою!

Е. М. Салтыковъ, въ статейкѣ объ интересахъ дворянства

(Свер. Дѣлоп. № 42), говорить также, что сближеніе дворянства съ народомъ, составляющее теперь предметъ размышленія всѣхъ мыслящихъ людей, должно быть сближеніемъ дѣятельнымъ, дѣйствительнымъ, и средство къ этому единственно въ томъ, чтобы помѣщикъ сталъ самъ членомъ сельскаго общества и волости; а чтобы участіе помѣщика въ дѣлахъ сельскаго общества и волости было непереносимое и не имѣло характера случайности; для этого г. Салтыковъ полагаетъ два условія: 1) участіе помѣщика, наравнѣ съ прочими членами общества, въ платежѣ государственныхъ податей и земскихъ повинностей (что по переложеніи податей и повинностей съ душъ на землю — будетъ весьма естественно); 2) совершенное, при посредствѣ выкупной сдѣлки, окончаніе всѣхъ расчетовъ, возникшихъ по Положенію 19 февраля.

Обращаясь къ настоящему, мы на этотъ разъ запишемъ два постановленія губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Просматривая повозможности публикуемыя свѣдѣнія о ходѣ крестьянскаго дѣла, мы большею частью встрѣчались съ свѣтлымъ повинованіемъ и разумными дѣйствіями мировыхъ посредниковъ; тѣмъ болѣе исключенія изъ этого, хотя бы весьма незначительныя, выдаются: какъ-то рѣдко и невольно обращаютъ на себя вниманіе. Вотъ два случая, относящіеся къ одному предмету — свободѣ сельскихъ выборовъ,

Одинъ мировой посредникъ черкаскаго уѣзда, кievской губерніи, представилъ губернскому присутствію, что по не навыку крестьянъ къ выборамъ и по непонятію ими важности сего права, крестьяне избрали себѣ добросовѣстныхъ и судей не изъ лучшихъ хозяевъ и несоответствующихъ своему призванію; поэтому онъ спрашиваетъ разрѣшенія: считать ли ему такой выборъ окончательнымъ, или произвести новый? Губернское присутствіе постановило: «До обнаруженія положительныхъ данныхъ о томъ, что негодные посредникомъ нѣкоторые добросовѣстные и судьи, въ его участіи избранные, не будутъ соответствовать своему призванію, сдѣланный выборъ считать окончательнымъ. Если же кто впоследствии окажется неспособнымъ или неблагонадежнымъ къ отправленію своей должности, въ такомъ случаѣ, по силѣ ст. 50 общ. полож., надлежитъ собрать сельскій сходъ и предложить ему неспособныхъ уволить, а намѣсто ихъ избрать изъ среды себя другихъ лицъ.»

Другой случай, въ рязанской губерніи, былъ немножко рѣче. Исправляющій должность мирового посредника рязскаго уѣзда Кисловскій по вѣстаствѣ увѣдомилъ начальника губерніи, что въ имѣніи кн. Мынгрельской, сельцѣ Шарышенкахъ, произошелъ безпорядокъ и обнаружилось ослушаніе крестьянъ, и что онъ, по при-

ити въ Парышонки, тотчасъ же открылъ въ этомъ сельцѣ во-
 ость, сельскаго старосту переименовалъ въ волостного старшину,
 помощника его въ старосту, прежде избранныхъ судей оставилъ
 затѣмъ избралъ вновь недостающихъ лицъ волостного суда и
 правленія. Къ этому г. Кисловскій прибавилъ, что «дальнѣйшее сни-
 хожденіе и безнаказанность поведетъ только къ усиленію непови-
 новенія, дерзости и самоволія крестьянъ, къ ущербу владѣльцевъ,
 и непремѣнно будетъ имѣть вліяніе на окрестныя имѣнія, в что по-
 тому необходимо ввести въ имѣніе войска.» Начальникъ губерніи
 послалъ чиновника особыхъ порученій Хросцицкаго дознать, от-
 чего произошли безпорядки, и принять мѣры къ прекращенію ихъ.
 По дознанію Хросцицкаго оказалось: «Главная причина неудоволь-
 ствія со стороны крестьянъ состояла въ томъ, что при обращеніи
 парышенскаго сельскаго общества въ волость, г. Кисловскій, вмѣ-
 сто предоставленія самимъ крестьянамъ права выбрать волостного
 старшину, переименовалъ самъ старшиною бывшаго сельскаго ста-
 росту, отчего между крестьянами на сходѣ произошолъ ропотъ, и
 они просили дозволенія выбрать старшину самому обществу, но
 просьба эта г. Кисловскимъ, неизвѣстно по какой причинѣ, ува-
 жана не была; когда же крестьяне, бывшіе на сходѣ, говорили всѣ
 вдругъ, какъ это обыкновенно бываетъ, и непереставали заявлять
 своего желанія выбрать старшину, то г. Кисловскій приказалъ имъ
 молчать, а говорить кому-нибудь одному. Тогда вышелъ изъ толпы
 крестьянина Муслиновъ и на спросъ г. Кисловскаго, чего онъ хочетъ,
 сказалъ: что онъ отъ всего міра объявляетъ о желаніи выбрать са-
 мимъ старшину, и что міръ на оставленіе старшиною прежняго
 старосты несогласенъ. Вмѣсто удовлетворенія этой просьбы, г. Ки-
 словскій приказалъ арестовать Муслинова, какъ нарушителя по-
 рядка на сходѣ.» Когда начальникъ губерніи сообщилъ обо всемъ
 этомъ губернскому присутствію, оно постановило: «Въ общемъ по-
 ложеніи, ст. 78, пунктъ 1, ясно и положительно указано, что вы-
 боръ волостного старшины предоставляется мірскому сходу, а не
 дѣлается по назначенію мирового посредника, какъ поступлено въ
 настоящемъ случаѣ, и потому сообщить мировому посреднику 4-го
 участка рязскаго уѣзда кн. Кропоткину, чтобы онъ немедленно от-
 правился въ с. Парышенки, созвалъ волостной сходъ или, если
 волость состоитъ изъ одного общества, то, согласно 74 ст. общ.
 пол., сельскій сходъ, и предоставилъ бы крестьянамъ воспользо-
 ваться высочайше-дарованнымъ имъ правомъ самимъ избрать во-
 лостного старшину, безъ посторонняго вмѣшательства.»

Такимъ образомъ ввездъ войска въ сельцо Парышенки оказался
 не необходимымъ, и скромное желанье г. Кисловскаго не исполни-

дось!.. Мы благодаримъ судьбу, что постановленія губернскихъ присутствій публикуются и что мы узнаемъ имена дѣйствующихъ лицъ въ подобныхъ дѣлахъ.

Насчетъ высказаннаго выше желанія, чтобы расчеты между помещиками и крестьянами были совершенно окончены, есть нѣсколько словъ въ «Самарскихъ губ. вѣдомостяхъ», гдѣ сказано, что судя по отзывамъ помещиковъ, въ землевладѣльческомъ сословіи болѣе и болѣе мнѣнія склоняются къ развязкѣ обязательныхъ отношеній чрезъ предоставленіе крестьянамъ выкупа поземельнаго надѣла; что землевладѣльцы нуждаются въ оборотномъ капиталѣ для веденія хозяйствъ вольнонаемнымъ трудомъ; что во ихъ мнѣнію, для удовлетворенія этихъ нуждъ достаточно выкупныхъ пособій, и что ожиданіе этихъ пособій ставитъ серьезнымъ образомъ вопросъ о реализаціи банковыхъ кредитныхъ бумагъ, которыми помещики получаютъ платежи за землю.

Извѣстно, что въ настоящую минуту главнѣйшій предметъ всѣхъ думъ, заботъ и хлопотъ въ селахъ и деревняхъ — составленіе и утвержденіе уставныхъ грамотъ. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ мы приводили нѣкоторые слухи о томъ, какъ осторожно и недоувѣрчиво дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ крестьяне, ясно обнаруживая нѣкоторую заднюю мысль, мѣшающую имъ подписывать грамоты. Поволнимъ теперь эти слухи очень характерной корреспонденціей съ юга, пошедшей намъ въ «Сѣверной Пчелѣ».

Мировой посредникъ пріѣзжаетъ на хуторъ для утвержденія уставной грамоты, сзываетъ *громаду* и говоритъ:

«— Ну, хлопцы! вотъ же теперь надо узнать, такъ ли все тутъ въ грамотѣ написано, какъ оно было у васъ на дѣлѣ».

«— Слушаемъ, пане...»

«Начинается спросъ о томъ, какимъ количествомъ земли они владѣли для пользованія. Оказывается, что громада этого не знаетъ. Однако послѣ многихъ распросовъ и отвѣтовъ болѣе толковыхъ людей, добираются положительно, что въ пользованіи ихъ было пять десятинъ на душу, т. е. одной десятиной больше молнаго надѣла по Положенію».

«— Желаете ли (спрашиваетъ посредникъ) это количество оставить за собой и въ грамотѣ?»

«— А сколько это всего будетъ земли на хуторѣ?»

«— У барина вашего тысяча десятинъ; на васъ онъ отрѣзываетъ триста-пятьдесятъ».

«— Сколько?..»

«— Триста-пятьдесятъ.

«Въ громадѣ волненія. Лица всѣхъ изумлены.

«— Гдѣ же намъ тутъ повернуться со скотиною?

«Начинаются новыя толки, послѣ которыхъ крестьяне соглашаются, что пять десятинъ имъ даже слишкомъ много.

«— Не управимся (говорятъ они): пусть же мы возьмемъ четыре. А то и оброку пропасть приходится.

«— Ну, четыре такъ четыре.

«Указываютъ мѣсто надѣла. Громада имъ довольна. Приступаютъ къ послѣднему обряду — подписанію уставной грамоты.

«— Нѣтъ, не подпишемъ! говорить неожиданно громада.

«— Отчего же?

«— Да лучше уже мы такъ останемся...

«— Почему же? Вѣдь съ грамотой будетъ легче: теперь вы работаете по три дня въ недѣлю, да бабы по два; а тогда — вы по одному дню въ недѣлю, а бабы въ три недѣли по два дня всего...

«— Нѣтъ, уже лучше пусть будетъ попроще. Такъ работали наши отцы и дѣды, и мы отъ того не отступимъ, коли уже работать на пана...

«— Вамъ значить работать на пана нехочется?

«— Да уже что скрывать? поправдѣ лучше бы уже такъ, что, полагаемъ, не работать.

«— Такъ становитесь на оброкъ. Оброка всего на васъ придутся по девяти цѣлковыхъ на душу... и круглый годъ свободенъ.

«— Да что и говорить! Такъ, такъ, мы сами видимъ!..

«— Такъ какъ же? Хотите на оброкъ?

«— Нѣтъ, просто мы и не слышали про него вовѣки-вѣковъ, и не видали его, какое оно есть! Лучше ужъ пусть будетъ какъ было!..

«— Слушайте! Съ барщиной, по грамотѣ, и ты будешь все-таки работать, и баба твоя...

«— Такъ!

«— Ты сорокъ дней, а баба тамъ тридцать чтоли въ году?

«— Такъ!

«— Ну, а съ оброкомъ одинъ ты только внесь девять цѣлковыхъ, и баста!

«— За землю-то девять?

«— Да безъ этого уже нельзя: земля панская, а вы теперь вольные будете.

«Громада молчитъ.

«— Рѣшайте же!

«— Не присоглашавшемся... Пусть будетъ какъ было!

«— Чтоже вы будете дѣлать?»

«— Будемъ ждать *жданнаго*...

«— Какого *жданнаго*?»

«— А *жданнаго*, пане! такъ у насъ уже положено.

«— Кто же это положилъ?»

«— Миръ положилъ, общества положили.

«— До какихъ же поръ это будетъ у васъ, хлопцы?»

«— До *слушнаго часу*...

«— Какъ до *слушнаго*?»

«— Пока прослышимъ про то, какъ уже намъ быть понастоящему, а теперь уже пусть такъ попрежнему, а мы будемъ вѣрою и правдою служить панамъ, до *слушнаго часу*, какъ служили.»

«Это *жданное* и *слушной часъ* (прибавляетъ затѣмъ корреспондентъ) появлялись у васъ на югѣ Россіи, на всемъ пространствѣ Украины, около конца іюля мѣсяца, и уже въ августѣ этими дружными паролемъ и лозунгомъ крестьянъ пресѣклись всѣ пути къ соглашениямъ всякаго рода по введенію уставныхъ грамотъ.»

Мы могли бы этой характерной корреспонденціей окончить на сей разъ нашу бѣглую рѣчь о сельскихъ дѣлахъ; но не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести еще отрывокъ изъ разсказа г. П. Якушкина («Иллюстр.» № 190) о первомъ мировомъ съѣздѣ въ Маюархангельскѣ, на которомъ ему удалось быть, такъ какъ мировые съѣзды открыты для всѣхъ.

«Послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ предводителемъ дворянства (говоритъ г. Якушкинъ), чиновникъ отъ правительства предложилъ формулировать засѣданія, формулировать занятія, формулировать жаобы просителей и еще что-то такое формулировать. Всѣ посредники съ этимъ мнѣніемъ согласились.

«— Такъ какъ многія дѣла намъ придется рѣшать на основаніи вышедшихъ циркуляровъ министерства и губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, — продолжалъ тотъ же чиновникъ, — то я предлагаю прежде всего заняться чтеніемъ этихъ циркуляровъ.

«Съ этимъ мнѣніемъ тоже всѣ согласились; секретарь сталъ читать циркуляры; чтеніе продолжалось долго и продолжалось бы еще, еслибъ не вмѣшался одинъ изъ мировыхъ посредниковъ.

«— Мы, господа, всѣ эти циркуляры читали, сказали онъ: — большой нужды нѣтъ повторять эти циркуляры. Не лучше ли ихъ почитать послѣ, а теперь позвать просителей: теперь пора работать (это было 25 августа), мужику каждый часъ дорога; за нашимъ чтеніемъ этихъ циркуляровъ, мужикамъ-просителямъ придется ждать пожалуй нѣсколько дней.

«И съ этимъ мнѣніемъ тоже всѣ согласились.

«— Только на слѣдующій разъ, прибавилъ чиновникъ, — должно будетъ читать циркуляры прежде, а послѣ уже принимать просителей.

«— Тогда нужно намъ собираться ранѣе двадцать пятого числа, отвѣчалъ ему, — положимъ двадцать четвертого, а крестьянамъ объявить, чтобъ они являлись къ двадцать пятому.

«— Въ губернскихъ вѣдомостяхъ можно объявить...

«— Нетолько въ губернскихъ, я полагаю въ столичныхъ... въ «Московскихъ вѣдомостяхъ» тоже можно...

«— Можно и въ «Московскихъ вѣдомостяхъ», одобрилъ секретарь.

«— Я думаю, сказалъ предводитель, по церквамъ должно объявить тоже.

«— Да, и по церквамъ можно...

«— Теперь можно просителей впустить? спросилъ одинъ мировой посредникъ.

«Съ этими словами онъ вышелъ и вернулся съ крестьянами-просителями. Просьба ихъ оказалась недѣльной, и имъ отказали, т. е. сказали, что ничего нельзя для нихъ сдѣлать.

«Мужики поклонились и хотѣли идти.

«— Этого такъ сдѣлать нельзя, заговорилъ чиновникъ отъ правительства.

«Мужики остановились; надежда блеснула въ ихъ глазахъ, и они отвѣсили по низкому поклоу чиновнику: въ одномъ лицѣ они видѣли свое спасеніе.

«— Этого сдѣлать нельзя.

«— Какъ нельзя? Какъ же?

«— Эту просьбу надо формулировать. Вы, — сказалъ онъ посреднику, который рассказывалъ сущность дѣла, — вы это дѣло такъ прекрасно знаете, вы его и формулируйте.

«— Для чего же здѣсь формулировать?

«— Какъ для чего! Намъ можетъ спросить объ этомъ вотъ и губернское присутствіе; какъ мы будемъ отвѣчать?

«— Для этого довольно записать ихъ просьбу.

«— Надо формулировать...

«Чѣмъ кончился споръ, я понять не могъ», прибавляетъ г. Якушкинъ, и потомъ, рассказавъ о приѣмѣ еще нѣсколькихъ просителей, заключаетъ: «Крестьянъ выслушивали терпѣливо, объявляли имъ рѣшеніе, рассказавъ прежде, почему такъ рѣшено. Вообще глядя на человеческое обращеніе мировыхъ посредниковъ съ крестьянами, отъ этого учрежденія должно ожидать многого.»

Нѣтъ конечно никакой причины сомнѣваться напримѣръ въ

благонамѣренности или добрыхъ побужденіяхъ г. чиновника, по которымъ онъ желаетъ все на сѣбѣ формулировать, а если его формулированіе и отодвинетъ иногда немножко назадъ настоящее дѣло, то самъ-то онъ можетъ-быть нисколько виновать въ этомъ; можетъ-быть жизнь или служба самого его превратила въ такую чистую формулу, въ которомъ никакая перестановка или перемѣна членовъ, т. е. мыслей и мнѣній, уже невозможна. А что можетъ въ самомъ дѣлѣ служба превратить человѣка въ формулу, и что вообще она можетъ сдѣлать съ человѣкомъ, на это мы могли бы привести стоящіе сочувствія примѣры, и приведемъ ихъ когда-нибудь при случаѣ.

Теперь мы съ своей стороны предлагаемъ желающимъ кое-что формулировать.

Г. Ставицкій, изъ с. *Розбишевки* (а гдѣ село или сельцо *Розбишевка* — мы не знаемъ) поднимаетъ вопросъ: «могутъ ли поступать въ гимназію дѣти временно-обязанныхъ крестьянъ?» На это конечно всякій знающій человѣкъ прямо отвѣтилъ бы: могутъ. Но вопросъ собственно не въ этомъ, а вотъ въ чемъ: нужно ли, для поступленія въ гимназію сына временно-обязаннаго крестьянина, увольнительное свидѣтельство отъ общества? Извольте же формулировать рѣшеніе этого вопроса. Г. Ставицкій приводитъ статью Положенія 19 февраля, и по нимъ *заключаетъ*, что увольнительнаго свидѣтельства не нужно; между тѣмъ на практикѣ это обстоятельство поставило ему затрудненіе къ помѣщенію въ гимназію приготовленнаго имъ временно-обязаннаго мальчика. Непривода статей и не вдаваясь въ ихъ толкованіе, мы просто сошлемся на всѣхъ: возможно ли и натурально ли — *ограничить* чѣмъ бы то ни было *право отца учить своего сына*, въ гимназіи или другомъ учебномъ заведеніи? Правда, что съ окончаніемъ курса въ гимназіи бывають соединены нѣкоторыя *привилегіи*; можетъ послѣдовать выходъ изъ полатнаго состоянія, и тогда плата за вышедшаго изъ податей вперёдъ до новой ревизіи, останется на отвѣтственности общества; называть же такую отвѣтственность обществу, неспросясь его, было бы не деликатно. Ну, такъ тутъ-то, предъ дарованіемъ *привилегіи*, и требуй увольнительнаго свидѣтельства. Не уволила — или въ общество съ *приобрѣтёнными* познаніями... А если послѣдуетъ переложеніе податей съ душъ на землю и въ платежѣ ихъ будутъ участвовать всѣ землевладѣльцы, тогда выходъ изъ *податнаго* состоянія, для того общества, къ которому принадлежитъ выходящій, кажется уже не будетъ имѣть значенія, и увольнительныя свидѣтельства для поступленія въ учебныя заведенія впрямую не будутъ требоваться... но это еще будущее!

Теперь же, какъ мы знаемъ по частнымъ примѣрамъ, эти увольнительные акты въ подобныхъ случаяхъ представляются; только получение ихъ вѣроятно съ каждымъ... если не днемъ, такъ годомъ, будетъ монѣ затруднительно. Говорятъ напримѣръ, что одно сельское общество (впрочемъ не временно-обязанныхъ), узнавъ, что мальчикъ-сирота изъ ихъ селеня, бывший гдѣ-то въ учепьѣ, обнаружилъ большія способности, и что нашлись люди, пожелавшіе помѣстить его въ гимназію, — до того обрадовались, что истолько охотно согласилось дать просимое отъ него увольнительное свидѣтельство, но тутъ же единодушно изъявило желаніе вносить шромъ на воспитаніе мальчика по шестидесяти руб. въ годъ.

Мировой посредникъ норховскаго уѣзда, исковской губерніи, довалъ до свидѣнія губернскаго присутствія, что во всѣхъ волостяхъ его участка, временно-обязанные крестьяне на его предложеніе объ учрежденіи школъ отозвались искреннею готовностію занести волостныя школы для дѣвочекъ и мальчиковъ; причемъ, начиная съ первой по открытію, страшиновской волости, положили мирскими приговорами: жертвовать на этотъ предметъ по *пятидесяти коп.* съ души ежегодно, съ тѣмъ чтобы дѣти ихъ учились и содержались въ школахъ на этотъ общественный сборъ втеченіи шести зимнихъ мѣсяцевъ. — Посредникъ просилъ разрѣшенія и руководства для устройства школъ. Губернское присутствіе, «отлававъ полную справедливость полезной дѣятельности мирового посредника, сочло нужнымъ, съ своей стороны, выразить, что въ настоящее время дальнѣйшее содѣйствіе его сельскимъ начальствамъ въ наймѣ учителей и приобрѣтеніи учебныхъ пособій совершенно необходимо для успѣха дѣла, и что вмѣстѣ съ тѣмъ весьма полезно было бы просить сосѣдныхъ помѣщиковъ и ихъ семейства, по мѣрѣ возможности, оказать просвѣщенное участіе какъ въ устройствѣ сельскихъ училищъ, такъ и въ самомъ преподаваніи.»

Такимъ образомъ все прибываютъ новые факты, свидѣтельствующіе о томъ, что русскіе люди отъ души желаютъ учиться грамотѣ... Но вотъ что еще бываетъ: превратить человека въ формулу можетъ не одна служба, поглощающая все его время, но и другія бытовыя, сословныя, воспитательныя и т. п. условія; а формула, вторгаясь въ сферу живыхъ стремленій и желаній, большею частью производитъ на нихъ мертвящее дѣйствіе. Какъ иначе разтолкуете слѣдующее извѣстіе:

«Въ новгородвольнскомъ уѣздѣ, ковевской губерніи, сельскія школы во всѣхъ приходахъ открыты; число учащихся понемногу увеличивается; школы снабжены букварями; но — *успѣха еще не видно*; это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не измѣнится

метода обученія и пока не уничтожится *принужденіе* посылать дѣтей въ школы. Нѣкоторые священники разными мѣрами *принуждаютъ* своихъ прихожанъ отдавать дѣтей въ школу, а одинъ благочинный даже обратился къ исправнику съ формальнымъ требованіемъ, чтобы онъ *полицейскими мѣрами заставилъ* крестьянъ тако-го-то селенія посылать своихъ дѣтей въ школу.

Далѣе поясняется, отчего употребляютъ эти принудительныя мѣры: «большая половина, приходскихъ священниковъ того убѣжденія, что только розгой да кривкомъ можно заставить мальчика учиться; отсюда въ крестьянскихъ дѣтяхъ распространяется боязнь и отвращеніе отъ школы. Еще извѣстно, что во время полевыхъ работъ мальчикъ десяти или двѣнадцати лѣтъ уже помогаетъ своей семьѣ въ работахъ; между тѣмъ многіе священники требуютъ, чтобы мальчики непременно каждый день являлись въ школу, на томъ основаніи, что онъ за лѣто все можетъ забыть, что выучилъ зимой. Крестьянамъ это не нравится и они всѣми мѣрами стараются какъ-нибудь освободить своихъ дѣтей отъ необходимости ходить въ школу».

Тамъ же, гдѣ дѣло дѣлается не по формулѣ, а по внушеніямъ сердца, выходитъ совсѣмъ не то: выходитъ напримѣръ подобное постановленіе: «Святѣйшій синодъ, усмотрѣвъ изъ донесенія преосвященнаго епископа калужскаго Григорія, что дочь діакона благовѣщенской церкви г. Козельска, Феодора Вырскаго, Александра, съ 1850 года дѣятельно помогаетъ отцу своему въ обученіи мѣщанскихъ и крестьянскихъ дѣтей въ открытой имъ, Вырскимъ, при домѣ своемъ школѣ, въ которой обучается въ настоящее время *сорокъ семьдесятъ* мальчиковъ и *девятисто-пять* дѣвочекъ, и что означенная дѣвица обладаетъ особенною способностью заниматься съ дѣтьми — опредѣленіемъ 21 августа 1861 г. положилъ: въ видахъ поощренія упомянутой дѣвицы Вырской къ дальнѣйшимъ трудамъ по принятой ею на себя обязанности, выдать ей подарокъ въ *сто-пятидесяти* руб. сер., насчетъ духовно-учебныхъ капиталовъ».

По случаю упадка многихъ воскресныхъ школъ появились теперь мыслители, утверждающіе, что иначе и быть не могло, что воскресныя школы въ самомъ основаніи носятъ зародышъ близкаго паденія. Къ числу такихъ мыслителей принадлежитъ г. В. Лѣстивицкій (изъ Ярославля), который въ № 223 «Моск. Вѣд.» положительно говоритъ, что воскресныя школы по самому свойству своему непрочны и не достигаютъ никакой цѣли, т. е. негодны; ибо: 1) надо учиться ежедневно, а воскресныя школы учатъ только разъ въ недѣлю; 2) надо учиться наукамъ, а воскресныя школы учатъ только грамотѣ... Потомъ слѣдуетъ третье; четвертое и т. д.; всего

мы конечно выписывать не будемъ, но есть тамъ одно драгоценное мѣсто, которое пропустить никакъ нельзя ; его нужно привести слово въ слово :

«Воскресныя школы (говоритъ г. Лѣствицынъ) устроиваются для желающихъ. По нашему мнѣнію, если образованіе предоставлять на волю каждаго, то оно всегда останется лишь принадлежностью нѣкоторыхъ ; цѣлое же общество ни въ какой срокъ времени не согласится идти въ школы. Между тѣмъ доказано и передоказано, что образованіе есть источникъ всякаго благосостоянія, частнаго и общаго. Поэтому думаемъ, что рѣшительно все населеніе государства должно получить образованіе. А чтобы никто не могъ быть необразованнымъ, образованіе должно-быть предписано закономъ, сдѣлано обязательнымъ и предоставлено вѣдѣнію государственной власти».

Удивительное мѣсто ! удивительная мысль ! Знаете ли : эти строки читаешь съ какимъ-то невольнымъ трепетомъ и все ждешь, какое-то г. Лѣствицынъ положитъ наказаніе нарушителямъ предполагаемаго имъ закона, каковыми должны будутъ признаваться всѣ необразованные, а вѣдь необразованными конечно считаются даже люди и грамотные, но мало понимающіе, имѣющіе кривые взгляды на вещи. Боже мой ! если установится такой законъ, сколько въ первое время будетъ этихъ несчастныхъ !

Съ мнѣніемъ г. Лѣствицына насчетъ непрочности, недолговѣчности воскресныхъ школъ сошолся «Русскій Инвалидъ». Въ 26 день прошедшаго октября высказала онъ слѣдующее : «Изъ разныхъ концовъ Россіи получаютъ несовсѣмъ благопріятныя вѣсти о ходѣ воскресныхъ школъ... Мы съ самаго начала смотрѣли недовѣрчиво на это дѣло и были того мнѣнія, что будущему развитію этого способа распространенія образованія въ народъ не предстояло большихъ гарантій, — для насъ было ясно, что при томъ взглядѣ, какой имѣетъ общество на задуманное дѣло, поддержка его не могла быть продолжительна. Общество дѣйствовало въ этомъ случаѣ не по сознательному побужденію, а по увлеченію съ чужого голоса, по внушенію журналистики, и слѣдовательно движеніе должно было прекратиться, какъ скоро остынетъ первый пылъ.»

Мы не знали, что нынѣшняя редакція «Инвалида» съ самаго начала воскресныхъ школъ имѣла на нихъ такой взглядъ. Стало-быть всѣ жертвовавшіе и учившіе дѣйствовали только по наущенію журналистики ; неосознавая сами значенія своего дѣла, неубѣжденные въ важности и пользы его?.. Такъ ли?

Въ виду задуманнаго г. Лѣствицынымъ грознаго закона, все отпосыщаея къ образованію, къ средствамъ образованія — получаетъ

для насъ еще большее значеніе. Слѣдовало бы говорить обо всемъ. Былъ вопросъ о нуждающихся въ средствахъ къ жизни и образованію студентахъ; но теперь этотъ вопросъ немного заслоненъ другимъ, необыкновенно важнымъ вопросомъ, только-что послышавшимся въ нашей литературѣ: это вопросъ вообще объ устройствѣ университетовъ... Его вы не тронемъ въ нашей статейкѣ; ему должно быть дано другое мѣсто.

30 августа и 8 сентября послѣдовали два высочайшія повелѣнія о нѣкоторомъ измѣненіи въ положеніяхъ строительнаго училища и института путей сообщенія. Въслѣдствіе этихъ измѣненій, оба заведенія, бывшія закрытыми, дѣлаются теперь полуоткрытыми, потому что въ строительномъ училищѣ полагаются *экстерны* — своеобразные, губернскіе и казенные стипендіаты, живущіе внѣ заведенія, а въ институтѣ предоставлено начальству «дозволить жить на собственныхъ квартирахъ, у родителей или попечителей, тѣмъ изъ воспитанниковъ старшихъ четырехъ классовъ, которые пробывъ въ институтѣ неменѣе одного года, изъявятъ желаніе и предъявятъ согласіе своихъ родителей или попечителей, принимающихъ ихъ къ себѣ на жительство». Этимъ воспитанникамъ предоставляется, если пожелаютъ, довольствоваться отъ института *одеждою, бельемъ, обѣденнымъ столомъ и учебными пособіями.*

Мысль объ открытіи этихъ заведеній, говорятъ, давно возникла и выражена она была въ первый разъ; сюда по неснявшимся слухамъ, самими воспитанниками строительнаго училища.

Если вы, читатель, живете въ Петербургѣ, то можетъ-быть вамъ попалось разосланное на этихъ двухъ при афишкахъ объявленіе подъ заглавіемъ: *Столярная артель въ С.-Петербургѣ*, и вы безъ сомнѣнія обратили на него вниманіе. Если же вы не въ Петербургѣ, то конечно не знаете о немъ; въ такомъ случаѣ мы выпишемъ его для васъ слово въ слово:

«Мебельныя мастера въ С. Петербургѣ составили между собою *артель.*

«Цѣль устройства такой артели состоитъ въ томъ, что мебельные мастера желаютъ представлять прямо отъ себя на судъ публики свои работы и оцѣнку оныхъ, *безъ всякаго посредства*, а публикѣ дать возможность приобретать всѣ столярныя работы изъ *первой руки* или возможно-дешовымъ цѣнамъ.

«Артель состоитъ изъ честныхъ и знающихъ въ совершенствѣ свое дѣло лицъ, но съ малыми недостатками, и потому на первое время не можетъ предложить большаго выбора готовыхъ вещей, а проситъ публику почтить артель заказами всякаго рода столярныхъ работъ съ полною отвѣтственностію за добросовѣстное исполненіе.

«Продажу готовыхъ вещей артель предоставила, въ русскомъ магазинѣ (у Кааарстаго моста д. Ольхиной), купцу А. И. Мельникову; у него же въ конторѣ принимаются всѣ заказы и справки, адресуйтесь къ А. И. Мельникову.

«Члены артели, заявляя предъ публикою о своемъ добросовѣстномъ, местномъ и новомъ у насъ предиріятіи, надѣются, что оно будетъ поддержано».

По нѣкоторымъ выраженіямъ этого объявленія, запечатаннымъ у насъ курсивомъ, вы конечно догадаетесь, что поводомъ къ устройству артели послужило какое-нибудь особенное иудачное обстоятельство. Дѣйствительно, оно (т. е. устройство артели) вызвано, говорить, монополіей, уже давно тяготѣвшей надъ зѣвшими небогатыми мебельными мастерами, и первую мысль объ артели приписываютъ одному изъ русскихъ купцовъ, торгующихъ въ русскомъ магазинѣ (можетъ-быть это тотъ же А. И. Мельниковъ, о которомъ упоминается въ объявленіи); онъ, говорятъ, соединилъ разрозненные и слабыя поодиночкѣ силы мебельныхъ мастеровъ-хозяевъ, которые, въ числѣ двадцати пяти или около того, и сдѣлались членами вновь устроенной «Артели». Мы просимъ читателей обратить вниманіе на это явленіе, потому что въ немъ заключается:

для петербургскихъ мебельныхъ мастеровъ — возжеланное избавленіе отъ гнетущей монополіи;

для потребляющей публики — пониженіе цѣнъ на столярныя издѣлія, которыя монополія возвышала иногда до неприличныхъ размѣровъ;

для всего мыслящаго люда — новое примѣненіе артельнаго начала, составляющаго одну изъ надеждъ къ нашему будущему, и первый образчикъ ремесленной ассоціаціи, развитіе которой также давно составляетъ у насъ предметъ ожиданій.

Ремесленная ассоціація, принявшая форму артели, всего легче можетъ уничтожить монополію и предать забвенію эту фразу: «все нѣмцы мѣшаютъ!», которою такъ презрительно, съ мѣткого слова Гоголя, колятъ глаза бѣдному и опустившемуся русскому ремесленнику. Артели, если она будетъ сильна тою вѣрностью и той честностью, какими въ самомъ дѣлѣ отличаются нѣкоторыя русскія артели, — не помѣшаетъ никакой иностранной мастеръ и не ототретъ ся на задній планъ. Артель можетъ-быть будетъ нуждаться въ немъ и приметъ его къ себѣ, — но хозяиномъ будетъ она, а не онъ...

Мы желаемъ познато благоденствія и долгоденствія столярной артели! Желаемъ также, чтобы съ ея легкой руки явилась и другія артели — портная, сапожная, слесарная и пр. и пр.

Не помнимъ, случалось ли намъ хоть разъ заключить наше сказаніе такой грустной вѣстью, какъ приходится сдѣлать это теперь. Въ прошломъ мѣсяцѣ, именно 16 октября, въ Воронежѣ умеръ Иванъ Савачъ Никитинъ. Не долго было его литературное поприще, да и вся жизнь его была не долга: ему было всего тридцать шесть лѣтъ. Не здѣсь и не теперь опредѣлять его литературное значеніе; и это значеніе, и жизнь его запишутся впоследствии, а теперь мы хотимъ только раздѣлить съ читателями нашу скорбь о человѣкѣ, загубленномъ и убитомъ мелкой житейской суетой и нечистой средой, съ которой онъ былъ такъ крѣпко связанъ, что разорвать эту связь было выше его человѣческихъ силъ. Воронежскій житель, г. М. де-Пуле, поминая теплымъ словомъ И. С. Никитина (въ «Моск. Вѣд.» № 241), приводитъ одно изъ его послѣднихъ стихотвореній, которое говоритъ больше, нежели сколько мы можемъ сказать въ настоящую минуту. Оно говоритъ о чувствѣ, съ которымъ поэтъ покидалъ жизнь; оно говоритъ объ этой жизни и о всемъ, что она дала поэту; оно говоритъ о смерти... Вотъ эта предсмертная пѣсня:

Вырыта заступомъ яма глубокая.
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая, —
Горько она, моя бѣдная, шла
И какъ стеной огонекъ замерла

Чтоже? усня моя доля суровая!
Крѣпко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится,
Только однимъ человѣкомъ убавится...
Убыль его никому не больна,
Память о немъ никому не нужна!..

Вотъ она слышится, пѣснь беззаботная:
Гостя погоста, пѣвунья заетная,
Въ воздухъ синемъ на волѣ купается;
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается...
Тише!.. о жизни поконченъ вопросъ:
Больше ненужно ни пѣсень, ни слезъ!

Послѣ этихъ, какъ-будто изъ-за могилы прилетающихъ къ намъ звуковъ, какъ-то уже и не произносятся собственныя слова, да и менужны они: они ничего не прибавятъ къ этимъ выразительнымъ звукамъ.

И. С. Никитинъ умеръ отъ чахотки; похороненъ рядомъ съ А. В. Кольцовымъ.

ЗАМѢТКА ПО ПОВОДУ СТАТЬИ «О РУКОПИСЯХЪ ГОГОЛЯ» (*)

Въ апрѣльской книжкѣ журнала «Время» помѣщена статья: «О рукописяхъ Гоголя, принадлежащихъ лицу князя Безбородко». Авторъ статьи, г. Гербель, рассматривая эти рукописи, говоритъ между прочимъ: «Перехожу къ рукописи «Мертвыхъ Душъ». Это не черновая тетрадь, какую она можетъ показаться съ перваго взгляда. Напротивъ, поэма весьма тщательно переписана *самимъ авторомъ* на почтовой бумагѣ, въ большую четвертку, мелкимъ убористымъ почеркомъ, и послѣ уже испещрена множествомъ разновременныхъ *поправокъ*, что можно заключить изъ того, что онѣ сдѣланы чернилами разныхъ цвѣтовъ и карандашомъ». Невдаваясь въ сужденіе по поводу этой статьи, мы не можемъ оставить безъ замѣтки приведенное выше мѣсто, и должны объявить г. Гербелю и всѣмъ интересующимся автографами Гоголя, что рукопись «Мертвыя Души» писана не самимъ Гоголемъ, какъ говоритъ авторъ означенной статьи: она писана Павломъ Васильевичемъ Анненковымъ, въ Римѣ, подъ диктовку Гоголя. Что же касается до поправокъ, которыми испещрена эта рукопись, то онѣ безспорно принадлежатъ самому Гоголю.

Немного нужно вниманія, чтобы увидѣть разительную разницу въ этихъ двухъ почеркахъ, и мы надѣялись, что г. Гербель, имѣя въ своихъ рукахъ всю переписку Гоголя съ Н. Я. Прокоповичемъ и рукописи, самъ обратилъ вниманіе на различіе почерковъ. Съ своей стороны, желая пояснить причину этой разности, мы обратились къ

(*) Мы получили эту замѣтку при слѣдующемъ письмѣ:

-Милостивый государь. Въ издаваемомъ вами журналѣ помѣщена статья г. Гербеля: «О рукописяхъ Гоголя» и проч. Въ статьѣ этой г. Гербель впадаетъ въ ошибку, которую я считаю своею обязанностью поправить, и потому почтительнѣйше прошу васъ дать мѣсто въ журналѣ вашему прилагаемой «Замѣткѣ».

-Примите увѣреніе и проч.

-Н. Прокоповичъ.

1 ноября 1861 года.

П. В. Анненкову, одному изъ самыхъ короткихъ знакомыхъ Н. В. Гоголя и Н. Я. Прокоповича. Отъ П. В. Анненкова мы узнали, что это та самая рукопись «Мертвыхъ Душъ», о которой онъ говорилъ въ статьѣ своей: «Воспоминаніе о Гоголѣ», помѣщенной въ «Библиотекѣ для Чтенія» (1857 года № 11).

Въ заключеніе, мы должны прибавить, что свѣдѣніе о происхожденіи рукописи мы получили отъ П. В. Анненкова нѣсколько позже пріобрѣтенія отъ насъ рукописей графомъ Кушелевымъ-Безбородко, и не имѣли случая сообщить объ этомъ г. Гербелю, который былъ посредникомъ въ этомъ дѣлѣ.

Н. Н. Прокоповичъ.

30 октября 1861 года.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ДОБРОЛЮБОВЪ

НЕКРОЛОГЪ

Въ ночь съ 16 на 17 ноября умеръ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей, Николай Александровичъ Добролюбовъ, и смерть его была для всѣхъ, кто зналъ покойнаго, тяжелымъ ударомъ. Совершилось роковое событіе: жизнь со всѣми своими условіями убила жизнь полезнаго человѣка. Друзья Добролюбова давно ожидали его смерти, знали навѣрное, что болѣзнь его неизлечима; смерть приближалась замѣтно, явно голодала больного. Но пробилъ послѣдній часъ — и всякій, кто былъ даже совершенно убѣжденъ въ неминуемости скорой смерти Добролюбова, испугался. Однимъ честнымъ и неустрашимымъ дѣятелемъ стало меньше.

Николай Александровичъ Добролюбовъ былъ сынъ священника. Курсъ образованія своего онъ кончилъ въ бывшемъ педагогическомъ институтѣ, и тотчасъ послѣ того выступилъ на литературное поприще. Критическія статьи Добролюбова, подписанныя Н.—бовъ, Н. Лайбовъ, Н.—повъ, Конрадъ Лиліеншвагеръ и др., всѣ показываютъ здоровую, талантливую голову и установившееся, прочное, всегда вѣрное себѣ воззрѣніе. Онъ успѣлъ проработать только три года, и дѣятельность его была остановлена быстро развившеюся чахоткой. Чтобы избавиться отъ климатическихъ вредныхъ условій, постоянно раздражавшихъ его впечатлительную натуру, онъ ѣздилъ за границу, въ Италію. Тамъ, вмѣсто того чтобы внимательно заняться своимъ здоровьемъ, онъ весь погрузился въ ту кипучую жизнь, которою тогда жила соединявшаяся Италія, познакомился со всѣми тамошними дѣятелями, принималъ живое участіе въ ихъ дѣлахъ и преніяхъ, нѣсколько разъ проѣхалъ Италію изъ конца въ конецъ и возвратился въ Петербургъ, значительно поправившись. Но здѣсь нѣсколько ударовъ очень быстро и

гибельно подѣйствовали на его слабый организмъ и развили въ немъ неизлечимую болѣзнь. Эта болѣзнь быстро свела его въ могилу. Онъ не прожилъ и двадцати шести лѣтъ. Судя по началу его дѣятельности, Россія могла ожидать отъ Добролюбова много пользы, потому что онъ былъ храбрый, честный боецъ за правду.

С М Ъ С Ъ

ЗАПИСКИ МОЕГО ЗНАКОМАГО

I

До окончанія полнаго курса оставалось еще два года, а мнѣ ужь давнымъ-давно хотѣлось вырваться на свободу, на волю. Боже мой! да долго ли мнѣ еще гнѣть въ этой невыносимой тѣснотѣ и духотѣ? Душа жаждала чего-то лучшаго, чего-то новаго, любознательность моя развивалась со дня на день все болѣе и болѣе, пытливымъ взоромъ настойчиво устремлялся въ перспективу очаровательной дали, а между тѣмъ ни одна ясная идея, ни одна отрадная мысль не облегчала головы, забитой этою философіею съ ея тяжелыми терминами и варварскимъ складомъ рѣчи. Да и не одна философія вѣяла на меня могильнымъ холодомъ; подобныхъ ей предметовъ много, много было еще и позади. Немало убито на нихъ золотого времени, молодыхъ силъ, и чтоже за все это оставалось мнѣ въ награду? Одна безвыходная душевная пустота, да непримиримое отвращеніе къ наукамъ! И я ли тому причиною?.. Наставники, наставники! много съ васъ спросится!.. Непростительный поступокъ — породить въ воспитанникѣ отвращеніе къ тому, въ чемъ можетъ-быть заключается все его счастье и благосостояніе! А между моими педагогами сплошь да рядомъ были они, эти нравственные убійцы. И въ самомъ дѣлѣ, что это за жизнь? Тамъ вдали блестятъ новыя понятія, новыя идеи, а ты какъ тяжкій преступникъ безвыходно сидишь въ своей комнатѣ, куда не проникнетъ ни одинъ свѣтлый лучъ, ни одно минутное утѣшеніе! Весь этотъ молодой огонь, все эти благородныя и чисто-человѣческія стремленія должны угаснуть при самомъ ихъ рожденіи.

Грустно подумать, а между тѣмъ это истина, которую знаетъ

всякій, кого судьба обрекла на подобную моей участь. Еще и теперь так живо представляется въ моей памяти этотъ неуклюжій, плъшивый Иванъ Абрамычъ. Вотъ онъ тяжело вваливается въ классъ, недружелюбно и сурово огляывается по сторонамъ, съ шумомъ садится на стулъ и почти по складамъ начинаетъ читать записки «сельскаго хозяйства», составленныя богъ-знаетъ кѣмъ и когда.

— Капуста, проповѣдуетъ онъ : — сіе зеліе огородное есть наилучшійшая принадлежность мужицкой породы, а яблоки сотворены Богомъ на равную потѣху всѣхъ человѣковъ.

Спрашивается теперь, чему жъ научать подобныя его фразы?

Или вотъ еще его ученіе : «чтобы удобрить землю, свѣрѣчь довести ее до надлежащаго смаку, для сего нужно навалить на нее столько древесныхъ, — единственно, говорю, древесныхъ листьевъ, сколько для этой occasiи потребно будетъ.» А сколько ихъ потребно будетъ, объ этомъ значить надо спросить у мужика.

— Потѣха ! скажете вы.

— Какая тутъ потѣха ! не потѣха , а чистое наказаніе ! отвѣчу я. — Извольте-ка къ слѣдующему дню научать эдакія записки слово въ слово. И боже-сохрани, если изъ урока пропустишь частичку же или начнешь его не тѣмъ словомъ, какимъ онъ начинается у Ивана Абрамыча !

— Это либерализмъ ! буйство ! закричитъ онъ тогда въ принадлежкѣ своего негодованія : — пошолъ прочь ! И отвѣчай будто за тяжкое преступленіе. Скажи у него напримѣръ вмѣсто «зеліе огородное» «огородное зеліе», да подвернись ктому на языкъ лишнее нарѣчіе — и пошолъ, становись на колѣни предъ цѣлымъ классомъ.

А учитель математики — что это за воплощенная безсмыслица ! Бывало давалъ тукмана по головѣ единственно зато, что ты, выступая предъ доску, иногда закашливался. Богъ его знаетъ, видѣлъ ли онъ въ этомъ кашлѣ насмѣшку надъ собою (потомучто онъ в самъ не иначе бралъ въ руки мѣлъ, какъ откашлявшись и отплюнувшись разъ съ десятокъ), или просто по собственной логикѣ считалъ неучемъ того, кто начиналъ лекцію такимъ предисловіемъ — вещь непонятная. Но свдали кто изъ моихъ товарищей ускользнулъ отъ его кулаковъ ! Памятны, долго будутъ памятны его тукманы, которыми онъ награждалъ и виноватаго и праваго ! И будь онъ самъ человѣкъ какъ человѣкъ, тогда по крайней мѣрѣ не такъ бы было больно ; а то что ?.. Бывало зазубрить машинально нашъ урокъ, подойдетъ къ доскѣ объяснять, да иногда такъ спутается, что и ступикъ станеть ; съ лица катится градомъ потъ — ничего ! отъ жару !.. чему доказательствомъ служатъ побагровѣвшая шея и уши ; коклюшь забьетъ — тоже ничего ! простудился бѣднякъ !.. Бьютъ же

хлѣбъ подобныя люди!.. И тяжело и досадно, а дѣлать нечего, — не смѣть свое сужденіе имѣть!

Нестерпимо, невыносимо сидѣть въ классѣ, гдѣ самая поэзія идетъ объ руку съ отчаянною прозою. Задали тебѣ выучить примѣръ виллѣи или какой-нибудь оды — и выучишь, выучишь что называется на зубокъ, даже ио свѣ читашь, не пропустишь слова... Да чего больше! надъ однимъ тономъ произношенія бьешься бывало цѣлый вечеръ; ну и спокоенъ наконецъ. «Самъ чортъ, думаешь, не собьетъ; отрѣжемъ, если черноволосый спросить завтра!» а вышелъ передъ кафедрю, поглядить на тебя наставникъ своимъ грознымъ взглядомъ и — прощай! Гдѣ дѣлись и чувства и языкъ! Все пропало! ноги окоченѣли, голосъ дрожитъ, а на умѣ только одно: «вотъ полскочитъ съ кулачищами!.. но слава-богу покуда еще ничего. Сегодня кажется въ духѣ; авось обойдется какъ-нибудь безъ побоевъ.» Въ головѣ начинается свѣтлѣть, мысли приходятъ въ порядокъ, уже готовишься къ порядочному отвѣту; а онъ глядитъ-глядитъ на тебя молча, да и бракетъ ни съ того ни съ сего:

— А зачѣмъ, скотина, причесалъ волосы? Блажныя мысли пошли на умъ? Что думаешь о себѣ? По-своему чтоли причесать теби?

А за его словомъ, какъ и всегда, не долго было дожидаться и самаго исполненія. Случалось в то, что выйдешь бывало отвѣчать какую-нибудь поэму, а тебѣ вдругъ и говорить:

— На охоту чтоль, голубчикъ, собрался, а? за зайцами хочеться чтоли?

Тутъ и выпучишь глаза.

— Для чего это ты сшилъ такой коротенькій сертукъ? для чего, говорю? въ приказные чтоль задумалъ? Изволь, братъ! за нами дѣло не станеть.

Забудутся тутъ и виллѣи и оды, замрутъ всѣ поэтическія движенія, и въ головѣ только одна мысль: «что будетъ со мною?.. Да будь что ни будетъ! пусть добиваютъ молодую жизнь, неокрѣпшія силы! Должно-быть не цѣсти цвѣтку въ осеннюю бурю-непогоду!» Набьешь бывало себѣ волосы на глаза и плетешься уныло въ квартиру, чтобы отдохнуть немного, собраться съ силами для дальнѣйшихъ непріятностей и огорченій.

Да и дома-то не легче. Не успѣлъ еще собраться съ духомъ — и садись прямо за какую-нибудь допотопную ораторію, и хоть читай не читай, а сиди за ней! А то зайдетъ субъ-инспекторъ и такого тебѣ дастъ нагоняя за «лѣность», что дня два и свѣта божьяго не увидишь. А боже-упаси, вздумается тебѣ погулять на улицѣ, по-

дышать свѣжимъ воздухомъ, да случится наткнуться на того же субъ-инспектора или другого начальника, такъ и святыми не отмолишься: цѣлую недѣлю будешь копать въ казенномъ саду ямы для рассадки деревьевъ, заставить тебя полоть гряды или просто, за недостаткомъ служителей, пошлютъ разносить щи казеннымъ воспитанникамъ.

— По крайней мѣрѣ и дурь-то не ползетъ въ голову, и дѣло сдѣлаешь! поддакиваетъ тутъ на слова инспектора его служитель, суя тебѣ въ руки заступъ или миску щей.

— Нѣтъ, никакія силы не удержатъ меня болѣе въ этомъ заведеніи! думалъ я однажды, бросивъ книгу и ударившись на старую хозяйскую софу: — изогнетъ тебя этотъ безтолковый педагогизмъ преждевременно въ дугу, заглушитъ завѣтныя думы и отравитъ послѣднія капли молодой крови. Пусть я и погибну, если мнѣ суждено такъ, но только бы не здѣсь! Боже мой! поглядишь: кругомъ тебя просвѣщеніе и жизнь, а для тебя все это чуждо и незнакомо, все закрыто темною, непроницаемою завѣсою! Минуетъ юность и отъ нея не останется ни одного сладкаго воспоминанія. О если бы хоть малѣйшая возможность! умчался бы далеко-далеко, гдѣ могъ бы дать просторъ своимъ мыслямъ, волю своимъ благороднымъ стремленіямъ. Кто знаетъ, можетъ-быть и проснулась бы, развернулась бы моя жизнь, пока еще не угасшая совершенно. Сладкія надежды! утѣшительныя мечты! предамся же на время хоть вамъ, если такъ горька, такъ безотраднa дѣйствительность!..

II

День страшно пасмурный; дождь такъ и бьетъ въ окно. Въ комнатѣ скука, нестерпимая скука! Тамъ уныло прислонились къ стѣнѣ изувѣченныя стулья, тутъ изъ красненькаго шкапчика, сквозь полуразбитыя и грязныя стекла, виднѣются безвогіа хозяйскія рюмки, выцѣрбленныя чайныя чашки и три занятые какими-то сѣменами и ладономъ стакана, изъ которыхъ пили мы чай богъ-знаетъ когда. Въ углу, подъ небольшимъ кивотомъ, стоитъ изрѣзанный перочинными ножичками непокрытый столъ, на которомъ разбросаны обтянутыя грязною холстиною книжки, и все такія книжки, отъ которыхъ невольно отворачиваешь глаза. Грустно! не на чемъ остановиться и вниманіемъ!

Товарищи мои, уткнувшись въ развернутыя учебники, тупо слѣдили глазами за строками; другіе же, заткнувъ уши, шептали себѣ подъ носъ заданные уроки, повременамъ поглядывая на дверь, какъ-

бы готовясь встрѣтить непрошеннаго гостя — субъ-инспектора. Тяло; развѣ только порой прожужжить въ углу оконной рамы большая муха, попавшая въ лапы паука, или случайно залетѣвшая оса, ударившись со всего размаху объ стекло, зазвенить неблагимъ матомъ и съ шумомъ закружится по комнатѣ; изъ-подъ шкапа порой робко выглядѣтъ мышь и тотчасъ скроется назадъ — и опять все попрежнему. Несносное однообразіе. Но вотъ въ боковой комнатѣ, принадлежащей хозяйкѣ, какъ-то болѣзненно зашипѣли пружинные часы: бьетъ шесть... семь... восемь. Тьфу, какъ еще далеко до ночи! Хоть бы скорѣй забыться дремотою, и того не смѣй: на то положены свои часы! «Неужели же я какая-нибудь машина? подумаешь другой разъ, — машина безъ воли, безъ свободы?» Поглядишь кругомъ, прислушаешься къ окружающему, и отвѣтъ свой видишь во всемъ и вездѣ, и свыкнешься наконецъ и съ этою печальною мыслью, какъ свыкаются со всѣмъ на свѣтѣ.

Вотъ въ нашей комнатѣ отворяется дверь. Посмотримъ, кого-то Богъ посылаетъ? Товарищи мои посиѣшно поправили на себѣ платье, передвинули по столу книжки, и полуприподнявшись, тоже устремили глаза по направленію къ двери; но у порога стоялъ почтальонъ:

— Здѣсь живетъ Василій Годуновъ? спросилъ онъ неспимая каски и всматриваясь въ конвертъ.

— Я! съ недоумѣніемъ отозвался я.

— Извольте-съ получить письмо.

По почерку адреса я тотчасъ догадался, что оно было отъ моего товарища и пріятеля, находившагося въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній въ столицѣ. Нетерпѣливой рукою сорвалъ я печать и скоро узналъ содержаніе письма. Добрый Вознесенскій! онъ еще помнитъ меня, и письмо проникнуто такою теплотою и дружбою ко мнѣ! Двадцать разъ прочиталъ я его строки, и снова хотѣлось читать: такъ онѣ были написаны вовремя и такъ были отрадны мнѣ!

«Другъ Годуновъ!» писалъ Вознесенскій: «я счастливъ и настоящею своею судьбою, и предстоящимъ моимъ положеніемъ въ свѣтѣ; счастливъ при одной мысли, или теперь уже воспоминаніи, что могъ выбраться изъ того зачумленнаго гнѣзда, въ которомъ ты вѣроятно и теперь еще имѣешь несчастіе добывать свою молодость подъ гнетомъ варварскаго и безсмысленнаго педантизма. Надѣюсь, ты не забылъ еще, съ какими средствами выбрался я въ прошломъ году въ дорогу: пустая сума на плечахъ, да 20 рублей въ кошелькѣ — вотъ все что я имѣлъ тогда. Настоящее было слыш-

комъ неутѣшительно, будущее же... но что будущее? можно ли вѣрить надеждамъ, которыя свѣтили мнѣ изъ-подъ сомнѣнія и отчаянія? Но чтоже, другъ? буду коротокъ: благодаря-бога, я благополучно добрался до Петербурга, въ двѣ недѣли сдать экзамень въ N... заведеніи и тотчасъ поступилъ на казенное содержаніе. Больше ничего мнѣ не нужно. А что за жизнь теперь настала для меня, тебѣ и не понять ея. Не сердись, пріятель, за такую откровенность. Когда я самъ былъ на твоёмъ мѣстѣ, мнѣ не болѣе ясною была бы она, хотя бы мнѣ толковали объ ней тысячу разъ на день. Не нашъ позоръ, если мы съ малолѣтства пріучены своими наставниками къ такой темнотѣ и невѣжеству. Короче сказать: теперь я полень какъ вѣтеръ въ стени, занимаюсь лекціями по доброй волѣ... и не думай, чтобы эта *libertas* (помнишь ли? нашъ терминъ!) могла подать мнѣ поводъ къ ошлошности. Нѣтъ, братъ! здѣсь науки такъ увлекательны, что, попросту говоря, и за уши тебя не оттянешь отъ нихъ. Усталъ я заниматься, — иду веселиться въ кружокъ умныхъ и добрыхъ товарищей, или же въ домъ какого-нибудь радушнаго семейства, гдѣ принять какъ хорошій знакомый, какъ родной; взлумаю же — отправляюсь на гулянье или въ театръ, словомъ *libertas* въ полномъ ея значеніи. А впереди что за перспектива, что за жизнь!.. Но нечего распространяться передъ тобой о томъ, чего ты не имѣешь самъ и не знаешь. Послѣднія слова тебѣ конечно нѣсколько больно слышать, но утѣшься: это не болѣе какъ дружескій толчекъ; вотъ опъ: Другъ! если желаешь для себя лучшаго (а кто его не желаетъ?), то бросай скорѣй свое отвратительное заведеніе и пріѣзжай сюда! Сбейся какъ-нибудь леньжонками рубльчекъ на 25, запасись вѣрою и надеждою и — съ-богомъ въ добрый путь. Богъ-дастъ сдать экзамень, поступишь на казенное, какъ и я для другіе, и будешь кататься какъ сыръ въ маслѣ.

«P. S. Еслиже по какимъ-либо обстоятельствамъ ты не получишь здѣсь казеннаго содержанія, такъ не пугайся этой мысли: сколько могу, пособлю и я тебѣ съ своей стороны. Кромѣ того, свѣтъ не безъ добрыхъ же людей. Поэтому повторяю — не отчаявайся! Притомъ я знаю тебя какъ человѣка дѣльнаго и съ характеромъ. Вакансій у насъ на казенное содержаніе довольно много, экзамены легки, а главное экзаменаторы — люди.»

При этомъ товарищъ мой вкороткѣ представлялъ мнѣ программу экзаменовъ и предметовъ, которые требовались для вступительнаго экзамена. «Не будешь, Голуновъ, рассказаться по пріѣздѣ въ Петербургъ, добавляя онъ въ концѣ своего письма: — у тебя довольно еще есть времени выбраться изъ своего душнаго захолустья. Поду-

май же, братъ, маленько о моемъ письмѣ и о себѣ, и докажи, что ты жалѣешь себя и уважаешь твоего друга

Бориса Вознесенскаго.»

III

Было начало іюля. Я готовился уже сдѣлать свой двухгодичный переводный экзамень, но неожиданное письмо друга быстро переищило мои мысли. На другой же день я написалъ отцу письмо, въ которомъ просилъ его благословить меня въ дальній путь и выслать мнѣ, сколько онъ можетъ, деньжонокъ на проѣздъ.

У меня только и было родственниковъ что одинъ отецъ, и тотъ слѣпой. Письмо друга такъ переродило меня, что я въ ту же минуту проклялъ свое заведеніе и готовъ былъ на всевозможныя жертвоуванія, чтобы только выбраться изъ него. Но благоразуміе еще не оставало меня; надо подумать о дѣлѣ серьезнѣе: какимъ образомъ пробраться въ Петербургъ? Эта мысль не покидала меня ни днемъ, ни ночью; я думалъ, ломалъ голову, изобрѣталъ всевозможныя средства, но лучшаго не могъ придумать, какъ обратиться за помощью къ своему отцу. Я зналъ, что и онъ былъ не богаче меня, потовыми грошами и копѣйками собиралъ рубли на мое воспитаніе, но при всемъ томъ его неусыщная забота объ удовлетвореніи моихъ крайнихъ нуждъ, его жизнь, сосредоточенная единственно на моей — навели меня на мысль, на нѣкоторую полунадежду: «не сберегъ ли онъ чего-нибудь и для моего будущаго благополучія? вѣдь отцы, и притомъ старики, любятъ заглядывать въ даль!» думалъ я.

Набросавши на скорую руку письмо и написавши на конвертѣ *весьма нужное*, я опустилъ его въ почтовый ящикъ.

Дѣло сдѣлано; оставалось слѣдовательно ожидать только отвѣта. Настало убійственное время! Десять томительныхъ дней, десять безсонныхъ ночей провелъ я въ этомъ ожиданіи, ожиданіи одного изъ двухъ: жизни или смерти. Одного слова отца — «имѣю 25 рублей», достаточно было бы для того, чтобы осчастливить меня, можетъ-быть навсегда!.. но увылъ этого слова нѣтъ и нѣтъ, да и будетъ ли? Иногда мнѣ и удавалось его слышать, но это былъ минутный сонъ, за которымъ скоро слѣдовала горькая дѣйствительность. Я начиналъ уже нѣсколько колебаться въ своей рѣшимости — бросить заведеніе, начиналъ подумывать я о своихъ переводныхъ экзаменахъ, но тутъ силы мои скоро оставляли меня.

И ходилъ я словно очумѣлый, словно помѣшанный. Товарищи нападали на меня безпощадно, трунили, осуждали, бранили; но я не

слышалъ ихъ , вѣмъ былъ на всѣ ихъ колкости и справедливыя упрёки. Всякому изъ нихъ уже казалось , что я и рожденъ такимъ безчувственнымъ , холоднымъ ; они были твердо увѣрены , что мнѣ и до гибели недалеко : «придутъ каникулы, говорили они, выключать тебя изъ нашего заведенія и пропадешь ни за грошъ.» Я молчалъ и на это, но никто не зналъ, что у меня было на сердцѣ.

Покидая квартиру, я цѣлыми днями бродилъ по загородной рощѣ и далеко-далеко носился своими глубокими думами. Въ пылу мечтаній я нерѣдко забывалъ даже о самыхъ важныхъ физическихъ потребностяхъ и бродилъ до возможнаго утомленія ; бродилъ лишь бы не видѣть этихъ ненавистныхъ предметовъ, которые какъ vampиры сосали мое сердце, не видѣть насмѣшливыхъ лицъ товарищей, не слышать споровъ и выговоровъ моихъ педагоговъ. Минута сладкаго забвенія для меня была дороже цѣлаго дня, цѣлой недѣли, съ ихъ однообразною грязью и пошлостью. Проглянешь солнышко — и будто немного просвѣтлѣютъ моя мысли ; поглядишь кругомъ — и самый мѣръ покажется тебѣ будто бы лучшимъ. Самые люди уже не были для меня тѣми страшными лицами, съ которыми прежде боялся я случайнаго столкновенія, боялся вступать въ разговоръ ; чувствуешь, что и самъ уже не послѣдняя спица въ колесницѣ. Дохнешь на тебя свѣжій вѣтерокъ и освѣжишься немного ; силы начинаютъ возвращаться, возвращается и самая энергiя... Дайте же, дайте пищи этому огню, пока еще не погаснулъ онъ совершенно!

Въ классныхъ журналахъ уже неразъ было написано : «Годуновъ, abest»; инспекторъ уже нѣсколько разъ успѣлъ «прописать» мнѣ и штрафъ за неявку въ классъ, и *будто бы* за безпорядочное поведеніе; но съ ожесточеніемъ и отвагой глядѣлъ я на всѣ эти, прежде грозныя, резолюціи начальства, и только держась своего задуманнаго намѣренія, продолжалъ бродить за городомъ.

Наконецъ я получилъ отъ отца отвѣтъ, котораго ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Письмо это даже превзошло мои ожиданія.

«Милый сынъ Вася!

«Зѣло прискорбно мнѣ было, когда я узналъ изъ твоего письма, что ты хочешь оставить свое родное гнѣздо (писалъ онъ своимъ стариннымъ складомъ и вѣроятно при помощи какого-нибудь грамотѣя, который при процессѣ писанія водилъ его рукой по бумагѣ). Подумай, сынъ, куда ты хочешь летѣть? Я не желаю тебѣ зла, а всячески о тебѣ некусь, ибо ты у меня одинъ-однишенекъ и мнѣтъ у меня ни единого родственника кромѣ. На кого жъ ты покидаешь меня, слѣпного старика?.. Но что тебѣ толковать обо мнѣ! Твоя жизнь одна, а моя другая; тебѣ подобаешь расти, а мнѣ валитися.

Теперь, сынокъ, безъ утайки скажу: я сберегъ для тебя 25 рублей и думалъ тебѣ же употребить на нужды, когда, думалъ, окончишь курсъ. Но видно промысломъ божимъ не такъ суждено тебѣ на сей землѣ. Видно больно желается тебѣ уйти на чужую сторонушку, а отца покинуть? Чтожъ, любезный сынъ, я тебѣ не препятствую въ томъ; колибъ жива была твоя мать, такъ она визачто бы въ свѣтѣ не отпустила тебя, а мнѣ не приходится удерживать. Ступай себѣ съ-богомъ!.. Только подумай хорошенько, обсуди напередъ свое положеніе: вѣдь ты уѣзжаешь на чужую сторону, гдѣ не будетъ у тебя отца; такъ смотри въ оба, не пришлось бы тебѣ горевать такого горя, о которомъ я не думалъ дома, за отцовскою головою. Между чужими людьми и съ голоду помереть не дивно. Хоть ты и писалъ мнѣ, что тамъ найдутся тебѣ и друзья и пріятели, да самъ ты знаешь, что нынче друзья лишь до черна дня, а лучше отца никого не найдешь. Разсуди же, сынъ. А коли ужъ иорѣшилъ дѣло, такъ пріѣзжай проститься со мною; я тебя благословлю своимъ отеческимъ благословеніемъ и иконою покойницы твоей матери, и съ-богомъ! Авось Господь приведетъ — когда-нибудь и я полюбуюсь тобою. Прощай, сынъ. Заѣзжай проститься.»

Тутъ замѣтилъ я на бумагѣ нѣсколько свѣтлыхъ пятенъ, — слѣды крупныхъ слезинъ. Добрый отецъ! онъ ничего не жалѣетъ для меня! не жалѣетъ даже самого себя... слишкомъ велика жертва! Дай же Богъ, чтобы не обманулся онъ хоть въ своихъ ожиданіяхъ и надеждахъ!

Итакъ участь моя рѣшена! «Вѣдь хуже настоящей жизни врядъ ли гдѣ можно найти!» подумалъ я, и благословясь, на другой же день пошолъ подавать прошеніе объ увольненіи меня изъ числа воспитанниковъ.

Легко сказать, но не такъ легко сдѣлать. Едва только я показался въ правленіе, какъ десятки выпученныхъ и изумленныхъ глазъ устремилась на меня съ своими различными оттѣнками чувствъ и выраженій.

— Что это у тебя за бумаги? спросилъ инспекторъ, подбѣгая ко мнѣ и вырывая изъ моихъ рукъ прошеніе.

— Прошеніе, отвѣтилъ я, стараясь подавить свою робость и волненіе.

— О чемъ это?

Я объяснилъ свое намѣреніе.

— Ты? ты хочешь ѣхать въ высшее заведеніе? произнесъ онъ, будто окаменѣвши на мѣстѣ отъ изумленія и негодованія.

— Да; желаю продолжать науки, хочу поступить въ N... заведеніе, говорилъ я растерявшись болѣе прежняго.

— Вонъ , мальчишка ! вонъ ! чтобы и ноги твоей тутъ не было ! и слушать не хочу мерзкихъ рѣчей ! проревѣлъ онъ , будто очнувшись отъ сна .

— Но я уже рѣшился , ваше высоко... , уже получилъ отъ отца и благословеніе , полушопотомъ повторялъ я нѣсколько разъ , низко кланяясь .

— И отецъ твой дуракъ , и ты дуракъ , и всѣ дураки , кто тутъ ѣдетъ ! сказалъ онъ рѣзкимъ , рѣшительнымъ тономъ , и бросилъ мое прошеніе въ порогъ , приказалъ мнѣ идти въ классъ : « вотъ приду , спрошу : знаешь ли еще урокъ-то ? »

Я остановился у порога .

— Вѣдь и кто , подумасшь , надоумливаетъ ихъ ѣхать туда ? разсуждалъ онъ потомъ , обращаясь къ присутствующимъ : — вѣдь бѣгутъ отъ своего заведенія словно дьяволы отъ ладоца , а не знаютъ того , что тамъ-то можетъ-быть имъ хуже будетъ .

Разсуждать было нечего : молча поднялъ я свое прошеніе и вышелъ . Въ груди моей кипѣло , и мнѣ невольно пришло на мысль стихотвореніе одного изъ моихъ товарищей , вырвавшееся у него въ неменѣе тяжкую минуту...

Справедливъ ты былъ , П. ! твои стихи — не плодъ досужей фантазій , а стоишь убитой души , глубокая рана отравленнаго сердца . Ты одинъ сказалъ за всѣхъ насъ вмѣстѣ .

Рѣшеніе мое — ѣхать въ Петербургъ было непоколебимо . Отказъ начальства , отказъ , болѣе или менѣе уже ожиданный , казалось еще больше укрѣплялъ меня въ моемъ намѣреніи и рѣшимости , и на другой же день я опять явился въ правленіе съ тѣмъ же самымъ прошеніемъ и вдобавокъ съ письмомъ отъ отца , въ которомъ тотъ благословлялъ меня въ благой путь .

Сколько я тутъ услышалъ отъ своего начальства брани , клеветы и поношеній , сколько было проклятій , которыми напутствовали меня мои покровители и попечители для того , чтобы отговорить меня отъ поѣздки — трудно и передать . Поэтому на слова ихъ я молчалъ , твердо держась своего рѣшенія , и развѣ порой невольно въ пылу негодованья шепталъ себѣ : « доканчивайте , а я ужъ кончилъ свое ! Ничто меня не удержитъ здѣсь . »

Наконецъ , увидѣвши мое намѣреніе непоколебимымъ , враждебное выключило меня изъ числа воспитанниковъ и съ проклятьями чуть не вытолкало изъ шею .

« Слава-богу ! думалъ я : вырвался наконецъ ! » и продавши свои книжонки и другія вещи , я взялъ въ руки палку и пошелъ по порогу къ родному уголку , гдѣ давно уже ожидалъ меня отецъ .

IV

Свиданіе съ отцомъ было очень просто, но оно долго останется въ моей памяти. Тутъ не было ни восклицаній, ни восторговъ, ни вздоховъ, не проронили мы и слезы, но одинъ продолжительный поцѣлуй, одно крѣпкое, горячее объятіе — много-много сказали намъ, какъ радостно и вмѣстѣ какъ горько наше свиданье, — сказали, какъ глубоко чувствовали мы и это свиданіе, и предстоящую разлуку.

Усѣвшись подъ вечеръ въ саду или на завалинкѣ, мы долго вели съ нимъ тихую, задумчивую бесѣду. Отрывистая, она полна была жизни и силы. Пробѣжали мы коротко и прошедшее, обозрѣли настоящее, пытались заглянуть и въ будущее, но тутъ невольно останавливался языкъ, мы замолкали надолго и тогда говорили за насъ чувства да сердце. Видѣлъ я, какъ у отца при этомъ невольно выкатывались изъ потухшихъ глазъ крупныя слезы, но онъ тотчасъ же и утиралъ ихъ, чтобы не показаться малодушнымъ, и потомъ своими костлявыми руками начиналъ измѣрять меня съ ногъ до головы, — ощупывать мое лицо, грудь, руки, будто бы справляясь, не произошло ли въ нихъ какой перемѣны?

— Вася! говорилъ онъ потомъ: — ты кажется подростъ немного; расти, расти, сынокъ, будь здоровъ. А вотъ лицомъ-то будто похудѣлъ немного, въ лѣта сталъ входить, думъ много; за многими не гонись, сынокъ: на многое много и нужно... А вотъ и бородавочка на щекѣ! все такъ же сидитъ, какъ и прежде. Ну-ка, а сожми мнѣ руку; есть ли у тебя сила?

Я исполнилъ его волю.

— Э, братъ, дрянъ-дрянь! говорилъ онъ, покачивая головою. — Не въ отца пошолъ, весь въ мать-покойницу удался, зато и любимцемъ у нея былъ. Помни, Вася: она добрая, кроткая была женщина, — будь и ты таковъ! Вася! ты вѣрно не забылъ еще, какъ мы пѣли съ тобою: «добриіи взыскани будутъ». Вотъ тебѣ мое послѣднее наставленіе и желаніе.

Три недѣли не хватило у меня силы покинуть отца, наконецъ надо же покориться необходимости. Июль уже кончался, а въ послѣднихъ числахъ августа, какъ писалъ мой товарищъ, начнутся вступительные экзамены въ высшемъ заведеніи. Надо было разстаться. Отецъ вручилъ мнѣ свои кровныя 25 рублей, благословилъ мѣднымъ праѣдовскимъ крестомъ, и всхлипывая ребенкомъ, проводилъ меня за калитку.

— Вася! кричалъ онъ мнѣ вслѣдъ: — береги себя! береги свое здорье!

Присвистнулъ мой кучеръ, тронули лошади и спустя немного, маленькій, съ зелеными ставнями, родной домикъ утонулъ въ далекомъ туманѣ. Но знаю я, долго еще мой отецъ стоялъ у воротъ съ приподнятымъ къ солнцу лицомъ, прислушиваясь къ слабѣющему стуку уносившейся моей телѣги. Прощай же, отецъ! Богъ знаетъ, скоро ли увидимся съ тобою...

Но къ моему величайшему неудовольствію, мнѣ еще разъ нужно было видѣться съ опротивѣвшимъ городомъ, чтобы выхлопотать нужные для меня документы. Собаки не послалъ бы въ него, да дѣлать было нечего: безъ документовъ нельзя же обойтись. Опять могутъ встрѣтиться эти ненавистныя лица, опять эта тяжолая пытка!.. Но вѣроятно уже недолго придется мнѣ возиться здѣсь! успокоивалъ я себя: — зато окончательно свергну съ себя это бремя, долго угнетавшее меня.

Пріѣхавши въ городъ, я навѣялъ навремя небольшую комнатку, сложилъ свои немногія вещи и отправился въ присутственное мѣсто. День былъ свѣтлый, солнце такъ и пекло; потъ ручьемъ лился съ лица, а я все ускорялъ шаги, такъ какъ моя квартира находилась чуть ли не въ двухъ верстахъ отъ присутственнаго мѣста. Желаніе скорѣй выбраться изъ города было моимъ лучшимъ двигателемъ и вожатаемъ. Присутственное мѣсто было въ самомъ концѣ города. Оно стояло надъ обрывомъ горы, у которой бурливо протекала широкая рѣчка. Это было тяжолое каменное зданіе о трехъ этажахъ, съ низенькою деревянною крышею, на которой тамъ и сямъ торчали какіе-то бѣленькіе грибки и клочья зеленого моху. Отъ желтыхъ стѣнъ по мѣстамъ отпала дряблая штукатурка и валялась около неприбранною, а на обнаженныхъ мѣстахъ видѣлись широкія трещины, грозившія раздѣлить зданіе на части. Узенькія окна съ выбитыми и полуразбитыми стеклами застѣвчиво прятались въ оконныхъ амбразурахъ и будтобы робко поглядывали на глубокую пропасть, находившуюся подъ ними. Скучный, тоскливый видъ! того и гляди, что эта тяжолая громада камней полетитъ въ сердитую рѣчку и только останется одинъ фундаментъ, какъ жалкій свидѣтель прежняго тщеславія и величія. Кругомъ гробовая тишина! только развѣ воронъ, усѣвшись на гребешкѣ крыши, громко прокаркнетъ своимъ зловѣщимъ голосомъ и еще большую тоску вагонитъ на душу.

Признаюсь, не безъ робости подошелъ я къ зданію и довольно нетвердою ногою ступилъ на крутую, полуразвалившуюся лѣсенку крыльца. На одной изъ ступенекъ сидѣла женщина въ черномъ

платьѣ и такомъ же на головѣ платкѣ; она поминутно утирала рукавомъ свои заплаканные глаза, но слезы все сильнѣй и крупнѣе бѣжали по ея морщинистымъ щекамъ. Бѣдняжка наконецъ скрыла свое лицо въ складкахъ платья и залилась тихимъ спазмодическимъ плачемъ. Поодаль отъ нея, на другой ступенькѣ стоялъ облокотясь на перила какой-то мужчина, — дьячекъ не дьячекъ, но и не мужикъ, у котораго растрепанные волосы жиденькою волной лежали на плечахъ. Этотъ не плакалъ, но въ грустномъ взглядѣ его, устремленномъ на одно изъ оконъ, такъ много выражалось горя, столько въ немъ было страданія, что невольно думалось: лучше было бы, еслибы и у этого хлынули рѣкой слезы! Взошедши на площадку лѣстницы, я долго смотрѣлъ на этихъ несчастныхъ; такъ и хотѣлось спросить, что за горе у нихъ? И кто рѣшился обидѣть такихъ горемыкъ? Такъ мнѣ было жалко ихъ, бѣдныхъ! Страданія ихъ казалось настойчиво требовали участія, а между тѣмъ объ этомъ участіи никто и не думалъ. Вѣчно сидя въ своихъ четырехъ стѣнахъ, я и не зналъ, я и не думалъ, чтобы люди могли быть такъ холодны другъ къ другу; и уже только отсюда я начинаю знакомиться съ этою грустною истиной. Я задумался, и задумался глубоко. И долго бы еще можетъ-быть думалъ я, но меня скоро вывелъ изъ этихъ тяжелыхъ мыслей подвернувшійся молоденькій писецъ изъ обыкновенныхъ пестрыхъ панталонахъ и въ какой-то, какъ показалось мнѣ, новомодной визиткѣ, которая такъ и говорила, что у хозяйна ея невозможно не хватило сукнеца на ея отдѣлку. Вертясь на одномъ каблучкѣ, приказный отчаянно потягивалъ изъ *цигарки* грѣшный тютюнъ.

— Вы на нихъ глядите? съ улыбкою проговорилъ онъ, небрежно указавши на просителей и пахнувъ мнѣ въ лицо такимъ дымомъ, отъ котораго я едва не закашлялся.

— Да почему это... хотѣлъ я что-то спросить, но бойкій писецъ не далъ мнѣ докончить моего вопроса.

— Есть о комъ толковать! пшъ, свинята, зашли куда трогать сле-замы!

И приказный бросилъ на нихъ такой холодный и презрительный взглядъ, что и мнѣ какъ-то больно стало за нихъ.

— А вамъ-съ что угодно? продолжалъ онъ, змѣйкой увиваясь около меня и перескакивая съ ноги на ногу.

— Такіе-то и такіе-то получить документы.

— А! такъ надо сперва подать прошеніе о разрѣшеніи начальства на таковую выдачу, а безъ того нельзя будетъ.

— Да къ кому жъ бы мнѣ обратиться съ просьбою — написать это прошеніе?

— Сейчас наскриптуримъ! это въ нашихъ рукахъ! Пожалуйте же! говорилъ приказный, безъ церемоніи таща меня за рукавъ по длинному коридору.

Мелькомъ бросилъ я взглядъ на этотъ коридоръ. Онъ вполне соответствовалъ наружности самаго зданія. Сырость и неопрятность были его отличительными чертами. Въ одномъ углу стоятъ грязная избитая швабра, въ другомъ ничѣмъ неприкрытая куча сору; грязный, неровный полъ должно-быть съ начала своего существованія не былъ еще вымытъ ниразу и потому нельзя было утвердительно сказать, былъ ли онъ кирпичный или деревянный; изъ-за объѣденныхъ и отставшихъ плитусовъ тамъ и сямъ блестѣли глазки архивныхъ крысъ, или же длинные ихъ хвостики. Чѣмъ дальше по коридору, тѣмъ картина становилась темнѣе и темнѣе, такъ что надо было пробираться ощупью, или имѣть своего чичероне. Припомнилась мнѣ сцена на крыльцѣ, и я какъ-то сурожно схвативъ своего вожатаго за руку, отрывисто спросилъ его:

— А что стоятъ написать прошеніе?

— Пустяки-съ! на шкаликъ-другой, проговорилъ онъ мнѣ на-ухо.

— Ну это еще вичего, подумалъ я; можно.

Вошли въ присутствіе.

— Годуновъ! вдругъ раздался будто знакомый мнѣ голосъ.

Я оглянулся.

— Годуновъ! повторилъ тотъ же голосъ: — сюда, пріятель! Сколько лѣтъ, сколько зимъ!

И за этимъ ко мнѣ подбѣжалъ чиновникъ. Я взглянулъ на него: это былъ — кто бы вы думали? старый мой пріятель, съ которымъ я уже болѣе пяти лѣтъ какъ не видался. То былъ Покровский, мой товарищъ, мой другъ, сидѣвшій со мною въ училищѣ на одной скамьѣ, другъ, съ которымъ я дѣлилъ пополамъ и горе и радость, и мысли и гостинцы, съ которымъ нерѣдко заодно плутовали передъ учителями, зачто нерѣдко доставалось намъ обонмъ; короче, съ этимъ Покровскимъ мы жили такъ дружно, что многіе называли насъ близнецами.

— Покровский! вскрикнулъ я невольно и такъ неожиданно для присутствующихъ, что они съ изумленіемъ выпучили на меня глаза.

— Мое почтеніе!

— Мос!

— Manus!

— Manus!

— Зачѣмъ въ наши края? спрашивалъ пріятель, крѣпко пожи-
мая мнѣ руку: — ай нуждишка есть?

Я объяснилъ причину своего прихода.

— Прекрасно! брависсимо! забасилъ онъ. — А знаешь ли что,
добавилъ опъ мнѣ шопотомъ: — на твое счастье заболѣлъ нашъ
столоначальникъ, а тобы плохо пришлось тебѣ! понимаешь?

— Пока ничего еще, отвѣтилъ я также шопотомъ.

— Да вѣдь я, батинька, знаешь ли чѣмъ тутъ? помощникомъ,
батинька, помощникомъ! а дѣло-то твое будетъ производиться въ
нашемъ столѣ; ну понялъ чтоль?

И пріятель весело поглядѣлъ мнѣ въ глаза.

— Понялъ! сказалъ я: — отлично, братъ; поздравляю!

— Ну катая же скорѣй въ казначейство, возьми гербовый листъ
въ 90 копѣекъ, и я тебѣ въ одну минуту, то-есть въ одинъ моментъ
настрочу прошеніе. То-есть во какъ! Ну же, живо!

И Покровскій, схвативъ меня зашиворотъ, повернулъ какъ
вгрушку и вынроводилъ за дверь.

Опрометью выскочилъ я изъ суда и побѣжалъ въ казначейство.

V

Присутствіе представляло небольшую комнату, которая по слу-
чаю вѣчной въ ней темноты, была освѣщена сальными огарками.
Въ немъ помѣщалось до двѣнадцати столовъ, прикрытыхъ изор-
ваннымъ и обрызганнымъ чернилами сукномъ и заваленныхъ бу-
магами, между которыми виднѣлись счеты, чернильница съ десят-
комъ воткнутыхъ въ нее перьевъ, и вмѣсто песочницы бумажная
коробочка съ простымъ дорожнымъ пескомъ. За каждымъ изъ
этихъ столовъ сидѣло по четыре человека (вѣроятно столоначаль-
никъ, его помощникъ и два писца); въ нѣкоторыхъ однако мѣ-
стахъ цифра эта нарушалась, но впрочемъ ненадолго: то-есть од-
ному, какъ я понялъ немного спустя, захочется выпить, другому
покурить, ну и выбѣжитъ, да тѣмъ же часомъ и опять за свое дѣло.
Правда, за двумя столами четверо служаекъ лотога хватили «крѣ-
пительнаго», что и столы-то повидимому начали сдаться имъ
койками; но это нисколько не мѣшало присутствію, вѣроятно уже
съ давнихъ поръ привыкшему къ подобнымъ оказіямъ. Приказные
прилежно строчили бумагу, не обращая вниманія на стоявшихъ по-
зади ихъ просителей. Въ комнатѣ господствовала тишина и только
раздавался скрипъ перьевъ, какъ докучная пѣснь стрекозы въ ти-
хомъ полѣ. Порой развѣ потерявшій терпѣніе проситель осторожно

перегнется надъ стуломъ и прошепчетъ что-нибудь на ухо столоначальнику или его помощнику, но тѣ будто и не слышать его и попрежнему продолжаютъ свое дѣло. Скрипнетъ дверь, пройдетъ писецъ — и опять тишина. Или въ какомъ-нибудь углу раздастся громкое носовое всхрапываніе отъ усердной понюшки табаку, тутъ же послышится легкое хихиканье, но скоро опять все стихнетъ, только лишь скрипятъ неутомонныя перья. Черезъ узенькое окно, сквозь которое съ трудомъ пробивались солнечные лучи, два молоденькихъ писца попеременно наблюдали что-то на улицѣ, и легкими жестами или шопотомъ сообщали другъ другу свои наблюденія, а сторожъ, стоявшій у порога, исподтишка слѣдилъ за ихъ дѣйствіями и краснорѣчиво кивалъ своею лысою головою...

Я сидѣлъ и ожидалъ скоро ли Покровскій напишетъ мнѣ прошеніе. Вдругъ кто-то ущипнулъ меня въ колѣно. Я вышелъ изъ задумчивости, поглядѣлъ: это рука Покровскаго, которая, опущенная подъ столъ, казалось требовала приношенія.

— Готово! громко проговорилъ онъ, выразительно взглянувши на меня и потомъ опустивши глаза на свою руку.

— Благодарю!

И я дружески пожалъ ему руку.

Но приятель мой вмѣсто отвѣта на мое пожатіе залился неистовымъ хохотомъ.

— Чего же вы смѣетесь? спросилъ я наконецъ обиженнымъ тономъ, видя, что Покровскій и не думалъ удерживаться отъ своего хохота.

— Да неужели ты не знаешь нашего обыкновенія?

— Какого обыкновенія?

— Сирѣчь опусканія руки подъ столъ?

Я замаялся.

— Такъ тебѣ, братъ, безъ церемоніи надо сказать: пожалуй-ка приятель, за прошеніе! эд...дакъ ма...лую толку! чтобы и намъ не обидно было, понимаешь?

Я молча посмотрѣлъ ему въ глаза: лицо его было свѣтло, также какъ и за нѣсколько минутъ назадъ. Правда, съ своими впалыми щеками, съ приплюснутымъ, на подобіе невыпеченной лепешки, носомъ и съ толстыми, отвпслыми губами, другъ мой всегда былъ отвратителенъ, особенно если прибавить къ тому его маленькій, рахитическій ростъ и преждевременную лысину на головѣ. Но въ былые дни я и не думалъ замѣчать подобныхъ недостатковъ за своими товарищами. Теперь же черты Покровскаго такъ непріятно, такъ отвратительно подѣйствовали на меня, что я невольно отвер-

нулся въ сторону, и нѣсколько минутъ не могъ собраться съ отвѣтомъ на его слова, которыя для меня были неожиданны и дикы.

— Давай же за прошеніе! чего губы-то надулъ? серьезно, но вмѣстѣ и фамильярно повторилъ онъ.

Я попробовалъ было намекнуть ему на нашу старую дружбу, на дальнюю дорогу, на которую такъ мало запасся капиталомъ и гдѣ долженъ былъ дорожить всякою копѣйкою, но другъ мой только и отвѣтилъ на все это:

— Нѣтъ, батинька, нельзя намъ пропускать никакихъ оказій! Поступи самъ сюда, такъ и ты будешь такимъ же, — возьмешь и съ отца родного, коли попадется къ тебѣ.

Послѣ такихъ доводовъ Покровскаго я и не думалъ просить его о снисхожденіи; теперь мнѣ даже совѣстно казалось и вспоминать о прежней связи и дружбѣ съ этимъ человѣкомъ, а потому безъ церемоніи спросилъ:

— Сколько же вамъ угодно за прошеніе?

— На шт... о... фикъ! протянулъ онъ мучительно, подмигивая мнѣ однимъ глазомъ.

— Да весь мой листъ не стоитъ штофа; что вы это вздумали? Притомъ, прежде нежели я встрѣтилъ васъ, съ меня за ту же самую работу просили только на косушку.

— Да ужъ и написалъ бы! съ усмѣшкою проговорилъ Покровскій, выразительно качнувъ головою: — стыдно бы было и показывать; а то видишь ли какъ чисто! важнецкій почеркъ! просто, батинька, люли-малипа! хоть куда подавай! доклады, батинька, пишемъ! вонъ что!

— На чорта мнѣ, сказалъ я съ запальчивостью, — вашъ почеркъ, когда я дорожу теперь всякою копѣйкою! Возьмите его себѣ, любуйтесь сами! а мнѣ возвратите гербовый листъ, если не хотите получать того, что другіе берутъ за подобную работу.

— Такъ вы и не думаете заплатить мнѣ? вспльсчиво закричалъ онъ: — думали на шаромыжкѣ съѣхать; въ такомъ случаѣ мы раздѣляемся по-своему! Извольте-съ, за мною не станеть!

И онъ съ ожесточеніемъ сунулъ мнѣ подъ носъ написанное прошеніе.

Въ прошеніи нѣсколько строкъ было недописано.

— Да помилуйте, сказалъ я: — зачѣмъ же вы испортили мнѣ листъ? вѣдь другою рукою дописывать нельзя его, а тратиться рублями я положительно не имѣю возможности.

— А потому и не дописалъ, сердито и неглядя на меня отвѣтилъ Покровскій: — чтобы вы не увильнули отъ платы; хотѣли въ

дуракахъ насъ оставить? Эге! больно широко махаете! нѣтъ-съ не на тѣхъ наѣхали!

«Чистый разбой! подумалъ я: — дневной грабежъ! Идти бы съ жалобой, да не знаю къ кому, потомучто въ этомъ сутяжномъ дѣлѣ я былъ совершенный новичекъ; еще впрямъ не случилось входить въ подобныя грязныя исторіи. Купить новый листъ?.. Да стоило ли и въ самомъ дѣлѣ изъ-за девяносто копѣекъ пріобрѣтать новаго врага! Лучше — подумалъ я — не буду тратить дорогого времени! вынулъ изъ кармана нѣсколько монетъ и передалъ ихъ Покровскому.

— Дружба дружбой, а служба службой! сказалъ онъ, взявши отъ меня деньги и опуская ихъ въ карманъ: — теперь вотъ и дописывать веселѣй.

Окончивши мое прошеніе, онъ тотчасъ задвинулъ его подъ сукно:

— Ну, теперь можешь себѣ и домой идти! смягченнымъ голосомъ проговорилъ онъ, подымаясь со стула, — а завтра приходи справочку навести. Да не хочешь ли вмѣстѣ со мною выпить за твоё здоровье?

Я молча поклонился на приглашеніе и поспѣшилъ выбраться изъ присутствія. Но уходя, я успѣлъ еще замѣтить, какъ мой другъ съ какимъ-то писцомъ, пересмѣхнувшись межъ собою, отправился пить за мое здоровье; видѣлъ, какъ за другими столами выворачивали карманы у подобныхъ мнѣ; слышалъ вокругъ себя насмѣшливый хохотъ. На крыльцѣ опять тѣже вздохи и слезы! Эта смѣсь разнохарактерныхъ картинъ дотога зарябила въ моихъ глазахъ, эти разнокалиберныя чувства людей дотога перепутали мои мысли, что я почти сумасшедшимъ вышелъ изъ присутственнаго мѣста, и нагнувъ шапку на брови, тихо поплелся на квартиру.

VI

На другой день я опять пошелъ въ присутственное мѣсто, чтобы «навести справки», какъ сказали мнѣ вчера; но вмѣсто того Покровскій послалъ меня къ архиваріусу, просить его объ отысканіи книгъ, нужныхъ къ составленію моихъ документовъ, и о самомъ ихъ составленіи.

Конечно, другъ мой и безъ моего содѣйствія могъ бы обойтись въ этомъ случаѣ, потомучто ему стоило только сдѣлать архиваріусу предписаніе отъ стола (чтобы сготовленъ былъ матеріалъ для до-

кументовъ), но крѣпка на Руси пословица: «рука руку моетъ и обѣ чисты бывають»!

Съ участіемъ жертвы подошелъ я къ архивариусу и началъ сообщать ему свою просьбу: просилъ его поторопиться моимъ дѣломъ, сколько то будетъ возможно, объяснилъ ему мой короткій срокъ, послѣ котораго я рисковалъ быть недонущеннымъ въ высшемъ заведеніи къ экзамену, упомянулъ и о плохомъ состояніи моего кармана, — но архивариусъ кажется не слышалъ ни одного слова изъ всей моей рѣчи. По окончаніи долгаго моего краснорѣчія, онъ спокойно спросилъ:

— Что вамъ угодно?

Я повторилъ свою просьбу.

— Некогда сегодня, дѣловъ пропасть! сухо отвѣтилъ онъ и началъ рыться въ бумагахъ, будто совсѣмъ меня незамѣчалъ.

— Такъ можетъ-быть завтра будетъ возможно? опять спросилъ я.

— Некогда, некогда! какъ-то машинально и скороговоркой произнесъ онъ, и тотчасъ уткнулся носомъ въ какую-то бумагу.

Наконецъ я понялъ, что сухія слова здѣсь напрасная трата времени. «Такъ тянись же ты, бѣдный мой карманъ, пока не лопнетъ у тебя послѣдняя нитка!» какъ-то ожесточенно прошепталъ я себѣ, и доставъ нѣсколько серебряныхъ монетъ, передалъ ихъ архивариусу, который принялъ мои деньги съ обыкновеннымъ равнодушіемъ. Но потомъ, заглянувши изъ-подъ сукна въ свою руку, онъ торопливо опустилъ ее въ карманъ, и кивнувъ мнѣ головой въ знакъ своего согласія и готовности къ услугамъ, весело сказалъ:

— Сейчасъ будутъ готовы! сядьте, обождите маленько.

Шедець подаль мнѣ стулъ.

Но сядѣть въ этой тѣсной и душной комнатѣ мнѣ было слишкомъ тяжело, и я вышелъ на крыльцо, гдѣ присоединился къ числу другихъ просителей. Поглядѣлъ вокругъ — и опять увидѣлъ вчерашнюю черную женщину въ томъ же самомъ ея положеніи, и этого бѣдняка съ длинными волосами и съ убитымъ взоромъ. Грустно мнѣ стало, еще грустнѣй вчерашняго!

Молодыя я былъ, еще не случалось видѣть свѣта въ его безобразной наготѣ и низости, не зналъ еще, какъ люди давятъ въ немъ другъ друга изъ-за своихъ личныхъ выгодъ; еще такъ недавно казалось, что ниже и гнуснѣй Ивана Абрамыча нѣтъ ни одного чело-вѣка въ мірѣ, а теперь и онъ, этотъ варваръ Иванъ Абрамычъ, съ своимъ звѣрскимъ лицомъ, будто бы алмазомъ выглядывалъ среди этой грязи, и я готовъ уже былъ отказаться отъ своихъ прежнихъ мыслей и взглядовъ, уже начиналъ было раскаиваться, что такъ

опрометчиво бросилъ заведеніе , въ которомъ , какъ послѣобъденный сонъ , такъ тяжело , но зато не такъ горько , какъ думалъ я прежде , тянулись мои юношескіе дни . Признаюсь , я даже какъ-то недобѣрчиво и робко глядѣлъ на эту даль , которая когда-то казалась мнѣ такою соблазнительною . Но тяжелыя мои мысли скоро разсѣялись , въ головѣ блеснула новая отрадная надежда , и я опять вошелъ въ присутствіе .

На порогѣ встрѣтилъ меня писецъ архиваріуса .

— Пожалуйте хоть на полштофикъ ! жалобно проговорилъ онъ , указывая мнѣ на свое запыленное , вытертое платье : — сами видите , какое для насъ можно—сказать наказаніе рыться въ этомъ проклятомъ архивѣ . Хуже нашего житья можно—сказать и на свѣтѣ божьемъ не отыщется .

Видѣлъ я , что онъ несъ чистую чепуху , да что съ нимъ дѣлать ! Жалобы эти на жизнь мнѣ уже становились знакомыми , и потому , доставши изъ кармана мелкую монету , я молча сунулъ ее писцу . « Пускай скорѣй съ глазъ убирается ! » подумалъ я .

Приказный , оттопыривъ нижнюю губу , кисло осмотрѣлъ мою монету , улыбнулся тою улыбкою , которою только могутъ улыбаться подобные ему люди , и махнувши рукой , потащилъ къ столу какую-то тяжелую книгу .

— Эй , господинъ ! а мнѣ-то на часекъ ! опять раздалось у моего уха .

Я оглянулся : позади меня стоялъ сторожъ съ такимъ сладкимъ и умилятельнымъ взглядомъ , что такъ и хотѣлось плюнуть ему въ глаза !

Больше уже не хватало моихъ силъ выслушивать , а тѣмъ болѣе удовлетворять этихъ безчисленныхъ попрошаекъ , и я скорымъ шагомъ поспѣшилъ къ архиваріусу . На этотъ разъ архиваріусъ показался мнѣ даже болѣе благороднымъ , чѣмъ я думалъ о немъ , судя по другимъ . Онъ только просилъ меня о терпѣннѣи , а самъ прилежно занимался моими бумагами , такъ что черезъ часъ онѣ были уже готовы . Правда , и тутъ натура его не выдержала немного , и тутъ онъ непременно выкинуть канцелярскую штуку : « надо бы приложить серебряную печать , потомучто въ Петербургъ идетъ » . Да видя , что проситель больно ужъ немогъ карманомъ , тотчасъ передалъ мои бумаги дальше , т. е. въ столъ Покровскаго , откуда онѣ , для окончательнаго подписа , должны были пройти чрезъ руки членовъ присутствія . Впрочемъ , къ счастью мелкихъ просителей , члены не имѣли обыкновенія задерживать подносимыхъ имъ бумагъ ; слѣдовательно скорость окончательнаго рѣшенія моего дѣла зависѣла единственно отъ воли моего друга . Но мнѣ отъ этого

было не легче. Страшно было досадно имѣть дѣло съ подобнымъ человѣкомъ, да дѣлать нечего, надо было покориться необходимости.

Съ сжатымъ сердцемъ подошелъ я къ Покровскому. Теперь о дружбѣ у насъ не было и помину, а между тѣмъ — не знаю почему, пріятель мой хотѣлъ узнать все въ подробности: какимъ образомъ сбился я капиталцемъ въ такую дальнюю дорогу, сколько оставалось мнѣ до вступительнаго экзамена сроку, и имѣю ли я хоть малѣйшую надежду на прожитіе въ столицѣ въ случаѣ неудачи поступить на казенное. Неудовлетворить вопросамъ Покровскаго, рассуждалъ я, значило окончательно вооружить его противъ себя и тѣмъ еще больше попортить такъ худо начатому дѣлу. Притомъ пріятель мой съ такимъ повидимому участіемъ расширявалъ въ то время, что я невольно усомнился: да точно ли онъ забылъ нашу дружбу? — и потому со всею откровенностью неопытнаго ребенка рассказалъ ему обо всѣхъ моихъ обстоятельствахъ.

Но увѣ! Эта же самая откровенность и погубила меня, какъ я послѣ убѣдился; она окончательно испортила все дѣло.

По окончаніи нашей бесѣды, Покровскій небрежно подалъ мнѣ руку и сухо проговорилъ:

— Приходите же черезъ два дня.

Мы раскланялись и разошлись.

VII

Прошли два дня. Являюсь въ присутствіе, но бумаги мои, какъ я уже и ожидалъ нѣсколько, и съ мѣста не двигались. На вопросъ же мой, когда я могу получить окончательную резолюцію, пріятель мой только ухмыльнулся и сказалъ: «черезъ два дня!»

Черезъ два и эти дня являюсь опять, но на этотъ разъ, къ несчастью моему, какъ объяснилъ мнѣ Покровскій, цѣлыхъ уже три дня не было членовъ присутствія, а потому разсмотрѣніе доклада о выдачѣ мнѣ документовъ отложено было до слѣдующаго засѣданія.

Словомъ сказать, подъ разными подобными предлогами, Покровскій цѣлыя двѣ недѣли заставлялъ меня посѣщать безъ всякаго толку ихъ разбойнической вертепъ и притомъ путешествовать изъ одного конца города въ другой въ самую жаркую пору. Но объ этомъ послѣднемъ чудобгствѣ я почти совершенно забывалъ; было горе убійственнѣе этого! Мнѣ сроку до вступительнаго экзамена оставалось только двѣ недѣли, изъ которыхъ дней шесть я долженъ былъ еще уногребить на то, чтобы только добраться до столицы.

Чтоже касается подготовленія къ экзамену, объ этомъ нечего было и думать. Одна мысль опоздать приводила меня въ ужасъ и отчаяніе. Куда дѣвались и апетитъ и сонъ!.. Дни и ночи я думалъ, что будетъ со мною, если меня задержать здѣсь еще на нѣсколько дней? но отвѣтъ былъ самый неутѣшительный!

Наконецъ терпѣніе мое лопнуло, нужда придала мнѣ бодрости, и въ одно утро, твердо рѣшившись не уступать моимъ врагамъ ни одной минуты болѣе, я отправился къ главному члену присутствія съ жалобой на Покровскаго и съ просьбой о скорѣйшей выдачѣ мнѣ документовъ.

Членъ принялъ меня довольно радушно, не безъ вниманія, какъ казалось, выслушалъ мою жалобу и тотчасъ отправился къ столу.

— Ну, думалъ я: — вотъ же теперь задастъ онъ трезвону моему Покровскому! забудетъ и о плутняхъ своихъ. Признаюсь, даже и пожалѣлъ его на этотъ разъ.

Но мои опасенія были совершенно напрасны: членъ спокойно подошелъ къ столу, глубокомысленно поводитъ пальцемъ по первой попавшейся бумагѣ и потомъ едва внятно произнесши: «приготовить вотъ имъ бумаги», пошелъ на свое мѣсто.

Покровскій поглядѣлъ на меня съ полунасмѣшливой миной, подмигнувъ глазомъ, и по уходѣ члена тотчасъ же привился за какое-то постороннее дѣло, вовсе недумая о моемъ.

— Да когда же наконецъ освобожусь я отсюда? съ сердцемъ спросилъ я писца, сидѣвшаго рядомъ съ Покровскимъ.

Послѣдній опять ухмыльнулся, потомъ кинулъ свое перо и поздравлялъ меня къ себѣ.

— Вы бы хлопотали о документахъ своихъ, сказалъ онъ слабымъ тономъ, глядя мнѣ прямо въ глаза:—а то ейбогу дѣло еще надолго протянется.

— Да зачѣмъ же я и хожу-то сюда, какъ не за документами! Я уже вѣдь сказывалъ вамъ кажется, сколько мнѣ осталось сроку до экзамена, а потому и стараюсь, чтобы не опоздать.

— И прекрасно дѣлаете, подтвердилъ онъ, тряхнувъ своей лысой головой:—а для того, чтобы ужъ совсѣмъ не опоздать, внесите рубликовъ восемь-девять въ столъ и побѣжайте себѣ съ-богомъ. А то и я ужъ прождался вашего сроку.

— Да ужели вы задерживали меня съ этою низкою цѣлью? съ какимъ-то отчаяніемъ произнесъ я: — ужели вы подводили меня подъ эти критическія минуты только затѣмъ, чтобы легче обобрать?

— А! а вы думали на шаромыжкѣ отдѣлаться! со смѣхомъ проговорилъ онъ вполголоса: — лучше вотъ выкладывайте-ка девять-

восемь, так дѣло-то лучше будетъ, вѣрнѣе. А безъ того, увѣряю васъ какъ другъ, придется еще мѣсяца съ три прокиснуть вамъ тутъ; и члены вамъ никакіе не помогутъ, даю честное слово—не помогутъ, потому что теперь главный-то членъ по вашему дѣлу—я, коли хотите.

Въ карманѣ у меня оставалось только около 22 рублей. Дрожащими отъ волненія руками досталъ я восемь рублей и судорожно сунулъ ихъ чуть ли не въ самую рожу другу-грабителю. Покровский жадно схватилъ мои деньги, горячо пожалъ мнѣ онѣмѣнные пальцы, взглянулъ на меня успокоительнымъ взоромъ и принялся за окончаніе моихъ бумагъ.

Черезъ день я снова долженъ былъ тащиться въ это безвыходное, заклятое мѣсто. Боже мой! и когда же кончится эта варварская пытка? Вчера Покровский увѣрялъ меня, что все будетъ готово «завтра», но ужъ довольно выучило меня это вѣчное «завтра»! Не пришлось бы услышать его и еще разъ!

Голова моя кружилась, въ ухахъ все еще какъ-будто раздавалось: «восемь-девять, девять-восемь», и я самъ нехотя твердилъ эти цифры, будто строго-заданный урокъ; и кажется услышь я теперь отъ Покровскаго новое повтореніе этихъ цифръ, я и не вздохнулъ бы: спокойно выложилъ бы послѣдній свой капиталъ и остался бы самъ безъ копѣйки. Но къ счастью, я уже не слышалъ ихъ болѣе, хотя документы были уже сготовлены. Безсмысленно взялъ я ихъ изъ рукъ Покровскаго, и непростясь съ нимъ выбѣжалъ вонъ.

Я уже ничего не видѣлъ, что было предо мною, что по бокамъ. Ряблалась только толпа просителей, въ числѣ которыхъ мнѣ будто бы показались давно знакомые черная женщина и господынь съ длинными волосами, да тамъ и сямъ маячило сто разъ повторяющееся лицо Покровскаго.

— Баринъ! какъ же вамъ не совѣстно! всѣ даютъ сторожу на чай, а вы такъ хотите уйти! послышалось сзади и чья-то рука дернула меня за полу.

Неоглядываясь я сбѣжалъ съ лѣстницы и опрометью пустился по улицѣ.

— Постой, постой! простимся хоть, въ гостиницу зайдемъ! закричалъ знакомый мнѣ голосъ.

Я обернулся. Меня нагонялъ Покровский.

— Полавай скорѣй! во все горло закричалъ я извозчику, стоявшему близко. И сѣвъ въ дрожки, я судорожно началъ толкать мужика въ спину, чтобы скорѣе умчаться отъ погони, а позади громко и долго еще раздавалось: «Годуновъ, простимся! положи! остановись на минуту!»

Быль ли то дѣйствительно крикъ моего пріятеля, или просто галлюцинація—не знаю; но только избавился я отъ этого зова не ранѣе какъ по пріѣздѣ въ квартиру, гдѣ такъ матерински встрѣтила меня старушка-хозяйка.

— Ну чтоже, голубчикъ, получили ли бумажечки? говорила она, ласково оглядывая меня съ ногъ до головы.

Я машинально показалъ ей изъ-за пазухи конецъ бумагъ.

— Ну вотъ и слава-богу! теперь и поѣзжайте себѣ съ-богомъ! слава-богу! слава-богу! нѣсколько разъ повторяла она, набожно крестясь и непритворно радуясь окончанію моихъ мученій.

Послѣ материнскихъ словъ и участія хозяйки, я скоро успокоился и началъ собираться къ отъѣзду.

VIII

Нелегко было мнѣ, когда я сообразилъ свои обстоятельства и подумалъ о дорогѣ. Сроку до вступительнаго экзамена оставалось только нѣсколько дней, а въ карманѣ у меня было не болѣе двѣнадцати рублей, изъ которыхъ еще не менѣе трети долженъ былъ отдать за квартиру и столъ хозяйкѣ. Убійственнѣе этого положенія я не могъ и вообразить себѣ; въ то время я въ полномъ смыслѣ походилъ на пловца, застигнутаго бурей и неимѣющаго ни руля, ни веселья. Отправляться въ такой дальній и незнакомый путь съ какими-нибудь восемью рублями, я считалъ дѣломъ если не невозможнымъ, то по крайней мѣрѣ безразсуднымъ; притомъ маршрутъ мой долженъ быть самымъ стѣсненнымъ относительно времени, а перемѣнить его, растянуть безъ ущерба для моего благополучія, не было никакой возможности. Возвратиться къ отцу? но эта мысль пугала меня еще болѣе. чѣмъ мысль погибнуть на дорогѣ. Да и зачѣмъ было возвращаться къ нему? развѣ затѣмъ только, чтобы добить послѣдніе дни его? Уволенный изъ своего заведенія, забравшій все что было у бѣдняка-старика, я повиснулъ бы ему на шею однимъ горемъ больше, однимъ ударомъ тяжелѣе.

— Нѣтъ, думалъ я: — лучше иѣшкомъ пойду въ Петербургъ, съ голоду умру на дорогѣ, или отъ усталости задохнусь въ полѣ, а не потревожу послѣднихъ дней старика!

Да и чѣмъ, если разсудить серьезно, страшнѣе этотъ путь. когда и тамъ и сямъ видишь, какъ бѣдные путешественники съ палочкою въ рукахъ тихонько плетутся и плетутся себѣ изъ одного конца Россіи въ другой? Идутъ они въ Іерусалимъ, идутъ въ Кан-

чатку — я не погибають же!.. Пойду и я, авось какъ-нибудь доберусь до столицы, а что будетъ тамъ, увидимъ. Эхъ, да что!..

Узнавъ объ отчаянномъ моемъ положеніи, старушка-хозяйка того тронулась моею участіемъ, что рѣшительно отказалась отъ моего платежа за квартиру и столъ.

— Да нешто я не христіянка, чтобы у человѣка послѣднее отымать? говорила она почти сквозь слезы: — живы будемъ, не обѣднѣемъ!

Нищій нищему суму дарить!..

Глубоко тронулъ меня этотъ даръ милостыни... Трудно, почти невозможно было принять его, да часто нужда на все бываетъ согласна.

Итакъ въ карманѣ у меня было двѣнадцать рублей. Но что значила эта сумма передъ тою дорогою, которая мнѣ предстояла впередъ?! Надолго ли ее хватитъ? А все-таки я долженъ былъ отправляться: время было слишкомъ дорого для того, чтобы терять его. Оставалось слѣдовательно рѣшить только одинъ вопросъ: пуститься ли мнѣ въ путь на лхой тройкѣ и потомъ скорѣе докончить его пѣшкомъ, или же взять ломового троечника и тихонько доплестись съ нимъ до Москвы? Но послѣдняя мысль казалась мнѣ столько же ужасною, какъ и мысль возвратиться къ отцу, потому что тяжолый этотъ троечникъ могъ представить меня въ Москву не ранѣе какъ въ половинѣ сентября. Въ этомъ случаѣ я долженъ былъ слѣдовательно заранѣе отказаться отъ всякой надежды поступить въ высшее заведеніе.

Долго я думалъ, и наконецъ рѣшился на одно, какъ на послѣднее средство: пуститься сначала на почтовыхъ, насколько то позволить мой карманъ, а потомъ — на своихъ двухъ. Сказано, слѣлапо. Взявши свой узелокъ, заключавшій въ себѣ пару бѣлья, двѣтри книжки, да новый сертукъ про-запасъ, я накинулъ на плечи свою леговькую шинельку, сѣлъ въ почтовый тарантасъ и черезъ мнуну былъ уже на открытой широкой дорогѣ.

Пріятенъ и веселъ путь, когда беззаботно развалившись себѣ въ мягкихъ подушкахъ, и ни о чемъ недумая, только пускаешь клубы табачнаго дыму, а дружная тройка несетъ и несетъ тебя вдаль, по гладкой, безконечной дорогѣ! Удалой ямщикъ заломитъ свою шапку, привстанетъ на облучкѣ, присвиснетъ, прицелкнетъ и только пыль гуще забьется изъ-подъ колесъ, да чаще прежняго замелькаютъ столбы и пестрыя версты; а колокольчикъ то зачеститъ, то захлебнется, то снова начнетъ отбивать свою неугомонную пѣсню, лишь эхо несется въ далекую окрестность. Покойся, праздный, избалованный путешественникъ! предавайся своимъ сладкимъ меч-

тамъ и грѣзамъ! тебя не беспокоить ни стонъ бѣднаковъ безродныхъ, ни слезы притѣсненныхъ просителей, ни сварливая неуговорная жена, ни крикливыя, докучливыя дѣти. Откроешь лѣнивые глаза — и передъ тобою цѣлая галерея картинъ самыхъ разнообразныхъ, самыхъ живыхъ и очаровательныхъ. Деревни мѣняются селами, села полями, поля лѣсами... любуйся сколько твоей душѣ угодно! Свѣжій вѣтерокъ, полный живительныхъ духовъ и ароматовъ, вѣетъ на твое румяное лицо: вдыхай его полной грудью! Все готово къ твоимъ услугамъ за твой, ничего незначащій для тебя десятокъ и сотни!

Но мало этотъ веселый путь радовалъ бѣдника-меня, который уже заранѣе почти зналъ, что ожидало его за этимъ. Въ умѣ моемъ топились сотни мыслей — одна другой безотраднѣе, одна другой ужаснѣе. Мой карманъ, мое положеніе въ Петербургѣ (если только придется добраться до него), отецъ, оставленный мною безъ всякаго родного надзора, безъ всякаго обезпеченія, — все это до того смѣшалось въ моей головѣ, что я сидѣлъ въ тарантасѣ почти незамѣчая, когда перемѣняли лошадей и сколько именно разъ. Очнулся уже не раньше, какъ одинъ смотритель, поглядѣвши въ мою полорожную сказалъ мнѣ: «прощайте, или берите новый билетъ». Правда, въ головѣ моей промелькнуло нѣсколько деревень, городковъ, полей, луговъ, но все это было такъ смутно, такъ неотчетливо, какъ съ трудомъ припоминаемый несвязный сонъ.

IX

Полдень. Лѣтнее солнце, достигнувъ своего апогея, тихо стояло въ лазуревой вышинѣ и казалось не двигалось съ мѣста. Жаръ, духота... такъ и захватываетъ дыханіе! а народъ длинными веренищами идетъ и идетъ себѣ по сторонамъ недавно-проложеннаго шоссе. Среди дороги несется красивый экипажъ, запряженный четверкою вороныхъ, которые, фыркая и прыгая, рѣзко звякаютъ повременамъ о дорожный булыжникъ, а хозяинъ ихъ, важно разваливъ на мягкихъ, узорчатыхъ подушкахъ, только потягиваетъ свою толстую сигару. Порой съ усмѣшкой поглядитъ онъ на встрѣчнаго мужика, который тихонько тащится на своей сухореброй лошадеицѣ и тотчасъ же отвернется въ сторону отъ этой прованческой картины.

Но нѣшеходы, необращая вниманія ни на сѣсиваго барина, ни на бѣднаго мужичка, ровно продолжаютъ свою дорогу, — тогъ съ палочкою въ рукѣ, тогъ съ сумою на плечахъ, тогъ въ оборванныхъ

лаптяшкахъ, тотъ и совсѣмъ босой. Нѣкоторые изъ нихъ присядутъ навремя на зеленомъ деревѣ, на скорую руку подкрѣпятъ свои силы легкимъ отдыхомъ и холоднымъ, неизысканнымъ обѣдомъ, и снова подымутся, и снова вотрутса въ цѣнь подошедшихъ путешественниковъ. Неровны ихъ нужды и заботы, какъ неровны ихъ лѣта и силы. Одинъ идетъ въ дальнюю пустынь помолиться угодникамъ божіимъ, другой поспѣшаетъ къ осеннимъ заработкамъ, тотъ возвращается на родину съ зашибенной копѣйкой, другой спѣшитъ на сладкое свиданіе съ своими дѣтьми, женой или родителями...

Послѣдняя мысль скоро навела на меня какой-то грустный, задумчивый оттѣнокъ, и думалъ я: нѣтъ у меня ни матери, ни братьевъ, ни сестеръ, съ которыми бы я могъ подѣлиться лаской и теплой, задушевной рѣчью. Есть только одинъ отецъ, ожидающій отъ меня утѣшенія и опоры на старости лѣтъ, да и его я оставилъ для того, чтобы стремиться къ далекому неизвѣстному!

Присѣвши гдѣ-нибудь на травѣ близь дороги, я долго и жално глядѣлъ на эти богатые кареты и коляски, несшіяся по шоссе, и невольно приходили мнѣ въ голову несбыточныя мысли: «отчего бы какому-нибудь господину не посадить меня къ себѣ въ его просторный экипажъ? Ему оттого убытку не будетъ, а я былъ бы счастливъ: сберегъ бы силы и подоспѣлъ къ экзамену.» Но хорошо видѣлъ я, какъ черствы, какъ холодны люди другъ къ другу. Путешественникъ, усталый, измученный, кочерыжкой наляется у дороги, а на него никто и не обратитъ вниманія; бѣдный и проситъ и молить, и ему ни отъ кого нѣтъ даже ласковаго привѣта! «Самыя деревья чувствительнѣе этихъ сердець, говорилъ я тогда: — и тѣ готовы принять бѣдняка подъ свою тѣнь и прохладу!» Послѣ этого невольно напрашивалась и эта мысль: «вѣдь и такой же странникъ, всѣмъ далекій и чуждый; свалишься подобно этимъ бѣднякамъ, и никто не подумаетъ позаботиться о тебѣ, погибнешь и при людяхъ». И взваливши на плечи узелокъ, я снова пускался въ путь и ускорялъ свои шаги, чтобы къ вечеру добраться до селенія и отыскать уголокъ къ ночи.

Отъ духоты и мелкой пыли, тихо стоявшей въ густомъ воздухѣ, захватывало дыханіе, а я все ускорялъ и ускорялъ шаги. И думалось мнѣ и то и другое: и предстоявшая даль, и оставленная позади родина, и экзамень, и брошенное заведеніе, и гибель, и жизнь... и многое думалось! а запыленная и мокрая отъ поту рубашка все плотнѣй и плотнѣй прилегалла къ разгоряченному тѣлу. Наконецъ ноги мои начали приставать отъ непривычной ходьбы, силы физическія и нравственныя ослабѣвали съ минутой болѣе и болѣе... Тогда, свернувши куда-нибудь въ сторону, я камнемъ сваливался на зеле-

ный деревъ и долго собирался съ духомъ на продолженіе моего пути. Неразъ тогда вспоминался мнѣ звѣрскій поступокъ Покровскаго, который изъ-за своей низкой корысти не пожалѣлъ даже пріятеля и друга; неразъ въ пылу негодованія я проклиналъ и его, и все что суляло мнѣ погибель, а солнце между тѣмъ все ниже и ниже спускалось на западномъ горизонтѣ и начинало уже прятаться за дальнѣйшій лѣсомъ.

X

Солнце закатилось, заря начинала мало-помалу угасать, а на блѣдно-голубомъ небѣ тамъ и сямъ загорались ясныя звѣздочки. Надо было подумать о ночлегѣ. Но что объ немъ думать, когда въ карманѣ ни копѣйки? пустять добрые люди — и переночуешь, а не пустять — и надорогѣ согнешься калачемъ. Да гдѣ эти добрые люди? спрашивалъ я себя: гдѣ ихъ отыскать, когда еще при первомъ знакомствѣ съ ними, я ни въ комъ не встрѣчалъ теплоты и участія?.. О неблагодарность памяти! А хозяйка-то?

Скоро въ далекомъ полумракѣ предо мною началъ обрисовываться неясный силуэтъ сельской церкви, потомъ выступило нѣсколько вѣтряныхъ мельницъ, мало-помалу наконецъ раскинулось и самое село, гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще дымилась трубы (вѣроятно добрая жена готовила ужинъ, дожидая своего мужа).

— Къ кому пойти? думалъ я, вступивши въ околицу. — Зайду къ священнику, авось дадутъ уголокъ! гдѣ же и быть пріюту для странниковъ, какъ не у духовныхъ отцовъ? Совѣстно просить милостыни подобно нищему, но дѣлать было нечего; страшна смерть безродному въ кругу чужихъ и незнакомыхъ, а на безлюдьи она еще страшнѣе. Буль же воля божія! И я не безъ борьбы и робости вступилъ на крыльцо незатѣйливаго священническаго домика. Нерѣшительно взявшись за скобку, скромно стукнулъ раза два въ дверь и ожидалъ, чтобы выслушать, не идетъ ли кто. Слышались чьи-то легкіе, торопливые шаги.

— Кто тамъ? скоро раздался за дверью женскій голосъ.

Я съ минуту помолчалъ, чтобы собраться съ отъѣтомъ. Что сказать? Сказать «кандидатъ высшаго учебнаго заведенія»? пожалуй и не поймутъ еще, зачтутъ тебя за бродягу: «стунай, скажутъ, видишь себѣ мѣста подалше гдѣ-нибудь!» Назваться странникомъ — тоже смѣшно: молодъ еще былъ, устъ еще не пробивался.

— Прохожій, отвѣтилъ я нерѣшительно.

Женщина среднихъ лѣтъ, въ нестромъ ситцевомъ платьѣ, при-

рытая краснымъ суконнымъ платкомъ, отворила дверь и при-
гла меня нѣ свою прихожую, должность которой отправляла кухня;
женщина эта была, какъ я послѣ узналъ, жена священника.

— Кто ты, голубчикъ? куда идешь? спрашивала она, усаживая
меня на прилавкѣ и оглядывая съ ногъ до головы.

— Иду въ Сергіевскую лавру Богу молиться, отвѣтилъ я, не-
больно краснѣя отъ лжи.

— Хорошо, батюшка; прекрасно дѣлаешь, что угодниковъ свя-
тыхъ не забываешь! ласково говорила хозяйка, продолжая огляды-
вать меня. — Только больно молодъ-то ты, голубчикъ... А! да вы ка-
кихъ изъ благородныхъ еще? вдругъ спросила она меня, слегка
смѣшавшись, какъ-будто послѣ какой-нибудь неловкости.

Я назвалъ своего отца.

— Батюшки мои! да какъ же это онъ отпустилъ васъ въ эдакую
даль, а? одного какъ есть!..

И при этомъ добрая женщина долго разсуждала, сожалѣя обо
мнѣ и о моемъ независимомъ путешествіи.

Черезъ нѣсколько времени къ намъ въ кухню вошелъ и самъ
священникъ, одѣтый въ старый, замасленный подрясникъ. Ему ка-
залось не болѣе пятидесяти пяти лѣтъ, но длинные волосы, запле-
тённые въ толстую косу, и широкая борода — тамъ и сямъ прогля-
дывали просѣдью: признакъ преждевременной старости и можетъ-
быть когда-то перенесенныхъ сильныхъ нравственныхъ потрясеній.
На желтомъ его лицѣ, подернутомъ рѣзкими морщинами, была на-
писана доброта и честность.

Священникъ сначала окинулъ меня мягкимъ испытующимъ взо-
ромъ, потомъ спросивъ кто я, пожелалъ видѣть дорожный мой
видѣ. Болѣе нельзя было скрываться, и я со всею откровенностью
разсказалъ духовному отцу обо всемъ, что только было у меня за
душою.

Онъ со вниманіемъ выслушалъ мой разсказъ съ начала до конца,
потомъ отечески перекрестивъ три раза, взялъ за руку и повелъ въ
просторную комнату, которую назвалъ мнѣ кабинетомъ. Здѣсь не
было ни изысканности, ни роскоши: на стѣнахъ была простая шту-
катурка, въ святомъ углу кивотъ съ деревянными образами и огар-
ками восковыхъ свѣчей, на столкѣ требникъ, обернутый эпитра-
хлемъ, по сторонамъ десятокъ незатѣливыхъ стульевъ, обтяну-
тыхъ нестрелькимъ ситчикомъ; далѣе красный глухой шкафчикъ,
тяжелый дубовый столъ; въ углу, у растрескавшейся изразцовой
печи толстая суковатая палка; на стѣнѣ нѣсколько старыхъ портре-
товъ, штукъ пять картинъ нравственнаго содержанія, поповская
шанка и церковные ключи: вотъ все убранство кабинета. Но сладко

было отдохнуть и тутъ послѣ продолжительнаго пути и усталости: тепелъ этотъ уголокъ, согрѣтый непритворнымъ радушіемъ и привѣтливостью хозяина!

Усадивши меня за столъ, на которомъ скоро явились и чай, и рюмка водки, и простой деревенскій ужинъ, хозяева ласкали меня и угощали будто бы родного сына послѣ долголѣтней разлуки. Въ заключеніе же своей ласки и гостепріимства, они отвели мнѣ тихій и пріятный уголокъ для ночного отдыха.

Старикъ благословилъ меня на сонъ грядущій своимъ отеческимъ благословеніемъ, и я крѣпко уснулъ съ чувствомъ сыновней любви и признательности.

На слѣдующее утро я всталъ съ постели уже гораздо свѣжѣе; одна мысль, что на свѣтѣ есть еще добрые люди, которые не дадутъ тебѣ умереть съ голоду, оживляла мою, начинавшую было угасать энергію. А эта ласка, этотъ привѣтъ... о! много, много они вдохнули въ меня жизни и бодрости!

Меня привѣтствовали добрымъ утромъ, напоили — накормили какъ рѣзкаго гостя, и отпуская въ путь, священникъ далъ мнѣ даже нѣсколько серебряныхъ монетъ «на дорогу». Бѣдный! я не могъ отказаться отъ этой милостыни.

Отблагодаривъ добрыхъ хозяевъ за всѣ ихъ благодѣянія, я перекрестился, получилъ отъ священника послѣднее напутственное благословеніе и снова пошелъ въ путь съ своими завѣтными думами.

Нужно ли говорить, что ободренный однимъ примѣромъ, я и въ слѣдующіе дни продолжалъ заходить къ духовнымъ лицамъ и почти вездѣ встрѣчалъ одинаковый привѣтъ и помощь. Вездѣ напоить, накормить и потомъ дадутъ еще что-нибудь на дорогу. Чего нужно было больше? Я ожилъ, переродился.

Наконецъ на пятый день къ полудню, показалась и Москва.

Москва... какъ волшебнио, какъ обалтательно подѣйствовала она тогда на мой взоръ, на мое сердце!.. «Прибуду на мѣсто, говорилъ я самъ себѣ, запишу всѣ эти чувства»; но къ сожалѣнію они не повторятся дважды! При одномъ взглядѣ на эти кресты, блестявшіе въ лучахъ заходящаго солнца, на эти куполы, башни, высокія зданія, я забывалъ все, все непріятное и тяжелое, и торопливо ускорлялъ шаги.

Вечеромъ былъ я уже въ центрѣ города. Осматривать достопримѣчательныя мѣста было уже поздно; надо было скорѣе позаботиться о ночномъ уголкѣ. Но куда отправиться? въ гостиницу? карманъ не позволялъ. «Да зайду на постоялый дворъ!» И въ самомъ дѣлѣ! что за стыдъ!.. Зашолъ я въ просторное подворье. за-

ставленные повозками и лошадьми, выпросилъ у одного извозчика мѣсто въ телегѣ, тотчасъ улегся подъ своею шипеленкою и уснулъ.

Наутро проснулся уже около десяти часовъ, и первую мою мыслью было повѣритье справиться о состояніи моего кармана, въ которомъ къ счастью отыскалось еще столько денегъ, что довольно было для билета на желѣзную дорогу и на другіе мелкіе, дневные расходы. Спасибо отцамъ духовнымъ: это все ихъ милостыня. Пусть же будутъ счастливы они и ихъ дѣти, еще неуспѣвшіе сдѣлаться людьми самостоятельными!

Немедля минуты, я отправился въ воксалъ, взявъ билетъ третьяго класса и весело помчался къ завѣтному мѣсту.

XI

По пріѣздѣ въ Петербургъ мнѣ прежде всего надо было отыскать своего пріятеля Вознесенскаго, воспитывавшагося въ томъ же самомъ заведеніи, куда намѣренъ былъ поступить и я. Услужливый извозчикъ взялся выручить меня изъ затрудненія.

— Годуновъ! вскрикнулъ Вознесенскій, когда я вдругъ и можетъ-быть неожиданно явился къ нему въ комнату.

— Вознесенскій! радостно воскликнулъ я вмѣсто всякаго отвѣта.

И мы крѣпко обнялись.

— Духая-жь тебя принесла въ такую пору! грустно сказалъ онъ наконецъ, выпуская меня изъ своихъ объятій: — вѣдь экзамены для казеннокоштныхъ у насъ уже кончились; всѣ вакансіи заняты.

Какъ громомъ поразила меня эта роковая вѣсть, я остолбенѣлъ и не зналъ что начать.

— Какже это ты опоздалъ такъ? съ участіемъ продолжалъ онъ, глядя на меня съ неподдѣльнымъ сожалѣніемъ: — успѣвши одной только недѣлю раньше, и ты бы могъ еще поправить дѣла, могъ бы и на казенное поступить, а теперь что?.. Плохо. Дѣлю очень плохо!

— Другъ, не вини меня: все Покровскій... началъ-было я, но больше не могъ выговорить ни слова.

Немного успокоившись, я рассказалъ Вознесенскому до подробности все что со мною случилось въ N-скомъ присутственномъ мѣстѣ. Другъ мой старался меня утѣшить и, отъ негодованія къ Покровскому, требовалъ отъ меня никогда болѣе не вспоминать объ этомъ «негодяѣ».

— Эхъ, братъ, говорилъ онъ: — виноватъ я, что не написалъ тебѣ

о немъ! онъ и со мною хотѣлъ поступить не лучше, когда я хлопоталъ о документахъ; да къ счастью моему секретарь вступился, а то бы и мое положеніе было не завиднѣе твоего.

Мы скоро оставили этотъ скучный разговоръ и непріятное воспоминаніе.

Въ карманѣ у меня не оставалось ни копѣйки, потомучто послѣдній двугривенный я заплатилъ извозчику. Что было дѣлать? я терялся и все еще нѣсколько времени не хотѣлъ сказать моему пріятелю горькой истины. Но, догадливый, онъ скоро самъ вызвалъ меня на эту откровенность и дружеское признаніе.

— Есть ли у тебя что-либо изъ денегъ? спросилъ онъ.

— Ни копѣйки, братъ, сказалъ я рѣшительно: — какъ видишь, одна сума пустая.

Пріятель мой нѣсколько времени помолчалъ, подумалъ...

— Ну ничего, проговорилъ онъ потомъ нетвердо: — какъ-нибудь проживемъ. Главное дѣло пріѣхать, а съ голоду умереть не дадимъ.

Я жарко пожалъ ему руку и совершенно отдался въ его распоряженіе.

— Дѣлай со мною что знаешь! сказалъ я: — а самъ я ничего не могу.

Черезъ полчаса онъ нашолъ для меня маленькую квартиру неподалеку отъ своего заведенія и отправился хлопотать о средствахъ къ моему существованію.

Оглянувшись я кругомъ: тѣсна, грязна моя комнатка, да все же лучше чѣмъ пропизать подъ дождемъ и непогодой, на открытой улицѣ. Тѣмъ болѣе браковать квартирой было бы слишкомъ неумѣстно, потомучто и этотъ бѣдный пріютъ можетъ-быть будетъ стоить столькихъ заботъ и лишеній моему доброму товарищу и другу!

Черезъ нѣсколько времени явился мой Вознесенскій съ веселымъ лицомъ и спокойнымъ духомъ; я уже догадывался, въ чемъ было дѣло. Онъ заплатилъ за цѣлый мѣсяцъ моей хозяйкѣ и за квартиру, и за столъ. Добрый Вознесенскій! буду ли я когда-нибудь въ состояніи достойно отблагодарить тебя за твою услугу?

Обезпеченный въ главныхъ нуждахъ, успокоенный, я съ жаромъ принялся пробѣгать страницы въ книгахъ и запискахъ, доставленныхъ мнѣ опять Вознесенскимъ же; мало-помалу началъ держать экзамены и чрезъ нѣсколько дней могъ уже поздравить себя съ окончаніемъ дѣла. Конечно на казенное содержаніе я уже не могъ попасть, но слава-богу что поступилъ пока и вольнослушателемъ. Дальнѣйшее же опять на волю божію.

Въ первое время я прилежно началъ посѣщать новыя для меня

лекціи, на-лету схватывалъ каждое слово профессора, составляя собственноручныя записки, день за днемъ все болѣе и болѣе цѣнилъ и понималъ эти увлекательныя науки, насчетъ которыхъ такъ мѣтко выразился мой пріятель въ своемъ письмѣ ко мнѣ: «я за уши тебя не оттянешь». И дѣйствительно, я до того увлекался ими, что часто до глубокой полночи просиживалъ надъ одною какою-нибудь идеей, одною истиной, схваченной на лекціи или вычитанной изъ книги. Жажда — скорѣе познакомиться, скорѣе обнять весь предметъ, не давала мнѣ покою.

Но есть у людей нужда, есть забота еще поважнѣе этой; она не забывается, или если и забывается, то ненадолго: это голодъ. Кромѣ того, мнѣ надо было подумать и о хозяйкѣ, пожалѣть Вознесенскаго, который съ такимъ самоотверженіемъ взялъ меня на свою шею. У него теперъ всѣ средства истощились. Та небольшая сумма, которую онъ оставилъ мнѣ въ первый разъ, вышла уже до послѣдней копѣйки, а нужда стучалась ко мнѣ неотступно. Что дѣлать? пріятель мой бѣсился, я изнемогалъ въ отчаяніи.

На дворѣ пасмурный, холодный октябрь. Дождь крупными каплями бьетъ въ мое окно; вѣтеръ такъ и рвется черезъ трещины моего скромнаго чердака, сколоченнаго на скорую руку изъ тоненькихъ досокъ. Холодно, а хозяйка и не думаетъ топить мою печку. Надо заплатить сперва... а чѣмъ, если и безъ того уже приходилось браться за послѣднее платье, чтобы только прокормиться? Ушолъ бы куда-нибудь — сапоги развалились. Сѣлъ бы въ мягкое кресло, можетъ-быть отогрѣлся бы — да гдѣ оно? Скучно, больно, досадно! Въ комнатѣ у меня только одинъ полуразвалившійся диванъ да треногіи стулъ, уныло пріютившіеся съ одной стороны къ голому изуродованному столику, съ другой — къ покоробленной стѣнѣ съ оборванными шпалерами. Чѣмъ заняться? чѣмъ развлечься? на чемъ остановить взоръ? Остается у меня еще маленькое утѣшеніе — холодная шинель, одиноко висящая на гвоздикѣ у порога. Да и это утѣшеніе ненадолго, и съ нимъ надо проститься!

Снявши шинель, я со вздохомъ повернулъ ее нѣсколько разъ въ рукахъ, зазвалъ услужливаго татарина и продалъ ему за совершенный, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, безцѣнокъ. По крайней мѣрѣ еще пролится моя жизнь на нѣсколько дней.

Расплатившись съ хозяйкой за старое, я далъ ей нѣсколько еще впередъ, купилъ себѣ чернаго хлѣба, взялъ нѣсколько билетовъ у кухмистра и снова зажилъ до поры до времени. Жить какъ живутъ мои прочіе товарищи, я уже конечно не могъ; но были правды часы, когда и мнѣ хотѣлось имѣть свой праздникъ, показать другимъ, что и я человекъ не хуже другихъ. Такъ, подастъ бывало

хозяйка самоваръ на столъ, а у тебя нѣтъ ни куска сахару, ни крошки чаю. Что дѣлать? какъ горю пособить? какъ признаться, что самоваръ ненуженъ?.. Подумаешь-подумаешь, соберешь бывало съ цвѣточнаго горшка немного когда-то насыпаннаго туда испитого чаю, заварить его въ чайникъ — и поправилъ обстоятельства! отольешь изъ самовара стакана три кипятку за окно и кричаши: «примите, хозяйюшка; отишь-де.» Случалось и то: придетъ обѣденная пора, а у тебя и перекусить нечего: ни дома нѣтъ куска, ни билета къ кухмистеру. Какъ показать хозяйкѣ, что жилецъ ея безъ обѣда сидитъ? Натянешь бывало свой легкій сертучишко и соберешься уйти изъ комнаты; да если встрѣтишься съ хозяйкой на лѣстницѣ, то еще и скажешь: «обѣдать-молъ иду, поглядите-жъ за комнатой». А какое обѣдать! прохляешься часть-другой по улицамъ, промерзнешь какъ собака и вернешься; а тамъ свалишься скорѣй на диванъ, да и клянешь и себя, и хозяйку (а зачто?), и весь бѣлый свѣтъ. Лежишь да и думаешь: какъ бы поскорѣе уснуть! не забудется ли?..

XII

Но скоро пройдетъ этотъ ложный стыдъ и неумѣстное самолюбіе.

Насталъ декабрь, по необходимости нужно было оставаться дома во весь день: не выйдешь же на улицу въ одномъ холодномъ сертучкѣ, который оставался у меня единственнымъ средствомъ къ прикрытію грѣшнаго тѣла. И забылись тутъ и дорожка на лекціи, и квартиры товарищей, куда я заходилъ иногда разогнать скуку или просто перекусить кусокъ хлѣба, приросъ къ своему дивану и лежалъ на немъ живымъ мертвецомъ. Безсмысленные глаза неподвижно устремлены въ потолокъ, въ головѣ ни одной свѣтлой мысли. И только еще досада да отчаяніе двигали мою застывавшую кровь и убѣждали меня, что я существовалъ еще.

Не было жалости у зимы, не было сердца у моей хозяйки! Печь нестоплена, по стѣнамъ тамъ и самъ виднѣются бѣлые хлопья инею; маленькое мое окно занесено снѣгомъ и льдомъ дотого, что и свѣтъ-то божій не можетъ пробиться въ мою комнату. Больно!

Въ голову порой закрадывалась даже преступная мысль о насильственной смерти, но тутъ я съ ужасомъ хватался за голову и просилъ Бога спасти меня отъ этого малодушія. «Настанетъ время — и безъ того умру». Неразъ въ смутныхъ грезахъ я видѣлъ своихъ товарищей: вотъ они беззаботно и весело предаются сво-

имъ любимымъ развлеченіямъ, вотъ идутъ на лекцію, слушаютъ професоровъ... «Ахъ, они обогнали меня! вскрикивалъ тогда я въ порывѣ своего отчаянія: — нѣтъ, я догоню ихъ, буду не хуже ихъ!» Но оглянешься кругомъ, и снова со вздохомъ ударишься въ диванъ. Въ чемъ выйти, если недавно и послѣдній сертукъ, и замасная пара бѣлыхъ промѣнены на черный хлѣбъ? Остался на плечахъ одинъ старый, изорванный шлафрокъ, но его не спущу: пусть онъ служитъ мнѣ одѣяломъ и подстилкой, а умру — послѣднимъ покрываломъ!

Въ комнату вошелъ почтальонъ; получаю отъ отца письмо. Бѣдный! онъ радъ-радешемекъ, что я принялъ въ высшее учебное заведеніе; думаетъ цѣль моя достигнута вполне, а не знаетъ того, что я не имѣю казеннаго содержанія и сижу безъ хлѣба. Отецъ благодаритъ Бога за мое счастье и въ концѣ своего письма прибавляетъ, что бывшій мой товарищъ Покровский вытребовалъ съ него по почтѣ два рубля, тѣ два, которые были сбережены и assigned мнѣ на гостинецъ: «Спасибо этому Покровскому! добавляетъ мой отецъ:—онъ добрый человекъ и хорошій тебѣ товарищъ, если повѣрилъ два рубля на гербовый листъ». Опять этотъ Покровскій съ своими низкими воступками! Извольте же теперь думать: самъ я взялъ въ казначействѣ гербовый листъ, самъ заплатилъ за него собственныя деньги, а онъ и тутъ нашолся удовлетворить своему ненасытному корыстолюбію, сумѣлъ обмануть довѣрчиваго моего отца! Пускай же разживается онъ, пускай не знаетъ въ своемъ счастливомъ невѣжествѣ того, что эти два рубля быть-можетъ отымаютъ послѣднія минуты жизни у его друга!

Вчера Вознесенскій принесъ мнѣ свой шолковый жилетъ и просилъ меня продать его для покрытія моихъ же нуждъ. Неужели рѣшиться на это?! «Эхъ, пускай же я безконечно буду обязанъ одному другу, если такъ безжалостно, такъ безчеловѣчно поступилъ со мною другой!»

Жилетъ проданъ, нужды на нѣсколько времени удовлетворены. Кончились и эти деньги, и снова я долженъ умирать съ голоду. Но Вознесенскій всячески старается удалить меня эти тяжкія минуты. Онъ рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству, чтобы только поддержать мое существованіе: началъ всвкій день приносить мнѣ ломтя по три хлѣба, взятаго нитъ съ своего казеннаго стола. Мало того, онъ почти каждый день отправляется въ городъ, по всѣмъ закоулкамъ отыскиваетъ для меня какого-нибудь частнаго занятія; занятія правда и находились иногда, но всѣ они были неподхожи къ моему безвыходному положенію. Иногда мнѣ случалось получать отъ Вознесенскаго какія-нибудь бумаги для переписки, я

заработывалъ тѣмъ небольшую сумму, но она тотчасъ же шла хозяйкѣ, а самъ я все-таки сидѣлъ пока на одномъ ломтѣ.

Но выпадало время, когда и этихъ ломтей я не могъ видѣть у себя дня по два и болѣе. Вознесенскому иногда по необходимости случалось отпраиваться на нѣсколько дней за-городъ или же онъ просто заболѣвалъ, и тогда... болѣзнь его была для меня тяжелѣйшей моею собственною. И горячо молилъ я Бога о его выздоровленіи и съ нетерпѣніемъ поглядывалъ на дверь: не появится ли мой благодѣтель? Но его нѣтъ какъ нѣтъ... Вотъ внизу раздались чьи-то шаги... пѣтъ, то дворникъ или водовозъ! Начнешь снова прислушиваться и слышишь на улицѣ раздается: «пирожки горячи!» «битаго мяса!» — Да не для меня! подумаешь самъ про себя. Въ кухнѣ у хозяйки слышенъ стукъ кастрюль, тарелокъ, ножей; порой даже доносится до меня и соблазнительный запахъ самыхъ блюдъ... «обѣдаютъ, да не мы!» говорилъ я съ тоскою, и еще больше прежняго начиналъ томиться голодомъ и еще нетерпѣливѣе ожидалъ Вознесенскаго.

Но вотъ наконецъ идетъ мой Вознесенскій! Для меня одно его присутствіе сдѣлалось будто необходимостью, существенностью. По крайней мѣрѣ успокоить, утѣшить своимъ добрымъ участіемъ, согрѣбеть теплою, дружескою рѣчью. Но Вознесенскій не имѣлъ обыкновенія кормить соловья баснями: онъ идетъ ко мнѣ съ хлѣбомъ-солью. Истощились его средства, онъ разыгрываетъ свой перстень, шкатулку или что-нибудь другое, и вырученными деньгами дѣлится со мною, даже безъ моего намска на то. Онъ видѣлъ меня, онъ понималъ мое положеніе, потомучто и самому ему приходилось испытывать подобную участь при первомъ своемъ знакомствѣ съ петербургскою жизнью.

Отраднѣе имѣть подобнаго друга, который не оставляетъ тебя и въ минуты невзгоды, и самое горе будто бы не такъ тяжело, если есть съ кѣмъ подѣлиться имъ.

Такъ прожилъ я цѣлый годъ, тяжкій, незабвенный годъ въ моей молодой жизни! Настала наконецъ весна — это время, такъ благодѣтельное для бѣдняковъ, неимѣющихъ теплаго платья; вздохнулъ свободнѣе всѣ тѣ, которые подобно мнѣ осуждены были на безвыходную жизнь въ четырехъ стѣнахъ. Проглянуло солнышко, на дворѣ растаяло, высохло. Заглянулъ теплый, ясный лучъ солнца и въ мое узенькое окно, и моя бѣдная комнатка повеселѣла. Тепло стало какъ-то и на душѣ, легко на сердцѣ!

— Ну-ка братъ, выльзай-ка изъ своей берлоги! весело проговорилъ мнѣ однажды мой Вознесенскій, вошедши ко мнѣ въ комнату и вынимая изъ-подъ полы поношенный сертукъ и брюки: — на-ка

вотъ, одѣвайся, да ступай на лекціи, покажись профессорамъ, а то ужъ и «физику» твою забыли кажись. А завтра, продолжалъ онъ, принесу тебѣ записки и книги: садись, готовься въ экзамену; вѣдь не за горами.

— Да въ чемъ же идти-то? сказалъ я болѣе самъ про себя: — сапоги-то, сапоги мои грѣшные!.. на что они похожи?

Горе мое да и только! Но дѣлать нечего, стыдъ восторону! Взялъ я тутъ у хозяйки иголку съ ниткою, скрѣпилъ, какъ могъ, свои сапожонки и отправился въ аудиторію... А показался разъ, въ другой не такъ уже совѣстно; да что за стыдъ-совѣсть!

Жизнь моя перемѣнилась, началъ я посѣщать и лекціи, которыхъ оставалось уже такъ немного. Жаль было упущеннаго, но Вознесенскій и тутъ старался помочь мнѣ: по мѣрѣ силъ своихъ и припоминаній, онъ передавалъ мнѣ все что слышалъ самъ изъ устъ профессоровъ.

Началъ я прилежно читать и перечитывать записки, и черезъ мѣсяцъ, удовлетворительно сдавши экзаменъ, къ величайшей моей радости поступилъ на вакантное казенное мѣсто. Конечно! все миновало, что было такъ горько, такъ тяжело мнѣ! И для меня наконецъ открывается эта жизнь новая, широкая и беззаботная, какъ достойная награда за перенесенныя лишенія и нужды. Справедливъ былъ Вознесенскій, написавши мнѣ: и ты возьмешь свое, и ты, поступивъ на казну, будешь подобно другимъ кататься какъ сыръ въ маслѣ. И дѣйствительно, обеспеченный во всемъ необходимымъ, о чемъ тогда я долженъ былъ заботиться? Чего мнѣ недоставало для того, чтобы назваться счастливымъ? Но счастье вещь условная; всѣ эти удобства и удовольствия жизни дороги для насъ только *во время*. Долго ли, да и могли ли они радовать меня, когда я потерялъ самое драгоценное въ жизни, — потерялъ здоровье? Меня давно уже мучилъ удушливый кашель, а теперь онъ, несмотря даже на хорошую погоду, ожесточался еще болѣе прежняго; цѣлыя ночи я проводилъ безъ сна; ни мягкая постель, ни хорошій столъ, ни всевозможныя удобства не могли имѣть для меня того значенія, которое я отдалъ бы имъ прежде. Самыя тщательныя и усердныя пособія докторовъ были уже не въ состояніи искоренить той ужасной болѣзни, которую я носилъ въ моей груди и которой, по случаю, зналъ даже неутѣшительное латинское названіе *tuberculosis*!.. Все отравлено, все умерло для меня, что когда-то казалось такъ очаровательнымъ и милымъ! Чувствую, что даже самый характеръ мой быстро переходитъ въ другой типъ и принимаетъ другую силу: изъ человѣка твердаго и рѣшительнаго, какимъ я зналъ себя пре-

жде, я невольно дѣлаюсь какимъ-то слабымъ, раздражительнымъ и угрюмымъ.

Да, много перевесъ я въ этотъ первый годъ моей петербургской жизни! Уже не возвратитъ мнѣ того, что потеряно такъ рано, такъ неожиданно, — не возвратитъ здоровья!

XIII

Въ три года я переѣхался дотого, что меня не узналъ бы никто изъ знавшихъ меня въ прежнее время. Здоровье мое видимо исчезало съ каждымъ днемъ, я уже кашлялъ кровью. Доктора присоветовали мнѣ бросить занятія и ѣхать въ провинцію на свѣжій воздухъ. Но зналъ я, что означало это «на свѣжій воздухъ»!

Изъ частныхъ медицинскихъ книгъ и изъ частныхъ столкновений съ медиками я довольно набрался тѣхъ свѣдѣній, которыя относились къ моей болѣзни. Но это мнѣ вовсе не помогало, а напротивъ вредило. Я самъ могъ слѣдить за ходомъ своей болѣзни, могъ считать часы приближающейся смерти и съ ужасомъ видѣлъ, какъ коротокъ былъ срокъ моей жизни. Зачѣмъ же ѣхать въ провинцію? Затѣмъ, чтобъ продлить свою жизнь нѣсколькими днями больше и добить бѣднаго отца, у котораго только одно утѣшеніе — сынъ?..

Но надо оставить Петербургъ. Я здѣсь уже лишний, бесполезный человекъ. Горько!

Насталъ часъ, я крѣпко-крѣпко прѣстился съ моимъ Вознесенскимъ, отблагодарилъ его за все его благодѣянія, сѣлъ въ вагонъ и — прощай Петербургъ, прощай!.. понятно, навсегда! Отерши невольно выкатившуюся изъ глазъ крупную слезу, я замкнулся самъ въ себя, какъ еще никогда въ жизни. Куда меня везли, съ кѣмъ я сѣлъ, видѣлъ ли, слышалъ ли, — не помню. Разлука съ Петербургомъ, предстоящее свиданье съ отцомъ, котораго тотъ конечно не ожидаетъ, наконецъ состояніе моего здоровья, — все это дотого занимало мои мысли, что я въ полномъ смыслѣ слова незамѣтно проѣхалъ почти всю дорогу до Н. Здѣсь уже я немного опомнился, потомучто это былъ тотъ самый городъ, гдѣ такъ увѣло протекли дни моей юности. Знакомыя мѣста снова возвратили меня къ давно-забытымъ мыслямъ и чувствамъ. Увидѣлъ я и то присутственное мѣсто, гдѣ было положено основаніе моимъ бѣдствіямъ. Исчакнулъ я, исчакло же и это тяжелое зданіе, вмѣстилище неправды и безчеловѣчія. Крыша во многихъ мѣстахъ обвалилась, кругомъ лежалъ высокій слой обсыпавшейся штукатурки; трубы торчали и

выглядывали какими-то страшными уродами. Много переѣнилась вѣшность этого зданія, но переѣнились ли люди, находящіеся въ немъ, или все таже неправда, какъ и прежде?..

Шагахъ въ пятидесяти отъ этого дряхлаго зданія красовался чей-то щегольской одноэтажный домъ, съ новой желѣзною крышей, съ затѣйливымъ балкономъ и съ разноцвѣтными стеклами въ широкихъ окнахъ. Сколько мнѣ помнится, этого дома прежде не было здѣсь, да и судя по его наружности и фасону отстройки, съ перваго взгляда можно бы было догадаться, что онъ былъ выстроены неолѣе какъ за годъ назадъ. Любопытство подстрекнуло меня узнать о его счастливомъ владѣльцѣ; я остановилъ встрѣчнаго какого-то господина и спросилъ:

— Чей это домъ, скажите пожалуйста?

— Столоначальника вотъ изъ этого присутственнаго мѣста! отвѣтилъ онъ, указавши нето на мусоръ, нето на случившуюся яму.

— А какъ его фамилія?

— Покровскій.

— А, Покровскій!.. произнесъ я съ какимъ-то неопредѣленнымъ чувствомъ, быстро зашевелившимся у меня на сердцѣ.

— А развѣ вы знаете его? спросилъ господинъ, глядя на мое лицо, въ которомъ вѣроятно отражалось мое внутреннее состояніе.

— Немного, отвѣтилъ я.

— И совсѣмъ бы не слѣдовало знать.

— А что?

— Да такъ. Много онъ погубилъ добрыхъ людей изъ-за своей корысти! многіе будутъ плакаться на этотъ красивый домъ, собранный неправдой и варварствомъ! произнесъ онъ съ такимъ тяжелымъ вздохомъ, что и у посторонняго подступило бы подъ сердце.

— Правда! сказалъ я тогда самъ про себя: — въ фундаментъ этого дома лежитъ и моя часть; и моя кровь послужила ему необходимымъ матеріаломъ для цемента! Стоитъ ли плакать? Поздо! будь же ты счастливъ, Покровскій — мой другъ, мой убійца!

Удушливый кашель началъ колотить меня немилосердо, кровь хлынула изо рта, хлынула и въ лицо, и въ мутныхъ моихъ глазахъ скоро закружился весь божій свѣтъ. Сѣлъ я въ почтовый тарантасъ и дружная тройка снова помчала меня впередъ, а глухой, разбитый колокольчикъ уныло дрожалъ и дребезжалъ подъ широкою дугою.

В. ВЪЛОПОЛЬСКІЙ

О РУССКОМЪ РАЗСЛЕНІИ И О ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ КОМИТЕТѢ

(ЗАМѢТКА НА СТАТЬЮ: «Вопросъ о колонизаціи». Время, № IX. Сивъсь) (*)

-Ошибка ихъ заключается не въ томъ, что они забиваются въ одинъ какой-либо уголъ вѣдѣнія, а въ томъ, что въ этомъ-то углу они думаютъ найти рѣшительно все.-

(Пред. къ пер. рыттеровой «Исторія новой философіи».)

«Время» въ сентябрьской книгѣ обратило вниманіе на пренія, происходившія нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ политико-экономическомъ комитетѣ географическаго общества по вопросу о колонизаціи. Въ статьѣ, посвященной обсужденію этихъ маѣній, очерченъ самый характеръ дебатовъ и сдѣланы замѣчанія на слова нѣкоторыхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ рѣшеніи вопроса о переселеніи. Совершенно раздѣляя взглядъ этой статьи на общій характеръ комитетскихъ разсужденій, я вполне согласенъ, что «прекрасное начинаніе много потеряло отъ отвлеченности и безсвѣстности преній». Но я далекъ и отъ мысли безусловно отрицать относительную пользу прошлогоднихъ засѣданій комитета и раздѣляю сожалѣніе многихъ о томъ равнодушіи, съ какимъ прошла ихъ наша періодическая литература. Впрочемъ цѣль моего письма заключается вовсе не въ опредѣленіи значенія комитетскихъ засѣданій, а въ поясненіи моей мысли *о ходокахъ*.

Авторъ статьи, помѣщенной въ сентябрьской книгѣ «Времени», сказалъ, что я и г. Тернеръ говорили въ комитетѣ «о необходимости предоставить передовымъ колонистамъ, ходокамъ, такъ-ска-

---

(*) Съ удовольствіемъ помѣщаемъ статью эту. Вопросъ о колонизаціи въ Россіи такъ важенъ, что чѣмъ больше будутъ писать о немъ люди бывалые и знающіе предметъ, тѣмъ лучше.

затъ соглadataямъ всего переходящаго населенія выбора мѣстъ для колоній, — и никому больше.» Формулировавъ такимъ образомъ наше мнѣнiе о ходокахъ, авторъ замѣтилъ непрактичность этого предложенiя и указалъ на средства болѣе современныя: на хорошія описанiя.

Очень жаль, что у меня нѣтъ подъ руками протокола, въ которомъ записаны слова, сказанныя въ комитетѣ при обсужденiи вопроса о колонизаціи, а безъ него я не могу утвердительно сказать, какое значенiе придавалъ *ходокамъ* г. Тернеръ; но я очень хорошо помню случай, побудившій меня поставить существованiе *ходоковъ* на видъ собранiя ученыхъ экономистовъ. (О *необходимости* *ходоковъ* или о *необходимости* предоставить выборъ мѣстъ «имъ и никому больше» я, помнится, не говорилъ.) Поводъ къ указанiю комитету на *ходоковъ*, надѣюсь, освободить меня отъ упрека въ непрактичности, замѣченной авторомъ прекрасной статьи, напечатанной во «Времени».

Во время пренiй о *способахъ* колонизаціи, я имѣлъ случай указать на нѣкоторыя стѣснительныя правила, запрещающія у насъ переселенiя безъ исполненiя натуральныхъ и денежныхъ повинностей по мѣсту прежняго жительства; приводилъ затрудненiя переселенцевъ въ полученiи разрѣшенiя на переходъ и неудобство самаго перехода подъ правительственнымъ покровительствомъ, и упоминалъ объ осязательныхъ преимуществахъ *комерческаго* способа колонизаціи передъ тѣмъ, въ которомъ принимаютъ участiе различные чиновники. Нѣкоторыя изъ лицъ, присутствовавшихъ въ этотъ разъ въ комитетѣ, рѣшительно отвергали возможность допущенiя у насъ *комерческаго* способа переселенiй. Опроверженiя ихъ основывались на томъ, что въ чужихъ странахъ, гдѣ допускается такой способъ колонизаціи, обыкновенно вылаются спекулянты и, съ своекорыстными цѣлями, *возбуждаютъ* народъ къ переходу въ такія мѣста, переселенiе куда болѣе отвѣчаетъ видамъ переселяющихъ, чѣмъ интересамъ переселенцевъ. Зналъ, что въ исторiи иностранной колонизаціи такой фактъ дѣйствительно существовалъ, но невѣдя никакого основанiя предполагать этотъ фактъ необходимымъ условiемъ *комерческаго* способа колонизаціи, особенно у насъ, гдѣ идетъ рѣчь не о заморской колонизаціи, а о *разселенiи* по лицу земли русской, я позволилъ себѣ сказать, что эти опасенiя недостаточны для того, чтобы отрицать возможность у насъ *комерческаго* способа переселенiй и указалъ на *ходоковъ*, посылкою которыхъ крестьяне ограждаютъ себя отъ неосторожныхъ увлеченiй, вообще мало свойственныхъ нашему народу, недовѣрчивому вслѣдствiе причинъ, сопровождающихъ его гражданскую

жизнь. Такимъ образомъ я не говорилъ о необходимости ховельза, но самымъ существованіемъ ихъ, вслѣдствіе народнаго не-къ слухамъ и книгамъ, которыя «господа пишутъ», старался тѣхъ зать *безопасность* допущенія у насъ коммерческаго способа переселеній.

Я можетъ-быть заблуждаюсь, вѣруя въ пользу допущенія у насъ *коммерческаго* способа переселеній, и буду очень признателемъ редакціи «Времени», если она позволитъ мнѣ (въ видахъ возбужденія этого вопроса въ литературѣ) нѣсколько развить мою мысль о преимуществахъ коммерческаго способа переселеній передъ извѣстными у насъ способами и при этомъ случаѣ сказать кое-что о нѣкоторой *пригодности* ходоковъ.

Оставляя въ сторонѣ разсматривавшіеся въ комитетѣ вопросы: умѣстно или неумѣстно желать у насъ выселенія изъ серединныхъ мѣстъ имперіи къ ея окраинамъ (потому что считаю бесполезнымъ говорить о несправедливости препятствовать раздвиженію народонаселенія, которое, вслѣдствіе своего незнакомства съ успѣхами высшей агрикультуры, находитъ, что ему стало *тѣсно*), я буду говорить съ точки зрѣнія человѣка, полагающаго, что выселенію, точно также какъ и всякому свободному проявленію народнаго желанія, — *должно способствовать*. Свободныя переселенія нельзя относить къ явленіямъ безпричиннымъ и неразумнымъ.

Сколько я понимаю духъ нашихъ законовъ, въ нихъ не встрѣчается никакого намѣренія противодействовать передвиженіямъ свободныхъ сословій. Но нѣкоторыя послѣдующія административныя постановленія не только не клонились къ предоставленію народу всѣхъ средствъ расселяться сообразно своимъ вкусамъ и желаніямъ, а напротивъ задерживали его въ этомъ стремленіи. Я не стану распространяться о томъ, что мѣста, заселеніемъ которыхъ особенно заботится правительство, очень перѣдко не нравятся народу (¹) и что потому заселеніе ихъ, совершаемое при одномъ содѣйствіи льготъ и привилегій, непрочно; а заселеніе, совершаемое тѣмъ путемъ, которымъ нѣсколько лѣтъ назадъ переселены одноворческіе крестьяне, даетъ самые печальные результаты. Обращаюсь прямо къ мѣстностямъ, на заселеніе которыхъ есть охотники, рассчитывающіе тамъ жить, а не «обольготиться». При переселеніи въ такія «облюбованыя» мѣста, народъ нашъ встрѣчаетъ

(¹) См. «Заселеніе верховьевъ Амура». С. В. Максимова. - Морской Сборникъ. 1861 г., октябрь, кн. 10, и рѣчь полковника Вѣнюкова, напечатанную въ протоколахъ комитета.

Гость. Главнѣйшихъ затрудненій, изъ которыхъ *первое* заключается рѣчь остаткѣ полныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній о естественныхъ бытѣ и нравахъ страны, *второе* — въ непремѣнномъ обязательствѣ исполнить *предъ выселеніемъ* нѣкоторыя тяжкія, а иногда и невозможныя условія, и *третье* — въ недостаткѣ денежныхъ средствъ для передвиженія съ стараго мѣста на новое.

Въ первомъ затрудненіи или первомъ горѣ, т. е. недостаткѣ свѣдѣній о мѣстахъ, удобныхъ для заселенія, крестьяне, недовѣряющіе въ своей патріархальной простотѣ книжкамъ, «которыя господъ пишутъ», сами себѣ помогаютъ, посылая докѣренныхъ *ходоковъ*, взгляды, вкусы и соображенія которыхъ въ той самой мѣрѣ сходны съ понятіями переселенцевъ, въ какой тождественны ихъ общіе интересы. Когда у насъ появятся ясныя, полныя, вѣрныя и удобопонятныя для народа описанія открытыхъ для заселенія мѣстъ, тогда можетъ-быть народъ не станетъ и посылать своихъ ходоковъ. Но для этого нужно не только чтобы были основательныя описанія, но и чтобы народъ убѣдился въ ихъ основательности, — а это еще «улята ѣдетъ, когда-то будетъ». Кромѣ того серединныя мѣста нашей имперіи стоятъ вовсе не въ тѣхъ отношеніяхъ къ своимъ пустынямъ, въ которыхъ находится Англія къ своимъ заморскимъ колоніямъ. Тамъ путь къ этимъ колоніямъ извѣстенъ, и расходы и затрудненія, нужныя для совершенія этого пути, могутъ быть приведены къ опредѣленной нормѣ; а у насъ совершенно иное дѣло. Какъ у насъ совершаются переселенія? «Облюбовали» мужики новое мѣсто, вымолили себѣ право на переселеніе, «выправили бумаги», поскорѣ распродадутъ избы, громаднѣйшій скарбъ, поклонятся стариковскимъ могиламъ, уложатся на возы, отслужатъ молебень «на путь шествующимъ» — и потянутся съ стараго пепелища дряннымъ обозомъ. Тянутся они долго, долго. Не одного старика, не одного младенца зарюютъ по дорогѣ, а сами все тянутся журавлиною веревцею. Проходятъ они и грады, и веси, и хотя не останавливаются въ городахъ, даже лошадей въ нихъ не кормятъ, а все-таки во всякомъ изъ нихъ порядокъ соблюдаютъ, начальству кланяются. Стоятъ же они за заставами, на городскихъ да на сельскихъ выгонахъ, гдѣ и утомленные кони погложутъ сожженой солнцемъ и вытоптанной травки, и бабы малыхъ дѣтей на бережку обмоютъ, а ребятишки щавелею или сняты нарвутъ на хлѣбово, а баранковъ или сербигузу на десертъ. Тутъ же и складчина собирается на свидѣтельство о «ненасильственной смерти» скончавшагося отъ нудыги путника. Гдѣ же, въ какомъ описаніи все это опишешь и вычислишь? А *ходокъ* — живой человекъ: онъ все сообразитъ, все расскажетъ, гдѣ есть какія дорожныя удобства, гдѣ какіе люди живутъ и какіе порядки

начальство наблюдаетъ. Написать всего этого нельзя, никакъ нельзя, да и никто не повѣрять.

Иного же способа переселеній у насъ почти нѣтъ, да и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ возможенъ иной способъ переселенія, крестьяне его не только не любятъ, но даже всячески стараются избѣгать. Я былъ свидѣтелемъ большого переселенія крестьянъ изъ орловской губерніи къ жигулевскимъ горамъ и въ саратовскія степи. Часть переселенцевъ отправлялась по Окѣ на баркахъ, а остальной части было предоставлено идти обозомъ. Тѣ, на долю которыхъ выпала сплавнои путь, смотрѣли на свою «нагрузку» на суда какъ на тяжкую обиду и на ужасное горе; а дорогою набрались съ ними всякаго горя и тѣ, кто сопровождалъ ихъ по Окѣ и Волгѣ. Плачь, сѣтованія, ссоры и побѣги не прекращались во все время плаванія, тогда какъ другая партія, святая съ одного и того же мѣста, но пущенная на своихъ подводкахъ, какъ переселенцы выражались: «повольно», переносила свое непроизвольное переселеніе гораздо покойнѣе и почти не жаловалась. По мѣрѣ удаленія отъ стараго пепелища и отъ тяжелыхъ впечатлѣній непроизвольной разлуки съ «сродственниками», мужики становились все неселѣе и съ теплымъ упованіемъ смотрѣли на свое будущее. Тутъ очень много значить, что крестьянинъ, сплывая на баркѣ, лишонъ возможности забрать съ собою многое, съ чѣмъ онъ не хочетъ разставаться. На своей лошаденкѣ, съ которою онъ тоже свыкса и не хочетъ ее покинуть, онъ везетъ все что можно уложить на телѣгу: и ложку, и плошку, и ставъ колесъ, и корыто, и бабъ, и дѣтей. Кромѣ того, на баркѣ ему скучно, онъ идетъ не «повольно», онъ ежеминутно чувствуетъ порабощеніе своей *soi-disant* «художественной натуры» непривычными порядками, чувствуетъ себя въ командѣ; а спокойствіе, которое представляетъ сплавнои путь передъ гужевымъ, онъ ни во что не цѣнитъ. Даже болѣе: онъ тяготится этимъ спокойствіемъ; оно ему *противно*.

Въ обозѣ онъ «козакуеть»; съ дѣтскимъ любопытствомъ онъ всматривается въ новыя мѣста и въ новыхъ людей; толкуеть, какаа «губернія» (т. е. какой губернской городъ) лучше, а какой хуже супротивъ его старой «губерніи». Запримѣчаетъ, чего напримѣръ не любитъ мордвинъ, или что любитъ татаринъ, гдѣ какіе горохи, гдѣ какаа картошка родится. Все это его занимаетъ, обо всемъ онъ промежъ себя всласть натолкуеться и настроитъ разныхъ предположеній, что вотъ «кабы тутъ жить, каково бы жилось?» А на баркѣ онъ лишонъ этого удовольствія, тоскуеть о немъ, сердится самъ и сердить другихъ. Въ обозѣ онъ съ изумительнымъ терпѣніемъ сноситъ все, и все ему нипочемъ; на баркѣ ему все въ та-

Гость. Измочить его въ обозѣ дождь, слякоть въ колѣно растворяется, небо сѣрое, обогрѣться и обсушиться неглѣ, продрогшія ребятишки поднимаютъ пискъ... но все это еще не угнетаетъ привычной къ страданіямъ души переселенца. Онъ надѣнетъ себѣ на плечи старый рогожный куль и насупивъ брови шагаетъ по дорожному «протуару»; но онъ несердитъ. Онъ готовъ разговариваться и о томъ, какіе господа бываютъ на бѣломъ свѣтѣ, и отчего Сивка въ «вошпиталѣ» померъ и какъ его въ этомъ вошпиталѣ «потрошили», или же «какъ чортъ шутки шутить». И ничего! ни на что онъ не жалуется и нескучно ему. Почлегъ на мокромъ выгонѣ, подъ рваную свитенку — штука некомфортабельная; но мужичокъ и о ней мало заботится. Бабу съ ребятами на телѣгѣ лубкомъ накроетъ, а самъ прислонится на корточкахъ къ оглоблѣ или къ колесу, подберетъ подъ локти свой рогожный плащъ, надвинетъ на брови шляпенку, да такъ и подремлетъ чуткимъ сномъ до тѣхъ поръ, пока на востокъ забрежитъ первая свѣтлая полоска равней зари. Да и велика ли лѣтняя ночь тому, кто днемъ намалялся и спитъ только однимъ глазомъ, а другимъ смотритъ «какъ бы чортовъ цыганъ коня не схимостилъ или хвостъ не отламчилъ?» А пошлетъ Господь на утро ведрышко — въ обозѣ рай пресвѣтлый: вчерашняя нудьга забыта, на сердцѣ свѣтло какъ на небѣ. Переселенцы обчищаются, окребаются съ острымъ словцомъ да съ прибауточкой, самое горе-то свое осмѣютъ, и спова тянутся ливною вереницею въ свой дальній путь. Дорогою тоже весело. Идетъ мужичекъ по лѣсу, незорѣлый орѣхъ найдетъ: сорветъ его, расколупаетъ и даетъ мальчикамъ высосать бѣлое, рыхлое тѣсто сырого плода. Найдетъ дикихъ пчелъ, достанетъ у нихъ мелку «губы посластить»; а нѣтъ ничего съѣдобнаго, — сорветъ листокъ съ дерева, положитъ его на лѣвый кулакъ, а правую ладонь расхлопаетъ; либо изъ подорожничковаго листка конька ногтемъ вырѣжетъ, съ встрѣчной бабой пріятнымъ словомъ обмѣняется, проѣзжему барину съ дороги не своротитъ (потому — «обозъ», нельзя значить воротить). Все весело, не то что на баркѣ. Опять въ городахъ и въ мѣстечкахъ есть базары, а до базара мужичокъ, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, мертвый охотникъ. Базаръ ему — первое удовольствіе, потому онъ тамъ купецъ; на базарѣ онъ даетъ что знаетъ, разсуждаетъ какъ вздумается. Опять развлечения сколько: «на грошъ купи, на семь гривенъ разговора». Что нужно и что совсѣмъ ненужно, онъ все поторгуетъ. «Да ну, будетъ! Иди, иди, чоорть! Тебѣ вещь не купить. Чего зубы-то чешешь?» — урезониваетъ его лавочникъ. А онъ все свое, свой терминъ держитъ: «Да ты, милый человекъ, не ругайся. Чего ты ругаешься? — ругаться

вечего. Чортъ вѣшто такой? чортъ чорный, а я глякась какой? Ты вотъ скажи, — можетъ и куплю. Чего не купить-то? Нѣшь мы какіе? Эна не купишь!.. Скажи, милый человѣкъ, почему безчестья-то?» И таки добьется, что «милый человѣкъ» плюнетъ и скажетъ цѣну, прибавивъ: «а вздуй-те горою! Ну, полегшѣло?» И точно мужику словно полегчѣетъ, и онъ пойдетъ мучить другого торгаша, пока и у того не добьется подобнаго же отвѣта. Не думайте однако, что во всемъ этомъ руководить мужикомъ одно праздное любопытство. Слова вѣтъ, «охочь онъ и зубы почесать»: пойдетъ купить пирога съ горохомъ, а станетъ торговать мѣдный кранъ съ винокуренного завода; но онъ хоть и не политико-экономъ, а понимаетъ значеніе цѣны и смекаетъ по нимъ, «каково тутъ народушку жить». Запоминаетъ онъ цѣны наолго съ такою же почти точностью, съ какою помнятъ ихъ вернувшійся изъ посылки *ходокъ*. Идя «повольно», обозъ переселенцевъ часто дѣлаетъ въ дешовыхъ мѣстахъ запасы. Такъ наприимѣръ отправляясь въ низовыя степныя мѣста, переселенцы закупаютъ себѣ въ Пензѣ или въ Городищахъ деревянныя чашки, ложки, дуги, ободья, цыновки, рогожи и т. п., и везутъ все это на новое мѣсто, гдѣ за такія вещи, по отчету *ходока*, нужно заплатить нятерю; а у мужичка карманъ жидокъ. Отчетливость и соображеніе *ходоковъ* изумительны. Миѣ случилось разъ на пензенскомъ базарѣ спросить у кучки переселенцевъ изъ курской кажется губерніи: зачѣмъ они покупаютъ рогожи въ Пензѣ, когда имъ путь лежитъ на село Куракино, извѣстное рогожнымъ производствомъ? Мужички переглянулись, послышалось: «исправди такъ!» Но въ тоже время сортировавшій рогожи *ходокъ* крикнулъ: «Добро! бери знай. Чего уши-то развѣсили? Знаемъ мы куракинскую рогожу! Куракинская рогожа — во-какая.» Онъ черкнулъ ногтемъ по рогожѣ вершковъ на пять отъ края. Переселенцы принялись набирать рогожи. Послѣ я узналъ, что куракинцы дѣйствительно лучшія и полномѣрныя рогожи вывозятъ въ Пензу, а дома держать чтó похуже: «зрячій товаръ». — Какъ же послѣ этого не держаться *ходока* этому народу, пока онъ живетъ еще въ тѣхъ же *натуральныхъ* условіяхъ, въ какихъ лежатъ натуральныя дороги тѣхъ мѣстъ, которыя онъ проходитъ, и гдѣ сказанія о чугункахъ считаются менѣе вѣроятными, чѣмъ сказанія о лѣшемъ и о бѣлоарабской войнѣ? Какъ же этому народу, повторяющему пословицу: «гляженое лучше хваленаго», лишить себя, при всѣхъ тягостяхъ «повальнаго» пути, еще и увѣренности, что онъ идетъ въ мѣсто хорошее, «облюбованное», а не такое, откуда опять придется «заниматься бродяжествомъ» и писать къ старымъ дворамъ оригинальныя письма вродѣ тѣхъ, о которыхъ рассказываетъ С. В. Мак-

симова въ своей статьѣ : о заселеніи Амура? Содержаніе же писемъ отъ крестьянъ, переселенныхъ безъ *ходоковъ* на «необлюбованыхъ» мѣста, коротки и ясны: «а только намъ тутъ ужь очень плохо и ребята всѣ пошли наутекъ» и т. п.

Русское расселеніе, какъ я уже сказалъ, встрѣчаетъ еще большое препятствіе въ обязательствѣ переселенцевъ исполнить передъ выходомъ съ стараго мѣста всѣ свои бытовые условія въ отношеніи къ правительству: заплатить податныя недоимки, поставить рекрута (1). Первое бываетъ очень трудно, потому что у переселенцевъ, дошедшихъ до несостоятельности къ своевременному взносу податей и допустившихъ недоимку, не бываетъ никакихъ средствъ на пополненіе ее въ короткій срокъ; а второе, т. е. поставка рекрута, еще тяжелѣе, потому что съ исполненіемъ этой повинности семья лишается работника, который ей очень нуженъ какъ на новомъ осѣдлѣ, такъ и во время предстоящаго пути. Правительство ничего не теряетъ, отсрочивъ исполненіе переселяющимися въ предѣлы государства денежныхъ недоимокъ и рекрутской повинности; а дѣло расселенія отъ таковаго свисхожденія много выиграетъ. Отсрочка рекрутчины тѣмъ возможнѣе, что исполненіе ея требуется отъ семьи переселенцевъ, *остающейся на очереди къ будущему набору*, стало бытъ прежде чѣмъ бы семья должна была потерять человѣка, если бы она не снималась съ мѣста своего жительства.

Третье затрудненіе встрѣчаютъ наши переселенцы въ недостаткѣ денежныхъ средствъ для передвиженія и устройства себя на новомъ мѣстѣ. Капиталъ крестьянина весь виденъ: съ нимъ далеко не уѣдешь. Казенное вспоможеніе (буде оно есть) рассчитано по 3½ коп. сер. въ сутки на каждую наличную душу и по 1½ коп. сер. на версту для каждой подводы. Однако, несмотря на ограниченность этого вспоможенія, министерство государственныхъ имуществъ, при всемъ желаніи быстро заселенія Амура, распорядилось, чтобы туда ежегодно шло не болѣе 500 семействъ, ибо произведеніе одновременнаго расхода на большее переселеніе «обременительно для правительства». Если принять все это въ расчетъ и вспомнить, что 3 коп. въ день переселенцу мало на самое скудное пропитаніе, — то станетъ ясно, что нужно поискать иного способа для переселеній.

Допустимъ теперь, что у насъ извѣстенъ коммерческій способъ переселенія людей изъ одной мѣстности государства въ другую.

(1) Я говорю о вольныхъ переселеніяхъ въ мѣста, не пользующіяся особыми привилегіями, какія даются переселяющимся на Амуръ или на Мангышланскій полуостровъ, на восточномъ берегу Каспійскаго моря.

Допустимъ и то, что общество, составившееся съ цѣлью способствовать переселенію людей, позаботилось о всевозможномъ доставленіи себѣ всякихъ выгодъ отъ своего предіриятія. Положимъ, что судьбамъ еще долго неугодно будетъ осчастливить нашу колонизацію отмѣною нѣкоторыхъ обязательствъ, отмѣненныхъ при заселеніи почтового тракта между Якутскомъ и Аляномъ (1), и посмотримъ, какой вредъ и какую пользу можетъ принести коммерскій способъ переселенія въ разсматриваемомъ нами вопросѣ. Выгоды компаніи, принявшей на себя переселеніе желающихъ въ отдаленныя мѣста Россіи, потребовали бы отъ нея собранія самыхъ многостороннихъ и самыхъ достовѣрныхъ свѣдѣній объ открытыхъ для заселенія мѣстахъ. Тѣ же личныя выгоды компаніи заставляли бы ее обратить вниманіе на всевозможное облегченіе переселенцамъ и самаго перехода. Отношенія переселенцевъ къ компанейскимъ агентамъ вовсе не были бы похожи на отношенія народа къ чиновникамъ. Переселяющійся крестьянинъ не довольствуется короткимъ, отрывистымъ словомъ чиновника, отвѣчающаго съ высоты своего офіціального величія на его пытливый вопросъ, и отходитъ отъ его благородія, частію вовсе непонимая его отвѣта, частію совсѣмъ недовѣряя этому отвѣту. Съ агентомъ крестьянинъ разговорится до тѣхъ поръ, пока пойметъ: и что, и какъ, и почему; а собственная выгода агента, получающаго вознагражденіе за число слѣванныхъ при его посредствѣ переселеній, заставитъ его изыскивать способы разъяснять все это съ терпѣніемъ, неотличающимъ нашихъ чиновниковъ, у которыхъ всегда «дѣла много» и которые не видятъ для себя никакихъ благъ въ успѣхахъ колонизаціи. Агенты компаній вѣроятно примутъ на себя и ходатайство по «выправкѣ» бумагъ переселенцамъ, и въ качествѣ повѣренныхъ безграмотнаго или малограмотнаго переселенца вѣроятно «выправятъ» эти бумаги скорѣе и дешевле, чѣмъ это обходится мужикамъ, когда они слоняются по разнымъ мытарствамъ, отдавая послѣдній грошъ писарямъ и другимъ лицамъ, которые говорятъ имъ: «у меня твое дѣло», тогда какъ дѣло совсѣмъ у другого паразита. Компанія вѣроятно нашла бы возможнымъ и открыть кредитъ переселенцамъ на выплату недоимокъ, которыя въ сильной степени задерживаютъ заселеніе пустыхъ, но непривилегированныхъ пространствъ Россіи. Словомъ, компанія могла бы освободить переселенцевъ (это слово у насъ болѣе умѣстно, чѣмъ слово *колонистъ*, ибо у насъ,

(1) Переселенцы, освобожденные отъ представленія увольнительныхъ приговоровъ, отъ платежа податей на 20 лѣтъ и отъ рекрутства навсегда. Такимъ образомъ однако переселено только 25 семействъ.

собственно говоря, происходятъ не колонизація, а *разселеніе* по русской землѣ) отъ множества затрудненій, которыя теперь принимаютъ видъ непреоборимыхъ препятствій въ глазахъ народа, чуждающагося всякаго столкновенія съ чиновниками и ихъ бумагами. Правительству только останется гарантировать переселенцевъ отъ эксплуатаціи ихъ переселяющимися, а народу избѣжать отъ обольщеній, происходившихъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ при колонизаціи коммерческимъ путемъ. Въ достиженіи первой цѣли правительство, обладающее законодательною и административною инициативою, не можетъ встрѣтить никакихъ препятствій, а народъ не дастся въ обманъ: *ходоки* скажутъ ему всю суть, какъ она есть. Въ такихъ важныхъ случаяхъ нашъ народъ не легковѣренъ, и прежде чѣмъ разъ отрѣжетъ, семь разъ отмѣритъ и отмѣритъ непременно своимъ аршиномъ. Его аршинъ въ этомъ случаѣ — *ходокъ*, и онъ предпочитаетъ своего *ходока* печатнымъ описаніямъ, также какъ предпочитаетъ мѣрить *локтемъ* вмѣсто аршина, полагая, что «въ аршинахъ иногда фальшь живетъ». Вырвать такое убѣжденіе изъ народа невозможно. Это нужно оставить времени; а какъ между тѣмъ время для разселенія во многихъ мѣстахъ средней Россіи уже настало, и какъ существующій порядокъ выселенія, со всею своею процедурою, не отвѣчаетъ успѣхамъ дѣла,—то нужно бы кажется дать мѣсто коммерческому способу переселеній, полагаясь и на силы правительства оградить народъ отъ эксплуатаціи компаній, и на непремѣнное явленіе конкуренціи между этими компаніями, и наконецъ на здравый смыслъ самаго народа. Авторъ статьи, помѣщенной во «Времени», находитъ, что посылка *ходоковъ* — мѣра слишкомъ устарѣлая и довольно дорогая. Я ожидалъ этого возраженія еще во время самыхъ иреній въ политико-экономическомъ комитетѣ и вполне согласенъ, что посылка *ходоковъ* сопряжена съ извѣстною потерей времени и денегъ; но какъ же быть, если народъ не вѣритъ, да вѣроятно еще долго и не будетъ вѣрить никакимъ описаніямъ? Ждать, пока прилетъ эта увѣренность? Это и невыгодно въ смыслѣ самихъ народныхъ и государственныхъ интересовъ, и смѣю думать, въ той же мѣрѣ непрактично, въ какой непрактична мысль, высказанная однимъ изъ членовъ комитета, что *у насъ нѣтъ нужды въ разселеніи, потому что стоитъ усвоить народу высшіе приемы агрикультуры, тѣкъ нигдѣ еще не будетъ тѣсно!* А пока народъ усвоитъ эти высшіе приемы? а пока онъ увѣруетъ, что «господа» въ книгахъ пишутъ правильно и толково?.. Самъ же авторъ справедливо замѣтилъ, что въ засѣданіяхъ комитета владелись въ отвлеченности; а вѣдь тамъ были все люди толковые, такіе люди, которые книжки сочиняють!.. Но положимъ,

что через десятокъ лѣтъ будутъ для переселенцевъ и очень толковыя книжки; да кто же изъ насъ поручится, что и черезъ этотъ десятокъ лѣтъ въ книжкахъ этихъ будетъ все, что нужно знать собирающимся переселенцамъ? Вѣдь имъ многое нужно знать. Имъ нужно знать и тѣ поборы, которые теперь вздумали взимать въѣздящія новороссійскіе помѣщики за переѣздъ черезъ мосты, и всякіе иные поборы, о которыхъ *ходоки* разузнаетъ, справляясь обо всемъ «подъ рукою», и съ которыми знакомить потомъ собирающихся переселенцевъ прежде, чѣмъ имъ сдѣлать безповоротный шагъ съ стараго мѣста. Опять все это мы мѣримъ десяткомъ лѣтъ, тогда какъ народъ *теперь* уже чувствуетъ нужду въ расселеніи и предпочитаетъ пожертвовать полтиною съ души на посылку *ходока*, чѣмъ опрометчиво тронуться съ своего пепелища. Такимъ образомъ хотя посылка *ходоковъ* мѣра весьма старая и мѣра, къ которой въ другихъ странахъ (живущахъ совершенно при иныхъ условіяхъ) вѣтъ никакой нужды обращаться; но у насъ ее не только можно терпѣть, но ее и трудно замѣнить иною мѣрою, несомненною общему состоянію страны. Важнѣе же всего то, что на эту мѣру можно теперь же полянѣ положить, какъ на мѣру, которую народъ спасетъ себя отъ обмановъ и при ней безопасно воспользуется всеми выгодами, предоставляемыми коммерческимъ способомъ переселенія. Вотъ въ какихъ соображеніяхъ я указывалъ на *ходоковъ* въ политико-экономическомъ комитетѣ и въ какомъ снова указываю на нихъ, говоря о необходимости немедленнаго допущенія новаго способа переселенія. Надѣюсь, что меня никто не упрекнетъ въ желаніи отстаивать старыя формы потому только, что онѣ старыя, и патриархальностью ихъ доказывать ихъ превосходство предъ новыми способами, рациональность которыхъ признана въ западной Европѣ. Я только говорю, что принимая въ расчетъ современное намъ положеніе земледѣльческаго класса, изъ котораго выходятъ почти всѣ наши переселенцы, и припоминая все то, что нужно сообразить переселенцамъ, трогаясь съ мѣста и занасаясь въ дорогу и волчьими зубами и лисьимъ хвостомъ, — *ходоки* — лица еще вполне современныя и подчасъ незамѣнямыя не только въ оцѣнкѣ удобствъ новой страны и пути къ ней, но и въ составленіи тѣхъ соображеній, которыя, по словамъ автора, заставляютъ переселенца искать «не одного вещественнаго благосостоянія, а и гарантій нравственныхъ». Авторъ «Года на сѣверѣ», С. В. Максимовъ, на котораго я позволю себѣ сослаться какъ на извѣстный авторитетъ, говоря о страданіяхъ великорусскихъ крестьянъ, расселенныхъ по берегамъ Амура, говоритъ, что «самый существенный недостатокъ, обусловившій естественнымъ образомъ неудачу

новыхъ населеній на Амурѣ, состоялъ въ томъ, что *крестьянамъ отказано было въ правѣ заблаговременно отправить на мѣста депутатовъ*, которые, будучи выбраны обществомъ и знакомы съ его требованіями, отвѣчали бы за выборъ мѣстъ водворенія» (*). Высшее правительство никогда въ этомъ не отказывало. Успѣшное переселеніе въ Крымъ полтавскихъ крестьянъ объяснено тѣмъ, что «крестьяне прежде подачи просьбы о переселеніи обыкновенно *посылаютъ отъ себя выборныхъ, чтобы осмотрѣть мѣсто новаго поселенія и навести подъ рукою нужныя справки.*» Послѣ принесенія холодами хорошихъ вѣстей, «не приходится производить *понукательнаго* переселенія, а остается только регулировать ревность крестьянъ къ переходу, сообразуясь съ размѣромъ суммъ, отпускаемыхъ ежегодно на переселенія». А если эта патріархальная мѣра можетъ служить ручательствомъ за возможность допущенія у насъ свободныхъ переселеній при содѣйствіи частной предпринимчивости, то, полагаю, *въ этомъ смыслѣ* ее нельзя назвать совершенно непрактичною, ибо лучше, чтобы дѣло начало дѣлаться немедленно, съ надеждою на *ходоковъ*, чѣмъ ждать богъ-вѣсть сколько, пока народъ захочетъ начинать его, полагаясь на книги.

Меня можетъ-быть еще упрекнуть въ томъ, что я придаю слишкомъ большое значеніе участию коммерческихъ компаній въ переселеніяхъ, но сомнѣваюсь, чтобы урекъ этотъ былъ основателенъ. Я выражаю мое мнѣніе съ голоса очень многихъ извѣстныхъ мнѣ практическихъ людей. Стоитъ пройти бѣдныя бѣлорусскія деревни, поговорить съ чиншевыми однодворцами западнаго края, поговорить съ казенными крестьянами многихъ сель орловской, курской и тульской губерній, — вездѣ одна пѣсня: «Мы бы чего! Мы бы рады душой, да чѣмъ подынешься? чѣмъ хлопотать станешь?» Укажите мнѣ на казенное пособіе, «на подъемъ», — что они заговорятъ? «Да нѣтъ, да гдѣ намъ хлопотиться! Мы люди темные... видно ужъ лучше тутъ пропадать». Становой или окружный сами объявятъ вызовъ и пособіе; новое явленіе: «это, гляди, подвохъ; да куда насъ *погонятъ?* да тамъ, гляди, еще *воды бьютъ ередныя*» и т.; п., а туда, куда мужичку хочется идти (т. е. въ мѣста непривилегированныя), назначено пособія. Такъ дѣло и валить черезъ нень въ колоду. Идти же въ «облюбованное» мѣсто «на выплату» (отработкомъ или деньгами), да еще міромъ, — народъ, несловольный своимъ бытомъ, всегда готовъ, и *міромъ* всегда отстоитъ свои интересы на новомъ мѣстѣ.

Еще замѣчательно, что во всѣхъ толкахъ о колонизаціи или о

(*) -Морской сборникъ., 1861 г., книжка 10.

русскомъ разселеніи, у насъ всегда упускается одно обстоятельство, котораго, мнѣ кажется, не слѣдуетъ упускать изъ вида. Говоря о переселеніяхъ, у насъ постоянно имѣютъ въ виду однихъ земледѣльцевъ. Это понятно, потому что земледѣльческой классъ въ Россіи — самый многочисленный классъ и одинъ только до сихъ поръ представлялъ людей, ищущихъ свободнаго переселенія. Но теперь обстоятельства значительно измѣнились, и во многихъ другихъ классахъ являются охотники оставить старыя мѣста и посвятить себя новому роду занятій въ новомъ мѣстѣ. Людей, чувствующихъ такую потребность, очень много между городскими сословіями: мѣщанами, мелкими чиновниками и отчасти между низшимъ духовенствомъ, — вообще между разночинцами. Люди эти вовсе не привимаются въ соображеніе при вопросѣ о разселеніи, хотя между ними очень много личностей, которыя, по роду своихъ профессій, считаются на старыхъ мѣстахъ вредными, или по крайней мѣрѣ бесполезными членами общества, тогда-какъ они величественны въ способностей, ни желанія слѣлаться полезными людьми на новомъ мѣстѣ, при новомъ положеніи. Въ существованіи ихъ способностей и въ искренности ихъ желаній часто невозможно сомнѣваться. Но на старомъ мѣстѣ, гдѣ они, по происхожденію, по воспитанію, или по другимъ болѣе или менѣе основательнымъ причинамъ, разсматриваются какъ люди класса, назначеннаго къ извѣстнымъ работамъ, они не могутъ взяться за эти работы — или по недостатку твердой воли и умѣнья преодолѣть ложный стыдъ, или по недостатку капиталовъ, или же по родственнымъ, семейнымъ и многимъ другимъ причинамъ, которыхъ перечислить очень трудно, но вліянія которыхъ не могутъ отрицать люди, негонявшіеся въ жизни за одними теоріями. Переселеніе для такихъ людей единственное спасеніе; а оно для нихъ будетъ у насъ возможно только тогда, когда для полученія средствъ къ переселенію станетъ достаточно одного заявленія доброй воли переселиться въ новое мѣсто и отсутствія законныхъ препятствій (*) оставить старое. Такой безхлопотной возможности у насъ однако къ сожалѣнію до сихъ поръ еще нѣтъ, и люди, готовые къ переселенію, остаются бременями города, въ которыхъ они никому ненужны и въ которыхъ не находятъ средствъ для пропитанія. Людей, находящихся въ такомъ положеніи, у насъ больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ. По крайней мѣрѣ можно быть увѣреннымъ, что ихъ стало бы на составленіе нѣсколькихъ цѣлующихъ селеній. Очень великою въ небольшомъ кружкѣ одного изъ нашихъ университетскихъ городовъ носился слухъ, что почтенный

(*) Напримеръ подсудимость.

русскій ученый, гуманная статья котораго тогда производила сильное впечатлѣніе на молодое племя, оставляетъ службу, увѣзаетъ въ свое небольшое бессарабское помѣстье и даетъ мѣсто всѣмъ, кто захочетъ жить около него честнымъ сельскимъ трудомъ. Боже мой, какое это было время! Какое благородное и честное стремленіе охватило десятку головъ, самыхъ умныхъ, самыхъ мыслящихъ головъ, несмотря на то, что они съ самаго дѣтства слышали только о необходимости «сдѣлать себѣ карьеру»! Казалось, что новый Ленаркъ, расторгнутый недоброжелателями своего достойнаго основателя, возродится у насъ. Но, увы! стремленіямъ этимъ не было суждено осуществиться: хотѣли осуществить ихъ иначе, но для осуществленія ихъ тогда не было средствъ; а послѣ... послѣ многое измѣнилось...

Жребій міра

Ихъ по лицу земли разпесь.

Богъ знаетъ, гдѣ теперь эти *мечтатели*! Можетъ-быть не одна изъ нихъ пошолъ той торной дорожкой, по которой идутъ многіе люди в добрые, и честные, но несвободные отъ тѣхъ нитенъ, съ которыми бы они никогда не сроднились въ иномъ положеніи. Будь *тогда* средства — можетъ-быть теперь указали бы въ Россіи на селеніе, гдѣ люди, убравъ вѣшокъ кукурузы, сядутъ читать и Милля, и Тьера, и Роберта Оуэна. Да! средствъ, средствъ къ переселеніямъ нужно! Ихъ нужно не для однихъ крестьянъ, а для всѣхъ, кто еще несовсѣмъ погибъ въ тяжелой, безысходной борьбѣ съ гнетущими условіями экономическихъ безурядицъ. Никому никогда не позно исправиться, а оставленіе мѣста, съ которымъ связаны воспоминанія объ ошибкахъ прошлаго, и новый, честный, *естественный* образъ жизни — одно изъ радикальныхъ средствъ исправленія, съ которымъ не сравнятся результаты пентонвилльскаго учрежденія.

Но, заговоривъ о *ходокахъ*, я самъ ушелъ кажется очень далеко, въ страну обѣтованную, въ страну, пока только едва мыслимую. Чтобы возвратить себя на почву дѣйствительности, обращаюсь къ политико-экономическому комитету, котораго я было вовсе не хотѣлъ касаться въ началѣ моей статьи. Я не могу не сочувствовать комитету, какъ *учрежденію*, гдѣ подняты вопросы, самые близкіе для нашихъ интересовъ, и гдѣ вопросы эти обсуждались безъ всякихъ бюрократическихъ стѣсненій. Теперь то время, когда комитетъ, по всей вѣроятности, снова откроетъ свои засѣданія. Я желаю имъ большаго успѣха; я желаю, чтобы результатомъ новыхъ комитетскихъ преній были конечные и ясные выводы и опредѣленія. Ему можно пожелать и еще очень многого, а главное того, чтобы нѣкоторые ораторы не смотрѣли на залу комитета какъ на арену для до-

манія копій двѣтословія, и шли бы къ рѣшенію вопросовъ путемъ болѣе положительнымъ и яснымъ, безъ увосчивости въ пространныя области всеобъемлющей науки и безъ неудержимаго желанія давать концертъ на своемъ краснорѣчїи. Затѣмъ самый составъ лицъ, засѣдавшихъ въ комитетѣ прошлою зимою, какъ мнѣ часто доводилось слышать, подвергался осужденіямъ. Находили, что комитетъ дурно поступаетъ, неоткрывая своихъ засѣданій для гораздо большаго числа посѣтителей. Члены комитета, сколько я помню, смотрятъ на это весьма различно: одни думаютъ, что нужно расширять кругъ посѣтителей, другіе этого не думаютъ. Стороннія лица, отрицавшія всякое значеніе комитетскихъ преній, нерѣдко давали чувствовать, что собранія много бы выиграли, еслибы пополнились ихъ присутствіемъ. Нѣкоторыхъ изъ людей, умѣвшихъ проводить эту мысль, я имѣлъ удовольствіе послѣ слышать въ двухъ засѣданіяхъ комитета грамотности, учрежденныхъ при вольно-экономическомъ обществѣ, и полагаю, что политико-экономическій комитетъ, невоспользовавшись ихъ свѣдѣніями и соображеніями, не понесъ невознаградимой потери; но полагаю также, что со стороны комитета было бы очень благородно расширить возможности круга приглашаемыхъ лицъ, хотъ для того, чтобы ознакомить нѣкоторыхъ господъ съ обязанностью выслушивать чужую рѣчь до конца и говорить въ свою очередь, а не тогда, когда вздумается. Нѣкоторыя засѣданія комитета грамотности весной этого года показали, что намъ еще несовсѣмъ знакомы самыя простыя законы публичныхъ преній; а это очень печально, особенно теперь, когда мы ожидаемъ права говорить за себя въ судѣ.

Н. ЛѢСКОВЪ

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

Нѣчто по предмету вѣдомостей о нерѣшонныхъ дѣлахъ. — Женское промышленное движеніе. — Одна черта, относящаяся къ безденежью. — Торговое движеніе въ Одессѣ. — Переселенцы. — Японская шхуна въ Николаевскѣ и русская азбука въ Хакодате. — Продолжающіяся *внушенія* о воспитаніи народа. — «Опять объ уставныхъ грамотахъ!» — Кирсановскія прижижки. — Мѣстныя и личныя черты: отрѣшеніе старшины; предложеніе о розѣ; жестокой помѣщикъ и жестокой волостной судья. — Какъ въ чигиринскомъ уѣздѣ читали Положеніе. — Взаимное страхованіе. — О балотировкѣ. — Предположенія о московскомъ ремесленномъ заведеніи. — *Что городъ, то порокъ*. — Пироговская премія. — Нѣчто о раскольникахъ и нѣчто о чиновникахъ. — Новыя, возобновленныя и преобразованныя газеты и одинъ журналъ прекращающійся.

Годъ истекаетъ. Въ присутственныхъ мѣстахъ господа чиновники всѣми силами и способами стараются зарѣшить наибольшее число дѣлъ, а въ случаѣ невозможности зарѣшенія, по крайней мѣрѣ *отписаться*, чтобы такимъ образомъ въ годовыхъ отчетныхъ вѣдомостяхъ показать за собой наименьшее число дѣлъ нерѣшонныхъ и тѣмъ заслужить благосклонное вниманіе начальства, нерѣдко сопряженное съ нѣкоторыми существенными благами, именуемыми «остаточными» и т. п.

Что, еслибы мы и многіе другіе изъ числа пишущей братіи состояли подъ начальствомъ читающей публики на правахъ государственной службы, въ должности производителей «нашихъ домашнихъ дѣлъ»? Вѣдь едва ли могли бы мы, съ окончаніемъ настоящаго года, рассчитывать на ея благосклонное вниманіе, на «остаточныя» и иныя подобныя блага, потому что дѣлъ окончательно рѣшонныхъ у насъ почти нѣтъ и къ новому году не предвидится... Положимъ, что въ такомъ случаѣ мы могли бы представить въ свое оправданіе то обстоятельство, что мы принимали всѣ зави-

сиція отъ вась мѣры, «отписывались» сколько могли, употребляя при этомъ, кромѣ требуемаго по службѣ усердія, еще самыя теплыя сердечныя желанія; но эти оправданія конечно признались бы «неумѣстными» и были бы «оставлены безъ послѣдствій», хотя мы, какъ люди отписавшіеся и стало-быть чистые, не подверглись бы преслѣзованію. А отписывались мы въ самомъ дѣлѣ съ полнымъ усердіемъ: сколько выпущено нами замѣчаній, внушеній, повтореній!.. Надо замѣтить, что мы, состоящіе въ вѣдомствѣ читающей публики, ея служителей и докладчики, въ дѣлѣ отписокъ несовѣмъ слѣдуемъ обыкновенному служебному порядку: тамъ дѣлаются сначала повторенія, потомъ внушенія и наконецъ замѣчанія, простыя и строгія; у насъ наоборотъ: прежде всего замѣчанія, потомъ внушенія, а наконецъ уже повторенія. Вамъ, читатель, — вамъ, можетъ-быть непосвященному въ тайны механизма отписокъ, мы должны нѣсколько пояснить эти термины. Пользу замѣчаніями разумѣемъ мы доволу безобразныхъ общественныхъ явленій и всенародное обличеніе ихъ; съ этого именно мы и начали въ нынѣшнемъ году. Затѣмъ, какъ выводъ изъ достаточно-накопившагося числа такихъ явленій, слѣдуетъ внушеніе современныхъ человѣческихъ понятій, въ силу которыхъ замѣченныя явленія необходимо должны быть признаны безобразными, а противоположныя имъ — «отрадными». И уже послѣ того мы начинаемъ повторенія, т. е. начинаемъ повторять одно и то же дважды, трижды и болѣе, для сильнѣйшаго вразумленія и назиданія. Если вы возьмете на себя трудъ послѣдить за нашей дѣятельностью, то непременно замѣтите, что нѣкоторыя дѣла, относительно общихъ взглядовъ и мыслей, именно достигли теперь періода повтореній. Ниже можетъ-быть намъ случится привести на это какіе-нибудь примѣры...

Дѣла, о которыхъ мы обязаны докладывать вамъ, читатель, обыкновенно начинаются общими вопросами, и пока они остаются въ видѣ вопросовъ, наша дѣятельность и наше усердіе выражаются одними восклицаніями и лирическими изліяніями; дѣятельность самая пріятная и самая легкая, которой мы, окрыленные надеждами, предаемся съ неудержимымъ жаромъ. Но потомъ, когда вопросы надлежитъ перейти въ дѣло, и дѣло дойдетъ до практическаго примѣненія, до дѣйствительности, — она, эта суровая дѣйствительность, тотчасъ разбиваетъ ихъ на мелкія части, которыя нескоро соберешь въ общіе выводы. Суровая дѣйствительность неумолимо начинаетъ усложнять и путать вопросы, прежде столь ясныя; мутитъ наши надежды, прежде такія чистыя, какъ прозрачная струя ключевой воды; концы вопросовъ, прежде столь видимые, почти руками ост-

заемые, туманятся и теряются изъ вида; одинъ вопросъ сдѣляется съ другимъ, другой съ третьимъ, и оторонѣвшіе наблюдатели останавливаются въ раздумьѣ предъ этой неподдающейся ихъ надеждамъ дѣйствительностью... Вотъ отчего у насъ нѣтъ рѣшковыхъ дѣлъ, и вотъ гдѣ начинаются наши повторенія, — поприще самое опасное, потому что васъ ничто такъ не раздражаетъ какъ повторенія, а между тѣмъ по поводу движущихся частей раздробленнаго в усложненнаго вопроса нерѣдко является у насъ поползновеніе повторить тѣже мысли, съ примѣско лирическихъ изліяній, которыя уже были неразъ выказаны при разработкѣ вопроса въ его дѣлности и чистомъ отвлеченіи. Чегобъ избѣжать опасности подобныхъ повтореній, опасности притупить ими вашу впечатлительность, довести васъ до равнодушія къ нашимъ восклицаніямъ, до сомнѣній въ полезности на ихъ лирическихъ изліяній, — намъ остается одно средство: представлять одни частные факты, представляя вамъ самимъ дѣлать восклицанія, какія эти факты въ состояніи будутъ внушить вамъ. Мы позволимъ себѣ общія мысли и изліянія только по поводу новыхъ вопросовъ, гдѣ нѣтъ опасности повториться, и то въ такомъ только случаѣ, если окажутся въ наличности вопросы близкіе, удобообразимые, осуществленіе которыхъ, по нашему скромному соображенію, не застрянетъ среди суровой дѣйствительности.

Но вотъ — при первомъ подмѣченномъ нами въ обществѣ фактѣ, о которомъ мы хотимъ сейчасъ довести до вашего свѣдѣнія, намъ приходится сдѣлать оговорку въ свою пользу. Мы имѣемъ случай сказать, что нашу отписку, наши восклицанія нельзя (и вамъ не совѣтуемъ) считать однимъ безплоднымъ «словоизверженіемъ» (слово недавно изобрѣтенное и введенное въ употребленіе не нами, а людьми, по преимуществу мрачнаго характера). Видите ли: передъ кончиною обязательнаго, дароваго труда было много восклицаній — если уже вамъ угодно будетъ называть ихъ таковыми — о трудѣ вообще, о великомъ значеніи труда, исконнаго предписаннаго закономъ природы всякому человѣку, о томъ, что всякій человѣкъ, живущій въ обществѣ, право на пользованіе его благами долженъ заслужить *собственнымъ* трудомъ, о томъ наконецъ, что никакому званію, ни при какомъ общественномъ положеніи честный трудъ въ хулу и осужденіе поставленъ быть не можетъ. Потомъ, по поводу шевельнувшася у насъ вопроса о женщинахъ, было говорено о томъ, что имъ слѣдуетъ выработать независимость положенія, обезпечить себѣ средства независимаго существованія. И, видимъ мы теперь, что эти восклицанія раздались не гласомъ вопіющаго въ пустынь, что нашли они себѣ отголосокъ, и можетъ-быть при со-

дѣйствию настоящихъ финансовыхъ обстоятельствъ, въ виду растущаго безденежья и растущей дороговизны, произвели въ большей или меньшей мѣрѣ требуемое дѣйствіе. Вамъ безъ сомнѣнія уже извѣстно, что съ нѣкотораго времени стали выходить изъ среды нашего общества женщины, рѣшившіяся серьезно приняться за науку, не поженски, а помужски, съ цѣлью практическаго примѣненія знаній къ нуждамъ своей трудовой жизни. Теперь же слышимъ мы непосредственно, собственнымъ органомъ слуха, въ разныхъ углахъ толки тѣхъ женщинъ, которымъ или уже прошло время учиться, или жизненная обстановка мѣшаетъ направиться по пути науки. Онѣ толкуютъ о предпріятіяхъ, клонящихся къ обезпеченію ихъ жизни. И эти толки не остаются одними изліяніями, а имѣютъ видъ дѣятельныхъ начинаній. Слышимъ, что однѣ составили товарищество и сняли булочную, другія организуютъ изъ себя комитетъ женскихъ работъ, третьи... вѣрнѣе третья готовится вступить въ книжный магазинъ или бібліотеку для чтенія въ качествѣ главнаго приказчика или бібліотекаря, съ обязанностью вести корреспонденцію по дѣламъ магазина. И въ этомъ движеніи замѣчательно то, что званіе дѣйствующихъ лицъ оставляется въ сторонѣ; при выборѣ предпріятія оно не идетъ ни въ какое соображеніе. Всѣ эти предположенія приведутся въ исполненіе и будутъ имѣть успѣхъ — не знаемъ, но мы слышимъ о нихъ, и этого довольно. Мы заявляемъ фактъ, причисляя его къ разряду «отрадныхъ»; мы дѣлаемъ усиліе, возвращаемся къ періоду внушеній и громко выражаемъ желаніе, чтобы это движеніе шло дальше, разливаясь за предѣлы столицы, потому что до сихъ поръ мы знаемъ о существованіи его тольکو въ этихъ предѣлахъ. Мы желаемъ, чтобы новыя дѣятельницы устояли въ своемъ движеніи, запаслись твердою волею, не ослабѣли духомъ. Мы желаемъ, чтобы это движеніе не осталось зародышемъ, а развилось съ надлежащей широтой, потому что оно общаешь... Но чтобы не впасть въ лиризмъ, въ изліянія, не будемъ говорить о томъ, что оно общаешь.

Мы упомянули о безденежьѣ. Предметъ извѣстный; но въ этомъ явленіи недавно случилось намъ замѣтить одну странную черту. Входитъ покупатель въ одинъ знакомый магазинъ, въ которомъ онъ давно не былъ, и видитъ, что въ магазинѣ произведены передѣлки; онъ обновленъ и расширенъ. Посѣтитель замѣчаетъ объ этомъ хозяину. «Да! отвѣчаетъ тотъ: — что дѣлать! денегъ ни у кого нѣтъ, всѣ толкуютъ о безденежьѣ и застоѣ, и въ тоже время всѣ повидному идутъ впередъ, обязанностью считаютъ идти впередъ и шириться. Ну, вотъ и мы — придрались къ тому, что въ магазинѣ въ самомъ дѣлѣ было немного тѣсно, и расширились, вне-

редъ пошли.» Чтоже это такое въ самомъ дѣлѣ — кажущаяся ли несообразность, или дѣйствительная? явленіе ли, имѣющее разумное значеніе, или безсмыслица? сила ли промышленнаго духа, или ляхорадочный жаръ? И къ чему ведетъ оно: къ рѣшительному ли исходу, или къ экономической кутерьмѣ? — Это все вопросы, предлагаемые на ваше усмотрѣніе.

Давно слышали мы, и вамъ переладали, мнѣніе знающихъ людей, что спасеніе отъ безденежья можетъ заключаться только въ усиленіи нашей отпускной торговли. Если вы убѣдились въ этой истинѣ, то вотъ капелъка успокоивающаго средства, присланная изъ Одессы въ октябрѣ мѣсяцѣ. «Торговое оживленіе (сказано въ «Одесскомъ Вѣстникѣ»), которое господствовало на хлѣбномъ нашемъ рынкѣ втеченіи минувшаго сентября, было такъ значительно, что отпускъ изъ Одессы за сентябрь мѣсяць составилъ, по цѣнности, почти половину всего отпуска предыдущихъ восьми мѣсяцевъ. Такъ, съ 1 января числилось въ отпускѣ товаровъ на 19,765,261 руб.; за одинъ же сентябрь отпущено на 9,028,674 руб., въ томъ числѣ одного хлѣба на 4,534,586 руб. и шерсти на 4,107,598 руб.» Черезъ три дня оттуда же слышатся слѣдующія соображенія. «Виды на будущій исходъ хлѣбной торговли начинаютъ нѣсколько проясняться. Франція, привлекая къ себѣ текущей осенью огромные запасы хлѣба и истощившая въ этихъ закупкахъ большіе капиталы, перестаетъ привлекать къ себѣ главныя усилія частной спекуляціи. Конечно трудно рѣшить вопросъ, достаточно ли подвезенное количество хлѣба для восьми-мѣсячнаго продовольствія Франціи. Самъ по себѣ этотъ вопросъ уже въ состояніи поддержать хлѣбныя цѣны; но къ тому присоединились еще слѣдующія обстоятельства: болѣзнь картофеля поддерживаетъ сильное требованіе на хлѣбъ, особенно на рожь и пшеницу, въ балтійскихъ портахъ Пруссіи и во всѣхъ портахъ сѣвернаго моря. Сверхъ того, неожиданно слабый привозъ хлѣба въ Англію, оставшюся позабытою среди безпокойствъ отъ неурожая во Франціи, слабый подвозъ изъ Америки и истощеніе наличныхъ запасовъ, вынуждаютъ предпологать, что Англія займетъ теперь главное мѣсто въ ряду рынковъ для сбыта хлѣба» и пр.

Только вы, читатель, пожалуста не поспѣшите воскликнуть: ну, вотъ наша торговля и поправилась! — Предупреждаемъ васъ: вторично, что это не болѣе какъ капелъка успокоивающаго средства, нѣчто вродѣ опіума, обманчивое дѣйствіе котораго вамъ безъ сомнѣнія пзвѣстно. Одна чужая бѣда насъ окончателъно не вывезетъ; вѣдь для усиленія отпускной торговли нужно усиленіе внутренняго производ-

ства, а на этот счет ужь негодно ли вамъ будетъ сдѣлать свои соображенія.

Чтобы однако этимъ вызовомъ на трудныя соображенія не разстроить расположенія вашего духа, мы готовы предложить вамъ еще другую капельку утѣляющаго свойства. Мы не затруднимся подливать эти капельки и въ участія къ вамъ, читатель, предполагая, что и безъ насъ вы имѣете довольно случаевъ подвергаться дѣйствию приемовъ раздражающихъ, знаясь о разныхъ неровностяхъ, представляемыхъ суровой дѣйствительностью. Эту вторую капельку доставилъ намъ тотъ же южный край Россіи. Въ Крыму совершается прекрасное движеніе: вѣдѣвъ ушедшихъ отсюда татаръ, къ намъ идутъ, партія за партіей, изъ Турціи и той части Бессарабіи, которая принадлежитъ теперь Молдавіи, болгары и другіе единоплеменные и единовѣрные переселенцы и начинаютъ понемногу занимать опустѣвшія крымскія поля. Въ этомъ движеніи конечно нѣтъ ничего удивительнаго; скорѣй можно было удивляться тому, что его не было до сихъ поръ. Мы слышали, что со стороны нашего правительства принимаются дѣлательныя мѣры и оказывается всякая помощь къ волворенію этихъ переселенцевъ, и нельзя не желать, чтобы они встрѣтили на новоселѣ всякое радушіе и гостепріимство. Они стоятъ его за все, что суждено было имъ вынести и выстрадать. Стоитъ только показать одну уголокъ картины совершающагося переселенія, чтобы понять, отчего, отъ какихъ бѣдъ бѣгутъ къ намъ эти люди, понять всю вопіющую потребность сдѣлать имъ самый радушный приемъ. «Вчера (пишутъ наприимѣръ изъ Одессы отъ 3 октября) на англійскомъ пароходѣ *Uamlionъ* прибыли къ намъ изъ Сулино 1200 человекъ болгаръ—переселенцевъ. Трудно представить себѣ все бѣдственное положеніе этихъ несчастныхъ; нищета ихъ превосходитъ всякое вѣроятіе: рубища составляютъ роскошь, дѣти едва прикрыты лохмотьями, и то не всѣ. Къ несчастію, въ то время, когда они высаживались на приставъ, дулъ пронзительный сѣверо-восточный вѣтеръ. Кочевья отъ холода, они кое-какъ пріютились между грудами багажа, грызя какія-то заплеснѣвшія корки... На одной изъ лодокъ привезли трупы старика и восьми дѣтей, нагихъ, обезображенныхъ; ихъ обступила полунагая толпа съ тоскливыми, изстрадавшимися лицами. Число больныхъ очень значительно; между ними есть и тифозные. Трудность морского путешествія, тѣснота помѣщенія на пароходѣ—довершили то, что подготовили нищета и вѣковое угнетеніе. Нѣтъ ни одного здороваго лица: блѣдность, худоба, ввалившіеся глаза, съ какимъ-то апатичнымъ, безотраднымъ выраженіемъ — ясно говорятъ о физическомъ и нравственномъ истощеніи переселенцевъ... Поло-

женіе этихъ несчастныхъ возбудило общее состраданіе въ жителяхъ: купцы снабдили ихъ мясомъ, хлѣбомъ, помѣщеніемъ и топливомъ; предводитель дворянства кн. М. Балатуковъ обратился къ дворянамъ съ предложеніемъ составить общій сборъ на устройство больницы для первоначальнаго пособія больнымъ и заболѣвающимъ; дамы заготовляютъ рубашки, чулки и теплую одежду для дѣтей...

Если вспомнить все что мы знаемъ о прежней жизни этихъ «изстрадавшихся», то можно ли не произнести: пусть это движеніе продолжается долго, до тѣхъ поръ, пока тамъ, за Дунаемъ, не останется ни одного гонимаго и забытаго!.. Одна эта сторона дѣла, сторона состраданія и христіанскаго милосердія, независимо отъ огромной пользы, которую обѣщаетъ краю приливъ новаго народонаселенія, даетъ великое значеніе начавшемуся движенію. Мы заранѣе рукоплещемъ всѣмъ мѣстнымъ жителямъ, хозяевамъ края, которые пріютятъ и приласкаютъ измученныхъ пришельцевъ.

Успокоивши васъ этою «отрадною» вѣстью, просимъ перевестись совсѣмъ на противоположный копецъ... нашего отечества. — Это такъ далеко, что даже невдвугъ назовешь отечествомъ такую страну, какъ приамурскій край; а мы именно приглашаемъ васъ туда, въ Николаевскъ, чтобы раздѣлить съ туземцами ихъ пріятное изумленіе при видѣ впервые появившагося тамъ бѣлаго флага съ краснымъ кругомъ въ срединѣ: это японская шхуна, по имени «Камита-Мара»; капитанъ *Мизумъ-Сіедай*. Она пришла съ цѣлю «познакомиться съ нашей страной, узнать положеніе торговыхъ дѣлъ и вообще собрать всѣ свѣдѣнія, которыя могутъ быть полезны для ихъ государства».

Въ письмѣ, присланномъ изъ Николаевска въ газету «Амуръ» и переданномъ уже въ нѣкоторыхъ петербургскихъ газетахъ, подробно описано, изъ кого состоялъ экипажъ шхуны, какіе привезены на ней товары, для образца, и по какимъ дорогимъ цѣнамъ они продавались. Все это, если угодно, вы можете прочесть въ нѣсколькихъ газетахъ, а для насъ важно только то, что японцы пріѣхали къ намъ въ Николаевскъ, сдѣлали намъ визитъ, выражая этимъ желаніе быть нашими знакомыми, и даже заговорили о торговыхъ дѣлахъ. Это, какъ видите, тоже отрадная новость, а съ нею довольно тѣсно связана и другая, неменѣе отрадная, хотя по времени не очень новая, именно: подвигъ г. Махова... можетъ быть изволите знать. Не знаете? — хорошо! Г. Иванъ Маховъ, состоящій при нашемъ консульствѣ въ Хаколате (что въ Японіи), составилъ и на собственный счетъ отпечаталъ русскую азбуку для японцевъ, подъ заглавіемъ на японскомъ языкѣ; означаемъ, говоря японскою конструкціей: «Русскаго чиновника подарокъ японскимъ дѣтямъ».

Какъ г. Маховъ, въ новый японскій годъ (29 января), представлялъ экземпляръ азбуки губернатору Хакодате и просилъ его другою прекраснѣйшій экземпляръ поднести самому Сіогуну, въ какомъ восхищеніи были губернаторъ и другіе сановники — все это вы можете прочесть (а можетъ-быть уже и прочли) въ письмѣ *жителя Хакодате*, напечатанномъ въ «Сѣверной Пчелѣ». Для насъ же опять-таки важнѣе только фактъ существованія азбуки, да важна еще грустная замѣтка, вырвавшаяся у самого г. Ив. Махова въ письмѣ его отъ 24 іюня, напечатанномъ въ № 11 «Морского Сборника». Говоря о томъ, какъ быстро проникаетъ къ японцамъ европейская жизнь, и о томъ, что они учатся съ успѣхомъ европейскимъ языкамъ, г. Маховъ прибавляетъ: «русскому... ну, тутъ приходится или молчать, или дѣлать замѣтки изъ своего дневника: тотъ, которому еще въ началѣ прошлаго года изъявлялась услуга — учить японцевъ порусски безвозмездно; тотъ, къ которому нынѣ сами японцы пристають съ словами: «мы ближайшіе сосѣди съ Россією, а у насъ по сіе время нѣтъ своего переводчика русскаго языка; дайте намъ учителя, а ученики и комнаты уже готовы!» тотъ, который, соревнуя англичанамъ и французамъ, самъ долженъ бы позаботиться объ этомъ дѣлѣ, медлитъ въ распоряженіи и отзывается лично изъявлявшему нѣкогда желаніе учить японцевъ порусски: «и, полноте! кто будетъ учиться русскому языку!» тотъ... На этомъ г. Маховъ прерываетъ свою рѣчь.

Неправда ли, читатель, что въ этой фразѣ: «и, полноте!» уже пахнуло на васъ чѣмъ-то знакомымъ? Какъ она слышна, наша Русь православная, наше неколебимо-бюрократическое отечество! Кто же онъ, этотъ «тотъ, который»? Дайте намъ его имя, достойное стоять въ ряду другихъ новѣйшихъ героевъ, представителей невозмутимо стоящей на мѣстѣ части Россіи! Записать бы на память, чтобы не забыли потомки помянуть его сострадательной улыбкой!.. Какова однако сила бюрократическаго духа: даже примѣръ японцевъ, быстро сдвигающихся съ мѣста, не броситъ краски въ лицо нашего героя!

Воздавъ должную хвалу герою, мы оставляемъ японскій міръ и съ особеннымъ удовольствіемъ возвращаемся на наши родныя поля, теперь занесенныя снѣгомъ, и по нимъ, проселками, по чуть-видному слѣду однажды проѣхавшихъ саней, а мѣстами и просто цѣликомъ, пробираемся въ наши села и деревни, послушать думъ и говора ихъ обитателей... («опять объ уставныхъ грамотахъ!» восклицаете вы при этомъ; но мы продолжаемъ, какъ-будто не слыжали) обитателей, о которыхъ заботы наши неистощаются, о судьбѣ и благоденствіи которыхъ все продолжаютъ усердные толки и сопро-

вождаютъ насъ въ нашемъ воображаемомъ путешествіи по свѣ-
 жнымъ полямъ. «Повсемѣстный опытъ показалъ (слышится за
 нами), что самыя благоприятныя условія для улучшенія быта низ-
 шихъ классовъ не ведутъ къ народному благосостоянію, если уве-
 личеніе зароботковъ не сопровождается улучшеніемъ народной нрав-
 ственности...» «Теперь особенно (кричитъ черезъ минуту тотъ же
 голосъ) важно для Россіи, чтобы лучшіе инстинкты нашего про-
 стого народа находили себѣ поддержку въ образованномъ обще-
 ствѣ...» «Мирныя посредники (продолжаетъ голосъ съ усиленною
 звучностью) безъ сомнѣнія воспользуются своимъ вліяніемъ на кре-
 стьянъ и своими близкими и частыми сношеніями съ ними, для
 того чтобы распространять между ними здравыя понятія, отъ кото-
 рыхъ зависитъ нравственное усовершенствованіе. Многие, какъ
 извѣстно, содѣйствуютъ къ убѣжденію крестьянъ въ пользѣ грамот-
 ности и трезвости: почему бы не быть имъ также распространите-
 лями въ сельскомъ населеніи неменѣе полезныхъ понятій о бере-
 жливости?..» («Соврем. лѣтоп.» № 41).

Вотъ тѣ письменныя внушенія, которыя мы читали давно и те-
 перь снова читаемъ. Что же дѣлать? По предмету внушеній о воспи-
 таніи народа дальше этого идти пока некуда, и вотъ, какъ видите,
 люди находятся вынужденными дѣлать повторенія. Мы уже сказа-
 ли, что будемъ съ своей стороны избѣгать повтореній, и недаромъ:
 въ дѣлѣ народнаго воспитанія они кажутся намъ особенно опасны-
 ми, особенно способными притупить вашу воспріимчивость, наве-
 сти васъ на разные сомнѣнія. Скажите, знаете ли вы тѣхъ воспи-
 тателей, которые втолковали народу убѣжденіе въ необходимости
 грамотности? А вѣдь оно разлилось; сторонниковъ обскурантизма
 между народомъ едвали осталось много. Мы думаемъ и вѣримъ,
 что скоро ихъ совсѣмъ не будетъ, и тогда... Видите ли? Естествен-
 но ждать и желать, чтобы окончательно опредѣлились и уяснились
 для народа условія его экономическаго быта. Уяснятся они, эти
 условія, будетъ онъ знать и понимать свое настоящее положеніе,—
 тогда сознаются потребности, для удовлетворенія которыхъ нужна
 будетъ бережливость. А то вотъ теперь уставныя грамоты...

«Опять объ уставныхъ грамотахъ!..»

Не беспокойтесь! О нихъ на этотъ разъ не распространимся,
 потому что новаго немного. По свѣдѣніямъ, полученнымъ къ ноя-
 брю, число представленныхъ грамотъ въ тридцати-пяти губерніяхъ
 только перешло за тысячу, и изъ нихъ введено въ дѣйствіе 831. —
 Это конечно не очень много. Замѣляющія причины тѣже; между
 ними упоминаются неразмежованныя дачи, неимѣніе плановъ, недо-
 разумія въ пѣкоторыхъ статьяхъ Положеній; но главною и все-

общею причиною остаются попрежнему — недовѣрчивость, предрасудки и «ложныя надежды» крестьянъ. Одинъ господинъ замѣчаетъ, что это дѣло «идеть, какъ и разныя другія русскія дѣла, ни шатко, ни валко».

Кстати: этотъ господинъ недавно возвратился изъ-заграницы въ деревню и сообщаетъ первыя впечатлѣнія, которыя она произвела на него. «Сначала — говоритъ онъ — я не замѣтилъ никакой перемѣны въ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ. Казалось, какъ-будто ничего и не произошло: все тѣже *господа* и тѣже *мужики*... Но это поверхность озера; внутри, въ глубинѣ, успѣли произойти значительныя измѣненія». Главное, что замѣтилъ возвратившійся господинъ въ глубинѣ озера, это — «обязательный трудъ становится тошнѣ и тошнѣ тѣмъ и другимъ; онъ — неправильное явленіе послѣ дарованія свободы; барщина и воля вмѣстѣ не живутъ, не дышутъ».

Насчетъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ встрѣтили мы одну немножко наивную корреспонденцію изъ кирсановскаго уѣзда тамбовской губерніи. Авторъ рассказываетъ о трудности найма вольныхъ работниковъ въ ихъ краю, трудности, которая до 8 октября, когда онъ писалъ свою статью, увеличивалась съ каждымъ часомъ, и ему кажется, что тутъ есть какая-нибудь стачка. «Я слышалъ недавно (говоритъ онъ), что крестьяне будтобы согласились поприжать помѣщиковъ: не наниматься, ни въ какую силу, чтобы тѣ отдали имъ внаймы всю землю, какая есть. Иначе трудно объяснить такое положеніе дѣлъ: случись перевезти избу или что бы то нибыло своему брату мужичку, — сейчасъ является десятко-другой подводъ; а помѣщикъ бьется-бьется, посылаетъ туда-сюда, даетъ цѣну, какую назначаютъ сами крестьяне, а толку нѣтъ... Вообще видится во всѣхъ нашихъ условіяхъ съ крестьянами какая-то вялость и неохота послѣднихъ съ нами объясниться. Можетъ быть этому отчасти содѣйствуетъ то несчастное обстоятельство, что мысли крестьянъ находятся все еще въ необыкновенномъ броженіи... (будто это такъ!). Однако въ результатѣ всѣхъ этихъ броженій, *невъроятныхъ* и *дикихъ* надеждъ, стачекъ — или не стачекъ, а такъ, чего-то *непонятнаго*, — выхолятъ самыя безотрадныя и вредныя явленія: напрямѣръ въ одномъ имѣніи, въ пяти верстахъ отъ меня, стоитъ до сихъ поръ (до 8-го октября!) *на корню рожь въ значительномъ количествѣ десятинъ*; а неубраной гречихи и овса не оберешься. О нихъ ужъ и не говорятъ».

Скажите пожалуйста! какое явленіе! отзываемся мы автору съ полнымъ сочувствіемъ. Въ самомъ дѣлѣ мы ему вполне сочувствуемъ, но удивляемся, что онъ говоритъ такимъ тономъ, какъ-

будто это какая-то особенность, иѣстная черта, только имъ однихъ надѣличенная, и какъ-будто тутъ въ самомъ дѣлѣ есть что-нибудь исключительное».

Между тѣмъ въ ходѣ крестьянскаго дѣла встрѣчаются факты, которые дѣйствительно можно считать особенностями, частью иѣстными, частью личными. Мы приведемъ нѣсколько такого рода фактовъ, казущихся намъ любопытными.

Въ калужскомъ губернскомъ присутствіи разсматривалось представленіе одного изъ уѣздныхъ мировыхъ съѣздовъ *объ удаленіи отъ должности волостного старшины*. Вина старшины состояла въ томъ, что онъ «*дозволилъ себѣ, во время разбора мировымъ посредникомъ дѣла, сѣсть на стулъ и вести посторонній разговоръ съ присутствующими крестьянами*»; а потомъ «*дерзко и непочтительно отъчалъ на замѣчаніе посредника и на приказаніе его удалиться*». Замѣчательно разсужденіе объ этомъ губернскаго присутствія. Оно нашло, что «*хотя съ одной стороны нельзя оставить безнаказанно выраженной явнаго неуваженія къ лицу и званію мирового посредника, допущенныхъ при исполненіи имъ своихъ обязанностей, но съ другой стороны нельзя не признать, что для поддержанія значенія права выборовъ, дарованнаго крестьянамъ, въ дѣлахъ объ увольненіи отъ должностей лицъ, избранныхъ по собственному ихъ управленію, должна быть соблюдаема особенная осмотрительность и осторожность. Слишкомъ поспѣшная смѣна такихъ лицъ уронить значеніе общественныхъ крестьянскихъ должностей въ глазахъ крестьянъ и избираемыхъ лицъ, а для успѣшнаго развитія общественнаго управленія необходимо, чтобы должности эти пользовались извѣстнымъ уваженіемъ*». Затѣмъ, сообразивъ статью Положенія, по которымъ старшины за проступки подвергаются, по распоряженію посредника, замѣчаніямъ, выговорамъ и штрафамъ, и только за важные проступки и преступленія предаются суду, присутствіе «*не нашло достаточныхъ основаній для утвержденія представленія мирового съѣзда объ отрѣшеніи волостного старшины отъ должности*».

Кіевскому присутствію пришлось обсуждать представленіе сквирскаго предводителя дворянства, просившаго разрѣшенія *подвергать малолѣтнихъ крестьянъ до семнадцатилѣтняго возраста за маловажные проступки тѣлесному наказанію до пятнадцати ударовъ розгою...* Чѣмъ, кромѣ иѣстной или личной особенности, объяснить это представленіе? Зачѣмъ бы могли понадобиться начальству еще эти пятнадцать ударовъ розгою по спинѣ малолѣтняго?.. И вотъ — губернскаго присутствіе, сообразивъ всѣ относящіяся къ этому предмету статьи закона, вывело заключеніе, что волостные старшины,

сельскіе старосты и волостные суды не смеем подвергать шалопит-
выхъ крестьянъ тѣлесному наказанію, что предоставляется ихъ ро-
дителямъ и опекунамъ, которымъ старосты и старшины и должны
внушать, чтобы они изыскивали съ дѣтей за невозможительныя по-
ступки, могущіе причинить кому-нибудь вредъ, а въ случаѣ замѣ-
чательнаго послабленія, подвергать ихъ самахъ штрафу за причинен-
ные ихъ дѣтьми убытки.

Въ черниговской губерніи выдалась ужь очень крупная черта
правовъ, явленіе, какого теперь казалось бы и ожидать нельзя.
Одинъ изъ посредниковъ конотопскаго уѣзда представилъ въ гу-
бернское присутствіе свой приговоръ объ увольненіи отъ обяза-
тельныхъ отношеній къ помѣщику штабсъ-капитану Аристарху
Давыдову, за жестокое обращеніе, нѣсколькихъ человекъ дворо-
выхъ людей. Присутствіе нашло, что «дѣйствія помѣщика Давы-
дова представляютъ случай весьма значительнаго злоупотребленія
помѣщичьей власти, злоупотребленія, которое и при существованіи
крѣпостнаго права подлежало строгому преслѣдованію»; а потому
опредѣлило: «приговоръ посредника утвердить; злоупотребленія
же со стороны г. Давыдова помѣщичьей власти предоставить усмо-
трянію предсѣдателя, какъ начальника губерніи.»

Если ужь говорить о чертахъ нравовъ, то вотъ кстати: въ
«Москов. Вѣд.» помѣщенъ отрывокъ изъ письма нѣкаго г. П. Бу-
ракова, подъ заглавіемъ: «Черта нравовъ». Въ этомъ отрывкѣ
всего замѣчательнѣе то, что г. Бураковъ явилъ невѣроятную сте-
пень скромности и облекъ свое извѣстіе не знаю зачѣмъ пошудо-
бизшеюся тутъ тайною. Пишетъ онъ изъ губерніи Т., изъ уѣзда Э.,
о крестьянинѣ помѣщика Н. и о волостномъ правленіи Д. Въ чемъ
же дѣло? Въ томъ, что крестьянинъ пожаловался, что отъ него са-
мовольно ушла жена; а волостной судъ присудилъ: жену наказать
розгами, потомъ сковать ей руки и ноги, и такъ провести ее по
селу. При этомъ односелькамъ ея приказано было пѣть иѣсни, а
когда тѣ стали-было отговариваться отъ такого невиданнаго пору-
ганія женщины, то нѣтъ пригрозилъ, что «шкурки сдврутъ». Ну онѣ
и завѣли, и шестое совершилось. Такъ чтоже тутъ секретничать-
то? Вѣдь оглашаются же жестокости г. Аристарха Давыдова; по-
чему же не огласить и жестокости одного изъ волостныхъ судовъ...
положимъ зубцовскаго уѣзда? Да еще неступокъ г. Давыдова клей-
мить его позоромъ, а волостному суду и въ вину-то нельзя ставить
свойственную ему грубость нравовъ, которая должна подлежать
постепенному смягченію. Еще много можетъ-быть явиться подоб-
ныхъ фактовъ, — пусть же слухъ о нихъ будетъ носиться въ об-

ществѣ, доходить до сельскаго міра, пусть будутъ они обсуждаться, измѣняться и исчезать постепенно...

Все это такія мрачныя или жесткія черты, что наслушавшись ихъ, какъ-то невольно почувствуешь желаніе отдохнуть на чемъ-нибудь, улынуться чему-нибудь, засмѣяться добрымъ смѣхомъ. А ужь по части добраго смѣха всего вѣрнѣе обратиться къ тишу малороссійскаго крестьянина; въ этомъ отношеніи куда до него нашему москалю! Удивительный источникъ юмора лежитъ въ природѣ этого народа! Послушайте напримѣръ рассказъ о томъ, какъ въ чигиринскомъ уѣздѣ, въ с. Трилѣсахъ, читали Положеніе. Созвалъ помѣщикъ вѣсколько человекъ крестьянъ, и показывая имъ книгу «Положеніи», сказалъ, что она прислана для нихъ, что въ ней написано все — какъ выкупать усадьбы и землю, какъ выходить на оброкъ и пр.; потомъ подходитъ къ первому крестьянину и подавая книгу, говоритъ: «возьми», но тотъ пятится назадъ и отвѣчаетъ: «ненадо, я неграмотный»; такъ же поступаютъ другой, третій и т. д. Наконецъ послѣдній осмѣлился, храбро взялъ книгу, произнесъ: *ходімъ*, и всѣ пошли за нимъ.

«Пришедши домой (продолжаетъ рассказчикъ), онъ позвалъ двухъ ближайшихъ сосѣдей, показалъ имъ книгу, рассказалъ, что помѣщикъ о ней говорилъ, и прибавилъ: «треба прочитатъ її; наймымъ въ Чигринѣ писаря?» Тѣ согласились нанять на общій счетъ, съ тѣмъ чтобъ никому объ этомъ не говорить. На другой день рано утромъ поѣхалъ мужикъ въ Чигиринъ и нашолъ чтеца. Это былъ исключенный пзъ духовнаго званія дячекъ; его наняли читать по пяти коп. за листъ и обязались по окончаніи чтенія дать двѣ кварта горилки. Для такой важной оказіи мужикъ купалъ тамъ и свѣчу. Какъ только стемнѣло, собралось товарищество, зажгли огонь и началось чтеніе; не прошло минуты, отворилась дверь, вошелъ односелецъ Семень Романенко; нечего дѣлать, — его пригласили сѣсть и слушать; только-что тотъ сѣлъ, вошелъ Яковъ Диденко, и того пригласили сѣсть; послѣ начали являться гости по два и по три разомъ, вскорѣ набилась цѣлая хата, отворили дверь, а ночь была холодная, — настудили хату, началась давка; между тѣмъ понемногу вокругъ хаты собралась вся деревня; хозяинъ растерялся, пришолъ въ азартъ; незная что дѣлать, просилъ, чтобъ разошлись, но ему кричали: «вихай читает!» Въ такомъ затруднительномъ положеніи онъ съ досады затушилъ свѣчу и закричалъ старшему сыну: «Вери *табулу* (т. е. табель, — такъ называютъ они Положеніи), замкни въ скриню и заразъ закопай на огородѣ!» Громада пошумѣла и разошлась, а сынъ буквально исполнилъ возю

отца, и только недавно откопаны «Положенія» волостнымъ старшиною.»

Вспомните, читатель, что это истинное провѣщество, вспомните типы, созданные Гоголемъ, — и васъ поразитъ ихъ вѣрность. Вѣдь никто не сдѣластъ такой штуки кромѣ малоросса; есть у него какая-то особенность въ умственныхъ приѣмахъ: и этотъ хитренкій замыселъ — нанять украдкой чтеца и втихомолку прочесть «Положенія», и противопоставленная этой хитрости — хитрость односельцевъ, провѣдавшихъ замыселъ и начинающихъ сходиться съ простодушнымъ видомъ, какъ-будто случайно, и наконецъ этотъ азартъ и рѣшительная вѣра — закопать въ землю «Положенія», — все это такъ знакомо намъ по гоголевскимъ образамъ и непереносимо ни на какой другой народъ.

Вотъ что еще должны мы замѣтить: рядомъ съ уставными грамотами и вообще дѣлами, относящимися до устройства экономическихъ отношеній между крестьянами и помѣщиками, начинаются въ мировыхъ учрежденіяхъ общественныя дѣла собственно крестьянскія, исключительно до общественныхъ крестьянскихъ интересовъ относящіяся. Такъ въ калужскомъ губернскомъ присутствіи разсуждали о пользѣ введенія между крестьянами взаимнаго страхованія ихъ строеній отъ пожаровъ. Между тѣмъ пока тамъ шли разсужденія, въ ярославской губерніи ростовскій мировой съѣздъ уже порѣшилъ это дѣло для своей мѣстности. Одинъ изъ посредниковъ, г. Ошавинъ, сообщилъ съѣзду, что желающихъ участвовать во взаимномъ страхованіи строеній нашлось: въ первомъ участкѣ 3130 домохозяевъ, во второмъ 2542, въ третьемъ 1669, всего 7341. Съѣздъ опредѣлилъ: число домохозяевъ, желающихъ участвовать во взаимномъ страхованіи, весьма значительно, такъ что по средней оцѣнкѣ крестьянскаго двора въ 200 руб., составитъ капиталъ въ 1,468,200 р., и полагая страховую сумму въ $\frac{2}{3}$ цѣнности строенія, составитъ капиталъ въ 978,800 р.; преміи по среднему расчету 1% въ годъ, придется 9,788 р. По свидѣніямъ земскаго суда, сгорѣвшихъ крестьянскихъ домовъ втеченіе 8 лѣтъ было 418, среднимъ числомъ въ годъ $52\frac{1}{4}$, а считая сумму вознагражденія въ $133\frac{1}{4}$ руб., придется всего уплатить 6,759 руб. Принимая въ соображеніе эти данныя, легко убѣдиться, что взаимное страхованіе можетъ осуществиться безъ всякаго посторонняго пособія, а изъ остающихся денегъ можно будетъ образовать капиталъ, достаточный для пополненія случайныхъ недочетовъ. Поэтому мировой съѣздъ счелъ обязанностью просить губернское присутствіе ходатайствовать о дозволеніи образовать общество взаимнаго страхованія въ ростовскомъ уѣздѣ.

Видите ли: мы говорили какъ-то о деревенскихъ пожарахъ и о томъ, до какой непостижимой степени доходить безпечность крестьянъ въ охраненіи своихъ строеній отъ огня. Откуда же взялась въ ростовскомъ уѣздѣ такая ходкая готовность участвовать въ обществѣ взаимнаго страхованія и платить премію? А вѣдь это тоже согласно съ принципомъ «бережливости». Ктоже успѣлъ *воспитать* крестьянъ ростовскаго уѣзда до этого принципа, до степени сознанія пользы платить страховую премію? Кто — г. Ошанинъ, или само теченіе событій, сама жизнь?

Вотъ еще насчетъ бережливости. Изъ тульскихъ губернскихъ вѣдомостей узнаемъ, что крестьяне нѣкоторыхъ имѣній *обращались* къ черному мировому посреднику Зыбину съ *просьбами* содѣйствовать имъ въ выкупѣ ихъ усадебной осѣдлости; они желали, чтобы деньги, слѣдующія съ нихъ въ уплату помѣщикамъ, были теперь же приняты отъ нихъ. Полагая, что до введенія уставныхъ грамотъ, въ случаѣ несогласія помѣщика, нельзя произвести выкупъ, но что просимый крестьянами приемъ отъ нихъ денегъ много облегчить ихъ, обезпечить ихъ со стороны храненія денегъ, что деньги такимъ образомъ не затратятся для другихъ дѣлъ, а пойдутъ по назначенію, для упроченія ихъ благосостоянія, — г. Зыбинъ представлялъ объ этомъ начальнику губерніи; отъ него передавался вопросъ въ губернское присутствіе, которое признало мѣру полезною, и потому разрѣшено принимать отъ крестьянъ деньги въ казначейства, для храненія, въ приблизительномъ или произвольномъ размѣрѣ, съ тѣмъ, что послѣ будетъ или доплата недостающаго, или возвратъ излишка.

Конечно деньги въ казначействахъ будутъ лежать безъ процентовъ; выгоднѣе было бы положить ихъ въ сберегательныя кассы; но вѣдь потребность въ храненіи явилась, а отъ нея недалеко и до мысли о кассахъ. Ктоже породилъ эту потребность — г. Зыбинъ или сама жизнь? Полагаемъ, что не г. Зыбинъ, потому что къ нему сами крестьяне «обращались съ просьбами». Его же надо только благодарить за то, что онъ принялъ участіе и похлопоталъ по этимъ просьбамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ приметъ такое же дѣятельное участіе и явится такимъ же доброхотнымъ человѣкомъ, когда къ нему обратятся съ просьбами о содѣйствіи къ учрежденію сберегательной кассы.

Не слѣдуетъ ли той же жизни предоставить и разрѣшеніе вопроса, надъ которымъ недавно въ костромской губерніи, въ ветлужскомъ уѣздѣ задумался г. В. Лугининъ? Вопросъ относится къ крестьянскому общественному управленію и состоитъ въ томъ: какая въ крестьянскихъ выборахъ и рѣшеніи подлежащихъ имъ дѣлъ

должна быть баллотировка. — открытая или тайная? Мужички наши склонны больше къ открытой баллотировкѣ, она оказывается согласною съ ихъ правами и обычаями; но г. Лугининъ, неосуждая этого порядка баллотировки, много говорящаго въ пользу примизны народнаго права, находитъ однако, что въ невѣстныхъ случаяхъ и извѣстнаго рода дѣлахъ была бы полезнѣе баллотировка тайная. Мы не будемъ разбирать этотъ вопросъ, предоставляя разрѣшеніе его, какъ сказали выше, уже зародившейся въ народѣ общественной жизни; но еслибы что-нибудь заставило насъ войти въ такой разборъ, то поддерживать мысль г. Лугинина кажется недостаю бы у насъ духу... Если уже начала выработываться открытая баллотировка, то она и должна выработаться, и нѣкоторыя неудобства ея, какъ временныя, должны, съ дальнѣйшимъ развитіемъ общественнаго управленія, устраниваться. Въдѣ и въ независимости волостнаго суда, какъ мы сейчасъ видѣли, истрѣтилось неудобство; однако изъ этого не слѣдуетъ, что нужно ограничить эту независимость, подчинивъ напримѣръ судъ надзору мирового посредника или кого другого, кто бы смягчалъ его жесткіе приговоры.

Чтобы кончить на этотъ разъ съ крестьянскими дѣлами, упомянемъ, что 27 октября открылись въ Сѣвѣрѣ *владѣнія власнаго выкупнаго учрежденія* для производства съсудъ подъ залогъ приобретаемыхъ крестьянами у помѣщиковъ въ собственность земель, вмѣстѣ съ услѣбной осядлостью.

Есть нѣсколько новостей по предмету народнаго образованія, которыя заслуживаютъ полнаго вашего сочувствія, читатель. Извѣстны ли уже онѣ вамъ, или нѣтъ, но мы во всякомъ случаѣ обязаны упомянуть о нихъ.

Первая и важнѣйшая — это предположеніе о преобразованіи *московскаго ремесленнаго учебнаго заведенія*, составляющаго предметъ сужденій учебнаго комитета при IV отдѣленіи собственной его императорскаго величества канцеляріи. Это заведеніе прежде назначено было для приготовленія ремесленниковъ изъ мало-способныхъ питомцевъ воспитательнаго дома, а теперь приготовляетъ ученыхъ техникувъ и принимаетъ воспитанниковъ и изъ разныхъ званій; оно — закрытое. На него издерживается больше ста тысячъ руб., а пользы, соответствующей этимъ издержкамъ, какъ оказывается, оно не приноситъ. Туда поступаютъ воспитанники безъ всякой подготовки, большею частью прямо изъ деревень, и стало-быть научная сторона идетъ худо; а закрытый характеръ заведенія невыгодно дѣйствуетъ на здоровье и развитіе воспитанниковъ. Все

это изложено было въ отчетѣ самимъ директоромъ заведенія. Теперь учебный комитетъ полагаетъ учредить, въ замѣнъ этого обветшавшаго заведенія, два: реальную гимназію, какъ заведеніе подготовительное, и высшее техническое училище, какъ специальное заведеніе, назначенное для болѣе взрослыхъ и подготовленныхъ молодыхъ людей. Заведенія эти будутъ открытыми; въ высшемъ техническомъ училищѣ казеннокоштные воспитанники будутъ получать стипендіи, въ реальной гимназіи — содержаться группами въ 10—15 человекъ у наставниковъ заведенія. Кроме этого, для первоначальнаго образованія питомцевъ воспитательныхъ домовъ предполагается основать по деревнямъ, гдѣ есть эти питомцы, *начальные училища*, которыя дозволено будетъ посѣщать и вообще дѣтямъ сельскихъ обывателей. Чтобы имѣть хорошихъ наставниковъ въ этихъ училищахъ, предполагается плата учителю до 400 р., а его помощнику до 200 руб. Наконецъ комитетъ находитъ полезнымъ учредить учительскую семинарію, въ которую, по его мнѣнію, могъ бы быть обращенъ гатчинскій сиротскій институтъ.

Нисколько не касаясь сущности этихъ разумныхъ предположеній, мы хотѣли бы сказать два слова по поводу гатчинскаго института. Это заведеніе имѣло нѣкогда исключительное назначеніе и только съ нѣкотораго времени, сколько извѣстно, стало освобождаться отъ него. Кто имѣлъ случай сталкиваться съ воспитанниками института за прежнее и за послѣднее время, тотъ не могъ не замѣтить происшедшей перемены: бѣдные сироты ожили, какъ будто отъ свѣжаго воздуха; физиономіи одушевились; развилось во многихъ прекрасное стремленіе къ дальнѣйшему самоусовершенствованію; университетскій курсъ сдѣлался ихъ любимой мечтою, къ осуществленію которой теперь кажется имъ открыта дорога. Мы не знаемъ коротко внутренней жизни института, не знаемъ въ подробности хода перемены, произведшихъ тѣ результаты, о которыхъ говоримъ мы; но — вотъ общее замѣчаніе: если пріемъ въ заведеніе ограничимъ извѣстнымъ классомъ и извѣстными условіями (въ гатчинскій институтъ принимаются сироты, преимущественно круглые, изъ дѣтей чиновниковъ), то ограниченіе воспитанія въ немъ извѣстнымъ исключительнымъ назначеніемъ — дѣлается уже какбы двойною исключительностью, которая должна производить несомнѣнно благотворное вліяніе на духъ учащагося сословія. Особенно если еще при этомъ замѣщается съ одной стороны сознаніе сиротства, а съ другой — неприглядность предназначеннаго поприща, каково напримѣръ поприще канцелярскаго служителя, — то чѣмъ же тутъ согрѣться юношеской фантазіи и чѣмъ оживиться молодому духу? Конечно, поприще сельскаго

учителя привлекательнѣе поприща канцелярскаго служителя, и... дай-богъ, чтобы предпологаемая переимѣна въ назначеніи гатчинскаго института пошла ему во благо, которая онъ стоитъ, судя по результатамъ его нынѣшняго состоянія.

Женскія народныя училища продолжаютъ понемногу открываться. На этотъ разъ мы встрѣтили извѣстія объ открытіи женскихъ *бесплатныхъ* школъ въ городахъ: *Бобровъ* (воронежской губерніи) и *Ядринъ* (казанской губерніи). Въ томъ и другомъ школы образовались преимущественно стараніемъ и средствами частныхъ лицъ. Въ Бобровѣ купецъ П. И. Гарденинъ пожертвовалъ подъ школу свой домъ съ отопленіемъ; въ Ядринѣ художникъ Шлецовъ обязался вносить въ пользу школы ежегодно по двадцати пяти руб., въ продолженіе десяти лѣтъ.

Но... пословица говорить: что городъ, то моровъ. Вотъ что рассказываютъ о моровѣ города Старой-Русы (новгородской губерніи). Ремесленный голова *Овсянкинъ* вздумалъ открыть тамъ воскресную ремесленную школу, на свой счетъ, а помѣстилъ ее въ свободныхъ комнатахъ ремесленной управы. Началось преподаваніе, но — ненадолго. Голова *Овсянкинъ* смѣщенъ, на мѣсто его избранъ *Балухонцевъ*. Съ этой переимѣной начались *гоненія со стороны городского общества на школу*, — гоненія, вызвавшія со стороны мѣстнаго губернатора и директора училищъ распоряженія о разборѣ дѣла чрезъ особаго чиновника. Чиновникъ открылъ, что поводомъ къ противодѣйствію школѣ была вражда и недоброжелательство гражданъ къ *Овсянкину*, потому что они видѣли въ его заботахъ объ этой школѣ опасное намѣреніе приобрести вліяніе надъ ремесленниками, которые *весьма плохо содержатъ и одѣваютъ своихъ учениковъ и въ праздничные дни употребляютъ ихъ на работы*. Таковъ моровъ старо-русскій!

Въ нынѣшній разъ намъ какъ-то особенно часто приходится переходить отъ «дикихъ» явленій къ «отраднымъ», и обратно. Вотъ какое извѣстіе изъ Бердичева помѣщено въ «Кіевскомъ Телеграфѣ». Бердичевскій уѣздный страпчій *Ямиковскій* устроилъ при городской тюрьмѣ школу для молодыхъ арестантовъ. Отдѣлены три довольно чистыя комнаты; изъ нихъ двѣ — молитвенныя, для христіанъ и для евреевъ особо; въ третьей — скамьи, доски, кафедра, маленькая библіотека. Нѣкоторые изъ арестантовъ, болѣе приготовленные, т. е. болѣе образованные, вызвались быть преподавателями. Учиться по собственному желанію вызвалось до сорока человекъ; въ школу приглашены священникъ и раввинъ. Дальше говорится, что «все это слѣдано исключительно трудами и издержками страпч-

что, который каждый день призываетъ въ школу, и учение ищетъ подъ его присмотромъ».

Все что говорили мы до сихъ поръ, касается заботъ о меньшей братии; теперь просимъ подняться выше. Когда уѣзжалъ изъ Кіева бывший попечитель тамошняго округа Пироговъ, — на объѣздъ, данномъ ему учебнымъ сословіемъ, положено было составить подписку на пожертвованія для ученой дѣли, которую укажетъ самъ Пироговъ. Подписка состоялась; собралась сумма до тысячи рублей и продолжается увеличиваться. Пироговъ назначилъ употребить эту сумму въ видѣ преміи за сочиненіе на слѣдующую тему: *Изложитъ сравнительно-историческій ходъ университетскаго образованія въ западной Европѣ и въ Россіи, и въ особенности составить подробную документальную исторію трехъ высшихъ учебныхъ заведеній кіевского и одесскаго учебныхъ округовъ, т. е. университета св. Владимира и лицея князя Безбородко и ришельевского.*

На объявленіе этой темы для соисканія преміи испрашивается разрѣшеніе. Тема, какъ видитъ читатель, въ высшей степени современна, или лучше — является какъ нельзя болѣе вовремя. Незнатная всей программы, разъясняющей тему, мы приведемъ изъ нея только нѣсколько словъ. Ею между прочимъ требуется въ первой части сочиненія «изобразить вліяніе на университеты окружающаго ихъ общества и наоборотъ, — вліянія университетовъ на общество, и въ особенности опредѣлить различіе въ ходѣ и значеніи университетскаго образованія и во вліяніи гуманизма и реализма на просвѣщеніе въ Европѣ и у насъ». Нѣтъ сомнѣнія, что найдутся люди, которые предадутся разработкѣ этой темы съ полнымъ одушевленіемъ.

Тема эта заставила насъ прикоснуться къ одному изъ новѣйшихъ вопросовъ, который съ такимъ жаромъ подвигался въ нашей литературѣ и ходъ котораго уже обозрѣвъ у насъ въ особомъ отдѣлѣ. Поэтому, обходя его, мы остановимся на нѣкоторыхъ другихъ, также новѣйшихъ вопросахъ, т. е. такихъ, по которымъ еще мало было внушеній и еще менѣе повтореній. Они не возбудили еще надлежащаго литературнаго одушевленія, — потому ли, что не представляютъ поводовъ къ сильнымъ разнорѣчіямъ, или потому, что касаются отдѣльныхъ міровъ, не для каждаго изъ насъ близкихъ. Мы подслушали въ литературѣ два такихъ вопроса: въ одномъ изъ нихъ являются героями раскольники, въ другомъ — чиновники... Странное сближеніе двухъ міровъ, совершенно противоположныхъ одинъ другому.

О раскольникахъ только-что заговорили... Мы здѣсь разумеетъ не сущность ихъ ученій и религиозныхъ вѣрованій: объ этомъ есть

обширныя сочиненія, восходящія къ отдаленной старинѣ; мы разумѣемъ ихъ общественное и политическое положеніе, которое только теперь внезапно удостоилось нѣкотораго вниманія со стороны литературы... Отчего это случилось?

Можетъ-быть вы замѣтили въ газетахъ небольшой циркуляръ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ къ начальникамъ губерній, въ которомъ сказано, что начальникъ саратовской губерніи, во всеобщемъ отчетѣ о состояніи вѣренной ему губерніи за 1860 годъ, возложилъ: «съ распространеніемъ народнаго образованія можно ожидать, что ложныя вѣрованія должны итти безъ всякаго преслѣдованія, а въ настоящее время остается желать, чтобы молодые раскольники получали воспитаніе, амьбѣ съ православными, въ однихъ учебныхъ заведеніяхъ», и что «государь императоръ высочайше соизволилъ одобрить это предположеніе и повелѣлъ принять оное къ исполненію.»

Затѣмъ въ «Харьковскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» явилась статья объ украинскихъ сектахъ; она перепечатана въ «Сѣверной Пчелѣ» 20 ноября, гдѣ вы, если угодно, и можете прочесть ее. Въ 43 № *Современной Литературы* г. Ф. Воронковъ, на четырехъ столбцахъ вѣроятно лучшей печати, доказываетъ, что преслѣдованіе раскольниковъ не достигаетъ цѣли, что вообще религіозныя преслѣдованія никогда не имѣли успѣха, что преслѣдованіе убѣжденій только усиливаетъ ихъ и возбуждаетъ фанатизмъ и пр. и пр.

Вы видите, читатель, что тутъ не только не о чемъ спорить, но и сомнѣваться ни въ одномъ словѣ нельзя: все это истина, несомнѣнная и даже уже извѣстная. Однако могутъ сказать, что есть раскольническія секты вредныя, которымъ нельзя давать свободно распространяться. Такъ; во вредная секта есть ложное ученіе, ложь, и если она действительно ложь догматическая, то жить ей возможно только въ мракѣ тайны, куда именно и вагонцать ее преслѣдованіемъ. Дайте же ей открыться, обнаружитъ себя, — свѣтъ правды оченъ скоро вальетъ ее и уничтожитъ. Если раскольническія секты приобрѣтаютъ себѣ новыя послѣдователей, то этихъ послѣднихъ привлекаетъ частію таинственность, вообще привлекательная, частію то обетрательство, что въ бытѣ и нравахъ нѣкоторыхъ сектъ есть въ самомъ дѣлѣ довольно сильныя черты, можетъ-быть именно развѣсившія воду вліяніемъ исключительнаго положенія ихъ, какъ годовыхъ.

Говоря о толкахъ про раскольниковъ, мы нечаянно бы пропустили съ своей стороны, еслибы не упомянули еще объ одномъ маленькомъ рассказѣ, помѣщенномъ въ № 194 «Иллюстраціи». Авторъ ъхалъ изъ Баку въ Шемаху; станція была длинная и скучная, и

ямидникъ ему попался молодень. Зашолъ разговоръ; на вопросъ объ ямъ въфр ямидникъ оказалъ: «Вѣруемъ, все равно какъ и православыные въ Бога, вѣруемъ и въ Господа Иисуса Христа, и въ сятаго Духа вѣруемъ, образы не имѣемъ, сватыхъ не знаемъ, крестоу не кладемъ и на груди не носимъ, а вѣруемъ въ Бога-Духа и ему поклоняемся».

«— А церкви есть у васъ?

«— Церкви и поповъ у насъ нѣтъ, а всякій грамотный у насъ учителемъ прозывается и можетъ обѣдню служить гдѣ хочеть.

«— Отчего вы оружіе при себѣ не носите? вкругомъ жавуть татары, всѣ ходять вооруженные, часто бывають разбен... или васъ не трогають?

«— Нехристу-татарину все равно кого убить, такъ и нашему брату отъ нихъ достается; убьютъ, такъ на то воля Божья. Оружія не носимъ по закону, потомучто мы всѣ братья и прады Богомъ всѣ равны: такъ Богъ велѣлъ.

«— Обращають ли васъ здѣсь въ православіе?

«— Какже, обращаютъ. Кто разъ окрестился, тотъ нами некажетъ быть не можетъ. А ты, баринъ, изъ какихъ? не изъ молодканъ ли?

«— А почему ты думаешь, что я изъ молодканъ?

«— Да такъ; вотъ мы съ тобой часе три вдемъ, а ты не бранишься, да и на станцію ирѣхалъ, хотъ и съ курьерской подорожной, но насъ не ругалъ; а по-нашему ругаться большой грѣхъ: такъ и задумалось, что не молодканъ ли ты... Я давно сижу на станціи, много видѣлъ провѣжающихъ, а вотъ впервой вижу барина, который бы нашего брата не обругалъ; а то кажинной днѣ, столько православные обругають, но и татаръ выучили ругаться поруски.

«— Ну что толковать!.. раскажи лучше, какъ справляють у насъ свадьбы, похороны, престивны...

«— Придетъ вѣвѣста въ домъ жениха, стануть лицомъ къ лицу у стола, старшой прочтетъ что надо изъ евангелія, — вотъ и вся недолга, и поѣвѣчали. Хоронать такъ же: умереть кто, — поломать во гробъ да в свесуть на кладбище.

«— Какъ! даже и не отпѣвають?

«— Такъ чтожъ? все едино — отпѣвать, либо цѣтъ; Богъ лучше знаетъ, чего человекъ достоинъ; тамъ будетъ ему по жизни его на землѣ...

«Лошадя у содержателей станціи молодканъ (прибавляетъ потомъ авторъ) рослыя, сытыя; въ домахъ чистота; неслышше ни ссоры, ни брани; да и прямотность разнита больше чѣмъ въ Россіи... Не-

рѣдко имѣ случилось заходить въ избы молоковъ : вездѣ я находилъ церковныя книги, старики читали вслухъ, молодые слушали ; дѣтей находилъ за азбуками.»

О раскольниковъ все, читатель ; больше ничего вѣтъ. Теперь позвольте... о чиновникахъ. Надо сказать, что большая часть нашихъ вопросовъ (невыключая раскольниковъ) можетъ начинаться одними и тѣми же словами : «устройство быта»... Устройство быта крестьянъ, мѣщанъ, купцовъ... ну, и чиновниковъ тоже. А въ самомъ дѣлѣ, быть чиновниковъ нельзя-таки назвать хорошо и прочно устроеннымъ. Вотъ хоть бы теперь : дороговизна, увеличивающая количество необходимыхъ расходовъ, при неизмѣнной цѣнѣ прихода, и зловѣщія для героевъ нашего вопроса слухи о сокращеніи штатовъ и цѣлыхъ административныхъ учреждений, — эти обстоятельства ставятъ ихъ въ такое положеніе, которое способно вызвать человѣка на размышленіе. Нѣсколько времени тому назадъ заговорили бы господя писатели о томъ, куда бы лучше дѣвать заштатныхъ ; поговорили да и замолчали, порѣшивши кажется, что «не знаемъ дескать куда дѣвать ихъ». Между тѣмъ и сами чиновники зашевелились съ своими «обществами вспомошествованія», «сберегательными кассами» и пр. Началось конечно съ Петербурга, а потомъ пошло дальше, и движеніе это продолжается до сего дня. Последнее проявленіе его совершилось въ Орѣ, гдѣ составилъ проектъ устава «общества взаимнаго вспомошествованія чиновниковъ». По поводу этого проекта нѣкто сказалъ (въ 42 № «Современной Лѣтописи») нѣсколько словъ. Въ этихъ нѣсколькихъ словахъ мы услышали нѣсколько жалобъ — на платію, на умственный сонъ вообще чужеземнаго люда, на равнодушіе и даже недоброежелательство нѣкоторыхъ къ начинаніямъ и начинателямъ, составителямъ проектовъ, обществъ и пр. Услышали мы нѣсколько вопросовъ, о томъ напримѣръ, «откуда распространилось убѣжденіе, что сынъ чиновника долженъ непремѣнно дѣлаться чиновникомъ? откуда невыгодный взглядъ на честный трудъ ремесленника, купца, земледѣльца?» Услышали мы нѣсколько здравыхъ мыслей, какъ напримѣръ, что *чиновникамъ надобно расширить свою дѣятельность.*

Мы съ своей стороны хотѣли сказать : общества вспомошествованія, кассы и пр. — хороши, но одни они не устроятъ быта чиновниковъ и не обезпечатъ вполне ихъ будущности. Стало-быть хорошо было бы занастись имъ на всякій случай подготовкою къ другому поприщу, т. е. тоже что «расширить свою дѣятельность». Но этого нельзя ожидать при существованіи апатіи, умственного сна и невыгодныхъ взглядовъ на честный трудъ ремесленника, купца и пр. Значитъ, нужно познаться, откуда взялись этотъ сонъ

и эти взгляды? Боже мой! да вѣдь тутъ вѣтъ ничего удивительнаго. Въ прошедшій разъ какъ-то сорвалось у насъ съ языка восклицанье о томъ, что можетъ сдѣлать изъ человѣка исключительно служебное поприще; потомъ въ журналѣ «Вѣкъ» встрѣтилось намъ размышленіе о вечернихъ занятіяхъ чиновниковъ въ присутственныхъ мѣстахъ. Авторъ размышляетъ, что эти вечернія занятія пользы существенной не приносятъ, потому что чиновники дѣла почти не дѣлаютъ въ вечернія засѣданія, а проводятъ ихъ большею частью въ пустѣйшей болтовнѣ; между тѣмъ обязательное посѣщеніе должности вечеромъ отбиваетъ ихъ отъ дома, отъ семьи, отъ частной жизни, не даетъ имъ ни на чемъ остановиться и отдохнуть внѣ служебной сферы, не даетъ ни къ чему приспособить себя, превращаетъ ихъ въ ходячія дѣловые бумаги...

Все это авторъ говоритъ собственно о провинціальныхъ порядкахъ и тамошнихъ чиновникахъ, прибавляя, что въ Петербургѣ этого уже нѣтъ. Съ провинціальнымъ чиновничьимъ бытомъ мы знакомы издали, по воспоминаніямъ и слухамъ; но вотъ — неуютно ли взглянуть на особенный образчикъ петербургскаго чиновника.

Жилъ-былъ чиновникъ, уже немолодыхъ лѣтъ и немалыхъ чиновъ. Смолоду началъ онъ служить при особѣ одного строгаго, крутого начальника, неотличавшагося особенной ровностью характера; начальникъ не стѣснялся въ муштрованіи чиновника, но и награждалъ его щедро; муштрованье заставляло чиновника усиленно суетиться; награды окрыляли его надеждами; онъ завелся семействомъ и размыслилъ, что начальникъ его — лицо немаловажное, сильное, что служа при немъ усердно, можно достигнуть и выиграть, — и размысливъ такимъ образомъ, предался со всѣмъ жаромъ усердія своимъ обязанностямъ, точное исполненіе которыхъ требовало всегдашней готовности и служебнаго бодрствованія во всякій часъ дня и ночи. Вечернія занятія были тутъ непремѣннымъ условіемъ. Много лѣтъ усердствовалъ чиновникъ и — вотъ что вышло изъ него чрезъ эти много лѣтъ. Станъ его наклонился впередъ и немного сгорбился; образовалась постоянная хлопотливо-ускоренная походка; лицо получило способность только къ двумъ выраженіямъ: выраженію озабоченности, смѣшанной съ вѣкоторымъ испугомъ, и — къ кроткой улыбкѣ, съ примѣсью сердечнаго умилевія. Онъ семейнинъ и чадолубивый отецъ; онъ уже при особѣ другого начальника, менѣе строгаго и отличающагося большей ровностью характера, но страшная, непостижимо-сильная привычка сдѣлала для него необходимымъ какъ воздухъ, пища и всякая жизненная потребность, слѣдующій ежедневный образъ жизни. Утромъ въ десятомъ часу торопливо шолъ онъ въ свою канцелярію и оставался

тань до пяти часовъ; потомъ торопливо возвращался домой, торопливо объдагь и торопливо предавался подкрѣпляющему силы сну. Въ десятомъ часу торопливо выхлебывалъ чашечку чаю и тань же торопливо шолъ въ канцелярію, гдѣ оставался до перваго часа ночи. Случалось, что въ эти часы вечерняго бдѣнія не было совсѣмъ дѣлъ, на которыхъ бы онъ могъ утолить жажду служебной дѣятельности; тогда онъ открывалъ особый картонъ, наполненный черновыми и другими бумагами, съ помѣтками: «выждать», «къ храненію», «для памяти». Онъ перебиралъ эти бумаги съ умышленной медленностью, нѣкоторыя освѣжалъ новыми отлѣтками, другія, которыя «по измѣнившимся обстоятельствамъ» оказывались уже не нужными, тщательно рвалъ и бросалъ въ стоявшій у него подъ столомъ деревянный ящикъ. Иногда заходилъ къ нему, въ его уединенную лабораторію, сверстникъ; онъ встрѣчалъ его съ своей кроткой улыбкой и бесѣдовалъ съ нимъ... Надо замѣтить при этомъ, что вообще когда кто-нибудь заговаривалъ съ нимъ о предметахъ до государственной службы неотнoсншхся, то онъ слушалъ собесѣдника точно такъ, какъ еслибы ему рассказывали о вчера открытыхъ невѣдомыхъ странахъ, наполненныхъ всякими чудесами природы: одно наивное, дѣтское любопытство — и никакого сочувствія!.. Поэтому бесѣда съ сверстникомъ обыкновенно шла о службѣ и о служащихъ, по ихъ отношеніямъ къ службѣ. Иногда нашъ герой предавался воспоминаніямъ, но и воспоминанія его были исключительно служебныя: онъ вспоминалъ о прежнемъ начальникѣ, о бывшихъ сослуживцахъ, изъ которыхъ

Однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ далеко,
Какъ Сади нѣкогда сказалъ;

вспоминалъ о минувшихъ служебныхъ тревоженіяхъ, передрыгахъ и буряхъ, — тутъ его кроткая улыбка выражала наибольшее сердечное умиленіе. «Боже мой! какое время было! какъ все это измѣнилось!» говорилъ онъ съ грустнымъ качаньемъ головой.

Бывали такіе дни въ году, когда къ нему, — не въ канцелярію, а въ квартиру, — собирались гости. Соберутся и въ карты сыграютъ, дамы въ гостиной засѣдаютъ или парами по залѣ ходятъ; а онъ, хозяинъ, какъ-будто ошибкой, некстати забѣжавшій незваный гость, переходитъ съ мѣста на мѣсто, незная гдѣ пріютиться и куда приткнуться; пытается заговорить и конфузится, и вдругъ — исчезаетъ. — Гдѣ онъ? спросили бы вы. — «Его потребовали», отвѣтилъ бы вамъ шопотомъ кто-нибудь изъ домашнихъ; но его никто не требовалъ: онъ самъ убѣжалъ въ канцелярію. Потомъ онъ возвращается... въ первомъ часу, къ ужину.

Таясь бѣгалъ отъ жизни, и жизнь сама отъ него убѣжала вдалѣ, невозвратно, оставивъ его съ одними мертвыми бумажными грудями. И кончилъ, чуть не въ самой гущеларин, свою рабочую жизнь усердный, дѣятельный, неслучный и отъ природы одаренный теплымъ сердцемъ человекъ, и не осталось никакихъ живучихъ слѣдовъ его дѣятельности, кромѣ мертвой груды бумагъ, оказавшихся ненужными «но измѣнившимся обстоятельствамъ»...

Такъ вотъ видите ли, какъ иногда можетъ быть удобоисполнимое требованіе, чтобы чиновникъ расширилъ свою дѣятельность или приспособилъ себя къ другому поприщу! Видите ли, какую невозможную формулу (какъ сказали мы въ прошедшемъ мѣсяцѣ) можетъ сдѣлать изъ человека исключительно-бумажное поприще, если оно, по силѣ обстоятельствъ и воли судьбы, поглотить его всецѣло!

«Годъ истекаетъ!» говоримъ мы, читателя. Нельзя, чтобы съ истеченіемъ года не готовилось новостей по части периодическихъ изданій. Было время сильныхъ неурожаевъ на новости этого рода, но оно давно прошло; теперь мы уже привыкли къ послѣднихъ мѣсяцахъ года ожидать интересныхъ объявленій. Есть они и на этотъ разъ, и немало, и въ нихъ всего замѣчательнаго, всего знаменательнаго то, что у насъ наконецъ возрастаетъ число ежедневныхъ газетъ. Кромѣ существующихъ и продолжающихся изданій этого рода, кромѣ «Сына Отечества», уже давно являвшаго о своемъ превращеніи изъ еженедѣльной газеты въ ежедневную, передъ нами еще два замѣчательныя объявленія: одно — объ изданіи «Сѣверной Почты», ежедневной газеты министерства внутреннихъ дѣлъ, и второю замѣнить нынѣшній ежемѣсячный журналъ этого министерства; другое — о превращеніи московской недѣльной газеты «Наше Время» въ ежедневную.

Въ объявленіи о «Сѣверной Почтѣ» сказано: «Въ настоящее время, при быстромъ развитіи общественной дѣятельности во всѣхъ ея отрасляхъ и при вниманіи, обращаемомъ всѣми образованными людьми на разнообразныя явленія нашего общественнаго и государственнаго быта, обнаруживается потребность въ усиленіи тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ могутъ быть почерпнуты вѣрныя данныя. Министерство внутреннихъ дѣлъ, заходя нынѣ издаваемый изъ ежемѣсячный журналъ неудобнымъ для удовлетворенія этой потребности, рѣшилось замѣнить его газетою, которая будетъ выходить въ свѣтъ ежедневно» и пр. Программа газеты полна: она состоитъ, кромѣ перваго, официального, изъ пяти другихъ отдѣловъ,

изъ которыхъ одинъ назначается для «части учено-литературной» и критической, потому что въ него между прочимъ будутъ входить «критическіе разборы замѣчательнѣйшихъ книгъ и обзорныя статьи, помѣщаемыя съ другими журналами». Основываясь на этомъ, мы рѣшаемся сдѣлать заключеніе, что «Сѣверная Почта», стараясь жить своею официальною жизнью, въ тоже время не хочетъ отказываться и отъ участія въ общей жизни нашей періодической литературы, и откликнется на раздающіеся въ ней голоса.

Что касается до объявленія объ изданіи въ 1862 году газеты «Наше Время», то мы къ сожалѣнію ничего не можемъ сказать о немъ. Нашъ странный пріятель, котораго мы однажды рекомендовали вамъ, читатель, — тотъ, если помните, оригинальный любитель шитовъ и цѣвитель журнальныхъ объявленій, — молчитъ, и о впечатлѣніи, произведенномъ на него этимъ объявленіемъ, мы не могли ничего добиться, кромѣ безмолвнаго качанья головой. Вообще онъ, бѣдный, съ нѣкотораго времени сталъ какъ-то менѣе общителенъ и... чуть ли не сбѣтъ чѣмъ-то съ толку. Между тѣмъ, въ экземплярѣ объявленія «Нашего Времени», назначенномъ для его коллекціи (вы можете-быть помните, что онъ ежегодно собираетъ коллекціи журнальныхъ объявленій), намъ удалось подсмотрѣть нѣсколько словъ, подчеркнутыхъ краснымъ карандашомъ; мы едва успѣли прочесть надъ красными чертами слова: «безплодная фантазія», «ребяческое легкомысліе», «роковая сила вещей». Что онъ заключаетъ по этимъ словамъ, мы право не знаемъ, а сами ужъ и подавно не хотимъ ничего заключать.

Съ превращеніемъ недѣльныхъ газетъ въ ежедневныя не уменьшается однако количество нервныхъ: на вакансію выбывающихъ поступаютъ новыя; такъ напримѣръ будетъ издаваться «Русскій Листокъ», подъ редакцію г. Ю. Волкова (онъ же Печерскій подишечникъ, онъ же Гымалѣ и пр.), газета ежедневная, имѣющая цѣлю «доставить за дешовую цѣну такого рода чтеніе, которое знакомо бы читателямъ одного края Россіи съ тѣмъ, что дѣлается на другомъ ея концѣ». Цѣна дѣйствительно дешовая: два съ половиной, съ пересылкой 4 рубли.

Съ особеннымъ радуніемъ ожидаемъ встрѣтить газету, слухъ о которой уже заявляли нѣсколько времени назадъ, — слухъ, теперь подтвердившійся объявленіемъ. Это «Мировой Посредникъ», газета двухдѣльная, издаваемая съ 15 января 1862 г. подъ редакцію г. Е. Карновича. Объявленіе говоритъ: «У лицъ, принашихъ на себя званіе мировыхъ посредниковъ, нѣтъ органа, исключительно посвященнаго для обіи ихъ мыслей, для выраженія ими своихъ вслухъ и для передачи того, что выработывается на мировыхъ

съѣздахъ въ цѣлой Россіи. Сосредоточить въ одномъ изданіи свѣдѣнія о трудахъ мировыхъ съѣздовъ и мнѣнія по разнымъ неизбѣжнымъ вопросамъ со стороны лицъ, занимающихъ должности мировыхъ посредниковъ — будутъ задачею нашей газеты.» Вотъ этихъ словъ кажется уже и довольно для того, чтобы понять то любопытство и радушіе, съ которыми мы ожидаемъ встрѣчи съ газетою «Мировой Посредникъ»: это пойметъ всякій, кто уважаетъ дѣло, которому она намѣрена служить.

Затѣмъ помянемъ добрымъ словомъ журналъ, оканчивающій свое существованіе. Это «Вѣстникъ Промышленности», издаваемый гг. Чижовымъ и Бабстомъ, журналъ полезный, достойный всякаго уваженія. Но вѣдь не всѣмъ достойнымъ уваженія удастся въ жизни. Говорятъ, что онъ не нашолъ достаточной поддержки въ читающей публикѣ, — что должно относиться къ нашему промышленному классу, для котораго журналъ этотъ преимущественно былъ назначенъ.

ПОЛЕМИЧЕСКІЙ СЛУЧАЙ СЪ «ОСНОВА» И «СИОНЪ»

Немало было упрековъ бѣдующей въ нашихъ журналахъ полемикѣ. Ее обвиняли въ разныхъ преступленіяхъ и проступкахъ; были и справедливыя обвиненія, были можетъ-быть и клеветы; но одно, въ чемъ, по нашему разумѣнію, не премѣнно слѣдовало бы иногда обвинить ее, это — отсутствіе такта, житейскаго, общественнаго и политическаго, отсутствіе, которымъ она повременамъ несомнѣнно страдаетъ. Сбираясь выступить на публичное, всенародное состязаніе съ собратомъ, кажется слѣдовало бы обсудить съ достоюмымъ вниманіемъ не только свое положеніе, но и положеніе противника; слѣдовало бы подумать: что дескать если я — говоря стариннымъ слогомъ — такъ-то направлю и пушу такого-то свойства стрѣлу, не произведетъ ли она разгрома и опустошенія въ такихъ частяхъ его душевныхъ владѣній, которыя по закону общественной справедливости должны бы оставаться неприкосновенными? не будетъ ли этотъ ударъ до того чувствителенъ ядовитъ, что заставитъ противника, забывъ въ свою очередь предѣлы житейскаго такта, пустить стрѣлу неменѣе ядовитую и... къ чему наконецъ можетъ привести такая опасная перестрѣлка? Неправда ли, что слѣдовало бы всякому вопрошать себя такимъ образомъ? А между тѣмъ если вы припомните нѣкоторые изъ полемическихъ подвиговъ нашихъ журналовъ, то замѣтите, что это условіе житейскаго такта не всегда исполняется. Но можетъ-быть вамъ вдругъ не придетъ на память ни одного подобнаго факта; въ такомъ случаѣ не беспокойтесь: мы вамъ сейчасъ представимъ свѣжій, очень недавній; это — полемика, происшедшая между журналами «Основа» и «Сіонъ». Изложимъ дѣло исторически.

Въ журналѣ «Основа», писанно въ статьяхъ малороссійскихъ писателей, употребляютъ слово «жидъ» вмѣсто «еврей». Одинъ изъ представителей еврейскаго варбда, нѣкто г. П—въ, оскорбившись обиднымъ по его мнѣнію для евреевъ и ненавистнымъ словомъ *жидъ*, написалъ въ редакцію «Основы» письмо, довольно рѣзкое и раздражительное; въ которомъ упрекнулъ редакцію за это слово и

просить, во имя современныхъ человѣческихъ понятій изгнать его изъ употребленія. Въ письмѣ между прочимъ была такая фраза: «вѣра въ благородство вашихъ цѣлей и стремленій побуждаетъ меня просить васъ объ этомъ *письменно, а не печатно, не гласно*».

«Основа», въ іюньской книгѣ вышедшаго года, помѣстила статью: *Недоразумѣніе по поводу слова «жидъ»*, въ которой прежде всего напечатано вполнѣ письмо г. П—ва; потомъ слѣдуетъ возраженіе на него и оправданіе въ употребленіи слова *жидъ*. Оправданіе очень простое: оно состоитъ въ томъ, что въ малороссійскомъ языкѣ и слѣдовательно у малороссійскихъ писателей нѣтъ другого слова для означенія еврейскаго племени; что это слово пришло къ малороссамъ вмѣстѣ съ самими евреями изъ Польши, гдѣ, какъ извѣстно, еврей называется *żyd*, т. е. *жидъ*, и что наконецъ въ этомъ словѣ нѣтъ никакого оскорбительнаго смысла, такъ какъ оно однозначаще и равносильно въ немѣцкимъ «*Jude*» и французскимъ «*juif*».

Вы вѣроятно думаете, читатель, что на этомъ можно было бы и остановиться. Мы тоже такъ думаемъ, тѣмъ болѣе что самъ г. П—въ сознается, что писалъ свое письмо въ раздраженіи, и слѣдовательно рѣзкости письма (которое вѣдь и не назначалось для печати, и только по волѣ редакціи «Основы» явилось передъ нами) можно бы оставить безъ вниманія. Людямъ, одареннымъ чувствомъ общественнаго такта, это чувство кажется должно было бы подскызать, что дальше идти неслѣдуетъ; люди, у которыхъ современныя гуманныя, т. е. человѣческія воззрѣнія такъ вросли въ сердце, что слѣдовать имъ слѣдалось крѣпкою, *механическою* привычкою, — такіе люди въ такомъ нескотливомъ дѣлѣ и не могли бы, не въ сплахъ были бы идти дальше... «Основа» не остановилась. Она, какъ будто тронутая за какую-то чувствительную, набобѣвшую струну, тотчасъ раскрыла исторію; указала отчего малороссійскій народъ свѣтрить на еврея недружелюбно; напомнила то время, «когда еврей, подъ покровительствомъ польскихъ павовъ, пользовался на Украинѣ невѣроятными правами и преимуществами»; привела цѣлкомъ народную думу о томъ времени; потомъ, перейдя къ настоящему, объявила, что «до сихъ поръ еврейское племя живетъ особнякомъ среди южнорусскаго населенія, до сихъ поръ не имѣетъ ничего общаго съ нимъ и не слѣдало ни одного шага къ сближенію съ этимъ населеніемъ, а напротивъ не рѣдко дѣйствуетъ противно духу и пользамъ его»; въ довершеніе же всего слѣдала такое общее замѣчаніе: «Для націи ничего не можетъ быть *среднѣе*, какъ существованіе посреди нея другихъ народностей, которыя держатъ себя въ сторонѣ и равнодушны къ ея судьбамъ, или что еще хуже — стремятся подчинить ее своей власти или своему вліянію».

Согласитесь же, что эти архивныя разъясненія и это общее замѣчаніе имѣютъ въ себѣ вызывающую силу. Такъ оно и вышло. Газета «Сіонъ», органъ русскихъ евреевъ, отозвалась на этотъ вызовъ въ своемъ 10 № за нынѣшній годъ. Въ отзывѣ своемъ, озаглавленномъ словами: *Основа и вопросъ о національностяхъ*, «Сіонъ» прежде всего въ первоначальной сущности дѣла, т. е. въ употребленіи слова «жить», совершенно согласился съ «Основой», говоря, что нисколько не раздѣляетъ мнѣнія и притязаній своего единоплеменника г. П—ва (значить дѣло могло бы рѣшиться совершенно мирно); но затѣмъ обнаружилъ, что дальнѣйшія разъясненія и замѣчаніе «Основы» произвели на него дѣйствию ядовитой стрѣлы и можетъ-быть открыли какую-то старую рану. На замѣчаніе «Основы» о вредѣ для націи отъ существованія среди нея другихъ народностей, держащихся въ сторонѣ, «Сіонъ» отвѣтилъ замѣчаніемъ «о средѣ исключительно-національныхъ стремленій», т. е. за ядовитую стрѣлу заплатилъ неменѣе ядовитою стрѣлою. Этого довольно; мы не станемъ излагать всего, что говорится въ статьѣ «Сіона»; скажемъ только, что она написана съ увлеченіемъ уязвленнаго чувства, и «Основа» не смогла молча перенести причиненной ей боли: въ ея сентябрьской книгѣ г. Кулишъ, въ замѣткѣ: *Передовые жиды*, заговорилъ о «словкости и дальновидности», съ которыми нанесевъ «Основѣ» ударъ, заговорилъ о неравенствѣ боя, объ «употребленіи безъ разбора всякаго оружія»... Посмотрите-же, до чего дошло! Или лучше разсудите: не вправѣ ли мы видѣть вкравшуюся въ самомъ началѣ этой полемики безтактность, отсутствіе того такта, съ которымъ нетрудно было бы предусмотрѣть послѣдствія неосторожнаго вызова?..

Современные передовые люди много и очень хорошо говорятъ о высококомъ началѣ всеобщаго примиренія народовъ, по которому какбы невидимо направляются міровыя событія, и дѣйствуютъ эти передовые люди... читатель можетъ-быть самъ разрѣшить, всегда ли они дѣйствуютъ согласно съ этимъ высокимъ началомъ. Непритворно, со всею искренностью желали бы мы примиренія двухъ народныхъ органовъ, которые оба одушевлены одинаково-хорошими и однородными чувствами и цѣлями, и — разошлись, потому что высокое начало примиренія народовъ, очень хорошо ими понятое, неизвѣстно прошло ли у нихъ чрезъ сердце, превратившись въ его природу. Объ этомъ пусть они спросятъ у собственнаго сердца и отвѣтятъ самими себѣ: намъ они едва ли скажутъ всю правду...

ДВОРЯНИНЪ, ЖЕЛАЮЩІЙ БЫТЬ КРЕСТЬЯНИНОМЪ

Въ 45 № «Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника», за подписью г. К. Буха, напечатано было любопытное извѣстіе объ одномъ дворянинѣ, который хотѣлъ перечислиться въ государственные крестьяне. Въ мензелинскомъ уѣздѣ оренбургской губерніи, въ селѣ Покровскомъ, по-народному Новая-Мазниа, живетъ неслужащій дворянинъ симбирской губерніи Петръ Порфирьевичъ Мясоѣдовъ. Женившись на дочери государственнаго крестьянина того же села, Максима Андреева, онъ подалъ просьбу о причисленіи его въ государственные крестьяне, въ семейство тестя. Присутственное мѣсто, въ которое поступила его просьба, отказало ему, потому что по 619 статьѣ IX т. св. зак. гражд., изд. 1857 года, въ сельское состояніе могутъ быть причислены дѣти личныхъ дворянъ и приказнослужителей, невмѣющихъ оберъ-офицерскихъ чиновъ, а г. Мясоѣдовъ происходитъ отъ потомственной дворянской фамиліи. Отказъ этотъ въ точности соотвѣтствуетъ приведенной статьѣ закона. Но справедливо ли — спрашиваетъ далѣе авторъ — лишать человѣка возможности вступать въ ту среду, въ которой, по его понятіямъ и связямъ, онъ для себя находитъ болѣе выгоды и удобствъ? «Вотъ вопросъ, заслуживающій полнаго вниманія нашихъ юристовъ, и который конечно не останется безъ отвѣта съ ихъ стороны.» Далѣе авторъ старается доказать, что не можетъ быть вреда отъ перечисленія человѣка, имѣющаго права дворянина, въ сословіе государственныхъ крестьянъ, и что не можетъ быть пользы отъ насильственнаго удержанія въ сословіи лица, которое отстало отъ того сословія и привычками, и образомъ жизни.

На обращеніе г. Буха къ юристамъ, на вызовъ его обсудить этотъ вопросъ, юристъ отыскался въ 49 № той же «Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника». Этотъ достопочтенный журналъ, соболѣзующій *о безжизненности и тѣшей умственной среды*, нашолъ возможнымъ и на этотъ новый вопросъ г. Буха отвѣтить отрицательно, отказомъ.

Вызванный на отиѣтъ юристъ, г. Ростиславовъ, заявляетъ, что онъ намѣренъ внимательно обсудить всѣ вопросы г. Буха; но тутъ же вслѣдъ за этимъ замѣчаетъ, что онъ *не видитъ никакой разумной цѣли*, для которой г. Мясоѣдовъ желаетъ перечислиться въ крестьяне, *не можетъ понять причины*, побуждающей его къ такому поступку, *никакъ не можетъ догадаться*, что надѣялся приобрести г. Мясоѣдовъ вступленіемъ въ государственные крестьяне. Если все это непритворно, то это наивность неоцѣненная, напоминающая того городничаго, который не стрѣлялъ изъ пушекъ по со- рока разнымъ причинамъ. Не было пушекъ, такъ нечего рассказывать объ остальныхъ тридцати девяти причинахъ. *Не видитъ г. юристъ, не можетъ понять, никакъ не можетъ догадаться?* Такъ нечего и претендовать на внимательное обсужденіе, нечего продолжать. Остальная часть статьи дѣйствительно показываетъ, что г. Ростиславовъ хотя и не юристъ въ самомъ дѣлѣ, однако справлялся нарочно для статьи своей съ Сводомъ законовъ, потому что ссылокъ на статью у него достаточное количество, и что онъ въ самомъ дѣлѣ не можетъ догадаться, не видитъ и никакъ понять не можетъ, Дѣло въ томъ, что вопросъ, предложенный г. Бухомъ, долженъ быть обсуживаемъ не съ Сводомъ законовъ въ рукахъ, тѣмъ болѣе что самъ г. Бухъ говоритъ о рѣшеніи присутственнымъ мѣстомъ дѣла г. Мясоѣдова совершенно соотвѣтственно статьѣ свода. Вопросъ этотъ надо обсуживать съ знаніемъ крестьянскаго быта, крестьянскихъ потребностей, да такъ еще, чтобы это знаніе было приобретено не по книгамъ или не во время служебныхъ разъѣздовъ по губерніи съ отталкивающей для мужиковъ кокардой на фуражкѣ. Приступая къ разсмотрѣнію дѣла г. Мясоѣдова, надо совершенно хорошо знать духъ народа, его настроеніе, направленіе, его затаенныя антипатіи и симпатіи, его склонности и всѣ малѣйшія подробности его физическаго и нравственнаго быта. При помощи IX тома никакой цѣтъ возможности все это узнать, и г. Ростиславовъ весьма достоинъ уваженія за то, что заранѣе сознается въ своемъ незнааніи, недогадливости и непониманіи.

Но все-таки, и сознавшись въ непониманіи, г. Ростиславовъ судить и рядить о дѣлѣ г. Мясоѣдова, и въ смыслѣ свода законовъ судить очень хорошо, приводитъ надлежащія статьи и доказываетъ, что г. Мясоѣдовъ, перечисляясь въ крестьяне, добровольно лишалъ себя своихъ дворянскихъ правъ и, главное, лишалъ этихъ правъ своихъ потомковъ, на что онъ не имѣлъ никакого права; что позволить это перечисленіе г. Мясоѣдову точно также было бы несправедливо, какъ разрѣшить ему самоубійство. «Если права дворянина для г. Мясоѣдова, по какому-то странному предубѣжденію, велики,

то онъ имѣеть право и возможность не пользоваться ими, не осуществлять ихъ», говоритъ г. Ростиславовъ.

Вотъ до чего можетъ договориться человѣкъ, цепеняющей дѣла, недогадывающійся о томъ, что лежать въ его глубинѣ, въ его основаніи! Мы не знаемъ личныхъ поводовъ, заставившихъ г. Мясоѣдова подать прошеніе о перечисленіи, но нисколько не сомнѣваемся, что у него были на это совершенно достаточныя, разумныя и практическія причины. Предположите только для примѣра, что обстоятельства или признаніе вызвали потомственного дворянина, маркиза, хотя бы принадлежавшаго къ двору Людовика XVI, въ американскія пустыни, къ прокесамъ или къ пачезамъ. Еслибы онъ былъ одинъ изъ тѣхъ мужественныхъ пионеровъ цивилизаціи, которые прокладывали дорогу остальному, болѣе робкому или запоздавшему отряду переселенцевъ, то какъ сущи его поступокъ? Что, было бы это похоже на самоубійство? И еслибы онъ подалъ въ надлежащее французское присутственное мѣсто прошеніе о разрѣшеніи ему этого, справедливо было бы ему отказать? Вѣдь онъ въ американскіхъ пустыняхъ, и за себя и за своихъ потомковъ отрекался отъ правъ дворянства, «лишалъ ихъ даже возможности быть полезными для государственной службы», какъ говоритъ г. Ростиславовъ, даже подвергалъ себя опасности тѣлеснаго наказанія, потому что прокесы весьма удобно могли наносить ему всевозможныя изнѣзанія и даже скальпировать бѣлаго, который явился къ нимъ незванымъ, непрошенымъ. Но предположите дальше, что этотъ маркизь совершенно ужился съ прокесами, перешолъ въ вигвамы Максима Андреева, или какого-нибудь Чингачука, приобрѣлъ привычки своихъ новыхъ земляковъ, зажилъ съ ними одною жизнью, — скажите, не далъ ли бы онъ дорого, чтобъ у него взяли какъ-нибудь бѣлую кожу его и одѣли въ красную, чтобъ не отличатся отъ краснокожихъ своихъ собратій? Ему невыгодно оставаться въ бѣлой кожѣ, потому что бѣлокожій народъ — врагъ краснокожаго, тѣснить его, оцѣиваетъ ромомъ, отнимаегь самыя привольныя для охоты мѣста, ведетъ съ нимъ войну, пугаетъ дичь расчисткою лѣсовъ и посявами. Но дѣло въ томъ, что бѣлая кожа за нимъ остается, снять ее нельзя, и если онъ «имѣеть право и возможность не пользоваться» своею бѣлою кожей, то отъ этого ему не легче: прокесы хотя и привыкли къ нему, хотя и увѣрены вполне, что онъ совершенный краснокожій душою, однако все-таки, въ случаѣ столкновенія съ бѣлыми, косятся на своего новаго товарища, боятся съ его стороны предательства, подозрѣваютъ, что онъ все-таки на самомъ днѣ души своей тянетъ на руку бѣлокожихъ враговъ. И краснокожая жена смотритъ на него недобѣрчиво, и весь лагерь, сивмался и

уходя дальше въ пустыню, просить бѣлокожаго товарища идти впередъ, чтобы не оставлять его у себя въ тылу, и дѣти съ краснымъ оттѣнкомъ кожи несомнѣно довѣрчиво любятъ своего отца. И съ скрежетомъ зубовъ безсильной злобы готовъ бывшій маркизъ зубами содрать съ себя бѣлую кожу; но крѣпко прилипла кожа: онъ перемѣнитъ ее только въ минуту смерти, которая помирить его и съ своими, и съ непріятелями.

Мы не хотимъ этимъ сказать, будто мензелинскій уѣздъ похожъ на страну прокезовъ, а Новая-Мазина на лагерь дикарей. Намъ хотѣлось только примѣромъ показать, что иногда отъ человѣка независитъ — «не пользоваться своими правами, не осуществлять ихъ», какъ предлагаетъ г. Ростиславовъ. Въ извѣстныхъ обстоятельствахъ права могутъ точно такъ же служить неодолимымъ и ненавистнымъ препятствіемъ или затрудненіемъ, какъ бѣлая кожа маркиза. Никто ему не мѣшаетъ жить среди прокезовъ, даже породниться съ ними. Прекрасно. Но въ тоже время и новымъ землякамъ его никто не мѣшаетъ считать его все-таки бѣлокожпимъ маркизомъ, а это, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, составляетъ ежeminутную пытку.

Именно отъ этой пытки и бѣжалъ г. Мясоѣдовъ, когда просилъ о припискѣ къ семейству своего тестя, г. Андреева. Чтобы не усомниться въ этомъ, стоитъ только вспомнить всю нашу исторію. Одна половина народа совершенно отдѣлилась отъ другой, одна пошла въ одну сторону, другая въ другую. Справедливо или нѣтъ, одна сторона считала себя угнетенною и не любила другую сторону. Послѣ преобразованія, которому начало положено 19 февраля, все это перемѣнилось, сгладится, исчезнетъ, стало-быть обо всемъ этомъ можно говорить какъ о прошломъ, невозбуждая ни въ комъ горькаго чувства, тѣмъ болѣе что нашъ народъ настолько не злопаматень, но и вообще мало памятливъ. Вслѣдствіе различія интересовъ, степеней образованности, правъ, обязанностей, образа жизни, обѣ стороны и не интересовались одна другою, и наконецъ потеряли возможность понимать другъ друга, еслибы даже и захотѣли, потеряли въ тоже время и взаимное довѣріе. Образовалось два лагеря, почти враждебные, и вражда стала выражаться довольно странно. Почти всякій такъ называемый благородный, которому случилось выйти дѣло съ простонародьемъ, съ ужасомъ воспоминаетъ о чрезвычайномъ упадкѣ нравственности другой половины, объ отсутствіи добросовѣстности, о недостаткѣ довѣрія къ самымъ понятнымъ и честнымъ мѣрамъ. Но удивленіе проходить, если припомнить только исторію и то важное обстоятельство, что другая половина — враждебный лагерь. Чувство правды, чести, справедливости точно

также присуще организму крестьянина, какъ и благороднаго, а между тѣмъ крестьяне не стыдятся другъ друга за свои недобросовѣстные поступки съ благородными, даже не стыдятся, если благородный уличаетъ ихъ въ какомъ-нибудь подлогѣ или обманѣ: что же дѣлать, думаетъ простолюдинъ: — вылазка не удалась, надо попробовать другой разъ или найти иной способъ дѣйствія. Но тѣ же самыя лица другого лагеря, спокойно разговаривающія о разныхъ уверткахъ и продѣлкахъ во вредъ такъ называемымъ благороднымъ, чрезвычайно рѣдко употребляютъ эти продѣлки между собою, а напротивъ, большею частью ведутъ дѣла прямо, честно, хотя иногда и прижимисто, но не кривятъ душою. Лица верхняго лагеря иногда съ удивленіемъ рассказываютъ другъ другу разные подвиги честности, и это удивленіе конечно весьма характеризуетъ рассказчиковъ.

Встрѣчаются напримѣръ на большой дорогѣ между Владиміромъ и Нижнимъ два обоза, на постояломъ дворѣ. Люди владимірскаго обоза спрашиваютъ, нѣтъ ли здѣсь въ обозѣ кого изъ новоторжскаго уѣзда тверской губерніи? Оказывается, что есть, и кому же почти изъ той самой деревни, какая нужна. Выходитъ, что въ обозѣ дорогою изъ Москвы умеръ мужикъ, которому принадлежала тройка и товаръ. Товарищи продали все это во Владиміръ, выручили 600 рублей, и зная, что у покойника на селѣ остался отецъ и семья, ищутъ съ кѣмъ бы послать деньги. И встрѣчный мужикъ вѣщаетъ деньги къ себѣ на крестъ и черезъ полгода, съѣздивъ еще изъ Москвы въ Харьковъ и добравшись наконецъ до родного села, приноситъ семью и деньги, и вѣсть о томъ, что Кирюха померъ, недоѣзжая какихъ-нибудь пятидесяти верстъ до Владиміра. «Такъ, сердечный, и не доѣхалъ; а до Владиміра всего одна кака-нибудь упряжка осталась, а много двѣ, такъ и померъ, не доѣхалъ.» Рассказываются сотни подобныхъ примѣровъ. Напримѣръ еще на постояломъ дворѣ одинъ торговецъ, изъ крестьянъ, провожаетъ другого въ деревню, и проводы справляются обильнымъ чаепитіемъ. «Поклонись ты батюшкѣ, да въ Москвѣ безпремѣнно купи женѣ платокъ въ два съ полтиной; да вотъ, какъ будешь въ Ярославлѣ, зайди къ Никанору Федотову, знаешь? отдай ему вотъ тысячу двѣсти, чтобъ безпремѣнно по-прошлогоднему холстовъ мнѣ выслалъ, да чтобъ тѣхъ самыхъ рукъ холсты были; ты это ему накажи строгонастрога, а то опъ вѣдь мужикъ плутъ, пришлетъ пожалуй не тѣхъ.» И отъѣзжающій суетъ за сапогъ деньги, завернутыя въ сальную бумагу, и деньги не пропадаютъ. И еще сотни подобныхъ примѣровъ рассказываются удивленными лицами верхняго лагеря, и въ то же время тысячи есть примѣровъ крайней недобросовѣстно-

ств, совершеннаго отсутствія самыхъ элементарныхъ понятій о чести въ постукахъ лицъ нижняго лагеря относительно лицъ верхняго.

Отчего же это? Можетъ ли это *понять*, сумѣть ли *догадаться* г. Ростиславовъ? Причины, заставившія г. Мясоедова желать перенести въ крестьяне — чисто-психологическія, о которыхъ не можетъ быть рѣчи въ Сводѣ законовъ. Перейдя *de facto* въ другой лагерь, онъ хотѣлъ принадлежать ему и *de jure*, хотѣлъ отказаться отъ бѣлой кожи маркиза, и имѣлъ на это больше поводовъ, чѣмъ тотъ маркизь, котораго судьба привела жить между проказами. Тамъ антагонизмъ между бѣлокожими и краснокожими совершенно случайный, и столкновенія можно-сказать чисто-географическія, а здѣсь антагонизмъ постоянный, наследственный, сдѣлавшійся отъ продолжительности совершенно естественнымъ и кровнымъ.

Неговоря уже о томъ, что г. Мясоедовъ, перейдя въ государственные крестьяне, могъ очень дешево получить землю, значительное число десятинъ за одинъ только полушный окладъ; неговоря о томъ, что сдѣлавшись государственнымъ крестьяниномъ, онъ получилъ право служить по выборамъ въ своемъ лагерѣ, стало-быть получать такимъ образомъ деньги и имѣть вліяніе на точномъ основаніи законовъ; неговоря уже и о томъ, что вопросъ о правахъ потомства, котораго можетъ быть еще и нѣтъ, очень смѣшонъ и напоминаетъ Павла Ивановича Чичикова, который такъ заботился о томъ, чтобы и передъ отечествомъ не было стыдно; не говоря и о томъ, что когда человекъ отказывается отъ однихъ правъ, чтобы пріобрѣсти другія, это и въ юридическомъ смыслѣ вовсе не то, что лишеніе его правъ состоянія; неговоря наконецъ и о томъ, что несомнѣнно справедливо — приковать къ человеку извѣстныя права и не снимать ихъ ни въ какомъ случаѣ, даже когда они мѣшаютъ физическому и нравственному благосостоянію человека; — неговоря обо всемъ этомъ, легко замѣтить, что однихъ психологическихъ причинъ за-глаза довольно, чтобы оправдать желаніе г. Мясоедова.

Но предметъ этотъ неистощимъ. Антагонизмъ двухъ лагерей существуетъ; реформа 19 февраля стремится къ его уничтоженію, къ сглаженію неравноправности; но явленіе, укоренившееся исторіей, не сглаживается въ одинъ день или въ одинъ годъ; оно, старое, тогда только исчезнетъ, когда новое будетъ пріобрѣтено вполне. Достопочтенный журналъ, доказываетъ, что г. Мясоедовъ можетъ съ успѣхомъ жить въ средѣ крестьянъ только съ условіемъ не терять своихъ старыхъ правъ. Если такъ, то лучше ужъ доказывать, что можно было отыграть пытки только сохранить

ихъ, или ввести въ законъ силу правдъ, только сохранивъ право силы.

Но оставляя въ сторонѣ журналъ, замѣтимъ только, что вопросы, возникающіе по поводу статьи г. Буца, составляютъ коренныя наши жизненные вопросы. Разработкѣ ихъ могло бы быть специально посвящено не одно и не два изданія, что бы ни говорилъ г. Т. З., почти утѣрающій, будто менѣе быдло писать, довольно написано.

ОБЪ ИЗДАНИИ

ВОСПИТАНІЯ

ЖУРНАЛА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ И ПЕДАГОГОВЪ

въ 1862 году.

(годъ 6-й)

Разработываніе воспитательныхъ вопросовъ литературою въ послѣднее пятилѣтіе на столько подвинуло впередъ нашу читающую публику, что нѣтъ надобности объяснять пользу и необходимость педагогическихъ изданій. Почти пятилѣтнее существованіе журнала «Воспитаніе» дѣлаетъ также излишнимъ говорить о цѣли и направленіи этого изданія — они достаточно извѣстны всѣмъ интересующимся отечественной педагогикой.

Объемъ журнала не позволилъ редакціи коснуться многихъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ домашняго воспитанія и общественнаго образованія. Редакція считаетъ священною обязанностію пополнить эти невольные пробѣлы программы, а равно вести въ свое изданіе всѣ улучшенія, указываемыя прогрессомъ науки и опытомъ.

СОСТАВЪ ЖУРНАЛА «ВОСПИТАНІЕ»:

- I. СОБСТВЕННО ВОСПИТАНІЕ. Воспитаніе тѣлесное; уходъ за дѣтьми въ здоровомъ и больномъ состояніи. Средства къ развитію силъ физическихъ, умственныхъ способностей, эстетическаго чувства и правилъ нравственности въ дѣтяхъ. Искусства, ремесла, гимнастика и игры для дѣтей обоего пола. Обзоръ древнихъ и новыхъ воспитательныхъ системъ. Исторія воспитанія.
- II. ОБРАЗОВАНІЕ ДОМАШНЕЕ и ОБЩЕСТВЕННОЕ, мужское и женское. Дидактика и методика. Наставленіе и руководство, какъ для первоначальнаго домашняго обученія, такъ и для элементарнаго и гимназическаго курса. Обзоръ извѣстнѣйшихъ методовъ преподаванія. Опыты и приемы, почерпнутые изъ практики извѣстнѣйшихъ педагоговъ. Описанія примѣчательнѣйшихъ учебныхъ заведеній. Исторія просвѣщенія и учебныхъ заведеній.

III. РАЗСКАЗЫ изъ педагогическаго міра. Физиологическіе и психологическіе очерки наставниковъ и воспитанниковъ. Воспоминанія изъ школьной жизни. Біографіи замѣчательныхъ педагоговъ.

IV. ОТКРЫТЫЕ ВОПРОСЫ и ОТВѢТЫ. Полемическій отдѣлъ, въ которомъ обсуждаются отдѣльные педагогическіе вопросы и помѣщаются личныя мнѣнія, нераздѣляемыя редакціею и возраженія на нихъ.

V. КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ. Разборъ лучшихъ произведеній современной педагогической литературы. Критическая оцѣнка учебниковъ и книгъ для дѣтскаго чтенія, русскихъ и иностранныхъ.

VI. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. Всякаго рода современныя извѣстія, касающіяся воспитанія и устройства учебныхъ и воспитательныхъ заведеній въ отечествѣ и заграницей. Отчетъ о важнѣйшихъ правительственныхъ узаконеніяхъ и распоряженіяхъ по части учебной и учебно-административной.

VII. СМѢСЬ. Мелкія статьи, заключающія въ себѣ общепользныя свѣдѣнія для родителей и наставниковъ. Мысли и совѣты знаменитыхъ педагоговъ.

Къ тексту по мѣрѣ надобности будутъ прилагаться рисунки и проч.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

ЦѢНА за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книжекъ съ пересылкою 8 руб., безъ пересылки въ Москвѣ 6 руб. 50 коп., въ Петербургѣ 7 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

отъ гг. иногородныхъ, кромѣ жителей Петербурга, исключительно въ редакціи журнала «Воспитаніе».

Отъ жителей Москвы: въ книжныхъ магазинахъ *Θ. О. Свѣшнкова*, на Страстномъ бульварѣ и на Никольской улицѣ.

Отъ жителей Петербурга: въ книжномъ магазинѣ *В. А. Исакова*, на Невскомъ проспектѣ, противъ католической церкви.

Редакція проситъ гг. иногородныхъ надписывать на своихъ требованіяхъ единственно слѣдующій адресъ, извѣстный почтамту: въ редакцію журнала «Воспитаніе», въ Москву. Казенныя мѣдомства и учебныя заведенія могутъ присылать деньги втеченіи 1862 года, но не иначе, какъ непосредственно въ редакцію.

Изданія журнала 1859, 1860 и 1861 годовъ можно получать на этихъ условіяхъ. Экземпляровъ «Журнала для Воспитанія» за 1857 и 1858 годы болѣе не имѣется.

Редакторъ-издатель **А. А. Чумиковъ**.

ОБЪ ИЗДАНИИ

РАЗСВѢТА

ВЪ 1862 ГОДУ

Въ 1862 году «РАЗСВѢТЬ», журналъ наукъ, искусствъ и литературы для дѣвицъ, издается по той же программѣ, въ томъ же и объемѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ онъ уже издавался въ продолженіе трехъ лѣтъ.

«Разсвѣтъ» началъ выходить въ свѣтъ съ января 1859 года. Журналъ этотъ назначается для чтенія дѣвицамъ отъ 14-ти до 20-ти лѣтъ. Въ продолженіе трехъ лѣтъ всѣ старанія редакціи были направлены къ тому, чтобы, неизбѣгая статей число литературнаго содержанія, доставлять дѣвицамъ чтеніе, *способствующее ихъ дальнѣйшему умственному развитію и, возможности, болѣе обширному образованію.* Чтобы показать какъ удалось редакціи выполнить свое назначеніе, печатаемъ копіи съ двухъ официальныхъ документовъ о принятіи «Разсвѣта» для чтенія не только воспитанницамъ высшихъ классовъ женскихъ училищъ, но и воспитанникамъ мужскихъ учебныхъ заведеній, находящихся въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія.

I

Учебный комитетъ, состоящій при IV отдѣленіи собственной ея императорскаго величества канцеляріи, разсмотрѣвъ представленныя экземпляры журнала «Разсвѣтъ», *единогласно постановилъ:*

Рекомендовать журналъ «Разсвѣтъ», какъ существенно полезное чтеніе воспитанницамъ высшихъ классовъ женскихъ учебныхъ заведеній.

Выписка изъ журнала Ученаго Комитета Главнаго Правленія Училищъ, 6 ноября 1861 г. (№ 184)

Въ засѣданіи ученаго комитета главнаго правленія училищъ, 6 ноября 1861 года, *слушали* :

Мнѣніе г. члена професора Благовѣщенскаго о переданномъ по приказанію г. министра народнаго просвѣщенія на разсмотрѣніе въ ученый комитетъ экземпляръ журнала «Разсвѣтъ» съ начала издавнія онаго за 1859, 1860 и 1861 годы, издаваемаго г. Кремпинымъ, который проситъ выписывать его журналъ для библиотекъ гимназій и уѣздныхъ училищъ.

Въ мнѣніи своемъ г. Благовѣщенскій говоритъ слѣдующее :

Наша литература до сихъ поръ еще бѣдна періодическими изданіями, назначаемыми для юношескаго возраста. «Разсвѣтъ», издающійся уже третій годъ, не только восполнилъ собою этотъ недостатокъ русской педагогической литературы, но — можно смѣло сказать — занялъ въ ней самое видное мѣсто. И общественное мнѣніе и журналы, столь разногласные между собою въ сужденіи о явленіяхъ нашей текущей литературы, уже давно предупредили, относительно «Разсвѣта» то лестное мнѣніе объ этомъ изданіи, которое я имѣю честь представить на усмотрѣніе ученаго комитета. Хотя въ заглавіи «Разсвѣта» и обозначено, что онъ издается для взрослыхъ дѣвицъ, но мы должны замѣтить, что этотъ журналъ вообще приоровленъ къ занятіямъ юношескаго возраста. Специальный характеръ разсматриваемаго изданія выражается преимущественно въ томъ, что многія, важнѣйшія въ немъ статьи, знакомятъ читателей съ положеніемъ женщины въ разные эпохи жизни человѣчества. Но само собою разумѣется, что такіе статьи, какъ — «Царица Анастасія Романовна» (І. Нишкина), «Іванна д'Аркъ» (изъ Мишле), «Екатерина Мѣдичи», «Герцогиня Беррійская» (Ипполита Кастиля), «Графиня Екатерина Ивановна Головкина» (М. Хмырова), «Княгиня Екатерина Романовна Дашкова» (Н. Фирсова), и пр. равно доступны, занимательны и полезны для молодыхъ людей обоюго пола. Вотъ почему «Разсвѣтъ», сколько намъ извѣстно, очень охотно выписывается для библиотекъ не только женскихъ, но и мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Вообще замѣтно, что издатель «Разсвѣта» старался въ послѣднее время придать своему журналу общій характеръ.

Согласно утвержденной программѣ, статьи, помещаемыя въ «Разсвѣтѣ», подраздѣляются на шесть отдѣловъ: 1) Словесности, 2) Исторіи и Землеописанія, 3) Естествознанія, 4) Изящныхъ Искусствъ, 5) Педагогійи и 6) Библиографіи. Эти два послѣдніе отдѣла предназначены собственно для родителей и воспитателей. По всѣмъ названнымъ от-

дѣламъ, за исключеніемъ только четвертаго, можно указать въ этомъ журналѣ на цѣлый рядъ замѣчательныхъ и прекрасно изложенныхъ статей, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ. По выбору и характеру, всѣ эти статьи не могутъ быть отнесены къ дѣтскому чтенію, но приспособлены къ понятіямъ болѣе зрѣлаго, хотя и юношескаго возраста. Особенную цѣну въ нашихъ глазахъ придаютъ этому журналу статьи ученаго содержанія. Онѣ болѣею частью изложены такъ, что легко могутъ развить и поддержать въ молодомъ поколѣніи любовь къ наукѣ и, какъ справедливо выразился издатель, убѣдить своихъ читателей въ томъ, что тѣ же самыя научныя истины, которыя казались имъ въ учебникахъ мудренными и даже надоѣдающими по своей сухости, дѣлаются, при изложеніи популярно, не только простыми, но и въ высшей степени занимательными. Замѣтимъ при этомъ, что въ «Разсвѣтѣ» удѣлено значительное мѣсто, какъ прошедшему нашей литературной исторіи, такъ и вообще русской жизни. Для доказательства, укажемъ здѣсь на статьи: «Михайло Васильевичъ Ломоносовъ» и «Законоспасская академія», написанныя г. Перевѣтскимимъ, на біографіи Кантемира, Фонъ-Визина, Сумарокова, Державина и т. д.

Наконецъ, журналъ «Разсвѣтъ» оказываетъ большую услугу нашему обществу тѣмъ, что не оставляетъ въ сторонѣ и политическаго образованія своихъ читателей, столь необходимаго въ настоящее время. Эта мысль очень счастливая. Въ томъ возрастѣ, для котораго назначенъ «Разсвѣтъ» необходимо раскрывать читателямъ современный европейскій бытъ и указывать, по крайней мѣрѣ, на главныхъ дѣятелей въ событіяхъ, которыя совершаются предъ нашими глазами. «Разсвѣтъ» не слѣдитъ за этими событіями изо-дня въ день, какъ это дѣлается въ газетахъ и въ большей части нашихъ учено-литературныхъ журналовъ, но группируетъ эти событія въ общихъ руководительныхъ статьяхъ, представляющихъ самыя интересныя моменты въ жизни современной Европы. Такова напримѣръ статья г. Карновича: «Италія и война за ея независимость въ 1859 году».

Мы ограничили довольно краткимъ указаніемъ на достоинства журнала «Разсвѣтъ», но и этихъ указаній достаточно, по нашему убѣжденію, для того чтобы рекомендовать это изданіе, какъ настольную книгу, для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, находящихся въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. Мы даже того мнѣнія, что упомянутый журналъ съ большою пользою можетъ быть приобретаемъ и для уѣздныхъ училищъ. Въ небольшихъ городахъ и въ разныхъ, удаленныхъ отъ центровъ просвѣщенія, мѣстностяхъ Россіи, очень бѣдныхъ книгами, журналъ «Разсвѣтъ» можетъ, до нѣкоторой степени, замѣнить собой цѣлую бібліотеку и внести въ общество много необходимыхъ и полезныхъ свѣдѣній.

Мнѣніе это г. профессора Благовѣщенскаго ученый комитетъ принялъ и утвердилъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА «РАЗСВѢТЪ.»

Цѣна годовому изданію «Разсвѣта» остается прежняя: **восемь рублей пятьдесятъ копѣекъ** безъ пересылки; съ доставкою на домъ или съ пересылкою **десять рублей.**

Съ 1-го января будущаго года экземпляры изданія 1859, 1860 и 1861 годовъ, отдѣльно, можно получать по **пяти рублей**, прилагая за пересылку одинъ рубль, — всего **шесть рублей.**

Подписывающимся на полученіе «Разсвѣта» только въ 1862 году, въ числѣ не менѣе десяти экземпляровъ, дѣлается уступка 10 процентовъ.

Учебныя заведенія и вообще тѣ лица, которыя, при первой книжкѣ «Разсвѣта» 1862 года, желаютъ получить и всѣ нумера, вышедшіе отъ начала изданія, т. е. за три года, благоволятъ высылать вмѣсто *сорока* — **двадцать пять рублей**, прилагая за пересылку три рубля, — всего, за *четырегодичное изданіе*, **двадцать восемь рублей.**

Всѣ требованія гг. иногородныхъ подписчиковъ должны быть адресованы на имя *редактора журнала «Разсвѣтъ», Валеріана Александровича Кремлина, Петерб. части, по Малой Дворянской улицѣ, въ домъ г. Беркова (№ 19).* Для удобства, петербургскимъ подписчикамъ, кромѣ редакціи, можно подписываться и въ конторѣ «Разсвѣта», при книжномъ магазинѣ А. И. Давыдова.

За исправную доставку журнала лицамъ, подписавшимся въ какихъ-либо другихъ мѣстахъ, редакція не отвѣчаетъ.

Редакція покорнѣйше просить гг. подписчиковъ, требующихъ увѣдомленія о полученіи денегъ, считать высылку журнала за удостовѣреніе въ полученіи редакціею или конторой подписныхъ денегъ, а почтовые росписки въ отправки денегъ — за документъ для отчетности; *еслиже этого недостаточно, то при требованіи увѣдомленія должно прилагать почтовую марку.*

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ

ОСЛОВЕННІЙ ДЛЯ УСТРОЕНІЯ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВѢДЕНІЯХЪ

ПОДВѢДОМСТВЕННЫХЪ

МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

(ГОДЪ ПЯТЫЙ)

Въ будущемъ 1862 году «Подснѣжникъ» будетъ издаваться въ томъ же духѣ и направленіи, которымъ слѣдуетъ доселѣ. Увеличивающіяся требованія на нашъ журналъ со стороны учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія, убѣждаютъ насъ, что «Подснѣжникъ» достигаетъ своего назначенія — по возможности удовлетворять современнымъ требованіямъ, предлагая раннему возрасту обоего пола разнообразный и полезный источникъ чтенія. Единственная цѣль настоящаго объявленія есть та, чтобы заявить читателямъ о продолженіи изданія въ будущемъ 1862 году, и просить, въ избѣжаніе замедленія высылки книжекъ гг. подписавшимся не въ началѣ года, присылать свои требованія *заблаговременно*.

Въ составъ журнала входятъ: **стихотворенія, нравственныя рассказы, повѣсти, сказки**; помѣщаются также **отрывки и сокращенія** изъ сочиненій, которыя хотя написаны и не для ранняго возраста, но имѣютъ, по своему значенію и направленію, благотѣльное вліяніе на развитіе въ юношествѣ правильныхъ понятій о нравственномъ, прекрасномъ, о добрѣ и истинѣ; далѣе **путешествія**, статьи содержанія серьезнаго и преимущественно: **а., по части исторіи, какъ всеобщей, такъ и отечественной, и б., по части естествознанія во всѣхъ его отрасляхъ**. Въ отдѣлѣ для серьезнаго чтенія помѣщаются между прочимъ извлеченія изъ ученыхъ статей, появляющихся въ литературѣ и особенно отличающихся нравственнымъ содержаніемъ и художественностью изложенія, съ сохраненіемъ въ статьяхъ такого рода лучшихъ страницъ сочиненій, служащихъ имъ матеріаломъ, если содержаніе ихъ можетъ быть доступно молодому уму.

Въ вышедшихъ №№ «Подснѣжника» за 1861 годъ, помѣщены между прочимъ слѣдующія статьи:

Дробинка, Честность, Кривулекъ, Два живописца, Больница, Болото — рассказы *М. Ростовской*. **Рекомендательное письмо.** — **Поющая кость.** — **Разбитая цвѣточная ваза** (съ англійскаго). — **Подлѣдніе дни карнавала въ Римѣ.** — **Бамбочцо** (черты изъ жизни голландскаго живописца). — **Поль-Пѣтушка.** — **Первые годы дѣтства, О.** — **Дѣдушка и внучка** (составлено по роману Диккенса). — **Мозаисты**, соч. *Ж. Занда*, и проч.

Въ нѣсколькихъ №№ печатались статьи по Русской Исторіи, **Ц. К. Щобальскаго**, подъ заглавіемъ: «Чтеніе изъ Русской Исторіи».

Воздухоплаваніе (его исторія) три статьи съ *шестнадцатью* рисунками. — **Американскій орнитологъ Одиубонъ.** — **Хищныя птицы.** — **Бобры**, съ *тремя* рисунками. — **Рожденіе стрекозъ.** — **Заблудившійся человѣкъ, Сѣрый сорокопутъ, Балъ на островѣ Террневѣ** и другіе рассказы *Одиубона*. — **Освобожденіе Швеціи изъ-подъ власти датчанъ.** — **Герои Калевалы** (три статьи) и проч. и проч.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книжками отъ шести до восьми печатныхъ листовъ (что составляетъ болѣе полуторы тысячи страницъ), съ рисунками, если того требуетъ содержаніе статей.

Цѣна за 12 книгъ въ годъ **шесть** руб., съ доставкою на домъ — **семь** руб., съ пересылкою въ города **семь** руб. **пятьдесятъ** коп., а для учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія **шесть** руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Въ С. ПЕТЕРБУРГѢ — въ конторахъ журнала «Поденѣжникъ»: при книжныхъ магазинахъ *Василія Алексѣевича Исакова*, на Невскомъ проспектѣ, противъ Католической церкви, и *Д. Е. Кожанчикова*, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ *Демидова*.

Въ МОСКВѢ — въ конторѣ журнала «Поденѣжникъ», при книжномъ магазинѣ *Н. Щептина и Комп.*, на Лубянкѣ, въ домѣ *Сисалина*.

Въ ТИФЛИСѢ — у книгопродавца *Беренштама*.

Гг. ивгородные подписчики благоволятъ адресовать свои требованія *исключительно въ редакцію журнала, въ С. Петербургъ, на Мойку, близъ Пивческаго моста, въ домъ княгини Волконской.*

Издатель и редакторъ **В. Майковъ**

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. В. БАЗУНОВА

КОМИССИОНЕРА МОРСКОГО УЧЕНАГО КОМИТЕТА И МОРСКОГО СБОРНИКА

*Въ С. Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста,
въ домѣ Ольжиной.*

Поступили въ продажу :

- УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ.** Романъ въ четырехъ частяхъ съ эпилогомъ. *Ф. М. Достоевскаго.* Второе, исправленное изданіе. Въ двухъ томахъ. Цѣна за два тома 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.
- РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ.** Комическая поэма изъ Гёте. Перев. *М. Достоевскаго.* Спб. 1861. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
- СТИХОТВОРЕНІЯ Н. Некрасова.** Изд. 2. Съ изданія 1856 года, съ прибавленіемъ стихотвореній, написанныхъ послѣ этого года. 2 ч. Спб. 1861. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.
- КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО** въ царствѣ Польскомъ. Отрывки изъ новѣйшихъ польскихъ экономистовъ, собранные графомъ Севериномъ-Урускимъ. Перевелъ *Е. Моллеръ.* 2 ч. Спб. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.
- ОЧЕРКИ АНГЛІЙСКИХЪ ПРАВОВЪ.** Приключеніе въ несовѣтъ порялочномъ обществѣ. Спб. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.
- МѢСЯЦЪ ПЛѢНА У КОКАНЦЕВЪ.** Соч. *Н. Северцова.* Съ картою называемъ Сыръ Дарынъ. Спб. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.
- ИСТОРИЯ РЫЦАРСТВА.** Соч. *Рау.* Перев. *Г. В.* Съ шестью литографированными картинами. Спб. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.
- РАЗСКАЗЫ Я. П. Полонскаго :** Квартира въ татарскомъ кварталѣ, Ти-флисскія сады, Статуя весны, Груша, Домъ въ деревнѣ. Спб. 1 руб. 50 к., съ перес. 2 р.
- ГИГИЕНА.** Руководство къ сохраненію здоровья. Состав. *С. Барановскій.* Спб. 1860. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
- ОБЩЕПОЯТНАЯ ЖЕНСКАЯ ГИМНАСТИКА.** Перев. *А. Гремниа.* Съ 27 рисунками въ текстѣ и листомъ нотъ. Спб. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

ВЕСЬМА ПОЛЕЗНЫЯ И МНОГИМИ ОПЫТАМИ ОПРАВДАННЫЯ СРЕДСТВА отъ зубной боли, кровоточенія изъ десенъ, уничтоженія изъ рта дурного запаха и «люсовъ»; также отъ матежей, бородавокъ, мозолей, веснушекъ, пятенъ и прыщиковъ на лицѣ, угрей, ушибовъ, ожоги, ознобленныхъ членовъ и сохраненія и отрощиванія волосъ; съ прибавленіемъ статьи о разныхъ ваннахъ, приготовленіи ихъ и употребленіи. Соч. химика доктора медицины Гюге. Спб. 1860. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

СОКРОВЕННѢЙШІЯ ТАЙНЫ ЖЕНЩИНЪ или искусство нравиться мужчинамъ. Искренняя исповѣдь одной свѣтской дамы. Спб. 1861. Ц. 30 к., съ перес. 50 к.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПЧЕЛОВОДСТВО или правила для любителей пчелъ, извлеченныя изъ сорокалѣтняго опыта. Съ объясненіемъ вновь колокообразнаго улья и другихъ. Соч. Н. Витвицкаго. 5 т. Спб. 1861. Ц. 4 р., съ перес. 5 р.

КУНО ФИШЕРА три вступительныя лекціи изъ исторіи новой философіи. Перев. съ нѣмецкаго П. А. Соляникова. Спб. 1861. Ц. 40 к., съ перес. 60 к.

ОБЪ ИЗУЧЕНІИ ХИМІИ. Соч. Отто Эрмана. Изд. Ю. Лугинина. Спб. 1861. Ц. 60 к., съ перес. 85 к.

МАЛЕНЬКІЕ НАТУРАЛИСТЫ или семейныя бесѣды о животныяхъ, растеніяхъ и минералахъ. Соч. г-жи Ульянъ-Тремандеръ. Перев. г-жи Ротчевой. Съ рисунками, гравированными на стали 2 тона. Спб. Ц. 3 р., съ перес. 4 р.

ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЯ ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ для милыхъ дѣтей. Состав. К. С. Дьяконовъ. Съ 8 картинами. Спб. 1861. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ОБЪЯСНЕНІЕ 7000 иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ употребленіе въ русскій языкъ. Составилъ Михельсонъ. М. 1861. Ц. 1 р. 50 коп., съ перес. 2 р.

СОВРЕМЕННЫЙ ВОПРОСЪ О ЦАРИСТВѢ. Спб. 1861. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

ПО ВОПРОСУ О ПРОДАЖѢ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ. І. Шилля. Спб. 1861. Ц. 40 к., съ перес. 60 к.

ВЕЛИКОРУССКІЯ ЗАГАДКИ. И. А. Худякова. М. 1861. Ц. 60 к., съ перес. 80 к.

СПОСОБЪ достигнуть глубокаго вѣка. По аббату іезуиту Лессію и Людвигу Корнаро. Перев. съ французскаго Нв. Ильинскимъ. Спб. 1859. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА

Городъ и деревня. Повѣсть въ двухъ частяхъ. Н. Бунашова.	
Часть первая	5
Часть вторая	362
Отъ Босфора до Персидскаго залива. Изъ записокъ, веденныхъ во время четырехлѣтняго путешествія демаркаціонной комиссіи по Турціи и Персіи. М. Г.	59
Хозяинъ. (Посмертное стихотвореніе). И. С. Никитина	121
Житейскія сцены: І. Крестница. Н. Свѣдалье. А. Н. Плещеева.	126
Былое. Стихъ. Владиміра Тихановича.	177
На плотинахъ. Стихъ. Его же	179
Колодець. Сцены изъ народной жизни. В. Катаренцаго.	181
Мысли по поводу современнаго движенія въ русскомъ педагогическомъ мірѣ. П. Казанскаго.	212
Бѣглый. Стихъ. Я. П. Полонскаго	222
По поводу уничтоженія откупной системы и замѣны ея акцизной.	
І. Шилля. Статья вторая.	224
Теоретическій очеркъ исторіи. (Статья Гервинуса).	244
Семейство въ рабочемъ классѣ во Франціи. (L'ouvriѣre, par Jules-Simon). Д. Ѳ. Щеглова	287
Записки изъ Мертваго Дома. Ѳ. М. Достоевскаго.	325
Актеры. Стихъ. А. Апхутина	410
Феноменологія войны (по поводу новой книги Прудона: La guerre et la paix) П. Бибикова	412
Отсталая. (Повѣсть). Юліи Жадовской	438
Афротенбургъ. (Подражаніе Гейне). Стихъ. Стравнопольскаго	519
Обстоятельства, приготовившія оялу Эрнста-Іоанна Бирена, герцога курляндскаго. Подлинная записка Бирена съ примѣчаніями М. Хмырова	522
Очерки прошлаго (ремонтёры прежняго времени). А. Чужбинскаго.	623
Молодца. Стихъ. В. Тихановича	696
Не здѣсь, идѣ слышны трескъ и шумъ. Стихъ. Ѳ. Берга.	699
Когда я въ глубокой могилѣ. Стихъ. Стравнопольскаго	700

КРИТИЧЕСКОЕ ОБЗРѢНІЕ

Исторія англійскихъ университетовъ. В. Игнатовича	1	✓
Физиологія обыденной жизни. Соч. Г. Г. Льюиса. Переводъ съ англійскаго професоровъ московскаго университета С. А. Рачинскаго и Я. А. Борзенкова.	50	✓
Рядъ статей о русской литературѣ. Статья пятая. Последнія литературныя явленія: I. Газета «День». II. Вопросъ объ университетахъ.	64	✓
Литературные законодатели. Письмо въ редакцію «Времени», по поводу статьи: Литературные рабочіе. (Современникъ № X). Н. Коси	105	
Жизнь графа Сперанскаго. Два тома. Изд. императорской публичной библіотеки. Соч. барона М. Корфа	119	✓
Рассказы Н. В. Успенскаго	176	
Литературныя воспоминанія И. Панаева. Часть вторая. (Современникъ 1861 г. кн. IX, X, XI).	184	✓
По нѣскольку словъ о нѣкоторыхъ хорошихъ книгахъ.		
Географическіе очерки и картины. Составлены по Грубе. — Этюды. Популярныя чтенія М. Г. Шлейдена. Пер. Я. Кашиновскаго. — Растеніе и его жизнь. Популярныя чтенія М. Г. Шлейдена. Пер. Сергѣя Рачинскаго. — Растеніе и его жизнь. Популярныя чтенія Шлейдена. Пер. Павла Ольхина. Картины растительности земнаго шара, Людвигъ Рудольфа. По нѣмецкому подлиннику составилъ А. Бекетовъ. — Вода. Э. А. Россмэслера. Пер. А. Андрияновъ и М. Яблонскій.	198	✓

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЗРѢНІЕ

Французскія дѣла. — Заемъ. — Безденежье — передъ деньгами.	1	
Австрійскія дѣла. — Сила права и право силы	11	
Турецкія дѣла. — Панславяскій союзъ	19	
Ояцке положеніе. — Всемирная война. — Способы нападенія и защиты. — Утопія вѣчнаго мира	24	
Последнія извѣстія.	29	
Англійскія дѣла. — Трентъ и Сан-Яцинто. Столкновеніе съ Соединенными Штатами. — Англійскій ультиматумъ. — Газетныя толки	33	
Французскія дѣла. — Участіе Франціи въ англійско-американскомъ столкновеніи. — Мексиканскій походъ.	47	
Австрійскія дѣла. — Смытъ въ 1862 году. — Оутторинское вторженіе австрійскихъ войскъ.	52	
Итальянскія дѣла. — Неаполитанскіе рабочіе. — Открытіе палаты. — Неаполитанская оппозиція. — Денежныя дѣла	57	
Последнія извѣстія — Общее положеніе	68	

Наша домашняя дѣла. (Современныя замѣтки).

Отчеты: по министерству внутреннихъ дѣлъ и по комиссiи для разбора дѣлъ между рядчиками и рабочими. — Предположенiя объ устройствѣ земскихъ повинностей. — По устройству общественныхъ пожарныхъ командъ. — Размышленiе о будущей общности сельскихъ интересовъ. — Два случая изъ сельскихъ выборовъ. — Два слова, мѣшающiя введенiю уставныхъ грамотъ. — Разсказъ о московскомъ съѣздѣ. — По части образованiя: вопросъ изъ *Розбишевски*; волостныя школы въ порховскомъ участкѣ; сельскiя школы въ новогородскомъ уѣздѣ; награда дѣвицѣ *Вурской*. — Нѣчто о прочности и годности воскресныхъ школъ. — Измѣненiя въ положенiяхъ о стрѣльномъ училищѣ и институтѣ путей сообщенiя. — Кончина Н. С. Никитина 1

Замѣтка по поводу статьи «О рукописяхъ Гоголя» 29

Некрологъ: Николай Александровичъ Добролюбовъ 31

Записки моего знакомаго. Н. Белопольскаго 33

О русскомъ расселенiи и о политико-экономическомъ комитетѣ. (Замѣтка на статью: «Вопросъ о колонизацiи». *Время*, № IX. Смѣсь). Н. Дѣскова 72

Наша домашняя дѣла. (Современныя замѣтки)

Нѣчто по предмету вѣдомостей о нерѣшенныхъ дѣлахъ. — Женское промышленное движенiе. — Одна черта, относящаяся къ безденежью. — Торговое движенiе въ Одессѣ. — Переселенцы. — Японская шхуна въ Николаевскѣ и русская азбука въ Хакодате. — Продолжающiяся *внушенiя* о воспитанiи народа. — Опять объ уставныхъ грамотахъ. — Кирсановскiя прижимки. — Мѣстныя и личныя черты: отрѣшенiе старшины; предложенiе о розгѣ; жестокой волостной судъ. — Какъ въ черниговскомъ уѣздѣ читали Положенiе. — Взаимное страхованiе — О балотировкѣ. — Предположенiя о московскомъ ремесленномъ заведенiи. — *Что городъ, то порокъ*. — Пироговская премiя. — Нѣчто о раскольникахъ и нѣчто о чиновникахъ. — Новыя, возобновленныя и преобразованныя газеты и одинъ журналъ прекращающiйся 87

Полемическiй случай съ «Основой» и «Сiономъ» 114

Дворянинъ, желающiй быть крестьяниномъ 117

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы до отпечатанiя представлено было въ Ценсурный Комитетъ законное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 28 декабря 1861 года
 Ценсоръ *Ф. Веселазъ*

FEB 23 1928

